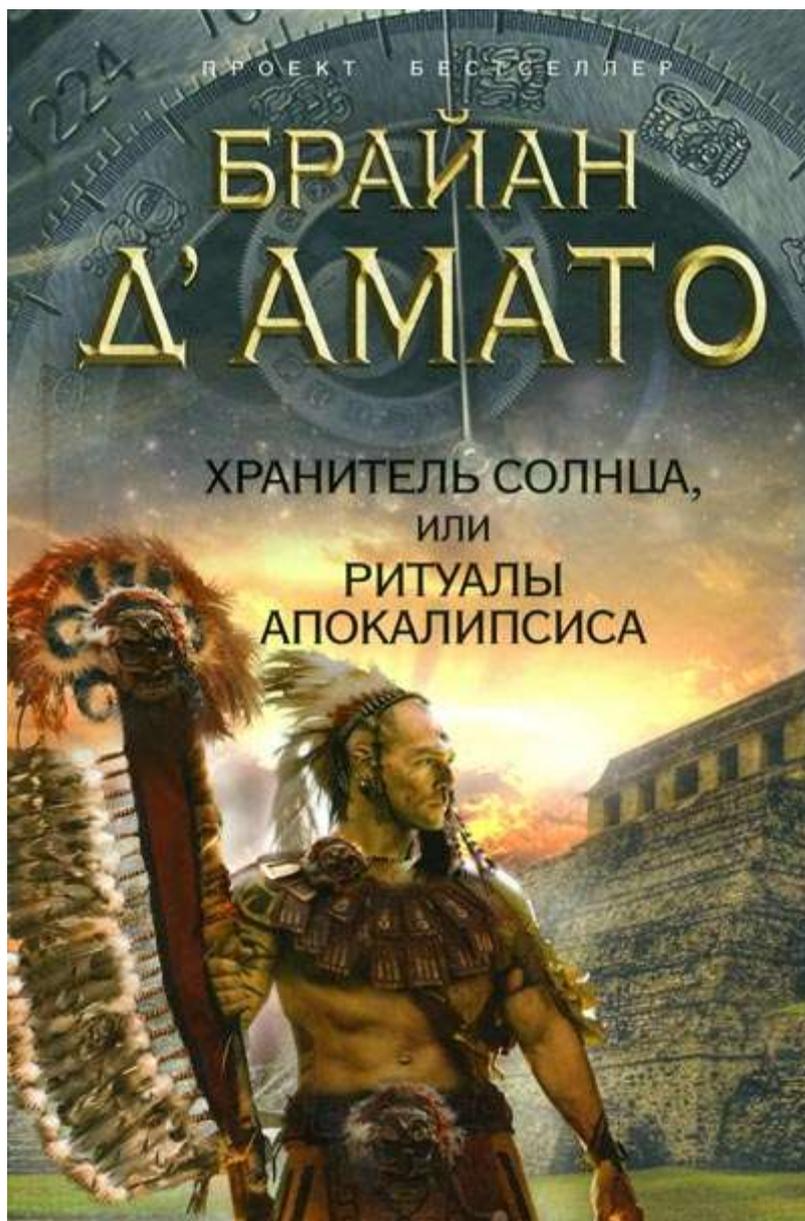

Брайан Д'Амато
Хранитель солнца, или Ритуалы Апокалипсиса

www.megabook.do.am

Брайан Д'Амато
«Хранитель солнца, или Ритуалы Апокалипсиса»

Посвящается Энтони Д'Амато, автору книги «Юриспруденция: описательный и нормативный анализ закона» и ряда других работ в области юриспруденции и философии, а также композитору, создавшему мюзикл «Обратный адрес – Бродвей» и многие другие музыкальные произведения

О произношении

Большинство майяских слов написаны в соответствии с орфографией, рекомендуемой Гватемальской академией языков майя. Специалисты могут, однако, заметить, что некоторые

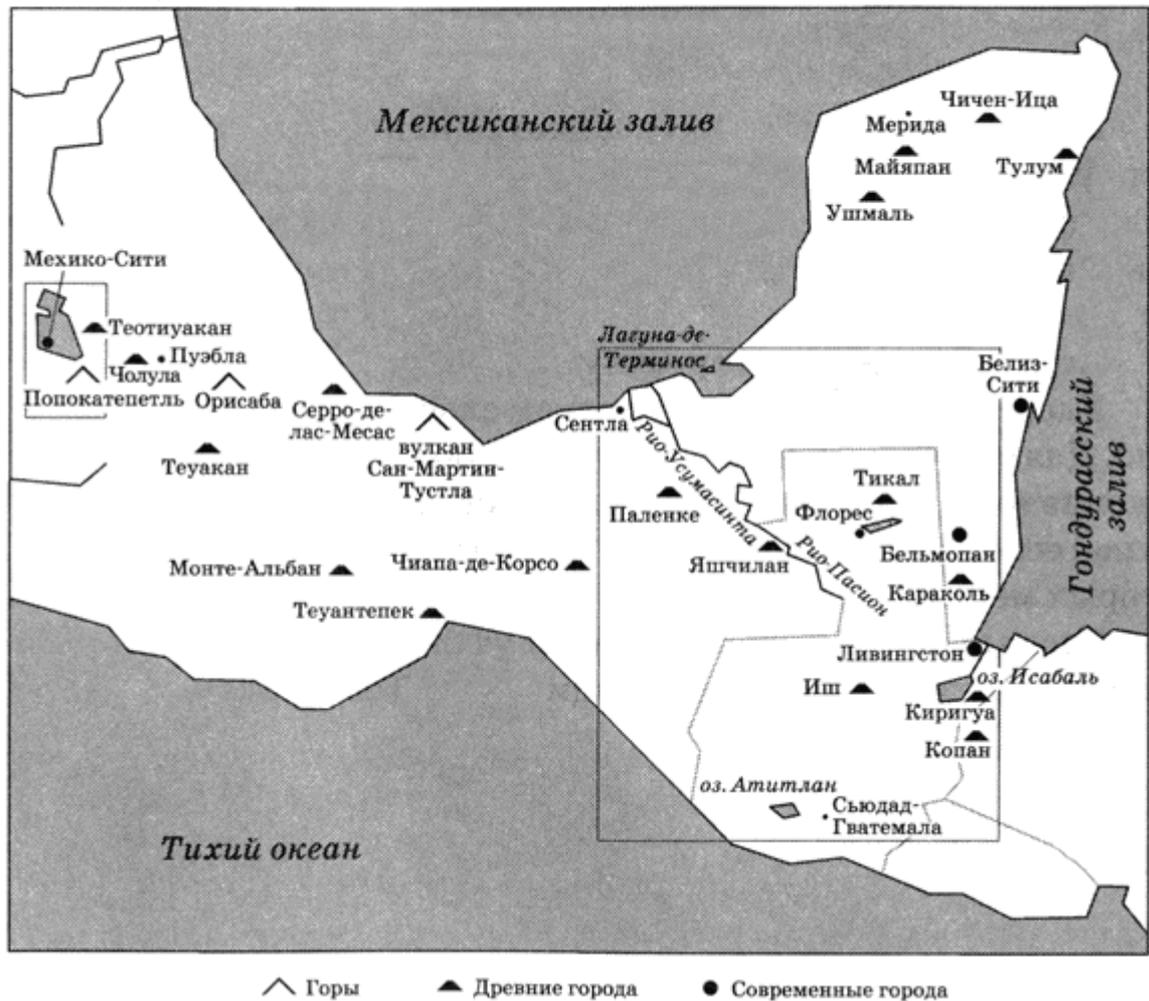
слова переданы в чоланской традиции, использующей обычно «ч» вместо «к».

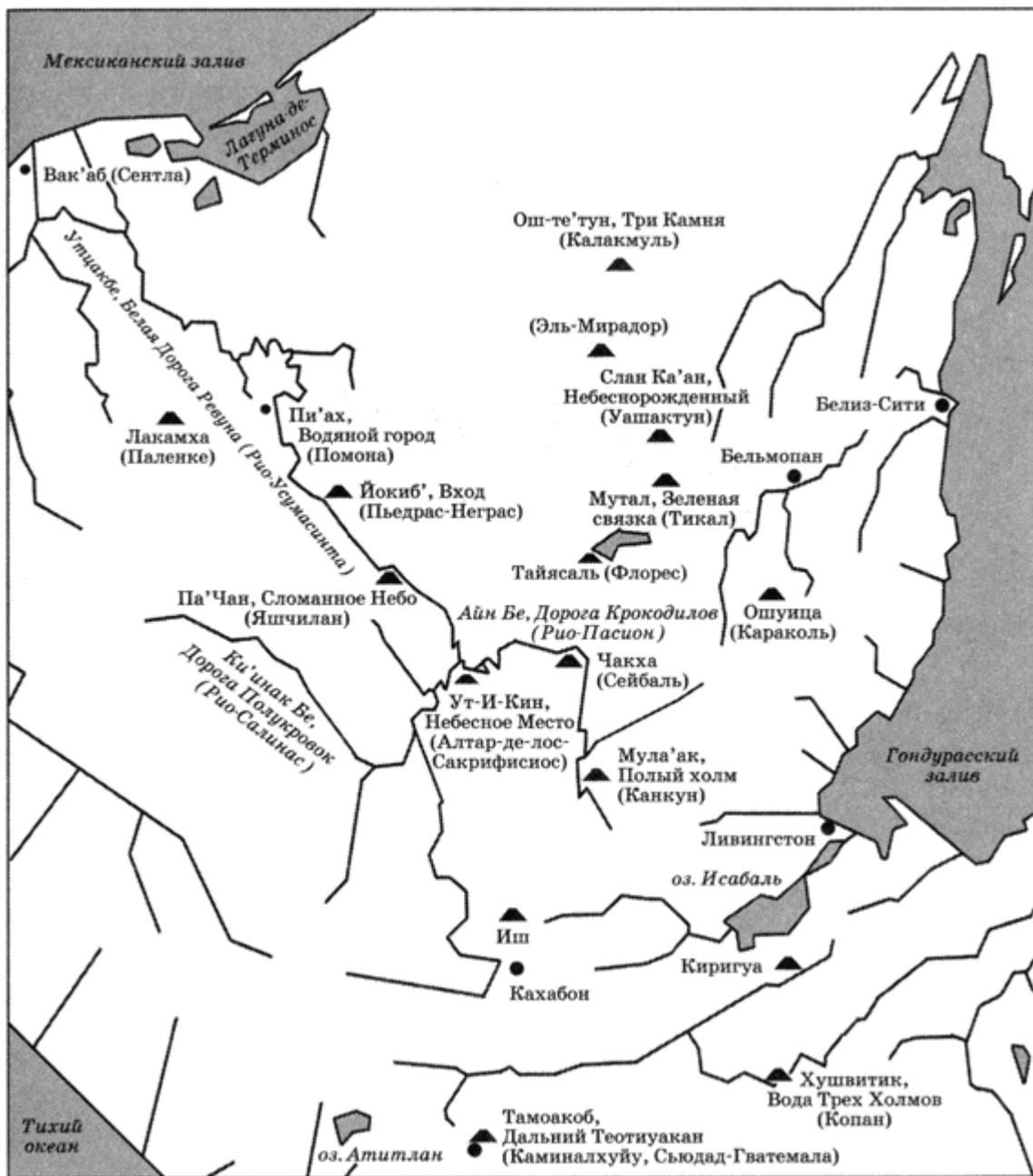
Апостроф означает гортанную смычку.

Ударение ставится на последнем слоге, однако оно ослаблено. Для смысловых оттенков используются повышение и понижение тона. В метрике языка распространено короткое двустипение; его определенную ритмику автор пытался передать в некоторых местах.

Слова на теотиуаканском имеют ударение на предпоследнем слоге, как, например, в названии города Теотиуакан.

Мезоамерика

▲ Древние города   ● Современные города   (Современные названия в скобках)

Ноль

(0)

Первое, что я увидел, была красная точка на бирюзовом поле. Потом выше и чуть левее появилась вторая, а под ней, совсем рядом, расцвела третья, затем еще и еще, пять, девять, тринадцать... Их становилось все больше, они расширялись, а соприкоснувшись, сливались и текли струйками, и наконец я понял, что это моя собственная кровь капает у меня с языка на синюю жертвенную бумагу.

Получилось, подумал я. Ничего себе!

На дворе не 2012 год. А 664-й. И сегодня 20 марта. Или, по майяскому календарю, 3 Сотрясателя Земли, 5 Дождевой лягушки, одиннадцатого уинала, одиннадцатого туна, одиннадцатого к'атуна, десятого б'ак'туна. И сейчас 4.48 утра воскресенья.

Ммм.

Думаю, случившееся мало чем отличалось от любой другой капитальной смены образа жизни; осознание приходит только после отстраненной, внимательной переоценки событий, ну, что-нибудь типа: меня и в самом деле арестовывают, меня пырнули ножом, я женюсь, у меня родился ребенок, мне действительно делают тройное шунтирование, здания вокруг и вправду рушатся – и каждый раз тебе кажется, что ничего более серьезного не происходило ни с тобой, ни с кем другим. Niño de puta,¹ мысленно выругал я себя. Потом поднял голову и посмотрел на небо через маленькую трапециевидную дверь. Оно приобрело фиолетовый предрассветный оттенок. Я никогда не видел столько звезд сразу, вплоть до четвертой величины. Звездные потоки, скопления, бесконечные миры... Да, смещения очевидны, но Таро так рассчитал время загрузки, чтобы кончик сигары Оцелота Один (Альгениб в созвездии Пегаса) оставался в четырехугольном проеме почти в прежнем положении – чуть правее центра. Слева от него на полпути к Хомаму сверкала новая звезда достаточной яркости, что позволяло идентифицировать ее как гамму Андромеды. Лет через сто она, вероятно, померкнет, иначе аль-Хорезми² упомянул бы ее.

«Неверомыслимохренительно!» – воскликнул я про себя.

Они и в самом деле все точно рассчитали. Кутеж продолжается в том же месте, но в другом времени. Хотя, конечно, мое местоположение во Вселенной изменилось. Впрочем, какая разница. Солнечная система прошла большое расстояние за 1347 лет, но я находился в той же точке Земли – в крохотной комнатке у вершины самой высокой пирамиды города Иш в центральной Гватемале. В департаменте Альта-Верапас, как назовут его спустя столетия. Сейчас на стенах святилища плясали ярко-желтые отблески факелов, колонки витиеватых глифов были гладкими, без изъянов, и многоцветными – черными, синими, карминовыми. А город внизу жил. Я слышал шум толпы, точнее, ощущал, как от ритуальных песнопений вибрируют камни. Суть в том, что, с моей точки зрения, я остался в пространстве на прежнем месте. Однако...

Ммм. Я чуть не сказал, что совершил огромный скачок назад во времени. Но мне не хотелось бы начинать с дурацких упрощений.

Грустная действительность заключалась в том, что вероятность путешествий сквозь века сводится к нулю. То есть в прошлое пути нет. Если ты хочешь поскорее попасть в будущее, просто заморозь себя. Но вернуться назад абсолютно, однозначно и категорически невозможно по ряду хорошо известных причин. Одна из них – «парадокс дедушки», суть которого в следующем: если ты, оказавшись в прошлом, случайно или намеренно убьешь своего деда еще до его близкого знакомства с твоей бабушкой, твое рождение становится более чем проблематичным. Другая причина связана с законами физики: допустим, тебе удалось счастливо миновать роковой встречи с предками, но на твоём теле почти наверняка

---

¹ Сукин сын (*исп.*). (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчика.)

² Мухаммед бен Муса аль-Хорезми (ок. 783 – ок. 850) – узбекский математик, астроном и географ.

останутся некоторые молекулы, принадлежавшие более молодому «я». А одна и та же молекула не может находиться в двух разных точках одновременно. Третья причина – чисто механического свойства. Единственный путь в прошлое – это знаменитая «кротовая нора».³ Но перемещать материю через «кротовую нору» – все равно что прокрутить вазу мейсенского фарфора через мясорубку. На выходе получим нечто смятое, искореженное или раздробленное, ни для чего не пригодное.

Но... но... есть и обходной путь.

Специалисты из лаборатории Уоррена утверждали: даже если нельзя отправить в прошлое вещество, то не исключены другие варианты. Пусть мы не можем протолкнуть через время материальный предмет – но кто мешает экспериментировать с иной субстанцией? Ведь есть что-то – и есть ничто. Грубо говоря, электромагнитное поле. И вот эти умники разработали способ проводить импульсы энергии через крохотную трубку Красникова.⁴ И пришли к выводу: комбинация таких вспышек несет некоторую информацию. Да что там некоторую – массу информации. В сигнале, полетевшем назад, сквозь века, в закодированном виде содержалась целая эпоха очищенных воспоминаний, практически все, что создает иллюзию, называемую «самоощущение». В данном случае мое собственное.

Конечно, тут же возникает очередная проблема: на другом конце должны находиться приемник и некое запоминающее устройство. А в той эпохе, которая нас интересовала, не было ни спутниковых тарелок, ни винчестеров, ни кремнивых чипов, ни коротковолновых антенн, ни даже детекторных радиоприемников. Около 664 года существовал один-единственный прибор, способный принять и сохранить столько информации: человеческий мозг.

Я попытался скосить глаза в сторону, и у меня получилось. Моя правая рука – та, которая держала терниевую бечеву, – оказалась крупной и мускулистой, с обширной мозолью у основания ладони. Ногти были длинными и заостренными, инкрустированными Т-образными сердоликовыми бобышками, а пальцы украшала татуировка – красные и черные ленты, напоминавшие кольца на шкуре коралловой змеи. Нефритовый браслет охватывал руку от запястья чуть ли не до локтя, и его покрывала корка ярко-синей глины. Так же, как часть моей обнаженной груди и похожее на кочан цветной капусты левое колено.

Что ж, команда Чумовой пятницы не ошиблась. Я и в самом деле находился в теле другого человека. А точнее, в мозгу некой личности по имени 9 Клыкастый Колибри.

Мы – я говорю о нас, ребятах из проекта Уоррена, – кое-что знали об этом типе. Он был патриархом клана Оцелот и ахау (то есть царем, или правителем, или диктатором) города Иш и приблизительно двух тысяч окрестных поселений. Он являлся сыном двенадцатого ахау, по имени 22 Горящий Лес, и госпожи Ураган. Сегодня ему исполнилось сорок восемь лет и шестьдесят один день. Вождь сидел здесь и постился уже около сорока двух часов. Он собирался выйти отсюда на рассвете, чтобы возглавить церемонию возведения на трон и стать ахау еще на двадцать лет.

В пяти дюймах к северу от моего колена стояла чаша с горячими углями. Я без всякой мысли отлепил пропитанную кровью бумагу от тростниковой подстилки и поднес ее к жаровне. Несколько мгновений мерцающие огоньки просвечивали сквозь лист. Я увидел глифы на другой стороне, фразу «Охраняй нас, защищай нас» и профиль орла:

---

³ «Кротовая нора», также «кротовина» или «червоточина» – гипотетическая топологическая особенность пространства и времени, представляющая собой в каждый момент времени туннель в пространстве.

⁴ Красников Сергей Владиленович (р. 1961) – российский физик и математик. Трубка Красникова – гипотетический механизм путешествий в пространстве, подразумевающий искривление пространства-времени в постоянный сверхсветовой туннель.

Если говорить точнее, это был орел-гарпия, *Thrasyaetus harpyia*. По-испански – *agría*, а на майяском – хунк’ук, «золотой потрошитель». Ацтеки называли его «крылатый волк». Тотем клана, моего клана, то есть клана того человека, чей мозг я реквизировал. А бумага представляла собой послание моих соплеменников к Оцелоту Один – тому, что в Чреве небес. Я автоматически сложил липкий листок треугольником (мои пальцы выполнили довольно сложные манипуляции, не проще чем при изготовлении журавлика оригами, но я, вернее прежний владелец моего тела, судя по всему, совершал подобные движения сотни раз) и бросил его в чашу. Вероятно, письмо пропитали медными солями, потому что оно зашипело, а потом занялось зеленым пламенем.

Язык у меня вдруг завибрировал. Я поджал его – нет, постой. Я поджал...

Гм. Ничего не произошло.

Я попытался проглотить слюну, а потом просто прикусить язык. Но у меня лицо словно замерзло. Мышцы не слушались.

«М’аш эче? – подумал я на чоланском. – Кто ты?»

Нет, постой.

Это не я подумал. Мысль пришла откуда-то со стороны.

Словно кто-то заговорил со мной, хотя на самом деле я ничего не слышал, кроме гудения толпы внизу на площади, глухих ударов щелевых барабанов из кедра, отбивающих нечетный ритм пять четвертей. Как будто я прочитал что-то прежде, и теперь строчки, написанные прописными буквами, ползли перед моими глазами. Безмолвный вопрос разрывал мозг. Слова казались громкими и навязчиво раздавались в ушах помимо моей воли.

«М’аш эче?»

Вот дьявольщина.

Похоже, я не один.

В помещении никого. Кто-то чужой присутствовал в моей голове.

О соño Dios.⁵

Дело в том, что первый этап программы Чумовой пятницы должен был стереть воспоминания мишени, чтобы мое сознание могло работать с чистого, так сказать, листа. Но в этой части процесса явно произошел сбой. Потому что вождь все еще полагал, что он – это он.

«М’аш эче?»

«Меня зовут Джед де Ланда», – мысленно ответил я.

«Б’аш ука’ах чок б’олеч тен? – Зачем ты вселился в меня?»

Да ничего я не вселился, подумал я. Как бы это объяснить... Я нахожусь внутри, потому что... потому что мое сознание вложили в тебя...

«Т’ече гун балмак? – Ты Оцелот Один?»

«Нет, – слишком быстро отреагировал я. – Я хочу сказать...»

Черт возьми. Глупо.

«Брось ты, Джед», – успокоил я себя.

Это типа того, что Уинстон говорит: если у тебя кто-то спрашивает, не бог ли ты, отвечай – «да».⁶ Понял? Отлично.

Ну, поехали.

---

⁵ Нецензурное выражение (*исп.*). Приблиз.: «В бога твою мать». (*Прим. ред.*)

⁶ Имеется в виду фраза героя фильма «Охотники за привидениями» (режиссер Айван Райтман, 1984 г.) Уинстона Зеддмора: «Если у тебя спросят, бог ли ты, отвечай – “да”».

«Да, – я старательно подбирал слова, – я и есть Оцелот Один. Оцелот из Оцелотов. Я Оцелот, великий и могучий...»

«Ма-и'х тек. Ты не Оцелот».

Нет, Оцелот, упорствовал я... О demonio.⁷ Этого парня не так-то легко обмануть. И неудивительно. Он читает мои мысли. И хотя ахау выражался на древнечоланском, а я – как обычно, на смеси испанского, английского и позднего, выродившегося чоланского, мы полностью понимали друг друга. И вообще, наш разговор напоминал не препирательство двух разных людей, а спор с самим собой.

«Джед, наверное, стоит поступить вот так». – «Нет, Джед, следует сделать по-другому...» Вот только одна сторона этого внутреннего диалога чувствовала себя легко, уверенно, а другая – моя – с трудом подыскивала аргументы.

Зачем ты захватил меня, зачем овладел мной?

«Что? воскликнул я беззвучно. – Я пришел, чтобы научиться игре под названием “Жертвоприношение”. И это правда».

«Зачем?»

«Ну, затем... затем, что я явился из тринадцатого б'ак'туна. Наступили последние дни мира. Нам грозит очень, очень серьезная опасность. Игра может спасти нас от гибели».

«Убирайся», – подумал он.

«Не могу».

«Убирайся».

«Извини, но я правда не могу. Ты тот, кто...»

«Им от' шен. Убирайся из моей кожи».

«Не получится, – ответил я. – Но послушай, а что, если...»

«Тогда спрячься, – велел он. – Затаись, сиди спокойно, молчи».

Я заткнулся. Мне все это начинало не нравиться.

Моя рука поднялась к открытому рту и сжала колючий шнурок – терниевую бечевку, протетую через середину языка. Я дернул. Пять узлов прошли сквозь отверстие, разбрызгивая кровь, но наконец удалось вытащить все наружу. Ух ты, больно, довольно равнодушно отметил я. Вообще-то, находясь в прежнем теле, я вопил бы целый час, но теперь даже не пикнул. Еще более странная штука: исчез страх, древний гемофилический страх истечь кровью, от которого я никак не мог избавиться, пока был в шкуре Джеда. Я скрутил бечевку и бросил ее в огонь – так же механически, как катапультировавшийся летчик дергает кольцо парашюта. Она почернела и съежилась, и кровавой дымком наполнил комнату острым медным запахом.

Я проглотил большой сгусток крови. Вкусно. Пение снаружи стало громче. Хотя чоланский изрядно отличался от своей реконструированной версии двадцать первого века, я смог разобрать слова:

Уук ахау к'аломте йахос...

Владыка, великий отец,
Дедушка-бабушка
Нефритовое Солнце, Нефритовый Оцелот,

Пленитель 25 Поединщика из озера Трех Гор,
Пленитель 1000 Душителя из Сломанного Неба...

Наши ноги распрямились. Наши руки поправили прическу – она напоминала высокую жесткую подушку, набитую кошачьей шерстью, – но не отерли кровь с лица.

---

⁷ Дьявольщина (исп.).

Пленитель 17 Песчаной бури из Опаленной Горы.

Кормитель, страж,
Нефритовый 9 Клыкастый Колибри,

Когда ты в следующий раз
Появишься из своей небесной пещеры,
Чтобы услышать нас, посмотреть на нас?

Мы подползли к крохотной двери, опустили голову пониже и на четвереньках выбрались на свежий воздух. Людская толпа на площади внезапно замолкла, а потом раздался общий вздох, такое количество легких вобрало в себя воздух, что, казалось, упало атмосферное давление. Мы поднялись. Нефритовые чешуйки и колючие устричные бусинки бряцали, царапая кожу. Возникло ощущение, что вся кровь, которая еще оставалась в этом теле, вытекла из раны на языке. Наверное, в любой другой день сознание покинуло бы нас, но сегодня некий высший гормон удерживал его, и мы даже не пошатнулись, встав на ноги, хотя сандалии на высокой, дюймов в восемь, платформе больше походили на ходули. Определенно я был меньше ростом, чем Джед. А еще легче и сильнее. И вовсе не чувствовал себя на сорок восемь лет. Скорее на шестнадцать. Странно. Я огляделся. Внизу, под нами, лежал Иш, защита мира.

Наши глаза впитывали удивительное зрелище всего лишь две с половиной секунды, а потом снова обратились к Альгенибу. Но столь краткого промежутка времени вполне хватило, чтобы понять: никто из нас в 2012-м (или, если уж на то пошло, на протяжении пяти предшествующих веков) не имел ни малейшего представления о том, как на самом деле выглядело это место.

Мы совершили нечто похуже ошибки, сказал я себе. Проявили глупость. Словно брели по пустыне и нашли пять выбеленных солнцем костей из примерно двухсот шести, составляющих человеческий скелет, но вместо того чтобы установить пол, возраст, генетическое наследие и другие достоверные данные, которые можно получить на основании нескольких ребер и позвоночника, и на этом успокоиться, сочинили целую историю о том, какая это была женщина, как она жила, какие имела привычки, как одевалась, как звали ее детей и все такое, а потом сели писать ее биографию – с бежевыми круговыми диаграммами и безжизненными грязноватыми иллюстрациями гуашью. И вот теперь я видел перед собой эту женщину вживую, и она не только отличалась от нашей реконструкции физически, но и ее личность, история жизни и место во Вселенной ничуть не совпадали с нашими прозаическими догадками.

Остатки сыпучих руин, дотянувшие до двадцать первого века, являли собой лишь пять процентов истории – всего-навсего каменный фундамент города, который был не столько построен, сколько сплетен, свит, связан, сшит из тростника, реек, камыша, город-корзинка, до такой степени не похожий на воображаемый, что я даже не мог различить известные мне памятники. Мы стояли лицом на восток перед рекой, смотрели в сторону Серро-Сан-Энеро, самой высокой вершины в гряде, что опоясывала долину Иша. Гора извергалась, выкидывала вверх фонтан пепла, черневшего на фоне предрассветного сиреневого неба... Нет, погоди-ка, подумал я. Это же не вулкан – быть такого не может. Наверное, там разложили костер из веток гевеи... Но и другие горы изменились – прежде тут рос лес, а теперь обнаженные склоны были иссечены террасами, площадками, которые каскадами устремлялись вниз. Их украшали пучки тростника, торчавшего, как лучи из головы статуи Свободы. Стайки точек или пятен, словом, чего-то неопределенного, маячили наверху и перед горами и башнями. Сперва, разглядывая Иш, я решил, что это иллюзия – может, из-за головной боли рябит в глазах и светящиеся червяки плавают в моих тканевых жидкостях, – но в следующее мгновение сообразил: над городом, словно поднятые ввысь горячим дыханием тысяч людей,

парят воздушные змеи размером с человека, сделанные из перьев, круглые или пятиугольные, многоцветные – черные, белые и красные.

Толпа затянула новое песнопение, уже в новой тональности:

Хун к'ин, ка к'иноб, ош к'иноб...

Одно солнце, потом два солнца, потом три солнца...

De todos modos,⁸ приказал я себе, сосредоточься. Сориентируйся.

Найди какие-нибудь вехи. Где находилась река? По моим представлениям, она должна широко разливаться, превращаясь в озеро, но я нигде не видел воды. Вместо нее передо мной простиралась долина, густо усеянная подобиями плотов из тростника и гигантских каноэ. Между ними извивались ярко-желтые жилы – будто миллионы цветущих бархатцев плыли по течению. На противоположном берегу я различил ряды строений, длинные дома с крышами, похожими на спины стегозавров, башни с контрфорсами и опровергающими законы гравитации свесами. Не иначе их сделали из материала легкого как перышко, к примеру из решеток и кукурузного теста... Но все это я мог только предполагать, потому что на каждой грани, каждой горизонтальной или вертикальной поверхности, от самых вершин до площади внизу, бурлила жизнь. Толпы ахче'ех, Смеющегося народа ишиан, сплошным ковром устлали площади, люди цеплялись за шесты, подмостки и фасады пульсирующей массой, напоминая слой полипов, которые колышутся на скелете тысячелетнего рифа, торчащие над поверхностью воды чашечки горгоновых кораллов. Пустыми оставались только крутые грани четырех громадных мулов, вспомогательных пирамид, поднимающихся над этим бесконечным движением, словно ступенчатая глыба выращенного в лаборатории кристалла. Но даже и пирамиды нигде не обнажали своей каменной сути – все было оштукатурено, покрашено, замаслено, укрыто лепестками, испещрено многослойными пятнами бирюзового, желтого и черного, остроугольными и озорными. Просто рассыпь отравленного печенья! Каждый мул венчал гигантский конек с оперением, извергавший из невидимых ходов дым. Сколько же тысяч людей там находилось? Пятьдесят? Семьдесят? Я видел лишь малую их часть. На площади Оцелотов (а это два с половиной акра) толпилось тысячи две. Допустим, в городе около тридцати таких площадей... а, бог с ним. Не забывай о своей миссии. De todos modos. Где 9 Клыкастый Колибри? Нужно попытаться его отыскать...

Вак к'ноб, вук к'иноб...

Шесть солнц, потом семь солнц...

Опа. О-го-го.

Что-то тут не так.

Мало того, что этот тип все еще оставался в своей голове. Пожалуй, случилась неприятность похуже.

Я прислушался к его мыслям, как он прислушивался к моим. И действительно уловил их – передо мной замелькали образы, морщинистые беззубые лица крестьян, голые зобастые детишки, по-утиному выходящие из домов-шалашей, кровавые следы ног на желтых, залитых солнцем мостовых, большие, тяжелые, яркие резиновые мячи, летящие ко мне свечой сквозь лиловый воздух, отскакивающие прочь... да, это были не царские воспоминания. Каким-то образом до меня дошла его самоидентификация, и я понял, что знаю его имя – Чакал.

---

⁸ В любом случае; как бы то ни было (*исп.*). (*Прим. ред.*)

Не 9 Клыкастый Колибри, а Чакал.

И он не ахау. Ни в коем разе. Я... Он – игрок в хипбол.⁹

Точно. Вышла какая-то серьезная, нехорошая ошибочка.

Этот тип одет как ахау, он находился здесь, в комнате, предназначенной для правителя, но сам он не...

«Болон к'иноб, лахун к'иноб», – распевала толпа.

Девять солнц, потом десять солнц,
Одиннадцать солнц, двенадцать солнц...

Это был обратный отсчет. Хотя и считали они при этом в сторону увеличения до девятнадцати.

Ну ладно, так что за ерунда с этим типом? Он не ахау, но собирается стать им или изображает...

Истина ударила меня по голове, как свинцовый дождь. Чакал занимает место 9 Клыкастого Колибри.

И это не повторное возведение на трон, догадался я. Это подношение. Он – жертва. Добровольная, счастливая жертва. Они отсчитывали время до момента взлета, а точнее, прыжка. После девятнадцати отсчет пойдет до нуля. И я полечу вниз.

Вот те на!

Глупо. Нужно было предусмотреть это. Вероятность достаточно высока.

Тут я вспомнил статью в журнале «Психоаналитика культуры и общества». Она называлась «Царские саможертвоприношения путем передачи полномочий в доколумбовой Америке». Автор выдвигал теорию, по которой в прошлые времена (то есть гораздо более древние, чем эти) ахау властвовал только на протяжении одного к'атуна. К'атун – виценниум, период продолжительностью около двадцати лет. По истечении этого срока, прежде чем одряхлеть и утратить былую политическую мощь, вождь уступал свое место более молодому наследнику, а сам совершал самоубийство. Но однажды некий гениальный ахау решил, что может немного облегчить себе жизнь и в то же время соблюсти все формальности. И вот он устроил пышную церемонию и передал свои регалии и имя кому-то другому (даже не похожему на него и не имперсонатору, а, скажем, пленнику или добровольцу – да кому угодно). На пять дней. С тех пор так и пошло. Избранный временно становился царем, исполнял его обязанности. А потом приносил себя в жертву. Это было подобно сожжению портрета. Живого портрета. А когда все заканчивалось, прежний ахау проводил еще один ритуал, давал себе новое имя и оставался в привычной роли еще на один к'атун.

Замечательно. По крайней мере, ясно, что происходит. А если конкретно: я, черт побери, нахожусь здесь, в чужом теле, в полном одиночестве (и вообще никто из знакомых мне людей пока не родился). К тому же выясняется, что я должен себя убить. Как быть дальше?

Ладно. Только не паникуй. Ты еще можешь все переиграть. Ну попался тебе не тот парень. *Ve al grano*.¹⁰ Невелика беда, верно? К счастью, у нас есть планы и на случай чрезвычайных обстоятельств – всяких малых сбоев вроде этого.

Наряду с командами Чокулы и Чумовой пятницы (я прекрасно понимаю, что злоупотребляю словечками, никому не понятными) Уоррен создал и лингвистическую

---

⁹ Хипбол – от английских слов *hip* (бедро) и *ball* (мяч). У древних майя была распространена игра с мячом, в которой игроки отбивают его бедрами (хотя в некоторых версиях игры разрешалось использовать руки, биты и проч.). Мяч изготавливался из каучука и весил 4 кг и более. Игра зачастую носила ритуальный характер, приурочивалась к важным событиям и нередко сопровождалась человеческими жертвоприношениями.

¹⁰ Перейдем к делу (*исп.*).

исследовательскую группу, которую называли «команда коннектикутских янки». Ее задача состояла в том, чтобы разработать некий комплекс действий при столкновении с подобной проблемой. Они долго натаскивали меня, что делать и/или говорить в экстремальных ситуациях, и я выучил каждый пункт не хуже, чем слова поздравлялки «хеппи бертдей». Для текущего момента мне стоило использовать так называемую вулканическую речь. Отлично. Я пару раз прокрутил ее в «своей» части мозга, не без труда подбирая слова на древнечоланском, который, к собственному удивлению, знал недостаточно хорошо. Bueno.¹¹ Вспомнил. Нет проблем.

Готов? Тогда прокричи: «Я ослепитель!» – и далее по тексту. Люди услышат предсказание, станут ждать, сбудется ли оно, а когда этот хрен начнет извергаться, я приобрету в их глазах большую ценность и меня не убьют. Напротив, возможно, для такого чудесника организуют лавочку, эдакое скромненькое помещенье на пятьдесят, дадут три-четыре сотни молоденьких наложниц и пирамидку-другую. Или сделают меня ахау. Это будет что-то на манер Лорда Джима,¹² разбившего свой самолет при посадке в джунглях. Чиркни зажигалочкой, и каннибалы перестанут тебя варить и назовут Белым господином. Верно? Верно.

Estas bien.¹³ Набрать в легкие побольше воздуха. Начинай.

Ничего.

Настроился. Начинай.

Не выходит.

Еще раз. Кричи. Давай же.

Язык как замороженный.

Вот черт.

Давай, Джек, ты знаешь, что нужно говорить. Разродись уже. «Я ослепитель восходящего солнца». Ну. Открывай рот. Открывай! Мне всего-то и нужно, что открыть...

Мой рот.

Вот черт, вот черт. ¡Ni mierditas!¹⁴

Ну ладно, давай, приятель, давай... нннннннннннннннн!!!

Я изо всех сил пытался развести челюсти, но единственным физическим следствием этого была тупая боль, словно я кусаю камень.

О боже мой, боже мой. Невозможно. Чакал не должен контролировать это тело. Оно мое. Давай. Двигайся. Что угодно. Надо скорчиться, чтобы громко закричать. Подними руку.

Ничего.

Подними руку.

Снова нет.

Подними руку, подними руку! Подними палец...

Черт.

Обосрались, обосрались. Глупо, глупо, глупо, глупо.

Мы сделали пять торжественных шагов к верхней ступеньке лестницы. Я противился движениям его тела. Без всякого результата. Ощущение такое, будто меня засунули в промышленного робота, типа как в «Чужих»,¹⁵ и он прет себе, поскольку его

---

¹¹ Замечательно (*исп.*).

¹² Лорд Джим – персонаж романа Джозефа Конрада «Лорд Джим».

¹³ Годится (*исп.*).

¹⁴ Крепкое ругательство (*исп.*). Приблиз.: «Ни хера!» (*Прим. ред.*)

¹⁵ «Чужие» – фантастический фильм Джеймса Кэмерона (1986).

запрограммировали, а я даже пульт управления не могу найти. Мы остановились. Наши носки чуть выступали над пустотой.

Я точно знал, что мы находимся на высоте 116,5 фута над площадью Оцелота. Двести шестьдесят ступеней вниз. Если мерить по диагонали, то расстояние составляло 389 футов. Но теперь эта точка казалась в два раза выше. И не только потому, что я уменьшился в росте. Мы посмотрели в круговорот удаляющихся площадок. Перед глазами все поплыло. Бирюзовые ступеньки лоснились от розоватой пены, смеси крови предыдущих жертв и пива из агавы. Кромки ступенек были отделаны треугольными камушками, отчего стали зубчатыми, похожими на пилу. Архитектура как оружие.

Идея такова: я со всей грациозностью, на какую способен, брошусь на ступеньки, а долечу до основания пирамиды уже в виде нескольких отдельных частей. Эти куски схватят и, вероятно, смешают с мясом для тамала, а потом раздадут жителям, обитающим в районе трех пирамид.

Вот черт. Вот не повезло, так не повезло. Пожалуй, я ждал слишком многого. Я-то думал, что заявлюсь сюда и все будет распрекрасно, устроюсь себе поудобнее в чудненьком, чистеньком мозгу большой шишки, которая всем тут заправляет, а поскольку я буду главным, то смогу делать что угодно и у меня появятся хорошие шансы разузнать все об игре, обустроить усыпальницу так, как мне нужно, обжить ее немного... Какие тут проблемы? Если бы не...

Прекрати, подумал я. Исходи из реальностей. А реальности состояли в том, что я просто не контролировал двигательные нейроны Чакала. Я был всего лишь пассажиром, болтался где-то в предлобной части коры. А он преисполнился абсолютной, почтительной идиотской решимости через несколько секунд убить себя на этакий театральный и героический манер.

Четырнадцать солнц, пятнадцать солнц...

Напев зазвучал в более высокой тональности. Поющие приободрили меня, воодушевляли, и я уже чувствовал потребность прыгнуть, воспарить ввысь на волне их ожиданий. Они томились в нетерпении, их снедало желание, да и нужно им было от меня всего ничего. Полагаю, любой человек в подобной ситуации мог бы прыгнуть только потому, что его захватила бы атмосфера всеобщего возбуждения. Может, так оно и должно быть...

Нет. Придави эту мысль. Давай, Джед. Вытолкни этого идиота с водительского места, схвати баранку и разверни чертову машину в обратном направлении. Аборигены и не пикнут. Без вопросов...

«Ма! – зарычал со всех сторон Чакал. – Нет!»

Я ощутил нечто похожее на мозговой спазм, тиски сдавили мои мысли, и на неопределенный промежуток времени клаустрофобия и удушье погрузили меня в панику. В какой-то момент мне показалось, что я начал кричать, а потом понял: губы не раскрываются, легкие не работают, ничего не происходит. Я просто стоял, нес – про себя, разумеется, – всякую чушь от охватившего меня невыносимого ужаса, повторял бесконечно «о боже, о боже, о боже», а потом... да, я уловил состояние Чакала – он внутренне смеялся, радовался, да что там – почти оргазмировал.

Ну, значит, вот оно как. Последнее мгновение старины Джеда перед щелчком курка, а затем – забвение, которое, вообще-то говоря, манило все больше и больше.

Estoy jodido.¹⁶ Я в жопе. Неужели смерть...

Стой-стой-стой. Ну-ка, выкини это из головы. Хватит валять дурака. Думай!

En todos modos. Плохой перекур. Перегруппируйся. Новая тактика.

---

¹⁶ Крепкое выражение (*исп.*). Приблиз.: «Я обалдеваю». (*Прим. ред.*)

Тут мы должны... Гм, надо перетянуть старину Чакала на свою сторону, вот что. Верно. Решено.

«Чакал? – кинул я шар. – Давай успокоимся на секунду. Prenez un chill pill.¹⁷ Тебе не обязательно это делать».

Молчание. Я имею в виду умственное молчание.

«Чак, дружище? Compadre?»

Дай я тебе скажу кое-что. Ладно? Ладно. В мире много разного. Кроме того, что известно тебе. Загляни в мою память. Видишь, да? Смотри – Европа, Азия, компьютеры, пастила... В общем, все очень относительно... Ты ведь наверняка не знаешь, что Земля круглая. Классно, да? А сколько всего другого! Может, это рождает у тебя ну хоть какие-то мыслишки?»

«Ты – уай личинки струпосеятеля, и все это твои обычные выдумки», – ответил Чакал.

«Да?» – удивился я.

Ничего не понятно. Но по крайней мере, между нами завязался разговор. Это хорошо. Ладненько.

«Чакал? Послушай-ка. Ты знаешь: я не лгу. Мы теперь в одной команде. Мы вместе. И что касается меня, то я вовсе не против. Как сам считаешь? Я думаю, мы с тобой сойдемся. А, Чакал?»

«Ты нечистый – и ты боишься. Я не позволю тебе осквернить это святое место».

Отлично, подумал я. Как хочешь. «Чако, братишка, брось ты. Проснись. Тебя используют».

«Уже слишком поздно. Я принял решение, повинуюсь долгу».

«Так. Ладненько. Отлично. Прекрасно. Уважаю! Но ты же понимаешь, что нет никакого Оцелота Один, да? Ни в Чреве небес и ни в каком другом месте. Это все пропаганда. Ты ведь знаешь, что такое пропаганда? В любом случае, если твое решение в свое время было правильным, теперь стоит сделать по-другому. Да хотя бы подумай о том, как помочь семье. Послушай, что я могу предложить, и тогда уже...»

«Молчи, личинка».

Семнадцать солнц, восемнадцать солнц...

«Хорошо, Чако, давай просто попробуем, ты мне позволь рассказать тебе все, а там посмотришь. Я обещаю: жизнь для нас обоих улучшится невероятно».

«Я тебя больше не слушаю».

«Секундочку. У меня действительно есть кое-какие мыслишки. Всего несколько дней – и ты будешь главный. Уничтожишь своих врагов, вознаградишь друзей. Доставь себе удовольствие. Я владею магией. Стоит мне только произнести несколько по-настоящему волшебных...»

«Нет!»

Это было его последнее слово.

Тиски вокруг меня сжались еще сильнее. Не могу дышать. Даже думать не могу.

Ннн.

Ну же, сопротивляйся. Заставь его говорить так или иначе. Придумай что-нибудь.

Ннннн.

Ладно. Давай, Джед. Ты все же можешь контролировать движения этого парня. Вдруг на самом деле его сознание не доминирует? А он всего лишь так считает? Не исключено, что все дело в точке зрения. Это вопрос силы характера. Принятия ответственности. Будь же мужчиной.

Покажи этому кретину, что ты сильнее. Крикни: «Я ослепитель восходящего солнца!»

---

¹⁷ Прими успокоительное (*фр.*).

Произнеси это. Джед, хоть раз утверди свое «я». Я ослепитель восходящего солнца. Ну! Поверни баранку! Сделай по-своему. Я ослепитель восходящего...

Нннннт.

Девятнадцать солнц...

Давай, Джед. Давай, старина. Не сдавайся. Сопротивление не бесполезно.

Я напрягся.

Нннннннннннн.

Джед! Давай! Пора!!! Ты должен что-нибудь сделать. Говори, вопи, рычи, что угодно...

НннннмммммНННзззнлкк. Бля! Будто безнадежный запор, тужишься, выдавливаешь из себя, а не выходит, не вылезает ничего...

Ноль солнц...

Давай, Джед, спасай проект, спасай планету, в конце концов – свою задницу, ну хотя бы раз ты должен что-нибудь сделать, что-нибудь, давай, сделай что-нибудь умн...

Часть первая КАРАФА МЕГАКОНА¹⁸

(1)

Но погодите-ка. Может, мы тут слишком умничаем?

Должно быть, чересчур много я сразу наговорил. Все-таки нужно ответить на некоторые основополагающие вопросы, озвучить своего рода предисловие. Мне есть что рассказать. Поэтому следует подойти к теме чуть серьезнее и, не стеснясь, объяснить, пусть сжато, как я, черт побери, здесь оказался. В общем, опустить краткую предысторию не удастся. Хотя отпереться я мог бы без особого труда – гораздо сложнее, к слову, избежать будущего.

Мое полное имя Хоакин Карлос Хул Михок де Ланда. В отличие от большинства индейцев майя я родился в больнице – в городке Сан-Кристобаль-Верапас, что в провинции Альта-Верапас, в тридцати милях к западу от Гондурасского залива. С.-К.-В. расположен в юго-восточной Гватемале приблизительно в девяноста милях к северо-востоку от С.-Д., или Сьюдад-Гватемала – иначе Гватемала-Сити, – и в десяти милях к западу от Т'оцала, поселка, а точнее, деревушки, в которой я вырос. Мои именины (они важнее дня рождения) были на

---

¹⁸ Карафа – кладбище в Каире, в буквальном переводе «Город мертвых». Мегакон – от «Мега конвеншен», так называется большой съезд производителей комиксов, игрушек, одежды, игрушечного оружия и прочих атрибутов научной фантастики. Проводится в Центре съездов города Орlando, штат Флорида.

три дня позже – 2 ноября 1974 года, по нашему летоисчислению – 11 Ревуна, 4 Белизны в пятом уинале первого туна восемнадцатого к'атуна тринадцатого и последнего б'ак'туна. Это случилось точно миллион восемьсот пятьдесят восемь тысяч семьдесят один к'ин (солнце, или огонь, или день) назад, считая с первого дня Долгого календаря, 4 Владыки, 8 Темного Яйца, 0.0.0.0, или 11 августа 3113 года до н. э. Всего за каких-то тринадцать тысяч девятьсот двадцать восемь дней до последнего солнца 4 Владыки, 3 Желтореберников в последний день последнего к'атуна тринадцатого б'ак'туна. То есть до 21 декабря 2012 года н. э. А в этот день, говорят, должно остановиться время.

Отец учился в Национальном институте (Сантьяго, Гуате-Сити) и возглавлял управление начального образования в департаменте. Он был наполовину испанцем и по местным стандартам считался чуть ли не интеллектуалом. Его родной язык – кекчи. Моя мать говорила на чоланском, который из всех живых диалектов ближе всего к южному майяскому языку. Ее семью в тридцатые годы выселили из Чьяпаса, и она стала частью маленького чоланского анклава. Он находится южнее региона, где проживает основная масса сородичей.

Я знал больше, чем остальные наши ребята, о том, кто мы такие, о нашей истории. И все же многое оставалось для меня тайной. Я понимал, что народ, который в древности мог гордиться своими архитекторами и правителями, теперь обнищал. Но мне не приходило в голову, что гибнет его великая культура. Наш акал – дом со стенами из шлакоблоков, с соломенной крышей (господи Иисусе, я вырос под соломенной крышей, бога ради, иногда поверить не могу) – и хон-ка'ил, городская площадь, для меня являлись центром маленькой Вселенной... Когда я оглядываюсь назад, все это кажется полной дичью. Но вообще-то, положи руку на сердце, в истории я разбирался не хуже, чем средний учащийся американской школы. Конечно, большинство людей, вероятно, слышали, что где-то на юге стоят древние полуразрушенные пирамиды. Но далеко не каждый скажет вам, что в тех местах жили народы, называвшиеся ацтеками, тольтеками, инками... Многие, наверное, смотрели фильм Мела Гибсона о майя. Может, кто-то бывал в Мехико-Сити и видел руины Теотиуакана. Но я очень удивился бы, встретив в Штатах того, кто мог бы объяснить, например, в чем разница между ацтеками и тольтеками, или знал бы, что между Центральной Мексикой и Гондурасом, в районе, который мы называем Мезоамерикой, существовали не менее развитые культуры миштеков, сапотек, тарасков, а земли инков находились за много-много миль от территории майя, фактически на другом континенте. По тогдашним меркам – все равно что на Нептуне.

К тому же эпохи расцвета этих цивилизаций разделяет прорва времени. Золотой век тольтеков наступил приблизительно в 1100-м. Теотиуакан был заброшен между 650 и 700 годами. Так называемый поздний классический период майя продолжался приблизительно с 600 до 850 года н. э., и когда ацтеки начинали свое восхождение, лет этак шестьсот спустя, государство майя переживало политический закат. В старом афоризме из первых исследовательских работ, посвященных Мезоамерике, тольтеки и ацтеки приравнены к римлянам, а майя – к древним грекам. Хотя по-настоящему их роднит одно: гениальность.

Однако в наше время, конечно, принято говорить, что любая культура – явление по-своему выдающееся. Когда я учился, в университетском музее искусств как-то раз заменили таблички на экспонатах, и, скажем, вместо «Навозный фетиш, племя оокабоолаконга, девятнадцатый век» появилась другая: «Навозный фетиш, цивилизация оокабоолаконга, девятнадцатый век». Словно пять хижин и резчик по дереву – это уже целая цивилизация. Вся беда в том, что среди множества этносов единицы можно назвать гениальными – как, например, из тысяч художников лишь один обладает истинным даром. Если мировые культуры большей частью развивались на некоем фундаменте, то майя феноменальным образом построили свою великую державу фактически на пустом месте. Так, фонетическое письмо было изобретено всего три раза: в Китае, в Месопотамии и предками майя. Понятие «ноль» некогда появилось у индийцев, в районе неподалеку от нынешнего Пакистана, а еще раньше – в системе счисления майя. Уникальность моего

народа не подлежит сомнению – и это главное, что вам нужно знать.

Почему же о столь грандиозной империи известно лишь узкому кругу людей? Тут наиболее вероятны две причины. Первая из них – явно предвзятое мнение. Вторая зиждется на справедливом утверждении: ни одну цивилизацию (уж точно ни одну продвинутую цивилизацию) не уничтожали с такой основательностью. Но утрачено не все – на языках майя говорят свыше шести миллионов, более полумиллиона из них живут в Гватемале, и многие все еще хранят память о древности.

В особенности сведуща в этих делах была моя матушка. Скажу сразу: я не находил в ней ничего примечательного. Просто считал ее самым важным человеком на свете. Думаю, по отношению ко мне она действительно мало отличалась от других матерей. Кабы не одна мелочишка, которой она научила меня в 1981 году в сезон дождей, когда я заболел и, как очаровательно выразился наш падре, «стоял на пороге смерти».

(2)

Подхватил я, видимо, тропическую лихорадку. Тогда она представляла куда большую опасность, чем теперь, а ко всему прочему, у меня открылось кровотечение в легких и я кашлял кровью. Как оказалось, из-за дефицита фактора VIII, то есть из-за гемофилии. Три месяца я провел у очага, подсчитывая ярко-красные стежки на ватном одеяле, в которое был завернут, и слушая лай собак. Мама кормила меня с ложечки кашей-размазней на основе «Инкапарины»¹⁹ и заменителя молока, рассказывала мне всякие истории, тихо и напевно, – иногда по-испански, иногда по-чолански. Все остальные, даже младшая моя сестренка, работали в полях – финкас, как у нас их называли. Однажды вечером, лежа на боку и сдерживая рвоту, я заметил древесную улитку. Сине-зеленый конусообразный клубочек, наподобие грузила с оранжевыми и черными полосками, полз вверх по стене из шлакоблоков, оставляя за собой влажную полоску. Много времени спустя я узнал, что этот вид называется *Liguus fasciatus bourboni*. Мать сказала мне, что улитка – мой второй чанул, чанул де брухо, «волшебный дух».

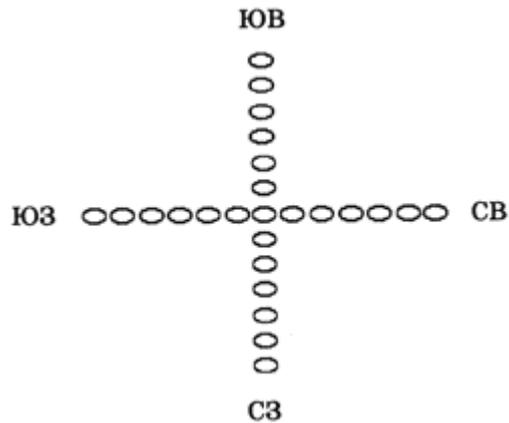
У каждого нормального майя есть чанул, по майяскому классическому определению – уай. Обычно он находится вне твоего тела, но в то же время является одной из твоих душ. Если ты проголодался, то и он проголодался, если кто-то убивает его, то и ты умираешь. Некоторые люди ближе к своим уаям, чем другие, а совсем уж единицы могут принимать образ чанула и шнырять по земле в его природном виде. В общем, похоже на души животных в трилогии «Темные начала»,²⁰ только уай является частью тебя в большей мере. У меня уже был вполне приличный уай – са'бин-'оч, но, по словам мамы, улитка станет для меня не менее важной. Она чанул необычный и не очень сильный. Впрочем, маленькие и тайные духи встречаются нередко.

Приблизительно в это же время матушка начала играть со мной в считалки. Сперва, думаю, она просто хотела научить меня цифрам. Но скоро мы стали заниматься этим каждый день. Мать сворачивала тростниковый коврик рядом с моей лежанкой и убирала его. Потом делала двадцать пять лунок в глиняном полу, располагая их крестом. Смысл заключался в том, чтобы мысленно представить эту фигуру в небе, когда лежишь на спине головой на юго-восток, ориентируясь по текущему солнечному азимуту, и смотришь вверх:

---

¹⁹ «Инкапарина» – богатая протеинами питательная смесь, разработанная Институтом питания Центральной Америки и Панамы.

²⁰ «Темные начала» – детская фантастическая трилогия английского писателя Филипа Пулмана (р. 1946).

Она расстилала кусок тоненькой белой материи над квадратом и чуть вдавливала ее в каждую из лунок, потом пережевывала немного табака и размазывала чуток этой кашицы по внутренней стороне левого бедра. Когда и я наловчился в счете, мама заставляла меня втирать табачную смесь в кожу моего правого бедра. Открыв один из своих драгоценных пластиковых контейнеров, она вынимала грандезу (мешочек с амулетами, камнями и всякими такими штуками), вываливала горку красных бобов тц'ите – семян кораллового дерева – и высыпала кварцевые камушки, которые я подносил к глазам и разглядывал – нет ли внутри мелькающих огоньков. Я никогда не понимал, зачем мать делала то, что делала дальше – черной краской проводила линию по лицу, начиная от верхушки левого уха, под левым глазом, по верхней губе и вниз по правой щеке к нижней челюсти. Потом каждый из нас брал произвольное число семян из горки и раскладывал их по краям ткани к востоку и западу от лунок, одновременно прося помощи у покровителя дня. Затем матушка пять раз ударяла по земле и произносила:

Хатц-каб ик,
Ишпайеен б'ахе'лах...

Или:

Дай мне занять
Дыхание солнца,
Сегодня, сейчас я занимаю
Дыхание завтрашнего дня.

Теперь я укореняюсь,
И теперь я сосредотачиваюсь,
Разбрасываю черные семена
И разбрасываю желтые семена,
Добавляю белые черепа
И добавляю красные черепа,
Считаю сине-зеленые солнца,
Считаю коричнево-серые солнца.

На чоланском слово «черепа» означает также «зернышко». Мы по очереди отсчитывали наши зернышки, складывая их в ячейки по четыре, и помимо этого использовали бобы, чтобы отметить сегодняшнюю дату. Потом мать доставала кристалл красновато-коричневого кварца размером с ноготь большого пальца. Это был бегунок.

Как и фишки в пачиси,²¹ бегунки передвигают по игровой доске с помощью

²¹ Пачиси, или «двадцать пять», – традиционная индийская игра, которая появилась около 500 года. В

генератора случайных чисел, каковым здесь служит не игральная кость, а зернышки, у которых на одной стороне нанесена черная точка. Вы подбрасываете их, а потом подсчитываете, сколько упало отметиной вверх. В отличие от пачиси число «фишек» зависит от стадии игры. Применялись разные способы подсчета – например, если у вас в последней группе три зернышка легли черной меткой вверх, то вы могли разбить их на две части: одно зернышко и два зернышка – и считать как одно четное число и одно нечетное.

У игры есть и другие усложняющие правила. Среди них – набор напевных присловий по типу вопрос – ответ, с которых начиналась каждая из двухсот шестидесяти комбинаций названия и номера дня в ритуальном календаре. Они, в свою очередь, соотносились с тремястами шестьюдесятью именами солнечных дней. Таким сочетаниям присваивались поговорки и смысловые оттенки, определяемые иными аспектами месторасположения. И потому (немного в духе «Книги перемен» или ифа²² у йоруба) игра генерирует маленькие фразы, которые можно читать как предложения. А из-за большого числа всевозможных комбинаций возникает впечатление, будто с вами беседуют совершенно непредсказуемым образом. Обычно мама говорила, что для нас переводит святая Тереза – она считалась кем-то вроде богини игры. Но когда выходило что-нибудь плохое, мать утверждала: это вещает святой Симон – бородач, якобы сидевший на пересечении всех путей в середине игрового поля. Кто-то до сих пор называет его Махимоном.

Ну так вот, игра напоминает некое сочетание географической карты, счета и вечного календаря. Движения кварцевого камушка, бегунка, дает варианты в зависимости от того, как далеко вперед вы хотите видеть и в какой степени готовы положиться на интуицию. Иногда из двух разумных ходов один просто кажется лучшим. А еще существует особый способ заставить шестое чувство служить вам. Мама научила меня сидеть спокойно и ждать тцам лика, то есть «кровяной молнии» – подкожного подергивания, трепыхания, своего рода мышечной судороги. Когда это происходит, то в зависимости от интенсивности, места и направления тцам лика на вашем теле вы определяете, какой делать ход. Например, если задрожала внутренняя сторона левого бедра, где оставлен мазок жеваным табаком, то, вероятно, к вам с северо-востока приедет родственник мужского пола, а если то же самое ощущение возникает в наружной части бедра, то в гости предположительно заявится женщина. Обычно моя мать пыталась выяснить – я не хочу использовать слово «предсказать» – основополагающие вещи, ну, чаще всего, например, про урожай. Скажем, не ожидается ли новый налет жучка-коровки. Не реже пыталась узнать она и про погоду, при этом красный бегунок символизировал солнце, а остальные предметы обозначали тучи или горы. Иногда камушек отождествлялся с родственниками или соседями, и она определяла, как помочь им в предстоящие важные моменты жизни, допустим в день свадьбы, а если они болеют, то выяснить, когда им станет лучше. Помню, однажды я попросил «поставить» на бабушку отца моего двоюродного брата по материнской линии – старушка страдала от желудочных червей, и мама вдруг остановилась. Спустя долгое время я понял почему: она увидела, что больная не поправится.

Матушка говорила, что игра не годится для мелочей. Я, случалось, хотел узнать, когда отец вернется домой с работы. Поначалу она возражала, потому что вопрос был слишком уж пустячным, но в конце концов разрешила мне двигать кварцевый кругляш – на сей раз он представлял собой папину персону, – а мать вроде как играла против. Моя фишка занимала позицию перед семенами, которые разбрасывала мама и которые преследовали бегунок. Если она в итоге все же загоняла мою фишку в северо-западный угол, это означало, что отец

Индии в качестве игровых костей применяли раковины каури. Количество набранных очков зависело от того, сколько раковин выпало отверстием вверх, а сколько – вниз. В современном варианте вместо каури используют игральные кости.

²² «Книга перемен», или «И-цзин», – один из старейших китайских классических текстов, содержит систему предсказаний, сходную с ифа. Ифа – древняя мистическая традиция африканского народа йоруба.

поедет домой очень поздно, через городок, находящийся к северо-западу от нас. Когда фишка попадала в южный угол, мы понимали: папа все еще в школе. Центральное положение предвещало, что скоро явится отец. Так оно всегда и случалось. Не проходило и нескольких минут, как он открывал дверь.

Это не имело ничего общего ни с гаданием, ни с астрологией, ни с какой другой *disparate*²³ такого рода. Наши манипуляции напоминали именно игру – для большей ясности давайте назовем ее предварительно игрой жертвоприношения, хотя я пока толком не рассказал о ней; она словно помогала вам проникнуть в тайны, которые уже постиг ваш разум. Как-то один из моих дядьев сказал: в старину у коренного народа было совиное зрение и люди могли видеть сквозь скорлупу небес и толщу гор, что происходит в пещерах мертвецов и нерожденных. Если кто-то заболел, сведущие заглядывали сквозь его кожу во внутренние органы и узнавали причину болезни. Но потом глаза у древних застило, и они стали различать лишь то, что на поверхности, малую часть мира.

Я много практиковался. В первый день моего двенадцатого тц'олк'ина – то есть когда мне исполнилось приблизительно восемь с половиной лет – мама совершила надо мной обряд, после которого я стал х'меном. Это слово переводится как «хранитель дня», «хранитель времени», «хранитель солнца» и даже «бухгалтер времени». В буквальном смысле, на чоланском, – «солнцеитожитель», «солнцескладыватель». В общем, деревенский шаман, языческая альтернатива католическому священнику. Скажем, заболевшая женщина обратилась к нам за помощью, и мы заключаем: недуг начался оттого, что ее беспокоит умерший родственник. Какие минимальные подношения должна она ему сделать, чтобы он замолчал, и какие травы повесить вокруг дома для ускорения выздоровления? Когда вы должны выжигать площадку под вашу милпу, семейное кукурузное поле? Можно ли сегодня съездить на автобусе в столицу? Будет ли удачным назначенный для крещения день? Наши верования смешиваются с католицизмом, поэтому мы еще используем отрывки литургии. Если без обиняков, то вы могли бы назвать нас местными колдунами. Солнцескладывателями же нас именуют потому, что главная наша обязанность – отслеживать традиционный ритуальный календарь. Все наши маленькие обряды, даже игра жертвоприношения (проще говоря, совсем уж без экивоков, – то же гадание) – это штуки совершенно вторичные.

У нас бывает так: если стряслась неприятность, то жди еще чего-нибудь в этом роде. Два года спустя после того, как я получил мой инструмент складывателя, случилось вот что.

В странах, подобных Гватемале, есть одна особенность – их завоевание все еще продолжается. Наша история самую малость дала сбой, и для большинства из коренных жителей все устоялось и улеглось к концу девятнадцатого – началу двадцатого века, а в начале пятидесятых годов дела и вовсе шли неплохо. Но летом 1954 года ЦРУ по требованию «Юнайтед фрут компани» (банановые заправили из «Чикиты»²⁴) сострепало заговор против избранного президента и посадило свою марионетку – Карлоса Кастильо Армаса. Мало того что Армас исполнял все приказания Пульпо (а иначе – Спрута, как мы называли ЮФК), он еще сразу же начал этническую чистку майя. По оценке ООН, в период с 1958 по 1985 год около двухсот тысяч моих соплеменников были убиты или пропали без вести, отчего у Гватемалы самые низкие показатели по правам человека в Западном полушарии. Худшего периода после испанского вторжения в шестнадцатом веке я не знаю.

Конгресс США перестал официально помогать правительству в 1982 году, но администрация Рейгана продолжала делать это тайно, посылала оружие, а в Форт-Беннинге офицеров гватемальской армии обучали методам ведения боевых действий против повстанцев. Может быть, некоторые из них были искренними антикоммунистами и в

---

²³ Глупость (*исп.*).

²⁴ «Чикита» американская фирма, выращивающая и продающая бананы.

действительности считали, что партизаны представляют собой серьезную угрозу, но в девяноста семи случаях из ста рвение вояк объяснялось желанием заполучить недвижимость, и в 1983 году, когда геноцид вышел на пик убийств – приблизительно четырнадцать человек в день, – война попросту превратилась в захват земли. На коренных жителей насакивали разбойничьи шайки, говорили: «Вы тут все партизаны», – и делу конец. Год спустя сельскохозяйственные угодья страны принадлежали испанцам.

В США большинство людей думают, что ЦРУ представляет собой некое тайное общество, чьи сотрудники, несмотря на светский лоск, действуют весьма продуктивно, имея в своем распоряжении новейшие хитроумные штуковины. Однако латиноамериканцы знают, что это всего лишь еще один картель, большой, беспорядочный, но финансируемый лучше, чем другие; цэрэушники на побегушках у крупных наркодилеров, а мелких стараются ликвидировать. В семидесятых и восьмидесятых военные построили тысячи маленьких посадочных полос по всей сельской Гватемале, предположительно с целью помочь нам, несчастным, доставлять жалкие плоды своих трудов на иностранные рынки, но фактически для того, чтобы в любое время можно было высадиться где угодно и провести военную операцию. Неподалеку от Т'оцала находилось два-три таких мини-аэродрома. Один из многочисленных кумовьев моего отца, *parcelista*²⁵ по имени Дженеросо Хул, разметил и выжег несколько милп на общинной земле, которая оказалась слишком близко к одной из полос. К концу июля Дженеросо пропал, и мой отец с родственниками отправились на поиски. На второй день нашли его башмаки – они висели на эвкалипте, а это предупреждающий знак: мол, не ищите: спит с рыбами.

Отец поговорил со знакомым из местного Сопротивления – типа субкоманданте Маркоса,²⁶ *teniente*²⁷ Хаком, которого мы называли дядюшкой Хаком. По его словам, он якобы догадывался, что семейка Сорено положила дядьку Дж. под стеклышко. То есть они его утопили. После этого мой отец попросил своих ребят, а также *parcelistas* и их родных наблюдать за самолетами, записывать их регистрационные номера на папиросной бумаге и приносить ему. Так он составил довольно большой список. Его приятель проверил их в аэротранспортной базе данных (Гватемала в такой степени стала задним двором для всяких деятелей, что они даже не заморачивались сменой номеров), и выяснилось, что некоторые машины летали из Техаса и Флориды и принадлежали «Скайвей эйркрафт лизинг», компании-пустышке. И ниточка потянулась к имению Джона Халла²⁸ в Коста-Рике. Халл (его деятельность могла бы показаться законспирированной, если бы не нашла отражения в документах, например в докладной записке Конгресса от 14 октября 1986 года, подготовленной подкомитетом Керри²⁹ и озаглавленной «Частная помощь» и контраст»; ее легко можно получить в Президентской библиотеке Рональда Рейгана, на Президентской аллее, 40, Сими-Вэлли, Калифорния, под названием «Целевая рабочая группа Белого дома: архив, единица хранения 92768») был гражданином США, который отмывал бабки и

---

²⁵ Крестьянин (*исп.*).

²⁶ Субкоманданте Маркос – псевдоним радикального писателя и пропагандиста организации, которая в 1994 году подняла в Мексике восстание индейцев.

²⁷ Лейтенант (*исп.*).

²⁸ Джон Халл – американский предприниматель, обосновавшийся в Коста-Рике, был обвинен в торговле наркотиками и оружием.

²⁹ Джон Форбс Керри (р. 1943) – конгрессмен от штата Массачусетс, баллотировался в президенты США от демократической партии в 2004 году.

поставлял чистый героин команде Оливера Норта.³⁰ Львиная доля денег направлялась контрабандой в Сальвадоре, но Северный картель, дружки Буша и группа Риоса Монтта³¹ (в то время марионеточного президента Гватемалы) – все они прикармливали миллионы. Я так думаю, что дядюшка Хак надеялся в определенный момент расширить список. Он хотел либо привлечь внимание к Сорейано, крупному местному семейству, объекту всеобщей ненависти, либо дискредитировать генералов к следующим выборам. До чего же Хак был наивен!

В Рождество 1982 года у меня в очередной раз случилась пневмония, которая сопровождалась кровотечениями, и родители отвезли меня в больницу Сестер Милосердия в Сан-Кристобале. Я бредил и метался. Молодая монашенка, сестра Елена, выхаживала меня, все время спрашивала, как я себя чувствую. Мне она казалась просто замечательной. Я уверен, что с тех пор ни на день не забывал про нее, а может, ни на час, по крайней мере, когда не находился в фуговом состоянии. *Todo por mí culpa*, это я во всем виноват. Через четыре дня после моего появления в больнице на *la fiesta de la Sagrada Familia*,³² 29 декабря 1982 года, сестра Елена сообщила мне, что правительственные войска окружили Т'оцал и теперь допрашивают членов кофрადии, общины деревенских старейшин, которых называли «грузоперевозчики» или «залогодержатели». Позднее я узнал еще кое-что. В рыночный день, когда в деревне собралось много народу, прилетел сине-белый вертолет «ирокез» с громкоговорителями, он все кружил и кружил над домами, словно зимородок. Жителям приказали собраться на площади, где им будут раздавать задания по гражданскому патрулированию на следующий год. К тому времени солдаты уже вошли в поселение по двум заброшенным тропам. Как рассказывал мой друг Хосе Хилоч по прозвищу Отзынь, который наблюдал за происходящим издали, никто не пытался убежать или спрятаться. Подразделение состояло в основном из полукровок, наполовину майя, набранных в армию из Сучитепекеса, но среди них Хосе заметил двоих светловолосых, высокого роста, в ботинках американской морской пехоты, а командовал взводом, как ни странно, майор Антонио Гарсия Торрес.

Тогда на площади застрелили только двоих. Моих родителей и шестерых их друзей посадили в грузовик и доставили на армейскую базу в Кобане. Вечером военные сожгли деревенскую управу, заперев в ней одиннадцать протестантов из местных, – была такая тактика выборочного террора. В тот день я потерял и моих братьев – никто из знакомых больше не видел их, и до сих пор неясно, что с ними случилось. Потом я узнал, что сестре удалось добраться до лагеря беженцев в Мексике. Солдаты оставались в Т'оцале еще два дня, заставили жителей сровнять постройки с землей, а потом всех загнали в машины и увезли, чтобы переселить в другое место.

Наша деревня – одна из четырехсот сорока, которые теперь официально признаны гватемальским правительством уничтоженными. В окончательном списке убитыми числятся тридцать восемь человек и двадцать шесть – пропавшими без вести. Я почти уверен, что моих родителей подвергли пытке, которую называли *submarino*, то есть удушение в воде. Вероятно, держали их в высоких бочках, где человек может разве что сесть на корточки (*todo por mí culpa*) и смотреть в небеса. Один из свидетелей сообщил, что мой отец умер, когда ему на голову надели пропитанный инсектицидом капюшон. Думали, он не выдержит и заговорит. Это ли убило его или что другое, неизвестно... Мою мать, как и большинство женщин, должно быть, вынуждали пить бензин. Наверняка мои родители лежат в одной из

---

³⁰ Оливер Лоренс Норт (р. 1943) – офицер морской пехоты США, известен своим участием в нелегальных поставках оружия и разразившимся в связи с этим скандалом Иран-контрас.

³¹ Хосе Эфраин Риос Монтт (р. 1926) – диктатор Гватемалы в 1982–1983 годах.

³² Праздник Святого семейства (*исп.*).

восьми ям в Альта-Верапасе, куда солдаты сбрасывали тела жертв. Но пока Архивный центр майя так и не нашел останков, ДНК которых совпадали бы с моей.

С мозгами у меня точно не все в порядке, потому что лишь много лет спустя я стал задумываться: а не отослали ли отец с мамой меня подальше от дома в предвидении грядущей беды? Вполне вероятно, что моя мать надумала это сделать. Она и раньше с помощью игры узнавала, не грозит ли нам опасность от «Джи-2», тайной полиции.

Через неделю монахини получили приказ отправить меня и четырех других ребят из Т'оцала (включая Отзынь Хосе, самого старого из оставшихся у меня друзей) в Сьюдад-Гвате, откуда нас должны были забрать в лагерь переселенцев. Почти не помню католического сиротского приюта, потому что в первый же день бежал оттуда. Хотя какой же это побег – я просто вышел в дверь. Я знал, куда идти: на другом конце города находилась детская больница, где с финансированием дела обстояли получше, – называлась она Ayuda³³ и управлялась СПД, церковью Иисуса Христа Святых последних дней, или мормонами (впрочем, они не любят, когда их так величают). Ходили слухи, что они переправляют детей в Штаты, в то время представлявшиеся мне райским садом с кустами, на которых растет картошка фри, и реками, наполненными колой – настолько холодной, что зубы ломит. У задних дверей мне встретилась светловолосая женщина громадного роста, она поколебалась минуту, а потом, против всех правил, впустила меня. После этого я видел ее пару раз, но имени своей спасительницы не узнал, однако каждый раз вспоминаю ее, стоит мне заметить кого-нибудь с волосами хромово-желтого оттенка. Позднее, когда я уже числился в списке сирот, меня перевели в загородную школу СПД «Плантация райской долины».

Понадобилось немало времени, чтобы навести справки о моих родных. Правда, я и сейчас толком ничего не выяснил. Доказательств, что мои родители мертвы, не было – лишь бесконечно разрасталась язва невыносимого осознания потери. По субботам занятия в ПРД не проводились, и родственникам, если таковые имелись, дозволялось посещать учеников в одной из классных комнат, а потому я каждую субботу с утра заимствовал у кого-нибудь из старшеклассников учебник по математике и, проскользнув в этот класс, усаживался в уголке последнего ряда. Из своего убежища, ощущая прохладу стен из шлакоблоков ярко-зеленого цвета и такого же линолеума на полу, я поглядывал вокруг, чтобы чего не пропустить. Но никто ко мне не приходил... Вся наша орава посмеивалась надо мной, но я научился не обращать на это внимания. До сих пор по субботам чувствую себя не в своей тарелке, становлюсь беспокойным, ловлю себя на том, что часто поглядываю в окно или по десять раз в час проверяю электронную почту.

В ПРД я провел почти два года, а потом попал в программу по расселению коренных американцев (в своем роде фонд помощи беженцам), и вскоре после моих шестнадцатых именин тц'олк'ин, то есть когда мне сравнялось одиннадцать, некая семья по фамилии Одегард, получив небольшую финансовую поддержку от церкви, переправила меня в Юту.

При всей моей нелюбви к СПД нужно отдать им должное: они делают немало добрых дел для национальных меньшинств. Они, например, помогли зуни³⁴ выиграть крупнейший в истории иск к правительству США. Кроме того, мормоны осуществляют всевозможные благотворительные акции по всей Латинской Америке, а между тем их церковь до 1978 года официально считалась церковью белых расистов. По мнению последователей СПД, некоторые представители коренного населения страны (светлокожие народности, разумеется) являются потомками еврейского патриарха по имени Нефий – главного действующего лица Книги Мормона. Но кого в конечном счете волнуют их мотивы? Главное, они заботились обо мне и о многих других. Я глазам своим не верил – Одегарды

---

³³ Помощь (исп.).

³⁴ Зуни – индейский народ, проживающий на юго-западе США.

казались немислимыми богачами. Ну, во-первых, у них был водопровод. А помимо того, неограниченные запасы пастилы, и мягкой, и суховатой. Вот, Штаты нас завоевали, думалось мне, а я – их пленник, которого держат в роскошной тюрьме имперской столицы. Далеко не сразу я понял, что по американским стандартам Одегарды принадлежали к низшему слою среднего класса. Словом, они относились к тем, кто обед называет ужином, а ланч – обедом. В кухне у них висела дощечка с рецептом сахарного печенья, которое готовится из таких ингредиентов, как «масло с любовью Младенца Иисуса», «капелька понимания» и «щепотка послушания». И этих людей там почитают за интеллектуалов! Поверьте, мне пришлось поработать над собой, чтобы стать закоренелым скептиком, за которого я теперь себя выдаю. И все же мистер и миссис О. были милыми людьми, вернее, хотели быть милыми, но им приходилось тратить столько энергии для того, чтобы сохранить свои заблуждения, что на каждого отдельного ребенка почти не оставалось времени. Надо сказать, мои названные братья ужасали меня – поскольку правильные телепередачи и видеоигры находились под запретом, они развлекались, мучая всяких зверушек, – однако родители, конечно же, считали своих деток богоизбранными херувимами.

Нет нужды говорить, что мормоном я не стал. По их выражению, не получил «помощи для понимания». То есть так и не осознал, что мы все – Святые последних дней. В соответствии с учением СПД некоторые понятия внушались детям только по достижении определенного возраста, а я со временем начал понимать, что крещение давно умерших родственников, возложение рук и ношение масонских кальсон – вещи не вполне нормальные, даже на El Norte.³⁵ Раз или два меня даже водили в католическую церковь, но там либо пахло как-то не так, либо святые у них были не те, либо банки для пожертвований не стояли по всему полу, как в Гватемале, и потому я сказал приемным родителям: дескать, не берите в голову. Они на свой манер отнеслись к этому довольно спокойно. Между прочим, я до сих пор иногда называю О. папой и мамой, хотя на дух их не выношу. Что касается моих названных братьев, то каждый из них теперь является папашей пары близнецов. Короче, сочетание идеологии с плодовитостью позволяет им размножаться, как креветкам.

Я решил не становиться святым при жизни, а выбрал для себя стезю, не включенную в учебные программы. Причем начал с шахмат и игры в «Монополию». В школе Нефия меня заставляли пикировать на виолончели, самом дурацком инструменте в оркестре. Получалось неважно. Ибо я считал, что музыка – это упрощенная математика. Я часто прятался в библиотеке, запоминал страницы из словаря, чтобы потом извлекать их из памяти. Научился читать по-английски, вызубрив наизусть Г. Лавкрафта,³⁶ и теперь многие утверждают, будто я говорю на манер его книг. Вежливо отказывался выуживать яблоки на школьном Хеллоуине³⁷ (по правде говоря, с плачем бросался прочь из зала), потому что боялся захлебнуться. Записался в кружки программистов, компьютерных игр и игр-стратегий. Если вы думаете, что мальчишка, у которого так много увлечений, должен общаться с другими учениками, то ошибаетесь – особой нужды в контактах у меня не возникало. Физкультуру я часто пропускал из-за моих проблем с гемофилией. Вместо занятий меня с другими инвалидами сажали на маты и говорили: вообразите-ка себе, будто вы делаете упражнения на растяжку и поднимаете гири. Стрельба – вот единственный вид спорта, в котором я неплохо себя показал. В семье все были помешаны на оружии, и я тоже не остался в стороне. А еще я поступил в кружок по математике, хотя мне казалось глупым смотреть на нее как на разновидность спорта. Это все равно что учиться мастурбировать. Однажды наш

---

³⁵ Север (*исп.*). Так в Мексике и Центральной Америке часто называют США и Канаду.

³⁶ Говард Филлипс Лавкрафт (1890–1937) – американский писатель, автор триллеров и научной фантастики.

³⁷ Хеллоуин – американская традиция, восходящая, вероятно, к кельтским легендам о героях, которые отправлялись в море в поисках мистического острова Авалон, где растет волшебная яблоня.

руководитель дал мне целый ворох топологических тестов и удивился, когда я все их решил. Он вместе с другим преподавателем спрашивали меня немного и сказали, что у меня календарный бзик – я вычисляю каждую дату, вместо того чтобы ее запоминать. Хм, я и сам про себя это знал. Тем более сей дар оказался не очень доходным – он имеется примерно у одного человека из десяти тысяч. Не меньшее число людей способны дотянуться языком до собственных гениталий. Приблизительно в то же время я занялся тропическими аквариумами и сделал свою первую аквариумную систему из садовых шлангов и старых пластиковых контейнеров. Параллельно я решил: когда вырасту, стану профессиональным шахматистом. И профессиональным игроком в Ежика Соника. Садясь в автобус, я надевал шлем для скейтборда. Мое имя, правда сокращенное до Дж., фигурировало в журнале «Медицинские гипотезы» – статья называлась «Случай уникальных вычислительных способностей среди юных пациентов с ПТСР».³⁸ Мне не нравилось играть на виолончели, и я пришел к выводу, что лучше делать эти инструменты. Группа «Cocteau Twins» привлекала меня больше «Motley Crue».³⁹ Первую свою тысячу я заработал, продавая и покупая карты «Маджик». Меня наградили прозвищем Деревенщина. Я в одиночестве слушал «Ecstasy».⁴⁰

Новые лекарственные средства позволили взять под контроль мою гемофилию, но, пока суд да дело, мне поставили еще один диагноз: «эмоциональные проблемы развития на почве посттравматического стрессового расстройства», сопровождаемые «спорадическими эйдетическими»⁴¹ воспоминаниями». Предположительно ПТСР могут проявляться в виде синдрома Аспергера.⁴² Но у меня не было аутизма в традиционном понимании – мне, например, нравилось изучать новые языки, и я не возражал против «опытного помещения в новые педагогические ситуации». Один врач в Солт-Лейк сказал мне, что ПТСР – это общий термин, который не обозначает полностью то, что есть у меня (или то, чего у меня нет). Отсюда, как я понял, вытекало следующее: на гранты мне рассчитывать не приходится.

В сентябре 1988 года аспирантка-этнограф из УБЯ⁴³ пришла с лекцией в нашу среднюю школу, и это изменило мою жизнь. Девушка показывала видео со старыми кива⁴⁴ и танцами урожая зуни, а когда глаза у меня уже начали смыкаться, на экране замелькали пирамиды майя, и тут я проснулся. Набрался храбрости и задал несколько вопросов. Она поинтересовалась, из какого я класса. Через несколько дней меня и нескольких других краснокожих отпустили в Солт-Лейк на конференцию (на которой аспирантка председательствовала). Там предоставлялись гранты программы по расселению коренных американцев. Участники собрались в физкультурном зале средней школы, в повестку

---

³⁸ ПТСР – посттравматическое стрессовое расстройство.

³⁹ «Cocteau Twins» (1979–1997) – шотландская группа альтернативной музыки; «Motley Crue» – американская хард-рок-группа, основанная в 1981 году.

⁴⁰ Название альбома группы «Ohio Players».

⁴¹ Эйдетический образ – образ, который остается в сознании после прекращения фактического его восприятия.

⁴² Синдром Аспергера – одно из нарушений развития, иногда называемое формой аутизма, при котором сохраняется способность функционировать.

⁴³ Университет Бригама Янга в городе Прово, штат Юта, – частное учебное заведение, принадлежащее мормонской церкви и названное в честь одного из основателей мормонского течения.

⁴⁴ Кива – комната, используемая индейцами пуэбло для религиозных ритуалов.

входили резьба по кремню и разрисовка лица акриловыми красками «Ликвитекс».⁴⁵ Один из практикантов представил меня профессору по имени Джун Секстон, и когда я сказал ей, откуда я, она стала говорить со мной на довольно бойком юкатекском. У меня просто глаза на лоб полезли. Вдруг она спросила, играл ли я когда-нибудь в el juego del mundo, я ответил, что не понимаю, о чем она говорит, она уточнила, что еще это называется «Алка' калаб'еерах» – «игра жертвоприношения». Похожие слова я слышал когда-то от своей матери, поэтому сказал «да». Тогда профессор вытащила жестяную коробочку «Алтоидз»,⁴⁶ наполненную необычайно красными семенами дерева тц'ите. Поначалу я впал в ступор, потому что меня обуяло чувство, напоминающее если не ностальгию, то уж точно ее бедного родственника, но взял себя в руки, и мы сыграли без всякого энтузиазма несколько кругов. Джун сообщила, что один ее коллега-математик исследует майяские способы ворожбы и будет рад, если я научу его своей версии игры. Мозги у меня соображали быстро, и я выпалил: с удовольствием, мол, правда, после занятий не могу. Что угодно, лишь бы не торчать в школе по выходным.

Невероятно, но неделю спустя зеленый фургончик из конторы под названием ФИДМИ – Фонд изучения древностей и мормонских исследований – и в самом деле заехал за мной перед ланчем и повез в горы на север, в город Прово, где находился УБЯ. Джун привела меня в неприметное здание и познакомила с профессором Таро Мора. Он показался мне старым мудрецом, хотя ему было всего только сорок. Этаким Пэт Морита из фильма «Малыш-каратист».⁴⁷ В его кабинете я не увидел никаких изысков. Вдоль одной стены стояли стеллажи с книгами и журналами по го (азиатская игра, в которую играют черными и белыми камушками), а у другой громоздились издания, посвященные теории вероятностей и теории игр. Профессор работал в области прогнозирования катастроф. Он сказал, что собирает разновидности игры жертвоприношения по всей Центральной Америке, но о моей версии слышал всего от двух-трех человек, и она по нескольким важным особенностям отличается от прочих. Во-первых, в большинстве случаев клиент приходит и говорит: «Пожалуйста, узнай для меня у черепов (семян) вот об этом», а все остальное уже делает солнцескладыватель. А в том варианте, который показала мне мама, заказчик играет против х'мена. Во-вторых, она делала поле в форме креста, тогда как другие в основном высыпали семена в один ряд на кусок полотна, положенный на ровную поверхность. И в-третьих, что поразило Таро более всего, игре меня научила женщина.

Неслыханное дело! Почти на всей майяской территории складыватели были мужчинами. Мора сказал, что он не этнограф, тем не менее его предположение может оказаться верным: моя мать – наследница чоланской традиции тайных женских обществ, которые практически исчезли вскоре после испанского завоевания.

Таро встречался со мной по два раза в неделю до конца следующего семестра, а потом вернулся в Нью-Хейвен. К тому времени мне уже было известно, что он руководит исследовательским проектом «Пачиси» и придерживается теории, согласно которой все, или почти все, современные игры восходят к одному и тому же предшественнику – единичной игре. В своей лаборатории вместе с аспирантами Таро пытался реконструировать ее, собирая игры племен Центральной Азии, но очень скоро исследования привели его в Америку.

Этнографы в то время напустились на эту идею, как коршуны. Она и в самом деле немного напоминала теорию фон Дэникена со всякими прибабасами типа культовой археологии и контактов с инопланетянами. Однако профессора Мору нападки мало

---

⁴⁵ «Ликвитекс» – американская компания по производству красок.

⁴⁶ «Алтоидз» – британский бренд мятных леденцов.

⁴⁷ Пэт Морита (1932–2005) – американский актер японского происхождения, игравший в фильме «Малыш-каратист» (1984).

волновали. Он был математиком, чистой воды исследователем и одним из немногих ученых, работавших в смежных областях теории катастроф, физики сложных систем и теории рекомбинантных игр, или ТРИ. Последняя в основном рассматривает такие игры, как шахматы и го, где фигуры – это единицы различной силы в пространстве. Экономисты, генералы и все прочие со времен Второй мировой войны обращались к классической теории вероятностей (которая связана прежде всего с азартными играми), а прикладная ТРИ вошла в моду только в 1990-е годы. Таро же полагал, что с помощью возрожденной версии игры жертвоприношения, используемой в качестве этакое очеловеченного интерфейса, можно значительно улучшить стратегическое моделирование, например, при разработке экономических прогнозов, сценариев сражений и даже при составлении прогнозов погоды. Профессор провел несколько удачных экспериментов еще до встречи со мной, но, прежде чем публиковать какие-то выводы, желал получить еще более убедительные результаты. В его лаборатории были созданы десятки реконструкций первоначального игрового поля. Мы с его командой (до и после моего поступления в колледж) потратили сотни часов, пытаясь докопаться до истины. Но вот что нам неизменно мешало: даже при полной уверенности, что игровое поле выглядело именно так, а не иначе, мы не знали точно, каким в древности был способ подсчета камушков или семян и тому подобного. И потому Таро решил испытать другой подход. Он закупил мозговые сканеры.

У меня при себе все еще оставались пять кварцевых камушков из Гватемалы – единственное, что связывало меня с прошлым, поскольку семена тц'ите измельчились до состояния розового порошка и были заменены конфетами «Скиттлс». После приезда в Штаты я бросал (то есть играл в жертвоприношение) всего несколько раз. Но когда начал делать это снова, опутанный проводами в подвальной ганцфельд-камере⁴⁸ в Прово, мне показалось, что я повысил свой класс благодаря тому особому рода улучшению, которое приобретаешь за счет отсутствия практики. Сначала участники эксперимента в другой части здания разыгрывали разные сценарии, а я пытался их прогнозировать. Получалось довольно неплохо. Потом выяснилось, что мои предсказания более точны, когда люди на самом деле теряют деньги или получают травмы. По прошествии нескольких месяцев мы стали рассматривать реальные события – скажем, распространение СПИДа или первую нефтяную войну, – и тут мониторить было куда как труднее. Однако, несмотря на сложности, показатели росли, правда мучительно медленно. Таро говорил, что мой календарный бзик ускоряет расчеты и все же моей игре не хватает глубины. Мол, я недостаточно погружаюсь в процесс. Но я же был всего лишь мальчишкой – как я вообще мог сосредотачиваться? Однако пять лет спустя, когда я снова стал работать с Таро в Йеле, он отказался от экспериментов с изоляцией подопытного и вернулся к поискам исходной формы игрового поля. К тому времени я уже оканчивал университет. Мы использовали два бегунка и играли на поле, которое позволяло получать сравнительно точные результаты, но профессор сомневался, что оно соответствует искомому, изначальному варианту. Игра стала более гибкой и легкой, хотя была сложнее той, которой научила меня мать.

---

⁴⁸ Ганцфельд (*нем.* – «пустое поле») – методика безориентирного, однородного поля, используемая в экспериментах по телепатии. Формирует сновидческое состояние сознания исследуемого на фоне глубокого расслабления.

компьютер «Дип Блю» победил Каспарова, я отказался от идеи продолжать шахматную карьеру. В этом не было никакого смысла. Все равно что работать арифмометром. Не отправиться ли в Сеул, чтобы играть в го как профи? Я немного выучил корейский. Оказывается, для этого нужно знать китайский, поэтому я справился и с китайским. Но, увы, в Азии не делают *empanadas de achiote*,⁵¹ и я туда не поехал. Мое призвание – морская биология, понял я. И перебрался из Лос-Анджелеса в Майами. К сожалению, на меня нагоняли тоску пробы состава воды, выявление всевозможных токсических отходов. Я решил, что буду изучать биологию и специализироваться на хеморецепции.⁵² А делать виолончели перестал, надоело возиться с лаками, красками и клеем. Увлёкся ольфактологией.⁵³ Через некоторое время остыл к занятиям химией, поскольку область эта была столь индустриализованной и развивалась так стремительно, что я мог бы считать крупным везением создание хотя бы одной приличной молекулы. К черту науку. Надо написать роман. Я переехал в Уильямсбург в Бруклине. Написал несколько статей о компьютерных играх и других подобных штуках для журналов типа «Вайард», «Артфорум» и даже «Харпер’с Базар». Тамошние редакторы сказали мне, что у них полагается излагать материалы в бодром непочтительном тоне. После этого я начал пить в одиночестве виски и знакомиться с курочками для чайников. Эта фаза не затянулась. Я переключился на продажу товаров в Интернете. И передумал писать книги, потому что, когда я узнал немного больше об этом, выяснилось, что даже в наши дни и в нашу эпоху авторы ограничены довольно узким набором тем. Предполагается, что тебя должны интересовать определенные вещи, такие как, скажем, эмоции, мотивации, самовыражение, родственные связи, семья, любовь, утрата, любовь и утрата, пол, раса, искупление, женщины, мужчины, мужчины и женщины, личность, политика, политика в отношении личности, писатели, Бруклин, писатели, живущие в Бруклине, читатели, которые хотят быть писателями, живущими в Бруклине, «я», «другой», «я» против «другого», научные круги, постколониальная эпоха, взросление, пригород, 1970-е, 1980-е, 1990-е, взросление в пригородах в 1970-е, 1980-е, 1990-е, индивидуальность, места, люди, люди, которым нужны люди, типаж, внутренняя жизнь типажей, жизнь, смерть, общество, человеческая природа и, возможно, Ирландия. А у меня, конечно, ко всему этому был нулевой интерес. Кто хочет знать о внутренней жизни типажей? Да меня моя собственная жизнь не очень-то интересует. Я решил стать профессиональным игроком в покер. Отправился в Рино,⁵⁴ штат Невада. В те времена за игровыми столами было столько лохов, что любой, знающий таблицу умножения, мог сколотить мало-мальские деньги. Удалось зашибить немного. Я сделал кое-какие расчеты для казино в индейских резервациях в Юте, Аризоне и Флориде, предложив новые способы облапошивания белокожих. Наварил еще чуток зеленых. Однако остаться в профессиональной покерной сети не захотел, потому что продажи приносили дохода больше, чем онлайн-овые или реальные игровые столы. К тому же общаться почти ни с кем не приходилось. Еще я вел колонку в интернет-журнале «Стратегия» – чисто из ностальгических чувств. Ну и для денег, конечно.

Деньги. Верно. Наверное, я должен упомянуть о них.

К 2001 году у меня скопилась достаточная сумма, чтобы делать то, что нравится, и ради этого я был согласен носить пиджаки из магазина готовой одежды. Я нашел Отзынь, моего

---

⁵¹ Маленькие пирожки по-гватемальски (*исп.*).

⁵² Хеморецепция – способность живых существ приспосабливаться к изменениям концентрации определенных веществ в окружающей среде.

⁵³ Ольфактология – раздел физиологии, изучающий функцию обоняния.

⁵⁴ Город Рино известен своими казино.

cuate viejo⁵⁵ из Т'оцала (который все еще оставался в группе сопротивления «Энеро 31», ушедшей в подполье после прекращения огня в 1996-м), и четыре года провел в Гватемале. Работал на его друзей в ОНГ, Объединении несогласных граждан, и потихоньку пытался выяснить, что (todo por mí culpa) случилось с моими родителями. А еще расспрашивал старых солнцескладывателей об игре. И пришел к выводу, что команда Таро не ошибалась: полная и сложная версия игры жертвоприношения действительно существовала, но до наших дней сохранились лишь расплывчатые коллективные воспоминания. Большинство старых х'менов использовали один и тот же сильно сокращенный вариант, но и тут действовали в основном по наитию, как пациенты с болезнью Альцгеймера, которые уже не могут играть в двойной бридж, однако все еще не прочь сразиться в «иди поуди».⁵⁶

Мне так и не удалось найти расширенные версии игры жертвоприношения. Кроме того, преследуя свою тайную цель, я навлек на себя неприятности, и у национальной полиции с 2011 года есть ордер на мой арест. Гарсия Торрес все еще служил в армии и дорос до генерала. Очень типично для гватемальца. Мы с Отзынь составили его портрет, разузнали его привычки, планировку домов, выяснили, на какие петушиные бои он ходит и когда, где живут его личные телохранители и прочее, но мне, вероятно, следовало бы поумерить пыл, потому что Отзынь однажды вечером (его уай был койотом, он умел бесшумно ходить в темноте) прокрался кое-куда и услышал, что меня ищет «Джи-2». Выбор у меня, сказал он, такой: либо убраться еще до рассвета, либо, скорее всего, сгинуть без следа. Я бежал в Индианатаун – поселение для эмигрантов майя на озере Окичоби милях в двадцати от атлантического побережья Флориды.

По Флориде пошли слухи о том, что у меня игра жертвоприношения дает хорошие результаты, и я не смог отвертеться – пришлось взять нескольких клиентов. Хотя я не сумел бы стать выдающимся солнцескладывателем в любом случае. Одна часть проблемы состоит в том, что, по крайней мере, в традиционной деревне х'мену приходится много пить, а алкоголь никогда по-настоящему не лечил мои раны. По-моему, C₂H₆O, даже самый дорогущий, – это наркотик для бедняков. Другая часть проблемы – в таком деле важно быть хорошим слушателем, безукоризненно традиционным столпом общества и знатоком местной традиции. А что это за удовольствие? Ты к тому же должен быть интуитивным психиатром, Человеком, Который Умеет Ладить с Людьми. Если откровенно, большинство складывателей здорово жульничают – они хорошие физиономисты, умеют заранее собрать информацию, подсаживают сообщника, если надо, более того – имеют ловкие руки.

Я не могу убедительно нести всякую религиозную чушь и не люблю морочить людей, как телевизионные медиумы. Меня угнетает чужое отчаяние, легковерие. Мне не раз говорили, что я слишком чувствителен в том, что касается складывателей. Еще бы, ведь то, чем они занимаются, изрядно похоже на мошенничество. Когда проводят опросы по выявлению самых уважаемых и неуважаемых профессий, то «гадатель» оказывается на втором с конца месте, чуть выше «телевизионного рекламщика».

А это вызывает персональный вопрос: «Если Джед и в самом деле может делать то, что говорит, то почему он не богат?»

Ну, на этот вопрос имеется простой ответ: вообще-то я богат.

(3)

Я ненавижу свою автобиографию. Все автобиографии – подходящий объект для

---

⁵⁵ Старого дружка (*исп.*).

⁵⁶ «Иди поуди» – простейшая карточная игра.

ненависти. Это второй по омерзительности литературный жанр, хуже только хайку в переводе на английский. Недавно я зашел в книжный магазин (кстати, затем, чтобы выпить чашечку каннабиспрессо⁵⁷) и, взяв с полки автобиографию Авы Гарднер,⁵⁸ прочел первое предложение: «В округе Джонстон в Северной Каролине даже и не думайте стать фермером, если у вас нет мула». Гм, очень мило, Ава, но, откровенно говоря, если в конце этой же страницы ты не ложишься в постель с Говардом Хьюзом, Фрэнком Синатрой, Джонни Стомпанато, Арти Шоу, Микки Руни или с кем-то из вышеназванных в том или ином сочетании (или если ты не собиралась сравнивать гениталии мула и Фрэнка), то у книжки прямой путь в макулатуру. Все автобиографии составлены на один манер, всюду одно и то же: «Раз моя персона вызвала некоторый интерес у почтеннейшей публики, вы узнаете все, что случилось со мной, хотя на 99,99 процента это та же *basuga*,⁵⁹ что была у других». Словом, если вы выудите отсюда что-нибудь стоящее, то это должно быть не обо мне, хотя я и фигурирую тут немного. Это не обо мне. А об игре.

Так вот. Короче говоря, мы решили разрабатывать игру, словно золотую жилу. Давайте-ка перескочим немного вперед.

В костер четвертой вахты 4 Сова, 4 Желтизны, 12.19.18.17.16 (по новомодному стилю в 4.30 утра в пятницу 23 декабря 2011 года) Никкей закрылся в зеленой зоне на 1,2 процента, и мой общий портфель накоплений превысил пять миллионов американских долларов. Я лежал, растянувшись на полу (люблю я вытянуться на каменном или цементном полу) и взирая на большой экран на низком потолке моего так называемого дома, расположенного чуть к западу от Индианатауна и всего в одном пустом квартале от озера Окичоби, обиталища двуполой лягушки-быка. Дом на самом деле был обанкротившимся магазином по продаже тропической рыбы, лавкой Ленни Рифинга, которую я вместе со всем оборудованием взял за долги и теперь ставил здесь эксперимент по совместному обитанию разных видов в одном помещении объемом четыреста пятьдесят тысяч кубических футов. Комнату освещало лишь фотохимическое синеватое сияние из цилиндрического аквариума на четыреста сорок галлонов с голожаберными моллюсками – они, по сути, представляют собой хudosочных морских улиток, у которых раковины внутри.

Черт, подумал я, поглядывая на экран. После стольких лет *vagar*⁶⁰ и ничегонеделания наконец-то изобретен способ использования игры жертвоприношения для получения прибыли. В казино от нее, конечно, не было никакой пользы, потому что на процесс уходит слишком много времени. Не очень она помогала и в лотереях, поскольку там важная роль отводится случайному выбору. Игра хороша в тех сферах, которые уже известны. Она главным образом указывает на детали. Это не то же самое, что угадывать будущее, но все же лучше, чем бродить с завязанными глазами в темноте, как большинство людей. Во всяком случае, игра жертвоприношения приносила некоторый успех, когда дело касалось скачек и букмекеров, в особенности если речь шла о баскетболе. Правда, приходилось узнавать массу подробностей о заявленных лошадях и беговой дорожке, а к тому времени, когда я проходил тему несколько раз, уже звучал колокол и я не успевал сделать ставку. Поэтому мне требовалось что-нибудь помедленнее. Я начал серьезно заниматься акциями, но оказалось, что тут все зависит от случайности в большей степени, нежели мне представлялось. Я уже хотел отказаться от этой затеи, однако решил попытаться счастья с фьючерсами на зерно.

Преимущество состояло в том, что цикл созревания урожая – дело довольно

---

⁵⁷ Каннабиспрессо – кофе мокко с гашишем.

⁵⁸ Ава Гарднер (1922–1990) – американская актриса, звезда Голливуда 1940–50-х годов.

⁵⁹ Грязь (*исп.*).

⁶⁰ Бродяжничества (*исп.*).

неспешное. И потом, игроков тут было не так уж много. И вот я изучил истории большинства крупных индивидуальных инвесторов и начал рассматривать их как отсутствующих участников в гигантской игре жертвоприношения. Обычно я делал около двадцати долгосрочных прогнозов погоды, а потом – стрэдлы⁶¹ на сомнительные партии. Вскоре у меня появилась пусть небольшая, но твердая прибыль. Шесть месяцев назад я положил в банк первые полмиллиона, а теперь приближался к тому уровню благосостояния, когда уже можно обзавестись собственным самолетом. Коли так, подумал я, то, пожалуй, зафиксирую небольшое поступление. Хорошая идея. Продать для открытия позиции декабрьский контракт 3350 по 223,00 на рынке. Я щелкнул мышкой. Опа. Нажал «Завершить сделку», два раза пересчитал нули и снова улегся на пол.

Отличненько, сказал себе я. Да! Я король гребаной галактики! ¡¡Domino el mundo!!⁶² Я ПРАВЛЮ СВАЛКОЙ!!! И наконец, я ем, а не меня едят. Словно глаза, которые прежде были где-то на висках, переместились вперед и я обрел двойное видение. Хищник, а не жертва. Черт. Еще немного, и старина Джед станет триллионером.

Так, что теперь? Ну что ж, подумал, чем больше власти, тем больше ответственности. Надо использовать свои способности для добрых дел. Я позвонил Годду Розенталю в «Нейпсл моторспортс». Он был ранней пташкой и сразу снял трубку.

– Ну ладно, – произнес я, – я беру эту «куду».⁶³

Красного цвета (краска «Металфлейк»), 1970 года, движок «Хемай», кабриолет с жесткой крышей, блок 383, все железо родное, новая электронная начинка... Машина-зверь – я на эту тачку давно глаз положил и цену уже опустил всего до 290 штук. Годд обещал, что подготовит автомобиль и все бумаги к девяти часам, чтобы я не передумал. Клик.

А-а-а. Как раз то, что мне нужно. Вношу свой вклад – делаю мир получше. Не хотел бы, чтобы какой-нибудь фанфарон-выпендрейник заграбастал такое произведение искусства. У меня уже были «роуд раннер» 1973 года и еще одна «барракуда» – стояла в гараже в Виллануэве, но я еще не наелся «плимутами». У меня вроде дурной вкус. Но так жить интереснее. И что теперь? Может, небольшой домик на берегу океана? Островок средних размеров, корочку хлеба, стаканчик «скверта», аквариум на двадцать тысяч галлонов с кораллами, джакузи на пять тысяч галлонов, пару-тройку старлетов из японского порно, ледник Ватнайёкудль⁶⁴ чистейшего латинского рока.⁶⁵ Простые удовольствия. Восточные сучки жаждут кэша. No problemo.

Естественно, приступ этот продолжался недолго. Два часа спустя я все еще оставался на своем специальном месте на полу – разглядывал экраны наверху, делал прогноз для клиента (одного из немногих, кому я не в силах был отказать) по имени матушка Флор де Майо из сельской школы в Грейсе. Она никак не могла решить – уходить ли ей наконец на пенсию в этом году.

– ¿Podré caminar después de la operación?⁶⁶ – спрашивал ее старый голос в трубке.

– Déme un momento,⁶⁷ – отвечал я. У меня возникли затруднения, потому что операцию

---

⁶¹ Стрэлл – сделка, представляющая собой сочетание одновременной покупки одного товара и продажи другого либо того же товара на разные или одинаковые сроки.

⁶² Властелин мира (*исп.*).

⁶³ Автомобиль «плимут барракуда».

⁶⁴ Ватнайёкудль – крупнейший ледник на острове Исландия.

⁶⁵ Латинский рок – сплав латиноамериканской этнической музыки с рок-музыкой.

⁶⁶ Я смогу ходить после операции? (*исп.*) (*Прим. ред.*)

назначили на утро, а игра почему-то всегда лучше освещала события второй половины дня. –
Estoy dispersando estas semillas amarillas y las semillas negras...⁶⁸

Кодекс. Это словечко выскочило на биржевом мониторе в окошке высокой важности моего гугловского поисковика. Я щелкнул по нему мышкой. Обычно если что и приходит, то от какого-нибудь сомнительного адресата типа Фонда мезоамериканских исследований или веб-кольца⁶⁹ Киберулитки, но на сей раз это была статья в «Тайм».

«Древняя книга...»

Опа. Тцам лик.

Сплошная молния под кожей.

«В Германии обнаружилась древняя книга, имеющая значение для современности...

“Кодекс из Нюрнберга” – восьмидесятистраничная книга о цивилизации майя, собиравшая пыль и домыслы в тамошнем Германском национальном музее с 1850-х годов, – наконец-то была прочтена».

На фотографии я увидел верхнюю половину страницы Майяского кодекса, изящный рисунок – так называемый кувшиночный ягуар среди глифов классического периода. Все это относилось к периоду до 900 года н. э.

Ni modos. Невозможно, подумал я.

– ¿Joaquinito? ¿Está allí?⁷⁰ – спросил голос матушки Флор.

– ¿Madre? Perdóneme, – пробормотал я. – No estoy teniendo mucha suerte con las calaveras esta noche. ¿Usted piensa que podría venir mañana y la intentaremos otra vez?⁷¹

– Конечно, дорогой, – сказала она.

Я сказал спасибо и отключился.

En todos modos.

Я взял крупный план картинки Кодекса (что после появления вершины человеческих достижений под названием «лазерная мышка “Логитех”» делается одним движением пальца), увеличив изображения глифов, обозначающих цифры. Гм. Манера письма, на мой взгляд, являлась постклассической. Но на подделку не похоже. Они обычно или хуже, или гораздо лучше. А судя по тому, что мне было известно, нюрнбергская книга отличалась практически безупречным происхождением. Вот уже лет пятьдесят предлагали разные способы ее чтения. А если это постклассическая копия классического текста?..

Ммм.

Одна строка вызвала у меня тревогу. Я увеличил изображение. Четкость оставляла желать лучшего, но я разобрал «7 Кветцая, 7 Камасоца,⁷² 12.19.17.7.7», то есть 2 июня 2010 года н. э. – в этот день был взорван ускоритель частиц в Универсидад Технолоджика де ля

---

⁶⁷ Одну минуту (*исп.*).

⁶⁸ Я бросаю семена желтые и черные... (*исп.*)

⁶⁹ Веб-кольцо – объединение веб-сайтов с похожей тематикой.

⁷⁰ Хоакинито? Ты здесь? (*исп.*) (*Прим. ред.*)

⁷¹ Матушка? Извините. Неудачно сегодня получается с черепами. Как вы думаете, может, попытаться посмотреть завтра? (*исп.*) (*Прим. ред.*)

⁷² Камасоц – в майяской мифологии летучая мышь-убийца.

Мексика в штате Оахака. Двух членов сапатистской⁷³ группы, цоцили,⁷⁴ арестовали по подозрению в соучастии, хотя я и все другие благонамеренные граждане считали, что они невиновны. На сделанных сверху снимках места взрыва виднелась неглубокая воронка диаметром около полумили, окольцованная песком, который переплавился в темно-зеленый обсидиан.

Ммм...

«После того как книга (написанная, возможно, более тысячи лет назад) была привезена из Нового Света в Европу, страницы из коры фигового дерева спеклись в единую массу. Реставраторы до последнего времени не могли разделить фолиант-гармошку, слипание объяснялось техникой, которую использовали майя, – они покрывали страницы составом, изготавливавшимся из звериных шкур. Проблему решили с помощью сканирующего туннельного акустического микроскопа, или СТАМа, различающего чернила сквозь склеившиеся страницы.

“Это крупнейшее открытие в нашей области с тех пор, как в 2000 году раскопали дворцы в Канкуэне, – восторженно говорит профессор Майкл Вейнер, научный сотрудник программы мезоамериканских исследований в Университете Центральной Флориды и директор проекта расшифровки. – Несколько отрывков – вот все, что уцелело от литературы майя после завоевания Америки европейцами”, – добавляет он, имея в виду вторжение испанцев, начавшееся после 1500-х».

Ах уж это завоевание Америки.

«Кодекс (большая часть которого будет опубликована на будущий год в престижном “Журнале этнографической науки”) является одним из четырех – всего лишь! – майяских письменных источников, до которых не дошли руки у католических властей.

Вейнер и его сотрудники пока хранят молчание о содержании книги. Однако в закрытом сообществе ученых, занимающихся цивилизацией майя, ходят слухи, что на одной из страниц изображено “поле гаданий”, имеющее форму креста (предназначенное для предсказания будущего), и несколько фантастически точных пророчеств о катастрофах, многие из которых произошли столетия спустя после написания Кодекса.

Майя, процветавшие в Центральной Америке в период от 200-го до приблизительно 900 года, времени их таинственного падения, создали высокоразвитую культуру со сложной системой письма, освоили математику, астрономию, архитектуру; об их технических достижениях свидетельствуют громадные пирамиды, расположенные на территории от Гондураса до полуострова Юкатан в Мексике и ставшие ныне предметом вожделенного интереса путешественников. Ученых ставят в тупик мистические верования майя, с их кровавыми ритуалами и человеческими жертвоприношениями, а также сложная система взаимосвязанных календарей, по которым отслеживали движение звезд и предсказывали земные события в далеком будущем. По меньшей мере одна из дат уже давно знакома исследователям, а в последнее время она стала известна и неспециалистам: 21 декабря 2012 года, или, в популярном варианте, – Четвертое Ахау».

Они имели в виду Кан Ахау, Ош К’анк’ин, 4 Владыки 3 Желтизны, 13.0.0.0.0. Опять

---

⁷³ Эмилиано Сапата Саласар (1879–1919) – один из лидеров мексиканской революции, по имени которого названа левая сапатистская армия.

⁷⁴ Цоцили – индейский народ, принадлежащий к группе майя.

вся эта bolazo⁷⁵ о конце света. Идиоты!

Может, стоит сказать, что данная тема класса эдак с седьмого не давала мне покоя. Мне то и дело приходилось объяснять, что утверждение, будто это Судный день, является очень большим преувеличением. Двадцать первое число очень важно, спору нет, но вовсе не означает наступление конца света. Дебаты вокруг названной даты раздули только потому, что существует множество глубоко религиозных идиотов. Им тоскливо от недостатка катастроф в начале христианского тысячелетия и от того, что 11 сентября застало их гуру врасплох. Поэтому они ищут, к какому бы катаклизму прицепиться. Каждый раз, когда объявляется, что грядет светопреставление, пожертвования в церковь возрастают. Иначе на кой черт копить? Это древнее мошенничество не стареет.

Если ты коренной американец хотя бы на одну восьмую, то всякие болваны пристают к тебе, причем ведут себя так, словно вокруг тебя сияет аура высшей духовности. Увидев персонажа-индейца в фильме, ставлю двадцать к одному, что он как минимум владеет экстрасенсорным восприятием, возможно телекинезом, умеет лечить наложением рук, а еще у него наверняка есть третий глаз. А эта дребедень с 2012-м – хуже всего. Каждый предлагает свое толкование, и лишь одно их объединяет – все они ничего не стоят. Майя обнаружили астероид, который должен в конце декабря упасть на Землю. Они покинули свои города и улетели на Венеру, а этот день – ожидаемое время их прибытия. Майя знали, что именно тогда случится катастрофическое землетрясение, извержение вулкана, чума, мгновенное оледенение, падение уровня моря или все одновременно. Они рассчитали: в тот самый день полюса Земли поменяются местами. Наше желтое солнце исчезнет, а его место займет синее. Кетцалькоатль вылетит из междумерной воронки в ярко-зеленой летающей тарелке. Всепрорцветающая сущность вселенской-морской-небесной-земной богини-истины саморазмножится через космический эфир. Время повернет вспять. Зубры и мастодонты затопчут Ай-95.⁷⁶ Из Галапагосского разлома поднимется исчезнувший континент Му.⁷⁷ На Голанских высотах появится истинный Мадхи⁷⁸ Джозеф Смит-младший⁷⁹ в футболке, какие носят ютушники.⁸⁰ Ширли Маклейн сбросит свое человеческое обличье и предстанет перед миром как Минона/Минерва/Мама Коча/Йоко/Мори/Мариамман/Мбабамувана/Миннегага.⁸¹ Скарлетт Йоханссон родит белоснежного бизона. Насдак⁸² упадет до 3000. Свиньи полетят, нищие поедут, мальчики будут мальчиками...

---

⁷⁵ Ложь (*исп.*). (*Прим. ред.*)

⁷⁶ Иначе «Интерстейт-95», главное шоссе на Восточном побережье США от штата Мэн до Флориды.

⁷⁷ Пацифида, или континент Му, – гипотетический затонувший континент, располагавшийся якобы в Тихом океане.

⁷⁸ Мадхи – мессия, провозвестник конца света, последний преемник пророка Мухаммеда.

⁷⁹ Джозеф Смит (1805–1844) – американский религиозный деятель, основатель и первый президент мормонской церкви.

⁸⁰ Имеется в виду известная рок-группа «U2».

⁸¹ Минона – богиня женщин в дагемейской мифологии. Минерва – итальянская богиня мудрости. Коча – в мифологии инков мать океана, защитница моряков и рыбаков. Йоко Оно – авангардный художник и певица, вдова Джона Леннона. Мори – в переводе с латыни «смерть». Мариамман – индуистская богиня болезней и дождя. Мбабамувана – вымышленное имя. Миннегага – героиня поэмы Генри Лонгфелло «Песнь о Гайавате».

⁸² Имеется в виду индекс NASDAQ – американской Национальной ассоциации дилеров по ценным бумагам.

Тем не менее вы не можете отрицать, что точность, с какой названа эта дата – 12/21/12, – имеет зловещий оттенок, вызывающий холодок в желудке. Я хочу сказать, это вам не Нострадамус, у которого все чересчур туманно – можно притянуть за уши что угодно, и будет казаться, будто о том и шла речь. Конечно, мы (то есть майя) всегда были очень уверены в себе.

«Это давно ожидаемая последняя дата Долгого счета, удивительно точного ритуального календаря майя, который можно соотносить с христианским. Через год, именно в указанный день, текущий цикл майяского времени подходит к концу.

Вейнер исключает сценарий Судного дня. “Мы собирались опубликовать статью приблизительно через год, после 21-го, – говорит он. – Люди могут неправильно понять данную информацию, к тому же нам хотелось бы закончить исследования. Но, – добавляет он, – в связи с разными домыслами насчет кометы мы решили представить некоторые материалы, связанные с Иш-Чель”.⁸³

Могли ли майя сопоставить свой календарь с появлениями кометы Иш-Чель? Астрономы из Суинбернского университета в Новом Южном Уэльсе, назвавшие небесное тело именем майяской богини, явно так считают. Периодичность (или орбита) Иш-Чель, которую скоро будет видно невооруженным глазом, составляет 5125 лет, за данный промежуток времени она совершает оборот вокруг Солнца, значит, в последний раз на Земле ее видели в 3011 году до н. э. – в первом году Долгого счета. Если какой древний народ и мог высчитать возвращение кометы, то только майя. Но алармистам всех мастей следует обеспокоиться другим: эта глыба породы и замерзших газов пройдет на расстоянии не менее пятидесяти тысяч миль от нашей планеты.

Для 2,3 миллиона майя, все еще живущих в Центральной Америке, дата конца света имеет более земное значение: 21 декабря было установлено крайним сроком завершения возобновившихся переговоров между маленьким государством Белиз, являющимся английским протекторатом, и Республикой Гватемала, которая в 2010 году в четвертый раз за последние сто лет разногласий объявила Белиз своим двадцать третьим штатом, или *departamento*.

Если шанс будет упущен, для майя, вероятно, наступит очередная полоса невзгод. С другой стороны, удачное завершение переговоров может стать началом эпохи мира в этом беспокойном регионе.

США в своих попытках способствовать мирному урегулированию столкнулись с трудностями, поскольку мексиканское правительство заявило: во взрыве ускорителя, произошедшем в 2010 в городе Уахуапан-де-Леон штата Оахака (тогда погибло более тридцати тысяч человек), виноваты сапатисты, отстаивающие права коренного населения, индейские революционеры, которые действуют со своих баз в Белизе и Гватемале. Если обстановка в регионе не будет стабилизирована, то грянут и скандалы: многие наблюдатели опасаются, что для летних игр 2020 года Международный Олимпийский комитет предпочтет Белизу другие страны.

О чем может идти речь в Нюрнбергском кодексе? Кроме астрономических данных, обычно присутствующих в майяских текстах, в этой книге, как говорят, названа дата не только взрыва ускорителя, но и некоего астрономического события, которое вполне может быть связано с кометой Иш-Чель. Предсказание будущего на основе образов “держателей лет” – кроликов, многоножек...»

Опа.

Под моим левым бедром знакомое подрагивание тцам лика. Что-то в последнем слове не так. Многоножек.

Я никак не мог сообразить, где тут собака зарыта, и чем больше напрягал мозги, тем

---

⁸³ Иш-Чель – в майяской мифологии богиня плодородия, деторождения, медицины, супруга верховного бога.

дальше ускользал от меня ответ. Ладно, вернусь к этому позже, решил я.

«...многоножек, голубых оленей и зеленых ягуаров – кажется немного притянутым за уши. Толкование по меньшей мере будет процессом длительным и непростым.

Если забыть о Кодексе, то может ли нас чему-нибудь научить сама игра-прорицание? Профессор Таро Мора, физик и специалист по прогнозированию, изучавший с помощью Вейнера игры майя, в этом явно не сомневается. Мора в свои шестьдесят восемь лет выглядит довольно бодро и свой восемнадцатичасовой рабочий день проводит, “обучая компьютеры самообучению”. Он исполнен оптимизма касательно возможности этой игры.

“Мы узнаем много нового, исследуя научный подход древних, – говорит Мора. – Точно так же, как мы используем го (японскую игру-стратегию) с целью развить у компьютеров основы сознания, мы можем обратиться и к иным играм, чтобы научить компьютеры чему-нибудь другому”».

Поздравляю, старина Таро. Главное – исполниться оптимизма.

«Когда у Мора спросили, дает ли игра какие-либо прогнозы касательно реального светопреставления, он в ответ пошутил: “Нет, но если мир и в самом деле исчезнет, мы, по крайней мере, будем знать, что майя что-то разнюхали”.

Не чревата ли Дата Конца жуткими событиями в регионе проживания майя и даже во всем мире? Если так, что мы должны в связи с этим предпринять?

Многие отвечают на сей вопрос следующим образом: “Если вы живете по майяскому календарю, то поступайте как майя”. Тысячи туристов со всех континентов уже запланировали поездки в Чичен-Ицу и другие известные центры культуры этого удивительного народа, они хотят приветствовать появление кометы, поклониться рассвету и попросить богов даровать человечеству еще пять тысяч с небольшим лет. И хотя большинство из нас не заглядывают так далеко, мы должны учесть: не исключено, что таинственные майя действительно умели предсказывать свое будущее, а возможно, и наше с вами».

Pendejos, подумал я. Кретины.

Нет, постойте-ка. Это я кретин.

Не прошло и минуты (ну хорошо, десяти лет) с того времени, как я оставил Таро, а он уже предлагает товар. У меня было такое чувство, будто я тридцать лет держал акции и продал их за день до того, как они пошли в гору.

Ну уж нет, подумал я. Ждать, пока вы это издадите? Ни в коем случае. Я должен сейчас же увидеть это игровое поле. В эту секунду. В эту пикосекунду.

Я нашел страничку Таро в Сети. Там говорилось, что он работает в Университете центральной Флориды, а его лаборатория получает теперь гранты из программы корпоративных обменов УЦФ. А финансирование ПКО УЦФ (что я выяснил почти сразу же) осуществляет отдел прогнозирования катастроф подразделения моделирования Инвестиционной группы Уоррена. Я помнил эту компанию, потому что в Солт-Лейк она многим предоставляла работу, и еще я вычитал в «Барронс»,⁸⁴ что у них несколько лет назад возникли какие-то проблемы этического свойства по работам с альтернативной энергией. Не помню точно.

Я попробовал ввести старый пароль Таро, он не изменился, и так я узнал его почтовый ящик. Никакие другие предлоги, чтобы написать ему, мне не пришли в голову, а потому я сообщил, что прочел статью и у меня возникло желание приехать, ну, скажем, сегодня попозже. Нажал «Отправить», и письмо ушло.

---

⁸⁴ «Барронс мэгэзин» – американская еженедельная газета, посвященная финансовой информации, рынкам и статистике.

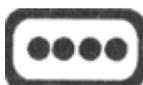
Estas bien. Я переключил экран на режим мониторинга аквариума, и компьютер показал, что в аквариуме с водой из Залива низкое содержание кальция. Однако сил заниматься этим у меня не было. Может, Таро не ответит, думал я. Нет, он ответил. Вот что хорошо в наши времена: ты можешь на долгие годы потерять человека из виду, а потом связаться с ним за считанные секунды. Даже миллисекунды. Правда, нужно придумывать больше извинений.

Гм. Мм. 4 Ахау. 12/21/12. Значит, снова это дело всплыло.

Впрочем, нужно дождаться двадцать второго. Ничто не стареет так быстро, как несбывшийся апокалипсис.

Верно?

(4)

По пути в Орlando я прощупал по компьютеру на лобовом стекле «барракуды» нового спонсора Таро – группу компаний Уоррена. Выяснилось, что председателем совета директоров и генеральным директором там был Линдси Уоррен, крупный застройщик и благотворитель из Солт-Лейк, который строил стадион для зимних Олимпийских игр-2002. Меня не раз клали в больницы, названные его именем. Он, возможно, финансировал работы Таро еще со времен ФИДМИ. Группа Уоррена являлась одним из самых быстрорастущих конгломератов в США. Но четыре года назад они находились на грани банкротства, и для меня осталось неясным, кто их выручил. Не исключено, что они невероятно разрослись, пользуясь игрой.

Уоррен протянул свои щупальца в самые разные отрасли – от эзотерических до абсолютно приземленных. Его фирмы производили спортивное оборудование и сувениры. Они разрабатывали мотивационные инструменты, системы управления человеческими ресурсами, программное обеспечение пространства доверия и интерактивные развлечения – что угодно и все сразу для прорыва потребителей, имеющих массу свободного времени. В данный момент уорреновские умельцы продвигали на рынок штурковину под названием «скользовки» – своего рода бесколесные коньки с низким коэффициентом трения, которые могут легко скользить по специально обработанному асфальту. Еще они заключали договоры на работы в области космических исследований. В 2008-м одна из коммерческих лабораторий группы произвела фурор, объявив, что создала так называемую «настольную кротовую нору». Самый супермодерновый из заявленных проектов назывался «протокол передачи сознания»; по словам авторов, их детище превзойдет Проект по расшифровке человеческого генома, но пока до реализации этой затеи оставалось не меньше десятилетия. Судя по последнему ежегодному отчету, дойной коровой для лаборатории были работы в области индустрии развлечений – залы славы, франчайзинг экстрим-парков и то, что у них называлось социоинжинирингом. На сайте утверждалось, что «Группа Уоррен» является ведущим девелопером интенциональных сообществ (ИС)». Очевидно, что это их подразделение поднялось на сети исторических реконструкций, в которых люди могли бесконечно вести гражданскую войну. Потом они воссоздали множество сражений эпохи Возрождения, после чего заполучили контракт на строительство круглогодичного сообщества «Звездный путь»,⁸⁵ а теперь десять лет спустя, достигли девяностопятипроцентной заполненности (или «сообщности») проекта «Эревинн», под который было выделено десять квадратных миль площади приблизительно в пятидесяти милях к северу от Орlando. Эревинн строился по подобию деревни восемнадцатого века в

---

⁸⁵ «Звездный путь» – популярные телевизионные сериалы, книги, рассказы и компьютерные игры о вымышленной вселенной.

Котсуолде.⁸⁶ Обитатели ходили на занятия по местным промыслам и шотландским диалектам. Они устраивали дни Михаила Архангела, весенние празднества и всякую такую лабуду. Существовало и еще одно ИС, именовавшееся «Риф Голубой лагуны», – на собственном острове на Багамах. В северной Калифорнии возник интерес к феодальной Японии. И помимо всего прочего, у компании были большие планы, связанные с Латинской Америкой и Дальним Востоком. На сайте под названием «Ну Уоррен дает» сообщалось о намерении построить страны-бутики со своими собственными валютами и конституциями, о работе над тем, чтобы движение за возврат к племенным формам существования закрепилось в политике и политологии, о необходимости перепрограммирования наших мозгов. В общем, Уоррен действительно дает.

Лаборатория располагалась в кампусе УЦФ, выстроенном в модном безумном стиле трущобных гасиенд.⁸⁷ В новом травяном покрове виднелись линии координатной сетки. Хотя Рождество было только вчера, все, казалось, работали. Повсюду сновали гориллы из службы безопасности. Они постоянно переговаривались друг с другом и даже с Таро через гарнитуры Bluetooth, которые делают людей похожими на улучшенную породу скота. Ну вот ты и приполз назад, сказал я себе. Интересно, профессор все еще сердится на меня? Может, просто спросить его: эй, вы все еще на меня злитесь? Нет, не надо. Не нужно ставить его в неловкое положение. И себя тоже. Вдруг он считает, что я осознал свои ошибки? Что ж, в таком случае он прав. Когда-то я незаслуженно считал его своего рода наемником, и мне было противно от этого. Но я уже успел забыть причины, по которым у меня создалось такое впечатление.

Таро встретил меня у третьей двери. Он почти не постарел, но я помнил его таким развеселым Хотэем,⁸⁸ а теперь он скорее походил на Сюнь-цзы,⁸⁹ стал сдержаннее и мрачнее. Как и все японцы, он казался японцем только наполовину. На нем болталась старая голубоватая куртка Токийского университета.

– Рад вас видеть, – сказал он, задержав на секунду мою руку в своей, гладкой, сухой, хрупкой и изящно морщинистой, как раковина бумажного кораблика.⁹⁰

Для него это означало то же самое, что лизнуть меня в лицо.

– Рад вас видеть, – повторил я.

Похоже, он и в самом деле обрадовался мне. Хотя профессор человек простодушный, подумал я. Если он сказал «рад», значит, и в самом деле рад. Можно было и обняться, но я вместо этого пожал его сухую руку. Ни он, ни я не принадлежали к той категории людей, что бурно проявляют свои чувства. В этом смысле я не латино. Я паршивый индеец. И он тоже, как вождь Каменное Лицо, не проявляет ни малейших эмоций.

– Спасибо, что приняли, – пробормотал я. – Знаете, мне немного не по себе – появиться после всего, ну, вы понимаете.

– Не стоит беспокоиться, – произнес он. Говорил профессор без акцента – вернее, с оксбриджским⁹¹ акцентом, а не с японским, – но так, что сразу чувствовалось: где-то там

---

⁸⁶ Котсуолд – гряда гор на западе центральной Англии.

⁸⁷ Гасиенда – испанское поместье.

⁸⁸ Хотэй – в Японии и Китае бог счастья, общения, веселья и благополучия; один из самых популярных персонажей среди фигурок нэцке.

⁸⁹ Сюнь-цзы (ок. 313–215 до н. э.) – китайский мыслитель конфуцианской традиции.

⁹⁰ Аргонавт, или бумажный кораблик, – самый известный представитель пелагических осьминогов.

⁹¹ Слово «Оксбридж» образовано из названий двух элитных университетов – Оксфордского и Кембриджского – и имеет значение высокого интеллектуального и общественного статуса.

внутри прячется восточный язык. – Я понимаю, жизнь подчас трудная вещь.

Меня против воли затопила теплая волна. Я чувствовал себя мороженым в розетке, которое поливают приправой из масла и жженого сахара. Ух, просто ненавижу, когда это со мной случается. Отношения учителя и ученика – вероятно, одни из самых неопишуемых. Впрочем, он мог предвидеть, что я свяжусь с ним, как только увижу статью в «Тайм».

– Ну как, посмотрим пациента? – предложил он.

– Отлично, – сказал я.

Идем-идем в лабораторию. Интересно, что там, в этом американо-азиатском секретном заведении!

Мы миновали еще два ряда дверей и вошли в лифт, запиравшийся на ключ. Брр. Холодрыга тут. Спустились на три этажа – на два ниже подвала. Термобарокамера Таро находилась в конце длинного коридора. У меня сложилось впечатление, что это был главным образом промышленный научно-исследовательский комплекс. Мы проходили двери с названиями лабораторий вроде «Тактильная обратная связь» и «Материалы низкого коэффициента трения». Таро поднес руку к сканеру, и дверь с шипением открылась.

Комната представляла собой клетушку с потолком высотой восемнадцать футов. Стены белые, как в морге, с оттенком кости, люминесцентные лампы в сто тысяч свечей. Единственная примечательность – аквариум из органического стекла размером с «форд эксплорер» в центре. Внутри его был подвешен ОМОД, что означало «Обучающаяся машина 1,9», – черная штукovina, похожая на большие старинные часы. Косы и змеиные свадьбы проводов и шлангов выходили из днища и тянулись по белому с эпоксидным покрытием полу к блоку охладителей, эхеймовских⁹² насосов и эйсеровских накопителей информации на 6000 гигабайт, все это было придвинуто к одной из сплошных стен, отделанных шлакоблоками. У рабочих станций по углам комнаты склонились четверо бесполок аспирантов, они стучали по клавиатуре и что-то бормотали себе под нос на HLASMe.⁹³

– Мы заменили большую часть силиконовых чипов на ложногерманиевые, – говорил Таро. – Но термическое рассеивание все еще около трех сотен ватт. Так что пока мы его охлаждаем, словно какого-нибудь креевского⁹⁴ мастодонта. Охладитель – плазма того же типа, что применяется при переливании синтетической крови.

Он подвел меня к аквариуму. Я ощутил себя туристом перед одним из утесов национального монумента «Палаточные скалы»⁹⁵ и прищурился, разглядывая машину. С близкого расстояния было видно, что черная штукovina не монолитна. Она представляла собой довольно толстую стопку тонких, как листы бумаги, печатных плат размером около трех квадратных футов каждая, отстоящих друг от друга на четверть дюйма. Рябь тепловых волн расходилась от отдельных слоев по прозрачной жидкости, как волны дифракции над шоссе в жаркий летний день.

– Ух ты. Клево, – сказал я. Demonio, тут и в самом деле стоял чертовский холод.

Градусов шестьдесят,⁹⁶ блин. Одеялко придется сюда брать, подумал я. Или

---

⁹² Немецкая компания «Эхейм» специализируется на выпуске оборудования для аквариумов.

⁹³ HLASMe – один из языков программирования.

⁹⁴ Фирма «Крей» существует с 1972 года, а ее основатель Сеймур Крей начал работать над созданием компьютеров еще в 1950 году.

⁹⁵ Национальный монумент «Скалы-Палатки (Палаточные скалы) Каша-Катуве» находится в штате Нью-Мексико, близ озера Кочити.

⁹⁶ 60 °F примерно соответствует 15 °C.

пропустить пару рюмочек. Брр, брр, брр.

– Конечно, это только ЦПУ,⁹⁷ – сказал он. – Накопители находятся в другом здании. А архивы... в общем, не знаю, где архивы. Большая часть в Корее.

– А быстродействие? – спросил я.

– На данный момент около шести петафлопов.⁹⁸

– Ух ты.

Похоже, денег немало ухлопали, подумал я.

– В настоящий момент ОМОД воспроизводит сто пятьдесят шесть смоделированных миров, минут на десять опережающих реальность. И для каждого из них он одновременно проигрывает более пяти миллионов вариантов игры жертвоприношения. Каждая игра с тремя камушками.

– А сколько гипотетических вариантов развития ситуаций вы моделируете? – спросил я.

– Около двадцати тысяч в день, – ответил он. – Что касается мониторинга реальных ситуаций, то это число мне неизвестно.

– Угу, – кивнул я.

Правда, у Таро много замечательных качеств, и это одно из них: большинство других людей начали бы юлить, сказали бы что-нибудь вроде: «А с чего вы взяли, что мы моделируем ситуации?» Но профессор на них не похож.

– Хотите сыграть против него? – спросил Таро.

Я ответил, что с удовольствием.

– Вы играли с тремя камнями?

Я сказал «да». И добавил, что, по моему мнению, здесь надо использовать три бегунка. То есть камушек, который символизирует то, что происходит на самом деле, убегает от камней-охотников, представляющих различные варианты событий. Это не в три раза труднее, чем играть с одним камушком, а в 3^3 , то есть в 27 раз. Типа как шахматная задачка на мат в три хода гораздо сложнее, чем на мат в два. Ну так вот, обычно я бросал два камушка. Но учился играть и с тремя. Я решил, что у меня получится – уж против машины-то наверняка. Не может быть, чтобы компьютеры толком освоили игру, – хрена с два.

Таро приволок шаткий офисный стул, я уселся перед старым монитором NEC 3D, оперся на рабочую поверхность из жаростойкого пластика и принялся тюкать по сенсорной панели.

– Вы знаете, что средний человеческий мозг совершает около двух миллиардов операций в секунду? – спросил он.

– Ну, чтобы дотянуться до среднего, нужно немало поработать, – сказал я.

– А к этому мы должны добавить еще шесть или восемь миллиардов наших собственных операций – на параллельные варианты. – (Я кивнул, словно и сам мог легко это сообразить.) – Потом следует продублировать это для архива и защиты от сбоя. И тогда у нас получается около двадцати миллиардов в секунду. Пока ОМОД работает с нормальной скоростью и нам не требуется ничего сохранять в нем самом, этого будет достаточно.

– Отлично, – произнес я.

Только непонятно – достаточно для чего? Для того, чтобы создать новую господствующую расу всезнающих неорганических суперсуществ. Ну, по крайней мере, тогда мне будет с кем поговорить. Опаньки, окончательная разборка между человеком и машиной. Ясно, на чьей стороне я буду...

– Но не думаю, что он когда-нибудь сможет превзойти в игре человека, – продолжал

---

⁹⁷ ЦПУ – центральное процессорное устройство.

⁹⁸ Петафлоп – миллион миллиардов вычислений в секунду.

Таро. – Даже если в компьютерном смысле ОМОД станет столь же могучим, как человеческий мозг... таким же умным... это не означает, что он будет обладать интуицией.

Игра жертвоприношения была похожа на го, и в отличие от шахмат люди могли играть в нее гораздо лучше, чем вычислительная техника. Самую мощную программу по игре в го все еще способен обставить игрок ниже среднего. Го очень легко поддается описанию, она близка к тому, что программисты называют чистой средой. А игра жертвоприношения слишком фрагментирована, она сильнее связана с миром, а потому в несколько миллионов раз более непредсказуема.

– Только вы уж не рассказывайте об этом никому, – сказал я. – Хотя бы не комитетам, распределяющим гранты...

– Они об этом уже догадались, – ответил он. – Вот почему мы стали... чем-то вроде корпорации. Во всяком случае, на данном этапе ОМОД в основном используется в роли помощника. – Профессор подвел меня к ряду мониторов на органических светодиодах. – Он помогает улучшить качество действий начинающих складывателей. Как продвинутые шахматы. – Этим термином шахматисты называют игру, в которой им помогают два компьютера. Я кивнул.

Он сел. Сел и я.

– Мы работаем с пятью студентами, – произнес Таро. – Двое научились играть в майяских сообществах, остальные – здесь. Один из них довольно многообещающий. Но прежде он не был складывателем.

Я ждал, что сейчас он скажет: «Но ему до вас, как до луны», но профессор воздержался от сравнений. Вместо этого он показал мне несколько графиков и пиковые всплески на том, что мы за неимением лучшего наименования называли «всемирное событийное пространство». В основном эти данные подтверждали, что игра наилучшим образом прогнозирует поведение групп людей в кризисных ситуациях.

– Она пока всего лишь очень полезна, – прокомментировал Таро, – а со временем может стать колоссально прибыльной.

Но его спонсорам нужны были другого рода предсказания. Например, игра плохо справлялась с поведением рынка как такового – и освещала только то, что будут делать на рынках люди. Вы скажете, что это одно и то же, потому что рынки зависят от человеческой психологии. Но на самом деле на рыночные колебания влияет множество не зависящих от человека факторов – промышленный временной лаг, движение капитала, погода и т. п., а чтобы все это соединить с психологией, нужна интуиция. И научить этому компьютеры очень трудно, если вообще возможно.

Значит, у Таро были те же самые проблемы, что испытывал я. Тем не менее, подумал я... Гм. Предположим, смоделированные ситуации в среднем на 0,02 процента точнее, чем усредненные прогнозы, но для такой большой компании этого все равно достаточно, чтобы делать дополнительно несколько миллионов в минуту. В наше время даже меньшее преимущество превращает компанию в этакое монстра, пожирающего рынок. Группа Уоррена, вероятно, в скором будущем станет богатейшей компанией в мире. Хотя, судя по всему, они уже сейчас опередили всех. Может, они тратят гораздо больше, чем показывают в своих отчетах. И поэтому придерживают всякую информацию об игре. Если бы у них не было вполне конкретных причин держать язык за зубами, они по всему свету раззвонили бы о результатах, которые компания получает за счет инвестиций. Люди уже не отмечают с порога идею изучения игр. И стараются извлечь из этого что-нибудь для себя. Все хотят нанять будущего Джонни фон Неймана.⁹⁹

Похоже, эти умники не хотят управлять чужими деньгами, потому что мечтают иметь собственные. Скорее всего, Линдси Уоррен и некоторые члены совета директоров

---

⁹⁹ Джон фон Нейман (1903–1957) – американский математик венгерского происхождения, сделавший важный вклад в ряд областей математики.

планируют прикупить доступные акции, пока не стало известно об их деятельности. Или опасаются, что правительство, узнав о возможности применения игры в военной сфере, перехватит у них эти работы. Нет ли тут деталей, вызывающих беспокойство, а? Что, если Уоррен или кто-то другой выведет-таки игру на следующий уровень? Что тогда? Вдруг приспешники Линдси собираются завладеть миром и править им безраздельно? Это как если бы Таро работал над проектом «Манхэттен»,¹⁰⁰ но только не на Министерство обороны, а на «Марвел».¹⁰¹

Может, следует растрезвонить по всему свету все, что я знаю об игре? Да хоть сегодня вечером. Я уже давно об этом подумывал и даже записал большую часть информации, которую надо опубликовать. Тогда все смогут пользоваться игрой. Я все откладывал, потому что... ну, имелась на то причины. Мне казалось, что я еще не все продумал. Игре было трудно научиться, а уж чтобы каких высот достичь... И потом, прежде чем привлекать к ней внимание, я хотел решить с ее помощью кое-какие свои проблемы. Если честно (не хотел я об этом говорить, но теперь, когда мы с вами знаем друг друга немного лучше, мне стоит быть с вами откровенным) – я копил деньги, чтобы заказать Гарсию Торреса. В наши дни это дело нелегкое, потому что люди, которых вы нанимаете, стараются объехать вас на кривой, даже если выполняют свою работу. И все же я думал... и все же я не был уверен, что информация об игре будет полезна. Вот, скажем, плохо, что атомная бомба находится в руках у некоторых политиканов, но еще хуже, если она окажется у всех и каждого. Гм. Гм. Ммм...

Допустим, Уоррен хочет сохранить все в тайне. Но тогда почему компания позволила Таро дать интервью «Тайму»? Если уж они не могли предотвратить публикацию Кодекса (о нем знало слишком много людей, занимающихся майяской цивилизацией), то попросили бы профессора напелсти газетчикам какую-нибудь чушь...

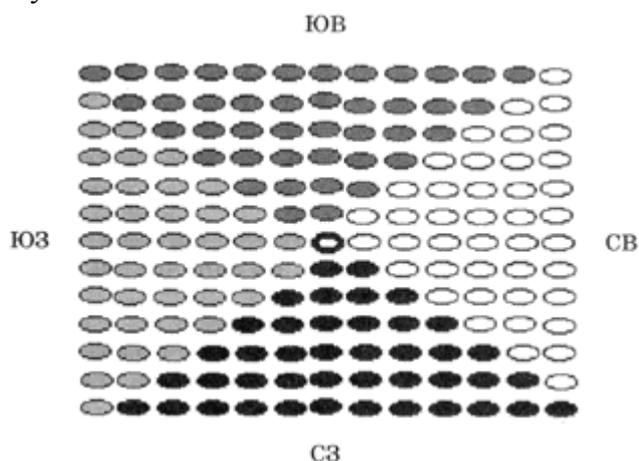
– Хотите увидеть нынешнее игровое поле? – прервал мои размышления Таро.

– Конечно, – ответил я.

– Вообще-то я вам его не должен показывать, поскольку дело это абсолютно секретное, но вы же помогали в его разработке, и я знаю: вам можно довериться.

Я сказал спасибо. Черт. Я настоящий pisado.¹⁰² Все это меня немного доставало.

Таро кликнул по экрану.

Ух ты, подумал я. Просто. Изячно. Иногда смотришь на что-нибудь и видишь: да, вот оно.

¹⁰⁰ «Манхэттен» – кодовое название программы США по разработке атомной бомбы в 1940-х годах.

¹⁰¹ «Марвел эртертейнмент» – американская компания, работающая в области индустрии развлечений.

¹⁰² Кретин (*исп.*).

Черт, почему же я сам до такого не допер?

– Угу, – буркнул я. – Это основано на том самом Кодексе?

Он ответил, что большей частью да.

Следующие полчаса я кликал по доске, опробовал разные календарные варианты, привыкал к интерфейсу. Оказалось не так трудно, как я опасался. Люди думают, что размеры игровых полей всегда одинаковы, что у крестиков-ноликов всегда девять квадратов, а у шахмат – шестьдесят четыре. Но на самом деле это не так. Некоторые обучают новичков на доске с тридцатью шестью клетками. У сёги, японских шахмат, восемьдесят одна клетка. У стандартного поля го триста шестьдесят одна клетка, но даже серьезные профи иногда играют быстрые партии на доске в восемьдесят одну клетку. Спецы по крестикам-ноликам соревнуются на больших многомерных досках. В феодальной Японии генералы и придворные сражались в сёги на доске из шестисот двадцати пяти сегментов, используя всякие идиотские фигуры вроде синих драконов, злых волков и пьяных слонов. И конечно, в эпизодах 1–2, 1–3, 1–20 и 3–14 Кирк и Спок¹⁰³ проводили досуг за трехмерной шахматной доской, копии которой теперь предлагает «Франклин минт».¹⁰⁴ То же самое можно сказать и об игре жертвоприношения – вы играете на большой или маленькой доске, не меняя правил или даже меняя их, а иногда и всю стратегию. Но чтобы хорошо приспособиться к новой доске, требуется время. Я мог еще лет десять обкатывать новинку. Черт возьми, вот ведь оно как должно быть, думал я. Если бы я пользовался такой версией, то имел бы миллиарды, а не миллионы. Компания Таро наверняка играет на бирже с помощью этой штуки, а если нет, то они просто идиоты. Ладно, забудь об этом. Сосредоточься.

– Думаю, что готов попробовать, – решил я.

– Хорошо, – сказал Таро. – У меня есть первый вопрос.

Из карманчика для часов я вытащил упаковку жвачки. «Ахпайеен б'ахе'лах к'ин ик'...» – произнеся. («Я заимствую дыхание этого дня».) Пять раз постучал по экрану, бросил несколько так называемых виртуальных семян на игровое поле и украдкой оглянулся на ОМОД. Когда штуковина начала соображать по-настоящему, по жидкости пошли вибрации. Я кивнул, дескать, можно стартовать.

Таро сперва подкинул мне несколько простеньких вопросов, потом стал задавать потруднее. Внезапно новое поле показалось мне больше, чем я рассчитывал, мои бегунки вполне могли потеряться на этих просторах и вернуться лишь спустя некоторое время после Большого схлопывания.¹⁰⁵ А ОМОД был противник хоть куда. Я сразу понял, что с игроками такого класса еще не сталкивался. Он явно опережал всех. Но первый бросок я отыграл не так уж и плохо. Игра принадлежала к тем областям жизни, в которых я не испытывал недостатка в уверенности.

– Сейчас явится наш лучший студент, – сообщил Таро часа два спустя. – Хотите сыграть в прогноз в реальном времени?

Я согласился не без волнения. Ибо в соревнованиях никогда не был силен.

– ИК – вниз по лестнице, – сказал Таро. Он имел в виду изолированные комнаты. Отлично, я выразил восторг.

«Что происходит?» – время от времени спрашивал я себя.

Попросил перерыв, отправился наверх, набрал эспрессо из четырех кофейных автоматов, прикупил пакетик «джелли белли»¹⁰⁶ и вернулся. Таро повел меня еще ниже по

---

¹⁰³ Эпизоды и персонажи сериала «Звездный путь».

¹⁰⁴ «Франклин минт» – американская корпорация, производящая сувенирную продукцию.

¹⁰⁵ Большое схлопывание – гипотетическое космическое событие, обратное Большому взрыву и прогнозирующее возвращение Вселенной к состоянию до Большого взрыва.

¹⁰⁶ «Джелли белли» – железные конфеты, производимые американской фирмой «Джелли белли кэнди».

холодному коридору в маленький конференц-зал.

– Чувствую себя как школяр перед испытанием, – поделился я.

– Ну вы же знаете, я все люблю испытывать, – отвечал Таро.

– Если я покажу хороший результат, мне дозволено будет увидеть Кодекс?

– Если Марена Парк разрешит.

Я подумал, что он имеет в виду какое-то место, но Таро объяснил:

– Она главный босс.

– Ясно, – сказал я.

– Тони практиковался с таким раскладом больше месяца, – сообщил Таро. – Поэтому не думаю, что вы его переиграете. – (Я кивнул типа: «И я тоже, поскольку я всего лишь скромный ученик».) – Но знаете, у вас получается лучше, когда присутствует элемент состязательности.

– Верно, – согласился я.

Вот спасибо. Ну да, мне нужно немного мотивации. Знаете, я работаю с полной отдачей, когда в лицо светит ксеноновый прожектор, а к мошонке подведены электроды. Надо вспомнить, почему же в свое время я вышел из проекта?

В дверь робко постучали, и вошли двое. Коренастая девушка южноазиатской внешности в очках – Таро представил ее как Эшли Тью – и молодой человек, судя по всему наполовину майя, по имени Тони Сик.

Мы поздоровались на английском, а потом Сик спросил у меня на юкатекском, дескать, правильно ли он понял, что я из Альта-Верапаса. Я сказал «да». Волосы у него были подстрижены под ежик, очень коротко, но на военного он не походил. По его словам, он только что играл в футбол. Я окинул взглядом его шорты и старые «Дайадора Ар-Ти-Икс 18» – довольно серьезные профессиональные бутсы. Пахло от него здоровым мужским потом. Я стал дышать через рот.

– Это ваш зеленый автомобиль перед входом? – поинтересовался он по-английски.

– Да, – ответил я.

– Класс.

– Спасибо. Вот только по накрученным милям он далеко не зеленый.

– У моего брата в Мериде есть такой. Правда, его собрали из нескольких аварийных – этакий Франкенштейн.

Я сказал ему, что два месяца работал в музее в Мериде. Он спросил, не в том ли музее, что на 48-й calle,¹⁰⁷ нет, ответил я, на 58-й, и он улыбнулся.

Мы вышли в пустой коридор. Стены, пол и потолок были отделаны дюрастоуновскими¹⁰⁸ панелями – предположительно они затрудняли возможность спрятать провода или передатчики, которые позволили бы сфальсифицировать эксперимент. Сик скрылся в комнате за тяжелой стальной дверью. Меня посадили в другом помещении – четырьмя дверями дальше. В этом бетонном мешке не было ничего, кроме голой флуоресцентной лампы в потолке, старого ЖК-монитора, неудобного стула, видеокамеры с собственным питанием и передатчиком, электроэнцефалографа и рабочей поверхности из жаростойкого пластика и уже включенной сенсорной панели управления.

Черт, подумал я, довольно серьезный подход. Видимо, у них возникла какая-то проблема и им потребовался эксперт. Верно? Верно.

Эшли закрепила электроды у меня на голове – ей пришлось повозиться, мои волосы ей мешали, – и сказала:

компани».

¹⁰⁷ Улица (*исп.*).

¹⁰⁸ «ДюраСтоун» – американская фирма, специализирующаяся на изготовлении отделочных материалов.

– Ну все, мы вас оставляем.

Она имела в виду: «Оставляем вас здесь в одиночестве». Клаустрофобией я не страдаю. Хотел ей об этом сообщить, но, как обычно, пробормотал что-то невнятное. Мы с Сиком должны были играть одновременно с одним и тем же набором данных. Таро контролировал ход эксперимента и наблюдал за нами по видео. Никакой другой связи между комнатами не предполагалось, так что ни малейшей возможности воздействовать друг на друга мы не имели. Не то чтобы мы с Сиком играли друг против друга, мы просто состязались, с одной стороны, рассматривая Таро как обычного клиента, а с другой – действуя, как всегда, от его имени против отсутствующего бога.

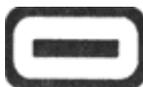
Я достал свой табачок, втер его в бедро и устроился поудобнее. Сик в своей изолированной комнате сделал то же самое.

– Готовы? – спросил Таро по громкой связи.

Голос его был синтезирован, чтобы он не мог подсказывать нам с помощью интонации. Сик, вероятно, ответил утвердительно. Я тоже. Ладно, подумал я, разнесу в пух и прах этого деятеля еще в первом раунде. Какие тут могут быть проблемы?

На экране пошла тестовая картинка.

(5)

Я увидел картинку с камеры слежения, помещенной над площадью в явно или преимущественно исламской стране. Там уже стояла ночь, но землю освещал резкий синий свет, насколько я понял – от военных прожекторов. Внизу толпились мужчины в грязных белых одеждах. По их шеям струйками, словно черная краска, стекала кровь из ран на головах – эти раны они нанесли сами себе. В середине располагалась высокая сеточная ограда, за ней стояли десять или пятнадцать солдат, усатых, одетых в хаки и вооруженных чем-то похожим на «SA-120». Знаков различия я не заметил. У них был напряженный вид людей, которые изо всех сил стараются скрыть свое беспокойство. За солдатами маячило здание вроде административного, может быть, посольство, белое с белыми пилястрами и двумя викторианскими деревянными дверями. На них виднелись таблички, но нечеткость изображения не позволяла их прочесть. Звук отсутствовал, а в нижнем и верхнем правых углах экрана помаргивали синие прямоугольники, перекрывавшие бегущую строку информационных новостей. Несколько человек в толпе держали самодельные плакаты, но надписи на них были специально размыты. Черт, плохо я подготовился. Человек, знавший побольше меня о том, как выглядят жители той или иной страны исламского мира, вероятно, мог бы с ходу догадаться, где это происходит... Однако нужно срочно соображать, черт побери. Так, на улице темно, и если предположить, что передача ведется в реальном времени, а это скорее всего, то вряд ли действие разворачивается на Среднем Востоке, потому что на семидесятом меридиане сейчас день, значит, перед нами, видимо, картинка откуда-то из северной Индии. Да что там, я почти уверен, что это где-то рядом с Бангладеш или в ней самой, ведь там сейчас горячая точка. Ладно. А головы у них разбиты, потому что... вероятно, сегодня какой-то мусульманский праздник, о важных датах индуистского календаря мне неизвестно... Видимо, собравшиеся протестуют против чего-то конкретного.

Сейчас прикинем. Похоже, город не очень большой... значит, вряд ли на экране посольство, скорее мэрия. А обезумевшие фанатики хотят... чего же? Они не собираются разнести это здание... нет, рует,¹⁰⁹ они требуют, чтобы их впустили туда. Верно? Может, потому, что боятся: когда начнется война, индуистское большинство разорвет их на части.

Да, вроде того. Впрочем, все эти домыслы чистой воды не позволяли мне уверенно

---

¹⁰⁹ Следовательно (*исп.*).

судить о предстоящих событиях.

Мы наблюдали, запоминая сцену. Минуту спустя экран почернел.

– Итак, – прозвучал измененный голос Таро, – пусть каждый из вас ответит на три вопроса. Первый: переберется ли толпа через ограждение и будет ли штурмовать здание? Второй: если это случится, то когда? И третий: если нападение состоится, будет ли оно успешным? Вам дается тридцать минут. Есть ли у вас какие-либо вопросы?

Конечно есть, подумал я, у коричневой крайолы¹¹⁰ тот же цвет, что и у карандаша номер два, или...

– Итак, вопросов нет, – сказал он. – Прошу вас, приступайте.

Я разобрал мои виртуальные семена по доске. Они подпрыгнули высоко, но это не имело особого значения. Дело в том, что тема запроса, то есть события в Азии, не была конкретизирована, существовала неопределенность и на доске. Команда Таро, конечно, обработает это видео и все другие данные, которые они получают оттуда, с помощью обычного компьютера. Они воспользуются теми же программами, моделирующими катастрофическое поведение толпы, какими пользуются в Департаменте внутренней безопасности, а также всем, что они надыбали на проекте ОМОД. И тем не менее я их обойду. Верно? Я положил мой бегунок в центральную ячейку.

В основном игра жертвоприношения сводится к тому, чтобы поймать бегунок. Если вы играете с одним камушком, это означает, что у вас только одна фишка, а у вашего противника их много. Некоторым данное положение кажется странным, хотя по сей день существует много настольных игр, основанных на таком принципе. Наиболее популярные из них называются «Заяц и гончие», «Козел и волки» или как-либо еще в том же роде и весьма распространены в Азии. Так вот, все они попадают в разряд в высшей степени асимметричных игр. То есть один из игроков имеет несколько быстрых или сильных фигур, а другой играет с набором медленных или слабых преследователей. Если вы бегунок (жертва, добыча – называйте как хотите), то ваша задача – уйти от охотников или «пленителей». В «Зайце и гончих» (а играют в нее на разграфленной доске) это может означать переход на другую сторону игрового поля. В игре жертвоприношения вы начинаете с даты отсчета в центре доски и, чтобы выиграть, должны попасть в один из четырех «домиков», расположенных по углам. Что весьма непросто. Во-первых, вам мешают охотники, во-вторых, ваши движения отчасти контролируются генератором случайных чисел. Кроме того, в игре бегунок оставляет за собой след везде, где успел побывать. Каждый раз, попадая в квадрат, или, правильнее, в точку, вы оставляете там знак, помечая таким образом это место. За вами тянется цепочка – ее можно сравнить с реальной историей, в отличие от остального поля, схожего с океаном, лабиринтом вероятностей. Очередной ход – новая дата. Так что игровое поле напоминает такой вечный календарь – раньше были подобные, с четырьмя кольцами и множеством бобышек, скажем, семь бобышек для каждого из дней недели и тридцать одна бобышка для каждого из дней месяца, примерно так. Ведь каждый раз, двигаясь в пространстве, вы оставляете след во времени. И если вы можете определить дальнейшее направление, экстраполировать кривую и предугадывать следующий ход, то заглядываете в будущее.

Любая великая игра вводит серьезного игрока в особое состояние, похожее на транс, и в этом смысле игра жертвоприношения имеет неопиcуемый, свойственный лишь ей привкус. Вы в детстве играли в пачиси или в одну из ее слегка модернизированных версий типа «Простите!» или «Отягчающее обстоятельство»? Помните ощущение эйфории, когда вы кидаете игральную кость, потом двигаете маленькие фишки или камушки из начального положения на поле? Ваш последний солдатик доходит до цели, опередив на две-три клетки противника, и сердце радостно бьется, но как же горько становится на душе, если, почти добравшись до финиша после долгого пути, вы вынуждены возвращаться на исходную

---

¹¹⁰ Крайолы – восковые мелки, производимые американской фирмой «Крайола LLC».

позицию. Вот соперник попадает впросак, и уныние отступает, вам становится весело. А чтобы прекратить игру или выйти из комнаты – об этом и речи быть не могло. Игра становилась реальностью. И хотя пачиси в том варианте, какой в ходу на Западе, – детское развлечение, она лежит в основе и огромного числа взрослых игр, таких как триктрак, например. Да и «Монополия» (которая до сих пор остается самой популярной настольной игрой в мире, если говорить о хороших играх) является формой пачиси. Так вот, все эти изобретения создают ощущение эйфории, которое трудно описать и которому еще труднее противиться.

Я думаю, дело вот в чем: игра противопоставлена непредсказуемости. Вы словно оседываете волну вероятности, где встречаются два аспекта Вселенной – хаотичность и закономерность, они сталкиваются и достигают своего максимума, но в таком маленьком мирке с ними можно справиться без особого труда; у вас есть две игральные кости, образующие своего рода волны – базовую волну поперечных колебаний с пиком на семерке и волну случайных бросков с минимумом на двух и пиком на двенадцати. Даже того, кто ничего не смыслит в математике, это движение завораживает; вы испытываете то же, что в детстве, когда стоишь перед вывеской парикмахерской, смотришь на старинный цилиндр и размышляешь: куда же убегают полоски?¹¹¹ А став постарше, глаз не можешь оторвать от спиральки, которая мельтешит на вращающейся в проигрывателе пластинке.

В громкоговорителе снова раздался голос Таро.

– Время, – произнес он.

Я взглянул на игровое поле. Мой бегунок был в двух точках от северо-западного уголка. Его положение не вызывало оптимизма. Это в краткосрочной перспективе. А дальше – возникало ощущение, что вся сцена скатывается в тупик, но я никак не мог сосредоточиться. Черт!

– Протестующие прорвутся через ограждение приблизительно через два с половиной часа, – выдавил я. – Они попытаются захватить здание, но им это не удастся. Многие из них, я так думаю, человек пятьдесят, будут убиты или серьезно ранены.

Таро сказал, что понял меня. Я отсоединил электроды, торопясь сделать это до прихода Эшли, и вышел в конференц-зал.

На настенном экране я увидел марш протестующих. Звук здесь был включен, и все присутствующие наблюдали за происходящим. Как выяснилось, речь шла о каком-то городке к северу от Калькутты, дом являлся штабом ассам райфлс,¹¹² индийского формирования для подавления беспорядков, а толпа мухаджиров, мусульманских переселенцев из других стран, пыталась освободить своего лидера, задержанного и находящегося внутри. Я не очень расстроился из-за того, что не учел такую вероятность. Но вот что хуже: кажется, мусульманам угрожала толпа индусов, которые не попали в фокус камеры.

Сик появился вместе с Таро. Они уселись за стол. Наступила неловкая пауза.

– Ну и каков был ваш прогноз? – спросил у меня Сик.

Я выложил свое мнение. Он предположил, что менее чем через полчаса начнется штурм здания и нападавшие займут его. Я произнес «mmm» со всей профессиональной вежливостью, на какую был способен.

Таро сказал, что, судя по обычным оценкам наблюдателя из Национального агентства безопасности и по данным, полученным его программой, демонстрация рассеется и жертв не будет. Мы все закивали. Эшли Тью встала и принесла поднос с горячим шоколадом, печеньем и набором дешевых отвратительных травяных чаев. На экране произошло

---

¹¹¹ Общепринятое в англоязычных странах обозначение парикмахерской – белый цилиндр, оббитый наискось двумя полосками, обычно красного и синего цветов.

¹¹² Ассам райфлс – индийские военизированные полицейские силы.

единственное существенное изменение: кто-то из толпы, забравшись на возвышение, держал речь на урду. Мы сидели полукругом, как группка зеленых первокурсников, наблюдающих за подведением итогов голосования на выборах. И вправду, зрелище чрезвычайно походило на президентские выборы 2000 года, которые никак не могли закончиться, и у вас возникало желание идти и крушить все направо и налево, потом снова появлялась туманная надежда, и вы продолжали смотреть, кусая ногти, хотя в глубине души понимали, что все это закончится катастрофой.

Двадцать минут спустя один мухаджир полез на ограждение. Охранник дал предупредительный выстрел из карабина в воздух – раздался никого не напугавший хлопок. Еще через две секунды на ограде повисли десятки людей, прозвучало еще несколько хлопков. Кто-то упал вниз, но сорвался ли он сам или получил пулю, осталось неясным. Понять, что происходило после этого, было затруднительно, поскольку ограждение занимало две трети экрана, но не прошло и пяти минут, как из окна второго этажа вывесили самодельный флаг с арабской вязью на черном поле.

Мусульмане ворвались в здание. Я облажался. Сик выдал правильный прогноз. А я лоханулся. Даже смотреть на Таро не мог. Был готов к тому, чтобы выйти и проверить, получится ли у меня блевануть, но не пошел, потому что все остальные сидели на своих местах. Я пощупал ожог от коралла на указательном пальце левой руки. Он все никак не заживал. Чертовы *Millepora alcicornis*.¹¹³ Нужно было выкинуть это дерьмо из аквариума – пусть бы сдохли. Я сказал, что выйду ненадолго, чтобы погреться.

– Давайте посмотрим, что будет дальше, – предложил Сик, – еще не кончилось.

Я сказал «конечно» и подключил свой телефон к местной системе. Мне понадобилась минута, чтобы найти лифт, а когда я добрался до верха, у меня началась гипервентиляция.

Жаркий воздух немного привел меня в чувство. Как только люди выносят кондиционеры? Будь мои коллеги из Финляндии, я бы еще понял, так ведь нет. Сик – житель тропиков, а ему, казалось, все нипочем.

Черт. Сик. Скотина.

Ну что мне теперь делать? Я стоял посередине двора, занимающего около квадратной мили. Меня окружали дешевые, но претендующие на изящество кампусные постройки со множеством подъездов для инвалидных колясок, обсаженные местным кустарником. Я присел на какую-то кирпичную хреновину. Небо подернулось дымкой и приобрело серо-зеленый, грязноватый тон, ближе к оттенку № 6699СС в безопасной палитре веб-цветов, что придавало урбанистическому пейзажу зловещий вид, словно он был перенесен в Германию. Мрак, подумал я. Мрачно. Мрачно. Я не мог воспротивиться желанию посмотреть на свой телефон. Сначала показалось, что он настроен на пустой канал, но, приглядевшись, я сообразил: розовато-серое поле – это облако пыли. Люди кричали, а комментатор сообщил: он не знает, что происходит. Прошло немного времени – пыль рассеялась, и я увидел, что большей части здания уже нет. По словам комментатора, «похоже», штаб взорвали. Он не сказал, чьих рук это дело, но даже я (а я не ахти какой специалист во взрывчатке), даже я понимал: взрыв слишком силен и никто из протестующих не смог бы пронести внутрь столько взрывчатки. Видимо, кто-то из полицейских установил заряд до того, как толпа ворвалась внутрь, а потом, решив, что в этот момент можно причинить максимальный ущерб, нажал на кнопку.

Ха, я не угадал время, ну и что с того. Сик был еще дальше от истины. Ха! Так-то вот, Сико. Это я чемпион! Я...

Успокойся, Джед. Pisado. Там же люди умирают. Если ты присмотришься к экрану, то внизу увидишь два скорчившихся тела, будто вылепленных из того же серого пластилина, что и все вокруг. Какой же я олух! Проклятье. Ненавижу находить в себе недостатки. Хочется выглядеть порядочным человеком, который, глядя на такое, расстроился бы больше,

---

¹¹³ *Millepora alcicornis* – разновидность жалящих кораллов.

чем я. Впрочем, если ты хочешь быть более расстроенным, то это ничуть не хуже, чем быть расстроенным.

Верно я говорю?

(6)

Часа два спустя – если быть точным, в 4:32:29 пополудни, согласно показаниям бортового компьютера, – я остановился перед штаб-квартирой «Уоррен энтертейнмент» на западном берегу озера Тохопегалика немного к югу от Орlando. Моя великая победа над Сиком вызвала интерес ко мне со стороны Марены Парк, которая была боссом Таро и главой Интерактивного отделения. Я загуглил ее по пути, и выяснилось, что она в компании новенькая. Еще два года назад Марена работала креативным директором комплекса «Игровой мир Диснея» в Диснеевском центре в Орlando. Потом ее нанял Уоррен для работы над «Нео-Тео» – так называлась моя любимая стрелялка. Самые ярые приверженцы го, заядлые покеристы и прочие подобные им знатоки компьютерные игры всерьез не воспринимают, ведь по большому счету это не столько игры, сколько стимуляторы, но мне все равно некоторые из них нравятся, поскольку позволяют выпустить ядовитый пар. «Нео-Тео» представляла собой упрощенную потребительскую версию майяской мифологии, вы там крались по дворцам, построенным в псевдопуукском¹¹⁴ стиле, набирали очки и мочили демонов-ягуаров копьем. Избыток неточностей и всякой дешевки поначалу приводил меня в бешенство, но в то же время игра обладала какой-то дьявольской привлекательностью – вы садились на нее, как на иглу, и я если не полностью впал в зависимость, то определенно стал активным пользователем. А декорации, сработанные миссис Парк, были в самом деле на высшем уровне. Эти неотчетливые завитушки, крючкато-колючие линии довольно точно копировали рисунок на классической майяской керамике. Потом Марена получила «Оскара» как художник киноверсии. Поэтому у меня снова и снова возникал вопрос: что такой человек делает в качестве руководителя на проекте Таро? Она не была ученым. Тогда с какой стати? Хотя, может быть, теперь любой бизнес – это шоу-бизнес.

У здоровенных входных ворот мне пришлось объяснять громилам из службы безопасности, кто я такой. По тому, как они меня проверяли, у меня создалось впечатление, что миссис Парк крупная шишка. Охранник дал мне временный бейдж, и я застегнул его на правом запястье. Въехав внутрь, я остановился там, где мне велели. Передо мной высился угрожающе изящный комплекс зданий, отделанных драйвитовскими¹¹⁵ панелями. Вылизанный парк украшала гигантская зеленая скульптура в виде трех переплетающихся колец, которые отражались в большом округлом пруду. В главном здании было шесть этажей – больше, чем в других. Стекланные створки разъехались, и я вошел. Атмосфера помещения досаждала своей искусственностью. Под потолком шла галерея с конференц- и тренажерными залами, на полу стояла в вазоне громадная Дугласова пихта, увешанная сферическими видеозэкранами, на которых сияли счастливые лица Детей Разных Народов. Меня встретила длинноволосая женщина, назвала исковерканным именем и провела по некоему подобию атриума, где находились кафе «Жизнерадостный гурман» и большая

---

¹¹⁴ Пуук – название одного из районов Мексики, а также архитектурного стиля майя, преобладающего в этом районе.

¹¹⁵ «Драйвит» – американская фирма, выпускающая отделочные термоизолирующие панели для домов.

каменная жаровня для пиццы. Кучка технарей обогнала нас – одни на сигвях,¹¹⁶ а другие, как я догадался, на скользках.

– Нам сюда, – сказала она и махнула рукой, словно приглашая: «Идемте, будет весело, вот увидите».

Я кивнул и, подражая ей, пропищал спасибо.

Представить только, что это будет за работенка, подумал я. Еще душ заставят принять. Шутка. Душ я принимаю. Иногда.

– Профессор Мора говорит, что вы один из майя, – добавила женщина.

Произнесла она это в рифму с «шея».

– Да, чоланский майя, – ответил я и в стотысячный раз подумал, что во множественном числе майя будет «майя». Группа языков называется майяской. Вы говорите на майяском с майя о майя.

– По-моему, это совершенно очаровательно, – улыбнулась она.

Моя сопровождающая была высокой, с копной светлых волос, напоминавших руно, в общем, хорошенькой на овечий манер.

– Неужели? Что именно? – спросил я.

– Ну то, что вы из Южной Америки, и все такое.

– Из Центральной Америки.

– Пардон.

– Мы не из Южной Америки, – проговорил я. – Мы из Центральной Америки. Это примерно к северу от Панамы.

– Как это увлекательно. – Она рассмеялась. Мы прошли по пандусу на второй этаж мимо пустого проекционного зала, оформленного в ретростиле тридцатых. – А знаете что? – повернулась ко мне овечка. – Две недели назад я ходила на лекцию к х'мену.

– Вот как.

– Он научил нас, как стать майяским хранителем снов.

– Здорово. И что же для этого нужно?

– Он сказал, что майя в духовном плане были очень продвинутыми.

– Правда?

– Мы пришли, – пискнула овечка.

Она повела меня в приемную с черным полом и зелеными диванами в стиле «джинн» – словно негатив сцены из «Одиссеи-2001».¹¹⁷ Оттуда секретарша проводила нас в некое подобие торгового зала, где сидели явно счастливые работники в индивидуальных стеклянных боксах, стояли автоматы с кофе и сэндвичами, а рядом – столики с приправами, кофеварочные автоматы «Капрессо», маленькие холодильники «Саб-Зеро»¹¹⁸ с наклейками на них, гласящими что-нибудь вроде «амарантовое молочко¹¹⁹ здесь». Мы прошли в зону, устланную ковром, и девица заглянула за приоткрытую дверь. Тот, кто находился внутри, вероятно, подал знак, и овечка пропустила меня.

Марена Парк сидела, скрестив ноги, на рабочем столе и смотрела на большой зеленый экран, лежащий у нее на коленях. Это была одна из модных новинок, которая реагирует на движение рук владельца с большого расстояния, – Марена рисовала что-то, держа палец на

---

¹¹⁶ Сигвей – электрический самокат с двумя колесами, расположенными слева и справа от водителя.

¹¹⁷ В фильме «Космическая одиссея» диваны от фирмы «Джинн» были красного цвета – отсюда «негативное» видение их как зеленых.

¹¹⁸ «Саб-Зеро» – американская фирма, выпускающая холодильники, в переводе – «ниже нуля».

¹¹⁹ Амарантовое (амарант, или ширица, – травянистое однолетнее растение) молочко не содержит лактозы и рекомендуется аллергикам.

некотором удалении от монитора. Она оказалась меньше, чем я представлял по фотографиям, чуть не на голову ниже меня, отчего походила на подростка. Лицо у нее было более плоским и корейским, чем на постановочных снимках, но такой она мне нравилась больше – «лицо как полная луна», если воспользоваться выражением из «Тысячи и одной ночи». Я оценил ее костюмчик от Иссея Мияки – поточного производства, видимо, для катания на коньках, – нечто плиссированное и серое из полиамида, словно она появилась здесь из роскошного спортивного будущего. Марена подняла палец, давая понять: освобожусь через минутку. Я обвел взглядом комнату. Ого, какой аквариум на 125 галлонов, вделанный в стену. А в нем – новый вид сверкающих золотых рыбок от «Монсанто».¹²⁰ Я попытался сдержать улыбку. Иммунная система этих тварей никуда не годится – они страдают инбредной депрессией, и стоит два раза постучать по стеклу, как у них сдуру начинается общее заражение крови. На полу рядом со столом лежали срезанная наискосок игральная доска для го из японского багряника и старинные чаши тутового дерева, полные розовых игровых фишек из ракушек вымершего моллюска. Комплект должен стоить не меньше сотни тысяч долларов... Окно кабинета выходило на северо-запад, был виден плывущий над зелеными кронами символ Диснеевского парка – сфера под названием «Космический корабль Земля», напоминающая старый футбольный мяч в затынутом ряской пруду. Марена подняла на меня глаза.

– Привет, подождите секундочку, – сказала она. Голос тоненький, но не высокий. Как у жокея-мужчины. Последовала пауза. – Ну так перетолмачьте это на санскрит. Или на чем они там болтают? В чем проблема-то?

Я не сразу понял, что у нее в ухе телефон. Садиться я не стал, чувствуя, как мое сердце колотится о грудную клетку. Сунул руки в карманы и подошел к большой полке с безделушками, висящей на восточной стене. Мое внимание сразу привлекли большие медные часы с прозрачным корпусом, судя по всему сделанные в 1950-х. Из пяти вращающихся зубчатых колесиков четыре отсчитывали время по майяскому календарю, а пятое, самое большое, – георгианские даты, начиная с 3113 года до н. э. и заканчивая 21 декабря 2012 года. Увидел я и кольцо из лицевых глифов, но особого смысла в них не нашел. Может, это просто кто-то сделал от фонаря. Рядом стояли другие часы, поменьше, с треугольным масонским циферблатом, на котором было написано: «Уолтам. 17 камней. Возлюби ближнего»; остальные вещи на полке представляли собой награды – маленькие серебряные кубки за победу в турнире по го и по скалолазанию, две пружинки «Вебби»,¹²¹ Всемирная премия за достижения в области бесплатного программного обеспечения, несколько призов, присуждаемых обозревателям компьютерных игр, две тощенькие стеклянные пирамидки Академии интерактивных игровых искусств и наук, масса всяких фиговин, о которых никто и слыхом не слыхивал, и, на самом заднем плане, словно Марена не хотела, чтобы кто-нибудь подумал, будто она придает этому значение, статуэтка «Оскара» (одна шестая натуральной величины), облаченная в костюм из «Нео-Тео». Она стояла там, словно Христос в толпе восторженных нефитов.¹²² Вы по-настоящему любите меня?¹²³

---

¹²⁰ «Монсанто» – транснациональная фирма, специализирующаяся на биотехнологиях.

¹²¹ «Вебби» – премия, присуждаемая за достижения в области Интернета, выполнена в виде пружины на металлической подставке.

¹²² Нефиты – одна из групп Книги Мормона, потомки легендарного пророка Нефия, который, как утверждается в книге, по настоянию Бога покинул Иерусалим около 600 года до н. э. и вместе с семьей переселился в Западное полушарие.

¹²³ Американская актриса Салли Филд в своей речи при получении второго «Оскара» за главную роль в фильме «Места в сердце» произнесла слова, которые потом многократно пародировались (в том числе и самой Филд в рекламных роликах) и вошли в американский язык в качестве своеобразной идиомы, обозначающей низкую самооценку человека, их произносящего: «В первый раз я этого не чувствовала... но теперь чувствую.

подумал я. – Меня, маленького, царя мира?»

Хотелось, чтобы был кто-нибудь, кого я мог бы поблагодарить. Что ж, пожалуй, я должен поблагодарить Сатану, который позволил мне променять мою душу на это мгновение. Напротив полки с наградами висел на стене детский рисунок – Санта-Клаус, держащий большой универсальный дистанционный пульт, с помощью которого он управлял стадом северных оленей-роботов. Листок, прилепленный скотчем, частично закрывал сибакромовую¹²⁴ фотографию в рамке. На ней миссис Парк свешивалась головой вниз с выступа желтоватого гранита – пальцы у нее на ногах явно отличались обезьяньей цепкостью. Надпись над снимком гласила: «Одинокое восхождение “Шоколадная свастика”, Е7 6с,¹²⁵ Халам-Вью-Батресс,¹²⁶ гравелит,¹²⁷ 14/9/09». Рядом я увидел маленькое по сравнению с первым фото в рамочке, в выпяченных кодаковских синевато-коричневатых тонах 1950-х годов: молодая кореянка с нетерпеливым выражением лица, одетая в форму летчика американских ВМС, бок о бок с пятизвездным генералом, чье лицо показалось мне знакомым, а на заднем плане пыльный В-29. На носу его были нарисованы две игральные кости, выпавшие в сумме на семерку, и грудастая брюнетка, а еще там красовался девиз «Удвойся или уходи».¹²⁸ В левом верхнем углу снимка я разобрал сделанную от руки подпись: «Пак Юнг с неизменной благодарностью за службу “В небе, где нет границ”¹²⁹ – главнокомандующий союзных сил генерал Дуглас Макартур, Кадена, 12/27/51».

– Именно, – сказала Марена в пустоту. Пауза. – Баюшки. – И перевела взгляд на меня. – Привет.

Она не встала. Обычно я радуюсь тому, что люди больше не обмениваются рукопожатиями, но в данном случае я бы не возражал против небольшого кожного контакта. Я ответил: «Привет». Но не знал, следует ли мне представиться, – ведь она знает, кто я, – и не стал называть свое имя.

– Таро в самом деле считает, что вы – высший класс, – отметила миссис Парк.

– Это очень лестно.

– Вы наверняка играете в го, да?

Я кивнул. Должно быть, она видела, как я разглядывал доску. Странно, как люди узнают про мои привычки. Мне всегда казалось, будто я живу на планете телепатов. По всей вероятности, это связано с предполагаемым посттравматическим стрессовым расстройством.

– Насколько хорошо вы играете? – спросила она.

– Гм, приблизительно на уровне шестого дана.¹³⁰ Любитель.

– Безбожно, – усмехнулась миссис Парк. – У меня пятый. Может, сыграем как-нибудь?

Вы любите меня, вы по-настоящему любите меня».

¹²⁴ Сибакром фотографический процесс для воспроизведения слайдов на фотобумаге.

¹²⁵ Принятое в американском скалолазании обозначение маршрутов определенной сложности.

¹²⁶ Халам-Вью-Батресс – скала в Шеффилде, облюбованная скалолазами.

¹²⁷ Гравелит – осадочная горная порода.

¹²⁸ «Удвойся или уходи» – одна из стратегий игры в покер.

¹²⁹ «В небе, где нет границ» – фильм о летчике Поле Тиббетсе, сбросившем первую атомную бомбу на Японию (режиссер Мелвин Фрэнк, 1952).

¹³⁰ Дан – обозначение уровня, достигнутого при изучении какого-либо предмета, в спорте и боевых искусствах. Нумерация данов идет от 1 к 10.

– Договорились, – согласился я.

Пятый дан – это вообще-то здорово, в особенности потому, что большинство людей в индустрии развлечений с трудом могут освоить и кути.¹³¹ Го в Азии считается боевым искусством, а дан это пояс. Так что шестой дан – черный пояс шестой степени. Правда, мне до профессионала еще далеко. Как бы там ни было, но шестой дан дает пятому фору в один камень, что оставляет мне возможность сделать очень неплохую игру. Мы с Мареной засидимся далеко за полночь, расположившись на циновках на ее волнующе аскетическом, оборудованном системой квадруплекс чердаке, со швейцаром у дверей и под романтические мелодии Джелло Биафры,¹³² и когда я в очередной раз извинюсь за то, что снова обошел ее на семьдесят с половиной очков, она оттолкнет доску в сторону и ухватит меня за...

– Пожалуйста, setzen Sie sich,¹³³ – сказала она.

Я сел. Стул казался цельным, но подался подо мной и принял форму моего тела, отчего мои ноги на секунду повисли в воздухе. Какой же я тупица.

– Слушайте, я большой поклонник вашей игры, – спохватился я. – Все время в нее играю.

– Да? Спасибо. И до какого вы дошли уровня?

– О, до тридцать второго.

– Превосходный результат.

– Спасибо. – Хотя речь шла о ее собственном продукте, признание смущало меня – уж слишком много времени я проводил за этой дурацкой игрой.

– Дело в том, – сообщила она, – что, хотя «Нео-Тео» мое изделие, я вообще-то ничего не знаю о древних майя. – (Без дураков, подумал я.) – Вероятно, для вас сей факт очевиден, – сказала она, и я почувствовал себя неловко.

– Понимаете...

– Ничего страшного, это же все фантазия. И в ней нет исторической точности.

– Конечно, – сказал я.

И тут сообразил, что так и не снял шапку. Черт. Я ее ношу там, где не подобает обнажать голову, но забываю снять, когда вхожу в помещение. Пожалуй, лучше ее теперь снять, подумал я. Нет. Теперь слишком поздно. Но миссис Парк же решит, что я чокнутый – сажу тут в этой шапке. Нет, не делай этого. Это мой стиль. Я ношу шапку. Лучше расслабься. Виено. Говорит сеньор Шапка.

– Ваш родной язык майяский? – спросила Марена.

– Да. – Я снял шапку. – Вообще-то язык моей родины называется чоланским.

– Таро говорит, что вы из Альта-Верапаса...

– Да.

– Вы что-нибудь слышали о тамошних руинах неподалеку от... ммм... Кабона?

– Прошу прощения, где? Может, вы имеете в виду реку Кахабон?

– Именно. Майкл говорил что-то о районе старицы.

– Вниз по течению? Т'оцал?

– Похоже, что так.

– Да там повсюду руины, – сказал я. – Люди знают, что эти холмы не природные. Мои дядья говорили нам, что их построили горбуны еще до Потопа.

– Какие горбуны?

– Ну знаете, такие земляные гномы, типа каменные ребята. И башка у каждого

---

¹³¹ Кути – детская настольная игра.

¹³² Джелло Биафра (Эрик Рид Баучер, р. 1958) – американский музыкант и актер, заметная фигура в американском движении «зеленых».

¹³³ Садитесь (нем.).

огромная, такими я их себе представлял.

– Понятно.

– А что? Вам известен этот район?

– Только по карте. Но Майкл пытался получить разрешение на раскопки королевских гробниц. Прежде чем будет построена дамба и это место будет затоплено.

– Да, это хорошо...

– Знаете, может, мне не стоит это говорить, но вы что-то не очень похожи на коренного американца.

– Ничего, говорите. Все понятно. Майя отличаются от навахо или кого другого. Иногда нас даже принимают за выходцев из Юго-Восточной Азии.

– Вы и на азиата не похожи. И на латиноамериканца. – Марена улыбнулась, чтобы придать разговору игривый оборот, словно боялась показаться расисткой. Но она была права – я действительно особо ни на кого не похож. Майя обычно невысокие и коренастые, но я метис, а благодаря кальцию, полученному мной в Юте (в отличие от большинства я не страдал непереносимостью лактозы, а ведь мне довелось совершить посадку на планете, где практически единственным легальным напитком является молоко¹³⁴), я вымахал до пяти футов девяти дюймов, на голову выше любого в моем родном семействе. Я весил около 135 фунтов¹³⁵ (так что одежду в отделе для великанов не покупал), и лицо у меня выглядело удлинненным. Чистокровные майя обычно широколицые, в профиль похожи на коршуна, анфас – на сову. Но у меня этакий среднетропический вид. Иногда люди, услышав мое второе имя, спрашивают, не с Филиппин ли я. Сильвана – она вроде моей бывшей жены – говаривала, что из-за длинных волос я похож на ухудшенную версию Киану Ривза в «Маленьком Будде».¹³⁶ Я хотел было сказать об этом Марене, но потом передумал. Пусть останется хоть немного таинственности.

Когда я ничего не ответил, она, похоже, немного разволновалась.

– Вы ведь не считаете игру Иш оскорбительной? – спросила она.

– Нет-нет...

– Боюсь, что мы сделали майяских ребят слишком уж... ну, вы понимаете...

– Дикими?

– Да.

– Ну, скажем, вы не сделали их привлекательными.

– Нет.

– В любом случае, я не сомневаюсь, что нравы в те времена были не очень мягкими.

– Ну да, у людей вырывали сердца и всякое такое.

– Вообще-то майя этими вещами не занимались, – заметил я. – То есть в точности об этом никому не известно.

– Правда?

– Может, позднее, веке в четырнадцатом. Но не в классический период. Сердца – скорее по мексиканской части.

– Вот как. Извините. И все же майя не были чужды каннибализма, верно?

– Не знаю, – сказал я. – Вероятно, это все испанская пропаганда. Они, безусловно, иногда приносили людей в жертву. Но ели их или нет – неясно.

– Понятно. Извините.

– Впрочем, стоит ли придавать этому значение? Я хочу сказать, что в наши дни

---

¹³⁴ Мормоны не пьют алкогольные напитки, лимонад, чай, кофе.

¹³⁵ В переводе на метрические единицы рост Джеда составляет 175 см, вес – 61 кг.

¹³⁶ Киану Чарлз Ривз (р. 1964) – американский актер ливанского происхождения, исполнитель роли Будды в фильме «Маленький Будда» режиссера Бернардо Бертолуччи.

каннибализм считается вполне приемлемым. Что-то вроде гольфа.

– Угу. Пожалуй.

– Вы знаете, что в Англии девятнадцатого века существовал медицинский каннибализм.

– Вы имеете в виду прах мумии?¹³⁷

– Да. И еще, скажем, считалось, что кровь человека, умершего насильственной смертью, лечит эпилепсию, и потому, когда на Линкольнс-Инн-Филдс¹³⁸ вешали преступников, фармацевты делали мертвецам кровопускание, смешивали кровь со спиртом, а потом такую микстуру предлагали в аптеке Гарриса.¹³⁹

– Любопытно.

– Да, а разве христианство не освящает каннибализм? Если задуматься, то что же такое причастие?

– Да-да-да, я об этом думала. Рассмотрим в качестве еще одного поветрия способ сбросить вес.

– Допустим.

– Вы, пожалуй, правы, ничего страшного в этом нет. Я хочу сказать, что съела свою плаценту.

Я промолчал.

– Простите, я вас шокировала? – поинтересовалась она.

– Я, гм...

– Слушайте, – сказала она, – Таро утверждает, что вы знаете всякие астрономические трюки.

– Правда?

– Правда.

– А он вам не говорил, что я умею хватать ртом тарелочки фрисби?

– Да бросьте. Ну окажите мне любезность.

– Хорошо. Выберите дату.

– А время какое?

– Любое.

– Скажем, двадцать девятое февраля две тысячи пятьсот девяносто четвертого года.

– Это не високосный год.

– Тогда двадцать восьмое февраля.

– Это будет пятница, – сказал я.

– Вы мне морочите голову.

– Пятница, пятница.

– Неужели?

– Да. Я еще могу вам сказать, что восход солнца в этот день (если он настанет, конечно) на Восточном побережье состоится приблизительно в шесть пятьдесят, а закат – примерно в шесть двадцать четыре.

– Ну конечно, – улыбнулась она. – А меня зовут Анастасия Романова.

– Могу добавить еще кое-что. Венера взойдет в восемь пятьдесят семь утра (хотя вы этого, конечно, не увидите), а зайдет в девять пятьдесят шесть вечера, если наблюдение вести прямо отсюда. А Сатурн зайдет в четыре тридцать четыре утра.

– Вранье.

– Прогуглите.

---

¹³⁷ Прах мумии считался афродизиаком.

¹³⁸ Линкольнс-Инн-Филдс – площадь в Лондоне, на которой в Средние века совершались казни.

¹³⁹ Речь идет об аптеке врача Генри Гарриса на фешенебельной Джеймс-стрит. Аптека существует и ныне.

– Я вам верю, – сказала она. У нее была широкая улыбка. – Это безбожно. – Судя по всему, «безбожно» в ее устах означало «грандиозно». – И сколько же людей способны на такое?

– Я больше ни одного не знаю. Есть люди, которые могут всякие другие штуки...

– Ммм, – подавила она смешок.

Ну да, подумал я, мозги у меня работают. Кубик Рубика я разделаю в один миг, заполню все нерешенные страницы в сборнике sudoku, рассчитаю налоги в шестнадцатеричной системе, только покажи мне исходные цифры...

– Это правда, что вы говорите на двенадцати языках? – спросила она.

– Нет-нет-нет, – ответил я. – В действительности только на трех. Если не считать языки майя. Большинство из них я знаю.

– Значит, вы владеете английским, испанским и майяским.

– Да. И понимаю несколько других. В смысле, читать могу. Немного даже говорю – во всяком случае, достаточно для того, чтобы попросить у продавца томаты.

– И какие же это языки?

– Да обычный набор. Немецкий, французский, греческий, науатльский, миштецкий, отоми...¹⁴⁰

– Послушайте, – сказала Марена. – Что вы думаете о конце света? Как по-вашему, это произойдет?

– Гм... понимаете...

Я замолчал. Вот с этим у нас маленькая незадача, подумал я. С одной стороны, я вопреки себе немного нервничал по данному поводу. Но с другой – у меня не было ни одного основательного факта. Я, конечно, хотел заявить, мол, проблема такая существует и я могу поспособствовать в ее решении, но у меня складывалось впечатление, что запудрить мозги миссис Парк будет чуток потруднее, чем средней *chica alegre*.¹⁴¹

– Гм... понимаете, – пробормотал я, – у меня нет оснований так думать. Почему все вокруг беспокоятся из-за этого?

– Некоторые действительно беспокоятся, и еще... Таро сказал, что предсказание может иметь отношение только к майя... хотя и это, конечно, тоже важно.

– Ну да, но вы не переживайте, – сказал я.

– Нет, серьезно, что вы думаете?

– Понимаете, речь, безусловно, идет о важной дате, – произнес я. – В старину как минимум устроили бы большое празднество. Созвали бы старых мудрых летописцев и уважаемых людей и стали бы решать, что делать дальше. Может, составили бы новый календарь.

– Значит, особо дергаться не стоит?

– Думаю, да.

– Угу, – буркнула она. В ее голосе слышалось чуть ли не разочарование. – А правда, что майя вроде как поклонялись времени?

– Ну, сильно сказано... если говорить точнее, ни одна другая культура никогда не была так одержима временем.

– Ведь майя сочинили все эти безумно сложные даты с именами и жуткими цифрами.

– Вообще-то дети, если учить их нашим цифрам, наверняка скажут, что они легче арабских. Они похожи на костяшки домино – точки и линии.

– Хорошо, однако Таро как-то пытался объяснить мне эти даты, и у меня голова пошла кругом. А ведь в том, что касается цифр, я яйцеголовая.

– У вас классные часы, – сказал я.

---

¹⁴⁰ Науатльский, миштецкий, отоми – языки американских индейцев.

¹⁴¹ Ветреной девице (*исп.*).

– Спасибо. Они когда-то принадлежали Джону Хьюстону – ну, вы знаете, кинорежиссеру, который снял «Сокровище Сьерра-Мадре».

– Здорово.

– А потом, когда я получила премию Академии интерактивных развлечений, команда, работавшая над игрой «Нео-Тео», подарила мне эти часы.

– Супер.

– Но как вы уже поняли, я в них еще не разобралась. Хотя, говорят, они идут правильно.

– На самом деле все не так уж трудно.

– Вы имеете в виду, что майяский календарь не так уж сложен?

– Да. В нем есть кое-какие хитрости, но основная идея проста. Если... Вот послушайте, представьте, что это не часы, а одомер, какие устанавливали в машинах, пока не перевели их на электронику.

– Ну.

– Все цифровые разряды там на шестеренках, знаете? И когда одна шестеренка совершает полный оборот, та, что левее, поворачивается на тридцать градусов. На одну двенадцатую. Только в случае с майяскими датами большинство шестеренок сделаны в двадцатеричной системе, то есть имеют по двадцать зубчиков. Кроме одной, у которой восемнадцать. Есть и еще одна важная деталька – у нее тринадцать зубчиков. Это ритуальный календарь – на воображаемой шестеренке с тринадцатью зубчиками написаны имена. Так что через каждые тринадцать раз по двадцать дней появляется одна и та же комбинация числа и имени. Вот сегодня, скажем, Нулевой день Летучей мыши, и через двести шестьдесят дней снова будет Нулевой день Летучей мыши. А когда многие циклы подходят к завершению одновременно, наступает важная дата...

– А, как на одомере при переходе на следующие сто тысяч миль. Детишки на заднем сиденье всегда заводятся, подаются вперед, чтобы увидеть этот момент.

– Верно, – сказал я. – С той разницей, что каждый раз начинается новый тун, период из трехсот шестидесяти дней. А потом – к'атун, он состоит из двадцати тунов, а двадцать к'атунов – это б'ак'тун. А восемнадцать б'ак'тунов...

– Спасибо, я поняла.

– Ну вот. Такой календарь. Только есть еще отсчеты для Венеры и других астрономических единиц, для юбилеев, для сверхъестественных существ, например, у каждого дня – свой набор покровителей и страшателей. Подобно католическим праздникам, посвященным разным святым...

– Только в тысячу раз сложнее...

– Но и сегодня примеров достаточно, верно? Олимпийские игры, президентские выборы – они раз в четыре года, потом выборы сенаторов раз в шесть лет, правда, со скользящим графиком, существуют экономические циклы и пятилетние планы, шестнадцатилетние циклы саранчи и стотридцатилетние – бамбука. Да, еще Джон Траволта возвращается с помпой через каждые пятнадцать с половиной лет...

– Я поняла.

– На самом деле нам достаточно знать солнечные циклы. То есть триста шестьдесят дней и тц'олк'ин. Если их взять по двадцать и тринадцать, то получим б'ак'тун. А в б'ак'туне около двухсот пятидесяти шести лет. Тц'олк'ин задает место цикла и главное...

– А что такое место цикла?

– Типа временной столицы. Скажем, люди, поторговавшись, решают основать столицу в таком-то городе. Выбирают храмовый комплекс, в котором будут встречаться правители, чтобы обсудить вопросы международной политики, назначить праздничные дни и прочее. А потом по окончании двадцати лет эти храмы подлежат ритуальному разрушению. Допустим, надписи уничтожают, изгоняют царскую семью, крушат памятники... А затем это место становится своего рода табу, и на следующие двадцать лет столица переносится в другой город.

– Так вот почему майя покинули все свои города?

– В принципе, да. Вероятно, по этой причине были заброшены некоторые из церемониальных центров, но...

– Ну хорошо, – перебила Марена. – Насколько я понимаю, вы используете игру жертвоприношения для покупки акций.

– Товаров.

– И вы делаете это вручную? – Она имела в виду – без компьютера.

– У меня осталась старая программа Таро, – сказал я. – Но в основном – да, вручную.

– И у вас есть мешочек с маленькими камушками, как там он называется?

– Грандеза, – ответил я. – Да, есть.

– Он у вас при себе?

– Да.

Она не попросила показать ей грандезу. Может, сочла, что такая просьба будет неприличной.

– Но знаете, – произнес я, – я ведь не астролог какой-нибудь. Мои занятия не связаны с чем-то сверхъестественным.

«Слушай, – мысленно обратился я к ней, – давай ты мне покажешь книгу, а я тебе – мои камушки».

– И тем не менее игра позволяет вам предсказывать события. Верно?

– Ну, предсказания – это по части гадалок.

– Н-да. – Она помолчала.

Не будь ты таким честным, Джед, подумал я. Если она не решит, что ты уникам, то ничего тебе не покажет. Разве нет? С другой стороны, существует теория ненавязчивой рекламы. В любом случае, ты же не собираешься назначать ей свидание. Даже если она типа страстная женщина. Тебе сейчас нужно от нее одно – чтобы она показала тебе Кодекс. Правильно?

– Значит, – проронила миссис Парк, – вы утверждаете, что древние майя на самом деле не были прорицателями?

– Да нет, они... слушайте, по-моему, они просто не придавали статус пророчества своему умению просчитывать грядущее. Его свойства были для майя перманентными, ну как аромат, как природные особенности времени года или суток. Вот, например, «Альманах фермера» сообщает, что такого-то числа пойдет снег, а майя говорили: тогда-то будет мор или война. Скажем, в определенный день случалось крупное сражение, и с тех пор он приобретал запах насилия. А день рождения короля до сих пор считается счастливым днем.

– Ясно.

– Суть в том, что игра дарит вам взгляд в будущее. Она улучшает вашу способность предвидения.

– Каким образом?

– Если очень упрощенно, то я бы сказал, что она повышает быстродействие вашего мозга. Или позволяет вам лучше сосредотачиваться, а это в принципе одно и то же. Она создает игровое время. Вроде...

– Постойте. Игровое время – как у ребенка на детской площадке?

– Нет, это просто жаргон «StrategyNet». Имеется в виду следующее: каждая игра генерирует собственное альтернативное время. Знаете, есть игры-стратегии с передачей хода, так вот, там используются различные показатели скорости, не основанные на реальном времени или на продолжительности какого-либо периода, а только на событиях самой игры. Верно?

– Верно.

– У игры есть свой темп. То есть ходы. И если игрок делает ход, который ни к чему не приводит, то теряет темп. Время по часам – это всего лишь некое удобство, которое не имеет ничего общего с динамикой фактической игры.

Она кивнула.

– И если ваш ход не отвечает игровой ситуации... если он не дает возможности вашим фигурам достаточно быстро развиваться... то вы начинаете отставать.

Еще кивок.

– Таким образом, игровое время измеряется в изменениях состояний. Без учета продолжительности.

Марена пристально смотрела на меня.

– Еще момент: когда вы играете, вокруг вас все словно движется медленнее, да?

Она снова кивнула.

Теперь замолчал я.

– И что же, – произнесла она, – вы хотите сказать, что всего лишь просчитываете ходы?

Игрок в го обычно заглядывает на несколько ходов вперед. Профессионал – на добрую сотню.

– Верно, – ответил я. – Именно так.

Да, да. Дружеские узы! Дружба на основе игры! Братство игроков! Теперь ты, естественно, захочешь показать мне книгу. Точно? Точно.

Дело в следующем: мы, люди, увлекающиеся серьезными играми (математики называют их нетривиальными – подразумеваются го, шахматы, сёги, бридж, покер, игра жертвоприношения или важные компьютерные игры типа стратегических), знаем или предполагаем, что где-то там существует иной мир – мир целеустремленных личностей, настроенный на более мощную волну. Но это знание превращает нас в изгоев. И конечно, мы чувствуем себя выше всех остальных – пусть при этом другие здоровее, счастливее и успешнее в социально-экономическом плане, – а потому становимся невыносимыми.

– И все же, – сказала миссис Парк, – если умеешь просчитывать ходы вперед, то этого достаточно, чтобы хорошо вкладывать деньги.

– Пожалуй.

– Насколько я знаю, вы довольно успешно действовали на бирже.

– Позвольте спросить, откуда у вас такие сведения?

– От фирмы, – ответила она, произнося это слово с этакой зловещей интонацией а-ля Гришэм.¹⁴²

– Гм.

– Вы не волнуйтесь.

– Договорились.

– Так значит... послушайте, вы не увидели конца... я хочу сказать, вы не увидели, что через год наступит конец света? Нет?

– Вы имеете в виду дату 4 Ахау? Последний день календаря?

– Верно. Двенадцать, двадцать один, двенадцать.

– Нет, не увидел, – сказал я. – Пока не увидел.

– Пожалуй, это хорошо.

У меня возникало ощущение, что мы приближаемся к завершению нашего разговора, – будто послышалось бульканье, когда из бутылки выливаются остатки. Ну же, Джек. Как тебе стать незаменимым для этой женщины? Придумай что-нибудь убедительное, зрелищное, потрясающее... нет, даже и не пытайся. Просто спроси что-нибудь.

– Можно вопрос? – нашелся я.

– Валяйте.

– Почему исследования Таро спонсируются отделением, которое специализируется на индустрии развлечений? Ведь он занимается несколько иной темой.

– Ну, теперь все считается развлечением, – усмехнулась Марена.

– И правда.

---

¹⁴² Джон Рей Гришэм (р. 1955) – американский писатель, сценарист, актер. Основатель жанра юридического триллера. В прошлом адвокат и политик.

Покажи мне уже наконец книгу, думал я. Покажи мне книгу. Книгу покажи. Книгу мне.
– Как бы там ни было, Линдси всегда умеет находить баланс между развлечениями и другими вещами... Ведь почему студия сделала ремейк «Бега в молчании»¹⁴³ – потому что он купил «Ботанию», компанию, которая специализируется на закрытых гидропонических системах.

– Ясно.

– И одно хорошо подходило к другому.

– Гм. – Отлично, подумал я.

Сервайвализм.¹⁴⁴ Новые мормонские заморочки. Запасаются на случай катаклизмов. Кто же захочет предстать перед Иисусом на пустой желудок?

– Всякие сервайвалистские идеи, – произнесла она.

Она явно читала мои мысли. Черт, подумал я. Ненавижу телепатов.

– Да, – закивал я. – Я ведь вырос в Юте...

– Действительно...

– ...а потому знаю о таких делах не понаслышке.

– Ясно.

– Ясно.

– Я хотела сказать, так оно и есть. Линдси ведь святой первой статьи. Он недавно был избран в Совет семидесяти.

– Ух ты. – Совет семидесяти был руководящим органом Святых последних дней, что-то вроде коллегии кардиналов.

– Но я с этими людьми почти не общаюсь.

– Да?

– Они меня пугают.

– Понятно. – Ну-ну, подумал я, очень мило с ее стороны – пытается меня успокоить. Не то чтобы...

– Но Линдси – человек гораздо более просвещенный, чем остальные... и как бы там ни было, они финансируют такие предприятия, которых никто другой и не касается.

– Вроде холодной сварки?

– Ну да, сварки, – сказала она. – Есть еще и тысяча других проектов. Не все они относятся к производству уплотнительных колец.

– Точно.

Для сведения везунчиков, которые не жили и не работали в районе Солт-Лейк: мы здесь с Мареной обсуждали, во-первых, ошибочное заявление, сделанное Университетом Юты в 1989 году о том, что последователи Джозефа Смита якобы освоили холодную сварку, и, во-вторых, скандал с космическим шаттлом «Челленджер», когда выяснилось: мормонский конгрессмен перевел сооружение корабля в «Мортон-Тиокол»¹⁴⁵ и эта компания слизнула несколько миллионов долларов с проекта, к тому же, как некоторые, должно быть, помнят, поставила ненадежный аппарат.¹⁴⁶ И это только два примера из

---

¹⁴³ «Бег в молчании» – научно-фантастический фильм с экологическим посылом (режиссер Дуглас Трабал, 1972). В нем изображено будущее, в котором с земли исчезли все растения.

¹⁴⁴ Сервайвализм – от *англ.* survival – движение, участники которого готовятся к будущим природным и социальным потрясениям, чтобы не погибнуть. Сервайвалисты проходят специальную медицинскую подготовку, запасают продукты и медикаменты, воду, собирают отряды самообороны и т. п.

¹⁴⁵ «Мортон-Тиокол» – американская корпорация, специализирующаяся на производстве резиновых и других химических изделий, позднее – ракет и ракетных двигателей.

¹⁴⁶ Причиной катастрофы шаттла «Челленджер» 28 января 1986 года, как было установлено, стал дефект уплотнительного кольца.

множества. Да уже стало притчей во языцех, что Святые платят за научные исследования всевозможных психопатов. Научные в том смысле, как это слово понимают на Юго-Западе. Мормонские организации ежегодно тратят миллионы на выявление духов, генетическую память, генеалогические исследования с привлечением данных ДНК, культовую археологию,¹⁴⁷ затворничество конца света, набор выживания¹⁴⁸ и десятки других благоглупостей. Вообще-то низшая точка была достигнута, пожалуй, в 1998-м, когда двое исследователей в Лейтоновском институте прикладной физики заявили, что они выделили квантовую пену и создали пузырьковую вселенную. То есть впервые со времени Большого взрыва внутри известной Вселенной начала формироваться запасная. Эти чудилы сообщили, что две вселенные будут идентичными в момент расщепления, но вследствие податомной неупорядоченности станут быстро расходиться. Когда интервьюер из Си-эн-эн спросил старшего из исследователей, где находится эта вселенная, тот ответил: «Мы пребываем в ней». Неудивительно, что повторить их результаты никто не смог.

– В любом случае, – сказала Марена, – мне легче включить эти расходы в свой бюджет, потому что у меня все равно проходят всякие штучки, связанные с майя.

– Ясно, – кивнул я.

Последовала еще одна пауза. Ну что ж, классно, подумал я. Это, видать, означает, что я тебе ни для чего не нужен. Уберусь отсюда, поджав хвост, – и все дела...

– Значит, вы можете читать майяские рукописи? – спросила она.

– Да, могу. Неплохо читаю. Только вы же понимаете, это не совсем похоже на привычное чтение, там тексты обычно пишутся не предложениями и возможны всякие интерпретации.

– Ясно. Насколько я понимаю, вы хотите взглянуть на Кодекс Кох, верно?

– Безусловно, хочу, – проговорил я, в душе ликуя: «Да!!!»

– Дело только в том, что книга не опубликована, так что я не должна пока выпускать ее из рук. Это самая большая тайна после пластической операции носа Натали Портман.¹⁴⁹

– Угу. – Пауза.

– Даже не знаю, – вздохнула Марена, – если бы вы, к примеру, пожелали снова работать с Таро, то могли бы прийти, когда он начнет следующую фазу испытаний... хотя это будет еще не завтра.

– Угу. Ммм.

Вот спасибочки – отбрила меня. Ты лузер, старина Джед.

Я автоматически вцепился пальцами в подлокотник, чуть не выломав его, чтобы немного поднять себе настроение. Меня захлестывала волна разочарования на молекулярном уровне, сравнимая с переходом к свободному падению после подъема на «Силовой башне Супермена» в «Шести флагах над Техасом».¹⁵⁰ Впрочем, ну его к черту, вдруг все это часть рекламной шумихи. Великие деятели собираются сделать из Кодекса новые кумранские рукописи, а у них, может, и нет ничего, кроме очередных сводных таблиц Венеры, нескольких старых имен или рецепта гуакамолы...¹⁵¹

---

¹⁴⁷ Культовая археология призвана подтвердить креационистскую теорию происхождения мира.

¹⁴⁸ Набор выживания – набор продуктов и других средств жизнеобеспечения, который считается сервайвалистами необходимым для выживания.

¹⁴⁹ Натали Портман (р. 1981) – израильско-американская киноактриса.

¹⁵⁰ «Силовая башня Супермена» – аттракцион в парке развлечений «Шесть флагов над Техасом», напоминающий американские горки: после подъема до высшей точки тележка с пассажиром падает по вертикали, набирая скорость до 100 км/час, а затем начинается торможение.

¹⁵¹ Гуакамолы – блюдо из мякоти плодов авокадо.

– Желаете взглянуть на страничку с датой конца света? – предложила Марена. – Я наверняка могу ее вам показать и не навлечь на себя неприятности.

– Да, конечно.

О Господь Бог, Господь Бог Вседержитель! Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилу...

– Хорошо. – Она протянула руку назад, не глядя вытащила из ящика телефон с большим экраном и несколько секунд что-то выстукивала на нем.

Я подтянул свой стул поближе, но не вплотную. Просто класс.

– Я должен подписать обязательство о неразглашении? – поинтересовался я.

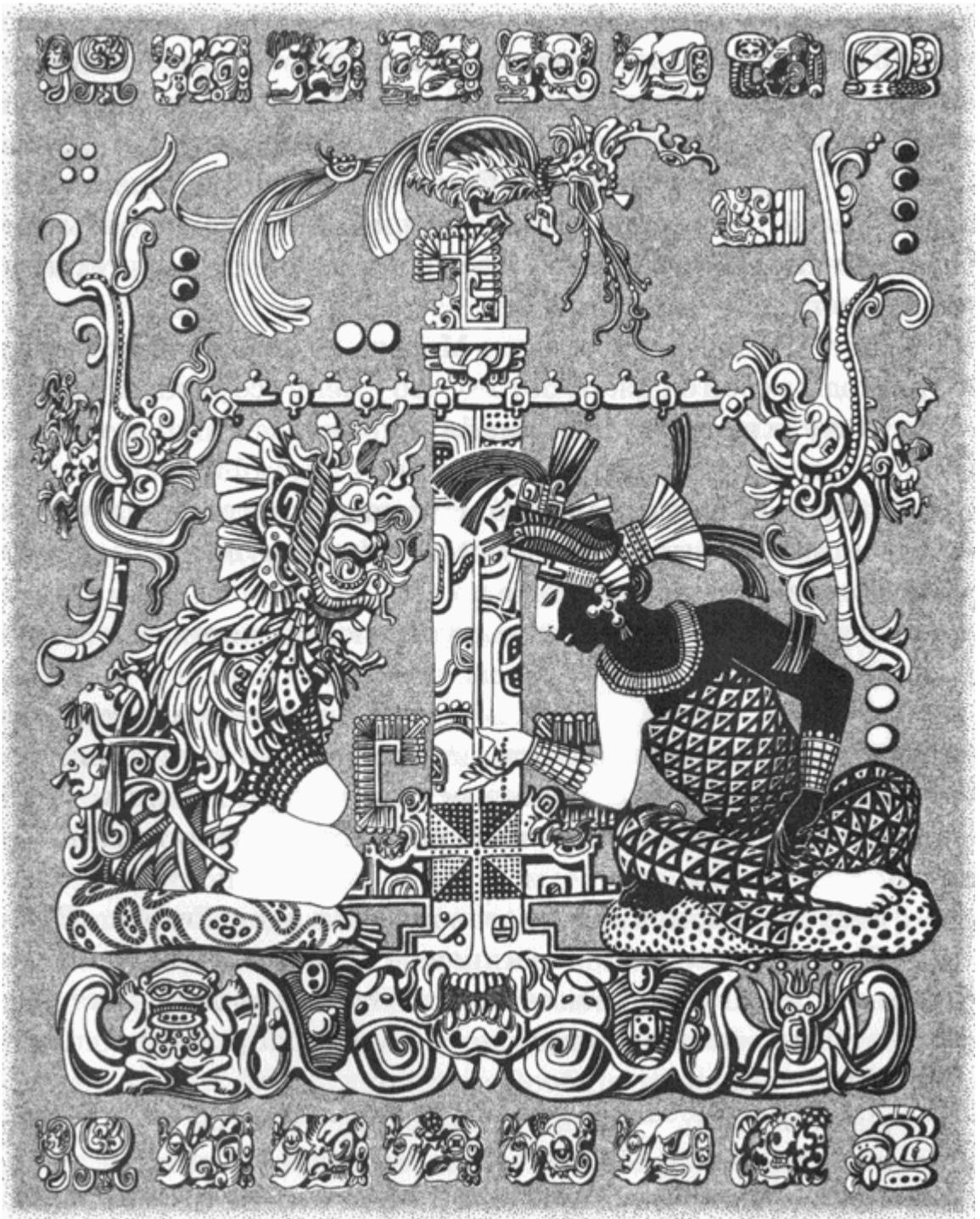
– Вы можете оставить заложника.

– Я и есть заложник.

Марена положила телефон на стол, развернула и подтолкнула его ко мне. У аппарата был новый дисплей на органических светодиодах с трехмерным изображением без малейшего намека на зернистость – передо мной сияла удлинённая, узкая страница под зеонексовской¹⁵² пленкой. Поскольку склеившаяся бумага из коры фигового дерева несколько столетий не видела солнца, ее первоначальные летучие краски сохранились и гиперспектральное отображение немного усилило их, отчего они мерцали в черных контурах, как старый витраж.

---

¹⁵² От названия японской фирмы «Зеонекс», производящей полимерные материалы.

(7)

В середине листа пестрело игровое поле, по сторонам его располагались две фигуры. Владыка в регалиях рода ягуаров восседал, сложив руки, слева. Судя по заметкам Майкла Вейнера, назойливо плававшим над этим изображением, – то, вероятно, был ахау по имени 9 Клыкастый Колибри, который правил с 644 приблизительно по 666 год в одном из городов в Альта-Верапасе. Вейнер с командой идентифицировали поселение как Ишнич’и-Сотц – местные сегодня называют эти руины просто Иш. Символ над другой фигурой, которая повернулась лицом к будущему на юго-западной стороне игрового поля, похоже, означал Ахау-На Хун Кох, то есть «Госпожа 1 Зуб»:

Нижняя часть ее лица была выкрашена черным, как и одна рука, на которой (возможно, вследствие *lapsus peniculus*¹⁵³) я насчитал семь пальцев. Ее наряд отчасти напоминал одежды в стиле Теотиуакана – тогдашней столицы высокогорной Мексики. Над фигурой находились птица муван¹⁵⁴ и двухголовая змея, а под ними – существо, которое специалисты по цивилизации майя называют чудовищем Кауак, – этакая приземистая, покрытая струпьями тварь, нечто среднее между крокодилом и жабой, она разевала пасть и была готова проглотить всю эту сцену целиком.

Ряд глифов наверху гласил, что игра была сыграна 9 Владыки, 13 Сбора, 9.11.6.16.10, то есть во вторник 28 июля 569 года н. э. Второй ряд глифов под первым давал начальную дату мезоамериканского календаря, а ниже располагался блок из десяти символов:

Страница явно представляла собой часть таблицы-предупреждения. То есть составленный писцом каталог важнейших дней с ключевыми астрономическими событиями

---

¹⁵³ Здесь : небрежности (лат .).

¹⁵⁴ Муван – ястреб-перепелятник в переводе с майяского.

и заметками об исторических и гипотетических событиях. Некоторые числа изображались в их официальной разновидности – с головами, другие – в нотации точек и тире. Привязанные ко времени, они были разбросаны по всему полю.

Гм. С другой стороны, если просто прочесть глаголы, то возникало впечатление, что все это замышлялось как запись (запись ходов, по выражению шахматистов) игры в хипбол. Терминология походила на ту, что майя использовали в своей ритуальной игре в мяч, соединяющей в себе элементы гандбола, волейбола и футбола. Играли в нее цельным каучуковым мячом размером с баскетбольный, передачи совершались в основном ударом бедра. Что тут сказать... Хотя я рассмотрел только одну страницу из восьмидесяти, при всех странностях Кодекс был просто уникален. Ведь самая большая проблема, связанная с письменностью майя, состояла в том, что из старых рукописей уцелело всего ничего. Глифы для множества слов существуют в одном-единственном примере...

Видимо, Марена обратилась ко мне, а я не ответил.

– Джед?

– А? Извините. Увлёкся. Для меня увидеть это – большое событие.

– Могу я называть вас Джед?

– Гм? Да. Конечно. Это же Штаты. Тут люди, с которыми я даже не знаком, называют меня Джед.

– Да. Так что вы скажете?

– Скажу... – Я помолчал. – Что касается языка, то это определенно нижнегорский классический период. А вот графология, я имею в виду особенности рисунков, представляется мне постклассической. Вроде между тысяча сотым и тысяча трехсотым годами нашей эры. Ну, на первый взгляд.

«Уж не экзамен ли это? – подумал я. – Вдруг если я не выдам какого-нибудь откровения, больше мне книгу не покажут?»

– Вы правы, – подтвердила Марена. – Майкл сказал, что это копия, сделанная семь или восемь столетий спустя. Тем не менее ее создали еще до прихода европейцев.

– А что говорит Вейнер по поводу госпожи Кох – она из зоны Теотиуакана или из майяской?

– Не знаю, – ответила она. – Он мне не докладывал. Вы это слово именно так произносите?

– Что-что? Ах да – Те-е-о-отиу-уа-акан, – пропел я.

– Черт, я выпустила целую игру о нем и все время произносила неправильно.

– Я бы на вашем месте не беспокоился на сей счет, – усмехнулся я. – Мало кто знает об этом месте. В том числе и о его настоящем имени.

– Правда?

– Да. Таинственное место.

Действительно, никто не знает, на каком языке говорили его древние жители, как себя называли, кем были их потомки. Но самое главное, неизвестно (а точнее сказать, это и есть главная загадка Теотиуакана), каким образом он продержался дольше всех других городов континента, процветая в качестве центра Мезоамерики в течение восьмисот лет. Даже после разрушения империи это место, казалось, сохраняло свое влияние. Семьсот лет спустя, во время правления ацтеков, здесь находилось самое крупное поселение в Западном полушарии, и теперь, когда минуло еще пять сотен лет, подобного ему так и не нашлось.

– А что еще поразило вас на этой странице? – спросила Марена.

– В целом даты представляются довольно ясными, – сказал я. – Но некоторые глаголы тут довольно хитроумно используются. Уверен, многие из них имеют своеобразное прочтение. Придется покорпеть над ними со словарями.

– Если вы прикоснетесь к символам, то увидите перевод, который дал им Майкл Вейнер, – сказала она.

Я дотрагивался до знаков, и на них появлялась дымка, на которой возникали набранные синим шрифтом английские буквы. Судя по всему, Вейнеру удалось прочесть процентов

девянносто текста.

М-да. На первый взгляд никаких ошибок. Прежде я считал Майкла Вейнера туповатым, но мог и ошибаться. Я же его не знал, видел несколько раз на семинаре «Секреты древних», и все. Это был крупный новозеландец, бородатый, с голосом как иерихонская труба. Ему удалось просочиться в археологическую науку Нового Света, и канал «Дискавери» вечно пытался подать его таким Стивом Ирвином¹⁵⁵ Мезоамерики. Так и представляю, как он шествует по рыночной площади Теотиуакана, изрекая что-нибудь вроде: «Мы находимся на Родео-драйв¹⁵⁶ древней Мексики». Типа не в бровь, а в глаз, приятель. И ты уже Бенни Хилл от археологии.¹⁵⁷

И все же, подумал я, он неплохо поработал с этой страницей. Все известные майяские тексты лаконичны до разочарования. А сейчас у меня перед глазами находился самый пространственный текст (из написанных глифами), какие только мне доводилось видеть, но при этом он оставался довольно сжатым. Первая фраза «б'олон тан» означала «девятая цель», из чего следовало, что восемь целей (или захватов) уже были достигнуты на предыдущих страницах. Отсюда проистекало, что в игре участвовали девять бегунков (а «бегунок» можно еще перевести как «добыча» или даже «мяч») вместо одного. Вывод: играть подобным образом в 260⁹ (то есть в 1 411 670 956 537 760 000 000 000) раз труднее, чем с одним бегунком, – в той версии, с которой работали Таро и я. Впечатление складывалось такое, будто каждый захват бегунка происходит на новом пересечении игрового поля, а каждое из этих пересечений соответствует одной-единственной дате в календаре майя. На противоположной странице разворота под каждой из этих дат (а Вейнер сопоставил их с датами нашей эры) я обнаружил столбик глифов, сообщавших о том, что случилось или должно было произойти в этот день. Многие из этих событий относились к астрономическим явлениям, но ближе к основанию столбца они начинали переходить в исторические. Первая строка глифов рядом с двенадцатой целью начиналась с 3 Зуба, 15 Золотого Хищника, 10.14.3.9.12, и Вейнер совершенно верно нашел соответствие этой дате – 30 августа 1109 года. В заметке на полях он написал: «Оставлена Чичен?» В любом туристическом путеводителе сказано: Чичен-Ица – крупнейший майяский город данного периода. Следующая дата – 14 мая 1430 года. Заметка гласила: «Мексиканские воины захватывают Чампотон». Тогда Чампотон в провинции Кампече называли «местом к'атуна» – это понятие чрезвычайно близко к международной столице майя. К чему излишняя конкретизация? Однако, когда я кликнул на экране по всплывающему окну, выяснилось, что Вейнер получил географические координаты города из астрономических данных. Неужели для каждого события он рассчитал географическую широту? Я вернулся к астрономическим глифам и получил утвердительный ответ на свой вопрос. Каждая группа давала типовое слово «месторасположение», за которым следовала конкретная дата первого солнечного зенита, то есть первого весеннего дня, когда солнце находится точно над головой, а дата эта, естественно, наступает тем позже, чем дальше вы удаляетесь на север.

– Вы знаете что-нибудь о манипуляциях с широтами? – спросил я у Марены.

– Что-что?

– Я не видел текстов, в которых указывались бы широтные координаты. То есть я хочу сказать, понятно, как они получены, но это определенно новый подход.

---

¹⁵⁵ Стивен Роберт Ирвин (1962–2006), известный под прозвищем Охотник на Крокодилов, – культовый персонаж австралийского телевидения, ведущий программы о дикой природе. Погиб во время подводных съемок.

¹⁵⁶ Родео-драйв – улица в Беверли-Хиллз, известная своими модными магазинами.

¹⁵⁷ Бенни Хилл (Альфред Готорн Хилл, 1924–1992) – знаменитый английский комик, создатель популярной телевизионной программы «Шоу Бенни Хилла».

- Угу.
- Вы мне позволите посмотреть другие страницы?
- Гм, ммм... ну ладно, – сказала она. – Только никому не говорите.

Марена опустила глаза, набрала что-то на сенсорном экране, и я приник к следующей странице, уже без картинок. Там сообщалось о событии, произошедшем в 1498 году до н. э. в Майяпане, и частично описывалось, как смеющийся народ, ишиане, будут съедены «сердоликами» – «рубинами», или, если метафорически, гнойниками. Вейнер против этих символов сделал пометку: «Из Испании завезут чуму?» Пятнадцатой целью было 20 февраля 1524 года. Кодекс обозначил эту дату фразой: «Слезы (под) медным гигантом», а Вейнер напротив глифов оставил запись: «Последний серьезный очаг сопротивления майя подавлен конкистадором Педро де Альварадо¹⁵⁸ в сражении у Шела». Далее по списку стояла дата, знакомая мне так хорошо, будто она была вытатуирована у меня на запястье: 10 Бритвы, 16 Темного Яйца, 11.17.217.18, или 12 июля 1562 года. Вейнер здесь выразился кратко: «Аутодафе, Мани». В этот день Фра Диего де Ланда сжег все оставшиеся библиотеки в Юкатане. Надеюсь, что я не связан родственными узами с этим сукиным сыном.

Я глядел на экран, и постепенно меня охватило странное чувство. Нет, снова мелькнула мысль, это наверняка фальсификация. Вот только книга вовсе не походила на подделку. Уж больно необычной она казалась. Хорошие мошенники довольно консервативны. А Кодекс отличался не столько сведениями, сколько тем, что слишком большое число глифов имело уникальную форму. Сам собой напрашивался вывод: найдено множество новых текстов и они созданы в городе, который несколько отклонился от общего пути развития. На подобный шаг, я думаю, способен лишь гениальный фальсификатор... вот только при виде всего этого у меня не возникало ощущения подделки. Напротив, я слышал диссонансное звучание истины.

- Таро не говорил, сколько камней, по его мнению, они использовали? – спросил я.
- Что-что? – не поняла Марена.
- Да я про бегунки. Какое количество камушков они бросали?
- Не знаю, что это, – ответила она.
- Не страшно, поинтересуюсь у него позже, – сказал я.

В семнадцатую цель, 13 марта 1697 года, Мартин де Урсуа-и-Арисменди взял в плен ахау Кан Эк'а, царя Нохпетена на озере Петен-Ица в Тайасале – последнем оплоте традиционной культуры майя, где все еще велся Долгий счет. После этого шло 29 июля 1773 года, день землетрясения в Ла-Антигуа, когда было решено перенести столицу в ее нынешнее место. Потом 4 мая 1901 года генерал Браво захватил Чан-Санта-Крус, крепость повстанцев в Юкатане. Третьей датой с конца было 9 ноября 1954 года. В свободном переводе всплывающие заметки гласили:

Последний б'ак'тун,
Семнадцатый к'атун

Первый тун,
Нулевой уинал
И тринадцатое солнце,

Шестая Трость Четвертой Белизны,
Каминалхуйу,
Не Каминалхуйу:

---

¹⁵⁸ Педро де Альварадо-и-Контрерас (1485–1541) – испанский конкистадор, действовавший в Центральной Америке.

Достаточно народа обмануто
Далеким ахау,
И мы несем вину.

Мы убегаем прочь
От зловонных людей.

Мы прячемся в кустах,
Как обезьяны, как крысы.
Мы готовимся стать серыми.

В этот день Кастильо Армас вошел в города Гвате в ходе заговора, организованного ЦРУ, после чего, как я уже, кажется, говорил, дела пошли хуже некуда. А следующую дату я видел в статье «Тайм» – тогда произошел взрыв в Оахаке.

Последний б'ак'тун,

Девятнадцатый к'атун,
Шестнадцатый тун,

Седьмой уинал,
Нулевое солнце

Четвертого Владыки
Шестнадцатого Оленя.

И вот
Под Чоулой
Наши имена стираются

В свежем озере ножей,
И мы несем вину.

Замыкающая столбец дата была широко известна. До нее оставалось чуть более года: Кан Ахау, Ош К'анк'ин, то есть 4 Владыки 3 Желтореберников, 13.0.0.0.0, или 21 декабря 2012 года, последний день календаря майя, названный легковерными пессимистами концом света.

Последний б'ак'тун,
Последний к'атун,
Последний тун,
Последний уинал,

Последнее солнце,
Последняя вахта

Четвертого Владыки
Третьей Желтизны:

Бездымными глазами
Трупосеятель видит

Четыреста мальчиков
И то, о чем они говорят.

Их больше, чем прежде,
Но все же их нет.

Они умоляют его дать им
То, в чем Смердик
Может им только отказать.

Сложить солнца
Их празднеств.

Сложить солнца
Их мучений:

Одна сумма легко выигрывает.

Ищи место
Отказа, предательства:
Ты все равно его не увидишь.

Ищи повсюду
Смердика: и
Если схватишь его,
То лица все равно не увидишь.

Солнца без имен,
Имена без солнц:

Возьми два из двенадцати
И получишь Проказника.

Владельца Одина Оцелота.

Гм, подумал я.

Не слишком понятно. Нужно все это обдумать.

En todos modos, что же тут самое близкое?

Я вернулся к предпоследней дате: 9 Имиша, 9 К'анк'ина, 12.19.19.01, или вторник, 28 декабря 2011 года. Через пять дней. Перевод в общих чертах гласил:

Последний б'ак'тун
В своем девятнадцатом к'атуне,

Девятнадцатый тун,
Нулевой уинал, первое солнце

Девятого Сотрясателя Моря
Девятой Желтизны:

Теперь некоторые бежали на север
И в город

Скитальцев при свете дня.
Он заканчивается на нулевом солнце,
Когда колдун мечет огонь
Из бритв, из кремня,
И мы несем вину.

Вейнер дал также более дословный перевод трем глифам из середины последней строфы:

Солнце ноль оно кончается место скитальцев при свете дня золотое место звезды

Да, глиф слева – голова с рукой на подбородке – мог означать ноль, но вместе с тем – завершение или начало. Рисунок пояснял: человеку вот-вот оторвут челюсть, что предположительно являлось одним из любимых методов жестокого и традиционного наказания у моих предков. Но думаю, если рука принадлежала вам, это было не так уж плохо. Второй глиф – рука, которая тянется к побрякушке, но не хватает ее, – я определил как «окончание». Вот довольно очевидный знак путешествия или скитальца... Однако второго элемента четвертого глифа – с храмами по четырем сторонам – я в жизни не встречал.

Гм... ведь остается вероятность того, что эта самая госпожа Кох или тот, кто это удумал, тоже представляли всю картину не очень отчетливо. Взяли несколько несвязных предположений и просто собрали их воедино. Со мной как-то раз случилось нечто похожее в лаборатории Таро. Перед тобой всплывают образы, но ты никак не можешь соотнести их с местом, временем и даже с действующим лицом. И зачастую все объясняется позднее совсем не так, как казалось поначалу.

В остальном же... ммм. Астрономические данные, похоже, верны, но вот с широтой не очень ясно. Запутанное выражение вроде «за солнцем в зените» Вейнер истолковал как «над тропиком Рака». И сделал приписку: «Монтеррей, Мексика?», обозначив вероятное место события. Что еще...

Постой-ка, подумал я. Вот черт. Нет имен. Это просто невозможно. Невозможно. Ты что, издеваешься надо мной?..

– Вы смотрите на двадцать восьмое? – спросила Марена.

– Угу, да.

– И что вы думаете?

– Понимаете, все довольно странно.

Я не сказал, что и сам получал всякие сомнительные результаты по этой дате. Не хочу выглядеть городским сумасшедшим.

– Значит, число и в самом деле плохое?

– Ну, это для кого как. Знаете, смотря откуда ветер подует...

– А что вы думаете о соображениях Майкла на этот счет?

– Майкла... гм. Прежде всего, я считаю, самое главное здесь то, что первый глиф – название места. Не просто слово «город», как пишет Вейнер, а конкретное наименование.

– И какой же это город?

– Вот смотрите. – Я развернул телефон и подтолкнул к Марене. Она нагнулась, и ее волосы почти коснулись моего лба. – Это вот инфикс...

– Инфикс – что это?

– Часть слова, вставляемая в его середину. Или в данном случае середина глифа. В английском и других индоевропейских языках есть префиксы и суффиксы и почти нет инфиксов.

– А как насчет «фак»?

– Что-что? – удивился я.

– Скажем, в слове «суперфакториальный».

– Да... пожалуй, вы правы. Вероятно, это единственный случай.

– Ясно. Миан хаминда,¹⁵⁹ продолжайте, пожалуйста.

– Так, значит, топоним. Вот пиктограмма в центре – крестообразный значок с четырьмя маленькими пирамидами.

– Да.

– Вейнер, в общем-то, обошел ее. Но данный символ отличается от большинства других, обозначающих города. Это космограмма, которая во многом похожа на игровое поле игры жертвоприношения. Вы знакомы с исследованиями Таро об этой игре?

– В самых общих чертах.

– Знаете, что у игрового поля пять направлений?

– Не четыре?

– Четыре по компасу и центр.

– Ишь ты.

– Суть в том, что у каждого направления свой цвет. Верно? Верно. Вообще-то все коренные американцы и многие азиаты именно так и представляют себе стороны света.

– Неужели?

– Именно так. Вам Таро рассказывал о Джайпуре?

– Что? – переспросила она. – Нет, не рассказывал.

– Вы наверняка знаете, Джайпур – это город в Индии.

– Анийо. – Она чуть покачала головой, так что даже некорейцу было понятно: «нет».

– Впрочем, не важно... К вашему сведению, все исследования Таро основаны на том, что некая версия игры жертвоприношения является прообразом большинства современных игр. А может, всех без исключения. Даже у го и шахмат присутствовала четырехсторонняя симметрия, то есть изначально они были рассчитаны на четырех человек. Определенно, маджонг,¹⁶⁰ бридж, триктрак – все они...

– Помнится, Таро говорил, это что-то типа пачиси, – перебила она.

– Точно, – согласился я. – Производная от игры жертвоприношения и наиболее близкая к ней – это пачиси, сакральная игра брахманов. В нее играют и по сей день. В мире распространены сотни ее версий. А игровое поле пачиси – не что иное, как тханка,¹⁶¹ верно? Вы ведь в курсе, что такое мандала?¹⁶² Она нужна для медитации, всяких там практик...

– Признаюсь, я выгляжу глуповато, потому что создаю игры, а теперь выясняется, что ничего про них не знаю.

– Да ладно, это все эзотерические материи.

– И правда.

– Так вот о чем я: мандалы ведь предназначены не только для того, чтобы на них смотреть. В них играют. Вокруг них ходят. Пагоды в плане – те же мандалы. А христианские соборы строятся в форме креста. По всей Юго-Восточной Азии высятся ступы,¹⁶³ храмы с

---

¹⁵⁹ Прошу прощения (*корейск.*).

¹⁶⁰ Маджонг – китайская азартная игра для четырех игроков с использованием игровых костей.

¹⁶¹ Тханка – в Тибете изображение преимущественно религиозного свойства, восходит к индийским ритуальным изображениям и обычно имеет форму квадрата, двойного квадрата, прямоугольника.

¹⁶² Мандала – сакральный символ, используемый при медитациях в буддизме.

¹⁶³ Ступа – буддистское сооружение на могиле царя или вождя; монументальное хранилище реликвий.

их особенной архитектурой, а...

– Боже мой!

– ...а планировка Джайпура копирует игровое поле пачиси.

– Ох ты, нароходо, – сказала Марена, что означало «понятно».

Она произнесла это с преувеличенным азиатским придыханием. Если ты не принадлежишь к титульной нации, то у тебя есть одно преимущество: уж один-то язык можно высмеивать совершенно безбоязненно.

– А еще существует великое множество индейских разновидностей игры. Не только игра жертвоприношения. Ацтекская версия называлась «патолли». В нее играл Монтесума против Кортеса. Она похожа на азиатский вариант, и поле у нее совсем иное, оно напоминает майяские площадки для игры в хипбол. По сходному типу строили пирамиды, а иногда и целые города. Как и в Джайпуре, если процессы и ритуалы проводились там в одном направлении, это означало одно, а если в другом... ну, вы поняли мысль.

– Да, пожалуй, поняла.

– Каждая секция на игровом поле или в городе (а иначе, каждое направление) имеет своего правящего бога, соотносится с разными днями и временем суток и даже с определенной пищей. Юго-запад и северо-запад помимо прочего символизируют белый свет и потусторонний мир, северо-восток и юго-восток ассоциируются с небом и звездами. Ну а центр считают пятым направлением.

– А почему направлений не шесть – ведь можно взять верх и низ?

– Верх и низ – это совсем иное, они рассматриваются как двадцать два других слоя Вселенной. Центральная часть означает что-то вроде «Вы здесь».¹⁶⁴ Или... Но не слишком ли я разошелся?..

– Нет-нет, – сказала Марена. – Пожалуйста, продолжайте нести свой бред.

– Направления связаны и со временем. Восток – будущее, запад – прошлое. Теперь, на северо-западе лежит область женского, гипотетического, и, напротив, мужской вектор с юго-востока ведет сюда и сейчас.

«Произвожу ли я впечатление уверенного человека?» – спросил я себя. Ну-ка, Джед, сядь ровнее. Вот так. Нет, не надо слишком выпрямляться...

– Прошу прощения, я потеряла нить, – проговорила она. – Повторите еще раз: как изображение связано с названием города?

– Да, хорошо. Мне представляется, что третий глиф – это миниатюрная стилизованная карта центра типичного поселения майя. У них здесь есть «место драгоценной звезды», на самом деле – просто храмовая зона.

– Понятно.

– Инфикс же означает «место к'атуна». Как это понимать? А так. Ожидаемое событие произойдет в городе, который, можно сказать, грубо разделен на четыре цвета. Или пять, вместе с центром. И обитатели будут считать его сердцем мира. По меньшей мере средоточием чего-то важного.

– Значит, это какой-то древний объект.

– Нет-нет, я так не думаю. По моему мнению, имеется в виду церемониальное сооружение, действующее и по сей день. Не руины, во всяком случае. Потому что тут есть глиф циновки во фразе, которая переводится как «место к'атуна».

– Еще раз: что такое этот ваш «картон»?

– Период в двадцать лет по солнечному календарю.

– Ах да.

– Так вот, речь идет о городе, который будет иметь важнейшее значение в течение двух следующих десятилетий, фактически станет столицей. В этот период он достигнет своего

---

¹⁶⁴ Подразумеваются информационные щиты с планами города, района, магазина. Местонахождение такого щита обозначается на плане кружочком с надписью «Вы здесь».

расцвета.

- Все указывает на округ Колумбия.¹⁶⁵ Ух ты. Довольно серьезное заявление.
- Да, вероятно, – сказал я. – Но думаю, Вашингтон тут ни пришей ни пристегни.
- Почему?

– Округ Колумбия чересчур традиционен. Тут предполагается нечто другое – храмовый комплекс, город царей и пышных церемоний, а не правительственный центр. Скорее всего, в этом месте никто не живет. Туда совершают паломничества, чтобы заслужить благосклонность какого-нибудь всемогущего мертвеца. По пути, конечно, заглядывают в магазины. Но здания, залы, площади и улицы этого района заполняются людьми лишь в особых случаях, во время крупных торжеств. К тому же кварталы Вашингтона не отличаются друг от друга специальной окраской и не связаны с конкретными историческими периодами. Потом, округ Колумбия гораздо севернее, чем широтные координаты, указанные доктором... ммм... Вейнером.

- Отлично, – сказала миссис Парк. – Так что же, по-вашему, это за место?

– Вероятно, туда приезжают издалека со всех концов света в некий важный момент жизни или в определенном возрасте. И как я уже говорил, там должна быть священная зона строгой конфигурации. Разделенная на квадранты, имеющие коды разных направлений. Каждое из них должно ассоциироваться с каким-либо цветом и отрезком времени.

- И каковы же ваши предположения?
- Диснейорлд.

(8)

- Что? – переспросила Марена.
- Я вполне серьезно, – ответил я.
- Дружище, мы практически находимся в Диснейорлде. Отсюда виден их шарик.
- Да, я уже заметил...
- Я сто лет проработала на этих мерзавцев. И до сих пор живу практически над парком.

Уолт построил мой дом.

- Извините, не знаю, что и сказать. Безусловно, я могу ошибаться. И книга тоже.

– И вообще, парк... нет, вы посмотрите. – Марена повернулась и взглянула в окно, а потом соскользнула со стола. Она была невысокой, но стройной. – Заметьте: в Диснейорлде цвета не такие, как вы говорили. Они довольно условны. Например, Фэнтезиленд¹⁶⁶ окрашен в пурпурный, однако вы увидите его разве что на рекламе, на административных сооружениях, в туннелях. И еще я не вполне понимаю эту временную составляющую. Скажем, Адвенчурленд и Фронтирленд находятся на западе. Значит, судя по вашим словам, они представляют собой прошлое. Верно?

- Да, – сказал я и встал.

– А Туморроуленд – на востоке. Тут все очевидно. Но на юге есть только Мейн-стрит Ю-эс-эй.

– Ну да, – ответил я. – Разве Мейн-стрит нельзя трактовать как настоящее? Или недавнее прошлое?

– Хорошо, объясните про Фэнтезиленд, который расположен на севере. Направление не указывает на конкретное время.

---

¹⁶⁵ В округе Колумбия находится столица США Вашингтон.

¹⁶⁶ Фэнтезиленд – одна из тематических «стран» диснеевских парков во всем мире. Среди других «стран» – Адвенчурленд, Фронтирленд, Туморроуленд, Мейн-стрит Ю-эс-эй.

– Может, что-то гипотетическое, типа того, – сказал я. – В майяской системе это называется «нераскрытое».

– Гм. – Последовала долгая пауза. – Черт.

– Да.

Вид у нее был озабоченный, но я не мог понять, насколько серьезно она воспринимает все сказанное мной.

– Угу, – наконец произнесла она. – И что, по-вашему, там должно произойти?

– Ну... не знаю. Я не уверен насчет заметок Вейнера. Это не...

– Действительно?

– Проблема в том... вот вы посмотрите: событийные глифы этого дня Вейнер перевел как «колдуны мечут огонь из бритв, из кремня». Верно?

– Да.

– В принципе, ничего страшного, конечно, но такой перевод не раскрывает смысла написанного. Я хочу сказать, Вейнер перевел, но не истолковал.

– И о чем тут говорится?

– Сам пока не разобрался, – вздохнул я. – Вот, например, «колдуны» – на самом деле «струпосятели» из майяской идиомы.

– Кто-кто?

– Люди, способные насыпать паршу на расстоянии. Им достаточно подумать – и вы уже заболели. Шаманы.

– Ясно.

– Учитывая глагольную форму, я бы перевел так: «тот, кто насыпает паршу». А если шире – «тот, кто насыпает несчастье или болезнь».

– Понятно.

– Возьмем строфу про огонь, который мечут. На мой взгляд, «мечут» – скорее подлежащее. А «огонь» может быть светом, огнем, светлым временем суток – чем угодно. Потом, Вейнер пишет «кремень», а по-моему, это скорее «срединная часть камня» или «внутренность гальки». Или что-нибудь в этом роде.

– Как же все это соединить вместе?

– Думаю, фраза звучит примерно так: «Свет насыпает паршу изнутри, из камня. И мы несем вину».

– Ясно, – сказала она.

Пауза.

– И все? – спросила Марена.

– Больше ничего не приходит в голову.

– Мы узнали из этого о чем-то новом?

– Может, и нет... – Я замолчал.

Последовала еще одна пауза, на сей раз более неприятная.

– Я хочу сказать, тут нет никакой конкретики, – уточнила она. – На основании всяческих иносказаний нельзя сделать выводы о том, чего люди должны опасаться.

Я согласно покачал головой.

– послушайте меня, – продолжала она. – Суть в том... понимаете, я даже не представляю себе, что делать – то ли волноваться по этому поводу, впадать в панику, то ли не обращать внимания.

– Я вас понимаю, – кивнул я.

– К тому же в те времена делалось множество разных предсказаний.

– Да. Это точно.

Я не стал говорить: «И еще, безусловно, существует вероятность, что ваша книга – просто ловкая подделка».

Но она, похоже, прочла мои мысли.

– Что вы думаете? Лично вы.

– Ну, я считаю, что пророчества майя – дело серьезное, так что я отнесся бы к этому

соответственно. Хотя могу и ошибаться. Лучше проиграть ситуацию несколько раз.

– Вы хотите сказать – с помощью игры жертвоприношения?

– Да.

– Неплохая мысль, – проговорила миссис Парк.

Она вышагивала за столом, выписывая восьмерку. Я не знал, как она воспримет, если и я начну прохаживаться по комнате, а потому просто стоял возле своего стула.

– И потом, мы можем выслушать еще чье-нибудь мнение. Или несколько.

– Пожалуй.

Мы помолчали несколько секунд. Ее предложение явно смягчило обстановку.

Наконец я выговорил:

– Наверное, стоит позвонить Таро и спросить, что он думает.

– Хорошо, – сказала Марена. – Позвоните ему. А мне тут нужно кое-чем заняться на секундочку.

Я набрал номер Таро. На часах было шесть вечера – его девятнадцатичасовой рабочий день приближался к концу, но профессор все еще находился у себя в лаборатории. Он сказал, чтобы мы приехали к нему. Я сказал, что я-то приеду, вот только за миссис Парк решать не могу. Она вставила в ухо гарнитуру и отдавала распоряжения.

– Держите его под каблуком, – велела она кому-то. – Подождите. Вот посмотрите-ка сюда.

Марена развернула в мою сторону монитор. На экране было написано, что в это время года округ Орандж¹⁶⁷ «ежедневно принимает около четверти миллиона посетителей», кроме того, я увидел список мероприятий на двадцать восьмое число в районе большого Орlando. Тут анонсировались фестиваль майя под открытым небом, показы концепт-каров и старых автомобилей, воздушное шоу, парад в честь уходящего на пенсию тренера баскетбольного клуба «Мэджик», диснеевский парад в честь Белоснежки II, зимний праздник «Елочка, зажгись», Поздний Гринчмас в «Юниверсал»¹⁶⁸ и специальное представление «Световое шоу семейства Осборн» в студии «Метро-Голдвин-Мейер». Планировалась также церемония предварительного открытия игр Кубка «Кэпитал Уан».¹⁶⁹ По замыслу организаторов, на арене покажут класс игроки «Мэджика», в Сивик-центре проведут Пиратскую игру, в Сити-Уок¹⁷⁰ морские пехотинцы продемонстрируют выучку, а у Ворот чемпионов игроки в гольф разыграют Кубок вызова «Отцы против сыновей». «Мегакон» (мероприятие с комиксами, научной фантастикой и фэнтези, играми и игрушками и еще бог знает чем) в этом году решили устроить на два месяца раньше обычного, и на 28 декабря выпал третий день этого форума в Гармони-Холле Уильяма Хендрикса.¹⁷¹ В городе проходил Международный конгресс островных государств и еще двадцать восемь мероприятий меньшей значимости, включая съезды стоматологов-ортодонт, вирусологов, оценщиков недвижимости, кровельщиков, поставщиков кровли, дизайнеров веб-сайтов, изготовителей эротических игрушек и профессионалов ипотеки. На этот же день во Флориде были назначены и другие мероприятия: в Форт-Лодердейле – учения ВМФ, в Тампе – крупная

---

¹⁶⁷ Орандж округ с центром в Орlando, в котором и развиваются события.

¹⁶⁸ Гринчмас (образовано по аналогии с Christmas – Рождество) – шуточный зимний праздник, устраиваемый студией «Юниверсал» в Диснеевском парке в Орlando.

¹⁶⁹ «Кэпитал Уан» ежегодно разыгрываемый в Орlando кубок среди университетских бейсбольных команд. Спонсируется компанией «Кэпитал Уан».

¹⁷⁰ Сити-Уок – площадка с аттракционами в Диснейуорлде.

¹⁷¹ Уильям Хендрикс (1782–1850) – государственный деятель, губернатор штата Индиана, сенатор.

регата, а в Майами – фестиваль Пан-Латино. В другой ситуации меня на половине списка сморил бы сон, но теперь я видел в столь плотном графике чуть ли не угрозу. Скучать, одним словом, не приходилось.

– Чем-то заинтересовались? – спросила Марена.

Я ответил, что нет, да и не ждал ничего особенного, поскольку *cuaranderos*¹⁷² действуют на другой манер.

– Жаль, у меня слабо развиты телепатические способности, – признался я затем. – По этой причине я обычно сажусь и...

– Ладно, забудем, – усмехнулась она. – Слушайте, что, по-вашему, мы должны делать? Если исходить из того, что вы правы.

– Ммм...

– Понимаете, если мы с вами начнем названивать всем подряд да публиковать в Сети новости, не многие отнесутся к этому серьезно.

– Нет. – Несмотря на тревогу, я улучил миг, чтобы порадоваться тому, как она сказала «мы с вами».

– И даже если коллеги Таро сочтут информацию важной, то они... надо сказать, они работали по заказу нескольких правительственных агентств, но большинство их прогнозов носят экономический характер и предназначены для служебного пользования. Это не фонд, никаких бюллетеней или отчетов для держателей акций лаборатория не выпускает.

– Ясно, – мотнул я головой.

– Поэтому их заключение будет достаточно весомым, однако... я думаю, мы с вами должны разузнать побольше подробностей.

– Определенно.

Миссис Парк вытащила из стола нечто похожее на ронсоновский¹⁷³ портсигар в зеленой эмали, достала сигарету «Кэмел» без фильтра, уставилась на нее, снова положила обратно, а затем сунула портсигар назад в ящик.

– Тут есть один положительный момент, – произнесла она. – У Линдси невероятные связи в министерстве. – Насколько я понял, она имела в виду Департамент внутренней безопасности. – Если он их убедит, что угроза реально существует, они сделают заявление, которое будет значить гораздо больше, чем наши сообщения.

– Определенно, – согласился я.

Да, пожалуй, будет неплохо, если Линдси сумеет их уболтать, но помимо этого нужно вывесить все, что мне известно, на максимальном количестве блогов – все об игре, программе Таро, Кодексе. Может, кто из прочитавших и придумает что-нибудь.

Марена посмотрела на меня. У меня возникло мимолетное, но неприятное ощущение, что она прочитала мои мысли. Мне вдруг непонятно почему захотелось вскочить, кинуться прочь, запереться в пустом кабинете и немедленно заняться постингом. *Cálmate*,¹⁷⁴ Хоакин, подумал я. Это всего лишь *el paranoia de las repúblicas bananeras*.¹⁷⁵ Гватемальские бандиты далеко, они тебя не схватят и не отвезут назад...

– Знаете что? Отправляйтесь к Таро, а я тоже скоро приеду, – предложила она.

Я собрался было ответить, но тут ее секретарша (пардон, помощница) через открытую дверь крикнула, что у нее на пятом некто Лоренс Бойл.

---

¹⁷² Знахари, шаманы (*исп.*).

¹⁷³ «Ронсон консьюмер продактс» – корпорация, выпускающая дорогие и стильные зажигалки и другие курительные принадлежности.

¹⁷⁴ Спокойствие (*исп.*). (*Прим. ред.*)

¹⁷⁵ Паранойя банановой республики (*исп.*). (*Прим. ред.*)

– Так, меня соединяют с Линдси, – сказала Марена. Она махнула так, будто я уже вышел из ее кабинета. – Извините, у меня селекторное совещание по второй линии с Ким Чен Иром, Дэвидом Джеффеном¹⁷⁶ и Папой Римским.

После этих слов я пошлепал к выходу.

Большинство офисного народа уже ушло, но Волосатая еще оставалась на посту. Она проводила меня до машины. В здании было прохладно и светло, а на улице серовато и душно, а потому мне показалось, что я не покинул помещение, а зашел внутрь. Приняв свои обычные лекарства, сделав инъекцию фактора VIII, я поехал назад к Таро. Миссис Парк не просила меня держать рот на замке. Возможно, она решила, что я из чувства противоречия стал бы звонить на всех углах. А вдруг она с первого взгляда поставила мне диагноз «паранойя»?

Мы с Таро проговорили целый час. Он выразил неуверенность насчет Диснейуорлда, но обещал рассматривать это как приоритетную проблему. А еще, по его мнению, автор Кодекса играл с девятью камнями-бегунками.

– Хотя это и кажется невероятным, – сказал он.

Я ответил, что полностью с ним согласен. Игра с девятью камнями имеет количество вариантов на 9^9 больше, чем игра с одним. А игра с одним камнем предполагает в среднем 10^{24} ходов. Так что игрок с девятью камнями мог сделать большее число ходов, чем существует электронов во Вселенной.

Около восьми часов Таро посадил меня перед монитором. Я вытащил табачок, втер в ногу и начал гонять три бегунка, прикидывая варианты и пытаюсь найти что-нибудь напоминающее Кодекс. Дело оказалось трудным. Один из студентов Таро принес мне вегетарианские турноверы. Пришел Тони Сик. Таро рассказал ему о моих предположениях касательно двадцать восьмого. Он отправился в одну из изолированных комнат и принялся работать над этим. Позднее появились два ученика-складывателя. Не майя – то ли корейцы, то ли представители другой нации, склонной к играм. Я не знал ни того ни другого. Они уселись и взяли с места в карьер так, словно уже были крутыми специалистами.

Марена позвонила только в десять вечера. Видимо, долго проводила совещание со своими ребятами. Она немного побеседовала с Таро, а потом – минуты две со мной. Рассказала, что Майкл Вейнер, этот телевизионный специалист по майя, естественно, обозвал мои домыслы туфтой, а Лоренс Бойл (и кто это такой?) поговорил кое с кем в мэрии Орlando, но, поскольку ничего конкретного сообщить не мог, поднимать шум до поры до времени там не стали.

– Я не хотела упоминать о всяческих майяских заморочках, – объявила она. – Это сразу восприняли бы как «Поиск древних астронавтов» или что-то в этом роде.

В общем, Марена со своими сотрудниками подали наверх информацию, что Таро якобы получил неожиданные результаты моделирования. Дескать, чтобы подвести хоть какую-то научную базу под столь смелое заявление.

Профессор взял мою сторону и сказал миссис Парк, что менее всего желает выставить себя алармистом. Тогда как «Джед часто оказывался прав прежде» (Что ты имеешь в виду, говоря «часто», подумал я. Если хочешь поворошить историю с Мировой серией¹⁷⁷ 1992 года, то напряги мозги и вспомни: я тогда говорил, что попал пальцем в небо), а потому «стоит отнестись к его толкованию серьезно», добавил он.

– Встречаюсь с человеком из Департамента утром, – сказала Марена. – О результатах сообщу.

Я буркнул, мол, отлично, и вернулся к клавиатуре. У меня крепло убеждение, что Таро чего-то недоговаривает. Чего?

---

¹⁷⁶ Дэвид Джеффен (р. 1943) – известный американский кино- и театральный продюсер и филантроп.

¹⁷⁷ Мировая серия – решающая серия игр в сезоне Главной бейсбольной лиги.

Я втер еще немного табачку, хотя под коленкой и без того гудело. Ощущение такое, будто нога отходит после того, как ты ее «заспал», как здесь говорят. Вуено. «Ахпайеен б'ахе'лах к'ин ик».

Ну ладно.

Так что за вопрос я должен выбрать?

Чтобы задать правильный вопрос, нужно знать материал. Ты не можешь высказывать догадки о предмете, пока не поймешь, что он из себя представляет. Иногда вовсе не обязательно знать так уж и много, но кое-какие сведения необходимы. Обычно все сводится к чтению новостей в большом количестве. Я набрал «Заголовки».

«Главное на этот час: восемьдесят девятый почтовый голубь Хорхе Пены отмечает окончание сезона на высоте... Пять студентов Мичиганского университета убиты во время беспорядков после баскетбольного матча... Два человека погибли в Башне ужаса студии «Юниверсал»... Бангладеш требует объяснений в связи со сбитым вертолетом... Эпопея Боба Земекиса¹⁷⁸ «Ванесса», основанная на жизни актрисы Ванессы Белл, выходит на экраны сегодня... Смерть мужчины на соревнованиях по плевкам...»

Гм.

Я приписал гипотетического автора гипотетической катастрофы (мы называли его Доктор Икс) к черному. Массу народонаселения – к желтому. Себе, как обычно, взял красный, а белый оставил в резерве. Поскольку мы составляли прогноз всего на три дня вперед, я собирался использовать только три внешних ряда. Так. Я обозначил солнца.

Вуено.

На минутку я сосредоточился на моем уае – достаточно долго, чтобы почувствовать, как сжимаюсь. Я вроде уже говорил, что мой уай – улитка. Но я воображаю его морским огурцом, чтобы двигаться чуточку быстрее. Я бросил семена и пересчитал их, потом начал плыть к 28 числу – 9 Сотрясателя Моря, 9 Желтизны, – двигаясь вдоль линии неопределенности. Очень скоро мне пришлось прыгать. Трудно представить себе скачущий морской огурец, но если понаблюдать за ними в воде, выясняется, что они действительно перепрыгивают – неторопливо, с одного камня на другой. В общем, я думал, так оно и пойдет. Ясенько. Ну а теперь сюда. Нет. Ну нет, так нет, тогда сюда. Хотя постой, пожалуй, лучше сюда. Claro.¹⁷⁹ Он делает ход – я делаю. Тут он реагирует. Primero, segundo,¹⁸⁰ это происходит, потом они отзываются. Угу. Claro que sí...¹⁸¹ Буэно. Нет, погоди-ка.

Черт. Я ощущал, как нечто бесформенное клубится в красноватом тумане, большие скопления нечетких очертаний безмолвно вращаются в медленном ритме. Но определить, что это такое, было невозможно.

Я играл четыре часа. Потом немного отдохнул. Потом засел еще на пять часов. К рассвету все мы, складыватели, столпились вокруг эспрессо-машины и стали сравнивать результаты. Они у всех оказались одинаковыми. Согласно общим выводам, в этом районе что-то случится в названный день. Однако конкретных данных мы не получили, и никто, предварительно не выяснив, что говорится на сей счет в Кодексе, не брал на себя смелость утверждать, что событие произойдет в Диснейуорлде. Играть больше я не мог, а потому прикорнул на полу изолированной комнаты, а домой приехал в полдень накануне Рождества.

---

¹⁷⁸ Роберт Земекис (р. 1952) – известный американский режиссер и продюсер.

¹⁷⁹ Ясно; конечно (*исп.*). (*Прим. ред.*)

¹⁸⁰ Первый, второй (*исп.*).

¹⁸¹ Конечно, если... (*исп.*) (*Прим. ред.*)

Я поменял фильтры в машине. Подготовил мой комплект Вечного беженца – вдруг завтра начнется заваруха. Загрузил сверхсекретную программу Таро (он мне доверяет!) в мою собственную систему и вывел ее на потолочный экран. Мне потребовался час, чтобы ее запустить. Я стал играть, но не сумел продвинуться дальше прежнего. Все, что после двадцать восьмого, было покрыто мраком. Нет, не то чтобы выходило, будто мир накроется с опережением расписания, просто все причины и следствия было трудно прочесть. ОМОД тоже ничего не выдал, хотя никто из нас и не рассчитывал на это. Просто он слишком мало знает, подумал я. Сколько бы новостных потоков компьютер ни перерабатывал, их смысл до него все равно не доходил. Меня не волнует, во сколько игр этот железный парень может играть одновременно. Быстродействие – это еще не все.

Я не праздную Рождество. И Пасху, хотя и считается, что должен ее отмечать, поскольку занимаюсь своим *suarandero*.¹⁸² И дни рождения, и уик-энды, и все остальное. А на нынешнее Рождество я просто забил. Весь день провел за игрой. Снова и снова всплывали цифры вроде 84 209 219 и 124 030, но мне не удавалось их как-нибудь истолковать. Марена позвонила в шесть. Ее голос раздавался на фоне детских криков. Она сказала, что в Департаменте согласились двадцать восьмого объявить повышенный уровень опасности в Орандже, Полке, Осцеоле, Харди, Десото и высокогорных округах. Обещали, что полицейские подразделения и пожарные в этот день будут в состоянии эвакуационной готовности. Насколько я понял, они, если что случится, помогут людям бежать куда подальше. Иначе тут все застопорится, подумал я. Ну, эта дамочка Марена, видать, своего добила. А мне делать еще что-нибудь? Или это «что-нибудь» только ухудшит положение?

К вечеру двадцать седьмого никто не продвинулся ни на дюйм. Я имею в виду ребят из лаборатории Таро. И себя, конечно. Меня посетила единственная идея – поработать еще с переводом Майкла Вейнера. Некоторые места из его текстов все еще вызывали у меня беспокойство, в особенности «струпосеятели». Я вроде уже отмечал, что это слово означает «колдун» или «шаман», но здесь оно скорее использовалось в качестве глагола типа «колдовать», а такое употребление, насколько мне было известно, не встречалось в майяских языках. Хотя в древнем языке дело обстояло иначе, но все же... В любом случае, я ни к чему путному не пришел. Что за ерунда, думал я. Ты придаешь этому слишком большое значение. Может, все это дело и выеденного яйца не стоит. Я сдался через две минуты до наступления времени Икс. То, что должно было случиться, уже произошло.

Двадцать восьмого в Центральной Флориде выдался хороший денек, вот только смог висел плотнее обычного. О повышенном уровне опасности прошло вялое сообщение в местных новостях. Люди в наше время очень инертны. Они не проснутся, пока куча народу не отправится на тот свет. Хотя нужно быть справедливым – нельзя всех обвинять в равнодушии только потому, что какая-то команда, моделирующая катастрофы (кстати, по сведениям Таро, тут действовали еще пять довольно-таки серьезных групп, включая ребят из службы безопасности, у которых была машина не хуже ОМОДа, чем они очень гордились), пришла к абсолютно умозрительному и неточному выводу об опасности для некоего обитаемого пространства и не очень определенного времени. Я весь день следил за новостями, новостной лентой и местными чатами. И хотя я находился довольно далеко от Орlando, мне казалось, будто я одной ногой стою на его улице. Стоило наткнуться на необычную фразу, и зубы у меня начинали выбивать дробь. И все же ничего хуже двух ложных вызовов пожарной команды в Парк-Дистрикт и нескольких пищевых отравлений в «Пиноккио-Виллидж-Хаусе» не случилось. Нельзя сказать, чтобы это были апокалипсические события. Я улегся уже за полночь.

I Dios. Устал.

Я не спал около двадцати восьми часов, что, впрочем, не считал чем-то из ряда вон выходящим. У меня, ко всему прочему, еще и СЗФС – синдром запаздывания фазы сна, но,

---

¹⁸² Шаманством (*исп.*).

видно, нервная система слегка перенапряглась. Ладно, прикорну секунд на двадцать. Откуда-то доносился лай собаки – не малютки ксолоитскуинтли из Вильянуэвы,¹⁸³ а какой-то крупной, я не слышал ее раньше, – и эти звуки напомнили мне про пса со свалки. Хотя, кажется, я еще не рассказывал эту историю. Впрочем, может, и не стоит это делать, чтобы не портить настроение. Ну ладно, раз уж я упомянул... Вот черт. Если вкратце, псина со свалки был сущим уродом – терьером-гончей-койотом желтовато-серой масти. Эзра, средний из трех моих приемных братьев, утверждал, что это страшилище напало на него, когда он косил травку на поле для гольфа. Я ему не поверил. Так или иначе, за пятнадцатой автодорогой по пути к карьере лежал пустырь. Там валялись клетки для перевозки овец и кур и прочая ерунда, и в одной из них Эзра держал этого пса. Когда братья показали мне собаку, у нее вместо передних лап торчали рваные обрубки. Может, пустобрех где-то покалечился, а скорее всего, попал в капкан и перегрыз их. Вы скажете, он должен был истечь кровью! Ан нет – раны заживали, и пес прыгал по жестяному полу клетки, падал и поднимался, и его большие глаза наполнялись ужасом, когда он смотрел на нас. Парни не давали ему даже воды, и я спросил Эзру...

– ...не учения. Джед. Возьмите трубку. Это серьезно.

Что такое?

Я включил ответчик домофона.

– Мы больше не продаем рыбу, – прохрипел я, но на слове «продаем» запнулся, понял, что я лежу в кровати и что сейчас середина дня.

Судя по всему, вырубился я хорошо.

– Джед? – снова проговорил голос. – Это Марена.

Опа, подумал я. Ей-то какого черта здесь надо? В моей спальне? Точнее, это была и не спальня вовсе, а капсулу (или капсула) «Мицубиси» – звуконепроницаемая, из фибергласа с климат-контролем, специальная камера для сна, что делают для дешевых японских отелей.

– Дело неотложное, я вам говорю, возьмите трубку. – Ее голос доносился из моего телефона, что меня немного взволновало – не помню, чтобы я ей давал номер для срочных вызовов.

– Привет, – выдавил я, проверяя, работают ли связи.

Хм, тембр просто как у Джека Клюгмана.¹⁸⁴ Я попробовал еще раз. «Привет!» Уже лучше. *Estas bien*. Я нащупал гаджет и нажал на «Разговор».

– Привет, – бодро произнес я.

– Привет, – ответила она. – Слава богу, вы существуете.

– А? Ну я бы не взялся это утверждать...

– Так вот, в Диснейуорлде маленькая проблема. Может, это и ерунда, но кто знает.

– Что? Валаамова ослица?

– Как?

– Гм... нет-нет, прошу прощения.

Наверное, я все еще пребывал в прерванном сне, хотя он уже выветрился из головы. Но меня не покидало ощущение неожиданной остановки в некоем громадном, сложном пространстве.

– Джед?

– Привет.

Какого фига, недоумевал я. Неужели целый день проспал? Если бы. Тогда я не чувствовал бы себя *mierditas refritas*.¹⁸⁵ Я нащупал эту хренотень и нажал кнопку «Время».

---

¹⁸³ Ксолоитскуинтли (шолоитскуинтли) – мексиканские безволосые собаки; Вильянуэва – город в Мексике.

¹⁸⁴ Джек Клюгман (р. 1922) – известный американский актер.

¹⁸⁵ Жареным дерьмом (*исп.*). (Прим. ред.)

По потолку поползли цифры: 14:55:02... 29-12-11... 14:55:05...

– Так что за проблема? – спросил я.

– Не знаю, – ответил ее голос. – Информацию придерживают, но мой старый приятель оттуда говорит, что никакое это не пищевое отравление. И уже человек восемьдесят.

– Вот как.

Восемьдесят – что? Убиты? Заболели? Шумят? Я был озадачен.

– Мы сейчас на Орандж-авеню, четыреста сорок один, – сообщила Марена. – Я узнала о происшествии и решила, что нам стоит заехать. На всякий случай.

– Заехать сюда? – Она находилась милях в сорока пяти, всего ничего.

– Ну да, – сказала миссис Парк.

– Конечно же.

Ну уж нет, подумал я, здесь она не может появиться. Тут мертвые улитки, панцири тарантулов и всякая такая дребедень. А ведь курочки, насколько я знал, не выносят беспозвоночных.

– Гм, а почему вы сюда-то едете? Нет, я ничего не имею против, но понимаете...

– Потому что ветер дует юго-восточный, – перебила она.

– Вот как, – брякнул я.

О-го-го. Газы. Оп.

– Отлично, вы знаете, как меня найти?

Разумеется, знает. Я пытался исключить мой адрес из справочника, но те дни, когда такие вещи можно было делать, давно прошли.

– Да, понимаю, слушайте... может, вам лучше выехать на девяносто восьмой хайвей и встретить меня там? Я в машине. Мы будем минут через тридцать пять.

– Гм...

– Секундочку. Да, продолжайте, – сказала она кому-то в автомобиле. – Нет, я разговариваю. Извините, Джед. Значит, через сорок минут, договорились?

– Да, договорились.

– Я вам перезвоню.

– Хорошо, – буркнул я.

Она сказала «пока» и отключилась, не успев произнести слово до конца.

Чепуха какая-нибудь, подумал я. И вообще, несчастные случаи происходят каждый день. Так что это, скорее всего, обычное совпадение. Она, наверное, просто нервничает. Или она всего-навсего хочет заглянуть, чтобы трахнуть тут со мной? Так-так. Может, у нее скарлатина.¹⁸⁶ А вкупе с моей желтой разновидностью получится оранжевое пламя страсти. Esta belleza,¹⁸⁷ у нее уай – пантера. Пожалуй, приму-ка я душ.

Я кликнул по экрану наверху и пошел по меню: главная – новости – местные. Прочел: «Доступ в район парков временно закрыт».

Черт.

(9)

Под этим заголовком шла такая информация. Начиная приблизительно с трех часов вчерашнего дня посетителей начало рвать, «они жаловались и на другие симптомы, включая эритему и головокружение». «Ждите сообщений о дальнейшем развитии ситуации». Да,

---

¹⁸⁶ Название болезни скарлатина происходит от *англ.* scarlet – «алый», по цвету языка.

¹⁸⁷ Какая красота (*исп.*). (*Прим. ред.*)

ничего на первый взгляд особенного, и на газ вроде не похоже. Я попытался поискать что-нибудь по ключевым словам из заметки, но нашел только ссылку на форум работников парка, где велись разговоры типа «и чего это они все запсиховали» и «в больнице в приемный покой очередь на два часа». Никто ничего не писал про газ. Нет, явно пустяки, подумал я. Ерунда. Просто Марена дергается. Но ведь она тебе нравится, а? Удача тебе улыбается. Не упусти.

Я выполз из капсулы, побывал во все еще традиционном туалете, вместо восходящего душа воспользовался «проверенной перед доставкой» супергигиенической бактерицидной биологически разрушаемой бумагой™, 188 протер зубы специальной зубной салфеткой вместо щетки, наведаясь к кофеварке, съел ложку мармеладной сметаны, проверил счетчики всех служб. Виено. Так, проследить за температурой в аквариуме. Домашние системы вывести на телефон, проконтролировать. Питание. Виено. Волосы, дыхание, дезодорант.

Я влез в чистый дубль моей зимней одежды, обнулil автоматические подающие устройства, дозаторы и аварийную сигнализацию, съел еще ложку сметаны и побрел к задней выходной двери. Для декабря на улице было жарко. De todos modos. Бумажник, ключи, поясное портмоне, паспорт, телефон. Проверить. Дымозащитный капюшон. Мой противогемофилийный наборчик, носовые платки, лекарства. Шапка. Туфли, рубашка, сервис...

Опа.

Я вернулся в дом, нашел старый сейф Ленни, вытащил два наколенных портмоне – довольно тяжелых и объемных, потому что в каждом лежало по тридцать крюгеррандов, что составляло десять тысяч зеленых в первое десятилетие двадцать первого века, а в старые домагнитные двадцатые – две тысячи, – и пристегнул их на тот крайний случай, если дела и в самом деле пойдут по сценарию «Человека Омега». 189 Так. Аварийная сигнализация. Главный замок. Задвижка. Проверил. Все, до свидания.

На улице было слишком жарко, чтобы разгуливать в пиджаке, но я его не снял. День стоял ясный. На озере Окичоби царило спокойствие, но вода не сверкала, как кожа на брюхе рыбы-меча. На краю пристани ошалевшие вороны отчаянно выясняли отношения между собой. Во всем остальном обстановка казалась вполне нормальной. Я бы даже сказал, непоправимо банальной. Именно такой, какую мы любим. «Куда», втиснутая между старым «мини-купером» и доджевским фургоном на моей маленькой десятиместной парковке, выглядела великолепно. Нужно вывести ее на площадку перед молом-призраком в «Колониал-гарденс»¹⁹⁰ и сделать несколько полицейских разворотов. Сжечь, к черту, эти покрышки и поставить зимние «Пирелли-210». Я прошел три квартала на запад, сеньор и сеньора из Вильянуэвы вместе со своими ребятишками работали у себя во дворе, и все они поздоровались со мной, словно я был важной шишкой. Сказать им, чтобы убирались куда подальше? Да никаких разумных оснований для этого нет. Два десантно-транспортных самолета (может, С-17), завывая, пронеслись на запад на высоте около десяти тысяч футов в сторону Макдилла.¹⁹¹ Меня выводит из себя рев, который эти штуки производят, хотя мог

---

188 «ТМ» или «™» (от *англ.* trademark) – символ торгового знака в зарубежных странах. Обычно символ, стоящий после наименования, означает, что заявка на товарный знак уже подана и при использовании этого наименования после регистрации товарного знака можно получить претензию правообладателя. (*Прим. ред.*)

189 «Человек Омега» (1971) – фантастический постапокалиптический фильм Бориса Сагала, экранизация книги Ричарда Матесона «Я – легенда». Действие происходит в Лос-Анджелесе после бактериологической войны между Советским Союзом и Китаем.

190 «Колониал-гарденс» – район Уильямсбурга (округ Орандж), в котором поддерживается обстановка колониального периода.

191 Макдилл – база ВВС, названная в честь одного из пионеров авиации полковника Макдилла.

бы уже привыкнуть. В кармане завибрировал телефон. Я вставил наушник в ухо и сказал «привет». Марена сообщила, что приближается к семьсот десятому шоссе.

– Отлично, – сказал я, – если вы пойдете по съезду семьдесят шесть, то увидите «Баха Фреш»,¹⁹² я буду там.

– Нет, мы не собираемся съезжать с основной трассы.

– Так, ладно. Я буду... буду ярдах в ста за...

– Вы можете включить локатор?

– Ага, – понял я, – сейчас.

Затем нашел эту функцию в меню в разделе «Коммуникации – GPS» и включил ее.

– Да, вижу вас, – откликнулась она.

Нет, подумал я, ты видишь точку, которая меня представляет. Я выбрался на дорогу и встал на обочине в вихрях, поднятых несущимися мимо грузовиками. *La gran puta*,¹⁹³ подумал я. Ситуация стала меня доставать. Я набрал Local6.com и прищурился: в солнечных лучах трудно было разглядеть, что там на экране. Да, конечно, речь шла не о нескольких людях, а почти о сотне, и полиция подвергла их воздействию неких болевых лучей, вероятно Системы активного отбрасывания.¹⁹⁴ И все равно рано пока всерьез волноваться, подумал я. Марена то ли попала в тему, то ли нет. Вполне понятно. Да? Да.

Ммм. Эритема – что-то вроде покраснения кожи, так? Она бывает от пищевого отрав...

Возник, словно из ниоткуда, черный «чероки» и, скрежеща тормозами, остановился. «Я ♥ мой город», – кричал номер авто. Должно быть, ♥ уже превратилось в слово. Пассажирская дверь распахнулась, и я вдруг захлебнулся в волне давно впитавшегося в мои кишки страха: а если это обман и сейчас меня арестуют?! *Cálmate, mano*,¹⁹⁵ сказал я себе. Если ты родился там, где «исчезать» – переходный глагол, то вполне естественно, что при виде большой незнакомой черной машины, которая останавливается рядом с тобой, ты впадаешь в панику. Но Штаты – это все еще Штаты. Разве нет?

Я нырнул в мир искусственной кожи. Мы поздоровались. Машины в нисходящем порядке значений пахнут вином, фруктовым соком и чем-то похожим на «Шисейдо Зен». ¹⁹⁶ Автомобиль сорвался с места, прежде чем закрылась дверь. Негромко вещал «Ньюс-6» – картинка выводилась в углу каждого из двух экранов приборного щитка.

– ...Анна-Мария Гарсия-Маккарти. Привет, Рон, приятно вас видеть.

– Рад вас видеть, Анна-Мария, как детишки?

– Просто великолепно, спасибо, – просияла Анна-Мария.

– Ну и отлично. Всем привет, – сказал Рони продолжил после небольшой паузы: – Итак, «Мэджик» и «Ягуары» начали игру...

– Да, Джед, это Макс, – кивнула мне Марена. – Макс, познакомься, – Джед. Я тебе о нем говорила?

– Привет, – произнес низкий мальчишеский голос.

Я повернулся и сказал «привет». Паренек лет девяти, похожий на маленькую Марену мужского пола, с курчавыми волосами, будто вымоченными в слабом чае, был увешан

---

¹⁹² «Баха Фреш» – название сетевых ресторанов.

¹⁹³ Сучища (*исп.*). (*Прим. ред.*)

¹⁹⁴ Система активного отбрасывания (*англ.* Active Denial System), или «луч боли», – один из нескольких видов оружия, которое излучает электромагнитные колебания и оказывает кратковременное шоковое воздействие.

¹⁹⁵ Спокойно, старина (*исп.*).

¹⁹⁶ «Шисейдо Зен» – название парфюма.

компьютерными гаджетами, очки «Сони VRG» торчали надо лбом, на мешковатом свитере царь львов Симба поедал Бемби. На заднем сиденье валялись обертки от «полезной закуски». Он посмотрел на мою шапку, потом на меня и снова на шапку.

– Рад познакомиться, – вспомнил он.

– Посмотрите-ка сюда.

Марена ткнула в экран на «Текущие условия движения». «Авария трейлера. Правая полоса, – отреагировал софт, и в сантиметре перед нами в районе Порт-Майака замигала оранжевая точка: – Время ожидания 45 минут».

– Куда мы едем? – спросил я.

– На юг.

– Можно сдать немного назад – там будет проселочная дорога на Билайн.

– Неплохая мысль, – сказала она.

Она нашла разрыв в разделительной полосе, перестроилась в левый ряд и сделала роскошный неторопливый разворот в обратном направлении, словно катамаран. Загудел ненавязчивый предупредительный сигнал, и на дисплее ветрового стекла появились большие красные буквы: «Предупреждение: эта дорога имеет маркировку “незаконная/небезопасная”». Марена ввела двенадцатизначный пароль в консоль на рулевом колесе. Экран и мониторы померкли, но сигнал не прекратился.

– *Ши пьонь шин, а ши!* – пробормотала она, явно выругавшись на зергском.¹⁹⁷

– Давай я, – сказал Макс.

Он подался вперед, протиснулся между сидений, нажал что-то на консоли, и звук прекратился – автомобильный компьютер перешел во внедорожный режим.

– Спасибо, – поблагодарила Марена, когда мальчик снова устроился в своем лежбище. – Пристегни-ка опять ремни. – (Он послушался.) – Ну как вы? – спросила она меня.

– Я в порядке... Ничего толком не узнал о событиях в парковой зоне, – ответил я.

– Мы проверим еще раз попозже, – сказала она.

Может, не хотела распространяться в присутствии мальчишки.

– Я неплохо программирую машины, – заявил Макс. – Я автомобильный шептун.

– Ух ты, явно...

– Вот смотрите, – оживился он. – *Nigechatta dame da!*¹⁹⁸

Вокруг нас заревел ветер, потом посветлело. Макс открыл лючок в крыше.

– ¡Ау, muy listo!¹⁹⁹ – прокричал я ему в ответ.

– ¡De nada!²⁰⁰ – сказал он. Все ребята из богатых семей немного говорят по-испански.

– Хорошо придумано, но нам нужно разговаривать, – громко возмутилась Марена. – Ты знаешь, как его закрыть?

– Конечно. Смотри, – засмеялся он.

– Просто здорово, – похвалил его я, когда в салоне снова воцарилась тишина.

– Ну да, – сказал Макс. – Вы всегда носите эту шапку?

– Что-что? – переспросил я. – А, шапку. Нет, эту не всегда, у меня их несколько.

– Но какая-нибудь шапка постоянно у вас на голове?

– Угу, – подтвердил я. – Где же еще.

– Но ведь у вас с головой все в порядке, да?

---

¹⁹⁷ Зерги – одна из рас компьютерной игры-стратегии «Spacecraft».

¹⁹⁸ Геймерский сленг, приблиз.: «Бежать не годится». (Прим. ред .)

¹⁹⁹ Да, очень умно (исп .). (Прим. ред .)

²⁰⁰ Здесь : пожалуйста (исп .). (Прим. ред .)

– Ничего такого, что можно увидеть невооруженным глазом, просто индейцы некоторых племен чувствуют себя не в своей тарелке, когда ходят без шапки.

– А у вас есть шапка с орлиными перьями?

– Нет, такие уборы носят другие индейцы. Может, и у нас когда-то были похожие. Например, в древности на шапках у майя иногда красовались головы животных.

– А у вас бывают видения?

– Видения? Нет, не бывают, – сказал я. – Извини.

– Жаль, – вздохнул он.

– Да, жаль.

– А вы играете в «Нео-Тео»?

– Конечно. Обожаю «Нео-Тео». – Мой большой палец зудел от желания раскрыть телефон, но я приказал ему не шевелиться.

– Ну и на каком вы уровне? – спросил он.

– На тридцать втором.

Он шмыгнул носом.

– Я на семнадцатом.

– Ух ты, – сказал я. – Слушай, а разве не твоя мама сделала «Нео-Тео»?

– Ага, – сказал он. – А какие у вас есть аватары?

– Только попугай Домашняя Кровь.

Он снова захлюпал носом.

– А хотите поискать нефрит в каньонах?

– Ну, я не так хорошо играю...

– Я вас подтяну на мой уровень.

– Понимаешь...

– Нет, Дждед сейчас не хочет играть, – сказала Марена.

– Может, поиграем попозже? – предложил я Максусу.

– Когда? – спросил он.

– Там посмотрим, – поставила точку Марена.

– Ненавижу я это «там посмотрим», – буркнул он.

– Если ты поднимешься еще на один уровень, то сможешь объяснить Дждеду получше, когда у него будет время, – пояснила миссис Парк.

Он обиженно вздохнул, надел наушники, опустил очки на глаза, и его пальцы в перчатках-манипуляторах зашевелились. Время от времени он выдувал изо рта воздух в ту или иную сторону – включал функцию духового ружья. Хорошо хоть не плевался.

– Вы наверняка думаете, что я делаю из мухи слона, – сказала Марена.

– Нет...

– Поймите мои материнские переживания. Мы выехали из города в понедельник и теперь все еще близко от него, так что... это... у меня как будто в кровь постоянно поступает гормон «защита молодняка». Любой, кто подойдет к моей норе и подозрительно посмотрит на моих детенышей, получит удар бивнем в сонную артерию.

– Я думаю, вы правильно решили, – сказал я.

Что за наивняк, честное слово.

Она переключилась на местный канал. На экране возник снимок – клумба с изображением физиономии Микки в Диснейуорлде.

– Звук, – велела она.

– ...Анна-Мария Гарсия-Маккарти плела... вела репортаж в прямом эфире из Уинтер-Хейвен, – продолжала диктор. – Слушайте новости в шесть. Рон?

– Да, Анна-Мария, отлично, – раздался голос Рона. – Спасибо, что остаетесь с нами. Мы будем с нетерпением ждать шести часов. Вас приветствует Рон Зугема из Орlando. – Он помолчал. – Официальные представители Орlando-Парк-Дистрикт сообщают, что более пяти сотен посетителей парка попали в больницу – судя по всему, в результате пищевого отравления неизвестными токсинами. Как стало известно, восемь пациентов умерли.

У меня в районе желудка разлилось слабое и почти ностальгическое ощущение страха: этот старый друг не то чтобы постучался в дверь, а, скажем так, отправил эсэмэску, дал знать, что, возможно, когда-нибудь вернется.

– Поступило также сообщение о нескольких погибших в результате несчастного случая, но это пока не подтверждено. В настоящее время жителей города и приезжих просят воздержаться от посещения парковой зоны и не препятствовать движению машин скорой помощи. Итак...

Марена посмотрела на меня. Выражение ее лица означало: события развиваются не очень благоприятно.

Да, не очень. Я взглянул на нее. На самом деле...

Она снова перевела взгляд на дорогу. Контакт прервался. Ее стиль вождения казался мне довольно небрежным, она словно надеялась, что ремни безопасности, подушки и всякие новомодные штучки ее спасут. Но я ничего ей не сказал.

– Говорит Рон Зугема, – продолжал ведущий. – Я слушаю вас, Кристин.

– Спасибо, Рон, – заулыбалась голова блондинки. – Похоже, там складывается трагическая ситуация. Привет всем. Сейчас здесь, в телевизионной студии Дабл'ю-эс-ви-эн пятнадцать часов сорок две минуты. Я Кристин Кальвалдос. Опять наступило время зимнего сумасшествия для футбольных болельщиков...

Марена выключила экран.

– Что вы об этом думаете? – спросила она.

– Точно не скажу, – ответил я. – Но не похоже на крупное... конечно, когда люди погибают, всегда...

– Я знаю, – перебила она. – Всякое случается.

– Да.

– И если это ерунда, то извините, что вытащила вас.

– Да нет, ничего, – промямлил я. – Люблю гонять в машине. Пассажиром.

– Мне нужно сделать пару звонков.

– Хорошо. – Я тоже вставил в ухо наушник.

Что я, хуже ее? Принялся звонить и отправлять мыло разным друзьям. Выяснилось, что их у меня всего ничего. Я стал названивать в районные администрации, воскресные школы и другие подобные заведения. Почти никого не было на месте. Я не знал, что сказать, а потому предупреждал об осторожности и обещал перезвонить. Одновременно я мучил телефон в поисках новостей.

Интернет тормозил, и многие сайты выдавали ошибку 404.²⁰¹ Наконец я нашел группу, называвшуюся «Том-Том-клуб», неофициальную и чуть ли не подпольную новостную службу – из тех, что первыми появляются на месте происшествия и с удовольствием копаются во всяком дерьме. Они пользуются популярностью у либертарианцев, озлобленных ветеранов, высоколобых конспирологов и участников движений типа «За легализацию всего». Короче, сидят несколько стареющих хакеров, снимают информацию с полицейских и военных каналов связи, выбирают сенсации и выводят для просмотра почти в реальном времени с собственными мгновенными комментариями. Так вот, по слухам, каковы бы ни были истинные причины трагедии в парке, умерло гораздо больше людей, чем об этом сообщалось. Реанимационные отделения городской больницы Орландо и госпиталя «Винтер-парк-мемориал» переполняли пострадавшие. Еще в Киссими случился пожар – вероятно, подожгли хулиганы. И вроде бы кто-то пытался выйти из парка, но охрана не выпускала.

– Ладно, перезвоните мне. – Марена вынула наушник и потеряла ухо. – Говорят, проблемы только в округе Орандж, – обратилась она ко мне. – Лучше всего сейчас двигаться

---

²⁰¹ Ошибка 404, или «Не обнаружено», означает: ссылка неверна или ранее существовавшая страница в Сети была удалена.

на юг.

Я пробормотал что-то невнятное: да, мол, именно так.

– Джип, покажи дорожные скорости по Майами, – приказала миссис Парк.

По экрану ветрового стекла побежали строки, утверждавшие, что скорости в среднем упали в два раза. Я перевел взгляд на Марену, но она смотрела на дорогу. Сбоку она казалась не такой привлекательной и более величественной. Машина съехала на девяносто первую магистраль, вклинившись перед огромным домом на колесах «виннебаго».²⁰² На высоте меньше двух тысяч футов с воем пронесся странного вида самолет. Макс заерзал под своим ремнем безопасности.

– Что это? – спросил он.

– Не знаю, – ответила Марена.

– Это самолет радиобнаружения и наведения «Грумман Хокай», – пояснил я. – А это штуковина у него вроде черпака для забора проб воздуха.

– Безбожно, – восхитился Макс. Он вывернулся чуть не наизнанку, чтобы увидеть железную птицу в заднее окно.

– Слушайте, проверьте-ка кое-что, – попросила Марена, понизив голос. – Эта штуковина не меньше часа кружит над «Волшебным королевством».²⁰³ – Она прикоснулась к двум иконкам, и на экране с ее стороны появилось изображение со спутника. – Пассажирская сторона, – сказала она бортовому компьютеру.

На моем мониторе высветилась та же картинка. Я предполагал, что увижу какую-нибудь древнюю гугловскую страницу, но ошибся.

Сайт, явно военный, называвшийся 983724jh0017272.gov, давал четкие очертания в реальном времени, а не размытую муру, как НУОАИ.²⁰⁴ Надпись гласила: «3-324CC6/92000FT/W4450FT/Орландо, реальное время». Слева я узнал очертания озера Апопка, но из-за слишком общего плана не сумел различить другие ориентиры.

– Слушайте, просто здорово, – обомлел я. – Мне такое не по зубам.

– Вы наверняка решили, что я работаю на правительство.

– Ну знаете, я думаю, что все...

– Тут нужна только одна строка пароля – и вы уже там.

– Классно, – сказал я. – Мы можем сделать крупный план?

– Нет. Но он сам укрупняется каждые две минуты.

– Супер.

Она объехала раздавленную ондатру на дороге. Отправь ее в «Сычуаньский дворец»,²⁰⁵ подумал я.

– Почему же это происходит сегодня? – озабоченно произнесла Марена. – Разве проблема ожидалась не вчера?

– Так разве не вчера заболели несколько человек?

– Кажется.

– Да.

– И вы считаете, что это не имеет отношения к нашей истории? – спросила она.

---

²⁰² «Виннебаго индастрис» – производитель домов на колесах.

²⁰³ «Волшебное королевство» – одна из тематических стран Диснейорлда.

²⁰⁴ НУОАИ – Национальное управление океанических и атмосферных исследований.

²⁰⁵ «Сычуаньский дворец» – сеть китайских ресторанов. Речь идет об известном эпизоде из сериала «Теория Большого взрыва» Джеймса Берроуза и Марка Сендровски. Один из героев привык к тому, что ему приносят куриное филе с орешками кешью из этого ресторана, но в один прекрасный день выясняется, что ресторан уже два года как закрыт, и у героя возникают сомнения: а что же он ел на самом деле?

– Вообще-то нет, – ответил я. – Не столкнулись ли мы с чем-то бо льшим?.. Вдруг тот, кто это сделал, прочел Кодекс и ему пришла в голову ужасная идея?

– Никто не читал этой треклятой книги. Людей, которые ее видели, можно пересчитать по пальцам одной руки. Это опять какой-нибудь верблюдатник. Наверняка.

– Должно быть, вы правы.

Марена за пять минут сделала около пятнадцати звонков – в местные отделения Си-эн-эн и «Блумберга»,²⁰⁶ офис системы раннего оповещения граждан, полицейские управления Орlando, штата, Парк-Дистрикт. Насколько я мог судить, они отвечали уклончиво. Она позвонила в школу Макса, штаб-квартиру группы Уоррена в Орlando и не менее чем пяти друзьям, призывая их уехать из города. Не забыла все звонки сопроводить текстом. Пыталась дозвониться до Таро, в его лабораторию, по всем телефонам – безрезультатно. Это не предвещало ничего хорошего. Я вспомнил про Отзынь и отправил ему на почтовый ящик в Мехико-Сити письмо с просьбой связаться со мной. Я набрал номер сеньоры из Вильянуэвы и посоветовал ей собраться, сесть в машину и двинуть всей семьей на юг. А также предупредить соседей. Она все спрашивала: «¿Qué? ¿Por qué?». ²⁰⁷ Наконец я ей просто ответил: «Por favor»,²⁰⁸ – и отключился. Затем попробовал снова достучаться до Отзынь.

– Мне нужно остановиться у банкомата, – сказала Марена.

Я уточнил, ко мне ли она обращается. Она говорила со мной.

– У меня есть деньги, – заверил я.

– Нет, мне правда надо. У меня в кармане пять центов.

– Я серьезно. Всегда держу дома наличку на всякий пожарный и захватил с собой кучу бабок. Вам не нужно останавливаться. К тому же банкоматы, наверное, не работают. И потом, я знаю, за вами не пропадет.

– Куча – это сколько? – поинтересовалась она.

Я озвучил сумму, и Марена, успокоившись, согласилась ехать дальше без задержки. В машине воцарилась атмосфера взаимопонимания: мы оба сознавали, насколько сильно напуганы, и не собирались возвращаться во всемирную столицу аттракционов до послезавтра, даже если это folie à deux.²⁰⁹

«Приносим извинения, – проговорил женский голос в моем телефоне, – данный абонент находится вне зоны действия...»

– У вас что – проблемы с телефоном? – спросила Марена.

– У меня? – спохватился я. – Похоже.

«...Всего за двадцать центов, – продолжал синтезированный голос, – мы можем повторять ваш вызов через удобные двухминутные интервалы...»

– Ни до кого не могу дозвониться, – призналась Марена. – Хочу попробовать вашу линию. Можно?

Я сказал «бога ради» и отключился.

– Набрать Джеда де Ланду, – велела своему телефону Марена.

Я самым глупым образом держал аппарат в приподнятой руке, словно это могло улучшить соединение, хотя сигнал должен был сначала прийти на антенну, потом куда-то в космическое пространство, затем на другую антенну, а после этого – вернуться сюда. Но в результате ничего не получилось.

---

²⁰⁶ «Блумберг телевижн» – круглосуточный телеканал, передающий деловые и финансовые новости.

²⁰⁷ Что? Зачем? (*исп.* .)

²⁰⁸ Будьте так добры (*исп.* .).

²⁰⁹ Двойное помешательство (*фр.* .).

– Пустяки, – сказал я. – Прошу прощения.

А вдруг они (кто такие эти «они» в наше время?) поставили коллективную заглушку на сотовые сети?

Я переключился на «Панаудио», новый сервис, который предоставлял доступ ко всем сетям IP-телефонии и возможность пробиться куда угодно. По крайней мере, им пользуется ФБР. Марена сделала то же самое, и мы соединились друг с другом. Сразу возникло теплое чувство. Но за пределами автомобиля связь барахлила. Мне удалось дозвониться до двух-трех человек, но не в Индианатаун. Отзынь тоже оставался вне зоны. «Скайп», UMA и три другие крупные компании голосовой IP-телефонии не работали. Пора посмотреть правде в глаза, Джед: закрылось твоё окошко, через которое ты мог бы предупредить кого-нибудь, получить помощь или вообще что-нибудь сделать.

Я повернул свой экран так, чтобы Марена не могла его видеть, и кликнул на ссылку «Шваба». ²¹⁰ «Дисней» уже приостановил сделки. Плохой знак. Я проверил сделки на Чикагской бирже после закрытия. Зерно резко пошло вверх. Черт, эти паршивцы быстро ориентируются. У зерна есть приятная особенность: его котировки всегда растут после кризиса. Даже маленького. Стоит президенту ушибить палец на ноге, как зерно дорожает. С другой стороны, если нас ждет что-то вроде третьей мировой, то на бирже начнется чехарда. Деньги могут девальвироваться. И если кризис действительно разразится, то в цене упадут даже золото и палладий, потому что, когда случаются серьезные экономические потрясения, все драгоценные металлы...

– Ма? – раздался голос Макса рядом с моим ухом. – Смотри – я добрался до Девятого круга ада! Ма!

– Я сейчас не могу, – сказала Марена. – Но ты молодец.

– Да, впечатляет, – одобрил я.

– Оценим твои успехи, когда приедем, – обещала Марена. – Эй, глядите-ка.

Она показала вверх из окна. Над нами плыли два аэроскрота, ²¹¹ их причальные тросы болтались, как усы сома.

Макс прильнул к стеклу, потом снова откинулся к спинке сиденья и вернулся в мир игры, спустился в Девятый круг. Как и все мы. Я зашел по телефону на сайт гражданского оповещения Департамента внутренней безопасности.

«...Гражданам, находящимся в пути, рекомендуется направляться на юг или юго-запад, – сообщала бегущая строка. Именно это мы и делали. – Остальные должны оставаться дома или на месте работы».

Черт.

Я проверил системы безопасности моего дома в Индианатауне. Двери все еще оставались закрытыми, генератор гудел себе потихоньку, и камеры повсюду вроде работали. Я взглянул на показания аквариума. Уровень аммиака был слишком высок. Я несколько лет отлаживал эту фигню, чтобы она могла существовать в автономном режиме хотя бы неделю, но безуспешно. Где, черт его побери, Ленни? Еще пару дней – и там будет Лав-Канал ²¹² П. Я поинтересовался, как поживают мои дружки из «StrategyNet». Онлайн были только двое, да и те в Японии. «Пожалуйста, помогите мне проанализировать сведения, касающиеся текущей ситуации в Орландо, Филадельфия, – набрал я. – Мы в гуще событий, и я буду пересылать поступающую информацию. Срочно. Спасибо. Джейсоник».

---

²¹⁰ «Шваб» – один из крупнейших биржевых брокеров.

²¹¹ Летательный аппарат, который производится компанией «Аэрос». Сочетает в себе технические возможности вертолета, турбовинтового самолета и дирижабля.

²¹² Лав-Канал – местечко неподалеку от города Ниагара-Фолс, где были обнаружены захороненные токсичные производственные отходы в количестве 21 000 тонн.

Мы выехали на девяносто пятое шоссе и направились на юг. Трафик на восьми полосах казался напряженнее обычного, но не настолько, чтобы навеять мысли о конце света. Водители, судя по манере езды, пребывали в нормальном настроении и вовсе не нервничали.

Гм. Если дела пойдут из рук вон плохо, подумал я, то хорошо бы прикупить оружие. Я вернулся на «Шваб» и разместил заказ – по три тысячи акций «Халлибертон», «Бехтел» и «Рейтеон». Подумав еще немного, распорядился прикупить несколько сотен «Дженерал электрик». Похоже, сделки прошли, но потом, когда я проверил свои позиции, выяснилось, что торги на всех биржах приостановлены. Черт. Я сложил маленькую клавиатуру. Она захлопнулась, издав характерный щелчок, напомнивший пистолетный выстрел. Я глянул в окно. Возникло ощущение, что над нами что-то летит, но я не хотел опускать стекло, чтобы убедиться по звуку. Да, напряженка возрастала. Пожалуй, пришло время успокоительно, мужественно прикоснуться к плечу миссис Парк. Правда, не исключалось, что она откусит мне палец.

– ...Не имеет значения, все в порядке, – говорила она по телефону. – Ну поставьте раскладушку.

– Братишка, сюда, – позвал Макс кого-то в «Нео-Тео-вселенной». – Давай. Опустит свой бластер.

– Значит, так. У фирмы есть отель «Роанок» на Коллинс-авеню, – сообщила Марена. – Они о нас позаботятся. Правда, вам они смогут дать только очень маленький номер.

Меня все устраивало. Хотя при такой скорости мы будем добираться до места еще часов пять. Машина проехала мимо видеобилборда, обещающего «Встречу с членистоногими на острове джунглей и попугаев». На щите бесконечно прокручивали клип, на котором многоногая сколопендра атаковала камеру.

Тут мне в голову пришла мысль.

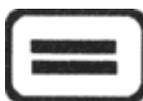
– Послушайте, – начал я, – это дело с...

– Aigo jugeta!²¹³ – сказала Марена, указывая на экран.

Изображение со спутника теперь передавалось крупным планом, как она и говорила, но мне все равно понадобилось около минуты, чтобы разобраться, где что находится. Трудно узнать знакомое место, когда смотришь сверху и видишь только невзрачные, залитые гудроном крыши и массу зелени. Наконец я разглядел-таки «Космическую гору»,²¹⁴ а потом кажущиеся коротенькими башенки «Замка Золушки». Затем на экране появилось «Волшебное королевство».

Я зафиксировал изображение, перевел курсор в центр парка, то есть на внешний дворик замка в северной конечности Мейн-стрит Ю-эс-эй, или на Хаб, как его называют. Взял крупный план. Боже мой. Они знали. Джед, посмотри правде в лицо: они знали, черт их побери!

(10)

К Хабу сходились шесть дорожек, образуя «ватрушку». Посередине, в центре круглой клумбы, усаженной гладиолусами и пуансеттиями, стояла статуя «Партнеров» – бронзовые фигуры Уолта и Микки-Мауса. Еще я увидел россыпи чего-то похожего на гигантское конфетти вокруг клумбы, «ватрушки», у киосков. Для нормального соотношения дерева

---

²¹³ Игрушка от «Айго» (название фирмы) (исп.). (Прим. ред.)

²¹⁴ «Космическая гора» – аттракцион наподобие американских горок.

следовало уменьшить до размера, скажем, «Эйч-Оу»,²¹⁵ как модель детской железной дороги. Бесформенная куча, которая находилась на один час от скульптурной группы, стала приобретать странный и одновременно знакомый вид. План укрупнился, и я различил смутные очертания костюма собаки Микки – Молоха; кто-то лежал ничком, вытянувшись на узорчатых, в горошек, плитках. Хотя полной уверенности у меня не было. Потом в нижней части экрана я рассмотрел еще один скомканный карнавальный наряд, вероятно – визиря из «Аладдина». Я прищурился, разглядывая «конфетти». Между ними попадались белые съезжившиеся фигурки, и внезапно я, даже не ощутив, в какой момент пришло ко мне осознание, понял: это тела людей и взрослых здесь гораздо меньше, чем малышей. Вот черт! Я руками прикрыл экран от солнечного света и вперился в него, пытаюсь осмыслить картину происходящего. Они скорчились, цепляясь друг за друга, укрываясь от чего-то невидимого... Господи Иисусе, они двигались. Перекатывались, дрожали. Дьявольщина. Немыслимо. Детишки. Явно детские фигурки. Боже мой. Боже мой. Им было ужасно плохо. Иногда увидишь человека, да хоть за милую увидишь, – и сразу понимаешь: не жилец. И сколько там таких! Где группы по ликвидации чрезвычайных ситуаций? Где полиция? Как это случилось?

По позам несчастных я догадался, что беда настигла их в разных частях парка, но они добрались до центра, а дальше идти уже не могли. Сколько это продолжалось? Как... не знаю, должно быть...

– Дела и в самом деле хуже некуда, – сказала Марена.

– Случилось совсем не то, о чем сообщали, – ответил я. – Вовсе не пищевое отравление.

– Какое, к черту, отравление.

Она повернула голову, чтобы бросить взгляд на Макса. Ему с его места экран был не виден, но одним глазом он поглядывал на нас, хотя еще продолжал играть, чуть подпрыгивая, расстреливая монстров невидимыми лучами.

– Вероятно, мы имеем дело с чем-то невидимым, как ОВ, – предположил я. – Или...

– Что такое ОВ?

– Отравляющее вещество. – Машинально, к собственному ужасу, я вдруг произнес слова Бадди Лава из «Чокнутого профессора».²¹⁶ – Химическое оружие...

– Ясно, ясно. Только давайте без готики. Он только делает вид, что не слышит нас.

– Что? – переспросил я. – Ах да.

Мне понадобилась секунда, прежде чем до меня дошло: она говорит, что Макс подслушивает, – и еще две секунды, пока я сообразил: она прибегла к эзопову языку, чтобы мальчик ее не понял. Иногда я туплю.

– Понимаете, эти люди даже не начали искать укрытия, они только...

– Отдохните, а? – сказала она. Ее рука метнулась перед моим лицом и выключила экран. Я посмотрел на нее. Она не сводила глаз с дороги. Челюсть ее шевелилась, словно она скрежетала зубами. – Не говорите ничего.

– Прошу прощения.

Ты идиот, Джед. Идиот в квадрате. Ладно, давай-ка пораскинем мозгами, сказал я себе. Не напугай ее чадо. Кто-нибудь в «Нео-Гео-вселенной», возможно, очень скоро расскажет ему правду. На меня снова нахлынуло это ощущение поднимающейся из желудка тошноты, которое с возрастом все чаще заменяет шок, скорбь, гнев. Черт возьми. Детишки. Сколько же их там было? Надеюсь, несчастье случилось только в «Волшебном королевстве»? И большинству удалось выбраться оттуда целыми и невредимыми? Я пытался не представлять себе звуки плача. Хуже этого в мире ничего нет. Вообще-то я не большой любитель

---

²¹⁵ «Эйч-Оу» – название типоразмера модели железной дороги в масштабе 1:87.

²¹⁶ Герой популярного фильма, университетский профессор, изобретает сыворотку, с помощью которой превращается в расчетливого, холодного, красивого пижона Бадди Лава.

человечества, но что касается малышей – тут другое дело. Ведь они еще не стали подлыми и заметно глупыми. Не то чтобы я хотел, чтобы у меня в доме появились дети, но все же...

Черт побери. У меня же есть ЯБХ – противогаз, защищающий от ядерного, биологического и химического поражения, но я забыл его дома. Идиот. Старый «Хеклер-и-Кох П-7» Сильваны тоже остался там, но у меня не было разрешения на ношение оружия. Пусть неблагоразумно таскать пистолет с собой, но все равно зря я не взял его. В такой...

Машина наехала на бугор, и я ударился головой о мягкую шикарную обивку крыши.

– Ой, – вскрикнул я. – Ничего, все в порядке.

– Заметили, как странно выглядели костюмы персонажей? – в ответ пробурчала Марена.

– Кого?

– Большие мультяшные костюмы. Знаете, их там носят полицейские. И у них есть противогазы, кондиционеры, очки-металлодетекторы, рации, тейзеры²¹⁷ и прочее.

– Наверное, все случилось слишком быстро. К тому же есть излучение, проходящее сквозь фильтры.

Она хмыкнула.

Мы пересекли канал Хангриленд-Слаф. Дорожный знак сообщал: «Мемориальный хайвей Моросо». А дальше, подумал я, вверх по течению реки Смерти, а потом через долину Унижений. Не забыть остановиться у города Руин и подобрать мистера Отчаяние.²¹⁸

– Давай спасай меня, – сказал Макс кому-то из «Нео-Тео-вселенной». – В следующий раз, как только появится Нефритовая Карга, стреляйте по ней, мы приканчиваем ее последней, потому что у нее очень толстая чешуя и она умирает ой как медленно.

– Так или иначе, вы были правы, – заметила Марена.

– Не знаю, – вздохнул я. – Нет, я тут напортачил, нужно было...

– Послушайте, Джд. Я знаю вас слишком мало, чтобы так говорить, но даже и не начинайте на эту тему. Договорились?

– Хорошо, договорились. – Я собирался спросить ее о чем-то или сказать ей что-то, но теперь никак не мог вспомнить, что именно.

– Если бы нам удалось предотвратить беду, это означало бы, что Кодекс ошибается.

– Что?.. Нет-нет-нет, здесь все работает иначе! – воскликнул я. – Мы имеем дело не со сверхъестественным законом, а только с вероятностью.

– Угу.

– С помощью игры мы не заглядываем в будущее, просто делаем обоснованные прогнозы.

Она не ответила. Я заткнулся. Черт, подумал я. Нужно было позвонить и сообщить о заложенной бомбе. Отсидел бы срок – все лучше, чем такой ужас. Эти ребята, они там классно проводили время, веселились, и вдруг – на тебе, все полетело, к чертям, навсегда. Тут ведь речь не только о страданиях, которые вынесли малые дети. А еще и о горечи разочарования. Конечно, когда растешь, то всяко испытываешь сплошное разочарование, но если мир рушится в одно мгновение, ты прекрасно понимаешь, что этому нет оправдания и лучше бы он вообще не существовал.

Я вызвал местные новости на своем телефоне.

– Отделение полиции штата в округе Орандж, – проговорил голос уже знакомой мне Кристин в моем наушнике, – готовит заявление, согласно которому прежние сообщения о газовой атаке объявляются необоснованными. Рон?

---

²¹⁷ Тейзер (тазер) – дистанционное электрошоковое оружие.

²¹⁸ Эти образы восходят к книге христианского писателя и проповедника Джона Баньяна (1628–1688) «Путешествие пилигрима».

– Спасибо, Кристин. Шоссе, – продолжал он, – подъезды, пандусы, даже пригородные улицы забиты машинами: приезжие и жители Флориды бегут из центральной части штата, реагируя на неподтвержденные страхи о химических агентах или газовой террористической атаке в Орландо; это происходит, несмотря на оповещения Национальной гвардии. Жителей призывают оставаться в своих домах и сообщают, что опасность... (драматическая пауза) миновала. Во Всемирном центре отдыха...

Я выключил звук. Черт, подумал я. Они ни хрена не знают. Или же это дезинформация чистой воды...

– Все то же, Джед? – спросила Марена.

– Да, – ответил я.

– Даже если они говорят, что не имеет смысла покидать город, я все равно не хочу останавливаться.

Я с ней согласился.

– Всеобщее мнение таково, что на юге безопасно, верно? Так что я пока остаюсь на девяносто пятой.

– Конечно, – сказал я.

– Извините, если нарушила ваши планы без всяких на то оснований.

– Что вы, – возразил я. – Спасибо, что спасли мне жизнь. Если бы я сейчас сидел там, то...

– Не говорите об этом, – попросила она.

– Нетушки, – возмутился Макс. – Ты не можешь играть в хипбол против Девятого Владыки ночи, если не дошел до шестьдесят пятого.

Я снова включил звук в своем наушнике.

– ...в неизвестных количествах, – говорил голос Рона. – Вероятно, применено аэрозольное химическое оружие. Предполагается, что угроза по воздуху может распространиться на обширной территории. Поскольку симптомы проявляются не сразу, район заражения еще не определен. Мы вернемся после короткого...

Так, послушаем «Си-спан».²¹⁹ Тут некто с профессорской важностью отчитывался перед каким-то комитетом. Он перечислял симптомы. Первое, на что нужно было обращать внимание, – покраснение, зуд, сильные головные боли, отечность, потеря ориентации. Повреждения кожи не излечивались. У жертв атаки в Онкологическом центре Моффитта в Тампе открывались зажившие герпесы, даже неожиданно проявлялись старые угри. Я почувствовал, как у меня жутко зудит шея сзади, поскреб там ногтями, дал себе зарок не чесаться больше и кликнул YouTube. На первом видео крупная, пышная, краснолицая тетка заполняла своей физиономией и плечами почти весь экран. Даже у меня на телефоне была видна сыпь на ее подбородке и левой щеке – розовые пятна, красные посередине. Я нажал на стрелочку. «Мы были в Диснейуорлде, – говорила она. – Приехали сюда на Рождество». Она произносила слова как-то нараспев, издавая протяжные, мучительные хрипы. «А теперь мой муж весь... он... я даже не могу сказать, это просто какой-то у-у-ужас. – Она помолчала и шмыгнула носом. – Мое тело превратилось в сплошной отек. Рук не могу поднять. Они так распухли... Мы приехали сюда отдохну-у-уть! И это называется Диснейуорлд... У-у-ужас, у-ужас...»

Опа. Я закрыл картинку. Нет, что-то тут не так, подумал я и принялся искать информацию по отравляющим веществам. Все сайты, хоть как-то затрагивающие этот вопрос, сообщали, что первый симптом – тошнота, потом спазмы и корчи, затрудненное дыхание. Ни об отеках, ни о сыпи ничего не говорилось. Не воздействие ли это слезоточивого газа? Только вот у жертв атаки не возникало проблем со зрением. Явно не похоже на ботулизм, сибирскую язву или рицин. Гм.

Мы проезжали мимо аэропорта общего назначения на севере округа Палм-Бич. Там

---

²¹⁹ «Си-спан» – теле- и радиостанция, вещающая из Вашингтона.

наблюдалось большое оживление, но ни одного взлета мы не увидели. Впереди над коричневатыми ладанными соснами оплывало солнце.

Я снова прослушал новости. Никаких особых изменений и ни одного сообщения о том, что мы видели в Диснейуорлде. Вот гады. Они все аппаратчики. Я просмотрел посты на неофициальных новостных сайтах. Кое-кто комментировал снимки со спутника (они, конечно, были ужасающими), но толком никто ничего не знал. Черт бы их подрал. Подумать только – ведь мы давно живем в эпоху информации, а когда случается что-то важное, она становится более чем скудной. И ты испытываешь этакое странное ощущение оторванности от мира. Хотя на самом деле очень быстро начинаешь понимать, особенно если играешь на бирже или в действительности хорошо разбираешься в определенных вещах (исключая звезд поп-музыки и кошек): для широкой публики многие факты всегда остаются тайной за семью печатями.

– Вы рассказывали о Кодексе тем, кого я не знаю? – спросила Марена.

– Нет, – ответил я.

– А о датах в Кодексе?

– Никому не говорил, – заверил я. – Слушайте, я же полный параноик. У меня двадцать три разных пароля, и я меняю их каждые два дня. Я вообще никого ни во что не посвящаю. Общаюсь только с вами и Таро. Я даже моим улиткам ничего не сказал.

– Хорошо, я вам верю, – вздохнула она. – Извините.

– Ну да, – сказал я. – Я об этом тоже думал.

Мне действительно приходило в голову, что кто-то видел Кодекс или слышал о нем и решил воплотить предсказание в жизнь. Кто-нибудь вроде того лузера из Китая, который убил рицином две с лишним тысячи человек, отравив систему водоснабжения, а потом заявил, что пытался убить всех, потому что Судный день должен был случиться двумя месяцами ранее. Такие люди всегда думают, что Богу нужны помощники.

Мы ехали по девяносто пятой трассе. Миновали озеро Уорт у Лантаны, потом Хаполуксо. По обе стороны дороги выстроились щиты с предложениями: бензин, еда, ночлег, бургеры, тако, дары моря – моллюски от «Чи-Чи Шейлы», «Чибургер-чибургер», загородный клуб «Гольф-н-флог Эс-энд-Эм», астрология, татуировки, тайский массаж, альтернативные домашние любимцы, пирсинг, астрологический пирсинг, электроника, одежда, телемические товары, электронная одежда, домашние любимцы, порно, зоопорно, вегетарианские татуировки и телемические холистические макробиотические вегетарианские генитальные пирсинг и бургеры...

Совершенно не понимаю, подумал я, при чем тут майя. Неужели нас повсюду пруд пруди? А может, речь как раз о том, что мы несем вину? И какие-то ребята майя будут обвинены в случившемся? Может, и меня обвинят? Черт. *Todo por mí culpa*. Даже когда это не так.

Мы проскочили мимо Боки, но у Дирфилда скорость у нас упала в среднем до тридцати пяти миль. Вдоль хайвея зажглись оранжевые натриевые лампы. Мой мозг – а мне плохо удается его контролировать – просто прикипел к Кодексу. Вполне вероятно, размышлял я, люди из группы Уоррена только восемнадцатого опубликовали в «Тайме» информацию о книге по конкретной причине. Перестраховались: мол, если что случится, все равно будет поздно что-нибудь изменить. Или кто-то в компании знал об этом раньше? А, понял, за этим актом стоит сама группа! Нет, Джед, опять тебя мучает паранойя.

– Пожалуй, мы должны были раньше проконсультироваться с вами насчет Кодекса, – произнесла Марена.

– Не знаю, что вам на это сказать, – ответил я.

– Скажите то, что думаете.

– Знаете, тут, похоже, не обошлось без совпадений.

– Что вы имеете в виду?

– Да ничего особенного. Просто, понимаете, эта книга существовала тысячу триста сорок восемь лет, и вдруг за три дня до предпоследней даты... впрочем, бог с ним.

– Что вы хотите сказать?

– Ну, – промямлил я, – вот...

– Что вы хотите от меня услышать? – спросила она. В ее голосе послышался какой-то надрыв, словно нож вошел в хрусткое яблоко. – Ладно, шайка Уоррена – злодейская, мошенническая корпорация вроде СПЕКТРа,²²⁰ и это мы распространили эту дрянь, или что там она собой представляет, сфальсифицировали майяскую книгу, а теперь – теперь собираемся вас убить. Только сначала мы все вам объясним, а потом оставим где-нибудь в дьявольском капкане, из которого вам не удастся спастись. Ну как вам это нравится?

– Звучит совершенно неправдоподобно, – пробормотал я. – Я просто...

– А если виноваты мы с вами? – сощурилась Марена. – Вы об этом не думали? Может, подняв тревогу, мы спровоцировали эту акцию. Кто-то узнал, что уровень опасности завтра поднимут, и решил проверить дело сегодня.

– Слушайте, – заговорил я, – прошу прощения, но давайте...

– Давайте не будем строить домыслы, – отрезала она.

– Как скажете. Я...

– Ну хорошо, помолчите наконец. Я серьезно.

Я закрыл рот. Черт. Теперь она меня ненавидит. Я посмотрел на нее. Нельзя сказать, что ее губы были непримиримо сжаты в линию, однако лицо Марены явно выражало напряжение. Я вроде уже говорил, что плоховато читаю человеческие эмоции. Она не злится на тебя, Джек. Сделай шаг назад и подумай. На самом деле она пытается быть как можно более рациональной, но при этом не в состоянии избавиться от всепоглощающего страха – не за себя, а за Макса. Она мать. А матери – они не из рода человеческого. Так что учти это – если понять не в силах.

Мы выехали к Майами-Ривер – оттуда впервые нам открылся океан. В сумерках он казался обманчиво привлекательным. Посередине пустой встречной полосы тащилась

«скорая помощь». «**ИНСТАНАЦИОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ**»

» – было написано у нее на передке. Значит, правительственных служащих они все-таки не хотели подвергать опасности. У городка Катлер-Ридж скорость упала миль до сорока. Вероятно, стали распространяться слухи о происшествии в парке. В движении автомобилей вокруг нас чувствовалась неуверенность, и я догадался: люди все еще надеялись, что опасность, о которой они узнали, – вымышленная. Над нами с воем пронеслась тройка истребителей F-18, они направлялись на север, в красную зону. У Нараньи мы уже оказались одним из бревен, плывущих в реке, – скорость упала до пятнадцати миль. Авто гудели. Нас несколько раз пытались подрезать и ударяли по кабине. Марена отвечала еще более сильным ударом. Бах. Макс у это нравилось – так сталкиваются машинки в аттракционе. Нас обогнала группа пуэрториканцев на «ямахах», петлявших между автомобилями. Вот самый подходящий транспорт для этого случая, подумал я. Украсть, что ли, мотоцикл? Все, что с конфедератским флагом,²²¹ – законная добыча. Придется ограбить кого-нибудь. Уместимся ли мы втроем на одном мотоцикле? Нет, выкинь это из головы.

– Пить хочу, – сказал Макс.

– Разве у тебя там нет коробки с соком? – спросила Марена.

– Я ее уже выпил.

– Ты бы не мог немного потерпеть? – вздохнула она. – Если нам придется сделать остановку, прежде чем мы сядем на катер, тогда найдем что-нибудь.

Он согласился.

---

²²⁰ СПЕКТР (от *англ.* Special Executive for Counter-intelligence, Terrorism, Revenge and Extortion) – название вымышленной террористической организации из романов Яна Флеминга о Джеймсе Бонде.

²²¹ На номерных знаках транспортных средств во Флориде может присутствовать подобие конфедератского флага, под которым южные штаты вели войну против северян в 1861–1865 годах.

Я стал проверять ответы по теме, которую подкинул в «StrategyNet». Как это ни удивительно, но народ отозвался. Пришло пятьдесят восемь сообщений, некоторые с диаграммами. Дезиризеофнейшнснерд писал, что это похоже на действие ЗАП – звуковой акустической пушки вроде той штуковины, которую Израиль использовал против отрядов из Газы в 2009-м. Один из электронных друзей, игрок в го из Лос-Анджелеса под ником Статистиксмавен, нанес места поражений на свои игровые военные карты и пришел к выводу, что, судя по распределению и времени, «неизвестный агент» явно представлял собой быстродействующий яд, распыляемый сверху, причем он должен быть немного тяжелее воздуха, потому что дальше не распространяется. Парень по имени Адская Гниль согласился с ним и заявил, что раньше ошибался, а теперь склоняется к версии радиационного отравления. Буржуазофоб набросился на этих двоих в своем послании, утверждая, что такое маловероятно.

если что-то попало в их легкие/кровеносную систему вчера и они уже умирают от этого то это должна быть КОЛОССАЛЬНАЯ ДОЗА не меньше 10 ЗИВЕРТОВ.²²² Практически это все равно что в каждую руку взять по половине критической массы плутония 239 а потом свести их. Тот русский шпион умирал три недели а он получил 10^1 + микрограмм полония 210. Это НЕ МОЖЕТ БЫТЬ радиация. Проверять факты адская гниль прежде чем их озвучивать.

Двести десять, подумал я. Атомный номер восемьдесят четыре. Idiota. Меня охватил тот особый ужас, когда ощущение такое, будто тебе в задницу вставили вакуумный насос и включили его на полную мощность.

Ну все. Успокойся. Возьми себя в руки. Тихо.

Я замер, как делал это, когда мне было лет пять. Как всегда, волна страха в конечном счете откатилась назад.

– Это полоний, – сказал я.

– Что-что? – спросила Марена.

Я объяснил, хотя и довольно сбивчиво. Она поняла не сразу, и голос ее все еще звучал не очень убежденно, но она хотя бы отнеслась к моим словам серьезно.

– Я отправлю сообщение, – заявила миссис Парк, имея в виду, что уведомит Линдси Уоррена, а через него – высокие кабинеты Департамента безопасности.

Она принялась манипулировать телефоном, крутя баранку пальцем левой руки, и время от времени бросала мимолетный взгляд на дорогу. Вот ведь какая ерунда, подумал я, после всего этого мы погибнем в самом банальном ДТП. Разве это не ирония судьбы? Нет, вообще-то нет, Аланис,²²³ это не так. Просто дело дрянь.

– Как пишется «полоний»? – спросила она.

Я продиктовал. Она настукала что-то еще. Я стрелял глазами в экран мобильного, пытаюсь понять, каким шифровальным пакетом она пользуется, но так и не разобрался. Теперь ДВБ наверняка решит, что случай в парке – наших рук дело. Если только они уже не пришли к такому выводу. Не то чтобы нас должно это волновать. Хотя меня волнует.

Марена закончила. Положила телефон на колени. Отлично, подумал я. Попытайся сосредоточиться. Произошло полониевое отравление, что означает: разброс полученных людьми доз очень широк: может, с нами все в порядке, а может, нам вскоре будет хуже, чем в аду на сковородке, только мы пока не в курсе. Даже если симптомы проявятся через несколько месяцев. Тогда, считай, нам крышка – тут вопросов нет (хотя не будем назначать похороны преждевременно), черт побери. Я не понимаю, не понимаю, не понимаю...

---

²²² Зиверт – единица измерения ионизирующего излучения.

²²³ Аланис Мориссетт (р. 1974) – современная американская певица; одним из самых известных ее хитов стала песня «Ирония судьбы».

Забикал телефон Марены. Она нажала клавишу и прослушала голосовое сообщение.

– Они уверяют, что занялись этим, – проговорила она минуту спустя.

Я покивал, мол, хорошо, и спросил, что там ее пентагоновские дружки – не намекнули, что мы должны делать, чтобы остаться в живых?

– Он сказал, чтобы мы двигались на юг, а уж АР сделают свое дело, – разъяснила она.

– Хорошо, – ответил я, а сам недоуменно подумал: «Что за АР?»

Может, она подразумевала... погоди-ка, а не остановиться ли нам где-нибудь, чтобы прикупить йодистые таблетки на всякий... нет, лучше об этом не говорить. Скорость на дороге падала. Лучше не притормаживать, застрянешь где-нибудь и потом будет не выехать. Тем не менее мы встали вместе со всеми южнее Флорида-Сити. Часы показывали 19.14. Марена вывела на экран гугловскую карту трафика. От того места, где хайвей менял цвет с красного на зеленый, нас отделял примерно десяток машин. Теперь уже автомобильные гудки образовали один многоголосый хор – люди жали на сигнал не от злости, а от отчаяния. Слева от нас виднелся дешевенький на вид розово-бирюзовый горизонт, напоминавший подстриженный газон захудалого отеля в стиле ар-деко на Оушн-драйв в Майами-Бич. По крайней мере, это место вполне подходило для того, чтобы здесь умереть.

Мы посидели минуту. Марена нервничала. На сайте Си-эн-эн сообщалось: в Винтер-парке и Аламонте-Спрингс подожжены сотни автомашин и в одном только округе Орандж зафиксировано более десятка бесконтрольных пожаров. На экране всплыла карта Бель-Глейда – местечка на южном берегу Окичоби, и я прочел, что отряды скинхедов совершили налет на иммигрантский городок на колесах. Они решили, что там расположен штаб Ла Раза,²²⁴ партии, приверженцев которой они, как я понял, считали поджигателями. Было убито восемнадцать человек. Флоридская белая шваль, подумал я. Великие гоблины²²⁵ снова на конях. Черт! Компьютер показал фотографию, сделанную с вертолета: шесть трупов на асфальте.

– Я боюсь покойников, – прошептал Макс.

– Тогда тебе лучше не смотреть, – сказала Марена.

Она кликнула по иконке, и на мониторе появился Губка Боб.²²⁶

– Что случилось – почему они не ставят значки ограничения по возрасту для трансляции? – спросила она меня вполголоса.

Я ответил, что, вероятно, они забыли слово «ограничения».

– Нас что – ликвидируют? – поинтересовался Макс.

– Что за глупости, – пожала плечами Марена. – Все проблемы от нас теперь далеко-далеко. Давай-ка лучше посмотрим вот это.

– Эй, гляди-ка, это же Ковмар,²²⁷ – веселился Губка Боб.

Мы засели плотно. Я попытался дозвониться в районный центр Индианатауна. Безрезультатно. Я полез в «Том-Том-клуб». Кто-то по имени Старый Злой Бывший Зеленый Берет говорил, что никакого исламского заговора за этой атакой нет, скорее, тут действовала группа коренных американцев «Белый бизон». Аргументация его была не очень ясна. Буржуазофоб обвинял хокингеров – бог знает кто это такие. Постер под ником Глэдхитехер уверял: враги человечества – «Нация ислама».²²⁸ Губка Боб победил кальмара в конкурсе

---

²²⁴ Ла Раза – политическая партия, отстаивающая права американцев мексиканского происхождения.

²²⁵ Великими гоблинами называли руководителей ку-клукс-клана.

²²⁶ Губка Боб – главный герой одноименного американского мультсериала.

²²⁷ Так Губка Боб издевательски обращается к одному из персонажей – кальмару Сквидварду.

²²⁸ «Нация ислама» – религиозная организация афроамериканцев в США.

танцев. Наконец Марена не выдержала.

– Пойду посмотрю, – сказала она.

– Я разужнаю, – воспротивился я и начал вылезать из машины.

– Нет, я сама хочу разобраться.

Она порылась в своей сумочке, вытащила оттуда большую видеоброшь с логотипом группы Уоррена в виде колец Борромео,²²⁹ включила ее и прикрепила к лацкану.

– Я тоже хочу выйти, – попросил Макс.

– Нет, ребята, вы уж посидите тут минутку, – приказала она. – Надо понять, что там происходит.

– Нет, серьезно, – возразил я, – я могу...

– Я знаю, что делаю. Со мной ничего не случится. Как, вы говорили, называется эта армейская база?

– Ближайшая? – переспросил я. – Хоумстедская.

– Верно, – сказала она. – Так, в машину никого не впускать, кто бы что ни говорил и какая бы форма на нем ни была. Я подключила свой телефон, и линия будет открыта – вы сможете видеть все на экране. Вернусь минуты через две.

Мы с Максом переглянулись и сказали «о'кей».

Двигатель она не выключила, распахнула дверь и вышла в проход между машиной и левым дорожным ограждением. В машину ворвался поток влажного душного воздуха. Я перебрался на сиденье водителя. Оно было для меня тесным и слишком высоким, но я не осмелился трогать установки. Макс уселся рядом и уставился на экран. Я тоже не сводил глаз с экрана. Я чувствовал себя так, будто меня кастрировали. И уже не в первый раз. Машины, стоящие впереди, а за ними и все остальные словно начали выдыхаться, и гудки стали смолкать. На подергивающейся картинке с камеры колыхалась небольшая толпа сутулых человеческих спин.

– Прошу прощения. Особо важное лицо. – Ушной микрофон Марены передал властную нотку в ее голосе.

Как ни странно, плотные ряды спин раздвинулись, пропуская ее. Кто-то заворчал, но побоялся открыто оспаривать ее права. Кретины.

Мое внимание привлекла маленькая девочка с болтающимися косичками и большой бусинкой, висящей на переносице, но тут послышался гнусавый женский голос:

– Что, пописать захотелось? Натаниэль, – тянула она, – если хочешь пи-пи, то сейчас самое время.

– Прошу прощения, особо важное лицо, – повторяла Марена. – Извините, благодарю, пропустите особо важное лицо.

Она выбралась на узкое пространство дороги между толпой и стеной дорожных ограждений в оранжево-серебряную полосу. Офицер военной полиции в прозрачном пузыре-шлеме дефилировал туда-сюда, помахивая красным световым мечом, оставлявшим в воздухе надпись «Опасно». С точки, находившейся на груди Марены, было видно, что длинный съезд, ведущий во Флорида-Сити, наглухо заблокирован. Но за баррикадой широкая пустая полоса ровного асфальта катилась дальше на юг в направлении Кубы.

Марена подошла к полицейскому и встала почти у него на пути.

– Здравствуйте, офицер, – сказала она в его шлем. – Вы не могли бы объяснить, как нам разрешить эту ситуацию?

– Да, мадам. Возвращайтесь в вашу машину и ждите очереди, когда вас пропустят в обратном направлении. – В его голосе слышался металл.

Возможно, они специально так настраивали громкоговорители, чтобы те звучали более угрожающе.

---

²²⁹ Кольца Борромео – три кольца, соединенные таким образом, что при изъятии любого из них два других замыкаются.

– Национальная гвардия распорядилась, чтобы мы двигались на юг дальше этого пункта, – солгала она.

– Извините, мадам, но...

– Мы могли бы поехать обратно на север, но нам не хотелось бы нарушать федеральные указания...

– Оба направления зарезервированы для специального автотранспорта. К тому же нет никаких оснований для того, чтобы пытаться двигаться дальше. Все вы должны отправиться домой или по месту службы. – Он развернулся.

– Пойдите, офицер Фуэнтес, – сказала Марена, становясь перед ним и называя его по фамилии на бедже. – У вас наверняка есть дети. Вы знаете, что происходит? Медные шлемы из Хоумстеда направили вас сюда, чтобы без помех вывезти собственные семейства. А вас они оставляют здесь, чтобы вы приняли весь удар на себя. Вас тут убьют, а ваши хозяева будут сидеть на бережке, попивая текилу. Вы понимаете, что я говорю? Так вот, я думаю, мы должны передвинуть несколько из этих загоронок и, по крайней мере, пропустить эти машины на север. Что скажете?

– А-четыре, как меня слышишь? – сказал он в микрофон на своем шлеме. – Педро, это Боб, Пятая зона. Привет. У меня тут проблемы.

– Натаниэль, ты хочешь пописать? – снова раздался женский голос.

– Я хочу, чтобы вы знали: я снимаю все происходящее. Ясно? – повысила голос Марена. – И если эти люди умрут здесь сегодня, то об этом узнают все. История непременно привлечет общественное внимание, и вы станете символом всех мерзостей, что происходят в этой стране. Куда бы вы ни пошли, люди будут показывать на вас пальцем. Вам придется отрастить бороду и вернуться в Сан-Хуан.

– Да, жду поддержку, конец связи, – произнес полицейский. – Мадам, через минуту здесь будет еще одна полицейская машина. Они проводят вас в ваш автомобиль.

Марена несколько секунд смотрела на него в упор, но он не отводил взгляд.

– Ты уверен, что не хочешь писать? – гнусавила женщина.

– А что это за желтая штуковина у него на рубашке? – спросил Макс.

– Это емкость с дыхательной смесью, – ответил я. – Если фильтры на его противогазе закупорятся, он может открыть эту штуку и сделать около пятидесяти двух вдохов.

– Во как! – восхитился Макс. – Класс! Здорово!

Фуэнтес сдался в игре «кто кого переглядит» и отвернулся.

Марена встала лицом к толпе в тридцать с чем-то человек, которые решились выйти из машин и выяснить, что тут творится. На экране было не очень отчетливо видно, что произошло дальше. Но три секунды спустя мы наблюдали картину под другим углом. Очевидно, Марена забралась на крышу старого зеленого внедорожника в переднем ряду. Ноги ее упирались в хромированные трубки между двумя рядами досок для виндсерфинга. Судя по тому, что захватывал подрагивающий широкоугольный объектив, перед ней стояли самые обычные люди, соль и пот земли. По странному совпадению, все белые. Ну, давай, расшевели их.

– Слушайте меня, – крикнула она изо всех сил. – Мне жаль, что приходится прибегать к таким вот мерам, но у нас могут возникнуть кое-какие разногласия, поэтому мы должны договориться и действовать совместно. Если мы хотим найти выход из ситуации, следует объединиться.

Они молча смотрели на нее.

– Натаниэль, – вклинилась заботливая мамаша, – ты уверен, что не хочешь пописать?

– Меня зовут Марена Парк. Я профессиональный журналист, телеведущая, со мной мой ребенок, я нахожусь на пересечении U. S. 1 с восьмьсот двадцать первой трассой, где была поспешно возведена баррикада, блокирующая все дороги на юг. Здесь нас достаточно много – и нам важно знать, как власти собираются разруливать ситуацию. Но на вопросы отвечает один-единственный офицер, который заявляет, что он тут старший. Я бы не прочь услышать ваше мнение. Мы хотим убраться подальше от центра атаки, но офицер Фуэнтес

утверждает, что нам не разрешено въезжать ни на U. S. 1, ни на девятьсот девяносто седьмую. А все потому, что служащие базы в Хоумстеде желают первыми воспользоваться этими дорогами.

– Я этого не говорил, – донесся издали голос военного. Марена проигнорировала его. – Это неправда...

– Взгляните, офицер Фуэнтес стоит здесь в полном облачении, которое защищает его от химической атаки. А у нас нет ничего. И еще – мой GPS-навигатор показывает, что обе дороги пусты до самого Ки-Уэста. Но я не хочу высказываться одна, я хочу знать ваше мнение.

Я представил себе глаза Марены, перебегающие с одного лица на другое. Никто из толпы не сказал ни слова, только одна молодая женщина жалобно причитала – ощущение было такое, словно у нее вот-вот начнется истерика.

– Что думаете вы? – громко спросила Марена. Стало ясно, что она обращается к конкретному человеку, но в кадр он не попал. – Как, по-вашему, мы слышим здесь правду? Должны ли мы сидеть на месте и ждать или это очередная дезинформация?

– Я понимаю, что вы говорите, дорогая, – произнес дребезжащий голос.

Макс нашел, кто это, и вывел крупным планом, опередив меня. Марена выбрала эту девяностопятилетнюю старушку росточком не больше четырех футов и пяти дюймов, весом в девяносто пять фунтов, с голубыми волосами, серо-голубыми глазами, бело-голубой кожей – то, что надо.

– Спасибо за ваше неравнодушие, – поблагодарила Марена.

– Знаете, – сказала старушка, – девяносто пять процентов того, что говорят в наши дни, сплошное вранье.

Последовала секундная пауза. Замолчала даже дама, озабоченная мочевым пузырем своего Натаниэля.

– Моя ма – она всегда такая, – доверительным шепотом сообщил мне Макс.

– Твоя мама очень смелая, – подтвердил я.

– Кто-нибудь хочет взять слово? – спросила Марена, явно оглядывая толпу.

– Им нужны эти дороги для спасательных команд, – ответили ей из задних рядов. – Они знают, что делают.

– Отлично, мы выслушали противоположное мнение. Итак, сколько...

– Я должен сообщить кое-что, – раздался голос офицера Фуэнтеса, но его шлем явно был лишен громкоговорителя, и его слова заглушила бурная речь темноволосого налогоплательщика лет сорока.

Рядом с ним переминались двое ребяташек. Как я догадался, он отвезил их к матери после поездки в «Волшебное королевство», согласно графику посещений после развода.

– ...Им на нас наплевать! – кричал он. – Если мы проедем на юг, то, может, выживем, если останемся здесь, то умрем. Все очень просто. Этот тип расхаживает тут в космическом скафандре и рассказывает нам...

После этого картинка запрыгала и нам осталось только слушать звук. Бормочущая женщина теперь отчетливо взвизгивала, снова и снова повторяя: «Мы умрем, мы умрем». Из машин, застрявших в хвосте пробки, вылезли люди и пошли вперед, спрашивая, что, черт побери, происходит. Военный принялся увещевать их, то и дело упоминая о «необходимом компоненте антитеррористических мер в данном районе и в данное время».

– Послушайте меня все, – заявила Марена, перекрикивая шум. – Я думаю, мы склоняемся к тому, чтобы не поверить местным властям в данном конкретном случае. – Ее слова были встречены митинговыми «да!», «верно!» и даже старомодным «правильно, сестра!». Но кто-то еще продолжал спорить. Натаниэль, кажется, пропищал, что не хочет писать. Я нигде не видел офицера Фуэнтеса, вероятно, он, следуя инструкциям, при столкновении с протестующей толпой ретировался в свою машину.

– Давайте голосовать, – предложила Марена. – Внимание. Если мы не объединимся, то так и будем торчать здесь. Согласны?

Возражающие голоса поутихли, но не смолкли окончательно.

– Итак, – сказала она. – Во-первых, все те, кто считает, что, по существу, военная полиция здесь действует в наших интересах и мы должны сесть в машины и ждать, пожалуйста, либо дайте гудок, либо крикните «против». Хорошо? Повторяю: кто хочет ждать – тот заявляет «против». Ясно? Один, два, три – кричите!

Раздался довольно громкий крик, в котором было различимо слово «против».

– Отлично! – воскликнула Марена. К этому времени она, похоже, привлекла внимание не менее девяноста пяти процентов собравшихся. – Во-вторых, теперь голосуют те, кто полагает, что военным на нас и наши интересы просто наплевать. Помните: всех нас они арестовать не смогут и, скорее всего, вообще никого не задержат, даже меня. Итак, все желающие ехать дальше либо дают короткие повторяющиеся гудки, либо кричат «за». Понятно? Один, два, три – «за»!

Она получила достаточное число «за».

– Хорошо, – отметила Марена.

Толпа не то чтобы хлынула – она подалась вперед, а потом уже мы не слышали возгласов одобрения, только время от времени «порядок!» и «давай!». Цель была достигнута. Опа! Свобода сплачивает людей, подумал я. *À la Bastille!*²³⁰ Разведенный папаша оттащил на обочину первый элемент ограждения, и, прежде чем были убраны остальные, вперед успел проскочить один автомобиль. Марена спустилась на землю и пошла, огибая толпу, стараясь ни к кому не приближаться. Кто-то окликнул ее, но она предпочла его не заметить. Машины вокруг нас потихоньку тронулись с места. «Бьонг шина», – пробормотала она.

– Ма, – позвал Макс по ее линии. – Все уже едут.

– Я сейчас подойду, мой мальчик, – раздался ее голос.

И тут мы увидели Марену через лобовое стекло. Легковушки, грузовики, жилые фургоны проносились мимо нее, словно хотели раздавить свою избавительницу. Она села за руль, закрыла дверь и кликнула по клавише «Вперед» – на мой взгляд, очень плавно и артистично.

– Мне нужно в туалет, – скуксился Макс.

– Можешь потерпеть еще несколько минут? – спросила она.

Он кивнул. Мы протиснулись мимо сброшенных на обочину ограждений, а потом словно заскользили по желтому Эверглейдсу.²³¹

– Да, это было что-то, – сказал я. – Я бы не знал, как к ним подступиться. Вы просто...

– Жанна д'Арк? – усмехнулась она.

– Откуда вы узнали, что я собираюсь сказать?

– Вообще-то это все ерунда. Мы работаем в области управления человеческими ресурсами. Есть несколько слов для запуска...

– Нет-нет, я не об этом. Как вы поняли, что эта старушка на вашей стороне?

– Ну, вы можете взять на этот счет несколько уроков. По мимике, движениям ясно, соглашаются люди с вами или нет.

Чтобы проиллюстрировать свои слова, она нажала на газ. Похоже, мы оставили идею остановиться в отеле в Майами.

– Ну и ну.

– У Уоррена в Ки-Уэсте есть пансионат. Там будет легко достать самолет.

– Отлично.

Если только мы туда доберемся.

– А если мы застрянем по пути, – снова уловила она мои мысли, – но будем достаточно близко от берега, они смогут прислать за нами катер. У меня довольно высокий уровень ЗВР.

---

²³⁰ На Бастилию! (*фр.*)

²³¹ Эверглейдс – особый тропический регион болот, занимающий южную четверть полуострова Флорида.

Коротко взвыл пролетевший над нами военный самолет.

– Прошу прощения, не знаю этой аббревиатуры, – признался я.

– Защита ведущих работников. Страховка. Компания отправит за мной спасательную команду.

– Здорово.

– Макс, прекрати.

– Почему? – прозвучал голос мальчика.

– Потому что Господь так хочет. Видя тебя, Младенец Иисус плачет.

– Ладно, ладно. – Он, видимо, перестал делать то, что делал.

Я включил Си-эн-эн на телефоне. Бегущая строка сообщала, что несколько человек с теми же симптомами, что наблюдались в Диснейурлде, выявлены в Чикаго, Сиэтле и даже в таких далеких городах, как Лима, но большинство из них почувствовали себя плохо в аэропортах, и не исключалось, что днем ранее они были на отдыхе в Орландо.

Мы въехали в Майами. Он выглядел грязнее, чем обычно. Я опасался местных кошмарных пробок, но проблем не возникло. Вероятно, весь народ отправился на побережье. За чертой города на семь миль тянутся болота, а потом в Кросс-Ки попадаешь на эстакаду дороги U. S. 1, пересекающую пролив Блэкуотер. Через пять миль ты в Ки-Ларго. Я полазал по Интернету в поисках «Белого бизона». Нашел сайт, но там не было ничего, кроме логотипа, нескольких цитат из Леонарда Пелтиера²³² и прямоугольничка со строками пароля и логина. Похоже, это какая-то организация, отколовшаяся от ДАИ, то есть Движения американских индейцев. По Си-эн-эн говорили, что диснейурлдовский ужас – этот термин уже явно утвердился – официально признан происшествием с массовыми человеческими жертвами. Слава богу, власти больше не скрывали этого. Драджевские²³³ ссылки сообщали, что, судя по медицинским радиосводкам, зона поражения не ограничивалась «Волшебным королевством», на юге были охвачены районы до озера Тохопегалика, а на западе – как минимум до центра Орландо. Кроме того, зараза достигла озера Харрис на северо-западе. Симптомы отравления обнаружили у людей и за пределами этих регионов, но, поскольку пострадавшие в течение дня могли перемещаться на большие расстояния, определить, как далеко распространилось ядовитое облако, не представлялось возможным. Некая Октавия Квентин – ее представили как риск-диагноста из ДВБ²³⁴ – утверждала, что некоторые симптомы идентичны симптомам «отравления тяжелыми металлами и (или) воздействия сильной ионизирующей радиации». Струпосеятель, подумал я. Насылающие струпья. Из камня. Свет из камня.

По «Ньюс-6» сетовали на беспорядки, начавшиеся в Парк-Дистрикт и успевшие выйти за его пределы. «Паника сеет панику, – захлебывался псевдоэксперт. – Мы называем это самоподдерживающейся реакцией». План мероприятий по эвакуации района Орландо ФАУЧС²³⁵ оказался малоэффективным, и в настоящий момент вся центральная часть штата стояла в пробках. Аэропорты в Киссимми, Лейкланде, Лейк-Уэлсе и Веро-Бич не действовали. Больницы вплоть до Тампы, Сент-Пита,²³⁶ Гейнсвилла и Форт-Лодердейла были уже переполнены – множество пациентов переправили туда на вертолетах. Спасатели

---

²³² Леонард Пелтиер (р. 1944) – активист движения американских индейцев, осужденный за убийство в 1975 году двух агентов ФБР.

²³³ «Драдж репорт» – популярный американский новостной сайт.

²³⁴ ДВБ – Департамент внутренней безопасности США.

²³⁵ ФАУЧС – Федеральное агентство по управлению в чрезвычайных ситуациях.

²³⁶ Сент-Пит, или Сент-Питерсберг, – город во Флориде на заливе Тампа вблизи города Тампа.

отказывались прикасаться к «светлячкам» – тем, кто, возможно, подвергся заражению. Кажется, так называли облученных в Нагасаки и Хиросиме. По произношению японское слово похоже на «хибачи»,²³⁷ но мне его сейчас не вспомнить. Полиции было мало. То ли они работали в больницах, то ли просто не показывались и бесчинствующие толпы занимались мародерством – не просто разбивали витрины магазинов, а тащили в свои машины электронику, а потом целые стада автомобилей разъезжались с дилерских складов.

Трафик стал напряженнее у Фэт-Дир-Ки. И все же в отличие от большинства беженцев мы двигались, поскольку на эстакаду других въездов, кроме как с островков (их здесь именуют «ки»), не было. Судя по сайту на мониторе Марены, в нескольких милях за нами вообще все застопорилось. Да, она верно поступила, пустившись наутек при самых первых признаках беды. Если уж параноя приносит плоды, то только успевай срывать. Макс смотрел вверх из окна, и я тоже взглянул туда. Небо заполнили самолеты. Машины, которые воплощали военную мощь государства, беспорядочно заплетали гордые узлы инверсионных следов. Мы увидели летательные аппараты всех конфигураций и размеров, мечущиеся, словно стая впавших в пищевое бешенство акул: FF-2000, напоминающие рыбу-молот, «харриеры» AV-8, словно синие акулы, «глоубмастеры», как громадные белые, «старфайтеры», как бычьи акулы, и даже B-2 там нарезал круги, что твой скат, – ну просто дьявольская свора! Налюбовавшись вдоволь, я проверил сигнализацию у себя дома. Вроде все в порядке. Отправил письмо Отзынь. Та же история.

– Ма, ужасно есть хочется, – раздался голос Макса.

– А ты что, уже приговорил это печенье? – спросила она.

Он ответил «да». Миссис Парк велела сыну потерпеть полчаса, потому что при выполнении сверхсекретного задания останавливаться нельзя. Я постарался вжаться в спинку сиденья и не двигаться. Лучшее, что ты сейчас можешь сделать, старина Джед, сукин ты сын, это не заразить водителя своим волнением. Мы проехали Исламорату, островки пошли гуще. Отсюда уже не видны очертания полуострова Флорида – только дорога, соединяющая зеленые коралловые пятячки суши. Справа ржавеет старая железнодорожная эстакада. Судя по сообщениям Си-эн-эн, нам как раз вовремя удалось проскочить Майами. На Помпано-Бич начались беспорядки, а в Хайалихе впавшая в панику толпа бросилась на солдат, которые открыли огонь из новой пенопушки, стреляющей ублеком²³⁸ или чем-то в этом роде. Eh bueno, подумал я. Хорошо, что мы пока можем получать информацию онлайн. Зачем нам пропускать хоть одну минуту этого смертоубийства? В действительности телевизионная эра – это не так уж плохо. Мы миновали пункт береговой охраны в южном окончании Плантейшн-Ки. Странно, но там царил безлюдье, не было ни катеров на пристани, ни машин на парковке. Стаи самолетов у нас над головой пронеслись на север.

– Я думаю, это оно и есть, – сказала Марена.

– Что?

– Насчет заражения струпьями. Верно? Я имею в виду этих людей, жертв, у них-то струпьев хоть отбавляй.

– Да уж.

– Вы-то наверняка раньше сообразили.

– Да.

Последовала долгая, мрачная, серая, безрадостная пауза. Наконец она посмотрела на меня.

– Послушайте, – протянула Марена, – а вы не знаете...

---

²³⁷ Хибачи – традиционный японский очаг на углях.

²³⁸ Слово «ублек» придумал американский детский писатель Доктор Сьюз (Теодор Сьюз Гейзель), в современном языке оно стало обозначать вязкую жидкость.

Поначалу я решил, что взошло солнце, потому что уходящий вдаль ряд светоотражающих маркеров осевой линии засиял странным розовым светом, а сам асфальт приобрел веселенький желтоватый оттенок. Но солнце почти ушло за горизонт. Разве нет? Мгновение спустя раздался глуховатый удар, от которого автомобильные стекла задрожали в своих уплотнениях, а через некоторое время я услышал звук – дребезжание, набиравшее высоту, – уррррззз – так грешники верещат в руках рассерженного Бога. В завершение грохнул единичный, низкий, безжалостный «бабах». Остаточное явление взрыва. Машину кинуло назад и вправо, когда воздух устремился к его эпицентру.

– Детка! – безмолвно раскрылся рот Марены.

Ее правая рука метнулась назад в поисках Макса. Детская ручка, в свою очередь, просунулась между сидений, он намеревался вцепиться в рулевое колесо, но Марена помешала ему сделать это, крепко сжав его руку своей. Я оглянулся. Лицо мальчика вклинилось между сидений, губы растянулись, обнажив зубы. Гравий молотил по стальным крыльям «чероки». На лобовое стекло хлынул поток воды, и я увидел обломки кораллов и что-то вроде рыбьей чешуи. Сильный «дворник» смахнул один слой, но тут же образовался другой. Как ни странно, машины в нашей полосе продолжали тащиться вперед. Правда, с большой осторожностью. Я чуть ли не видел воочию лица тех, кто сидел за рулем, слышал их голоса: «Что это еще за фигня? Какого хрена? Мы что, уже на том свете?» Однако все произошло слишком быстро, и многие даже не успели среагировать.

– Это был не ядерный, – прошептал я. – Не ядерный взрыв. Это был не ядерный взрыв.

Но Марена, конечно, тоже ничего не могла слышать. Мы все еще находились в беззвучном пространстве, когда в ушной улитке стоит высокий свист, а ощущение такое, будто приходишь в себя после контузии. Я с глупым видом огляделся. Огня я не заметил, но на пяти часах от нас ширился белый клин. Он казался таким нереальным, что я не сразу понял: это пар. Далеко ли от нас грянул взрыв? Между вспышкой и звуком прошло около секунды. Но я теперь точно уже не помнил. Пять миль? Нет, ближе. Я посмотрел на Марену. Пальцы ее левой руки по-прежнему лежали на рулевом колесе. Костяшки так побелели, что я испугался: сейчас миссис Парк сломает баранку. Но на заводе, видать, ее прочно сработали. Губы Марены спрашивали что-то у Макса, наверное, все ли с ним в порядке. Тишина все еще звенела в ушах. Голоса мальчика не было слышно, и она спросила еще раз, наконец прорезался звук.

– Нормально, все нормально, – говорил Макс.

Я обратил внимание, что мы проехали отметку «семьдесят восемь миль» на мосту Индиан-Ки, что за Аппер-Матекамб. В какой-то момент Марена поинтересовалась моим самочувствием.

– Это не ядерный взрыв, – ответил я. – Не ядерный.

– Как вы?

– Не ядерный. Смотрите – окна целы, не разбиты, значит, с нами все хорошо, – упорствовал я.

– Не ядерный. Как вы? Скажите.

– Я? – переспросил я. – Более или менее.

Через систему кондиционирования автомобиля начали просачиваться запахи взрыва.

– Прекрасно.

– Это был не ядерный, – повторил я.

– Знаю, – кивнула она.

– Как вы с Максом? – Я не заметил, как он перебрался к ней на колени.

– Ничего страшного.

– В порядке?

– В порядке.

– Думаю, что это не взрывчатое вещество, – сказал я.

К этому времени белый пар уже почти окружал нас, в центре расходившегося клина сгущалась темнота.

– А что?

– Предположительно трубопровод.

– Трубопровод?

– Ну, вроде того, – ответил я. Большая часть пространства за нами окуталась тьмой. Нефтяной дым. – Вот только там теперь еще и нефть горит. – Я понял, что зубы у меня стучат.

Машины впереди нас остановились. Эй, мои зубы, успокойтесь.

– Нас что, прикончат? – спросил Макс.

– Нет, мы далеко уехали, нас они не достанут, – успокоила его Марена.

– Джед, нас убьют?

– Нет, – улыбнулся я. – Мы в лучшем из всех возможных мест. Нас отделяет от материка вода, а дорога не сгорит.

– Ладно, – вздохнул он.

Судя по интонации, приступ страха у него проходил. Я уже сталкивался с таким прежде в реанимационной. Дети пугаются, но, когда видят, что взрослые невозмутимы, через секунду успокаиваются. Они сами еще не могут отличить нормальную ситуацию от катастрофической.

– Макс, мне нужно, чтобы ты сейчас был сильным и позаботился о нас, – сказала Марена. – Потому что ты в таких вещах разбираешься.

– Может взорваться прямо здесь, – насупился он.

– Нет-нет, ничего здесь не взорвется, – произнес я. – Там есть клапаны. Вся нефть будет направляться к месту разрыва и выгорать там. К тому же трубопровод находится далеко от дороги, он проложен где-то там, в заливе.

– Хорошо, – повеселел Макс.

Вообще-то, подумал я, еще один взрыв трубопровода вполне может случиться. Или же вся труба опорожняется, если на одном конце секции происходит пожар? Я об этом ничего не знал.

Сказав, что мне нужно выйти на секунду посмотреть кое-что, я вылез из машины. Меня охватила влажная духота, но и день нынче стоял жаркий. В стороне взрыва жар чувствовался чуть сильнее. Вдалеке слышался вой сирен, а где-то еще дальше мегафон, перекрывавший вой самолетов. Из автомобилей рядом с нами тоже начали выходить люди. Я закрыл дверь и забрался на крышу. Поблизости никаких пожаров или происшествий видно не было. Но впереди и сзади нас десятки машин стояли наперекосяк под разными углами, вклинившись друг в дружку. Черт, подумал я. Значит, путь вперед перекрыт. Наверное, дорога забита до самого Ки-Уэста. До спальни Эрнста Хемингуэя. Эх, распугали шестипалых котов.²³⁹ В предсказуемом будущем никто из нас не продвинется ни на дюйм. Хотя если вдуматься, слово «предсказуемый» теряло часть своего лоска.

– Джед, вернитесь в машину, – приказала Марена через систему внешних громкоговорителей.

Я послушался. Под курткой моя когда-то шикарная рубашка пропиталась потом. Брр. Словно я напился допьяна и свалился в лужу. Марена выключила двигатель, но компьютер продолжал работать от аккумулятора.

Она, казалось, окончательно пришла в себя. С учетом всего случившегося миссис Парк достаточно быстро сумела взять себя в руки. Мы сели. Прислушались. Последние лучи

---

²³⁹ В доме и музее Эрнста Хемингуэя в Ки-Уэсте содержится около 60 котов, половина из них шестипалые.

солнца пробились в окна. Марена прикоснулась к экрану, и на обращенных к закату стеклах сомкнулись жалюзи. Звуковой ландшафт представлялся довольно мрачным, но каким-то далеким. Макс перебрался на заднее сиденье. Марена принялась выстукивать по клавиатуре своего телефона. Я тоже взялся за свой. Си-эн-эн известила меня, что какие-то специалисты прибыли неизвестно откуда в «Юниверсал стьюдиос», – дескать, у них совершенно случайно оказались дозиметры и вчера рано утром эти доброхоты сообщили полиции о смертельных уровнях радиации. Если так, где же последствия? Ведь можно предположить, что другие люди тоже обнаружили это. Неужели сотрудники ДВБ никогда не проверяют свои счетчики Гейгера? И потом, столь сильная радиация повлияла бы на электрические измерители, включилась бы пожарная сигнализация, засветились рентгеновские снимки в кабинетах дантистов... И никто ничего не заметил? Хотя я вчера слышал о срабатывании пожарной сигнализации. Разве нет? Черт побери, в Интернете десять триллионов страниц, и ни одна из них... впрочем, бог с ним. Я еще раз зашел на YouTube. Самым популярным видео сегодня была довольно длительная съемка неподвижной камерой трассы «Интерстейт-75» неподалеку от Окалы. Машины, направляющиеся на север, занимали все шесть полос (включая встречную), затем образовался затор и авто замерли на месте, как тромб в обреченной артерии. Вдоль обочин брели четыре бесконечные колонны пешеходов. Люди тащили битком набитые чемоданы с пожитками, банки с водой, подвесив их на палки и закинув за спину. Ровно на разделительной полосе лежали два трупа или выбившихся из сил человека. Я всякого навидался в детстве, но теперь, как и все обычные американцы, сталкивался с подобным лишь косвенно, когда по телевизору показывали последствия будничного холокоста в Африке или Азии. Поэтому события минувшего дня казались мне столь же дикими, как и любому другому гражданину Штатов. Причем толпы беженцев выглядели не совсем обычно, движение этих людей странным образом напоминало броуновское. Поначалу я думал, что они движутся по сильно пересеченной местности, но потом догадался: они не хотят подходить слишком быстро друг к другу. То есть каждая человеческая единица полагала, что может заразиться, если прикоснется к соседней, они все время останавливались, уворачивались, балансировали, и вся эта масса двигалась вперед какими-то параноидальными скачками.

Полоний, вспомнил я. Вот черт. Может, нам лучше переодеться? Если на одежде есть несколько частичек этой дряни, их может сдуть, они попадут в воздух и в дыхательные пути или бог знает... гм. Идиот, почему тебе это раньше не пришло в голову! И опять же по-идиотски я представил, как Марена стягивает с себя шмотки, обнажая пару квадратных ярдов упругой соблазнительной кожи. Сказать ей об этом? Вот только любые вещи, которые мы, если повезет, добудем, с большой вероятностью окажутся зараженными. И уж наверняка завшивевшими. Отчего бы не остаться голышом? Если бы только сзади не торчал этот мальчишка. И еще: никто из нас не был вблизи эпицентра заражения, но если эта дрянь присутствует в воздухе – ведь кто-то из окружающих мог притащить немного полония на себе, – частицы могут попасть внутрь через поры кожи, когда мы разденемся, верно? Шанс, скажем, один на десять тысяч, нет, допустим... а, забудь ты об этом. Чтобы все рассчитать, нужно быть Ферми. Я решил помалкивать на этот счет.

Снаружи в реальном, к несчастью, мире голубизна небес поблекла и исчезла. Освещение не включилось. И все же ночь казалась более яркой, чем прошедший день, потому что высокий столб дыма отражал желто-коричневый с оранжевым оттенком цвет пламени.

– Ну, хотя бы один положительный момент есть, – сказала Марена, может быть, самой себе.

Я посмотрел на нее.

– Я только что получила сообщение от AP, – пояснила она.

– Прошу прощения, – не понял я. – Еще раз, что такое AP?

– «Административные решения». Фирма, которая обеспечивает нашу безопасность.

Они проверяют машины, ведут переговоры с похитителями и всякое такое.

– Ясно. Пойдите, вы сможете связаться с ними, если...

– Нет. Но они знают, где мы находимся. Эта штука не работает на передачу, но они говорят, что ведут нас через спутник. И катер уже выслан.

– Отлично, – обрадовался я. – Да... а вы уверены, что береговая охрана их подпустит?

– Я думаю, они это учитывают.

Мы помолчали немного. С моей стороны было видно, как над материком расцветают зеленоватые огненные хризантемы фейерверков. Кто-то из «Том-Том-клуба» выложил новость: мусульманское сообщество в Хоумстеде празднует удавшуюся атаку. Несколько человек протрусили на юг, лавируя между машинами. По Си-эн-эн сказали, что федеральные власти потеряли связь с отделением полиции в Майами и со многими другими. Плохой знак. «Когда мародеры доберутся до этих мест?» – спрашивал я себя. Потом посмотрел в окно, но все вокруг, казалось, сидели не двигаясь. «Драдж» писал: по оценкам армейских врачей, приблизительно у одной пятой населения Орlando уже отмечены симптомы заражения, а это означало, что в течение ближайших недель они появятся у гораздо большего числа жителей. Еще я прочел заметку о том, что в Бель-Глейде шесть из десяти опрошенных по телефону выразили такое мнение: «светлячки» – это зомби или жертвы колдовства. Один респондент сказал, что в его квартале соседи сколотили отряд, чтобы «разобраться с ними». Разобраться тут означало «убить и сжечь». В «StrategyNet» шел разговор о том, что у правительственных агентств нет математической модели прогнозирования каскадного распространения паники. «Это в высшей степени сложная система, – говорил Буржуазофоб, – она питает сама себя. В итоге сейчас страх и беспорядки выплеснулись за пределы Флориды и усиливаются. И чем больше людей вы будете предупреждать об опасности, тем шире распространится паника». Мне это показалось разумным.

Интернет вырубился. Я перезагрузился и попробовал еще раз. Все восстановилось. Я поискал в YouTube и нашел новые ролики: горящие гипермаркеты, красная сыпь на лицах, очереди беженцев, ожидающих школьные автобусы. Рядом с тем, что осталось от аэропорта Майами, горбатые карлики в громадных, отливающих хромом защитных костюмах с хоботками автономных дыхательных аппаратов возводили синий палаточный городок и ставили дуговые фонари. Ночные канюки, тоже обреченные на скорую смерть, расклеивали тело мертвой женщины, лежащее вблизи карусели «Безумное чаепитие»,²⁴⁰ на заднем плане виднелись пустынная улица Фэнтезиленда и пара слонов, повисших в воздухе, и все это в мрачной светотени единственной лампы аварийного освещения, как в той сцене из «Пиноккио», когда Остров удовольствий становится пустынным, потому что все мальчики превращаются в ослов. По западной Гор-стрит в центральной части Орlando мимо брошенных машин ковылял одинокий старик, явно единственный движущийся объект на многие мили вокруг. Но нет, вот стайка старух откачивает бензин на парковке, как... впрочем, не знаю, на кого они похожи. Девочка лет десяти бредет по коричневатой жиже к мигающему оранжевому фонарю...

– Джед? – раздался голос Марены.

– Да.

– Я должна сказать кое-что Максу.

– Валяйте, – буркнул я, решив, что она хочет посеCRETничать с сыном. – У вас есть большие наушники? Или мне высунуть голову из окна?

– Нет-нет, ничего не надо, – улыбнулась она. – Просто я вас предупреждаю.

Может, Марена думала, что в моем присутствии парнишка меньше испугается, вернее, не захочет показаться трусом передо мной.

– Макс! – окликнула она сына.

– Ну? – отозвался он.

– Мы должны поговорить кое о чем.

---

²⁴⁰ Атракцион большинства диснеевских парков, создан по мотивам «Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла.

– Давай говори, – сказал Макс.

Черт, подумал я, я не хочу, не хочу это слышать. Мальчишка был в том возрасте, когда хотят казаться большими, но еще берут с собой в постель старого, потертого плюшевого мишку. А ты щадишь чувства пацана – отворачиваешься, когда он плачет. Я надел наушники, поставил на максимум защиту от внешних шумов и съезился на своем сиденье. Но это не помогло. Я пытался сосредоточиться на новостях, чтобы обеспечить собеседникам некоторую приватность, не настоящую, а на японский манер, когда ты углубляешься в свое занятие и полностью абстрагируешься от происходящего. Но, сам того не желая, я уловил каждое слово.

– Ты меня слышишь, зайчик? – спросила Марена очень тихим голосом. – Ты ведь знаешь: не исключено, что со мной случится неприятность, да?

Он, видимо, промычал что-то в ответ.

– Скажем, я упаду и засну. Или меня ранят и я потеряю сознание. Мало ли что.

– Так оно и будет?

– Нет, просто есть такая крохотная вероятность. В любом случае ты должен оставаться в машине с запертыми дверями, даже если тебе не понравится мой неважный вид. Ты понял? Не вылезай из салона и никуда не ходи с незнакомыми людьми. Джед о тебе позаботится, и ты должен слушаться его. Но если ему станет плохо или если его здесь не будет, то просто оставайся в машине и жди. Не слушай никого, что бы тебе ни говорили, только полицейских в форме – если значок похож на настоящий. Не открывай дверцу, если кто-то станет молотить в окно. Стекла очень прочные, они выдержат, а потом скоро придет полиция. Так что не беспокойся. Но если рядом начнется пожар или другая какая беда произойдет, а также если машина задымится, выбирайся наружу немедленно. Когда появятся много полицейских со значками, делай то, что они скажут. Только никому не отдавай своего телефона и часов. Я связалась с АР, они следят за тобой по телефонному передатчику, так что они тебя найдут. Хорошенько запомни: мобильник держи при себе, потому что у них не всегда получается увидеть твой чип. Понял?

– Понял.

– Хорошо. Ты знаешь, что компания послала за нами катер? Эти люди скажут, что они из команды «Административные решения». Попроси показать документы, они обязаны это сделать. Только первым не называй имени компании, они должны представиться сами. Ясно?

– Ага.

– На другие катера, если не уверен, не садись. Помнишь Ану Вергару? Она, возможно, приплывет сюда с командой или свяжется с тобой по телефону. Попроси, чтобы тебя с ней соединили. Я тебе говорю все это, потому что ты большой смелый мальчик и справишься наверняка.

Молчание. Гм. Об отце Макса она и словом не обмолвилась, подумал я. Может, это был такой случайный папашка?

– Зайчик? – сказала она.

– Я понял, – вздохнул Макс. – Но все это правда случится?

– Вероятность очень невелика, но ситуация сложилась опасная, и я должна рассказать тебе о таких вещах.

– Когда ты начнешь умирать, мы тебя отвезем в криогенную, да?

– Если меня подберет «скорая», именно так врачи и сделают, но ты не должен об этом думать. Возможно, у нас не будет времени на вызов «скорой». И если я тебе скажу, что тебе пора идти, ты не сможешь остаться со мной и пойдешь с Джедом или с тем, кого я назову.

Макс съезился. Кажется, даже немного похныкал. Нет, мне такие дела не по плечу, подумал я; вот одна из главных причин, по которой не следует обзаводиться детьми. Невыносимо грустно видеть, как этот мир открывается перед ними с истинной стороны. Марена начала было что-то говорить мне, но потом передумала.

Мы сидели и ждали. Все больше народу двигалось на юг пешком, людской поток обтекал стоящие машины, кого-то несли, обвязав ремнями, на закорках, кого-то катили на

тележках. У многих был больной вид. И тем не менее, думал я, они бросили свой транспорт, потому что хотят попасть в Ки-Уэст. Они так спешат, что даже не могут ничего по пути стащить на скорую руку. Вкралось подозрение, что «Административные решения» – это только галлюцинация и Марена лишь выдает желаемое за действительное. Завтрашний день рисовался в мрачных красках. Думается, мы в любой момент можем инволюционировать в каменный век и начать ловить акул, используя друг друга в качестве наживки.

– Джед? – окликнула Марена.

– Да, – ответил я, резко поворачивая к ней голову.

Слушаю тебя, детка, чуть было не сказал я. Эй, ты что делаешь? Ты уверена, что он спит? Ммм, шикарно...

– Что такое ОПП? – Она читала расшифровку одной из передач Си-Спан.

– Возможно, оружие для поражения площадей, вроде грязной бомбы. Чтобы задержать противника на время, не пустить его в город, пока радиация... Ну, вы знаете, если период полураспада всего неделя или около того...

– И кто бы мог пойти на такое? Я имею в виду, из местных.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Это... какой-нибудь злобный Дик Чейни,²⁴¹ «Карлайл», «Халлибертон»,²⁴² ЦРУ, АНБ, РУМО,²⁴³ ДВБ, какая-нибудь тайная, *sub rosa*,²⁴⁴ ложная, заговорщицкая организация под флагом сопротивления вторжению. По крайней мере, обычно я из этого исхожу.

– А что такое РУМО – это не аэропорт?

– Это разведывательное...

– Значит, так, – оборвала она меня, – если со мной что-то случится... вы не бросите Макса, да?

– Конечно не брошу, – оскорбился я. – Боже милостивый, за кого вы меня принимаете – за подонка? Можете не отвечать.

– Еще вы будете держать мой телефон при себе, и люди из АР заберут вас, когда будет возможность. Они будут знать, что делать, с кем еще связаться и так далее.

– Ясно. А есть какой-то пароль?

– Что-что? Ах нет. Они знают о вас. Покажете им свои документы.

– Понял.

– В принципе, они могут появиться в любую минуту. В их последнем послании говорилось, что ожидаемое время прибытия двадцать один двадцать.

– Сейчас уже двадцать три.

– Я знаю.

Я попытался придумать умные, утешительные и относительно мужественные слова, но, видно, я не Билл Махер,²⁴⁵ потому что у меня ничего не вышло. Она снова принялась смотреть телевизор. Я нашел полоний в сетевой «Химбазе». Выяснилось, что период полураспада изотопа 210 составляет всего 138,38 дня, так что его вполне можно

---

²⁴¹ 46-й вице-президент США.

²⁴² «Карлайл групп» – крупнейшая инвестиционная компания, по утверждениям некоторых СМИ обслуживающая семьи Буш и Бен Ладен. Нефтяная корпорация «Халлибертон» оказалась в центре громкого скандала в 2003 г., когда выяснилось, что она по завышенным ценам обеспечивала топливом американские войска в Ираке, будучи самым тесным образом связана с администрацией президента США.

²⁴³ АНБ – Агентство национальной безопасности США. РУМО – Разведывательное управление Министерства обороны США.

²⁴⁴ *Здесь* : секретная (лат.).

²⁴⁵ Уильям Махер (р. 1956) – американский комедийный актер, телеведущий и писатель.

использовать как нейтронную бомбу, чтобы очистить от людей местность или город, куда вы позднее собираетесь ввести свою армию. Изотоп 209 менее токсичен, но у него период полураспада около трехсот трех лет. Если оставить где-нибудь большое количество такого вещества, то там никто не появится. Так, это что касается двух чисел. А как насчет остальных, что появлялись все время, – 124 030?

Даже и не думай об этом.

Софо. Головокружение. Страх. Страх...

Интернет снова вырубился.

Черт. Я попытался еще раз. И еще. Безрезультатно.

Но какой в этом смысл? Мы все, вероятно, получили дозу. Нужно только подождать немного, чуть-чуть, и ноги у тебя начнут наливаться свинцом, волосы станут выпадать, когда попробуешь причесаться...

Все поплыло. Ладно, посиди.

В мозгу есть химические вещества, действующие как успокоительное, через некоторое время они начнут работать. В общем, я сумел взять себя в руки, и ни женщины, ни дети ничего такого не заметили.

К полуночи стало понятно, что Макс больше ни минуты не высидит без еды. Мы обсудили, не будет ли заражено то, что нам удастся найти, но в конечном счете было решено отправить меня на поиски провианта. Пройдя с четверть мили назад, я увидел «додж», в котором оставались люди, и знаками попросил: опустите, пожалуйста, окошко, приятель. Парень на водительском сиденье отрицательно покачал головой. Судя по его внешности, он был мексиканцем, а это давало мне шанс. Я начал объяснять ему, что мне надо, на уличном испанском, размахивая тугой пачкой купюр. Наконец они поняли, что я никуда не уйду. Я убедился, что они из Майами, выехали именно оттуда, поэтому у них с собой нет продуктов, купленных в более северных районах. Я заплатил восемь сотен долларов за один большой пакет «Ранчеритос», «Пулпариндо»²⁴⁶ и кучу всяких лимонадов.

Ну что, вроде получилось, думал я на пути назад. Ночь стояла влажная. В воздухе ощущался запах тронутой гнильцой биомассы. В преддверии всеобщего гниения. Со стороны полуострова доносился грохот, напоминающий канонаду. Издалека, хотя и не очень далекого, слышались крики и звон разбиваемого стекла. Черт. Зачем я не спросил у этих ребят, нет ли у них старого пистолета на продажу? Может, стоит вернуться? Или поискать тачку со стикером на бампере: «Если ты это читаешь, то ты под прицелом»? Нет проблем.

Когда я подошел к джипу, у меня уже был проработан весь сценарий. Я найду какой-нибудь грузовичок с чистящими средствами в кузове, куплю скотч, ручку от швабры, гильзу, бутылку растворителя, свяжу все это вместе и выкрашу смазкой из ведущего моста, так что в темноте вполне сойдет за двенадцатый калибр, а потом сяду на крыше машины и, если появится шайка мародеров, посмотрю на них со стальным прищуром, и к утру Марена будет настолько без ума от моей мужественности, что будет гладить мой *casa de pinga*²⁴⁷ практически на глазах у малютки Максвелла, а как только...

– Джд, садитесь в машину, – позвала Марена, приоткрыв окно на дюйм. Она пересела на заднее сиденье и обнимала Макса. Распахнув пассажирскую дверь, она сказала: – Я серьезно.

Я сел в джип, передал ей добычу, и они, с моего позволения, конечно, уговорили меня съесть одну «Пулпариндо» и выпить немного «инка-колы». Нет, наесться у меня не было желания. Опорожнение желудка в такой ситуации могло вылиться в серьезную проблему, а я не собирался наживать себе лишней геморрой на этом мосту. Я предложил Марене прикорнуть, пока я несу вахту. Сам-то я сейчас никак не усну. Для этого мне нужна другая

---

²⁴⁶ «Ранчеритос» – сорт мексиканских чипсов, «Пулпариндо» – тамариндовые конфеты.

²⁴⁷ Мошонка (*исп. сленг*). (*Прим. ред.*)

обстановка, да и время тоже неподходящее – в такой час я не ложился спать даже в обычные дни. Она согласилась. Я вернулся к экрану. Хорошо хоть новости пока передают. Си-эн-эн сообщала: Белый дом и Министерство обороны в настоящий момент считают случившееся террористической атакой, правда, «никто не взял на себя ответственность за случившееся» и «не выяснено, каким образом распылен токсичный материал». На вопросы отвечала все та же доктор Квентин. Она утверждала, что частицы, взятые из запретной зоны, действительно оказались изотопами полония, который является очень редким и дорогим веществом, «чересчур дорогим для распыления в таких масштабах». Кто-то из членов комитета спросил, откуда взялся этот материал, и она ответила, что пока они не уверены, но, вероятно, изотопы были изготовлены в России перед крахом Советского Союза.

Мы сидели и ждали.

У некоторых людей, к которым принадлежу и я, мозговая химия чересчур зарегулирована, и у этого свойства есть побочный эффект – ужас, гнев и другие сильные эмоции возникают и исчезают внезапно, рывком, более резко, чем у людей с нормальной нейроорганизацией. Поэтому я испытывал немотивированные всплески страха, заикливался на нем, и в эти промежутки времени мои мысли скакали в разные стороны. Я ловил себя на том, что думаю о Кодексе, об игре, о последних нитратных показаниях в моем домашнем аквариуме, а потом начинал сокрушаться, мол, я мало переживаю если не за себя, то за других, а затем возвращался к прежним идеям, пытался рассчитать, как долго естественный газ в генераторной емкости может питать кальциевые сепараторы. В какой-то момент я понял, что Марена поет Макс на корейском.

Я прислушался. Гм. И в самом деле трогательно. Chingalo,²⁴⁸ подумал я, познакомился с этой женщиной только вчера, а ощущение такое, что мы вместе пережили больше, чем Льюис и Кларк,²⁴⁹ Бонни и Клайд,²⁵⁰ Кирк и Спок²⁵¹ и Зигфрид и Рой,²⁵² вместе взятые.

Макс помалкивал. Я бросил украдкой взгляд назад. Он свернулся калачиком, не сняв с головы своих штучек, и уснул, как это случается с детьми после стресса. Глаза Марены были закрыты. Я заметил, что в левой руке она держала баллончик с перцовым газом. Словно это могло ей чем-то помочь. Может, и мне перебраться назад? Предложить ей надежное мужское плечо. Нет, это смешно.

Я снова попытался выйти в Интернет. Ничего. Мы могли принимать только эфирный радиосигнал, как в пятидесятые годы, и оказались отброшенными назад, в век Мильтона Берла.²⁵³ Но у новостных выпусков теперь появилось преимущество – видеозаписи, сделанные в разных местах. Люди непонятно как умудрялись доставлять их на станции. Зеленоватые зернистые ночные съемки запечатлели одичавших подростков, которые рыскали быстро собирающимися и распадающимися стаями, разбивали витрины магазинов, поджигали машины, а то делали и что похуже. Трое хорошо одетых воспитанных ребяташек снимали себя – как они прощаются сквозь слезы в горящем доме. Показывали длинный

---

²⁴⁸ Мексиканское нецензурное ругательство, приблиз.: «Чтоб его». (Прим. ред.)

²⁴⁹ Мериуэзер Льюис и Уильям Кларк первыми в истории послеколумбовой Америки пересекли континент в 1803–1806 годах от Атлантики до Тихого океана и обратно.

²⁵⁰ Бонни и Клайд – герои одноименного гангстерского фильма.

²⁵¹ Кирк и Спок – персонажи сериала «Звездный путь».

²⁵² Зигфрид Фишбахер (р. 1939) и Рой Хорн (р. 1944) – известные американские иллюзионисты, долго выступавшие в паре.

²⁵³ Мильтон Берл (1908–2002) – американский комик, начинавший свою карьеру на радио и телевидении.

ролик, весьма странный, в духе «Воинов»,²⁵⁴ с незатейливым сюжетом: банда мексиканских парнишек веселится в пустом гипермаркете сети «Мейси». Героиней другого популярного ролика (из тех немногих, что попал на станцию из блогов в Интернете) стала двухлетняя девочка, пытавшаяся засунуть карамельку в рот своей мертвой матери.

Вдали (по мелководью и равнинным дорогам звук может распространяться на несколько миль) кто-то кричал неестественным высоким голосом, от которого стыла кровь, но, к счастью, большинство нормальных граждан ничего не могут делать (ни говорить, ни спать, ни смотреть, как их близкие умирают мучительной смертью) без любимого звукового сопровождения, так что вопль почти тонул в шуме двух мощных акустических систем. Одна выдавала хип-хоп «Каунтдаун», а другая – бесконечную старую дурацкую песню «Pixies»²⁵⁵ про обезьяну:²⁵⁶ «Если человеку пять, если человеку пять (снова и снова), если человеку пять, то дьяволу шесть, то дьяволу шесть, то дьяволу шесть...»

(12)

У неба был цвет телевизора, настроенного на канал «Плейбой».

Уже поздно, подумал я. Откуда-то донесся грохот.

Что случилось? Наверное, я отключился на время.

Динамики продолжали визжать. Пронзительно кричали чайки.

Ну-ка, соберись. Лучше...

Бам-бам-бам-бам-бам-бам.

Я вскочил и ударился головой о роскошную мягкую обивку крыши. Обернулся. В заднее окно молотила темная фигура. Марена тоже вывернула шею, не выпуская из руки свой дурацкий баллончик. Вот черт. Мародеры. Насильники. Деревенщина. Спасение.

– Что? – вскрикнула Марена.

– Мама, – проговорил Макс.

– Я майор Ана Вергара из АР.

Шар страха у меня в желудке постепенно начал сдуваться. Удивительно, подумал я. Они таки нашли нас. Нужно иметь немного больше веры, Джед.

– Идем, – сказала Марена Макс. – Пора тебе позавтракать.

Мы собрались. Вышли. В воздухе пахло горелой резиной.

– А у них на катере есть вафли? – поинтересовался Макс.

Женщина не ответила ему.

– Вас трое, верно? – спросила Ана.

Она стояла между машиной и ограждением, расставив ноги на военно-начальственный манер. Эта женщина принадлежала к непривлекательному типу а-ля Синтия Ротрок;²⁵⁷ на ней были спецназовская форма, солнцезащитные очки от «Уайли Икс», высокие сапоги, какой-то значок. Картину довершали «глок» в кобуре и крупная гарнитура – наушник с

---

²⁵⁴ «Воины» (1979) – фильм Уолтера Хилла, переложенная на современность история Ксенофонта о возвращении греческого отряда из неудачного похода в Персию.

²⁵⁵ «Pixies» – американский ансамбль альтернативного рока.

²⁵⁶ Имеется в виду песня «Monkey Gone to Heaven».

²⁵⁷ Синтия Ротрок (р. 1957) – американская актриса, снимающаяся в боевиках, где она демонстрирует свое владение боевыми искусствами.

микрофоном. Судя по всему, улыбалась она редко.

– Верно, – ответила Марена.

Я огляделся. Футах в двухстах над нашими головами канюки описывали широкие круги. *Kuvεσσiv oivovoiσi*, подумал я. Собаки и падальщики. Чуть дальше несколько самолетов продолжали свой громогласный полет на север. За мелководьем к юго-востоку море бороздили катера пограничной охраны и всяческие плавсредства ВМФ. С другой стороны эстакады, между нами и черными опорами железнодорожных путей, вода была почти спокойной; ее покрывала нефтяная пленка – следствие взрыва на трубопроводе. Нефть уничтожит остатки рифов в этом направлении, подумал я. И все же залив в момент своей смерти казался более красивым, чем когда-либо прежде, он переливался волнистыми параллельными нитями всех цветов радуги. Там и сям плавали разнообразные предметы, рассматривать которые вблизи совершенно не хотелось: обломки кораллов, корпуса лодок, доски, корни мангровых деревьев, крыши, мертвые пеликаны, штакетины, секции винилового сайдинга, обломки садовой мебели из домов среднего достатка, сплетшиеся ветки морского винограда. И вдруг – дрожь отвращения и ужаса прошла по моему телу – я увидел тело толстой женщины, оно колыхалось спиной вверх, голова под водой, цветастое платье задралось так, что торчали трусики, которые были лишь немногим белее, чем ее кожа. «Что случилось? – спрашивал я себя. – Их просто сбрасывали в воду?» Черт! Я повернулся к океану. Передо мной открылся вид получше: хотя и с нефтяной пленкой, но без трупов.

– Кому-нибудь из вас нужна медицинская помощь? – спросила Вергара.

Мы сказали «нет». Я заметил, что у нее за спиной маячили какие-то зеваки. Но они вели себя нерешительно. Появление Аны большого ажиотажа не вызвало – ей удалось подплыть в моторке и подняться на эстакаду, не привлекая внимания. Я оглянулся. К нам приближались люди с другой стороны – от Ки-Уэста. Они почти бежали трусцой, как зомби из «Рассвета мертвецов»,²⁵⁸ только еще страшнее, потому что пока были живы. Гм. Лучше присоединиться к этим ребятам, подумал я, чем ошиваться здесь, пока тебя не зажарит местная белая шваль. Я проверил свой набор. Бумажник, телефон, паспорт. Наколенные кошельки. Куртка. Туфли. *Esta bien*.

Вергара подгоняла нас к ограждению. На нем висела какая-то конструкция, закрепленная с помощью больших алюминиевых крючьев, как у веревочной лестницы. Вокруг начал собираться народ. Напряжение росло. Люди смотрели на нас прищуренными глазами. Худой тип ковбойского вида бочком подрулил к нам. За его спиной толпилась шайка, словно сошедшая со страниц С. Э. Хинтон.²⁵⁹

– Эй, светлячок, откуда это у вас взялась лодочка? – прошипел он.

– Не подходите, сэр, – отрезала миссис Вергара. – Эти люди арестованы. Если вы хотите к ним присоединиться, пожалуйста, но нам придется арестовать и вас. Поедете в наручниках. Вам ясно?

Ковбой вроде бы струхнул. Его глаза скользнули по кобуре. Когда он собрался с мыслями и придумал ответ, было уже поздно. Штуковина, прикрепленная к ограждению, оказалась чем-то вроде складного желоба, словно на детской площадке, и мы со своими пожитками благополучно соскользнули вниз в старую двадцатифутовую амфибию. В ней находился один-единственный человек, который сидел у штурвала. Бесшумно работал на холостом ходу движок «ямаха». Наверху Вергара отстегнула желоб и спустилась в лодку по свае. На нас надели спасательные бронежилеты, и мы отчалили.

Нас доставили на сорокашестифутовый «бертрам». Благодаря специально оборудованному мостику издали он напоминал катер береговой стражи. Вот, значит, как эвакуируют самые сливки, так сказать, одну сотую процента, усмехнулся я про себя. Я

---

²⁵⁸ «Рассвет мертвецов» (1978) – фильм ужасов Джорджа Ромера, известный также под названием «Зомби».

²⁵⁹ Сюзан Элоиз Хинтон (р. 1950) – американская писательница.

чувствовал себя словно Альфонс Ротшильд, покидающий Вену в персональном вагоне накануне аншлюса. На судне явно был какой-то радиомаячок, выдававший сигнал, который обеспечивал нам беспрепятственный проход, такие же штуки используют на дипломатических машинах ООН или для вывоза сенаторов из аэропортов, если поступило сообщение о минировании. Весьма напоминает карточки «Из ада задешево».²⁶⁰ У меня это вызвало смутный протест. Как вы знаете, правительство Штатов – это своего рода мафия. Не секрет, что саудовские дружки семьи Буша приуныли после 11 сентября, а после ареста Халида²⁶¹ в Пакистане его выкрали из тюрьмы и привезли на Гуам головорезы из «Блэкуотера».²⁶² Тут все понятно. Поэтому когда ты сам становишься объектом особого отношения и вся эта система работает на тебя, остается неприятный осадок. Хотя жаловаться грех, с другой стороны... Мы взяли курс восток-юго-восток на Андрос.²⁶³

Команда потребовала, чтобы я снял одежду и положил ее в мешок из хромированной БОПЭТ-пленки²⁶⁴ – для анализа, обеззараживания, очистки, глажения и, наконец, возвращения законному владельцу. Мне отвели каюту с собственной крохотной душевой кабинкой и потребовали, чтобы я принял душ. Затем я надел великанского размера бело-синий спортивный костюм Военно-морской академии США, лег на узенькую кушетку и проверил работу аварийной системы оповещения на небольшом экране вверху. Я увидел карту, вся юго-восточная часть которой, включая большую часть полуострова Флорида, была усеяна точками и пятнами. Голос за кадром говорил, куда идти и что делать, не объясняя причин. Я поискал Си-эн-эн.

– ...Эвакуированных граждан без автомобилей теперь выпускают из укрытий и разрешают передвигаться, – произнес диктор.

Бегущая строка наверху сообщала: президент издал Акт о мятежных действиях, согласно которому военные наделялись полномочиями полиции, было перемещено более пятисот тысяч человек, а число погибших в результате насильственных действий, пожаров и взрывов (взрыв трубопровода – лишь один из многих), по предварительным оценкам, составляет восемнадцать тысяч. Похоже, цифра занижена. Действительно, далее я прочел, что, по обновленным данным, количество жертв диснейуорлдского ужаса превысило тридцать тысяч.

Черт, подумал я. Дело в том, что все радостные события довольно однообразны, а вот каждая большая катастрофа чудовищна на свой собственный лад. На сей раз не наблюдалось футуристической стремительности событий в Оахаке или древнего слепого неистовства цунами или землетрясения. Нам не преподнесли ошеломляющих сюрпризов, как 11 сентября. Мы – а я пытаюсь использовать это местоимение как можно реже, но полагаю, что в данном случае оно оправданно, – мы решили, что никакой апокалипсис нам уже нипочем, а когда случилось что-то новенькое, оказалось, что никто к этому не был готов. Опять неожиданный удар.

Вот черт. Я переключился на «Блумберг». Передавали картинку склада, пол которого был сплошь покрыт телами в мешках, усыпанных сухим льдом, отчего внизу клубился

---

²⁶⁰ Это понятие родилось в ходе полемики, когда один из читателей скандальной колонки «Так оно было на самом деле» сказал, что автор за свои творения отправится в ад. В ответ журналист поместил в своей колонке шутивную карточку «Из ада задешево», предлагая ее читателям по себестоимости.

²⁶¹ Халид Шейх Мохаммед (р. 1964) – организатор террористического акта 11 сентября 2001 года.

²⁶² «Блэкуотер» – частная военная компания с широко разветвленной сетью.

²⁶³ Андрос – самый большой из Багамских островов.

²⁶⁴ Полиэфирная пленка, имеющая высокую прочность, прозрачная, светоотражающая.

туман, как в старом мультике о Человеке-волке. Голос за кадром доложил, что спасатели отказываются работать с пораженными, пока им не будут предоставлены защитные костюмы. До этого времени больницы открывали свои кладовые и пытались по громкой связи объяснить пациентам и их семьям, что те должны делать. В нижней части экрана (нет, не любить «Блумберг» за это просто невозможно) в бегущей строке перечислялись биржевые котировки. Биржи в Штатах не работали, но на зарубежных все еще шли в рост товары циклического воспроизводства. Я дождался цен на зерно. Ага. Еще полбакса только за сегодня. Не очень-то радуйся, подумал я. Ты мелкий биржевой спекулянт, Джед. Наживаешься на чужих несчастьях. Тебе должно быть стыдно...

Я вырубился.

Меня разбудили в гавани Николс-Тауна.²⁶⁵ День уже клонился к вечеру. Появился гидровертолет «кайова» – он доставил нас на частную посадочную полосу у Фреш-Крик рядом с полевой станцией.

– Как у вас дела? – спросила у меня Марена через наушники.

– В норме, – ответил я. – И куда теперь?

– Фирма... теперь они хотят доставить нас в Стейк²⁶⁶ в Белизе.

– Что такое стейк? – спросил я.

– Это мормонское слово.

– Ах да, Стейк. – Я припомнил, что так называется небольшое сообщество, которое со временем может разрастись до Храма.

– В основном он представляет собой большой спортивный курорт, над этим сейчас работает Линдси, – объяснила Марена. – Я думаю, религиозный компонент нужен главным образом для налогообложения.

– Конечно.

– Так вот, я решила: было бы здорово, если бы вы полетели с нами.

– А... ну да, спасибо.

Черт, подумал я. Это же похищение. Нет, чепуха. Не выдумывай глупостей.

– Будет хорошо, если вы с Таро сможете продолжить свою работу, – сказала она. – Что вы об этом думаете? Я собираюсь дать вашему проекту зеленый свет.

– Какому проекту? – спросил я. – Вы снимаете еще один фильм про майя?

– Нет, не фильм. Я собираюсь убедить Линдси увеличить наш бюджет на исследование Кодекса и делать все, что потребуется.

– Что потребуется – типа спасти человечество?

– Ну...

– Зачем это нужно Линдси Уоррену? Я вот что... Слушайте, не хочу создавать вам трудности или обижать вас, но... крупные корпорации обычно как раз уничтожают планету. Во всяком случае, не спасают ее.

– Если Линдси не видит прибыльности того или иного проекта, он финансирует его из личного фонда.

– Ясно.

– Насколько я могу судить, с его точки зрения, спасение планеты даст огромную прибыль.

Гм. Время для быстрого принятия решений, подумал я.

– А где это в Белизе?

– В горах, на западе. То есть к юго-западу от Бельмопана.²⁶⁷

---

²⁶⁵ Николс-Таун – городок на острове Андрос.

²⁶⁶ Стейк – административная единица, принятая в церкви Святых последних дней и состоящая из нескольких мормонских общин.

²⁶⁷ Бельмопан – столица Белиза.

– Знаете, в Гватемалу мне нельзя, – сказал я. – У меня там проблемы с властями.
– Разве тут кто-то говорил о Гватемале?
– Понимаете...
– Граница закрыта, между Гватемалой и Белизом практически идет война.
– Я знаю, но... похоже, это место очень близко к границе, в общем... мне не хотелось бы показаться неблагодарным, я рад, что вы верите в меня и все такое...
– Не надо набивать себе цену, – процедила Марена. – Попробуйте связаться с вашим адвокатом, и пусть он подготовит контракт. Договорились?
– Договорились, босс.
Контракт?
– Дело в том, что мы со всеми хотим работать на таких условиях.
– Отлично, МП.
– Отлично.

На траве стояли два самолета. Один – чартерная «сессна» для Макса. Некая Эшли (горничная Марены или ее исполнительный директор по ведению домашнего хозяйства) и еще один работающий на нее тип по имени Хосе встречали мальчика. Мне все это представлялось слишком уж расточительным. И зачем лететь одним? Они направлялись в Кингстон, а оттуда, если будет уверенность, что там нет особых проблем, – назад в Штаты. Макс начал взбираться по трапу, остановился, побежал назад и протянул что-то мне.

– Вам это может понадобиться, – сказал он.

В моей руке оказалась фигурка маленького синего толстого робота. Она была влажная от ладони Макса.

– Отлично, – сказал я. – Гигантор. Спасибо.

– Нет, это Тетсуджин-двадцать восемь.

– Ах да. Конечно.

– Это пурпурная лазерная указка, – сказал он.

– Вот здорово. У меня никогда такой не было.

Они вырулили на взлетную полосу, разогнались и взлетели. К нам подкатил другой самолет. Это был двенадцатиместный двухвинтовой «пьяджо аванти» с носовым стабилизатором, а это означало, что его уай – молот-рыба. На крыльях сияли большой логотип компании и буквы УАС – «Уоррен АэроСпейс», нанесенные флуоресцирующей запатентованной зеленой краской «изумрудный уоррен». Крупный седовласый угловатый человек в рубашке а-ля Дон Хо²⁶⁸ первым вылез из салона и протянул мне руку. Пожатие было слабым, но ощущение возникало такое, что он может точным, отработанным приемом скользнуть пальцами вверх по твоей руке, мигом обездвигить тебя, нажав на подмышечную артерию, а потом вывернуть плечевую кость из сустава и сделать это с удовольствием.

– Джед, это Гргур, – представила его Марена.

– Приятно познакомиться, – солгал тот, даже не улыбнувшись. Говорил он, похоже, с сербским акцентом.

Я в ответ покривил душой, дескать, тоже рад знакомству. Грр-Грр? Нелепая кликуха для крутого парня. Настоящее его имя, наверное, Эвандер.²⁶⁹

Мы поднялись в самолет. Я представлял себе кабину в виде трейлера, в котором отправился на свои буйные гастроли «Led Zeppelin» в 1974 году, но увидел довольно просторный, отделанный кожей, вязовыми панелями и вениром обычный салон бисквитного, сероватого, болотного с переливами бежевого и коричневатого оттенков. В самолете сидели

---

²⁶⁸ Дональд Тай Лой Хо (1930–2007) – гавайский певец и музыкант.

²⁶⁹ Эвандер Холифилд (р. 1962) – американский профессиональный боксер, выступавший в тяжелой весовой категории.

еще два пассажира – миссионерского типа угреватый мужик и женщина из лаборатории «Лотос» (думаю, это еще одно подразделение группы Уоррена), звали ее доктор Лизуарте. Волосы этой невысокой смуглой бизнесвумен, облаченной в рыболовный жилет, были на спартанский манер собраны в хвостик – казалось, его завязали еще в двадцатом веке.

– Я должна проверить вас обоих, – сказала она.

Я хотел было возразить, но потом решил не быть *sabrón*.²⁷⁰ Какого черта! Они пристегнули нас ремнями безопасности. Принесли еду. Мы молчали. Самолет взлетел. На высоте три тысячи футов солнце на минуту или около того заглянуло в иллюминаторы, а потом исчезло – зашло за горизонт. На высоте восемь тысяч футов Лизуарте похлопала меня по плечу и отвела туда, где, по-моему, обычно размещалась кухня. Самолет предназначался для топ-менеджеров, чрезвычайные ситуации вряд ли учитывались, тем не менее здесь оборудовали реанимационную (тут было все, что можно увидеть в карете скорой помощи), к которой добавили, как выяснилось, кое-что персонально для меня.

Я сел в складное лабораторное кресло. Лизуарте провела полную проверку, включавшую трехкратное обследование моей щитовидки. Процесс весьма обременительный... Ее счетчик Гейгера был столь чувствителен, что, когда она перевернула его вертикально, он начал реагировать на датчики пожарной сигнализации в потолке и ей пришлось перезагрузить его. Оказалось, что я чист. Ну хоть одна хорошая новость, подумал я. Еще сотня таких новостей, и мы вернемся в игру. Однако врач на всякий случай дала мне таблеток йодида калия, а кроме того, провела выборочный контроль водного обмена на предмет отечности и сделала кучу анализов на присутствие тяжелых металлов, что обычно проводится в специальных лабораториях. Должно быть, они установили на самолете спектрометр. И конечно, Лизуарте проверила у меня артериальную кровь, может быть, только для того, чтобы похвастаться своей новой самонаводящейся иглой. Она вывела данные анализа на экран – и мне показалось, что все у меня в порядке, но ей, конечно, хотелось кое-что подправить.

– Мы можем довести ваш фактор восемь хотя бы до уровня в два раза ниже нормального, – предложила она.

– Хорошо, давайте, – сказал я.

– Еще я взяла с собой небольшой запас крови первой группы с отрицательным резус-фактором. Мы положим его в холодильник в Стейке.

– Отлично, – произнес я. – А то я могу выпить его прямо сейчас.

– Да, кстати, вы когда-нибудь слышали о лакандонской²⁷¹ разновидности крови?

Я отрицательно покачал головой.

– У нас есть пара лакандонов в группе, которая занимается переселением животных. Да вы наверняка слышали об индейцах-лакандонах. У них есть дополнительное соединение в крови, то есть абсолютно эксклюзивный фактор сворачиваемости, которого нет больше ни у кого. Считается, что они отличаются от других именно своей способностью к самоисцелению.

– Правда?

– Да.

– Может, мне попытаться высосать у них пару баночек?

– Нет, так ничего не получится.

– Гм.

– Я сделаю специальную противозмеиную сыворотку. Прошу вас всегда носить ее при себе.

---

²⁷⁰ Ублюдком, козлом (*исп.*).

²⁷¹ Лакандоны – одна из народностей майя, живущая в джунглях мексиканского штата Чиapas рядом с границей Гватемалы.

Лизуарте стала мне объяснять, что у гремучих змей, ядозубов и подобных тварей в яде есть вещество, от которого у человека вырабатывается дополнительный тромбин. Он напоминает вяжущий фермент в Т-лимфоцитах, может проникнуть в мозг и полностью заблокировать нервную систему, если у вас к тому же присутствует дополнительный фактор свертываемости. С другой стороны, если у вас повышенная кровоточивость и вы в избытке вырабатываете антитела, то после укуса превратитесь в человеческую губку и очоуритесь. Найти тут нечто среднее очень трудно. Я кивал, давая ей понять, что мне все это уже давно известно.

– Но с чего это вдруг мы заговорили об укусах? – спросил я.

– Понимаете, там все еще идет строительство, – ответила она. – Вокруг джунгли. На прошлой неделе стая обезьян-ревунов унесла все арахисовое масло из кафетерия. А месяц назад одного рабочего укусила змея – тяжелая была ситуация.

– Типа *barba amarilla*?²⁷²

– Что-что? – удивилась она.

– Желтобородка. *Fer-de-lance*. *Bothrops asperger*,²⁷³ гадюка.

– Да-да, верно. Возник геморрагический отек.

– Ага.

– И тем не менее, – продолжала она, – если вас цапнет многоножка или другое экзотическое насекомое, я прошу вас идентифицировать его, перечитать файл, а потом по порядку применить рекомендуемые антигены из набора, прежде чем кому-либо придет в голову говорить о пункции. Но если пункцию делать все же придется, я прошу вас подождать час, а потом учетверить дозу десмопрессина. А в первую очередь вы должны позвонить мне, если будет такая возможность.

– Спасибо, – промямлил я, стараясь не показаться неблагодарным.

– Вы в курсе, что аспирин и подобные ему средства вам принимать нельзя?

– Я даже не знаю вкуса аспирина.

Я хотел было уйти, но докторица опять усадила меня. Завершающий штрих: она вколола мне мефлохин, *Ty21a*,²⁷⁴ вакцину против гепатита А и десяток других панацей, словно я направлялся с бароном фон Гумбольдтом²⁷⁵ на поиски истоков Амазонки. Когда я вернулся на свое место, ягодицы у меня болели, как хрен знает у кого. Как у кого-то с жутко болезненной задницей. Или у проститутки из Вегаса после съезда движения за права полных людей... А что, может быть, Джед. Подумай-ка над этим.

Вот уж полное медицинское обследование, так полное. Ты баба, Джед. Ты чо – ведь ты мог, хотел и должен был сказать «нет». Тоже мне, страховая компания, в жопу. Параноики. Уж взяли бы меня, упаковали в большой полипропиленовый пузырь, и дело с концом.

Я посмотрел в иллюминатор. Вода. Кинул взгляд на Марену – она сидела на соседнем месте, но эти проклятые мягкие сиденья в корпоративных самолетах такие просторные, что мы словно находились в разных временных поясах. Ей, как и мне, надоело смотреть одни и те же ролики о катастрофе, и она принялась что-то искать в своем телефоне.

– Насколько я понял, ваши ребята просмотрели мою историю болезни, – сказал я.

– Да, – призналась она. – Ланс это сделал. Извините. Я понимаю, это противозаконно.

---

²⁷² *Barba amarilla* – испанское название «желтой бороды», ядовитой копьеголовой змеи. Обитает в Центральной и Южной Америке.

²⁷³ *Fer-de-lance* и *Bothrops asperger* – соответственно французское и латинское названия этой змеи.

²⁷⁴ *Ty21a* – противотифозная вакцина.

²⁷⁵ Александр фон Гумбольдт (1769–1859) – немецкий ученый, ботаник и зоолог, путешественник, исследователь Амазонки.

– Ладно, ничего страшного. Однако отыскать такие данные нелегко. Разве нет?

– Ну, для них все легко, – усмехнулась она. – Попросите узнать размер внутриматочной спирали королевы Елизаветы, и они через десять минут дадут вам ответ.

Она снова занялась мобильником. Я воткнул свой аппарат в разъем USB на подлокотнике. Подключиться я подключился, но большинство моих дружеских сайтов либо не действовали, либо давно не обновлялись. Опять плохой знак. Я напялил наушники и нашел Си-эн-эн.

– ...Спасибо, Алиса. Говорит Александр Марнинг из новостного всемирного центра Си-эн-эн в Атланте, спасибо, что вы с нами, – сказал некто по имени Александр Марнинг. И сделал паузу. – Диснейуорлдский ужас определенно стал самым трагическим событием на юго-востоке за многие десятилетия, событием, нашедшим отклик во всем мире. Но трагедия выбила из колеи не только жителей Флориды... но еще и репортеров, освещающих эти события. К нам присоединяется Brent Варшовски с последними известиями. Brent?

Я не стал слушать Brentа – переключился на Си-Спан. «В Диснейуорлде сработала бесшумная “грязная бомба”, утверждают исследователи из ФАУЧС» – сообщил заголовок. Снова свидетельствовала та же самая Октавия Квентин, на сей раз перед сенатским комитетом. Она быстро делала карьеру.

– ...Судебно-медицинской экспертизы, что время срабатывания – приблизительно полдень двадцать восьмого числа, – трещала она. – Да, частицы некоторое время находились в воздухе, но они очень тяжелы, а благодаря специальному покрытию обладают большой липкостью. Так что, несмотря на высокую радиоактивность в запретной зоне, мы не прогнозируем распространения частиц ветровыми потоками... В ближайшие месяцы ситуация не изменится.

– Но частицы попали в водостоки, верно? – спросил чей-то голос, похожий на голос Дианы Файнстайн.²⁷⁶

– Да, верно, – ответила Квентин. – Что касается водосброса в озеро, то существует...

Это меня уже достает, подумал я. Отключился и рискнул еще раз стрельнуть глазами в сторону Марены. Она что-то рисовала в телефоне. Я подался к ней и, взглянув на экран, увидел искусную архитектурную фантазию со сверкающими бассейнами и витиеватыми круглыми пирамидами на заднем плане. Набросав красными и розовыми линиями пирамиду, она словно разочаровалась и тут же изобразила обнаженных паломников на переднем плане – они летели на громадных бескрылых птицах, похожих на диатрим.²⁷⁷ Марена подняла голову.

– Извините, – пробормотал я, – подглядывать нехорошо, я...

– Ничего, – сказала она довольно громко и стащила с головы наушники.

– Вы великолепный художник.

Не слишком ли это бесцеремонно с учетом ситуации? Сколько времени должно пройти после трагедии, чтобы ты мог позволить себе улыбнуться? У других людей на такие вещи безошибочное чутье, а у меня – нет. Я из тех, кто всегда смеется на похоронах. Или умирает на вечеринке.

– Ах, спасибо, – произнесла Марена безразличным тоном.

– Нет, серьезно. Это что – декорации для «Нео-Тео II»?

– Угу.

– Даже странно, что вы – настоящий художник.

– Почему же это странно?

– Ну не то чтобы, а...

---

²⁷⁶ Диана Голдман Берман Файнстайн (р. 1933) – сенатор от штата Калифорния, председатель сенатского комитета по разведке.

²⁷⁷ Диатрима – доисторическая птица.

- Что?
- Откуда у вас вдруг интерес к...
- К чему? К игре жертвоприношения?
- Да.
- Я всю жизнь занимаюсь играми.
- Ммм.
- А еще Линдси сто лет финансирует исследования Таро, – пояснила она. – И когда «Нео-Тео» пошла хорошо, Линдси решил, что я должна поучаствовать и в других программах, связанных с играми.
- Ясно. Но ведь игра жертвоприношения – это вовсе не развлечение.
- Верно, но она может быть частью... к примеру, развлекательного проекта. Или, наоборот, он станет средством воплощения... скажем, реализации игры, похожей на игру жертвоприношения.
- Вы немного опережаете меня, – вздохнул я.
- Ну хорошо, – сказала она. – Я думаю так... История проходит через разные этапы. Да? С восемнадцатого века доминирующее мировоззрение менялось с религиозного на научное. Согласны? А теперь, в двадцать первом веке, оно переходит в игровое.
- Так.
- Игры – это нечто промежуточное. И не наука, и не искусство. Тем более не сочетание того и другого.
- Вероятно, – проговорил я. – Ведь я сам игрок...
- Конечно. Но я к чему веду. Вот существуют миллионы людей, которые все время играют. И практически ничем другим больше не занимаются.
- Верно. Но это же вам во благо. Разве нет?
- Да, во благо. Но дело в другом. Их выбор, на мой взгляд, вполне объясним.
- Правда?
- Ну... может, вы сочтете меня наивной, чересчур возвышенной...
- Нет-нет.
- Ладно, вам не кажется, что многие играют в свои игры чуть ли... не с самоотречением?
- Как?
- Ну, погружаются в игру целиком с ощущением крайней важности происходящего.
- Не уверен... Я всегда играл в разные игры, так что, может быть, задавать мне такой вопрос не совсем правильно...
- Они все словно ищут чего-то, – продолжала она. – Это можно выразить иначе. Скажем, во время игры другая деятельность, работа, средства достижения успеха становятся словно устаревшими. Интуитивно люди знают, что будущее за играми. Может быть, другого будущего и нет вовсе. Во всяком случае, если говорить о социальном будущем. Будущем человечества.
- Гм. Насчет этого я тоже сомневаюсь.
- Хорошо, пусть все не так, но я чувствую, чувствую, что эти штуки мы делаем не напрасно, даже если они низкопробные и жестокие, как «Нео-Тео». По-моему, я двигаюсь в верном направлении. По крайней мере, все еще строю прожекты. Или я несу чушь? Извините. Разболталась...
- Нет-нет, – сказал я, – это не болтовня, мне ваши слова кажутся важными...
- Поэтому работа Таро так меня волнует, она будто бы может раскрыть суть игры.
- Пожалуй. Здорово. Вам стоит научиться играть в игру жертвоприношения.
- Мне хотелось бы. В особенности теперь, когда у меня куча свободного времени.
- Как? У вас свободное время?
- Шутка, – усмехнулась она.
- Так я вас научу.
- Отлично, свидание назначено. – Она закрыла телефон, потом глаза и откинулась к

спинке сиденья.

«Ну, давай же, – говорил мой внутренний Кэри Грант.²⁷⁸ – Поцелуй ее».

«Не могу, – мысленно ответил я ему. – Это дурной тон. Столько народу погибло».

«Ну и что, – убеждал он меня. – Она хочет этого».

«Извини, – подумал я. – Мне это не по силам».

«Ты тряпка», – рассердился Кэри. И растворился, оставив после себя облако дыма от «Лаки страйк».

Черт.

Да сделай же что-нибудь. Я в сто девяносто второй раз проверил аварийное питание камер у себя дома и даже немного испугался, когда соединение прошло.

Реакторы, фильтры, очистители протеинов – все один за другим вышли из строя в период между средой и четвергом, но камеры продолжали работать на системе аварийного питания. Я видел, как они задыхаются и умирают: колония *Nembrotha*, которую я привез с Лусона и хотел предварительно (если мне удастся доказать, что это не *chamberlaini*) назвать *Chromodoris*, с их изумрудными полосками на спинке и сияющими оранжевым пятнами их зайцеподобных головок, и голожаберники «испанская шаль» с их желтыми и фиолетовыми полосами,двигающиеся, как маленькие гармошки, по кораллам, похожим на пальцы мертвеца, – все это сгнуло, превратилось в осевшую на дне слизь. *Todo por mi culpa*. Я признаюсь, что заплакал, стараясь, чтобы никто не видел и не слышал. Плакать – нет проблем. Это то, чем занимаются юные поп-звезды на телевидении при свете дня. Через иллюминатор над ухом Марены я разглядел очертания береговой линии Белиза – черное на фоне синего, с двойными точками автомобильных фар, которые мчатся по Южному шоссе, словно пузырьки по трубке капельницы.

(13)

Мы летели на запад над Мор-Туморроу и Вэлли-оф-Пис²⁷⁹ (и то и другое – оптимистично названные лагеря беженцев), потом повернули на юг к горам Майя. Марена говорила в ушной микрофон. Я сидел с мрачным видом.

– Слушайте, куча хороших новостей, – проговорила она наконец.

– Правда?

– Тони и Ларри Бойл... Вы не знаете Ларри, но это не имеет значения. Они привезли Таро сегодня утром, и он жив-здоров.

– Прекрасно, – сказал я.

Капитан сообщил по громкой связи, что мы садимся через две минуты. Под нами появилась большая круглая площадь, испещренная точками электрических огней и костров.

«Уоррен девелопмент» построил два комплекса на широком плато. Они находились милях в пятнадцати к югу от руин Караколя²⁸⁰ и всего в четырех милях от гватемальской границы. Спортивный комплекс занимал две тысячи десять с половиной акров недавно вырубленного влажного тропического леса, великолепная площадка была абсолютно круглой, по ее периметру изгибался гигантский гоночный трек диаметром в одну милю (по

---

²⁷⁸ Кэри Грант (Арчибальд Александр Лич, 1904–1986) – британско-американский актер, снимавшийся в амплу героя-любовника.

²⁷⁹ В переводе с англ. «Новое завтра» и «Долина мира».

²⁸⁰ Караколь, Эль-Караколь – один из памятников цивилизации майя в современном Белизе.

словам Марены, поверхность дорожки могла изменяться для скачек, бега босиком, бега в скользковках и автогонок).

– Что там такое, почему мы кружим? – удивилась Марена.

– Что-что? – не сообразил я. – А-а. – Она разговаривала с пилотом по гарнитуре, потом замолчала, прислушиваясь.

– Наушники отключены, – сказала она, поворачиваясь ко мне. – Летчик утверждает, что диспетчерская служба нас проверяет. Словно мы чумной барак.

– Гм. Черт.

– Да.

Мы опустились до двух тысяч футов. В центре круга над черными джунглями возвышался основной стадион, или Гиперчаша, как его называли. Он представлял собой гигантскую ватрушку из стекла с электрохромным покрытием и казался почти завершенным под паутиной строительных лесов, проткнутой со всех сторон бесцветными лучами прожекторов и разукрашенной синими искрами, – на стройке велись сварочные работы.

– Все это придется переделать к Паралимпийским играм, – буркнула Марена. Она что-то жевала. – Вы знаете про специальную олимпиаду? До нее еще шесть лет. – Если мир через два года все еще будет существовать, подумали мы оба. – Тут дело не только в большом числе пандусов. Надо построить специальные корты и завести гигантские туалетные кабинки для сиамских близнецов.

– Я думал, вся эта планета – специальная олимпиада.

Она рассказала, что дела тут обстоят таким образом: восемь лет назад компания Уоррена предложила Белизу в качестве его вклада в XXXIII летнюю Олимпиаду построить автономный комплекс в шестидесяти милях от столицы и побережья, чтобы не выпячивать городскую нищету и избежать транспортных проблем.

– Шутка в том, что Международный комитет был вынужден разрешить Белизу принимать эту Олимпиаду, хотя местная сборная никогда ничего не выигрывает и не выигрывает, если только питье рома не введут в программу игр, – хмыкнула Марена. – Хотите никотиновой жвачки?

– Нет, спасибо. Я пока не буду изменять викодину... 281

– После соревнований мы переоборудуем площадки под поле для гольфа и превратим комплекс в курортный отель и тематическое сообщество с майяскими мотивами, а также развлечениями типа «Нео-Тео», воссозданной средой обитания ягуара, ультрасовременным геотермальным бассейном с фонтаном вулканического пара. Да, еще станем платить субсидии индейскому населению – хватит десяти тысячам человек, занятым народными промыслами.

– Вы наверняка можете произнести это задом наперед, – сказал я.

– Нет. А вот вы – наверняка.

– Пожалуй, могу.

– Да? Изобразите.

– Ималсы, морп, имынд, оран, – затараторил я. – Гм, ммм, хытян, аз...

– Я вас поняла, – прервала меня Марена. – Садимся.

Пилот сделал разворот, снизился, и теперь мы летели ровно над асфальтовой дорогой, которая вела к Стейку (правильнее будет сказать: к Стейку™), расположенному в полутора милях от олимпийского комплекса.

Колеса шасси коснулись земли. Самолет сбросил скорость, развернулся, вырубил на полосу и остановился. Мы остались сидеть на своих местах. Наконец двери открылись. Вдохнув несколько глотков центральноамериканского аэропланктона, я почувствовал привычную удушающую ностальгию. Ее усиливали пьянящие ароматы – пахло лошадьми и влажным цементом, но преобладал озон. Мы спустились по трапу. На посадочной полосе в

---

281 Викодин – обезболивающее и противокашлевое лекарство.

резком белом свете прожекторов стояли семь человек.

Нас ждали двое работников службы безопасности Уоррена в зеленой форме, белизский инспектор в белой бобочке, который проверил документы. Кроме того, присутствовали так называемые старейшины Стейка (впрочем, им было не больше сорока) – кажется, официальные встречающие. Один из них вырядился в спортивную фуфайку с изображением облаченного в мантию человека, типа волшебника, на фоне большого заходящего солнца. Надпись, сделанная вычурным жирным шрифтом «папирус», гласила: «Морони, 421 год до н. э. Последний из хороших парней®». Они спросили, все ли хорошо у нас, все ли хорошо у наших близких. У моих близких все нехорошо вот уже пять сотен лет, хотел уже ответить я. Потом все по очереди принялись дергать мою руку. Вот в такие минуты, подумал я, мне бывает радостно, что я родился левшой. Наконец нас представили двум громилам из ДВБ США.

Отлично, усмехнулся я. Вот и приехали. Снова el bote.²⁸² Я не говорил, что провел восемь дней в гватемальской тюрьме в 2001-м? Как ни удивительно, но эти двое громил ограничились лишь тем, что еще раз проверили наши документы. Один из них просканировал наши паспорта и сфотографировал нас на мобильный, а потом стал ждать ответа от своих дьявольских хозяев, скрытых в подземельях Пентагона. Парни поинтересовались, собираемся ли мы покинуть территорию строительной площадки, мы ответили «нет». Они спросили, можем ли мы отмечаться по телефону в полдень, мы сказали «конечно». Нас словно отпускали под честное слово. Верзила договорились о встрече с Мареной завтра утром. Я делал вид, что плохо понимаю по-английски. Они подозрительно поглядывали на меня, но на меня все подозрительно поглядывают. Нам, естественно, не объяснили, из каких соображений станут пасти нас, но это и так было ясно: в связи с атакой на Диснейуорлд.

– Давайте начнем с этого, – предложил главный старейшина – тот, что без спортивной фуфайки.

Он дал Марене бедж и помог ей прицепить его к лацкану. На секунду мне показалось, что он прикалывает ей букетик перед выпускным балом. Протянул он бедж и мне, но прикреплять не стал. На значке сияла яркая зеленая точка прокрутки и был зубчатый зажим-крокодильчик. Меня насторожила моя фотография – та же, что на веб-сайте «Strategy Magazine», я заставил ее снять несколько лет назад.

– Здесь еще есть пароль для входа в местную сеть, – сказал он. – Можете использовать ваш телефон или любой другой мобильный браузер, чтобы увидеть, где вы находитесь на карте, соединиться с персоналом Стейка, получить сведения о наших мероприятиях, расписании Чумовой пятницы, времени обеда и другую полезную информацию.

– Спасибо, – кивнула Марена.

– Но если вы снимете бедж, то у вас взорвется голова, – брякнул старейшина. Извините, пошутил. Хотя он этого не сказал, просто добавил: – Нет проблем.

Нас повели на восток – в сторону от спортивного комплекса. Официальные лица гордо шли впереди, переставляя ноги на манер роботов. С каждым шагом мои каблук погружались на несколько миллиметров во все еще не остывший асфальт. Гргур спросил, не надо ли понести мой рюкзак, но я пояснил, что он скрывает мой горб. Серб взял две маленькие сумки Марены и обогнал нас футов на пятьдесят. Мы последовали за ним мимо скопления модульных сооружений и сборных ангаров. Невидимые мотыльки, пощекотав наши уши, пролетали дальше, чтобы сгореть в жаре вольфрамовых ламп.

– Джед, – окликнула меня Марена.

– Да?

– Вы знаете, почему у этих ослов на ногах была розовая сперма?

– Ну да.

---

²⁸² В каталожке (мекс. исп. разг.). (Прим. ред.)

– Так почему?

– Вы же видите, какие они тощие?

– Ну.

– Суть в том, что летучие мыши-вампиры пьют кровь у них под коленками, – объяснил я. – Или из коленных сухожилий, или из голени, бог знает. И эти вурдалаки ночь за ночью нападают на одни и те же жертвы. Так что хозяева осликов раскрашивают их розовой краской, в которой есть противосвертывающий компонент. А на охоту вылетают в основном летучие мыши-самцы. Так что папочка летучая мышь выпивает кровушку с этой добавкой, а потом летит домой к жене и детишкам. А они висят там себе головой вниз этакой гроздью, словно виноград на ветке. Так?

– Угу.

– Ну и самец, значит, подвешивается на самом верху, отрывает им кровь, и они ее пьют. И потом у маленьких, еще совсем слабеньких, начинается кровотечение, и они умирают.

– Знаете, я жалею не о том, что спросила, – сказала она. – Я жалею, что я вообще родилась на свет.

– Извините.

Основной лагерь был обнесен восьмифутовыми сеточными заборами, разнесенными на двадцать футов, но вблизи ворот коридоры перегородили, чтобы проходящие не сталкивались с собаками, которые сторожили полосу отчуждения. Несколько крупных нацистских овчарок подбежали к ограждению и разглядывали нас злобными глазами. Не животные, а киборги – с камерами, вмонтированными в голову, и хромированными зубами. Наконец мы оказались в казарменного типа четырехугольнике, застроенном широкими сборными сооружениями. На каждом углу на пологих оцинкованных крышах были установлены прожектора. Чтобы улучшить обзорность, кто-то спилил трехсотлетний испанский кедр, аккуратно обстриг его крону в ровный конус и воткнул в дыру, залитый цементом, рядом с флаштокком в центре площади, а потом обмотал сеткой с десятком тысяч мигающих зеленых и розовых светодиодов. Изящнее этого ничего вокруг не наблюдалось. Мимо нас быстро провели свои велосипеды два миссионера. Впереди, в дальней стороне квадрата, старейшина Бивер уже добрался до нашего домика и теперь никак не мог открыть его дверь. Гргур поставил сумки и принялся советовать ему, как совать и протаскивать электронный ключ через щель.

– Смотрите-ка, – повернулся я к Марене.

Я нажал кнопку «широкий» на лазерной указке Макса и подвел луч к ближайшему пучку света из прожектора. Лазер прорезал насквозь фиолетовый вихрь насекомых и несколько более крупных мечущихся тварей.

– Это летучие мыши, – сказал я. – Я имею в виду насекомоядных мышей, а не...

Марена сморщилась.

– Если мне захочется проснуться ночью с воплями, я перед сном посмотрю Си-Спан.

– Извините.

Я сузил луч до линии, провел им по стене перед нами, направил на середину все еще закрытой двери прямо перед Гргуром. Он пригнулся и стремительно помчался прочь. Прежде чем кто-либо сообразил бы, в чем дело, он уже исчез за дальним углом здания.

Черт, подумал я. У них тут срабатывают довольно-таки дорогостоящие рефлексы. Спецназовская подготовка? Я сделал вид, что ничего не заметил, и продолжил играть с указкой, рисуя круг на земле. Гргур вернулся, чуть запыхавшись, держа правую руку за спиной, потом засунул пистолет в кобуру (впрочем, нам этого видно не было) и подтянул штаны.

– У вас все в порядке? – спросила его Марена.

– Да, – пробормотал он.

Я пытался строить из себя дурачка и смотрел на Марену, чтобы не встречаться взглядом с Гргуром, но он, конечно же, знал, и я знал, что он знает, и он знал, что я знаю, и

т. д. Хорошее начало, Джед. Теперь он на тебя наточил зуб. Блестяще.

Дверь открылась, и мы вошли в поток кондиционированного воздуха с примесью фреона и запаха свежего гипсокартона. Мы миновали контрольно-пропускной пункт, украшенный надписью «Precaución/Se Prohibe La Entrada Sin Permiso»,²⁸³ и зашагали дальше по длинному коридору с мигающими флуоресцентными лампами и ковровой дорожкой типа «чистка без проблем», покрытой рыжевато-красными комьями грязи.

– ...Нет, спасибо, – говорила Марена, обращаясь к Эшли-1. – Что мне нужно, так это увидеть Линдси минут на пять.

– Он сейчас, вероятно, слишком расстроен, чтобы беседовать, – произнес младший старейшина. – Но он обрадовался, узнав, что вы здесь.

– И Таро Мора тоже здесь, – добавила Эй-1. – И ССК действует. Мы подготовили вашу прежнюю комнату.

Марена ответила: «Хорошо, спасибо». Кто-то протянул мне электронный ключ и показал, где моя камера. Пардон. Комната. Марена сказала, что позвонит мне через пару минут. Они закрыли за мной дверь. Комната была обставлена как номер в хорошем отеле – одна-единственная орхидея *Surpipedium* в стеклянной трубке, сложенная картонная треугольная фиговинка, сообщавшая: услуги предоставляет «Марриотт корпорэйт ритритс Интернешнл», ресторан «Финнс кафе» пока не работает, но завтрак будет подаваться с семи до десяти в Столовом дворе, курение повсеместно запрещено, а медицинскую сестру и духовного наставника можно вызывать круглосуточно. И завершилось все это вопросом: не хочу ли я, чтобы меня будили не обычным звонком, а вдохновенным посланием? Ну уж нет, спасибочки, подумал я. Пусть уж лучше Великан Андре²⁸⁴ по утрам выливает галлон охлажденного хлорокса²⁸⁵ мне на голову и бьет коленом по яйцам. Я побродил туда-сюда, как это обычно делаешь, останавливаясь в отеле. В ванной я обнаружил массу всяких роскошных штучек, кроме презервативов, конечно. В тумбочке лежала традиционная «Книга Мормона». На столике – кипа рекламных туристических брошюрок. Верхнюю, озаглавленную «Гватемальские приключения», украшала фотография младенца майя в замысловатом местном одеянии, он стоял перед Стелой 16 в Тикале,²⁸⁶ и на лице у него застыло выражение «эй, дядя, угости жвачкой». «Вы можете познакомиться с майя в камне... или лично» – гласила подпись. «Посетите Гватемалу, страну загадок». Очень мило. Вы можете уничтожать майя в компании или одинолично. Посетите Гватемалу, Страну скорби, *Dominio de Desesperanza*.

Я сел на кровать, перевел мой телефон на местную сеть и нашел карту «Ты здесь». Набрал «Марена-парк», и рядом с моей собственной красной точкой появилась ее синяя. Я сделал более крупный план. Похоже, Марена находилась дальше по коридору. Я закрыл за собой дверь и последовал в направлении точки. Из комнаты отдыха доносился звук работающего телевизора, и я вошел туда. Интерьер яркий, но запущенный. Пахло там как в офисе, это почти то же самое, что «Comme des Garçons Odeur 53».²⁸⁷ С примесью

---

283 «Внимание: вход без разрешения запрещен» (*исп.*).

284 Андре Рене Руссимофф (1946–1993), известный как Великан Андре, – профессиональный борец, имел рост 224 см и вес 240 кг.

285 Хлорокс – отбеливатель, пятипроцентный раствор гидрохлорита натрия в воде с небольшим количеством соды.

286 Тикал – один из крупнейших археологических майяских центров. Так называемая Стела 16 была воздвигнута в 711 году в честь одного из правителей.

287 Название туалетной воды, производимой французской фирмой «Ком де гарсон».

растворимого кофе. На моем телефоне синяя точка практически соединилась с янтарной. Гм. В центре комнаты стоял ряд шикарных автоматов. Я подошел к одному, провел кредитной карточкой по маленькой вагине (ишь ты, деньги еще не отменены, подумал я) и получил два пакетика конфет «джелли белли».

– ...С репортерами, освещающими события, – произнес голос с экрана.

Я обошел автоматы. За ними у большого овального стола сидели – кто прямо, кто сгорбившись – Марена, Таро и еще несколько человек. Они смотрели большой телевизор на подставке, которая напоминала мольберт. На белой пластмассовой столешнице беспорядочно были расставлены закуски, чашки и набор новейших средств личной связи.

– Привет, идите сюда, – махнула мне Марена.

Я приблизился.

– К нам присоединился Brent Варшовски с новыми... – продолжал диктор. – Brent?

– Спасибо, Александр, – включился Brent. – Репортеры гадают: вышел ли кто-нибудь на след террористов?

Я прошел мимо Таро и безмолвно поздоровался с ним. Он чуть не минуту тряс мою руку – явно был рад видеть меня.

– Setzen dich,²⁸⁸ – показала Марена слева от себя. Что я и сделал.

– Сейчас мы услышим Анну-Марию Гарсия-Маккарти, канал Дабл'ю-эс-ви-эн, Майами, – оживился Brent. Бегущая строка внизу экрана сообщала: «Специальный раздел хроники: как работают репортеры в условиях катастрофы». – Она сегодня взяла очень эмоциональное интервью у одного несчастного в Овертауне... он потерял жену во время трагедии.

– Как вы себя чувствуете, сэр? – спросила Анна-Мария.

Человек ответил что-то, но сквозь слезы, и я не разобрал его слов.

– А где ваш дом? – задала она очередной вопрос.

– Его нет, мы с женой были там, пытались выбраться, а потом, потом огонь...

– А с кем вы сейчас?

– Ни с кем.

– А где сейчас ваша супруга?

– Там никого нет.

– Где теперь ваша жена?

– Ее здесь нет. Ее нет.

– Вы не смогли найти жену?

– Я... я пытался, пытался держать ее за руку, а тут огонь, стало горячо, я не мог ее держать. А она сказала: иди позаботься о детях. И внуках...

– Скажите, сэр, как зовут вашу жену, возможно, интервью пойдет в эфир.

– Не имеет смысла. Ее нет.

– Как же все-таки зовут вашу жену?

– Лакериша.

– А вас?

– Джи Си Калхаун.

– На тот случай, если спасатели обнаружат Лакеришу Калхаун...

– Случай? Она сгорела. Она была такой маленькой...

– Перед репортерами стоит трудная задача, они балансируют на грани возможного, – произнес голос Brentа. – Анна-Мария, спасибо за репортаж. Что касается подобного рода маргинальных ситуаций... мы только что видели вас, Анна-Мария, на передовой и...

– Выключите звук, наконец, – сказала Марена. Кто-то нажал кнопку. – Спасибо.

Мы все посмотрели друг на друга в новообретенной тишине.

– Слушать это бессмысленно, – вздохнула Марена. – Новостей в новостях нет.

---

288 Садитесь (*искаж. нем.*).

– Действительно.

– Вы уже познакомились с Лоуренсом Бойлом? – повернулась она ко мне.

Он поздоровался. Этот был тот самый старейшина, что встречал нас у самолета. Вероятно, она пыталась представить нас, но это прошло мимо меня – со мной так бывает.

– Лоуренс – вице-президент по исследованиям и разработками «Уоррен рисерч», – сказала Марена. – А Таро и Тони вы знаете.

Мы обменялись приветствиями, сказали, как, мол, хорошо, что все присутствующие целы и невредимы. У Таро был усталый вид. Сик, казалось, пышет здоровьем до неприличия.

– А это Майкл Вейнер. – Марена показала на гору мяса справа от нее.

– Рад познакомиться, – прогудел он своим низким дикторским голосом с новозеландским акцентом.

Говорят, телевизионный экран добавляет человеку фунтов двадцать, но в данном случае он наверняка лишил его фунтов ста. Вот это громадина. Он напоминал типа, пропагандирующего новую медицину, – Эндрю Вейла:²⁸⁹ такая же окладистая борода и здоровенная лоснящаяся плешь, словно ему перевернули голову вверх тормашками. М-да, видок у него – о-го-го, подумал я. Вейнер протянул свою лапу прямо перед грудью Марены и смял мою руку, к счастью не представляющую никакой ценности.

– Итак, – оглядела всех миссис Парк, – что вы обсуждали, Таро?

Профессор обычно, прежде чем начать говорить, делал паузу. Этот раз не стал исключением. Но, опережая его, встрял Майкл Вейнер.

– Апокалипсис завтра, – заявил он. – Эффект арбалета.

(14)

– Хорошо, – сказала Марена.

– Постойте, я так еще и не понял, что это такое, – запротестовал Лоуренс Бойл.

– Таро говорил, что...

– Погодите, – перебил Бойл. Он тыкал стилусом в экран своего телефона. – Слушайте, я хочу начать запись заново, чтобы потом расшифровать для старейшины Линдси. На тот случай, если кому придет в голову умная мысль. Никто не возражает?

– Нет. – Все покачали головами.

– Отлично, прошу всех говорить четко. А я позабочусь, чтобы он прослушал это своим здоровым ухом. – Как принято в Штатах, Бойл от души рассмеялся своей дурацкой шутке. – Но только без сквернословия. – Он коснулся стилусом экрана. – Порядок. Запись пошла. Давайте еще раз.

– Суть в том, что эффект арбалета позволяет сторонникам апокалипсиса завтрашнего дня... Кстати, как вы их называете? – спросил Майкл.

– Апокалипсники, – ответил Таро.

– Именно. Тот, кто это сделал, вероятно, рассчитывал уничтожить весь род человеческий, – нахмурился Вейнер. – Причем, согласно выдвинутой гипотезе, изувер, устроивший распыление полония, не мог действовать в одиночку. Но приспешников у него, скорее всего, не так много, иначе их уже вычислили бы.

– Да, – согласилась Марена. – Но дело в том, что число людей, подобных апокалипсникам, все время растет.

– Подобных? – не понял Бойл.

---

²⁸⁹ Эндрю Томас Вейл (р. 1942) – американский врач, создатель и пропагандист так называемой интегративной медицины.

– Все больше становится желающих принести как можно больше вреда и добыть средства для этого, – пояснила она. – Данная мысль принадлежит Таро.

– Спасибо, но это не моя мысль, – сказал Таро. – В области моделирования катастроф проблема апокалипсников фигурирует все чаще и чаще.

– Ну ладно, – сказал Бойл, глядя на компьютерную текстовую расшифровку, появляющуюся на его телефоне. – Профессор Мора, не могли бы вы вкратце описать нам эту проблему?

Таро помолчал.

– Вот, выпейте, – прошептала мне Марена. – Я его не трогала. – Она пододвинула мне картонный стаканчик.

– Потенциальный апокалипсник, – наконец произнес Таро, – хочет убить всех на земле, включая себя самого. А фактический апокалипсник находит средство, чтобы реализовать это желание.

– Но ведь таких психопатов не может быть много, – сказал Бойл.

– Попытки уже предпринимались, – продолжал Таро. Голос его набирал силу по мере того, как он переходил на профессорский тон. – Дважды в Пакистане, потом в Оахаке. Были инциденты во время холодной войны, полагаю, имели место и ситуации, о которых нам неизвестно.

– Не исключено, – кивнул Бойл.

– Но вопрос не в том, сколько найдется безумцев, способных пойти на такое, – десяток или десять тысяч. Проблема в ином: однажды кто-то из фанатиков начинает реально действовать. В соответствии с эффектом арбалета это рано или поздно должно случиться.

– Объясните, что значит этот термин, еще раз, – попросила Марена.

– Какой именно? – вскинул брови профессор.

– Эффект арбалета.

– Ах да, – сказал он. – Году, кажется, в тысяча сто тридцать девятом Вселенский собор католической церкви пытался объявить арбалеты вне закона, потому что, как утверждалось, использование этого оружия противно вере. Ведь из арбалета обычный солдат мог убить рыцаря-христианина.

– Но на самом деле арбалеты не вызвали никаких особых катаклизмов, – усмехнулась Марена.

– Не вызвали, – подтвердил Таро. – А много лет спустя, в тысяча девятьсот шестидесятых, производители боеприпасов нередко обращались к этому примеру, чтобы доказать: мол, не стоит особо беспокоиться по поводу ядерного оружия.

– Ясно, – сказал Бойл.

– Но из арбалета одним выстрелом можно убить только одного человека, – продолжал профессор. – И себестоимость этого действия по тем временам была высока. Ядерный взрыв разом стирает с лица земли город, и расходы на один труп тут гораздо меньше. Причем сегодня у нас есть разные виды оружия, дешевого и очень разрушительного. И производить его довольно легко. Именно это и случилось в Ираке. Военные игры, с помощью которых США планировали оккупацию, не учитывали простоту технологии – я говорю о том, что пластиковая взрывчатка и даже динамит могли попасть в любые руки. Пентагон использовал старые модели – в те дни, когда пластид стоил дорого и получить его было трудно. К двухтысячным С-4²⁹⁰ стал очень дешевым и достать его не представляло сложности. И потому один террорист уничтожал десятки и сотни людей и приносил многомиллионный ущерб, потратив на сей процесс вполне умеренную сумму. Свою мысль поясню иначе: доступность технологии пересеклась с растущим числом потенциальных пользователей. То есть смертников.

– Понятно. Может быть, и так, – сказал Бойл. – Но им никогда не удавалось

---

²⁹⁰ С-4 – распространенная разновидность пластичной взрывчатки военного назначения.

уничтожить все. Да и не верится, чтобы нашлось много головорезов, готовых пойти на массовое убийство.

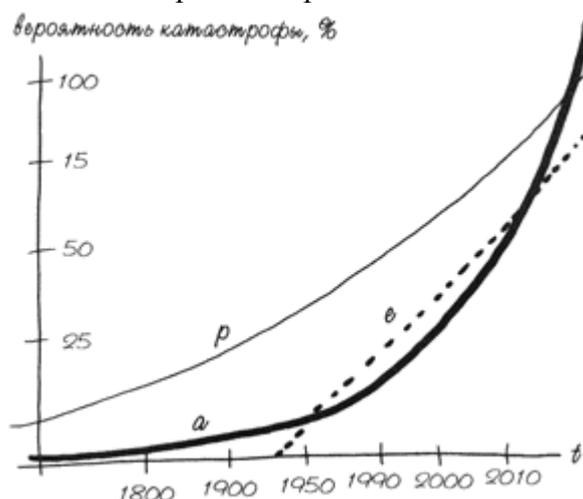
Таро помолчал. Я отхлебнул из стаканчика. Это был лиофилизированный²⁹¹ и супертонирующий зеленый чай с семенами тапиоки. Детский напиток. Чего уж там.

– Почти у каждого человека в жизни бывали мгновения, когда он чувствовал, что готов уничтожить все на свете, – заговорил Таро. – В соответствии с большинством существующих моделей в определенный момент будущего некто, скажем, не очень обремененный моралью и понаторевший в технике, ощутит такую потребность и воплотит ее в жизнь.

– И когда же это случится? – спросил Бойл.

– Ну, это лучше показать на графике. – Таро начал делать набросок на своем телефоне. – Упростим его до трех основных векторов. Так. Жирная линия, a , – это увеличение доступности технологии. Зависимость выводится из ряда компонентов переменной величины. Например, скорости распространения Интернета и скорости, с которой падают в цене такие вещи, как взрывчатка и лабораторные устройства для производства вирусов. Тонкая линия, p , отражает количество людей, которые, видимо, находятся в состоянии стресса. То есть претерпевают экстремальную личную радикализацию. Апокалипсники. Третья кривая – e , штриховая. Она представляет растущие превентивные действия ДВБ, полицейских и антитеррористических агентств по всему миру.

Он вывел рисунок на остальные экраны. Марена показала мне свой.

– Для меня это слишком уж заумно, – покривился Бойл.

Идиот, подумал я.

– Кривая p такая крутая еще и оттого, что она учитывает внутреннюю обратную связь. Обусловленную конкуренцией. Вы знаете, психопаты, которые направляются в супермаркеты, офисы, школы, чтобы убивать там людей, потом соревнуются друг с другом: кто настрелял больше. Конечно, частично это объясняется существованием веб-сайтов, ведущих этот подсчет. Создается конфигурация положительной обратной связи. Люди подражают предыдущим рекордсменам. А при виде чего-то выдающегося – скажем, событий 11 сентября – они пытаются превзойти этот результат. Так что можно графически изобразить норму роста мема²⁹² апокалипсников.

– В общем, вы говорите о моде, – усмехнулась Марена. – В тысяча девятьсот девяностых считалась престижной профессия серийного убийцы, в двухтысячных это место занял террорист, а теперь на первую позицию выходят апокалипсники, которые всех готовы забрать с собой.

²⁹¹ Лиофилизация – способ сушки замораживанием с последующим помещением в вакуумную камеру.

²⁹² Мем – единица культурной информации, передаваемая от одного человека к другому.

– Пойдите, – поднял руку Майкл Вейнер. – Ну так сколько у нас желающих в самом деле уничтожить мир?

– Вот-вот, – поддержал Бойл. – Неужели вы и правда думаете, что есть люди, способные на это?

– Безусловно, – ответила Марена. – И их немало.

– Многие выражали это желание вслух, – сказал Таро. – И не все они чокнутые или сидят в тюрьме.

– Двадцать лет назад прикольным считалось создание компьютерных вирусов, – вздохнула Марена. – А теперь – генерирование биологических.

– Таким образом, сегодня какой-нибудь студент-недоучка, несостоявшийся биохимик, потратив пять тысяч долларов на домашнюю лабораторию, может разработать систему, которая сведет в могилу все человечество, – резюмировал профессор. – А в мире таким уровнем знаний обладают пятьдесят миллионов человек, и уж несколько из них наверняка захотят совершить что-нибудь такое.

– Ни хрена себе! – присвистнул Вейнер.

– Дела, значит, обстоят так, – сказала Марена. – Прежде для этого нужен был безумный ученый. Теперь достаточно чокнутого студента.

Она говорила простыми броскими фразами, чтобы Линдси после расшифровки мог воспользоваться ими на совете директоров или на другом важном заседании.

– Разумеется, вы правы, – продолжил Таро. – Однако взглянем на проблему чуть иначе. Представьте, что каждый человек в мире получил бомбу апокалипсиса. Без сомнения, кто-нибудь через считанные минуты приведет ее в действие – чтобы быть уверенным: это совершил именно он. Многие поторопятся нажать кнопку. Даже если допустить большую, чем необходимо, степень неопределенности, кривые все равно сойдутся в точке рядом с той, что мы имеем на графике. Вероятнее всего, через несколько месяцев...

– А это близко к концу света, предсказанному майя.

– Да. Хотя, конечно, точную дату обозначить пока сложно. Но статистически все довольно убедительно. Светопреставление произойдет в очень недалеком будущем.

– Но ведь есть люди, которые пытаются остановить этих ребят, – сказал Бойл.

– Да, – ответил Таро. – Интенсивность их действий отражает кривая e . Как видите, она не мешает пересечься двум другим функциям.

– Таким образом, мы должны поднять кривую e , – произнесла Марена и разорвала стаканчик, превратив его в длинную спиральную ленту, на которой покачивалось круглое донышко.

– Мы или кто-то другой, – кивнул Таро. – И быстро.

На секунду воцарилась пауза. Я разорвал один из пакетиков «джелли белли». «Оригинальное драже для гурманов. Аромат тропических фруктов» – гласила надпись. Я сунул в рот три конфетки, мне стало неловко, и я высыпал все остальное на стол. Они представляли собой сфероиды неправильной формы всевозможных оттенков, как драгоценные камни.

– Угощайтесь, – сказал я.

Никто не прореагировал на мое предложение.

– Что ж, благодарю за доклад, – произнес Бойл. – Но вот что я должен добавить. Любой человек, выслушав это, скажет, что всегда находились провозвестники падения небес. И они всегда ошибались. Конец света предвещали с незапамятных времен. Говорили об атомной бомбе, наступлении двухтысячного, о маленькой черной дыре, образовавшейся в центре земли после взрыва ускорителя в Мексике. И что?

Он оглядел сидящих за столом. Все молчали.

Странновато, подумал я. Уж от Бойла я никак не ожидал возражений, потому что он правоверный мормон. Обычно приверженцы Святых последних дней довольно простодушные ребята. Они думают, что конец света за углом. А тут такой скептицизм. Хотя, может, я опять мыслю стереотипами. Марена открыла было рот, но промолчала. У меня

возникло ощущение, что она собиралась сказать: «Не лезь в дела, в которых не разбираешься, тоже мне еще умник». Я решил снять напряжение и брякнул:

– Давайте не будем пользоваться этим термином. Он уничижителен. Назовем это «цветной дырой».

Никто не рассмеялся. И не улыбнулся. Я идиот, однозначно.

Заговорил Таро:

– Да. Разные люди на протяжении столетий предсказывали светопреставление, которое до сих пор не наступило. Но считать, что оно не наступит никогда, – ложное умозаключение. Нельзя...

– Не могли бы вы пояснить? – спросила Марена.

– Ну, это вроде цыпленка Рассела, – махнул он рукой. – Вы просто игнорируете аргумент, который...

– Прошу прощения, вы лучше скажите под запись, что это за цыпленок, – перебила Марена.

– Хорошо, – кивнул профессор. – Бертран Рассел рассказывает историю про цыпленка, который верит, что фермер – его друг. Ведь он кормит цыпленка, не делает ему ничего дурного. Цыпленок считает, что хозяин и дальше будет вести себя таким же образом. Но в один прекрасный день тот приходит и, вместо того чтобы дать подопечному корм, сворачивает ему голову. Суть в том, что умозаключения нередко основываются на неверной логике.

– Не думаю, что я или совет директоров примем это, – буркнул Лоуренс.

Последовала пауза. Я посмотрел на Марену. Ее глаза на мгновение встретились с моими. Я прочитал ее мысли. Черт возьми, эта скотина Бойл хочет свести на нет все наши усилия. Он собирается заблокировать этот проект, вероятно, потому, что его реализация приведет к урезанию бюджета на его собственное говенное подразделение. И вот он притормаживал, а теперь пытается заставить нас сказать что-нибудь глупое или чрезмерно оптимистичное. А как только мы сделаем это, он побежит к Линдси и впрыснет яд ему в ухо. Мы повернулись к Бойлу. Он начал вещать что-то, но Марена оборвала его.

– Послушайте, – процедила она. – Были психи, утверждавшие, что завтра планета столкнется с громадным небесным телом. Пока этого не случилось. В последнее время. Но если вы подняли голову и увидели стремительно приближающийся метеорит, вы же не станете говорить, что он не упадет только потому, что все эти придурки опережали события. Согласны?

– Верно, – поддержал ее Таро. – Мы должны рассмотреть текущую ситуацию в мире, исходя из реалий, а не из того, что на протяжении многих лет говорили другие люди. Например, мы не находим никаких признаков внеземных цивилизаций, несмотря на то что есть аргументы в пользу их существования. Вполне вероятно, что они, достигнув приблизительно нашего уровня развития технологий, самоуничтожаются.

Еще одна неприятная пауза.

– Эй, посмотрите-ка, что вы сделали, – засмеялась Марена.

Я понял, что она обращается ко мне.

– Что? – спросил я.

– Они все разложены в определенном порядке. – Она постучала по столу. – Видите? – сказала она всем, кроме меня.

Я опустил глаза на стол. И действительно, драже лежали широкой сеткой, подобранные по цвету и форме, а если эти параметры совпадали, то еще и по размеру.

– Вот это да, – фыркнул Бойл.

– А-а. Да-да, – пробурчал я. – Они рассыпались так беспорядочно. Меня это напрягло. – Я смахнул дурацкие кругляшки в ладонь. – Прошу прощения.

– И один из самых веских аргументов в пользу завтрашнего апокалипсиса, – продолжал свою речь Таро, – связан с отсутствием пришельцев из будущего.

– То, о чем Новиков²⁹³ говорил? – спросил Бойл.
– Может быть... – начала Марена.
– Нет. – Таро оборвал ее на полуслове. – Нет, это неприменимо к нам в настоящем времени. Никому на Земле не доводилось встречать посетителей из будущего. И самая вероятная причина заключается в том, что никакого будущего нет.

(15)

Одиннадцать часов спустя ОМОД снова действовал в онлайн-режиме (было не очень понятно, кто занимается программами защиты в УЦФ и работает ли машина на собственном генераторе; но так или иначе ОМОД вернулся). Таро, его ассистентка Эшли-2, Тони Сик, трое других студентов, практикующихся в игре, и я находились в импровизированной лаборатории профессора. Она представляла собой ряды новейших нолловских²⁹⁴ боксов, потрясающих мониторов от «Сони», новеньких, частично затянутых стрейч-пленкой эргономичных кресел «аэрон»²⁹⁵ – все это было кое-как расставлено в просторном подвальном репетиционном зале под храмовым комплексом Стейка. В стуке клавиш слышались чуть ли не панические нотки.

Лоуренс Бойл просил нас все силы направить на поиск «Доктора Икс», предположительного организатора диснейурлдовского ужаса. «Если вы их найдете, мы получим гораздо больше денег на следующую фазу», – сказал он.

Я не совсем понял, что такое следующая фаза. Но мы с Таро догадались: кое-кто за кулисами убедил Бойла, что лучшие игроки должны немедленно заняться апокалипсиком, человеком, который собирался реализовать то, что, согласно предсказанию, случится 21 декабря.

На данном этапе, по словам Таро (он даже произнес зажигательную речь на свой манер, то есть довольно сдержанно), следует исходить из того, что Кодекс дает верный прогноз. Двадцать первого произойдут катастрофические события (так выразился профессор), и мы обязаны предотвратить их. Но в каком направлении действовать? Придется стать следователями, опережающими преступление. У меня возникло ощущение, что мы достигли абсолютного нуля в детективном жанре – перед нами стоит задача поймать человека, который еще ничего не совершил и не оставил никаких улик. Под подозрением мог оказаться любой житель планеты.

И не только это; мы не могли начать его поиски (естественно, я называл злодея «он», хотя допускал другие возможности), не разработав методiku. Если уж говорить совсем просто, требовалась программа, которая позволила бы нам просеять базу данных и обнаружить апокалипсика.

Все мы, игроки, использовали игру жертвоприношения 3.2, новую версию программы, в которую внесли данные по атаке на Орландо. Каждый из нас старался обкатать предпоследнюю дату – день жуткого происшествия в Диснейурлде – и привести игру в одно

---

²⁹³ И. Д. Новиков (р. 1935) – российский астрофизик. В середине 1980-х годов сформулировал принцип, получивший название «самосогласованности Новикова» и ставший важным вкладом в теорию путешествий во времени.

²⁹⁴ «Нолл» – американская фирма, выпускающая стильную офисную и домашнюю мебель и аксессуары.

²⁹⁵ Кресла «аэрон» производятся транснациональной компанией «Герман Миллер» и считаются лучшими офисными креслами.

и то же финальное положение, до которого оставалось 357 дней – 4 Ахау. Мы пытались протиснуть массивные цепочки цифровых данных (главным образом списки из миллионов имен, адресов и профессий) через игровую сетку в 260 квадратов. У каждого из нас было как минимум по одному дополнительному экрану. На мой монитор вывели «Блумберг» (экономические данные импонируют мне больше всех других), и бегущая строка сообщала, что сумма ущерба, причиненного атакой в Диснейуорлде, приближается к триллиону долларов, но эта цифра не включает страховых премий. Кроме того, стоимость последней партии приобретенного мною зерна почти утроилась. Блин! Большие деньги на плохих новостях. Привыкай, Джед: на самом деле ты богатый старый хрен. Жаль, что здесь эти денежки не на что потратить...

О черт, что за глупости лезут мне в голову? Тебе не пригодятся твои доходы на том свете? Давай-ка берись за работу.

Я подключился к ОМОДу.

Ладно. Хватит топтаться на месте. Пора уже нырнуть, решил я.

Достал мешочек с моим жевательным табачком и сунул щепоть себе за щеку.

Ввел свой пароль и бросил старине ОМОДу вызов – предложил игру с четырьмя камнями, которая заканчивалась 4 Ахау. Он, естественно, согласился, потому что не набрался еще ума, чтобы отлынивать.

Я оглянулся – никто за мной не наблюдал – и втер немного табачной жвачки себе в бедро. Со стороны могло показаться, что я дрочу. Потом сделал малые подношения направлениям и разбросал камни и семена.

Никогда прежде я не пробовал играть с четырьмя камнями. Смысла в этом никакого не было. Представьте, что игроки в го разворачивают партию на доске 29×29 или шахматисты – на доске в 144 квадрата и с двумя королями на каждого. Если попробовать, то это будет не игра – так, неразбериха, бесполовая стычка двух армий с завязанными глазами. Но при всем при том, подумал я, делай дело...

Черт, подумал я. Блики.

Протер экран, поднялся и нашел Эшли-2, ассистентку Таро.

– Нельзя ли выключить часть света наверху? – спросил я ее. (Там висели обычные жуткие лампы дневного света.)

Она сказала, что узнает, и я вернулся в мой бокс. Мимо прошел Тони Сик и поздоровался. Я услышал, как он поднимается по лестнице у меня за спиной. Значит, начали.

Бокс. Блин.

Что бы ни происходило, девяносто семь процентов своего времени я проводил перед экраном, вводя данные. Я зарабатываю состояние, города рушатся, города отстраиваются, я теряю состояние, мир вращается, мне удастся получить больше прежнего, появляются боги, боги умирают, вселенные выворачиваются наизнанку, это не имеет значения, я все так же буду вводить данные. Посмотри правде в глаза, Джед, ты всего лишь ученая обезьяна, сиди в своем боксе, помалкивай и жми на клавиши...

Приблизительно половина ламп погасла. Уже лучше. Я вернулся к игре.

Начиналась она медленно (напоминая мне айсберги, которые скапливаются в одном месте и обрушиваются в другом) и неотчетливо, потому что, казалось, массы будущих событий сгущались из тумана или снова растворялись в нем. Каждый новый бегунок учитывает ходы всех предыдущих. Он словно собирает вереницу ходов и соединяет в одну цепочку, и когда мой четвертый бегунок двинулся вперед, я словно перепрыгнул на другую высоту, смог обозреть сотни миль во всех направлениях, целое море Уэдделла²⁹⁶ фальстартов, обходных путей и тупиков, его края, сжатые, будто косые слои сланца, и повторяющие изгибы земной поверхности. Ход, ход. Ход. Пятница темна, потом два пустых

---

²⁹⁶ Море Уэдделла – окраинное море Южного океана у берегов Антарктиды. Большую часть года покрыто дрейфующими льдами и многочисленными айсбергами – именно по ассоциации с айсбергами и вспоминает герой это море.

дня, потом понедельник, полный света. De todos modos. Я уже добрался до 1 Сотрясателя Земли, 0 Рогожи, то есть 2 апреля 2012 года, ближе к дате конца, чем я подходил когда-либо раньше, не запутавшись бесповоротно. Подожди. Отойди назад. Значит, разрыв был в 408. Попробуй еще. 948,389. Так. Вроде проясняется. Стали проявляться образы. Они похожи на смутные воспоминания, забытые кадры фильма, которые тем не менее становятся все четче, – я ощущаю их несомненную связь с грядущим. Они тянутся, как длинная колонна беженцев, словно съезд воздухоплателей со всеми их связками пластиковых бутылок и водой, набранной из сточных колодцев. Я снова бросил семена, сужая вероятности. Некоторые из неявных путей исчезли. Длинные – местами оборвались. Давай дальше. Вероятностей остается все меньше и меньше. Всего около сотни основных сценариев, а вот уже только двадцать, хорошо, нет, постой, что-то я заспешил, потерял дорогу, массу вариантов, пролетел мимо, не заметив ответвлений, эти двадцать сценариев – всего лишь крошечная доля миллионов других, черт, черт, черт, плохи дела, очень плохи. Ладно. Вернись назад. Так. Попробуй еще. Заблокировано. Хорошо, тогда сюда. Bloqueado.²⁹⁷ Ну вот эту. Bloqueado. Черт, черт. Desesperado.²⁹⁸ Айсберг разрушился вокруг меня с таким звуком, будто десять тысяч питбулей принялись грызть десять тысяч телячьих косточек. Нет, должен быть способ решить эту проблему. Вот сюда. Сюда. Край утеса. Скольжение. Не могу думать. Сюда. Нет. Плохой путь. Разрушен мост. Ninguna manera.²⁹⁹ Плохой путь. Все пути ведут мимо. В Рим. В блин. Клин...

Черт.

Я кликнул «Выйти». На экране мигнуло игровое поле, но для меня это было равнозначно тому, как если бы я перевернул стол и все семена и бегунки разлетелись по линолеуму. Монитор показывал 4.33. Я отодвинулся, чувствуя, что физически измотан.

– Привет, – раздался голос Марены.

Я повернулся в кресле. Оно отъехало слишком далеко от стола, и мне пришлось неловко притормозить и остановиться лицом к Марене. Я сообразил, что надо встать из приличия, поскольку вошла женщина, но не успел – она прислонилась к стене бокса, что еще больше усиливало мою неловкость, и я остался сидеть.

– Как вы здесь? – спросила она.

– Привет, – сказал я. – Ничего, в порядке.

– Я получила записку... – начала говорить она, – записку о... кстати, как там ваш «Грей» – дает добро?

– О да, – сказал я. – Да, мы в порядке.

Я забыл сказать, что вчера сумел-таки дозвониться до моего юриста Джерри Вейра из фирмы «Грей, Тимбер энд Вейр». Он был готов работать, невзирая на то что западная цивилизация рушилась на глазах. Джерри мог заниматься делами на смертном ложе. Да что там – в могиле. Он прошелся красным маркером по контракту и сказал, чтобы я ничего не подписывал, пока они все не согласуют. Как ни удивительно, они все согласовали. Теперь я являлся сотрудником «Уоррен групп» – одной из самых быстрорастущих и прогрессивных компаний в мире. А кроме того, работодателя в самых разных сферах, чему моя персона служила живым доказательством. Согласно штатному расписанию, я был занят неполный рабочий день.

– Я получила записку из отдела кадров – мы должны попросить у вас еще кое-что.

– Валяйте.

– Прошу прощения. Они хотели, чтобы это сделала доктор Л., но я сказала, что

---

²⁹⁷ Заблокировано (*исп.*).

²⁹⁸ Безнадежно (*исп.*).

²⁹⁹ Никким образом (*исп.*).

поговорю с вами сама. Если только вы не предпочтете ее.

– Нет-нет...

– Речь идет о страховке. – Марена раскрыла телефон.

– Отлично, – сказал я. – Всегда разумно иметь много страховок.

– Да.

– Кстати, если уж об этом зашла речь, у нас есть страховка от Судного дня?

– Дружище, я понимаю, вам смешно, – улыбнулась она. – Но мы – корпорация.

– Хорошо. Лады.

– Итак, прежде всего – о гемофилии. Вы не знаете, какие-либо из указанных здесь лекарств нейтрализуют действие известных психиатрических средств?

– Мне говорили, что нет, – ответил я.

– Вы принимаете лекарства, отсутствующие в том списке, что вы нам дали?

– Нет.

– А другие наркотические средства?

– Кофеин.

– Ну, кофе мы можем опустить.

– Чашек пятнадцать в день.

– Гм, все равно записывать не буду. Но вообще-то вам следует немного снизить это количество.

– Спасибо, мамочка.

– Хорошо. – Она что-то отметила у себя на экране. – Второй вопрос касается другой медицинской проблемы. Тут сказано, что, когда вы приехали в США, вам был поставлен диагноз – посттравматическое стрессовое расстройство, сходное с синдромом Аспергера.

– Верно, – сказал я.

– Это все еще влияет на ваше поведение?

– Дисфункциональных проявлений не нахожу. А что, я кажусь чокнутым?

– Я так не считаю, – ответила она, – но вы же понимаете: у остальных может быть иное мнение.

– Ммм. Что ж, кто-то правда считает, что я ненормальный. Говорят, что меня больше интересуют предметы, а не люди.

– Действительно?

– Предметы мне тоже по барабану.

– Что же вас интересует?

– Постойте, а в чем разница? Люди – это те же предметы, которые могут передвигаться и говорить. Разве нет?

– Я им скажу, что задавала вам такой вопрос и у вас с этим порядок, – сказала она.

– Спасибо.

– Не за что. У меня у самой синдром.

– Неужели?

– Да. Называется синдром Лорин – Сандроу.³⁰⁰

– Это серьезно? – спросил я.

– Нет, он в очень мягкой форме. Обнаружить невозможно.

– Это хорошо.

– Как у вас дела? – раздался голос Бойла.

Мы повернулись. В боксе появились он и Таро.

– Мы закончили, – кивнула Марена.

– Тони Сик тут есть?

– Он в Кейрспейсе, – сказала она.

---

³⁰⁰ Синдром Лорин – Сандроу – редкое заболевание, проявляющееся в многопалости и сращении пальцев рук и ног.

– Как у вас идут дела с четырьмя камнями? – спросил у меня Таро.

– Не очень, – промямлил я.

Тихо, оборвал я себя. Думай что говоришь. Это ведь твои наниматели, Джеддо. Ты должен излучать осторожный оптимизм.

– Но у меня есть другая идея, – начал я. – Может быть...

– Я вот думаю, не попробовать ли нам с пятью бегунками, чтобы разрешить эту проблему, – предложил Таро.

– А как бы нам запустить игру с девятью этими самыми... камнями? – поинтересовался Ларри Бойл.

– Мы бы даже не знали, с чего начать... – ответил Таро. – Взять дополнительный камень – это все равно что добавить еще одну шестеренку к «Энигме». ³⁰¹

Не думаю, что Бойл понял, о чем речь.

– Нужно двигаться вперед, – заявил он, обращаясь к профессору, и они вместе направились к лестнице.

– Сообщите мне, когда закончите, – сказала мне Марена и последовала за ними.

Я сделал ей ручкой. Снова сел.

Гм.

Тут происходило что-то странное. Чем занимался Тони Сик? Ах да, он был в Кейрспейсе.

Название показалось знакомым. Может, я когда-то бывал там? Наверное, это детская больница или амбулаторный центр. Одно из некоммерческих заведений Линдси Уоррена. Интересно, оно расположено в Солт-Лейк? Нет, что-то здесь не так. То есть у меня не возникало ассоциаций между Кейрспейсом и моей гемофилией.

Вероятно, это лечебница в Стейке? У Сика есть дети? Он не говорил, что нет. М-да.

Нет, не вижу связи. Похоже, Кейрспейс имел отношение к чему-то другому, более абстрактному. Чему-то математическому.

Я заложил за щеку щепотку табачка. Можете говорить о никотине что угодно, но он и в самом деле зажигает огонь под тем небольшим числом извилин, что расположены выше.

Этот Кейрспейс напомнил мне кое о чем еще. О двух вещах. Во-первых, прошлым вечером я услышал кое-что мне неизвестное, но выяснять, о чем шла речь, не стал. Чумовая пятница? Кто-то говорил о «Чумовой пятнице». ³⁰² Что это такое? Я припомнил глуповатую кинокомедию, из которой сделали еще более глупый ремейк. Что там должно было случиться в пятницу? Какой-то местный праздник? Ладно, подумаем об этом позже. Во-вторых, вчера, кроме всего прочего, профессор затронул тему путешествий во времени в конце беседы. В этом не было ничего удивительного. Мы с ним, как и многие люди, связанные с математикой, всегда говорили о таких вещах. Вот его и занесло. Странность заключалась в другом. В чем? Таро сказал, что будущего нет. Потому что оттуда не появляются визитеры. Так, понятно. А потом Бойл спросил... Он спросил, объясняется ли это принципом Новикова.

Гм. Дело в том, что я знал, кто такой Новиков. Он предложил принцип самосогласованности, который позволял манипулировать со временем без старой и дискредитировавшей себя теории множественности вселенных. Если вкратце, то это некая теорема, доказывающая: путешествие во времени не обязательно вызывает физические противоречия. Но откуда такая осведомленность у Бойла? Он же не математик. Откровенно говоря, он просто олух. Однако никто не стал ему возражать. И уж если коснулись такого

---

³⁰¹ «Энигма» – семейство роторных электромеханических шифровальных машин, применявшихся в 1920–1940 годы.

³⁰² Фильм «Чумовая пятница» (2003) Марка С. Уотерса по одноименному роману Мэри Роджерс рассказывает о матери и дочери, которые живут в постоянных скандалах. Но однажды они чудесным образом меняются телами.

вопроса, почему никто не встал и не сказал, что путешествия во времени невозможны? Даже Майкл Вейнер как бы принял эти слова. А он ведь цеплялся за любую возможность показать, какой он умный.

И что-то еще задело меня, какое-то выражение, которого я не понял, но переспрашивать не стал...

Кейрспейс. Да нет же, не Кейр – Керр Спейс. Пространство Керра.

Рой Керр.³⁰³

Пространство-время Керра.³⁰⁴

Я перешел на «файрфокс»,³⁰⁵ набрал в Google «Пространство Керра». Вылетели тысячи документов. Я кликнул по первому.

О черных дырах Керра в качестве «кротовых нор» писала «Википедия». Благодаря двум горизонтам событий³⁰⁶ появляется возможность избежать гравитационной сингулярности³⁰⁷ вращающейся черной дыры, если данная черная дыра имеет Керрову метрику.

Dios perro, подумал я. God dog.³⁰⁸

No es posible, no es posible.³⁰⁹

Я почувствовал осторожное покалывание в пояснице. Это был не зуд тцам лика, а нормальная гусиная кожа – обычная вещь, когда тебе вдруг открывается сумасшедшая истина.

ССК – пришло мне в голову вдруг ни с того ни с сего. Эшли-1 говорила что-то вроде: ССК действует.

Что такое ССК? Так, подумаем. Стандартная симметричная классификация, снаряд со съемным керноприемником. Нет, ерунда.

Ха! Сверхпроводимый суперколлайдер.

Е-мое, иначе не скажешь.

Вот оно что. Черт. Оно. Оно...

Таро не просто ушел в сторону, абстрагируясь от предыдущей темы, как он это обычно делает. Он продолжал что-то задуманное. Они раньше уже говорили о путешествии во времени. No es posible.

Я вызвал на телефоне карту Стейка и кликнул «Таро». Его багряная точка не появилась. «Как он смеет отключаться?» – возмутился я. Наверное, он находится в какой-то секретной, экранированной части комплекса. Черт. Так, где Марена? Синяя точка высветилась в жилом комплексе, будущем отеле. Вероятно, в ее комнате. Так что чем бы там ни занимались Таро,

---

³⁰³ Рой Патрик Керр (р. 1934) – новозеландский математик, открыватель так называемого вакуума Керра, или способа решения уравнений гравитационного поля в общей теории относительности Эйнштейна. Его решение позволяет смоделировать гравитационное поле, на которое воздействует вращающаяся черная дыра.

³⁰⁴ Расчеты Керра показали, что по ту сторону черной дыры находится отрицательное пространство-время, в котором либо расстояния и время, либо гравитация становятся негативными.

³⁰⁵ Имеется в виду браузер «файрфокс».

³⁰⁶ Горизонт событий – воображаемая граница в пространстве-времени.

³⁰⁷ Сингулярность – точка в пространстве-времени, в которой гравитационные силы приводят к тому, что вещество обретает бесконечную плотность и нулевой объем.

³⁰⁸ Пес Господень (*исп.*). God dog – приблиз. тот же перевод с англ., герой играет словами. (*Прим. ред.*)

³⁰⁹ Это невозможно (*исп.*).

Тони и Бойл, ее с ними не было. Я зашагал (да что там – побежал) к выходу, поднялся по лестнице (лифты еще не работали) и выскочил на свет божий, потом пересек заасфальтированную площадку и вошел в жилой комплекс. В длинном коридоре толкались одутловатые типы, в которых я сразу узнал Святых последних дней, они сновали из комнаты в комнату с кипами малопривлекательного грязного белья. Сегодня утром эту толпу доставили самолетом, и каждый час прилетали новые. На портале местной сети Стейка в разделе «Другая важная информация» нас предупреждали, что мы не должны называть их беженцами, потому что они американцы. Я протиснулся к двери Марены. Постучал. Никакой реакции. Я вывел на экран ее точку и нажал «Срочно».

Подождал. Наконец раздался ее голос.

– Что? – спросила она.

– Важное дело, – проговорил я срывающимся голосом.

– Я в душе.

– Я серьезно. Правда. Правда.

– Подождите.

Через две минуты она открыла дверь. На ней был просторный дешевый зеленый халат из марриоттовского³¹⁰ набора, на голове повязано зеленое полотенце, словно головной убор индейца. Лицо у нее блестело от влаги. В любое другое время меня отвлекли бы сексуальные позы, но не теперь. Я сказал, что мне крайне, крайне, крайне необходимо побеседовать с ней совершенно конфиденциально.

– Выйдем, – предложила Марена.

Как у меня (и многих азиатов) и, я думаю, немалого числа людей в наши дни, у нее выработался инстинкт: если тебе нужна конфиденциальность, то лучше не запирайтесь в комнате и не задраивать окна, а выйти на улицу, где тебя никто не подслушивает. Миссис Парк провела меня через комнату отдыха в прачечную и оттуда в затененный уголок между виниловым сайдингом здания и шестифутовым штабелем арматуры. Подол халата Марены волочился по земле.

– Ну, что случилось? – спросила она.

Легкие у меня вибрировали, словно я снова вернулся в мормонскую школу и приглашал Джессику Ганнисон на свидание. Ну, давай уже, Джек, скажи что-нибудь.

– Дело в том, что я думал об этих делах с пространством Керра, – пробормотал я.

– А что такое? – подняла она брови. По крайней мере, не стала делать вид, что ничего об этом не знает.

– У меня появилась идея... Если мы хотим выяснить, как в древности играли в эту игру, то у древних и нужно спросить.

– И как вы предлагаете это сделать? – любопытствовала она. Голос ее был едва слышен за ревом очередного турбореактивного двигателя, заходящего на посадку.

– Может, тут у вас есть машина времени, – бухнул я.

Черт, хотел сказать это как бы между делом. Вышло неестественно.

– Вы шутите? – удивилась Марена. Она сняла полотенце с головы. Для такой миниатюрной женщины волос у нее было многовато, а теперь, когда они растрепались и торчали в разные стороны, она стала похожей на куколку тролля.³¹¹ – Ведь машины времени не существует. Разве нет?

– Определение не столь важно, главное – с такой штукой можно работать.

– Что вы имеете в виду?

– Ну... наверное, Чумовую пятницу, – признался я.

---

³¹⁰ Имеются в виду отели сети «Марриотт».

³¹¹ Популярная в свое время в Америке игрушка: тролль в халате и колпаке, с торчащими в разные стороны волосами.

– Кто вам сказал о Чумовой пятнице?

– Без разницы. Ясно, что они не собираются перемещать физические объекты.

Она уронила полотенце на землю и провела пятернями по волосам, взбив их в этаким здоровенный колышущийся ирокез. Потом Марена заглянула мне в глаза. Я увидел, как на нижнюю кромку коричневато-золотистой радужки падает солнечный луч, высвечивая уплощенный тор над теменью пустоты. Я заглянул ей в зрачки, надеясь заметить мерцание, трепетание, какой-то знак... Но хотя многие и говорят, что глаза – зеркало души, на самом деле они немые и непрозрачны...

Зазвонил ее телефон. Она полезла в карман, чтобы выключить его, и отвела взгляд.

– Я обещала перезвонить Максусу, – сказала она.

– Подождите. Они отправляют волну или что-то в этом роде. ССК создает... создает чистую сингулярность, «кротовую нору»... а потом вся эта штука... в общем, вы посылаете в прошлое чье-нибудь сознание.

– Гм, – произнесла она. – Похоже, вы почитывали кое-какие труды по физике, а?

Я пробормотал нечленораздельный ответ, наверное похожий на радиопомехи, потому что большая часть моих извилин закрутилась в вихре открывающихся перспектив.

В старинной легенде о короле Артуре у волшебника Мерлина были шахматы с фигурами, которые ходят сами и даже, что впечатляет еще сильнее, никогда не проигрывают. Сегодня многие из нас, видевших подобные вещи, прекрасно знают тайну их рождения и развития. Неудивительно, что мы принимаем эти чудеса как нечто само собой разумеющееся. Но как-то в 1998-м я показал свой старый «Экскалибур 2400» восьмидесятилетнему шахматному фанату, который к тому же был майяским складывателем солнц из Санта-Евлялии (а это высоко в горах Хуехуетенанго в абсолютной глуши). Тогда я понял, как может ошарашить новая технология неподготовленного человека. Старик с глазами, горящими страхом и возбуждением, до полуночи сидел на пемексовской³¹² бочке рядом с бакалейной лавкой и начинал одну испанскую партию за другой, проигрывая все подряд. В итоге я все же оставил ему эту игрушку с годовым запасом батареек. А теперь я сам торчал от всех этих чудес – посадки на Луну, расшифровки ДНК, обогащения радия. Сукин сын, подумал я. Сукин сын в квадрате.

Марена повернулась, вышла из укромного уголка и направилась мимо штабеля в расщелину между экскаватором и бетономешалкой в ярких предупредительных полосах. Я последовал за ней.

– И Тони Сика собираются отправить, – сказал я.

– Куда?

– Назад.

– Назад – в смысле в прошлое?

– Да.

– Это не совсем...

– Дайте мне эту штуку на минуту, – попросил я. – Обещаю ее вернуть перед уходом.

Сука Сик, подумал я. Сик сука. Тоже мне, умник долбаный. Собирается все увидеть своими глазами. Узнать, как оно там было. А я – нет. Говорят, что секс, алчность и страх – сильнейшие побудительные мотивы человечества. На самом деле самый мощный – это зависть. Всем остальным до нее далеко.

– Послушайте, – взмолился я. – Seriously. Я смогу сделать это гораздо лучше его. Я обыграл его в три камня, как мальчишку. И знаю я бесконечно больше в сравнении с ним. Вы же понимаете, ему еще предстоит выучить то, что у меня в пять лет от зубов отскакивало.

Последовало короткое жестокое молчание. С треском полетел на запад еще один вертолет, патрулирующий границу.

– Послушайте, – вздохнула она, села на недавно залитую цементную тумбу, скрестила

---

312 «Пемекс» – мексиканская государственная нефтяная и нефтехимическая компания.

ноги под халатом и с грацией Марлен Дитрих закурила сигарету.

Я стоял смиренно, хотя мне хотелось по привычке ходить кругами. Давай, Джед, соберись. Возьми себя в руки. Она знает, чего ты хочешь, но необязательно показывать ей, что ты хочешь этого до смерти.

– Решаю не только я, – сказала она. – С Тони уже начали работать...

– И еще... уверен, что смогу узнать об игре все. – Я заметил, что мои руки дрожат, и сунул их в карманы. – Как бы ни было это сложно. Абсолютно все.

– Вам неизвестна подоплека... Для меня самой многое загадка. – Она глубоко затаилась. Выдохнула. – В любом случае, у меня теперь трудности.

– Меня не волнует подоплека. – Я судорожно сглотнул. – Ерунда. Пожалуйста. У меня в миллиард раз больше возможностей сделать все как надо. У меня больше возможностей, чем... у Актерской студии.³¹³

– Не сомневаюсь, так оно и есть.

– Правда.

Да я готов правое яйцо отдать, подумал я. Правую руку, правый глаз, правую ногу, правое полушарие мозга. Все мои не жизненно важные...

– Теперь, когда я вам это сказала, мне придется сделать сеппуку.

Марена бросила сигарету и втоптала окурочку в гравий подошвой своих «кроков»³¹⁴ шестого размера – бесплатного приложения к покупке. Старый красноречивый жест, в ее исполнении не лишенный уверенности.

– Если я начну вас умолять, это поможет? Значит, буду умолять. Это должен быть я.

К черту сдержанность.

– Посмотрим, как будут обстоять дела через несколько часов, когда нам увеличат фонды, – пошла на уступки Марена. Она поднесла руки к щекам, словно собираясь разгладить морщинки. – Знаете, как трудно заставить людей поменять всю их...

– Пожалуйста, – повторил я настойчиво. – Это должен быть я.

(16)

В день 9 Головы смерти, 19 Белизны, 11.14.18.12.6, или в пятницу 8 ноября 1518 года так называемая армия Новой Испании по широкой восточной дороге вошла в Теночтитлан, столицу ацтеков. Перед завоевателями лежал четвертый крупнейший город мира, город каналов, похожий на чистую и геометрически спланированную Венецию. Он раскинулся на острове посередине озера, занимавшего шестьдесят квадратных миль в Центральной Мексике. В лучшем сохранившемся свидетельстве очевидца, Бернала Диоса, одного из офицеров Кортеса, сказано, что сверкающие синеватые дворцы и пирамиды, поднимающиеся из воды, «казались волшебным видением из царства Амадиса»³¹⁵ и некоторые наши солдаты и вправду спрашивали, не видят ли они все это во сне».

Так вот, «История Амадиса Гальского», написанная в 1508 году посредственностью по имени Гарсия Родригес ди Монтальво, представляла собой жалкое подражание «Королю

---

³¹³ Актерская студия – организация для профессиональных актеров, режиссеров и драматургов в Нью-Йорке.

³¹⁴ «Крокс инк.» – известная американская обувная фирма.

³¹⁵ Амадис Гальский – вымышленный герой средневековых испанских романов.

Артуру»; это и в самом деле довольно заурядный романец для массового читателя, тогдашний эквивалент поделок Тома Клэнси,³¹⁶ ставший предметом насмешек задолго до того, как его спародировал Сервантес. И тот факт, что наемник-солдафон столь возвышенно выражается перед началом своего участия в крупнейшем эпизоде геноцида за всю историю планеты, воистину не может вызвать ничего, кроме омерзения.

Но самое отвратительное, самая chingo,³¹⁷ заключается в том, что действительность весьма походила на фантастический роман. Конкиста, по крайней мере начальный ее период, и в самом деле напоминала сказочные истории о похождениях бесстрашных героев той эпохи. Испанцы добрались до этого невероятного места, проникли в сердце великолепной и жестокой империи, встретились с необычным народом, подвергли людей истязаниям, одержали победы над армиями, которые имели подавляющее преимущество в живой силе, и безмерно обогатились. Они сделали мечту реальностью, в этом-то и состояла проблема. Человек стремится воплотить свои галлюцинации и материализовать страсти, как поет Айрин Кара,³¹⁸ и этой готовности нужно опасаться. Но в тот момент, когда я понял (не очень ясно, как выяснилось), что эти умники собираются делать, я о таких вещах и не думал. Я оказался в земле Амадиса, в пространстве мечты, где возможности безграничны, галактика меняет полярность, Лолита нашептывает сладкие слова тебе на ухо, а из моря поднимается Моби Дик.

Марена не пожелала в точности объяснить план действий. Но было очевидно, что речь идет не об обычном путешествии во времени, какие описываются в научной фантастике. Я не сомневался: такие перемещения невозможны. Судя по общим фразам миссис Парк, в лаборатории Таро разрабатывали проект своеобразной подзорной трубы, чтобы через нее заглянуть в прошлое, а такой способ, по определению, не мог быть очень активным или опасным. Я представлял, что удобно рассядусь в кресле и буду всеми пятью органами чувств воспринимать, словно магнитофонную запись, отчет моего дубликата в стране древних майя, который наблюдает, как два складывателя играют в полную версию игры жертвоприношения с девятью камнями. Нет проблем.

Марена сказала, что ей приходила в голову мысль попробовать меня вместо Сика в проекте «Граф Чокула» (все программы Уоррена, похоже, носили названия готовых зерновых завтраков³¹⁹). Она даже предлагала меня в качестве дублера. Но ребята из Керрова пространства заявили, что у Сика есть некоторые преимущества в сравнении со мной. Я спросил какие. Марена пояснила: во-первых, по всей вероятности, – психическая устойчивость, во-вторых – его участие в предварительных испытаниях. В общем, более подробного рассказа я не услышал.

Она обещала поговорить с Таро, а меня попросила либо вернуться к работе, либо принять пару таблеток викадина и успокоиться. В тот день мы беседовали еще раз в восемь сорок вечера – по телефону. Она сообщила, что обедает в «лагере Линдси» и замолвила там за меня словечко. Я ее поблагодарил. Принял викадин. В одиннадцать позвонил Таро. Он встречался с Мареной, поэтому был в курсе событий. Профессор уверил меня, что тоже думает о моей кандидатуре, но большего пока сказать не может, хотя он на моей стороне.

---

³¹⁶ Томас Лео Клэнси (р. 1947) – американский писатель, автор шпионских романов времен холодной войны.

³¹⁷ Нецензурное мексиканское ругательство, означающее коитус. (*Прим. ред.*)

³¹⁸ Айрин Кара (р. 1959) – американская певица. Герой ссылается на слова из песни «Flashdance»: «Take our passion and make it happen».

³¹⁹ «Граф Чокула» – один из зерновых завтраков фирмы «Дженерал миллз», названных по ассоциации с чудовищами, в данном случае с графом Дракулой.

Всю ночь я мучился – никак не мог уснуть. В семь утра я уже пришел в лабораторию. Сик отсутствовал. Я долдонил одно: устройте соревнование между нами. Эй-2 махнула рукой, дескать, они (читай: Они) даже не хотят, чтобы я с ним теперь разговаривал. Может, Они боялись, что я его убью. Я заставил себя вернуться к игре. Но сосредоточиться, конечно, не мог.

На следующий день, тридцать первого, Марена сказала, что мне устроят испытание, которое, возможно, даст мне статус кандидата. Тем вечером мормоны Стейка, численность которых перевалила за двадцать тысяч, собрались в Гиперчаше, чтобы послушать нового пророка. Его зажигательная речь транслировалась на видеозкране высотой в шесть этажей. После этого все присутствующие пели вместе с гастрольным Храмовым хором. Мне очень, очень хотелось пойти, но почему-то не получилось. Я остался и решил узнать, как там у меня дома. В Индианатауне дела шли плохо. Около половины из тех, кого я знал там, числились пропавшими без вести. ФАУЧС не стало размещать переселенцев в других городах, поскольку это создало немало проблем после «Катрины»,³²⁰ они построили единый центр для беженцев в Кэмп-Блэндинге, в котором теперь находилось более двух миллионов человек.

В блогах Старый Злой Бывший Зеленый Берет доказывал, что за атакой стояла «Нация ислама», потому что, согласно предсказанию, среда была днем второго пришествия безумного ученого по имени Якуб³²¹ – исламского Антихриста, насколько я понял. Адская Гниль утверждал, что частицы полония рассеивали с помощью некоей системы генерации смога, слишком сложной, чтобы ее мог разработать один-единственный хакер (террорист, да кто угодно), а это значит, что атаку организовало всевластное правительство, вероятно – наше собственное. Возможно, он отчасти и прав, подумал я. Беда с этими заговорами. Их куча. И если реальный план выливается в ту или иную чрезвычайную ситуацию, возникает несколько тысяч надуманных теорий, часть которых инспирирована самими заговорщиками. Существует столько полуправд, скрывающих правды настоящие, что даже десятилетия спустя нельзя понять, что же случилось на самом деле. За исключением, может быть, этого раза...

Испытание началось второго. Я предполагал, что сделаю задание лучше других, если как следует подготовлюсь. Но оказалось, результаты от меня мало зависят. То есть изменить я уже ничего не мог. Началось все с шестичасовых тестов моей физической пригодности и состояния сердечно-сосудистой системы. Эскулапы определили, что, несмотря на опасное для жизни заболевание, я нахожусь в неплохой физической форме. Причина заключалась не в моем желании жить или любви к зарядке. Просто если у вас гемофилия, то вы либо в приличном состоянии, либо на том свете. Потом предстояло выдержать четырнадцать часов проверки интеллектуальных способностей, включая память (с легкостью), умение выстраивать последовательности и решать головоломки (почти с такой же легкостью), лингвистические познания (совершенно легко). Я прошел тесты на эмоциональную устойчивость (которые, вероятно, провалил, как и обычно) и на жизненные навыки, вроде задачи определить, лжет ли человек на видео или нет (весьма невразумительно). Они устроили и экзамен на эмоциональную стабильность – опутали меня проводами с датчиками и стали прокручивать видео с больными детьми и собаками с распоротым брюхом, словно я Алекс Деларж³²² какой. Потом пошли персонализированные тесты, в том числе

---

³²⁰ Ураган «Катрина» 2005 года – один из самых разрушительных в истории США.

³²¹ Как утверждает «Нация ислама», Якуб – это ученый, живший 6600 лет назад и создавший белую расу – «расу дьявола».

³²² Алекс Деларж – главный герой романа «Заводной апельсин» Энтони Берджеса и одноименного фильма Стэнли Кубрика. По рейтингу Американского института кинематографии Алекс Деларж входит в двадцатку самых отвратительных кинонегодяев.

полномасштабные испытания на детекторе лжи, с помощью которого они, как я понял, пытались выяснить, насколько мне можно доверять и какие у меня мотивы. О результатах мне неизвестно. Я не был уверен, что следует выставлять напоказ мою истинную мотивацию. Я имею в виду мотивацию помимо спасения положения. Из-за апокалипсиса я, разумеется, нервничал. Да и кого бы он мог не волновать? Но это не являлось моим личным мотивом. Как и Марена. Нет, конечно, она меня ух как возбуждала, а стать героем – кому же этого не хочется. Ведь так? Если ей нужен кто-то выдающийся, что ж, значит, я выбрал хороший способ стать выдающимся не благодаря тугому кошельку, а потому что я такой бесстрашный герой, Дадли Справедливый,³²³ и если я после этого сотворю какую-нибудь мерзопакость, она уже не будет иметь значения. Однако главный мотив не имел отношения к вышесказанному.

Дело в том, что я уже выработал собственную повестку дня. Она появилась у меня практически с самого рождения. Вы когда-нибудь слышали о близнецах, один из которых стал жертвой выкидыша либо аборта или бесследно растворился на ранней стадии беременности матери? И второй близнец, будучи взрослым, но ничего не зная об этом, постоянно говорит, что ему кого-то не хватает. У меня другой случай. Я ищу свою потерю. Но она не является чем-то маленьким, осязаемым. Утраченное мной должно быть совсем рядом, вокруг меня, но я его не нахожу. И вот теперь я наконец начал холить и лелеять маленьких серых демонов, которых прятал куда подальше всю свою безрадостную жизнь. Я хотел вернуть книги, я хотел вернуть мою побитую, искалеченную, изнасилованную, испоганенную, заброшенную, но никак не мертвую культуру – и сделать это немедленно. Понимаете? Пусть сентиментально, зато правдиво. Предположим, в детстве вам пришлось покинуть уничтоженную родину – скажем, Атлантиду, или варшавское гетто, или Криптон,³²⁴ или Боснию, или Гватемалу, – а ваши родители, прежде чем расстаться с вами, вручили вам (в качестве *υποτίματων*, то есть своего рода наследства) две части старой деревянной головоломки. Они потерялись по краям, но цвета их таинственного рисунка по-прежнему насыщенные и праздничные. И вы носите их с собой всю жизнь, но, сколько бы ни разглядывали узор, очень смутно представляете себе целостное изображение. И вдруг вы узнали, что у кого-то есть недостающая часть. Что бы вы предприняли? Что бы стал делать Иисус? Да кто угодно?

Как собирался поступить я? Прежде всего – занять место Сика и пройти сквозь Керрово пространство. Затем преодолеть все трудности, с которыми мне придется столкнуться. И наконец – вернуть всю мою треклятую цивилизацию, впитать ее всю крохотной губкой (объемом всего 1534 кубических сантиметра) моего собственного мозга.

(17)

В среду четвертого числа позвонила Марена и сказала, чтобы я готовился к последнему экзамену: утром в пятницу меня ждет встреча с великим человеком. Логичнее было бы сперва утвердить мою кандидатуру, а потом уже тратить такую прорву денег и сил на испытания. Но Линдси Уоррен принадлежал к тем людям, для которых время, потраченное для того, чтобы поднять с пола упавшие тысячедолларовые купюры, потеряно попусту.

---

³²³ Дадли Справедливый – главный герой одноименной романтической кинокомедии (1999) Хью Уилсона.

³²⁴ Криптон – название вымышленной планеты, родины героя комиксов и фильмов Супермена.

Проверка по всем параметрам являлась стандартной процедурой, точно так же ежедневно в каждом из охотничьих домиков Людовика XIV для него готовили обед – на тот случай, если он объявится.

Марена по секрету сообщила, что пока все еще планируется запускать Сика. Эмоциональная устойчивость и социальные навыки каждый раз берут верх над блеском ума. А Сик выглядел как с обложки журнала. Правда, журнала патагонского.³²⁵ Оставались еще три человека, которые должны были сделать выбор между мной и Сиком: Линдси, некто по имени Сноу и некто по имени Эзра Хэтч. В конечном счете именно они будут решать. Я не знал, как голосовали Бойл или Майкл Вейнер. И даже Марена, если уж на то пошло. Хотя мне казалось, что я ей нравлюсь. А Таро... ну, Таро думал... да ладно, чего уж там, – он знал, что я не без тараканов в голове. Но профессор, вероятно, голосовал за меня. Вот Бойл – тот меня ненавидел. И этот гад Вейнер тоже. Так что счет, должно быть, сравнялся – 2:2. У Линдси, наверное, было восемь голосов. Все дело в том (и если какие ребятки меня слышат, пусть наматывают себе на ус сию никчемную мудрость), что одни только достоинства мало значат. Даже если речь идет о последней отчаянной попытке предотвратить конец света. На результат влияет следующее: понравился ты или нет, привлекательно или отвратительно выглядишь, в каких тайных обществах ты состоял или не состоял в Нью-Хейвене³²⁶ и кончается ли твое имя на гласную или на согласную. Все как обычно.

Я провел два мучительных дня. Утром в пятницу Лоуренс Бойл встретил меня и Марену в низком широком пустом коридоре во Временном исследовательском комплексе № 4, сооружении бункерного типа под стадионом. Ларри находился в полной готовности в шесть минут восьмого утра – воротничок-ошейник, отчего возникало впечатление, будто его голова торчала из трубы, и костюм-тройка, последний в своем роде. Мы прошли мимо нескольких рядов боксов, обитатели которых выстукивали по клавиатуре. Кто-то играл в настольный футбол на площадке для отдыха в центре. На Марену смотрели так, словно она была королевой Амидалой.³²⁷

– Помещения уходят вниз еще на два уровня, – уточнил Бойл. – Здесь программируют и тестируют игру «Боевая система наведения».

– Это беспилотный летательный аппарат, верно? – без особого любопытства спросила Марена.

– Ага, – кивнул Бойл и жестом пригласил нас в большую стеклянную кабину лифта, где нес вахту охранник в форме.

– Сейчас мы находимся под западной границей многоцелевого игрового поля, – сказал мне Лоуренс.

Я вежливо кивнул и посмотрел на свою карту «Ты здесь».

– Доброе утро, – прошептала Джулия Эндрюс. Я с идиотским видом оглянулся. – Мы начинаем подъем. Пожалуйста, в целях безопасности возьмитесь за перила.

Наконец я догадался, что это запись, причем иллюзия присутствия живого человека могла бы ввести в заблуждение слепого преподавателя вокала.

– Сэр, – обратилась Марена к головорезу-лифтеру. – Не могли бы вы выключить эту бабу, к чертовой матери? Спасибо. – Голос у нее звучал глуховато. За завтраком, а точнее, между двумя глотками кофе, она сказала мне, что несколько минут назад узнала о гибели своей подруги Ю Ши во время пожара в Веро-Бич.

Начался подъем. За стеклом царил темнень, а потом на нас хлынул свет – мы с уровня

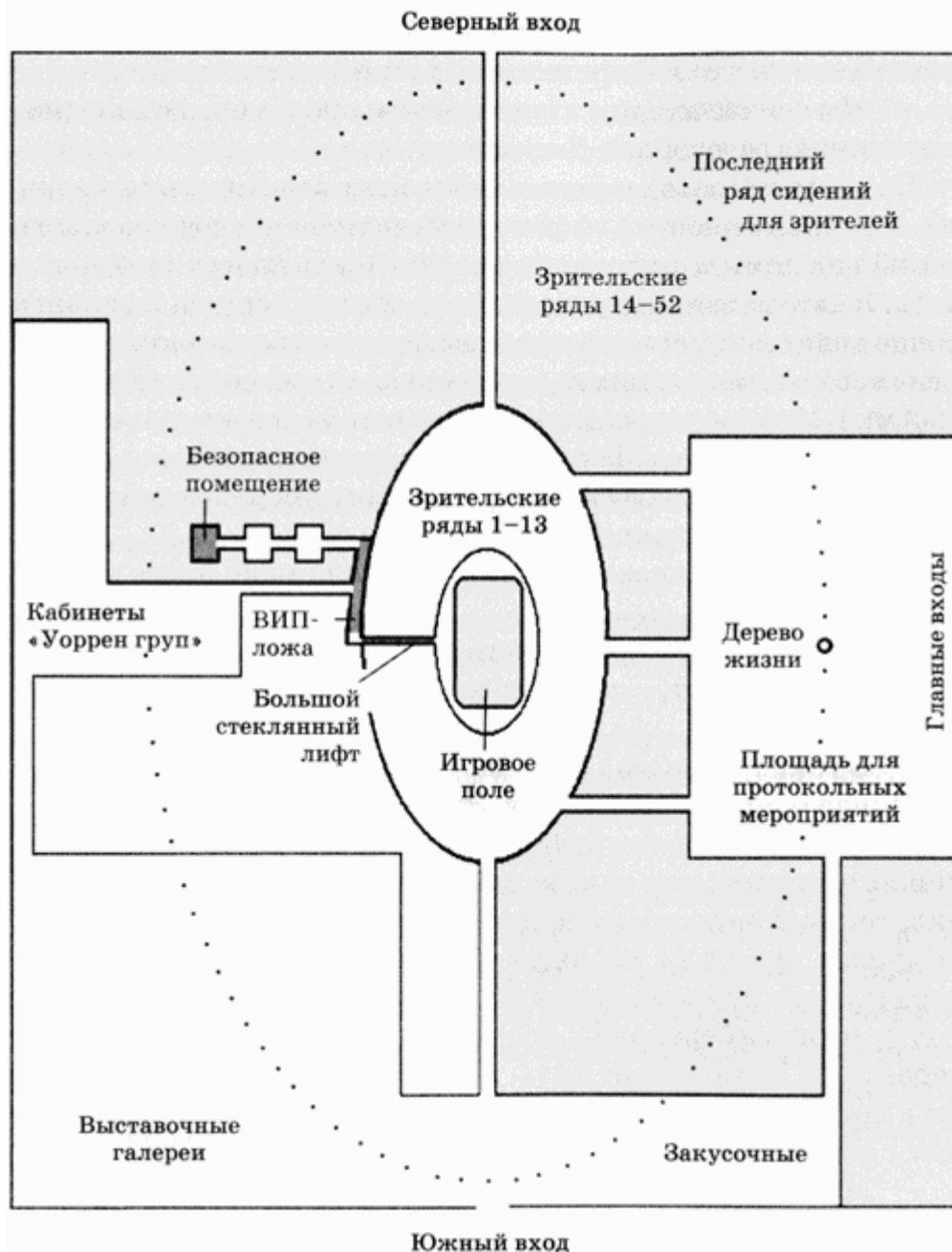
³²⁵ Патагония – часть Южной Америки к югу от реки Рио-Колорадо; намек на индейские корни Сика.

³²⁶ «Череп и кости» – тайное студенческое общество в Йельском университете (Нью-Хейвен), членами которого, по слухам, были оба президента Буша (отец и сын).

³²⁷ Амидала – персонаж киноэпопеи Дж. Лукаса «Звездные войны», королева планеты Набу.

земли вышли внутрь гигантского перевернутого эллипсоидного конуса. Против воли я был вынужден признать, что это производит сильное впечатление.

Белизская олимпийская Гиперчаша

– Мы сейчас входим в зрительское пространство Гиперчаша, – снова заговорила Джулия.

По мере того как прозрачная кабина двигалась вдоль директрисы, возникал странный эффект перспективы – словно ряды сидений над нами одновременно надвигались на нас и уменьшались. Я автоматически ухватился за обитые перила. В дальнем конце поля с искусственным покрытием четыре высоких спортсмена в светоотражающих костюмах пинали светящийся футбольный мяч. Мой нос уперся в стекло, оставив на нем влажное пятно.

– Это Мохаммед Мазандар, – произнес охранник.

Я с небольшим опозданием понял, что он обращается ко мне.

– Кто? – спросил я.

– Форвард, – сказал он с такой интонацией, будто мне было два года.

Я, видимо, посмотрел на него совсем уж тупым взглядом.

– Баскетболист, – пояснил он, показывая на красных гигантов вдалеке.

– Вот как, – сказал я. – Здорово.

Chinga tu madre,³²⁸ подумал я. Это все автоматическое допущение, согласно которому любой тип с Y-хромосомой должен хоть немного интересоваться командными видами спорта. Я представил, как подхожу к совершенно незнакомому человеку и говорю: «Слушай, приятель, ты подумай только, Наталья Жукова³²⁹ выиграла вчера межзональный шахматный турнир! Семнадцатый ход – пешка g берет на f5, восемнадцатый – ладья h на g1! Невероятно!» Хотя, может быть, я чувствовал бы себя иначе, если бы в школе качался. Но я был маленьким краснокожим уродцем с синяками по всему телу...

– Мы находимся на уровне первого зрительского ряда, – сообщила Мэри Поппинс.

– Прошу прощения, никак не удается ее выключить, – сказал этот доморощенный коп, возясь с пультом управления. На секунду мне показалось, что у него на экране промелькнула функция «Самоопорожнение».

– По завершении Белизская Гиперчаша будет вмещать более ста восьмидесяти тысяч болельщиков и станет третьим из самых больших в мире спортивных сооружений.

Какой прогресс, усмехнулся я про себя. Конечно, если вы его построите, болельщики непременно появятся. Если только это не декорации для «Водного мира».³³⁰

– Хочу напомнить, – сказала Марена, – в присутствии старейшины Линдси нельзя употреблять бранные слова.

– Да, я помню, – кивнул я. Отнесусь к этому тем более серьезно, что уведомление исходит из уст самой отчаянной ругательницы. – Вы же знаете, я вырос в окружении этих людей. Я говорю о Святых последних дней.

– Он немного святоша, – улыбнулась она. – Говорят, будучи миссионером, он обратил в мормонство больше людей, чем кто-либо другой за всю историю церкви.

– Здорово. – Я проникался ощущением, что встреча будет решающей в несколько большей степени, чем дала мне понять Марена.

– Мы находимся на четырнадцатом уровне, – произнес голос из «Звуков музыки»,³³¹ когда мы практически были на тринадцатом или в первом рве³³² в другой системе измерений.

– Добро пожаловать в ВИП-ложу.

Кабина остановилась. Последовала пауза, которая несколько затянулась. Наконец раздался электронный звук в тональности ля-бемоль, северная стена кабины разъехалась с приглушенным шипением. Строительство кольцеобразного здания еще не закончилось, но эта комната была полностью готова, отделана медью и светлым деревом, как ложа для прессы на шикарных ипподромах 1930-х годов, ее фотография вполне могла бы украсить журнал «Дизайн интерьера». Слева от нас сквозь бесшовное громадное стекло открывался вид на поле, а при виде далеких колечек десятков тысяч пустых зеленых сидений начинала кружиться голова, отчего у меня возникло желание протаранить пуленепробиваемый пластик и, бросившись вниз, пролететь до зоны защиты. Под окном наклонно стояла плазменная

---

³²⁸ Грубое испанское ругательство, аналогичное русскому «твою мать».

³²⁹ Наталья Жукова (р. 1979) – украинская шахматистка, гроссмейстер.

³³⁰ «Водный мир» (1995) – фильм Кевина Рейнольдса и Кевина Костнера, в жанре «постапокалипсис».

³³¹ «Звуки музыки» – название бродвейского мюзикла, а также известного фильма.

³³² Отсылка к «Божественной комедии» Данте. В восьмом круге ада, в первом рве мучаются сводники и обольстители.

сенсорная панель длиной во всю комнату; на мониторе было открыто не менее пятидесяти окон – акции, товары, футбольные игры, камеры наблюдения, изображения стройки в других частях площадки, «Доброе утро, Америка»,³³³ праздничное шествие в связи с выбором Мисс Вселенная, кадры беспорядков в Индии, взятые из трансляции, которую мы рассматривали в лаборатории Таро (по моим прогнозам, эти события должны были погрузить в хаос весь регион). В одном из окон со включенным звуком щебетала Анна-Мария: «Орландо, – объявила она. – После трагедии. Город хочет понять, что это было».

Никто нас не встречал. Настал странный миг неопределенности. Марена направилась к дальнему концу комнаты. Я за ней. Лифтер остался у дверей, которые начали медленно закрываться, замерли на мгновение перед тем, как закрыться окончательно – дело обычное, – а потом сошлись, герметично закупорив кабину.

Я отвернулся от окна и попытался сосредоточиться на полках. Ух ты. Я представлял себе Линдси Уоррена этаким деревенщиной, негодяем из романов о Джеймсе Бонде. Но дело в том, что, по крайней мере, в тех фильмах, в которых работал Кен Адам,³³⁴ у негодяев очень неплохой вкус. У доктора Ноу был Гойя, у Скараманги³³⁵ холл украшала желтовато-зеленая теотиуаканская маска... Но интерьер кабинета Линдси выглядел столь невзрачно, что тут кто угодно смотрелся бы как Палладио.³³⁶ Большую часть декора составляли спортивные сувениры – футбольные мячи с автографами, клюшки, футболки, биты, шайбы. Я обратил внимание на пару старых потрескавшихся боксерских перчаток, подписанных «Джек Демпси»,³³⁷ затем на фотографию в рамочке – эпизод позорного «долгого счета».³³⁸ На стене висела дощечка с надписью, уведомлявшей, что все дерево здесь – это останки кораблей, затонувших в проливе Гондурас, а дощечка на полу гласила, что плитки розового гранита здесь из холла «Уан Либерти Плаза»,³³⁹ выгоревшего 11 сентября. У северной стены комнаты стоял стол, вероятно не рабочий, потому что на нем не было высокотехнологических штучек, одни сувениры. Мы подошли поближе и увидели модель самолета «F-17 Хорнет», старинный приз, полученный «Набиско»³⁴⁰ в виде увеличительного стекла и компаса в пластмассе, отделанной золотом, и кубок из синтетического полимера с вытравленными на нем

словами **Джамал Фольганг Мин Да Да**

и маленьким роем настоящих пчел, подвешенных внутри. Рядом находился

---

333 «Доброе утро, Америка» – новостное утреннее шоу, передаваемое по сети Эй-би-си.

334 Кеннет Адам (р. 1921) – художник-постановщик, выполнивший декорации для фильмов бондианы.

335 Скараманга – соперник Бонда из фильма Гэя Хэмилтона «Человек с золотым пистолетом» (1974).

336 Андреа Палладио (1508–1580) – знаменитый итальянский архитектор, работавший в Венеции.

337 Джек Демпси (1895–1983) – американский боксер, чемпион мира в тяжелом весе с 1919 по 1926 год.

338 Демпси в одном из важнейших боев своей карьеры отправил противника на пол, но замешкался и несколько секунд не отходил в угол, как того требовали правила. Рефери начал отсчет секунд нокаута, и противник Демпси поднялся на девятой секунде, то есть, если бы отсчет был начат сразу, Демпси выиграл бы бой нокаутом.

339 Небоскреб в Нижнем Манхэттене, располагавшийся рядом с уничтоженным Всемирным торговым центром; после событий 11 сентября 2001 года в «Уан Либерти Плаза» были выбиты стекла, поврежден фасад.

340 «Набиско» – старейшая и крупнейшая в Америке компания, производящая сласти и овсяные завтраки.

бейсбольный мяч от «Роулинга»³⁴¹ в стеклянной пирамиде. «Марк Макгвайр 70»³⁴² – кричала пирамидка жирным «брэдли холдом».³⁴³ Это был тот самый *cardo*³⁴⁴ бейсбольный мяч стоимостью в три миллиона долларов. На деньги, которые заплачены за него, можно спасти тридцать тысяч детишек, больных СПИДом. Стены пестрели гуманитарными наградами, почетными степенями и забранными в рамочки статьями из «Файнэншиал таймс». В одной публикации бросался в глаза гигантский семейный портрет – громадный клан счастливых, здоровых, настоящих американцев с белозубыми улыбками. Они выстроились перед знакомым мне фасадом. «Громадный грант. Исследователи Юты смогут заняться болезнями мозга» – провозглашал заголовок. Я прочел текст под снимком:

«Линдси Р. Уоррен, предприниматель из Солт-Лейк-Сити и сын ветерана Корейской войны, летчика Эфраима Уоррена по прозвищу Дубинка, пожертвовал полтора миллиарда долларов на исследование болезни Альцгеймера и других патологий нервной системы. На фотографии Линдси Уоррен с семьей. Мистер Уоррен (справа) держит на руках одного из своих восьми внуков. Рядом с ним – жена Мириам. Его семья собралась перед городской больницей Солт-Лейк-Сити, носящей его имя».

Здесь были фотографии Линдси Уоррена с Джеральдом Фордом, Майклом Джорданом, Бушем-старшим, Бушем-младшим, Тайгером Вудсом, семейством Осмонд, Глэдис Найт, Джеймсом Вулси и Боно.³⁴⁵ А вот Линдси в молодости – стоит перед грузовиком «Юнайтед сервис организейшнс»³⁴⁶ вместе с Джоном Уэйном, Вики Карр³⁴⁷ и Рональдом Рейганом. После всего этого я не удивился бы, увидев его на фото рядом с Дж. Гувером, Иисусом Христом и пятью братьями Маркс.³⁴⁸ Под фотографиями находилась полка, забитая кольтами «писмейкер», 1911,³⁴⁹ и другим старым патриотическим оружием. Все, кроме

---

341 «Роулингс» – компания, выпускающая спортивное оборудование.

342 Марк Макгвайр (р. 1963), знаменитый американский бейсболист, в 1998 году побил существовавший до этого в лиге рекорд: в этом году он сделал более 70 хоумранов.

343 «Брэдли холд» – название шрифта.

344 Сраный (*исп.*).

345 Майкл Джеффри Джордан (р. 1963) – американский баскетболист; Эдрик Тонт «Тайгер» Вудс (р. 1975) – профессиональный американский игрок в гольф; Осмонды – семейная музыкальная группа, ортодоксальные мормоны; Глэдис Мария Найт (р. 1944) – американская певица, бард, актриса и писательница; Роберт Джеймс Вулси (р. 1941) – глава ЦРУ в 1993–1995 годах; Пол Дэвид Хьюсон (р. 1960), известный больше под своим сценическим именем Боно, – ирландский певец и музыкант, вокалист группы «U2».

346 «Юнайтед сервис организейшнс» – частная некоммерческая организация, предоставляющая духовные и увеселительные услуги американским военным.

347 Марион Митчелл Моррисон (1907–1979), известный под сценическим именем Джон Уэйн, – американский актер, режиссер и продюсер; Вики Карр (р. 1941) – американская певица, исполнительница песен на испанском.

348 Братья Маркс – знаменитые американские актеры-комики, работавшие в кино и театре с 1900 до начала 1950-х годов.

349 «Писмейкер» («Миротворец») – шестизарядный револьвер, выпускавшийся фирмой «Кольт» с 1872 по 1941 год. «Кольт М1911» – семизарядный автоматический пистолет конструкции Д. Браунинга, выпускается различными оружейными фирмами с 1911 г.

одного, должным образом оснащались предохранителями. Исключение составлял скорострельный пневматический пистолет «Биман/FWBC8822-CO₂», который покоился на бархатной подушечке цвета морской волны в открытой коробочке из японского кедра. В ручку пистолета был вделан золотой олимпийский медальон с надписью, сработанной методом пирографии: «С глубокой благодарностью от его превосходительства Хуана Антонио Самаранча, 24/2/02». Я посмотрел на дальнюю стену комнаты, и точно: у двери, через которую мы вошли, висела металлопластиковая мишень с кучной группой отверстий калибра 0,177 в районе десятки. Ковбои. Мужланы с планеты Колоб.³⁵⁰ Кому в наши дни нужно мастерство снайпера? Даже у водяных пистолетов есть лазерные прицелы.

– Они находятся в видеоконференц-зале, – произнес женский голос.

Голос принадлежал женщине – то ли секретарше, то ли помощнице, которая материализовалась неизвестно откуда и оказалась Эшли-1. Мы с Мареной и Бойлом отправились за ней, обогнули стол и вошли в дверь слева. Коридор, отделанный деревянными панелями, вел в сторону от поля в глубины охватывающего его гипербублика. В дальнем конце виднелся вход в зал. Он представлял собой большое, тускло освещенное помещение в форме куба. Окон здесь не было, но повсюду висели большие шторы белого бархата. По кремовым стенам спускались прозрачные пластиковые полотнища.

– Извините за кавардак, – сказал Лоуренс. – Когда мы закончим все работы и найдем команду встречающих, тут будет красота.

Он открыл очередную дверь и провел нас во второй зал для заседаний, больше первого. Его украшали нарисованные на стенах сцены плейстоценовой жизни – благодатные долины, кишасие мегатериями, глиптононтами, фороракосами и зачаточными семьями ранних гоминидов подозрительно европеоидного типа. Я увидел здесь подделанную под старину карту Западного полушария, на которой золотой линией был показан, как я догадался, маршрут йаредийцев,³⁵¹ проложенный от залива Чесапик до Центральной Америки. Мы пробрались к следующей двери. Она вела в другой конференц-куб.

Его площадь составляла около тысячи квадратных футов – явно меньше, чем у предыдущих залов. «Необычный интерьер», – отметил я про себя. Ага, вот в чем дело. Потолок, стены, мягкий пол, квадратный стол и даже пустующие в основном «аэроновские» кресла – полупрозрачные, словно сделанные из темноватого матового стекла. Должно быть, что-то вроде оберточной видео пленки. Если на громадные плазменные экраны, образовавшие стены, потолок и пол, вывести специально обработанное изображение виртуальной реальности, то поверхности предметов мебели настроятся на него и практически исчезнут, чтобы вы могли почувствовать, будто без страха летите сквозь солнечный закат, или плывете по подводной ледяной пещере, или участвуете в любимом эпизоде «Бухты Доусона»...³⁵² В настоящий момент на трех экранах светилась заставка для успокоения нервов – нечеткая рябь синевато-серого дымка над темной зеленью, а на стене, обращенной к нам, были открыты четыре окна. На самом маленьком слева шли новости о продолжающихся беспорядках на субконтиненте. Во втором окне, побольше, демонстрировалось выполненное в компьютерной графике вращающееся изображение скользков, современной спортивной обуви с необычно толстой гладкой подошвой. Третье представляло собой цифровую трехмерную диораму. Она напоминала настоящее окно, выходящее на неестественно замерший лес. Слева над деревьями парили два мерцающих

---

³⁵⁰ Планета или звезда Колоб упоминается в Книге Авраама как ближайшая к месту обитания Бога.

³⁵¹ Йаредийцы – потомки легендарного Йареда, которые, как утверждается в Книге Мормона, пересекли океан и основали древнюю цивилизацию в Америке.

³⁵² «Бухта Доусона» – американский сериал о жизни подростков, в русском переводе «Лето наших надежд».

ангела, а по центру спиной к зрителям стоял коленапреклоненно человек в черном одеянии: пророк Джозеф Смит.

За столом сидели четыре европеоида более чем средних лет, они поклевывали мафины³⁵³ и фруктовые конфетки. Стояли тут чайники и кружки – наверняка с травяным чаем, – лежал шоколадный слоеный кекс, еще не разрезанный, украшенный единственной подгоревшей блестящей. Один из четверки был лыс, другой сед, третий не то чтобы совсем без шевелюры, но с невнятной эспаньолкой, а у четвертого, самого молодого, на щеках пробивалась короткая рыжеватая щетина.

– ...Самое главное в скользовках – то, что для них не требуется льда, – говорил рыжеволосый вкрадчивым голосом. – Они двигаются как роликовые коньки. Почти на любой ровной поверхности. При этом они легче и лучше тормозят. Так что вы сохраняете скорость, но можете опереться на ногу и как следует ударить по мячу.

– И ребяташки что, уже пристрастились к этому делу? – спросил лысый.

– О да, – ответил рыжий. – По правде говоря, это, похоже, превращается в вид спорта. Как сноуборд. Этакая возникшая на американской почве горячая смесь командного духа и индивидуализма. Думаю, новая игра будет иметь общее и с футболом, где все за одного и один за всех, и с профессиональной борьбой, только в потешном варианте.

– Разве ее не классифицируют как борьбу?

– Ни в коем случае! – воскликнул рыжий. – Это настоящий спорт, с определенными требованиями.

– Одну секундочку, – скрипнул лысый.

Он встал и медленно повернулся в нашу сторону на тридцать градусов. Трое других дернулись в креслах и, словно по команде, поднялись на ноги.

– Не вставайте, – сказала Марена. – Пожалуйста, прошу вас.

Она обошла вокруг стола, обняла рыжего и остальных, пожимая им руки. То же самое сделал Лоуренс, только без объятий. Я снял шапку. На мне был тот пиджак, в котором я оказался во время атаки, только его вычистили в химчистке Стейка. Я даже позаимствовал у соседей-святых в мотеле галстук, этакое древнее похоронное изделие из «Джей-Си Пенни».³⁵⁴ Так что чувствовал я себя до отвращения уважаемым. Но этим людям я, вероятно, все равно казался кем-то вроде Фрито Бандито.³⁵⁵

Марена подвела меня к группе и представила. Сначала лысому. Его звали старейшина Сноу. Волосы, ресницы и брови у него полностью отсутствовали. Он пожал мне руку довольно сильно для призрака. Следующий, по имени Эзра Хатч, лет шестидесяти, мог похвастать омерзительной серебристой шевелюрой, а еще модным, на манер Палм-Бич, спортивным пиджаком и слаксами, какие носят на курортах. А под ними, подумал я, наверняка болтаются Иисусовы подштанники.³⁵⁶ Он потряс мне руку так, словно мы жили в одной комнате общежития бизнес-школы. Тип с эспаньолкой, некий Орсон, вырядился в уорреновский спортивный костюм. Все они были настроены довольно дружески. Нет, постой. Тут можно поконкретнее: ты ощущал их по умолчанию подчеркнутое расположение (у американцев это заменяет хорошие манеры), но атмосферу отягощала текущая ситуация. Мы все еще переживали тяжелый период после крупнейшей катастрофы, когда каждый считает, что обязан вести себя доброжелательно, но при этом выражать скорбь, хотя на самом деле не испытывает ни того ни другого.

---

353 Мафин – разновидность пресных хлебцев.

354 «Джей-Си Пенни» – сеть магазинов экономкласса в Техасе.

355 Фрито Бандито – мультипликационный персонаж, созданный для рекламы чипсов «Фритос».

356 Иисусовы подштанники – жаргонное название кальсон, традиционной нижней одежды мормонов.

Линдси Уоррен оказался тем самым рыжим, который толкал речь, когда мы вошли. И самым высоким. Он сделал три шага в нашу сторону, сильно прихрамывая после (я поставил бы пять долларов против одного) серьезной футбольной травмы. А как же, ведь футбольная травма – необходимая принадлежность средних лет бизнесмена из Юты. Пройдите несколько кварталов по Темпл-стрит в воскресенье, и я гарантирую, что мимо вас на пути к спасению проковыляют как минимум три мормона. На Линдси были зеленые уорреновские кроссовки и ЮНИСЕФовский тренировочный костюм с красочными рисунками детей разных народов. Для завершения образа ему не хватало только оранжевых волос и носа помидориной. Грубовато-привлекательное лицо англосаксонского типа, с морщинами вокруг глаз, напоминающими копию Нежной арки,³⁵⁷ выдавало в нем человека, который много времени проводит на открытом воздухе. Сколько ему – около пятидесяти? Красит ли он свою щетину? Он уставился на меня взглядом старого моряка,³⁵⁸ рука у него была очень твердой и сухой, что окончательно добило меня. Рукопожатие для меня так или иначе неприятная церемония, и я оценил свое поведение в этой ситуации более чем средненько.

– Очень рад познакомиться, – сказал он.

(18)

– Очень приятно, – ответил я. – Я некоторое время провел в одной из ваших больниц.
– Правда? В Центральной? В Солт-Лейк? – спросил он. Я кивнул. – Мне это лестно слышать. Мы с миссис Уоррен очень гордимся этой больницей... Надеюсь, вам стало лучше?
– Врачи говорят, что да.
– Слушайте, а по какому поводу кекс? – спросила Марена.
– По поводу моего дня рождения, – заулыбался Линдси. – Мне пятьдесят – елки-палки – два.
– Милосерден будет он, – пробормотал я.
– Что? – удивился Линдси.
– Кто во вторник родился, – сказал я, – будет милосерден.³⁵⁹ Простите.
– Нет-нет, вы правы, – просиял он. – Я действительно родился во вторник.
– Вы должны увидеть, что еще он умеет, – похвасталась мной Марена. – Настоящий человек дождя.³⁶⁰
Премного благодарен, подумал я.
– Но без всяких проблем, – исправилась она.
– Очень интересно, – протянул Линдси.
– Кто-нибудь хочет кусочек? – спросила Эшли-1.
Мы отказались.
– А жасминового чая?

---

³⁵⁷ Нежная арка – природная достопримечательность, находится неподалеку от г. Моаб в Юте.

³⁵⁸ «Поэма о старом моряке» принадлежит перу английского поэта Сэмюэла Кольриджа (1772–1834). Старый моряк стал виновником гибели своих товарищей и всю жизнь должен был мучиться чувством вины.

³⁵⁹ Один из детских стишков Матушки Гусыни; по-английски эта строка выглядит так: «Tuesday's child is full of grace».

³⁶⁰ Имеется в виду персонаж одноименного фильма Барри Левинсона (1980), аутист, выполняющий в уме многочисленные подсчеты; эту роль сыграл Дастин Хоффман.

– Нет, спасибо, а вот кофе был бы очень кстати, – сказал я.

– Извините, кофе у нас нет, но есть... есть горячий шоколад. Я могу сделать стаканчик «снелгроув»³⁶¹ или...

– Спасибо, шоколад меня устроит, – сказал я.

Господи Иисусе, тут собрались такие ортодоксальные святоши, что и в самом деле кофеина не сыщешь.

– Я вернусь через секундочку, – прошебетала Эшли и исчезла за той дверью, через которую вошли мы.

Может быть, тут других входов-выходов и не было.

– Девушки все подготовили, чтобы отметить, – вздохнул Линдси. – Но такие дела в мире творятся... Настроение у нас стало совсем не праздничное.

– О да, – кивнула Марена. – Это точно. И тем не менее поздравляю.

– Спасибо. – Он посмотрел на меня. – Ну, ладушки. Ну а что говорит мой майяский гороскоп?

– Когда вы получили свое имя?

– В тот день, когда родился.

– Значит, 2 Ягуара, 2 Роста, – сообразил я. – Это царский день, такой подобает правителю. Только майя гороскопов не составляли. Вы должны спросить совета на конкретный день.

– Ну хорошо, что посоветуете на сегодня?

– Так, сегодня 3 Венеры, 16 Роста. Для вас это хорошее время начать новый проект или отправиться в путешествие.

Мне показалось неуместным говорить, что нынешний вечер управляется Сердцем гор, а это иногда указывает на предательство: то ли он может предать другого Ягуара, то ли другой Ягуар – его.

– Что ж, тогда стоит запустить один проект. – Линдси повернулся к трем своим коллегам, которые уже успели сесть. – Дайте мне два молочных коктейля.

– Пожалуйста. – Эшли-1 с готовностью подала кружку с пенящимся напитком. На кружке красовались логотип группы Уоррена и девиз «Уоррен. Работает на меня™».

– Спасибо, – пробормотал я.

– Знаете, я прочитал доклад Ларри касательно этой майяской книги, – доверительно произнес Линдси. – Хороший доклад. Но я не очень понял насчет этих дат.

– Что именно вас смутило? – спросила Марена и села. Вернее, уселась на спинку кресла, поставив ноги на сиденье.

Бойл подошел к столу, но остался стоять. Хэтч и Сноу, заняв прежние места, выглядывали из глубин своих кресел. Орсон казался заинтригованным.

– Почему они выбрали именно эти числа, а не другие? – поднял брови Линдси. – Ведь наверняка есть и другие плохие даты. – Он посмотрел прямо мне в глаза. – Почему там не указаны одиннадцатое сентября или дата «Катрины»?

Мы с Таро сотни раз обсуждали это. Но для неспециалиста это был хороший вопрос.

– Понимаете, они писали это не для нас, – ответил я. – Эта книга, возможно, была заказана каким-нибудь кланом кошачьих...

– Кланом кошачьих?

– Ну, это как бы царская семья.

– Ладушки.

– Древних интересовало только то, что произойдет с их потомками. Ни ураган «Катрина», ни падение башен в Нью-Йорке практически не затронули индейцев майя. Вот почему – за вероятным исключением событий в Орландо – все события в книге происходят в районе обитания майя или вблизи него.

---

361 «Снелгроув» – десерт из мороженого с шоколадом.

– Что ж, вполне резонно, – согласился он, присаживаясь бедром на угол стола.

Линдси излучал дружелюбие и вместе с тем ауру богатого раскованного человека; очевидно, он не привык, чтобы другие задавали ему вопросы или определяли тему разговора. Между прочим, он даже не предложил мне сесть.

– Тогда почему же мы думаем, что через год, считая от сегодняшнего числа, наступит день, который станет последним для всех? – продолжал он свою мысль. – Может, имелось в виду, что двадцать первого декабря умрут последние потомки майя?

– Умная мысль, – попытался подольститься к Линдси Бойл.

– На данное число указывает не столько книга, сколько другие расчеты, – сказал я. – И еще – когда я разыгрываю разные сценарии с помощью игры, у меня возникает ощущение, что с этой датой связаны большие проблемы.

– И вы думаете, что весь мир на краю пропасти?

– Видите ли... я начинаю склоняться к мысли, что это вполне вероятно. Потом, если катастрофа погубит все человечество, то и майя тоже...

– Но вы не уверены.

– Лично я убежден стопроцентно, только не могу привести веские доказательства. Кроме результатов игры...

– Не придаем ли мы этому слишком большое значение? – проговорил он. – Может, на самом деле и проблемы-то никакой нет.

– Что касается меня, то я твердо знаю: проблема есть, – возразил я. – Неделю назад я еще сомневался. А теперь, проигрывая варианты, я не вижу, как обойти угрозу. Но объяснить это трудно, и, чтобы понять мои слова, вам пришлось бы самому освоить игру.

Черт, подумал я, он совсем не глуп. В отличие от усредненного святого Линдси, казалось, обладал скептическим умом. Большинство этих ребят всегда ждут Конца Времен в течение ближайших пяти секунд. Может, на сей раз они не ошибались... Что ж, иногда даже боров, лишенный обоняния, находит трюфель. Неудивительно, что мормоны построили этот дворец в горах. Сколько бункеров, раскинувшихся на тысячи квадратных футов, они, наверное, здесь откопали. И сделали запас замороженных мясных хлебцев и «танга»³⁶² без сахара на пятьдесят лет. Умереть и не встать.

– Ладушки. Тогда расскажите мне, Джед, что же такое эта ваша игра?

– Ну, когда вы начинаете, это называется «укоренение», вы словно закрепляете себя в центре мира. – Меня не то чтобы охватил ужас, но я почувствовал себя явно не в своей тарелке. Когда я говорю об игре, получается какая-то невыносимая мистическая бредятина на манер «Новой эры».³⁶³ И я не знаю, как этого избежать. – А потом вы ищете ход и ждете того, что мы называем кровавой молнией – под кожей пробегает дрожь. Физическое ощущение.

– Где именно?

– Оно может возникнуть в любой части тела, обычно где-то рядом с костью... облечь это в слова довольно затруднительно. Но потом, когда вы действуете, согласуясь со своими реакциями, и двигаетесь по игровому полю, у вас возникает иллюзия путешествия. Вы будто рассматриваете множество путей. Или, как в данном случае, вы не видите за датой конца ни одной дороги.

– Ну хорошо, лады, – нахмурился Линдси. – Идем дальше. Скажем, вы узнаете, как играть с... как это вы называете? С девятью камнями?

– Да.

– Я даже не прошу вас подробно объяснять. Скажем, вы справитесь с такой задачей, но

---

³⁶² «Танг» – американский безалкогольный напиток со вкусом апельсинового сока.

³⁶³ «Новая эра» («Новый век») – общее название различных мистических течений и движений, в основном оккультного характера, сформировавшихся в XX веке.

что это даст? Вдруг выяснится: да, наступает конец света и ничего поделать нельзя?

Еще один простенький вопросик, подумал я. Задавал ли он такие же Сику? А я-то хорош, не поинтересовался у Марены, прежде чем идти сюда. Идиот. Я почти что сформулировал ответ, когда он ответил сам.

– Я полагаю, тогда нам не о чем беспокоиться, – усмехнулся он. – Да? Мы ничего не потеряем.

– И правда, – согласился я. – Но лично я не думаю... дело в том, что если вы хотите предотвратить предсказанные события, то средства следует искать в самих себе. – Джед, ты несешь полную несуразицу, подумал я. – Позвольте, я выражусь иначе. Вы должны понять, что майя не считали себя пророками. Они просто умели читать сообщения из будущего и полагали, что с помощью определенных действий на него можно повлиять. Ничего сверхъестественного.

– Ясненько.

– Потом, древние не мыслили категориями прогресса. Напротив, они представляли себе историю как процесс упадка. Скажем, даже исторические события, например войну, майя рассматривали как некий священный акт, который нужно совершать в определенное время и определенными способами, а сначала следует очиститься, выполнить всякие там обряды. Глупости, сказали бы мы сегодня? Не уверен. А вдруг, принося, например, в жертву того или иного человека или выжигая лес, майя действительно изменяли историю?

– Что ж, достаточно убедительно, – проговорил Линдси. – Но почему ориентирами всегда служат пожар, война или убийство... Понимаете, все, что происходит в этой книге, носит негативный характер.

– Это верно, – кивнул я.

– Поясните.

– Думаю, игра рассчитана именно на негативные явления. Она помогает выявлять грядущие трудности.

– Вот почему версия, которую подготовили для продажи, расходится лучше всего после всяких катастроф, – подтвердил Бойл. – Или при падении биржи.

Линдси улыбнулся.

– Ну, это уж точно обвинительный приговор, – сказал он Бойлу, потом повернулся ко мне. – Вы, должно быть, слышали, – произнес он доверительным тоном, – как в две тысячи девятом году, после падения рынка недвижимости, мы чуть не пошли по одиннадцатой главе?³⁶⁴

– Нет, не слышал.

– Да-да, чуть не пошли. Но мы не подпускали койотов к стаду, основывая наши фактические продажи на имитационных моделях, которые строил ваш друг Таро. В то время такие сделки приносили менее полупроцента от общего объема продаж, но к первому числу прошлого года они достигли уже тридцати двух процентов из расчета на двенадцать месяцев.

– Ух ты! – восхитился я.

Да кого это волнует? Тут последний день Помпеи на дворе, а рыжего беспокоят прибыли. Как-то не очень человечно. Хотя, если подумать, рост до тридцати двух процентов – это прост...

– Как говорит Ларри, программа отлично работала до той поры, пока на рынке не стали играть на повышение.

– Она хорошо прогнозировала обвалы, – закивал Бойл. – Почти все наши прибыли, полученные благодаря этой работе Таро, связаны с продажами крупных фондов перед кризисами.

– На мой взгляд, так и должно быть, – сказал я.

– Вы занимаетесь фьючерсами на зерно? – спросил Бойл.

---

³⁶⁴ Глава Кодекса США о банкротстве.

– Верно, – ответил я.

– Ну что ж, – ухмыльнулся он, – значит, вы в одной лодке с нами.

Я мотнул головой, выражая согласие.

– Но знаете, часть разработок Таро запатентована.

– Мне это известно, – заверил я. – Я в своих сделках не пользуюсь ни одной из программ, созданных профессором. – С одной стороны, я слегка погрешил против истины, с другой – не имел привычки подписываться, за исключением обычных университетских исследовательских отчетов. Да и когда это было – еще до того, как мы впервые перешли на другую версию игры. К тому же Уоррен наверняка использовал кое-какие мои предложения, детали, которые я подсказал Таро в годы после первой встречи.

– Хорошо. Но мы говорили о серьезных проблемах, – сказал Линдси. – Вернемся к прежней теме. Кодекс предсказывает всякие неприятности, и они сбываются.

– Да. Но не все случаи, которые предлагает рассмотреть игра, реально происходят. Благодаря ей – по крайней мере до настоящего момента – люди не раз избегали неприятностей. Разве нет?

– Действительно? – удивился Линдси.

– Да. Поэтому есть надежда, что и с 4 Ахау будет то же самое, – уверил его я. – В более крупном масштабе. Если игра дает хороший результат, если она конкретизирует событие, то оно... избегаемо. – Есть такое слово или я его выдумал? – возникла у меня противная мысль. Да бог с ним. Валяй дальше, Джед. – В особенности тогда, когда предсказанный катаклизм носит антропогенный характер. То есть его причиной является человеческая деятельность. Это всего лишь последнее звено в цепи.

– Какой цепи?

– Причинно-следственной. Ну... короче, у нас есть способ увидеть сеть будущих катастроф с позиции игрока, находящегося в том времени и той точке пространства, в которых ведется игра.

– Если так, то все эти происшествия в конечном счете проистекают от одного и того же.

– Именно. Но дело не в том, что у них могут быть сходные особенности. Просто все они – часть общего процесса. Словно сражения одной долгой войны. Вот почему Кодекс не описывает никаких природных катаклизмов. Что касается прогнозов погоды, то тут игра ничуть не лучше гидрометеослужбы ВВС. Сфера игры – это мир человека.

– Значит, если бы громадный астероид упал на Землю или внезапно случилась бы другая аномалия... Что тогда?

– Я бы сказал, что это смешало бы все карты. Но майя ничего подобного не смогли бы предвидеть. Тот процесс, который они предсказывали, находится в развитии.

– Понятно.

– Дело тут не в том, что они вычислили диснейуорлдовский ужас. Просто они знали: приведен в действие некий механизм, и для того, чтобы он сработал, нужен центр, куда приходит много людей, и что он приблизительно должен располагаться в таком-то месте, и вот, в конкретные сроки...

– Но нам нужно знать другое, – перебил Бойл. (Заткнись ты, жопомордый, подумал я.) – Позволит ли версия игры с девятью камнями предотвратить светопреставление?

Глаза Линдси на секунду задержались на Бойле, а я в это время украдкой посмотрел на Марену. В ее взгляде читалось: да, Бойл скотина, он вонзит нам нож в спину, да что там, пристрелит нас издалека, но так, чтобы это можно было списать на кого-то другого, а потом...

– Вероятность очень высока, – произнесла Марена. – Никто не может дать стопроцентной гарантии, но, как сказано в докладе, две сторонние лаборатории проверяли математические выкладки Таро и обе подтвердили, что результат представляется им весьма правдоподобным.

– Давайте рассуждать так, – поднял я руку. – Та версия игры, которой мы пользуемся сейчас, на основе четырех камней, дает довольно точные прогнозы на три дня вперед.

Вариант с девятью камнями позволит улучшить результат в тысячу двадцать четыре раза, так что с точки зрения заблаговременного извещения...

– Давайте согласимся с этим, – подвел итог Линдси.

Последовала пауза. Он посмотрел на Марену. Я тоже. Она подняла глаза на Линдси. Я перевел взгляд на него.

– Значит, они давным-давно знали, как это делается. А мы не знаем, – вздохнул он.

Я кивнул. Пригубил горячего шоколада. А-а-а. Пресноват, но лучше, чем ничего.

– Это требует огромного мастерства. Верно? Некогда ваш народ имел преимущество перед всеми. Майя в то время могли выбирать себе будущее. Так?

– Пожалуй, – сказал я. (У меня что, пенка на верхней губе осталась?) – Они процветали очень долгое время. Но вечно это не могло продолжаться.

Марена поймала мой взгляд. Побольше напора, сказали ее глаза. Идиот.

– Вот к этому-то я и веду, – произнес Линдси. (Быстренько и по возможности незаметно я облизнул верхнюю губу нижней.) – Если майя знали так дьявольски много, то почему они не подчинили себе весь мир?

– Вероятно, одного знания для этого недостаточно, – предположил я. – А может, и покорили бы весь свет, если бы не утратили сноровку в игре.

– Почему?

– Ведь игра – штука особая. Наверное, они слишком уж пытались ее засекретить. Не хотели, чтобы другие люди черпали воду из этого колодца, – ответил я. – Но вы же знаете, технологии не вечны. Вот, скажем, жители Тасмании десять тысяч лет назад владели гончарным искусством, умели строить каноэ, плести рыболовные сети и много чего еще. Но ко времени их первого контакта с европейцами все эти навыки пропали. Тасманцы разучились даже разводить огонь. Им приходилось ждать, когда молния ударит в дерево, а потом они растаскивали угли.

– Это как сегодня: никто теперь не знает, как правильно делать лимонад к мороженому, – хохотнул Линдси. – Верно?

– Определенно, – кивнул Бойл.

– А еще, – добавил я, – у древних майя, скорее всего, были совсем иные приоритеты. Может, они не хотели завоевывать мир.

– И сегодня не все этого хотят, – усмехнулась Марена. – Вот я, например, не хочу.

– Ну и ладушки, – сказал Линдси.

Он оттянул манжет на левой руке и посмотрел на часы – серебряный «Ойстер перпетьюал»³⁶⁵ на коричневом ремешке телячьей кожи. Слово не желая глядеть на цифровой дисплей перед ним, который, как и все компьютерные часы в последнее время, синхронизировался с цезиевыми часами в Национальном институте стандартов и технологии в Боулдере, штат Колорадо. Точность их хода – пикосекунда за столетие. Но Уоррен не желал поступаться привычками и сверялся с неизмеримо менее точным механическим устройством, принцип действия которого не изменился с восемнадцатого столетия. Я увидел, как минутная стрелочка движется от двойки к тройке. Наконец он уяснил, который час.

– Ну, – поднял он голову, – нам, пожалуй, пора. – Он снова посмотрел на меня. – Полагаю, мы еще обговорим это позднее.

– Отлично, – сказал я.

И чуть было не сморозил глупость, но меня спасла Марена.

– Джед, я должна все же оправдать свое присутствие здесь – это займет пару минут, – произнесла она и подтолкнула меня к двери.

Неужели она прямо сейчас проведет голосование по моей кандидатуре?

– Одну секундочку, – произнес мне вслед Уоррен. – Позвольте дать вам копию этой

---

³⁶⁵ «Ойстер перпетьюал» – одна из дорогих моделей часов фирмы «Ролекс», предназначена для ныряльщиков.

штуковины. Я их теперь раздаю, как орешки, ничего не могу с собой поделать. Отец всегда гордится первенцем.

С небольшой кипы на столе он снял маленький кейс свиной кожи и раскрыл его. Внутри находилась электронная книга, на экране которой он расписался чем-то похожим на швейцарский армейский нож,³⁶⁶ да еще со стилусом. Линдси протянул книгу мне.

– Спасибо огромное, – поблагодарил я.

Его роспись была темно-синего цвета с золотыми искорками, постоянно пробегающими по ней, словно загорающиеся и гаснущие лампочки перед входом в старинный театр, поэтому мне потребовалось несколько секунд, чтобы прочесть название ниже подписи.

Командный дух™

Тайны обучения от Моисея, Иисуса, Ломбарди и Джексона.

Собранные здесь вечные мудрости, касающиеся командной работы, помогут вам не только в области конкуренции, но и в семейной и духовной жизни

Автор – Линдси Р. Уоррен, международный предприниматель

Предисловие профессора, доктора наук Стивена Кови

Я начал прокручивать текст, чтобы показать, как мне интересно. Одна из глав называлась «Как обуздать власть боли». В углах то и дело появлялись маленькие объявления, рекламирующие аудиовизуальную версию книги, переработку ее для детей, сублиминальные версии, аналогичные обучающие материалы, курсы, семинары, духовные курорты, корпоративные сборы, мотивационные постеры, индиевые энергетические браслеты и большой выбор чего-то, называющегося «побудители». Догмы для догматиков, подумал я. Легкие ответы для новых людей. Как обуздать власть самообмана...

– Господь вас благослови, – сказал Линдси.

Прежде чем уйти, мне снова пришлось поломать правую руку, прощаясь со всеми присутствующими. Потом я крадучись прошел по пустым залам. Черт, думал я. Они меня ненавидят. Я выглядел как настоящий rapisongo.³⁶⁷ И говорил как два rapisongos. Они голосуют за Сика. Черт, черт, черт.

ВИП-ложа была пуста. Откуда-то из громкоговорителя все еще журчал голос Анны-Марии, рассказывающей о том, что в прежде счастливом и веселом (предположительно) городе Орlando теперь царят смерть и запустение. «Но длительные социальные и экономические последствия... только начинаются», – сообщила она. Я подошел к окну. Ух ты, это место просто хрен знает что. Здесь можно разместить два солт-лейкских космодома и еще останется место для Тадж-Махала и «Пиццы Хат». Линия фуникулера шла вровень с нулевой линией поля, а потому последнее казалось отсюда абсолютно симметричным. Из-за оптической иллюзии представлялось, что этот огромный овал наклонен к тебе. Я хлебнул еще шоколаду, поставил кружку и оперся руками о столешницу, пытаюсь успокоиться. ¿У ahora que? Ну и что теперь?

– Эй, – раздался голос Марены у меня за спиной.

Даже не успев оглянуться, по ее интонации я понял: получилось. Меня взяли, подумал я. Я увижу это. Я там. Я был доисторическим австралопитеком, который в 2001 году поджаривает бедро Заратустры. Я был Марией Кюри, которая, прищурившись, разглядывает малую частичку ярче солнца. Я ощущал себя новым Прометеем. Ах, какое чувство!

---

³⁶⁶ Швейцарский армейский нож помимо клинка имеет ряд дополнительных инструментов: отвертку, штопор и т. п.

³⁶⁷ *Здесь* : старый осел (исп.). (Прим. ред.)

Я повернулся. Марена держала вверх оба больших пальца.

(19)

Мексиканский Кампече – это желтый город на берегу залива с другой стороны полуострова Юкатан. Калле 59 была узкой раскаленной улочкой, набитой автобусами и пропитанной запахами сточной канавы. Из сооружения, отдаленно напоминающего лавку, несло то, что теперь называли музыкой ракьяно (а это, на мой взгляд, в основном «Ozomatli»³⁶⁸ с ритмом четырехста ударов в минуту). Я вошел и купил четыре упаковки по шесть банок тамариндо от «Шасто»,³⁶⁹ пять пакетов de la Rosa malvaviscos, а иначе пастилки, пять больших свечей и пачку сигарет «555», все это в настоящей оберточной бумаге, как в прежние времена. Я вернулся на улицу, пересек ее и открыл маленькую дверь на южной стороне Iglesia de San Francisco.³⁷⁰ Фасад и большая часть нефа были построены в 1694-м, но церковь недавно перекрасили, наверное, уже в сотый раз, а потому казалось, словно стены покрыты березовой корой. Внутри стоял прохладный каменный свечной запах мирры, и я непроизвольно окунул руку в купель и перекрестил сердце. И надеюсь умереть,³⁷¹ подумал я. Меня зовут Иисус, я Сын Господень, вот тебе мой хер – возьми и отсоси. Тишина! Треклятое детство с его воспитанием. Падре Мануда по-прежнему околачивался у алтаря, возился с новой звуковой системой (купленной, должно быть, на наши деньги), но главный усилитель у него находился слишком близко к висящему микрофону, и когда он брал высокую ноту, гулкое эхо вибрировало в розоватых каменных стенах. На меня он не взглянул. Я прошел мимо пары древних монахинь в колпаках и с большими белыми нагрудниками – их осталось только двое из когда-то многочисленной сестринской общины Бедной Кларес. Судя по той информации, что мне удалось собрать, орден за последние несколько сотен лет был почти вытеснен из бизнеса, потому что его апологеты отказывались идти на компромиссы в вопросах послабления аскетических правил. Эти дамы отличались большой стойкостью, всю жизнь проводили в молчании, преклоняя колени на каменном полу, ели одну овсянку и предавались лесбийским утехам. Кроме старушек в храме молились лишь две цоцилианки в шерстяных шарфах, хлопчатобумажных уипилях,³⁷² удивительно белых с зелеными и красными изображениями жабы и владыки земли. Повседневная одежда. Под сводами летали туда-сюда четыре облезлых голубя.

Я прошагал по нефу ко второму трансепту и остановился перед довольно новым ретабло,³⁷³ изображающим святую Терезу Авильскую, которая, как я, кажется, уже говорил,

---

³⁶⁸ «Ozomatli» – музыкальная группа, созданная в 1995 году и исполняющая латинскую музыку, хип-хоп и рок.

³⁶⁹ Тамариндо – традиционный мексиканский напиток. «Шасто» – компания, выпускающая напитки.

³⁷⁰ Церкви Святого Франциска (*исп.*).

³⁷¹ Отсылка к известной песне «Cross my heart», где есть такие слова: «Перекрещу себе сердце и надеюсь умереть».

³⁷² Уипили – традиционные туники, которые носят женщины майя, сапотексов и других народностей Центральной Америки.

³⁷³ Ретабло – латиноамериканский аналог иконы.

была патронессой игры жертвоприношения. Еще она покровительствует шахматам и спасает от головной боли, а потому свободного времени у нее, наверное, не бывает. Я нанизал одну из свечей на штырек, зажег ее зажигалкой «зиппо», которую подарил мне Отзынь, а рядом с первой положил четыре других свечи. После этого я направился в правый трансепт и зашел в маленькую боковую часовенку.

Это помещение занимал гроб, покрытый растрескавшейся кремовой краской, на нем лежала крышка со вделанными по сторонам окошками. «El mero ataúd della santísima abadesa Soledad», по формулировке священника, – «подлинный гроб благословенной аббатисы Соледад». Как выяснилось, она являлась кем-то вроде неофициальной местной святой. Ну что ж, нас здесь всего двое... Я присел на корточки, и хотя у меня с монахинями всегда возникали проблемы еще со времен моего пребывания у Сестер милосердия, мне пришлось подавить в себе внутренний позыв встать на колени. Стекло перекошилось за столетия, но через него все еще можно было разглядеть маленькую сморщенную голову, как у пятилетнего ребенка, оплетенную паутиной, с желтой, похожей на тесто для штруделя кожей, натянутой на выступающие серые зубы. Мне хотелось вскочить и убежать, но я победил минутную слабость с помощью старого приема, который у меня называется «фигня все это». Ты просто должен убежденно повторять про себя: «Фигня все это, весь мир дерьмо». Даже к специальному дыханию прибегать не нужно.

Покинув часовенку, я прошел за ограждение алтаря, а потом и за сам алтарь. Нет, я и в самом деле идиот, думал я. Ну ведь не голову же они мне морочат. Зачем им это нужно? В особенности таким сложным способом. И все же уверенность не повредит. Это как бы пробный прогон, подумал я. Контролируемые условия. Ерунда. Нечего бояться. *Guarde sus pantalones.*³⁷⁴

В конце южного трансепта была маленькая стальная дверь, я по-хозяйски открыл ее и оказался в покоях священника. В дальнем конце маячил выход во дворик, там располагалось крыло, которое когда-то служило *Convento de la Orden de las Damas Pobres.*³⁷⁵ Этот путь я проделывал мысленно несколько раз. Поднявшись на второй этаж и преодолев восемнадцать маленьких неровных ступенек, я очутился в низком длинном коридоре с пятью дверями на каждой стороне.

Перед кельей номер четыре, ссутулившись, сидел Гргур и тыкал пальцем в клавиатуру военного на вид ноутбука. На нем были тенниска и цвета сероватой морской пены широкие брюки от Ральфа Лорена³⁷⁶ – ни дать ни взять ассистент менеджера круизной линии. Я махнул ему, он кивнул в ответ и улыбнулся. Я рад, что он с нами, подумал я. От него тут становится светлее. В коридоре здесь и там торчали всякие штуковины, включая два тридцатидюймовых монитора, два ящика, похожие на громкоговорители, четырехфутовый стальной штырь с рукояткой и два приспособления на треногах, напоминающие тарелки обычных радаров, – полые плексигласовые параболические зеркала дюймов тридцати в диаметре, с большими цилиндрическими коробками в пузырьковой пленке для установки микрофонов. Обойдя Гргура, я вошел в крохотную белую комнату. Несмотря на открытое оконце, через которое внутрь налетели мухи, жара тут стояла как в сауне. Обстановка так себе: кушетка, новое дешевое распятие на стене, электрокардиограф и стойка для внутривенных вливаний. Ужас. Опа. Сочетание стойки, кушетки и белых стен вызвало у меня в памяти палату в больнице Святого Кристобая, где я лежал в шестилетнем возрасте...

Выкинь это из головы.

---

³⁷⁴ Держите свои трусы (*исп.*). (*Прим. ред.*)

³⁷⁵ Обителью ордена нищенок (*исп.*).

³⁷⁶ Ральф Лорен – американский модельер одежды и предприниматель.

В келью набилась куча народу. Таро и его Эшли, то есть та, которую они называли Эшли-2 (а не Эшли Тью, как я думал поначалу), отличая ее от других Эшли, сидели на полу и занимались рабочей станцией, а Марена и доктор Лизуарте разговаривали в нише перед окном. Хич, оператор и режиссер (мы его так прозвали, потому что он был честолюбив и напоминал нам молодого Альфреда Хичкока в испанском варианте), прилаживал микрофон к верхней планке дверного косяка. Я принялся предлагать купленную в лавке жрачку, но все отказывались. Тогда я вытащил последнюю оставшуюся коробочку «шасты» со специальным автоматическим охладителем («¡Está frigorífica!»³⁷⁷ – гласила надпись), и я думал, что напиток окажется лишенным прежней остроты... но нет! Он по-прежнему сохранил жгучее, горьковатое послевкусие, какое у него было в эпоху холодной войны и полета «Аполлонов», этот замечательный шлейф основных эфирных масел и альдегидов, сохранявшийся, пока специалисты по ароматам не стали слишком большими умниками. Разве в Штатах теперь купишь что-либо подобное? Доктор Л. сказала, что пора начинать. Что ж, раз настало время... впрочем, какая теперь разница.

Я сказал «давайте».

Ой! Ой! Хватит. Будь ты, бога ради, мужчиной. Я снял обувку и сел, скрестив ноги, на кушетку. Наверняка ее поставили там же, где стояло старое ложе, да и распятие, думаю, висело на месте распятия сестры Соледад, когда она умирала здесь. Конечно, в некотором роде наш выбор являлся излишеством. Какая в том нужда, непонятно. Точка в реальном пространстве (интересно, что это такое), где некогда находилась эта келья, отстояла от нас на миллионы миль, и теоретически я мог оставаться и в Стейке, и в лаборатории в Орландо, не важно. Но пришлось согласиться с общим мнением: чтобы получить хороший результат, должны совпадать место на планете, объем кирпичей и штукатурки вокруг, дворик за окном и шум города. Хотя, конечно, в древности тут было больше овец и коз, чем людей. К часу мы подгадали, но вот со временем года не вышло.

– Вы не возражаете, если я буду здесь? – спросила Марена.

Я пробормотал, что не возражаю, мол, сам любил смотреть, как моя матушка ощипывает цыплят.

Правда, Марена вряд ли разобрала мои слова. Я услышал угрожающее жужжание у меня за головой, почувствовал *repente*.³⁷⁸ Доктор Л., презрев ножницы, врезалась в мои гиацинтовые локоны машинкой для стрижки так, словно управляла маккормиковской³⁷⁹ жаткой.

– Как вы договорились с падре Cual-es-su-nombre?³⁸⁰ – спросил я.

– Настоящий геморрой, – буркнула Марена. – Мы предложили им столько денег, что можно было купить весь этот говенный городишко, а они не пожелали брать.

– Городишко и без того им принадлежит, – возразил я.

– Нам пришлось позвонить его боссу и пожертвовать на школу.

– Вы беседовали с Господом?

– Нет-нет, мы говорили с этим попугаем, с кардиналом, – сказала она. – Бог наверняка согласился бы и на половину. Заведение назовут школой Непорочного Зачатия Благодатной Святой Девы с классами от первого до двенадцатого. Или как-то в этом роде.

– Какое расточительство.

Доктор Лизуарте закончила левую сторону.

---

377 «Охлаждено!» (*исп.*) (*Прим. ред.*)

378 Резкое движение (*исп.*).

379 «Маккормик» – американская фирма, выпускающая сельскохозяйственное оборудование.

380 Как там его (*исп.*).

– Да. Причем после этого нам еще пришлось выставить два ящика «Эль торосо».³⁸¹

На все это дело ушло минуты две. Я испытывал слабость, но не потому, что чувствовал себя Самсоном или слишком веровал во все эти индейские заморочки с волосами, просто мой шлем в виде страусиного яйца был пущен на ветер.

– Готово, – доложила Лизуарте.

Я прикоснулся ко лбу и осторожно повел рукой вверх. Моя ладонь ползла как «Луноход-3». В самые дальние пределы...

– Слушайте, вы прекрасно выглядите, – раздался голос Майкла Вернера.

Он вошел не постучав. Вполне в его духе. Я поблагодарил его. Он похлопал меня по спине. Черт бы тебя драл. Кретин. Слишком уж тут много теплых тел. Майкл спросил у Таро, как дела. Таро ответил, что все готовы. Доктор Лизуарте сказала, что через десять минут. Происходящее становилось для них рутинным действием.

– Итак... для пробы? – произнес Майкл в камеру своим телевизионным голосом. – Добрая сестра отдала Богу душу во время службы третьего часа, то есть около девяти утра двадцать восьмого ноября тысяча шестьсот восемьдесят шестого года.

«Разве на телевидении нужны развязность и неуважительность?» – спрашивал я себя. Ocho ochenta,³⁸² кретин. Этот тип – полный идиот. И всегда таким останется.

– Перед смертью она почти месяц не покидала эту келью, – продолжал он. Точнее, продолжал нести чушь. – Но двадцать четвертого Соледад была в сознании, потому что в этот день подписала завещание, в котором значились три пункта. Как известно, сестра готовилась принять последнее причастие двадцать седьмого. Иных сведений у нас нет, и если мы начнем показ в час дня двадцать пятого – думаю, успеем в самый раз.

Ну да, как же, «мы». Что за самовлюбленный тип. Ты ведь уже не на Популярном археологическом канале.

– Между заутреней и всенощной, когда монашки молятся в одиночестве, теоретически никого другого тут не должно быть.

– Будем надеяться, – вздохнула Марена.

– Я буду пальпировать ваш череп, – сказала доктор Лизуарте.

Я не возражал, но попросил ее не трогать мой кумпол. Она тем не менее занялась пальпацией. Странно ощущать чужие пальцы на своей голове. К ней не прикасался никто, кроме моей матери. Я тогда был совсем маленьким. Перед моим мысленным взором вспыхнуло воспоминание: я сижу у нее на коленях, а она гладит царапину у меня на лбу, втирает в нее пепел, чтобы остановить кровотечение. Лизуарте спросила, можно ли сделать мне инъекцию и начать обратный отсчет. Нет проблем, ответил я. Пали, Флэш.³⁸³ Она развернула два шприца. Не безыгольных. Я напрягся. Как и у большинства гемофиликов, у меня айхмофобия, то есть страх перед заостренными предметами.

– Так, – произнесла она. – Пожалуй, пока достаточно сорока миллиграммов аддералла.³⁸⁴

– Отлично, – улыбнулся я.

Но не стал говорить, что для меня это все равно что чашечка зеленого чая.

Лизуарте протерла дезинфицирующим тампоном мою правую ногу выше колена изнутри и всадила иглу. Ого! Теперь я получу 3,8 кубика проханса.³⁸⁵ Это раствор

³⁸¹ «Эль торосо» – вид текилы.

³⁸² Восемьдесят восьмого (*исп.*). (*Прим. ред.*)

³⁸³ Флэш – один из супергероев американских комиксов.

³⁸⁴ Аддералл – название лекарственного средства, являющегося нейромедиатором.

³⁸⁵ Проханс – контрастный агент, используемый при магнитно-резонансной томографии.

парамагнитного контрастного вещества. Благодаря ему самые слабые микроявления в твоём мозгу громко и отчетливо заявляют о себе на экране, как трещинки на губах Анджелины Джоли.

– А теперь откиньтесь назад, – велела она.

Я послушался. Под моим хрупким черепом спружинила дешевая лечебная подушка. На мне были позаимствованные треники КОНКАКАФ³⁸⁶ и футболка с рисунком из «Нео-Тео», и я уже чувствовал свою абсолютную уязвимость. Она спросила, в самом ли деле я готов высидеть шесть часов. Я ответил «да». Она поинтересовалась, не нужно ли мне в туалет. Нет, благодарю. Если понадобится – скажу, подумал я. Да что там, ты у меня банку будешь держать. Любопытная сука. Тоже мне, Клара Бартон,³⁸⁷ волчица Красного Креста.

– Хорошо, – кивнула Лизуарте, – сейчас я закреплю несколько позиционных электродов.

Раздалось шипение, и я ощутил холодок над затылком.

– Вам они нужны? – обратилась ко мне Марена.

Она спрашивала про мои волосы, которые предусмотрительно собрала. Я сказал, что нужны, спасибо, хочу набить ими куколку – амулет самоубийцы.

Лизуарте и Эй-2 напялили на меня что-то вроде купальной шапочки (сделанной из той ткани, что получают на основе старых лимонадных бутылок и которая, как я думаю, невидима для электромагнитных лучей) и открыли большой кейс «Зеро Халлибертон».³⁸⁸ Марена помогла им вытащить портативный магнитоэнцефалограф – толстое, покрытое эмалью металлическое кольцо размером с крышку от мотороллера, с двумя кабелями. Мы называли эту штуку «туалет», поскольку, когда просовываешь в нее голову, у твоих мозгов начинается понос. Да и с виду энцефалограф ничего особенного не представлял. Что там говорить – ни один из находящихся здесь предметов не производил впечатления высокотехнологичного устройства. Мне запомнилось одно выражение Таро: девяносто процентов используемых в лаборатории технологий существует с 1970-х, и они с ребятами просто слили все это воедино. Большое кольцо положили на подушку, затем натянули мне на голову и закрепили ткань под ней с помощью пены, отчего нижняя сторона бублика теперь нависала прямо у меня над бровями. Лизуарте спросила, не давит ли, я ответил, что давит именно так, как нужно. Она подключилась к системе и врубила питание. Возник непрерывный гул, издаваемый электромагнитами, которые начали движение внутри кольца со скоростью триста восемьдесят миль в час. Прежде, примеряясь к этому аппарату, я опасался, что в стальной поверхности обнаружится каверна и в результате какая-нибудь мелкая штучка вылетит изнутри прямо мне в глаз, но пока металлической начинки во мне не появилось. Эй-2 подтащила треногу, утяжеленную мешками с песком. На ее поворотном кронштейне был закреплен большой монитор на светодиодах. Эшли расположила его под распытием и повернулась ко мне.

– Вы видите экран?

– Хотелось бы поближе, – сказал я. Она пододвинула треногу и изменила угол наклона монитора. – Вот так хорошо.

Мое серое вещество отображалось на экране прозрачными слоями, словно ручная кладь, просматриваемая сканером в аэропорту.

– Таро? – раздался голос Марены. – Вы включились?

---

386 КОНКАКАФ – Конфедерация Северной, Центрально-Американской и Карибской ассоциаций футбола.

387 Кларисса Харлоу Бартон (1821–1912) – одна из первых американских учительниц и сестер милосердия.

388 «Зеро Халлибертон» – американская фирма (в 2006 г. продана японской компании «ACE Co. Ltd»), изготавливающая чемоданы главным образом из алюминия.

- Мы уже посылаем несущий сигнал, – ответил он.
– Как вы себя чувствуете? – поинтересовалась Лизуарте.

Она несколько часов назад дала мне арипипразол и ламотригин,³⁸⁹ предположительно для ясного, но не навязчивого мышления. Я не был уверен, действуют ли эти лекарства, но заверил, что чувствую себя лучше некуда.

– Мы сканируем, – произнесла Лизуарте.

Я поднял вверх большие пальцы.

– Все будет в порядке, – успокоила меня Марена. – Помните, главное – мотивация.

– Да-да, – сказал я.

– Ставлю на вас мой бюстгальтер.

– Класс.

Гм, что ж, звучит заманчиво, наводит на размышления. В последние несколько дней мне казалось, что мы с Мареной очень близко подошли к пределам страны Эроса. Но я все больше склонялся к тому, что мы приближаемся к этой границе асимптотически и, возможно, никогда ее не пересечем. Этого не случилось раньше и неизвестно, случится ли когда-нибудь... Сей факт с каждым днем становился все более мучительным для меня.

– Я начну ТМС с вашей левой полусферы, – проговорила Лизуарте.

Она имела в виду транскраниальную магнитную стимуляцию, которая создает магнитное поле в определенных частях мозга. Предположительно активизируются и другие его участки, что позволяет лучше рассмотреть их структуры.

– Хорошо, давайте-ка теперь все отсюда, – сказала Марена. – Спасибо.

Таро и все остальные вышли. В течение нескольких следующих часов в келье будем лишь мы трое: Марена, Лизуарте и я. Но другие участники эксперимента, конечно, прилипнут к экранам и станут сыпать идиотскими советами.

– Ну, – встряхнула головой Марена. – Хотите начинать?

Конечно, согласился я. И попросил, чтобы тестовые вопросы читала она, а не докторица. Команда ППС (то есть протокола передачи сознания) не возражала: пускай, мол, ведь все это так или иначе делается в его (то есть в моих) интересах. Впрочем, наши коллеги хотели сделать прогон нового полевого оборудования до главного события. Конечно, если аппаратура не работает, то мы не получим никаких сведений. Это может означать, к примеру, что сестра Соледад была слишком больна, чтобы двигаться. Однако даже в случае неудачи нужно продвигать проект дальше. А если все выйдет на славу, то выгоды с точки зрения психологии (по заверениям первоклассных психиатров Уоррена) будут громадными.

Я устроился поудобнее на кушетке. Лизуарте накрыла меня тонким одеялом – теоретически, насколько я понимаю, это поможет мне расслабиться. Ммм. Вообще-то я уже немного поплыл. Я сосредоточился на распятии, пытаюсь настроиться на средневековый лад. У пластикового ИХ набедренную повязку распирало изнутри. Помучься за меня, ты, страстное, страстное божество. Прими удар копьем в грудь. Прими гвоздь в плюсну. Отдайся этой деревяшке, священная шлюха. Ты был плохим богом. Пососи мою губку, Царь жидовский. У-у-ух! Мой Бог, мой Бог. Земля и в самом деле сотрясается, могилы разверзаются, и члены мертвых святых восстают и набухают! У-у-ух, я раздваиваюсь. Сверху донизу. О-о-ох! О-о-о...

– Ну, начали, – произнесла Марена. Она жевала свою никотиновую резинку, но при этом могла говорить ничуть не шепелявя. – Вы можете нам сказать, что делали вчера?

Я ответил.

– Хорошо. Самарканд – столица чего?

– Казахстана.³⁹⁰

---

³⁸⁹ Лекарства арипипразол и ламотригин являются успокаивающими и антидепрессантами, используются при лечении психических заболеваний.

³⁹⁰ Столица Казахстана – город Астана. (Прим. ред .)

На экране безмолвные зеленые кривые, словно заоблачные молнии, метались между грозowymi фронтами венстромедиальной коры моего мозга.

– Который теперь час?

– Восемнадцать минут второго.

– День?

– Пятнадцатого марта две тысячи двенадцатого года, 7 Тростника, 6 Темного Яйца. По китайскому календарю сегодня двадцать третий день второго...

– Достаточно. Какие сегодня новости?

– Значит, так. ФБР арестовало ребят из сапатистской группировки «Дети Кукулькана» – этакого майяского «Народа Ацтлана»³⁹¹ из Остина. А это, на мой взгляд, объясняет строки из Кодекса, где сказано: «Мы несем вину». Возможно, ДК на одном из митингов взяли на себя ответственность за диснейуорлдский ужас. С другой стороны (если верить Отзынь), этот тип, подкоманданте Карлос, который вроде возглавлял организацию, а раньше входил в «Энеро тридцать один», заявил, что ДК не имеют к этому никакого отношения.

– Ну, – одобрила Марена, – что еще?

– «Светлячки»... я хочу сказать, около восьми тысяч человек, подвергшихся воздействию полония, вышли из карантинного лагеря и теперь разместились у границы округа Колумбия. В Белом доме пригрозили, что будут останавливать демонстрантов и не допустят их появления на Большой лужайке. Так, секунду... говорят, что, согласно оценкам, в запретной зоне присутствует пятьсот фунтов полония двести десять, туда без защитного костюма долго еще никто не сможет пройти. Но в стране нехватка защитных костюмов, потому что большая их часть отправлена в Пакистан, а восемьдесят процентов оставшегося в Штатах – брак. Вот... масса видео с изображением мертвых тел, и правительство пытается закрыть YouTube, чтобы люди не видели этого, а АСГС³⁹² вчера подал иск в суд, чтобы подобные сведения стали публичными. Некоторые съемки просто... просто ужасны.

Я имел в виду ролик о «Мегаконе», снятый на основном выставочном этаже гигантского зала. Кто-то освободил центральную часть от кабинок, и около двух сотен человек, приехавших на съезд, умерли там все вместе, лежа плотной массой, поскольку умирающие ищут поддержки, соприкосновения с другими людьми. Как и большинство тел, эти застыли в мучительных конвульсиях, рты были открыты, черты искажены гримасами ужаса. Похоже, все они страдали чрезмерной полнотой, причем приблизительно половина из них оставались в костюмах орков, гиперборейцев, клингонов³⁹³ и прочих фантастических героев, отчего картина приобретала какой-то средневековый вид, словно вы видели гору перебитых врагов Тамерлана в степи... Здесь горел зеленоватый флуоресцирующий свет, и когда изображение давалось крупным планом, были видны зажатые в руках всякие штуки типа волшебной палочки Гарри Поттера, амулетов ситхов³⁹⁴ и других талисманов. Камера не скрывала ни опухших лиц, ни ползающих по ним мух, казалось, от экрана струится запах разложения...

– Что еще? – спросила Марена.

– Так... семьи жертв требуют, чтобы им выдали тела, но власти и общественное мнение на сей счет категорически возражают, говоря, что трупы станут источниками полония.

---

³⁹¹ Ацтлан – мифическая прародина ацтеков; «Народ Ацтлана» – одна из организаций сопротивления индейцев; Кукулькан – верховное божество майя.

³⁹² The American Civil Liberties Union (ACLU) – Американский союз гражданских свобод.

³⁹³ Вымышленная цивилизация воинов из фантастической вселенной «Звездного пути».

³⁹⁴ Ситхи – злодеи из «Звездных войн».

Предлагают отправить в запретную зону роботы-экскаваторы и, может, несколько священников в демроновых³⁹⁵ костюмах, чтобы захоронить погибших на каком-нибудь участке внутри зоны.

Я замолчал, Марена тоже не произносила ни слова, видимо, люди в Стейке в этот момент наблюдали, как высвечиваются участки моего мозга, и не хотели вводить новые возбудители.

– Еще... еще выступали паникеры из АОС,³⁹⁶ – продолжал я. – Они утверждали, что любые действия поднимут слишком много пыли и лучше всего оставить весь этот район как есть, пусть здания стоят наподобие памятников. Другая фракция, насколько я понимаю, хочет как минимум снести постройки и срубить деревья, потому что очередной пожар приведет к распространению полония. Хотя сейчас наконец восторжествовала идея держать в готовности пожарную авиацию, чтобы оперативно гасить новые очаги возгорания. Что же касается тел, то конгресс Флориды готовит билль под названием «Помпеево решение». То есть пошлют в зону команды по ликвидации чрезвычайных ситуаций в специальных костюмах, эти люди будут пластинировать³⁹⁷ тела по методу, предложенному фон Хагенсом,³⁹⁸ к примеру, а поверх нанесут золотую краску или иное консервирующее покрытие и оставят в таком виде. А потом, когда в ветре не будет радиоактивных частиц, туда начнут возить родственников умерших на дирижаблях и устраивать символические воздушные похороны. Хотя это и представляется мне нелепицей, но...

– Ладно, далее? – перебила Марена.

– Так, аятолла Разиб говорит, что эта атака предсказана в Коране. Тед Хаггард³⁹⁹ утверждает: это наказание за федеральный закон, разрешающий однополые браки. Опубликован официальный список погибших от отравления, во время беспорядков и при пожарах. Число жертв – около сорока пяти тысяч. В трети юго-восточных штатов все еще действует военное положение. Вчера вечером в Тампе много людей было избито... по этническому признаку. Наверное, когда они пришли в себя, то обнаружили, что сильно побледнели...

– Я хотела узнать, какие еще новости из Диснейорлда.

– Ага, сейчас посмотрим... В Бангладеш гражданская война. Террорист Хасани, которого поймали в прошлом месяце, оказывается, смертельно болен, и общественность просит приговорить его к телесному наказанию. Так. Сегодня президент подписал временный отказ от Женевской конвенции, от протоколов, что вполне может быть реализовано. Ммм. Июльские контракты на зерно подскочили на тридцать процентов, а текущие контракты по золоту на уровне тысячи шестисот за унцию. И...

– Отлично. Я хотела сказать, хватит. Новости не так уж хороши. Говоря «отлично», я имела в виду ваши реакции.

– Спасибо.

– Ладно. – Она посмотрела на свой телефон. – Корень квадратный из девятнадцати?

– Четыре целых и, постойте... после запятой три, пять, девять.

– Я думаю, это настолько сексуально, что для вас не составляет труда.

---

³⁹⁵ Демрон – ткань, блокирующая радиацию.

³⁹⁶ АОС – Агентство по охране окружающей среды.

³⁹⁷ Пластинация – метод в анатомии для сохранения внешнего вида тела или органов живых существ.

³⁹⁸ Гюнтер фон Хагенс (р. 1945) – немецкий анатом.

³⁹⁹ Тед Артур Хаггард (р. 1956) – американский евангелический проповедник, основатель церкви «Новая жизнь», лидер национальной ассоциации евангелистов.

– Да? Приятно слышать.

Я был несколько озадачен. К чему бы это? Разводим флирт? Я совсем не прочь наведаться в ее проходимую «кротовую нору».⁴⁰⁰ Или она специально меня подзуживала? Немного ввести в смущение, немного возбудить? Может быть. Нет, за этим народом нужен глаз да глаз. Они хитрожопые...

– Как формулируется первый закон метафизики Кири-Кин Та?⁴⁰¹ – спросила она.

– Что? – не понял я.

– Как...

– Секундочку, – сказал я. – Я помню... ничто не реально. Или как-то так.

– Ничего нереального не существует, – подсказала она.

– Именно. Черт.

– Я зачитаю вам ряд существительных, – продолжала Марена, – мы хотим, чтобы вы их запомнили и записали, когда будете на месте.

– Хорошо.

– Ботинок... ластик... золотая рыбка... череп... воздушный шар... тачка.

– Принято, – произнес я.

Я держал в голове послание для самого себя, с которым я должен выступить, о котором я никому не говорил, которое никогда не произносил вслух, – гудиниевский код жизни после смерти: Розабель, верь.⁴⁰²

– Хорошо, – кивнула Марена. – А теперь мы уберем ваш... хм... чудный портрет и покажем кое-какие картинки. Итак, первое изображение. – Во всем великолепии подробностей, обеспечиваемых светодиодным экраном, появился Рональд Рейган в кадре из фильма «Дорога жеребцов».⁴⁰³

– Это что-то пугающее, – сказал я.

Моя миндалина, вероятно, выдавала сигнал «Опасность! Опасность! Опасность!».

– А теперь отвечайте, когда я буду спрашивать. – Картинка сменилась на видеоролик: гусенок, переваливаясь, шел за гусыней. – Какого цвета на вас носки?

Я немного затормозил, но потом до меня дошло. Не то чтобы вопрос имел значение. На самом деле нередко вспышки сильнее, когда вы не знаете ответа, то есть нейронные цепи функционируют интенсивнее...

Опа. На экране большая коричневая ласка (или горноста́й, не уверен) прокралась в кадр и разорвала четырех из шести гусят. Мать-гусыня, хлопая крыльями, носилась вокруг этого смертоубийства и отчаянно кричала. Черт.

– Так, – сказала Марена. – Давайте еще раз пробежим послание.

Я согласился. В сотый раз мы повторили то, что нужно записать, на чем записать, где оставить.

– Хорошо, – улыбнулась она. – Расскажите мне о псе со свалки.

«Что?» – поразился я.

Опа. Откуда она знает? Я эту историю никому не рассказывал. Может, набормотал ее во сне, когда проходил один из электроэнцефалографических тестов в Стейке. Или они опоили меня амобарбиталом.⁴⁰⁴ Вот скоты.

---

⁴⁰⁰ Метафора из области физики: различают проходимые и непроходимые «кротовые норы».

⁴⁰¹ Кири-Кин Та – один из персонажей «Звездного пути».

⁴⁰² Из песни британской певицы и композитора Кейт Буш, посвященной магу Гудини.

⁴⁰³ «Дорога жеребцов» – фильм Джеймса В. Керна и Рауля Уолша (1947), романтическая мелодрама.

⁴⁰⁴ Амобарбитал – снотворное средство.

– Джед?

– Извините, – промямлил я. – Я не... того... это не...

– Знаю, – сказала она. – Вопрос задан врасплох. Но все равно отвечайте.

Последовала пауза. Ну ладно, подумал я и начал рассказывать, как мои приемные братья поймали собаку, у нее не было передних лап – одни обрубки, а из них торчали сухожилия, что псина таращила глаза от ужаса, но, пока я ошивался у клетки, где заперли калеку, она немного успокоилась. Я пытался открыть цифровой замок, найти правильную комбинацию цифр, но у меня ничего не получилось, потом ковырял его отмычкой, и опять не вышло. Тогда я решил отогнуть тонкие прутья решетки. Ну а затем снова их выпрямить, чтобы братья не заподозрили меня. Но в восемь лет еще плохо справляешься с проблемами из курса механики, к тому же клетка фабричного производства, сделанная специально для перевозки свиней, отличалась прочностью. А пес со свалки точно понимал, что я хочу его вызволить.

Поначалу мне было нелегко говорить об этом, в особенности еще и потому, что я ненавижу всякое сюсюканье, и в голосе у меня появились хрипотца, монотонность, но, видно, фармакологический коктейль, которым меня напичкали, развязал мне язык. Я рассказал Марене, что купил бутылку «маунтин дью» и налил немного в желобок, обитый жестью, а пес припал к нему и принялся лакать, опираясь на свои обрубки, а потом благодарно, с надеждой посмотрел на меня добрыми собачьими глазами, они у него даже увлажнились. Я дал ему пакетик соленых крендельков «ролд голд», предварительно соскоблив с них соль, мне самому они ужасно нравились, а псина махал облезлым хвостом и тряс ушами. Затем я долил ему остатки «маунтин дью», он с радостью прикончил газировку, доверчиво поглядывая на меня. Бедный калека, казалось мне, наверняка считал меня хорошим и сильным и верил, что я выпущу его, а он станет моим верным телохранителем, преданным другом и даже без передних лап сможет неплохо бегать, всюду будет со мной. Я трогал его мягкую морду, а он лизал мои расцарапанные руки, воображая своими собачьими мозгами домашнее тепло и уют, а его губчатый нос был сухим и горячим, но не таким сухим, как вначале. Я пробовал то и се, пытался согнуть нижний брус куском металла, но тщетно. Наконец я упал на спину и заплакал, глядя на порезы под ногтями, на костяшки пальцев, разодранные в нескольких местах. Было ясно: если я не потороплюсь домой и не залеплю ранки специальным пластырем, то потеряю слишком много крови. Я почесал пса со свалки за ушами и сказал, что мне нужно уйти, но я вернусь, а ты жди, хорошая собачка, и по пустым парковкам, освещенным белыми дорожными фонарями, побрел домой в отчаянии столь глубоко, что и словом это не передать, словно я обломал зубы о твердыню вечную.⁴⁰⁵ В такие мгновения отчетливо видишь, будто сквозь оттаявший под твоим пальцем просвет на замерзших очках, как ужасен мир, в котором правит насилие и который вечно разочаровывает невинных, превращая их надежды в дерьмо. Я закрыл за собой дверь, но в ушах у меня стоял вой пса со свалки по другую сторону дороги, не столько собачий вой, сколько рыдания, – так плачет двухлетний ребенок, еще не умеющий терпеть боль. И еще...

– Ладно, хватит, – сказала Марена.

Возможно, Лизуарте сообщила ей через наушники, что они наконец получили нужную им активность моей лимбической коры. Наконец-то Джед Михок де Спок демонстрирует настоящие чувства.

– А теперь начнем стиму. – Она имела в виду нейронную стимуляцию.

Я сказал «валяйте» и закрыл глаза. Десять секунд все оставалось в норме, а потом последовала вспышка зеленого света.

– Я вижу зеленое, – сообщил я.

– Хорошо, – проговорила она.

Прошло еще десять секунд, и я услышал стук капель.

---

⁴⁰⁵ Исайя, 26:4.

– Начался дождь, – сказал я.

Еще я отметил, что кто-то зажег палочку сандалового дерева. Потом я понял, что это, вероятно, один из стимов.

– Благовоние, – определил я.

– Верно, – подтвердила Марена.

Звуки, запахи, образы возникали и пропадали. Скрипки играли в соль миноре, прозвучала музыкальная фраза из Второго концерта для фортепьяно Прокофьева. Поплыл аромат корицы, смешался с вонью горячей резины (кто-то воздействует на мои височные доли, подумал я), а потом сладковато пахло прелыми листьями или старыми влажными книгами. Я увидел лицо Сильваны. Почувствовал зуд в груди и укол в ребра. Мелькнули лица людей, которых я не помнил, но, вероятно, знал. Появилась моя мать. Она улыбнулась. Медленно выткался пугающий рисунок деревянных волокон на дверях нашей комнаты в доме Одегардов, я всегда воображал, что это какой-то inferнальный козел в галстук-бабочке. Я вспомнил оранжевый тонковский⁴⁰⁶ экскаватор, который откопал на свалке и играл с ним дни напролет. Подумал об одной из первых своих рыбок *Glossolepis incisus*. Я назвал ее Дженеросо. В один прекрасный день она стала ершистой и агрессивной и убила самцов радужниц, потом всех самок, а после этого умерла сама. Память высвечивала факты, забытые напрочь с момента своего свершения. Станным образом эти кадры словно проматывались назад без соблюдения последовательности, а позднее возвращались, их как бы сначала нарезали, а потом клеили на новые места и принялись прокручивать заново на моем жестком диске. Я временами чувствовал себя сторонним наблюдателем и почти воспринимал себя другим «я», тем, кто окажется в конце семнадцатого столетия, и тут оставалось лишь надеяться, молиться злобным и одновременно призрачным божествам, чтобы не застрять там навеки. Пусть это буду не я, пусть не я пойду, пусть я останусь здесь, потому что тому, другому «я» назад пути нет.

(20)

Может, имеет смысл внести тут кое-какую ясность.

Вы, конечно, знаете, как тот же Кирк или Боунс⁴⁰⁷ проходят через телепортатор. Их сначала здесь копируют и разлагают на составные части, а потом информационный луч отправляют в пункт назначения, и посланника там реинтегрируют из местных атомов. И вы начинаете думать: эй, постойте, вовсе не обязательно разбирать на детальки нашего капитана. Почему не опустить этот этап? Ну будут два Кирка, и один из них останется на капитанском мостике. И вообще, кому нужна телепортация, если есть дублирование? Да создайте вы армию Кирков, чтобы на каждом корабле звездного флота было по одному.

В Керровом пространстве использован схожий принцип. Когда я лежал на кушетке с этой штуковиной на голове, меня не расчекрыжили на молекулы, не вышибли сознание и даже не усыпили – изменений произошло не больше, чем если бы меня щелкали фотоаппаратом. Невзирая на все стимулы и психотропные аппараты в организме, я находился в полном сознании и даже мыслил относительно ясно. Причем ничего не чувствовал.

---

⁴⁰⁶ «Тонка» – американская компания по производству игрушек.

⁴⁰⁷ Кирк и Боунс – персонажи сериала «Звездный путь».

Вернее, ничего не ощущало «я», которое осталось здесь после того, как сделали снимок. А вот с фотографией Джеда де Ланды (гораздо менее везучей его версией) творилось то же, что с гипотетическим вторым Кирком, оказавшимся на поверхности планеты перед ромуланами. Этого Джеда, отнюдь не счастливица, заперут в теле увядающей, покрытой гнойниками старухи. Черт. Вероятно, смерть от оспы – штука довольно неприятная. Может, ей дадут опиум. Нет, вряд ли. Тот Джед попал так попал, подумал я. Извини, Другой Джед. Но мы должны это сделать.

Конечно, на промежуточном этапе второй де Ланда будет всего лишь некой схемой, не имеющей возможности осознать себя. Он представлял собой всего лишь код, записанный специальным протоколом, первое П от ППС – протокола передачи сознания, первоначально разработанный для проекта «Когном человека»⁴⁰⁸ и в некоторой мере сходный с ассемблером высокого уровня. Поскольку код передавался цифровым способом, можно было сказать, что он представляет собой число – пусть более триллиона, но такое же целое число, как и любое другое.

На протяжении шести часов ЭЭГ-МЭГ-сканер будет снимать трехмерное кино о поведении моего мозга – электрические и химические процессы, запущенные всеми этими вопросами и ответами. Каждый нейрон генерирует характерный для него скачок напряжения, а в результате химических реакций образуются некоторое количество тепла и инфракрасное излучение. Каждый из микропроцессов анализируется программой, выявляющей источник его возникновения, и привязывается к определенному месту. Потом он маркируется и сортируется по местоположению, силе, времени (делает это один из ящиков в коридоре) и интегрируется в математическое пространство, которое накладывает электрофизиологические сигналы на матрицу биохимической и метаболической информации. И наконец все это перекодируется в поток данных. Такой код предположительно должен отображать все, что проходило через мой мозг, мусорный мешок размером с Альпы, – воспоминания, настроения, привычку все подсчитывать и рационализировать, разнообразные и ошибочные представления о себе и все остальное, что создает иллюзию личности, а это, уж вы поверьте мне на слово, не больше чем иллюзия, притом не всегда убедительная. Затем приблизительно двести триллионов бит информации, составляющей мое сознание (мой ай-ди и эго, ну давайте назовем это СОС – Само-О-Сознание), направляются в два хорошо экранированных усилителя сигнала мощностью 2,4 гигагерца (те самые штуковины, что похожи на громкоговорители) и по параллельным оптоволоконным кабелям по коридору и по маленькой черной лестнице вверх – на маленькую трансляционную тарелку на крыше. Эта тарелка передает СОС на межсотовый спутник связи «Спартак» (перепрофилированный благодаря каким-то безумным связям в Пентагоне), а оттуда на ретранслятор около Мехико. А затем по обычным спутникам связи код попадает в сверхвысокоскоростной сверхпроводимый суперколлайдер – новый кольцевой ускоритель, имеющий длину окружности в 14,065 км, находящийся неподалеку от ЦЕРНа⁴⁰⁹ на француско-швейцарской границе. Данные записываются на жесткие диски в комплексе коллайдера, где в общей сложности может храниться шесть сотен триллионов бит информации.

Это гораздо меньше, чем общее количество в четыреста квадрильонов бит, которые выйдут из моего мозга за шесть часов. Так, мы, значит, споткнулись на проблеме хранения информации. Вообще-то на всей планете не нашлось бы ресурса для эдакой массы сведений. Для этого понадобились бы винчестеры с памятью более двадцати миллиардов пятисот тысяч гигов. Часть проблемы состояла в том, что информация являлась цифровой, а не

---

⁴⁰⁸ Проект, во многом параллельный проекту «Геном человека»; его цель – реконструкция человеческого мозга с привлечением таких наук, как биология, нейробиология, психология и др.

⁴⁰⁹ ЦЕРН (CERN) – Европейский центр ядерных исследований.

аналоговой. Единственным вместилищем, способным воспринять такой объем, был человеческий мозг. А мозг, который нас интересовал, высох несколько веков назад. Поэтому требовалось уловить его в тот момент, когда он все еще работал.

Я уверен, вы знаете, что за последние сто лет, а в особенности за минувшее десятилетие, о путешествиях во времени говорили очень много. Может, это объясняется тем, что люди видят: в конечном счете некоторые стародавние прогнозы научной фантастики сбываются. Получив чудесные компьютеры, космический туризм, хирургических нанороботов, книги, музыку и видео мира, собранные в одном кармане, всю эту немощную искусственную жизнь, панели невидимости, крионику, теледилдонику,⁴¹⁰ светящихся в темноте лабрадудлов,⁴¹¹ человечество привыкло к мысли, что ученые скоро разгадают, как преодолеть время. Неудивительно, что появилось множество мошенников от науки. Это похоже на алхимию в Средние века. Тогда предлагали: «Дай мне тысячу медных сольдо, и ко Дню святого Долдона я превращу их в золото девяносто девятой пробы». Теперь же обещают: «Еще один миллиард долларов – и ко времени вашего Ай-Пи-О у вас в офисе будет Клеопатра».

Но к сожалению, время довольно крепкий орешек. Вернее, не время, а прошлое. В будущее попасть легко – с помощью той же сегодняшней крионики. Но если ты хочешь отправиться в другую сторону, то сталкиваешься с двумя крупными проблемами.

Первая – конечно, парадокс дедушки. В течение некоторого времени это противоречие пытались обойти созданием параллельных миров. Ты мог вернуться в прошлое и делать там что угодно (даже убить своего деда), и твое будущее становилось иным, отличным от того, из которого ты пришел. Словом, все были счастливы. Но и с этим возникали недоразумения. Например, если у тебя есть много миров, из которых ты можешь выбирать, то почему не отправиться в параллельное пространство, где все распрекрасно – скажем, там ты покупаешь Google в 2004-м, у молочного шоколада всего одна калория на унцию, и никакого Билла О’Рейли⁴¹² в помине нет. Но главное – дело не в этом. То есть в соответствии с самыми убедительными и экспериментальными данными и теорией бесконечного числа миров просто не существует. А если бы они и существовали, то попасть в них было бы невозможно. Энергия настоящего, излучаемая из черных дыр в прошлое, выходит именно в наше прошлое. И даже если этот мир не единственный, вряд ли найдется много других. Что вовсе не означает исключительности нашей Вселенной. Когда мы рассматривали данный вопрос на одной из летучек, Марена сказала: «Это все равно что один эпизод с Чиком Чезбро,⁴¹³ да и тот с плохим концом». Хотя никто из нас, включая меня, не понял, к чему она так выразилась. Таро сформулировал ответ немного лучше, он вспомнил девиз физического факультета: «Множественные миры: дешево в теории, дорого в действительности». То есть когда вы затрудняетесь получить уравнение, чтобы выйти в нуль, то всегда можете сказать: «Остаток, должно быть, застрял в каком-нибудь другом мире». Мало того что это пустая отговорка – кто-то еще неизменно решает подобные уравнения, пренебрегая этим самым остатком. Так умирает мечта о множественности вселенных.

Другая большая проблема, связанная с путешествием во времени, состоит в

---

⁴¹⁰ Теледилдоника (или кибердилдоника) – электронные секс-стимуляторы, управляемые посредством компьютера.

⁴¹¹ Лабрадудл – порода собак, полученная скрещиванием лабрадора и пуделя.

⁴¹² Уильям О’Рейли (р. 1949) – американский телеведущий и политический комментатор, работает на канале «Фокс».

⁴¹³ Чик Чезбро – персонаж фильма «Вечерний дозор» (режиссер Билл Коркоран, 1990), полицейский, работающий под прикрытием.

следующем: все, что вы отправляете в прошлое, почти со стопроцентной вероятностью рискует подвергнуться спагеттификации. Найти или даже создать черную дыру не так уж и трудно. А в черной дыре энергия постоянно возвращается назад во времени. Или, если конкретнее, время внутри черной дыры течет иначе, чем в остальной Вселенной, фактически у него противоположное направление, и именно поэтому черные дыры в конечном счете исчезают. В настоящий момент энергия далекого будущего извергается из сингулярностей, которые не так уж и далеки от Земли. Пользы в том не много. Хотя и не исключается вероятность уронить что-нибудь в черную дыру, чтобы оно автоматически изверглось в определенной точке нашего прошлого, сей предмет окажется на выходе безнадежно раздавленным на атомном уровне и преобразованным в чистую энергию. Это означает, что переслать в прошлое информацию на обычном носителе невозможно. Если вы бросите туда энциклопедию, то получите только массу света и тепла, которые не несут никакого смысла.

Однако... почему бы не отправить в прошлое ничто – нечто, не имеющее массы. Энергию.

На сверхпроводящем суперколлайдере черновой поток информации моего СОС преобразовался в волновую карту. Она сжала сигнал, сократила расстояния между волнами, и масса информации, для загрузки которой потребовались часы, на другом конце должна выйти всего за сорок секунд. Гамма-излучатель выстрелил основанным на волновой форме потоком энергии в Керрово пространство, воображаемый идеальный круг, который находился в центре тора, образованного коллайдером. Поток прошел по кольцу приблизительно шестьсот тысяч раз, ускорившись до такой степени, что центробежная сила привела к его срыву в тангенциальный туннель, где специально сконструированное электромагнитное устройство продуцировало и удерживало миниатюрные «кротовые норы» Красникова.

Прошло четыре года с того времени, когда ребята на Большом адронном коллайдере сообщили о создании микроскопической черной дыры. Сделать «кротовую нору» несколько проще. У черных дыр есть горизонты событий – а это настоящий геморрой. У «кротовых нор» они отсутствуют, зато имеются два входа (и вам нужны оба), у черных же дыр – только один. И чтобы не дать им исчезнуть на протяжении длительного промежутка времени, в особенности вблизи поверхности земли, необходима энергия, эквивалентная энергии нескольких солнц.

Поддерживать и питать «кротовую нору» гораздо легче, чем черную дыру. Но даже для обычной «норы» (если уж так ее называть) вам понадобятся современнейшая техника и огромное количество энергии. Простейшая «нора», скажем, шварцшильдовского⁴¹⁴ типа, в пространстве и времени $R^2 \times S^2$ выглядит так: $ds^2 = -(1-r_s/r)dt^2 = (1-r_s/r)dr^2 + r^2 d\Omega^2$, где Ω есть параметр плотности и где $r_s = 2GM/c^2$, а $d\Omega^2 = d\theta^2 + \sin^2\theta d\varphi^2$. Конечно, M это масса тела, G – гравитационная постоянная, φ – долгота в радианах, r – радиальная координата, а d – расстояние. Так что в любом случае, если вы в течение какого-то времени будете ее подправлять, то увидите: на ее вход воздействуют громадные приливные силы, и если не будет противоположно направленной энергии, то дыра разрушится.

На самом деле это часть системы «черная дыра – белая дыра». Но в варианте Красникова мы имеем метрику Керра $ds^2 = \Omega^2(\xi)[-d\tau^2 + d\xi^2 + K^2(\xi)(d\theta^2 + \sin^2\theta d\varphi^2)]$, где Ω и K есть гладкие положительные четные функции, а $K = K_0 \cos\xi/L$ при $\xi \in (-L, L)$, $K_0 \equiv K(0)$, и K постоянна при больших значениях ξ . Так что система очень, очень стабильна. Она статична, сферически симметрична, удовлетворяет условию слабой энергии, ей не требуется экзотическая материя. Да что там говорить, поначалу она даже не похожа на «кротовую нору», но если вы преобразуете координаты в такую форму: $r \equiv B^{-1}\Omega_0 \exp B\xi$ при $t \equiv B\tau$, то можно сделать ее какой угодно плоской простым увеличением величины r . А затем свернуть в пригодную к употреблению «нору» длиной $\Omega_0 L$ и радиусом горловины, равным $\min(\Omega K)$.

⁴¹⁴ Карл Шварцшильд (1873–1916) – немецкий астроном и физик.

Конечно, чтобы она имела достаточную ширину для прохождения космического модуля, вам придется бросить в плавленную топку несколько планет. Но чтобы создать и сохранить (то есть не допустить ее провала в ядро земли) маленькую разновидность, не требуется громадных затрат энергии. Самая узкая часть этой крохи лишь немногим шире, чем атом водорода. Но пока она превышает величину единичного фотона, информация по ней может проходить. Пульсирующие гамма-лучи (хотя фактически они состоят из волн самой разной длины, и некоторые ближе к спектру жесткого рентгеновского излучения, чем гамма-лучи, но мы будем называть их так, потому что это звучит на этакый ретроманер времен космических операций холодной войны) будут направляться во вход «кротовой норы», сжиматься в горловине, а потом разворачиваться под углом, который осветит маленькую комнатку сестры Соледад в кинофильме моего сознания.

Но из-за флуктуаций квантов, для того чтобы поддерживать «нору» такого размера открытой хотя бы несколько микросекунд, потребуется энергии больше, чем может обеспечить суперколлайдер. И самое большое открытие лаборатории состояло в том, что делать это необязательно. Вы могли просто создать в том же месте новую «кротовую нору». А точнее, на той же предсказуемой кривой на гиперповерхности Коши.⁴¹⁵ А потом еще одну и еще одну. Гамма-лучи, в которых закодировано мое сознание, будут фазироваться, чтобы попадать поочередно в каждую из последовательных «нор», а на выходе выстроятся в нужной точке на кривой пространства-времени, то есть в прошлом.

Вообще-то немного хитрее следующий этап, подразумевающий создание углов. Эй-2 (она имела ученую степень по экспериментальной физике, полученную в Пхоханском⁴¹⁶ университете науки и технологии) сказала, что на это ушло больше человеко-часов, чем на все другие элементы системы Керрова пространства, вместе взятые.

Если вы просто будете сидеть спокойно, то через минуту окажетесь на расстоянии восьмидесяти пяти тысяч миль от той точки во Вселенной, в которой начался отсчет. Так что если луч, в котором закодирован мой СОС, появится в прошлом там же, откуда был выпущен, то это будет бог знает где, где-то между Солнцем и альфой Дракона. Тут без коррекции не обойтись. Конечно, GPS отправил координаты нашего точного местонахождения швейцарской команде, поэтому на данный момент не составляло труда узнать, куда мы переместились. Еще этим ребятам предстояло экстраполировать наше положение в прошлом, определить точку в пространстве и времени, в которой большинство атомов этой комнаты находилось 170 551 508 минут назад.

Сей процесс требует тонкой настройки с точностью приблизительно 10^{32} . Разумеется, сведения о координатах планеты в пространстве не уходят далеко в прошлое. Даже при использовании старых данных о солнечных затмениях и других цифр из астрономических архивов разброс значений для 664 года н. э. был слишком, слишком велик. Безусловно, Солнце тоже не стоит на месте. Как и Земля, оно сжимается и расширяется. Оно колеблется вокруг своего плазменного ядра. В него ударяют метеориты и космические ветра. Поэтому для точности, превышающей астрономическую, нашим спецам пришлось искать наиболее корректный способ передачи – в основном методом проб и ошибок. Они направили пучок энергии в центр большой колобашки свежеспиленного дерева, установленной на столе в подвальной лаборатории. Луч вышел пятью минутами ранее (в космосе точки входа и выхода разделяло несколько тысяч миль), и гамма-излучение воздействовало на изотопы углерода в сердцевине деревяшки, отчего те разлагались несколько быстрее, чем изотопы на поверхности. Приноровившись, экспериментаторы стали прицеливаться в более отдаленное прошлое и «стрелять» по историческим зданиям в старых горняцких городках и

---

⁴¹⁵ Огюстен Луи Коши (1789–1857) – французский математик, разработчик основ математического анализа, математической физики, работал и во многих других областях математики.

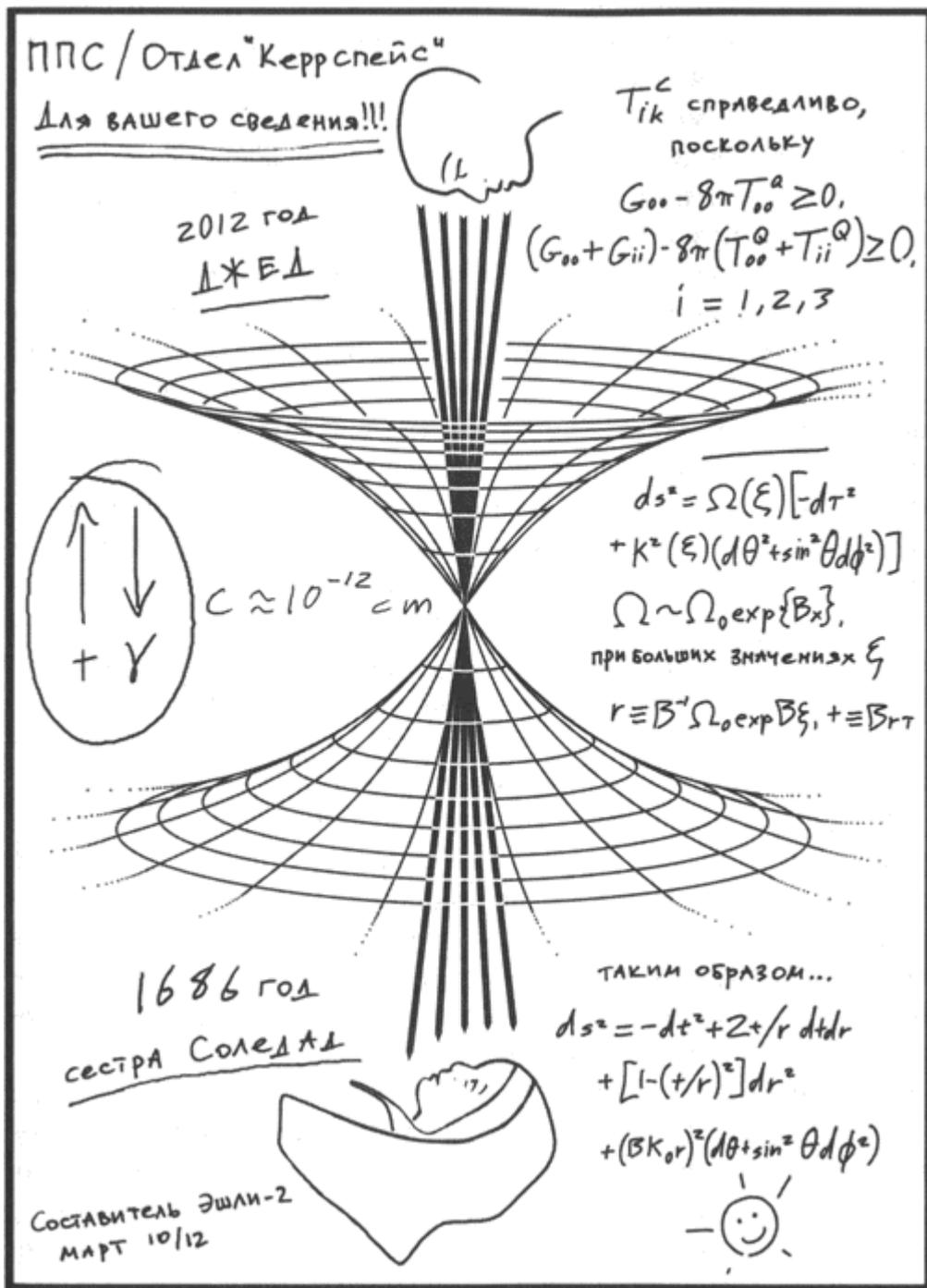
⁴¹⁶ Пхохан – город в Южной Корее.

заброшенных публо вокруг Брайс-Каньона, они облучали предполагаемую точку с такой интенсивностью, чтобы находящийся в фундаменте уран 238 наполовину превратился в свинец, отбирали высверливанием образцы, опробовали их, в большинстве случаев не получая положительных результатов, потом повторяли маневр, передвигаясь на несколько футов по фундаменту сооружения и на пару миллионов миль вперед или назад на пути Земли в космическом пространстве. В расчетах присутствовали всякие неустойчивые переменные. Даже тектоника (вы, наверное, думаете, что с этой составляющей не должно быть особых проблем) доставила нам хрен знает сколько хлопот. Как вам известно, внутри планеты плещется мезиво, что вызывает плохо предсказуемые вихляния при вращении. И если удалось справиться с этим, нужно еще принимать во внимание такие вещи, как дрейф континентов, эрозию, изменения уровня поверхности относительно ядра, орбитальные сдвиги, вызванные пролетом комет, и еще сотню других компонентов. Подобные же трудности возникали и с движением Солнца и галактики Млечный Путь. Тем не менее за два последних года команда получила довольно точное представление о том, где находилась наша планета в прошлом. Сделали они это, спроецировав воображаемую спиралевидную кривую с поверхности Земли в космическое пространство, за пределы Солнечной системы, Млечного Пути, ближе к центру нашей расширяющейся Вселенной.

К счастью, другой конец «кротовой норы» не должен находиться так далеко. Его не нужно грузить на космический корабль и везти, допустим, на Вегу. Отсюда, с Земли, его можно сориентировать таким образом, чтобы направляемая туда энергия выходила в различных точках космического пространства и времени. Вообще-то говоря, этот проект первоначально в 1988 году задумывался как часть космической программы НАСА. С 1990-х инициативу перехватил Уоррен, делая упор на исследовании перемещений во времени. На сегодняшний момент созданная программа (которая все еще размещалась на одном из больших серверов Эймсовского исследовательского центра НАСА в Маунтин-Вью, штат Калифорния) показывала, как попасть в любую данную точку на поверхности земного шара в точно заданный момент, произошедший много столетий назад. Это можно было сравнить с прицельным выстрелом из лука прямо в глаз тральфамадорийской⁴¹⁷ осы на дальней от нас стороне Титана. При условии, что все срабатывало, поток данных появлялся в нужном месте пространства в определенный миг – в нашем случае в келье сестры Соледад за три дня до ее смерти. Помощница Таро Эй-2 сделала на доске набросок, весьма доходчиво отображающий замысел, чтобы предъявить его на последней презентации Бойлу.

---

⁴¹⁷ Тральфамадориане – вымышленная раса, фигурирующая в нескольких романах Курта Воннегута.

Как и система Керрова пространства, протокол передачи сознания изначально разрабатывался не для временно й проекции. У него были весьма скромные корни, и развивался он медленно, на протяжении нескольких десятилетий. В 1980-х объектом изучения все еще оставалась планария, плывущая по простым лабиринтам в Иллинойском университете в Шампейне. Один плоский червь «запоминал» процесс, и ученые фиксировали импульсы из его маленького неврального узла, потом они передавали повторяющуюся комбинацию рентгеновских лучей, основанную на полученных записях, второму червю, и тот уже быстрее обучался проходить лабиринт. Цель заключалась в том, чтобы получить некую хирургическую методику, позволяющую таким образом видоизменить части мозга донора, чтобы облегчить их трансплантацию. Но в начале 1990-х в университете ставили эксперименты на макаках, а в 2002-м «Уоррен рисерч груп» провела первые испытания на человеке – на неизлечимо больных добровольцах в Индии и Бразилии. Два года назад уорреновские ребята осуществили то, что на их языке называлось последним опытом на человеке в реальном времени (первое из «предварительных испытаний»), о котором Марена

говорила в Стейке), и загрузили СОС Тони Сика в голову одного шестидесятилетнего гондурасца, умиравшего от рака желудка. Заметных потерь памяти, познавательной способности или личностных свойств Сика отмечено не было. По крайней мере, так утверждалось.

Я, однако, подозревал, что они занимались и другими подобными операциями, о которых мне ничего не сказали. Наверняка данные Сика отправили в мозг по крайней мере еще одного человека из прошлого. Но выведать ничего не удалось. «Некоторые вещи настолько противозаконны, что о них и знать никто не хочет», – отмахнулась Марена. Словно все прочие проделки, о которых мне стало известно в последнее время, считались пустяками – не более чем нарушениями правил уличного движения.

Наши фокусы и в самом деле дурно пахивали. Прежде чем начать работать с моим СОСом, швейцарская команда послала залп фотонов в комбинации, которая должна была абсолютно запутать сознание Соледад или, по словам Эй-2, «уничтожить серое вещество объекта». Очевидно, так называемые низшие функции ее мозга, сенсорные или моторные навыки, сохраняются в целости. Поэтому «смывная волна» не затрагивает ее «абстрактные воспоминания» (по лабораторной терминологии), семантические и пространственные способности, например умение говорить или спускаться по лестнице. Только ее эпизодические впечатления... то есть всякие случайные вещи. Наша деятельность в чем-то походила на фотографическую печать или изготовление голограмм. Голографический негатив представляет собой запись волнового фронта, где наряду с интенсивностью хранится и фаза светового сигнала. Каждая частичка такой пленки содержит полную картинку. И если вы разрежете негатив пополам и пропустите через эти половинки свет, вы все же увидите целое изображение, по-прежнему трехмерное, хотя и лишенное некоторых деталей.

Но чтобы воспринять это, нужен человеческий глаз. Вот и запись моего сознания являлась, как и голограмма, всего лишь матрицей, которую можно применить для перенастройки другой системы, а именно – чужого мозга. Повторюсь: на данном этапе развития технологий в этом качестве ничто иное не подходило.

Зато ни одна часть контента (я имею в виду собственный СОС) не нуждалась в интерпретации. Люди и программы, задействованные на передаче потока данных, обеспечивали его полноту, и только. Но мои закодированные воспоминания, хитросплетения связанных с ними мыслей и поступков никто не собирался расшифровывать – разве фотокамеру, снимающую лицо, интересуется, улыбается оно или нет? Поскольку интервалы между пиками каждой волны были точно синхронизированы с гиппокампальными реакциями (большинство долгосрочных воспоминаний проходят через гиппокамп⁴¹⁸), кора головного мозга воспримет эту информацию как внутреннюю.

Гамма-фотоны имеют сильный заряд и могут вызвать большие повреждения. Вот почему гамма-нож – такой востребованный инструмент в микрохирургии.⁴¹⁹ В данном случае хозяйка (как наши экспериментаторы ее называли; словно она нас приглашала) подвергнется облучению двумя звертами. Доза не то чтобы смертельная, но достаточно большая, чтобы разрушить опухоль или личные воспоминания – вроде того, как выглядел ее отец или в каком платье она ходила к первому причастию, – и вызвать к тому же антероградную амнезию.

В общем, мы в своих опытах недалеко ушли от убийства. Спланированного убийства, если честно.

Таро (не микробиолог, но человек разносторонний; он был в курсе всех проводившихся исследований) не зря назвал результаты первого эксперимента неоднозначными. Субъекты восприняли информацию, но не в полном объеме или же неправильно истолковывали

---

⁴¹⁸ Гиппокамп – часть головного мозга, которая участвует в формировании эмоций и консолидации памяти.

⁴¹⁹ Гамма-нож – установка для радиохирургии головного мозга.

индуцированные воспоминания, которые, возможно, еще и перепутались с нестертыми личными. Вероятно, этот несчастный гондурасец не понимал, то ли он – это он, то ли он – Тони Сик, то ли он вообще спятил. В прошлом году лаборатории, однако, удалось решить проблему за счет переизбытка информации. Мозг не записывает то или иное воспоминание или набор навыков в определенную точку. Данные распределяются по нескольким невральным слоям, а иногда даже по разным участкам коры. Поэтому мы могли посылать один и тот же гамма-пакет много-много раз. Если кусочек матрицы не закреплялся в конкретной части мозга Соледад, оставались неплохие шансы зафиксировать слепки моего сознания в другом участке при следующем залпе. Эта стратегия, кроме того, использовала имеющуюся у памяти особенность не делать перезаписи. То есть сразу после смывной волны нейроны пребывают в хаотическом, амнезийном состоянии и активно стремятся образовать новые связи. Но после того как микроучасток мозга воспринял воспоминание, оно в большей или меньшей степени оседает там, а следующее послание должно занять другое «вакантное» место.

Предположительно если обстреливаемый мозг здоров, то все необходимое для его освоения где-нибудь да запишется. Старая мудрость, утверждающая, что мы используем только десять процентов возможностей нашего мозга, не очень точна, тем не менее в нем достаточно места для восприятия новой информации. В любом случае, поскольку передача волн растянута на несколько часов, извилины Соледад не спекутся. Ее мозг подвергнется серии простых очаговых приступов (которые слишком локализованы, чтобы прервать сознание). Затем он образует новые связи, привыкнет к новым трафаретам. Стабилизируется электроэнцефалограмма. А в дальнейшем (в особенности в первые несколько часов, но и в последующие дни тоже) этот грандиозно сложный аппарат начнет избавляться от воспоминаний-дублей, чтобы освободить место для новых. Он будет нормально реагировать, обучаться и функционировать. Ведь и ваш спящий мозг анализирует сигналы, поступающие от сенсорных и моторных нервов, преобразуя шум в более или менее упорядоченное сновидение. Аббатиса обретет новые воспоминания, которые будут согласовываться с моими, и даже научится понимать мир, в значительной мере похожий на мой собственный. Скажем так: она начнет воспринимать себя как меня. Но ее перепрограммированный мозг никогда не станет точной копией моего. Соледад словно просмотрит мою детализированную кинобиографию, а потом, выйдя из зрительного зала, забудет свое прошлое и будет считать, что прожила мою жизнь.

Если все пройдет гладко, она даже не заметит разницы. Представляю, как она лежит на своей циновке, глядя на распятие, и постепенно события и впечатления уплывают из ее памяти. Лицо Соледад пылает все сильнее из-за увеличившегося тока крови по позвоночной и сонной артериям, по мере того как миллионы нейронов обстреливаются снова и снова... После короткого периода невральных взрывов наступит более длительная фаза угнетения, необходимая для восстановления. Дыхательная, пищеварительная и все остальные системы должны функционировать нормально, но сестра постепенно утратит представление о том, кто она, а потом даже способность говорить. Но вскоре нейроны образуют новые связи, подобно тому как уставшие мускулы восстанавливают прежнюю силу. И Соледад осознает себя совершенно иной личностью, с которой я, несомненно, нашел бы много общего, если бы нам удалось встретиться.

Конечно, я не увижу ее. Аббатиса проживет еще два дня, совершит несколько поступков (тайных, не упомянутых в историческом архиве) и в назначенный час покинет этот свет. Ее положат на стол в той одежде, в которой она умерла, не забальзамировав и не обмыв тела (в те дни невесты Христовы верили, что их присносущная невинность предохранит их от разложения), и целый год будут держать в хорошо проветриваемом помещении в *almacén*.⁴²⁰ Потом ее отнесут туда, где она лежит сегодня, и если Соледад

---

⁴²⁰ Амбаре (*исп.*).

смогла бы видеть своими впавшими высохшими глазами, то узрела бы через окошко в гробу силуэты дряхлых сестер в сводчатом проходе. Они ковыляют в часовню, преклоняют колени, плетутся назад, шурша своими одеяниями. Вот появляются другие монашки и священники, потом чужаки, потом люди в нескромных одеждах, они пялятся на нее, вместо того чтобы молиться. Однажды вечером поток странно окрашенного ровного света прольется к аббатисе из нефа, и так будет происходить каждый день. Свечей, которые прежде горели большую часть ночи, станет меньше, но они не исчезнут совсем. Минет череда лет, кажущихся бесконечными в своем однообразии, и однажды сестра Соледад увидит Марену, доктора Лизуарте, Гргура, Хича и меня – мы не очень уверенно войдем в часовню, чтобы осквернить ее тело.

– Ну, вы можете разбудить эту королеву? – спросила Марена у Гргура, который тащился сзади с Хичем, и повернулась к священнику. – Спасибо, святой отец.

Они установили галогеновый прожектор и направили его на ретабло, отчего вся готическая атмосфера рассеялась. Падре Пануда принес маленький раскладной стул и сел перед гробом. Потом достал связку ключей – их было около сотни на кольце толстой зеленой лески под рыбу фунтов в двадцать, – нашел нужный, открыл старый амбарный замок и попытался поднять темную дубовую крышку. Ничего не получилось, и тогда он встал и принялся дергать ее. Гроб приподнялся, но она осталась на месте. Хич вытащил маленькую монтировку из своего набора, однако и с ее помощью не решил проблему. Наконец Гргур обнаружил по паре старых гвоздей с квадратными шляпками в изголовье и изножье и вырвал их гвоздодером. Падре Пануда потряс гроб и приподнял крышку еще раз – она со скрипом открылась. Изнутри хлынула волна аромата, пахло сухим базиликом и увядшими розами. Священник заглянул внутрь сквозь это облако и отодвинул в сторону пару больших высохших букетов. Лепестки осыпались, и их крошево разлетелось повсюду.

– *Mejor hacemos nosotros esta cosa*, – сказала Марена на удивительно пристойном испанском.

«Пожалуй, эту часть мы лучше сделаем сами». Святой отец не стал возражать, снова благословил место и вышел. Мы втроем простояли минуту, глядя на тело.

– *Me da gábia*, – пробормотал Хич. В дословном переводе: «У меня от этого водобоязнь», что означало: «Мороз по коже». Я уловил движение его руки – он, видимо, перекрестился.

– Мы так или иначе должны были отправиться в ад, – произнес я.

– Эй, пусть-ка Джед попробует, – усмехнулась Марена, подражая старой рекламе овсянки «Лайф». – Он до чего угодно дотронется.

– Я могу обойтись и без этого, – буркнул я.

– Нет, правда, начинайте.

– Уверен, в рукаве у вас ничего не спрятано.

– Я знаю, но в самом деле... бога ради, начинайте уже. Правда, я серьезно.

– Хорошо, нет вопросов, – сказал я и присел на корточки.

Лизуарте, считая, что я все еще слишком нервничаю, сделала мне безыгольное впрыскивание нораэфрона, и меня теперь чуточку пошатывало. Я сунул руку в гроб, снял домотканую шерстяную материю сверху, а потом стал разворачивать юбки из хлопковой ткани кисейной разновидности. Они были маслянистыми, непрочными и рвались. Соледад мумифицировалась на воздухе, а потому под тканью ее кожа сохранилась довольно хорошо – почти темно-зеленая, она обтягивала маленький, изящный, абстрактный таз а-ля Генри Мур.⁴²¹ Я нащупал переднюю подвздошную ость, потом прошел вниз под углом сорок пять градусов, надавил на лонное сочленение и подвел под него два пальца. Я повсюду чувствовал жесткую шершавую кожу, а под ней тягучую, мясистую массу. Трупный

---

⁴²¹ Генри Спенсер Мур (1898–1986) – американский скульптор и художник, известен более всего своими бронзовыми уличными скульптурами.

жировоск. Я коснулся двух кожистых складок, напоминающих засохшие листочки денежного дерева, и ввел пальцы в вагину, преодолевая сопротивление трухлявой плоти. Бедняжка. Я, конечно, проделывал нечто подобное с одной-двумя зрелыми – назовем их так – женщинами наших дней, но таких рекордов, как в этот раз, мне ставить не приходилось... Расслабься, детка. Мой палец наткнулся на то, что сначала показалось мне копчиком, но потом я понял, что обнаружил предмет моих поисков, и обхватил его пальцами. Облегчение вкупе с тревогой насытили мою кровь, и я раздулся до пропорций того типа, что смотрит с рекламы покрышек «Мишлен». Я вытащил руку и покатал находку на ладони. Это была маленькая шестиугольная коробочка размером с кальциево-магниевую таблетку, почерневшая, изготовленная, видимо, из меди. К ней прилипли крошки трупного воска, и я соскреб их ногтем. На медальон не похоже. Наверное, игольница. Лизуарте раскрыла на расстеленном на полу полотенце увеличительное стекло с подсветкой, я положил на столик этого приспособления извлеченную мной штуковину и принялся ее рассматривать. Клейкая масса на краю – вероятно, печать из красного воска. Повозившись минуту с пинцетом и зубо-врачебным скребком, я снял крохотную крышечку. Внутри был черный свиток. Вроде металлический. Я извлек его, осторожно развернул, и мы увидели треугольную пластинку тонкой фольги размером с марку мыса Доброй Надежды.⁴²² Может быть, сестра оторвала кусочек от дароносицы? Нет, скорее это сделал я. Поначалу казалось, что на нем ничего нет, но когда я дохнул на него, проявились процарапанные иголкой линии – этакая дерганая смесь унциала⁴²³ и моего собственного корявого почерка левши.

И все. Что такое? «Tonto did». Тонто сделал. Что же сделал Тонто? И этих букв и цифр я тоже не знаю. Угу. Я не мог сказать, что я испытываю: разочарование, испуг или замешательство. У меня было ощущение, будто я вскочил на ноги после часа инверсионной терапии.⁴²⁴ Потом уже Марена рассказывала, что положила руки мне на плечи, потому что боялась, как бы я не упал на спину. Но я не почувствовал ее прикосновения.

– Всем поздравления, – объявила она после продолжительного, как я догадался позднее, молчания.

Я ничего не ответил.

– Джек? Вы в порядке?

– Да, – пробормотал я.

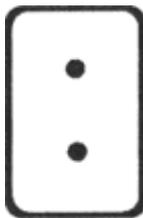
– А что случилось?

– Тут какие-то орфографические ошибки.

⁴²² Треугольная марка Капской колонии.

⁴²³ Унциал, или унциальное письмо, – один из типов древнего письма.

⁴²⁴ Инверсионная терапия подразумевает висение в лечебных целях головой вниз.

Нас провели через границу бесшумно, мы проползли, словно угри. Должен признать, что операция была проведена без сучка без задоринки, без шумихи, которую устроили бы военные. Кажется, я ничего еще не говорил о войне. Может быть, потому, что с политикой в Латинской Америке происходит все та же старая история. Если вкратце, то через три дня после атаки на Орландо Гватемала заявила, что Штаты перестали быть функционирующим государством и все соглашения, заключенные под давлением США и НАТО, следует пересмотреть «с учетом нового политического ландшафта». И выдвинула требование, чтобы Белиз в полном объеме наделил гватемальских инспекторов полицейскими функциями. Почему там присутствовали эти инспекторы, объяснять долго, но попробую в нескольких словах: гватемальские преступники, они же борцы за свободу коренного населения, находились теперь в Белизе в условиях подполья, а гватемальские власти хотели посадить некоторых из них на скамью подсудимых. Беда была в том, что Гватемала всегда рассматривала Белиз как свою двадцать третью провинцию и время от времени пыталась подтвердить это на деле.

Белизцы, естественно, ответили отказом и посадили инспекторов за решетку. Гватемала послала войска к границе, и 29 января белизская ракета комплекса «Эс-Эс-Эм»⁴²⁵ с боеголовкой, начиненной вакуумной взрывчаткой, упала вблизи гватемальской деревни в Петене. Белизское правительство сообщило, что от взрыва погибли пять солдат на заводе химического оружия. Противоположная сторона тоже подсчитала количество жертв – сто сорок два гражданских лица, находившиеся в школе. Гватемальский парламент объявил, что страна пребывает в состоянии войны. Несколькими неделями ранее в ситуацию, конечно, вмешались бы Штаты, но теперь они заделывали течи в собственном корабле. Когда мы собрались пересечь границу (в воскресенье, 17 марта), войнушка ограничивалась так называемыми спорадическими обстрелами около Бенк-Вьехо-дель-Кармен. В общем, ерунда собачья. Однако по данной причине теперь не только я не желал официально появляться в Гватемале. Может быть, если бы не мои проблемы, уорреновские хитрецы взятками (обманом, блефом) просочились бы через блокпост. Но вместо этого они решили действовать по старинке и перейти границу незаконно. Сначала планировалось провести пятерых из нас (Марену, Майкла, Гргура, Хича и меня), а на следующий день – остальных другим маршрутом. Встречу назначили у Сан-Кристоваль-Верапаса.

Мы находились в двадцати пяти милях к югу от Стейка в маленькой деревеньке, называвшейся Пусилха. Предположительно в поздний классический период здесь был важный город, но сегодня выглядело это местечко ниже среднего. Мы сидели на брезенте в сборном блоке, возведенном несколько лет назад археологами. Да, говоря «мы», я имею в виду нашу пятерку мохадо (незаконных эмигрантов) и Ану Вергару (она ничуть не изменилась: осталась той же девицей в зеленом берете, которая вывезла нас с островков во Флориде) со своим подчиненным, таким спецназовцем, которого звали... ммм, постойте-ка. Может, лучше будем придерживаться тонкой политики и не повторять имена малозначительных пособников наших преступлений. Мы ждали наступления темноты. Здесь стояли два стола, высилась стопка старых рамок для слайдов, валялось множество метелок и щеток. Майкл вытянулся во весь свой рост на брезенте и, казалось, собирался соснуть. Хич

---

⁴²⁵ «Surface-to-Ship Missile SSM-1» – японские ракеты типа «земля – море».

проверял свою технику. Марена болтала с Аной. Над нами пронеслись вертолеты – бля-бля-бля-бля-бля – с севера на юг вдоль границы. Ана еще раньше вручила мне тайвековый⁴²⁶ конверт, наполненный тем, что она назвала моими мертвыми детками, и я в свете моего телефона рассматривал их. Передо мной лежали потертый американский паспорт и приятно тугой старый бумажник дальнобойщика. Паспорт – настоящий, без всяких подделок – принадлежал некоему Мартину Крузу, реальному лицу – командированному корреспонденту, который теперь находился в Гватемала-Сити. На запоминание его биографии и избранных сочинений я потратил полдня. Я открыл бумажник. Там были две международные скретч-карты на пять тысяч долларов каждая, тулиевые карты «American Express», действующие флоридские водительские права на имя Мартина Леона, но с моей фотографией, 1555 долларов двадцатками и пятерками и 2400 гватемальских кетцалей (что составляло около двух сотен долларов, хотя я и не понимаю, как решились назвать столь бесполезную денежную единицу именем такой замечательной птицы⁴²⁷) и кое-какой карманный мусор, принадлежащий Мартину Крузу, – счета и квитанции такси, всякие ниточки и прочая ерунда. Наконец я вытащил международное журналистское удостоверение от журнала «Нэшнл джиографик». Ого, подумал я и позвал:

– Марена!

Она сидела в позе лотоса, но встала и наклонилась ко мне.

– Да?

– Понимаете, «Нэшнл джиографик» – это филиал ЦРУ.

– Да. И что? – спросила она.

– У меня тут от них журналистское удостоверение.

– Ну и хорошо.

– Я иногда задаю себе вопрос: что происходит?

– Что вы хотите этим сказать?

– Хочу понять, на кого мы работаем.

– Мы работаем только на Линдси, – зевнула Марена.

– Лично гарантируете?

– Да. Насколько мне известно. – Последовала пауза. – Послушайте, я уверена, что он заручился поддержкой госдепа, но совершенно точно: рыцари плаща и кинжала тут ни при чем. Да вы сами пораскиньте мозгами. Если бы кто-то важный в Вашингтоне знал о нашей ситуации, то наверняка бы нас прикрыл.

– Не уверен, – сказал я. – Они в последнее время делают много чего странного.

– Так ведет себя любое правительственное агентство.

– Я настроен против этих ребят из ЦРУ. Весьма и весьма против. Вы же знаете, что случилось. Они настоящие головорезы...

– Отлично, – буркнула она. – Тогда пошлите все это в жопу. Выйдите из игры. Откажитесь.

– Я не выхожу из игры, – запротестовал я. – Просто спросил, знаете ли вы наверняка...

– Наверняка я ничего не знаю, кроме того, что нельзя все время сомневаться. Ну и вообще – эта карточка вам понадобится, только если нас схватят, что вряд ли случится.

– Если Отзынь ее увидит, он тут же даст деру.

– Что ж, это его... слушайте, он же ваш друг. Вам лучше знать, как поступить.

– Да-да, конечно, – пробубнил я. – Забудьте об этом.

– Договорились.

– Только в его присутствии не упоминайте «Нэшнл джиографик», ладно?

---

⁴²⁶ Тайвек – плотный синтетический материал.

⁴²⁷ Кетцаль – тропическая птица, обитающая в Центральной Америке и имеющая необыкновенно яркую окраску.

– Я всем скажу, чтобы они забыли это название.

– Спасибо.

Мы уселись рядом. Вероятно, она права, подумал я. Должно быть, они знают, что делают. Я прочитал все, что нашел об «Административных решениях», – они были зарегистрированы в Южной Африке, но в последнее время большинство их операций проходило в Латинской Америке, где они охраняли нефтяные скважины и все такое прочее, а еще сотрудничали с агентствами по борьбе с распространением наркотиков. Может, Крус и писал время от времени в «Нэшнл джио», хотя подтверждения этому отыскать не удалось. Да и многие люди, которые работают на АР, не совершают ничего незаконного. Верно? К тому же мои документы, скорее всего, не будут иметь важного значения. Вот кто по-настоящему хорошо оснащен, так это Майкл Вейнер. Мне показали его бумаги. У него было полно писем и разрешений от различных гватемальских администраторов, включая министра внутренних дел. Я пришел к выводу, что часть этих цидулек куплена, часть – подделана.

АР собирались послать одну команду из четырех человек, чтобы провести нас через границу. После чего в качестве стандартной меры предосторожности нам предстояло выполнить обходной маневр – посетить праздник в Сан-Кристобаль-Верапасе. Там наблюдатели от АР выяснят, нет ли за нами хвоста. Мы должны были потолкаться несколько минут на площади, в самой толпе, а потом покинуть город и двинуться практически в обратном направлении. Когда мы окажемся в зарослях, нас догонят четверо охранников и еще шесть наблюдателей. Так что в операции будут задействованы не меньше девятнадцати человек, подумал я. Это те, о которых мне известно. Да, еще Отзынь, мой старый дружок из «Энеро 31», а он, как я уже говорил, темная лошадка. Он встретит нас сегодня вечером и все время будет оставаться со мной – как мой личный телохранитель. Я на этом настоял. Вот уже двадцать человек. Нельзя сказать, что совсем уж малочисленное прикрытие.

Ну ладно. Calmate que te calmo,⁴²⁸ подумал я. Удовольствуйся пока этим. Прими энергию волны.

– Извините, – сказал я.

– Все в порядке, – ответила Марена и отодвинулась на свой прежний участок брезента.

Черт. Выглядит она неплохо, подумал я. Все время после нашего эксперимента «Святая» я провел в Стейке, готовясь к проекту с названием «Чокула», а миссис Парк вернулась недавно – ездила на три дня в Колорадо к Максусу. Она посвежела за эти дни. На ней были жилетка типа «подруга Тарзана» и соответствующий ансамбль, который навел на мысли о древесном образе жизни в компании с Читой.

Мы слушали треск кузнечиков. Его тональность успокаивала, но мне казалось, что здешнему ландшафту чего-то не хватает. Марена вздохнула. Протянуть руку и прикоснуться к ней? Нет-нет. Сейчас она злится на тебя. И вообще, пусть птичка сама сделает первый ход. А если нет, то дело все равно безнадежно...

– Прошу внимания, – произнесла Ана. – Давайте проверим, как работают коммуникаторы.

Мы ввинтили их в уши. Предполагалось, что эта высокотехнологичная система шифрует все переговоры. Если бы кто и перехватил нашу болтовню, то услышал бы что-то вроде стоковой записи передачи о полиции. Истинное содержание понимали только те, чей приемник оснащался специальным чипом.

– ...Слышите меня? – раздался голос Аны Вергары в наушнике.

– Аска на связи, проверка, – сказала Марена.

– Пен-Пен⁴²⁹ на связи, слышимость хорошая, – проговорил я.

---

⁴²⁸ Спокойствие, только спокойствие (*исп.*).

⁴²⁹ Аска и Пен-Пен – персонажи аниме-сериала «Евангелион» (режиссер Хидэаки Анно, 1995–1996) и одноименной манги (публикуется с 1995 г.).

Майкл и оператор тоже подтвердили, что связь есть. Господи милостивый, кодовые имена. Pendejadas.⁴³⁰ Эти люди действовали так, будто все еще пытались свергнуть Кастро.

Мы вышли из сборного блока и направились на запад – протопали целую милю в направлении Рио-Мохо. Впереди шла Ана, за ней я. Луна светила достаточно ярко – можно было обойтись без очков ночного видения. Жнивье и вереск сменились кустарниками. Настроение у меня улучшилось – обычная вещь, когда гуляешь по ночам не в одиночестве. Если ситуация немного напряженная, как теперь, то это только заставляет сосредоточиться. Тропинка под нашими ногами сузилась – стала не шире, чем тапир протоптал. Ана два-три раза оглянулась на меня. Наконец она остановилась, повернулась, широко расставила ноги и посмотрела мне в глаза.

– Мистер де Ланда, – сказала она. – В этом районе нет мин.

Вергара говорила ледяным тоном, и я ждал: вот сейчас она добавит: «Понял, желтопузый урод?» Впрочем, она была права. Я смотрел себе под ноги и шел за ней след в след.

– Да-да, – пискнул я. – Понял.

Сэр, добавил я про себя. Ана отвернулась и зашагала вперед. Я пустился вдогонку.

Тропинка пошла вниз среди цекропий.⁴³¹ Под нашими ногами теперь была не твердая земля, а вязкая почва и мертвый тростник. Впереди лежала такая поверхность Мохоровичича⁴³² – черная пустота диаметром ярдов в десять. Тут бежал ручеек, но теперь он разлился и стал вполне судоходным на много миль вверх по течению. Ана провела нас вдоль берега к заводи в старом русле. Я увидел коренастую фигуру, стоящую по колено в воде, а потом сработавшую на местный манер *lancha*,⁴³³ деревянную плоскодонку, похожую на прежние скифы. Корма вытянута на берег, над ней торчит бесшумный троллинговый электромотор «минн кота». Мы вшестером забрались в наш ковчег. Я чуть не разбил коленку, задев один из больших аккумуляторов, уложенных на днище. Последним влез Майкл, и утлый челн закачался – вот-вот зачерпнет воду и пойдет на дно. Лодочник столкнул суденышко в реку и перевалил через борт сам. На нем были очки ночного видения с дисплеем GPS-навигатора – стандартная военная аппаратура, которая позволяет с точностью до дюйма определять ваше местоположение. Он опустил в воду винт и повел лодку вверх по течению через условную границу. Речушку перегородили сетью, но наш передовой отряд сумел сдвинуть ее так, что сигнализация не сработала. Наверное, у AP есть свои люди на той стороне, подумал я. Я имел в виду гватемальскую сторону. Ладно, хватит на сей счет волноваться. В горах к северу от нас заревела обезьяна. Странно двигаться так плавно в темноте. Над нами пролетали самолеты – все без огней и все на высокой скорости, значит, не за нами. Несколько раз мы останавливались. Тут выращивали кардамон, и мы чувствовали его запах. В дымке впереди занялось мерцание пропановых светильников. Это была деревня, называвшаяся Балам.

Пикнул прибор у меня в ухе.

– Внимание, – раздался голос Аны. – Всем подтвердить связь.

– Здесь Козо, подтверждаю, – произнес Майкл.

Каждый повторил «подтверждаю». Лодка причалила у отчетливо видимой

---

430 Невежество (*исп.*).

431 Цекропия – южноамериканское дерево с воздушными корнями.

432 Поверхность Мохоровичича, или Мохо, – нижняя граница земной коры, на которой происходит резкое увеличение скоростей продольных сейсмических волн.

433 Лодку (*исп.*).

мексиканской лаванды. Навстречу с берега спустились две фигуры. Один человек зацепил борт лодки веткой и показал, где можно ступать по корням, чтобы не завязнуть. Мы выбрались на тропинку и построились. Люди из АР, казалось, поглядывали на нас свысока – это что еще за новые рекруты такие? – но, возможно, со мной сыграло очередную шутку мое богатое воображение. Мы покивали друг другу в знак приветствия. Вергара махнула в сторону тропинки – похоже, та шла вдоль реки – и жестами дала понять, что идти нам предстоит «часа два или поменьше». Мы двинулись следом.

Две мили мы шли по сжатому кукурузному полю, поросшему клевером. Над нашими головами с пронзительным воем пролетел с севера на юг небольшой самолет, и на несколько мгновений по воде пошла рябь. Самолет летел без огней. Он не ищет нас, успокаивал я себя. Ведь они теперь не вели разведку с самолетов – этим занимались спутники или небольшие беспилотники, которых не видно и не слышно. В Гватемале по-прежнему пользовались стационарными сонарами и датчиками тепла, но тут водилось столько кабанов, оленей и другого зверья, что вся эта техника была бесполезна, если только через границу не переходила целая армия. С востока подул ветерок и принес запах лошадей. Я вспомнил, как гулял в детстве с братом – стояла такая же ночь, и я боялся, что живые мертвецы (то есть разбойники-скелеты, которые днем надевают оболочку из человеческой плоти, чтобы не быть узнанными) придут с кукурузного поля и набросятся на нас. Мы перебрались через изгородь и двинулись вниз к тринадцатому шоссе. Его недавно ремонтировали – пахло свежим гудроном. Вергара выстроила нас, и мы простояли в ожидании минуты две. Она направилась на север по обочине дороги, а потом дала нам знак следовать за ней. Луна скрылась за лесом, но все равно было достаточно светло, и мы могли ориентироваться. Появился грузовик со включенным ближним светом, он ехал, задевая за низкие ветви сосен. Через некоторое время я определил, что это темный «форд бронко» 1980-х годов, излюбленное транспортное средство угнетенных батраков по всей Латинской Америке. На машине специально установили самопальный деревянный кузов с логотипом «Скверта». Мы отошли в сторону. Автомобиль проехал вперед и остановился в десяти ярдах от нас. С пассажирского места вылез аровец, еще один выпрыгнул из кузова. Когда ноги его коснулись земли, я узнал в нем своего старинного друга – по повадке, движениям или еще чему-то еле уловимому. Я чуть не бросился к нему бегом. Отзынь постарел так, как свойственно многим, – почти не меняясь внешне, они становятся чуть тяжелее, медлительнее. Словно видишь перед собой ту же скульптуру, только отлитую из другого сплава. Может, все дело лишь в выражении лица... И все же как странно и здорово снова встретить его, в особенности здесь! У меня прямо слезы навернулись на глаза, но плакать было не время.

– ¿Qué tal, vos?⁴³⁴ – спросил Отзынь, обнимая меня мужественным, медвежьим объятием.

– ¡Cabron! – засмеялся я. – ¿Qué onda, mano?⁴³⁵

– Sano como un pimiento, – ответил он. Буквально: «Здоров, как мальчишка».

Мы с ним обменялись рукопожатием, принятым в «Энеро 31».

– ¿Y que onda, al fin compraste esa Barracuda?⁴³⁶

– Tengo dos. Podemos competir.⁴³⁷

– Эй, mucha, callenze! – сказал голос Аны у меня в ухе. «Тихо там». – Zolamente

---

434 Ну как ты? (исп.) (Прим. ред.)

435 Козел! Сам-то как, дружище? (исп.) (Прим. ред.)

436 Ты наконец купил «Барракуду»? (исп.) (Прим. ред.)

437 У меня две. Можем конкурировать (исп.) (Прим. ред.)

ezenciales.⁴³⁸

На секунду мне показалось, что она шепелявит, потому что хочет говорить с кастильским акцентом, но потом я сообразил – делает она это для того, чтобы заглушить шипящие. Я поднял палец, показывая Отзынь, подожди, мол, секунду, и сказал:

– Ятно, итправлють, Килоренц.

Я произнес это, пытаюсь показать, что говорю в наушник. Не позволяй мне нарушать твои спецназовско-гарзанские фантазии. *Voу аса locа.*⁴³⁹

Ана села рядом с водителем. Остальные, включая двух аровцев, забрались в кузов, обитый нейлоновыми мешками из-под зерна. Я вполголоса представил Отзынь. Все поздоровались, но на разговор, похоже, никто не был настроен.

– *Pues, vos,* – прошептал я в ухо Отзынь. – *¿Qué piensas de este?*⁴⁴⁰

– *Me da pena, vos,* – ответил он. – *¿Confías en estos cerotes?*⁴⁴¹

– Не знаю. А ты кому-нибудь веришь?

– *Confío en que Dios se saque en mí,* – сказал он. «Я верю, что Господу на меня насрать».

– *Es verdad.*⁴⁴²

– *Esa Ana, en los noventa trabajó para los embotelladores,* – сообщил Отзынь. «В девяностые Ана работала на бутылочников».

Под «бутылочниками» он имел в виду компанию, выпускающую безалкогольные напитки, что на сленге Гватемальского национального революционного союза означало КОЛА, командование операциями в Латинской Америке при госдепе США, а до этого были еще келейные операции по Латинской Америке – тоже одна шайка с Биллом Кейси, Джоном Халлом, Оливером Нортон.⁴⁴³

– Слушай, – прошептал я, – я не хотел быть здесь без тебя, но если тебе что-то покажется не так, то делай ноги.

Но он отвечал, мол, нет, я к нему с открытой душой, и он меня не оставит. Я напомнил своему другу, что мне немало заплатили. Он пожал плечами – ему это, дескать, известно. Я рассказал ему про историю с «Нэшнл джиографик». Все одно к одному, вздохнул он.

– Знаешь, я рад тебя видеть, – улыбнулся я ему. – Спасибо.

Я позволил себе немного расслабиться. Когда Отзынь оказался рядом, часть моих страхов улетучилась. С нашими попутчиками (кроме Таро) я познакомился совсем недавно и до сих пор не до конца понимал, в какую историю ввязался. Поэтому мне очень хотелось, чтобы рядом был человек, который явно занимает мою сторону и никак не связан с Уорреном.

– Все в порядке, – ободрил меня Отзынь и, вытянув руки, уперся ладонями в виниловую крышу, словно проверяя ее на прочность.

Я спросил у него, как идут дела в группах Народного сопротивления. Он ответил, что пропал Тио Хак и все уже считают его мертвым.

– Я в прошлом году видел Сильвану, – сказал он. – В Теносике.

---

438 Только самое необходимое (*исп.*). (*Прим. ред.*)

439 Я здесь с ума сойду (*исп.*). (*Прим. ред.*)

440 Ну что ты думаешь об этом? (*исп.*) (*Прим. ред.*)

441 Мне жаль тебя. Ты доверяешь этим солдафонам? (*исп.*) (*Прим. ред.*)

442 Это правда (*исп.*).

443 Уильям Д. Кейси – одиннадцатый директор ЦРУ, Джон Ф. Халл – оперативник ЦРУ, Оливер Л. Норт – бывший офицер морской пехоты США. Речь идет о скандале Иран-контрас.

– А-а-а. Ну и как она?

– Casada.⁴⁴⁴

– ¿No con el pisado del ONU? – поинтересовался я. «Не за этого кретина из ООН?»

– Simon.

– ¡Mierda!⁴⁴⁵

– Me das lástima, mano...⁴⁴⁶

– Не могу об этом думать, – поморщился я. – Si comienzo a pensar de él, me hago lata. – «Если я начинаю думать об этом, то превращаюсь в жестянку». Кажется, эта идиома толком не переводится.

И я начал расспрашивать Отзынь о планах на случай чрезвычайных обстоятельств, но он показал на потолок, давая понять, что мы поговорим об этом позднее. Пожалуй, он прав. Бог их знает, этих людей, у них наномикрофоны повсюду, даже в крысином помете.

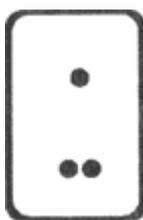
– Pues, vos, me voy a dormir,⁴⁴⁷ – буркнул он и начал тихонько похрапывать.

У него была солдатская способность засыпать в любом месте в одну секунду. Что ж, для него крытый кузов пикапа с кондиционером, наверное, все равно что талейрановский номер в «Крийоне».⁴⁴⁸ Я повернулся к Марене, но в темноте ничего не увидел. Потом надул вполовину нейлоновую подушку и притулился к ней, не переставая спрашивать себя, не подкатиться ли мне лучше к Марене и не сделать ли вид, что во сне уронил голову на ее плечо, а может, просто спросить, не возражает ли она... Нет, ничего такого не делай. Может, она сама...

Ничего она не сделала.

Грузовичок замедлил ход. Появился дорожный знак, подсвеченный единственной лампой. «Campramento Militar Alta Verapaz» – гласила надпись на знаке с изображением свирепого вида спецназовца и щита с черепом и перекрещенными костями, поверх которого кто-то начертил: «Guardia De Honor». Не доехав до знака, мы свернули налево на гравийную дорогу, развернулись на сто тридцать градусов в желтом направлении – и покатали на юго-запад, к недавнему прошлому.

(22)

Мы вышли из грузовика за милю до Сан-Кристобаль-Верапаса. Солнце только что закатилось за горизонт. Слышно было, как оркестр наигрывает корридо⁴⁴⁹ на маримбе,⁴⁵⁰

---

444 Вышла замуж (исп.).

445 Вот дерьмо (исп.).

446 Мне очень жаль, дружище (исп.). (Прим. ред.)

447 Ну ладно, я посплю (исп.). (Прим. ред.)

448 «Отель де Крийон» в Париже, один из старейших роскошных отелей в мире.

449 Корридо – разновидность мексиканской песенной баллады.

450 Маримба – ударный музыкальный инструмент, близкий родственник ксилофона.

соревнуясь с громкоговорителями, из которых доносилась старая версия «Времени в бутылке» Рикардо Архоны.⁴⁵¹ Машина развернулась и вскоре скрылась из глаз. Мы разделились на две группы, чтобы привлечь меньше внимания: в одной – я, Марена, Отзынь, Лизуарте и Ана Вергара, в другой – все остальные. Дальше отправились пешим ходом.

У меня остались неприятные воспоминания об этом месте. Я лежал тут в больнице как раз в то время, когда пришли известия о бойне в Т'оцале. Сегодня был праздник в честь святого Ансельмо, и предполагалось, что мы затеряемся в толпе и пройдем через город незамеченными. Как я уже говорил, четырех аровцев заранее прислали сюда пасти нас – проверять, нет ли за нами хвоста, не тарачится ли кто на нас.

Внешний вид команды немного меня беспокоил. Правда, Лизуарте напялила большую идиотскую шляпу, что вряд ли вызовет подозрения, а Марена, которая надела дешевые бирюзовые бусы и рюкзачок фирмы «Норт фэйс» с наклейкой «Свободный Тибет», выглядела как студентка, примкнувшая к духовному движению. А вот Гргур никуда не годился. Впрочем, он мог сойти за героинового дельца из Турции. Бог знает. По дороге нам попались бродячие собаки, свиньи, потом мы встретили индейцев, которые шли по двое или по четверо. Люди здоровались друг с другом. Чужаки здесь сразу бросались в глаза, но обычно к ним относились дружелюбно. Несколько лиц показались мне знакомыми, и я снял шапку в знак приветствия. Вообще-то напрасно. Бритого наголо меня все равно никто не узнал бы. Разве что моя мать. Черт. Я подумал об Отзынь, но, наверное, у него были свои способы конспирации. Тем более, по его словам, он не приезжал сюда лет пятнадцать. Нам улыбнулся худой старик, обнажив полный рот серебряных протезов. Рекламное лицо центральноамериканской стоматологии. Комары зверствовали. Вокруг нас крутились дети, пытались всучить нам ракеты.

– Внимание, будьте осторожны, – раздался голос Аны в наших ушах.

Я почувствовал, как мои попутчики немного напряглись. А потом они напустили на себя вид, будто им все нипочем. Из долины на нас хлынул свет фар – мы отошли в сторону и принялись кивать четверем одетым в синюю форму солдатам в крытом джипе. Они проехали мимо, не обратив на нас внимания. Ну да. Так я и думал. Но не мог не представить, как их головы разлетаются в перекрестьях оптических прицелов. Успокойся. Это новобранцы, их тогда еще не было. Дыши глубже.

«Тонто» – крутилось у меня в голове. Господи Иисусе. Что за фигню я написал тогда? Что сделал Тонто? Вероятно, что-то плохое. Может, я был болен и бредил. Или хотел сказать: «Розабель, поверь: в конечном счете это Тонто сделал». А если я и есть Тонто? Меня так не называли с десятилетнего возраста, причем, это было оскорбительное обращение, а не прозвище, не кличка. Наверное, смысл я вкладывал такой: «Дружи с белым человеком, Тонто сделал это»? Опять же tonto по-испански означает «дурак». Что сделал дурак? Что, что, что?

Дорога перешла в главную улицу, тянущуюся с востока на запад. Ее украшали поперечные гирлянды тусклых красных рождественских лампочек и цветной гофрированной бумаги, но большие фонари на перекрестках не горели, а поскольку обычно здесь такими вещами гордились, то я решил, что объявленное затемнение официально все еще не отменено. Слово Великобритания собиралась бросить всю мощь своих ВВС, какую обрушила на Фолкленды, на страну, жители которой и бумажных-то полотенец позволить себе не могли. Не льстите себе. По обе стороны дороги стояли вплотную друг к другу лавки из шлакобетона. Каждую выкрасили в свой цвет – бирюзовый, персиковый, лимонный или синий, словно яйца малиновки, – и нарисовали от руки на фасадах логотипы «Орандж краш»,

---

⁴⁵¹ Эдгар Рикардо Архона Моралес (р. 1964) – гватемальский певец.

«Хупинья гасеоса де пинья» и «Сервеза галло». ⁴⁵² В последнем доме сейчас было оборудовано льдохранилище, но прежде здесь находилась oficina del comisariato ⁴⁵³ «Юнайтед фрут», что-то вроде склада компании, и мне просто загорелось заглянуть туда. Очень в духе Б. Травена. ⁴⁵⁴ Mate et Pulpo. ⁴⁵⁵

Малая родина – странное место. Трудно представить что-либо более незначительное и убогое, но каждый раз, возвращаясь, обнаруживаешь: оно стало еще плоше и беднее. Ах, это невероятное, сжимающееся прошлое! А ведь мое детство прошло не в этом городишке. Когда я был маленький, приехать сюда означало покинуть дом в жутком захолустье и посетить Манхэттен. Ау уі уі. Больница Пресвятого Сердца находилась всего в двух кварталах к югу. Ее можно разглядеть отсюда. Но я не сводил глаз с двухэтажного здания на другой стороне улицы. На розовой стене под карнизами, которые казались такими знакомыми, виднелось зеленоватое пятно плесени. Я вспомнил, что именно сюда поставили меня солдаты, когда нас выстраивали...

Ах, mierditas. ⁴⁵⁶ Тяжелые воспоминания.

Громилы из «Джи-2» (антитеррористического подразделения гватемальской армии) явились утром, чтобы устроить celebración, ⁴⁵⁷ как они это называли. Они приехали в старом военном американском грузовике и собрали все население, включая меня в моей длинной белой рубашке, заменяющей всю остальную одежду, и других ребятшек из больницы, которые худо-бедно могли ходить. Они выстроили нас по росту (до сих пор не понимаю зачем) и заставили стоять на солнце, пока их старший офицер произносил бессвязную двухчасовую речь о том, что городской т'оцальский совет (а еще и советы двух других городков) обманывали нас, что все они коммунисты на содержании у Кастро. Он сказал, что нам сильно повезло, поскольку у нас свободное предпринимательство, и мы, если не будем лениться, сможем многого добиться, что страна теперь будет другой, не такой, как при Гарсии, что разные правительства всегда держали обещание обходиться с индейцами по справедливости, а тех, кого арестовали, предадут надлежащему суду. Громкоговорители снова и снова играли «Счастливую Гватемалу». Всего шестьдесят восемь раз. После каждого двух-трех раз солдафоны заставляли нас приносить присягу на верность на манер американской, а потом запускали пластинку снова, que tus aras no profane jamás el verdugo, ⁴⁵⁸ и так далее, и так далее, и так далее. После чего речь продолжалась. Наконец нам зачитали список переселяемых. В него входили все жители из моего городка – одного из четырех, сожженных ими на этой неделе за предоставление убежища «кубинцам», а кубинцами они называли любого, кого подозревали в малейшем сочувствии повстанцам.

---

⁴⁵² «Орандж краш» – безалкогольный газированный напиток, торговая марка принадлежит американской фирме «Д-р Пеппер». «Хупинья гасеоса де пинья» – ананасовый лимонад американской фирмы «Хупинья». «Сервеза галло» – гватемальский бренд пива.

⁴⁵³ Контора уполномоченного (исп.). (Прим. ред.)

⁴⁵⁴ Б. Травен (1890–1969) – псевдоним немецкого писателя, его предполагаемое имя Травен Торсван Крове. В 1930-е годы были опубликованы его романы, благодаря которым он заслужил репутацию борца за права индейцев.

⁴⁵⁵ Убить спрута (исп.). (Прим. ред.)

⁴⁵⁶ Здесь : дерьмо собачье (исп.).

⁴⁵⁷ Праздник (исп.).

⁴⁵⁸ Слова из гимна Гватемалы: «Пусть твой алтарь никогда не осквернит палач». (Прим. ред.)

Гимн запустили еще раз, проиграли несколько записанных речей, и все это продолжалось и продолжалось, пока солдатам не наскучил *celebración*. Они стали затевать драки, а потом бить горожан. Большинство из трех тысяч индейцев и метисов на площади стояли смиренно, но не из пассивного сопротивления, а потому что знали: побегу они – их могут застрелить. Сестра Елена (я снова представил ее широкое лицо с поразительной четкостью – и поры кожи, и темный налет волосков на верхней губе) с другими монахинями сумели увести нас, детишек, в больницу. Я помаленьку начал смекать, что произошло, и превратился в маленький дрожащий комок страха. Где мои родители, что с ними случилось?

Так что я, в отличие от других ребяташек, не видел, как горел мой дом, как насиловали моих сестер и мать, как допрашивали и убивали моего отца. Я сперва даже вообразить себе такого не мог, лишь спустя некоторое время начал догадываться. Моя мама никогда ничего не боялась. В те дни я твердо знал это. А теперь перед моим мысленным взором возникает ее лицо с глазами, полными ужаса, в волосах кровь, а перед ней – канистра с бензином, и я уверен, так оно и было. *Todo por mí culpa, todo...*

– *Más espacio, vos*, – сказал мне на ухо Отзынь. «Давай-ка сбавим немного шаг».

Он не хотел, чтобы мы выглядели слишком уж целеустремленными.

Мы добрались до площади. Похоже, что человек пятьсот вышли из домов, чтобы участвовать в *procession*. Стайка ребяташек в матросках церковно-приходской школы с гарнитурами Bluetooth в ушах и заколками а-ля Хэлло Китти⁴⁵⁹ – типичная территория колонизации «Кока-Колы» – толкалась возле футболистов в синих спортивных костюмах, а они расхаживали с важным видом, все молодые, под хмельком, задиристые. Мы миновали ряд автоматов и киосков, торгующих *roscos* и *buñuelos*.⁴⁶⁰ Я купил Марене пакетик *empanadas de achote*⁴⁶¹ и взял два себе. На раскладном столике под пластиковым навесом четыре солдата играли в домино. Они подняли на нас глаза. Прыщеватые ребята, явно новобранцы. Их старые замасленные L85A1⁴⁶² стояли рядом пирамидкой. Щелканье костяшек вызвало у меня в памяти образ из детства: отец и дядья сидят за маленьким столиком, передвигая таинственные меченые зубчики, а меня клонит в сон. Вдалеке маячили несколько *гринго*: немецкие туристы, как я понял, а рядом троица миссионеров-евангелистов. Я не обнаружил ни одного наблюдателя от АР, что, в общем-то, вполне естественно...

Опа. Виноват. Откуда ни возьмись, на нас выскочила свора мормонов. Я боялся, что они могут узнать Лизуарте, но все обошлось. Впрочем, они, возможно, приехали не из белизовского Стейка. Целая армия этих *huevos* шляется по Латинской Америке в поисках слабозольных, которых отсеивают из стада для дальнейшего интеллектцида.

Ах да, прошу прощения. *Huevos*. Наверное, нужно объяснить это выражение. *Huevos* – это яйца во всех смыслах. В Петене⁴⁶³ мы называем их *huevos*, потому что они белые, как яйца, и всегда ходят по двое. Конечно, это звучит смешнее, когда вы в течение четырнадцати часов снимаете урожай кофе.

Маленький оркестр начал наигрывать «*O Salutaris*».⁴⁶⁴ Мы повернулись в ту сторону,

---

⁴⁵⁹ Кукла, выпускаемая японской компанией «Санрио», – кошка в платице.

⁴⁶⁰ *Roscos* – витые булочки, *buñuelos* – пончики.

⁴⁶¹ Печенье с семенами аннато. (*Прим. ред.*)

⁴⁶² L85A1 – автомат калибра 5,56 мм английского производства.

⁴⁶³ Петен – одна из провинций Гватемалы.

⁴⁶⁴ «О Спаситель» – начало евхаристического гимна, написанного Фомой Аквинским.

куда смотрели все остальные, – на север. По крутой улице спускались тринадцать cofrades, залогодержателей, стариков в ярких полосатых костюмах и широких шляпах. Девять старцев несли большие зеленые, украшенные ветками кресты, а четверо, замыкавшие шествие, тащили носилки с фигурой Ансельмо из кукурузного теста. У святого в епископской митре были печальные глаза и зеленая борода лопатой.

Я переступил с ноги на ногу, взглянул на Отзынь. Он тоже уставился на меня. Мы с пол минуты любовались процессией, а потом мой приятель выбрался из толпы и направился на запад. Я последовал за ним, а Марена, Лизуарте и Ана – за мной. Когда мы пересекали третью улицу в жилых кварталах, перед нами прошла группка из четырех женщин киче (киче – это одно из майяских племен, живущих к западу от этого места). Они несли свечи, цветы бугенвиллеи, нераскрытые пачки «Мальборо», а потому нетрудно было догадаться, к кому они направляются. Прежде я не видел его в этом городе, но теперь он, вероятно, здесь. Гм. Я спросил у Марены, остались ли у нее «Кохиба пирамидес».⁴⁶⁵ Она сказала, что у нее есть еще пятнадцать штук, и вытащила коробку из рюкзака. Я взял шесть.

– Отлучусь на секундочку, – предупредил я и пустился догонять женщин.

– Пен-Пен, куда вы? – раздался у меня в ухе голос Аны. – Вернитесь.

– Мне нужно сделать одну вещь, – пробормотал я.

– Не разрешается, – сказала она. – Оставайтесь на маршруте.

– Мне нужна всего одна секунда, – прошептал я.

Ана бросилась вперед, чтобы преградить мне путь, но между мной и ею оказался Отзынь, а когда она обежала его, мы уже находились перед открытым фасадом из шлакобетона. Четыре индианки вошли внутрь, встали на колени и поставили свои свечи на пол, где уже горели сотни других. Курандеро⁴⁶⁶ сидел снаружи за складным столом. Он показался мне знакомым, но я не помнил его имени, а он меня явно не узнал. Я кивнул ему своей бритой головой. Он подозрительно посмотрел на меня, но кивнул в ответ, мол, проходи.

Я повернулся к Марене.

– Вам это может показаться глупым, – сказал я.

– Нет-нет, – растерянно проговорила она.

Женщины, закончив, вышли. Я направился внутрь, осторожно ступая среди букетов, бутылок и свечей на цементном полу. Марена шагала следом. Здесь стояла маленькая пластмассовая чаша со святой водой, я автоматически макнул в нее руку и смутился – столько лет прошло, а привычки никуда не делись. Марена наклонилась к воде, и в какую-то жуткую секунду мне показалось, что она сейчас сплюнет туда свою резинку.

Махимон⁴⁶⁷ находился, как обычно, в святилище, у задней стены рядом с пустым гробом. На нем были солнцезащитные очки, широкополая черная фетровая шляпа, а на шее и плечах болтались десятки жертвенных шарфов и галстуков. Он стал крупнее, чем прежде. По большей части его сооружали из всяких отдельных частей, но этот курандеро взял цельный манекен из витрины магазина, и на женской руке, державшей серебряную ручку посоха, сияли странного оттенка оранжево-красные лакированные ногти. Лицо его, похоже, раскрасили совсем недавно, черные усы отливали глянцем. Ноги у него были широко расставлены, а на коленях стоял поднос с чашей мятых кетцалей, бутылочек «сквирта» и aguadiente.⁴⁶⁸

---

465 «Кохиба пирамидес» – сорт кубинских сигар.

466 Курандеро – шаман-знахарь в Латинской Америке.

467 Махимон – народный святой, почитаемый народом майя.

468 Алкоголя (*исп.*).

Я встал на колени и прикоснулся к полу.

– Salud, Caballero Maximón, – сказал я. – Ahora bien, le encuentre bien.⁴⁶⁹ – Я встал. – Каждое мгновение, каждый час, каждый год я благодарю тебя, – говорил я по-испански. – И я благодарю святого Ансельмо и курандеро Сан-Кристовалья за то, что принесли тебя сегодня сюда. У меня есть кое-что для тебя – хотел тебя побаловать.

Я снова опустился на колени и положил на полотенце для подношений сигары. Хорошо выдержанные в условиях высокой влажности, они источали явственный пряный аромат, несмотря на то что помещение заполнял довольно едкий дым. Махимон, как всегда, ухмылялся и даже, как мне показалось, кивнул.

Я встал.

– Благодарю тебя, сеньор, – произнес я. – Бог большой, Бог маленький, Бог средний. Есть один побольше и один поменьше, который печется о земле, и наших ногах, и наших руках. Пожалуйста, благослови мою грандезу. Ты считаешь с нами красные семена, черные семена. Ты вместе с нами считаешь камушки и черепа. Ты смотришь с перекрестка на восток и север, на запад и юг. Ты смотришь на нас во время землетрясений. Ты даешь нам ночь, ты даешь нам силу. Все мертвые, которые умерли, учили нас, как почитать тебя, а мы научим новорожденных и еще не родившихся. Такова жизнь. Мы благодарим тебя, Sanita. Извини, что поворачиваюсь к тебе спиной. Salud, дон Махимон.

Я повернулся, вышел, кивнул еще раз курандеро, положил еще пятьсот кетцалей (около шестидесяти пяти долларов) в ящик из-под «галло» рядом с его столом – «на молитву», – и мы вернулись на главную улицу. Ана посмотрела на меня сердито. Береженого Бог бережет, подумал я.

– Это какой-то традиционный католический святой? – спросила Марена.

– Да нет, он скорее неофициальный, – сказал я. – Для правоверного католика он не годится. Для правоверного католика он плоховат.

– Ясно.

– Он из седой древности. Вроде бы.

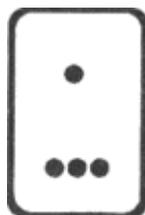
Мы вышли из городка и направились на запад. Дорогу нам освещала коричневатая луна, висевшая впереди, – wenn sie auf der Erde so wenig, wie auf dem Monde,⁴⁷⁰ пафосно подумал я. И вот мы уже в долине, на одной из ниточек целой сети тропинок под Сьерра-де-лос-Кучуматанес. Мы прошагали мило, и тропинка свернула к югу вдоль берега реки. Я слышал ее белый шум, хотя и не видел воды, и чувствовал запах срезанного тростника и тины, плесени и чего-то напоминающего свежий имбирь, а еще – слабый аромат с оттенком амбры, все еще поднимающийся над засохшим осадком с доньшка флакона «Самсара Герлен», который можно найти в пыльном ящике на блошином рынке в жаркий полдень: феромон для дома.

(23)

---

⁴⁶⁹ Здравствуйте, кабальеро Махимон. Это очень, очень хорошо (*исп.*). (*Прим. ред.*)

⁴⁷⁰ «...Если бы оно, подобно тому, как на Луне, было бы не в состоянии и на Земле...» Артур Шопенгауэр, «Parerga und Paralipomena». Полностью высказывание таково: «Если – насколько это приблизительно возможно – представить себе всю сумму бед и зол, болезней и всякого рода страданий, которые освещает солнце в своем течении, то придется допустить, что было бы гораздо лучше, если бы оно, подобно тому, как на Луне, было бы не в состоянии и на Земле вызывать явлений жизни, и если бы и здесь, как там, поверхность находилась еще в кристаллизованном состоянии». Перевод Ф. Черниговца. (*Прим. ред.*)

Ресницы Сильваны щекотали мне плечо, как когда-то во сне. Только это не она, а что-то другое, почешись. Что-то живое. Так, поймал. Опа. Оно побежало по тыльной стороне ладони, вверх к плечу, стряхни его, стряхни, стряхни. Меня скорчило от отвращения, я не находил слов. Маленькая коричневая ящерица небрежно спрыгнула с моего запястья и побежала по нейлоновой металлизированной материи. Qué jodedera.⁴⁷¹ Я теперь городской старик. Отвык от всяких тварей и дерьма. Смотрю на экран телефона – он показывает время 15.04. La gran puta. Поздно.

Где же это я, черт раздери? Свет какой-то странный – сиреневато-синий. Я моргнул, глядя в потолок. Высокий, стрельчатый.

Ах да. Руины Иша. Майкл говорил, что это один из дворцов.

Я вылез из влажного спального мешка и сел. Похоже, все уже проснулись и вышли. Помещение представляло собой древнюю майяскую *audiencia*, большую приемную длиной около пятидесяти футов, шириной в девять и высотой в верхней точке около двадцати. В центре длинной западной стороны находилась высокая единственная дверь, затянутая теперь нейлоновой материей сиреневато-синего цвета. В классическую эпоху заднюю стену украшала большая роспись, от которой и по сей день сохранилось процентов двадцать. И сегодня можно было различить маленькую фигурку слева, поднимающуюся по лестнице, справа тускловидно изображение храма с торчащими завитками Земной Жабы; но в последнее время, видимо несколько десятилетий, сюда просачивалась вода, и большая часть штукатурки обвалилась. И все же приемная в этот сезон оставалась довольно сухой. Передовая группа Аны очистила помещение от помета летучих мышей, но запах остался. Аровцы заранее перенесли сюда бо льшую часть оборудования, завалив северную треть комнаты буровыми штангами, гибкими конвейерными трубками, ящиками с буровыми долотами. Я разглядел четыре двигателя «хонда» мощностью по пятьдесят лошадей, четыре вольвовских домкрата и два больших желтых короба с туннельными роботами-пробоотборниками, предоставленными компанией «Шлюмбергер ойлфилд сервисис». Один из них – с подсветкой и видеосистемой. Приемная напоминала доколумбову мастерскую по разборке ворованных машин. У того места, где мы спали, стояли два бесшумных газовых генератора и комплект силовых кондиционеров, валялся клубок толстых проводов, змеящихся из двери на север к кургану А, еще тут были два лабораторных холодильника средних размеров, вакуум-контейнер, вакуум-упаковочная машина, рол алюминиевой фольги для образцов углерода 14, тридцатидюймовая коробка с перчатками, пока еще не распакованная пневматическая система, два водяных насоса, нагнетатель (поставки фирмы «Лаб сейфти саплай»), две коробки с камнерезными пилами и их циркульные резак (также от «Шлюмбергера») и обычный археологический инструмент – лопаты, совки, маркировщик, просмотрные столики с подсветкой, рулоны пузырьковой оберточной пленки, упаковочные коробки, рабочее освещение, светодиоды, щетки, швабры, лотки для просеивания. В общем, цапек достаточно для того, чтобы на десятилетие занять аспирантов и студентов, хотя никаких научных исследований здесь проводить не собирались. Да нам и половины всего этого не понадобится, думал я. Ну, в следующий раз не делай...

Постой-ка.

Tontodit.

---

⁴⁷¹ Грубое испанское выражение, приблиз.: «Как уже задрали!» (Прим. ред .)

Гм. Don't do it...

Don't do it. Не делай этого.

Так ведь это же я сам себя пытался предупредить.

Черт.

Не возвращайся в древность. Не доверяй этим людям. Не отдавайся этому безумию.
Don't do it. Не делай этого.

Ммм.

Я лежал, размышляя, разглядывал, прищурившись, высокий трапециевидный четырехугольник синего света, нейлоновый материал, натянутый на единственную дверь древней постройки. Мои зубы немного постукивали. Почему «не делай этого»? Почему я не написал ничего поконкретнее? Потому что это богохульство? Потому что это неприятно? Потому что не хотел пропустить финал сезона «Сплетницы»?⁴⁷²

Хорошенькое начало. Моему подсознанию требуется четыре дня, чтобы разрешить детскую задачу. Мог бы сделать это с помощью своего телефона за четыре-шесть секунд.

А сегодня вечером у меня встреча с большой шишкой.

Yahoga que, и что мне теперь делать? Заплатить за себя залог? Убежать в лес с Отзынь и просочиться в Гондурас? Симулировать нервный срыв? Просто сказать «нет»?

Неудивительно, что Тони Сик не расстроился, узнав, что я заменяю его. Я себя чувствовал идиотом, а он, казалось, был настроен философски и невозмутимо. Джед, ты идиот, идиот...

Прекрати ты. Это непродуктивно.

Значит, так. Порядок. Буду теперь расхлебывать, что сам и заварил. Пора будить в себе исполина.

Я почесал коленку, нашел синий капиленовский носок из «патагонии»⁴⁷³ – ночью он прополз через весь спальный мешок от изножья к голове, потом наружу и оказался на надувном матрасе. В носке лежали четыре перетянутых резинкой пакетика. Я вытащил венский эспрессо от «Дженерал фуд», надорвал клыком и высыпал порошок на язык. Брр. Порядок. Заел двумя конфетками. Распечатал два больших пакета «суперсанитара» – бактерицидных салфеток, доказавших эффективность против туберкулеза, сальмонеллы ТОРСа⁴⁷⁴ и ВИЧ, и протер лицо и тело – всюду, где смог достать, не потянув мышцы. Потом обнаружился пакет, на котором большими белоснежно-синеватыми буквами было написано: «Забудьте про зубную щетку». Я надраил свой тридцать один зуб и почистил другой стороной, с нанесенной на поверхность пастой, свой старый глупый язык. В четвертом пакетике находился марлевый квадратик размером четыре на шесть дюймов, напитанный кремом «такая мягкая кожа», – для нейтрализации сушащего воздействия бактерицидов. Потом я разорвал пакетик с противоблошиным ошейником «3 в 1» фирмы «Хартц адвансд кэр» и надел его на правую ногу, закрепив под коленкой. Укусы членистоногих и гемофилия не очень-то совместимы. После чего скомкал весь мусор, сунул комок в карман, воткнул наушник в левый канал и, откинув левый клапан висевшей на дверях материи, вылез наружу.

– Чашечку кофе? – спросил Майкл. Слава богу, не через наушник.

Он, Лизуарте и парень-спецназовец сидели на брезенте. Прямо пикник тут устроили. Отзынь куда-то делся, впрочем, он говорил, что пойдет поразноухать, что и как в округе. Я сказал спасибо, мол, уже принял. Но слова Вейнера были похожи на приглашение, поэтому я

---

⁴⁷² «Сплетница» – американский молодежный телесериал, основанный на популярной одноименной серии романов Сесили фон Цигезар.

⁴⁷³ «Капилен» – американская текстильная компания; «патагония» – название полиэфирного материала.

⁴⁷⁴ ТОРС, тяжелый острый респираторный синдром, более известен как атипичная пневмония.

присел рядом, в тени длинного здания, представлявшего собой западную сторону восьмидесятирядового четырехугольного сооружения. По мнению Майкла, здесь располагалась мужская часть ишиановского клана Оцелотов. Другие строения поросли кустарником и напоминали маленькие холмистые хребты. То помещение, в котором обосновались мы, снаружи ничем не отличалось бы от других, если бы люди из АР не расчистили дверной проем. Площадку – бывший двор – несколько лет назад засеяли кукурузой, но теперь она поросла сорняками и папоротником. Наш лагерь был разбит приблизительно в полумиле от подножия когда-то террасированного горного склона, в четверти мили вверх от реки и приблизительно в сотне ярдов от самой большой здесь пирамиды, которую великий Сильванус Морли⁴⁷⁵ назвал курганом А, но мы сегодня, поднаторев в эпиграфике, знали: это мул Оцелота. Правда, листва закрывала и реку, и мул. Мы могли видеть разве что лоскуты неба.

Рядом с Майклом стояла коробка «ОттерБокс»,⁴⁷⁶ наполненная пакетиками с конфетами, медом, упаковками сока, кукурузными чипсами, энергетическими плитками и прочей снедью. Я вытащил пакетик «Туристической закуски Озерной земли» и полулитровый, обтянутой фольгой кирпичик «ундины», который теперь являлся последним достижением в ряду обогащенных позитронами спортивных супернапитков. Мой последний «зиплок», многоцветные витаминизированные таблеточки, все еще был зажат у меня в левой руке, но мне таки удалось содрать майларовую крышечку с упаковки. Я словно наступил на гадюку – из пакета донеслось шипение, когда маленький патрон с СО₂ внутри выстрелил своим содержимым и мгновенно охладил напиток до тридцати двух раскалывающих мозг градусов. Я отправил таблетки в рот, начал пить, моя левая рука примерзла к холодному конденсату, образовавшемуся на поверхности упаковки, я отодрал пальцы, перехватил упаковку, проглотил уже смерзающиеся таблетки, запив их двумя третями тяжелой или легкой воды или тем, что туда залили. Майкл протянул мне батончик мюсли. Я вонзил в батончик зубы. «Начиняйтесь!» – призывала надпись на его обертке.

«Именно это мы и сделали – начинили наши традиционные батончики мюсли протеином на пятьдесят процентов больше, чем прежде. Теперь вы можете не беспокоиться о том, откуда черпать силы. Мы уверены, что с батончиками «Настоящий медведь»™ каждая ваша победа станет началом новых достижений. Не бойтесь трудностей, устанавливайте планку все выше. Неважно, как далека ваша цель, важно то, что вы двигаетесь к ней. И помогает вам в этом батончик мюсли».

Отлично, подумал я. Допил остатки, смял бумажки и сунул их в мешок «Не оставляем мусора».

– Ой, – донесся откуда-то голос Марены. – Вот блядь.

Я посмотрел внимательнее в заросли кукурузного поля – в его середине дрались Марена и Ана. Вернее, упражнялись в хапквондо или другой разновидности боя. Ана обучала Марену новому сокрушительному удару стопой. Видео самой кровавой в Америке психо-лесбо-схватки, подумал я. El video mas sangriento de lucha-libre de marimachas. Латинские телки – шарах-бабах в пах. Дама Ана, шакалиха Абу-Грейба...

– Как насчет кукурузного крахмала? – спросил Майкл.

Что-что?

– Что-что? – озвучил я свое удивление.

Он показал на открытую упаковку «Арго». Я взглянул на нее. Бог ты мой, изображенная здесь дамочка за последние несколько десятилетий заметно похудела.

---

⁴⁷⁵ Сильванус Гризуолд Морли (1883–1948) – американский археолог, знаток цивилизации майя.

⁴⁷⁶ «ОттерБокс» – фирменное название упаковочных изделий.

– Зачем? – поинтересовался я.
– Я иногда предлагаю это людям, не привычным к пешим походам, – ответил он. – У них образуются потертости во всяких местах.
– Вот как, – сказал я. – Хорошо. Нет, спасибо.
– Вы что, съели эту штуку с маслом? – наклонился ко мне спецназовец.
– Как? – не понял я. Уставился на обертку. – А, это...
– Без всего? – поразился парень. – Вы едите чистое масло?
– Гм... Из индейца невозможно искоренить сознание жителя третьего мира.
– Слушайте, – оживился он, – а вы наверняка не знаете, сколько сигарет у меня осталось в этом кармане. – Он постучал себя по груди с левой стороны.
– К сожалению, – вздохнул я. – Я не ясновидец.
– У нас осталось два пакета с питой из фасолевых проростков, – сказал Майкл.

Я снова отказался, поблагодарив, и спросил, где у нас выделено место для *latrina*.⁴⁷⁷ Он показал на южную сторону поля. Я разогнул свои старые кости и направился в ту сторону.

– Уберите за собой, – раздался голос Аны у меня в ухе.

Спасибо, кивнул я. *Tortillera*.⁴⁷⁸ Мне плевать, скольким контраст ты вышибла мозги для Билла Кейси. Я продирался вперед, иногда чуть не теряя равновесие. Подозреваю, что Ана – одна из многих женщин, которые служили в морской пехоте и хотели выполнять боевые задания, но когда правительство запретило им это, они оскорбились и стали искать себе занятия либо в менее разборчивых странах, либо в частном секторе. В общем, бабенка она раздражительная и драчливая. Черт, мне никак не удавалось выудить вертлявого из его пакетика. Зачем я не остался в спальном мешке? Персональный пакет. Попробуйте питу из персонального проверенного пакета...

В ухе у меня загудело.

– Включить систему, – произнес я. Система включилась.

– Это Козо, – прозвучал голос Майкла. – Хорошие новости, идите посмотрите.

Я похромал назад, просочился через дверь в *audiencia*. Сразу за ней Хич и спецназовец возились с аудиоаппаратурой. Майкл и Лизуарте в глубине наклонились над монитором.

– Мы получили несколько сообщений из штаб-квартиры, – доложил Майкл.

Я сел.

– Вы знаете про эти надписи в нише ахау? – спросил он.

– Да. – Я их запомнил, и он наверняка это знал.

– Так. Значит, повторная коронация. Празднование нового к'атуна, которое состоялось на восходе солнца двадцатого, да? В шестьсот шестьдесят четвертом году.

– Точнолютно, – протараторил я.

Загрузку мы наметили за двадцать минут до восхода солнца, 9 Клыкастый Колибри в этот момент будет в нише – ждать назначенного часа, чтобы выйти к толпе на площади.

– Вы про Сан-Мартин помните? – спросил он.

– Да, – ответил я.

– Макс передает привет, – произнесла Марена, которая вошла незаметно.

Мы ответили тем же. Она отправила послания, вышла из системы и сунула телефон (новый, в черном корпусе, побольше прежнего, с шифровальным устройством) в маленький напукавный карман на липучке.

– Так что там про Сан-Мартин? – задала вопрос Марена.

– Это вулкан на побережье в Веракрусе, – пояснил Майкл. – Там было извержение приблизительно в нашу плановую дату.

---

⁴⁷⁷ Сортира (*исп.*).

⁴⁷⁸ Лесбиянка (*исп.*). (*Прим. ред.*)

– Да, – сказала она. – Вспомнила.

– Так вот, я говорил Джеду, что дендрохронологические методы не позволяют точно определить дату, – продолжал он. – Но тут отдел «Коннектикутский янки» выдал просто класс. Гляньте-ка.

Он развернул монитор в мою сторону. На нем горела первая строка текста, явно сканированного с английского церковного документа:

KALENDIS APRILIBUS POSTRIDIE QVINGVE PANVM

Я прикоснулся к иконке «транскрипция».

Kalendis aprilibus[,] postridie quinque panum
multiplicationem[,] anno consecrationis
praesulis nostri wilfredi[,] anno domini
DCLXIV[,] indictione V...

Ладно, хватит. Я нажал «Английский перевод с помощью SRM/CFSU»

[Хроники, Колум Килле

(аббатство, острова Иона, Шотландские Гебриды):]

В апрельские календы[,] в день после дня умножения пяти хлебов, в год посвящения в сан епископа нашего Уилфреда, в год Господа Бога нашего 664,5-го индикта,⁴⁷⁹ нижеследующее отправлено лорду Освию (Нортумбрийскому): мы просим тебя в милости твоей облегчить бремя наших податей на шестьдесят дней[,] поелику Господь Саваоф дал нашей пастве предзнаменование о грехах земли и скором пришествии Судного дня[,] и было сие[:] Перво-наперво семь дён тому назад, в Третий День Господа нашего после дня посыпания голов пеплом⁴⁸⁰ [то есть 24 марта 664 христианской эры] наши послушники, закончив утренние молитвы [около 7.15], были встревожены ударами грома, словно в летнюю грозу[,] хотя небосвод был чист. Далее[,] на следующие день перед полуднем пастор Паулус [из Ионы] и других деревушек на побережье с [сопровождающими его] паломниками [беженцами][,] совершавшими долгое пешее паломничество[,] в великом ужасе и скорби заявили в аббатство и молили о милосердии[,] лишь плач издавали они[,] поелику считали себя оставленными Спасителем[,] так как перед началом утренних молитв [около 5 утра] громадная волна[,] словно подъятая Левиафаном, обрушилась на весь западный берег[,] а за ней две другие такие же, [а] потом без числа [волн] меньшей силы[,] отчего пристани в обоих городах и все лодки рыболовные и торговые были уничтожены[,] четыре свободных горожанина и девятнадцать душ [то есть серфы] утопли[,] а неизвестное число умерли от голода и голодают, и да не оставит их Господь Своей милостью...

– Ну разве это не наводка? – сказал Майкл. – Теперь мы можем с точностью до одного часа определить время извержения.

– Значит... – начал было говорить я.

– Отлично, – произнесла Ана, хотя голос ее звучал вовсе не убежденно.

Она успела подойти и сейчас читала текст через мое плечо.

За дверью, заделанной синей материей, стало темнеть. Послышался отдаленный раскат грома.

– Сколько времени понадобится, чтобы волна пересекла океан? – поинтересовалась

---

⁴⁷⁹ Индикт – период в 15 лет, по которому средневековые историки исчисляли эпохи разных событий.

⁴⁸⁰ Пепельная среда – у католиков первый день Великого поста. На церковных службах этого дня проводится специальный обряд посыпания голов верующих освященным пеплом.

Марена.

– Ммм, до Ирландии от Веракруса пять тысяч миль, волна идет со скоростью около четырехсот миль в час, – прикинул я. – Верно? Так что если...

– Они все рассчитали, – сказал Майкл. – Самое сильное извержение случилось... постойте. Около четырех тридцати пополудни двадцать второго марта. Время местное.

– Это уже что-то, – восхитился я.

– Да, грандиозно, – поддержала Марена.

– А еще, – добавил Вейнер, – Таро сообщает, что древние не предсказывали этого катаклизма. Вы же знаете, игра жертвоприношения плохо работает, когда речь идет о природных вещах.

– Но не в том случае, если складыватель хорошо осведомлен о природных явлениях, – возразил я.

– Верно.

– И еще, насколько известно, это затмение случилось всего несколько недель спустя.

– Так.

Речь шла о полном солнечном затмении, которое наблюдалось в этом районе в день, который мы теперь называем 1 мая 664 года нашей эры. Было оно, видимо, и в Европе – о чем говорится даже у Беда.⁴⁸¹ Конечно, солнцескладыватели майя знали об этом затмении. Должно быть, рассчитали его с точностью до часа. Но сегодня мы располагали данными с погрешностью до секунды, что очень подбадривало меня.

– Как бы то ни было, на эти два предсказания вы можете положиться, – сказал Майкл.

– Отличная работа, – похвалил я.

Вейнер поставил большой монитор на пол между нами.

– Вы готовы посмотреть, что у нас тут есть? – спросил он с видом человека, который встал раньше других и работал, пока остальные дрыхли. Я кивнул. – Вот последняя подповерхностная карта.

На экране появилось трехмерное изображение реконструированного города Иш. Были видны слои почвы, породы и воды под зелеными очертаниями построек. Марена и Ана сели. Отзынь стоял над нами.

– Большое преимущество этой программы в том, что можно выбирать параметры плотности и некоторые химикалии, – объяснил Майкл. – И она даст нам тип породы и ничего больше.

Он высветил и убрал составляющие с плотностью ниже $2,6 \text{ г/см}^2$ (приблизительно плотность известняка). Оставшееся напоминало плоскую загноившуюся морскую губку, испещренную пятнами покосившихся глыб храмов и дворцов, а те, в свою очередь, были окружены облаками плит и обломков. Я уже понял: Майкл не совсем тот человек, каким его можно представить по телевизионным передачам. Но теперь он просто меня сразил.

– Вот нынешняя система пещер. Мы ее визуализируем, показывая все подземные открытые пространства сплошняком.

Он удалил все лишнее плотностью меньше $1,25 \text{ кг/см}^2$ и с температурой выше шестидесяти градусов. Перед нами сияла только сиреневатая полупрозрачная структура, похожая на складчатую породу из научной геологической книги. Майкл начал медленно вращать изображение.

– И это все получено за два последних часа? – спросил я.

– Да, сэр, – кивнул он. – Красота, правда?

– Да, – сказал я.

Действительно потрясающе – для того, кто разбирался в компьютерах. В девяностые, в ранние дни георадаров, вам приходилось таскать тарелку размером с автопокрышку, а

---

⁴⁸¹ Беда Достопочтенный (ок. 672–735) – монах-бенедиктинец, написал одну из первых историй Англии под названием «Церковная история народа англоv».

сегодня одна маленькая антенна на вершине кургана А давала картинку не хуже той, что получала летучая мышь своим локатором. Мы видели весь подземный ландшафт в границах двух миль. Рядом с таким прибором любой рыболовный сонар выглядел бы не лучше палки, которую суют в воду, чтобы промерить дно.

– Похоже, в десятом б'ак'туне пещеры были более обширными, – сказал Майкл. – Многие из них обрушились совсем недавно. С точки зрения геологии. В течение последних нескольких сотен лет. Теперь давайте переместимся дальше на запад под горой. Видите? Это цепочка пещер внизу. Нижние явно все еще существуют. Судя по всему, они влажные и находятся в процессе формирования.

– Вообще-то я и сам выкапывал кое-какие пещерки, – сообщил я.

– Превосходно, – отметил он. – Мы можем это дело немного конкретизировать. – Он увеличил изображение и переместил строку в окошко с надписью «Туннельный акустический сканер». Смена картинок замедлилась, стали появляться вертикальные разрезы пород. – Поищем кальций.

Он набрал на клавиатуре «Костная составляющая». Программа начала выявлять вещества с различным содержанием кальция – известняк, представляющий собой почти чистый CaCO_3 , породы, в которых присутствовало около сорока процентов Са, гидроксилapatит, где его около тридцати трех процентов. В костях гидроксил апатита семьдесят процентов, в зубной эмали – почти девяносто семь. После устранения известняка изображение распалось на скопления точек, похожих на лягушачью икру, в пещерах и широких наносных пластах ближе к поверхности.

– Большая часть тут, вероятно, принадлежит к миру фауны, – сказал Майкл. – Но есть и захоронения. В особенности под основными курганами или в пещерах за переходными зонами. Вот три участка – посмотрите. – Он высветил три неправильных прямоугольника под западной стороной кургана А. – Они очень богаты костным материалом. По этим размерным профилям мы можем сделать вывод: это не животные. Похоже, здесь около сорока скелетов. Фактически, если говорить на языке статистики, место напоминает римскую катакомбу.

– Угу, – согласился я.

– Думаю, внутренние лестницы использовались для сообщения между пещерами, которые расширили искусственным путем. Спустил какое-то время после погребения останков они обрушились. Довольно точные даты у нас есть и без раскопок.

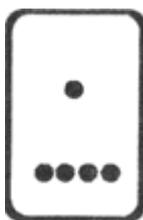
– Понятно.

– Но я о другом хочу сказать. Я абсолютно уверен: мы обнаружили царские захоронения. И очень надеюсь, что вы сумеете проникнуть в одну из этих трех могил. Именно тут и следует искать... Вы понимаете...

– Мое тело, – сказал я.

– Гм, да.

(24)

Снаружи пролился дождь – будто чьи-то усталые тонкие пальцы постукивали по синей материи. Я пробрался в складскую часть помещения и уселся на кабеласовский⁴⁸² надувной

---

⁴⁸² «Кабелас» – американская фирма, поставщик охотничьего, рыболовного и туристического инвентаря.

матрас между грудями оборудования. На рабочей площадке женщины занимались всякими мелочами по поддержанию жизнеобеспечения лагеря. На мой взгляд, они делали это несколько нарочито. Спецназовец напялил древние маранцевские ⁴⁸³ наушники, пропитавшиеся водой, и теперь с неторопливостью взломщика крутил ручки большого рейтеоновского ⁴⁸⁴ приемника, слой за слоем ввинчивался в местный электроландшафт, радарные, радио-, сверхвысокие, ультравысокие и более экзотические полосы, прослушивая – не подкрадываются ли солдаты или плохие ребята. Я прислонился спиной к корпусу компрессора. Влажность – около девяноста процентов – в прохладном каменном мешке не сильно ощущалась, просто казалось, что ты медленно и даже с некоторым удовольствием превращаешься в лягушку. Под стрельчатым потолком через неравные интервалы чередовались крестообразные блоки, я то и дело поднимал голову и разглядывал их.

Тихонько подошел Отзынь, весь мокрый, и молча опустился рядом со мной.

– И что ты там видел? – спросил я.

– На западе – не меньше пяти аровцев, – сказал он, вытаскивая пачку «555» без фильтра. – Что там на востоке – точно не знаю. Но, судя по тому, что говорит мэр деревни, – он использовал слово «alcalde», что скорее значит «неофициальный мэр», – похоже, что его купили. Он сказал, чтобы никто из местных не ходил в эти поля.

– Должно быть, они умеют обтяпывать такие дела, – усмехнулся я.

Отзынь хмыкнул, вкладывая в этот звук значение «supongo», ⁴⁸⁵ чиркнул старенькой «зиппо». Я почувствовал, что Ана, которая находилась в другом конце приемной, поедает его взглядом, словно говоря: сэр, это зона для некурящих, но, как ни удивительно, она не устроила ему выволочки.

– Хочется разобраться с этим волосатым, – заявил я.

Я давно вынашивал планы мести. Не мог забыть Гарсия Торреса, офицера, который носил большую бороду, того, кто распорядился убить моих родителей.

Отзынь выдохнул и взглянул на потолок, давая понять: он уверен, что АР подслушивают и даже, вероятно, записывают все, что мы делаем аудио-, видео- и биохимическими способами. Дым от сигареты поднялся вверх и собрался в удлиненном канале стрельчатого свода, как туман над рекой.

– Мне все равно, – буркнул я. – Я должен сделать это.

– Если ты до сих пор так переживаешь, то надень на себя ЕСА и иди к нему в дом, – сказал Отзынь.

Он имел в виду вакуумную бомбу – по-испански «explosivo combustible-aire».

– Видишь ли, я хочу быть уверенным, что дело выгорит. И потом, я теперь богатый трус. Пора потратить денежки на эту проблему.

– Ну, посмотрю, что удастся узнать.

– Я хочу, чтобы ему было больно, – твердо произнес я.

Некоторое время назад я решил: пусть ГТ знает, что его убьют.

Люди, которых взрывают или приканчивают выстрелом в спину, даже не успевают понять, что случилось. Так что какой в этом смысл?

– Слушай, давай не все сразу, – протянул Отзынь.

– Нет, серьезно, сколько, по-твоему, мне понадобится денег?

– Пять долларов.

---

483 «Маранц» – американская фирма, разрабатывающая и производящая акустические изделия.

484 «Рейтеон» – американская компания, выпускающая электронную аппаратуру, в том числе для нужд армии.

485 Надо думать (*исп.*).

– Отлично.

– И что касается меня, то я не буду этим заниматься. – Он глубоко затаился, спалив разом чуть не половину сигареты, а окурки зажег о ручной огнетушитель.

– Тебе вовсе незачем этим заниматься, – заверил я. – Я хочу, чтобы ты был жив-здоров и помог мне в нашем деле.

Надеюсь, через девять месяцев мир не перестанет существовать, подумал я. Чтобы я мог осуществить свою страшную месть. А потом – хоть потоп.

В дальнем углу кто-то зажег лампу. Я заметил, что дождь прошел. Сумерки сгущались. Отзынь откинулся назад и закрыл глаза – я помнил эту его привычку. Я встал и засеменял мониторы. Экран показывал, что до часа Ч осталось 5.49. А там – поехали. Скоро пора начинать тестирование, подумал я.

Ко мне подошла Марена.

– Пойдем прогуляемся, – пригласила она.

– С удовольствием, – пробормотал я.

Появилась Ана и что-то шепнула на ухо Марене, явно предупреждая: гляди, мол, в оба, чтобы этот не сбежал. Я повернулся к двери. «Я за ним присмотрю», – наверное, ответила ей Марена.

Я откинул клапан на дверях и вышел, Марена – за мной. Держит меня на шестифутовом поводке. Слово у меня не было локатора в ухе. Будто я мог ударить отсюда. Ну, впрочем, их трудно упрекать. Я стал крупнейшим вложением, какое кто-либо из них делал в жизни. Миллионы и миллионы долларов потрачены, чтобы всего лишь пройти электрическим гребешком по лобной части коры моего мозга.

Марена обогнала меня и по оленьей тропе направилась к реке. Я собирался вытащить фонарик из одобренного аровцами комплекта выживания, но передумал – еще не окончательно стемнело. Тропинка вилась между тоненькими корявыми стволами, и шагать по корням не составляло труда. Кстати, такое деревце называется ишнич'и'цотц, что означает palo de colmillos murciélago, «дерево клыкастой летучей мыши» – у его маленьких плодов есть по два похожих на клыки шипа. Они-то и дали имя древнему городу Иш. Земля под моими высокими ботинками хлюпала от влаги. В излучине реки под кронами уорреновские парни спрятали лодочку, перевернув ее днищем вверх, и я сел на нее. Я еще различал очертания предметов, но вода казалась черной. Ширина реки была здесь не больше десяти ярдов, а потому эта чернота не пугала. Хор насекомых смолк, но возникло ощущение, будто чего-то не хватает.

Марена уселась рядом со мной, но не вплотную. Я на это почти не обратил внимания, что совсем на меня не похоже.

– У вас все в порядке? – спросила она.

– Вполне, спасибо, – сказал я, но голос мой, вероятно, прозвучал отчужденно и сухо.

Она прикоснулась к моему плечу и тут же убрала руку.

– Вы слишком глубоко дышите, – заметила она.

– Вообще-то обычно у меня поверхностное дыхание.

– Вы уже купались? – поинтересовалась она.

– Нет.

– А я ходила сегодня утром. Здорово. Майкл говорит, что крокодилов тут нет. И пираний.

– Резонно, – ответил я. – Пирании обитают чуть не на другом континенте.

– Отлично. – На Марене было что-то надето сверху и снизу, и она вывернулась из того и другого. Опа. Quieto.⁴⁸⁶

– Извините, не хотела вас смутить.

– Нет-нет, – промямлил я, стараясь не тарашиться на нее, но и не отворачиваться,

---

⁴⁸⁶ Спокойно (исп.).

потому что это выглядело в равной мере глупо. – Я никогда не смущаюсь.

– Только не берите ничего в голову.

Балансируя по очереди на одной, потом на другой ноге, она стащила с себя узкие, едва ли что прикрывающие трусики. Тело у нее было привлекательно на азиатский манер – миниатюрное, чуть пухленькое, округлое, и она двигалась с этакой евроаристократической небрежностью, как... Господи, да вырасти ты уже наконец, мы здесь все взрослые. Волосы у нее на лобке росли редко, не похоже, чтобы ей приходилось их сбривать.

– Да никогда в жизни, – проскрежетал я.

Слишком поздно отворачиваться. Это означало бы, что я проиграл. Поэтому я сунул в передний карман руку, протертую «клинексом», чтобы так незаметненько высвободить из пут мой мощный *verga*,⁴⁸⁷ но она увидела мое движение.

– Не смущайтесь – у многих мужчин возникает эрекция, когда они видят меня обнаженной.

Ее соски зазывно торчали в сером свете, словно миниатюрные трюфельки от «Мезон дю Шокола».⁴⁸⁸

– Безусловно, ведь... это естественно, и биологически...

Она, осторожно ступая, прошла на цыпочках и исчезла под водой. Я воспользовался моментом, чтобы поправить оружие в штанах. Оно меня вгоняет в краску, ведь по прошествии двухсот миллионов лет с того времени, как мы отделились от членистоногих, во всех человеческих телах (точнее, в половине) работает одна гидравлическая мышца, догадайтесь какая. Этакий автоматический кузнечик – чуть что, и скакнул. Женщины – млекопитающие, а мужчины – насекомые. Из воды показались ее голова и плечи.

– Ах, как это освежает, – проговорила ее голова.

– Худшее, чего можно опасаться в этих местах, это крупных каймановых черепах, – сказал я. – Хотя пиявок тоже нужно побаиваться.

– Ерунда, – засмеялась она. – Ну а вы – трусите?

– Я...

– Постойте, надо закрыть вопрос о сексуальных домогательствах. Дела тут обстоят так: вы работаете по контракту, а технически не я ваш наниматель.

– Ну да, – сказал я, – об этом не стоит беспокоиться...

– Однако вы могли бы добиться моего увольнения, хотя не думаю, что в нынешних условиях я бы сильно взволновалась, напротив, была бы рада обрести достаточно душевного равновесия, чтобы беспокоиться о подобных вещах...

– Пожалуйста, выбросьте это из головы, – попросил я.

Приведет ли наша прогулка к чему-нибудь по-настоящему интересному? Я несколько недель думал о Марене, а тут вдруг испугался, когда настал момент...

– Давайте, – сказала она, – смотрите, какая вода – она темная.

– Приятная, темная и глубокая.

– Да, как я. Ну же, не будь ослом.

– Ммм. Ничего, если я останусь в одежде?

Странно разговаривать с головой без тела в сгущающейся тьме.

– Нет, вы должны обнажить тело, как обнажили душу.

– А что, если появится Гулаг и убьет меня?

– Вы имели в виду Гргура? – спросила она.

– Да. Прошу прощения. Это значит что-то типа Трога,⁴⁸⁹ Грота или какого-нибудь

---

⁴⁸⁷ *Здесь* : член (*исп.*).

⁴⁸⁸ «Мезон дю Шокола» – известная французская кондитерская фирма.

⁴⁸⁹ «Трог» – английский кинофильм (режиссер Фредди Франсис, 1970) о пещерном человеке.

пещерного человека?

– Просто хорватский вариант имени Грегори.

– А, понятно.

– Он не придет, – успокоила меня она.

– Гм.

– Хватит упрямиться, – рассердилась Марена. – Или ты упадешь в моих глазах.

– Ладно, – сказал я.

Стараясь не подавать вида, как это трудно, стащил ботинки и вылез из капустных листов своей одежды. Наушник оставил на месте. Я шагнул вперед, воображая, что вот сейчас наступлю на череп, еще не полностью лишившийся плоти. Вода, как и во многих тропических реках, была таинственно-прохладной. На дне лежал ил, иногда попадались камни. Я и опомниться не успел, как Марена приблизилась, положила ладонь мне на голову и погрузила ее под воду. Я слегка хлебнул.

– У тебя голова на ощупь такая необычная, – произнесла она, – ты как Чиа-Поросенок.⁴⁹⁰

– Да-да. – Я чувствовал прикосновения ее мягкого тела под водой.

– Послушай, – сказала она, – я хочу тебя, правда, но сейчас столько всего навалилось, так что давай без всяких там любовных прелюдий и сопливых штук. Договорились?

– Ну да... хорошо. Лучше не бывает.

О мой бог, подумал я. ОМБ, ОМБ, ОМБ...

– Ты уверен, что готов к этому?

– Уверен, – выдавил я.

Голова у меня странно кружилась, как много лет назад на школьном вечере. Танцы-шманцы-прижиманцы. Постой, мы же не поговорили об ИППП.⁴⁹¹ Эта мысль пробилась наверх, как из толщи сна. Хотя Марена, конечно, видела мою медицинскую карточку. А я дареному коню не собирался смотреть в зубы. У нее наверняка все в порядке. Еще бы. У нее же мальчишка, о чем тут говорить. Еще я немного нервничал, что кто-то подслушивает, но, надеюсь, она все рассчитала и вывела нас из зоны настырных жучков, которые могла насадить тут Ана.

– Я тебе руки не хочу выкручивать, – сказала она.

– Нет, – пробормотал я, – то есть да. Это так прекрасно, романтично...

– Джунгли и вся эта хрень вокруг – куда уж романтичнее.

Марена повисла на мне спереди, словно альпинист на стене.

Правда, весила она не много, а в воде вообще не больше десятилетнего ребенка. «Почему это происходит сейчас?» – спрашивал я себя. Какой у нее мотив? Взбодриться? Выпустить пар из сексуального котла? Такое случается между сотрудниками в напряженных ситуациях. Она желает успокоить и подбодрить меня перед большой нагрузкой? Типа потому, что я должен умереть? Да брось ты, не смотри дареному катафалку в...

– Ты не думай, я не из жалости, – проговорила Марена, снова читая мои мысли.

– Что? А я не против жалости и готов ее принять...

– Не в том дело. Ты такой чудный, я от тебя вся теку, просто была немного занята в последнее время. Материнские обязанности.

– Да-да, – только и нашелся ответить я.

– Все, давай.

Она погрузилась в реку целиком, вынырнула, потрясла головой, как лабрадор ретривер, и вылезла на берег. Я за ней. В темноте еще угадывались очертания предметов. Марена

---

⁴⁹⁰ Чиа – растение семейства яснотковые. Американская фирма «Джозеф энтерпрайзиз» выпускает серию глиняных фигурок «чия-пет» в виде домашних животных, покрытых вместо меха густой зеленой порослью чиа.

⁴⁹¹ ИППП – инфекции, передающиеся половым путем.

встала на узенькой, словно игрушечной, косе между тростниками и водой, собрала волосы, скрутила, выжимая их. Я решился приблизиться, правда, на большее пока не отваживался, но прежде чем я успел сделать что-либо, дабы почувствовать себя хозяином положения, она ухватила мой... гм. Как его назвать? Мою восставшую плоть? Девятидюймовый гвоздь? Кота в шляпе?⁴⁹² Так или иначе, она взяла его и скрутила, будто свои волосы.

– Хорошо, смотри, – сказала она. – Я провожу бета-тестирование этих штук.

Она встала на колени, пошарила в одном из карманов своих шорт, вытащила какой-то пакетик, разорвала его – там оказался один из новых презервативов, которые надеваются только на головку.

– На, препоясай чресла, – велела она.

Я с трудом нацепил резинку. Внутри был какой-то суперклей немгновенного действия или что-то вроде, и ощущение возникло весьма странное, но все же это было лучше, чем обычные резиновые кульки.

– Давай, – сказала она. – Но только по старинке, ладно? Для анала у меня сейчас не тот настрой.

– Это как раз то, что надо, – согласился я. – Я только... должен собрать все мужество в кулак...

– Считаю до двух. Uno... uno у medio...⁴⁹³ Ммм. Ладно. – Она обхватила меня за шею, приблизила свое лицо к моему, обвилась вокруг меня ногами и направила мой... как мы там его решили называть... в свою... вагину? Пещеру? Su Tusa? Concha? El Gallo?⁴⁹⁴ – Как ни назови, мы оказались в месте назначения.

– Опа, – сказал я.

– Тебе нравится? Чувствуешь, какая я тугая?

– Вот уж точно. – Мне казалось, что я пытаюсь натянуть на себя детское платьице.

– Я в прошлом году делала вагинопластику.

– Ты говорила про кесарево сечение...

– Да. А пластика... понимаешь, современные девушки время от времени ходят ремонтироваться. Все равно что зубы отбеливать.

– Здорово, это очень предусмотрительно...

– Вот шрам от Макса. – Она взяла мою ладонь и провела ею по – как бы это назвать? – линии трусиков.

Я ничего не ощутил, кроме упругой кожи, но потом мои пальцы нащупали длинный неровный шрам, тонкий, словно царапинка на краске моего «плимута» 1973 года, которую я заметил, когда этот парнишка появился у меня в 2004 году.

– Неплохая работа? – спросила она.

– Да, видать, родить в наши дни не труднее, чем сделать маникюр.

– Пожалуй. А-а, а-а, а-а!

Ноги у меня подкашивались, и я опустился на колени, положив ее выгнутой спиной на ил.

– Чувак, – прошептала она.

«Чувиха», – хотел ответить я, но вместо этого ухитрился поцеловать ее. Она ответила коротким поцелуем. У ее щеки оказался горько-сладкий привкус репеллента «Ультратон», а запах в смеси с потом напоминал девичий аромат «Шасты».

– Ты шутишь, – усмехнулась она. – Никто больше не трахается в миссионерской позе.

– Хорошо, подожди... – начал я.

---

⁴⁹² Кот в шляпе – герой сказки Доктора Сьюза и сделанного при его участии мультфильма.

⁴⁹³ Один, один с половиной (*исп.*).

⁴⁹⁴ Мармеладку из гуайявы? Раковину? Курочку? (*исп.*) (*Прим. ред.*)

Оба-на. Меня окатили водой, намылили, отскребли, оттерли щеткой, высушили, навозили, отполировали вручную и отбуксировали на стоянку, чтобы продать со скидкой в сорок процентов.

– Обалдеть, – вздохнула она. – Кажется, у меня был фаллопиевый оргазм.

– М-да, я почувствовал, – сказал я.

Разве бывает такой оргазм?

– Кхе-кхе... это... – Я замолчал. В мой задроченный мозг словно накачали десять кубиков дофамина.⁴⁹⁸ – Извини, – выдавил я наконец. – У меня нет снов. Слов.

– А как насчет еще одного разика?

– Ммм?

– У меня есть пакетик «суперблу» – через две минуты будешь как новенький.

– Отлично.

Qué pistola.⁴⁹⁹

– Дай-ка мне. – Она потащила за конец новомодного презерватива, перекручивая его, отчего выдавилось изрядно... чего?.. ¿Qué debe llamarle? Leche? Néctar?⁵⁰⁰ Жемчужного джема?⁵⁰¹ Мой – как его бишь? – вытягивался и вытягивался, и я уже решил, что все, сейчас будет беда, но тут липкий пластик отделился от кожи.

– О-о, – выдохнул я.

– Отлично, – сказала Марена. – Ой. – Она шлепнула себя по спине удивительно гибкой рукой. – Дьявольщина. Комары нас обнаружили.

– Слушай, а как удаляется этот клей? – спросил я. – Есть что-нибудь...

– Погоди, – насторожилась она.

Запикали наушники.

– Внимание всем, говорит Килоренц, – раздался голос Аны. – У нас на территории движение, которое нам не нравится. Не шуметь и возвращаться.

Спецназовец, Майкл, доктор Лизуарте, Гргур и Хич – все сказали, что они на месте. Потом послышался голос Отзынь. «Carisce,⁵⁰² Шигеру на месте», – неохотно выдавил он.

– Система включена, – доложил я. – Подтверждаю. Пен-Пен на связи.

– Аска на связи, – сказала Марена. – Уточни обстановку.

– Они передвигаются пешком, – сообщила Ана. – От десяти до пятнадцати единиц. Численность патруля. В двадцати километрах. Но все же я хочу свернуть все за три часа. Поэтому начинаем работы в кургане А. И тогда, если они все же просочатся, у нас еще будет время для первого этапа. Так что все возвращаются. Ясно?

– Поняла, – проговорила Марена. – Дай нам две минуты. Система выключена. – Она помолчала. – Сматываемся.

(25)

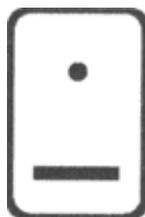
⁴⁹⁸ Дофамин – «гормон любви», нейромедиатор, вырабатываемый в организме влюбленного человека. Синтетический дофамин используется как лекарственное средство.

⁴⁹⁹ Каков отбойный молоток (*исп.*). (*Прим. ред.*)

⁵⁰⁰ Как это называется? Млечный сок? Нектар? (*исп.*)

⁵⁰¹ Игра слов: «Жемчужный джем» («Pearl Jam») – одна из групп музыкального движения гранж, пользовавшегося популярностью в первой половине 1990-х годов.

⁵⁰² Понял (*исп. сленг*). (*Прим. ред.*)

– Я хотела бы поблагодарить академию, – сказала Марена, глядя вниз с лестницы на воображаемых слушателей. – Я признательна Стивену, Джеймсу, Фрэнсису и Марти. А в особенности кружку. Избранным. – Она подняла руки над головой, приняв позу победительницы. – Я царица мира!

– Кто-нибудь там услышит или увидит тебя, – усмехнулась доктор Лизуарте.

– Извини, – вздохнула Марена и спустилась.

На нижней площадке пирамиды Оцелота среди ящиков, трансформаторов, приемников, мониторов и камер стояли Лизуарте, Хич, Майкл и я. Сзади находилась дверь в нишу ахау. Мы смотрели на юг, где лежала небольшая аллювиальная долина шириной две мили. Мы видели белую извилину реки, располосованную стволами деревьев, а на другом берегу – очертания ближайших холмов, которые когда-то были мулами. За ними поднималось кольцо гор вплоть до расщелины пика Сан-Энеро.

Кажется, я уже говорил, что мул Оцелота представлял собой самое высокое сооружение в этой части Гватемалы. Морли сообщал, что первоначально он достигал гигантских размеров и не уступал так называемой Пирамиде Луны в Теотиуакане. Но на камнях выросли деревья, долина вокруг заилилась, храм на вершине (в тридцати футах над нами) разобрали, так что курган А перестал быть господствующей высотой.

Солнцескладыватели из деревни сжигали здесь камедь и плитки шоколада, и под нашими ногами хрустели обломки керамической посуды, валялись скомканные коробки от «Ибарры». ⁵⁰³

– Я буду внутри, – сказала Марена и открыла маленькую дверь в нишу.

– Итак, Джед, прежде всего, мы хотим, чтобы вы сориентировались, – повернулась ко мне доктор Лизуарте. – Визуально.

– Хорошо, – ответил я.

Почти полная луна висела низко, отливая желтизной. В ее доме была Кровавая Зайчиха (мая видят на луне очертания зайца, моря Изобилия и Нектара – его уши), вокруг яркого диска сиял венчик, свидетельствующий о приближении дождя. Этого света мне вполне хватало, чтобы следовать инструкциям. В течение минуты я смотрел то в одну, то в другую сторону.

– Думаю, я запомню, где нахожусь, – сделал я вывод.

– Ну, приступим, – сказала Лизуарте.

Я вошел в нишу. Трапезиевидная дверь имела такие размеры, что туда, не помогая себе руками, на четвереньках мог пролезть человек небольшого роста. Тут царил запах бездонной пропасти, старых камней (впрочем, камень, какой ни возьми, все будет старый), точнее, каменных глыб, которые довольно долго никто не сдвигал с места. Марена молотила по клавиатуре своей рабочей станции. Ее лицо было подсвечено синим экраном ноутбука с одной стороны, а с другой – астрономическими лампами. Хич пользовался ими для съемок при плохом освещении. Помещение было около девяти футов в глубину и пяти в ширину, с высоким потолком в пять футов. Три стены пестрели символами, приблизительно шестьдесят процентов из них стерлись. Майкл рассказал, что в 1994-м, когда он приехал сюда в первый раз, знаки выглядели четче, но потом в нишу просочился кислотный дождь, отчего у известняка начался *cansegr de piedra*. ⁵⁰⁴ В задней стене виднелась выемка. По

---

⁵⁰³ Мексиканский бренд какао-порошка для горячего шоколада.

⁵⁰⁴ Рак камня (*исп.*).

словам Майкла, раньше здесь находился выход на внутреннюю лестницу, теперь заваленную камнями. Мы втроем с горой коробок и кабелей да еще Туалетом (кольцом головного сканера весом около ста девяносто фунтов, подвешенным на анкерах, вбитых в потолок) еле втиснулись сюда. Тесновато, но терпимо. Хорошо, что тут не хватило места для Майкла и этого огра, слава богу. Кстати, его тут вообще не было. Может, Марена приняла меры, когда я заявил, что этот тип меня пугает. Его вместе со спецназовцем и Отзынь отправляли на разведку – выяснить, что за патруль к нам приближается.

Лизуарте взяла мою голову своими каучуковыми руками и усадила меня в позе полулежа – за спину мне подсунула надувную подушку, а под шею мешочек с песком. В этом положении я мог видеть небо через дверь. Я обратил внимание, что Хич установил одну из своих крошечных видеокамер над притолокой. Доктор закрепила на мне электроды и датчики дыхания, на безымянный палец правой руки надела фиговинку для замера кислорода в крови, натянула рукав для измерения давления на другую руку, накачала меня всякой лекарственной дрянью, меченными металлами и еще бог знает чем, а я тем временем разглядывал вырезанные в камне символы над дверью. Некоторые из надписей относились к началу 500-х, но та, которая нас особенно интересовала, справа от двери, была датирована 11 Сотрясателем Земли, 5 Перепела, 9.10.11.9.17, то есть 15 июня 644 года н. э. За числом следовала фраза – Майкл интерпретировал ее как извещение о смерти 14 Ящерицы Тумана, дядюшки 9 Клыкастого Колибри и предыдущего ахау. Потом, различимый мной отсюда лишь наполовину, шел текст, написанный уинал спустя – 5 июля. В нем говорилось о восседании 9 Клыкастого Колибри (а иначе сказать, его воцарении или коронации) в возрасте двадцати четырех лет в качестве старейшины Дома Оцелота и ахау Иша. Петроглифы на задней стене мне с моего места не было видно. Их вырезали через один к’атун (приблизительно двадцать четыре года) в день 3 Сотрясателя Земли, 5 Дождевой Лягушки, и они сообщали о втором восседании 9 Клыкастого Колибри, о восстановлении его в роли К’аломте’ Ишоб и ахау Поп Ишоб, то есть царя Иша и владыки Мата. В первый к’атун своего правления он возглавил борьбу за расширение Иша (это был второй крупный период экспансии). Ахау одержал победы над городами, известными как Иштутц и Сакайют, и захватил в плен одного из их вождей. Свою власть Колибри явно сохранил. Перед вторым восшествием на престол он должен был провести в одиночестве не менее двух суток в этой комнате, а двадцатого – в день весеннего равноденствия – выйти к народу. Данный момент и являлся нашей целью. На задней стене проступали еще две династические надписи, сильно поврежденные, так что, кроме дат, ничего прочесть не удалось. Мы разобрали их: 13 Сотрясателя Моря, 9 Желтизны, 9.11.12.5.1, суббота, 19 ноября 664 года и 8 Урагана, 10 Драгоценной Совы, 13 мая 692 года. Сохранилось еще одно слово, означающее «ткать» или «тканый». Неясно, то ли глагол, то ли чье-то имя.

– Икар, как там текущее положение? – заговорила Ана.

– Все его жизненно важные функции в полном порядке, – прозвучал голос Лизуарте. Вероятно, нежизненно важные были, как обычно, в полной заднице. – Мы готовы.

– А мы записываем, – отозвался Хич.

– Надводная команда, можете начинать, – произнесла Ана.

Она вместе со спецназовцем несли вахту у основания пирамиды – наверное, лежали в грязи, вымазав лица для маскировки.

– Покатили, – прозвучал голос Майкла.

Покатили! Кати сам куда хочешь. На практике эту затею провернуть сложнее, чем может показаться. Во всяком случае, с моим техзаданием. Если уж на то пошло, мы запланировали далеко не главное мероприятие. И нужды проводить его здесь не было. Загрузка в Стейке потребовала бы меньше труда. Мы стремились сюда прежде всего затем, чтобы после эксперимента начать раскопки захоронений. Наша настоящая цель – кое-что отрыть. Тем не менее, как и в случае с влагалищем монахини, идея состояла в том, чтобы

доставить меня в конкретное место на Земле и таким образом минимизировать мою возможную дезориентацию при выходе в прошлое.

Надеюсь, дезориентация будет самой большой из моих проблем.

– Как ты там? – поинтересовалась у меня Марена.

– Пен-Пен готов, – сказал я.

Сердце у меня ушло в пятки.

– Майкл, как дела? – спросила она.

Don't do it.

– Полный, – произнес в наушник Майкл своим телевизионным голосом, – по-о-оря-а... док! Сейчас двенадцать, пардон, два часа ночи, мы направим сигнал на три часа восемнадцать минут. Персонал прошу срочно закончить все личные дела.

Cállate el pico,⁵⁰⁵ подумал я. Заткнись. Заткнись-заткнись...

Нет, подожди секундочку, Джед. Будь пай-мальчиком. Помни, что ему шестьдесят, он работает не покладая рук и, наверное, весь мокрый от пота...

– Мы будем выстреливать в двенадцатое марта шестьсот шестьдесят четвертого года, – продолжал Вейнер. – То же время летучей мыши, та же ниша ахау, загаженная летучими мышами, и приблизительно тысяча триста сорок семь лет, одиннадцать месяцев, двадцать восемь дней, двадцать два часа, ноль минут тому назад – в добрые старые времена.

Классно, подумал я, а теперь затк... бля... нись... бля... заеб...

– Готов? – спросила его Марена.

– Готов, – ответил Майкл. – Держи эту ё...

– Так, вырубаю связь, – произнесла она.

В моих наушниках щелкнуло. Слава богу, хоть этого больше нет.

– Хорошо, – проговорила Лизуарте. – Нам нужны четыре минуты на проверку системы, а потом мы запускаем вопросы и ответы.

– Валяйте, – промычал я.

Лизуарте выползла в дверь, теперь я мог наблюдать отсчет времени на большом мониторе. Или Марена дала ей понять: оставь-ка нас, нам тут нужно кое о чем поговорить. Женские штучки.

Марена встала на колени и поцеловала меня.

– Детка, – прошептал я.

– Как дела? – спросила она.

– Нормально. Остановить меня невозможно.

– Безбожно.

– Да.

– Ты помнишь, что нужно опасаться заразных болезней? – напомнила она. – Постарайся пить только кипяченую воду или хотя бы ледяную колодезную.

– Знаю. – Я уже сотню раз это слышал.

– Там будет чай из ивовой коры – аналог хинина. И репелленты. Пытайся получать побольше протеинов. Можешь есть кости индейки.

– Спасибо, мамочка.

– Да, еще майя делали чай из коры соснового дерева, пей его почаще, в нем много витамина С.

– Надеюсь, самая большая моя проблема – коровье здоровье.

– Верно.

– Вдруг они решат, что я колдун, и скормят меня рыбам.

– Напротив, думаю, они окажутся дружелюбными. Выжившие майя – самые милые люди на планете, верно?

– Да. Спасибо.

---

⁵⁰⁵ Заткни пасть (*исп.*).

Действительно, мы слишком дружелюбны, подумал я. Неудивительно, что все этим пользуются вот уже пятьсот лет. Мы всегда такие милые, типа проходи, дружок, садись, поешь тамал, изнасилуй мою сестру...

– Не ввязывайся ни в какие драки, понял?

– Я буду хорошим мальчиком.

– И ничего грандиозного не замышляй. Не пытайся реформировать систему или покорить континент.

– Этого так или иначе не случилось, – заметил я. – Насколько известно, никто в тот период континента не завоевал.

– Ах да, – сказала Марена. – Вообще-то я до конца и не понимаю всякие набоковские штучки. – Она имела в виду принцип самосогласованности Новикова.

– Новиковские.

– Разумеется.

– Это значит, я не сделаю ничего такого, что противоречило бы событиям прошлого.

– Да, но до меня не доходит вот что: если ты уже сделал все в прошлом, то почему бы нам просто не откопать пещеры? Зачем отправлять тебя к предкам?

– Тогда ничего бы не изменилось в нашем времени. Отзынь тоже спрашивал меня об этом и...

– Не могу сообразить. У меня такое ощущение, что проблему дедушки мы так и не решили.

– Как бы объяснить... Допустим, прошлое – это исторический архив. И я могу вернуться назад и совершить массу подвигов, но содержание его останется прежним. К счастью, мы слишком мало знаем об этом городе и обо всем регионе. Поэтому диапазон моей деятельности довольно широк.

– Хорошо, – сказала она, – а если ты изобретешь порох? Все сразу изменится.

– Нет-нет... В таком случае изобретение не получит распространения. И не повлияет на ход истории. Может, я и придумал порох, люди попользовались им некоторое время, а потом забыли о нем, а письменные свидетельства потерялись. Что вполне вероятно. Но предположим, завтра ты найдешь где-нибудь здесь тысячелетний кувшин с порохом. Одно другому не противоречит.

– Не знаю... все это не... гм...

– Эту теорию легче понять, когда рассматриваешь уравнения, – произнес я. – А объяснять по-английски... все равно что пытаться сложить жука-носорога в технике оригами из бумажки два на два.

– Ладно, значит, у меня будет домашняя работа.

– Я бы на твоём месте не брал это в голову.

– Я не беру. Просто немного нервничаю.

– Спасибо, – сказал я.

– Ведь ты же мой друг.

– Может, мне не следует такое говорить, но я чувствую прилив желания, – признался я.

– Мы обсудим это потом.

– Конечно.

Бесчувственная маска, подумал я. Бесчувственная маска! Бесчувственная маска!

Я уже упоминал, что в последнее время постоянно испытывал ужас, вначале, как и все, из-за катастрофы в Диснейуорлде, а потом из-за 4 Ахау. Когда я немного преодолел страх, настало время волноваться о том, что случится со мной в старой доброй Майяландии. У меня в желудке словно лежала льдинка, которая таяла вот уже месяц, но никак не могла растаять до конца. При всем при том последние две недели я, несмотря на все фобии, горел желанием поскорее оседлать этот луч. Я хотел стать Джемом-2, своим вторым «я», которое попадет в прошлое. Но одновременно мое нынешнее «я» что-то удерживало в двадцать первом веке – даже если будущего тут осталось всего ничего. Это все из-за Марены... Хотя вообще-то, Джем, брось, ты бредишь наяву. С чего ты взял, что она без ума от тебя? Она – «Маленький

красный корвет». ⁵⁰⁶ Пусть будет то, что будет. Договорились? Договорились.

Лизуарте пробралась обратно.

– Похоже, все в порядке, – сообщила она.

– Клево, – сказал я.

Успокойся, Джед.

– Отлично. – Они с Мареной опустили Туалет на грудку мешков с песком у меня за головой. – Немного назад. Голову повыше. Вот так. – Лизуарте поместила мою голову в кольцо и закрепила его комками пластилина. – Не жмет?

– Нормально, – буркнул я.

Испанский сапог. Типа берет.

– Можете сосредоточиться?

– Безусловно.

– Итак, начинаем, – произнесла Марена, и я попросил, чтобы она еще раз провела тестирование. Все согласились. Она помедлила, прислушиваясь к голосу в своем наушнике, и сказала: – Таро шлет привет.

В Стейке он и команда протокола передачи сознания передавали ей вопросы и оценивали показания моих реакций.

Я тоже поприветствовал коллег.

– Время Т минус двадцать секунд, начинаем запись, – заговорила Лизуарте.

Она прикоснулась к своим наушникам, и магниты у меня на голове ускорились до максимума, что сопровождалось прерывистым усиливающимся гудением. Я через карликовую дверь разглядывал экваториальный звездный пейзаж. Крохотным мазком на Козероге горела комета Иш-Чель.

– Начали, – приказала Лизуарте.

– Итак, Джед, – произнесла Марена. – Первый вопрос. Факториал девяти.

– Секунду. Триста шестьдесят две тысячи восемьсот восемьдесят.

– Какой сегодня день?

– Двадцатое марта две тысячи двенадцатого года, – сказал я. Мы называли наш день Д Чумовой пятницей, но на самом деле он выпадал на другой день недели. Это сбивало с толку. – 1 Земной Жабы, 12 Темного Яйца. И в...

– Хорошо. Что в новостях?

– Запущен крупный проект. Все безнадежно больные люди во Флориде, в числе которых около восьми тысяч детей, делают прощальные ролики на видео. Их поместят в большом музее.

Опа, Джед. Не говори об умирающих детях. Она же мать. У Макса все в порядке, но все же. Подобные вещи вызывают беспокойство. Только неудивительно, что у меня это вырвалось, я сегодня просмотрел пару роликов. Из дурацкого чувства долга. И то, что я увидел, мучило меня. Страдания малышей могли бы выжать слезу из самого Джо Сталина. Я сменил тему.

– Штаты... ммм... скатываются к тоталитаризму китайского типа, – сообщил я. – На каждом углу блокпосты. А вчера принят Закон свободы, согласно которому контроль над вооруженными силами сосредотачивается в руках исполнительной власти. – Марена ничего не ответила, и я продолжил: – Дело в том, что различные подразделения военных стреляли друг в друга, что принесло в пять раз больше жертв, чем сама атака, поэтому... практически это прекращает действие *habeas corpus*. ⁵⁰⁷ Многие подумывают о переезде в Швецию.

---

⁵⁰⁶ Имеется в виду песня американского певца Принца, в которой «Маленьким красным корветом» названа женщина, неразборчивая в связях.

⁵⁰⁷ *Habeas corpus* (лат. буквально «ты должен иметь тело», содержательно – «представь арестованного лично в суд») – законодательный акт, защищающий личность от незаконного задержания. Принят парламентом Англии в 1679 году.

Очередь на переливание крови все еще огромная, поэтому в Тампе и Майами почти каждую ночь беспорядки. Запретная зона официально объявлена национальным памятником. Теперь здесь самая большая в мире карафа.

– Что это такое?

– Город мертвых. Некрополь. Навсегда закрытый.

– Хорошо. Абуджа – столица какого государства?

– Ммм. Нигерии?

– Калейдоскоп по буквам.

– К, А, Л, Е, Й, Д, – произнес я. – Э-э... О, С, К, О, П.

Она не говорила, правильные я даю ответы или нет (что, впрочем, не имело особого значения), медлила, прислушиваясь к кому-то в Стейке.

– Ну что ж, все нормально, – наконец сказала Марена.

Мои извилилки прошли контроль. Еще немного, и их содержимое устремится через квадрильоны планковских единиц пространства и времени⁵⁰⁸ со скоростью один фут в наносекунду. Но я, конечно, на пути не буду ничего чувствовать или воспринимать – не больше, чем ощущаете вы, делая телефонный звонок, когда ваш голос цифруется и передается в космос, а потом отражается от двух спутников и его слышат на другом краю Земли.

– А теперь еще раз пробежим по заданию, – предложила Марена.

– Валяй.

Я должен был помнить об этих правилах, даже если опухоли образуются на ранней стадии... Забыл сказать о побочном эффекте загрузки: мозг 9 Клыкастого Колибри подвергнется такому сильному гамма-облучению, что в течение года у него разовьется серьезная форма рака. Мы рассчитали, что у меня будет около восьми месяцев, чтобы освоить игру и отправить эту информацию в двадцать первый век. А потом...

– Начали, – сказала она. – Тринадцать?

(26)

– Прежде всего, приспособливаться к их порядкам, – ответил я.

– Точно, – одобрила Марена.

Мы решили, что самое главное – даже если я, оказавшись в теле 9 Клыкастого Колибри, запутаюсь и растеряюсь – не паниковать и позволить возобладать навыкам ахау (его манере двигаться, жестам). Потом, когда я вернусь в парилку, спальня дом или гарем – почему бы и нет, – у меня будет время передохнуть и собраться с мыслями.

– Двенадцать?

– При необходимости назвать дату извержения, чтобы повисить свои котировки.

Если я лажанусь, все пойдет наперекосяк и ситуация станет опасной, следует произнести речь, которую заготовили мы с Майклом. Я предскажу извержение Сан-Мартина через шестнадцать часов после восшествия на престол. Дескать, над нами нависла страшная угроза и я единственный, кто сможет спасти народ от надвигающейся тьмы. Мы написали довольно приличный ч'оланский стих, которым очень гордились.

– Одиннадцать.

---

⁵⁰⁸ Планковские единицы – система «естественных единиц измерения», предложенная Максом Планком.

– Держись за свою команду, и все будет хорошо, – сказал я.

Когда ритуальное действие закончится и я возьму бразды правления в свои руки, мне придется тесно сойтись с людьми из своего окружения. «Вы, как главарь мафии, – поучал меня Майкл, – должны действовать через нескольких подчиненных. Если что-то произойдет – зайдете в тупик, не сообразите сразу, как себя вести, – они вам подскажут и помогут выработать нужную тактику». Мы с ним репетировали много всяких фраз: «Скажи мне, тому, кто выше тебя, что думаешь о Х» или – если спросят меня о чем-то – «Как бы ты, который ниже меня, поступил в мое отсутствие?»

– Десять.

– Научиться игре в девять камней и сыграть партию.

Я должен разобраться, как они играют с девятью бегунками, и по возможности воссоздать игру, записанную в Нюрнбергском кодексе. Если мне это удастся, то я, вероятно, узнаю, что произойдет 12/21/12, а команде Чокулы даже не придется играть заново. Они будут руководствоваться моими записками.

Но мои амбиции простирались дальше. Я был уверен, что могу узнать об игре много больше. Майкл и компания полагали, что она являлась довольно распространенной, раз правящий класс хранил ее в тайне, как и письменность. Однако я не очень понимал, как смогу играть, если при этом буду использовать чужое серое вещество.

Я считал, что получил эту работу благодаря мотивационным тестам. Но по словам профессора, главную роль сыграло мое умение моментально высчитывать календарные даты. Команда протокола передачи сознания утверждала, что способности такого рода могут быть переданы в мозг другого человека, что улучшит мои шансы изучить игру в девять камней за короткое время. Им повезло, что подвернулся я. Ребята из ППС говорили, что мое сознание освоит практически любой материал. Предположительно хозяйский мозг, обладающий хотя бы средним интеллектом и получивший от меня достаточно сложную умственную структуру, сможет работать эффективно. У него появятся некоторые игровые навыки, улучшится память, и, вероятно, он научится проделывать некоторые из моих фирменных трюков с цифрами. «Если этот тип окажется идиотом, – сказала Лизуарте, вы будете постоянно чувствовать сонливость. Что не мешает вам принимать правильные решения, потому что вы останетесь самим собой со всеми вашими мыслительными процессами». У меня возникло ощущение, что она желаемое выдает за действительное. Однако, судя по тому, что мы знали о 9КК, он не был идиотом. Скорее крутым парнем. Что ж, его ждал маленький сюрприз. А потом забвение. Несчастный сукин сын.

– Девять.

– Записывать новые сведения, и все будет прекрасно.

– Восемь.

– Найти хорошее сухое место, чтобы оставить послание.

Я немало времени провел, изучая карту Альта-Верапаса, и теперь довольно неплохо знал его. Впрочем, как и всю Мезоамерику, но более подробно. Мы выделили на карте восемьдесят две площадки с сухой, не очень твердой землей, где ни в оставшийся доколониальный период, ни в колониальный, ни в современный не проводились крупные работы – строительство, добыча ископаемых, археологические изыскания, глубокая вспашка. Там в укромном местечке я и закопаю мои записки, упакованные в воск, соль и каучук, в полной уверенности, что за последующие тысячу триста лет их никто не тронет.

– Семь.

– Сделать магнетитовый крест, который будет виден с небес.

В каждом углу воображаемого квадрата со стороной около пятисот футов я зарюю не менее двадцати фунтов магнетитового или метеоритного железа (магнитного железняка), тоже в восковой оболочке. В центре спрячу свое сокровище. Через несколько часов (здесь и сейчас, в 2012 году, как только мы закончим загрузку) три картографических спутника «Спартак» прервут основную деятельность и приступят к сканированию. Зона покрытия охватит почти всю Мезоамерику, от двадцать пятой параллели, которая проходит через

мексиканский Монтеррей, вплоть до двенадцатой, пересекающей Манагуа. Когда один из них обнаружит электромагнитное отображение креста, туда отправится аровский вертолет с командой археологов-землекопов. Они найдут записки и доставят их группе Майкла в Стейке. Если все пройдет идеально, то копать начнут уже через двадцать четыре часа.

– Шесть, – сказала она.

– Найти могилу с тонной кирпичей.

Речь шла о начале второй части операции – под названием «Янтарная гробница». Если записки не смогут дать ответа на все вопросы (выяснится, что игра – это просто сумма навыков, а не процедура, поддающаяся описанию), мы используем еще один ход, хотя тут шансов на успех было маловато. Для этого во дворце уже подготовлено все необходимое. Если повезет, мой мозг вернется назад тщательно пластифицированным. И чтобы защитить его, нужно надежное укрытие, куда соперничающие цари, грабители и случайные люди не сумеют проникнуть. Отсюда и выражение «тонна кирпичей».

– Пять.

– Найти пять компонентов геля, чтобы ожить.

Я сохраню мой мозг и попутно тело (если уж быть точным, тело и мозг 9 Клыкастого Колибри, но с моим сознанием) в быстро затвердевающем коллоидном веществе. Над этим несколько десятков лет работал «Алкор»,⁵⁰⁹ пытаюсь найти альтернативу крионике, но положительные результаты у них появились лишь два-три года назад. В Стейке мы видели несколько не самых привлекательных фильмов про опыты на макаках. Должен сказать, что обезьяны на экране выглядели очень даже ничего, видимо, привыкли к новым телам.

В лаборатории Уоррена приспособили новый рецепт к низкотехнологическим (точнее, нетехнологическим) средствам, которые несложно отыскать в прошлом. Мы сочинили мнемонический стишок для восьми ингредиентов (битума, пчелиного воска, копаловой смолы и других веществ) и еще один, более длинный, для процедур обогащения и замешивания. Я предполагал, что меня заставят поучаствовать в данном процессе. И действительно, в течение последних дней в Стейке я четыре раза готовил этот состав и испортил только один замес. О, я стал крутым спецом настоящий Железный шеф.⁵¹⁰ Нет проблем.

– Четыре.

– Задействовать противовесы, чтобы заблокировать дверь.

– Три.

– Запечатать записки, запустить противовесы крышки и не забыть пописать.

То есть для подстраховки я должен оставить вторую копию записок об игре в гробнице. Противовесы должны были медленно опустить крышку на гроб. Третий пункт объяснялся просто: мы не хотели, чтобы на коллоид воздействовали жидкости, кроме крови.

– Два.

– Разогреть гель, установить противовесы и отослать прочь своих людей.

– Один.

– Вскрыть две вены – и делу конец.

– Нуль.

– Забраться в гель и проснуться героем.

Эта часть меня тоже не особо радовала. Мне предстояло обвешаться мешками с песком, один из них привязать к шее, погрузиться с головой в теплую жижу, выдохнуть, сосчитать от десяти до нуля и вдохнуть.

– Хорошо, – сказала Марена. – Продолжаем. Назови три фильма Феллини.

---

⁵⁰⁹ Фонд продления жизни «Алкор» – некоммерческая организация, пропагандирующая крионику – сохранение человеческих тел в жидком азоте с целью их возвращения к жизни в будущем.

⁵¹⁰ «Железный шеф-повар» – японское телевизионное кулинарное шоу.

– Кхе, «Сатирикон», «Дорога», «Рим»... нет, последний вычеркни. Мне нравится «Восемь с половиной»...

– Повтори цифры в обратном порядке: 9049345332.

– 2335439409.

– Превосходно.

– Я возьму монеты Замбии за десять тысяч, Алекс.⁵¹¹

– Здесь вопросы задаю я.

– Извини.

– Если ты выкрасишь стороны тетраэдра красным или синим, то сколько разных цветовых узоров получишь?

– Ммм... пять.

– Можешь немного рассказать нам о твоей матери?

Дьявольщина. Я так и знал – спросят что-нибудь эдакое. Лизуарте обмолвилась: когда они просматривали данные другой загрузки (я говорю об опыте с Соледад), то решили, что в следующий раз немного раскачают меня эмоционально. Чтобы зажечь еще несколько слоев гиппокампа. Ну да ладно. Я стал рассказывать, как мать обучала меня игре, как мы нарвались на неприятности с *fincas*...⁵¹² Может, меня излишне напичкали медикаментами, только я вдруг осознал, что плету и плету все дальше – о больнице, об арестах в Т'оцале, о том, что это была моя вина. *Todo por mí culpa*. Все это моя вина, моя вина, черт побери. Черт побери.

– *Los Sorreanos están un grande calamidad*, – сказал я тогда.

Помню, было утро, потому что мне дали тосты из белого хлеба. «У Сорреано большая беда».

– *Diciendo debido a Teniente Хас?* – спросила как бы невзначай добрейшая сестра Елена. «Ты хочешь сказать – из-за лейтенанта Хака?»

Конечно, что мог ответить глупый, нетерпеливый семилетний ребенок? Наверное, я забыл, что нельзя говорить... Должно быть, слишком обозлился, а может, просто хотел внимания или важничал.

– *Mi padre y Tío Хас van a quemarse la casa Sorreano*, – заявил я. «Мой отец и дядя Хак сожгут дом Сорреано».

Черт, черт, черт. *Todo por mí culpa*. Через дверь я уставился на Хомам, дзету Пегаса – она едва проступала в предрассветной мгле в левой нижней части проема. Эта неяркая звезда приятного желтоватого оттенка появляется в довольно пустынной области небесного свода между Фомальгаутом и Вегой. Я замолчал. Последовала пауза.

– Хорошо, – произнесла Марена децибела на два тише, чем обычно. – Ладно. Теперь реши, пожалуйста, уравнение x разделить на x пять раз в кубе на x в квадрате плюс x равно нулю.

Вопросы и ответы продолжались еще час. В три сорок пять Лизуарте предложила нам сделать минутный перерыв. Хотя загрузка, конечно же, шла своим ходом. Марена дала мне глотнуть «Ундины» через соломинку.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Кажется, это то, что мне надо...

Прощаться не имело смысла – ведь я никуда не исчез. После вопросов и ответов мне даже сна не полагалось. Я должен был вытащить голову из этого металлического ануса и спуститься по земляной горе. А здесь оставалось мое второе «я», и его уже окружали совсем другие реалии...

Но если я был тем «я», которое обрело себя в древности... м-да...

– Я бы хотел попрощаться от имени своей полной копии, сказал я.

– Да, – ответила Марена. – Ни пуха, мальчик.

---

⁵¹¹ Герой цитирует Джеймса Паттерсона, автора романов о детективе Алексе Кроссе. (Прим. ред.)

⁵¹² Фермами (исп.). (Прим. ред.)

- К черту.
- Ты их поразишь насмерть.
- Спасибо.

Она взяла меня за руку. Какие нежности. Ты смотри с этим дерьмом поосторожнее.

– Отлично, – засмеялась она. – Едем дальше. Назови своего первого голожаберного моллюска.

– *Hermisenda crassicornis*.

Снаружи занимался рассвет. Наверное, из-за красной лампы небеса казались зеленоватыми. Иш-Чель оранжево сияла и явно увеличилась. Я закашлялся.

- Имя твоей первой настоящей подружки?
- Ее звали Джессика Ганнисон.
- Кто говорил голосом Микки-Мауса?
- Подожди секунду, – попросил я.

У меня болел язык. Я не сводил глаз с Иш-Чель. Теперь она сменила цвет на красный, и Вега, находившаяся над ней и чуть левее, тоже заалела, а потом ниже появилась третья багровая звезда, их стало пять, девять, тринадцать, и эти точки начали сливаться... Я понял: это капли крови, которые каплют с моего языка на сложенную петицию Оцелоту Один в Чреве небес. От ударов гигантского ствола черного дерева вибрировали камни.

– Джд? – донесся до меня голос Марены.

У меня все хорошо, попытался ответить я, но рот у меня наполнился болью и кровью. Что-то я запомнил. Не волнуйся, хотел произнести я, вообще-то у меня все распрекрасно. Возникло ощущение, что я вот-вот отключусь, словно после бессонных суток, и одновременно во всем теле чувствовалась легкость. Я вдохнул струю загустевшего воздуха. Чего в нем только не намешано – дым жертвоприношений, запахи дикого табака, гераниевых почек, паленой кожи, кинзы, каучука, пузырящихся кристаллов копаловой смолы и еще один сильный аромат из прошлого, счастливого прошлого, ах вот оно что – шоколад...

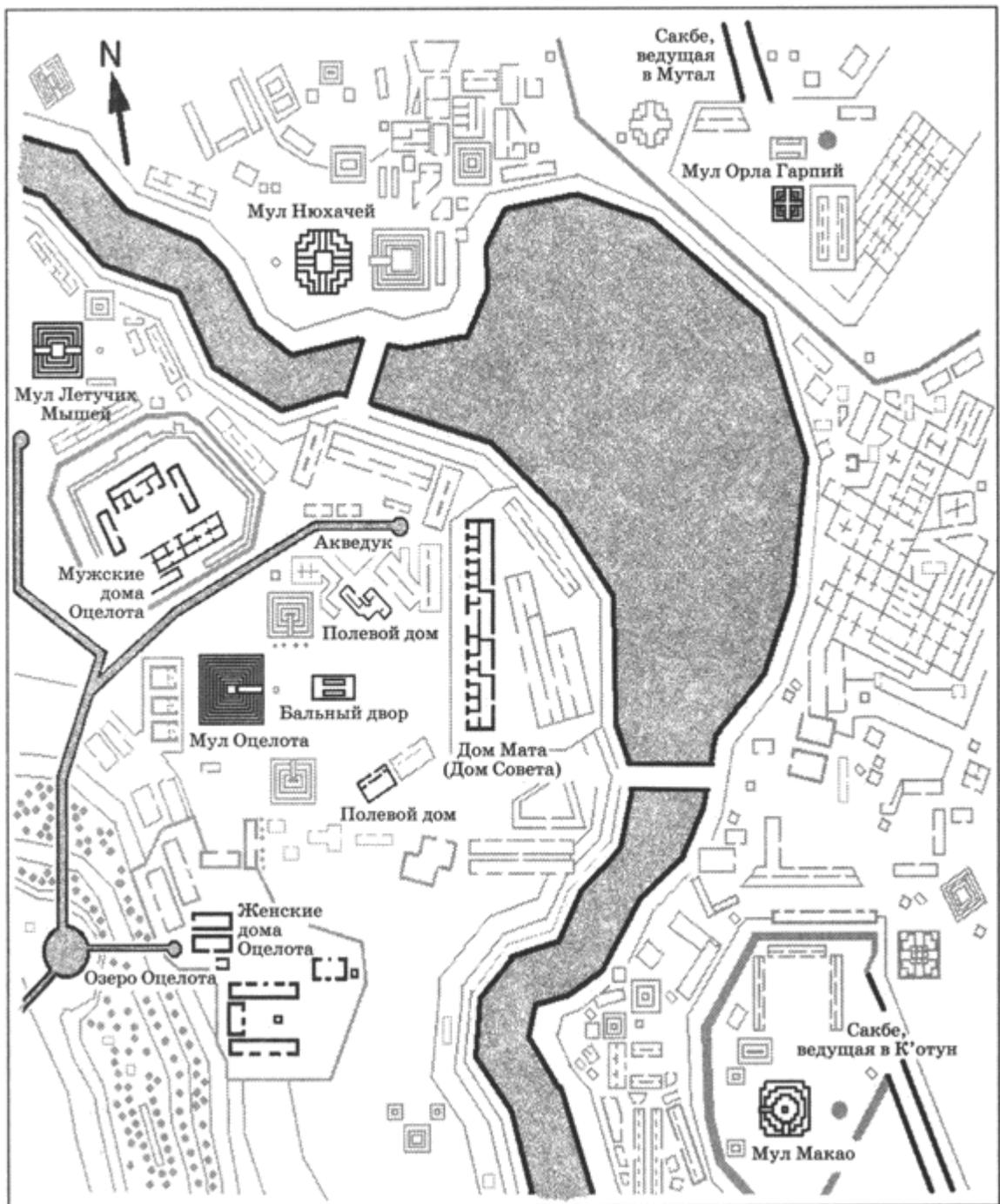
Постой.

Я забыл кое о чем – не...

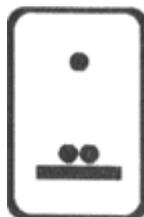
Часть вторая ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ КОРИЦЕ

Иш в 664 году н. э.

(27)

Мы протасили терниевую бечевку через наш язык, сожгли ее, выползли через дверь, поднялись на пять ступенек и встали на краю великой жертвенной лестницы. Смеющиеся люди, ишиане, подтянулись поближе и начали отсчет, вернее – подсчет, толпа словно

пульсировала с каждой цифрой, крутя парадными щитами – те были украшены перьями, и когда поворачивались то одной, то другой стороной, человеческое поле меняло цвет с холодного красного на сине-зеленый, а потом снова на красный, и так без конца.

Черт. Мы ничего этого не предвидели.

Я имел довольно четкое представление о том, как выглядел дворец, но в реальности он оказался совершенно иным. Сперва я даже подумал, будто наша волна промахнулась мимо Иша и я попал в древнее королевство Кхмер или, скажем, в Атлантиду, а может, в будущее, на чужую планету... Ну-ка, Джед, сориентируйся. Вот там пик с расщелиной – это Сан-Энеро. Только он весь застроенный и... эх. За золотыми завитками жертвенных перьев мир то пропадал из вида, то вновь появлялся. Где-то внизу вскрикнул купологоловый пленник, но этот звук тут же замер – его прервал кудахтающий всхлип.

Е-мое, значит, все-таки получилось.

Я откинул назад голову и проглотил набравшуюся в рот кровь. *Es delicioso*, подумал я, столько слоев вкуса – масло сахарной кукурузы, медь, умами, морская вода... лучше этого нет ничего в мире, она струится из темно-пурпурной вены, мгновенно превращается в алую, медленно смягчается до охры, переходит в черный аметист и наконец сворачивается в мягкие комочки, которые просто насыщены пикантным ароматом...

«М'аш эче? Кто ты? Ты один из четырех сотен?»

Что?

Кхе.

Что это такое было?

«Ты один из тринадцати? Или один из девяти?»

Это был я, что ли?

«Вылезай из моей кожи».

Вот черт. Я не был хозяином положения. Его сущность не стерта. Я в ловушке.

Уук ахау к'аломте' йашок...

Владыка, великий отец,

Дедушка-бабушка –

Нулевое солнце, перворожденное солнце...

Дьявольщина.

Вот незадача, Джед, братишка. Не то время, не то место. Нет, время то, приблизительно то место, явно не то тело. Соño, соño, соño, трах твою, трах мою, трах бах шмах.

Вот уж точно «ниша ахау». Естественно, тут должен находиться ахау. Верно? Мало. Неверно.

Этот тип Чакал – замена 9 Клыкастого Колибри. Царское самопожертвование по доверенности. Они собираются отдать меня на съедение человеческим акулам, а через несколько дней 9 Клыкастый Колибри восстанет из могилы, а скорее, из кухни и усядется на прежнее место. Черт, мы обделались. Хорошее начало, ребятки. И ты хорош, Джед. Так тебе и надо – нечего было им доверяться. ¡Cutre! Идиот, болван, кретин...

Остынь.

Не повезло. Так сделай что-нибудь. Оцени ситуацию. Перестройся.

Вот бля, *Dios te salve, María, ni modos*,⁵¹³ все без толку, все без толку.

Фаланга, веко, сфинктер, что угодно. Думай. Думай. Думай.

О, *chingalo*,⁵¹⁴ о бля, о бог, о блядский бог.

---

513 Спаси тебя Господь, Мария, не очень-то и хотелось (*исп.*). (Прим. ред.)

514 Нецензурное испанское ругательство, приблиз. «так его!». (Прим. ред.)

В западне. В ловушке. Helido. Залит эпоксидкой. Люцитовое пресс-папье – вот вам сувенир.

Сосредоточься. Шевелись. Напрягись. Открой рот. Скажи!

Nada.⁵¹⁵

Клаустропаника. Е-мое-бля-е-мое.

Está chupado,⁵¹⁶ ерунда на постном масле, так давай же прокричим это, а? Жизнь или смерть.

Все это делают, со всеми это происходит, с птичками, пчелками, даже с ручными блохами, так сделаем же это, прекратим существовать, о господи, о господи.

Внушим этим мудакам убийственную дозу У-В-А-Ж – et cetera. Да они выстроятся в очередь, чтобы поцеловать нас в зад. Да?

Нет ответа.

Господи, блядский род, Иисусе.

Последняя возможность. Давай же, Чакал. Мы же с тобой кореша? ¿Compadre? Не делай этого. Послушай. Хотя бы не закрывай уши. Ты подумай. Нечасто подобные вещи случаются с людьми. Это не такое событие, чтобы можно было просто отмахнуться. Что бы эти жулики тебе ни говорили, тебе стоит лишь попытаться, и они подчинятся. Все до единого. Мы с тобой станем здесь править. Вместе. Ты и я. Чанг и Энг.⁵¹⁷ Легко. Дай мне десять дней – и эти оцелотовы кретины будут нам salabazo⁵¹⁸ подтирать. Никто не будет нас презирать. Ну. Скажи это. Скажи.

Бесполезно.

Я напрягался изо всех сил, чтобы внушить ему хоть одну здравую мысль. Чакал, глупо упиваться последней минутой жизни, остановись, и я вытащу тебя из передрыги, но ты должен выслушать меня, выслушать меня, послушай меня одну секунду, послушай, пожалуйста...

Молчание. Он задумался. Его концентрически сужающиеся суеверия душили меня.

Эй, обратился я к нему в очередной раз. Поработай мозгами. Попытайся понять, что я тебе говорю. Это не центр Вселенной, por el amor de Dios,⁵¹⁹ а всего лишь Центральная Америка, и если ты позволишь мне объяснить кое-что, то тебе вовсе не захочется умирать. Я могу спасти нас обоих, мы можем выбраться из этого дерьма, выбраться из этого дерьма, выбраться...

Четыре солнца, потом пять солнц...

Слух у Чакала был получше моего. Он различал каждый отдельный голос из хора и мог определить, болен или здоров поющий, молод или стар, подпилены у него зубы или нет. И мы оба чувствовали: каждый там, внизу, верил, что его присутствие необходимо, чтобы вызвать Оцелота Один из его пещеры в поднебесье.

Восемь солнц...

---

⁵¹⁵ Ничего (*исп.*).

⁵¹⁶ Грубое испанское ругательство, приблиз. «отсосать». (*Прим. ред.*)

⁵¹⁷ Чанг и Энг Бункеры – братья-близнецы, сросшиеся грудными клетками, родились в Сиаме, отсюда и пошло название «сиамские близнецы».

⁵¹⁸ *Здесь* : задницу (*исп.*).

⁵¹⁹ Да бога ради (*исп.*).

Мы смотрели вниз. В сторону смерти. Перья черного каучукового дыма поднимались к нам из гигантских *incensarios*⁵²⁰ у основания лестницы, в оке урагана... Пес Господень, эти ступени. Они не для подъема – только для спуска. По расчетам Майкла, когда кто-нибудь весом со среднего мужчину маяя того периода (скажем, Чакала) прыгал сверху, он оказывался у основания приблизительно через 2,9 секунды – грубо говоря, за это время шар боулинга прокатывается по дорожке и достигает кеглей, – и в большинстве случаев совершивший прыжок достигал пункта назначения по частям. Целое делилось по меньшей мере на два. Да-да, еще минута – и мы пойдем на начинку для тамала, наша голова послужит мячом для грандиозной футбольной игры. И не только меня постигнет эта участь, но и всех в 2013 году (я говорю «всех» в буквальном смысле)...

Давай, Хоакин, бери в руки штурвал. Шевельни его ртом, найди этот синапс, нажми эту кнопочку. Возьми этот вес. Давай. Постой-ка. Что это было? Кажется, моя левая нога дрогнула. Да, вроде бы. Еще раз. Еще.

Ничего.

Частичка кожного пепла пролетела у нашего лба, и мне почудилось, что уай Чакала, его животное «я», полетел, опережая нас, – это была серая сова. Настал миг абсолютного равновесия. Все шестьсот двадцать (плюс-минус) мышц нашего тела напряглись. Казалось, меня увлекает поток, в котором отсутствует мое «я». Будто я – желтая летучая рыбка, выпрыгивающая из плетеного эмалевого моря, а потом уже не одна рыбка, а стая, настоящая армия рыбок, выскакивающих из волн одновременно и плывущих по ветру. Мы в последний раз набрали в грудь воздуха.

Черт. Марена будет гадать, что случилось. Она решит, что я облажался.

Попробуй. Еще раз. Шевельнись!

Ничего.

Вуклахун тун...

Девятнадцать солнц...

Последний шанс упущен. Все шансы упущены.

Что ж, по крайней мере, я видел это. Тоже немало.

Готов.

Пожалуйста. Еще одну секунду. Пожалуйста.

Я переступил с ноги на ногу в поисках опоры на каменном трамплине. Нашел самую подходящую точку. Присел по-кошачьи, опуская мое увешанное драгоценностями тело, горя желанием прыгнуть вниз. Что ж, значит, так тому и быть, подумал я. Ночные Жеватели никогда не обратят меня в рабство. Мне не придется, сражаясь, пробиваться в подводном мире. Курильщики воспримут меня как настоящего 9 Клыкастого Колибри. Они проводят меня прямо в чрево тринадцатой небесной раковины, прямо в огонь. Наконец-то я смогу отдохнуть. Я погружусь в забвение.

Число-двадцать число-двадцать снопов солнца,

Это то число, которое мы просим тебя дать нам,

Оцелот Один, который над нами, приди к нам, возлюби нас.

Молчание. Где-то заворковал голубь.

Вот оно, сказал я себе. Нет, ты уж лучше подумай что-нибудь умн...

Раздался одинокий голос. Он звучал откуда-то сзади и сверху. И принадлежал явно не человеку. Попугаю? Нет, обученной паукообразной обезьяне. А может, затрещал скребковый

---

⁵²⁰ Кадил (*исп.*).

синтетическо-кубистическую конструкцию, выстроенную задолго до существования этого термина. Одно из длинных перьев гребня щекотало мой лоб, и я увидел, что оно искусно составлено из сотен красных перьев попугая, воткнутых в бамбуковый стебель. Великан вытянул коготь и взял меня за подбородок. Под его клювом из папье-маше на костной основе, в глубине птичьей глотки, я увидел того, кого чудище успело проглотить. Крошечная, отливающая красным головка, голая, как черепаший панцирь, и сморщенная, словно коралл мозговик, поедала меня блекло-оранжевыми хищными глазками. Я понимал, что Чакал лично знает его, более того, близок к нему и преклоняется перед ним. И я догадался: это красный бакаб,⁵²³ бакаб востока, 2 Драгоценный Череп.

«Убей меня, – молча взывал Чакал. – Поглоти меня. Я погубил нас, я погубил себя, отрекись от меня».

Стыдно. Черт побери. Я-то при чем? Но мы с Чакалом делили эмоции так же, как сиамские близнецы делят между собой систему кровообращения, и я краснел вместе с ним и тонул в трясине всеобъемлющего позора. Это чувство было мне знакомо прежде, но я никогда его не испытывал, с тех пор как... я даже не помню, с каких пор. Наверное, последний раз в детстве, в ту пору, когда у каждого случались промахи. Например, ты проигрывал матч в кикбол, и ребята, болевшие за тебя, начинали кидаться большими красными лохмотьями кедровой коры.⁵²⁴ Все вокруг смеялись над тобой, а тебе отчаянно хотелось провалиться сквозь землю, ты одновременно испытывал ненависть к издевателям и страх, что они оттолкнут тебя, и эти чувства нисколько не противоречили друг другу... Но у Чакала даже не оставалось надежды на передышку, как у тебя, – ведь ты мог убежать с поля, бросить игру, пойти домой к родителям, пожаловаться школьной медсестре, которая относилась к тебе с большим сочувствием... А потом ты вырос, и горечь поражения забывалась. Тогда как для Чакала был только один выход, а я только что наглухо перекрыл его. Я вперился взглядом в руку 2 Драгоценного Черепа – нефритовые щитки вокруг запястья, на обнаженном предплечье корочка киновари, распадающаяся на чешуйки на рыхлой коже, торчащий из них одинокий пучок черных волос, словно апорокактус в пустыне Мохаве. Я хочу сказать, что эпифитные⁵²⁵ кактусы обычно растут... Оба-на. Сейчас вырубимся. К этому моменту мы сдерживали дыхание уже около минуты, и у меня перед глазами поплыл серый туман, как однажды, когда я маленьким порезался и чуть не истек кровью. Хищный голос, который я приписал 2 Драгоценному Черепу, пронзил углекислотный гул в нашем черепе, и мне послышалось слово лук'кинтик – «осквернение». По тону великодома мне показалось, что он оправдывается. Мольба? Горячие пальцы протиснулись мне в рот. Я потерял чувство ориентации в пространстве и начал падать в мягкую красную темноту. «Неужели я наконец лечу вниз?» – спрашивал я себя. Пожалуйста, дай мне упасть, не удерживай меня, дай мне свалиться, я хочу этого, я хочу этого.

(29)

---

⁵²³ Бакаб – держатель неба в пантеоне майя. (Прим. ред .)

⁵²⁴ Кедровая кора широко использовалась индейцами, в частности для изготовления одежды.

⁵²⁵ Эпифиты – растения, живущие на поверхности других растительных организмов, но не питающиеся их соками, а пользующиеся ими только как точкой опоры.

Я ничего не видел и не чувствовал, но каким-то чутьем определил, что короб слишком короток, чтобы я мог вытянуться, и чересчур низок, чтобы я сумел присесть. Что меня вполне устраивало. Ужас настолько меня обуял, что я съежился калачиком.

Зудит. Зудит в глазах. Почесаться бы.

Не получается. Руки связаны.

Пить хочется.

Я попытался проглотить слюну, но не мог закрыть рот. Наконец мне все же удалось это, но слюны во рту не оказалось, отчего мне стало только хуже. Тьфу. Черт.

Я скукожился в позе зародыша на левом боку. Нет-нет, скорее на правом. Где моя рука? Вероятно, я придавил ее своим весом. И она затекла от плеча до пальцев. Правой ноги тоже не было. Или левой. Если бы я их увидел, то сказал бы точно. В любом случае, та половина моего тела, на которой я лежал, вся онемела. Растянутые мышцы верхней части страшно болели. Бог знает от чего. Зудит. Я, извиваясь, попытался почесать левое веко о стенку. Дотянулся. А-а-а, благодать.

Кхе.

Я замер, ощутив колебания непонятного происхождения. Нет, я точно сохраняю неподвижность. Это короб. Он раскачивается. Туда-сюда. Его, очевидно, подвесили. Высоко ли? Снова трусь щекой о стену. Она узловатая и податливая. Не сплошное дерево, а плетенка. Я вишу в корзине.

Что ж, разумно. Нет острых кромок – не порежешься, нет жесткого пола – не ушибешься. Обитая мягким камера. Они хотят, чтобы я остался жив. В общем и целом. Неудивительно, что рот не закрыть. Туда воткнули какой-то ком, чтобы я не укусил себя за язык и не истек кровью. Я немного распрямился, потом повернулся, упираясь в стенку короба. У него была ширина в одну длину руки, а длина – в две, и я своим помутившимся сознанием отметил, что уже начинаю мыслить майяскими категориями и оперирую единицами приблизительно по двадцать шесть дюймов, а не футами и метрами. Высота короба составляла около полутора длин руки. Ни встать, ни вытянуться... о черт, черт. На меня накатила приступ клаустрофобии, и я понял: все, сейчас потеряюсь вконец. Однако собрал остатки воли в кулак, вопреки (или благодаря) боли и усталости. Все-таки мое новое тело пострадало изрядно. Успокойся, успокойся, *calmate*, все хорошо, Джед, ты жив, все утряслось. Спокуха. Запаникуешь – и можешь ставить на себе крест.

Пить хочется.

Токи воздуха, излучавшие тепло камни внизу, щенячий скулеж где-то за стеной подсказывали мне, что я нахожусь в маленьком закрытом дворе и сейчас вторая половина дня. Наверняка. Я прислушался. Откуда-то доносился хруст, курлыкали индейки, журчал ручеек, еще одна собака – взрослая – лаяла далеко-далеко, и на этом фоне проступил отдаленный, но всепроникающий хор бесчисленных хлопков, ностальгический, вызывающий слезы звук, – так женщины готовят ваахоб, лепешки, перекидывая кукурузное тесто с одной ладони на другую. Он оставался неизменным с самого детства Джеда, моего детства. А потом я различил (подумать только, эти новые уши просто как радары) крики игроков, такие родные, как стук материнского сердца в чреве, и глухие удары каучукового мяча.

Оба-на.

Перед моим мысленным взором возникла картинка игры в хипбол – явно из прошлой жизни Чакала. Лес и просека с насыпями земли и стволами по сторонам (этакая зачаточная спортплощадка), два голых паренька, а за ними смутно – группка людей у конца поля. Лицо одного мальчишки было окровавлено. Его наказывают? Нет, я услышал подбадривающие голоса болельщиков и понял, что мяч попал ему по лицу и такой удар давал противнику

выигрыш. Но видение тут же сменилось другим перешло в воспоминания Чакала о его последней игре, полностью постановочной, один на один против 9 Клыкастого Колибри. Ахау выступал там в роли 7 Хунахпу, героя-близнеца,⁵²⁶ а Чакал изображал Девятого Владыку Ночи. Короче, был плохим парнем. Играли ночью, и поле освещалось сотнями высоко поднятых факелов. (Клыкастый Колибри стоял на другом конце площадки в маске и в сандалиях на высокой подошве, словно на ходулях, но это не могло скрыть его ярко выраженную ахондроплазийную карликовость.⁵²⁷ «Рабочие сцены» (а может, слово «невидимки» – как в японском театре – подходит лучше?) с помощью двух тонких шнуров, прикрепленных к длинным палкам, таскали пустой бумажный мяч туда-сюда, как птицу в театре марионеток. Публика, конечно, все понимала, но ее никто и не собирався обманывать. Что касается духовного воздействия, то здесь манипуляции производили ничуть не меньший эффект, чем настоящая игра.

Двоих парней я точно знал – они играли со мной в одной команде. Гладколицега звали Хун Шок (1 Акула), а того коренастого, с плоской физиономией, – 2 Рука. Но до чего же трудно пробиться сквозь чужие воспоминания, как...

Так, снова возникает этот вопрос. Что чувствует человек, становясь частью кого-то другого? Это все равно что проснуться в полной темноте в большом незнакомом доме, наполненном мебелью и *objets*,⁵²⁸ и пытаться найти выход. В глубине души я всегда считал себя настоящим майя, но теперь понимал: я всего лишь невоспитанный, невежественный янки, яппи, янг. Получив новое тело и разум, я увидел мир совершенно иным. Например, я всегда считал Землю (мы говорим: мих к'аб', нулевая Земля, нулевая скорлупа творения) круглой, точнее – шарообразной. Но теперь я представлял ее не сферической и, конечно, не плоской, а похожей на стопку лепешек. Каждый слой, или щит, находился в другом, как кожурки расплющенной луковицы. К тому же эти оболочки были живыми.

Удушье.

Ну же, дыши. Эта дрянь во рту. Может, губка. Открой. Так. Закрой. Не могу. Опа. Кислотная отрыжка – сплошное мучение. Я втянул ртом воздух, и боль в моем растрескавшемся горле неслыханно усилилась. Но я стерпел, чего не сумел бы сделать в шкуре Джеда. Да, тело Чакала довольно выносливо, тут нет вопросов. Но проку от этого никакого, если я не могу двигаться. Жажда. Нет, мне и в самом деле нужно проглотить слюну. Включить язык. Где он? Отрезан? Нет, постой. Онемел. На своем месте. Нормальный язык. Не вешай носа, приятель.

Я отодрал язык от нёба и сжал зубы, правда, не плотно, сделал глотательное движение, но во рту была сплошная сушь, стало только хуже, ой-ой, погоди-ка. Я засунул его язык (мой язык, что-то у меня путаница с местоимениями) в волокнистую массу и покрутил им в поисках жидкости, наконец нащупал немного и принялся облизывать незнакомые бугорки и трещинки во рту, смачивая их густой горьковатой жижей. Ну и где же мой страх? Опаньки. Пропал. Гм. Что-то не так с моими зубами. Они странно изменились. Два верхних центральных резца подпилены, со стороны центра осталось в целости около трети каждого из них, и они торчат невысокими L-образными корешками. Справа и слева от этих шпорообразных пеньков часть зуба отсутствовала. Я даже и не представлял себе, как приятно было проводить языком по моим прежним зубам, не то что по чужим заостренным хреновникам. Нужно быть осторожным, чтобы не порезаться... А это что еще за щербина? Похоже, нет двух коренных. Ах да. Я потерял их в игре Один Тростник на 39 Поле, против нас играл 2 Громила, и я тогда забил четыре и убил...

---

⁵²⁶ Герои-близнецы – главные действующие лица сакрального эпоса народа киче Пополь-Вух.

⁵²⁷ Ахондроплазия – недоразвитие длинных костей, ведущее к карликовости.

⁵²⁸ Предметами (*фр.*).

Нет, не я. Чакал. Игрок в хипбол. Речь о его карьере. Думай.

Ну-ка, открой глаза.

Опа. Не могу.

Сейчас чихну.

La gran puta, подумал я, каким Schande⁵²⁹ обернулся сей эксперимент. И на кой черт мне это сдалось? Ложился бы себе баиньки в двенадцать часов. Мое другое «я» сейчас, должно быть, проводит время в одном спальном мешке с Мареной. Сейчас – в фигуральном смысле, разумеется. Погоди-ка. Я ревную сам к себе? Прекрати дурить. Соберись.

Ладно. Открой глаза.

Ничего не изменилось.

Ну что ж, отлично, на проект затрачено больше шестисот миллионов долларов, а я торчу в корзинке, как заплесневелые груши от «Гарри и Дэвида». ⁵³⁰ Сколько я уже здесь? Дни? Жажда мучит. А что с вулканом? Неужели я пропустил извержение? Нет, ni modos. Не мог я провести здесь три дня. К тому же мне говорили, что на таком расстоянии уши закладывает от грохота. И скорее всего, день или два спустя, когда облака пепла поднимутся достаточно высоко, по ночам из любой точки Мезоамерики будет видно сияние.

Может, майя ждут, сбудется ли мое предсказание? Тогда у меня есть шанс. По крайней мере, этот типчик Чакал исчез. Вернее, я больше подспудно не считаю себя Чакалом. А ничего другого и не надо, верно? Твое «я» – тот человек, которым ты себя ощущаешь, а не реальное...

Опа. Зуд в глазах – это более чем реально. Почеши их. Я выгнул...

Трах.

Оба-на.

Я высвободил пальцы одной руки и пошевелил каждым. Суставы тихо потрескивали и пощелкивали, боль еще давала о себе знать, но уже утихала. Приятно. Что же, теперь вытаци вторую руку. Ого. Подожди-ка, а где...

Черт. Ампутирована! Паника.

Я нащупал то, что счел культей моей второй руки. Ничего. Черт. Подожди. Ты чем-то двигаешь, это не та рука и не то направление. Странно.

Кхе. Я реверсировался и стал правой?

Гм.

В самом деле. Ладно. Я принялся рабочей рукой массировать занемевшую, но та все время выскальзывала. Это было похоже на попытку двигать курсор, когда экран неожиданно переключился из ландшафтного режима в портретный.

Поднеси руки к глазам. О-о. Еще раз. Не получается дойти до места назначения... Ага, теперь понятно. Руки связаны спереди и висят на длинной веревке, прицепленной к потолку короба. Черт. Я попытался приподняться, но и этого не смог. Наверное, грудь примотали к днищу. Ну да, конечно. Проклятье. Пить хочется.

Я втянул еще глоток воздуха. Омерзительный сладковатый запах вызвал воспоминание о псе со свалки. У него были большие неровные пятна на передних лапах. Да. Так воняли слизь или гной, какие-то выделения из открытых язв. Неужели у меня кожное заболевание? Проклятье. Погоди.

Слушай.

Скрип или хруст, о котором я уже, кажется, говорил, сделался громче. Похоже на мяуканье. Кошка? Нет, это стонет человек.

Попытка открыть глаза не удалась. Ребенок? Нет. Ага, понял... Голос стариковский.

Звук наконец вызвал картинку с «жесткого диска» Чакала: несколько – восемь или

---

⁵²⁹ Позорищем (нем.).

⁵³⁰ «Гарри и Дэвид» – американская компания, специализирующаяся на доставке фруктов по заказам.

десять – таких же больших плетеных коробов, висящих на подобии оси перед стеной. У видения были свои специфичные краски: две корзины справа имели ярко-зеленый цвет, а прочие выщвели на солнце и обрели сероватую окраску. Интересно, тот ли это двор, в котором я нахожусь, или похожий? Но так или иначе благодаря Чакалу я знал: в каждой корзине заперт заключенный, шелест – всего лишь дыхание других узников, а мерзкий запах издает их гниющая кожа, медленно опадающая с плоти, стоны же исходят из старой корзины, в которой человек провел годы, и годы, и годы.

Мне, понятно, достался зеленый короб справа. Ты долго проторчишь в этом ящике, Джед. Может быть, целый к’атун, если тебе не повезет, а это двадцать лет, пока снова не придет день смерти. Чтобы ты чувствовал больше боли. Больше моли. Больше воли.

Черт. Вот оно. Это конец. Больше я ничего не увижу. Так здесь и останусь. Навсегда. Навсегда. Навечно. О мой бог, о мой бог, о мой бог.

Неконтролируемая паника – это не сон и не потеря сознания, но потом все равно трудно вспомнить, что с тобой было. Я думаю, что некоторое время бился и, вероятно, кричал, а может, кричал другой заключенный, а потом я снова попытался открыть глаза. Ну, давай же, ты должен увидеть. Сосредоточься.

Я напрягся и выгнулся. Полный ноль. Оказывается, есть орбитальные мышцы, о которых я понятия не имел. Я напрягал их снова и снова. По-прежнему ничего. И вдруг я понял (либо из-за боли, либо из-за прочности пут, а может, потому, что Чакал наблюдал, как это делают с другими людьми), что мои веки зашиты. О госп...

Стой.

Тут кто-то есть. Совсем близко. Не нужно было трясти эту штуковину. Что это они делают? Смотрят на меня? Пить хочется.

Нет, не проси. Не позволяй...

Опа – меня подбросило. Что-то меня ударило. Ого. Как ярко, даже сквозь веки просвечивает. Извержение? Постой...

(30)

Боковина короба раскрылась, и я перевернулся. Кто-то меня держал. Не голыми руками, а как будто в рукавицах. Я почувствовал, как разрезают веревки, но у меня не было ни малейшей возможности в подробностях понять, что происходит. Эти люди действовали слишком уж профессионально, как полицейские, которые могут тебя обыскать, заковать в наручники и затолкать в камеру в считанные секунды. Корзина извергла меня на солнечный свет, который обжег мою кожу, словно горячим маслом. Вкус у воздуха был необычно сладким. Я лежал ничком на плитках. Свежая кровь потрескивала в моей холодной ноге и теплилась в пролежнях у меня на спине. Высоко в небе прокрякала пара уток. Нет, это явно не извержение, подумал я. Я нащупал указательным пальцем, а если точнее, указательным пальцем правой руки, маленький удлиненный нарост на пыльном камне, словно пытаюсь умственно ухватиться за него. Вероятно, мы все так иногда поступаем, когда сбиты с толку. Ты цепляешься за первый попавшийся предмет, словно он может послужить доказательством твоего существования. Во всяком случае, я цепляюсь.

Я не ошибся – день клонился к вечеру, и, не видя солнца, но ощущая, что его лучи падают под углом, Чакал сумел сориентироваться. Я лежал лицом к югу. Но это был не тот юг, каким его знал Джед. Представление о сторонах света изменилось. Как почти любой человек в двадцать первом веке, я полагал, что север наверху, юг внизу, восток справа, запад

слева – ведь именно так мы видим мир на карте. Но для Чакала наверху находился юго-восток, а внизу – северо-запад. И весь мир, казалось, наклонился, запрокинулся к западу...

Гортанный, довольно высокий голос полупропел, полупрохрипел, обращаясь ко мне:

Инто'он хо тууло
Та'аник-ееч...

Мы пятеро обращаемся к тебе,
К тому, кто под нами: кто
Высрал тебя,
Кто выносил тебя, гнойник человеческий?

Говоривший стоял от меня на расстоянии в десять длин руки. По его словам я понял, что он солнцескладыватель Орла-Гарпии, что-то типа семейного священника. Да и по голосу тоже... Туманный образ этого человека возник из воспоминаний Чакала. Калека, но не карлик... Я даже знал его объявленное имя, точно знал, его звали... ммм, как его звали?

Дайте ему желтой воды,
Красного масла, красной браги,
Белой воды, защитного масла
И сине-белого пепла...

Начался дождь. Горячий дождь со всех сторон. О бля, это же моча. Я инстинктивно сжался в комок, вытянув все еще онемелую ногу. Ничего, кроме пустоты, в ней я не ощущал, лишь в кончиках пальцев началось покалывание.

Вокруг меня собралось не меньше четырех человек, и каждый испускал из себя чудовищное количество жидкости. Ну их в жопу, подумал я. Проклятье. Водные виды спорта. Ничего личного. Это действует очищающе? Да? Возможно.

Кто-то направил струю мне в лицо. Послышался смешок. Пустяки, показалось. «Ты напрасно испытываешь унижение, – уговаривал я себя. – Они тебя не знают». И все же трудно сохранить хладнокровие, когда... Господи Иисусе, откуда в них столько мочи? Уберите, ребята, ваши орудия, я вас понял. Сволочи, сволочи. Ну подождите, когда я тут стану главным. Я поставлю вас на круглосуточное сортирное дежурство. А это значит, что вы у меня и будете сортиром.

Наконец, в согласии с законами природы, моча у них кончилась. На меня хлынула новая волна – холодная, омерзительная, кусачая дрянь, какая-то смесь кислого б'алче' (пива из сирени), масла и щелока с жутким лимонным запахом муравьиной кислоты, которая в эти дни (до появления «Дженитор ин а драм»⁵³¹), вероятно, готовилась простым толчением муравьев. Ободранные места у меня на спине горели огнем. Джед вопил бы, как свихнувшаяся баньши,⁵³² но Чакал научился никогда не кричать, не пищать, даже не вертеться. Одно из самых ранних его воспоминаний, которое повторялось довольно часто (картинка не раз всплывала в моем мозгу): голый, не умасленный, он лежит в высокой траве, позволяя насекомым прогрызать шахты в его коже, и проверяет, сколько может вытерпеть, не дернувшись. Я сощурился еще сильнее и попытался сжать губы, преодолевая сопротивление кляпа, но очиститель проник мне в ноздри, а когда я стал чихать, обжег мне

---

531 «Дженитор ин а драм» – средство для чистки полов.

532 Баньши – персонаж ирландского фольклора, женщина, которая появляется возле дома обреченного на смерть человека и громкими воплями оповещает, что час его кончины близок.

горло.

– Ку’ти бин ок, – прозвучал еще один голос на языке ишиан, который я понимал. «Переверните его».

Нервы Чакала дрогнули, словно я попробовал что-то такое, что не понравилось его языку. Что-то в этом голосе слышалось униженное и непривлекательное, словно в майяской версии цирковой мыши Тимоти.⁵³³ Я решил, что так говорить может тот, кто принадлежит к касте неприкасаемых.

Они перевернули и вытянули меня. Постойте, а где мой камушек? Тут был мой камушек. На меня пролились две новые порции жидкости, а потом на несколько секунд меня, всего мокрого, оставили корчиться на плитках. Кто-то вытащил кляп из моего рта и налил туда прохладной питьевой воды. А-а-а. Неописуемая благодать. Я лакал воду, как пес из разбрызгивателя на газоне. И вдруг понял, что меня чистят, но делают это не руками. На них рукавицы из оленьей кожи. Им нужно защитить себя от моей нечистоты. Потом меня терли, кажется, лопаточками из ракушек. Они проникли во все труднодоступные места, если вы понимаете, о чем я веду речь. Они выскребли остатки жертвенного синего пигмента из-под моих семи ногтей. Отрольфили,⁵³⁴ иначе не скажешь, меня маслом сомнительного свойства. Может, его сделали из морской свинки. Оно пахло ванилью и геранью. Мучители умаслили и расчесали мои волосы или то, что осталось от них, а когда их рукавицы прикоснулись к огрызку моей косички – какая у меня была косичка перед несостоявшимся жертвоприношением! – к горлу у меня подступил очередной инстинктивный приступ стыда-тошноты. Подонки. Наконец меня посыпали каким-то порошком, по-видимому тем «сине-белым пеплом», о котором говорил солнцескладыватель. Я лежал пассивно, как линцкий торт,⁵³⁵ посыпаемый сахарной пудрой. И старался делать вид, будто прохожу полный курс укрепляюще-оздоровительных процедур в салоне Жоржетты Клингер на Мэдисон-авеню, 980. Правда, получалось плохо, ибо новый мозг плохо воспринимал такие идеи.

Мои руки связали спереди мягкой веревкой, не слишком затягивая узлы, потом соорудили что-то типа собачьей шлейки, накинув по петле на мои грудь и шею. И вот меня подхватили под мышки и поставили на ноги. Я уже говорил, что тело Чакала было привычно к насилию. Я чувствовал, что оно сильно, но не силой современного спортсмена, не наращенными или растянутыми аэробикой мышцами, а своей плотностью и крепостью – ну просто автобусом не сбить. Даже после немалой потери крови и дней голодания, предшествовавших сорванному жертвоприношению, мышцы не отказывались работать окончательно. Эти изверги хотели заставить меня идти, и я пытался переставлять ноги самостоятельно, но та, что онемела, еще не действовала. Им пришлось нести меня в вертикальном положении, а ступни мои волочились по земле.

Я чувствовал, что на меня время от времени падают тени, должно быть, мы прошли сквозь проем в стене, а потом отправились вверх по тропе. Дул ветерок, возникло ощущение пространства, а это могло означать, что мы находимся на западном склоне холма. Через шестьдесят шагов мой эскорт вместе со мной повернул направо. Мы явно оказались под навесом или крышей и поднялись по лестнице на восемнадцать ступеней в темный коридор. Потом протиснулись сквозь узкий проход в обратном направлении. Здесь висел густой запах табака (словно на гигантском табачном складе), к которому примешивался слабый аромат ванили. Мы остановились. Раздался звук, будто кто-то отодвигает занавеску из бус, после чего мы вошли в прохладное каменное помещение.

---

⁵³³ Цирковая мышь Тимоти – один из персонажей мультипликационного фильма «Дамбо» студии Диснея.

⁵³⁴ «Рольф» – американская компания, занимающаяся чисткой окон.

⁵³⁵ Линцкий торт – австрийский песочный торт, украшенный сверху решеткой из теста.

Светло-вишневый свет проникал в мои зашитые глаза. Меня усадили на пол, устланный чем-то тонким и мягким. Кто-то подоткнул под меня ноги и заставил принять позу, надлежащую заключенному. Все замерло.

– Он, который над нами, обращается к тебе, который под ним, – нараспев проговорил высокий голос слева от меня.

В помещении гуляло приглушенное эхо, словно в звукозаписывающей студии.

Последовала еще одна долгая пауза, которую в любой момент могла оборвать чудовищная пятерня. Вероятно, кто-то отдал приказ, потому что две руки ухватили мою голову, а две другие принялись делать что-то... о господи, они хотят выколоть мне глаза, хотя постой... нет, они разрезают швы на моих веках тоненьким лезвием. Я бы наверняка дергался, но тело Чакала не шелохнулось. Наконец меня перестали держать. Я раскрыл один глаз. И сразу увидел собственные гениталии, висящие между ног, – безволосые и, что поразило меня, с крайней плотью.

М-да, подумал я, это что-то новенькое. Большинство майя в двадцать первом веке не делают обрезания, но я родился в настоящей больнице, а там у них на сей счет свои соображения. Потом я заметил большие, жуткие, похожие на кочаны цветной капусты мозоли на коленях – особенность игрока в мяч, кровавые слезы, капающие на мои зеленые (зеленые?) бедра, старый шрам от удара на подвздошной области, куда, вероятно, попал мяч, темный фиолетовый символ размером с зажигалку «зиппо», вытатуированный на груди. По проблескам в сознании Чакала я уяснил: это знак того, что мне присвоен уровень девятого черепа в хипболе. На полу лежали красноватые лепестки. Герань? Но что за странный оттенок? Да и моя кожа казалась не то чтобы зеленой, а... И причиной тому было не масло, которое в меня втерли. И не снадобья, и не пленка крови от швов на веках.

Я еще наверху, на муле, подозревал, что глаза Чакала устроены иначе. Но в тот момент я прогнал от себя эту мысль, меня занимало совсем другое. Так вот, он воспринимал цвета не так, как Джед. Моя кожа, например, сейчас выглядела ложно-зеленой, то есть приобрела тон, который получают смешением желтой и черной красок. Впрочем, трудно считать это достоверным описанием. Оттенок ковра из лепестков темно-оранжевой дикой герани приближался к светящемуся пурпуру. И опять не совсем то – цвет, который я видел, был... как бы точнее выразиться... севернее... Нет ли у Чакала редкой разновидности цветовой слепоты? Вряд ли. Наоборот, палитра мира для меня изрядно расширилась. Может быть, у него тетрахроматическое⁵³⁶ зрение, то есть он различает четыре основных цвета, а не три, как мы. Похоже. Вот только практически все случаи тетрахроматизма зафиксированы у женщин. Кхе...

Постой. Вернись-ка к реальности. Подумаешь об этом в другой раз.

2 Драгоценный Череп
Обращается к тебе,
Пленнику под ним.
Посмотри на него, выслушай его.

Звучал все тот же высокий голос. Я поднял голову и устремил взгляд на красное пятно.

Я находился в центре высокого квадратного помещения со стороны около пятнадцати длин руки. Стены образовывали пирамидальный свод, наклоняясь под углом около тридцати градусов. Они отливали малиновым, точнее, цветом, который Джед воспринял бы как малиновый. Но теперь я видел вызывающий гадливое чувство сине-красный оттенок плоти под водой. Конус возвышался над полом приблизительно на тридцать рук. Дверь была одна – у меня за спиной, через нее мы и вошли. Когда в глазах немного прояснилось, я сообразил,

---

⁵³⁶ Тетрахроматическое зрение присуще некоторым животным. Позволяет видеть в ультрафиолетовом диапазоне.

что стены вовсе не подсвечены, как могло показаться сначала, а увешаны гобеленами, сплетенными из тростника и рубиновых шейных перьев трогонов.⁵³⁷ Они отражали рассеянный солнечный свет, проникавший сквозь маленькое круглое оконце под самой маковкой.

В комнате было шесть человек. Трое – стражники, которые меня привели. Двое сидели на корточках слева и справа от меня, а тепло третьего я чувствовал спиной. Каждый держал в руках дубинку или палицу, видимо, чтобы контролировать меня на расстоянии больше вытянутой руки. Оголовник одной из палиц маячил рядом с моим лицом. Его сделали не из камня. Весь усаженный шипами, он напоминал игольную подушечку.

В трех руках передо мной и чуть левее восседал горбун с перекошенным лицом в синих полосах, роста чуть ниже среднего, однако весь какой-то круглый. Его большую голову украшала шляпа с хохолком, которая делала его похожим на попугая, но он вовсе не выглядел глупо (конечно, мое новое сознание отягощали всякие условности), напротив, казался таким убийственно серьезным, что можно было обделаться со страху.

А еще впереди – в четырех руках от меня – нарисовался из сумрака 2 Драгоценный Череп; он сидел, скрестив ноги, и левой ноздрей курил длинную зеленую сигару.

Он смотрел не на меня, а в угол. Перед ним стояли два больших темных калембаса⁵³⁸ или деревянных кувшина размером с хлебный короб. На каждом зелено-белыми камнями был выписан глиф авал – «враг». Драгоценный Череп облачился в подобие юбки или килта с широким кушаком, почти доходившим до груди, и я видел *profil perdu*⁵³⁹ высушенной головы, повернутой от меня на сорок пять градусов и привязанной за волосы к поясу. Этот странный амулет охранял спину своего владельца; на мертвом лице навеки застыло воинственно-раздражительное выражение. Кроме нефритовых браслетов и наколенников, сандалий из сыромятной кожи бакаб нацепил еще и сложной формы тюрбан без острого навершия, с искусственной простенькой орхидеей (думаю, ее сделали из выбеленных орлиных перьев) надо лбом. Перед орхидеей на почти невидимой нити висела зеленошеяя колибри – превосходное чучело настоящей птички с яркими глазами из полированных драгоценных камушков. Складывалось впечатление, что время остановилось в тот момент, когда колибри собралась полакомиться нектаром. На секунду мои мысли заклинило, потому что в ходе подготовки к вояжу в прошлое в центре нашего внимания находился 9 Клыкастый Колибри, который, как вы, вероятно, помните, являлся ахау правящей семьи, Оцелотов, и к'аломте. Но дела тут обстояли немного сложнее. 9 Клыкастый Колибри – просто имя, одно из многих объявленных и необъявленных, и оно не имело никакого отношения к тотему правителя, уаю. Не факт же, что человек, названный Апрельской Рыбой, родился в апреле и дух его связан с рыбой. А потому колибри на головном уборе 2 Драгоценного Черепа ничего такого не означал, хотя метафорически это могло указывать на особую любовь к ванили. Я смутно припомнил, что ванильные бобы представляли какую-то важность для дома Орла-Гарпии, вероятно, были источником его *nouveau richesse*.⁵⁴⁰

Ниже орхидеи лоб вельможи полого уходил вниз. Маленький деревянный щиток закрывал его запавшую переносицу, выравнивая хищную кривую носа. Спирали синих вытатуированных точек закручивались от уголков его рта к зачерненным векам. Несмотря на морщинистую и выжженную солнцем кожу, бакаб не казался старым... но был стар. От

---

⁵³⁷ Трогоны – тропические птицы, обитающие в Африке, Азии и Америке.

⁵³⁸ Калембас, калембаса – сосуд для питья, сделанный из древесной тыквы-горлянки.

⁵³⁹ Дословно: потерянный профиль (*фр.*); принятое в живописи обозначение изображения головы со стороны затылка.

⁵⁴⁰ Новообретенного богатства (*фр.*).

Чакала я знал, что этот человек родился повторно, то есть ему перевалило за пятьдесят два, а мне думалось, что он гораздо старше.

Драгоценный Череп повернулся и посмотрел на меня в упор. Говорят, взгляд человека, который многих убил, становится словно пустым. Наиболее же выразительные, убедительно прекрасные глаза бывают у крупных хищных кошек. А во взоре бакаба я прочел холодное, привычное презрение, какое, наверное, видят свиньи в глазах работников бойни. И я испытал то же чувство, что и злоумышленник, пойманный полицией на месте преступления, когда он замечает свое лицо на экране камеры или его поливают нещадным светом прожекторы вертолета. У меня на глаза навернулись невольные слезы, я заморгал. Вдруг калebasы, стоящие на полу, задвигались, поползли на маленьких ручках, и мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять: это броненосцы, щитки которых усажены лазуритовыми штырьками. Животные были привязаны к полу лентой, пропущенной через одно ухо.

– Кто такой Микки-Маус? – спросил 2 Драгоценный Череп.

Мое сердце не то чтобы екнуло – оно сжалось в маленький плотный шар. Бакаб говорил по-английски.

(31)

Он не все гласные произносил правильно, но разобрать все же можно было – я не ослышался. Или... Нет, это невозможно. Голова у меня закружилась, а потом налилась свинцом.

– Я, который под тобой, отвечаю тебе, который надо мной, – машинально произнес я.

На каком языке я это сказал – на чоланском или на английском? Вроде на родном... Черт. Я, кажется, рехнулся. Ладно, буду говорить на английском. Поехали.

– Микки-Маус – не живое существо, а мультипликационный персонаж. Рисунок.

Молчание.

– Кто такой ахау поп Дитц'ни?

Что? Не понял. А, ясно.

– Ахау Дисней умер за два к'атуна до моего появления на свет, – ответил я. – Он был голосом Микки-Мауса. – Беседовать с бакабом, не изъявляя почтительности, было неудобно, поэтому я добавил: – Говорю я, который под тобой.

– Микки-Маус – это его уай?

– Нет, он всего лишь изображение... Кукла. Б'ашал.

– А кто твой уай, Джед-кас? – спросил 2 Драгоценный Череп. Трудно представить, что такой высокий голос, почти писклявый, может быть столь властным. Хотя «властный» для него слишком слабое определение. – Микки?

Не нравится мне это, подумал я. Словечко, которое он добавил к моему имени, означало «на тринадцать ступеней ниже меня». В общем, эй ты, там, у подножия социальной пирамиды. С такой презрительной кличкой ахау обращались к купологоловым, варварам, не принадлежавшим к великому народу майя.

– Нет, – ответил я.

Последовала пауза.

«Как такое могло произойти, черт его раздери? – спрашивал я себя. – Не мог же он научиться... Хотя постой...»

Я догадался: он, вероятно, был там.

2 Драгоценный Череп находился в царской нише мула вместе со мной. По крайней

мере, провел там несколько из тех восьми минут окна загрузки. Мое сознание обосновалось в мозгу Чакала и, видимо, зацепило голову бакаба. Ни хрена се...

– Что ты пришел украсть? – спросил он.

– Мы не хотим ничего красть, – ответил я.

Молчание. Ясно, он желает, чтобы я посмотрел на него. Я поднял глаза, но, следуя привычкам моего нового тела, уклонился от прямого контакта (здесь не положено пялиться на тех, кто выше тебя) и уставился на символы, вытатуированные на груди Драгоценного Черепа. Прежде я таких не видел. Какой-то тайный язык. Сигару бакаб держал большим и указательным пальцами, потом положил ее на маленький столик с небрежным изяществом. В моей памяти моментально вспыхнули почти забытые образы. Японский чайный столик в Наоэ, куда я приехал с Сильваной, старик, который ловко нас обслужил и как-то по-особому положил деревянный черпак на горловину кувшина с водой... Но 2 Драгоценный Череп сделал это абсолютно по-майяски – медленно, высокомерно, – его жест не смог бы повторить азиат.

Бакаб пристально глядел на меня. словно два каменных ножа скользили по моей груди, вдоль вен на руках до кончиков дрожащих пальцев, а потом возвращались к моему лицу – не появилось ли на нем едва заметное выражение, которое выдало бы врага? «Если он усвоил всю информацию обо мне, то почему не читает мои мысли?» – недоумевал я. Должно быть, его мозг воспринял меньшую порцию моего «я», чем головенка Чакала. А может, у него более сильная воля и он отринул эту волну. Ну же, думай. Что за фигня там случилась? Скорее всего, 2 Драгоценный Череп поручил Чакалу действовать от имени 9 Клыкастого Колибри. Верно? И вот во время церемонии, чтобы сказать последнее прости, 2 Драгоценный Череп поднялся в царскую нишу. И таким образом получил изрядную дозу моего сознания. Но похоже, он и собственный разум сохранил в неплохом состоянии по крайней мере, тело свое контролирует. Судя по тому, что я вижу.

Господи Иисусе, какие же мы идиоты. Таро ведь говорил, что возможен некоторый «разброс». Я, конечно, тогда отмахнулся от этого. Хотя первоначально предполагалось передать код моего сознания более широким лучом, чтобы охватить несколько человек. Однако святилище на муле являлось единственным местом в районе, с которым была связана твердая дата, и хорошо, что каменные стены помешали рассеянию луча ЭПР.⁵⁴¹ А если бы меня размазали по всему Ишу? Результат неизвестен. Наплоди мы тут десяток джедов или полуджедов, это могло бы нам ой как аукнуться даже в двадцать первом веке.

– Ты пришел научиться играть против курильщиков, – сказал бакаб.

Из словаря Чакала я знал, что под «курильщиками» он подразумевает тех, кого современный западный человек ошибочно назвал бы «богами». Неужели он говорит об игре? Вероятно. И он умеет в нее играть? Может, Драгоценный Череп был солнцескладывателем? И все ахау тоже? Наконец-то я оказался в нужном месте. Узнать у него об игре? Попробовать наобум Аллаха?

Он спросил на ишианском диалекте:

И будут еще приходить
Такие, как ты?

– Нет, наверное, больше никогда.

Не надо тут особо распространяться, подумал я.

Ты считаешь, что сможешь
Замуровать себя
Живьем

---

⁵⁴¹ ЭПР – электронный парамагнитный резонанс.

И замариновать плоть
На тринадцать раз
По тринадцать сотен дождей.

– Нет, не совсем так... – возразил я.

Ты собираешься держаться
Прямо под небесами
В твой б'ак'тун,
В твой к'атун,
Вернуться опять в твою
Оставленную кожу.

«Держаться прямо под небесами» означало «жить». Здесь мертвецы ходили вверх ногами, как отражения в воде.

Я кое-как выдавил:

Ты надо мной
В сиянии.

Тогда 2 Драгоценный Череп поинтересовался:

А когда мы убьем тебя,
Твой грязный двойник во мне
Тоже умрет?

Что? О проклятье. Должно быть, на этот вопрос не следует отвечать прямо.

Пауза. Внезапно мне пришла в голову идея.

– Джед, – позвал я. – Я ведь тоже Джед де Ланда. Мы с тобой вроде как близнецы.

– Я не Джед.

«Ой-ой», – испугался я и начал было говорить:

– Как ты, который наверху...

Но 2 Драгоценный Череп раскрыл ладонь и чуть повернул влево, а от Чакала я знал, что это означает «молчи», и мой рот захлопнулся рефлекторно. Бакаб же смотрел мимо меня на горбуна.

Стражники по обе стороны от меня, не меняя позы, чуть подались назад. Горбун подошел ближе ко мне и остановился на расстоянии около трех рук. Он изучал меня. Я старался сдерживать дрожь. Глубоко внутри Чакал еле слышно подсказывал мне его имя. У уroda были маленькие когтистые ручки, как у тираннозавра. Пальцы правой кисти срослись. Рот с выступающими верхними зубами, напоминавшими забор с выломанными через одну досками, кривился в постоянной ухмылке. Вероятно, он страдает синдромом Моркио,⁵⁴² подумал я. Сколько ему лет? Выглядел он стариком, но люди с такими болезнями не живут дольше сорока. Черт, как же его зовут? То ли 10 Курящая Гусеница, то ли ½ Телячьей Головы... А, вот оно. Вспомнил: 3 Синяя Улитка. Он был ахваем, семейным духовником, хотя священник – представитель большой организации, а этот тип работал по отдельному контракту. Может, шаман? Уже точнее, только это слово больше подходит для какого-нибудь сибирского кретина с оленьими рогами. А как насчет теурга? Или слишком вычурно? Нет, остановимся на этом. Итак, я был совершенно уверен, что высокий голос принадлежал ему – 3 Синею Улитке, теургу Орла-Гарпии. Определенно. Я даже вызвал в

---

⁵⁴² Синдром Моркио – метаболическое заболевание соединительной ткани.

памяти несколько его образов – он танцевал на первой церемонии сожжения. По крайней мере, я стал понимать, как докапываться до воспоминаний Чакала. Суть в том, что надо думать на чоланском – не диалекте двадцать первого века, а на ишианском, – и к тому же не слишком напрягаться, пусть словесные ассоциации сделают свое дело...

Синяя Улитка разложил веер из табачных листьев на блюде, взял какой-то предмет, встал в полный рост и замер на целую минуту. Все затаили дыхание, в особенности я. Кровь стучала у меня в ушах. Я увидел, что он принохивается.

Здесь творится нечто странное, подумал я. Не то чтобы я знал, как эти люди ведут себя в обычных ситуациях. Но возникало отчетливое ощущение, что они чего-то или кого-то остерегаются. Но явно не меня. Мы словно находились в чужом доме и не хотели, чтобы нас услышали. Но ведь это аудиенция 2 Драгоценного Черепа, его тронный зал? А если нет? Может, он временно занимает чью-то приемную... Да и мое появление немного выбило всех из колеи.

Судя по сведениям, полученным от Чакала, ситуация представлялась довольно сложной. Если совсем упрощенно – скажем, будь Иш Англией 1450-х годов, – то Оцелотов я сравнил бы с родом Ланкастеров. Они крепко вцепились в трон, но были непопулярны и до паскудства богаты. Орлы-Гарпии 2ДЧ, как и ветвь Йорков, долгое время находились в подчиненном положении, но теперь набирали силу и громко поговаривали о том, чтобы выйти на первое место. Два других царских дома в Ише поддерживали Гарпий, а третий, клан Летучей Мыши-Вампира, примкнул к Оцелотам.

Поэтому для правящей верхушки происшествие на муле очень кстати – хороший повод разобраться с Гарпиями. Отлично. Воспользуйся этим.

3 Синяя Улитка закружился на месте, очень медленно, медленнее, чем суфийский дервиш. Каждый раз, поворачиваясь к одной из майяских сторон света – к северо-востоку, юго-востоку и так далее, он ударял наперстком на указательном пальце по глиняному барабану. Я думаю, он прислушивался к отзвукам ударов, следя, не проявятся ли вражеские уаи, которые, возможно, шпионят за нами, – призраки-двойники в виде животных, бесплотные глаза, гомункулы или еще какая-нибудь нечисть. Его глаза обшаривали двенадцать углов комнаты, двигаясь независимо друг от друга, что сильно действовало мне на нервы. Это не было похоже на косоглазие, напротив, возникало впечатление, что он управляет своими глазами и может фокусировать их одновременно на двух разнесенных далеко друг от друга объектах, словно хамелеон. Наконец теург остановился, нагнулся, подобрал свежий табачный лист и собрал им, как ложкой, с блюда порошок или пепел. Потом бросил по листу через правое плечо, через голову, через левое плечо и перед собой. Последовала пауза, затем Синяя Улитка постучал по боковине барабана. Раздался неожиданно резкий звук. То ли Чакал помог, то ли я сам догадался: все чисто и мне следует снова посмотреть на 2 Драгоценного Черепа, что я и сделал. Теперь я глядел прямо на ту штуквину, что защищала его переносицу. Не в глаза...

– Почему ты выбрал меня, а не небеснорожденного к'аломте'? – спросил на ишианском 2 Драгоценный Череп. Он имел в виду 9 Клыкастого Колибри. Ибо Драгоценный Череп и его ровня были попами ахау, «владыками Мата», тогда как – я уже говорил об этом – к'аломте' считался императором, верховным вождем.

– Мы... – отвечал я на том же языке, – мы искали 9 Клыкастого Колибри. Все получилось... случайно. – Последнее слово я произнес по-английски, потому что подходящего ишианского не существовало.

– Почему вы выбрали это солнце? – Подразумевалась дата.

– Потому что нашли этот день в Кодексе... то есть в записи игры в книге-гармошке.

Пауза. Понял ли меня бакаб? У меня сложилось впечатление, что его английский оставляет желать лучшего. Надо сказать, Драгоценный Череп мало что взял от Джеда де Ланды. Должно быть, он, в отличие от Чакала, избежал воздействия стирающей части программы и в большей степени сохранил свое «я». Но и личность Чакала, конечно, не была уничтожена полностью. Возможно, и он воспринял лишь малую часть моего сознания. Я

повторил предложение на ишианском.

– А ты преклонял колени перед ахау-на Кох? – решил уточнить бакаб.

– Что? Встречался ли я с ней? – переспросил я. – Нет, мы просто прочли о ней в Кодексе.

Пауза. Я думал, бакаб сейчас спросит, почему мы выбрали именно этот город, а не другой, но он промолчал. Наверное, с его точки зрения, Иш является центром Вселенной и мы не могли стремиться куда-то еще. Однако вот что странно: Драгоценный Череп, по всей видимости, вовсе не так уж удивлен. Он кажется оскорбленным и раздосадованным, естественно... но ощущение такое, что мое появление из будущего – будущего времени, по нашим понятиям, – не слишком поразило его. Склоняюсь к мысли, что ишиане грядущее воспринимают как некое место в пространстве. И вообще, уаи, души, призраки из будущего и прошлого здесь дело обычное...

– Как ты компенсируешь мне моего испорченного сына? – задал Драгоценный Череп очередной вопрос.

Что? Я виноват в смерти его сына?

Черт, мне это не понравилось.

Неужели они заменили меня на муле сыном 2 Драгоценного Черепа? Видимо, да. Проклятье. Хорошая работа, старина Джед. Ты начинаешь нравиться этим людям. Ведь сильные мира обычно трепетно относятся к своим первенцам. Что мне нужно сделать – извиниться? Как?

– Я, который под тобой, не понимаю тебя, – проговорил я.

– Ты, что подо мной, выказываешь мне неуважение, – буркнул бакаб.

– Напротив, я отношусь к тебе с большим почтением, – пробормотал я. – Прости, но я не понимаю.

Я и вправду, вправду не понимал. Блин.

– Знаю, что может помочь, – спохватился я. – Два огня спустя будет огненная буря на северо-западе. – Тут я перешел на английский: – Извержение вулкана...

– Мы, что над тобой, осведомлены, – ответил 2 Драгоценный Череп. – Складыватели Оцелота предупреждали нас об этом много огней назад. Ты, который подо мной, не предлагаешь ничего.

Ого, подумал я. Здорово. Вот вам и моя роль великого пророка. Коннектикутский янки может закрывать лавочку. Ладно, *me saigo en la mar*.⁵⁴³ Что еще есть у нас в кармане? Попробуем еще одну заготовленную речугу.

Говорю я, который под тобой,
Мы найдем способ отдать тебе долг,
Я могу сделать тебе
Куклу, которая мечет
Гигантские копы,
Хипбольные мячи, которые
Взрываются огнем,
Или абсолютно круглые
Сосуды...

Но 2 Драгоценный Череп за словом в карман не полез:

Нам, которые над тобой,
Не нужно помощи
От смердящей твари.

---

⁵⁴³ Я падаю в море (*исп.*). (Прим. ред.)

Ты определенно слишком нечист, Джед, чтобы иметь с тобой дело. Я снова перешел на английский:

– Я помогу вам защититься от Оцелотов. Ты можешь стать к'аломте'. Посмотри в моих воспоминаниях. Найди там «порох». Мы сумеем за несколько дней сделать немного. Нужно накопать гуано в пещерах на северной стороне и выщелочить нитраты...

Он наклонил голову, и я заткнулся, даже не успев понять смысл этого движения. Оно означало: «Ты получаешь наше разрешение помолчать».

– Ты говоришь с песком во рту, – произнес бакаб. – Владыки этого б'ак'туна не позволят ничего подобного.

Что? Луддитская стража.

– Погодите-ка, – начал я...

– Ш'ималееч т'ул к'ооч миш-б'а'ал, – перебил он. «Ты идешь так, будто у тебя нет ничего в мешке».

Это была одна из тех идиом, смысл которых вполне прозрачен: «Похоже, тебе нечего предложить».

– Я возьму твой мир в мой, – сказал я. – И он возродится. Твои потомки снова получат свои имена, свое время, свою историю – все.

– Б'а'аш-ти'а'ал чокох упол? – протянул он. «Почему это должно меня волновать?»

На самом деле это был не вопрос.

– Так говоришь ты, который надо мной, – автоматически забубнил я. – Но...

– Теперь я позволяю тебе забрать своего Джеда.

Опа.

Он должен знать, что это невозможно, подумал я. Видно, он не только воспринял минимальную часть моего сознания, но и эго его слишком велико, чтобы впустить мое. И вообще, понимает ли он, что я собой представляю. Неужели бакаб и в самом деле считает меня мерзким бесом, забравшимся в его ухо? Что ж...

– Но ты, который надо мной, можешь воспользоваться им к своей пользе, – заявил я.

– Забери свое отражение из моей кожи, – проговорил 2 Драгоценный Череп.

В его сдержанном голосе слышалась скрываемая дрожь.

Он потрясен. Он чувствует себя оскверненным. То, что я нахожусь в нем, унижает его. Он думает, что теперь его не допустят в их треклятую небесную ВИП-ложу. Вот попал, так попал. Может, сказать ему напрямик, что я в нем навсегда? Нет, он тогда еще пуще взбесится. Нужно врать напрапалую.

– Хорошо. Но мне понадобится время.

Боль выстрелила из моего желудка в левый глаз. Словно порвалась гитарная струна. Так реагировала нервная система Чакала на ложь перед лицом его великого сородича. Гештальт Чакала просто не мог вместить мысль о том, что можно обмануть этого человека. Держись, бога ради, не дергайся, но дыхание не задерживай тоже, дыши, дыши нормально...

– И как скоро это произойдет? – уперся в меня взглядом 2 Драгоценный Череп.

– Нужно хорошо подготовиться, – промямлил я, мешая ишианский с английским. – Мы должны... Потребуется определенные растения.

«Да, – обрадовался я своей находчивости, – одиннадцать тайных трав и пряностей. И он поверит. Наверняка».

Я чувствовал, как его глаза ощупывают мою кожу – не обнаружится ли дрожь, судорога...

– Что тебе понадобится? – спросил он.

Я сказал, что, если он даст мне бумагу и кисточку, я нарисую все необходимое. Что угодно, думал я, лишь бы протянуть время. А еще я начерчу катапульту. И арбалет. Необычные военные орудия. Пусть он заинтересуется этими штуками и забудет о...

– Убери своего уая из моего живота немедленно. Конец.

Слово «конец» означало: тема закрыта. Это было все равно что сказать «точка».

Я помедлил. Повторил свою ложь. Он посмотрел на меня.

Чакал с самого детства верил, что 2 Драгоценный Череп читает его мысли сквозь земляную стену, а в безлунные ночи превращается в орла-гарпию, парит над деревьями и разглядывает спящие тела своих рабов через дымовые отверстия – он охраняет их, но и готов проникнуть сквозь крышу, чтобы выклевать глаза предателю. Так что я чувствовал себя как армейский сержант, который пытается развести пятизвездного генерала.

2 Драгоценный Череп (хотя теперь, когда мы знаем его получше, почему бы нам не называть его 2ДЧ?), видимо, подал какой-то знак, потому что в помещении появился еще один человек – средних лет, в простом сером тюрбане и без каких-либо понятных мне знаков различия. У него было тонкое лицо школьного преподавателя физкультуры – этакая майяская версия Джорджа Буша-старшего. Он каким-то образом материализовался из левой стены. Я решил, что он выполз из потайной двери и через прорезь в перьевом гобелене. Пришелец наклонился и поставил на пол на расстоянии руки от меня трехногий поднос, на котором что-то лежало. Затем повернулся к 2ДЧ и приложил правую кисть к левой груди так, что рука оказалась параллельно полу. В такой позе он напоминал древнеримскую или старую французскую статую салютующего военного. Может быть, это всемирная культурная константа. Я посмотрел на предмет, который он принес, – что-то парящее, горяче-черное, луковицеобразное и шевелящееся, похожее на цельный вареный баклажан.

– Ох ты, – сказал я по-английски. – Плод креола?

Никакой реакции. Некоторые люди слишком серьезно к себе относятся.

Свободной рукой человек в тюрбане взял эту штуку с подноса. Я заметил трубку с соплом и на мгновение потерял ориентацию, но наконец все понял, и в тот же момент стражники схватили меня и придали моему телу извечную позу униженного, а в задницу мне по-змеиному что-то ввинтилось. Эээооуууффф!

Опа. Отпялили в первый же день.

Я и в самом деле увидел звезды. Даже в правильных созвездиях. Дракон, Скорпион, туманность Гантель наверху... а потом все кончилось, если не считать струйки горячей жидкости у меня между ног и жара, распространяющегося от моего кишечника по всему телу.

Ого. Сейчас небо покажется с овчинку.

Стражники отпустили меня, и я упал ничком в красное море.

– Благодарю вас, сэръ, можно добавки? – проговорил я, и мое дыхание подняло с пола несколько лепестков.

Они ждали. Ждал и я. Не очень долго. Наркотические клизмы действуют почти мгновенно. В 1990-е годы в гей-клубах была мода принимать К (синтетический наркотик, популярный среди ветеранов, – от него такой стояк, что просто о-го-го) через задницу. Я делал это всего два-три раза (ну хорошо, шестнадцать). Эффективная вещичка: и двадцати секунд не проходило, как ты из овечки превращался в волка. Сейчас я ощущал, что гравитация перестает на меня действовать.

– А когда ты заберешь твоего близнеца, твоего ишнок'ол мака из моего живота, эта гниль будет по-прежнему жечь мою голову? – спросил 2ДЧ.

Я не сразу понял, о чем он говорит. Ишнок'ол мак – злобный уай или разумный червь-паразит. Видимо, идея одержимости демонами имеет всемирное хождение, так что в его словах я не нашел ничего удивительного. Но что значит гниль в голове... Без всяких двусмысленностей – он имел в виду рак.

Черт. Если он не получил всех воспоминаний Джеда, то с какой стати в его сознание влезло это понятие?

Я уже говорил, что процесс загрузки был не вполне доброкачественным. Суть в том, что лучи бомбардировали цель (в данном случае мозг Чакала) сорока тысячами мрад,⁵⁴⁴ что

---

⁵⁴⁴ Мрад – единица облучения.

приблизительно эквивалентно тремстам тысячам сегодняшних рентгенограмм грудной клетки. А поскольку их длина волны настроена на нервные ткани, они не вызовут ни рака кожи, ни лейкемии. Но опухоли головного и, возможно, спинного мозга начнут образовываться в тот же день. Доктор Лизуарте сказала, что в течение семи-восьми месяцев (даже если облучаемый не предрасположен к раковым заболеваниям) опухоль заблокирует нормальное функционирование организма. Вероятность того, что я проживу год, составляет менее одной пятидесятой. Так что расписание у меня уже было довольно плотным. А 2ДЧ получил не очень большую дозу, тем не менее неприятности ждут и его. Может быть, не через девять месяцев, а позже, но до старости он не доживет. Лет пять в запасе или меньше. Итак, что мне-то делать? Лгать? Нет. Отвечать уклончиво.

– Уай Джеда был придан нашим уаям. Нам обоим. Как слуга. И он дает нам громадные преимущества. Джед прибыл сюда, чтобы защитить нас и наших потомков.

Молчание.

Черт, без ума брякнул. Я лежал как громадная нога в гипсе. Больно. К тому же я весь опух. Однако то, чем меня накачали, не вызвало оцепенения, напротив. Это средство обостряло чувства. Лепестки герани под моей задницей превратились в острые камушки, а потоки воздуха оставляли ощущение ссадин, словно по мне прошлись куском акульей кожи.

– Скажи своему шкарек-уаю, пусть не изводит меня.

– Непременно, – ответил я. – Только я не могу сделать это немедленно и здесь. У меня нет необходимых инструментов.

Чем проще, тем лучше, подумал я. Моя свободная рука непроизвольно скользнула по полу, и лепестки под пальцами показались мне стадом гигантских шипящих тараканов.

– Как? – не понял он.

– Требуется особый настрой мыслей, для чего понадобятся специальные процедуры. На все нужно время.

Господи Иисусе, подумал я, теперь я хочу охмурить этого типа с помощью психотерапии.

– А если никак, то как? – Бакаб хотел спросить: а если ничего не получится, то что?

– В таком случае если я вернусь в две тысячи двенадцатый, то смогу сделать это оттуда, – пояснил я на ишианском. Он не ответил. Я погнал дальше: – Ты, что надо мной, видишь в уае Джеда: меня необходимо сохранить в геле, в коллоиде, в затвердевающей жидкости, похожей на копаловую смолу, которая преобразуется в кристаллы.

Молчание. Проклятье.

– Битумная взвесь... сохранит связи в моем мозге в достаточной мере, чтобы снять с них копию, – процитировал я по-английски из резюме Таровского проекта. – В том-то и дело, – добавил я на ишианском. – Это не позволит моим душам убежать. Моим б'олонам.

Б'олон – это одно из трех или четырех здешних понятий души. Бесплотные спутники человека мелькают в тенях и отражениях, они пускаются в путь через Шиб'алб'у и служат тамошним владыкам, прежде чем раствориться, превратившись в ничто. В их числе уай, воплощение в виде животного, п'ал, имя, которое остается в мертвом теле, и ч'ал – дыхание, хотя назвать его душой можно лишь с натяжкой.

– И затем мои души помогут тебе, стоящий надо мной, после того...

Я смолк. Мои языковые мышцы, несущие эту чушь, отказали мне. И не потому, что Чакал поклонялся Драгоценному Черепу, считая его человеком сверхъестественных возможностей (хотя, строго говоря, при таком мировоззрении чудес на свете не бывает, просто одни существа более естественны по сравнению с другими). Дело в том, что 2ДЧ излучал абсолютную непререкаемость, и вы испытывали бы к нему пиетет, даже не зная, кто он такой. За его спиной стены, казалось, обретали текучесть, словно мы находились в кристаллической коробке, погружающейся в лаву.

– А я, который над тобой, должен ждать твоего возвращения? – процедил он. – И надеяться, что ты придешь и заберешь своего близнеца?

– Ты, который надо мной, вовсе не должен ждать, – солгал я. – Мы можем

договориться о точном времени.

– А что ты пришлешь, чтобы забрать своего уая?

– Это будет похоже на солнечное копьё, – сочинил я. – Или на молнию.

Молчание. Наверное, он не понимает, подумал я и перешел на ишианский:

– В мой собственный к’атун я через тот ход, по которому явился сюда, pošлю верное сообщение, и оно достигнет тебя и сотрет меня, вытащит меня из тебя.

Пауза.

Неужели купился? Нет-нет, даже думать не смей, Джед. Лгать нужно иначе. Ты должен сам поверить в то, что говоришь. Не меняй свою историю еще раз. Хладнокровнее.

2ДЧ посмотрел на человека в сером тюрбане. И у меня возникло подозрение, что мое предложение не принято.

И тут меня осенило.

– А то давайте отправимся вместе, – сказал я. – Нас обоих захоронят, а потом – потом твои души вернутся.

Он взглянул на меня. Я скосил глаза в сторону – на сморщенную голову у него на кушаке. Она светилась золотистым ореолом. На всех лицах есть тонкий пушок, даже у коренных американцев. Обычно он незаметен, но если лицо съеживается до размеров персика, на нем появляется такая симпатичная легкая ворсисто-шерстистая пороша...

– Ты, который подо мной, хочешь провести меня, – почти прошептал он.

– Нет, – возразил я. – Не хочу.

Страх, словно патрон самоохладения в банке лимонада, взорвался в моем тонком кишечнике. Стой, *chingalo*. Нервная система Чакала подавляла реакции тела, но у меня было сознание слабака Джеда, и потому мне стало страшно.

– Забери своего паразита немедленно, или будешь корчиться в муках!

Я открыл рот, но не смог ничего произнести.

Чтоб мне пропасть! Я умру сегодня. Актер из меня всегда был никудышный, тем более теперь, с башкой этого кретина, с чужим телом да еще с такой крутой аудиторией...

Тип, похожий на Буша, который, как я уже догадался, выполнял обязанности б’ет-йах, стрекальщика (иным словом – палача), сел слева от меня и прикоснулся к моей щеке. На пальцах у него я заметил чехлы, сделанные из кишок. Добравшись до моего левого глаза, он развел веки, делая это довольно мягко, а другой рукой поднял крышечку миниатюрной *incensario*.⁵⁴⁵

– Хун тцунумтуб ец-ик-еен йах, – сказал стрекальщик.

Он говорил на женский манер, и голос у него был женский. Он поднес кадило к моему глазу. Я увидел розовые угли, завитушку коричневатого дымка.

Вообще-то я люблю чили, поблано, серрано, рокото, хабаньеро⁵⁴⁶ – ты их срываешь, очищаешь, готовишь, подаешь к столу, платишь за них на рынке, так что ничего – выдюжу. И действительно, поначалу я не чувствовал ни жжения, ни боли. Может, майя использовали особые сорта или реакция замедлялась буфотенином⁵⁴⁷ (уж не знаю, что именно кровь разносила по моим жилам). Потом я ощутил легкое покалывание, словно кто-то в другом конце комнаты очищает луковицу. Стрекальщик сел и закрыл *incensario*. Его жест вызвал в моей памяти воспоминание: отец ставит на стол банку из-под «сквирта» – те же движения; я прикусил губу, чтобы подавить нахлынувшую ностальгию. Стрекальщик взял табачный лист и разогнал дым. Один из держащих меня стражников давил в себе кашель, словно боялся издать малейший звук. Я предположил, что за такой проступок могли разжаловать до самых

---

⁵⁴⁵ Курильницы (*исп.*).

⁵⁴⁶ Чили, серрано, рокото, хабаньеро – разновидности острого стручкового перца.

⁵⁴⁷ Буфотенин – психоделик натурального происхождения.

низов, и, скорее всего, был близок к истине. Сухость распространилась от моих век к глазным яблокам, внутрь, к основанию глазного нерва, но я, а вернее, Чакал-воин не хотел доставлять удовольствие мучителям – держался, не моргал.

– Забери своего близнеца, – велел 2 Драгоценный Череп.

– Я это сделаю, – проговорил я сквозь зубы. – Позволь мне начать.

Жидкость разбухала в носу, и маленькие пыльные дьяволы бесились под веками. Наверное, каждый человек, который не знаком с перечной культурой чили, имел такой опыт: положишь в рот кусок пиццы и, ничего не подозревая, вдруг вгрызешься в какой-нибудь слабенкий хабаньеро. Так что эту разновидность боли легко идентифицировать. Только та ограничена полостью рта, а эта охватывает все тело. Благодарение Чакалу, который обладал способностью отключаться, драгоценным умением дистанцироваться от сильной боли! Но я почти воочию видел, как сужается этот зазор, закрывается, словно медленные, медленные двери лифта. Орбитальные мышцы сжались. Мне удалось не закрыть другой глаз и не дернуть головой, но потом я безотчетно попытался моргнуть, и стрекальщик, разводя своими пальцами мои веки пошире, повернулся к 2ДЧ и усмехнулся. Тот встретил его взгляд, и я словно услышал смешок, хотя на лице бакаба не дрогнул ни один мускул и он хранил гробовое молчание. Теперь мое глазное яблоко зашло в луковичном жаре, и чем плотнее сжимал я веки, тем больше оно распухало, как красное солнце, тем больше слез обтекали его, тем страшнее сухость его терзала, а потом все схлопнулось – капсаицин⁵⁴⁸ проник через клетки оболочки вокруг глазного яблока и взорвался в моем спинном мозге. Стойкость и бесконечное терпение Чакала сошли на нет. Я закричал, но беззвучно, раздалось слюнявое шипение – точно дождь капал на раскаленную сковороду. В этот момент меня нельзя было назвать вполне вменяемым, однако я корчился не столько от боли, сколько от стыда, который выплеснулся автоматически, серый, сокрушительный стыд, почти стертый из эмоциональной жизни синдромом Опры.⁵⁴⁹ Тело Чакала словно знало, что моя слабость обесчестила его.

– Как ты заберешь его?

– Я должен показать это тебе, – выдавил я.

– Забери своего грязного близнеца немедленно.

Отлично, подумал я, пытаюсь найти выход. Провести этого типа не удастся. Расскажи все как есть. Будь мужчиной.

– Не могу, – выдохнул я. – Просмотри воспоминания Джеда. Найди Таро Мору. Ты увидишь, что я не в силах это сделать. Не в силах, не в силах...

– Забери его, – повторил Драгоценный Череп.

– Я, который под тобой, – сказал я, сдерживая крик боли, – не могу забрать себя из твоей головы по той же причине, по какой не могу забрать себя из своей головы.

Пауза.

– Но ты, который надо мной, и я можем действовать вместе, – продолжал я. – Джеды в тебе и во мне разберутся с Оцелотами в мгновение ока, и я думаю, мы победим, побьем их, побьем их...

Ты заговариваешься, де Ланда. Закрой рот. Но я уже не мог. Я толкнул речь о фейерверках и севообороте, но выходил суший бред. «А все равно здорово», – похвалил я себя.

– Микки-Маус отблагодарит тебя за это, – долдонил где-то вдали мой голос. – Он очень могущественный полубог и к тому же мой приятель, о-о-ой, он друг, сотворенный для тебя и

---

⁵⁴⁸ Капсаицин – алкалоид, содержащийся в различных видах стручкового перца, вызывает ощущение жжения в тканях.

⁵⁴⁹ По имени Опры Уинфри (р. 1954) – американской актрисы и телеведущей, которая ведет бесконечную борьбу с избыточным весом.

меня-а-а-а-А-А-А-А...

Видимо, бакаб снова подал стрекальщику знак, потому что тот снова пропел «хун тцунумтуб ец-ик-еен йах», и мои орбитальные мышцы рефлекторно сжались так плотно, что я подумал – вот сейчас треснут глаза. Ясно, это такой фокус а-ля Павлов, они произносят этот набор слов перед каждым, фигурально выражаясь, ударом кнута. Палач направил на меня еще один клуб дыма. Мои глаза зашипели, как яйца на сковородке.

Это поджариваются твои белки. Не проси их прекратить, Джед, иначе тебе еще добавят. Только хуже сделаешь. Неужели может быть хуже? Гм, справедливый вопрос. Они ведь ох какие умельцы в таких делах. Придумают чего пострашнее. Ну, например, поставят альбом Алиши Киз...⁵⁵⁰

– Скажи мне, как изгнать твоего близнеца.

– Я выкинул Чакала, – прохрипел я. – Ты можешь избавиться от Джеда. Не могу объяснить как. Просто сделай это.

Я чуть было не добавил слово «Ника», но мы говорили на ишианском, потому и не получилось. Последовала долгая пауза. Я сказал бы, неловкая пауза, но в данной ситуации такое определение было слабовато. Внезапно стрекальщик убрал пальцы. Мои веки закрылись. Из глаз ручьем хлынули слезы, и я услышал, как они падают на грудь палача. Что-то мягкое внедрилось в мой глаз, и жжение, растянувшись в длинную дугу, превратилось наконец в почти приятный зуд. Слово кто-то всунул палец в пустую глазницу. Хотя в ней, конечно, оставался глаз размером с крокетный шар. Стрекальщик своим мягким материнским голосом все еще распевно говорил с Гарпией Один. Палец умастил мой глаз, покрывал его мазью, пахнувшей как гвоздичное масло, вот только в Новом Свете не было гвоздики. Или я ошибаюсь? Здесь никто не хочет, чтобы жжение в моем глазу не прекращалось, всем нужно, чтобы боль смягчилась, иначе нельзя будет возобновлять ее снова, и снова, и снова. Кто-то набрал в рот соленой воды и брызнул мне в глаз. Руки отпустили мою голову, и я тряхнул ею, как это делают собаки, потом мое лицо протерли влажными матерчатыми рукавицами. Это было так прекрасно, что я даже испытал дурацкий прилив благодарности.

– Значит, ты убил меня, – уронил 2 Драгоценный Череп.

Я начал объяснять, что он получил малую дозу облучения.

– Б'ааш ка? – спросил он. – Сколько у меня времени?

– Больше двух и меньше семи оборотов тц'олк'ина.

– Точнее, – приказал он.

– Точнее не скажу, – ответил я. – Посмотри у Джеда, это не...

– Хун тцунумтуб ец-ик-еен йах, – пропел стрекальщик.

Это было похоже на звучание литавр – ты знаешь, что оно перерастает в грохот циклопических барабанов – как в «Крестоносцах во Пскове»,⁵⁵¹ – и готов на все, чтобы остановить его. Мое тело напряглось в веревках, я пытался поднести к глазу руку, ногу, но безуспешно и провалился в абсолютно невыносимую боль несбывшегося ожидания, меня мучил зуд, который требует прикосновения сильнее, чем, скажем, легкие требуют воздуха. В прошлом я ощущал нестерпимую – так мне казалось – боль, когда неумелые медицинские сестры забирали у меня артериальную кровь на анализ. И я всегда говорил себе, что предпочел бы этим ощущениям вечное небытие. Но эти мысли происходили от моего неведения. Смерть предпочтительнее реальной боли в миллион раз. Прошло бог знает сколько времени, прежде чем мой глаз – а вернее, оболочные клетки в жирных тканях, окружающих его, – снова почувствовал облегчение, пришел в норму, и я даже увидел (этим самым глазом) мою руку среди прохладных красных лепестков на полу.

---

⁵⁵⁰ Алиша Киз (р. 1981) – американская певица и композитор.

⁵⁵¹ «Крестоносцы во Пскове» – кантата Сергея Прокофьева.

Я поднял голову.

Передо мной на корточках сидел 2ДЧ. Капельки пота покрывали его лицо, словно чешуйки морду ядозуба. Он надел большие, длинные рукавицы из акульей кожи, нелепым образом напоминающие рукавицы для барбекю, которые продает «Уильямс Сонома». Он взял меня за голову и встряхнул, словно собака, убивающая белку.

– Забери своего паразита!!! – велел он. – Конец!

У меня даже не было возможности ответить – его большие пальцы, вымазанные пастой чили, тут же зарылись в мои глазницы. На этот раз я закричал по-настоящему. Кричал долго, а потом, когда глотнул воздуха, обнаружилось, что я дышу парами чили – эти изверги держали курильницу у моего рта. Я чувствовал себя так (даже поверил в это), словно меня выворачивают наизнанку и погружают в серную кислоту.

Настал момент, когда боль опять прекратилась. Мое лицо ласкал прохладный ароматный ветерок. Я лежал ничком, голова у меня была повернута набок. Я открыл неповрежденный глаз и увидел нечто странное: на меня пустым взглядом уставилась длинномордая, с торчащими в разные стороны усами гигантская крысopodobная тварь с глазами-бусинками. Броненосец. Он подобрался еще ближе и принялся вылизывать мой глаз. Я отпрянул с первобытным отвращением, но меня крепко держали, и все, что мне удалось, – это вздрогнуть всем телом.

– Хун тцунумтуб ец-ик-еен йах, – сказал стрекальщик.

Сильная боль растягивает время, так что не знаю, сколько раз 2 Драгоценный Череп повторял: «Забери своего уая». Может, десять, а может, все сто. Наконец он умолк, и снова послышался голос стрекальщика, который кричал мне в ухо какие-то экзорцистские слова. Ах вот оно что: они не просто мучают меня из злости, а пытаются изгнать Джеда из Чакала; согласно их теории, бес не выдержит, выйдет из Чакала и прихватит своего близнеца – того, что обосновался в 2ДЧ. Время от времени стрекальщик начинал целительное заклинание «Укумул кан», и на меня накатывала благодатная волна надежды и страстного желания, словно я наелся хабаньеро в ресторане, ко мне подошел официант с большой порцией мангового молочного коктейля и водит стаканом у меня под носом... но тут палач останавливался, так ничего мне и не дав, и пытка тут была уже не столько болью, сколько неудовлетворенной жаждой целительного бальзама, после чего мучители снова переходили к чили. Три миллиарда лет спустя все, что осталось от меня, – это большой комок животного страха, но в какой-то момент мне показалось, что они готовы прекратить истязания, а чуть позднее я услышал голос 2ДЧ: «Ч’ан» – «хватит».

– Ша’ нанб’ал-еен ек чак’ан, – произнес 3 Синяя Улитка. «Мы отведем его на полосу».

Вероятно, я уже не мог реально воспринимать действительность, но в их голосах мне слышались еще более тревожные нотки, чем прежде, напряжение, которое возникает, когда ждешь нападения сзади.

Стражники подняли меня и потащили прочь. На сей раз мне веки не зашивали, я все равно ничего не видел, потому что на землю опустилась темнота. Меня проволокли вниз по сорока неровным ступеням в большую арестантскую и привязали к деревянному щиту. От двух потрескивающих факелов шли горячие струи воздуха. Я попытался расслабить мышцы, чтобы легче принять ту боль, которой меня собирались попотчевать. Но вместо этого ощутил, что мои ноги, руки и грудь щекочут чем-то холодным.

«Что еще за фигню они придумали?» – в который раз спрашивал я себя. Вокруг меня началась суeta. К моим ступням привязали беговые сандалии на тонкой подошве, на талии плотно затянули пояс, а на голову надели кожаную шапку с деревянными вставками – их для прочности прилепили смолой и обмотали ремнями из кишок, словно наконечник прикрепляли к копыю. Я некоторое время убеждал себя, что это доктор Лизуарте закрепляет электроды у меня на голове и ничего ужасного со мной не случилось. Но потом одна из холодных щекочущих штук добралась до моей шеи, я непроизвольно хихикнул, скорчился и открыл действующий глаз. Кто-то кисточкой с длинной щетиной, вроде тех, какими китайцы пишут свои иероглифы, рисовал белые символические точки на моей загорелой коже. Я

разглядел вытатуированные зигзагообразные полосы на руке, держащей кисточку, и по ним сразу же понял (как вы по футболке в черно-белую полосу сразу узнали бы футбольного судью), что передо мной аххо'омсах – исполнитель, слуга. Пожалуй, наиболее точное слово – «приготовитель». Зигзаги на его руке были коричневыми, а не синими, и это означало, что он эмса'аххо'омсах – приготовитель низшего ранга, своего рода неприкасаемый, который должен иметь дело с нечистыми вещами. Я попытался повернуть голову вправо-влево, чтобы увидеть, что там делают другие, но не смог – мешал большой широкий убор с двумя парами разветвляющихся отростков... может, это рога, подумал я... да, рога, оленье рога. Они наряжали меня оленем.

(32)

Возникло ощущение качки, движения вперед. Я вдохнул горячий застоявшийся воздух и попытался поднести пальцы к лицу, но мои руки были надежно привязаны к бокам. Меня, завернутого в травяное одеяло, несли двое. Похоже, вверх по склону.

Вот они остановились и положили меня на дерн. Я прислушался: 2ДЧ говорил, что пригласил всех собравшихся, искупая тем самым свой промах, и самым быстрым из них предлагает оленя, затем последовали велеречивые извинения и обещание более изысканного празднества в ближайшем будущем. Я глупейшим образом почувствовал неловкость за 2ДЧ и весь дом Гарпии, моих будущих убийц. Меня перевернули четыре раза и вытряхнули из одеяла. В легкие хлынула свежесть. Словно я нырнул в прохладное вино. Я лежал на холстине и смотрел вверх, надо мной сиял яркий свет факелов. Со всех сторон раздавались крики, свист и улюлюканье, которые мгновенно пресеклись, будто по чьему-то знаку. На четыре биения воцарилась тишина, а потом хор высоких умильных голосов пропел: «Мы, которые низко под тобой, благодарим тебя, возвысившегося над нами». Бакабу ответили три-четыре десятка молодых к'иик'ов, в буквальном переводе «кровных». Так называли мужчин, избравших военную стезю. В действительности термин имел два значения: «высокорожденный» – принадлежащий к роду одного из великодомов, и «имеющий выносливое тело» – принятый в военное сообщество благодаря боевым качествам. Обычно это были юноши не старше восемнадцати лет.

Кто-то, оттянув мне челюсть, впрыснул мне изо рта в рот горячую тягучую жидкость – смесь б'алче', меда, крови и чего-то еще (один из чудодейственных секретных ингредиентов, как догадался я), придававшего этой дряни вкус эпоксидной смолы. Но мое горло настолько иссохло, что я проглотил мерзкое пойло, как изысканный бальзам. Третья пара рук – тоже в проклятых рукавицах – раздвинула мои веки. Левый глаз, все еще опухший, плохо видел, но правый был почти в полном порядке. Кхе.

Три приготовителя хлопотали вокруг меня посередине круга диаметром приблизительно в двадцать рук – точнее, девятиугольника, обозначенного девятью короткими факелами, которые воткнули в недавно обожженный дерн. Мы находились на голой вершине широкого холма – по меньшей мере в двух милях от церемониального квартала Иша. Я увидел еще одну границу, вдоль которой горели приблизительно пятьдесят факелов. Но вечер был безлунный, и я не мог разглядеть, что там, за ней.

Кровные сгрудились полукругом. Я их пересчитал (не с такой скоростью, как раньше мог Дждед, конечно) – тридцать один человек. Но потом решил, что всего здесь сорок воинов, потому что майя любили оперировать числом двадцать. В руке каждый из них держал копье длиной чуть выше человеческого роста. Двухфутовый наконечник – но не кремневый, а

притупленный деревянный – сидел на обмотанном мехом (у Оцелотов – ягуара, а у других кланов – обезьяны) древке довольно свободно, чтобы его можно было высвободить после удара. Воинское облачение составляли килты из оленьих шкур и широкие хлопчатниковые кушаки – сзади к ним прикреплялись два запасных наконечника для копья. Кровные носили сандалии на каучуковой подошве (такие же, как у меня). Перед ночной охотой юноши умаслили кожу собачьим жиром с красным пигментом, а волосы увязали в тугие косички, которые петлей охватывали голову и спускались на лицо. Более половины кровных отличались тучным сложением, что отвечало моде. Здесь, как в Индии, никто не ограничивал себя в еде, если в ней не было недостатка.

Воспоминания Чакала, вероятно, активизировались – глядя на причудливые рисунки на килтах и боевую раскраску, я понимал, что здесь присутствуют кровные из всех пяти ишианских великодомов. Голени Оцелотов украшали бирюзовые пятна, а у воинов из дома Летучей Мыши-Вампира, находившегося в близком родстве с Оцелотами, но поклонявшегося северо-западу, ноги были испещрены вертикальными оранжевыми полосами. Северо-западный дом Итц’уна, клан Ньюхачей, я определил по белым полосам, а дом Макао, который представлял юго-запад и был самым ревностным сторонником Гарпий, – по желтым пятнам. Кровные дома Гарпии – в красных и черных полосах – разминали ноги, размахивали копьями. Отлично, подумал я, даже моя собственная семья будет участвовать в охоте на меня. Я не мог заставить себя посмотреть им в глаза, но Чакал знал кое-кого – судя по его реакции на голоса. Тут происходила этакая шутовская демонстрация значимости, кровные прохаживались с напыщенным видом, щеголяли своими раскрасками и одежаниями, обсуждали меня вслух с преувеличенно профессиональным апломбом, словно скаковую лошадь на ипподроме. «Йимилтик уб’ах б’ак их кох’об импек’йа’ла», – услышал я чей-то голос. «Я возьму себе рога и зубы, а остальное получают мои собаки». Раздался всеобщий смех. Счастливые люди, подумал я. Соль земли.

– Нет, рога возьму я, ты забереешь член, а остальное достанется моим собакам, – запротестовал другой вояка.

Отлично, я, похоже, вернулся в начальную школу. Против воли я принялся разглядывать эти лица, думая, как бы их отбрить. Кровный из Ньюхачей, который сделал последнее замечание, наклонился ко мне, надул щеки и скосил глаза, скорчив гримасу один в один с Харпо Марксом.⁵⁵² И я почему-то вдруг стал смеяться вместе со всеми остальными. И правда смешно – смешнее некуда. Конечно, роль дичи меня ничуть не привлекала, но, с другой стороны, это не имело значения. Я пока жив – вот что важно. В ответ я тоже скорчил недовольную рожу, что вызвало еще более громкий взрыв хохота. Какая разница, на чьей ты стороне, немного веселья никогда не помешает! Я смотрел на своих будущих преследователей. Некоторые казались старыми друзьями. Кое-кто одобрительно улыбался, глядя на меня. Сочувствие в их глазах ничуть не противоречило тому, что они собирались сделать со мной, – и никто на моем месте не просил бы о пощаде.

Приготовители поставили меня на ноги, не дали упасть, поддержав за рога. Главный из них взял ракушечный нож и опустил на колени рядом со мной. На мгновение горло перехватило от первобытного ужаса (я решил, что с меня хотят содрать кожу), но он лишь легонько поскреб мои ноги зубчатой кромкой, проводя разметочные параллельные полосы. Я заметил, что некоторые из охотников наклонились и делали то же самое. После этого приготовитель опустил рукавицу в сосуд с порошком, похожим на пыльцу, и рассеял его по моей ноге. Ой-ой. Маленькие кудряшки тепла поползли по икрам. Мои ступни задергались, практически запрыгали сами по себе, будто меня стегнули крапивой. Потом я испытал прилив энергии и утратил чувствительность. За пределами круга кровные натирали себе ноги такой же штукой, подначивали и задирали друг друга. Наконец приготовители отпустили

---

⁵⁵² Харпо Маркс (Артур Адольф Маркс, 1888–1964) – американский комедийный актер, один из знаменитых братьев Маркс.

меня и вытолкнули из центра в толпу воинов. Я споткнулся, но сумел сохранить равновесие и не упал, хотя тяжелая голова тянула меня вниз. Всплеск шипения (мезоамериканский эквивалент аплодисментов) раздался в воздухе, напитанном бражным запахом.

Охотники сели – точно как третьеклассники, когда учитель входит в класс, – и подвинулись, пропуская в круг высокого человека – старейшину или крупного чиновника. Он подошел ко мне с каким-то свертком в руках. Я автоматически принял подобострастную позу: мол, делай со мной что хочешь. Он присел в двух руках от меня и размотал оленью шкуру. Внутри оказались четыре небольших нефритовых рубила идеальной формы – отшлифованные церемониальные топоры, или, как их называют этнографы, «каменные деньги». Он снова завернул их и связал шкуру концами. Потом, насыпав небольшую горку охряно-коричневых зерен какао из конической корзинки, отсчитал с ловкостью матерого крупье, перебирающего фишки, семьдесят штук и переложил их в мешочек, после чего завязал его. Я по привычке принялся обшаривать память Чакала, пытаюсь сообразить, сколько стоит приз. Конечно, экономические системы наших миров сильно отличались, и точно рассчитать эквивалент в деньгах 2012 года не удалось бы никому. Например, за хорошее перо из хвоста кетцалья вы могли получить здесь двух вполне здоровых рабов мужского пола. Но приблизительно я прикинул, что в случае удачи кому-то достанется около восьми тысяч долларов США. Вполне хватит, чтобы основать новый город. Сорок акров и мул. Крохоборы. Старейшина завернул награду в материю из хлопчатника и вручил приготовителям, чтобы они приторочили сверток к моему поясу сзади. Когда с этим было покончено, он отошел от меня и махнул палкой в сторону кровных. Те расступились, освобождая проход в северной стороне девятиугольника.

– Ч’еен б’о’ол, – сказал длинный напевным, птичьим голосом, с той же интонацией, с какой старые сельские аукционеры объявляют: «Faites vos jeux». ⁵⁵³

Я взглянул на север, на вершину холма. Ни дать ни взять полуночная гаражная распродажа в Музее естественной истории. Там толпилось не меньше четырехсот человек, горевших желанием заглянуть за кольцо охотников, стояли повозки, грудой лежали тюки, были расстелены десятки зеленых тростниковых подстилок, заваленных всякой всячиной – кипами белого хлопка, связками ароматической коры, мешочками с зернами какао, букетами перьев розовой цапли, горками зеленых обсидиановых самородков и каменных денег, связанными стайками живых кутцов (пятнистых центральноамериканских индеек) и кучками деревянных и глиняных кружочков, заменяющих, насколько я понял, персональные жетоны или фишки казино. Между группами собравшихся парами ходили чиновные персоны в черно-белых накидках и головных уборах «под обезьяну» (явно надзиратели или букмекеры). Они вели учет ставкам на свитках. С краю я разглядел высокую треногу, похожую на каркас вигвама. На ней болталось что-то, подозрительно напоминающее два лоснящихся освежеванных тела. Вероятно, этих принесли в жертву для затравки. Не думай об этом. Я прислушался к голосам. Поначалу всех интересовало, кто из охотников поймает меня. Потом кто-то заявил, что я выкручусь. Это придало мне отваги, которая сдулась, когда против меня делали ставки из расчета восемь к одному. Слева кто-то заспорил, все шумнее и шумнее. Может, сейчас начнется всеобщая драка и мне удастся удрать, как в фильме из серии про кейстонских копов? Однако крики смолкли, когда в круг вошел невысокий косматый тип, явно неприкасаемый и наверняка общепризнанный оценщик. Он натянул рукавицы, поднял мои руки и раздвинул в стороны ноги, прощупывая тонус мышц. Процедура довольно унижительная, но я терпел. Космач сообщил, что я в приемлемой форме, и ставки против меня приблизились к оптимистичному уровню пять против одного.

Не нравится мне это, Джедо. Плохи дела. Ничего не светит. Нет, конечно, какой-то шанс есть. Но на самом деле никто не ставит на такую темную лошадку, разве что в расчете

---

⁵⁵³ Делайте ставки (*фр.*).

на шальной случай. Типичный беттинг.⁵⁵⁴

– Тц’о’кал, тц’о’ка, – сказал складыватель. «Последние ставки». «Les jeux sont faits».

Толпа стихла. Некоторые из кровных сняли с себя драгоценности и передали своим оруженосцам. За моей спиной кто-то дунул в рог – некое подобие шофара.⁵⁵⁵ Все повернулись в сторону северо-запада. Я тоже посмотрел туда. В темноте, где исчезали звезды, один за другим загорались костры, высвечивая неровный хребет следующего кряжа, словно гирлянда рождественских лампочек, накинутых на неровную живую изгородь. Далеко ли до того места? Должно быть, около полумили. Жаль, отсюда не видна долина, которую мне предстояло пересечь. Черт.

Через Чакала я знал (хотя любой уже дошел бы до этого и своим умом): если мне удастся живым пересечь эту линию, то я смогу вздохнуть свободно и идти, куда захочу. Конечно, я слишком нечист, чтобы снова стать кровным, поэтому останусь в некоторой степени персоной нон грата. Буду обычным бродягой или, как говорят на ишианском, бездомным отродьем, что шляется из одного безымянного городка в другой. Я попытался составить какой-нибудь план, основываясь на туманных представлениях Чакала о местной географии, но мне приходил в голову единственный вариант: выбраться на северную сакбе, священную дорогу, и идти по ней до границы – весьма размытой – между территориями, контролируемые Яшчиланом и его древним врагом Ти ак’алом, чья империя находилась в этот момент в состоянии почти полного коллапса. Возможно, меня ограбят и съедят в первую же ночь. А если нет, то что от этого пользы. У меня все равно времени в запасе меньше года. Может, просто сидеть здесь? Ну вот нет у меня сейчас настроения играть в эти оленьи игры. Скучнейшее занятие. Господа так не считают? Нет, останься я здесь, и они снова испробуют на мне свои методы гнусного пыточного искусства. Не лучше ли схватить один из наконечников с пики и проглотить? Пусть мир через тысячу триста лет катится ко всем чертям. Я сейчас слишком далек от этих проблем, чтобы брать их в голову. Пошло оно все.

Через четыре секунды безмолвного ожидания раздался голос 2 Драгоценного Черепа:

– Тц’он-кеех б’ашб’ал!

Я, стараясь сохранять достоинство и ни на кого не глядя, направился мимо кровных и других ишиан к внешнему ряду факелов. Все расступались, освобождая мне путь, но стоило мне пересечь линию огней, как воины хором запели:

Девять парней загоняют большого жирного оленя и говорят:
«Твоя голова легка, твоя задница тяжела, олень».
Два оленьих уха пойдут на ложки для девятого парня...

Это была песня-считалка вроде эники-беники, Чакал и его соплеменники знали ее с детства. Правила объяснять не требовалось: я прекрасно помнил: произнеся последнее слово тс’ипит – «кольцо», кровные выйдут из внешнего круга, и я могу стать добычей любого.

Два рога оленя – грабли для восьмого...

Я припустил вниз по террасированному склону.

Копыта оленя – четыре молота для седьмого,
Зад оленя – кошелек для шестого...

---

⁵⁵⁴ Финансовый беттинг – прогноз относительно увеличения или уменьшения курса того или иного финансового инструмента.

⁵⁵⁵ Шофар – древний духовой инструмент из бараньего рога.

Скок, скок. Скок-скок, скок-скок. Канава. Хоп. Дерево. Опа. Чакал не был охотником, но ноги легко и уверенно несли его по подлеску. Трели цикад звучали со всех сторон, я вдыхал запах сосны и мяты. Ну и пусть неудачи преследуют меня одна за другой, думал я, зато эйфория переполняет мое сердце. Я, пожалуй, не буду огибать это дерево, а перепрыгну через него.

Кишки оленя – ожерелья для пятого...

Нет проблем. Они даже еще не пустились вдогонку. Я перемахнул кромку первой террасы и на мгновение, потеряв ориентацию, решил, что падаю в космос вверх ногами. Подо мной было больше звезд, чем наверху, но они мигали и перемещались в нечетких созвездиях; в течение двух следующих секунд я решил, что падаю в озеро, а потом, миновав первые несколько звезд, понял: стайки переливающихся подо мной огней – это светлячки, армии зелено-белых шелкоунов, снующих и беснующихся над папоротниками и джакарандами. Вероятно, мы находимся к востоку от Иша, где-то в складках гряд, протянувшихся с востока на запад Сьерра-де-Чамы и неторопливо понижающихся к озеру Исабаль. Надо попытаться определить расстояние. От вершины холма до линии огней по прямой – около полумили. Значит, сколько всего мне нужно будет пробежать? Две мили? Нет, уж скорее три. И одну вверх. Ну и что? Я это осилю. Опа. Кустарники. Земля здесь в последнее время не выжигалась. Я соскользнул к подножию холма, в клевер и бархатцы. Вверх. Вверх. Оп. Не вижу огненной кромки. Вперед. Смотри. Ага, мы снова на тропинке. Ритм-группа продолжала отбивать такт, и я несся все дальше, невольно подчиняя ему свои движения. На склонах росли эвкалипты и сейбы – одни напоминали гигантские зонтики, другие только-только пробивались из земли, часть их стояла без листвы, кое-какие стволы упали, от некоторых остались лишь гниющие пеньки. Но странная симметрия и чересчур большое расстояние между деревьями говорили о том, что это не естественный лес. Их либо посадили, либо периодически прореживали. Просто типичный английский парк в стиле Умелого Брауна.⁵⁵⁶ Если, конечно, закрыть глаза на то, что ветки украшены пучками табачных листьев, обвязанных цветными лентами (подношения товарищу по клану, ведь в каждом дереве – чей-то уай), и живых растений здесь меньше, чем мертвых... У меня за спиной все еще слышались голоса кровных, допевавших свою считалку:

Челюсть оленя – вилка для пятого...

Быстрее, быстрее. Давай пошевеливайся. Инстинкты Чакала работали, я двигался на древнем адреналиновом автопилоте. Нужно лишь задействовать верхнюю часть коры головного мозга. Налево.

Скок-скок. Скок-скок. Хоп. Дерево, дерево. Вжик. Тут земля совсем неровная. Сплошные препятствия. Стипль-чез. Я ощущал странную легкость. Дело не в том, что тело Чакала моложе или мощнее, чем было мое собственное, хотя он и потерял силы за время преджертвенного голодания. Просто я стал меньше. Вот почему у маленьких детей столько энергии – не потому, что они не знают, какая помойка этот мир, а потому, что им приходится таскать меньший вес. Какой у меня теперь рост? Кабы не делишки, которые постоянно отвлекали меня, я мог бы примериться к отметке на дверном косяке в царской нише – я знал, что она находится на высоте четыре фута два дюйма. Но средний рост майяского мужчины того периода составлял около пяти футов двух дюймов, а я ненамного выше среднего. Ну, скажем, во мне пять футов четыре дюйма. У Джеда было пять и девять. Итак, если при увеличении роста сила удваивается, а вес утраивается... тогда мой коэффициент трения...

---

⁵⁵⁶ Ланселот Браун (1715–1783), прозванный Умелым Брауном, – английский ландшафтный архитектор.

Опа. Колется. Осторожнее. Правее. Скок-скок. Скок-скок. Не отвлекайся. Ты еще не на свободе.

Нос оленя – это курительная трубка для третьего...
Тридцать зубов оленя – игральные кости второго...

Я думаю, что могу думать, что могу думать, что могу думать. Мешает! Я поднял руки, взялся за поганые оленьи рога, может, удастся стащить с головы эту срань. Черт, приклеены. Моя голова крутилась вместе с рогами, словно они росли из черепа. Забудь об этом. Сосредоточься.

Сфинктер оленя – кольцо для первого.
Сфинктер оленя – кольцо для первого!

Слово «б'аак» растянулось в долгий шипящий радостный крик, и тут же раздался топот множества маленьких ног. Они уже бегут. Не оглядывайся. Вперед. Вперед.

Деревья. Слалом между стволов. Влево. Вправо. Нет, влево. Теперь вправо. Снова влево. Почти полпути. Неплохо.

Звук погони напоминал шелест приближающейся стены легкого дождя. В жопу их. Влево. В чашу. Только не запутайся рогами. Смотри под ноги.левой рукой прикрывай глаза. Правую – вытяти вперед и вверх. Берегись веток. Думай, потом беги.

Я все еще здорово их опережаю. Отлично. Я выбежал в долину между двумя холмами. Здесь земля ровнее, но засыпана ветками и мусором. Внимательнее. Ветки и мусор хрустят и ломаются. Шум означает смерть. Тишина – жизнь. Я бегу на носках. Еще, наверное, одна миля. И в основном в гору.

Оп. Скок. Крапива. Боль пронзила мои голени. Не наступить бы на грабли. Ну, если это замедляет мой бег, то и мои преследователи притормозят.

Стой. Прислушайся.

Группа приближается. Сколько их? Четверо? Может, они еще разделятся. Майя хорошие ищейки. Не оставляй следов. Пробеги назад, а потом уйди в сторону. Нет, на самом деле такой прием не сработает. Хорош он разве что для лис.

Вперед. Тихо. Скок. Скок. Ну и игра – дичь какая-то. Но разве дичь – это не добыча, которую ты можешь съесть...

Ххххррр.

Чакал знал: такой звук издает человек, бросающий копье, и мы автоматически метнулись в сторону и нырнули лицом вниз. Древко просвистело футах в трех над головой. Оно и в самом деле издавало высокое ля пятой струны. К нему были прикреплены маленькие тростниковые трубочки.

...Вввввжжжжж...

Тык. Копье вонзилось совсем рядом. В дерево, должно быть. Нужно бы найти. Да нету времени. Я проскользил к высохшей канаве между двумя холмами. Сзади и наверху кровные пересвистывались, подавая друг другу сигналы на охотничьем языке своих домов. Я понял, что они рассеялись и движутся парами, охватывая весь склон. Классическая охотничья тактика, использовавшаяся с незапамятных времен.

Стоп. Как дальше – прямо? Да. Давай. Вверх по склону. Шевелись. Я пополз вверх.

Вввжжж...

Еще одна. Нырок!

Тык-тык.

Черт. Они видят меня сквозь деревья, что ли? Нет, бросают копья на звук. Почти наугад. Не волнуйся. Держи безопасную дистанцию – и все будет в порядке. Я метнулся вправо. Проклятье. Рога запутались. Слышалось дыхание самых быстрых охотников, уже поднимающихся по склону. Я ощутил стигматическое жжение – возможно, меня ранят в

спину. Тяни. Ветки. Вытащи их. Тяни. Плющ. Опа. Шея. Бля.

Вввжжж... Тык!

Рога высвободил. Понесся влево и вверх по склону. Выше. Левее. Левее. Черт...

Бззз...

Над головой. Пригнись. Присядь. Не подставляйся. Прячься за деревьями и доберись до линии факелов, найди брешь. Проклятье. Тут в отличие от естественного леса невозможно найти укрытие. Как в колоннаде. Приходилось перебегать от ствола к стволу. Ну же. Вставай. Рога мешают. Голова тяжелая. Черт. Я представил себя в шкуре доисторического ирландского лося с рогами тяжелыми и развесистыми, словно два ямаховских «фрод стара».⁵⁵⁷ Неудивительно, что они не выжили. Скинули бы рога на фиг. Я засунул кончики пальцев под ремни на голове, но там была смола, прилепившая их к коже. Оставь это.

Тихо. Беги бесшумно, вглубь. Они тоже быстроногие. Не останавливайся.

Сейчас блевану. Если бежишь на пределе своих возможностей, тебя рвет. Никуда не денешься. Грррррр. Ух. Тьфу. Кажется, удалось сделать это без шума. Да и желудок почти пуст. Давай. Шуруй. И не думай о том, откуда брать силы, работай на результат. Хоп. Хоп.

Я мчался к югу. Долго я так не выдержу. В сердце узел боли. В легких. Всюду.

Снова тишина. Никаких криков. Но они ищут меня. Надо прислушаться. Медленнее. Ты слишком шумишь.

Осторожненько. Кто умнее, тот и здоровее.

Гм. Факелы – вот они, рукой подать. Чуть дальше. Давай туда. Нет, погоди.

Я остановился.

О черт. Совсем рядом – слева. Проклятье. Ветки хрустят. Лучше...

Постой. Нет. Слишком много шума. Меня заметят. Охотник хочет выгнать добычу на тех, кто впереди.

Думай. Что они делают?

Одни уже наверху. Поджидают тебя. Несколько следопытов идут за мной вверх по склону, остальные веером рассыпались впереди. А потом они сомкнутся.

Кровные, притаившиеся в засаде, выстраивались по номерам. Прислушивались.

Не расслабляйся. Попадешься им – и конец.

Тебе нужно подобраться к их строю с другого места. Слева.

Так. Теперь вниз. Назад.

Я неслышно – насколько мог в своем нынешнем обличье – отошел к долине. Под ногами тут ничего не мешалось, если не считать эвкалиптовых ветвей, лежавших кучами высотой приблизительно до уровня груди. Осторожнее. Я развернулся и поковылял по спуску. Двигаясь на юго-запад, я впервые увидел туманное, но сильное сияние за следующей грядой сьерры. Чакал хорошо знал: это сторожевые костры храма в Ише.

De todos modos. Возьми на запад и попробуй еще раз. Возможно, охотники полагают, что ты пойдешь против часовой стрелки. Тут все крутится в этом направлении. А ты иди по часовой.

Хребет холма пропал из виду, но звезды вполне заменяли GPS-навигатор. Я ориентировался на 9 Мертвую Голову – Регул. Отсюда до линии факелов около семидесяти трудных шагов по выжженному дерну.

Вуено.

Валяй.

Я поднялся по холму, описывая широкую кривую и собираясь выйти из лесопарка как можно западнее...

Близко. Что это? Я мгновенно бросился на землю.

Чш-ш-ш-цзи-и – тум.

Черт. Я вскочил. Эй, что такое! Упал назад. Схвачен, блин, о моя шея, соño Dios, е-мое,

---

⁵⁵⁷ Имеется в виду модель мотоцикла с большим рулем.

чья-то рука на треклятых рогах. Я дернул головой вперед, но кровный держал меня за главный ствол правого ответвления. Я кинулся влево, но нет, слишком поздно, он меня поймал, тут я инстинктивно выгнул спину и боднул его остриями рогов, сделав движение назад. Поначалу я ощутил сопротивление, послышался резкий выдох, а когда я снова рванулся вперед, рука охотника отпустила меня. Я развернулся лицом к врагу. Судя по раскраске на его ногах, он принадлежал к дому Оцелота. Мальчишке лет двенадцать – четырнадцать, не больше. Волосы у него были такими длинными, что невольно возникало желание дернуть за них. Он прикрывал ладонью правую ключицу – то место, куда попал кончик рога. Я по-лягушачьи прыгнул к нему, целясь в лицо. Ударная волна прошла от его черепа к моему, словно столкнулась пара бильярдных шаров. Рогов тебе захотелось, сучий выbleдок, на – жри. Тай прокалывает бейсмена.⁵⁵⁸ В жопу вас всех. Он ухватился за мои рога и крутанул их. Смех один – Тесей с Минотавром. Я покачулся, упал на колени, ухватился рукой за большой узел на его поясе и снова вдавил рога ему в шею. На сей раз он подался назад, и, когда я опять изогнулся, его пальцы разжались.

О-о. У меня что – шея сломана? Нет, тогда я не смог бы двигаться. Я отступил и искоса взглянул на Оцелота. В свете звезд правая сторона его лица отливала чернотой – кровь текла из дыры под глазом. Он, спотыкаясь, пошел на меня.

За него можно не волноваться – он свое получил. Я отступил.

Он теряет кровь, слабеет. Дождись, когда противник упадет, а потом прикончи. С другой стороны, может, пора делать ноги?

Или потратить время и укокошить его, чтобы он не поднял тревогу? Да ну, это смешно. Они и без того уже наверняка слышат меня. Шевелись. Я побежал. Доберись до верха – и ты свободен. Как будто. Почти...

Опа. Это что еще?

Я снова лежал на земле ничком. Перевернулся и сел. Правая нога горела. Копье попало в бедро сзади, в двух дюймах выше колена. О бля, я ранен. Сучье племя. Эти штуки, хоть и притуплены, могут покалечить ой как. Не глубоко, но все же. Блин. Ощупывая рану, я увидел, что копьё, не разделившись на две части, так и лежит рядом на земле. И вдруг на моих глазах оно стало уползать от меня – назад по траве, словно хвост змеи. Я ухватил его за меховую накрутку чуть ниже того места, где на древко насаживается съемный наконечник. Кто-то попытался вырвать копьё. Я дернул к себе и поднял глаза. Передо мной стоял тот же самый Оцелот. Господи Иисусе. Посмотри правде в лицо, приятель: ты проиграл. Мы глядели друг на друга, но никакого контакта между нами не было. Отлично, подумал я. Помощи ты не зовешь, хочешь, чтобы я со всеми потрохами достался тебе. Я с силой потянул копьё, но кровный не сдавался. Я направил на него рога, сел на корточки, потом сумел подняться на ноги. Ну-ну, Джед, держись. Я крутанулся против часовой стрелки, уходя за дерево, но не выпуская древка, – ствол диаметром около восьми дюймов оставался между нами и действовал как ось вращения. Двигаясь все быстрее и быстрее, я отпустил копьё, завел руку за дерево и вцепился в кожаную, украшенную нефритом ленту на левом предплечье Оцелота, потом ухватил его обеими руками. Он отшатнулся, когда я прикоснулся к его коже, и на миг потерял равновесие. Я уперся ногами в ствол, крепче ухватился за кожаную ленту, подался назад и выпрямился. Раздался приятный треск – его грудь врезалась в дерево. Мышцы на его запястьях на мгновение ослабли, но копьё он держал довольно крепко, и я перехватил древко левой рукой подальше, еще подальше и наконец добрался до кисти врага, ухватился за нее и раз дернул его туловище на себя. Мои ступни почувствовали, как дрогнул ствол. Челюсти моего противника клацнули. Пожуй-ка кору, сучонок! Да здравствуют бои без правил! Он прокричал что-то неразборчиво, а потом принялся вопить, призывая соплеменников. Мерзкий щенок. Наверное, решил, что наелся до отвала. Заткнись,

---

⁵⁵⁸ Тай Кобб (Тайрус Реймонд Кобб, 1886–1961) – выдающийся американский бейсболист; его автобиография названа «Тигр отращивает колючки». Бейсмен – один из игроков защищающейся команды.

заткнись, заткнись, подумал я, доведешь меня до ручки – и я прикончу тебя. Я рванулся вправо и теперь смог, отпустив ленту на предплечье вражонка, ухватить косичку с вплетенными в нее бусинками и с силой приложил его голову о дерево. Череп Оцелота треснул и потерял жесткость, как яйцо с разбитой скорлупой, но еще целой подскорлупной оболочкой. Крики прекратились. С тобой покончено, подумал я. Понял? Я самое крутое дерьмо на свете. Ну да. В мозгу у меня туман, но не беда. С этим я справлюсь. К тому же я теперь вооружен! У меня есть копье, звучало у меня в голове, боевое копье. Я умею с ним обращаться. Вставай, Джед. Огни вон там – впереди. Совсем рядом. Поспешите.

У меня за спиной раздался странный звук. Этого еще не хватало!

Тянут носами.

Принюхиваются – ищут меня по запаху пота. И крови. Черт. Черт.

Тихо.

Вдохни. Замри. Выдохни. Тише. Вдохни. Дыши синхронно с треском цикад. Стань незаметным. Как куст.

Носы и уши у майя чувствительные. Лучше сматываться отсюда.

Давай. Нет, погоди.

То ли страх, то ли вся эта ситуация пробудили воспоминания Чакала об эпизодах его ученичества, своеобразных уроках закалки характера, когда пиломантеры, хипбольные авгуры, отвели его в пещеру душ Хипбольного Братства. Они шли по подземным залам без факелов, нащупывая путь по выемкам в полу, а потом положили его, обнаженного, в каменный саркофаг. И ушли – во всяком случае, так подумал Чакал. Прошло, по его ощущениям, несколько дней, и ему стали слышаться голоса. Начались они с далеких шепотков: «Кто это такой, я чую чужого, давайте съедим его, попробуем его на зуб». Это были уаи древних опозорившихся игроков в хипбол, они хотели утащить его в Шиб'алб'у, подбирались все ближе и ближе, требовали, чтобы он назвал тайные имена, которые он поклялся никогда не раскрывать, приказывали ему выйти из гроба и идти с ними. Наконец голоса зазвучали совсем рядом, громко и близко, Чакалу казалось, уаи вгрызаются в него. Может быть, он кричал вместе с ними, потонув в урагане воплей, но не убежал, не назвал заветных имен, даже не шелохнулся. На следующий день его вытащили. Восемилетний мальчишка от беспредельного ужаса перешел черту безумия и впал в иное состояние. Когда он понял, что это пиломантеры кричали ему через трубки, вделанные в гроб, для него это уже не имело значения. Такое могли пережить только мальчишки, которые либо родились с каменным сердцем, либо заставили его превратиться в кремень. Они становились равнодушны к страданиям. Человек двадцать первого века сказал бы, что полученная травма притупила повседневные эмоции Чакала. Кроме того, она посеяла в нем бешенство, в которое он впадал почти без повода. В Ише это означало, что он может выбрать стезю воина.

В двадцати футах за моей спиной зашелестели листья. Хватит уже рассуждать. Давай. Давай-давай-давай.

Я побежал.

О бя. Слишком быстро.

Слева просвистело копье. Я отпрыгнул, перекатился вперед и, оттолкнувшись древком от дерна, вскочил. Я все сделал правильно, но через миг правая нога поскользнулась. Неужели копье таки попало в меня? Если так, почему я ничего не почувствовал? Слишком много адреналина? На меня кинулся кровный из клана Нюхачей, он, как дубинку, держал копье без наконечника. Я упер свой трофей в землю и приготовился к столкновению. Справа на расстоянии трехсот рук от меня мчались еще двое охотников, подняв оружие и готовясь к броску. Один – из клана Оцелотов, другой, парнишка с округлым приятным лицом, – из дома Гарпии. Чакал играл с ним в хипбол, его недавно приняли в команду Гарпии. Я знал его имя, ну конечно же: Хун Шок, 1 Акула.

«Хорошо, – сказал я себе, – разберись с тремя этими придурками – и ты спасен». Я обернулся к Нюхачу, направил на него острие. Он уклонился и бросился на меня сзади, поднимая свою деревяшку, чтобы оглушить меня, тогда я крутанулся на месте, чтобы

парировать удар. На мгновение по непонятной для меня причине он замешкался, сделал полшага назад, повел плечами. Ага, ясно. Я же нечистый. Вот суеверный хер. Я выставил в стороны руки, опустил рогатую башку и прыгнул вперед. Древко вражеского копья обломало две ветки правого рога, но лишь слегка задело лоб. Испортил ты свою добычу, братишка. Я тряхнул головой, прогоняя туман, крепче ухватил копьё и описал им широкий круг в восьми дюймах над землей. Нюхач подпрыгнул и успел поджать левую ногу, наконецник ударил его по правой и соскочил с древка. Кровный упал на землю, сел на траву, я инстинктивно размахнулся, и вдруг в свете звезд кожа врага показалась мне столь тонкой и натянутой, что я будто видел сквозь нее. Я прицелился в то место, где раздувалась и опадала подвздошная артерия, ровно над пахом, изо всех сил ткнул туда расщепленным концом древка, повернул и нажал вбок. Сначала, долю секунды, ощущалось вязкое сопротивление, потом оно исчезло – когда орудие прорвало кожу и вонзилось в ткани, а потом попало в самую жилу – изнутри ударил фонтан крови, так его, бей, бей, бей! Ха! Да я в самом деле крутое дерьмо, подумал я. Нюхач не проронил ни звука, на его лице промелькнуло выражение разочарования. Я откатился от него, не выпуская древка, выпрямился.

Меня немного пошатывало. Почему-то в голову мне пришла цифра восемь.

Мозгу нужно совсем немного времени, чтобы зафиксировать множество деталей, если только он не переводит их в вербальный контекст. За краткий миг я осознал: Нюхач мертв, я впервые лишил человека жизни. Говорят, первое убийство вызывает раскаяние и эйфорию, ты можешь испытать жалость к жертве, услышать шум крови в ушах, у тебя возникает туннельное зрение, ты или теряешь сознание, угнетенный чувством вины, или, наоборот, ощущаешь выброс адреналина, порой даже оргазм. В глубине души я ждал, что меня накроет переживание невиданной силы, однако произошедшее было воспринято мной как вполне обыденный случай. Странно, те же эмоции одолевали меня, когда я ходил по магазинам в поисках дорогой вещи и мне улыбалась удача. К примеру, один раз мне удалось взять последнюю плимутовскую «барракуду», другой – в последние пять секунд е-бейевского аукциона⁵⁵⁹ кликнуть мышкой по большой надбавке к цене. После маленького скачка напряжения появлялись легкость, эйфория, а потом, по нисходящей, послевкусие, в котором смешивались сомнения приобретателя и радость обладания. Вот и сейчас – я словно купил Нюхача. Вернее, отделил его тело от уая, и теперь тот рыскал вокруг меня, принюхивался и был готов следовать за мной повсюду. Если вести себя правильно, он не станет мстить мне и я даже смогу сделать его своим любимым зверьком. Точнее, рабом. Но к радости победы примешивалось неприятное чувство. В основном – физическое ощущение скверны, словно я ступил в собачью блевотину или возился с радиоактивными элементами, облучил руку и теперь подлежал дезактивации. Нет, я не казался себе порочным человеком. Просто я подошел близко к смерти, а смерть – штука заразная... Короче, никакого потрясения быть не могло по простой причине: я – вернее, Чакал – совершил далеко не первое убийство. То-то и оно. Порешил семерых на хипбольной площадке.

Поэтому в данной ситуации Чакал взял верх над Джедом. Да, я управлял чужим телом, но эмоции были не моими. Неудивительно – ведь на девяносто девять процентов нервная система оставалась прежней. Лишь в лобовую часть коры добавилась малая часть моего сознания, которая словно утверждала: он – это я. Ха-ха, «я» – это вовсе не огромная космическая сила. Тонкая пленочка.

Справа от меня раздался боевой клич, с которым воины майя берут пленных. На меня собирался напасть невысокий Оцелот. Я рванул вверх, но он не отставал, а потому пришлось повернуть назад. Кровный держал свое копьё, как пику, намереваясь насадить меня на нее, будто на вертел. Я нырнул под древко и перекатился вбок. Он реагировал быстро и в два-три прыжка настиг меня. Я выхаркнул сгусток крови – большой красный вязкий комок слизи – и попал ему в грудь. Вот вам, подумал я. Суки!!!

---

⁵⁵⁹ Е-бейевский аукцион – крупнейший онлайн-аукцион США.

Оцелот отскочил. Мальчуган из дома Гарпии, маячивший за его спиной, тоже отпрыгнул. Почему? Бойтся заразиться? Или он на моей стороне? Нет, все дело в том, что они не хотят прикасаться к мне. Я нечистый. Как это ни парадоксально, но я чувствовал себя оскорбленным. Идиот. Да воспользуйся же этим.

Коротышка из правящего дома снова бросился на меня. Огонь факелов отразился в его глазах, и Чакал подсказал мне, что свет ослепляет его. Я-то прекрасно видел своего врага, поэтому низко пригнулся, левой рукой сумел отбить его копье, а конец своего вонзил ему в рот. Попал, куда метил, во что-то мягкое. Вот тебе и удаление миндалин, мудила. Я отпрыгнул назад и вытащил свое оружие, раздирая щеку Оцелота. Он не издал ни звука и не отступил (ах уж эта этика мачо), смог удержаться на ногах и снова надвинулся на меня. Я нанес удар с разворота, мое древко ударилось о копье противника и соскользнуло на его пальцы. Раздался хруст, и они разжались. Попытаться схватить его? Нет, слишком поздно. Пора сматываться. Скок. Скок. Восемь прыжков вверх по склону, и я услышал характерное брнчание украшений-ракушек – кровный из дома Гарпии заносил руку, готовясь к броску. Тут он не промахнется.

Черт, подумал я, ваша взяла. Я напрягся. Сейчас наконечник вонзится мне в спину. Но копье пролетело мимо с таким распрекрасным звуком. Я сделал еще два прыжка и услышал, как парнишка споткнулся и упал. Странно. Вот неумеха. Может, он промахнулся специально? Нет, забудь об этом. Твоя задача – выбраться, к чертям собачьим, за эту chingado⁵⁶⁰ линию огней.

Не останавливайся. Улавливаешь эти звуки?

Кровные умеют бесшумно дышать и бегают осторожно, как лисы, но их наколенные бусины позвякивают друг о друга, а ветер свистит в аляповатых сережках. Так что для меня не было неожиданностью, когда преследователи появились сзади и справа. Кажется, я даже почувствовал жар их тел.

Сколько их там? Я хромал, поэтому не хотел замедлять ход. Не буду оборачиваться. Только прислушиваться.

Трое. Их трое, и они достаточно близко, чтобы перехватить меня. Один совсем рядом слева. Другие подальше. Не думай о них. Присядь на мгновение, а потом – стрелой вперед.

Приготовься к серьезному рывку. Бедро у меня сзади по-прежнему сочилось кровью, она капала и капала, словно водопроводный кран закрутили не до конца. Я почувствовал укол страха, старого страха перед гемофилией, черпанул немного земли и приложил к ссадине на ноге. Сейчас нужно разобраться с кровотечением, а с микробами разделаешься потом. Однако, Джед, похоже, у тебя больше нет никакого «потом».

Число моих врагов увеличилось. Теперь их не двое-трое, а гораздо больше. Должно быть, они наблюдают за хребтом слева, из-за деревьев. Когда я побегу туда, по крайней мере несколько из них будут от меня на расстоянии броска.

Я засмеялся, правда беззвучно. Тихо, идиот. А может, наоборот, разнюнился? Слабак ты, приятель. Чакал бы так себя не повел...

Стой. Кто это?

Здесь никого. Но...

Гм.

Я уверен, что здесь кто-то есть, совсем рядом... Но никого не было. Кто-то внутри меня...

Чакал?

Это ты?

О господи, черт побери, конечно, он наблюдает за мной, получает удовольствие, бля...

Тсс. Они идут. Я подтянул раненую ногу и, хрустя ветками, ломанулся в кусты лавра. Ну давайте, пидоры гнойные, попробуйте, возьмите меня, я вас окорочу. Я хохотнул. Тихо

---

⁵⁶⁰ Здесь : долбаную (мекс. сленг). (Прим. ред.)

ты.

Присядь на корточки. Будто ты камень.

Ну, пора уже что-нибудь придумать. Кхе-кхе. Тсс. Между мною и линией факелов кто-то снова запел:

Твоя голова легка, твоя задница тяжела, олень...

Руки и ноги у меня леденели от потери крови, челюсть дрожала. Прекрати. Прекрати. Не стучи зубами. Тихо. Тихо.

Два оленьих уха пойдут на ложки для девятого парня...

Блин, ничего не получается. Ни хрена. Ты труп – вот и весь труд. Вот и весь труд – ты труп. Я слышал топот ног вокруг. Четверо. Нет, пятеро. Черт. Ладно. Выхожу отсюда. Я потащился к свету. Даже не потащился – пополз змеей. Я метался. Как рыбка-мечехвост. Рыбку разбил паралич.

Да посмотри уже правде в глаза: никуда тебе не уйти.

Слишком медленно. Слишком медленно.

Два рога оленя – грабли для восьмого...

Копыта оленя – четыре молота для седьмого...

Проклятье. Заройся в землю. Я уже, наверное, мертв, наверное, мертв, наверное, мертв.

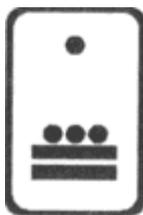
Зад оленя – кошелек для шестого...

Кишки оленя – ожерелья для пятого...

Так или иначе, где-то ведь остался мой дубль. Только мало в том утешения, когда единственное «я», которое ты ощущаешь, умирает. Я фактически мертв, вот в чем суть, небытие ждет меня...

Но что это? Это...

(33)

Что-то было не так. И не только со мной.

Тишина.

Но странная тишина. Конечно, я был немножко занят последнее время, носился как сумасшедший, спасая свою жизнь, пытаюсь расслышать шаги преследователей в шуме взбаламученного океана ночной жизни, поэтому другие звуки мало интересовали меня. Теперь же я уловил всеобщее стрекотание и порхание, словно двадцать тысяч карточных колод одновременно зашуршали в руках десяти тысяч кичащихся своей ловкостью картежников. Мой мозг (а может, мозг Чакала) выделил из этой какофонии несколько громких хлопков-шлепков, и я понял: это трепет громадного, но определенно четного числа крыл. Казалось, одновременно взлетели все птицы и летучие мыши на свете. Грандиозный старт! Но самым невероятным было то, что птицы не производили ни звука. Звезды постепенно погасли. Невидимое небо кипело и потрескивало, но не раздалось ни одного писка или стога из живой утробы, если не считать ультразвуков, испускаемых мышами.

Мне доставляли страдания многочисленные повреждения, я ощущал тяжесть двух человек, удерживающих меня, и даже муравья или какой другой живности, которая ползла сейчас по вонзившимся мне в спину стебелькам осота. И что еще важно: хотя у жертвы, тело которой разделявали кровные, была обрезанная косичка, как у меня, и лицо (то, что от него осталось) тоже напоминало мое собственное, я с трудом узнавал себя. Да, предплечье загрубело от ударов хипбольного мяча, но не так, как мое, и мозоли на коленях казались далеко не такими большими. И потом, я наблюдал за этой сценой неестественным для бесплотного духа образом. Я не парил в воздухе, как это должна делать эктоплазма. Меня прижимали к земле, и я все еще судорожно моргал, поскольку в глаза попали брызги крови и песчинки.

«Это не ты, – сказал я себе. – Да ты прикинь. Это какой-то другой тип. Хотя на нем тоже оленьи пятна...»

Эй. Черт. Что такое с моей грудной клеткой? Я опустил глаза. Один из кровных с помощью миниатюрной обсидиановой бритвы начал меня вскрывать в районе грудины. Он описал удлиненную дугу до ключицы, а потом симметрично прошел вниз с другой стороны, вырезав что-то вроде мандорлы.⁵⁶¹ Кстати, манипуляции производили явно со мной, а не с моим двойником. Изверг подцепил кожу снизу и принялся сдирать ее. А-а-а-а. А-а-а-а. Какая боль! Побои, перец, клизма – ничто в сравнении с этим, о-о-о, ай, это просто невыно-о-о-о-о-си-И-И-И...

С негромким хлопком оторвалась полоска кожи шириной в полдюйма и длиной около четырех. На мгновение кровный поднял ее внутренней стороной ко мне, сверкнули крохотные шаровидные жировые клетки, сквозь них пробивались слабые лучи, и я различил знакомую колонку синих глифов – татуировку, обозначающую хипбольный уровень в девять черепов...

Я что, вырубился? В конечном счете потеря сознания дает несомненные плюсы, как темная энергия. Меня закутали в одеяла – похоже, хлопковые – и связали. Четыре руки перевернули мое тело, и я стал задыхаться от нехватки воздуха. В скатку со мной положили древки копий, думаю, для камуфляжа. И теперь, несмотря на все воспитание Чакала, я и в самом деле заскулил, заплакал, закричал, как некая экзистенциальная Нэнси Керриган: «За что, за что, за что-о-о-о?!?!?!»,⁵⁶² раздавленный тем, что я не мертв, что я не призрак, что я все еще в ловушке прошлого, что я не я.

(35)

Сначала возник вкус. Вкус материнского молока... А потом хлынул поток ощущений, испытанных в самом раннем младенчестве, можно сказать, довизуального периода, и мне потребовалось некоторое время, чтобы осознать: эти воспоминания принадлежат не мне, а Чакалу. Его тело тоже никуда не делось – каждый квадратный миллиметр кожи зудел, зудел

---

⁵⁶¹ Мандорла – разновидность нимба, сияние овальной формы, вытянутое в вертикальном направлении, внутри обычно помещается изображение Христа или Богородицы.

⁵⁶² Нэнси Керриган (р. 1969) – американская чемпионка Олимпийских игр по фигурному катанию. На нее было совершено нападение, подстроенное ее соперницей Тоней Хардинг. Получив удар дубинкой по колену, Нэнси закричала: «За что?» Этот эпизод широко известен в США.

так, будто под ней были крошки пирога, испеченного парсом,⁵⁶³ но почесаться не удалось, я еле мог пошевелиться в налитых жиром пеленах. Свербит и свербит... и тут мучительно зашепотало грудь в том месте, где я потерял, пожалуй, не меньше квадратного фута кожи, а потом это сошло на нет, и мое «я» надолго застряло в горле, громадной безводной пустыне Наска. Жажда, жажда, целые века жажды, в течение которых не выпало ни капли дождя. Наконец кто-то открыл мое лицо под яркими солнечными лучами, выдавил в мой рот немного соленой кукурузной каши и снова закутал. Скатываясь по долгой кривой облегчения, я обнаружил, что мой язык распух, как большой засохший маринованный огурец (но все же оставался на своем месте), а лицо покрыто тонким слоем материи, похожей на марлю, и я могу почти нормально дышать. День клонился к вечеру. Несколько носильщиков тащили меня – длинный, узкий сверток – вверх, на восток, в высокогорье, по тропинке, что петляла по склонам холмов, через висячие мосты, вдоль журчащих ручьев.

На кой ляд им нужно меня спасать?

Гарпии хотели одурачить другие великодомы. Тут бы и делу конец. Дескать, пусть в Ише думают, будто я мертв. Ну и прекрасно. 2 Драгоценный Череп смягчился и решил, что я пригожусь ему. Он хочет сохранить мне жизнь.

Видно, бакаб рассчитал время охоты, чтобы оно совпало с часом предсказанного мной извержения.

Ну-ка, ну-ка. У меня как раз есть минутка, надо поразмыслить. Согласитесь, какой смысл бравым ребятам играть в протопейнтбол, если небо вот-вот упадет на них. Если бы они знали об этом, то сидели бы дома, сутулясь перед иконами и моля своих презренных богов сжалиться.

Значит, случилось вот что: старина 2ДЧ сообразил, что моя оценка времени извержения точнее пророчеств местных геомантеров. Если только они вообще что-то предсказали. Может, он просто наврал мне на этот счет. Кхе. Так или иначе, старикан скумекал: большой взрыв произойдет раньше расписания (да и население не ожидало такого тарарама, наверное, думали, будет пара хлопков и огоньков на горизонте), а потому быстренько устроил оленьи бега. Все закрутилось около четырех часов ночи двадцать седьмого. И когда грохнуло, кровные, участвовавшие в охоте, струхнули. Одни только Гарпии знали об извержении и среди всеобщей сумятицы подсунули вместо меня подсадную утку для освежевания. Поэтому-то они и срезали полоску с хипбольной татуировкой... Ее не могли подделать и пришли на кожу того, другого, постаравшись скрыть шов.

Ладно, похоже на правду. Значит, Хун Шок, кровный из дома Гарпии с приятным округлым лицом, специально промазал, бросая копьё с четырех шагов. И поэтому он со товарищи шел за мной по пятам, ничего не предпринимая. Они не выпускали меня из вида в течение всей охоты, стерегли меня... а что случилось бы, достанься я другому клану? Может, у них был план подменить меня позднее?.. Или Гарпии бросили бы меня?

Сволочи. Впрочем, они ведь этого не сделали.

Ну так что, правильно я все это расчухал или нет? Я предсказал извержение куда точнее, чем их ведуны. Неужели благодаря этому я обрел тут какой-то статус?

Дорога была довольно многолюдной, по ней тянулись длинные пешие караваны, впереди и сзади них таякали собаки, посыльные спешили то в одну, то в другую сторону, погромыхая своими маракасами.⁵⁶⁴ Чакал уловил что-то настораживающее в этом звуке, словно беженцы торопились побыстрее вернуться домой. Тревожно кричали яканы и стрижи – извержение сбило их с толку. Чакал по этим звукам определил, что вскоре наступят сумерки. Носильщики пошли медленнее. Пару раз тюк со мной передавали из рук в руки, словно каноэ. Потом меня понесли вертикально, привязав к доске; здесь было много тени и

---

⁵⁶³ Имеется в виду пирог из сказки Р. Киплинга «Как носорог получил свою кожу».

⁵⁶⁴ Маракас – древнейший музыкальный инструмент, разновидность погребушки.

мало солнца. Народу вокруг поубавилось, и носильщики затагнули что-то вроде розария,⁵⁶⁵ перечисляя непритязательные имена своих предков. В беззаботной песенке, которую обычно пели, чтобы легче работалось, слышалось напряжение. Она звучала как заклинание против гоблинов. Время от времени меня щупали, проверяя, дышу ли я. Иногда мы останавливались, и один из приготовителей отодвигал марлю с моего лица, вытаскивал хлопчатый кляп. А потом, прежде чем я успевал вякнуть, выплевывал мне в рот то сногшибательное пойло, которым они меня подпитывали, – у него был вкус крепкого б'алче', но действовало оно как гидроморфон,⁵⁶⁶ – а потом подтирали мне нос, снова засовывали кляп и закрывали лицо. Наконец им, видимо, понадобилось перехватить тюк поудобнее (или мы оказались в достаточно уединенном месте), потому что меня положили на землю и развернули. Повеяло прохладой. С моих глаз сняли повязку, и я уставился в безоблачное небо.

Стояли синие сумерки. Последствий извержения не наблюдалось, не считая резких ноток в птичьих трелях. Надо мной склонился Хун Шок, и, прежде чем я успел прореагировать, две пары рук поставили меня вертикально и помогли удержаться на ногах. Никто не произнес ни слова. Я же был не в силах говорить. Мог только дышать. Рану на груди закрывал большой кусок обсыпанного пеплом хлопчатника. Кто-то – наверное, один из неприкасаемых – впрыснул мне изо рта в рот медовую воду. Я проглотил несколько капель и оглянулся, мигая. Мы находились на южной стороне гряды, на узкой ступени у вершины широкого холма. Слева под углом сорок четыре градуса поднимался склон, усыпанный темными серпентиновыми камнями под сетью желтых лиан. Справа он спускался на триста или четыреста футов до линии сосен Монтесумы.⁵⁶⁷ За ними виднелась деревенька – соединенные между собой группки небольших домиков, амбаров и полуоткрытых мастерских. Их сложили из необработанных горных камней, заделали щели тускло-красной замазкой, а крыши смастерили из листьев пальмы шит. Красные и черные полосы на стенах означали, что тут обосновались Гарпии, но на части центральных построек я заметил черные в бирюзовую точку навесы – там жили Оцелоты. Странно, ни мулов, ни ритуальных сооружений. Может быть, это чисто светское поселение, а его священный двойник расположен где-то в другом месте? На большой платформе в центре городища стояла большая, искусно сделанная цистерна. Рабы, коротко остриженные, с ног до головы раскрашенные в серую полоску, сновали туда-сюда. До плеч у них свисали тесемки из серой материи, пропущенные через мочки. Каждый нес на спине белую, замазанную каучуком корзину с водой – так муравьиная самка тащит куколку.

За поселком высился горный кряж, а за ним, едва различимый, еще один. Дымка над долинами не висела, значит, сезон выжигания полей еще не начался. Должно быть, его пришлось отложить из-за извержения. Перед нами круто уходила вниз футов на семьдесят высеченная в склоне лестница (больше похожая на трап). Она заканчивалась расселиной в серой породе. Вероятно, мои спутники собирались обвязать меня веревкой для страховки. Вдруг я стану сопротивляться.

Гм.

Всего в команде было человек двадцать. Четверо – кровные дома Гарпии. Шестеро – ликсахобы, стражники – воины одного из подчиненных Гарпии кланов, которые не имели ни малейших шансов стать полноценными кровными, как бы они ни старались. Остальные – неприкасаемые и носильщики. Все глазели на меня, как на головоломку типа «найди слово». Никто не проронил ни звука. Я остановил взгляд на Хун Шоке. Он смотрел на меня с не

---

⁵⁶⁵ Розарий – католическое молитвословие.

⁵⁶⁶ Гидроморфон – болеутоляющее средство, производное морфина.

⁵⁶⁷ Сосна Монтесумы – разновидность сосны с очень длинной хвоей.

меньшим любопытством, чем другие, но с бо льшим сочувствием. Еще бы. Чакал учил его в младшем, так сказать, дивизионе хипбольной лиги. Парень был смугл и необычно жилист для кровного. Как ни странно, его имя в переводе на английский звучало почти так же – One Shark – 1 Акула.

Подбежали две шоколадного цвета охотничьи собаки, похожие на мексиканских голых собак ксоло, только крупнее, размером примерно с далматинцев, и принялись обнюхивать меня. Потянулась на юго-восток стайка небольших канадских гусей – необычно для этого времени года. Они спешили улететь подальше от вулкана.

Хун Шок повернулся к подчиненным и стал перестраивать их перед спуском по лестнице. Я понял, что меня держат всего две руки в рукавицах – каждая обхватила мое запястье.

Впереди только один стражник. Сзади один неприкасаемый. Потом собаки. И лестница.

Гуси свернули направо – на юг. Лучшего момента не представится. Давай.

Я выкрутился из рук неприкасаемых, освободился, оттолкнул удивленного стражника, прыгнул на верхнюю ступеньку и дальше – с переворотом. Еще до того как в ушах у меня зашумело и я почувствовал невесомость, стыд осыпался с меня, упал, как свинцовый костюм, загрязненный радиацией. Я глупо хохотнул в полете, это смеялась Джедова ипостась, чувствуя себя абсолютно свободной – в первый раз. Конечно, вовсе не я, а Чакал самоутвердился таким образом, но меня охватила наркотическая эйфория...

Правое плечо взорвалось при ударе о каменную ступеньку. Я подпрыгнул и медленно перевернулся в воздухе. Потом стукнулся левым бедром, но не сильно, боль была тупой. Вместо того чтобы набрать скорость, я начал тормозить, потому что меня со всех сторон обхватывали руки – Гарпии прыгнули следом, цеплялись за меня, защищали, подсовывали свои колени и локти между мной и камнем. Кто-то из них крикнул от боли, но ни один не вскрикнул. Я перекатился еще четыре раза, находясь в центре громадного теплого снежного кома по типу «Луни тьонз»,⁵⁶⁸ только этот ком был из живой плоти. Наконец мы приземлились в вихре булькающих звуков. Черт. Я выпустил остатки воздуха из легких. Я должен удавить себя. Нет. Не себя. Чакала. Он задержал дыхание. Можно ли убить себя таким способом?

Чакал отвечал, что вполне.

Все вокруг стало мутиться, как это всегда бывает перед потерей сознания, потом задвигались руки и ноги вокруг меня. Кто-то сзади дернул меня за волосы. Наконец-то мне отрежут голову, я, который под вами, благодарю вас, прародители, возьмите мою голову, это то...

(36)

«Значит, ты просто притворялся, – мысленно упрекнул я Чакала. – Ты ждал первого подходящего случая, чтобы покончить с нами обоими. Никуда не годится».

Чакал не ответил. Но я чувствовал, что он здесь. Безмолвно прячется в складках коры моего мозга – хмурится, думает, готовится к прыжку...

Ты ведь все понимаешь, Чакал. Ты с удовольствием наблюдал, как меня охватывает ужас, когда на нас охотились. Для тебя это такое утешение – видеть мой страх. Глупо. И тем

---

⁵⁶⁸ «Луни тьонз» – серия мультфильмов, заставка к которым выполнена в виде концентрических кругов, что и вызывает у героя ассоциации с многослойным снежным комом.

не менее если ты решил убить себя, то почему не взял бразды правления в свои руки во время погони?

Нет ответа.

Ты мог бы с разбега врезаться головой в камень. Но ты этого не сделал. Не желал, чтобы тебя схватили. Верно я говорю? Покончить с собой для тебя не проблема, но ты не хотел терпеть унижение от подонков из дома Оцелота. Да?

Ничего.

Что ж, если хочешь дуться – валяй.

Ладно. Ну так что же теперь?

Прежде всего, на сей раз меня действительно опоили. Болеутоляющим наркотиком, может быть ололиуки или другим видом утренней славы.⁵⁶⁹ Так что я почти ничего не помню. Меня опять долго несли, сначала горизонтально, потом вертикально. Затем положили на циновку в недавно (судя по запаху) построенном (или, вернее, свежесвязанном) тростниковом шалаше. Рот мне заткнули губчатым кляпом, а на глаза наклеили что-то липкое. Руки связали спереди (в данной ситуации – роскошь по сравнению с руками, связанными сзади) и вроде бы стреножили, хотя ниже пояса я ощущал только судорожное онемение, поэтому сказать наверняка затруднился бы. Рога и прочая оленья атрибутика исчезли. До меня доносился воющий звук, должно быть ветер гудел в голых ветвях. Казалось, рядом вода. Щебетали птицы. Я был абсолютно уверен: только что взошло солнце.

Нужно убедиться, что я тут командую. Я поелозил немного. Да, похоже, этот концерт даю я. Пока, по крайней мере. Когда лидировал Чакал, все воспринималось иначе, будто...

И как же? Да, тут так просто не объяснишь. Тогда я чувствовал вкус соли. Слышал звук виолы. Представлял себя в четырехмерной сфере.

Что-то вокруг изменилось.

Движения носильщиков замедлились, и ритмичность нарушилась, словно они приближались к месту назначения. Воздух стал другим.

«Я знаю это место», – крикнул вдруг Чакал. Он волновался, чего не было прежде. Им овладела не ярость, не паника, скорее подспудная тревога. «Наша беседка, – переживал он. Место, откуда происходит наша глина».

Мы находились вблизи Болокака, его родной деревни. Перед моим мысленным взором возник заросший лесом овраг, журчащий звук перешел в бульканье струй и шум падающей воды.

«Ты немного расстроен», – обратился я к нему.

Он не ответил.

«Знаешь, – предложил я, – мы с тобой наверняка сумеем сострять договор а-ля тайм-шер по владению телом. Ну, скажем, ты будешь главным, когда мы едим или занимаемся сексом, а в остальное время я...»

Где воздух? Я попытался сделать вдох. Ничего. Проклятье.

Я напрягся и повторил попытку. Закупорено. Ну-ка...

Так, теперь получилось. Я очистил нос. Воздух, просочившийся внутрь, принес прохладный сладковатый бодрящий запах глины и примешанные к нему слабые ароматы жареной кукурузы, чего-то похожего на креозот, сдобренные щепоткой запаха живодерни и прокисшего топленого жира. Пахло кардамоном. Может, это орхидеи?

Мой запах, думал Чакал. Мой.

Хрр. Снова задыхаюсь. Ну-ка. Возьми бразды правления в свои руки. Овладей нервной системой. Мы словно затеяли игру – двое ребятшек из детского сада сидят на качелях и каждый пытается удержаться у земли. Чуть подайся назад или подвинься в сторону – и ты либо останешься внизу, либо взлетишь вверх. Ты настолько начинаешь чувствовать вес и положения своего противника, что у тебя возникает ощущение, будто вы сиамские

---

⁵⁶⁹ Утренняя слава, или *Rivea corymbosa*, – растение, распространенное в Центральной и Южной Америке.

близнецы.

Хррр. Дыши. Давай.

Нет, что бы там ни говорили, нельзя покончить с собой, проглотив свой язык. Самое большее, что можно сделать, пытаюсь совершить самоубийство в условиях, когда твоя свобода ограничена, – это откусить себе кончик языка или кусок губы, а дальше надеяться, что истечешь кровью до смерти. Но и это далеко не верный способ. Да что там, сержант морской пехоты пошел на это в Ираке в 2004 году после Салат-аль-Иша, но повстанцы утром нашли его и привели в чувство. Кроме того, губка у меня во рту не позволяла Чакалу сделать это. Правда, известны случаи, когда похищенные задыхались из-за кляпа во рту, и Чакалу эта идея очень нравилась.

Я проглотил пузырь воздуха. Не позволю меня удавить. Нашел связь с легкими и надавил, скрежеща суставами рук и ног. Я такой же крутой, как ты, и команду тут я...

На востоке наше дыхание останавливается,
На севере останавливается,
Наше дыхание мертво,
Оно останавливается, оно умирает, останавливается...

Я решительно не мог дышать, напрягался, извиваясь всем телом, но ничего не получалось. Легкие подчинялись Чакалу. Черт побери, я пыхтел, хрипел, в ушах у меня шипело, как игла в запыленной канавке в конце звуковой дорожки первого выпуска виниловой пластинки «Metal Machine Music».⁵⁷⁰ Сердце колотилось, будто я несея вверх по лестнице. Тринадцать пролетов. Мой язык распух до размеров теннисного мяча. Лицо серо-зеленое...

Оно останавливается, прекращается...

Выпусти воздух. Выпусти. Черт. Ерунда какая-то. Те, кто тонул, но чудом спасся, говорят, что наступает момент, когда невольно приходится выдохнуть, хотя и понимаешь, что вода заполнит легкие и ты захлебнешься. Но Чакал обладал недюжинной силой воли, впрочем, это слишком слабо сказано, он исполнился решимости довести задуманное до конца, он хотел нас обоих утопить в двуокиси углерода, и на секунду мне показалось, что я ныряю на дно океана, которое кишит ультрамариновыми *Phyllidia varicosa* и рубиновыми кораллами. Еще одно мгновение и...

Проклятье. Хрр. Удар.

Ш-ш-ш-ш-ш. Кулаком в живот.

Глоток воздуха. Ха! Непроизвольная реакция.

Пальцы в рукавице разжали мои зубы, залезли мне в рот и вытащили кляп, как пробку из сливной трубы. Воздух со свистом ворвался внутрь, и моя грудь раздулась. Хорошо. Треск. Хрустнули челюстные суставы. Все равно спасибо доброму и нетребовательному Богу. А я уже боялся, что вы, ребята, уснули. Кретины, пора действовать. Кто-то сунул мне в рот палку, чтобы он не закрывался, да, да, нет, нет, нет, нет-нет-нет-нет-нет...

Заткнись, подумал я. Они не хотят, чтобы я умирал. Ты понял?

Умри, нужно просто умереть,
Мы умираем, мы умираем...

Спасители держали меня вертикально, и один из них отрабатывал на мне прием

---

⁵⁷⁰ «Metal Machine Music» – альбом американского музыканта Лу Рида (р. 1942), один из ранних примеров шумовой музыки.

Хаймлиха,⁵⁷¹ однако я продолжал тихо отходить в мир иной. Нет, Чакал не заставит меня задохнуться. Это невозможно. Мои предки не дадут мне умереть, не дадут, не дадут...

Шлеп. Я выдохнул все. Хррр. Руки в рукавицах снова поставили меня на ноги. Я дышал. Хорошо. Шаг в верном направ...

Боишься, ты так боишься,
Ты грязный, нечистый,
Ты боишься, боишься...

«Так, ну хорошо, что теперь?» – бросил я Чакалу. Как это ни глупо, но меня все еще мучил стыд. Конечно, я испугался, и Чакал знал это, и он знал, что я знаю, что он знает это. В таких отношениях о приватности думать не приходилось. Я хорошенько поразмыслил и пришел к выводу: да, моим самым сильным и непреходящим чувством до сего момента был обыкновенный стыд.

«Ты слишком невежествен, чтобы бояться. – Я решил оскорбить его. – Ты, как и все остальные, веришь в то, что тебе наговорили, когда...»

«Ты не из тринадцатого б'ак'туна, – парировал Чакал. – Ты все выдумал. И свою жизнь тоже. Картинки, передающиеся по воздуху, каноэ, летящие к луне, коробка размером с твой язык, знающая больше, чем ты, – все это наглая ложь».

«То, о чем я рассказал, действительно кажется невероятным. Но я не обманывал тебя. Нельзя придумать спираль ДНК, Китай, Анну Николь Смит».⁵⁷²

«Б'ааш? Неужели? Все это существует на самом деле? А может, ты просто-напросто запутавшийся во лжи дух зла? Последнее больше похоже на правду».

«Любопытство тебе не свойственно, – усмехнулся я, – как любому провинциальному олуху. Если бы ты сам был поинтереснее, то тебя бы волновало, откуда я взялся».

Не успев закончить тираду, я сообразил, что веду себя глупо. Словно сижу перед техасским шерифом в комнате для допросов и пытаюсь объяснить ему разницу между барокко и рококо. И потом, не стоит так брюзжать. Конечно, меня постигло разочарование: Чакала не особо поразило все то, что я привнес в его жизнь. Я ведь считал, что наша встреча (если можно так выразиться) ошеломит его и он будет обращаться со мной почтительно: «Да, мой повелитель, масса Джед, сэр». Но я не произвел на него абсолютно никакого впечатления. В моей жизни всегда хватало отвращения, ненависти и прочих неприятностей. А Чакал если и питал ко мне какое-то чувство, то одно презрение. Чистое презрение наивысшей пробы. С его точки зрения, если человек не являлся Гарпией или Оцелотом, его не то что кормить – скормить свиньям нельзя было.

Ну и сукин сын. Понимать вовсе не значит простить. Я мог бы его убить. Но какой в том смысл? Этот придурок мечтал, чтобы я вышиб себе мозги.

Он не верил мне, но я понимал почему: двадцать первый век казался фантастикой. Особенно отсюда, с того места, где я вертелся, как уж на сковороде. Даже если бы я и выдумал часть... Опа! Нет, постой. Не спеши. На этом пути ты просто свихнешься.

Теперь рукавицы, смоченные в пальмовом масле, массировали нас, скребли...

«А кантцук че, – кричал Чакал. – У тебя болезнь внутреннего глаза. Иными словами, ты сумасшедший. А кантцук че!!!»

«Конечно, ты расстроился, – ответил я, – ведь не каждый день обнаруживается, что твое представление о Вселенной совершенно не соответствует реальности. И все же...»

---

⁵⁷¹ Срочная помощь при удушье – знаменитый прием, названный в честь его изобретателя, доктора медицины Генри Хаймлиха (р. 1920): обхватить больного сзади и двумя руками сдавливать живот.

⁵⁷² Вики Линн Маршалл (1967–2007), более известная как Анна Николь Смит – американская модель, актриса, телеведущая, считавшаяся секс-символом Америки. Умерла от передозировки наркотиков.

«Б'укумил бин ку... Заткнись. Ты никому не нужен. 2 Драгоценному Черепу на тебя наплевать. Он хочет, чтобы я был рядом с ним».

«Нет».

«Да-да, хочет, ты сам знаешь, что это правда».

«Ты ему нужен, чтобы мучить тебя».

«Нет, я ему нужен для выгоды».

«Ну ты и лузер».

«А кантцук че, а кантцук че...»

Оля-ля. Черт. Они накладывали шов – если можно так выразиться – на рану у меня на груди. Ощущение было такое, будто меня прокалывают швейными иглами и протаскивают через отверстия провод толщиной в четверть дюйма. Я вытерпел миллион стежков. Потом нас снова умаслили, перевернули, как запеленатого младенца, повязали нам расшитую набедренную повязку и вставили большие, расширяющиеся с одной стороны серьги в наши растянутые ушные мочки. Заботливо расчесали и уложили наши коротко остриженные волосы. Я догадался, что майя пробовали их нарастить, и казался себе болонкой на собачьей выставке. Нам на запястья нацепили браслеты из каменных чешуек, а к правой ладони привязали декоративную каменную хипбольную ракетку. На голову надели какой-то тяжелый убор, а на талии закрепили церемониальный хипбольный хомут, слишком тяжелый, чтобы его можно было использовать в реальной игре. Потом нас обсыпали пудрой, состав которой Чакал определил по запаху – киноварь и костная зола. И конечно, с душком ванили. Уверен, мы выглядели и пахли весьма аппетитно. Но нас доставили сюда вовсе не для съедения.

Приготовители подняли нас, позволили Чакалу обрести равновесие (он опять занял руководящую должность, хотя теперь не делал никаких глупостей) и вывели через низкую дверь. Мы сделали девять шагов к свету. Нас усадили на жесткую ровную рогожку. Главный приготовитель (который, как я заметил, не пользовался перчатками) снял липкую повязку (не знаю, из чего ее сделали) с моих глаз и слизнул оставшуюся на веках клейкую массу. Глаза моргнули и открылись.

Мы находились глубоко в лесистой, укрытой прохладной зеленью расщелине, в двадцати футах от бережка узкого ручья. Вертикали пейзажа напоминали ксилографию «Водопад Фудо» Хиросигэ.⁵⁷³ Шумели невидимые струи воды, низвергавшейся по уступам с вершины известкового утеса в доброй сотне футов над нами. Я (или Чакал) удивился, поскольку засушливый сезон едва закончился.

Вокруг нашей рогожки было выжжено пятнадцать квадратных рук травы, и эту площадку, словно искусственный снег, усыпали дикие магнолии. Повсюду стояли корзинки различных размеров, доверху заполненные товарами – коралловыми бусинками, нефритовыми топорищами, – эквивалентом денег, сигарами, свертками некрашеной хлопчатой материи, зернами ванили, какао-бобами. Немалое богатство для такого парня, как Чакал, который был всего лишь облагодетельствованным деревенщиной. В восточной стороне квадрата я увидел пятерых. В центре на церемониальной плетенке из змеиных кож восседал 2 Драгоценный Череп в маске и головном уборе орла-гарпии. На правом запястье он держал привязанного за ногу к толстому деревянному браслету краснохвостого ястреба без капюшона, какие надевают на головы охотничьих соколов Старого Света. Зеленоватые полосы покрывали кожу бакаба, а на шее у него висело большое овальное зеркало наподобие зеркала Клода,⁵⁷⁴ вышлифованное из единого куска пирита.

Выглядел он здорово.

---

⁵⁷³ Утагава Хиросигэ (1797–1858) – японский художник-график.

⁵⁷⁴ Зеркало, названное по имени французского художника Клода Лоррена (1600–1682); отражает ландшафт в миниатюре.

Справа от него занимали почетные места два представителя хипбольного братства Гарпии: Хун Шок, парень с гладким, удивленным лицом, главный блокер Чакала, защитник, и кровный гораздо старше, эдакая уменьшенная, неряшливая версия Бена Гримма из «Фантастической четверки».⁵⁷⁵ Чакал, как я сразу понял, очень тепло относился к этому человеку, хотя тот несколько раз чуть не забил его до смерти. В голове у меня щелкнуло, всплыли имя и титул: 3 Кувырок, хранитель хипбольных хомутов Хипбольного дивизиона Гарпии. Тренер по-нашему. Он приходился двоюродным дядюшкой Чакалу и приемным кузеном 2ДЧ и носил прозвище 3 Яйца по той простой причине, что считался первостатейным *más macho*.⁵⁷⁶ Наставник Чакала и его первый приемный отец, в свое время он был легендарным блокером, ни разу не потерпевшим поражения. Его сильно покалечили в последней игре восемнадцать боевых сезонов назад. Тогда ему здорово досталось, кроме того, он немало вынес за всю предыдущую карьеру игрока. Его рука превратилась в неподвижный бесполезный коготь, на широком, складчатом, похожем на кочан цветной капусты лице поблескивал один глаз, и во рту оставалось всего два зуба. Но впечатление Кувырок по-прежнему производил мощное: подойди к нему поближе – и он вполне мог здоровой рукой сломать тебе шею и отгрызть голову деснами.

На женской стороне от 2ДЧ, слева от него, расположились местные, ближе всех к бакабу – простоватый тип в высокой синей цилиндрической шляпе, ответственный за сбор податей в этой деревеньке. Он принадлежал к касте круглодомников – к тем, кто жил в круглых домах, а не в квадратных, построенных для элиты. Несмотря на столь низкое социальное положение, он сумел выделиться. Чакал, конечно же, знал его. Мало того, я (Джед), увидев этого типа, погрузился в ностальгическую хандру, потому что он был как две капли воды похож на Диего Холу, одного из *cofrades*⁵⁷⁷ в моем родном Т'оцале. Тут мало что изменилось – или изменится – с тех пор, подумал я. Рядом со сборщиком податей сидел на земле (циновка ему не полагалась) мой, то есть Чакала, биологический отец – *milpero*,⁵⁷⁸ грубоватый на вид, но удивительно моложавый. У него были гнилые зубы и потертости над бровями от налобной повязки для ношения грузов. Его широкополая соломенная шляпа напоминала пляжную, такие носили в 1960-х. Звали папашу Вак Ч'о, 6 Крыса – типичное имя для крестьянина-круглодомника. Мать Чакала умерла, впрочем, ее смерть не очень его трогала. Хотя женщину так или иначе сюда бы не допустили. Однако не позвали и его братьев. Хм. Чакал смотрел на отца и, возможно, испытывал определенные чувства – любовь, печаль, – но мне ничего, кроме стыда, не передавалось. Вероятно, его эмоции были более специфичными, более... ммм. Ясно. Он волновался, словно перед выходом на сцену.

Со своего места я сумел разглядеть еще двоих. 3 Синяя Улитка, горбун с хриповатым высоким голосом, стоял справа, довольно далеко от меня. Он облачился в синюю накидку из птичьих перьев и надел невысокий спиральный головной убор, отчего возникало впечатление, что у него есть только голова и рот, как у глубоководных рыб с эластичными желудками. За ручьем, на расстоянии пятидесяти рук, в небольшой рощице худосочных гуав, нес вахту высокий кровный из дома Гарпии.

Трое приготовителей (я их пересчитал, как пересчитываю все) замерли у меня за спиной, а справа, совсем рядом, сидел кто-то, на кого я не должен был смотреть. Может, поблизости находились стражники или носильщики, но уже вне поля нашего зрения.

– Те'еш! – прокричал своим звонким голосом, резанувшим мое ухо, 3 Синяя Улитка.

---

⁵⁷⁵ «Фантастическая четверка» – команда супергероев из комиксов компании «Марвел комикс».

⁵⁷⁶ Мужчиной, мачо (*исп.*).

⁵⁷⁷ Представители ритуального общества в Испании и Латинской Америке. (*Прим. ред.*)

⁵⁷⁸ Крестьянин, выращивающий кукурузу (*мекс. исп.*).

«Ты!»

Чакал вытянулся и замер. Нечто подобное испытал я однажды, когда мне было пятнадцать и какой-то коп громко окликнул меня:

– Эй, ты! Панчо! Который в бабской шляпе! Я тебе говорю – стоять!

Те'еш м'а ка' те! Ты, мертворожденный мешок дерьма!

Кто были твои матери и кто были твои отцы?
Ты не знаешь? Падаль, выпороток не знает.

2 Драгоценный Череп поднял руку, повернув ко мне ладонь. Это означало, что если мне (Чакалу, конечно, потому что именно он в большей степени владел нашим общим телом) есть что сказать, то лучше сделать это сейчас.

Я воскликнул:

Кал тумен хум пик хун, пик ти ку ти бин ок!

То есть:

Прародитель, очисти меня,
Подари мне смерть!

Точнее, Чакал заставил нас выкрикнуть это. Пошевелиться он не мог – не потому, что голос действовал на него магически, а по другой причине – Гарпия подчиняется голосу. Но он знал, что с ним собираются делать, и не хотел этого. Он желал, чтобы его убили, уничтожили это тело и меня, чужого, вместе с ним. Чакал не боялся смерти.

2ДЧ опустил ладонь. В просьбе отказано. 3 Синяя Улитка понял, что наступила его очередь, и принялся улещивать нас своим напевным голосом ученого ребенка.

Ты, Один Чакал,
Великий хипбольный нападающий, костолом,
Ты красный, ты сильный,
Победитель в Ише над 22 Громилой,
Над Оцелотами,
Победитель на 20 полях
Над Владыкой 18 Мертвого Дождя
Из дома Ягуаров,
Почему ты сидишь здесь В этой уродливой коже?
Вот твоя настоящая.
Все твои три «я» здесь,
Вот твое дерево,
Вот твоя кожа,
Вот твой уай-ястреб,
Все принимают тебя.
Они все здесь,
Твои отцы,
Твои старшие братья,
Твои младшие братья,
Твои товарищи...

При слове «дерево» я устремил взгляд на рощу гуав за ручьем. На каждом дереве висело несколько старых подношений, но одно из них было разукрашено на славу – все в новых хлопковых лентах, нитях с нанизанными на них оранжевыми ракушками спондилуса, пачками напитанных кровью жертвенных писем. Даже при отсутствии воспоминаний многовековой давности я бы догадался, что это мотц Чакала, его корень, дерево, которое посадили в тот день, когда он родился, или по меньшей мере посвятили ему.

2ДЧ держал ястреба. А как насчет кожи?

Нарушая этикет, Чакал скосил глаза направо. В четырех руках от нас обнаженный подросток сидел на корточках среди цветов в позе просителя, улыбаясь глуповатой блаженной улыбкой, – я понял, что это результат воздействия снадобья, которое дают перед принесением в жертву. Он был моложе Чакала, но, судя по волосам, прошел последнюю инициацию, а потому считался ему ровесником. Вероятно, у них совпадали дни рождения и дни именованья, что гораздо важнее, чем возраст. Лицо мальчика напоминало мое собственное, нынешнее, впрочем, черты Чакала я представлял весьма туманно, поскольку смотреть в воду опасался, ибо она являлась частью потустороннего мира, а зеркала здесь встречались редко; поэтому Чакал видел свое отражение лишь несколько раз. Лицевые же татуировки паренька копировали наши: двойные спирали из крохотных точек, расширяющиеся от уголков рта к скулам, кроме того, я заметил свежее клеймо в том же месте над бедром, где у Чакала был большой шрам от удара хипбольным мячом.

Вот что мне надо, подумал я. Еще одна трансплантация мозга. Значит, тот двойник, которого разделали на оленьей охоте, – подставной. А этот уже настоящий. Бог их разберет.

Это твой сад,
Твой двор, твой очаг,
Твой гамак. Здесь!
Там. Уйди из мешка, или
Мы все будем презирать тебя...

«Ну так что, Чакал? – поинтересовался я у него. – Намек понятен. Вот же и вещички твои собрали. Шевели извилинами, умник».

Он не ответил, но, казалось, мозг его распух, как закупоренный свищ в самолете при нарушении герметизации. З Синяя Улитка осторожно подошел и присел слева от меня, такое стофунтовое новорожденное дитя. Он поднес цилиндрический горшочек к нашему рту, и мы выпили его содержимое – то ли все еще умирали от жажды, то ли Чакал не имел права отказаться, да и физическое подчинение старшему было у него в крови. Ик. Я уже пил тут паршивые коктейли, но этот – настоящая загадка. Поначалу совершенно пресный отвар, чуть отдававший ржавчиной и вязковатый, словно фарш из поджелудочной железы, имел отвратительное послевкусие, будто я мела наглотался. Что это напоминало? Ах да, шуточное пойло, которое мы делали в школе. Называлось оно «отверткой Филлипса» и представляло собой смесь водки с гидроокисью магния.⁵⁷⁹ Теперь у меня возникло ощущение, будто сухая губка в животе разбухла до размеров футбольного мяча, нет, баскетбольного, нет, мяча для пляжного волейбола. Я обратил внимание на осадок сиреневато-синеватого оттенка. Сироп из синей кукурузы? Затем ЗСУ взял в одну руку позвоночную кость хвостостола, а в другую две глиняные чашки. Он подался вперед и толстыми пальцами ухватил мою мочку, проколол ее, потом вытащил свой инструмент. Раздался слабый звук, словно рвалась материя.

Кровотечение из ушей обычно сильное, и меньше чем через минуту чашки наполнились. Два приготовителя взяли их, не вставая с колен, и с помощью губок стали обмазывать двойника моей кровью. Сперва красная, она постепенно приобрела

---

⁵⁷⁹ Гидроокись магния является слабительным средством.

коричневатый цвет. Затем они вернулись ко мне и моему хипбольному хомуту. Чакал забормотал «нет, нет, нет», но беззвучно. Тебе конец, подумал я. Крышка. Бай-бай – отдыхай. Приготовители тем временем продолжали работать. Они заклеили дырки в моих мочках и стерли кровь с груди. Срезали наручники, которые недавно сами и надели. Сняли головной убор. Развязали набедренную повязку, стащили каменные кольца с пальцев на ногах – все. Я остался голым, они нацепили все это на бедного мальчишку. Он сгорбился под тяжестью моего облачения, а приготовители снова занялись мной. Акульей кожей они стерли на моих щеках спиральные татуировки принадлежности к кровным. Ободрали огромные, похожие на соцветия цветной капусты мозоли с локтей и колен. Наверняка, будь у меня глаза необычного цвета, они бы их выковыряли, а потом постарались бы избавить меня от прочих отличительных черт. Все их манипуляции вызывали боль. В общем, мой облик претерпел некоторые перемены.

Теперь ЗСУ обращался к двойнику, говоря от имени родителей Чакала, его дедов и бабок, прадедов, прабабок, предков – основателей рода. Предполагалось, что они живут в роще или в холмах за ней. Каждая из персон просила Чакала присоединиться к ним.

«Неплохая сделка, – мысленно подколол я Чакала. – На твоём месте я немедленно бы убрался из прежнего тела в этого паренька». Краем глаза я видел, что приготовители вырезали лоскут кожи с груди двойника. Не прерывая своих разглагольствований, ЗСУ протянул им эластичную полоску кожи со знаками, которую содрали с меня на оленьей тропе, – прежде покрытую загаром, а теперь прозрачную. Это немного не укладывалось в мои рассуждения – я ведь думал, что Гарпии подменили меня тем несчастным, которого я видел на охоте. Или они успели сварганить второго двойника? А кожа первого уже, скажем, снята с обозрения? А может, им пришлось доставить ее домой, а потом притащить сюда. Бог знает. Так или иначе, приготовители начали пришивать полоску на грудь новой жертвы нитью, сделанной из кишок, с помощью терниевого шипа без ушка.

К’ааник тееч чабан, – изрек ЗСУ. Приблизительно: «Это твой последний шанс».

Он поставил кувшин с широким горлом на циновку между моих ног и взял замысловатую желто-зеленую лопаточку, чтобы вызывать рвоту, vomitus, если по-научному. Отлично. Ну что, не хочет ли реальный Чакал проблеваться? Синяя Улитка оттянул мою нижнюю челюсть (на секунду меня обуял страх: уж не собирается ли он ее оторвать), а другой рукой всунул деревяшку мне в рот.

Хррр...

Свищ прорвался, клапан сработал. Три волны кислой желтой жидкой массы прорвались наружу и хлынули в чашу. Меня будто вывернули наизнанку. Я рухнул на циновку. Кончаюсь, подумал я, они достали меня. Краем глаза я увидел, как мой двойник взял кувшин и выпил его в один присест. Потом майя налили туда б’алче’, взболтали содержимое и протянули ему. По другую сторону ручья на кромке леса высокий кровный поднял большой черный топор из мыльного камня, с длинной рукоятью, грозя срубить именованное дерево Чакала.

– Я, Чакал, который под тобой, счастлив в этом сосуде, – выдавил мальчишка, как только смог говорить.

Конечно, его так научили, но он, очевидно, верил всему происходящему. Как же – ему оказали большую честь. Вообще-то это даже мягко сказано. Он все равно что попал на царскую свадьбу. Стал настоящей маленькой леди Дианой Спенсер. Да, малыш, тебе повезло, что и говорить...

Стойте.

Чакал исчез.

Действительно. Я только теперь понял это.

Кровный опустил топор.

Я чувствовал себя опустошенным, словно вместе со всем остальным выблевал из себя футов двадцать кишок и две трети мозговых клеток. Но это ощущение было нераздельно моим собственным. Один из приготовителей (уже другой, ненеприкасаемый) засунул руку в

сумку и вытащил оттуда горсть белых перьев похоже, орлиных – и осыпал ими мое влажное тело.

Каждый из девяти почетных гостей подошел к новому Чакалу, чтобы поприветствовать его, а потом вернулся на свое место. Последним приблизился 2 Драгоценный Череп. Он вытянул ногу, и тот прикоснулся к ее подошве. Необыкновенная честь. Когда 2ДЧ уселся на свою циновку, 2СУ взял морскую раковину, исписанную завитками, которые означали принадлежность к кровным, и дунул в нее, как Тритон. Раздался слабый, но напряженный звук. Мы ждали.

Позади, на северо-западе, звякнуло раз и другой, словно сюда шел кто-то с колокольцами святого Лазаря.⁵⁸⁰ Оглянуться я, понятно, не мог. Вскоре на площадке появился наком Гарпии, жрец-жертвоприноситец; он шествовал так медленно, будто у него в распоряжении было все время Вселенной. На голове его сидел черный тюрбан с черными же дроздовыми перьями, которые свешивались на раскрашенное углем лицо, а гигантская маска делала накома похожим на злобного утенка Даффи. Нейроны в чужой голове сопротивлялись – не хотелось ни смотреть на него, ни думать о нем, но мозг все равно извлек из своих недр имя: 18 Саламандра. Следом за жрецом шагали два маленьких мальчика, близнецы восьми-девяти лет, тоже вымазанные углем.

– Прародители, наделите меня святостью, подарите мне смерть, – прошептал мой двойник, нареченный Чакалом.

Два помощника накома помогли ему вытянуться на циновке и держали за ноги и за руки, пока жрец делал поперечный надрез на его брюшине. Он рассек ножом диафрагму и просунул руку в грудную клетку, отделяя сердце от аорты и полую вены. Прошло около двадцати секунд, наконец жертвоприноситец, оставив лезвие внутри, вытащил сердце и положил его на блюдо с кукурузной кашей. Я не должен был смотреть на это, однако все совершенно забыли обо мне. И я нет-нет да и косился в ту сторону. Оказывается, сердце, извлеченное из груди, продолжает сокращаться некоторое время, а это совершило еще пятнадцать ударов, выдавливая из себя красноватую струйку, а потом – только воздух с тоненьким писком. И вот оно остановилось. Помощники накома уложили нового Чакала калачиком, словно спящую собаку, в большой гроб, привязали сверху плетеную крышку четырьмя сложными узлами, имеющими цифровое значение четырехста по четыре сотни – символ вечности. Никто не хотел, чтобы дух пробрался назад. Мальчики еще не закончили, а 3 Синяя Улитка уже стоял надо мной, шурясь от солнца, синяя краска текла от жары по его телу. Он попросил меня хранить в тайне мое теперешнее внутреннее имя – имя моего нового уая. Я обещал. Если кто-либо узнает его, то сможет наслать на человека проклятия и тот станет жертвой мерзких нечистых тварей. 3СУ нагнулся, прошептал мне заветное слово в кровоточащее ухо и велел повторить. Я попытался, но затруднительно говорить, когда рот наполнен кровью или рвотой. Поэтому я проглотил то, что смог, а новый приготовитель стер остальное с моего подбородка.

3 Синяя Улитка, видимо, решил, что я тяну вольнку, постучал костяшками пальцев по моей голове сбоку и дал знак приготовителю отойти. Я прошептал имя. Он заставил меня еще дважды повторить его и громко объявил – по выражению майя, раскрыл – мое внешнее имя. Как и большинство имен, связанных с животными, оно не имело отношения к моему уаю.

– 10 Сцинк, – сказал он. – Конец.

Вот непруха, подумал я. Всегда мне достаются самые противные имена. Черт побери.

Кто-то у меня за спиной поджег шалаш. Должно быть, его построили для разового пользования. Я поднял голову и увидел, что помощники накома подняли большой гроб на плечи и пошли прочь, за ними тронулись носильщики с прочими игрушками. Следом по

---

⁵⁸⁰ Лазарь, упоминаемый в Евангелии от Луки, является покровителем прокаженных, которые должны ходить с колокольчиками, предупреждая о своем появлении.

тропинке, ведущей в деревню, побрели отец Чакала и собиратель податей, на ходу они шумели маракасами, чтобы отпугнуть Шиб'алб'анов. Меня снедало чувство одиночества. 2 Драгоценный Череп отвязал ястреба. Тот сидел на месте, и тогда 2ДЧ шикнул на него. Птица, недовольно замахав крыльями, скрылась в лесу.

(37)

Меня долго вели вниз и вверх по склонам холмов. Я все еще был слишком слаб после... ну, после всего. Когда я уснул на ходу, меня понесли. Потом мне дали горячей воды. Хун Шок, который считался тут главным, вытащил конусовидный кусок соли из походной сумки и дал мне лизнуть его. По пути вдруг возникли странные ощущения. Меня качает, подумалось мне, я вишу на ниточке. В буквальном смысле. Да, меня спустили горизонтально, как бревно, из света в пространство, наполненное гулкими звуками, шепотками, запахами шоколада, мочи, сосновой смолы и влажного камня. Тут царил темнота. Другие руки приняли сверток, развязали веревки и протащили шагов двадцать, потом положили и развернули. Когда мои глаза привыкли к мраку, я обнаружил, что нахожусь в просторной пещере, которая после тесных помещений, где приходилось бывать в последние дни, показалась мне огромной, как Суперчаша. Я лежал на груди кукурузной шелухи рядом с кладовой (выемки в камне, перегородженной кедровыми бревнами и заваленной горой нечищенных какао-бобов и дублеными оленьими шкурами, от которых едко пахло мочевиной), довольно далеко от зеленоватого пятна солнечного света, проникавшего сквозь неровное отверстие наверху диаметром в тридцать рук. По его краям торчали, как я решил поначалу, обнаженные корни – то были сталактиты. Вокруг я увидел козлы, балки, веревки, бревна и сушильные рамы. В глаза мне бросилась веревочная лестница, наверное, самая большая в мире. Около шестидесяти бревен длиной от десяти до двадцати рук, обвязанные плетеными веревками, висели почти вертикально, от края скалы до дна пещеры. Пять полуобнаженных людей ползли вниз, будто моряки по корабельным снастям, опуская связку жестких недубленых оленьих шкур. В пещере находилось еще около тридцати работников, и некоторые поглядывали на нас с чрезмерным любопытством. Хун Шок, который уже стоял внизу, прикрикнул на них – возвращайтесь, мол, к своему делу. Меня подняли, но я не мог идти самостоятельно, потому что после всего пережитого ноги подгибались от слабости. Спутники поддерживали меня с двух сторон, хотя от их помощи проку было мало – теперь, когда сознание Чакала исчезло, я плохо контролировал свои движения, а ориентировался в пространстве еще хуже – пытаюсь повернуть налево, поворачивал направо. Мы обогнули большой естественный водосток на полу, прошли мимо повара-мужчины в женской одежде – он размазывал утренние лепешки по трем небольшим каменным подам жаровни. Очевидно, этот человек, как сказали бы теперь, трансвестит, двуполый, который может делать женскую работу в помещении, предназначенном для мужчин. Над очагом, параллельно веревочной лестнице, был устроен дымоход, сплетенный из веток и обмазанный глиной. Нам пришлось пригнуться, чтобы пройти под сушилкой, на которой лежали два только что убитых аиста, связанные за шеи, и несколько московских уток, которые, несмотря на название, происходят вовсе не из Московии. Я вдруг почувствовал ужасный голод. За кухней находилась высокая деревянная платформа, у которой двое старых счетчиков Гарпии с обезьяньими наголовными повязками отмеряли посевное зерно, а помощники отсыпали его в мешочки из прессованной кукурузной шелухи и обвязывали цветными нитками. На плетеных поддонах лежали рулоны пропитанного

каучуком полотна и связки бананов – ни дать ни взять сигары торпедо пятидесятого размера. Их отодвинули от стен так, чтобы на них не попадал дождь. Неудивительно, что Гарпии управляли городом Иш три сотни лет. Они еще те сервайвалисты.

Меня вывели из главного помещения в темный коридор, который шел по диагонали вверх к боковому ходу, наполовину естественному, наполовину искусственному. Самые опасные выступы потолка стесали, чтобы никто из идущих не ударился головой, неровный пол поднимался под углом в тридцать градусов. Мы, не добравшись до темной зоны, остановились и позвали приготовителей. Они явились и снова вычистили меня. По крайней мере, тут я мог не заниматься своим туалетом. В школе я крутил роман с индуской (ее однажды даже выбрали Мисс Индией, хотя, думаю, вы мне не поверите), и она сообщила, что ни разу в жизни не мыла волосы сама. Я удивился, но, оказалось, это обычное дело в Индии, где горничные держат служанок, а те помыкают девочками на побегушках. Так что здесь даже у такого арестанта, как я, есть свой стилист. Меня привели в порядок, поставили на ноги, и мы углубились в полную темень, в толщу горы, двигаясь на ощупь по неровной дорожке, высеченной в известковом полу. В затхлом воздухе стояли не самые здоровые запахи. Под ногами чувствовалась глина. Проход расширился, превратившись в L-образную комнату, куда пробивался тускловатый дневной свет. На полках я увидел простые кувшины, а над ними – ряды маленьких глиняных фигурок, у которых был жалкий, никчемный вид. Порнографические деревянные статуэтки изображали уродливых стариков, лапающих молодых женщин. Каждая следующая вульгарнее предыдущей. Значит, у них тоже со вкусами не ахти. Не все в прошлом замечательно. У нас возникает такая иллюзия, потому что до наших дней сохраняются в основном прекрасные вещи и возможность увидеть всякую дрянь появляется только в одном случае: когда культурный слой консервируется целиком – как в случае Помпеи. Вот уж вульгарный городишко. Типичный Коконат-Гроув⁵⁸¹ древнего...

Опа! Меня нагнули и пропихнули в закрытый занавеской из оленьей кожи проход, которого я не заметил раньше, потом мы поднялись на тридцать ступеней по освещенному факелом коридору до второго лаза – здесь кожаный фартук украшали бусины из ракушек. Перед ним сидел пожилой кровный из дома Гарпии. Он обменялся с главой носильщиков приветствием и произнес абсурдный пароль. Старикан встал, поднял кусок кожи и прижался к стене, пропуская нас. Тут витал кардамоновый аромат дикого гвоздичного перца. Мы с Хун Шоком, нагнувшись, пролезли в помещение объемом не больше холодильника, а потом через маленькую дверь – в зал, имевший форму капли, размером с одноместный гараж. Естественного света здесь не было, в дальнем конце горели две тростниковые лучины – тростины, пропитанные жиром, а дым от них почти весь уходил в трещину, подхваченный прохладным сквозняком. Спелеолог, вдохнув этот воздух, назвал бы такую пещеру «сухой», то есть защищенной от дождя и находящейся выше грунтовых вод. В подобных местах на монолитных стенах не образуется плесень. Дальнюю стену – искусственную – составляли каменные блоки. Справа от нас маячили два серых флоустоновых сталагмита – их оставили почти нетронутыми. Большему из них придали черты владыки Гарпий – получилась этакая древняя полустатуя. Дату восседания еще можно было разобрать: 9 Ахау, 3 Глотка в первый день восьмого б'ак'туна, 7 сентября 41 года нашей эры, 244 дня спустя после убийства Калигулы. Рядом стояли старые закрытые кувшины для жертвоприношений, в основном расколотые. Остальную часть библиотеки (лучше сказать, архива или генизы⁵⁸²) заполняли аккуратно уложенные один на другой короба величиной с хлебницу. Четыре из них были открыты, и в одном я увидел книгу-гармошку, наполовину торчавшую из кристаллов каменной соли.

---

581 Коконат-Гроув – район Майами.

582 Гениза – место хранения пришедших в негодность свитков Торы.

Здесь, включая Хун Шока и меня, находились восемь человек. На подушке в дальнем углу устроился, завернув ноги в лоскутное хлопковое одеяло, 2 Драгоценный Череп. Справа от него лицом к двери, вперив взгляд в пол, сидел стражник. Он напрягся, когда появились мы, но не поднял глаз. Я отметил, что он на голову выше и в два раза тяжелее любого из присутствующих и старше, чем все охранники, которых я встречал здесь. Очевидно, он пользовался особым доверием. На плечах и бедрах у него были легкие стеганные накидки. Судя по татуировкам на его голени, он за время своей военной карьеры принес Гарпии Один восемь пленников. Между мной и этим громилой в левой части помещения на корточках сидели двое. Первый – худой старик в темном пончо, наброшенном на плечи, и в шляпе, из-под которой выглядывало некое подобие вуали, окутывающее голову, – все вместе это напоминало пробковый шлем с москитной сеткой. Лица его почти не было видно, но он казался знакомым. Почему у него такие странные руки? Я никак не мог понять, что меня смущает. Второго человека, писца в обезьяньем прикиде, я видел в украшенной красными перьями комнате. Кисточкой, привязанной к указательному пальцу, он, не глядя на нас и не отрываясь ни на миг, торопливо записывал цифры (неряшливыми колонками из точек и черточек) на сушеных листьях пальмы. Вообще-то, говоря «писец», представляешь себе монаха, схимника, а этот тип был совсем другим. Правильнее назвать его стенографом или бухгалтером. Или перевести с ишианского буквально: «вспоминатель».

Правую стену подпирали трое. Двоюродный дед 2ДЧ по имени 12 Заметатель Следов находился ближе всего ко мне, из-за него выглядывал его прапрадед 40 Куница, а третьего, который замер по левую руку 2ДЧ, завернули в такие старые и потертые одеяния, что узнать его имя мне не удалось. Эти господа давно покинули белый свет, поэтому их частично мумифицировали. Сморщенные головы великих мужей набили гвоздичным перцем, насадили на вязанки из нескольких костей – локтевых и малоберцовых, прикрепили муляжи к маленьким подставкам, наподобие индийских чайных столиков, и поставили в ряд. Их черепа захоронили в тайном месте, чтобы никто не нашел, вместе с остатками скелетов, любимыми женами и всяким скарбом. Короче, здесь влиятельные лица присутствовали, но права голоса не имели.

2ДЧ развел руки в приветственном жесте – майяский эквивалент объятия.

Хун Шок подтолкнул меня к циновке, предназначенной для малых сих. Я опустил глаза, и моя правая рука автоматически притронулась к левому плечу. Хун Шок присел у меня за спиной. 2ДЧ заговорил:

Говорю опять: забери своего червяка.

Какого дьявола? Мне-то казалось, мы с этим уже покончили. Я уже достаточно ознакомился с местным протоколом и знал: если мне нечего сказать, лучше держать рот на замке. Я вперил взгляд в землю. Проклятье, думал я. Старый хрыч еще не отказался от мысли разделаться со мной. Черт, черт, черт.

– Я кидаю тебе девятый хипбольный мяч, – изрек он. Означало это: «Тебе предоставляется последний шанс».

Я поднял глаза.

– Джед? – позвал я. – Выйди оттуда, а? Или притаись. Пожалуйста. Будь другом.

Повисла пауза. Естественно, никаких последствий. Если Джед в голове 2ДЧ и сделал что-то, услышав меня, то бакаб ничего на этот счет не сообщил.

– Он когда-нибудь слушает тебя? – спросил он наконец.

Я ответил, что не знаю. И осторожно намекнул, что Драгоценный Череп может очиститься тем же способом, каким избавил меня от Чакала.

– Что говорит Джед в тебе? – поинтересовался я.

– Он кричит, – пробурчал 2ДЧ.

Меня пробрала дрожь. Кошмар. Мое несчастное зачаточное недоношенное «я» корчится там под ударами бича неукротимой воли 2ДЧ. О-го-го. От этого, наверное, впору

свихнуться...

Я вижу его, но не знаю его имен. Во мне
Твоя жизнь – как куча черепков.

Впервые я услышал нотку неуверенности в его голосе.

Угу. Мы теперь хотя бы разговариваем. Я понемногу научился доверять реакциям Чакала – обдумывал важные решения, а в остальном полагался на инстинкты. На сей раз я не тянул волынку – мгновенно цокнул языком и, сделав приличествующий ситуации жест, произнес:

– Как скажешь ты, который надо мной.

Не нужно самому лезть с информацией, подумал я. Чем больше правды я ему открою, тем меньше цена моей жизни и выше шанс погибнуть. Так? Я нужен ему, чтобы помочь разобраться с чехардой, творящейся в его мозгу. Правда, бакаб может пыткой выудить из меня все, что надо. Но вероятно, он не очень-то хочет мучить меня. Да он не такой уж и плохой, а сердится потому, что чувствует себя оскорбленным. А кто бы вел себя иначе в его положении? Любой. Разве нет?

Черт. Теперь я проникся иррациональным чувством вины. Впрочем, не таким уж и иррациональным. В конечном счете я был мозговым захватчиком. «Забудь об этом, – мысленно успокоил я себя, – не хватало еще каяться перед ним. Он убьет тебя в два счета».

Ты, который подо мной,
Стоил мне сына
И погубил наше хозяйство.

Что? Сына? Ах да.

Я уже упоминал о том, что 2ДЧ, когда церемония на муле пошла вкривь и вкось, вместо меня принес в жертву своего сына. Притвориться, что я не знаю об этом, или нет? В общем, я решил выяснить подробности и воскликнул:

Я, который под тобой,
Прошу теперь прощения!
Но не понимаю,
Как я смог навлечь такую беду,
Почему это произошло.

Я выдал максимально допустимую формулировку прямого вопроса, потому что не позволялось расспрашивать того, кто стоит выше тебя на социальной лестнице. И даже это было не очень вежливо. Тем не менее 2ДЧ ответил. Он сказал (казенно-обвинительным тоном), что два солнечных года назад его попросили поднести правящему дому Оцелотов дар в честь переименования и нового восседания их старейшины, 9 Клыкастого Колибри, в качестве Повелителя Плодородных Вод и к'аломте' – военачальника – Иша. Если конкретно, бакаб либо прощал долги (насколько я понял, это его не устраивало), либо отдавал в распоряжение старейшин сына, которого собирались использовать в качестве двойника 9 Клыкастого Колибри при его лжежертвоприношении. Но поскольку 2 Драгоценный Череп имел всего двоих родных сыновей, он постарался выторговать компромисс: пусть один из его приемышей, Чакал, хипбольный чемпион дома Гарпии, проведет высокоцеремониальный матч против 9 Клыкастого Колибри, а потом в роли «нового хипбола», или проигравшего, бросится вниз с мула вместо 9 Клыкастого Колибри.

Потом, во время церемонии, когда Чакал испортил ее ход, явно испугавшись, 2 Драгоценный Череп завернул его в ткани и сохранил на потом (для «церемониального убийства», по его выражению), послав вниз за сыновьями, которые стояли в рядах дома

Гарпии на площади. Старший сын, 23 Пепел, немедленно поднялся на мул. Приготовители быстро раскрасили его в синий жертвенный цвет, и он прыгнул.

Бакаб замолчал.

Черт, подумал я. Каким бы хладнокровным негодяем ты ни был, потеря сына причинила тебе жестокие страдания. Вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?⁵⁸³ Извиниться еще раз? Нет, я решил, что не стоит. Вместо этого я обещал сделать все, чтобы возместить его потери.

Он ответил:

Ты, который подо мной,
Должен был бы отдать больше, чем имеешь,
Больше, чем двадцать раз по двадцать тун'ов боли,
Больше, чем дети твоих предков.

Извини, подумал я.

Он продолжал.

А еще сыновья 8 Парильщика челюстовали себя.
И сын 3 Далека – тоже после солнца оленьей охоты.

Мне потребовалась целая минута, чтобы сообразить, что это значит: три кровных, которых я отделал во время погони, испытали такое унижение, что каждый из них проколол себе маленькую дыру в подкожной мышце шеи за подбородком, протащил через дыру веревку, вывел ее в рот, связал узлом, потом обмотал вокруг дерева и упал на спину, выломав себе нижнюю челюсть.

И, будто этого было мало, он добавил, что во время моей попытки самоубийства на спуске погиб воин Гарпии, а четверо получили травмы. Один из раненых стал калекой и теперь просит, чтобы его прикончили.

Наверное, и носильщики изрядно пострадали. Но для могущественного вельможи это, конечно, не имело значения. Я хотел объяснить, что прыгнул вовсе не я, а Чакал, но промолчал. Какой смысл говорить, если 2ДЧ все знал. Все равно ответственность за случившееся лежала на мне.

Далее бакаб заявил, что все мои проступки – сущая мелочь в сравнении с тем, что можно назвать религиополитическим ущербом. Ходили слухи, что из-за скандального поведения Чакала на муле заболела Земная Жаба, которая могла бы отделаться легким кашлем, но вместо того с ней случился чудовищный приступ с выворачиванием кишок наружу. Сегодня прибыл курьер с побережья и сообщил, насколько сильным было извержение Сан-Мартина. Как всегда, пессимисты начали судачить о конце света.

Ой-ой, зря я ставил себе в заслугу природную катастрофу. Это оказалось не самой блестящей идеей. Но не могут же все мои проекты сверкать гениальностью!

– Итак, – завершил бакаб свой скорбный перечень, – что ты можешь предложить взамен причиненного тобою зла?

– Я знаю, что еще должно случиться...

– Вроде приступа Земной Жабы? – спросил он.

– Да, – ответил я.

– 9 Клыкастый Колибри уже предсказывал это солнце два туна назад.

Черт.

– Разве мой прогноз не был более точным? – возмутился я.

Бакаб согласился, да, мол, и он воспользовался им – приурочил оленью охоту к

---

⁵⁸³ Бытие, 22:7 (слова Исаака, обращенные к Аврааму, который собирается принести сына в жертву).

нужному времени. И поинтересовался, что мне еще известно. 2ДЧ волновало, что станет с домом Гарпии после его смерти.

Мне пришлось признаться в полном неведении насчет последнего вопроса, однако я рассказал, что через двадцать пять лет Иш будет заброшен. По крайней мере, большая часть орошаемой земли вернется в дикое состояние. Культурный слой сойдет на нет, здесь не построят новых каменных зданий и памятников.

– А что случится со мной после моей смерти в следующий к’атун? – Он пристально смотрел на меня.

Что? А, он имеет в виду его скелет. Я покачал головой. 2ДЧ не шелохнулся, тон его голоса остался прежним, но я чувствовал: он быстро теряет терпение. «Разве он не в курсе, где его похоронят?» – спрашивал я себя. Я мельком бросил взгляд на его лицо и немного удивился. Я заметил в сверлящих глазах выражение слабости, боли и отчаяния. Он спросил о своем предполагаемом наследнике – 17 Толчке. Оказалось, он не второй его сын, а любимый племянник, которого он отправил в Ошуицу, местечко в современном Белизе, которое в двадцать первом веке будет называться Каракол.

Я не помнил, чтобы имя наследника упоминалось в каких-либо источниках. Как-то не здорово получается, подумал я.

– А будут ли наши потомки кормить нас в наши огни? – Бакаб имел в виду, будут ли сжигать подношения ему и его семье в дни различных годовщин.

Я начал говорить об общем уважении к предкам, сохраняющемся в так называемых традиционных майяских сообществах, о том, что и в самом деле сжигаются дары в дни праздников, но чем больше я разглагольствовал, тем менее убедительно звучали мои слова.

– Что же касается конкретных вещей, – решил я не слишком темнить, – то... если откровенно, твое имя к концу следующего б’ак’туна забудут даже твои прямые потомки, а посвященные тебе надписи будут засыпаны землей и скрыты от глаз на протяжении шестидесяти к’атунов, а потом их очистит и неправильно переведет шайка расхитителей гробниц, якобы ученых с докторскими степенями. На тот случай, если я не вернусь назад, – заявил я, полагая, что это умный ход, – мы можем записать твои свершения и историю всей династии, и я заберу это с собой и позабочусь, чтобы мой народ почтил тебя...

Он звучно втянул воздух. Это было все равно что сказать: «Мы даем тебе наше разрешение заткнуться».

И я закрыл рот.

Он спросил, что произойдет в оставшиеся 256 огней нынешнего туна?

– 10 Нефритовый Дым из К’ан Эша воссядет 4 Дождя 17 Оконечника, – сказал я. – Двадцать три огня спустя он пленит 2 Высекателя Искр из Лакамха. – [Я сделал себе заметку: слишком много имен, сплошная путаница. Вернись назад и объясни, что происходит, черт побери. – *Джед* .]

– А сколько дыма это надует на меня? – вздохнул 2ДЧ. Иными словами: «А с чего это должно меня волновать?»

– Может, и нисколько, – ответил я.

Проклятье. У меня иссякал запас серьезных заготовок. Чем черт не шутит – может, спросить у него об игре? Нет, не надо. Ты все еще висишь на волоске.

– Что еще?

Ну давай же, вспомни что-нибудь. Или хотя бы сочини. Тогда, по крайней мере, это для него будет новостью. Хотя нет, он довольно проницательный мужик. Не пытайся провести того, кто уже доказал, что хитрее тебя. Пусть он решит, что ты сможешь оказывать ему услуги.

– С моей помощью дом Гарпии в любом сражении одержит победу, – заявил я. Мой ишианский был немного напыщенным, но теперь я подбирал слова без особого труда. – Найди в воспоминаниях Джеда про оружие.

– Какое именно? – спросил он.

Я описал взрывчатку. И объяснил, что мне понадобится меньше двадцати дней, чтобы

изготовить порох.

Вместо ответа 2 Драгоценный Череп прикурил сигару от тростниковой лучины. Он зажал пальцем одну ноздрю, а другой втянул дым.

– Если кто-нибудь увидит такое оружие, – фыркнул он, – или хотя бы услышит о нем, то скажет, что мы купили его у струпосеятеля.

Бакаб имел в виду того, кто заражал кожными болезнями людей, дохнув на них с расстояния. Это же название распространялось на всех, кто совершал всякое эзотерическое нечестие, например колдунов или ведьм. Струпосеятель (он или она) мог быть человеком или не вполне человеком, живым или мертвым или не вполне живым или мертвым. Однако в любом случае столп общества, подобный 2ДЧ, гнушался иметь с ними дело.

– Может быть, мы, – сказал я (и мысленно закурсивил это «мы»), – смастерили бы для начала несколько больших луков и научили кровных обращаться с ними?

Луки здесь были в новинку (что довольно странно, если хорошенько подумать), но никто не считал их чем-то сверхъестественным.

– Я знаю, что такое лук, – поморщился бакаб. – Купологоловые из леса стреляют из них по птицам. Но тонкоголовые не должны к ним прикасаться.

Под тонкоголовыми он подразумевал майяскую элиту. Они и вправду отличались покатыми лбами, для чего новорожденных укладывали в колыбель с наклонной доской. Столь изящная форма черепа сразу выдавала представителя высшего класса. Купологоловыми же называли любого, кто не мог позволить себе такой роскоши, – и домашних рабов, и чужестранцев, и, как в данном случае, представителей других племен.

– Но даже и без нового оружия я могу способствовать процветанию нашего дома, поскольку владею... – тут я попытался подыскать подходящую замену слову «технологии», – разными искусствами. И умею не только строить всякие штуки. Это... иной способ планирования.

– Ты хочешь сказать, более хороший способ, – усмехнулся 2 Драгоценный Череп.

Необязательно. Может быть, и более плохой. Вот ведь разборчивый, подумал я. Ну хоть удалось его разговорить. Ладно. Вот что я должен сделать: убедить 2ДЧ, что я лучший советник после Карла Роува.⁵⁸⁴

– Предположим, некоторые из наших кровных будут захвачены врагами, – бодро начал я. – Они стреляют на поражение в строю, а не пытаются брать пленных. Они...

Он остановил меня, произнеся:

– Ззз! – Что равносильно нашему «Ш-ш-ш».

– Костоломы рядом, – полушепотом сказал он. – В нашем доме, за подами жаровен.

Костоломы? Я недоумевал. Я не знал, кто это, однако нейроны Чакала подсказывали мне, что это живые люди, более сильные, чем мы.

– Когда ты, который надо мной, говоришь «костоломы», – спросил я, – ты имеешь в виду Оце...

– Зззззззз!

Я заткнулся. Вперился глазами в землю. Наступила тишина, в которой был слышен только звук кисти обезьяны-вспоминателя, шуршавшей по сухим листьям. Я украдкой взглянул на него. Еще несколько штрихов – и он замер. Я понял, что он стенографирует наш разговор, используя какую-то технику скорописи. М-да.

Я отсчитал еще десять биений и посмотрел на 2ДЧ. Его лицо за табачным дымом казалось деревянным, взгляд ожесточился. Глупо, Джед. Глупо, глупо.

– Властитель Костоломов рыскает тут в последнее время в своей охотничьей шкуре, – пояснил 2ДЧ.

Наверное, он говорит о 9 Клыкастом Колибри, подумал я. Они полагают, что ахау

---

⁵⁸⁴ Карл Кристиан Роув (р. 1950) до 2007 года был старшим советником президента Джорджа Буша-младшего.

может преобразиться в оцелота и рыскать в городах по ночам, подслушивать людские разговоры через каменные стены. Слух-то у него кошачий! И если я вдруг забудусь и назову чье-нибудь истинное имя, то это насторожит бродячего уая 9 Клыкастого Колибри. И тогда меня ждут крупные неприятности. Хорошо. Понял.

И все же...

– Но не можешь же ты верить в такую чушь, – сказал я. – Просмотри мои воспоминания, и ты поймешь, что это нереально.

2ДЧ не ответил. Он сделал глубокую затяжку носом и выдул на меня полные легкие дыма. Поначалу мое достоинство было оскорблено, но потом я понял, что он ничего такого не имел в виду. Он просто хотел освободить пространство от нечисти, которая еще оставалась в Джеде. Даже после прохождения всех ритуалов очищения я все еще считался Тифозной Мэри.⁵⁸⁵ Дым оказался гораздо крепче, чем от сигар двадцать первого века. Дикий табак. Гадость. Жевать табачок я жевал, но не курил, кроме тех случаев, когда делал подношения Махимону или еще кому. Но теперь... гм. Как ни странно, я понял, что не прочь покурить сигару. Видно, это еще одна из укоренившихся привычек Чакала. Гадость. Радость. Гадость и радость одновременно.

Я сидел молча. На сей раз пусть он заговорит первым. И не пытайся убедить бакаба в том, чего он все равно не примет. Не настраивай его на научное мировоззрение. Если он верит в колдунов и оборотней-ягуаров, пусть его верит.

И еще я начинал понимать, что в этом обществе никто никогда не бывает в одиночестве. Для 2ДЧ присутствие нескольких человек (обезьяны, стражника, еще одного деятеля – в сетке и прочих) являлось формой уединения, хотя мы с ним вели разговор, который он хотел сохранить в тайне. Здесь, даже если в твою башку не подселили чужое сознание, ты физически не мог оставаться наедине с собой. Никто в Ише не спал один – не выходило даже один на один, – коротали ночь в небольшом помещении всем семейством, а владельцы мира сего – еще и со слугами и стражниками. Никто не ел в одиночестве. Если люди на минуту оказывались разделенными с остальным стадом, они начинали нервничать. Обычный человек в будничных условиях всегда находился среди себе подобных.

– Так что же мне, который над тобой, сделать с тобой?

Я решил показать характер.

– Ты, который подо мной, знаешь, как меня использовать, – проговорил я. – Иначе зачем столько хлопот?

Прошло три биения, и мне показалось, что он улыбается – не ртом; на щеках у него появились морщинки. Ну что ж, по крайней мере, этот тип не лишен чувства юмора.

– С чего это ты, который подо мной, решил, что я сохранил для тебя что-то приятное? – поинтересовался он.

Ой-ой. Что ответить?

– Я все еще держу тебя в темноте, – пробурчал 2ДЧ. Это означало: «Я все еще рассержен на тебя».

Я поднял голову и, преодолевая себя, посмотрел на него в упор. Наши взгляды встретились в запретном контакте – словно произошло короткое замыкание. Здесь визуальные перепалки не в ходу, и все же я не мог отвести глаз.

Бакаб щурился недружелюбно.

– Слушай, ты, который подо мной, – сказал он. – Я еще отдам тебе темный долг. – Он помедлил. – Я много чего сделаю с тобой.

О chingalo, подумал я. Придумай же что-нибудь.

Я в ужасе оглянулся. Стражник по-прежнему неподвижно сидел на корточках в двух руках справа от 2ДЧ, уставившись в блеклую точку на красной подстилке из хлопчатника.

---

⁵⁸⁵ Мэри Маллон (1869–1938), известная также как Тифозная Мэри, признана первой в Америке здоровой носительницей тифозной инфекции. Работая кухаркой, она заразила 53 человека.

Обезьяна-вспоминатель перестал записывать и теперь чистил кисточку, обмакивая ее в кожаную чашечку с водой. Я посмотрел на груды корзин и тюков. Потом на старика в сетке.

Ух ты. Вот почему он показался мне необычным. Руки у него были волосатыми.

Как известно, у коренных американцев на теле почти нет волос. У меня... я хочу сказать, у Джеда, который теперь, возможно, наслаждался, попивая пинаколаду, на груди росло ровно пять волосков. А он более чем на треть испанец. Здесь же я не замечал ни одного человека с волосами на теле или на лице. Но знал, что и в эти далекие от нас времена бывали исключения, поскольку в двадцать первом веке видел две-три бородатые майяские статуэтки. Может, бороду отращивали те, кто принадлежал к избранному роду или достиг семидесяти лет. Не знаю. Я внимательнее присмотрелся к старику. В руке у него был камушек. И по тому, как он его держал...

«Это солнцескладыватель» – понял я.

Неудивительно, что ему позволили находиться здесь все это время – чтобы слышать весь наш разговор... Чем больше складыватель знал о твоих делах, тем лучше – тем дальше в твое будущее мог он заглянуть. И конечно, он должен был пользоваться твоим абсолютным доверием. Как исповедник. Вероятно, он долгое время не выходил отсюда. Был своего рода пленником – ведь он знал тайны.

Я повернулся к складывателю и сказал:

– Я, который рядом с тобой, прошу об игре.

(38)

Голова складывателя под сеткой чуть наклонилась.

– Сейчас у меня ничего нет, – продолжал я. – Но то, что я смогу найти в этот огонь, или в следующий, или в тот, что за ним, я предложу тебе и Госпоже Экскремент, Няньке Этого Вечера, 9 Темноты, 11 Дождевой Лягушки, – (это был понедельник, 28 марта 664 года н. э.), – а также Маму и Ждущей Женщине, курительницам игры.

Молчание.

Сетка дернулась. Я истолковал это движение так: старик повернул голову, чтобы посмотреть на 2ДЧ. Я тоже взглянул на бакаба, а он на меня. Опять произошло короткое замыкание, и, прежде чем я отвел глаза, мне показалось, что усталая мудрость пряталась за его непроницаемыми желтоватыми глазными яблоками. Я заметил в нем не пассивность и спокойствие, а любопытство.

2ДЧ изрек:

Мой складыватель, который подо мной, 7 Шип,
Читает только для своих вождей,
Но он может сыграть поединок счета костей против тебя.

О черт. Поединок. Отлично. 7 Шип, говоришь? Очаровательно. «Интересно, где они меня убьют, если я проиграю», – спрашивал я себя. Наверное...

Внезапно стражник молча развернулся лицом к нам, готовый броситься и придушить меня. Видимо, 2ДЧ подал ему тайный знак. Он общался со стражником на языке, неизвестном Чакалу. Понятно, громила глух. Может быть, его специально лишили слуха. А отворачивался он, чтобы по губам не читать, о чем мы говорим. Я решил, что 2ДЧ приказывает ему увести меня и скормить броненосцам, или кому уж они там обычно

скармливают людей, но стражник вместо этого на корточках переполз в заднюю часть помещения и забрался на штабель заскрипевших, затрещавших под ним корзинок. 7 Шип тем временем размотал свою сеть и снял шляпу. Он был старше 2ДЧ, и в его длинной косичке виднелись седые пряди; в его лице я не заметил бы ничего примечательного, если бы не борода. Необыкновенная борода для майя: густая, длиной около четырех дюймов, но ухоженная – связанная цилиндром, как у египетских фараонов. Я не мог оторвать от нее взгляд. Худое старое и, как и руки, волосатое тело складывателя не покрывали татуировки, если не считать ряда четырех синих точек размером в одноцентовик на правом плече. Он прикоснулся правой рукой к левому локтю – принятый на подобных посиделках жест, который заменял рукопожатие или кивок. Я сделал то же самое, но дотронулся пальцами до предплечья, поскольку бородач был старше меня. Хелло, старина, подумал я. Один складыватель приветствует другого. Братство игроков. Нет проблем.

7 Шип, не вставая, повернулся лицом ко мне, а я – к нему. Он достал мешочек с табаком, высыпал несколько листиков и приблизительно половину из них заправил себе в рот. Я взял остальное. Мы начали жевать. Черт, подумал я, какой крепкий табачок. Старик поставил между нами чашу с песком. Я втер немного табачной жвачки в бедро (на этом месте у Чакала не было следов, отметил я, значит, это его первая игра), а остатки выплюнул в чашу с песком. Минуту спустя то же самое сделал Шип и отодвинул чашу. Тем временем спустился стражник с рулоном материи длиной в две руки. Он положил рулон между нами и развернул его. Я был потрясен. Казалось, тут, в маленьком мрачном помещении, откуда ни возьмись появилась полностью освещенная рождественская елка из Рокфеллеровского центра.

Перед нами лежало игровое поле из плетеного пера. Временные квадранты отливали кармином и желтоватым янтарем, и даже черный квадрант сверкал таким эфиопским глянецом, что возникало ощущение, будто в нем можно утонуть. Глядя на подобное произведение искусства, невозможно поверить, что сделано оно человеческими руками, как ковры Гобеленов, или, скажем, парча из Раджшахи,⁵⁸⁶ или украшенная драгоценными камнями лента из студии Ромео Джильи, сиявшая в волосах Кристен Макменами на обложке итальянского номера «Вог» в октябре 1993-го. Поле имело восьмиугольную форму, а не квадратную, а вместо круглых ячеек были такие же, как на досках, которые мы мастерили по чертежам Таро; в каждой из 260 точек покачивались изумрудные, словно шейка кетцаля, хохолки. И все же я испытал разочарование. Ибо надеялся увидеть что-то новое, то, что помогло бы мне ответить на вопросы, с которыми я пришел сюда... А вместо этого я увидел поле пусть поразительной красоты, но вполне в духе тех, что делал Таро по рисунку в Кодексе.

Проклятье.

2ДЧ соскользнул со своей подушки, опустился на колени рядом с нами и поправил поле, повернув его по часовой стрелке и сориентировав по сторонам света. В результате (судя по всему, намеренно) 7 Шип оказался на юго-востоке – в направлении Гарпии, а я играл за черный северо-запад.

Бакаб, как хороший рефери, обозначил правила. Эта версия напоминала игру один на один – несколько таких раундов я провел с Тони Сиком, – но в большей степени походила на ту разновидность, в которую играли мы с матерью. Правда, не на столь огромном поле. В общем, тот же «морской бой», потому что у каждого на поле пять точек, соответствующих броскам игроков, и ты должен угадать неприятельские точки и помешать определить свои. Но чтобы «угадать», ты передвигаешь свой камень на эту точку и пытаешься заблокировать противника семенами, морочишь ему голову, заманиваешь на ложный путь. Врать ты не мог (в особенности еще и потому, что 2ДЧ знал, что это за точки), но разрешалось скрывать

---

⁵⁸⁶ Раджшахи – область в Бангладеш, известная производством высококачественного шелка.

истину и дезинформировать второго игрока. Пожалуй, немного похоже на «Стратего»⁵⁸⁷ (а это одна из моих любимых игр). Конечно, она отличается от настоящей игры жертвоприношения, с помощью которой ты заглядываешь в чье-то будущее, но общее между ними все же есть. Различие такое же, как между джином рамми⁵⁸⁸ и покером.

Стражник принес кувшин с дыркой в боку. 7 Шип не произнес ни слова и изъяснялся только жестами. Но я понял, что он уступает мне, и засунул руку в дыру, чтобы выбрать любые пять чисел от 0 до 260, причем старался делать это произвольно (что довольно-таки нелегко). 2ДЧ заглянул в кувшин, и я показал ему числа на пальцах. Наконец я вытащил руку. Теперь пришла очередь 2ДЧ – он запустил внутрь руку, повернул кувшин горлом ко мне и, ничего не перепутав, повторил выбранные мной числа. Затем бакаб кивнул 7 Шипу. Я отвернулся. Когда они закончили, 2ДЧ вручил мне кварцевый камушек и семь семян дерева тц'ите. 7 Шип достал собственные атрибуты игры. После чего мы с ним прикоснулись правой рукой к полу у края поля. Я сравнил бы это с приветственным кивком перед началом игры в го. 7 Шип, как старший, сделал первый ход. Он разбросал семена и поставил кварцевый камушек на 11 Ахау.

De todos modos. Я кинул семена. Мой ход. Его ход.

Гм. Похоже, надо пойти сюда, нет, постой, пожалуй, все же туда. Ясно, сначала случится это, они будут реагировать вот так, отлично...

Проклятье. Джед когда-то соображал гораздо лучше. Так или иначе, я сделал ход. Сделал ход и 7 Шип.

Давай, Джедо. Напряги мозги Чакала. Сосредоточься.

Я задумался. Начал потеть. Часов у нас не было, однако я понимал, что если начну тормозить, то 2ДЧ поторопит меня.

Ладненько. Ну же. Сюда. Туда. Здесь. Там. У Чакала, по крайней мере, высокий ай-кью. Представь, насколько все могло оказаться хуже. А если б мое сознание попало в мозг какого-нибудь идиота? И еще, игра на самом деле – это способ дать волю логике до степени прозрения. Вовсе не обязательно быть ходячим арифмометром. Хотя это и не мешает. Я сделал ход. Он сделал. Я. Он.

Ммм.

Еще ход.

Попал. 7 Шип вздохнул. Ага! Я угадал одно из его чисел.

Прекрасно. Я начинал осваиваться в извилинах Чакала. Слава богу, не все прежние навыки содержались в нижних уровнях моего мозга. Самые необходимые из них совершили путешествие во времени вместе с моим Джед-сознанием. Таро, как всегда, оказался прав.

7 Шип нашел одно из моих чисел. Потом я обнаружил еще два его числа. На сто девяносто втором ходу старик опустил обе ладони на циновку, давая понять, что он сдается.

Черт, подумал я. И все, что ли?

По приезде в Иш (назовем это так) я уже не раз разочаровывался, но теперь (хотя вроде бы должен радоваться, так как прошел испытание) был просто сокрушен. «Mierda, – ругнулся я про себя, – да он же ни черта не смыслит в этом деле».

Может, 2ДЧ привел сюда неумеху, чтобы сбить меня с толку? Или в старину майя так же не умели толком играть, как мы в двадцать первом столетии? Тогда наша затея изначально не имела смысла. Есть вероятность, что мы нацелились совсем не в то место. Отлично, вот я торчу тут у черта на куличках с шайкой недоумков, лузеров. Черт, черт, черт и полный облом.

---

⁵⁸⁷ «Стратего» – настольная военно-стратегическая игра, играется на поле в клетку с участием 40 закрытых фигур с каждой стороны.

⁵⁸⁸ Джин рамми – азартная карточная игра, уходящая корнями в мексиканскую игру кункен. В ней принимают участие два игрока. Используется 52-карточная колода без джокера.

7 Шип подал знак. 2ДЧ ответил. Я не понял, что они сообщили друг другу. Старик выразил жестом согласие, взял щепоть табака из мешочка и положил себе в рот.

– Т’аак а’ан, – озвучил 2ДЧ. «Переигровка».

– Хорошо, – кивнул я.

Стражник подал 2ДЧ глиняную чашу, полную соли. Бакаб пошуровал там пальцами и вытащил два маленьких глиняных пузырька, запечатанные воском. Первый он завернул в небольшой лоскут хлопковой материи. Охранник протянул 2ДЧ каменный молоток. Осторожным ударом тот раздробил пузырек, потом развернул тряпицу. Комнату наполнил странный пьянящий запах – не знакомый ни мне, ни Чакалу. 2ДЧ пошевелил осколки пузырька длинным, покрытым черным лаком и обсыпанным гранатовой крошкой ногтем указательного пальца, выковырял крохотный сморщенный шарик, будто скатанный из коричневого воска, размером с таблетку адвила,⁵⁸⁹ и положил на красный квадрант поля перед 7 Шипом. Складыватель достал изо рта табачную жвачку, размял ее вместе с бусинкой и сунул эту пилюлю в рот между зубами и верхней губой. Жевать ее он не стал. 2ДЧ расколол второй пузырек. В нем оказалась щепотка желтого порошка, похожего на зачерствевший измельченный пармезан. Бакаб подобрал крошку ногтем мизинца и протянул руку над игровым полем. 7 Шип медленно подался вперед и вдохнул зелье. После чего откинулся назад. 2ДЧ накрыл оставшийся порошок двумя тыквенными чашами.

– Мой складыватель, который подо мной, 7 Шип, просит помощи у Старого Солильщика, – сказал 2ДЧ.

Мне понадобилась минута, чтобы понять, о чем он говорит; вообще-то Старый Солильщик был одним из богов игры, и так же называлось снадобье – Старый Солильщик, или прах Старого Солильщика. Важно понимать, что в этом мире все было персонифицировано. Здесь не говорили: «Дождь идет с юга». Торжественно изрекали: «Наступает желтый человек Чак». Кукуруза именовалась Прародитель 8 Кость, а шоколад – Владыка Макао. Пыльная буря – Маленький Хуракан,⁵⁹⁰ туман – Госпожа Колпак, ветер – Мариах.

Я тоже дал знак: «Согласен». Мы снова выбрали числа. Теперь я первым бросил семена и сделал ход.

7 Шип немного помедлил. Выглядел он вполне нормальным, только его глаза слегка косили. Точнее, он смотрел куда-то вдаль.

Он сделал ход. Я сделал. Он. Я. Старик подумал и... Черт. Ему удалось найти мое число. Я сделал ход. Он сделал. Я. Он. Бац! Он угадал мое второе число. Я сделал ход. Он сделал. Ниточки слизи вытекали из ноздрей 7 Шипа, слезы струились по щекам, и то и другое – самый распространенный побочный эффект действия галлюциногенов. Он не вытирал сопли, однако меня странным образом не шокировал их вид. На четырнадцатом ходу у меня оставалось всего одно число, а у него – четыре. Смысла продолжать не было. Я сдался.

Дьявольщина. Как это называется? Старый Солильщик? Ну и бог с ним.

Охранник зажег новые тростниковые лучины. Отдавая себе отчет в том, что это невежливо, я чуть откинулся назад и скрестил ноги. Они затекли, но были привычны к долгому сидению, поэтому не онемели до бесчувствия. Вероятно, потому, что здесь, под землей, не играли роли погода и время суток, я не ощущал ни усталости, ни голода, меня не донимала жажда – хотя мы и просидели здесь уже не меньше трех часов.

Замечательно, думал я. Тай-брейк.

И подал знак, что хочу сыграть еще одну партию.

2ДЧ жестами отвечал, что не возражает. 7 Шип отреагировал: «Вызов принят».

---

⁵⁸⁹ Адвил – анальгетик.

⁵⁹⁰ Хуракан – в мифологии центральноамериканских индейцев бог ветра, бури и огня.

Я посмотрел на две перевернутые чаши, потом на 2ДЧ.

Он взглянул на меня, зная, о чем я думаю.

«Говори», – велел он, не произнося ни слова. Придется попросить снадобье.

– Я, который под тобой, прошу позволить мне играть с помощью Старого Солильщика, – поклянчил я.

2ДЧ взял щепотку коричневого порошка из своей заначки и бросил ее на игровое поле передо мной. Тут было меньше половины того количества, что получил 7 Шип. Я взял немного табака, разжевал его, вытащил жвачку изо рта и смешал ее с порошком. И уже собирался сунуть шарик в рот, но 2ДЧ остановил меня, положив свою руку на мою.

«Вотри себе в бедро», – подал он знак.

Это еще почему? 7 Шип проглотил, а мне нельзя? Может, они просто решили тут позабавиться, прежде чем казнить меня? Ну ладно, продолжим.

Я втер смесь в кожу.

– Старый Солильщик – седоватый зеленый человек, – сказал 2 Драгоценный Череп. – Его можно узнать по пятнам на щеках и мешку на спине. Если он прибывает на каноэ, то сидит посередине.

– Понятно, – сделал движение я. – Буду поглядывать, не появится ли.

2ДЧ положил первую пустую чашу и поднял другую. Меня почему-то пробрала дрожь. Хотя снадобье и не попало мне в рот, мне показалось, что я ощущаю резкий синтетический цветочный вкус вроде того, что дает жевательная резинка с виноградной добавкой, «шасто» или «фрут лупс». ⁵⁹¹ 2ДЧ подцепил кончиком ногтя крупинку второго снадобья (всего четыре-пять гран, насколько я мог рассмотреть в свете тростниковых лучин, вероятно, меньше десятой доли того, что вдохнул 7 Шип) и протянул мне. Что поделаешь. Я вдохнул порошок (уж в этом-то я был большой спец) и откинулся назад.

Ничего не случилось. Я подумал, что 2ДЧ, возможно, даст сейчас 7 Шипу еще заряд, а может, у того еще не выветрились пары. Фиг поймешь.

Очередь первого хода перешла к 7 Шипу. Он бросил семена и сделал ход. Я тоже. Он сделал ход. Я сделал. Он.

Гм.

В уголках рта я почувствовал вкус соли и понял, что ручейки слез текут у меня по щекам. Как после приема ЛСД и большинства других галлюциногенов. Но на самом деле ничего такого со мной не происходило.

Вот бля, из носа закапало. Но я не шевельнулся. Мне пришло в голову, что сопли – это святое проявление, стигма от курильщиков игры. Может быть, именно это и означали вытатуированные завитки на щеках. Сопли, а не кровь. М-да.

Ага, 7 Шип уже сделал ход. Я оглядел поле. Мне было вполне ясно, где находятся два из трех его оставшихся чисел. Между мной и полем висела какая-то прядь, и поначалу я принял ее за паутину, но, приглядевшись, увидел: это застывший в воздухе клуб дыма из сигары 2ДЧ. Я приказал себе поторопиться, взять камушек... однако моя рука по-прежнему лежала на колене. Я попытался шевельнуть ею, но она словно обездвижилась, и несколько мгновений я испытывал ужас перед параличом, поднимавшийся из желудка, а потом пальцы дрогнули, поднялись дюймов на восемь и теперь медленно приближались к кварцевому камушку, который находился дюймах в пятнадцати на правом краю моей половины доски. Я сделал усилие, преодолевая сопротивление внезапно загустевшего воздуха, и мне удалось продвинуться еще на дюйм. На эти манипуляции ушло около полутора минут.

Ого.

Обычно во время игры твое время замедляется и ты не понимаешь, сколько просидел за доской, пока, скажем, вдруг не увидишь, что за окном стемнело. Но теперь затормозилось время вокруг меня. Точнее, прах Старого Солильщика оказался хронологическим снадобьем,

---

⁵⁹¹ «Фрут лупс» – название зернового завтрака, продукта транснациональной компании «Келогг».

которое ускоряет передачу импульсов между клетками мозга, но у тебя не начинаются судороги, ты не теряешь ориентацию, не впадаешь в безумие – ничего такого. Я моргнул – и коричневая темнота моих век накатила с неторопливостью грозового фронта на небесах. С другой стороны, мышление у меня ничуть не пострадало. Напротив, в голове прояснилось. Я произвел несколько подсчетов в уме, проверяя свои предположения, и уверился в их правильности. И не только это. Я был убежден, что в моем распоряжении огромный запас рабочей памяти, больше, чем было у меня как у Джеда, а это, поверьте, немало. Когда я смотрел на поле, прикидывая возможные даты и вероятные события будущего, мне казалось, будто на меня валится ворох игральных костей и я успеваю схватить любую и прочесть, да что там – все сразу, а еще запомнить траекторию их полета и рассчитать, как упадет каждая.

Вот где собака зарыта. Нужно рассказать об этом ребятам. Хотя Таро будет разочарован. Он искал математическое решение, чтобы модернизировать ОМОД. А я теперь склонялся к выводу, что удача в игре – в большей степени вопрос интуиции. Итак, одно очко в пользу серого вещества.

В конечном счете я сделал ход, 7 Шип тоже (я смотрел на его ноготь, и это было все равно что любоваться плывущей по небу луной), мне удалось сделать и следующий, старик поднял руку, но я уже знал, как именно он пойдет, и начал тихонько скучать, оглядывал помещение, вращая глазами яблоками. Облачко дыма выплыло из носа 2ДЧ, словно морская звезда, мучительно, дюйм за дюймом, выбирающаяся из коралловой расщелинки. Волосы на щеках 7 Шипа напоминали мне весенние листья, занимающиеся из почек деревьев на горном склоне. Медленно колебалось пламя тростниковой лучины, словно растаманка на праздновании Дня вступления его императорского величества на землю Ямайки.⁵⁹² На девятнадцатом ходу я хлопнул камушком по последнему числу 7 Шипа. У него даже не было времени сдать.

Е-мое! Дайте мне несколько мешочков этой бодяги – я отправлюсь назад в двадцать первый век и не только найду нашего апокалипсика, я решу гипотезу Ходжа,⁵⁹³ построю рациональный кубоид⁵⁹⁴ и найду способ совмещения различных версий «Microsoft Word». Нет проблем. 7 Шип сделал жест, признающий проигрыш – что-то типа «поздравляю, хорошая игра», – и медленно встал. Его коленки издали треск, как две скорлупки раскалываемых орехов. Он шаткой походкой вышел из помещения, у меня за спиной хлопнул занавес из оленьей шкуры. Мною уже овладевало то раскаяние выигравшего, которое приходит к тебе, когда ты одерживаешь сокрушительную победу. Я заметил, что ноги у меня потеряли чувствительность, и начал подниматься, но в ушах стоял ужасный шум, словно два пожарных шланга изнутри поливали кровью мой череп, а из тонкой кишки накатила волна тошноты, будто там надувался наполненный желчью шар. Я провалился в мягкое небытие. Кто-то брызгал водой мне в лицо. Открыв глаза, я увидел стражника. Но другого, не того глухого великана. Я повернул было голову, чтобы оглянуться, но в шее гвоздем сидела такая боль, что пришлось сдать. Я пошевелил рукой. Тело абсолютно занемело, как это бывает, если наглотаешься кодеину и проспишь несколько часов без движения. В общем, дела обстояли так: во-первых, я вырубился, во-вторых, прошло много времени, в-третьих... если я возьму порошок Старого Солильщика с собой в последний б'ак'тун, у нас, видимо, появится шанс.

---

⁵⁹² Сторонников растафарианства – религиозного авраамического течения, возникшего на Ямайке в 1930-х годах, – называют растаманами, или раста.

⁵⁹³ Гипотеза Ходжа – одна из нерешенных задач алгебраической геометрии.

⁵⁹⁴ Рациональный кубоид – прямоугольный параллелепипед, у которого три ребра, три лицевые диагонали и пространственная диагональ являются целыми числами. До сих пор неизвестно, существует ли такой параллелепипед.

Стражник дал мне воды и принялся грубо массировать меня – тело Чакала было привычно к этому. Наконец я смог подняться на ноги. Тогда он протянул мне маленькую чашечку с пастой из неподслащенного шоколада и велел вылизать ее. Я послушался. Да, кофеина здесь не меньше, чем в пяти эспрессо. 2 Драгоценный Череп на карачках пробрался в комнату и сел по другую сторону игрового поля, на место 7 Шипа. Он не переоделся, его наряд украшали те же нефритовые цепочки и ракушки спондилуса, однако выглядел бакаб свежим и отдохнувшим. Может, побывал в парилке. Я услышал, как кто-то вошел (вероятно, еще один стражник) и сел у меня за спиной, но мое знание этикета настолько улучшилось, что я не повернулся.

– Значит, Старый Солильщик впервые пришел к тебе, – сказал 2ДЧ.

Я утвердительно цокнул.

– Это хороший знак. – И он пояснил, что большинство людей в первый раз мало что получают от Старого Солильщика.

Как и от большинства наркотиков, подумал я. Вот только если это называется «мало», то что же бывает, когда привыкаешь? Я готов был поклясться, что на ОМОДе с этим порошочком смог бы в два счета найти апокалипсника. А ведь я получил максимум четверть дозы. Не то чтобы она почти убила меня, но мне досталось.

2ДЧ взял новую сигару, прикурил ее от угля, затянулся. Я смотрел на него. Неожиданно он удивил меня – предложил сигару и мне. Я, не очень усердствуя, изобразил ритуальную благодарность. Он в ответ сделал ритуальный жест – «не стоит благодарить». Бакаб прикурил сигару от углей и подал мне.

Я с трудом поднял руку, чтобы взять ее. Явный минус Старого Солильщика – ощущение, будто ты стал жертвой избирательной гравитации или в твою кровь ввели шестьдесят фунтов мельчайшей свинцовой дроби. Но все же мне удалось ухватить сигару, сунуть в рот – я знаю про чужой монастырь и свой устав, но носовой вариант меня совершенно не устраивал – и затянуться. У сигары был сильный овощной вкус с добавками шоколада и чего-то похожего на мяту, кремний и лен. Черт побери, здорово. Чакал, как ни крути, принадлежал к неисправимым наркоманам.

Что ж, должно быть, я произвел впечатление на старину 2ДЧ. Ведь я разгромил 7 Шипа в пух и прах. Только лучше об этом не вспоминать. Не нужно оскорблять бакабова складывателя. Даже если он неумеха.

– У нас был восьмичерепной складыватель, но он умер, – сказал 2ДЧ, явно читая мои мысли.

Я не знал, что он имеет в виду и что ему ответить. Может, его прежний складыватель мог играть с восемью камнями-бегунками? Если так, то этот человек наверняка обладал блестящими способностями. И я цокнул: «Понятно».

– 7 Шип – трехчерепной складыватель, – сообщил 2ДЧ. – Мы работаем над тем, чтобы получить семичерепного у Сломанного Неба. Но вероятно, дом Макао тоже сделал ему предложение.

Я цокнул. Значит, дома конкурировали между собой за лучших складывателей. Точно так же обстояли дела и во времена моего детства в Альта-Верапасе – разные деревни пытались привлечь лучших знахарей.

Низший не должен обращаться с вопросами к высшему, но я решил рискнуть. Он

раскрывается передо мной, подумал я. Между нами появилась особая связь. Разве нет?

– А кого ты, который надо мной, считаешь лучшим складывателем? – спросил я.

– 11 Вихрь – единственный девятичерепной складыватель в Ише, – произнес бакаб. – Таких всего тридцать. – По типу склонения было ясно, что он подразумевал: во всем мире.

Бакаб рассказал, что 11 Вихря взяли в дом Оцелота маленьким мальчиком более шестидесяти лет назад, а теперь он имеет громадную власть. По мнению 2ДЧ, он мог подслушать наш разговор. Очень скоро складыватель поймет, что оленья охота – чистое надувательство. В одной из своих игр он обнаружит обман, и тогда Оцелоты пришлют сюда людей, чтобы захватить меня.

Я спросил, почему Оцелоты все еще сердятся на нас (я подчеркивал «нас»), если мы ублажили их оленьей охотой. Но, не успев договорить, пожалел, что задал этот вопрос, который прозвучал глупо и мог вызвать неудовольствие. Осторожнее.

Но если я и досадил бакабу, он этого не показал. 2ДЧ ответил, что, во-первых, Оцелоты наверняка решили, что мы специально испортили обряд жертвоприношения на муле. Однако корни разногласий уходили в прошлое. Семейство Оцелотов главенствовало в Ише со времени его основания, предположительно с 9 Ахау, 3 Глотка, 8.0.0.0.0. В этот день Оцелот Один заявил права на водяные пещеры в горе и разделил земли вокруг нее между членами своего семейства и ахау четырех других великодомов, включая Гарпию Один.

Конечно, если Оцелот Один существовал на самом деле, то 9 Клыкастый Колибри, нынешний ахау из всех ахау, вряд ли являлся его прямым потомком, хотя пытался всех убедить в обратном. Но все же никто не смел оспорить его наследственное право владения сладкими водами (то есть ирригацией, а значит, почти всем сельским хозяйством Иша) или монополию на рабов, которая основывалась на том, что он единственный из всех жителей города мог начинать войну. Оцелоты контролировали также исполнение горожанами своих обязанностей, ритуалы и обряды жречества. Не говоря уже о повсеместной охоте на животных, получении даров от путников (налога на пользование дорогами), распределении военной добычи, монополии на сделки с нефритом и так далее, и тому подобное. Властителем Иша принадлежал один день из каждого уинала (двадцатидневного месяца) и пять дополнительных дней из каждого туна (трехсотшестидесятидневного солнечного года). Но самое главное, Оцелоты нагло присваивали наркотики для игры, обойтись без которых было невозможно и которые раз в четыре года привозили из Мексики вооруженные курьеры из рода Ласточкиного Хвоста.

Отлично, подумал я. Значит, все упирается в наркотрафик.

2ДЧ сообщил, что есть еще один наркотик для игры, порошок Старого Рулевого, и 7 Шип никогда его не пробовал.

– Если ты когда-нибудь столкнешься с Рулевым, то поймешь, что он еще старше Старого Солильщика, – сказал 2ДЧ. – Он такой старый, что кожа у него темно-серая. Он стоит с длинным веслом на корме каноэ.

Если я правильно понял, Старый Солильщик был персонификацией хронолитического наркотика, а Старый Рулевой – божеством предположительно тополитическим, но не в смысле клеточной химии, а как агент, разрушающий пространственное представление. Предположительно при соединении эти вещества оказывали синергетическое воздействие.

– Складыватели говорят, что когда получаешь двух стариков вместе, они запускают тебе в кровь такую молнию, что ты, как в дни наших прапрапредков, начинаешь видеть внутренности камней, – продолжал Драгоценный Череп.

Как я уяснил из его повествования, даже при монополии на наркотики для игры дом властителей Иша не был неуязвим. Их положение пошатнулось в течение нескольких последних к'атунов. Расплодилось слишком много кровных Оцелотов, которые роскошествовали и ничем путным не занимались. От этого они становились все беднее и беднее.

– Их новые уаи – недоростки, – скривился 2ДЧ.

Как сказали бы в средневековой Европе, кровь у них разжижается. По непонятной

причине среди последних поколений Оцелотов по царской линии все чаще встречались ненормальные или уроды. Было много мертворожденных младенцев. К примеру, 9 Клыкастый Колибри – карлик, и никто, кроме ближайших к нему членов семейства, не видел его без маски. Это не могло случиться из-за того, что они ели со свинцовых тарелок, как древние римляне, они просто делали что-то не так. А в последнее время Оцелоты неумело управляли своим состоянием и растрачивали средства на празднества и претенциозные строительные проекты. Во время последнего пира в честь «победы» в договорном хипболльном матче они использовали, а потом сожгли перья сорока тысяч восьмисот зеленых колибри с сиреневыми ушками, каждый из которых стоил более месяца рабского труда. И это всего лишь один вид перьев из двадцати загубленных.

А тем временем дома Гарпии, Макао и Нюхачей разбогатели (последний в меньшей степени). Они освоили очень дальние торговые маршруты от Соноры до самой Панамы. 2ДЧ возглавлял организованную как вертикальный трест торговлю шоколадом в государстве. Milpergos, которые выращивали какао и собирали урожай, были рабами-круглодомниками или его вассалами. В десятках деревень шелушили, сбраживали, сушили и жарили бобы (чтобы сделать шоколад, нужно вложить немало труда) под руководством членов обширного семейства бакаба. Торговцев-дальнобойщиков тоже связывало с ним кровное родство. И даже товары (те же соль и изделия из обсидиана), которые привозили из других стран, складировались в одном из городков 2ДЧ и хранились там, пока он решал, на каком рынке и когда их следует сбыть.

В последнее время дом Гарпии стал главным кредитором Оцелотов, и, подобно прочим царским фамилиям мира, те оказались неплатежеспособными. Хотя, конечно, называлось это по-другому. В Ише принято было говорить, что Оцелоты «негостеприимны». То есть они не отвечали дарами на дары. Вместо того чтобы поделиться каким-нибудь из своих главных источников богатства, например правами на воду, они просто отворачивались от заимодавца. К тому же 9 Клыкастый Колибри начал требовать «приветственные дары» – дополнительные тарифы с товаров, которые не провозили по дорогам, принадлежавшим правителям.

Я спросил о трех других ишианских кланах. 2ДЧ ответил, что Макао и Нюхачи питали к Оцелотам такую же неприязнь, как и Гарпии. Но их и Гарпий связывали с Оцелотами многочисленные браки и усыновления. Дед 2ДЧ приходился деверем двоюродному деду 9КК, а сестра ахау была тетушкой старейшины дома Макао. Старейшина дома Нюхачей усыновил двух сыновей племянниц 9КК. И так далее. Нападение на Оцелотов вызвало бы волнение в народе, ибо убийство ближнего все еще казалось людям **бо** льшим злом, чем убийство постороннего. Это стало бы для государственной системы таким потрясением, что другие семейства немедленно принялись бы враждовать друг с другом, и означало бы готовность великодомов пожертвовать теми своими родственниками, которые в настоящий момент «гостевали» у Оцелотов.

Даже если бы эти проблемы удалось уладить, 9 Клыкастый Колибри все равно оставался бы живым богом. Главу клана кошачьих я мог бы приравнять по важности к Папе Римскому в эпоху Возрождения. Каким бы клоуном Папа ни был, люди все равно верили, что он разговаривает с Господом. Даже наемники, для которых не существовало никаких запретов, не стали бы нападать на него. А уж тому, кто прикончил бы его, пришлось бы срочно примерять папскую тиару. Если бы 2ДЧ сумел вынудить Оцелотов воссадить его на их горе – иными словами, если бы они признали бакаба законным наследником, – то он удержался бы на вершине власти. Да, пришлось бы подправить генеалогию, чтобы «доказать», что Драгоценный Череп является прямым потомком Оцелота Один, а потом на бутафорских выборах в Доме Совета «выбрать» его своим ахау. Но 2ДЧ сказал, что на это нет ни малейшего шанса.

Конечно, даже в домонетарном обществе богатство идентично власти, и, может быть, через несколько к'атунов Гарпии нажили бы такое состояние, что свергли бы Оцелотов с помощью наемников, взяли бы над ними верх благодаря продуманным бракам, перетянули бы на свою сторону все другие кланы или придумали бы еще что-нибудь. Но правящий дом

решил не допускать такого безобразия и остановить противников прежде, чем они войдут в силу. Оцелоты ждали какого-нибудь оскорбления от Гарпий, чтобы ввязаться в драку. Они почти нашли повод для этого, когда я загубил церемонию нового восседания 9КК на муле. А после этого выступили с еще более откровенной угрозой.

– Оцелоты вызвали нас, – признался бакаб, – на большой хипбольный матч, и я назвал солнце игры: 1 Захвата, 0 Сбора.

До этого срока оставалось еще сто шесть дней. По словам 2ДЧ, большие хипбольные игры назначались, когда приходил новый держатель года, раз в четырехлетие. С тех пор как команда Оцелотов играла против Гарпий последний раз, минуло восемь лет. В старину, много к'атунов назад, самые важные хипбольные игры были соревнованиями между великими ахау и взятыми в плен царскими кровными из других городов и давали высокородному правителю возможность показать, что он по праву занимает престол. Прочие хипбольные игры проводились между братьями, сыновьями или приемными детьми царей, чтобы решить конфликты, которые в ином случае могли вылиться в гражданскую войну. «Но в наш выродившийся б'ак'тун», как сказал 2 Драгоценный Череп, властителей обычно представляют профессиональные игроки в хипбол, такие как Чакал. Иногда дом, которому бросали вызов, собирал звездную команду, покупая или приглашая игроков из других городов. Но Гарпии на сей раз не могли так поступить, не потеряв своего лица, потому что за Оцелотов должны были сражаться исключительно игроки их дома. Следовало ответить тем же.

В большинстве случаев особыми неприятностями Гарпиям это не грозило. В течение трех боевых сезонов их команда играла хорошо и служила неплохим источником доходов для 2 Драгоценного Черепа, который получал долю и от выигрыша, и от торговых сделок, совершенных на эти средства. Но в этот сезон Оцелоты обещали выступить не хуже, а то и лучше Гарпий. К тому же, по мнению 2ДЧ, отсутствие Чакала среди игроков никак не будет способствовать выигрышу.

Извини, подумал я.

2ДЧ сказал (не прямо, а обиняками, конечно), что теоретически приглашение выступить против правящего семейства – высокая честь, но в действительности это обычно вело к катастрофе. По традиции члены каждого клана ставят немалую долю своего состояния на кон. 2ДЧ будет вынужден рискнуть большей частью того, что имеет. И в случае проигрыша союзники, подданные и сторонники Гарпий в общем и целом лишатся значительных средств. Единственное утешение – некоторое время им не будут угрожать рабством или смертью. Если Гарпии начнут лидировать в последнем периоде матча, то Оцелоты, вероятно, станут симулировать нарушение правил со стороны противников. Возникнет спор, и тогда разразится гражданская война. А возможно, клану кошачьих удастся предрешить исход игры, подкупив судей или прибегнув к какому-нибудь трюку. Тогда они заберут у Гарпий собственность либо, если те станут противиться, нападут на них. Так или иначе, Гарпии обречены. Неприкрытое мошенничество, но что делать? Отказаться от вызова нельзя. Потеря достоинства в глазах соплеменников означала полный крах жизни.

La gran puta. Однако теперь я понимал то, до чего не допирал раньше: на дом Гарпии оказывали страшное давление. В другой ситуации я смог бы реализовать программу типа внедрения гончарного круга. Но тут, куда ни сунься, обнаруживалось: боссы мафии вроде 2ДЧ и 9КК готовы начать войну за территорию. И теперь, после моего фиаско на муле, Клыкастый только и искал повода, чтобы продвинуть свою позицию. И его ждала победа.

Все безнадежно. Я оказался не на той стороне. Мне нужно бежать отсюда и пробраться к Оцелотам. Вот только: а) меня здесь не выпустят за дверь, не говоря уже о том, что там к дверям не подпустят; б) соратники ахау не поймут меня так хорошо, как бакаб. Мне еще повезет, если меня съедят, не подвергнув перед этим пыткам...

Ой-ой.

Меня охватил страх: вдруг 2ДЧ прочел мои мысли. Я говорю об идее переметнуться в стан врага.

Бакаб смотрел на меня в упор. Но я не опускал глаз.

Поначалу я ждал, что сейчас он отдаст приказ убить меня. Но чем дольше продолжалась эта игра в гляделки, тем ближе мне становился 2ДЧ. Я почти любил его. Наверное, то был случай стокгольмского синдрома.

Должно быть, оказавшись в незнакомом месте, ты цепляешься за человека, который имеет хотя бы малейшее сходство с тобой, даже если он вознамерился тебя уничтожить. Может, на самом деле бакаб не такой уж и плохой парень. Я уверен, что он чувствует родство со мной, ведь в него внедрилась часть моего сознания...

Не расслабляйся. Успеешь еще почить на лаврах. Хуже того, что он сделал с тобой, ты в жизни не испытывал. Ты об этом забыл?

– Привяжи свой уай на ночь, – пробурчал 2ДЧ. В смысле: «Только давай без глупостей». Правда, он сказал это не без юмора.

Опа. Ладно, меняем тему.

– Не сыграть ли еще партию? – спросил я.

И заявил, что хочу попробовать порошок Старого Солильщика еще раз. С целью узнать, в самом ли деле 11 Вихрь может найти меня, и выяснить, что должны теперь предпринять Гарпии в связи с хипбольным матчем. Я не стал сравнивать себя с 7 Шипом, но, разумеется, намекал на свое превосходство.

Бакаб ответил, что несколько дней я не должен принимать прах Старого Солильщика.

«Надо укрепиться», – сказал он. И растолковал: чтобы увеличить дозировку, нужны годы. Но даже если я разовью в себе резистентность, то не узнаю столько, сколько знает 11 Вихрь. У игры были тайны, неведомые малочерепным складывателям, а многочерепные обычно не раскрывали секретов. Цари не желали, чтобы их домашние складыватели плодили слишком много учеников, потому что кого-нибудь из них мог захватить враг. Большинство игроков, даже те, что родились в майяских городах, обучались в Тамоане, и каждый к'атун лишь несколько мастеров покидали этот город.

Тамоан? Я не знал этого названия, но в памяти Чакала оно вызвало ассоциацию – триаду громадных пирамид.

2ДЧ поведал, что из тридцати двух известных ему девятичерепных складывателей восемнадцать находятся в Тамоане. Остальные четырнадцать рассеялись по разным царским домам Мезоамерики. И если кто-нибудь из них не согласится учить меня, то я никогда не достигну столь высокого уровня. Впрочем, по мнению бакаба, мне ничего не светило в любом случае, так как я уже слишком стар.

Я дал знак, что понимаю. Черт побери.

– Даже если бы ты уговорил кого-то давать тебе уроки, то все равно ничему не смог бы научиться, – занудствовал он. – На каждого девятичерепного складывателя приходится четыре сотни, но им никогда не добраться до вершин мастерства.

Ерунда, подумал я. Уж я-то справлюсь. Но вслух ничего не сказал.

И даже если бы я оказался способным учеником, продолжал он, я бы не смог играть с девятью камнями без долгих лет практики. В основном игроки высшей категории – люди старше сорока. Хотя, добавил он, некоторые игроки-женщины были моложе.

Я спросил почему.

– Старый Солильщик больше дружит с женщинами, – пояснил он. – Так говорят.

Да уж, подумал я, либо правда дружит, либо у них с мозгами получше.

У бакаба, по его словам, оставалось совсем немного Солильщика, да и порошок к тому же выдыхался. Дело было не столько в дозе, сколько в свежести. Свойства зелья не улучшались со временем. А Оцелоты не позволят 2ДЧ заполучить новую порцию. Вероятно, у них самих иссякли запасы.

– И к тому же, – съехидничал он, – 11 Вихрь все равно найдет тебя раньше. Чтобы обхитрить девятичерепного, нужно самому быть таким.

Это не прибавило мне оптимизма, но звучало, признаюсь, убедительно. По разрядам в шахматах или го можно заранее предсказать результат. Если, скажем, у вас первый

профессиональный дан игрока в го, то ваши шансы победить игрока девятого дана – один к тридцати. И хотя я чувствовал себя во время последней схватки один на один просто великолепно, играл я всего с одним бегунком. Я не мог себе представить, как буду кидать четыре, не говоря уже о девяти.

Гм. Кстати, если уж об этом зашла речь, я давно хотел спросить кое о чем...

– А что, 11 Вихрь – единственный девятичерепной в Ише? А как насчет той женщины в Кодексе – ахау-на Кох?

– Я видел ее в книге в твоем черве, – сказал 2 Драгоценный Череп. – К'аана'обол госпожи Кох приходится мне е'та' ташоко' обо л'та'ташоко.

То есть ее старейший дядюшка по материнской линии был единокровным братом дедушки по материнской линии троюродного брата 2ДЧ. Хорошо, что мы это выяснили.

Он сказал, что госпожа Кох родилась двадцать восемь солнечных лет назад в деревне, что расположена примерно в двух jornadas⁵⁹⁵ к северу от Иша. Ее семья принадлежала к одной из ветвей царского дома Лакамха, или Паленке, и они находились в родстве как с Оцелотами, так и с Гарпиями. Кох имела одиннадцать пальцев на руках – а это признак солнцескладывателя. Когда ей исполнилось семь, Оцелоты отправили ее и нескольких других детей из высокопоставленных майяских семейств в лагерь Сотрясателя Звезд в Тамоане. И такое же число ребятишек из семейств высокопоставленных ту'ников Сотрясателя Звезд, то есть жертвоприносителей, или жрецов, в буквальном переводе «кормителей», отослали из Тамоана в майяские города. Эта система гостей-заложников напоминала программу обмена студентами. Большинство учеников майя звезд с неба не хватало и через несколько лет возвращались домой, но Кох стала одной из сорока солнцескладывательниц в Общине Сотрясателя Звезд. Ее деревня тем временем была поглощена Ти'калом, а семья захвачена в плен. 2ДЧ не знал, убили ли их или все еще держат в заложниках.

– В Кодексе написано, что госпожа находится в Ише, – уточнил я.

2ДЧ не согласился со мной. Он прочел в моих воспоминаниях книгу, и там говорилось только, что она из Иша.

Черт побери. Да, я припомнил, что глиф показался мне двусмысленным. Проклятье. Еще одна ошибка в гранд-параде сокрушительных просчетов. Майкл Вейнер предположил, что она находится здесь. Идиот.

– А что вы знаете насчет игры в рукописи? – спросил я.

– У меня есть ее копия, – сказал 2ДЧ. – Хотя госпожа играла для Оцелотов.

Отлично. Бля, не Кодекс, а просто бестселлер какой-то. Интересно, когда в будущем кто-нибудь будет бродить среди развалин Орландо и вытащит из груды мусора древнюю крошачую книгу, то что, скорее всего, ему попадет? Особый, незаменимый в данной ситуации, важнейший тайный документ или чтиво наподобие «Орландо для чайников», «Добрая Весть о Библии», «Мальчик для гольфа: роман по фильму»?⁵⁹⁶

Я спросил, где проводилась встреча. 2ДЧ ответил, что госпожа Кох поставила игру в Тамоане в качестве подарка для своих близких на юго-востоке.

– Ты, который надо мной, Тамоан – это другое название Теотиуакана? – задал я очередной вопрос.

– Я не слышал такого имени.

Я пояснил, что имею в виду большой город с тремя громадными мулами и сотнями маленьких пирамид, который находится приблизительно в тридцати пяти к'инах (то есть jornadas, если считать, что резвым шагом в день можно преодолеть около тридцати пяти

---

⁵⁹⁵ Днях пути (*исп.*).

⁵⁹⁶ Массовые популярные издания: путеводитель, перевод Библии на современный английский, роман, написанный по известной кинокомедии.

миль) к западу-северо-западу.

2ДЧ цокнул положительно – все равно как если бы сказал «верно».

М-да.

Теотиуакан – ацтекское название. Но ацтеки, пришедшие сюда в четырнадцатом веке, увидели лишь гигантские руины. Никто не знал прежнего имени города. Ацтеки утверждали, что здесь родились Четвертое Солнце и Третья Луна. Как я уже говорил, в этом крупнейшем городе Западного полушария обитало не меньше двухсот тысяч человек – столько же, сколько в Лондоне в 1750 году.

2ДЧ сказал, что Теотиуакан (мы вполне можем называть его так ради удобства) расположен в одном *jornada* от места, где началось время. Это случилось 4 Властителя, 8 Темноты, 0.0.0.0.0, 13 августа 3113 до н. э., когда величайшие прародители, Зеленая Колдунья и Ураган, построили город Толу, с водопадами, заточенными в красные коралловые башни, и площадями, выложенными аметистами и нефритом. Первые люди во плоти жили там до 4 Властителя, 18 Леса, 7.0.0.1.0, 25 июня 352 до н. э. В тот день Проказник Жеватель Солнца обрушил на город циклон раскаленных ножей. Около девяти двадцаток выживших спрятались в пещере, а потом последовали за хищным зверем к тайному роднику и прошли тридцать миль на восток. После двадцати бессолнечных дней 11 Владыки, 18 Приседа они основали Теотиуакан. Эти люди принесли кровавую клятву: в новом городе никто не будет бахвалиться и не сделает ничего, что могло бы вызвать недовольство Проказника или иного курильщика. Ни один ахау не должен держаться заносчиво. Городом станет управлять совет старейшин, который составят две фракции, от каждой половины Теотиуакана, – красная, принимающая законы войны, и белая, отвечающая за законы мира. Старейшина не имел права возвеличивать свое имя ни в речах, ни в надписях, впрочем, в то время искусство письма считалось позорным. На рассвете и в полдень все в долине будут выходить под солнце и жертвовать дым курильщикам. Заведенный порядок признается незыблемым и не зависящим ни от войн, ни от бурь, ни от эпидемий. И на протяжении тысячи семнадцати лет так оно и было.

Империя Теотиуакана завоевала мир. Впервые в Западном полушарии появилась армия с подготовленной пехотой, которая шла строем и стреляла залпами из атлатлей.⁵⁹⁷ Полководцы из Теотиуакана захватили майяские города Т'икаль и Каминалхуйу и основали там собственные династии. Сотни городов и тысячи городков каждый год отправляли в столицу заранее оговоренные дары. Теотиуакан контролировал торговлю обсидианом, который добывали в близлежащих шахтах, и поэтому в некоторых диалектах империя называлась К'Каалом К'сик – Земля Бритв. Сюда поставляли гематит, каменную соль, рабов с севера и еще дюжину всяких товаров. Городу принадлежала монополия на порошки Старого Солильщика и Старого Рулевого.

И тем не менее на протяжении двух последних веков империя трещала по швам. Каждый год появлялось все больше и больше племен (думаю, мы должны назвать их варварами) за ее пределами, которые пытались получить долю в деле. Несмотря на охрану, некоторые пограничные посты чуть не каждый день подвергались нападениям. Но хуже того, городки-выскочки в самой империи переставали платить дань и прогоняли сборщиков налогов, что подтачивало основы синдиката. Например, считалось, что держава монополизировала торговлю солью, но в последнее время ишиане и другие покупали морскую соль непосредственно у жителей побережья. А сам город Теотиуакан никак не мог справиться с бедами, которые в двадцать первом веке назвали бы проблемами урбанизации: перенаселенностью, туберкулезом, обнищанием, недовольством сельских жителей, а в последнее время еще и религиозными разногласиями, что 2ДЧ сформулировал как «крики и побивание камнями вокруг дома Сотрясателя Звезд».

Так не могло продолжаться долго. Кажется, я уже упоминал об этом: археологи

---

⁵⁹⁷ Атлатль – устройство для метания копья у ацтеков.

установили, что период расцвета города завершился в 650–700 годы н. э. Но, несмотря на все новейшие методики, в том числе датировку по ДНК пыльцы и радиоизотопный анализ, к 2012-му ученые не сумели назвать более точную дату.

Не то чтобы это место провалилось в какую-то историческую дыру. Около 1000 года тольтеки стали доминирующей цивилизацией на Мексиканском нагорье, и хотя до сих пор не ясно, были ли они связаны с распавшейся империей, справедливо предположить, что их культура корнями уходит в Теотиуакан. А три сотни лет спустя ацтеки прибрали к рукам то, что осталось от тольтекской культурной системы. Их государство к 1518 году разрослось не менее мощно, чем некогда Теотиуакан.

Главное же состояло в том, что империя еще не рухнула. Как сказал 2ДЧ, причина этого в первую очередь в том, что Два попола Теотиуакана (гм, в данном случае «попол» можно перевести как «синод», потому что они помимо светской осуществляли и духовную власть) могли прекратить поставки Солильщика и Рулевого любому заказчику, который перестанет их поддерживать. Сеть солнцескладывателей, представляющая собой некую свободную международную гильдию, кое-как перебивалась на остатках, но в определенный момент запас кончался, и они нуждались в его пополнении. 2ДЧ подозревал, что синоды не спешат делиться порошком, поскольку хотят спровоцировать малые войны между майяскими городами и ослабить их. Игра ведь в первую очередь преследовала миротворческие цели. Когда правительства не могут предсказать, что должно случиться, ими овладевает безумие, и именно тогда взаимоотношения разрешаются резней.

И конечно, как сообщил бакаб, в каждый сезон мира складыватели Теотиуакана получали зелье, именно поэтому им удавалось долго и надежно оберегать город. Они узнавали об угрозах задолго до их появления как во времени, так и в пространстве. Но больше так не могло продолжаться.

2ДЧ закончил речь. Он молчал, как каменный истукан. Его обнаженная грудь под мишурой была недвижна, словно он не дышал.

Я глубоко затынулся. Черт, какая крепкая сигара. Тьфу. Просто наизнанку выворачивает, хоть вытряси мелочь из карманов и потрать на «ночной поезд».⁵⁹⁸

– Позволь мне, который под тобой, задать вопрос, – сказал я. – Ведь последнее солнце Теотиуакана еще не поименовано?

Он ответил, что нет, не поименовано, насколько ему известно.

– Но твой червяк говорит, – вздохнул он, – что город не продержится и двух к'атунов.

Я подтверждающе цокнул.

– Когда империя обрушится, власть Оцелотов кончится, – сказал 2ДЧ. – Но для нас уже будет поздно.

Тут не до шуток, подумал я. Через семь месяцев мой мозг превратится в кашу.

Последовала невыносимая пауза. Ноги у меня, несмотря на подготовку, немели. Может, попросить у него еще какую-нибудь вмазку?

– Ты, который надо мной, поясни, почему вокруг дома Сотрясателя Звезд происходило побивание камнями?

2ДЧ отвечал, что точно не знает, но конфликт уходит далеко в прошлое. Сотрясатель Звезд принадлежал к существам высшего ранга, которые отличались от людей, более того, даже не имели предков. Он бог? Однако майя обожествляли и пращуров, и важных персон, живших в одно с ними время. На самом деле, как кто-то утверждал, мир сей населяли многочисленные божки. Самыми важными считались Сотрясатель и Земная Жаба, а после них – четыре властелина дождя и целый сонм владык гор, озер, стихий. У каждого в крупных городах были святилища, кормители и последователи. Но сейчас, в 664 году, культ Сотрясателя рос быстрее, чем какой-либо другой.

И как вам, возможно, известно, он продолжал расти. Позднее фон Гумбольдт назвал

---

598 «Ночной поезд» – жаргонное название дешевого вина.

Сотрясателя Майяским Драконом, Морли окрестил его Пернатым змеем, а Салман Рушди – Змеептицей. Широко известно юкатекское имя Сотрясателя – Кукулькан, а ацтекское имя Кетцалькоатль прогремело на весь свет. Неудивительно, что птица-змея символизировала у ацтеков военное искусство.

С тех пор как тело Сотрясателя начали отождествлять с величественным Млечным Путем, конкретный дом или цвет уже не объединяли общины его жертвователей. Теоретически бог покровительствовал всем живущим. С этим всеохватным культом ассоциировался некий интернационализм, что отчасти подрывало монархическую власть правящего дома. Однако цари продолжали курить фимиам Сотрясателю. В Ише да и в любом майяском городе каждое влиятельное лицо, помимо общины предков, состояло в храмовой общине, и, безусловно, все ишианские великодомы делали пожертвования этому божеству. Старый мул Сотрясателя Звезд в Ише был невелик, но хорошо ухожен и богат.

Однако в Теотиуакане Сотрясателя чествовали особо. Это вызывало все растущее раздражение у сторонников более старых, устоявшихся традиций. Оказывается (и эта новость опоздала дней на двадцать), так называемые дети Сотрясателя каждый день требовали все новых и новых жертвователей. Два великих теотиуаканских синода (владевшие двумя гигантскими пирамидами, которые впоследствии получают у ацтеков имена Пирамид Солнца и Луны) не запрещали этот культ, но накладывали на него все более тяжелые ограничения, что и явилось причиной беспорядков. После этого сорок складывательниц Сотрясателя по существу превратились в политических заключенных и находились под постоянным домашним арестом в лагере на южной окраине города.

Ну и дела, подумал я и спросил:

– А госпожа Кох предана Оцелотам?

Воцарилося молчание. Пауза тянулась и тянулась, как сыр скаморца из горячей пиццы. 2ДЧ вдруг рассмеялся. Я впервые слышал его смех – этакое обаятельное гоготание Санта-Клауса. Я тоже подхихикнул.

Бакаб сказал, что госпожа связана с Оцелотами очень-очень тесно. С другой стороны, они ведь отправили ее в Теотиуакан вопреки ее желанию.

М-да. Наверное, она тосковала по тропикам. Большинство людей родом из тропиков тоскуют по ним, когда уезжают далеко.

Не имеет ли смысл попробовать опосредованный подход, подобраться к Оцелотам снаружи?

Ну-ну, Джедурик, думай. 2ДЧ должен увериться, что ты и в самом деле способен спасти их всех. Иначе зачем ему оставлять тебе жизнь? Ведь бежать он не может. В отличие от тебя.

Я сказал ахау 2 Драгоценному Черепу, что разумным решением будет отправить меня, который под ним, в Теотиуакан.

(40)

В одну девятую орхидей (то есть в первую вахту ночи, сразу после захода солнца) 2 Драгоценный Череп представил меня общине Каравана Гадюки Гарпии 11. Это была новая организация (я назвал бы ее новым братством или новой корпорацией), созданная якобы для проведения незапланированных торговых походов, тогда как реальная ее цель состояла в том, чтобы доставить меня в Теотиуакан.

Мы восседали на перьевых циновках на выжженной вершине низкого конического

холма, скрытого между двумя более высокими складками сьерры. Неподалеку находился Город Какао (столичная деревня 2ДЧ), поэтому в воздухе висел запах шоколада.

Я смотрел на юго-восток. Девятнадцать кровных общины (они обычно путешествовали к'атами, или ваньтаньями,⁵⁹⁹ группами по двадцать человек) сидели лицом ко мне полукругом, скрестив ноги и руки. Много лет спустя точно так же усядутся оглала сиу в шоу «Дикий запад Буффало Билла»,⁶⁰⁰ якобы таков обычай у индейцев. В позах майя чувствовалась не расслабленность, а скорее неподвижность сжатой пружины, напряжение боевой готовности.

2 Драгоценный Череп (бакаб Востока, прародитель дома Гарпии, истязатель Джеда де Ланды «Олуха» и вообще В-Каждой-Бочке-Затычка) занимал место рядом со мной, на мужской, правой, стороне.

3 Синяя Улитка, поющий карлик, переваливался перед ним с ноги на ногу, раскладывая связки на коврике подношений. Он заговорил своим голосом вундеркинда:

Все мы, кто под ним, слышим:
Наш ваятель,
Наш прародитель,
Наш лепщик, упокоитель
2 Драгоценный Череп
Хочет говорить с нами.
Мы, что под ним,
Слушаем,
Мы ждем, преклоняя колена,
Мы само внимание.

2 Драгоценный Череп изрек:

Я един обращаюсь ко многим рядом со мной.

И все, кроме меня, ответили:

Мы, которые под тобой, отвечаем тебе, который над нами.

Тогда бакаб спросил:

Вы примете этот дар,
Возьмете это бремя?

Голос его звучал не громче других, но, казалось, проникал дальше и эхом возвращался от склонов невидимых утесов. Я знал, что он выдающийся оратор, но только теперь понял почему.

Последовала пауза, в течение которой кровные разглядывали меня. Я смотрел на них. Установить и удерживать глазной контакт здесь было сродни боевому искусству. Если ты делал это, то тем самым выражал свою готовность к схватке. Гарпии пялились на меня. В их числе Хун Шок и его младший брат 2 Рука – первый и второй защитники в хипбольной команде, сидевшие друг подле друга на правом конце цепочки. Именно они нашли меня во

---

⁵⁹⁹ Вантанья – от французского «vingtaine», в буквальном переводе «группа из двадцати».

⁶⁰⁰ Буффало Билл (Уильям Фредерик Коды, 1846–1917) – американский военный и охотник, известность которому принесли популярные зрелища «Дикий Запад», воссоздающие картины из быта индейцев и ковбоев.

время оленьей охоты. Братья, не считая еще двоих человек в караване, имели общее представление о том, что прежний Чакал стал кем-то другим. Другие видели его в игре, но никогда – вблизи, и никто из них, судя по всему, ничего не подозревал. Третий в ряду старик звался 18 Мертвый Дождь. Круглолицый, гладкокожий и явно добродушный человек, он состоял при караване хранителем тяжестей, иными словами, главным бухгалтером. Его сосед – невысокий, худощавый, с глазами навывкате и обезьяньими метками, – конечно, вспомятатель, но не тот, которого я видел в пещере. Крайнее место слева занимал жилистый дядька с глубоко сидящими глазками и выдубленной солнцем кожей, 12 Кайман, брат мужа племянницы 2ДЧ, носивший титул хранителя длинных вещей (что означало «мастер боя», военачальник), нохучил (ротный). Его уродливые зубы косо выпирали наружу, а из двух шишек на плече торчали осколки кремня. На боках у него остались памятные татуировки в честь высокопоставленного брата, убитого во время налета на Мотул. Ходили слухи, что 12 Кайман может видеть в кромешной тьме, потому что он внук барсука. Он был самым старым в группе. Присутствовал здесь и менее важный кровный в жреческой раскраске, Хун Аат, или попросту Аат, «Пенис», помощник 3 Синей Улитки и четвертый человек, знавший о том, что случилось с Чакалом. Он являлся нашим церемониймейстером и официальным солнцескладывателем. Интересно, насколько хорошо разбирается он в игре? Возможно, похуже 7 Шипа. Господи боже мой, настоящая шайка лузеров. Ну ладно, чего там... Черт, мгновение тишины что-то затягивается, а? Должно быть, они сейчас подойдут и начнут меня ощупывать, что-нибудь им не понравится, и мне скажут: ты нам не подходишь. Нет, вся эта затея никуда не годится. Черт, черт и...

Внезапно кровные положили правые руки на левые плечи в долгом приветствии и заговорили чуть ли не хором:

Мы, которые ниже тебя,
Не заслуживаем этого дара,
Но мы будем холить его,
Будем присматривать за ним.

Слава богу, подумал я. Хорошо хоть с этим мы разобрались.
2 Драгоценный Череп, пристально глядя на меня, дал такой наказ:

Итак, теперь это
Твои старшие братья,
Твои младшие братья.

Следуй за ними, служи им,
Не давай слабину, не опозорь меня.

Я ответил:

Я, который под тобой,
Пройду их испытания.

Бакаб объявил:

Ты принят. Мы закончили.

Я встал и повернулся на триста шестьдесят градусов против часовой стрелки, отдав должное уважение каждому из пяти направлений, а потом присел на корточки и положил ладони на лоб, подчиняясь своей семье. Хранитель длинных вещей подошел ко мне первым и вручил трубку для духовой стрельбы. Спасибо, как раз мой размерчик. Затем я получил

свежий, пахнувший мятой походный ви'каль – плащ из стеганого хлопчатника длиной до колен. Такие накидки носили все, если холодало. Слово «пончо» не вполне отвечает этому предмету одежды, потому что пончо круглые или восьмиугольные, а тут разрез идет по всему полотнищу до самого края. С другой стороны, если говоришь «плащ», то возникает впечатление, будто речь идет об одежде с рукавами и капюшоном. Что ж, буду называть ви'каль накидкой. Мою, как и у остальных Гарпий, украшала красно-черная кромка с рисунком сцепленных когтей, сделанная из бамбукового прута и лент из оленьей кожи. В их переплетении можно было прочесть мое имя и генеалогические знаки. Главный резчик хранителя потратил двое бессонных суток на эту работу. После этого ко мне стали по очереди подходить остальные и вручать подарки – замысловатые сандалии на каучуковой подошве, пару серег, ремни из оленьей шкуры, черный браслет на правую руку, связку из двадцати стрел для духовой трубки, наконечники которых защищали молодые сосновые шишки, походную маску, пузырек с кожным ядом, пузырек с внутренним ядом, мешочек для моих повседневных вещей, мешочек для моих священных вещей, одеяло – в общем, полный комплект, разве что птичьего молока не хватало. Наконец 2 Драгоценный Череп дал мне копье с наконечником-подушечкой и орлиными перьями, а это означало, что я теперь не только стрелок из духовой трубки, но и его семейный стражник. В круг вошли два носильщика, подняли бакаба на плечи, повернулись вместе со своей ношей на все четыре стороны света и направились вниз по склону холма на восток. Они скрылись из глаз, теперь могли идти и мы. Кровные встали и построились. Ко мне подошел мой прислужник и сложился колесом в поклоне. Я видел его впервые, но знал, что он носит временное (пока не станет кровным) имя – Дерьмо Броненосца. Ему исполнилось тринадцать. Наверное, его следовало называть не прислужником, а оруженосцем, только в таком случае можно подумать, будто я и сам рыцарь или самурай, что не отвечало действительности. Пока не отвечало. Правильнее сказать, что он мой личный помощник, только это определение не отражает сходства мальчика с министрантом.⁶⁰¹ Вообще-то я смущаюсь рассказать, как на самом деле кликали таких ребятишек. Да ладно, бог с ним – а'анатами, «феллаторами». Все дело в том, что когда воин в походе, на охоте или боевом задании, ему запрещается заниматься сексом (ни с кем и ни с чем), дабы не лишиться мужественности. Того хуже: запах соития может навести на след рыскающих вражеских уаев, а если невоздержанный оставит свое семя там, где не положено, у врагов будет превосходный шанс заразить его струпами. Однако большинство кровных на службе, охоте или в караванах, которые с ритуальной точки зрения мало чем отличались от охотничьей вылазки, были молодыми людьми в возрасте от четырнадцати до двадцати лет. А потому, как вы понимаете, celibat не всегда соблюдался и мальчишки частенько удовлетворяли плотские аппетиты защитников Иша. Таким образом, кровные могли, так сказать, не оставлять следов. Вот один из секретов Ложи Воинов.

Брр. Я рад, что сказал об этом, – гора с плеч.

Пока суд да дело, Дерьмо Броненосца собрал и упаковал все мое новообретенное добро вплоть до серег. 12 Кайман дал всем знак встать. Кровные отдавали честь, повернувшись в ту сторону, где находились родные деревни, а я вторил им, будто новичок-старшеклассник, впервые проникшийся ощущением собственной значимости. Затем я проследовал за ними через самодельные церемониальные ворота.

Без дальнейших разговоров мы двинулись вниз с гребня холма к его плоскому восточному подножью. Колонна сопровождающих, которые не являлись кровными (так сказать, группа поддержки), стояла на влажной тропинке в походном порядке, с грузом и в полной готовности:

– шесть головных или разведчиков авангарда;

---

⁶⁰¹ Министрант – мальчик или юноша, прислуживающий во время богослужения в католическом храме.

- четыре змеискателя, которые несли большие кисти, похожие на листовые грабли, тыквенные бутылки с водой и трещотки;
- два официальных скорохода с длинными деревянными дудками, привязанными к плечам, как у герольдов;
- четыре фланговых разведчика;
- десять специальных носильщиков с пустыми плетеными корзинками на спинах, похожими на рюкзаки, в которых таскают младенцев;
- девять носильщиков, ответственных за тройку больших салазок;
- пять отдельных носильщиков, каждый с большой, прицепленной к налобной повязке цилиндрической корзиной на спине. Они несли неприкосновенный запас на тот случай, если мы потеряем салазки;
- два брата из странного маленького клана, говорившие на неразборчивом языке; их наследственным занятием были переноска, покупка, очистка и продажа питьевой воды;
- один жеватель, то есть нечто среднее между дегустатором, поваром и аптекарем;
- два псаря, на попечении каждого – по пятнадцать жирных пищевых собак и собак-подушек и по десять охотничьих и сторожевых собак;
- четверо человек из очень низкой касты, которых я назову чистильщиками. А может, «мухогоны» – более точное слово, поскольку их основная обязанность состояла в том, чтобы отгонять жуков;
- портной или слуга;
- сапожник;
- хранитель масок, который отвечал за все регалии;
- два оружейника или копьеделателя в подчинении 12 Каймана;
- хранитель огня с кремнями, палочками и корзиной горячих углей;
- отдельный сапожник для не-кровных;
- отдельный повар для не-кровных;
- четверка неприкасаемых. Двое с двадцатью собаками – сборщики ночных нечистот. Собаки пожирали наши экскременты, чтобы враги не могли с их помощью наложить на нас проклятие. Двое других – накомы, жертвоприносители, они шли в отдалении от остальных, как пара ворон, которые ждут, когда стая красных хищников наестся и отойдет от трупа. При необходимости накомы совершали убийства и прятали мертвые тела. Эта четверка с их носильщиками (если таковые полагались) должна была следовать в отдельной лодке либо в сорока шагах сзади и чуть в стороне, чтобы не грязнить нашу тропу;
- девять разведчиков и посыльных, четверо из них – лазутчики, пятеро – так называемые скороходы четырех огней, специально обученные передвигаться незаметно. Им вменялось в обязанности быстро доставить порошок и информацию из Теотиуакана 2 Драгоценному Черепу. Они могли бежать без остановки четыре дня и ночи подряд, при этом двое из них тащили на спинах запасного спящего скорохода, хотя последнее наверняка было преувеличением;
- и наконец, арьергард из четырех стражников. Трое из них по очереди уходили в разведку – смотрели, нет ли у нас кого на хвосте. А четвертый шел замыкающим и следил, не уронил ли кто чего, пусть даже бусинку из волос. Кроме того, он сбрызгивал тропу перцем чили, чтобы уничтожить наш след как в церемониальном, так и в обонятельном смысле.

Всего нас было сто двадцать голов, не считая собак. Таким образом, на каждого кровного приходилось пятеро слуг. Что по здешним меркам считалось вовсе не роскошью. Но 2ДЧ хотел в достаточной мере обеспечить мою безопасность и – если понадобится – бегство, но так, чтобы наш отряд не походил на армию и не выглядел угрожающим.

Мы остановились. Ряды сомкнулись.

18 Мертвый Дождь подал знак. Девятнадцать воинов и я (или, пожалуй, я должен с гордостью говорить: «мы, двадцать кровных») заняли места в середине колонны – впереди 12 Кайман, а в конце кровный низшего ранга. Я как раз к такой категории и принадлежал, но

в отношении меня протокол нарушался – мне велели встать в самую середку, передо мной шел Хун Шок, а сзади 2 Рука. Прислужники числом двадцать один выстроились за нами.

De todos modos, подумал я. Давайте уже рвать когти и реализовывать наш план. Перед нами золотая дорога на Тамоан.

12 Кайман махнул первому разведчику. Тот побежал вперед. Бесшумно и без всякой спешки колонна пришла в движение и заскользила, как поезд на магнитной подушке, трогаящийся со станции без шипения и пара. Собаки, не твякнув, засеменяли рядом. Даже щенки лаяли, только когда несли охрану. Чуть скрипнули салазки, да пискнули двое из двухсот сорока смазанных маслом сандалий, и мы тронулись в путь через ступенчатые гряды к обработанным полям долины. Двигались мы почти трусцой. Вообще-то могли и быстрее, но не хотели бросаться в глаза. Хоп-хоп, отбивал я ритм. Хоп-хоп. Нет проблем. Хоп-хоп.

Тропинка шла вдоль мужской стороны почти высохшего ручья, и через каждые сорок рук нам приходилось перешагивать через ирригационную канаву, уходившую в сторону к очередной недавно выжженной milpa, обугленному прямоугольнику, жаждущему дождя. Позади остались два поля, стоявшие под паром, потом мы миновали еще одно, с остовом не подведенного под крышу временного зернохранилища. Земля еще дымилась, но шелковицы на полосах между milpas сохранили листву, и ничто не говорило о том, что огонь вышел из-под контроля. Говорили, что выжигание полей в ишианских владениях Гарпии не повлекло за собой серьезных инцидентов. Несмотря на все проблемы, 2ДЧ крепко держал в руках штурвал своего корабля, и я счел это хорошим знаком.

Похоже, наше путешествие начиналось без проблем. И чувствовал я себя превосходно. Судя по всему, мои дела выправлялись. У нас был план, по крайней мере, черновой его набросок. Добравшись до Теотиуакана, я приложу все усилия, чтобы добиться приема у госпожи Кох. Мы с 2ДЧ решили, что не будем ей говорить, кто я такой, – ни слова о Джеде, чему она все равно бы не поверила, и о Чакале, если получится. Вместо этого я попытаюсь впарить ей что-нибудь занимательное. Потом постараюсь убедить ее, что у меня есть особая информация о неминуемом конце Теотиуакана, поэтому она должна позволить нам похитить ее из города. Как сказали бы в полицейских и разведывательных структурах – сделаю попытку «перевербовать» ее. Если все пройдет успешно, госпожа добудет для нас компоненты порошка для игры, я запишу инструкцию по его приготовлению и отправлю все это 2 Драгоценному Черепу с командой быстроногих четырех огней. 2ДЧ, получив посылку, закопает запечатанную каменную коробку с образцом порошка и моими записками об игре. Коробка будет находиться в центре креста из магнитного железа, чтобы ребята Марены смогли ее найти. После этого я смогу считать мою миссию в основном законченной. Информация попадет в 2012 год, команда Чокулы состряпает апгрейд игры и отыщет апокалипсика. Мир вернется в нормальную колею, и все смогут взять флаги в руки и разъехаться, куда душа пожелает.

Все, кроме меня. Потому что мне до поры до времени придется торчать здесь. Но ведь был предусмотрен и второй этап. Когда я вернусь в Иш, 2ДЧ достанется такая козырная карта, как собственное производство порошка. Если он будет контролировать поставки, все девятичерепные складыватели мира пойдут к нему на поклон. Еще бакаб сказал, что с более сильным порошком 7 Шип может сравниться со складывателем Оцелота, 11 Вихрем. Я в этом сомневался, поскольку считал старикашку существом бесталанным. Вероятно, 2ДЧ имел в виду, что «даже 7 Шип сможет» – и далее по тексту. В общем, если 2ДЧ сумеет утвердиться как к'аломте' или хотя бы нейтрализовать угрозу Оцелотова, а я сумею вернуться вовремя, то мы сделаем то же, что и в первом случае, – используем каменный ящик большего размера и более сложной конструкции, поскольку на сей раз речь пойдет о моем теле.

Я, правда, не до конца понимал, с чего 2ДЧ решил, что я смогу все это провернуть. Разве что за пределами Иша я буду более свободен в своих действиях и моя чужеродность сыграет мне на пользу. Видимо, 2ДЧ пришел к выводу, что уж если я забрался в такую даль (то есть в 664 год и даже в его голову), то почему бы не дать мне шанса. К тому же он знал,

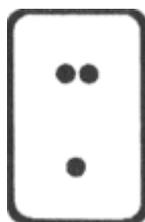
что я лицо в высшей степени заинтересованное. Я не питал честолюбивых замыслов, мечтая лишь доставить порошок в 2012-й, да и жить-то мне тут оставалось всего ничего. Деваться, короче, некуда. Бакаб полновластно распоряжался мною. И потом...

...Что-то мелькнуло?

Я насторожился, как олень, почуявший хищника, и принялся судорожно шарить взглядом вокруг. Но то были всего лишь белки на ветках. Вспорхнул козодой. Мы отошли далеко от деревень, но, думаю, все еще находились в охотничьих угодьях Гарпий. Тропинка сузилась и петляла все сильнее, огибая гигантские стволы, порой у самых корней. Даже острые глаза Чакала почти ничего не видели в свете звезд, но я инстинктивно ступал по следам идущих впереди. Если кто и сел нам на хвост, то он не смог бы определить, сколько нас. Местный траппер, контрабандист или шпион – те, что обычно обретаются в джунглях, – не услышали бы ни звука, если только не напоролись бы прямо на нас. Хоп-хоп. Хоп-хоп. Я через слои оленьей кожи, тростниковой прокладки и каучука моих новых сандалий ощущал, как мнутся под моими ногами стебли травы. Мы миновали три крохотные деревеньки, все принадлежащие Гарпиям. После третьей Хун Шок остановился и вывел меня из колонны. Двое младших кровных из пяти – моего роста и одетых так же, как я, в целях безопасности (моей, разумеется), – сделали то же самое. Хун Шок прошептал, что мои колени еще не зажили после того, как с них соскоблили мозоли. Я сказал, что они уже в порядке. Он дотронулся до правого. Оно кровоточило. Хун Шок дал знак носильщикам. Четверо из них вышли из строя и встали на карачки. Мы вчетвером, включая 1 Акулу, залезли в переносные сиденья, а ногами обхватили носильщиков за талии. Мой кули встал, придерживая меня под бедра, и бросился вперед на мое прежнее место в колонне.

Через восемнадцать миль после начала пути мы свернули на север в сторону от высокогорья в дикий буш, а потом вошли под полог черной листвы. Спереди доносился шелестящий звук, дыхание Желтой Дороги – Двоюродного Дедушки. Она вела на север в соляную пустыню и белый край мира.

(41)

Мы спустились по склону в темную долину. Повяло свежестью – воздух наполняла энергия отрицательно заряженных ионов. Колонна замедлила ход и сгруппировалась. Я был «драгоценным свертком», то есть подлежал защите, а потому меня окружили пятеро кровных. Вдали я различал силуэты принадлежащих лодочникам хижин на фоне серого пояса воды – реки, которая носила имя Ка'нбе – Желтая Дорога. Позднее ее назовут Рио-Себол. Ширина русла не превышала тридцати рук, урез воды чуть поднимался над обычным зимним уровнем, столь низким, что река казалась несудоходной, однако у берега покачивалось не меньше сорока небольших десятиместных каноэ. За три минуты слуги сняли тюки с саней, завернули их в пропитанную каучуком материю и, подчиняясь указаниям лодочников, погрузили в каноэ. Факелы нигде не горели, но эти расторопные ребята наверняка могли работать и с завязанными глазами.

Наши носильщики сложили сани. Мы разулись. 12 Кайман преподнес сверток большой скале, которая была частью речного уая. Лодочники усадили всех в каноэ – по восемь пассажиров в каждом. Кровные – по четыре воина со слугами – разместились в пяти последних лодках, еще две следовали сзади на некотором расстоянии. Хозяин лодки стоял с длинным шестом на выступающей над носом доске, рулевой сидел на корме. Мне предложили занять место в предпоследнем каноэ это место считалось самым безопасным.

Когда я поставил ногу на днище, оно подалось подо мной. Суденышко было изготовлено не из цельного дерева, а сплетено – скорее даже связано – из тростника. Я испытал волнение, как любой путешественник, который делает шаг с твердой земли на палубу корабля и попадает во власть водной стихии с ее особыми физическими законами. Каноэ оттолкнули от берега – и мы поплыли вниз по течению. На небе появились облака, звезды померкли, мы оказались в пугающей ватной темноте. Но лодочники не зажигали носовых факелов и вели флотилию, полагаясь на профессиональное чутье. Лишь время от времени во мраке мерцали фосфоресцирующие гнилушки по берегам или светляки. Между невидимыми стволами деревьев мелькали светящиеся глазки обезьян, кинкажу,⁶⁰² сов и, как мне думалось, ягуаров. Мы словно шли по туннелю, в котором то раздавалось едва слышное похрустывание (я догадался: миллионы гусениц жевали листву), то хитиновое шуршание прямокрылых, то кваканье лягушек, напоминающее покряхтывание не желающего заводиться старого дизельного трактора, – звук, который в моем (Джеда) детстве имел тот же самый радостный смысл, что и сейчас: скоро будет дождь – и если вдуматься...

Вот оно что. Вот чего не хватало ночной какофонии тогда, в 2012-м, когда я был здесь с Мареной.

Не могли же они все вымереть?

Наверное, могли. Эти полициклические ароматические углеводороды⁶⁰³ – такая жуткая дрянь. Черт.

Но, несмотря на все эти шумы, слух Чакала различал некие тревожные ноты в общей симфонии природы. То ли она звучала слишком громко, то ли тональность не та. Может, все дело в отсутствии сов? Совы очень умные. Они знают, что извержение нарушило климатическое равновесие.

Мои спутники тоже были напряжены. Их позы казались несколько неестественными... и дело тут не только в ответственной миссии. Сейсмическая активность выбивает из колеи все живые существа. Ведь во время землетрясений в недрах ворочаются великаны.

Река расширилась, мы обогнали группу каноэ – у некоторых на носу горели тростниковые факелы – и еще до рассвета влились в торговый караван. Двигались мы быстро. Порой 12 Кайман во второй лодке кричал рыбакам, чтобы они убрали свои ловушки с фарватера. Перед рассветом Желтая Дорога перешла в Серую, которую позднее назвали Рио-Сан-Диего, на слиянии стоял городок, именуемый Местом Непреходящего Рева, его руины впоследствии станут известны как Трес-Ислас. Как и древний Тир, этот город перерос свой полуостров, и новые постройки поднимались прямо из воды. В свете высоких факелов, напоминающих уличные фонари, подметальщики чистили площадь, где не росло ни одного деревца. В их глазах отражался блеск веселого пламени. При дневном свете вода приобретала цвет и текстуру потертого пробкового линолеума, а берега превращались в ряды ярко-зеленых садов сапоте⁶⁰⁴ и полусплетенных халах йотлелов – зернохранилищ и сушилок. Во вторую тринадцатую дня эта река влилась в более широкую и быструю Айн Бе – Дорогу Крокодилов, будущий Рио-Пасион. Мелькнул город Чакха (Красная Вода), который станет Сейбалем, – невысокий широкий холм, к которому, словно сахарные кубики, прилепились дворцы и склады. Глядя на них, невозможно было сказать, что здесь построено, а что высечено в камне. Вскоре городок исчез, и река, сделав петлю, повернула на юг. Мы услышали впереди бурление воды, и лодочники тут же причалили к мощеному берегу, а носильщики разгрузили каноэ и, вскинув на плечи, потащили по дорожке вдоль реки. Меня

---

⁶⁰² Кинкажу – хищное млекопитающее семейства енотовых, размером с маленькую кошку.

⁶⁰³ Полициклические ароматические углеводороды – название органических соединений, большое количество которых выбрасывается в атмосферу, что оказывает вредное воздействие на окружающую среду.

⁶⁰⁴ Сапоте – плодовые деревья, произрастающие в Мексике и Центральной Америке.

подняли и понесли следом. Я успел увидеть многочисленные водопады между хижинами и сваями, пороги, поражающие своими точными геометрическими формами, белые столы отшлифованного водой известняка. Хун Шок сказал, что это жертвенные ступени, построенные Детями Грязи во время Третьего Солнца. Мы перебрались через пороги второй категории сложности и оказались на Белой Дороге Двоуродного Дедушки-Ревуна – нынешней Рио-Усумасинте.

Усумасинту называют майяским Нилом. Но Нил течет почти прямо в плоской пустыне, затопляя свою долину в определенные сроки. Усумасинта же петляет в горах, несется по ущельям, потом расширяется и замедляется, степенно выписывая длинные излучины по равнине. Но при всем при том в стране, жители которой не знали колеса, лошадей и лам, река являлась наилучшей транспортной артерией.

Рассвет окрасил небо в густой грязновато-сиреневый цвет. Над головой висели не обычные облака – то был пепел Сан-Мартина. С женской стороны появился Па'Чан – Сломанное Небо, сегодняшний Яшчилан. Город стоял на стрелке речной излучины, а потому с трех сторон, как Константинополь, омывался водой, а с четвертой его защищала крепостная стена. Фасады дворца выходили на реку, чтобы все видели, как богаты его хозяева; пять пролетов широких лестниц для паломников по склону главного холма поднимались к пятимильному акрополю. Основатели Яшчилана выбрали идеальное место, поскольку чужестранцы могли подойти совсем близко и прогуляться по всей излучине, но вот атаковать город с воды было непросто. Резвое течение затрудняло высадку, да и причалить к берегу осмелился бы только очень умелый капитан. А если бы кто и попробовал, то горожане легко перегородили бы сетями реку выше и ниже по течению и уничтожили бы нападающих.

Мы описали последнюю петлю вокруг холма и прошли под халах бе, большим подвесным мостом с двумя громадными квадратными пирсами в тридцать шесть футов шириной и шестьдесят футов высотой, с шестидесятифутовой подъездной дорогой и двухсотфутовым пролетом посередине. В 664 году халах бе являлся самым крупным подобным сооружением в мире – и не имел себе равных, пока в Праге в 1377 году не построили Карлов мост. Вдоль вымощенного берега на шестах, словно желтые пугала, болтались сорок обнаженных тел. Когда мы подплыли поближе, я разглядел, что это набитые чучела. Пожелтели они потому, что их обработали млечным соком. Кожу убитых пленных, видимо, набили кукурузными рыльцами, отчего руки и ноги по форме стали напоминать сосиски, а вместо голов насадили полые тыквы. Хун Шок сказал, что четверо из них – это кровные из ишианского дома Летучей Мыши-Вампира, захваченные во время неудачного рейда шесть лет назад. Пока он говорил, наша головная лодка уткнулась в берег и один из людей 12 Каймана выпрыгнул на землю. Он миновал набережную, вскарабкался по трем рядам свай, пробежал по площади к чучелам соплеменников, добавил сверток к горке подношений у них под ногами и, когда уже казалось, что он останется на берегу один, успел запрыгнуть в замыкающее каноэ. Другие кровные принялись громко свистеть ему – аналог одобрения. Понты.

В тени моста вдруг что-то заблестело. Неужели пошел снег? Я поднял голову. Мост в пятидесяти футах над нами имел ширину десять футов и удерживался двойным рядом веревок толщиной футов по шесть. Наверху, любуясь на сотни лодок, стояли люди – мужчины и, что необычно, горстка незамужних женщин из великодомов. Одна из них вытряхивала из корзинки белые хлопья, и они широкой дугой разлетались над рекой. Хун Шок рискованно перегнулся через борт, поймал несколько «снежинок» и съел на удачу. Это был попкорн.

По мужскую сторону от нас здания становились все крупнее и шикарнее, и наконец я понял, что это Йокиб' – самый главный соперник Яшчилана. Его называли Принцессой Драгоценных Городов, а много лет спустя нарекут Пьедрас-Неграс. Йокиб' в переводе означал «Вход» или «Порог», считалось, что тут есть пещера, которая ведет к главному хипбольному полю Шиб'алб'ы – Подземного мира. Если Яшчилан был городом персикового

цвета, а Иш – бирюзового, то Йокиб’ – желтого, да что там – невыносимо насыщенного желтого, почти точного соответствия желтого светлого кадмия из «Блокс»,⁶⁰⁵ окаймленного черным, даже в этом рассеянном пепельном свете он слепил глаза. Долину, украшенную строениями правильной геометрической формы, словно нарисовала Бриджит Райли⁶⁰⁶ для демонстрации муарового эффекта. Из мерцающего воздуха выступало крутое ребро главного мула чисто желтого цвета, по которому ползали строители, покрывая его штукатуркой, словно бумажные осы, отделывающие поверхность сот. Последнюю часть пирамиды возвели примерно к’атун назад, когда армия Йокиб’а уничтожила два города-соперника и захватила тысячи пленных; известка была изготовлена из истолченных костей врагов, как дворец Грязи и Крови в Дагомее. Я насчитал пятьдесят четыре головы, выставленные у речных ворот. Не так уж и много. Выглядели они как новенькие, отчего я предположил, что это муляжи из дерева. Но с близкого расстояния разглядел, что старые – на кольях пониже – сморщены. Значит, они настоящие, только их почистили, просолили, натянули на глиняные болванки, смазали, подкрасили, а во время дождя, вероятно, укрывали. Их имена и даты пленения вытатуировали у них на лбах, должно быть, еще при жизни несчастных. Губы сшили и чем-то набили для пущей естественности, а в глазницы вставили белые камушки, отчего казалось, будто головы смотрят на вас. Вероятно, мозги, язык и все остальное извлекли, чтобы они не разлагались внутри. По крайней мере, черепушки не были такими иссохшими, как головы в Небесном дворце. Или те, что оставляли на съедение червям на Темпл-Бар⁶⁰⁷ до 1746 года.

Мы не останавливались за пределами волоков. Даже для того, чтобы запастись водой. Каное торговцев догоняли нас, и мы делали покупки на ходу. Наши сборщики ночных нечистот вылили мочу за борт, а фекалии скормили собакам, которым, похоже, нравилась такая еда. Наверное, это была особая порода с врожденным пристрастием к испражнениям. Потом сборщики завернули собачье дерьмо в листья алоказии и вручили их местным сборщикам, которые подплыли в лодках, окруженных роями навозных мух. Наши разведчики бросились вперед по береговым тропинкам, чтобы на следующих порогах нас ждала полная команда. В двадцать первом веке рассуждают так: «Нет ни минуты времени, у современной жизни такой сумасшедший темп, не то что в прежние времена, когда люди жили без мобильных и телевизоров». Но я скажу с полной уверенностью: баклуши наши предки не били. По крайней мере, параноидная элита, которая спешила закончить дела, чтобы никто их не опередил. И назначенные сроки всегда соблюдались. Я, кажется, уже говорил, что в день, который мы назвали бы 1 мая, ожидалось солнечное затмение. 2ДЧ сообщил, что Теотиуакан, вероятно, закроет границы за пять дней до этого – в 6 Смерть 14 Оленя, и до означенного срока оставалось двадцать два дня. В день затмения все население Большого Теотиуакана будет соблюдать «тишину» и никто не войдет в долину и не выйдет из нее, пока солнце не вернется на свою тропу. Кстати, хотя сегодня многие считают иначе, солнечные затмения не являлись некой тайной, открытой лишь касте посвященных. Слухи о предстоящем событии распространялись быстро, и к торжественному часу готовы были все, включая бабушек и тетушек. В город набивалось множество народу. Однако предстоящее действо больше напоминало бдение, чем празднество.

Когда 2ДЧ заявил, что мы должны добраться до Теотиуакана за двадцать семь дней, я подумал: он выдает желаемое за действительное. Бога ради, ведь до города 658 миль. Кабы я

---

⁶⁰⁵ «Блокс» – серия аркадно-логических видеоигр.

⁶⁰⁶ Бриджит Луиз Райли (р. 1931) – английская художница, одна из виднейших последователей оп-арта, искусства оптических иллюзий.

⁶⁰⁷ Темпл-Бар – городские ворота в Лондоне, воздвигнутые в 1672 году на границе Вестминстера и Сити. На их верхушке выставлялись насаженные на пики головы казненных преступников.

был вороной! На автомобиле пришлось бы проехать около 1250 миль, в основном по современным хайвеям. А тут у нас ни машин, ни колес. Ближайшая лошадь – в Ирландии. Я вспомнил, что армия Наполеона в Австрии за двадцать три дня прошла 275 миль, и в те времена это считалось чудом. С другой стороны, у солдат не было сменявших друг друга носильщиков. Каждый из этих несчастных французов все это расстояние до последнего дюйма преодолевал своими ножками. И как бы ни подгонял их император, они каждую ночь останавливались на отдых – хотя бы на короткое время. Мы же, судя по всему, собирались двигаться вперед день и ночь напролет, спать, пить, есть (в основном сырых речных моллюсков, вяленое мясо индейки и ч'анак – что-то вроде твердой кукурузной каши, замешанной на собачьей крови), избавляться от вшей, испражняться и делать еще бог знает что на спинах наших носильщиков. Считается, что скороходы инков, подменяя друг друга, доставляли послание из Куско в Кито (в Эквадоре), а это около тысячи миль, менее чем за пять дней. И все же если хорошо тренированный ходок с небольшим рюкзаком способен покрыть двадцать миль за день, представьте, что, получая свежих носильщиков, майя могли делать по пятьдесят. А по воде? Двадцать миль в день – огромное достижение для каноэ. Но для двухместного. Более длинные развивают бо льшую скорость. Так что при наличии свежих гребцов, приходящих с побережья, мы в состоянии были отмахивать и по пятьдесят миль ежедневно, даже по океану. Чтобы уж не ошибиться в расчетах, предположим, нам требуется одолеть 1600 миль – и тогда наше расписание не представляется таким уж нереальным. При условии, что нам не помешает погода и не случится других задержек. Конечно, в любом случае нельзя терять ни минуты. Но складывалось впечатление, что для этих парней подобный марафон был делом вполне привычным. И вообще, зачем 2ДЧ стал бы морочить мне голову? Короче, шансы у нас имелись.

В городе, носившем имя Там, Где Они Сварили 3 Черепах (позднее он станет называться Агуас-Калиентес), мы встретили первый вражеский караван. Меня весьма впечатлили сложные многоуровневые постройки по обоим берегам, два канатных моста и необычный мул правящего клана по женской стороне. Набережную сплошь усыпали деревянные куклы в половину человеческого роста. Вероятно, их положили сюда как подношения к празднику. Украшавшая их замысловатая резьба и буйство расцветки порождали чуть ли не тамильское ощущение визуальной перегрузки. Несколько больших расписных каноэ стояли у своеобразной пристани под мулом. Хун Шок объяснил: желтый и зеленый цвета на флажках означают, что ладьи принадлежат племянникам К'ак Ухола К'иниха – ахау дома Ягуаров из Ошуицы (Караколя), а этот клан вот уже в течение четырех к'атунов враждует с пятью великододмами Иша.

По лодкам был передан приказ: гребцам – не снижать темпа, остальным – прикинуться, что не замечают недругов, если только они первыми не поприветствуют нас.

До сего момента мы расшаркивались перед всеми, кто попадался нам по пути. Лодочники иногда с чрезмерной горячностью окликали своих знакомых, а порой едва заметно поднимали правое плечо – этот жест являлся эквивалентом кивка. В нашей торговой экспедиции, пусть отправленной не в сезон и передвигавшейся с большой скоростью, никто не усматривал ничего необычного.

Но с лодок Ягуара дали знак, что видят нас. Мы замедлили ход и чуть изменили курс в их сторону, собираясь ответить на приветствие. На мелководье наши лодочники переворачивали свои длинные весла и работали ими как баграми. Кровные напряглись, Хун Шок потянулся было к связке духовых трубок и дубинок, привязанных к борту. Обойдется, подумал я, уловив аромат благовоний, означавший мирные намерения. Дело в том, что к короткому бушприту каждой лодки привязывали маленькую полулю фигурку божества лодочников и жгли в ней ароматические вещества, так что из ноздрей статуэтки постоянно шел дымок. Запах смолы акации и измельченного табака оповещал всех о том, что у хозяев судна исключительно благодное настроение. Когда мы приблизились, я определил старшего Ягуара по громадной шапке в виде кошачьей головы. Свое тело он раскрасил черным углем, а лицо выбелил. Племянничек К'ак Ухола К'иниха сверлил нас глубоко посаженными

глазками. На мне и пяти кровных – моих двойниках – были широкие соломенные шляпы, похожие на вьетнамские нонла, и я опустил голову, оставаясь, однако, в той же позе. Чакал играл против хипбольной команды Агути в Ошуице и одержал победу. Некоторые из этих котов, вероятно, видели матч.

Все будет хорошо, думал я. Никто тебя не узнает. Как и большинство игроков в хипбол, Чакал выходил на поле и получал награды в шлеме в виде головы животного, наполовину скрывавшем лицо. Даже самые лучшие его фигурки имели с ним лишь отдаленное сходство. К тому же теперь, с нарощенными волосами, без мозолей, с новыми татуировками и телесной раскраской, да еще учитывая немалую потерю в весе, я походил разве что на бледную тень прежнего Чакала. 2ДЧ предлагал мне притворяться больным, умственно отсталым, чтобы ни у кого не возникало желания говорить со мной. И конечно, я никому не должен был смотреть в глаза.

Кантор 12 Каймана затянул приветственную песню. Посыльный выпрыгнул из лодки в воду и передал слуге белолицего красный сверток с табаком, нефритом и нашим фирменным порошковым шоколадом.

За долгие годы Иш потерял сотни кровных в схватках с Ягуарами. Эта война была всего лишь одной из нитей вечной паутины мести, которая заставляет вращаться мир. Но по сути, недоразумения между враждующими кланами оборачивались локальными стычками, а не тотальной мобилизацией. Ситуацию я описал бы так: кто-то поклялся тебя прикончить и заноза в сердце не дает тебе покоя, или ты зашел на чужую территорию, чего не должен был делать, и теперь опасаясь наказания. Порой банды шатаются днем по мегаполису, но переходят на другую сторону улицы, чтобы избежать столкновения. Приведу и другой пример: на Ближнем Востоке может случиться (вернее, постоянно идет) война, но коммерческие самолеты все время взлетают и садятся, на границе стоят очереди туристских автобусов, и повсюду в зоне боевых действий находятся гражданские.

Водные пути в древней Мезоамерике являлись еще и своего рода церквями, а также рынками и биржами. Они были единственным общим достоянием майя на протяжении тысячи лет. На воде ты находился под защитой Хаде Хага, который выкопал эту реку в эпоху Третьего Солнца, до того как пришел 7 Макао. Нападение на реке происходило редко и считалось поступком столь же недостойным, как убийство Джулиано Медичи в соборе.⁶⁰⁸ Совершившего насилие во время плавания могли разорвать на части не только бдительные местные жители, но и сотоварищи. И еще существовало общее правило, согласно которому зайти в традиционную деревню – все равно что постучаться в чей-то дом. Откуда бы ты ни прибыл, тебя принимали как гостя, всех связывали узы взаимного гостеприимства. Ты не подсовывал паспорта, взятки и деньги за билеты, а раздавал подарки и получал ответные подношения подешевле. А если твои дары были недостаточно хороши или ты устраивал какой-нибудь скандал, то люди это запоминали и потом возвращали, да еще с лихвой...

Наконец кто-то из Ягуаров затянул в ответ антистрофу приветственной песни, нам вручили сверток того дерьма, что хранилось в их закромах, и мы благополучно поплыли дальше.

– Он смотрел на тебя, – сказал мне Хун Шок, не двигая губами, словно чревовещатель.

Когда мы скрылись из поля зрения наших недругов, он заставил меня надеть легкую маску, и пять моих двойников сделали то же самое. Это может показаться странным, но факты говорят, что европейцы носили маски вплоть до девятнадцатого века. Мужчины и женщины путешествовали в дорожных масках, отчасти из-за пыли, отчасти оттого, что они на манер нынешних респираторов защищали от болезней, но главное – чтобы не приставали посторонние. В Штатах даже в 1950-е годы многие женщины носили шляпки с вуалью, и никто не видел в этом ничего необычного. Скажу больше: идея сделаться неузнаваемым

---

⁶⁰⁸ Джулиано Медичи (1453–1478) – соправитель своего брата, главы Флорентийской республики Лоренцо Великолепного. Был убит в ходе заговора Пацци во время пасхальной мессы.

была чужда моим предкам. Человек надевал маску не с целью скрыть лицо, а для того, чтобы подчеркнуть: он почитает либо воплощает некий образ. Маска делала тебя в большей степени тем, кем ты являлся на самом деле.

Если меня опознают, ни к чему хорошему это не приведет, однако существовала и другая серьезная опасность: часть нашего каравана может отстать, попасть в засаду или переметнуться, а то и всё сразу, кто-нибудь выдаст наши планы врагу, что в конечном счете дойдет до Оцелотов. Конечно, все кровные в караване и несколько слуг знали, что Чакала на самом деле не убили на оленьей охоте. Но им внушили, будто две души Чакала (уай и внутреннее имя) вышли из его тела во время сеанса изгнания. Теперь здесь оставалось только дыхание Чакала, а его души были заменены моими.

Любопытно, что 2ДЧ изложил ситуацию с позитивной точки зрения: мол, 10 Красный Сцинк спустился с гор дома Гарпии еще до своего рождения, чтобы предупредить родню о грозящей опасности и помочь им выжить.

Старший нашего арьергарда ждал у следующего волока. 12 Кайман, 18 Мертвый Дождь и Хун Шок отошли с ним в сторонку. Меня они с собой не позвали и к тому же перешептывались на неизвестном мне охотничьем языке. Но когда мы вернулись на воду, Хун Шок сказал, что у нас на хвосте висит группа – приблизительно двадцать человек, они плывут на лодках и пробираются по береговому тропам в сопровождении носильщиков. Разведчики не знали, откуда эти люди. Судя по тому немногому, что удалось услышать, говорили они на рыночной разновидности ишианского. Старший замыкающий сообщил, что их головные уборы указывают на принадлежность к дому Зубатки из Шаланкаба, что неподалеку от Каминалхуйу. Дом этот сохранял нейтралитет по отношению к Гарпиям и Оцелотам. С другой стороны, ни одного преследователя не опознали, так что головные уборы могли быть маскировкой. Зубатки отличались скрытностью и редко выходили за пределы своей территории. Тут обмануть – раз плюнуть.

По словам Хун Шока, 12 Кайман расспрашивал, как они двигались и какие давали знаки – не похожи ли они на стрелков обезьяны. Это словосочетание могло означать «охотники за людьми» или «ассасины». Старший из разведчиков не сумел ответить. Но они определенно не пытались нас догнать. 12 Кайман поинтересовался, знают ли они, куда мы направляемся или просто идут по нашим следам. Но разведчик терялся в догадках.

– Ставлю два к одному, что это Костоломы, – заявил Хун Шок.

Такое прозвище Оцелоты получили за то, что имели право использовать особые большие топоры в бою.

По мнению Хун Шока, 9 Клыкастый Колибри выследил нас, когда рыскал в виде своего ночного уая, подозревая, что Чакал жив. Если Оцелоты схватят меня, это послужит доказательством того, что Гарпии совершили богохульственный обман. Тогда 9КК приберет к рукам все, что принадлежит дому Гарпии, включая товары, воду, права на землю и людей, при этом другие кланы практически не будут протестовать.

Я не знал, что сказать. Только не выкидывай меня за борт, пока не будешь уверен, подумал я. Потом решил спросить, не мог ли сам 2ДЧ послать этих людей, но вовремя остановился. Если их действительно отправил за нами бакаб, то Хун Шок либо не был в курсе, либо пытался провести меня.

И потом, пусть ребята считают, что я ближе к 2ДЧ, чем на самом деле. Спутники посвящали меня кое в какие дела, позволяли сидеть с большими дядями в столовой, но я подозревал (ну хорошо, назовем это уверенностью), что они получили приказ не сводить с меня глаз. Когда я просыпался, кто-нибудь из них непременно пялился на меня. Я никогда не выходил из строя кровных без 2 Руки или Дерьма Броненосца, которые забегали вперед, обкладывая меня с флангов. А как строго они охраняли запасы сандалий, еды, воды. Я не имел к ним ни малейшего доступа.

Впрочем, 2ДЧ беспокоился не напрасно. Конечно, приходилось его слушаться. Ты соглашаешься на сделку, когда у тебя нет выбора. Но оставался маленький фактик: бакаб подверг меня пытке. Страшные воспоминания бередили мне душу. Несмотря на всю

помпезную словесную шелуху о том, что он усыновил меня, несмотря на все обеты и на страстное и вполне понятное человеческое желание пришлеца обрести близких в чужой стране, я в моменты *selbst ehrlich*⁶⁰⁹ все же признавал: у меня нет никаких оснований верить в то, что 2ДЧ руководствуется моими интересами. Да и цели его отличались от моих. Ему нужен был всего лишь рецепт некой специальной смеси. Если бы бакабу удалось разрушить монополию Теотиуакана на это снадобье, он мог бы поступать как угодно, не считаясь ни с кем. Что касается моих планов, то... ну... допустим, я сбегу от кровных, найду далекую деревеньку, с помощью всяких фокусов привлеку ее жителей на свою сторону, сколочу отряд рейдеров, захвачу солнцескладывателя из какого-нибудь захолустного городка (а в Мезоамерике предположительно было не менее сорока пяти девятичерепных складывателей, не считая семидесяти или около того в Теотиуакане), достану образчики *drogas*⁶¹⁰ и зарюю их для команды Чокулы (а им-то и нужно всего миллиграмм или два каждого средства, чтобы сделать анализ) и тогда... Нет, я понимал, что эти прожекты, как говорится, чреватые. Но все же не считал их нереальными, да и 2ДЧ вряд ли отметет такой вариант развития событий.

Поэтому как только я попытаюсь смыться или хотя бы начну планировать бегство, меня тут же разделают, как рождественского гуся, – глазом моргнуть не успеешь. И все же...

Не будем забывать, что госпоже Кох принадлежало авторство игры в Кодексе. Даже если она и не была величайшим складывателем, какие, по словам 2ДЧ, рождаются раз в б'акт'ун (а если верить бакабу, таковыми являлись 11 Вихрь, принадлежавший ишианским Оцелотам, и Вареный Тапир, который работал на Пакаля Великого в Паленке), то все же ее стоило перетянуть на нашу сторону. Может, я встречу с ней и все пойдет как по маслу. Вдруг ей все известно, она прояснит для нас ситуацию и тут же найдет апокалипсника. А мне останется только передать его имя команде Чокулы – и человечество будет спасено. Ну а если госпожа милостиво даст мне пару наводок по торгам на бирже, я стану богаче, чем принц Аль-Валид ибн Талал ибн Абдель Азиз.⁶¹¹ Когда вернусь. Если вернусь...

Давай-ка, Джед, этот курс пока и держи. Не мудри.

Я спросил, не могут ли люди, что следят за нами, быть из Теотиуакана. Хун Шок ответил, что, возможно, их там наняли, но кому это могло понадобиться? А госпожа Кох (или Двадцать Вторая Дочь Кругопрядов, как выразился он, чтобы, услышав настоящее имя госпожи, ее уай не насторожился) тут ни при чем, поскольку она девятичерепной складыватель. Она с помощью игры должна знать, что мы направляемся в Теотиуакан.

Я покивал, но внутренне не согласился. Пусть она самая проницательная, но все же игра – это тебе не магический кристалл...

Море.

Я почувал докембрийский запах соли, а точнее, существ, живущих в соленой воде. Я посмотрел на остальных. По тому, как ускорились их движения, можно было догадаться, что и они почували его. Мы находились почти на краю суши. Завтра мы выйдем в залив, на торговые пути, ведущие в Империю Бритв и к Озерам Крыльев.

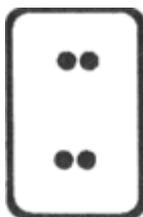
(42)

---

⁶⁰⁹ Самооткровения (*нем.*).

⁶¹⁰ Наркотиков (*исп.*).

⁶¹¹ Аль-Валид ибн Талал ибн Абдель Азиз (р. 1955), или принц аль-Валид, – член саудовской королевской семьи, один из богатейших людей в мире.

Команды двух морских каноэ вместе с нашими порученцами ждали нас в условленном месте на берегу – укромном уголке в трех милях к северу от устья. Нашу встречу я не назвал бы тайной – тут собралось около трех сотен людей довольно дикого вида, они стояли кругом на полосе желтоватого песка, из которого то здесь, то там торчали глыбы черной лавы. В волнах прибоя лежала лимонная акула, бьющая хвостом. Владельцы каноэ сказали, что гребцы после извержения боятся, как бы их не сварила и не съела Земная Жаба, и нам придется пройти по суше дальше, чем это обычно считалось безопасным. Последовала заминка. И естественно, они запросили с нас цену больше той, о которой договорились с нашими посланниками несколько часов назад. Да еще навязали за отдельную плату местного к’алмаака, весьма здесь почитаемого; в Южной Африке таких, как он, именуют иньянга – «водный доктор». Он поддерживает вашу лодку на плаву, все время распевая заклинания, и поливает маслицем бурлящие воды, если случится на море волнение. Я решил, что это очередной мошенник, но позднее увидел, как он использует необычную, упрощенную, на мой взгляд, версию игры, чтобы проникнуть в планы морской стихии. 18 Мертвый Дождь сторговался с ними, и мы наконец погрузились. Наш арьергард остался на берегу. Они должны были разузнать, следят ли все еще за нами, и догнать нас позднее. Мы сделали подношение в виде крови Нянькам Северо-Запада и отправились в путь.

Наверное, трудно представить, как в двух каноэ можно разместить больше двухсот человек. Однако наши суда очень отличались от двухместных речных лодчонок. Я прикинул, что длина каждого составляла около девяноста пяти футов, а максимальная ширина – восемь. Долбленки, вернее, выжженки из красного дерева – королевы леса – размером с космический корабль «Луна» из «Звездного пути» производили впечатление мощных и устойчивых кораблей. У первого каноэ длинную носовую часть украшала фигура, похожая на голову элазмозавра, а на носу второго – куда усадили меня – был искусно вырезан омар с усиками. Оранжевые и белые глифы, отливающие жиром морской коровы, испещряли черные корпуса судов. На каноэ имелись и балдахины, делавшие их похожими на корабли Клеопатры, но 12 Кайман заставил лодочников снять эти штуки – чтобы не терять скорость хода. Никаких парусов я не заметил. Может, стоит показать команде, что это такое. Нет, лучше не надо. Не нужно их отвлекать.

Когда мы отошли за приборную волну, кровные, казалось, расслабились. Наконец, впервые с того момента, как мы оставили Шоколадный город, они могли поговорить.

– Ак тан а пух тун й ан И па ок’ ин кабал пайее тцо’к т питцом? – раздался голос у меня над ухом. «Помнишь, как мы здесь играли и ты выбил глаз у нападающего?»

Мне понадобилось биение, чтобы понять, что говорит он со мной.

– Б’аш, – снова прозвучал тот же голос. В переводе: «Привет, Земля говорит с 10 Сцинком».

Со мной решил пообщаться 2 Рука, брат Хун Шока, сидевший рядом со мной. Хун Шок занял место впереди. С нами ехали и другие важные персоны – 3 Возвращающийся Мотылек, вспомятатель, и 4 Пила Язык, один из моих двойников. Наши прислужники шептались слева от нас. Я повернулся к 2 Руке и произнес:

– Ма’аш ка’ан. – «Это был не я».

– Он тогда упал, а ты бросил в него мяч и попал по затылку; если бы не повязка, голова бы у него треснула, но один глаз у него таки выпал. – И 2 Рука, крупный, коренастый, похожий на жука, раздвинул пальцами веки правого глаза. – Но другим-то он мог видеть и попытался вставить выпавший назад в глазницу. У него ничего не получилось, а он знал, что вот сейчас вырубится, и не хотел, чтобы этот глаз достался нам. И он его проглотил.

– Я этого не помню.

– Тебе нужно съесть большую миску тапиоки, – буркнул Хун Шок.

Это означало, что 2 Рука должен помолчать. Видимо, Чакала подвергли *damnatio memoriae*,⁶¹² и спрашивать о том, что случилось со мной до великой перемены, запрещалось – так же, как и произносить мое прежнее имя. Но 2 Рука не слишком обращал внимание на такие вещи.

Я расслышал подавленный смешок 4 Пилы Языка.

– Неужели это случилось и в самом деле? – вздохнул я.

– Не совсем так, – сказал Хун Шок.

– Точно так, – возразил 2 Рука.

– Ты помнишь 22 Паршу? – вдруг спросил у меня 2 Рука.

Я цокнул «нет».

– Он был садовником у 3 Яиц, – стал рассказывать Хун Шок. – Весь в бородавках. Ужасный с виду. И он всегда ходил в парильню один, но потом как-то раз 22 Гремучая Змея пошел с ним и увидел, что у него отрезан кончик пениса. А он никому не хотел рассказывать, как это случилось...

– Неужели Дерьмоволоску тоже забыл? Из-за нее-то вся история и вышла, – повернулся ко мне 2 Рука.

– Ты у меня спрашиваешь? – спросил я.

Он цокнул «да».

Я помотал головой, исподтишка разглядывая 2 Руку сквозь маску. В какой степени он верит моим ответам? То есть в мою амнезию? Он, очевидно, звезд с неба не хватает, но все же. Интересно, как относятся ко мне остальные люди в каное? И все участники нашего похода, которые наверняка попозже узнают все, что я говорил? Вряд ли они приняли за чистую монету речи 2ДЧ. Моих спутников не назовешь идиотами. Впрочем, скептический негативизм тоже им чужд – во всяком случае, ничего подобного в их поведении я не замечал. Наверное, каждый имел свою точку зрения. Некоторые верили всему, другие считали, что их религиополитические вожди склонны к преувеличениям.

И конечно, если они сочли эту историю правдивой, то должны затаить зло на меня – ведь я вытеснил Чакала. 2ДЧ, разумеется, объяснил всем, что я пришел в том числе и для спасения знаменитого игрока в хипбол... Но наверняка кое у кого я все же вызывал неприязнь. А может, и страх. Они не уверены, что я принадлежу роду человеческому.

Ладно, не сходи с ума. Это все тебя не касается.

2 Рука продолжал:

– По пути домой после игры мы остановились в деревне грязевиков и встретили там к'аак' – девушку из купологоловых с длинными коричневыми волосами. Она хотела, чтобы с нею совокупились все. Каждый из команды. Она всегда там ошивалась, и ее кликали Дерьмоволоской. Помнишь?

– Нет, – сказал я.

Вообще-то в моей памяти забрезжил просвет, но мне требовалось побольше контекста, чтобы вспомнить все.

– Ты спал, а 1 Черный Морфо втер тебе в пенис к'ан аак'от? Забыл?

Я цокнул.

– А потом? – спросил 4 Пила Язык.

– Потом Ча... он проснулся, – засмеялся 2 Рука, – принялся подпрыгивать, держась за пенис, и кричать: «Он слишком велик! Он слишком велик!!!» – (К'ан аак'от, должно быть, являлся разновидностью местного фаллического галлюциногена.) – Бегал, бегал по двору, потом увидел Дерьмоволоску и сказал: «Ага». Схватил ее и запендюрил ей в задницу. Спустя какое-то время ему полегчало, он вытер свой пенис, но тут Дерьмоволоска как подскочит, и давай вопить: «А-а-а-ай, а-а-ай-а-а-а, о-ой, о-ой!»

---

⁶¹² Проклятие памяти (*лат.*) – особая форма посмертного наказания у древних римлян.

Как вы, наверное, догадались, 2 Рука теперь подражал голосам и энергично изображал сцену в лицах, чуть ли не раскачивая лодку.

– И тогда она присаживается и начинает срать. Дерьмо выходит из нее, а все стоят и смотрят. И вдруг у нее из задницы полезли кишки, все больше и больше. Они сворачиваются под ней в кучу, подбегает собака, хватается за конец кишок и мчится прочь, а они разматываются. Пси́на стала их жрать, и тут Дерьмоволоска морщится, и из нее вываливается кишка с комком. А этот, – (он имел в виду меня), – выхватывает кишки у собаки, выдавливает комок через пожеванный конец, и на землю падает маленькая штучка, вся морщинистая и бородавчатая. Наш-то и говорит: «Я этот кончик где угодно узнаю! Это пенис 22 Парши! Кто-нибудь сбегайте за ним! Мы его нашли! Мы его нашли!»

Прислужники кусали губы, чтобы не рассмеяться. 3 Возвращающийся Мотылек и 4 Пила-Язык хохотали. Гребцы, к счастью, не понимали нашего домашнего языка.

– Для меня это большая новость, – сказал я и тоже рассмеялся.

Надо признать, 2 Рука довольно умело выложил свою историю. Но чтобы проникнуться всем этим, нужно было оказаться там.

– Хватит, – приказал Хун Шок. – Кончили. А то Костоломы учуют, что у вас торчки.

Не забыл ли я упомянуть о том, что для кровных существовало правило: ограничивать сексуальный аппетит в экспедиции? Дальние походы приравнивались к сакральной охоте. Не допускались даже произвольные эрекции (интересно, кому удавалось справиться с этим?), потому что, как сказал Хун Шок, запах возбуждения не только отпугивает дичь, его могут почуять и враги. Однако молодым парням было нелегко сладить с природой.

– Мы должны быть сак канами, – продолжал Хун Шок (то есть копьеголовыми змеями – быстрыми, неуловимыми и, самое главное, передвигающимися бесшумно).

2 Рука угомонился.

– К тому же, – сделал ему замечание брат, – ты изрядно приврал. Наружу вышло совсем немного ее кишок. – Он откинулся назад и сунул в рот плитку жевательного табака.

Уже опустилась темнота. В чертогах солнца не бывает сумерек.⁶¹³ Миновав костер у Комалькало, мы повернули на северо-запад (в сторону смерти), ориентируясь на звезды Теотиуакана – Хищницу и Рану Хищницы, на Тубан (который в 3113 году до н. э., в начале Долгого счета, был Полярной звездой) и на его красную тень, йоту Дракона. Я видел алый оттенок четче, чем когда-либо прежде, даже если смотрел в телескоп. Хун Шок сказал, что мы очень близко подходим к звездам и можем слышать шорох, когда они касаются воды. И вправду, я уловил звук, похожий на шипение окурка сигары, упавшего в лужу, – конечно, то был говор волн. При каждом взмахе весел на них вспыхивали фитобактерии, словно искорки между двумя кремнями. Перед рассветом – а это лучшее время для сбора беспозвоночных – я перевесился через борт, стараясь не вглядываться в свое отражение, которое меня неизменно пугало, и провел «инвентаризацию». Здесь наличествовали перечно-мятные креветки и длинные красные ленты крыля, громадные стрекающие медузы и незнакомые мне гигантские сиреневатые ктенофоры, цветом напоминающие пояс Венеры.⁶¹⁴ Мне попалась на глаза разновидность, явно не описанная, но когда я попытался ее схватить, в воде оказалось столько ядовитых медуз, что я отдернул руку.

Наш арьергард догнал нас в полдень. Они плыли в узком каноэ, похожем на гоночный ялик. Десять гребцов сидели на веслах, десять отдыхали. Хун Шок и другие кровные сперва ухватились за копьеметатели, но вскоре различили украшавшие лодку бумажные гирлянды фамильных цветов Гарпии. Мы направились к берегу и причалили к песчаной косе.

---

⁶¹³ Это выражение восходит к «Поэме о старом моряке» Сэмюэла Кольриджа; одну из строф (в которой говорится о быстром наступлении ночи в тропических морях) он сопровождает примечанием: «В чертогах солнца не бывает сумерек» («No twilight within the courts of the sun»).

⁶¹⁴ Пояс Венеры – атмосферное явление, наблюдаемое на заходе или восходе солнца, – розоватое сияние над горизонтом.

Старший в арьергарде перебрался в наше каноэ и прошел назад. Рулевой оставил свой пост и вместе со всеми остальными передвинулся вперед, чтобы мы (включая на сей раз и меня) впятером могли поговорить.

Разведчик доложил: за нами следует большой отряд, от десяти до пятнадцати человек, это те же люди, что следили за нами на реке.

Мы не смогли воспротивиться порыву и посмотрели на восток. В море было много лодок, но старший замыкающий сообщил, что преследователи слишком далеко и нам не разглядеть их отсюда.

12 Кайман приказал разведчикам сойти на берег, нанять два небольших судна и пристроиться в хвосте у погони. А мы тем временем оторвемся от них. Если они знают, куда мы направляемся, то останутся на воде. В противном же случае будут заходить во все прибрежные деревни, чтобы напасть на наш след.

– Не догоняйте нас, пока не выясните, кто это такие, – велел Кайман.

В результате мы не стали высаживаться в этот день, а взяли курс на север-северо-запад, в глубь залива, заплатив гребцам первую надбавку за скорость. А вечером снова изменили маршрут – повернули на запад. Наблюдатели просматривали горизонт за кормой через похожие на телескопы трубки из кожи, но даль заволочла дымка, и они не заметили ничего подозрительного.

К утру вода переливалась всеми цветами радуги – ее покрывала пленка жира. Вокруг плавали кверху брюхом раздувшиеся мертвые рыбы и киты. Мы не видели и не ощущали падающего на нас пепла, но подбородки у нас посерели, и если мы протирали лица, то на тряпке оставались черные пятна. На дохлятину слетелись все чайки мира. Я не преувеличиваю, я в этом уверен. Одни размерами не превосходили ворон, а другие были не меньше птеранодонов. Когда мы проплывали мимо обглоданного остова морской свиньи, с него снялось столько чаек, что кое-кто из гребцов решил, будто те вылупились из трупа. Мухи тоже расплодились тут в невероятных количествах, слишком слабый ветерок не мог их разогнать, но Дерьмо Броненосца действовал довольно эффективно, обмахивая меня метелочкой из человеческих волос и каждые несколько часов меняя руки. Бедный старый труженик Дерьмо Броненосца.

На девятую ночь после нашего отбытия из Иша погода стала портиться, и гребцы связали каноэ бортами, соорудив подобие катамарана. Нам пришлось отойти от берега еще дальше, чтобы порыв ветра не бросил нас на скалы. Настоящий ураган, подумал я. А мы – закуска для морского окуня. Вот работенка для этого шарлатана водяного! Его мы выкинем за борт первым. Но буря прошла мимо, и примерно около трех ночи из-за облаков, словно таблетка валиума в 5 мг, вынырнула большая оранжевая луна и упала в воду. *So auch auf jener Oberfläche sich noch im krystallinischen Zustand befände.*⁶¹⁵ На следующий день мы причалили к пристани; нас несли затухающие волны прибой. Этот городок являлся аванпостом Теотиуакана и назывался Там, Где Их Ослепили. Располагался он на северной стороне будущей Лагуны-де-Альварардо, которая ныне представляла собой комплекс земляных террас. Они спускались к мелководному речному устью, забитому каноэ и баржами. Экипажи говорили на пятидесяти языках. Тут была большая стоянка торговцев солью, предлагавших засоленных большеухих крыс и рыб-горбылей. Несмотря на ветер, в воздухе стояла вонь тухлой рыбы. А еще его пронизывало предчувствие беды.

Пока большие ребята торговались, 2 Рука и Дерьмо Броненосца поставили для меня плетеную походную палатку типа пляжной кабинки. Я достал свои письменные принадлежности и пустую книжку-гармошку. Сперва я собирался писать углем, но потом для меня добыли несколько осколков гематита, который оставлял четкие следы на гипсе не хуже серебряного карандаша, и, таким образом, я был полностью оснащен.

---

⁶¹⁵ Автор ссылается на романиста и эссеиста Ульриха Хорстманна, сторонника эсхатологического мировоззрения. В дословном переводе: «Поверхность стала подобна кристаллической структуре юрисдикции» (нем.). (Прим. ред.)

Я закодировал свои последние наблюдения.

[расшифровка]

Новое ключевое слово: awhnnbaghsddlpfsetqhytahbdsz

Джед де Ланда Такоанакал Пана' Тонат (Альварато)

Команде Чокулы

Иш-Руинас, Альта-Верапас, РГ⁶¹⁶

Среда, 31 марта, 664 н. э., около 11.00

Дорогие Марена, Таро, Майкл, Джед и другие.

Вы заметили, что в своем первом письме я пытался дать вам представление о местном колорите, так сказать, но скоро бросил эту затею. В настоящем послании буду строго о деле. Как я уже писал, мое главное дело в Теотиуакане – встретиться с женщиной из Кодекса Н, ахау-на Кох. Вот что мне известно про нее в настоящий момент:

Она родилась, вернее, была наречена 1 Бена, 11 Чена, 9.10.14.13.13, в местечке под названием Гнилой Тростник – это небольшой городок в Б'аакале, зависимый от Лакамха, Паленке. Кох принадлежала к правящему семейству скорее птичьего, нежели кошачьего рода и восходила к бабке 2ДЧ по материнской линии. Когда ей исполнилось пять, в ней стали замечать природный дар, и складывательница из лакамхской общины Сотрясателя обучила ее игре. Кох отличалась большими способностями, и шесть лет спустя община отправила ее в Теотиуакан учиться у Кругопрядов (что-то вроде монастыря складывательниц при культе Сотрясателя).

Возможно, произойдет некоторая путаница, но я должен сказать, что Кругопряды (они получили имя от гигантского паука *Nephila clavipes*) являлись частью Ауры, или Хищника, или Белого, или Мирного времени, половины и синода Теотиуакана.

Полагаю, такая структура укрепляла отношения между Лакамхом и Теотиуаканом. Хотя Кох пришлось церемониально отречься от своей биологической семьи, чтобы вступить в орден Сотрясателей, эта связь послужила бы подспорьем ее семейству в политическом плане, особенно в случае ее возвращения. 2ДЧ упоминал, что когда госпожа Кох оставила своих родных, вожди всех птичьих кланов в округе прислали ей дары. 2ДЧ отправил к ней очень талантливого фокусника 0 Дикобраза, который стал ее любимым шутком. В Теотиуакане Кох постигла тайну использования и, возможно, приготовления снадобий для игры. Она одна из немногих молодых складывательниц, достигших уровня девяти черепов. Люди говорят, что госпожа помнит свое пребывание в чреве матери, разговаривает с мухами, каждый сезон мира меняет кожу, а ее одежды сплетены пауками. Как и другие майя, состоящие в ордене, Кох не собирается возвращаться – либо сама не хочет, либо ее не выпускают из-за трений между детьми Сотрясателя и правящими кланами. Теотиуаканскую общину Сотрясателя Звезд, кстати, основал перемещенный майяский ахау по имени 11 Шк'уш Теук (Коралловая Змея), который обосновался в городе 9 августа 106 года н. э. Город с веками разросся, а в двух советах доминировали дом Ауры (Поедатель Индеек) и Ласточкин Хвост. Приблизительно восемьдесят лет назад два этих великодома и их родня решили привести к власти собственных покровителей, в особенности Урагана, или Сморщенного Человека, и Коаталаткакаланако, клыкастую водную женщину, которую они величают Нефритовой Каргой. Община

Сотрясателя подчинилась давлению, ее членов заставили построить стену, которая перекрывает вид с теотиуаканской рыночной площади (где торговали амулетами) на пирамиду Сотрясателя, прежде возвышавшуюся над ней. Так что, вероятно, Кругопряды пожелают заключить со мной сделку, чтобы выбраться из неприятной ситуации. Увидим.

Никакой другой стратегии у меня нет. Должен признаться, мне приходила в голову мысль удрать и попытаться сыграть в Лорда Джима. Может, мне удалось бы утвердиться в какой-нибудь захолустной деревеньке и, сформировав из местных жителей отряд лучников, вернуться в Иш и захватить там власть. Но на это уйдет слишком много времени.

Еще я прикидываю, нет ли иного способа решить проблему с игрой и снадобьями. Не найдется ли какого другого девятичерепного складывателя поближе к Ишу? Мы бы изловили его и развязали ему язык.

Но когда я сказал об этом 2ДЧ, он ответил тремя резонными возражениями. Во-первых, любой солнцескладыватель из клана кошачьих предпочтет гибель пленению. Смерти они не боятся – они сами покончат с собой, если заподозрят неладное. Во-вторых, даже если ты схватишь кого-нибудь из них и приставишь к нему охрану, чтобы он ничего над собой не учинил, то все равно не сможешь заставить его рассказать тебе свои тайны. Существует миф, что никто не способен долго выдерживать искусную пытку, но это не совсем так. По крайней мере, здесь. 2ДЧ утверждал, что человек будет исходить криком от боли двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю двадцать лет подряд, но ты от него ничего не добьешься. И наконец, у местных складывателей есть лишь небольшое количество подготовленного снадобья. А 2ДЧ нужны рецепт и растения, из которых получают ингредиенты, – если удастся доставить их пригодными для посадки.

Между прочим, бакаб аргументированно доказал, что нереально украсть запас, имеющийся у Оцелотов. Как мы видели на радаре, система разветвляющихся пещер уходит в глубь горы за мулом Оцелота. В настоящее время в одной из них предположительно строят гробницу для 9 Клыкастого Колибри. Говорят, там живет колония кормильцев, которые почти не выходят наружу. Они сторожат снадобье. Даже если мы узнаем, где оно находится, они проглотят его и покончат с собой, а мы останемся с носом. Вы должны понять, что взятки в великодомах не работают. Эти люди понятия не имеют о коррупции.

Сорок лет назад Оцелоты убили последних из лучших солнцескладывателей других кланов. 2ДЧ – всего четырехчерепной, а он сейчас старший складыватель и ахау дома Гарпии. Его собственный восьмичерепной складыватель умер много лет назад, и сегодня единственный в Ише игрок, кидающий более четырех камней, – это Вихрь, который принадлежит Оцелотам. В данный момент все девятичерепные мастера за пределами Теотиуакана восходят к роду Ягуаров.

Связаны ли они обязательствами и насколько сговорчива госпожа Кох, пока неизвестно.

Еще, похоже, существует конфликт между складывателями и складывательницами. Рассказывают, что в старину женщин, знавших правила игры, было больше, чем мужчин, и кое-кто кастрировал себя, чтобы повысить свой уровень. Некоторые считают, что складывательницы играют аккуратнее, но их вытесняют мужчины. Группа госпожи Кох решает эту проблему, официально меняя пол. Считается, что у Кох и других складывательниц Сотрясателя даже есть жены или наложницы. Хотя, возможно, это непристойные слухи.

2ДЧ обещает: если я вернусь со снадобьем, он раздаст дозы главам ишианских родов, не принадлежащих дому Оцелотов, и заявит, что его, бакаба, умение готовить зелье свидетельствует о желании мифического основателя Иша Один Оцелота, чтобы именно Драгоценный Череп, а не 9КК правил городом. Это ослабит Оцелотов и обеспечит поддержку других великодомов. Когда они явно перейдут на его сторону, он отыщет подходящий предлог, чтобы отложить хипбольный матч. В идеальном случае другие кланы отстранят Оцелотов от власти и выберут 2ДЧ ахау. И тогда 2ДЧ, рассчитывающий прожить еще достаточно долго, покинет Иш, чтобы основать собственный город на востоке. Насколько нам

известно по археологическим данным, семья бакаба вполне могла оставаться у власти в другом городе еще не менее двухсот лет.

2ДЧ заверил меня, что если мне удастся привести Кох или другого девятичерепного игрока и узнать способ изготовления снадобья, он сделает так, что меня поместят в какую-нибудь непомеченную гробницу, надлежащим образом расположит магнетитовые камни, позаботится о всей необходимой химии и информации. Я, конечно, понимаю, что тут остается много вопросов. Насколько он искренен? Да, безусловно, придется все время быть настороже. Но пожалуй, могу сказать, что за время наших тайных совещаний мы с 2ДЧ, невзирая на недоразумения в прошлом, стали довольно близки. Мы понимали друг друга. Насколько мне известно, он мне ни разу еще не солгал.

Прилагаю пятьдесят шесть страниц, на которых изложено все, что мне удалось узнать об игре на настоящий момент. Вы увидите, что за короткий период до начала похода 2ДЧ научил меня множеству «новых» (для нас) правил и стратегий. Еще он натаскивал меня в вопросах этикета, а это, по его словам, позволит мне играть с любым майяским складывателем.

Вы, вероятно, будете спрашивать себя: все ли тайны игры открыл мне 2ДЧ? Что ж, я сам задаю себе этот вопрос. С одной стороны, я знаю об играх достаточно, чтобы сказать: даже обладая возможностью учиться у 2 Драгоценного Черепа десять лет, я считал бы большой удачей, если бы достиг уровня шестичерепного игрока. А это по сравнению с девятичерепным просто ничто. Я мог бы десятки лет провести за игровым полем, заглядывая в будущее не далее чем на один к'атун, я уж не говорю о восьмидесяти. Так что либо нужно заставить девятичерепного складывателя потрудиться, либо ОМОД придется быстро усовершенствовать, либо львиную долю работы за нас проделает наркотик. В противном случае нам крышка. Но вдруг 2ДЧ скрывает что-то? Не подстроил ли он проигрыш своего складывателя? Сам я так не думаю. Но как вам известно, я не мастак проникать в чужие души.

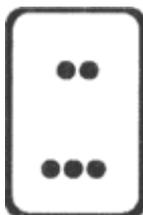
Повторюсь, 2ДЧ пообещал, что если эти записки вернутся из похода без меня, он похоронит их и другие материалы по игре жертвоприношения, какие только сможет найти, и выложит рисунок из магнетита максимально близко к оговоренной зоне. Я не испытываю большого оптимизма по поводу шансов 2ДЧ после хипбольного матча... и все же питаю некоторые надежды, что я вовремя доберусь до Теотиуакана, дабы приступить к следующей, надеюсь плодотворной, фазе нашей операции. Спасибо еще раз за вашу уверенность...

С наилучшими пожеланиями,

Дж. де Л.

См. приложение.

(43)

Водопады Накуитана назывались Шкараканатом – «Послеродовым Местом», потому что во время творения там была искалечена Земная Жаба, ее глаза стали колодцами, ручьями и пещерами, а вытекшая кровь превратилась в океан, в котором она умирает. 18 Мертвый Дождь сказал, что у нее рты на коленях, локтях, кистях и на многих других суставах, а любое извержение – это новый крик Земной Жабы, взывающий о новой плоти и крови, чтобы, несмотря на раны, она могла пожить еще. Он отдал местным жрецам-жертвоприносителям

одного из носильщиков, который плохо работал. Кровные сидели и ждали под навесом для путешественников, торгуясь с продавцами. Хун Шок подошел ко мне и присел рядом.

– Мы взяли восемнадцать двуногих черепах, – сказал он.

Понятно: мы приобрели рабов, которые, скорее всего, будут плохими носильщиками.

– Хорошо, – цокнул я.

По словам Хун Шока, это сделали не ради экономии. Профессиональных носильщиков слишком мало. Лучше загнать неопытных рабов, пока они не будут валиться с ног, а там продать их или оставить на дороге и купить новых на замену.

– Конечно, – цокнул я.

Вернее, я дважды цокнул «хорошо», что усиливало его до «конечно». До Озер Крыльев оставалось еще двести сорок миль почти строго на запад. Двигаясь по двадцать четыре часа в сутки, мы могли успеть туда до перекрытия границ. Но движение на дорогах становилось все более плотным.

Мы с Хун Шоком обменялись взглядами.

– Я говорю с Чакалом или 10 Сцинком? – спросил он.

Вопрос возник ни с того ни с сего, но Хун Шок умел заставить врасплох.

– Чакала нет, – ответил я. – Мое настоящее имя Джед де Ланда.

– Джед де Ланда? – Хун Шок произнес мое имя в точности как я. Он был охотником и постоянно учился подражать крикам животных.

– Да.

– Скажи мне, Джед, который равен мне, откуда же ты?

– Я из Иша, – сказал я.

– И из какого ты времени?

– Я из тринадцатого б'ак'туна.

– Думаю, 2 Драгоценный Череп, который над нами, не считает, что мы должны знать это.

– Не считает.

– Угу. – Наши глаза на миг встретились, и он снова устремил взгляд вдаль. – И как же там у вас?

– Ну, мы много чего знаем, – протянул я. – Люди столько всего построили. Города, которые больше Теотиуакана... В тринадцатом б'ак'туне мы не шли бы пешком, а скользили бы, словно в больших санях на круглых катках. Катки возят с собой, их не нужно постоянно заменять. Мы бы двигались гораздо быстрее, чем теперь.

– У-у-у. Значит, ты бывал в Городе Бритв прежде?

– Да, но от него остались лишь голые камни.

– И ты, который близко ко мне, знаешь, что находится к северо-западу от Теотиуакана?

– Да.

– И что?

Я рассказал, что там много разных территорий, потом океан, а потом новая земля по другую сторону света, круглого, как мяч. Причем люди и вещи, которые якобы снизу, не падают, потому что шар притягивает их, так же как один кусок магнетита притягивает другой. Еще я объяснил, что земля вращается вокруг солнца и оно на самом деле – огромный огненный шар.

– Но нулевая кожа тоже горит, – сказал он.

Да, отвечал я, земля в сердцевине раскалена.

– Это под Шиб'алб'ой? – не унимался Хун Шок.

– Никакой Шиб'алб'ы нет, – возразил я, чувствуя некоторое раздражение.

– Я знаю, что есть, – вскинулся он. – Я сам видел.

Ричард Халлибертон,⁶¹⁷ который изъездил мир вдоль и поперек, на вопрос, какая

---

⁶¹⁷ Ричард Халлибертон (1900–1939) – американский путешественник и писатель, вплавь добравшийся от Атлантического до Тихого океана по Панамскому каналу и заплативший за это минимальную за всю историю

страна самая красивая, отвечал: «Мексика». Люди недоумевали. Но хотя после Халлибертона ее здорово испоганили, для мексиканцев или их соседей такой ответ вовсе не удивителен. Многие утверждают, что старая дорога из Веракруса в Пуэблу – великолепнейший из маршрутов. Однако если ты вознамерился поставить рекорд скорости, то настроение у тебя совсем не туристическое. Мы шагали как заведенные и все время вверх.

Позади осталось множество безымянных городков, после четырехста пятидесяти пятого я потерял им счет. Представьте себе выражение «деревня за деревней» со стрелочкой сверху, означающей, что это продолжается бесконечно. В каждом местечке был свой маленький жалкий мул, окруженный кольцом хижин. Группки рахитичных детишек и шайки босяков пытались обогреть путников, казавшихся им беззащитными. Как-то раз ближе к вечеру мы трусили (вернее, трусили носильщики, а мы тряслись у них на спинах) между невысокими серыми холмами. Других караванов поблизости не наблюдалось. Вдруг я услышал птичьи крики. С севера приближалась странная стая – судя по гвалту, чайки, скворцы, вороны, козодой летели вместе, чего в природе не бывает. Но вот над головами у нас пронеслись несколько сотен алых макао – громадных жирнохвостых птиц красно-черно-бело-желтой расцветки. Они напоминали летящих шимпанзе в клоунских костюмах. Хун Шок, который шел в нескольких шагах передо мной, спрыгнул со спины своего носильщика, вышел из колонны, сложил руки у рта рупором и пропел им:

Ах йан, йан тепалоб' ах тен Иш тц'ам
Ах тен попоп у ме'еноб нохол...

Все вы макао, гордые птицы, летите в Иш, скажите тем,
Что в наших южных землях,
Скажите нашим дедам, скажите нашим детям,
Нашим братьям, нашим женщинам,
Пропойте в наших садах, в наших дворах,
Чтобы они терпеливо, храбро ждали нас,
Ждали нас, ждали нас, ждали нас, ждали нас, ждали нас...

Яркий, праздничный строй расширился, затем сомкнулся, и стая словно вывернулась наизнанку; птицы описали над нами полукруг, летя крыло к крылу. Создавалось впечатление, будто небесный свод распался на цветочные составляющие. Капли птичьего помета упали на землю передо мной. Одна попала на грудь Дерьма Броненосца. Что ж, именно для этого его и взяли. Птицы подхватили песню Хун Шока и ответили ему сотнями пронзительных, но вполне сносных подражаний, снова и снова вторя: т'у мен, т'у мен, ждали нас, ждали нас... Наконец их крики смолкли, и стая скрылась на юге.

Той ночью 12 Кайман снизил темп, чтобы мы могли размять ноги, не особо утруждая их. На манер бойскаутов, которые через каждые тридцать шагов меняют скорость движения, с той разницей, что мы делали это через десять тысяч шагов. У 31 Руки, где-то неподалеку от Кордовы, на горизонте появился Читлалтепетль – он был и остается крупнейшим вулканом Мексики. По-испански его окрестят Орисабой. А 12 Кайман назвал его «Там, Где Запаршивевший Прыгнул в Очаг». Над вершиной поднимался дымок, но я решил, что это облако. Насколько мне помнилось, вулкан извергался за две тысячи лет до нашего путешествия, а следующий раз ожидался лишь в 1687 году.

На дорогу упала тень, и на секунду мне показалось, что собирается гроза или нас накрыл пирокластический поток,⁶¹⁸ но тут я увидел голубей. Некоторые птицы спустились совсем низко, но мне не удавалось их классифицировать. Необычный, оловянный цвет

пошлину – тридцать шесть центов.

⁶¹⁸ Пирокластический поток – смесь пара, газа, пепла и камней, образующаяся при извержении вулкана.

оперения на грудках переходил в теплый, не имеющий названия оттенок красного. И наконец я понял: это странствующие голуби. Они одновременно изменили направление, и небо превратилось в лес, тополиный или осиновый, – когда на деревья налетает порыв ветра, листья поворачиваются серебристой нижней стороной, – а потом этот единый живой организм размером с континент устремился на запад в направлении Накананомакоба, к Озерам Крыльев. Час спустя отставшие птицы все еще пролетали мимо. Трудно было представить, что этот вид исчезнет с лица земли, но еще более маловероятным казался факт: настанет время, когда останется один-единственный голубь, который умрет в 12.30 1 сентября 1914 года.⁶¹⁹

В полдень мы неожиданно остановились у Топаканока, Холма Носа, причиной тому было табу направления. Лучше сказать «вектор». Если вы идете в определенную сторону, то вручаете заботы о себе конкретному божеству, обитающему в одной из гор, и вам приходится чтить его. В данном случае Хун Зотц, Один Вампир, живущий на западе, не желал, чтобы мы продолжали путь до наступления темноты. Мои спутники не говорили, в чем проблема, но у меня возникло ощущение, что Хун Зотц женского пола и у нее началась божественная течка. Причем ужасно не вовремя. Но не надо так уж расстраиваться, подумал я. Неважно, как далеко находится пункт назначения, важно то, что ты двигаешься к нему. Ешьте овсянку – и все будет в порядке.

В пятую из девяти частей ночи в атаку пошел Красный Жеватель. То есть случилось частичное лунное затмение. Считалось, что совиный глаз Жевателя видит в темноте. К тому же сей бессмертный питал благосклонность к Оцелотам. Поэтому мы немедленно разбили стоянку на заброшенной, поросшей сорняком пашне, у самой дороги. Вокруг слышались пронзительные крики, большинство из них доносилось издалека, но некоторые – ближе, чем нам хотелось бы: люди пытались прогнать наступающую тень. Раздавались и стариковские голоса, кудахтавшие на древней форме той непонятицы, что была здесь в ходу, и чужеземные языки путешественников и беженцев, разместившихся в Чоуле, а потом к хору присоединились собаки, домашние беличьи обезьянки, дикие коты – они лаяли, пищали и шипели. Я забрался на плечи Дерьма Броненосца и оглядел высокие травы. Город пребывал в упадке. Пятьдесят две ниши похожего на муравейник старого мула мерцали кострами кормильцев.

Ржавая тень легла на Море Паров.⁶²⁰ Раздался заунывный низкий звон – уши Чакала распознали его, это пели длинные тонкие мексиканские похоронные трубы. Он впервые слышал их в этом походе, и их плач вызвал у него инстинктивную дрожь. Восемьсот пятьдесят четыре года спустя ацтеки попытаются звуками этих труб отпугнуть Кортеса. Мул сверкал и курился, словно вулкан. Наконец красная тень Жевателя исчезла – точно по расписанию, о чем я был бы рад заранее сообщить своим легионерам, но старался особо не высовываться, – раздалось одобрительное шипение, которое, стихая, перешло в полифонический гимн, неустанно повторяемый в четырех-пяти версиях и лишенный ритма. Над вершиной угольно-красного мула засветилась Зайчиха и помедлила немного, словно решая, в какую сторону ей скатиться. Я уже не спал по-настоящему, просто дремал.

На рассвете вернулись разведчики и сказали, что в Там, Где Жила Бабушка (а это в районе Сан-Мартин-Тесмелукана) были беспорядки. Этот город лежал на нашем основном пути к озеру, поэтому мы решили направиться по ближайшей южной дороге к горному плато над Пасео-Кортес. Она, словно по гигантским стертým ступеням, шла по холмам, поднимаясь все выше. Мы миновали сотни акров недавно выжженных лесов, где то тут, то

---

⁶¹⁹ Гибель этого вида началась с приходом европейцев, мясо голубей было дешевой пищей на протяжении XIX века, что привело к массовому уничтожению этой птицы. Известно, что последний голубь умер 1 сентября 1914 года в Цинциннати, штат Огайо.

⁶²⁰ Море Паров – одно из лунных морей.

там торчали похожие на гигантские улы печи для обжига извести. Очень скоро перестали попадаться даже те немногие лиственные деревья, которые оставляли в религиозных целях. Склоны в этих местах поросли соснами и травой. Люди жили в домах из крупной гальки и выращивали черную мелкопочаточную кукурузу. Между валунами громоздились груды обсидиановых осколков. Обсидиан для Теотиуакана в ту эпоху был столь же важен, как сталь для Англии и Германии во время промышленной революции. В нем нуждался весь Древний мир, и, подобно стали, вулканическое стекло служило переносчиком некоего вируса милитаризации. Дороги вливались одна в другую и образовывали один главный волок. Повсюду ощущался запах кедра, но исходил он не от живых деревьев, а от бревен, которые доставляли сюда из лесов на северо-востоке. По ночам температура падала градусов до сорока. Что твое Заполярье, думал я. Наши собаки гоняли рябчиков, которые прятались в кустах можжевельника, и 2 Рука ловко убил куропатку, метнув в нее копье. Чтобы наказать его за нарушение порядка, 12 Кайман приказал отдать птицу одному из местных. Колено у меня выглядело получше, и я собрался бежать, но когда на горизонте появились пики гор, я, как и все остальные, выдохся и уселся на носильщика. Пусть пролетарии потрутся. Мне было не до классовой справедливости.

Под пиками я имею в виду Истаксиуатль и Попокатепетль – слева от нас, а вдалеке справа – Тлалок. По-ишиански они назывались 1 Дом Хунапху, 7 Дом Хунапху и Кипящий Чак. Большинство местных вулканов потухли еще в ледниковый период, разве что Попо демонстрировал кое-какую активность, может быть, из солидарности с Сан-Мартинем, и над его восточным склоном висела пыль. В общем-то, нам повезло – произошедшее извержение я определил как довольно слабое, около 1,5 по шкале вулканических извержений. В 1345, 1945 или 1996 году мы получили бы по полной программе.

Наш двадцатый день по выходу из Иша выдался солнечным, редкие облачка плыли на восток. В полдень мы перевалили самую высокую точку. Под нами в 4770 футах, если брать по вертикали, в мандорле между излучинами двух гор лежали Озера Крыльев – озеро Мехико. Отсюда было видно, какое оно широкое. При полном безветрии ни одна морщинка не портила его безусловно ровную поверхность. Вокруг водоема выстроились небольшие вулканы и холмы, прибрежные воды отливали светлой зеленью от тростника и ряски, но по мере удаления от кромки зеркальная гладь приобретала сияющий оттенок ртути. Я определил, что до противоположного берега около сорока миль. Сколько здесь деревень и причалов! В воде суетятся каноэ, степенно передвигаются баржи и гигантские круглые плоты.

Что ж, подумал я, по крайней мере, теперь мне ясно, почему это густонаселенное место носит имя Накананомакоб – Озера Крыльев. Многочисленные бах ха' и халах бах ха' – белые цапли и ибисы, полчища кука'об' – тигровых цапель – расхаживали кругами у берега, а чуть дальше, среди зелени, журавли бих ха вышагивали строгими рядами, словно замороженная наполеоновская пехота. Стая краснокрылых дроздов снялась и полетела крыло к крылу, издавая такой скрежет, будто двери всех сараев на Старом Среднем Западе открылись, скрипя ржавыми петлями, и в течение нескольких секунд были видны только клочки голубого неба между хичкоковских роев,⁶²¹ пока их коллективный разум не принял иное решение и стая снова не села. «Накананомакоб», – смаковал я. Νεφέλοχορξια. Nephelocossygia. Витание в облаках.⁶²²

Мы спустились, и нас окутал воздух долины высокогорного озера. Он имеет обычно максимальную – хотя и не очень большую – влажность, допустимую при данной

---

⁶²¹ Имеется в виду знаменитый фильм А. Хичкока «Птицы» (1963), в котором небольшой городок подвергается налету бесчисленных птичьих стай.

⁶²² Это понятие восходит к пьесе древнегреческого комедиографа Аристофана «Птицы» и предполагает обнаружение различных форм в облаках.

разреженности. Чрезвычайно урбанизированная местность, думал я, оглядывая окрестности. На островах, тех, что получше, не оставалось ни одного свободного пятачка земли, каждый из них – настоящий Мон-Сен-Мишель.⁶²³ Люди были вынуждены строить свои хижины на прибрежных камнях, на иловых наносах, иногда, казалось, прямо на воде. Если уж об этом зашла речь, то девяносто пять процентов Большого Теотиуакана, как и любого очень крупного города, занимали лачуги. 12 Кайман сказал, что многие из местных жителей существовали за счет благотворительности, зависели от различных кланов и членов всевозможных обществ милосердия. Самым крупным считалось благотворительное общество Сотрясателя. Его апологеты раздавали населению похожие на кренделя длинные плетеные булки из маниоки, которые покупались на гонорары прорицателей и пожертвования. Футах в двухстах над уровнем озера мы прошли изобару. Я услышал незнакомый звук. Кос, сокол-хохотун, налетел на стайку бирюзовых птах, те захлопали крыльями и улетели. Крики зеленых зимородков встревожили молодняка. Нырнул в озеро морской ястреб, минуту провел под водой, выпуская на поверхность пузыри, наконец появился без добычи. Пара халах поков, бразильских ябиру с черными головами, белыми туловищами и красными шейками, похожих на монахинь-доминиканок в платьях декольте, с беспечным видом пробирались через камыши, словно зная, что наказание за их убийство – смерть посредством ампутации члена. Вспархивали небольшие стайки инкских голубей и бесчисленное множество сизых. Тут было полно птиц, которых я никогда не видел даже на картинках, я говорю не о слетках и не о самцах в брачном оперении. Да на моем месте Дэвид Аллен Сибли⁶²⁴ умер бы от инфаркта. «Пожалуй, в список моих достижений орнитологические открытия не войдут, – пожалел я. – Национальная академия наук на это не купится».

Внизу кричала толпа – несмотря на напряженную обстановку, там устроили любительский матч. Парни катали большой деревянный мяч искривленными палками, похожими на клюшки. Мы прошли мимо играющих и зашагали вниз по склону холма сквозь толпу одетых в маски просителей. Они стояли у длинных петляющих пандусов. Многие держали корзинки с костями – они несли скелеты своих родителей, чтобы уложить их в старые склепы Вечного города, где они могли бы воссоединиться со священными основателями их родов. Но сколько же здесь птиц! Вы, наверное, считаете, что местные жители не знали, что такое голод, ведь можно было протянуть руку в любом направлении и выхватить обед прямо из воздуха. Предполагаете, что на каждую тысячу убитых пернатых тут приходилось вдесятеро больше подрастающего молодняка?

А ведь именно так думали люди, населяющие эти места. Мы миновали сотни мастерских под открытым небом. Они находились во двориках низких оштукатуренных складов, и из каждой трех два принадлежали птичникам. Птицеловы вываливали живых птиц из сетей, сворачивали им шеи и сортировали на кучки, счетовод, принимая товар, быстро завязывал узлы на веревке. Одна женщина потрошила и снимала кожу, другие ощипывали, мыли и сортировали. Это напоминало дофордовский конвейер, на котором каждый делал лишь несколько операций. Некоторые семейства специализировались на ощипывании охраняемых птиц живьем, и, проходя мимо, мы слышали, как в дантовских муках кричат цапли и чачалаки. Тысячи голых птиц во дворах клевали дохлую рыбу, отходы кукурузы и хлопали лишенными перьев крыльями, словно жертвы талидомида.⁶²⁵ Эта

---

⁶²³ Мон-Сен-Мишель, или гора Святого Михаила, – небольшой скалистый остров-крепость на северо-западном побережье Франции.

⁶²⁴ Дэвид Аллен Сибли (р. 1962) – американский орнитолог, автор каталога птиц, считающегося одним из наиболее полных.

⁶²⁵ Седативно-снотворное средство, которое в 1960-х годах назначали беременным женщинам, вызывало пороки развития конечностей и другие патологии у плода.

цивилизация основывалась на перьях, так же как Великобритания – на шерсти. И тем не менее мы доставили сюда пару салазок, набитых пером. Хотя расцветкой наши птицы отличались от здешних. Тут было много черного, белого, оттенков серого, коричневого, бронзового, голубого, розового и красного. Мы же привезли цвета облаков и леса, алый, лиловый, темно-синий, бирюзовый и золотисто-зеленый.

Приходилось пробираться сквозь толпы народу. Большинство я отнес бы к категории ма'ала ба'об (дословно: те, кто ниже твоих подошв). Хотя я изо всех сил пытался оставаться либералом, здесь в чести был расизм. Иногда за массой голов я мог видеть только мили рыболовных сетей, которые сушились на высоких вилкообразных шестах. Хун Шок шепнул мне, что 14 Раненый должен встретить нас по другую сторону озера. Они узнали о нашем прибытии всего четыре дня назад от наших же посыльных (у нас не было почтовых голубей, и хотя существовала система оповещения с помощью сигнальных костров, мы не хотели ее использовать), но успели подготовиться.

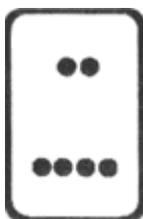
– 14 исполняет роль 7 Макао, – сказал Хун Шок. (Дескать, он задирает нос.)

Я цокнул и прищурился, вглядываясь вперед. Ряд приземистых церемониальных арок отделял дорогу от широкой белой дамбы, которая тянулась на две мили через некое подобие устья к основному водному потоку. Когда мы подошли поближе, оказалось, что на столбики перил насажены черепа. Черт, подумал я. Мы рядом с ними чистая невинность. Говоря «мы», я имею в виду майя. Ну да, у себя дома мы, случалось, вешали и знаменитостей, и негодяев. А здесь они, казалось, приканчивали каждого, кто не так на них посмотрел, и каждую голову берегли как драгоценность. Те, что торчали на кольях в западной части, до того разложились, что уже и на человеческие мало походили. До чего же местные ребята дурно воспитаны.

С помощью подарков и мелких подачек мы пробрались наконец к дамбам. На следующем полуострове местные бичи погрузили нас на два плота, каждый из которых управлялся сорока багорщиками. Они переправили нас на восток и север – в Тамоанатоваканак, Озерный Порт Теотиуакана. Мы миновали остров, который представлял собой гигантскую солеварню, где коротко стриженные рабы поднимали воду из озера с помощью приспособлений, похожих на колодезные журавли, и поливали лохани с белым кристаллическим веществом. Алый ибис смотрел на меня так, словно я знал больше, чем он. Тот,⁶²⁶ подумал я. Но какой ты здесь бог?

Вдоль берега была выстроена зелено-серая стена из тысяч срубленных деревьев, чтобы торчащие ветки препятствовали тем, кто нападет со стороны озера. Мы высадились у просвета в стене и, стараясь максимально сохранять достоинство (что не очень-то просто, когда тыходишь на берег), вошли в Вавилон.

(44)

Знаете, такие города, как Марракеш или Бенарес, кажутся очаровательными на экране телевизора, но когда вы своими глазами видите эту нищету и вдыхаете ее запахи, то начинаете мечтать об одном: поскорее вернуться в Тенафлай⁶²⁷ или иной оплот

---

⁶²⁶ Имеется в виду один из важнейших богов египетского пантеона. Тот обычно изображался с головой ибиса.

⁶²⁷ Тенафлай – город в штате Нью-Джерси, фактически часть Нью-Йорка.

цивилизации, короче, туда, откуда вы заявились. Тамоанатоваканак был похож на Бенарес, только без музыки филми.⁶²⁸ Не меньше восьми тысяч человек топтались на берегу, пытаясь выбраться отсюда. Я хотел рассмотреть, что находится за морем голов, и приказал носильщикам поднять меня. Мы стояли на открытой круглой площадке диаметром около тысячи рук, будто внутри померия.⁶²⁹ Сзади возвышалась береговая стена, впереди, на востоке, – высокий частокол, укрепленный ветхими сторожевыми башнями. Здесь царил атмосфера пересыльного пункта, создавалось впечатление загубленного парка, превращенного в «Рейганвиль», – кругом оборванцы разбивали палатки или шатры, устраивались под одеялами, под открытым небом, жались друг к другу. Отряды по двадцать копьеносцев Ласточкиного Хвоста протолкались сквозь толпу, отпугивая слишком агрессивных пилигримов хлыстами из пальмовых веревок. Каждую группу замыкал кровный, который нес тридцатифутовый шест с большим круглым перьевым щитом, прикрепленным на расстоянии рук пять от вершины. Рисунки на щитах различались – я понял, что это гербы отрядов. На конце каждого шеста висела выдубленная человеческая кожа. Она чуть колыхалась на ветру, словно влажное музейное знамя. Да, видно, бедолаги либо сунулись, куда не след, либо недотумкали чего-то.

В этом мире паспорт заменяла одежда, и отряд копьеносцев помог нам протолкаться через толпу плебса. Только для членов клуба, подумал я. Перед нами расступались. Я уже мог различать кланы и народности по их накидкам, головным уборам, чертам. Ко всему прочему, добавлялись оценки статуса из памяти Чакала, в основном негативные. Например: невысокие, покрытые пылью люди в оранжевых одеяниях типа сари – какаштлане, а высокие жилистые купологоловые (черт, я использую унижительные клички, что вполне отвечает здешним нравам, но в двадцать первом веке это плохо, плохо, плохо) с потрескавшейся от солнца кожей (на грани рака) – чанаку, протомиштеки с гор вокруг Земпоалтепетля. Вот рослые йашакане с крайнего севера долины – связанные веревками, словно рабы, все в свежих струпьях, они волокут за собой мешки с песком, которые примотаны к их щиколоткам в наказание за безнадежные долги. А группка маленьких, бледных, пугливых, почти голых дикарей с большими губными серьгами и стрижкой под горшок, для чего голову предварительно облепляли глиной, пришла с дальнего-дальнего юга, может – из Коста-Рики. Они продавали маленьких лягушек и насекомых, сделанных из кованого золота, что в этих краях было редкой новинкой. Гигант ростом чуть не в семь футов с признаками гипертелоризма⁶³⁰ пронес мимо нас на плечах сапотекского царька, обвешанного желтыми гремящими ракушками. К западному типу относились ташканоб'ы с Тихоокеанского побережья и представители племени, которое я не смог идентифицировать, рыбаки в шкурах угрей и ожерельях из акульих зубов. Четверо из них сидели у нарисованного на каменной набережной креста, разыгрывая простую азартную версию игры. Остальные окружили их и громко давали советы. Дурацкое занятие, подумал я. Разница между полной игрой жертвоприношения и этим жалким подражанием – как между бриджем и «иди поуди». Небо и земля. Хун Шок показал на высоких северян неотесанного вида, одетых в оленьи кожи. Эти бродяги годами кочевали по северным пустыням. Возможно, они явились (поверить в это было трудно, но исключить нельзя) из зарождающейся сельскохозяйственной империи, расположенной на берегах Огайо и Миссисипи. Кочевники торговали голубыми камнями, входившими в моду, – сказочно дорогой и еще неизвестной в майяских государствах бирюзой. Я услышал впереди крики, должно быть – там кого-то немилосердно избивали. Слева обосновался бродячий цинопочник – вроде независимого аукционера, – который

---

⁶²⁸ Филми – музыка, созданная специально для индийских кинофильмов.

⁶²⁹ Померий – граница, обозначавшая священные пределы древнего города Рима.

⁶³⁰ Гипертелоризм – ненормальное (увеличенное) расстояние между двумя парными органами.

продавал детей паломников, чтобы приманить их родителей. Он поднял над головой голенького четырехлетнего ребенка, показывая его собравшимся. Циновочник держал мальчишку за веревку, которой были связаны его руки и ноги, тот свесился головой вперед и запищал. Вот кровные в неприятной одежде и со сверхпретенциозными прическами – юкатекские майя. А парни с выписанными завитками на левых боках – колимане, пришедшие сюда, чтобы прикупить глиняных изделий взамен тех, что будут разбиты во время Тишины. Судя по всему (я еще не вполне сформулировал это для себя), считалось, что в любые вещи, имеющие душу, – а к таким причисляли практически все: оружие, инструменты, посуду – во время бдения может вселиться нечисть и потом нападать на владельцев. Я представил, как низкорослая хозяйка дома молотит руками в темноте, отбиваясь от злобного роя глиняной утвари. Исходя из этих соображений старье разбивали и обзаводились новыми мисками и плошками. Такая вот маркетинговая уловка, чтобы стимулировать продажи. Вместо планового старения, которое предполагало, что торговец каждый месяц должен предлагать новые модели, все упростилось до планового уничтожения.

Мы протолкались к частоколу. А ну разойдись, ВИПы идут. Однако проникнуть внутрь было непросто. Кровные из дома Ласточкиного Хвоста в самом полном оснащении мирного времени встали в три ряда, загораживая единственный ход в стене. В проеме сквозь пар, который поднимался от сотен парилен, виднелись террасы склона, сплошь застроенные складами с соломенными крышами и заваленные грудями окоренных и заостренных бревен. Меня уже грызла мысль, что мы, должно быть, проделали долгий путь впустую. Но тут я увидел, что выросший как из-под земли квинкункс⁶³¹ майяских воинов приветствует 12 Каймана и его спутников как самых долгожданных гостей. Хун Шок показал на одного кровного и сказал, что это знаменитый 14 Раненый, приемный племянник 2ДЧ.

Драгоценностей на нем было больше, чем требовалось для данного случая, а так – ничего особенного в нем я не заметил. Рост чуточку ниже, чем у среднего представителя майяской знати, да и лицо под носовой маской самое обыкновенное. Он являлся главой торговой миссии (назовем это так) Гарпии в Теотиуакане. На самом деле дела тут обстояли несколько сложнее, потому что Гарпии являлись частью международной федерации родов, связанных с Орлами, и 14 Раненый налаживал отношения со многими из них. Но самое главное – ему принадлежал обширный бизнес в долине, благодаря чему он, хотя и не являлся гражданином Теотиуакана (понятие довольно неопределенное), завел друзей в верхах.

14 Раненый стоял в центре между четырьмя приемными кровными – изгнанными со своих мест сельскими жителями Иша или беженцами, которые приходились родней клану ДЧ. Несмотря на майяские лица, в них чувствовалась некая чужеродность – накидки, ниспадающие складками, кожа, отливающая красным собачьим жиром. Они носили танасакобы, или танасаки, – подвески-гребешки, которые пирсингом прикреплялись к носовой перегородке и свисали до губ, будто викторианские усы, похожие на велосипедный руль, благообразные, но в то же время угрожающие. Из-за этих штукovin понять, какое у человека выражение лица, было совершенно невозможно. Прицепляли их не для красоты, а с определенной целью: считалось, что зубы показывать неуместно, ибо дурные, несущие паршу ветра рождаются во рту. Что, если подумать, не так уж далеко от истины. В общем, таким образом боролись с влиянием злых сил. Подвески являлись чем-то вроде амулета против дурного глаза, в данном случае – против дурного зуба. Если твоя танасака падала, то ты должен был прикрывать рот рукой, как хихикающая японская женщина.

С большим трудом мы сконцентрировали совместные усилия, так сказать, привлекли к делу наше групповое сознание и расчистили небольшое пространство в толпе.

Медоточивым голосом старого курильщика 14 Раненый пропел:

---

⁶³¹ Квинкункс – расположение предметов (в данном случае людей) по углам квадрата, с пятым элементом в центре.

Пожалуйста, позвольте нам попотчевать вас нашими лепешками.

Он не спешил открыть свое лицо под маской, а в глазах его появилось насмешливое выражение.

12 Кайман почтительно сказал:

Спасибо вашим владыкам, что приютили наших кровных.

Хун Шок развернул подарочную рогожку, и наш предводитель выложил сверток с лучшими высокогорными сигарами.

Мы исполнили маленький приветственный танец. 14 Раненый прикоснулся к своему плечу, уважительно здороваясь со мной, но не как с равным, а немного снисходительно, типа: «Привет, маленький брат». Он прежде уже принимал 12 Каймана и двух других кровных, но в Ише не был лет двадцать, и, к счастью, ни сам он, ни его домашние никогда не видели Чакала. Я поклонился ему как старшему. Сейчас не самый подходящий момент выяснять, чей иерархический статус выше. Тем временем к нам подтянулись носильщики и окружили нас, словно змеиными кольцами, – так веревка укладывается в ведро. 14 Раненый сообщил, что горит желанием разделить с нами чили и нам нужно поторопиться, поскольку Ласточкины Хвосты решили перекрыть дороги пораньше. Ну да, подумал я, чем еще мы занимались в последнее время? Прохлаждались, посасывая леденцы? Кретин.

Мы, будто отрабатывая приемы строевой подготовки, образовали типичную фигуру «встреча относительно важных персон» – полукруг из кровных с 12 Кайманом в центре. Три ряда слуг в порядке уменьшения их значимости присели на корточки за нами. Я стоял сбоку вторым после самого младшего, поскольку мне не надо было ни с кем вступать в переговоры.

Здесь всюду действовали тайные пружины. Без знакомств ты был никто. 14 Раненый уже договорился с Ласточкиными Хвостами. Они медленно расступились, пропустили наш караван и опять сомкнулись плечо к плечу. Казалось, что амеба обволакивает ротиферу. А ведь в обычные ворота могла бы просочиться какая-нибудь шушера. Теперь мы находились между частоколом и дорогой, уходящей приблизительно на тысячу рук вверх. Тут стояли высокие пирамидки из дров, на веревках висели хлопчатниковые накидки – мы словно оказались на общем заднем дворе захудалого лагеря жилых автоприцепов. Здесь было чуточку попросторнее, и нам удалось найти свободное пространство. Носильщики, тащившие на головах салазки, наконец распаковали и разобрали их. Особой радости при этом они не выказывали. «Я к цепи руку приучил». ⁶³² Несколько странноватых типов из теотиуаканского дома Журавлей (они напомнили мне налоговых инспекторов) просмотрели поклажу. 12 Кайман и старший от Журавлей отделили дар горе – плату за вход. Вокруг нашего багажа ходил счетовод, завязывая узлы типа «австрийский проводник» на длинной косматой веревке. Мы оставили оружие и несколько запрещенных предметов, например зеленую ткань, изделия из змеиной кожи, хипбольные принадлежности. Игры с большими мячами относились к разновидности военных действий или боевому искусству. Единственным разрешенным видом спорта с мячом было то подобие лакросса, которое мы недавно видели. Официально ставки на эту игру не делались. Я увидел, что Хун Шок и другие игроки повязывают ленты с бусинами на хипбольные мозоли на ногах и руках. Здесь профессиональная игра считалась занятием постыдным.

– Можно ли мне пронести дерьмо в моем желудке? – спросил 2 Рука у счетовода на языке нашего дома. – Или оставить его здесь?

---

⁶³² Строка из поэмы Байрона «Шильонский узник», перевод В. Жуковского.

Счетовод ответил, что не понимает.

– Дело в том, что я хочу его забрать, когда мы будем уходить.

Нам всем пришлось надеть темно-серые накидки, потом мы присобачили себе танасаки. Даже слуги обмотали рты тряпками – ни дать ни взять настоящие бандиты Старого Запада. В священную долину иначе не пускали. Мой гребешок изготовили специально для меня (носить чужой было нельзя), но он все же плохо мне подходил. Чертова штукавина. Самая неудобная из всех мужских украшений. Я видел четырехдюймовые клиторные колечки – они, вероятно, гораздо удобнее.

Хранитель масок бегал вокруг нас, словно парикмахер перед показом модных стрижек. Потом нашу исправность проверили слуги. Мы вынуждены были подчиняться. Вроде того, как лорд-гофмейстер говорит принцу Уэльскому, чтобы он прошелся в одну сторону, в другую, и тот слушается. Каждый из нас (даже рабы) принес маленькую клятву мира как на ишианском языке, так и на непонятном для большинства из нас теотиуаканском с его засильем агглютированных⁶³³ слов и странных скрипучих гласных. Клятва обязывала нас ни на кого не поднимать оружия, держать рты закрытыми и присутствовать при кормлении луны и солнца на рассвете. После этого каждому из нас велели бросить в костер какой-нибудь предмет одежды. Выяснилось, что для этого приготовители повязали по ленточке у нас на лодыжках. Вы, ребята, заработали свою прибавку к жалованью, подумал я. Я уже чуть было не начал копать в своей набедренной повязке. Потом нам пришлось переступить через сплетенные в веревку вьющиеся стебли утренней славы – здесь проходила граница уая, пересечь которую не могло ни одно недоброжелательно настроенное невидимое существо. Наконец кадилышки очистили каждого из нас дымом из гигантской трубы и дали по какой-то маленькой глиняной штукаvine.

Я посмотрел на сей атрибут со странным чувством: спасибо, мол, только на хрен он мне нужен, – то же самое испытывает выпускник Йеля, когда ему на прощальной церемонии вручают глиняную трубку и табак. У меня на ладони лежала только что вынутая из обжигательной печи удлиненная бирюлька из простой неглазурованной глины, с двумя отверстиями, или чашечками, или углублениями. Они были заполнены углем, измельченным вместе с камедью и приправленным для аромата алой лимонной мятой. Это была курительница для благовоний.

После церемониальных жестов прощания мы повернули на восток и направились вверх по широкой дороге. Озеро осталось у нас за спиной. Я обратил внимание, что к нам присоединились четверо высоких людей, одетых как прислужники Ласточкиного Хвоста. Это смотрители, подумал я. Шпионы. 12 Кайман говорил, что при нас будут цаскалаламанобы, «проводники» или «хозяева», которых мы не должны замечать, пока они сами не скажут чего-нибудь. Отлично. Будем делать вид, что это мальчики на побегушках. Ради своего же блага.

В Теотиуакане не много фортификационных сооружений (даже меньше, чем в большинстве мезоамериканских городов) – несколько невысоких стен и укрепленных постов. У меня создалось впечатление, что город долгое время считался неуязвимым благодаря одной своей репутации. В последнее время здесь стали строить переносные деревянные баррикады – засеки, как сказали бы кавалеристы прежних дней. К очищенным от коры стволам привязывали на расстоянии нескольких рук по три коротких заостренных кола, и получалось нечто похожее на треногу. Мы миновали четыре группы рабов, тащивших эти заградительные сооружения к дороге, которую завтра перекроют. Были тут и свежeweкопанные сухие рвы с торчащими кольями – мы перешли через них по подвесным мосткам. Один из них выглядел таким шатким, что я слез с носильщика и перешел по нему самостоятельно. 12 Кайман недовольно посмотрел на меня своими глубоко посаженными

---

⁶³³ Агглютинация – образование грамматических форм присоединением к корню или основе слова аффиксов.

глазами, но все хорошо в меру. Я опять сел на своего жеребца в человеческом обличе.

Вспорхнули птицы. Игроки в лакросс умерили пыл и затихли. Зарокотал гром. Нет, догадался я, это барабанный бой; били в большие каменные водные барабаны, и звук, который они издавали, был столь же гулким, как у литавр, раздражавшихся грозowymi раскатами, а потом надолго смолкавших, и таким же торжественным: бом-бом-бом-бом-бом, бом... бом-бом-бом-бом-бом, бом-бом-бом... бом-бом-бом-бом-бом. Я вдруг понял, что отбивают сегодняшние числа – Вак, Кими, Канлахун Сип, 6 Умирания, 14 Оленя, снова и снова – уникальный ряд, который никогда не будет повторен: 6... 14... 9... 11... 11... 12... 6... бом-бом-бом-бом, бом-бом-бом-бом... бом-бом-бом-бом... бом-бом-бом-бом-бом-бом... Полуденная молитва на манер ангелуса.⁶³⁴ Наш отряд замедлил ход и остановился. Подали знак «спешиться». Черт. Отсюда придется идти пешком. В священном городе ездить на носильщиках запрещалось. Более того, ты не имел права садиться на чью-то спину, если только не был инвалидом.

Караваны стояли. Все смотрели вперед – на северо-восток. Птицы уселись на свои места. Сретение состоялось. Теперь сильный гром доносился из-за хребта перед нами, из священного города. Барабаны отвечали с других берегов озера, их рокот на полудара опережал эхо. Не уппусти момент. Рок в Касбахе.⁶³⁵ Грохот заполнил долины, и весь мир, казалось, сжался. Бой подхватили малые домашние барабаны, менее умелые голоса, и все понеслось в невероятном всемирном крещендо, словно в хор вступили все ударники, изготовленные «Людвигом».⁶³⁶ Факельщики проходили мимо с головешками, и один из них возжег мою курильницу. Он прошептал, что у него свежий огонь с мула Урагана. «Должен ли я его отблагодарить?» – недоумевал я, но он уже исчез. Ах, этот аромат чистой смолы. Она пахнет свежестью. Ой-ой. Обжег большой палец. Черт. Я перевернул глиняную штуквину и поднял чуть выше головы, чтобы дым, не попадая в легкие, шел к небесам. По обе стороны от нас женщины, дети, нетвердо стоящие на ногах старики толпились на крышах складов, держа свои кадилыницы. Все вышли на церемонию поклонения солнцу, которая неизменно проводилась на рассвете и в полдень. А когда разверзались хляби небесные, ты смиренно выражал благодарность треклятому дождю (причем усиленно). Даже столетние старцы и полные паралитики не имели права отказаться от участия в священнодействии. Если тебя не могли выволочь за дверь, то вешали на месте. Так что дышать свежим воздухом тут вмнялось в обязанность.

Бой барабанов стих, на смену ему пришли песнопения – низкие горловые завывания на языке, в котором, казалось, было меньше согласных, чем в гавайском. Я тоже приборматовал под гребешком, прикрывавшим мой рот. Позднее я понял, что никто в точности не знал смысла этих слов. Может, все тоже лепетали что-то невнятное. Як ленюсь... дверь нести мой ему флагу.⁶³⁷ Не обращайтесь на меня внимания, я всего лишь одна из овечек.

Песнопения стихли. Как и все вокруг, я подобрал немного песка с земли и затушил кадилыницу. Мы поднялись по последнему лестничному пролету, прошли под церемониальной аркой, похожей на карамон,⁶³⁸ и через вершину кольца... Воздух здесь

---

⁶³⁴ Ангелус – католическая молитва, читаемая трижды в день. Колокольный звон, сопровождающий молитву в монастырях и храмах, также называется ангелусом.

⁶³⁵ «Rock the Casbah» – название выпущенной в 1982 году песни ансамбля «Clash».

⁶³⁶ «Людвиг драмс» – американская компания, специализирующаяся на производстве ударных инструментов.

⁶³⁷ Джед коверкает американскую клятву верности флагу: «Я клянусь в верности моему флагу...» и т. д.

⁶³⁸ Карамон, или каркадо, – название арки в японской архитектуре.

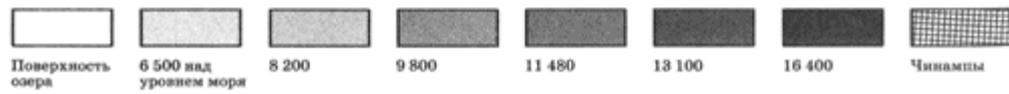
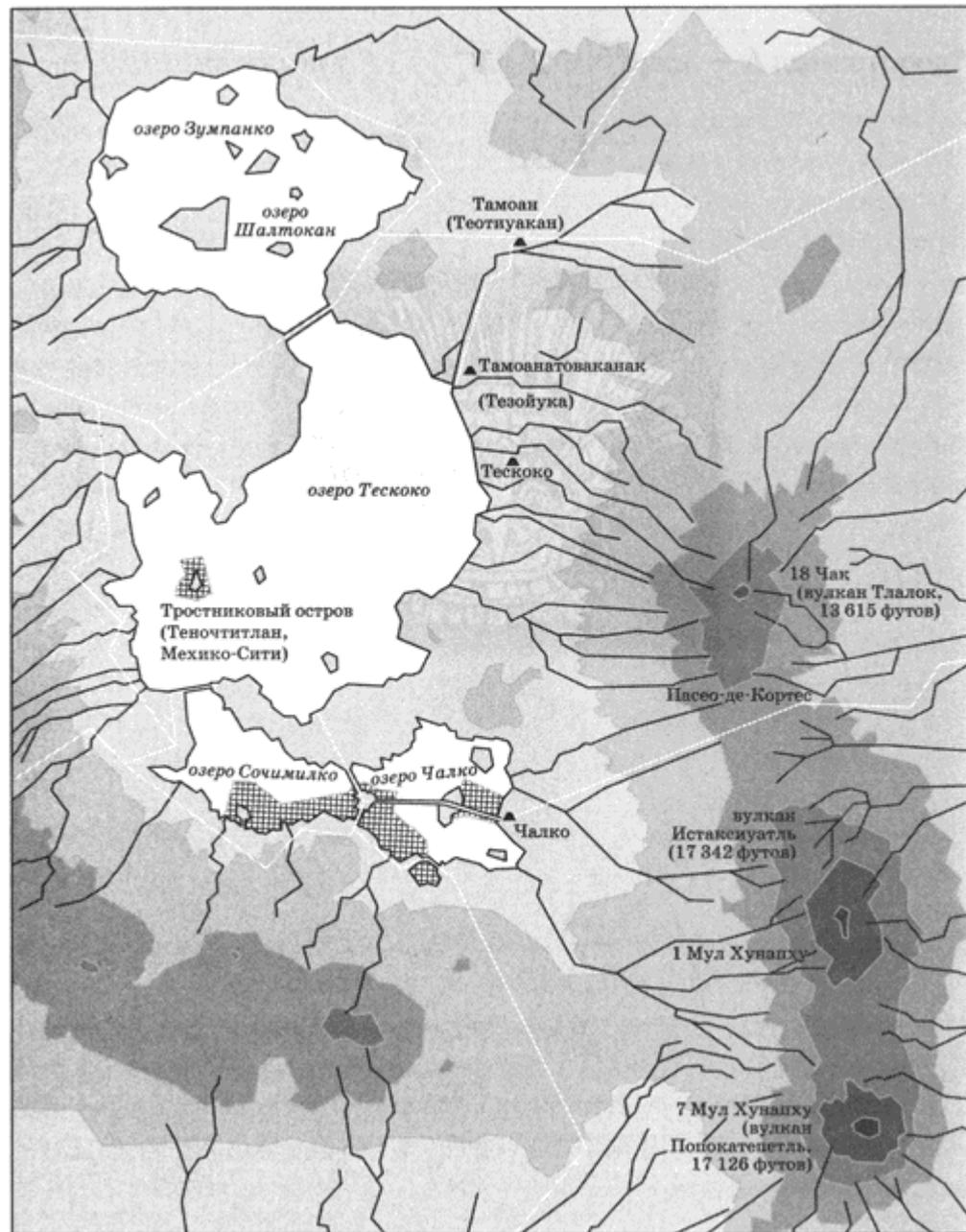
дышал прохладой.

– Б'аш ка мулак т'еен? – спросил 2 Рука. – А где же город?

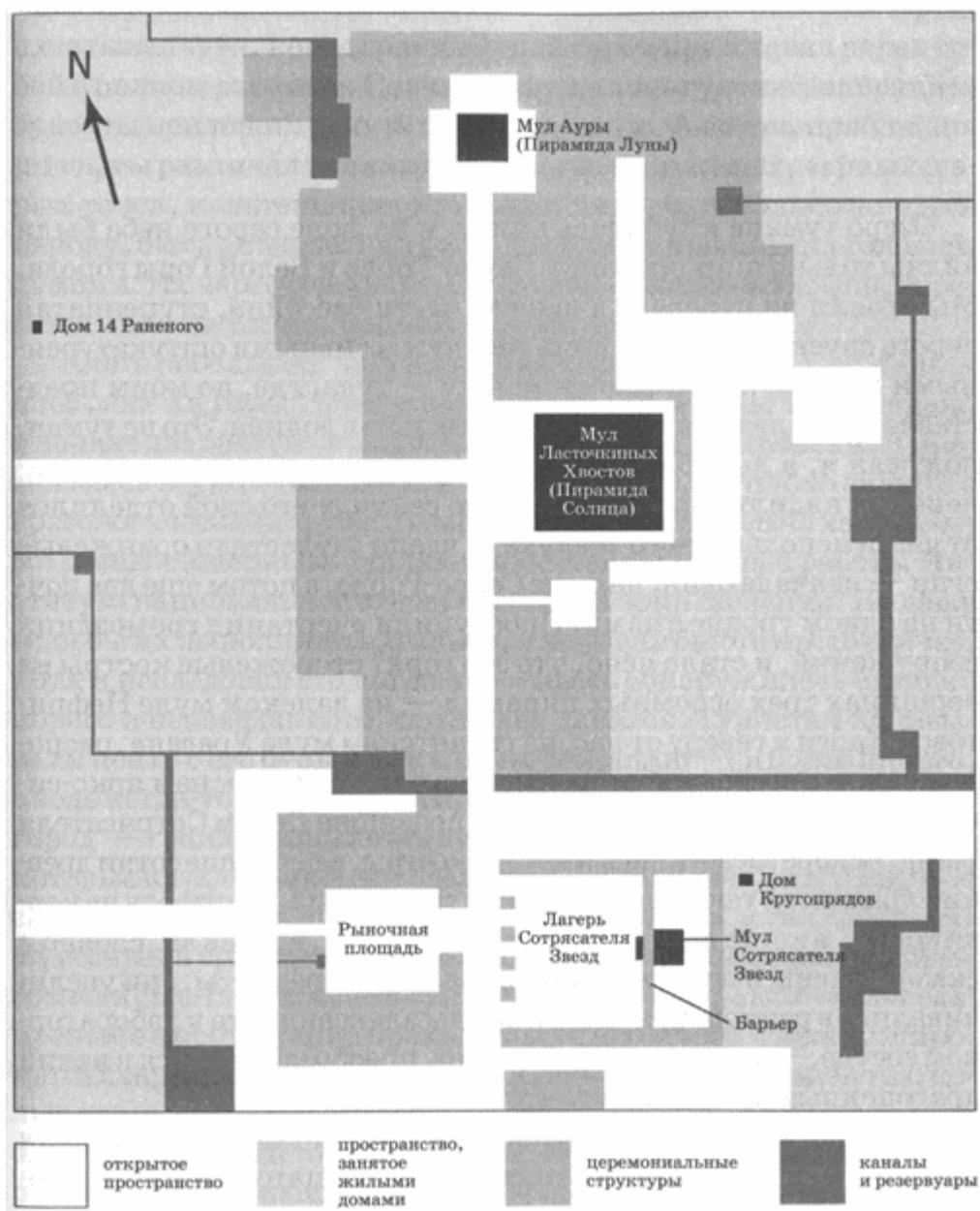
Часть третья ГОРОД БРИТВ

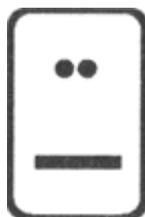
Озера Крыльев

Зоны Теотиуакана в 664 году н. э.

(45)

Озеро тумана клубилось внизу, и на фоне серого неба были видны только широкие пики Серро-Гордо и Белой Горы города. Мы стояли на перевале в южной части бассейна, ступенчатая дорога спускалась перед нами между массивными оштукатуренными домами по длинному склону – туда, где, по моим представлениям, лежала ровная аллювиальная долина. Это не туман, подумал я, а дым благовоний из нескольких сотен тысяч маленьких кадильниц. В последнюю секунду его слой отделился от чаши неподвижного воздуха, и вдали заблестели оранжевые огни – сначала один, на фоне Серро-Гордо, а потом еще два почти на

одном уровне с нами. Проступили очертания громоздких сооружений, и стало ясно, что это горят сторожевые костры на вершинах трех огромных пирамид – на далеком муле Нефритовой Карги к северу от нас, на гигантском муле Урагана, расположенном с восточной стороны, и на ближайшем к нам ярко-синем муле поменьше, который был посвящен Детям Сотрясателя Звезд. Вскоре засветились и другие костры, венчавшие сотни древних храмов, не таких высоких, как три первых, но отнюдь не карликовых, а когда дым поднялся и рассеялся, возникли, словно в сказке, очень, очень, очень материальные предметы, они увеличивались в размерах, как кристаллы александрита в лабораторном сосуде, – молекулярный скелет, преобразующийся в некий драгоценный убор для гигантов.

Я увидел его впервые в руинах тысяча триста пятьдесят один год спустя, и меня, горожанина конца двадцатого века, человека, для которого не были в новинку самолеты и небоскребы, это зрелище потрясло. Мезоамериканец же восьмого века не сомневался, что Теотиуакан – рай земной и равных ему нет и не будет, ибо он построен богами еще до появления людей, а его нынешние правители – потомки этих богов, и они восседают, недостижимые, в центре двадцати трех раковин Вселенной. Нет слов в английском, испанском, чоланском, клингонском⁶³⁹ или каких-либо других языках, чтобы передать священный трепет, который охватывал тебя, когда грандиозный город предстал перед тобой в полном расцвете. Сначала ощущались гудение, вибрация, будто ты приложил руку к пчелиному улью. А потом, приблизившись, ты различал великое множество оранжевых, черных, серых точек, мельтешащих на каждой террасе. Сколько же здесь народу, быть не может! Для всех не хватит крыши над головой, думал я. Их чересчур много для обычного населения. Они, вероятно, спят на улице, причем друг на друге.

Лишь небольшая часть сооружений сохранилась до наших дней, как и в Ише. Но в отличие от него развалины Теотиуакана в начале двадцатого века раскопали и отреставрировали. Я провел здесь несколько недель в 1999 году и был неплохо знаком с археологической картой. Теперь я понимал, насколько халтурными и недостоверными являются реставрационные работы Института национальной этнографии и истории Мексики. Но даже если бы их выполнили идеально, я не узнал бы это место сейчас, хотя и исследовал его когда-то, – здесь обнаружилось столько нового и неизведанного, что я диву давался. Туристам показывали центр с его бурым каменным теокалли⁶⁴⁰ – и более ничего, а ведь когда-то вокруг простирался многолюдный и неоглядный город – грандиозная конструкция из взаимосвязанных ульев, которые казались единым зданием. Они заповили долину и ее склоны, включая Серро-Гордо. Передо мной предстал ландшафт агрессивной архитектуры, такая обычно ассоциируется с Гонконгом или Лас-Вегасом, а не с Древним миром. Практически незаметные с высоты узкие проходы были проложены между широкими кварталами, где обычно селились обширные семейства, целые кланы, и отсюда мне сперва померещилось, что я смотрю на ближневосточный город – во всяком случае, с постройками Старого Света вы не нашли бы много общего. Если бы не такие мелочи, как цвет и стиль, иллюзия сохранялась бы дольше. Как в Манхэттене, главная ось планировки чуть уклонялась на восток от севера, в данном случае на 15,25 градуса – на Кохаб.⁶⁴¹ Прямо от нас уходила вдаль длинная прямая цепочка углубленных площадок и широких стен, предназначенных для зрителей. Впоследствии ацтеки назовут ее Улицей Мертвых. Но, даже судя по тому, что мы видели в двадцать первом столетии, это была не улица и не церемониальная дорога, а скорее ряд взаимосвязанных площадей, оштетинившихся башнями, о которых во время реставрации не имели ни малейшего представления. Теперь перед моим восхищенным

---

⁶³⁹ Клингоны – вымышленная гуманоидная цивилизация из «Звездного пути».

⁶⁴⁰ Теокалли – разновидность мезоамериканской пирамиды с храмом наверху.

⁶⁴¹ Кохаб – бета Малой Медведицы.

взором красовались черно-красный мул Урагана, черно-белый мул Нефритовой Карги, черный и лазурный мул Сотрясателя. Первая пирамида, громада из громад, могла поспорить масштабом с окружающими холмами. Для людей ли ее строили? Казалось, положи стальной шар на землю, и он покатится к этой махине. Обескураживающая весомость массивного храма не допускала инакомыслия. Да и кто мог взбунтоваться против вечной твердыни? Огонь непрерывно горел здесь сорок четыре года со времени последнего разрыва в цикле, правда, через одиннадцать солнц его погасили, чтобы не рассердить Проказника, Черного Жевателя. По окончании затмения его снова зажгли – от солнечного луча.

Мул Нефритовой Карги (гораздо позднее он будет называться пирамидой Луны) возвышался в конце этой гигантской улицы. Он находился слишком далеко, чтобы ясно видеть его за дымом и паром. Вокруг него суетилась какая-то живность. Птицы? Или у меня в глазах мелькает? Третий великий мул, поражавший грозной мощью своей архитектуры, единственное синее здание в городе, дом общины Сотрясателя Звезд, стоял на своем месте – на юго-восточном окончании главной оси, словно ладья, занявшая позицию на королевской вертикали. Он проигрывал в размерах своим предшественникам, однако внушал не меньше трепета. Его замысловатая отделка была восхитительна – она могла дать фору реконструированному варианту, который спустя столетия обнажит более ранний фасад. Мул воплощал южно-майяский дух, о чем свидетельствовали украшавшие его сплетенные змеи, и при этом геометризованные формы отсылали вас то ли к кубизму, то ли к мексиканскому стилю, бог знает отчего храм одновременно вписывался и не вписывался в окружение – еще одна добавка асимметрии, очередной диссонанс.

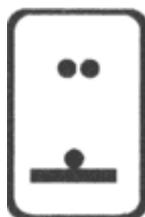
В центре основной оси на большой площади перед мулом Урагана находился четвертый элемент. Его не было на чипе Чакала. 2ДЧ не говорил о нем, и в археологических реконструкциях он тоже отсутствовал. Как же они могли его упустить? Черт побери, он такой большой – почти отвесный конус торчал, словно зеленый палец, чуть ли не достигая высоты мула. Я пригляделся. Оказалось, это некое подобие открытой пагоды с тринадцатью этажами или платформами, разнесенными приблизительно на пять рук. По ней, как муравьи, ползали обнаженные люди. Серые полосы покрывали их тела. Рабы. Я решил, что сооружение, очевидно сделанное из тростника и дерева, и есть шканакатл, тот костер тщеславия, о котором говорил 12 Кайман. Его завершат и начнут подношениями к наступлению темноты, и когда кормильцы спустятся с Жевателя, оно загорится новым огнем второго рассвета.

Мул Нефритовой Карги выходит на основную ось – стоит там, как генерал на параде, а вот мул Урагана смотрит в пустоту. По другую сторону главной улицы расположена площадь среднего размера, чтобы как-то уравновесить массивное здание. Но она слишком мала, и выпуклая громада одна-одинешенька взирает на запад, отчего возникает чувство одиночества и утраты. А вкупе с ними – недоумение. К примеру, вы видите классическую статую атлета с поднятой рукой. Но она отломана у плеча, и вы не знаете, то ли он приветствует кого-то, то ли бросает копье, то ли замахивается мечом. Или вы слышите повторяющуюся музыкальную фразу без концовки, и это так вас достает, что вы сами сочиняете продолжение и начинаете мурлыкать его себе под нос. В общем, великий город замер в странном ожидании... или предвкушении. Что-то должно было случиться. Наверное, то же испытывала мисс Хэвишем⁶⁴² – вот, мол, накрывается пышный стол для важного гостя, визитера из большого мира, и он вот-вот заявится.

(46)

---

⁶⁴² Мисс Хэвишем – персонаж романа Ч. Диккенса «Большие надежды».

Наши носильщики застыли в нерешительности. Мой забормотал короткую молитву-оберег на деревенском диалекте: «Пращурь, не дайте мне пропасть», но 12 Кайман поторопил их, и мы двинулись вперед и вниз. С подвески-гребешка у меня капало, носовая перегородка побаливала. Ступенчатый спуск не петлял, как дороги в Старом Свете. С непривычки я несколько раз спотыкался и чуть не свалился. Нас обволакивали запахи вывешенного на солнце чили, варящейся кукурузы, сжигаемых фекалий и землистый дух недавно расколотых глыб кремня и обсидиана. Из кварталов, где располагались мастерские по обработке камня, доносились непрерывный треск и шуршание, словно там обосновались тысячи жуков-щелкунов и загадочных цикад. Белолицый регистратор из дома Ауры подошел к нам, попросил назвать имена, положение, общее количество людей и зафиксировал все это узлами на клубке веревок наподобие инкских кипу.⁶⁴³

Мы перестроились. В нашей группе осталось только двадцать человек. Это показалось мне нехорошим знаком. Отряд снова двинулся вниз. Когда мы поравнялись с вершиной мула Урагана, его углы приподнялись, разные уровни в какой-то логической прогрессии то возникали в поле зрения, то исчезали, в необъяснимом ритме танцевали крутые скаты, пологие террасы, отвесные плоскости.

Наконец мы спустились в долину и приблизительно в полумиле от района теокалли свернули на запад с торговой дороги на другую, которую я назвал бы пешеходной улицей. Она была битком забита, и люди 14 Раненого шли впереди нашей колонны, размахивая бичами – прогоняя с пути всякий сброд. «Дорогу, дорогу преподобному отцу полковнику».⁶⁴⁴ Мы неторопливо миновали ряд дверей. Их недавно укрепили с помощью камней и обвязали веревками. Гм. Здесь что, ждут беспорядков? Слишком много моряков в городе?

Горожане расступались перед нами. Они смотрели на нас не с враждебностью, а с откровенным любопытством, и я слегка забеспокоился. Может, дело в раскраске? Майя размалевывали лица только в определенных случаях. Теотиуакане же не выходили из дома без «макияжа». Кроме того, лицевая раскраска была здесь агрессивно-абстрактной. Темные полосы, словно маска-домино, скрывали индивидуальные черты, делая всех похожими друг на друга, если только не считать точек принадлежности к клану, но я этих символов не знал. У некоторых краска кое-как маскировала язвы и гнойники, и вообще у многих был нездоровый вид. Все время кто-нибудь кашлял или отхаркивался. Тут у них туберкулезная палочка, подумал я. Нездоровые условия. Должно быть, много паразитарных инфекций, наверняка есть неклассифицированные болезни... ну да, нам только этого не хватало.

Мы протиснулись вперед. Толпа стала плотнее. Мне совершенно не нравилось это место, а я и без того испытывал тысяч десять неприятных ощущений. «Отчего я нервничаю?» – недоумевал я. Здесь не так грязно, напротив, в городе царит этакая синтоистская чистота. Не видно всяких подозрительных личностей. Да что говорить, люди, мимо которых мы проходили, вполне могли сойти за представителей среднего класса. В майяском городе вы бы наверняка такого не увидели. В Ише ты был всем или ничем. Я предположил, что на психику давят стены – их здесь натирали углем, и оттого они сами становились похожими на свежий уголь, матово-черный с проблесками. Странное чувство

---

⁶⁴³ Кипу – древняя инкская система письма и счета, представлявшая собой веревочные сплетения и узелки.

⁶⁴⁴ Фраза из 15-й главы «Кандида» Вольтера.

возникает, когда оказываешься в таком мрачном городе. Правда, траур разбавляли цветные пятна: дорожки, мощенные красным камнем, верхние окна, занавешенные яркими тканями, свисающие с крыш нити ракушек и зеленая листва, которая придавала Теотиуакану сходство с висячими садами Вавилона... Меня настораживало и отсутствие надписей. Ни знаков, ни глифов на камнях, ни тебе рекламных щитов – ничего. Вообще-то 12 Кайман рассказывал, что у этого языка нет письменности. Может быть, она дана нам в наказание как некое избыточное роскошество? Так или иначе, кроме нескольких счетоводов, научившихся письму у приглашенных майяских писцов, теотиуакане не знали грамоты. Но при этом они неплохо наладили управление государством.

Мы свернули на север в еще более темную улочку.

«Зачем нам нужно быть в белом квартале – на черной стороне?» – спрашивал я себя. Наверняка красная лучше. И почему, черт их дери, черная половина города называется белой? Типа как в США – «красными штатами» окрестили вовсе и не красные, а антикоммунистические штаты. Просто чтобы запутать ситуацию.

Каждая семья в городе принадлежала к одной из двух общин. Аура, белая община мира, жила в основном на западе от основной оси – на черной стороне. Существовали сотни крупных белых родов, но самым главным считался род Утренней Славы. Патриарх его 40 Агути, по словам 2ДЧ, являлся приемным отцом госпожи Кох и главой Белого синода. Его еще называли Мироначалник. Красную общину (Ласточкины Хвосты) традиционно возглавлял клан Пумы. Главой рода, Военачальником, был некто со странным именем Навозный Локон. Традиционно коалиция Ауры ведала сельскими работами, распределением воды, культовыми обрядами, торговлей и большинством ремесел. Ласточкины Хвосты занимались войной, а также оружейными ремеслами и международной торговлей. Вы, наверное, решили, что такое разделение – прямой путь к вражде. Но поскольку браки между родственниками внутри общин запрещались (то есть женщины Ауры выходили замуж за мужчин из ветви Ласточкиного Хвоста, и наоборот), две эти группы были тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. На протяжении веков между ними сохранялось равновесие. Во многом благодаря социалистической этике. Вождей кланов почитали лишь в собственной семье, и городом правил не один человек, а два совета, составленные из глав сотни (или около того) основных родов каждой общины.

Мы снова повернули за угол. Узенькая улочка была забита людьми, которым приходилось отступать, чтобы дать нам дорогу. Мы прошли еще немного и наконец остановились. Посыльный 14-го побежал вверх по крутой лестнице. Мы последовали за ним в темноте, но на высоте второго этажа в дом проникли солнечные лучи.

Наша группа поднялась приблизительно на уровень мула Урагана, откуда хорошо просматривался белый квартал. Плоские террасированные крыши уходили вдаль во все стороны, однообразие нарушали цветы и фруктовые деревья – они росли на клумбах, выложенных из лавового пепла и ночных нечистот. Перья пара из парилен взмывали по невидимым отдушинам и быстро растворялись в сухом воздухе. Я заметил несколько трехэтажных сооружений, но большинство построек были одинаковой высоты, и по мосткам люди переходили с одного дома на другой, как это делают в пуэбло или в старых кварталах мусульманской Африки. Носильщики, идущие за нами, подняли тюки. Я передал вперед сигнал готовности, и мы двинулись дальше по рахитичным деревянным мостикам, ориентируясь на север. Хун Шок указал на ряд больших укрытых горшков по краям крыши и сказал, что их наполняют водой на случай пожара. Наконец мы добрались до крыши торгового дома Гарпии. Он примыкал к зданиям, где обосновались майяские семьи птичьего клана из равнинных городов. На улице раздался шум. Похоже, там кого-то били. Феллатор 14-го подошел к краю крыши и громко спросил, что там происходит. Возня стихла, один голос прокричал снизу свое объяснение, второй, перебивая его, – совсем другое. Черт, подумал я, у нас нет времени на всякие глупости. Я протолкался к 12 Кайману.

– Давай отправим посыльного к госпоже Кох, – сказал я на языке дома Гарпии.

– Мы должны сначала укрыться, – ответил он, имея в виду: зайти под крышу. И

прибавил, что не годится оставлять наше добро там, где его могут увидеть случайные люди.

Это верно, подумал я. На другие крыши уже вылезли зеваки, которым не терпелось полюбоваться на уличную сцену. Я цокнул: «Хорошо».

Встав в строй, я принялся раскачиваться взад-вперед.

Вернулся 14 Раненый и объяснил, в чем дело. Там, внизу, прислужники синода Утренней Славы (боевики наподобие талибов) убивали женщину за то, что с ней случился приступ чихания во время полуденного бдения.

12 Кайман приказал нам не выходить на улицу и предупредил, что войти внутрь через обычную дверь не удастся. Мы по трапу спустились в небольшой внутренний двор. Он представлял собой пустую (если не считать алтарного столика в центре) квадратную площадку со стороной около тридцати рук; по углам стояли большие деревянные пращурсы, а в каждой стене было по двери. Мы инстинктивно выстроились вдоль восточной стены – ведь мы пришли с той стороны, а группа 14-го – вдоль западной. Поглазеть на нас собралось человек пятьдесят – все обитатели дома. Последовала неловкая пауза. Прежде чем войти в жилище, нужно просить разрешения, а мы уже были внутри. Тем не менее 12 Кайман подал знак ногой, и мы достали сигары и приступили к церемонии приветствия. Я заметил, что 14 Раненый и его люди постоянно косились на меня. Насколько я знал, кто-то из них видел Чакала в игре. Но ведь я теперь совсем на него не похож! Наверное, просто выгляжу необычно. Я отдавал себе отчет в том, что у меня появилась определенная харизма и мои физические возможности теперь гораздо лучше, чем у Джеда. Чакал считался выдающимся игроком в хипбол, и хотя я вел себя сдержанно и старался, как говорится, не делать резких движений, тренированные мышцы все равно не слушались приказа. Точно так же, встречая бейсболиста из первой двадцатки, ты сразу понимаешь, что он отличается от остальных. Я вдруг ощутил себя актером, впервые выходящим на сцену. 2 Драгоценный Череп готовил меня к разным ситуациям в доме 14-го, учил, как вести себя в Теотиуакане (склоняться перед одними и попирать других), показывал, где я должен сидеть относительно 12 Каймана, очага, моих собственных слуг, объяснял, при каких словах следует поднимать глаза, при каких – смотреть в землю, и так далее, и тому подобное. Но при этом мое положение в группе все еще оставалось неясным, что затрудняло жизнь всем. Здесь можно было нанести кому-нибудь оскорбление, всего-навсего взглянув не в ту сторону. «Осторожнее, – предупредил я себя. – Не нервничай, будь внимательнее». Хун Шок подошел поближе и загородил меня от остальных так, что они не могли видеть выражение моего лица. Я ободрился, почувствовав поддержку. Спасибо, подумал я. Ты хороший парень.

14 Раненый подвел нас к большой деревянной фигуре в юго-восточном углу, которая изображала уродливую, коренастую, почти голую сидящую женщину, чуть меньше реального размера, но не прародительницу, как я подумал поначалу, а скорее Нефритовую Каргу. 14 и его помощник подняли статую за выступы на плечах и коленях. Поднялась только передняя половина. Истуканша раскрылась, как двустворчатый моллюск, и перед нами предстала ее внутренняя полость и половинки скрещенных ног вплоть до икр. Стопы и задняя часть остались на каменном основании. Статую заполняли маленькие разрисованные глиняные куколочки – штук шестьдесят. Они были не только в чреве, но и в пустотах внутри рук – повсюду. Я догадался, что они олицетворяют многочисленную родню 14-го. Может быть, ту же идею воплощают и матрешки. Подошел помощник с подносом, на котором лежало двадцать куколок – по одной для каждого из нас, и мы стояли вокруг, пока раскрасчик размалевывал их разными цветами.

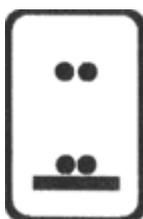
Я метнул взгляд на Хун Шока. «Это что еще за новая дурь?» – было написано на его лице. Я отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Мастер протянул мне мою куколочку – грубоватую, сделанную по шаблону фигурку в большом головном уборе на теотиуаканский манер, вовсе на меня не похожую, если не считать красных полос на поясе. Но думаю, пока я ее держал, она забрала частичку моей души. Я дождался своей очереди и отдал куколочку прислужнику, а он привязал ее к выступу под левой ягодицей статуи. Такое расположение имеет определенный смысл? Или просто у них не осталось другого места? 12 Кайман помедлил

немного, прежде чем приладить свою фигурку. Это была мексиканская традиция – не майяская. Вероятно, по мнению 12 Каймана, 14 Раненый слишком уж увлекался местной экзотикой. Когда все фигурки разместились внутри, статую снова закрыли. У меня против воли возникло ощущение, будто стены смыкаются вокруг меня, и мне стало тепло и уютно в большом общественном организме при нулевой индивидуальной свободе. Не таково ли общее мировоззрение в Теотиуакане? Невысокие мулы строились вокруг одного громадного, маленькие площади располагались вокруг большой центральной, все малое подчинялось единому великому.

Теперь, когда мы стали семьей, нас пригласили в парильню. Когда все вошли под северную арку, 12 Кайман под каким-то предлогом увел Хун Шока, 3 Возвращающегося Мотылька (нашего вспоминателя-декламатора-счетовода) и меня в боковую дверь. Это было невежливо, но 12 Кайман мог себе такое позволить – он уже бывал в этом доме да к тому же занимал высокое положение.

Мы хотели пообщаться без посторонних ушей, но в первой комнате, куда мы сунулись, стоял ужасный запах, исходивший, как выяснилось, от группки из пяти восьмилетних рабов. Они терпеливо сидели в уголке, связанные легкой церемониальной веревкой. Один отмахивался от мух, ползавших по их плечам, но не пытался прихлопнуть их. Маленькие рабы были слишком пассивны. Мы прошли через другой дворик. Там стояли кадки, деревья авокадо в корзинках, желтые хлопчатниковые накидки сушились на специальных подставках, а женщины в желтых квечкемитлях (треугольные штуковины, что носят здесь вместо майяских уипилей) красили ленты в бочке. Все как обычно, сказал я себе. Расслабься. Мы нашли пустую комнату потемнее. Она походила на разбойничью пещеру: у стен лежали тюки материи, стояли большие кувшины, форма которых говорила о том, что они предназначены для чистой соли. Вместе с нами вошел один из слуг 14-го, но 12 Кайман так посмотрел на него, что тот моментально исчез. Хун Шок развернул свой сверток и извлек оттуда шкатулку размером с голову. В ней лежали четыреста по двадцать крохотных ожерелий (кусочков кожи с птичьих шеек вместе с оперением) самцов фиолетовых трогонов. Когда он открыл крышку, чтобы проверить, цел ли подарок для госпожи Хок, перышки засияли в темноте, словно ядерный реактор. Это был бесценный дар, за которым стояли сотни дней труда.

(47)

Одна из особенностей майя состояла в том, что, несмотря на прекрасные книги, у нас не было настоящей культуры письма. Никто не отправлял почту, разве что время от времени церемониальные приветствия вместе с презентом, типа открытки, сопровождающей подарок. Никому бы и в голову не пришло послать кому-нибудь записку. Для этого использовали вспоминателей, людей вроде 3 Возвращающегося Мотылька, знавших по десять языков, дипломированных скороходов, умевших терпеть пытку. Они могли выслушать один раз длинную речь, а потом в любое время повторить ее, ничего не упустив и не исказив. Думаю, Джед с его мозгом принадлежал бы к их числу. Вот только быстро бегать и выносить мучения он не умел. А потому мое нынешнее предприятие было для меня в новинку. Что ж, в данный момент все средства хороши. Что угодно, лишь бы привлечь внимание этой женщины. Пусть она хоть бровями пошевелит.

12 Кайман спросил, не хотим ли мы с Хун Шоком добавить что-либо к тому посланию, что подготовил 2ДЧ. Мы цокнули «нет». Он пересказал текст. 3 Возвращающийся Мотылек

повторил его. В нем содержались и просьба дать аудиенцию, и предупреждение, что мы, как посланники клана, к которому принадлежит и Кох, должны рассказать ей о некой угрозе. Но как она отнесется к этому? Может, у нее есть новые обязательства.

12 Кайман сообщил, что по пути сюда он точно узнал, где находится госпожа Кох – в восточном здании ее обители. Соблюдал ли он достаточную осторожность, наводя справки, вот в чем вопрос. Вообще-то он очень осмотрителен. Так что с этим все в порядке. Просто не сомневаюсь. Потом, удивив меня, он добавил, что следует выждать две девярых. Нам в подкрепление Кайман посылал двоих людей 14 Раненого.

Местный эскорт, подумал я. Черт. Хватит уже секретности.

Мы ждали в предбаннике парильни с 14 Раненым и его феллатором, родным племянником по имени Левый Юкка. Нас причесали. Здесь ты всегда должен выглядеть наилучшим образом. Это все равно что быть знаменитостью, по крайней мере, женщиной-звездой, которой нужно рекламировать очередную пустяковину, и она с одного кошмарного мероприятия отправляется на другое, тратя каждый день часы на прическу и макияж, тогда как в это время могла бы учить греческий. Нас с Хун Шоком причесали на теотиуаканский манер, без всяких бус или узелков, умалив волосы жидким местным маслом. Большинство ишиан с презрением, а то и с чувством оскорбленного патриотизма отказались бы от такой чести, но мы не хотели бросаться в глаза. К счастью, у нас с носов поснимали эти гребешки.

Неразговорчивость теотиуакан общеизвестна, этим они сильно отличались от любящих поболтать ишиан, и 14 Раненый вместе со своим маленьким двором перенял местную манеру. Но 12 Кайман умело его разговорил, и теперь 14 рассказывал нам, что сегодня в городе живет около тысячи майя (хотя еще не было такого понятия, как «майя», – только имена различных городов-государств), из них всего около тридцати ишиан. Восемнадцать – все из этого дома – принадлежали к кланам, зависимым от Гарпии, а другие относились к родственникам Оцелотов. По сравнению с более чем сотней ти'калан это было довольно маленькое сообщество. В последнее время 14 Раненому приходилось скрываться от представителей рода кошачьих, и, судя по интонации резидента, его очень угнетала вынужденная изоляция.

12 Кайман спросил, где обитают Оцелоты. Из всех живущих в Теотиуакане больше всего мы должны были сторониться их.

– К счастью для нас, – сказал 14, – они близкие соседи Пум. А те становятся просто невыносимы.

По словам 14, нынешняя ситуация в Теотиуакане не могла продолжаться долго. Чалько, Сумпанго и пять других городов-государств в громадной долине мексиканской экономической зоны (которые на протяжении нескольких веков были безропотными подданными Теотиуакана) прекратили выплачивать дань. Хуже, они больше не присылали дров для печей, в которых теотиуакане обжигали известь. 14 не стал углубляться в эту тему, но я решил, что многолетняя вырубка лесов привела к наводнениям, эрозии, сходу селей, что мы наблюдали на пути через долину.

И тем не менее приток иммигрантов (в особенности Длинноростков) в город увеличился. Они представляли самую большую проблему Теотиуакана. Их было «четыреста по четыреста по четыреста семей» – идиома, означающая «очень много». Если Длинноростки соберутся вместе, то вполне могут подчинить себе весь город. От них, потомков койотов, исходил ужасно неприятный запах. Большинство других кланов хотели их уничтожить.

Беда была в том, что Теотиуакан имел обязательство принимать любого, кто в него приходил. На основании того, что я знал о теотиуаканском языке, могу высказать такую догадку: от Длинноростков произойдет народ, известный как тольтеки. Поэтому они меня заинтересовали. Но 14 заявил, что этих низкорощенных из племени «рассеивателей тумана» (я не в курсе, что это значит, а случая спросить не представилось) вышвырнули из их собственного города и они рассеялись по долине – искали, что и где можно украсть. Насколько я понял, он находился в сотне миль к северу отсюда. Но я так и не сумел

привязать его к какому-либо известному мне месту. 14 сообщил, что он там побывал – в вонючей дикой низине, где под ногами хлюпает грязь, дети жрут фекалии, а по дворам бегают стаи койотов.

– Пумы ходят охотиться на Длинноростков в горы, – сказал он, – но они не могут делать это в пределах долины.

По мнению 14 Раненого, стражи Пумы слишком много возомнили о себе. Тем временем в городе происходили беспорядки и бунты. От нехватки еды и «коричневых струпьев» (некая разновидность поветрия) в два последних сезона мира сильно страдали жители бедняцких кварталов. Теперь, когда дожди шли нерегулярно, ждали самого плохого урожая за последний семьдесят один год.

И наконец, как доложил 14, росло напряжение между общиной Сотрясателя Звезд и синодами двух главных общин. Я сразу провел параллели с Римом второго века. Культ Сотрясателя Звезд переживал возрождение, в особенности среди кочевых племен и круглодомников, то есть кланов низшей касты, которых притягивал город. Община Сотрясателя с каждым днем приобретала все больше и больше неофитов, людей из белой и красной половин Теотиуакана, недовольных тем, что можно было бы назвать осмеянием общества. Складывалось впечатление, будто община Сотрясателя предлагала менее иерархическую религию, которая отрицала фанатичное поклонение предкам, со всенадежным покровителем, не привязанным к конкретной святыне на земле, а отождествлявшимся с великим Млечным Путем. Еще 14 сказал, что многие из новообращенных частенько заявляли о своем кровном родстве с харизматичной госпожой Кох.

Культ Сотрясателя я сравнил бы с протестантским движением, учением Эхнатона задолго до расцвета Теотиуакана или Лютера много после. Если синдикат священников действует на протяжении долгого времени и приобретает огромное богатство, люди начинают возмущаться. Так что в настоящий момент Сотрясатели переживали бум популярности среди обездоленных.

Через шесть дней, то есть за пять дней до затмения, в городе объявят Тишину. Воцарится темнота, все огни будут погашены, даже большие костры на вершинах мулов. Тишина по правилам наступала раз в пятьдесят два года, но в данном случае была провозглашена по особому приказу, что нагоняло на народ еще больше страха. Эти пять дней пройдут без защиты дружественных курильщиков или предков, потому что они считались безвременьем и не имели никакого названия – так, космические ошибки. Люди погрузятся в пучину ночных кошмаров, отданные на милость бездомных, злобных уаев. Многие питали надежду пережить это, «пройдя по белой спине Сотрясателя», то есть хотели испросить его защиты, когда высшие силы их оставят... В общем, с каждым днем встретиться с госпожой Кох становилось все труднее. Нам нужно было шевелиться.

Но, несмотря на все эти обстоятельства, 14 Раненый, похоже, не особо беспокоился. Напротив, он выглядел довольным. Может быть, он проникся мифом о неуязвимости Теотиуакана. Конечно, нет сомнений, что жизнь здесь гораздо стабильнее, чем в майяских городах. Если при каком-нибудь ахау случалось два неблагоприятных года подряд, то там под угрозой бунта менялась вся верхушка власти. В Теотиуакане дела обстояли иначе. Но это вовсе не означало, что он вечен.

14 Раненый замолчал. 12 Кайман не произносил ни слова. Ни он, ни Хун Шок, ни я не упомянули госпожу Кох. Мы велели 3 Возвращающемуся Мотыльку не говорить своему сопровождающему, куда они направляются.

Спустя немного времени 14 продолжил. Стражники Пумы нападали на неофитов Сотрясателя, когда те шли с рынка на площадь Сотрясателя (на Сиуададелу), а два дня назад была убита семья новообращенных. Родственники требовали от Пумы компенсации, а люди говорили, что Ласточкины Хвосты нарушили свой договор с дождями.

А поэтому ожидалось, что «жевание» (солнечное затмение, до которого оставалось восемь дней) будет опасным временем.

Пауза.

12 Кайман посмотрел на Хун Шока, потом на меня командирским пронизывающим взглядом. Но не проронил ни слова. Мы тоже.

– Ты, который равен мне, приносил подношение нашим пращурам вместе с госпожой Кох? – наконец вымолвил 12 Кайман. (Мы не могли быть уверены, что она находится под домашним арестом, и наш предводитель хотел выяснить, жива ли она еще.)

14 Раненый ответил уклончиво. Будто он и другие Гарпии прежде видели госпожу Кох в религиозных процессиях, но в последнее время она в них не участвовала. Однако ее, как и немногих избранных кормильцев Сотрясателя, считали народной заступницей, и ходил слух, что к ней поступали просьбы от сотен людей, каждый день присоединявшихся к общине нового бога.

– Говорят, что четыре военных сезона назад кто-то в синоде Пумы выступил с угрозами в ее адрес, – рассказал 14. – И в ту же ночь в его дом заполз скорпион и ужалил его, отчего глаза у него лопнули и он ослеп. – Он добавил другие подробности: госпожа предсказала наводнение три мирных сезона назад, теперь она встречалась только с главами нескольких ведущих великодомов, отдавших себя под покровительство Сотрясателя, и не принимала больше клиентов, у нее две жены, она может «читать нерожденный к’атун», то есть заглядывать в будущее на двадцать лет. – И еще она умеет говорить с пауками, заставляет их плести цветную паутину и веревки и ткать знамена.

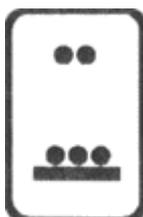
Я посмотрел на Хун Шока. Он устремил взгляд в землю (пожатие плечами на майяский манер), словно говоря: «Что ж, вполне вероятно. Известны вещи и еще более необычные».

– Оба синода не верят ей, – сказал 14.

Судя по всему, госпожа Кох занимала очень высокое положение в ордене Детей Кругопряда. Но не возглавляла его. В нем состояли женщины, которые в ритуальных целях могли действовать и говорить как мужчины и носить мужские одежды. Я думаю, их можно назвать трансвеститами, хотя это неточно. Двуполыми? Нет, не совсем верно. Гермафродитами? Пожалуй, больше подходит слово «андрогин», хотя оно слишком уж мифологическое, но лучше не найти. Как сообщил 14, вот уже на протяжении двух тунов Кох и остальные Кругопряды, а также родственный орден кормильцев Сотрясателя, биологически принадлежащих к мужскому полу, фактически являлись заложниками. Он выразился иначе, но я понял, что стражники Пумы посадили их под домашний арест. Это напомнило мне историю о том деятеле в покерном зале «Коммерс»,⁶⁴⁵ который сидел за столиком в солнцезащитных очках – дескать, «нет-нет, я не хочу, чтобы кто-нибудь читал у меня по глазам, пока я срываю этот крупнейший двадцатидолларовый банк».

Раздался свист посыльного. 12 Кайман свистнул в ответ: «Тебе разрешается войти». Тот немедленно появился на пороге, приблизился, нагнулся и прошептал что-то на ухо 12 Кайману. Он извинился и вышел. Я последовал за ним в маленький коридор. 12 Кайман повернулся и сказал мне, что Возвращающийся Мотылек вернулся со словами «кедровая палочка сломана», а это означало, что госпожа Кох не примет нас.

(48)

⁶⁴⁵ Казино «Коммерс» в Лас-Вегасе считается одним из лучших покерных казино в мире, его называют «Покерная столица мира».

12 Кайман, Хун Шок и я нашли 3 Возвращающегося Мотылька и вместе с ним и его проводником направились в кладовку – туда, где стояли кадки с солью, – чтобы узнать все из первых рук. С учетом всех спусков и подъемов вспоминатель преодолел, вероятно, мили три в каждую сторону и теперь был весь мокрый и старался смирить дыхание. Сквозь окно под большим углом в помещение проникал солнечный луч. Уже было поздно – четыре часа пополудни. 3 Возвращающийся Мотылек сказал, что он абсолютно уверен: госпожа Кох получила послание. Она прислала перья назад с подарком не меньшей ценности от нее – чтобы отказ не показался нам оскорбительным. Ее держатели порога (привратники) пояснили, что Дети Кругопряда «уже отдали это время кормлению Жевателя» – у них начался пост перед затмением.

Обычно 12 отдавал приказы, но тут он спросил, что думаю я.

Я ответил, что мы все равно должны пойти к ней.

– Мы пошлем дар, символизирующий опасность, равной цены, – предложил я. – Равной или большей.

Надо отправляться немедленно. Я послал Хун Шока за кое-какими вещичками из главных наших ценностей.

– В городе многолюдно, – сообщил 3 Возвращающийся Мотылек.

И добавил, что если мы пойдем назад, то должны двигаться на юг как можно ближе к главной оси. Людей низших каст изгоняли из района теокалли, так что движение там не такое напряженное. Но знати позволялось находиться там по меньшей мере до захода солнца. 12 Кайман сказал Мотыльку, что тот хорошо поработал. Хун Шок вернулся с полными руками подарков.

Я выбрал две вещи. Первой была зеленая накидка из перьев макао. Она стоила чуть больше двухсот десяти молодых рабов мужского пола – эквивалент суммы, в которую нам обошлось путешествие на сей день. Что ж, если 2ДЧ пришлось ради этого предприятия залезть в долги, то это меньшая из его проблем. Мы положим накидку на стол Сотрясателя, так что его кормильцам придется взять ее и сжечь на алтаре. Это вынудит госпожу Кох поблагодарить нас лично. А ей мы преподнесем в дар небольшой белый кувшин, наполненный, казалось, крохотными сушеными листочками размером с пятицентовую марку с портретом Джефферсона – симметричными, с неровными краями, ярко-розовыми, с черными, будто нарисованными отметинами, похожими на пятна Роршаха.⁶⁴⁶ Это были сушеные шкурки смертельно ядовитого вида клубничных стреляющих древесных лягушек из ишианского дождевого леса. Смысл этого подарка состоял в предупреждении об опасности, конкретнее: «Приготовься, держи стрелы под рукой».

Я спросил у 12 Каймана, не могут ли шкурки быть восприняты как изъявление враждебности. Он ответил «нет». У таких вещей вполне определенное значение, и он, старый солдат, прекрасно разбирается в этом. Мы снова закупорили кувшин – недавно изготовленный сосуд с глифическими изображениями двух общих предков 2ДЧ и Кох. Подарок с подтекстом – следовало напомнить госпоже о ее семейных обязательствах.

– Я хочу добавить коду, – сказал я.

Кайман посмотрел на меня. Я заявил, что это дело очень важно для нас и для верности можно, так сказать, приоткрыть наши карты.

Я продиктовал:

4 Ахау: ахтонша почталь Тамоан...

Десятого б'ак'туна, четвертого к'атуна, шестнадцатого туна

В нулевой уинал [приблизительно август 530 года нашей эры] Белый Угорь
[комета Галлея] загорелся над нами.

---

⁶⁴⁶ Пятна Роршаха – психодиагностический тест для исследования личности.

Десятого б'ак'туна, восьмого к'атуна, тринадцатого туна
В одиннадцатый уинал [приблизительно февраль 607 года нашей эры] Белый
Угорь снова загорелся над нами.

Десятого б'ак'туна, двенадцатого к'атуна, одиннадцатого туна
В третий уинал [приблизительно апрель 684 года нашей эры] Белый Угорь
загорится над нами снова.

До четырнадцатого уинала, девятнадцатого туна, двенадцатого к'атуна

Десятого б'ак'туна [то есть до января 692 года нашей эры] Теотиуакан пал,
заброшен.

Конец.

Ни одной из этих дат не было в Нюрнбергском кодексе или в других записях игры, о которых мне рассказывал 2 Драгоценный Череп, хотя сейчас я говорил о реальных событиях. По словам 2ДЧ, о комете Галлея знал каждый, но никто не мог точно предсказать время ее возвращения даже при помощи игры. Я объяснил ему, что в этом нет ничего удивительного, поскольку появляется комета нерегулярно. Чтобы вычислить время ее появления с точностью до двух лет, нужны современные инструменты, и только в 1960-е удалось достичь удовлетворительных результатов. Поэтому Кох наверняка заинтересуется нашим посланием.

Я попросил 3 Возвращающегося Мотылька повторить строфы, с чем он блестяще справился с первого раза. После этого мы послали его к госпоже.

– Дождаться ответа не будем, – сказал я. – Дадим ей четыре тысячи биений (идиома, означающая приблизительно часовой интервал времени) и просто придем к порогу ее дома.

К моим планам 12 Кайман отнесся с очевидным сомнением, но, как говорится, это была моя зона ответственности, поэтому он не возражал.

Хун Шок, Левый Юкка и я вышли через пустой дворик. Другие гости уже устраивались спать на крыше. Мы перешагнули через каждого из них, поднялись по узенькой северной улочке и направились на восток к главной оси.

– Только молча, – сказал Хун Шок.

Он не хотел, чтобы кто-то здесь слышал ишианскую речь.

Я настоял на том, чтобы мы надели приличествующие случаю легкие маски вместо этой штуки в нос, от которой я с ума сходил (нет ничего хуже плохо сделанного пирсинга). Кроме того, на нас были местные накидки с красно-серым рисунком из бусин, изображающим скорпиона, – это означало, что мы временно забываем об обязательствах перед своим кланом и хотим сделать дождевые подношения для всего города. Так что никто не смог бы определить наш род. Но мы не изображали из себя жителей Теотиуакана, дабы не навлечь на себя крупных неприятностей в том случае, если нас схватят. Я оглянулся – похоже, шпионов мы отвадили. Правда, едва ли можно назвать шпионом того, кто не делает из своего занятия тайны. Наверное, такая ситуация сложилась в последние годы существования Советского Союза – люди знали стукачей в лицо. Вероятно, в Теотиуакане, заполоненном толпами, хлопот у соглядатаев было выше головы. Многолюдье работало на нас. Однако мы не делали ничего запрещенного. Я хочу сказать – пока не делали.

Мы свернули в темный проход, похожий на улочку в ближневосточном городе. В ширину он не превышал пяти рук и находился где-то в квартале от основной оси. В пространственном смысле наша группа будто бы шла на север по верхней Мэдисон-авеню в Нью-Йорке (гораздо более узкой) – и на каждом углу перед нами мелькала бы зелень Центрального парка. Мы двигались окружным путем, давая фору 3 Возвращающемуся Мотыльку. Он, должно быть, уже подходил к дому Кругопрядов. Пусть у госпожи будет немного времени, чтобы выслушать его. И прослезиться. Я заметил большую крючконосую змею, греющуюся на низкой стене. Теотиуакане старались не тревожить Squamata

serpentes⁶⁴⁷ и относились к ним как к храмовым обезьянам или индийским священным коровам. Побочная выгода состояла в низкой численности крыс и относительно высокой смертности от укусов змей. Такая кончина считалась хорошим знаком – как же иначе, ведь Сотрясатель Звезд лично послал одного из своих внуков забрать твой уай в тринадцатую раковину.

В двух кварталах к югу мы перешли незримую границу и оказались на исконной территории Теотиуакана. На северо-северо-западе, откуда мы двинулись в дорогу, размещались самые богатые посольства майя, дома там были более старыми и менее просторными, но сам воздух казался родным. Для крупных городов характерны этнические райончики. Если продолжить параллель с Нью-Йорком, то мы как бы шагали по Малберри-стрит и пересекли итало-китайскую границу на Канале. Вдруг из бокового прохода появилась тройка диких Длинноростков, далеко ушедших за пределы своей территории. Хун Шок метнулся между мной и ними. Я благодарно взглянул на него из-под маски.

«Не стоит» – прочел я в его глазах.

«Знаешь, – продолжил я диалог в той же манере, – что-то не нравится мне этот Левый Юкка».

«Не волнуйся, – отвечал Хун Шок. – Мы ему ничего не скажем, но я буду за ним приглядывать, как за вором».

Здесь я увидел дома побольше и поновее – не меньше двух этажей. Внизу – каменная кладка и гипс, наверху – дранка и гипс. Торговцы и паломники, держась группками по трое-четверо человек, проходили мимо нас с безмолвными приветствиями. У них был озабоченный вид, словно им, как и нам, предстояло выполнить деликатное поручение. Мы обогнали сборщиков ночных нечистот, которые почтительно согнулись перед нами под своими большими вонючими бадьями. Стражники Пумы курсировали по центру отрядами по пять человек. Ходили слухи, что они могут схватить первого попавшегося и даже ворваться в дом и конфисковать все, что можно счесть подозрительным.

В городе стояла особенная тишина. В майяских городах песни лились рекой, а здесь, думаю, музыку и пение можно было услышать только в определенное время. Безмолвие нарушали порой чьи-то шаги, щебет птиц, иногда чирканье кремня и скрежет каменных пил по дереву – и больше ничего. Звуки отдавались от толстых стен, сливаясь в один прерывистый гул. Уверен, половина населения города носили носовые гребешки, а остальные, придерживаясь старых традиций, прятали лица за сетками и масками. Тем лучше, думал я. Меня одолевала усталость, которую чувствуешь в толпе, когда все встречные становятся на одно лицо. Бесстрастные, одинаковые маски из огипсованной коры или местной разновидности папье-маше на основе кукурузного теста, кремново-белые, с миндалевидными глазами, – голая схема лица без намека на выражение, возраст, пол, этническую принадлежность, не мертвец, но и не живой человек. Маскарад, длинные плащи, глухая тишина, отсутствие деревьев и травы – все это действовало угнетающе. Радовали взгляд лишь небо, меняющее свой цвет у нас над головой, да изредка маленький изящный мостик, перекинутый через канал.

Оказавшись южнее мула Урагана, мы повернули налево к основной оси. На углу болтались пятеро стражников Пумы, и племянник 14 Левый Юкка заговорил с ними на теотиуаканском без акцента. Они едва заметно кивнули ему и проводили нас взглядом.

Что-то я не видел по пути ни одной курочки. Конечно, в обрядовом пространстве женщинам запрещено находиться, однако мы не встречали их и на боковых улицах. И детей тоже. Как в мусульманском городе, где представительниц высших сословий слишком берегут и поэтому не выпускают из дома. По крайней мере, так они объясняют гендерную сегрегацию. Это место меня достало, решил я. Ни за что бы не хотел тут жить.

---

⁶⁴⁷ Змей (лат .).

Огромный Теотиуакан в представлении человека двадцать первого века городом не являлся. Он скорее напоминал конгломерат деревень. Ты мог прожить здесь всю жизнь, но так и не побывать в соседнем квартале. А если бы пошел туда, то это сочли бы вторжением в чужой дом. Решившись на такой подвиг, ты должен был остановиться перед первым встречным, рассказать, откуда ты родом и кто твои предки, и если вам не удавалось найти общих родственников, он тебя избивал. Да и ходить в чужой квартал не было резона. Ни харчевен (они не знали этой концепции), ни лавок – только другие рыночные площади, ни театров, если не считать религиозных драм на площадях, но это зрелище предназначалось только для посвященных. Единственное развлечение – пойти в гости к родне и послушать певцов у них во дворе. Короче, шоу для жителей Теотиуакана не устраивали. Они не выходили на прогулки. Они не ездили на выходные за город, чтобы подышать свежим воздухом. Они не возили детишек в школу. Но и не работали с утра до ночи. Я пришел к выводу, что в основном они выполняли обязательства – перед семьей, родом, домом, общиной, множеством покровителей, перед живыми, нерожденными и в особенности перед мертвыми. Теотиуакане делали то, что мы, люди двадцать первого века, назвали бы церемониальными ритуалами, и они играли здесь вполне практическую роль. В этом месте, на мой взгляд, царил безрадостная обстановка религиозного послушания, как в Иерусалиме. Может, благочестие паломников заразно? Подобно столице древней Иудеи, Теотиуакан переполняли толпы народа, и атмосфера здесь была столь же накаленной. Вы сразу замечали, что существуют разные культы, противоборствующие друг с другом. Вам постепенно открывалась истина (трудно отринуть мысль, что с вами может произойти то же самое): гигантский мегаполис просто перерос сам себя и в нем появилась червоточина. Я провел в Ише не самое лучшее время жизни, но теперь просто тосковал по нему. Иерархия в обществе не мешала майя жить в состоянии перманентного праздника, кругом звучал смех. А это место, невзирая на его теокалли, цветы и птиц, давило своей мрачностью.

Мы протолкались через середину площади. На секунду я остановился – меня будто сковала сила, которая исходила от мула Нефритовой Карги. Хун Шок коснулся моей руки, и я зашагал следом за ним – на юг. Народ теснился плотной стеной, но мы умудрились протискиваться все дальше. То и дело нам по пути попадались лестницы, которые меня не слишком утомляли (я уже привык), но эти чередующиеся подъемы и спуски вызывали головокружение. Темные и светлые полосы на стенах и мостовых создавали муаровый эффект, визуальное искажавшее расстояние. К примеру, если нарисовать горизонтальные полосы на ступеньках, то люди будут падать. Черт, Марена получила бы удовольствие от этого места, подумал я. Нужно было взять ее...

«Внимание» – подал мне знак Хун Шок. Я шел, не глядя вперед, а навстречу нам двигалась группа Пум, и он решил уступить им дорогу. Мы отошли вправо, к громадному рынку фетишей, я полагаю, это самый точный перевод, потому что продавали там всевозможные фигурки, снадобья, рабов, лезвия, амулеты и прочее, то есть предметы с относительно сильными душами. Впрочем, времени на покупки у нас не оставалось. Мы свернули на восток и направились к Сиуададе, двору Сотрясателя.

Он был одновременно величественный и приветливый, больше по размерам, лучше отделан, чем другие площади, и располагался гораздо выше среднего уровня города. Тут возвышались двенадцать больших сторожевых платформ, с трех сторон вверх вели широкие лестничные пролеты по тридцать одной ступени. Понятно, почему испанцы приняли Сиуададелу за крепость. С востока нависала над нею верхняя треть мула Сотрясателя. Толковали, что синоды грозились поднять налоги на Сотрясателей, если они не построят ограждение. Кто-то решил, что если пирамида будет выглядеть менее внушительно, то это уменьшит число желающих перейти в общину Сотрясателя. Но стена, похоже, возымела противоположный эффект. Народу здесь было – не протолкнуться, святилище явно пользовалось большой популярностью. Мы продрались сквозь толпу, держа курс на юго-юго-восток, туда, где виднелись зубчатые крыши ризниц Сотрясателя. Одна из них принадлежала Кругопрядам.

Мы прошли мимо двадцатки стражников Пумы. Здесь их просто пруд пруди, подумал я. Конечно, они приглядывали за Сотрясателем. Затем я увидел компанию старух – раньше женщины без сопровождения мужчин нам на улицах не встречались. По сравнению с северными районами тут была более мирная обстановка. Наверное, потому, что во дворе толклось немало оборванцев. 14 Раненый сказал, что именно здесь Дети Небесного Угря занимались благотворительностью и вершили суд, однако место это походило скорее на городскую площадь, нежели на храмовую. Торговых палаток я не заметил, и не видно было, чтобы товар передавался из рук в руки, но я, даже не зная языка, понимал: площадь живет деловой жизнью: тут заключали сделки оптовики, производили арифметические действия счетоводы, принимали ставки букмекеры. Старые города всюду использовали свои общественные пространства. Чтобы заниматься бизнесом, не имея денег и телефонов, нужны специально отведенные места – форумы, площади. Мы миновали группу молодых людей, которые резались в ташак, довольно сложную разновидность словесных игр, и забавлялись игрой «Как?» – тут им приходилось активно жестикулировать. Я обратил внимание на черную мостовую под ногами. Когда мы прошли мимо большого центрального алтаря, она на коротком отрезке пути пожелтела, потом стала красной. Дорогу, как игровое поле, расчертили на квадранты и выкрасили их (видимо, пигмент хорошо впитывался в известняк) в яркие цвета. Навстречу протопала пара оракулов Сотрясателя в синих шляпах, они отвечали на вопросы своих «прихожан». «Миссионерский дух», – усмехнулся я про себя. Мы обходили людей, сгрудившихся вокруг пылающих чаш с подношениями Сотрясателю или отсутствующим родственникам, предкам, чьи имена или останки были утрачены, – в этом случае божество выступало в роли посредника. Не все были местными, и многие напоминали мне деревенских залогодержателей. Каждый из них, возможно, представлял здесь интересы сотни обеспокоенных крестьян из какого-нибудь медвежьего угла. Левый Юкка сообщил, что благодаря ветрам у Небесного Угря, Сотрясателя Звезд, появилось огромное число приверженцев. И добавил, что у синодов Ласточкиного Хвоста и Ауры были собственные семейства солнцескладывателей, но складыватели общины Сотрясателя считались лучшими. Причину объяснил 14 Раненый: они знают грамоту и сохранили целую библиотеку с записями усовершенствований игры, которые не в силах запомнить даже целая коллегия складывателей. Среди х'менов Небесного Угря попадались и майя, как образованнейшая госпожа Кох. Она старалась угодить пришлецам вроде Длинноростков, для чего освоила разные языки. Сотрясатель, по словам Левого Юкки, не возражал. Он не требовал у тех, кто поклонялся ему, богатых даров – только музыку, листья мяты и табачный дым, а еще несколько прядей волос.

Вокруг раздался барабанный бой, зловещий, пятиударный. Такого мы не слышали раньше. Движение толпы замедлилось, и все замерли.

Грохот разносился по всему городу, в холмах гуляло эхо.

– Говорят, сейчас закрывают границы, – сказал Левый Юкка. – За два дня до срока. – Начиналось бдение, и никто не мог войти в город и выйти из него.

Черт побери, подумал я и посмотрел на Хун Шока.

«Мы в ловушке, – говорил его взор, – и должны сделать все, что в наших силах».

Когда барабаны смолкли, люди вернулись к своим занятиям, но теперь заметно спешили и старались делать все без лишнего шума. Черт бы их подрал. Мне уже в голову лезли мысли о том, что хорошо бы где-нибудь по-скорому раздобыть рецепт игрового снадобья и дать деру из этого идиотского города немедленно. Впрочем, идея неподходящая.

Мы протиснулись к забитой народом лестнице. По сторонам ее стояли стражники Пумы, которые вытаращились на нас, поэтому я поспешил опустить голову, бросив беглый взгляд на мул Сотрясателя. Архитектурный облик храма символизировал две ипостаси бога в образе сплетенных гигантских змей: замысловатого Сотрясателя Моря и Сотрясателя Неба, чересчур стилизованного, с вытаращенными синими глазами навы-вы-вы-кате и квадратными зубами. Женская и мужская общины занимали два дома на южной стороне двора Сотрясателя, которые мало отличались друг от друга. Они были построены в

старинном стиле из ровно обтесанного и оштукатуренного дерева. Вместо окон – редкие узкие щели, фасады выкрашены синим, а не оранжевым цветом, обычным для этой части города. Резьба в виде лиц-оберегов, не слишком вычурная, украшала низенькие двери. Почти перед каждой сидели стражники – один или двое. Интересно, они несли караул постоянно? Улочку заполняли просители – теотиуакане, Длинноростки и прочий сброд. Спальных мешков у них, естественно, не было, костров тут не разжигали. Многие скорчились на земле, дрожа от холода. Неудивительно, что Кох не хотела говорить с нами. Она хотела отвадить всех отсюда.

Мы перешагивали через лежащих, невзначай на кого-то наступили. Несколько голосов пробурчали что-то недовольно, но благодаря кастовой системе нам все сходило с рук. Мы кровные, а они – никто, вот и весь разговор. Левый Юкка подвел нас к боковой стене одного из зданий. Стучать в дверь было не принято, это считалось слишком агрессивным. Ты либо тихонечко свистел, либо ждал, когда кто-нибудь выглянет. У выхода во двор трое уборщиков на грязном матерчатом поле играли в азартную разновидность патолли.⁶⁴⁸ Они встали. Мы назвали себя. Они не хотели докладывать о нас, утверждали, что это бесполезно, но Левый Юкка успел завоевать их расположение во время предыдущего визита и убедил этих плебеев пойти нам навстречу. Мол, наше родство с госпожой Кох расходится на пять колен, тем не менее она вряд ли обрадуется, если кто-то скажет: эта женщина «перевернула очаг», нарушила правила гостеприимства.

Уборщики велели нам ждать у дверей. Один из них вошел внутрь. У меня было ощущение, будто сейчас конец 1989-го и мы разговариваем с Армандо, швейцаром у «Неллс».⁶⁴⁹

Мы ждали. Ничего нам не светит, думал я. Может, Кох вообще неумеха. Иногда я спрашивал себя об этом. Вопрос интересный: если игра с девятью камнями представляет собой мощный инструмент для получения тайных знаний, то почему солнцескладыватели не правят миром?

И сам себе порой давал ответ: а они и правят миром – своим. Они управляют этим городом и остальной Мезоамерикой, просто позволяя кошачьим кланам делать вид, что те у руля. Но по-настоящему меня волновало другое: почему игра не распространилась в Старом Свете?

Фернан Бродель⁶⁵⁰ нередко спрашивал своих студентов, почему китайцы в четырнадцатом веке, имея большой флот и бумажные деньги, не открыли Америку? Его вариант ответа прост и гениален: у них не было в этом необходимости. Фигурам власти в Поднебесной жилось настолько комфортно, что им оставалось желать одного: еще больше изолироваться от мира. Тем более существует такое понятие, как инерция. Она порой гораздо сильнее амбиций и тяги к переменам. Если дела идут хорошо, зачем раскачивать лодку? Хорошие изобретения не всегда приносят добро. Иногда они гибнут, несмотря на все свои плюсы, а может, именно из-за них. Разностная машина Бэббиджа⁶⁵¹ сто лет пробивала себе дорогу. В Полинезии придумали гончарный круг, но потом забыли о нем. Римляне использовали бетон, но рецепт его изготовления был утрачен и восстановлен только в 1824 году.

---

⁶⁴⁸ Одна из старейших игр индейцев в доколумбову эпоху.

⁶⁴⁹ «Неллс» – ночной клуб на Манхэттене, открывшийся в 1986 году. В пик своей популярности клуб был настолько переполнен, что туда не могли попасть даже знаменитости.

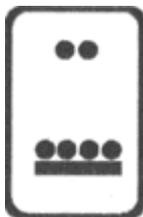
⁶⁵⁰ Фернан Бродель (1902–1985) – французский историк, одним из первых предложивший при анализе исторического процесса учитывать экономические и географические факторы.

⁶⁵¹ Разностная машина Чарлза Бэббиджа – механическое устройство для автоматизации вычислений.

Я оглянулся вокруг и поежился. Как холодно. Когда я жил в Мехико-Сити, то немало удивлялся тому, что по ночам там так падает температура. Откуда-то поплыл запах горьковатого благовония. Семейство Длинноростков, которое пробиралось на площадь с другой стороны проулка, замерло на месте, вперив глаза в землю.

Что-то случилось. Что?

(49)

Теотиуакане вовсе не были шумным народом, но ты всегда чувствовал, что их вокруг тьма-тьмущая. Весь день мы слышали голоса, скрежет, удары. Шкварчали лепешки, чиркали кремни, гудел неутомный улей. Теперь же в городе будто никого не осталось. Все звуки человеческой жизнедеятельности стихли.

Ритуал встречи сумерек, как у майя, здесь не был принят. В городе воцарилась неловкая тишина. Даже в обыденных разговорах не упоминали о заходе солнца. Следовало говорить «позднее» или «ранней ночью».

Я посмотрел на Хун Шока. Он выдохнул – майяский эквивалент закатывания глаз. Люди покосились на него, словно хотели шикнуть: «Тихо! Он услышит!»

Воздух по-прежнему наполнился звуками – раздавались крики чаек, тьякканье собак, кудахтанье индеек и ультразвуковые трески летучих мышей, – но человеческий мир затаил дыхание.

Черт, подумал я. Экая тут напряженка. Я оглянулся на просителей. Они устали в землю или на свою обувь – куда угодно, только не на небо. Женщина, сидевшая рядом, дрожала, но, я думаю, не от холода или болезни, а от страха. По прошествии восьми сотен лет город все еще боялся темноты.

Наконец, когда закатилось солнце, появились люди Кох и провели нас через пустой синий двор в парильню. Там мы разделись, заново умастили и завернулись в новые одежды – багряные килты из хлопчатника с поясами и большие накидки. Багряный считался нейтральным цветом – не с художественной точки зрения, а в том смысле, что он не указывал на принадлежность к какому-либо клану. Стражники повлекли нас по лабиринту темных коридоров – наверняка с той целью, чтобы мы перестали ориентироваться в доме, – потом через небольшой двор. Мы очутились в маленькой квадратной сумрачной комнате. На скамье сидели семь человек. Они резко повернулись к нам, видно, мы прервали важную беседу. Пятеро из них были в мужской одежде – в синих накидках с геометрическим рисунком. Шляпы, похожие на большие, свободные тюрбаны, почти целиком скрывали их лица. По пирсингу я определил, что большинство из них – теотиуакане, должно быть занимающие высокое положение неофиты Кругопрядов. Среди них выделялся плотного сложения человек со сломанным носом. Черные и оранжевые бусинки на его накидке говорили о том, что он из рода Ауры. А, вспомнил, 14 рассказывал о нем – это 1 Жилатье,⁶⁵² глава одноименного дома, перешедший в веру Сотрясателя. Вместе с ним был его сын. Оба они отличались суровым видом. Мы смотрели вверх их голов – если встрече не предшествовало формальное представление, которое могло занять довольно долгое время, вы прикидывались, что не замечаете друг друга. Я украдкой поглядывал на двоих человек, одетых по-женски, и предположил, что это и вправду женщины, жены Кох. Еще тут

⁶⁵² Жилатье – ящерица семейства ядозубов. Английское название *Gila monster* дано ей по реке Джилла (*Gila*) в Аризоне.

присутствовал шут в дурацком костюме дикобраза. Потом, когда зрение привыкло к темноте, я разглядел собаку, сидевшую в углу, а на полу на ковриках (от их сине-белого рисунка у меня зарябило в глазах) – множество небольших сосудов, чаш и широкий поднос, на котором лежала роскошная груда тающего снега. Стену украшала роспись: стайки девочек-гномов скакали вокруг подводного вулкана.

По словам 14, в этом доме жили пять-шесть семей – одни женщины. Однако в лесбийских браках они не состояли. Насколько я его понял (а говорил он не очень связно), дочери Кругопряда не все являлись двуполоыми. Просто одни из них брали на себя мужские роли, а другие – женские. Так, госпоже Кох, кровной, позволялось входить в ритуальные пространства, предназначенные для мужчин, например в теокалли на муле Сотрясателя. Я думаю, суть...

Опа. Что за черт?

Собака встала на задние лапы. Меня пробрала дрожь. Это была карлица с удлинённым утиным лицом, почти голая, с кожей, выкрашенной в зелёный цвет. В сумерках он казался чёрным. Уродливое создание проковыляло вокруг жаровни вперевалочку, как пингвин. Но мне бы и в голову не пришло рассмеяться. М-да, подумал я, она не ахондроплазийный карлик, как 3 Синяя Улитка, а так называемый примордиальный,⁶⁵³ или птицеголовый. Синдром Секкеля.⁶⁵⁴ Я вспомнил, что такие люди живут недолго. Возможно, она ещё не вышла из детского возраста. Я считал, что обычно эти несчастные страдают умственной отсталостью, но карлица с этой точки зрения выглядела вполне нормальной. Она сделала жест, означавший, что я должен выслушать её. Я присел.

– Ты, который над нами... госпожа Кох одновременно говорит только... с одним просителем, – сказала она.

Голос её звучал зловеще-монотонно, с кошачьими интонациями. Изъяснялась она на мужском поскрипывающем теотиуакано.

– Я, который ниже тебя, принес прошение, – пробормотал я и посмотрел на Хун Шока.

Он ответил мне неуверенным взглядом. Приказ госпожи расходился с полученной им инструкцией – ни на минуту не выпускать меня из поля зрения. Но что он мог поделать? Мой разговор с госпожой Кох был целью всего предприятия. Хун Шок возвел глаза горе, будто бы пожал плечами: мол, ничего не попишешь.

«Спасибо за доверие». Я неприметно опустил веки.

Карлица свернула один из ковров. Под ним оказалось квадратное отверстие. Как при дворе Людовика XIV, здесь были помешаны на потайных дверях, коридорах, глазках в стенах. Карлица полезла в дыру головой вниз, как Белый Кролик. Я сунул туда ногу, чтобы понять, насколько глубока нора, нащупал наклонный пол, согнулся и на четвереньках пополз за ней. Коленями я то и дело прижимал свои юбки, что изрядно мешало мне двигаться быстрее. Туннель вел вниз под углом градусов в тридцать. Я преодолел в темноте около пятнадцати рук и уперся в маленькую дверь, за которой шла средняя часть хода, где можно было встать в полный рост. Карлица завела меня за угол, потом мы проникли через дверь, укрытую звериными шкурами, и в темное помещение – квадрат со стороной в восемь рук. Он находился ниже лаза, но оштукатуренный потолок был на том же уровне – почти в двадцати руках над головой, и возникало ощущение, будто ты спрыгнул на дно колодца. В высоком окне, почти целиком завешенном промасленными шкурами, виднелась полоска небесной синевы. Выходило оно, судя по всему, в дворик наверху. Металлические пластинки покрывали стены. Тут стояли простая глиняная жаровня с гаснущими углями, две корзинки размером с чашу для го, пара мухобоек на маленьком стеллаже и костяная подставка с миртовым факелом, горевшим зеленоватым пламенем. Я увидел в углу свернутую в клубок

---

⁶⁵³ Примордиальная карликовость – внутриутробная, первичная карликовость.

⁶⁵⁴ Синдром Секкеля – генетическая патология, известная также под названием «птичья голова».

зеленую перьевую накидку и кувшин, что мы прислали в подарок. В воздухе висел особый запах, который я не могу описать.

Не горький аромат, витавший вокруг дома, не благоухание восковых плодов мирта, а нечто среднее между грушанкой и маслом льняного семени – я бы противопоставил его запаху корицы, если можно так выразиться. Ведь запахи и оттенки совсем не одно и то же – возможен ли здесь контраст? Дисплей одофона не передает основных цветов. Уверен, поэтому новый запах легче изобрести, чем новый тон спектра.

Я сел, подогнув под себя ноги, и поправил накидку аккуратным, ловким движением. И тут же рухнул, как морж с тремя лапами. Боже мой, я настоящий увалень. Нужно отрететировать получше. Карлица обежала вокруг меня и ушла тем путем, которым мы сюда явились. Я принял позу просителя, покорно уставившись на жаровню. Пол под моими икрами был покрыт губчатым материалом и устлан лепестками герани, чтобы я не испачкался.

Странноватое ощущение. Прошла минута – и мне стало ясно, почему оно возникло: я оказался наедине с собой впервые с того момента, как пришел в себя, запертый в корзинке, в тюрьме 2ДЧ. Жаль, отсюда не убежишь от моих нянек.

Шкуры на дверях зашуршали. За моей спиной раздались легкие детские шаги. Поворачиваться было не принято, и я остался сидеть как сидел. Невысокая хрупкая фигурка (ростом не больше чем в полторы руки) проковыляла мимо меня, опираясь на палку, обвязанную синими лентами. Вошедшая неловко присела по другую сторону жаровни и положила посох перед собой. Я увидел древнюю старуху в мужской накидке и с прической на мужской манер.

Меня пробрал озноб. Надеюсь, она не заметила, как я вздрогнул. Правую половину ее иссохшего морщинистого лица, будто склеенного из камушков, выкрасили черной краской. Граница между темной и светлой сторонами имела форму буквы S. Я вспомнил сушеную голову-украшение у 2ДЧ. Руки госпожи со скрюченными пальцами лежали у нее на коленях. Черные волосы вряд ли были ее собственными, вероятно, это парик. Глаза сидели так глубоко, что я почти не видел их блеска.

2ДЧ ошибался касательно ее возраста. Но как такое возможно? Или ее состарили с помощью яда, как Виктора Ющенко?

Она устроилась поудобнее и протянула руки к жаровне, чтобы согреть пальцы, хотя здесь стояла жара не меньше восьмидесяти градусов. Старуха явно пришла одна, без охраны, и это меня настораживало. Должно быть, великая женщина не боялась нападения.

Госпожа Кох подняла свою сморщенную руку ладонью вверх. Надо толкнуть речь, подумал я и заговорил на мужском ишианском диалекте высокоравных.

– Тцитик уй ок каба тен лахун ачит, – произнес я. «Меня, который ниже тебя, зовут 10 Сцинк». – Наша семья называет меня твоим братом [то есть родственником] из дома Гарпии из Иша, восемнадцатым [приемным] сыном 2 Драгоценного Черепа, того, что берет в плен по двадцать человек сразу.

– А кто твой отец? – спросила она. – И какие у тебя имена кроме 10 Сцинка?

– Мой отец – 2 Драгоценный Череп.

– А кто освещал твое пробуждение? – продолжала она допрос.

Я ничего не сказал о других своих именах, но, как и все хорошие дознаватели, Кох не повторила вопрос, на который не получила ответа. Наверное, решила немного выждать.

Я назвал ей дни именованья ритуальных бабок 2 Драгоценного Черепа.

– Кто освещал твоих дедов?

Я озвучил имена рода Гарпии, в который меня принял 2ДЧ.

– Когда ты стал братом кровных Гарпии?

– Тридцать три огня назад.

– А кто дал тебе твою грандезу? – Она спрашивала о моих наставниках солнцескладывателях. Ее шепелявый из-за отсутствия зубов голос казался еще старше, чем ее кожа, – я представил себе обгоревшее полено, которое тащили по влажной земляной

тропинке.

– 7 Шип из дома Гарпии в Ише, – сказал я.

Мне это не показалось убедительным. Нервничаешь, подумал я. Ничего, все хорошо, успокойся.

– А почему ты, который равен мне, не доверяешь Левому Юкке? – Она взглянула на меня в упор. – Или он слишком много болтает?

– Я доверяю ему.

Может, она подглядывала за нами через глазок, когда мы стояли во дворе? Но какого бы мнения я ни был о племяннике 14 Раненого, как она прочла мои мысли? Не мог же я выразить свое недоверие жестами?

– Дом Гарпии все еще плотен, все еще зелен? – Эта идиома означала: «Крепко ли стоит дом, свежа ли кровля на крыше?» То есть все ли у нас в порядке?

Я сказал, что все хорошо.

– Но вы должны играть большую хипбольную игру против Оцелотов, – проговорила она.

Вот незадача. До нее дошли вести о наших трудностях. Как быстро ни беги, слух все равно обгонит тебя. С таким же успехом можно было всем раздать сотовые телефоны. Известно ли ей о фиаско на муле? Догадалась ли она, что мой визит каким-то образом связан с тем событием?

Я цокнул «да», ожидается большая хипбольная игра. Уточнять не стал.

– Ты раньше играл в хипбол, – прошепелявила Кох. – А теперь не играешь. Верно?

Черт. Неужели она догадалась об этом по сложению Чакала и его сломанному носу? Распознала чемпиона по движениям тела? Или же ее шпионы заметили пятна у меня на коленях или локтях в тех местах, откуда были удалены мозоли? Так или иначе, врать больше, чем того требуют обстоятельства, не следует. Я цокнул утвердительно.

Кох замолчала.

Мы с 2ДЧ провели долгие часы, размышляя, как лучше обтяпать наше дело. Решили очень ненавязчиво и мягко попросить госпожу сыграть на гибель Теотиуакана. В случае необходимости я выложу часть информации, дабы убедить ее, что это место обречено. Потом попытаюсь вовлечь Кох в дискуссию о проблемах общины Сотрясателя. Если все пройдет идеально, мне удастся ее зацепить, вдохнуть в нее желание оставить, к чертям, этот город, а там я уже буду действовать по обстоятельствам – чтобы госпожа поддалась на обман и стала искать нашей помощи. И тогда я предложу ей убежище в Ише.

Конечно, нужно внушить Кох уверенность, что она может рассчитывать на нашу защиту. При этом 2ДЧ не хотел сообщать ей слишком много. Предполагалось сразить ее воображение несколькими фокусами, на которые я был мастер, – соорудить барометр или плавающий компас, нарисовать эллипс с помощью штангеля да просто раскрыть ей суть дробных чисел. Мы исходили из того, что она не слишком умна и купится на такие штуки – на любого солнцескладывателя они произвели бы неизгладимое впечатление. И за это я мог бы получить кое-какие тайные знания, снадобья и рецепты. Но я не должен спрашивать ее об игре в Кодексе, потому что это приведет к разговору о дате 4 Ахау в 2012 году и мой интерес может вызвать у госпожи подозрения. В конце концов, до тринадцатого б'ак'туна оставалось еще ох сколько времени. Разумеется, ни к чему рассказывать Кох о Джеде, о том, откуда я на самом деле. Во-первых, госпожа не поверит. Во-вторых, даже простофиля, готовый развесить уши и смотреть в рот кому угодно, не сумеет представить себе этого. Только те, кто пережил столь невообразимые метаморфозы, как мы с 2ДЧ, поняли бы, о чем я говорю. Для остальных это был бы разговор на марсианском языке о марсианских делах.

А переборщи я с трюками, раскрой слишком много тайн, и Кох чего доброго решит, будто я струпосеятель, курильщик – могущественное божество в человеческом обличье – или представитель выдающегося складывателя, который действует через 2ДЧ, чтобы утаить имя своего истинного хозяина. Еще подумает, что я и сам девятичерепной складыватель (о котором она почему-то не слышала), скрывающий свои способности. А вдруг ей втемяшится

в голову, что я шпион из синода (если верить народной молве, они знали все обо всех), который пытается спровоцировать ее на очевидное предательство? Предсказать, как она поступит, было невозможно. Возьмет и сообщит обо мне своему ордену – ведь она связана с его апологетами кровным родством. А они, скорее всего,отреагируют инстинктивно: усмотрят в моей персоне слишком большую угрозу для статус-кво и прикончат меня.

В лучшем случае Кох подумает, что ее водят за нос. Она придет к выводу (и не без оснований), что, получив желаемое, я тут же дам деру. Короче, я должен представиться ей как новичок складыватель, у которого тем не менее случаются прозрения, и на том остановиться. Ей не следует слишком много знать о том, почему я оказался в Теотиуакане, вернее, пусть считает, что я прибыл сюда по обычным торговым делам. Не стоит говорить о проблемах 2ДЧ в Ише. Хотя уже поздно скрывать это. Я собирался ей внушить, что бакаб велик и контролирует ситуацию, а дом Гарпии – единственный у нее на родине, который готов предоставить ей безопасное убежище. Госпожа Кох должна пребывать в полной уверенности, что едет в Иш по собственной воле. И конечно, самое главное – узнать у нее про порошок. Нет, вообще-то упоминание о зелье чревато последствиями... Если Кох заподозрит, что за ним-то мы и охотимся в первую очередь, то здесь поднимется тревога и меня вышвырнут прочь.

Кох махнула своей худенькой легкой рукой. Из-за моей спины появилась Пингвиниха, которая несла здоровенную корзину. Она встала на колени перед жаровней, маленькими пальчиками ловко вытащила две большие глиняные шестилепестковые чаши и две цилиндрические кружки. Блюда, сосуды и прочая утварь в Теотиуакане были сделаны искусно, хотя и без всяких украшений – что твой «пирекс»,⁶⁵⁵ как писала Эстер Паштори.⁶⁵⁶ Теотиуакане опасались зависти некоторых особо бедных курильщиков, поэтому не роскошествовали. Карлица смешала измельченные какао-бобы с медом и горячей водой – именно в таком порядке – и, как полагалось, перелила жидкость из одной кружки в другую, чтобы появилась пена, и подала Кох. Та сделала глоток и вернула сосуд своей служанке, а она протянула его мне. Я поблагодарил жестом за оказанную мне честь, отпил половину, показал, что напиток замечателен, и опорожнил кружку. Он обжигал – не температурой, а пряной кардамоновой остротой.

Этим угощение исчерпывалось. А ведь я успел изрядно проголодаться. Вы, наверное, думаете, что мне принесли поднос с гигантскими жареными тараканами или другой какой экзотикой? Нет, тут царили иные порядки. Напитки при приеме гостя подавались в силу обычая, а не для утоления жажды. Здесь редко выпивали в компании. Ничего похожего на восточные чаепития или западные коктейли в древней Мезоамерике не существовало. Ты брал предложенный напиток, выпивал его стоя маленькими глотками, и на том дело заканчивалось. А уж закусывать приходилось за собственный счет. Эта традиция совершенно выбила бы меня из колеи, если бы не Чакал – он привык к такому образу жизни. Местные жители – даже из обеспеченных семей – редко садились за трапезу больше двух раз в день. А приблизительно каждый третий день они вообще ничего не ели. Если кому-то предлагали кусок вяленой оленины – скажем, тому же Хун Шоку, – он обычно отвечал: «Нет, спасибо, я только вчера поел». А ведь он был хипболистом, которому требовался вес. Но когда тут все же разговлялись, это превращалось в лукуллов пир. На средненькой царской трапезе три четверти еды выбрасывалось... Так о чем это я?

Да, пора что-нибудь сказать.

– Мы, которые ниже тебя, принесли тебе узелок, – сказал я. Узелком вежливо называли подарок или подношение, и совершенно не требовалось уточнять, что там внутри. – Я

---

⁶⁵⁵ «Пирекс» – фирменное название кухонной утвари, первоначально делавшейся из термостойкого стекла.

⁶⁵⁶ Эстер Паштори – профессор, преподаватель Колумбийского университета, специалист по истории индейского искусства доколумбова периода.

пытался прочесть черепа для нас, для моей семьи, но не смог. Мы просим тебя: прими узелок и прочти наши черепа.

– Ты, который равен мне, даешь слишком много, – отвечала госпожа.

Она умолкла, тишина становилась невыносимой, и я обратился к Кох с просьбой еще раз. Черт побери, если она откажет, я начну тут все крушить. Хотя на самом деле один складыватель не может и не должен отказывать другому в чтении. По крайней мере, не в том случае, когда вы ведете разговор с глазу на глаз. Или я слишком полагался на профессиональную этику?

Пингвиниха зажгла на маленьком блюде ароматический шарик – такие в Паленке использовали в качестве часов. Судя по его размеру, он был рассчитан приблизительно на четверть девятой части огня, примерно на сорок две минуты. Нужно поспешать, подумал я. Но пауза продолжалась. Наконец Кох дважды цокнул а языком, а это означало, что она берется за работу. Она отвязала две ленточки от своего посоха, и оказалось, что это свернутое плетеное игровое поле. Она разложила его на западной стороне от жаровни. Поле было как у 2ДЧ – с тем же числом ячеек, только крупнее. Госпожа открыла кувшин, взяла щепоть измельченного табака и втерла себе в бедро с внутренней стороны.

Ладно, подумал я. Начнем с самого легкого.

Я попросил ее назвать дату моей смерти.

Она взяла горсть семян дерева тц'ите и разбросала их по полю.

В ее манерах сквозила небрежность, и у меня создалось впечатление, что она попытается отделаться от меня самой короткой игрой. Четыре бегунка загнали камень моего второго «я» почти что в тупик. После коротких расчетов она назвала мне как наиболее вероятную дату следующий Вак Ахау, Вашак Муан, или 6 Владыки, 8 Драгоценной Совы, день, который наступит через сто тридцать два огня. Похоже на правду – я протяну недолго. С учетом роста мозговой опухоли у меня оставалось сто десять дней, в течение которых я сохраняю способность ясно мыслить. Однако прозвучали и более ранние даты смерти в текущем туне: Кан Мулук, Вуклахун Шул, 4 Дождя, 17 Конца, и Хун Эб, Мих Мол, 1 Захвата, 0 Сбора. Хорошенький выбор. Я цокнул, давая понять, что принимаю диагноз.

Пока что меня постигали разочарования. В ее прогнозах я не видел ничего из ряда вон выходящего. Я спросил: «Где будут мои потомки (детей у меня не было, так что подразумевались будущие поколения рода 2ДЧ) 9 Ночи, 1 Темной Воды, в первый тун пятнадцатого к'атуна, одиннадцатого б'ак'туна? И сколько их там будет?»

Вопрос вполне традиционный, если не считать временного промежутка. Дата приходилась на 1522 год, она наступит через 313 285 дней, когда случится предсказанная в Кодексе катастрофа.

Старуха и бровью не повела. Взяла пять бегунков и разбросала зернышки по полю, быстро их пересчитала и заявила, что в этот день около пятнадцати двадцаток потомков Гарпии снова вернутся «в костные свертки основателей на безречном севере». Это означает Юкатан, подумал я. Другие, около сотни двадцаток, будут «разбросаны по джунглям, которыми зарастут драгоценные города».

Ну что ж, по крайней мере, впечатляет, подумал я. Отлично. А теперь перейдем к серьезным темам.

– Какое солнце будет последним для Города Бритв? – выпалил я.

Она помедлила с ответом, что делала довольно часто. Я сидел молча. Наконец госпожа заговорила.

– Дети, – она имела в виду клиентов, – задавали мне этот вопрос четыреста раз.

Кох рассказала, что на протяжении последнего к'атуна несколько предприимчивых складывателей называли разные даты гибели города. Но эти дни уже прошли, а х'мены либо убежали, либо были убиты. И тем не менее конец уже близок, так полагают лучшие складыватели и их элитная клиентура. Предчувствие охватило всех. Некоторые правящие дома признали этот факт и готовились к миграции.

Повторюсь: сам я не знал, когда город падет. Возможно, этого не знал никто.

Археологические данные были довольно неопределенными. А в Нюрнбергском кодексе о гибели Теотиуакана не говорилось, во всяком случае, на тех страницах, которые удалось прочесть. Теперь же, если верить Кох, эта дата не уточнялась ни в одной из известных игр.

– Но разве ты ничего не обнаружила? – спросил я.

– Запись слишком близка к нашим глазам, – сказала госпожа.

Речь шла о нарушении событийного конуса, по выражению Таро, или о проблеме наблюдателя-участника. Невозможно предугадать то, на что ты сам оказываешь влияние. Вовлеченность в ситуацию мешает понять, как она будет развиваться. Ларошфуко называл это «l'aveuglerie de l'oeil qui ne voit pas lui-même» – «слепотой глаза, который не видит сам себя», а Стивен Кинг – «мертвой зоной». Вы, наверное, полагаете, что чем ближе событие во времени, тем проще его предсказать, а чем дальше – тем сложнее. Обычно так оно и есть, но только до определенного момента. А после – все наоборот. Иными словами, очень трудно руководствоваться собственными советами.

– Можешь ли ты, которая надо мной, сыграть на это солнце? – спросил я.

– Это солнце живет в дыму, – сказала Кох.

О черт. Она хочет, чтобы я израсходовал все свои заготовки. Проклятье, я думал, что госпожа проявит больше любопытства. Ее должно интересовать, что я представляю из себя как складыватель, каким образом узнал все, что написано в послании... да много чего. Хорошо. Попытаемся всучить ей что-нибудь.

– Я знаю, что у Города Бритв осталось всего несколько восходов, – сказал я.

– Следующий огонь – последний, – согласилась она. – Так и было с того времени, когда я пришла сюда.

В переводе: «Все как обычно. Есть еще новости?» В общем-то, ответ был не очень вежливым. Наверняка она полагала, что стоит выше этикета...

– Ч'ак сак ла хун Кавак, ка Во, – добавила госпожа. «Не предпринимай ничего 10 Урагана, 2 Жабы».

А подтекст такой: «Не принимай никаких решений в этот день. Оставайся дома и не ищи неприятностей».

Я цокнул «да».

– Хорошо, – кивнула она и встала.

Кох чуть качнулась, проковыляла мимо меня к занавесу из шкур, я услышал, как она отодвигает его.

Я остался один. Прошло сто биений, потом еще четыреста. Она не вернулась.

«Что за фигня? – спрашивал я себя. – Неужели это все? Так вот взяла и ушла? Нет, так тут не поступают. Что это за хрень такая? ЧЭЗХТ?»

Я сидел. Отсчитал еще четыреста биений. Прислушался. Я ни черта не слышал. Как они умудряются устраивать здесь такую тишину? Словно здание окружает стена, отражающая городской гвалт. Никаких потоков воздуха. Дым от факела поднимался к отверстию наверху почти по прямой. Я подождал еще немного.

Черт. Провал. Зачем мы проделали весь этот путь? Неужто 2ДЧ просто пытался избавиться от меня? Сейчас кто-нибудь войдет, накинет мне на шею удавку... Может быть, госпожа Кох не такой уж и супер. Проклятье, ну почему я всегда попадаю на игроков второго состава? Мне ведь нужно было встретиться с кем-нибудь первоклассным. С человеком, который мог бы взять на себя инициативу.

Еще восемь сотен биений. Голова немного кружилась. Какой-то ингредиент в шоколаде вводил меня в странное состояние. Я не знал, как назвать его, но не сомневался: на меня что-то подействовало.

Надо было сказать ей больше. Письмо не привлекло ее внимания. Если подумать, почему 2ДЧ настаивал на такой скрытности? Не хотел, чтобы я слишком впечатлил Кох? Желал пустить ей пыль в глаза, дескать, главные тайны знает лишь он, бакаб? Опасался, что я преисполнюсь чрезмерной самоуверенности? Или независимости?

Но теперь поздно сожалеть об упущенных возможностях.

Не вернуться ли назад, проскользнув по потайному ходу? Да, но его придется искать на ощупь. Лучше просидеть здесь еще пару часов, посмотреть, что будет. Или...

Бля!

Я не считаю себя слишком прозорливым, по крайней мере, в тех областях, которые не могу контролировать, как, скажем, игру. Меня охватила паника, которую усиливали разочарование и досада. Представьте, что вы находитесь ночью в ярко освещенном доме, где нет психогигиенических приспособлений в виде жалюзи на окнах, и проникаетесь уверенностью, что за вами кто-то наблюдает, причем не с самыми дружелюбными намерениями. В общем, я так нервничал, что взял факел из держателя и шмякнул им об пол. Взвился сноп искр. От удара семена воскового мирта, обмакнутого в собачий жир, разлетелись по коврикам (немного увлажненным, как татами) и, зашипев, погасли.

Я сидел в темноте. В отверстии наверху не осталось и следа синевы. Тут слишком короткие сумерки. Нет сумерек в чертогах солнца. Мрак. Посмотри правде в лицо, Джед, старина. Ты проиграл большую игру. Угольки мирта потухали один за другим, словно умирающая галактика.

Я прислушался. Глухо.

И вдруг заметил слабый свет. Прямо перед собой. Я встал на колени, подался вперед, к тому месту, где прежде сидела Кох, и вперился в темноту. Сияние исходило из соседней комнаты – от жаровни со свежими углями, мерцающими за решеткой, кажется, из птичьих перьев. Стена между помещениями представляла собой экран из металлической сетки, наподобие задника в театре. Блестящие чешуйки действовали как двустороннее зеркало. Там кто-то сидел – всего в трех руках от меня. Я начал различать контуры, а потом и формы. Это была молодая женщина в том же одеянии и той же позе, что и старуха.

Я мысленно обратился к ней: «Ты знаешь, что я тебя вижу».

И приказал себе успокоиться. Набрал воздуха в легкие, повел плечами и выдохнул. Женщина не шелохнулась. В неверном свете проступили подробные детали. Правая ее рука была выкрашена черным, я не мог ее отчетливо рассмотреть и сосредоточился на левой – с семью пальцами. Самый маленький, острый, без суставов, как щупальце анемоны, едва ли достигал размеров ружейной пули калибра 0,22. Я перевел взгляд на лицо незнакомки. Лоб и переносица были бледными, вся нижняя часть – черной, граница проходила под левым глазом, над верхней губой и по правой щеке.

(50)

– Какие другие имена есть у тебя, который равен мне? – спросила женщина.

Она хрипела не мелодичнее, чем та старуха. Лучше ответить.

– Мое хипбольное имя – Чакал, – сказал я.

– А кто твои другие отцы, другие матери, другие старшие братья, младшие братья? – Поначалу она говорила глуховато, как преждевременно состарившийся человек, но после того как произнесла слово «на'об» – «матери», голос зазвучал ниже, выровнялся, словно она начала молодеть.

Я произнес имя отца Чакала.

– Откуда ты? – Я слышал теперь чистое контральто, ниже, чем у средней майяской женщины.

«Какого черта?» – недоумевал я. Значит, когда со мной беседовала старуха, настоящая госпожа Кох чревоушала за ее спиной. Зачем? И как самозванка знала, когда шевелить

губами? Неужели они обменивались сигналами? Дергали за шнурок, наступали на стержень в полу?

– Из Иша.

– А где ты был прежде?

– В Болокака, – ответил я.

Так называлась деревня Чакала.

– А до Болокака? – продолжала Кох. Говорила она распевно, и, вероятно, из-за этого я немного поплыл.

– В Йананекане, – машинально сказал я.

Это было нынешнее название района вокруг Альта-Верапаса, где рос Джед.

– А после этого, но до Болокака?

– Я в темноте, – ошарашенно пробормотал я, что означало: «Не понимаю».

Черт побери, Джед. Ты позволяешь этой магича⁶⁵⁷ тут командовать. Спокойнее.

– Ты, вероятно, покинул Йананекан до того, как стал кровным, – произнесла она.

Я цокнул «да», чувствуя, что она обшаривает меня глазами. Пожалуй, эту женщину так просто не провести. Как любой хороший солнцескладыватель, она может почувствовать ложь через свинцовую стену.

– А какое солнце освещало твой уход?

Я выдал правдоподобную дату.

– И как тебя тогда звали?

– Чакал.

– Но это не первое твое имя?

Я начал говорить, что первое, но услышал неуверенность в своем голосе. Слишком поздно возражать, подумал я. Это было все равно что сказать «да».

Она помедлила. Я мельком бросил еще один взгляд на нее. Когда я видел ее изображение у 2 Драгоценного Черепа, мне думалось, что ее лицо и руки раскрашены. Но теперь я понял, что рисунок вытатуирован. Хотя, несмотря на всю эту лабуду, она довольно хорошенькая. У нее прекрасная кожа, если забыть об этой дурацкой краске, симметричные черты. А еще госпожа Кох излучала женственность – женственность в смысле сострадания, или нежности, или обещания нежности, – глядя на нее, можно было предположить, что когда-нибудь она станет хорошей матерью своим детям. Когда-нибудь, но не скоро. Я потупился, сосредоточившись на единственном лепестке герани, который лежал на рогожке.

– И почему ты, который равен мне, отправился в путь? – спросила она.

– Потому что 2 Драгоценный Череп хочет защитить свою семью.

– 2 Драгоценный Череп хочет то, чего хочет. Но ты, который равен мне, чего желаешь ты?

В ее голосе появилась новая нотка... Нет, я не был уверен, что сумею правильно истолковать это. В нем звучали раздражение, обида: «Почему ты не доверяешь мне?»

– Я, который ниже тебя, лишь повинуюсь приказам бакаба, – ответил я.

– И все же ты, кажется, хочешь большего.

– Так говоришь ты, которая надо мной.

Пауза.

Я насчитал сорок биений.

– Ты здесь свой? – проговорила она наконец.

Нет, подумал я, определенно нет... и тут понял, что не просто подумал – а произнес это вслух. Проклятье. Нарушая протокол, я поднял на нее взгляд. Она смотрела на меня.

Она видит мое одиночество. Оно так же очевидно, как синий цвет смурфов.⁶⁵⁸ Я снова

---

⁶⁵⁷ Мужеподобная женщина (*исп.*). (Прим. ред.)

⁶⁵⁸ Смурфы – персонажи комиксов, синие гномы, придуманные бельгийским художником Пьером Кюллифором (1928–1992).

опустил голову и снова сделал движение, говорившее: «Как скажешь ты, которая надо мной».

– Так где же ты был до Болокака?

– На севере, – сказал я.

Я не должен отвечать на все эти вопросы, подумал я. Еще минута – и я начну кипеть от злости...

– Как далеко на севере?

– Дальше, чем отсюда до Иша.

Опа. Я вовсе не собирался это говорить.

– Ты хочешь сказать – дальше, чем Океан Кости? – Она имела в виду пустыни к северу от озерной страны.

Я хотел было снова изобразить покорность, но потом подумал, что не стоит выставлять себя лицемерным, уклончивым пройдохой. Поэтому я цокнул «да».

– И как там?

– Иначе, чем в Ише, – сказал я.

– Насколько иначе?

– Совсем по-другому. – Я сам себя не узнавал.

– То есть больше, чем иначе.

Я помедлил. Какого черта ей надо?

– Ты права, – наконец выдал я. – Там все так отличается от Иша, что и красок нет. – Это означало: представить невозможно.

Мои слова заставили ее задуматься на секунду.

– А кто был твоим первым отцом? – спросила она.

Пауза. Проклятье, подумал я. Она подходит слишком близко. И неудивительно. Ты болтаешь, как смешливая девица после двух затяжек смеси травы и кокса. Черт побери, Джед, голова садовая, заткни пасть. Я сумел удержаться от ответа.

Молчание затянулось. Сто двадцать биений. Две сотни. Наконец, понимая, что не стоит это делать, я поднял взгляд.

О-го-го. Я опустил глаза.

Мне показалось, что ее лицо вспыхнуло от гнева. Оно было не рассерженным – угрожающим.

Проклятье. Кох знает: ты скрываешь что-то серьезное. Может, она уловила выражение, которое ей не понравилось. Осторожнее. Ты здесь можешь исчезнуть навсегда. Торговый клан Гарпии богат, но его влияние в Теотиуакане ничтожно. Пусть у Кругопрядов есть кое-какие проблемы с властями, но меня-то они могут раздавить, как таракана.

– Кто был курильщик, осветивший лицо твоей матери? – спросила она.

Я назвал ей день именованья матери Чакала. Меня распирало желание сказать больше, но я языком втянул верхнюю губу между двумя выступающими зубными вставками и сжал до боли. Так я заставил себя промолчать. Таким трюком пользовался Чакал. Проклятье, что они мне подсунули в этом пойле? Что-то диссоциативное, вытяжку из наркотического шалфея, тетродотоксин или... Впрочем, что бы это ни было, Джед, ты сможешь справиться. Легко. Помни: главное в сыворотке правды – это то, что она не действует. В лучшем случае провоцирует словесный понос. Упрись рогом. И не пей больше горячий шоколад. Я снова прикусил верхнюю губу.

Опа.

В поле моего зрения утиной походочкой вошла Пингвиниха. Она просунула один из своих коротких пальцев в петлю экрана, разделявшего меня и Кох, и отвела его в сторону. Экран сложился, как гармошка. Теперь мы с госпожой находились в одном пространстве. Пугающая перемена – карлица не просто убрала перегородку, она словно содрала с меня одежду. Я увидел, что половина лица госпожи Кох черна не от татуировки, это естественный

цвет насыщенного мелатонина, как у черного родимого пятна. Она была пегой. На рисунке 2ДЧ верхняя часть ее лица изображалась синей, но на самом деле госпожа имела обычный оттенок кожи, бледноватый (как и у всех женщин майя, принадлежащих высшему классу), потому что она защищалась от солнца. Татуировка, скорее всего, только подчеркивала границу между двумя зонами. Линия, слишком правильная, овальная, вряд ли была естественной. Приметы, о которых рассказывал 2ДЧ, прямо-таки бросались в глаза. Точно-точно. Он говорил, что госпожа является родственницей Джанааба Пакаля, ахау Лакамхи, нынешнего Паленке. А у того одиннадцать пальцев, верно? Может быть, двуцветность каким-то образом связана с многопалостью. Одно другого не исключает. По крайней мере, это лучше, чем габсбургская губа. Или ганноверская гемофилия. Кох вздохнула, и я мельком увидел два передних зуба, инкрустированных изумрудами.

Карлица привязала сдвинутый экран к стене, а потом словно растаяла, исчезнув в одной из кроличьих нор. Следуя правилам вежливости, которые прекрасно знал Чакал, я снова устался на коврик.

Кох спросила:

Когда ты в последний раз прикасался к отцу? И когда
Ты в последний раз прикасался к матери?
Кто был тот курильщик, который засыпал ее пеплом?
Когда настала ее темнота?
Почему ты ушел, а не остался У их ног, у их очагов?

Горло сдавил спазм. Сердце оборвалось. Проклятье. Она видит меня насквозь. Прозорливая сучка. А я-то думал, что надел маску покериста. Расслабился, а она тут же воспользовалась этим.

Так. Успокойся. Сначала подумай хорошенько, все взвесь, а потом говори.

Где твоя мать? И где твой отец?
И где твой сад?

Она уже спрашивала об этом. Я чувствовал себя слегка под хмельком. Ошибка за ошибкой, старина, думал я. Соберись. Я еще сильнее прикусил губу. По языку разлился пресноватый вкус крови. Я не ответил.

Когда ты в последний раз видел свою младшую сестру?
Свою старшую сестру?
Где ты в последний раз видел своих младших братьев,
Своих старших братьев?
Когда в последний раз выжигали твою милпу? Очищена ли
она?
Заросла ли она сорняком?
Кто подметает твой амбар? Есть ли на нем кровля?
Готов ли он к урожаю?
Кто отгоняет скворцов? Кто готовит
Тебе лепешки?
Кто распевает твои имена на площади, когда внуки
Кружатся вокруг костра?
Когда ты приходишь домой с натруженной спиной,
Кто растирает ее мятым маслом?
Когда ты приходишь домой ночью в холод,
Кто ждет тебя на пороге?

Я не мог ответить.

Я никогда не плакал, будучи Чакалом, и не помнил ни одного момента в его жизни, когда бы он поддался этой слабости, по крайней мере после первого посвящения в хипбол. Там, где он вырос, не плачут, а если плачут, то умирают. Насколько мне было известно, он не мог заставить себя прослезиться. Его глаза утратили это свойство. Но ощущение близости слез, когда жидкость вокруг твоих глаз горчит и теплеет, давление растет, не исчезло. Проклятье, подумал я. Соберись. Я сидел, уставившись на лепесток герани. Он был длиннее других, стоял торчком на вывернутой ножке, как морской конек.

– Ты хочешь сказать мне что-то, – раздался голос Кох.

Или мне это только показалось? Джед, возьми себя в руки.

Я выпрямился и смерил ее взглядом снизу вверх. Если бы я сфотографировал Кох сейчас, то ее лицо на снимке наверняка сохранило бы свою бесстрастность. Отчего же мне чудилось, что она смотрит на меня снисходительно, сочувственно, чуть ли не с улыбкой? Все это выражалось в ее зоре. А может, в едва заметном наклоне головы. Или она намеренно излучала какой-то феромон...

– Внутри тебя есть кто-то еще, – произнесла она.

Я еще сильнее прикусил губу. «Как скажешь ты, которая выше меня», – изобразил я и поднял голову. Наши глаза встретились. А ведь визуальный контакт тут считался делом серьезным. Помните, как в фильме «Офицер и джентльмен» Луис Госсет-младший говорит: «Ты на меня глазами-то не зыркай, солдат! Пользуйся периферийным зрением!» Я снова потупился.

– Ответы – это правнуки вопросов, – сказала Кох.

Думаю, ее слова означали: если я не хочу ничего говорить, то напрасно жду, что она подсчитает мои солнца.

– Я, который ниже тебя, не искушен в речах, но прошу, чтобы ты учла каждое слово, – отвечал я. (То есть хватить болтать, давай-ка начинай игру, к чертям собачьим.)

– Я, что ниже тебя, слишком бедна, чтобы ответить равным даром на твой узелок. – «Забирай свои треклятые перья и все остальное и выметайся из моей лавочки».

Госпожа посмотрела налево, на запад, – в направлении, которое обозначало прошлое. Она давала мне понять: забудь этот разговор и вали на все четыре стороны.

– Солнца, которые я хочу сосчитать, очень немногочисленны, сопротивлялся я. – Они светят и тебе. – «Ты обречена, ведьма. Твои дни можно пересчитать по пальцам, сучка, и если ты будешь артачиться, то мы вместе...»

Раздался треск – будто мой сосед по парте во втором классе сломал карандаш. Я уставился на Кох. На ее лице появилось иное выражение. Дрессировщики говорят, что разница между волком и собакой в том, что собака смотрит на тебя, а волк – сквозь тебя. Собака глядит тебе в глаза и сочувствует тебе. Кох не смотрела мне в глаза. Она смотрела сквозь меня.

Она желает мне зла, подумал я. Нужно выбираться отсюда. Я заерзал, готовясь встать. Но мое тело тяжело качнулось туда-сюда, словно надувной детский бассейн, затянувшийся зеленой ряской. Центр тяжести явно сместился. Мои ноги затекли и мучительно гудели. Нарвался-таки, подумал я. Она собирается... черт, лучше ринуться вперед, схватить ее за горло, попытаться... нет. За нами, возможно, наблюдают стражники. Давай-ка соберись и покинь это заведение с величественной поспешностью. Я распрямил ноги. Медленно, словно чтобы не привести в действие тревожную сигнализацию, срабатывающую на движение. Я подался вперед и опустил руки, чтобы оттолкнуться от пола. Отлично. На счет «три» встаем. *A la uno, a la...*

Кох вскрикнула.

Я впился в нее взглядом. Ее голова откинулась назад, на лице застыла ухмылка – распахнутый устрашающий оскал. Зрачки закатились, изумрудная инкрустация зубов посверкивала, как ряд фасеток. Визг прошелся по всей гамме – разрывающий барабанные

перепонки фэйрээвский⁶⁵⁹ вопль абсолютного ужаса и агонии, звук, который вырывается у тебя из глотки, когда клыки ягуара вонзаются тебе в шею. Я отпрянул назад, мысленно отпрянул, потому что остался сидеть в прежней позе. Меня будто парализовало.

Полицейские учатся кричать «не двигаться!» так, чтобы люди действительно замирали на месте. Но бывает, у задержанных шок быстро проходит. В данном случае ситуация была другой. Сочетание наркотика в шоколаде и вопля каким-то образом сковало мои мышцы, вызвало первобытную реакцию – так застывают сумчатые, заслышав рев хищника, когда не видят возможности бегства.

– Хайн чама, – сказала Кох. «Возьми это».

Она протянула руку. Между средним и указательным пальцами было зажато семечко дерева тц'ите, похожее на фишку для игры в го.

В поле зрения возник мой правый кулак. Я смотрел, как он медленно поднимается, приближается к ее руке, пальцы разжимаются – ладонью вверх. Семя упало в ладонь. Пальцы сомкнулись, и рука опять легла на бедро. Я поднял глаза на Кох. Громко хрустнули мои шейные позвонки.

Голова у меня кружилась. На ее лице появилось прежнее пустое выражение. Как ни странно, я не испытывал к ней злобы. Просто чувствовал себя так, будто из меня выпустили воздух.

– Когда ты спишь, с тобой можно делать что угодно, – заметила она, имея в виду, что сумеет в любой момент парализовать меня и мучить. Пока я не скажу все, что она хочет знать. Мы имеем способы⁶⁶⁰ и т. д.

Я никогда не считал себя особо храбрым человеком. И все же... то ли давали о себе знать хипбольные нервы Чакала, то ли усталость. Но я произнес два слова:

– Бин эль. – «Валяй».

Мне удалось сказать это с убедительной долей безразличия. Ко мне вернулись прежние твердость и мужество. Валяй, sabrona.⁶⁶¹ Как написано на плитке гранолы:⁶⁶² «То, что надо».

Она и глазом не моргнула. Лицо ее словно застыло. Ну просто Кенни Тран,⁶⁶³ когда он очистил мои карманы в последней игре турнира «Ставки без ограничений» в казино «Коммерс» в 2010 году.

– Актан ча уи алал, – процедила она наконец. Приблизительно: «Убирайся».

Да с большим удовольствием, подумал я, но тут же все словно перевернулось в моей голове. Меня захлестнул поток безысходного разочарования. Просто класс. Торчу тут уже который час – и что... Черт побери, куда я пойду? От всемирного холокоста не скроешься. От мозговой опухоли тоже. Что я буду делать? Шнырять по Теотиуакану и пытаться выцыганить порошок каким-нибудь другим способом? Попытаться прикупить зелья в районе красного храма? Хрена с два. Мигом прихватит Штази Ласточкиных Хвостов и сделает из

---

⁶⁵⁹ Вина Фэй Рэй – американская актриса, сыгравшая в фильме «Кинг-Конг» (1933).

⁶⁶⁰ «Мы имеем способы заставить вас говорить» – традиционная фраза, которую произносят с целью вызвать ассоциации с гестаповскими застенками.

⁶⁶¹ Коза (*исп.*). (*Прим. ред.*)

⁶⁶² Гранола – блюдо для завтрака наподобие мюслей, смесь зерновых хлопьев, орехов, сухофруктов и меда. Гранола в плитках производится в основном в Америке.

⁶⁶³ Кенни Тран (Пхуонг Тран, р. 1974) – американский (вьетнамского происхождения) профессиональный игрок в покер, победивший на многочисленных турнирах.

меня carne molida.⁶⁶⁴ Черт, черт, черт. Внутренний голос твердил (ненавижу всю эту брехню про интуицию, но на сей раз и в самом деле стоило прислушаться): если не сейчас, то никогда.

– Вы обречены. Я пришел, чтобы помочь вам. Мне известно то, чего ты никогда не сможешь узнать сама. Городу Бритв осталось всего несколько солнц, – произнес я.

– Как же тебя зовут?

Меня пробрала дрожь – может, из-за ее интонации. Наверное, она заметила гусиную кожу на моих руках. В Ише и Теотиуакане все только и делали, что колдовали да ворожили. Однако ничего сверхъестественного (кроме игры, которая не считается), что можно было бы действительно назвать магией, сверхчувственным восприятием, труднообъяснимым совпадением, я не видел. Уверен, что Кох не использовала чары, когда приковала меня к месту. Тем не менее состояние психопатической оторопи не проходило.

Спокойнее, Джед, подумал я триллионный раз. Никакая она не колдунья. Я посмотрел на нее. Если она и удивилась, то не показала этого и продолжала обшаривать меня взглядом. Я снова опустил глаза.

Черт. Что ж, пора играть в открытую.

– Каба тен Хоакин Карлос Хул Михок де Ланда, – сказал я.

Странно звучал здесь испанский. Крохотные искорки блеснули в глубине ее глаз, словно я все же завладел ее вниманием.

– И какое солнце освещало твое именование? – спросила она.

– Солнце 11 Ревуна, 4 Белизны в пятом уинале первого туна восемнадцатого к'атуна тринадцатого б'ак'туна.

Последовала пауза, но недолгая.

– Кто была твоя мать? – спросила она. – И кто был твой отец?

– Мою мать звали Флор Тицак Мария Михок де Ланда. Она принадлежала к народу чоль. Мой отец – Бернардо Койи Шул Симон де Ланда из Т'оцала.

– А кто твои курильщики, твои покровители?

Я произнес имена богов Джеда – святой Терезы и Махимона, на языке майя – Мама.

– Когда ты покинул свой двор?

– 13 Имиша, 4 Мола в пятый уинал одиннадцатого туна восемнадцатого к'атуна одиннадцатого⁶⁶⁵ б'ак'туна. То есть 2 сентября 1984 года, в тот день, когда родители отправили меня в больницу в Хакане.

Госпожа замолчала.

«Ну ты даешь, Джед, – изумился я. – Во второй раз за это время ты выворачиваешься наизнанку. Возьми крошку одиночества, щепоть развязывающего язык наркотика, и ты из крутого парня превращаешься в словоблуда...»

– И как же ты попал сюда? – спросила Кох.

– Я приплыл на потоке света, – ответил я. – Меня примчал водопад.

Что за чушь я несу? Неподходящая метафора. Да ладно, проехали.

– Вот как, – протянула она.

В твое время наша родня осталась без еды?
Наши курильщики голодают?

В ее голосе слышалась (нет, не хочу это говорить, чтобы Кох не показалась нытиком, потому что, напротив, она производила противоположное впечатление; находясь рядом с ней, я чувствовал, как заряжаюсь энергией, словно держу в руках мачете или

---

⁶⁶⁴ Фарш (*исп.*).

⁶⁶⁵ Согласно авторскому летосчислению, тринадцатого. (*Прим. ред.*)

крупнокалиберный пистолет)... невыносимая печаль, словно ей пришлось столько узнать об этом мире, что это не по силам человеку, не говоря уж о женщине ее возраста, будто она видела, как миллионы существ из беспечного детства погружаются во всепоглощающее разочарование, а потом – в предпатологический ужас.

Вы иногда все еще поете их имена?
Все еще ароматизируете их скелеты?
Вскармливаются ли наши курильщики кровью рабов?
И защищают ли они вас?

– Действительно, многие мои современники забыли свои обязанности, – закивал я. Прозвучало это неубедительно. И менее весомо, чем на английском. – Но некоторые наследники все же кормят курильщиков, поднимаясь к алтарям на вершины холмов. Они могут не помнить божественных имен, но пытаются угодить всем.

– И чем же они их кормят?

«Чем-чем, – рассердился я, – уж, по крайней мере, не людьми». А вслух сказал:

– Большинство из них живут в нищете.

– Похоже, их предки остаются голодными.

– Люди делают, что могут.

– Значит, ваш мир разлагается под вами.

Да, согласен, в двадцать первом веке все и в самом деле расшаталось, сокол не слышит сокольника, чудище ползет в Вифлеем,⁶⁶⁶ все так плохо, что даже худшее не выглядит убедительно.

– Должно быть, – вздохнул я. – Но все может измениться.

– Так зачем же ты здесь? По чьей тропе ты идешь?

Это означало: «На кого ты работаешь?» Я хотел было ответить, что на 2ДЧ, но потом решил не начинать эту бодягу сначала и назвал Марену Парк.

– И почему же ахау-на Маран Ах Пок послала тебя сюда? – не унималась Кох.

– Мы прочли твое имя в книге. Запись игры от 9 Владыки, 13 Собрания сохранилась до нашего к'атуна и попала мне в руки 2 Оборотня-Ягуара, 2 Желтореберников в девятнадцатый к'атун тринадцатого б'ак'туна.

– За два солнца до того, как колдун метнул свой огонь из обсидиана.

– Да.

– И в этот день ахау-на повелела тебе собираться в путь? – уточнила Кох.

– Нет, это случилось позже. – И я рассказал ей, как мне пришлось умолять Марену, чтобы меня отправили в прошлое.

– Но она вовремя показала тебе книгу.

Я покачал головой и пояснил, что все произошло слишком поздно, сделать что-либо было уже невозможно и тысячи людей погибли.

– Но ты узнал о грядущем плохом солнце заблаговременно.

– Да.

– Значит, Маран Ах Пок хотела послать тебя сюда прежде, чем показала тебе книгу.

– Я просил ее об этом, – повторил я.

– И сколько времени тебе понадобилось, чтобы убедить ее? – спросила Кох.

Я задумался.

– Недолго.

Вообще-то я тогда управился минуты за полторы.

– Твой ответ ясен, – хмыкнула Кох.

Я заморгал. А знаешь, Джед, она права. Ты глуп. Хочешь выглядеть крутым и умным, а

---

⁶⁶⁶ Литературная аллюзия на стихотворение Уильяма Йейтса «Второе пришествие».

на самом деле – доверчивый простачок. Тебе не приходило в голову, что Марена, Линдси Уоррен, этот херов Майкл, Таро и все остальные просто дурили тебя с самого первого дня? Да Сик никогда не стремился сюда. Тебе просто кинули наживку, и ты попался. Неудивительно, что его чоланский хромал – он знал, что ему не придется говорить на этом языке.

Нет, мне не хотелось в это верить. Чтобы в мозгах прояснилось, я чуть тряхнул головой, надеясь, что Кох не заметит.

– Ты желал увидеть складывателя, который разыграл эту игру, – сказала она.

Я отвечал: мы, мол, до конца не разобрались, что должно произойти в последний день.

– В это солнце четыреста младенцев скажут нам, чего они хотят, – проговорила Кох.

Пауза. Не говори ничего, подумал я. Жди.

Но Кох молчала. Обычный допрашиваемый повел бы себя иначе. Наконец я не выдержал:

– В книге сказано: их будет больше, чем прежде, но до этих пор никого.

– Верно, – цокнула Кох.

– И они попросят о чем-то, – сказал я. – Правильно?

– Они попросят о том, чего мы не сможем дать.

Тишина.

Ладно. Может, лучше просто спросить.

– А кто такой Смардик?

Она сделала жест, означающий: «Мне это неизвестно».

– А что насчет суммы солнц их мучений и солнц их празднеств?

– У каждого живого существа больше мучений, чем празднеств.

– Похоже, так и есть, – знаками показал я и произнес: – А что насчет места предательства?

– Оно в безымянных солнцах, – сказала она.

Вообще-то это выражение означало пять безымянных дополнительных дней в конце майяского солнечного года, но в данном контексте его смысл был скорее такой: «вне пространства». А точнее, вне времени. То есть событие происходит в ином временном потоке (или струе, или измерении – как угодно), чем остальная жизнь. Это что-то вроде безвременья, тайм-аута в игре.

Пауза.

– А если из двенадцати взять два, то будет Один Оцелот? – спросил я.

– Нет, речь о том, что он сделал, – ответила Кох.

– Не понимаю.

– Один Оцелот не объяснил.

– Что ты видела в этом солнце?

– Ничего, – вздохнула она. – Я слышала все это от Один Оцелота.

– Ты играла против него? – удивился я.

Хочу напомнить вам: Один Оцелот был предком клана Оцелотов, который раскрыл водную жилу Иша и содрал деревянную плоть с утонувших немых людей в последние дни Третьего солнца.

Кох цокнула «да».

– Он находился в святилище мула Оцелотов? – спросил я.

– Его принесли в тайный двор, – пояснила она.

Это означало, что его мумию вынесли из пирамиды, а Кох играла против мумии, которая сообщала ходы через толкователя.

Так мне и надо, вполне мог сам догадаться. Ведь этот тип из Кодекса выглядел странновато. Я, кажется, говорил (а может, и нет), что почитали тут умерших не меньше, чем в стране Кем, однако мумии в этих краях не имели ничего общего с египетскими. Обычно это были фигуры из дерева и кукурузного теста, насаженные на часть костей скелета, иногда вместе с черепом. Зачастую для дорогих покойников делали маски из их собственной

выдубленной кожи, а то и надевали другие маски поверх этой, а также облачали их в пышные одеяния и украшали всяческими регалиями. В отличие от предков древних египтян индейские мумии не лежали в гробницах. Они сидели на праздниках и собраниях, их выносили на празднества и даже брали в сражения. Короче, они функционировали. И конечно, много разговаривали. Через посредников.

– Не могла бы ты, которая надо мной, снизить и поведать мне больше? – спросил я.

– О той игре больше нечего сказать. В твоей книге было изложено все.

– Но порой дичь направляют на ту же тропу, – возразил я.

Смысл идиомы был таким: «Ты можешь разыграть конец партии еще раз и получить иной результат». Ведь в шахматах берут назад выигрывающий ход, чтобы посмотреть, есть ли у проигрывающей стороны хоть один шанс.

– Этого не будет, – припечатала Кох. – Один Оцелот все еще играет живыми шарами. – Под шарами она подразумевала бегунки. – Вероятно, никто уже не повторит столь крупную игру. Конец.

Эх! Она явно намекала, что искусство игры умирает. А когда кто-нибудь здесь говорил «конец», это означало, что больше ты из него ничего не выудишь, даже под пыткой. Впрочем пытку все же можно было применить, хотя бы ради соблюдения этикета.

Кох посмотрела на часы-благовоние. Шарик выгорел. Время беседы давно вышло. Проклятье. Я считал, что древним некуда спешить. И теперь пытался выжать из госпожи еще хоть пару слов, словно какой-нибудь второсортный журналист, интервьюирующий Мадонну. Кох повернулась ко мне, ее глаза смотрели мимо моих, как и полагалось. Черт-черт-черт-черт-черт. Нет, ну неужели ей ничуть не интересно? Ведь не каждый день к'атуна встречаешь Бака Роджерса.⁶⁶⁷ Понимаю, обстоятельства не располагают к долгому общению: вскоре наступит Тишина, на дворе стоят очереди других, более богатых просителей, синоды готовятся закрыть дом Сотрясателя, время на вес золота... И все же...

Перегруппируйся. Попробуй иначе.

– Жеватель нападет на солнце через девять дней, – выпалил я. – Это случится через восемь сотен по двадцать и девять по двадцать и еще одно биение после первого луча солнца.

Разумеется, каждый солнцескладыватель в Мезоамерике знал: в начале этого дня произойдет солнечное затмение. Но даже самые ученые из них, главы искушенных в астрономии кланов из Теотиуакана, Иша или Паленке, не могли предсказать точное время. Оставалось загадкой и то, будет ли затмение полным или частичным. Тут нужны телескопы и знание высшей математики.

– Тот, кто знает, – знает, – сказала она.

Прозрачная логика: «Мы должны подождать и увидеть». Иными словами: «Зачем мне то, чем я не могу воспользоваться в данную минуту?»

– Мы не увидим солнца девятнадцать по двадцать и восемь биений, продолжал я, – а потом, спустя сорок один раз по двадцать биений, она снова станет целым.

Пауза. Кох не вышвырнула меня прочь, и я ободрился.

– Только на самом деле никто не жует солнце. Кровавая Зайчиха встанет между ним и землей, – (Кох безразлично цокнула, давая понять, что ей это уже известно), – это шар, который всегда повернут к нам одной стороной, а солнце – огненный шар, Пожиратель Солнца и Трубоч Солнца – одно и то же существо, – (она снова цокнула), – и оно тоже является шаром, а нулевой уровень (то есть земля) – другой шар, и он притягивает нас к себе, как большой магнетитовый камень притягивает маленький. Сигарные огни Ицтамна, Иш-Чель и 7 Хунапху – тоже шары, и все они бродят вокруг солнца.

– Но ведь они не падают, – пробормотала она.

---

⁶⁶⁷ Бак Роджерс – герой одноименных фантастических сериалов и комиксов в жанре «космическая опера», пилот ВВС США, попавший в будущее. (Прим. ред.)

Ха, подумал я. Маска съехала набок. Ледяную королеву все-таки что-то интересует.

– Они падают, – пояснил я, – но путь их долог, они не скоро долетят до солнца. Пройдет еще четыре сотни по четыре сотни б’ак’тунов.

Пусть пошевелит извилинами, пощупает товар высшего качества.

Я подался вперед (демонстрируя плохие манеры) и взял неглубокую круглую чашу из тех, что стояли рядом с жаровней. Затем ухватил зубами одну из бусинок серого камня на шейном вырезе моей накидки, оторвал ее, вытянул из нее нитку, бросил бусину в чашу и принялся катать. Демонстрация была не очень убедительная, но я все равно продолжил свой рекламный текст:

– Центр чаши – будто бы солнце. А мы стоим на одной из сторон бусинки. И когда мы вращаемся, нам кажется, что движется солнце, но на самом деле движемся мы.

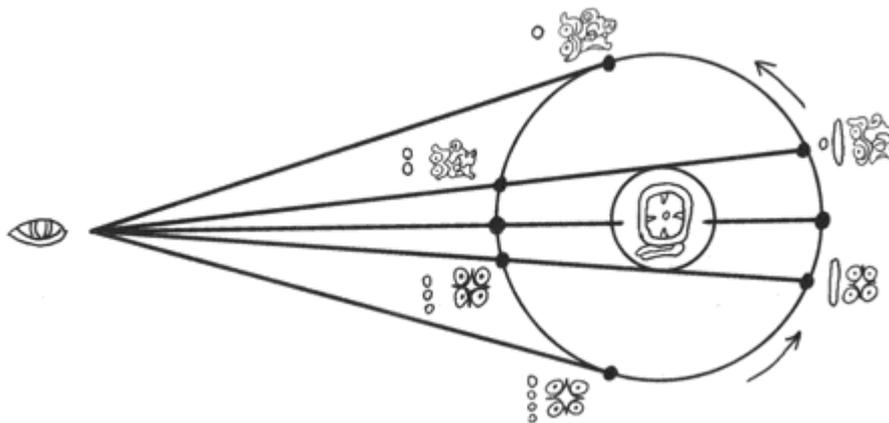
– Ты, который равен мне, хочешь сказать, что солнце находится на дне бирюзовой чаши? – удивилась она.

– Нет, никакой чаши нет. Как и небесной раковины. Небо – один сплошной ветер без конца. Мы летим в этом пространстве – но не по кругу, а описываем линию, похожую на контуры гусиного яйца.

Мощной рукой я смахнул в сторону лепестки (сделав это неосознанно грубо, но в надежде, что реверансы уже не понадобятся), освободив часть тонкого плетеного тростникового коврика, потом сунул указательный палец в ту часть жаровни, которая казалась не очень горячей, испачкал его в золе и нарисовал на коврике кружок.

– Маленький круг – Четвертое солнце, – пояснил я. – Тот шар, который одновременно является и Пожирателем Солнца, и Трубочом Солнца, вращается вокруг него по большому кругу.

Мне пришлось еще шесть раз тыкать в жаровню пальцем, прежде чем я закончил чертеж.

Мой набросок, конечно, выглядел несколько примитивно, зато был вполне читаемым.

– Вот здесь – нулевой уровень. – Я изобразил слева глиф в виде глаза или устрицы. – А тут Пожиратель Солнца достигает максимальной белизны. – Я нарисовал глиф Венеры в виде вечерней звезды на одиннадцати часах большого круга и поставил рядом одну точку.

Мне показалось, что Кох собирается что-то сказать, но она молчала.

– Вот это – последняя ночь Пожирателя Солнца, – продолжил я и поместил глиф ниже и левее первого, обозначив около него две точки.

Кох безмолвно смотрела на рисунок. Я уже говорил, что календарь мая отличался непревзойденной точностью, во всяком случае по сравнению с неисправленным григорианским. Но в ту пору еще не знали гелиоцентризма, хотя по тому, как воспринимала мою лекцию госпожа, я понял, что она и лучшие майяские астрономы имели об этом некоторое представление.

– А третья точка – первое утро шара, когда его называют Трубочом Солнца. – Я провел пальцем по окружности против часовой стрелки. – Потом наступает его желтое утро. А вот

его последнее утро. Затем он на пятьдесят дней уходит за солнце и появляется здесь как Пожиратель Солнца. Всего двенадцать по двадцать и четыре дня и девяносто один по двадцать и пять биений.

У последнего глифа я написал число шесть. Но ничего не сказал ни о зимнем, ни о летнем солнцестоянии – чтобы Кох не запуталась. Пауза затянулась.

«Наконец-то тебя зацепило», – мысленно ликовав я.

Этих людей если и можно чем увлечь, так это убедительным обоснованием элементарной астрономии. Ведь госпожа, в конце концов, была солнцескладывателем. А любой из них всегда не прочь обойти коллегу. Даже если смотреть на прогресс неодобрительно (я имею в виду то, что мы, закоснелые белые люди, называем прогрессом), то ведь существуют и случайные скачки вперед, естественной причиной которых является чистое стремление быть первым. Складыватели – люди энергичные, и они всегда ищут новые подходы. Не с целью предсказать первый дождь точнее, чем х’мен в соседнем городке, а чтобы обмениваться знаниями с другими. Кох, например, наверняка действовала в интересах Кругопрядов, чтобы вся их группа могла воспользоваться увеличенной точностью прогнозов и таким образом получить преимущество в распрях с синодами.

Она нарушила тишину первой.

– Значит, когда 2 Дикая Свинья выходит из процессии и поворачивает назад к пещере по белой дороге, происходит то же самое? – Она имела в виду Марс.

– Она вовсе не поворачивается, – ответил я. – Это так кажется, потому что Земля под нами движется. Все происходит так же, как с Трубочом Солнца. Только занимает больше времени, потому что 2 Дикая Свинья дальше от светила, чем мы.

– А Трубоч Солнца ближе.

– Трубоч Солнца ближе.

– И ты говоришь, что Солнце больше, чем нулевой уровень, – решила уточнить Кох.

– Да, в четыре сотни по четыре сотни раз, – кивнул я. – И если бы ты отправилась в путь к Солнцу сегодня и летела бы так же быстро, как идешь, то не добралась бы туда и за девятьсот по четыреста б’ак’тунов.

Кох разглядывала диаграмму. Она сейчас делает открытия, думал я. Как Коперник в Вармии. Или Тихо Браге, который отморозил нос, засовывая его в космос. Иоганн Кеплер и чертов Галилео. Подожди, я тебя еще просвещу по теории относительности. Ты у меня получишь оргазм, сидя на счетах: $e = \text{зайки}^2$.

– Значит, твои одновременники знают все, – произнесла Кох наконец.

Я чуть не подпрыгнул на месте – так долго она хранила молчание.

– Нет, осталось много тайн, – показал я жестом. – Но мы... они будут работать над тем, чтобы узнать все.

– И все они из мощных великодомов? – «Все они богаты и у власти?»

– Нет, среди них немало круглодомников. И все же большинство гораздо богаче нынешних бедняков. Еды так много, что даже бездомные жиреют. Мы летаем в небесах на гигантских медных каное. У нас есть холодные факелы, которые горят сто по двадцать ночей, и оружие, убивающее сто по двадцать человек на расстоянии сто по двадцать дней пути. Мы говорим с друг другом и видим лица друг друга на расстоянии с помощью нитей невидимого света. Еще до моего рождения двенадцать человек доплыли до лунного шара. Нас теперь четыре сотни по двадцать четыре сотни по двадцать. Мы можем заглядывать себе во внутренности, не разрезая себя. Делаем штуки, которые умнее нас. Ныряем на дно соленых морей и остаемся там надолго, а потом возвращаемся живыми...

– Но самое важное вы забыли, – перебила Кох. – И поэтому ты пришел сюда. Верно?

Я помедлил. А, была не была.

– Верно, – цокнул я.

– Потому что вы не сохранили память о прародителях.

Я сделал знак «не совсем».

– Но вы же знаете, как долго солнц Город Бритв будет предлагать свои подношения? – спросила она. (То есть: сколько еще продержится Теотиуакан?)

Черт.

– Мы этого не знаем, – нахмурился я.

Она удивилась, почему я, который пришел из тринадцатого б'ак'туна, не могу точно назвать день, когда рухнет великий город.

Пришлось рассказать, что к тому времени, когда я родился, почти все книги ее мира были уничтожены и запись об этой дате найти не удалось. Я попытался объяснить, кто такие археологи и как они определяют время прошедших событий. Согласно данным, полученным при раскопках, Теотиуакан покинут жителями в одиннадцатом, двенадцатом или тринадцатом к'атуна этого б'ак'туна, приблизительно между 650 и 710 годами.

– Чтобы выяснить все точно, нужно было нанести слишком большой ущерб древним памятникам, – вздохнул я.

Она пристально рассматривала рисунок. Я глядел на нее. По крайней мере, теперь молчать было легче, чем раньше. Эффект умственного слабительного иссяк. Кох взяла одну из мухобоек с подставки и прижала себе к бедру. Это означало, что аудиенция закончилась.

– Пожалуй, ты, который равен мне, и я сверимся с черепами в корзине солнц, когда Жеватель будет прогнан, – сказала она.

«Черт побери!» – чуть не завопил я. Нет, лучше скажем так: «Я внутренне закричал благим матом». Сучка. Может, лучше сделать отсюда ноги и нарисовать эту фигню на улице, чем попусту трепать тут языком...

Нет. Надо быть настойчивее. Кто знает, вдруг она хочет выторговать побольше.

– Дом Кругопрядов долго не продержится, – брякнул я, отчаянно нарушая протокол. – Мы не знаем, сколько ему еще осталось, но недолго.

– Я, равная тебе, давно это знаю.

– 2 Драгоценный Череп предлагает тебе и твоему ордену убежище в Ише.

Кох шевельнулась. Мне показалось, она чуть наклонила голову, словно услышала посторонний звук. Она не ответила.

Силы небесные. Больше у меня в запасе ничего нет. 2ДЧ предупреждал, чтобы я не делал этого предложения, пока она сама не попросит, – чтобы это выглядело как уступка, в противном случае Кох сочтет мои старания полным надувательством.

Она слегка повернулась. Я испугался, что госпожа сейчас встанет и уйдет – и тогда конец. Но она сказала:

– Ты, который равен мне, думаешь, что 2 Драгоценный Череп выиграет хипбольный матч против Оцелотов?

Очевидно, по ее мнению, Гарпии должны проиграть (справедливо или несправедливо) и им придется бежать из Иша.

– Ма'ло'йанил, – усмехнулся я. «Нет проблем».

Так или иначе, Гарпии останутся. А скрываться придется Оцелотам. Идея заключалась в том, чтобы внушить Кох мысль, будто мои необыкновенные знания обеспечили 2ДЧ достаточную огневую мощь и теперь он вполне готов противостоять Оцелотам.

Как вы можете догадаться, за этим последовала еще одна бесконечная пауза. Что ж, по крайней мере, Кох не болтает без умолку, как средняя *chica petica*.⁶⁶⁸

– Ты пришел сюда ради Рулевого, а не ради встречи со мной, – проговорила она.

Я не знал, что ей ответить. Что ж, видимо, она меня раскусила. Придется идти восвояси. Назад на площадь.

Но Кох сказала:

– Твои современники забыли, как устанавливать циклы.

Я цокнул «да».

---

⁶⁶⁸ Болтушка (*исп.*). (*Прим. ред.*)

– Но ахау, которых вы кормите, хотят принять рождение нового ряда солнц. После того, как умрут все солнца тринадцатого б'ак'туна.

– Я бы хотел помочь им запустить новый цикл, – заявил я.

– А зачем? Ты собираешься вернуться туда?

– Пока только мечтаю, – буркнул я, избегая прямого ответа.

Я думал, сейчас она поинтересуется, как же я собираюсь это сделать, но она всерьез восприняла мои слова и спросила:

– Баш тен теш каабет? «Зачем тебе надо [проходить через все] это?»

– Каждый хочет защитить свою семью.

– А у тебя, который равен мне, есть там семья?

– У меня есть... люди, которые приняли меня в семью.

Ну, несколько дружков в Сети у меня найдется. Должно быть, от Кох не укрылось, что я блефую. Но она оставила эту тему.

Если твои современники выживут,
Мы по-прежнему останемся в забвении?
Будут ли они почитать все дни наших именований,
Дни наших смертей?
Будут ли они знать, как мы сеяли и воевали,
Как строили и рожали детей?
Будут ли они иногда петь песни, называя наши имена?
Будут ли они помнить?

– Я сделаю так, что они будут чтить ваш род и кормить ваши уаи в дни ваших смертей.

– Но как ты сказал, они предлагают лишь нищенские подношения.

– Не всегда. – Я сделал жест отрицания.

– Ты говорил, твои современники лишены чести. – Она отвернулась.

В ишианском языке отсутствовало слово «зло», но если бы оно и существовало, то выражение «лишены чести» было бы сильнее.

«Когда это я такое отчебучил?» – недоумевал я.

– Во многих отношениях они хуже, чем нынешние люди, но в ряде случаев ты, которая выше меня, могла бы сказать, что они лучше, – неуклюже вступился я «за своих».

– Значит, ты хочешь, чтобы я сыграла девятикаменную игру. И ты полагаешь, что, глядя, как я это делаю, за два огня научишься играть? – «За два огня» означало «в два счета».

– Я, который ниже тебя, так не считаю.

– Тогда объясни: что ты и я делаем здесь?

– Я прошу тебя, высокородную, о предсказании.

– Но я, которая равна тебе, уже говорила с тобой об этом.

– Может, ты желаешь узнать больше? – И я пообещал рассказать ей все, что было исследовано, открыто или создано за четыре грядущих б'ак'туна.

– И без того груз знаний непомерно тяжел для меня.

Любопытно, моя ли в том вина или Кох и прежде страдала от переизбытка информации, а может, она имела в виду и то и другое?

– Тогда позволь мне помочь тебе. Я мог бы дать тебе кое-что.

– Ты мне уже дал форму солнца.

– Нет, то, что я предлагаю, наполнит медом ч'анаки твоих приверженцев. – Иными словами, поможет простым людям. – Я, который равен тебе... мы умеем делать вещи, о которых здесь никто не слышал.

– Какие же? – сделала знак она, положив мухобойку.

– Самоходные катки, например.

– Что это такое? – Жест удивления.

Я пустился во все тяжкие. Объяснил, что колеса – почти как катки, но только с палкой в

центре, рассказал, какая польза может быть от тачки, и начал рисовать это приспособление. Но Кох заявила, что у них уже есть подобные штуки, и послала Пингвиниху за одной из них. Я растерялся. Карлица принесла маленького желтого ягуара, сделанного из дерева, и я увидел на каждой лапе по вполне приемлемому колесу. Оказалось, такие игрушки очень популярны у элиты, но их не разрешается выносить из дома. Насколько я понял, запрет этот вводился не из опасений, что народ сообразит, насколько облегчат трудовую жизнь эти приспособления, а потому, что кто-то сможет воссоздать их и использовать, дабы завоевать почитателей. Вдруг этот проныра отправится в другой город, поразит всех «своим» изобретением, зарекомендует себя великим колдуном и в конечном счете создаст немало проблем для аристократии? Если колесо станет объектом культового почитания, вокруг него возникнет новый орден, как, скажем, вокруг ножа, огня или тщательно охраняемого секрета вогнутого зеркала... и, конечно, снадобья для игры. Кроме того, сказала Кох (и тут я передаю ее слова в свободном изложении), сегодня вокруг столько круглодомников, что в тачках нет нужды. Если требуется перетащить что-то тяжелое – собери побольше плебса, и проблема решена.

Как ни велико было разочарование, но я оставил эту тему. Вспомнился случай: однажды я подвозил в Нью-Хейвен одну девушку – этакую расфуфыренную городскую штучку – и пошутил, что ей нужно научиться водить машину.

– Что, если бы я не подвернулся тебе сегодня? – спросил я.

– Позвонила бы другому парню, – не растерялась она. – Он бы меня подкинул, а я за это дала бы ему.

Ладно, забудем о колесах для перевозок. Как насчет гончарного круга?

И я опять бросился с места в карьер. Дело в том, что, если уж откровенно, посуда в Мезоамерике при всей красоте рисунков была довольно корявой формы. Тот, кто сделал бы идеально круглую чашу, произвел бы сенсацию. Но у Кох имелось аналогичное возражение. Синоды, по ее мнению, объявят умельца колдуном, наделенным сверхъестественной силой. И немедленно пошлют людей, чтобы избавиться от него. Ну а если все утрясется и посуда с гончарного круга войдет в обиход, это обречет тысячи семей горшечников на голод, поскольку они не сумеют сразу освоить новый способ. Я думаю, та же причина мешала нам (я имею в виду майя, теотиуакан или любую другую мезоамериканскую цивилизацию) стрелять из луков, хотя Длинноростки и использовали их. Похожая логика лежала в основе самурайского культа меча – Токугава⁶⁶⁹ предвещал, что с появлением в Японии стрелкового оружия будет потрясена вся властная структура, даже если сегунат первым завладеет им. Поэтому он и его наследники конфисковали ружья, изгнали португальских торговцев из большей части страны и почти сто пятьдесят лет держали страну в максимальной отсталости.

– Делать такую посуду в Теотиуакане нельзя. Конец.

Идеи иссякали. Мы в Стейке и не предусматривали такого развития событий.

– Тогда просто кинь пробный шар, – осенило меня.

Мой императив переводился легко: «прощупай игроков» – сделай ставку в покере, чтобы посмотреть, как соперники поведут себя. Рискни – ради игры, для понта, хрен знает зачем.

– Ты думаешь, меня не интересует твой уровень? – Я не ответил, и Кох продолжила: – Интересует. Но другая сторона любопытства – несбыточные надежды, мучительство. – Госпожа явно боялась своей неосторожностью повредить близким людям.

Ну что ж, по крайней мере, она не лишена сострадания. Обычно я не люблю делать обобщения о человечестве в целом не оттого, что ошибаюсь, а потому, что эти истины давно открыты, но сейчас хочу привести одну из них: человек или наделен способностью к сопереживанию от природы, или (гораздо чаще) нет. И либо Кох принадлежала к первой

---

⁶⁶⁹ Токугава Иэясу (1542–1616) – основатель династии сегунов.

категории людей, либо мы оказывались в жопе, вот и весь разговор.

Так, соображай.

Сострадание – слишком абстрактное понятие, а потому в ишианском для него не было определения. Приходилось выражаться на семейном языке.

Отлично.

– Я знаю... – начал я. – Если бы ты на дороге увидела, как кто-то душит трехлетнего ребенка, то вмешалась бы. Пусть это был бы урод от рождения, покрытый неизлечимыми струпьями, от которого решил избавиться его отец, ты все равно возмутилась бы и, если бы могла, остановила его.

– Твоих современников нет на нашей дороге, – возразила она.

– Есть. К тому времени двадцать по двадцать по двадцать по двадцать моих современников будут твоими потомками или потомками твоих сестер, твоих братьев, потому что...

Я замолчал и заглянул ей в глаза. Она смотрела мимо меня – куда-то над моей головой.

– Они, – не сдавался я, – будут умирать, но перед смертью станут спрашивать себя, почему никто не захотел им помочь. Если бы они знали, что я, который ниже тебя, и ты могли их спасти, но не сделали этого, они бы захотели узнать почему, и наш ответ был бы плохим оправданием...

Я замолчал. Слезы, которые никогда не прольются, душили меня, изнутри жгли сухие глаза. Мне не хватало дыхания, я разевал рот, как рыба на берегу, почти начал заикаться, как это случалось со мной в детстве, если я говорил по-английски и вдруг впадал в панику. Черт тебя побери, Джед, соберись, собери...

– Я, равная тебе, приняла решение, – произнесла Кох.

Слишком много солнц уже родилось,
Слишком много еще грядет.
Люди зерновой плоти исчезнут с солнцем
4 Властителя, 3 Желтизны.
Может быть, когда-нибудь потом появится
Новый наследник Ицтамны,
Он создаст новый род из иного материала,
Может быть, из нефрита.

Она замолчала, а потом хотела сказать «ка'ек» – «конец», но я прервал ее.

– Постой, – проговорил я (точнее, закричал), – постой, ты не... – («Тоном ниже, Джед», – приказал себе я), – ты, которая высоко надо мной, не должна решать за них. Даже если твои выводы верны.

– Нет, – отвечала она, – я не имею права продлевать их время на нулевом уровне, даже если бы и могла.

– Имеешь... то есть... ты хочешь их спасти, но считаешь или тебе внушили, что не должна... Однако если сложить вместе мой опыт и твой... Ведь я был здесь и там и видел вещи, которые...

Я сбился и начал снова:

– Уверен – не потому, что это правильно, просто это истина, – ты можешь делать все, что сочтешь нужным.

Поскольку все правила этикета уже неоднократно нарушались, я осмелился заглянуть ей в глаза, широко раскрытые и будто навывкате... Стойте! Нет! Веки Кох с нарисованными на них зрачками были сомкнуты, и казалось, она смотрит на тебя, будто сиротка Анни, созданная Гарольдом Греем.⁶⁷⁰

---

⁶⁷⁰ Гарольд Линкольн Грей (1894–1968) – американский художник, создатель образа сиротки Анни, персонажа комиксов.

Тьфу. Какое потрясение. Потрясеннице. Черт, неужели она за все это время ни разу не моргнула? Или я не заметил? Чудненько.

Я не знал, что делать. Должно быть, госпожа Кох не желала пялиться на меня или отворачиваться, а потому просто опустила веки.

Ну же, Джед. Придумай что-нибудь.

– Я, который ниже тебя, требую, чтобы ты посмотрела на меня, – сказал я.

Представьте, что я брякнул: «Ну попробуй, ударь меня». Тем не менее я понимал, что сейчас необходим хоть самый малюсенький визуальный контакт. Чтобы убедиться: мы играем на равных. Или во мне просто выиграло ретивое (я уже говорил, что из чувства противоречия можно сделать что угодно). И она открыла глаза. Наши взгляды встретились.

(51)

В школе Нефия... (Конечно, прерывать повествование не годится, и даже если бы существовали исключения из этого правила, они бы не распространялись на данный случай; тем не менее, мой дорогой и долготерпеливый читатель, как говорилось в стародавние времена, давай немного переведем дыхание.) Итак, в школе Нефия постоянной учительницей на подмену в младших классах работала крупная старуха, которая помнила, когда внуки первопроходцев приходили в школу босиком, и была настоящим кладом всевозможных развлечений из дотелевизионной эпохи. Она знала все о тряпичных куклах, вышивании, марионетках и в особенности о комнатных играх – фантах, шарадах, ужасающем ритуале выуживания яблок, испорченном телефоне, святочных гаданиях, театре теней. Эта хранительница традиций показала нам утраченный мир бесконечных сумеречных вечеров, рухнувший с началом работы АЭСМ.⁶⁷¹ И вот как-то в пятницу она прорезала шесть дырочек в старой белой простыне и велела нам приклеить простыню скотчем на широкую дверь, ведущую в чулан. Двенадцать человек – а именно половина класса – отправились туда, и трое из них приложились к глазкам. Мы же, из другой команды, по очереди подходили к простыне и пытались угадать, кто это. И никого не узнали, кроме рыжей Джессики Ганнерсон с глазами анилиново-фиолетового цвета, как синие чернила на последней, еще читаемой копии с гектографа. Не видя ни одной черты лица, ты не мог сказать, кто перед тобой – твой лучший друг или зяблый враг, который наверняка сейчас корчит тебе рожи, и даже не знал, девчонка там или мальчишка. Это тревожное ощущение не раз возвращалось десятилетия спустя, когда я, например, смотрел в глаза какой-нибудь молодой дамы, которая хотела наладить со мной отношения (люди мы или животные, в конце концов). В прозрачной глубине ее очей светилась симпатия или, в худшем варианте, честность, но я осознавал, что в любом случае женщина откровенна со мной. И вдруг ни с того ни с сего в памяти всплывала та глупая игра «угадай кто». Зрачки моей визави сразу превращались в дыры – и там зияла бессмысленная межгалактическая пустота. Между нами вырастала стена, и я, оторванный от всего мира, беспомощно барахтался в механистическом космосе, как в *mierditas refritos*,⁶⁷² не просто лишенный возможности общения с другим

---

⁶⁷¹ АЭСМ – Администрация по электрификации сельской местности (Rural Electrification Administration).

⁶⁷² Жареное дерьмо. (Прим. ред)

существом, но обреченный на полное одиночество и ныне, и в будущем, и даже в прошлом. А теперь (в 664 году н. э.) я снова играл в эту игру, в упор глядел на госпожу Кох и, борясь с отчаянием, надеялся уловить в ее глазах хотя бы слабый намек на то, что мы с ней реальны и наделены сознанием, независимыми желаниями и существуем в одно и то же время в конкретном месте пространства. Ее лицо было бесстрастным, как у хорошего шахматиста, игрока в го или холдэм,⁶⁷³ – в свое время я повидал множество столь же каменных лиц по другую сторону игральных столиков, – но в очах ее порой вспыхивали загадочные искорки, словно у Клео де Мерод.⁶⁷⁴ Темные радужки почти сливались с зрачками, и я различал два оттенка черного, будто на картинах Эда Рейнхардта.⁶⁷⁵ Казалось, левый глаз у нее холоднее, а правый – теплее... Что за звук? На улице пошел дождь? Нет, это кровь шумит у меня в ушах.

«Ну же, – мысленно приказывал я ей. – Я знаю, что ты здесь».

Через сорок биений неподвижные черты дрогнули, словно госпожа Кох прикусила язык. Должно быть, ее мучила боль, которую она хотела и не могла скрыть. Или я, как всегда, сочиняю небылицы?..

Восемьдесят биений.

Наше противостояние вовсе не должно походить на изнасилование. Давайте превратим его в момент любви. Договорились?

На сто двадцатом биении у меня в спине что-то щелкнуло, сел на место шейный позвонок. Нет сил больше смотреть. Но я упорно держался. Мы с ней напоминали двух борцов сумо, напирających друг на друга в центре дохью.⁶⁷⁶ Тяжело, когда на тебя давит живой вес порядка полутонны. Джед, не сдавайся. Пожалуйста, Несоуществующий Господь, ну пусть в этот раз мне повезет. Пожалуйста. Пожалуйста.

– Они небезразличны мне, потому что это мои дети, и я не хочу, чтобы они страдали на нулевом уровне. – Голос Кох звучал так, словно она находилась за милю от меня.

Она не отвела глаз.

– Нулевой уровень – единственный, других нет, – проямлил я.

– Это ничего не меняет, – сказала она.

– Нет, нет, нет, нет, очень даже меняет, они хотят... они хотят провести друг с другом как можно больше дней.

– Значит, они корыстны и трусливы.

– Нет, нет, нет, они – как семья, отправившаяся на праздник.

– И что же можно увидеть на этом празднике? – спросила она, подразумевая, что со временем острота удовольствия притупляется.

– Поэтому они хотят иметь новых детей, – убеждал я, – чтобы смотреть на мир свежим взглядом, чтобы... То, что мы с тобой говорим, – б'ач на ток. (То есть все наши слова смешны.)

– Да, – цокнула она.

– И если солнца будут светить и дальше, – сказал я, – если появится новое племя солнц... Кто знает, что произойдет потом? Мы с тобой можем разыгрывать игру четырехста по двадцать раз и ничего не увидеть. А в двадцатый по десять, в двадцатый по сто б'ак'тун вдруг случится то, ради чего стоит жить...

---

⁶⁷³ Холдэм – разновидность покера.

⁶⁷⁴ Клео де Мерод (1875–1966) – французская танцовщица, которую рисовали Дега, Тулуз-Лотрек и другие художники.

⁶⁷⁵ Эд Рейнхардт (1913–1967) – американский художник-авангардист.

⁶⁷⁶ Дохью – ринг, на котором происходят схватки борцов сумо.

Я замолчал. Господи Иисусе, и за что мне это все? Миллиард лет общей эволюции плюс пять миллионов лет эволюции человека, а все свелось к нам двоим.

– В самой черной из гор есть кувшин, – произнесла Кох. – Вся йаф (вся боль, или дым боли, или, в данном случае, слезы) всех существ в мире стекает в него.

– Я, который ниже тебя, слышал об этом.

Она продолжила:
Лай кан х'тулнаак,
Лайл ш нук хомоаа
Ку тц'о, ку тц'а.

И когда большой кувшин
Наполнится до краев,
Он треснет, он расколется на части.

– Ш'тан бок ч'ана к'авал наб, – проговорил я. «Это все равно что разводить кукурузную кашу мочой дикой свиньи».

На ишианском – попросту «бред собачий». Хотя идиома звучит смешнее, особенно для того, кто целый день затаскивал двухсотфутовые известняковые блоки на девяностофутовую пирамиду в стоградусную жару.

– Как угодно будет тебе, который равен мне.

По непонятной причине (вряд ли из-за колдовского трюка Кох) я будто вырубился на секунду-другую. А когда очнулся, никак не мог вспомнить что-то очень важное... Мы больше не поедали друг друга глазами. Я смотрел в пол. Услышал, как зашелестела накидка Кох. Определенно, сейчас мы находились в другом временном и пространственном измерении.

– Старый Рулевой не заходит сюда, – произнесла Кох.

Я понял, что у нее нет порошка Старого Рулевого, важнейшего компонента снадобья.

– Ты, которая равна мне, сможешь ли играть без Рулевого?

Она сделала движение, означающее: это бессмысленно.

– Но иногда ты следуешь его подсказкам? – спросил я.

Она цокнула «да».

За спиной у меня раздалися шаги. Вошла Пингвиниха и зажгла второй ароматический шарик. Что ж, хороший знак. Кох согласна? Карлица приблизилась к госпоже и поднялась на цыпочки. Та наклонила голову и прошептала ей на ухо слов шестьдесят, потом передала какой-то предмет. Пингвиниха засеменила прочь. Вот оно, подумал я. Она хочет взять немного дури и сыграть. Вдруг нам прямо сейчас удастся найти этого хмыря. Если мы узнаем имя, я запишу его и оставлю в шкатулке на магнетитовом кресте. Тогда и про порошок можно забыть. Ну держись, апокалипсник. Так-то вот. Нам все по плечу.

Кох взяла новый миртовый факел и сунула его в жаровню – он загорелся желтовато-зеленым пламенем. Она вставила его в держатель. Свет заплясал на ее темной щеке.

В какой миг Кох переменила решение, я не заметил. Неужели ее убедил я? Теперь, когда дело сдвинулось с мертвой точки, я не был в этом уверен. У меня возникло ощущение, что я тут ни при чем. Да, я предоставил ей кое-какую новую информацию, а госпожа Кох оказалась достаточно сильной, чтобы на этом основании передумать. Я чувствовал себя вымотанным. Она открыла одну из корзинок, вытащила оттуда тонкую, длинную сигару зеленого цвета, откусила кончик с четверть дюйма и прикурила от факела, потом затянулась, выпустила дым в пяти направлениях и сказала:

Теперь дыхание моего сердца белое,
Теперь дыхание моего сердца черное,

Теперь дыхание моего сердца золотое,
Теперь дыхание моего сердца красное,
Господин Старый Солильщик, мы, двое, которые ниже тебя,
Просим, дай нам твои быстрые глаза, твои острые глаза,
Всезнающий господин, всевидящий господин. Конец.

Она нагнулась и сильно выдохнула. Большой клуб дыма окутал корзинку. Кох подождала минутку, подняла крышку и вытащила плетенку меньшего размера. Прутья были редкими, и я увидел нечто белое, имеющее форму сердечка. Ага, это гнездо небольшой колонии тропических ос. Я не успел проследить взглядом за движением Кох – она сунула внутрь левую руку, длинными ногтями (большим и шестым пальцами) ухватила толстую золотисто-зеленую матку и положила ее в середину маленького блюдечка. Двухдюймовая оса с большим брюшком и торчащим яйцекладом вращала крупными глазами. Крылья ей кто-то оторвал. Сверху опустился указательный палец Кох и прижал насекомое к блюдцу в месте сочленения брюшка и грудки. Оса, хотя дым и ввел ее в состояние ступора, пыталась уползти, ее ножки скользили по ровной поверхности. Кох, действуя ногтями как ножницами, отсекала осиную голову – та упала на блюдце, ее челюсти продолжали двигаться. Затем госпожа ухватила жало и яйцеклад и вырвала их из брюшка жертвы. Вместе с ними отделились маленький мешочек с ядом, пара прозрачных, похожих на бусинки яичек, несколько желтых волосков и обрывки хитина. Кох подвинула их к краю блюдца. Потом она оторвала одну из шевелящихся ножек (правую переднюю, кажется), бросила ее на второе маленькое блюдце и подтолкнула его ко мне.

Кох подняла пятиногое, безголовое насекомое, продолжающее сопротивляться, сунула себе в рот, дважды смяла зубами и проглотила. Я медлил.

Давай же, Джед. Не трусь. Я подцепил ножку, покатал ее, как идиот, на ладони, словно она могла подпрыгнуть и вонзиться мне в глаз. Так. Я положил ее на язык. Ножка барахталась, но я быстренько ее перекусил и проглотил. Кох протянула мне сигару, видимо в качестве закуски. Я сделал большую затяжку. Табак был суховатый и слегка пряный, но вовсе не плохой. Я не знал, что делать с сигарой дальше, и она осталась у меня в руке. Вернулась карлица и выложила на крышку жаровни набор корзиночек, кувшинчиков и маленьких блюдец, словно мы собирались пить дневной чай. Мне уже и без того казалось, что рот у меня больше головы.

Кох заговорила:

Теперь мы решили, что я разыграю здесь большую игру
Перед тобой, который равен мне.
Предашь ли ты меня враждебным великодомам?
Назовешь ли мое имя чужестранцам?
Расскажешь ли в открытую о том, что случится
Здесь, внутри нашей цитадели,
Здесь, в нашей нефритовой горе, под нашим небом,
У самого нашего сердца?
Будешь ли ты болтать об этом на сотнях площадей?
Распахнешь ли мою перевязанную венами книгу
На солнце, среди бела дня?

Я выдавил из себя ответ, с трудом ворочая языком, который стал большим и вялым:

Как я смогу остаться кровным,
Если выдам тайну?
Тогда меня не будут больше называть
Сыном дома Гарпии,

Скворцы будут смеяться надо мной, шмели будут жалить
Меня в обе губы, в оба века,
А потом броненосцы будут лизать мой череп
В дюнах, в пустыне,
Вдали от пещеры этой горы над морским кратером,
Под ракушкой неба.

«Ну и как у меня получилось? – мысленно спросил я у Кох. – Нормально? Или ты хочешь услышать это еще и на латыни?»

Кох неторопливо сделала жест: «Принято». Ее темная рука описала плавную траекторию в воздухе. Все медленнее и медленнее, а потом и вовсе зависла над бедром. Чудно, подумал я. Я посмотрел на часы, вернее, начал переводить взгляд. Это опять разрушающий время порошок Старого Солильщика, понял я. Хронолитический. Только гораздо более сильный, чем в прошлый раз... Ого, вот оно. Мои зрачки наконец повернулись в нужную сторону. Ароматический шарик выгорел наполовину, но я его различал смутно – карлица, вероятно, повесила над ним полоску сетчатой ткани... нет, пардон, ошибочка, мне мешал неподвижный клуб дыма... Это все из-за порошка. Я услышал, как Пингвиниха что-то шепчет, и посмотрел на Кох. Мои глаза представлялись мне гранитными сферами, которые ворочаются в смазанных маслом гнездах. Кох подняла ладонь: «Ждать, не двигаться». Такой же жест использовали в клане Гарпии во время охоты или налета на соседей, если нужно было, чтобы все замерли.

Кто-то за стеной свистнул. Карлица, переваливаясь с ноги на ногу, вышла. Шажок... долгая минута... еще шажок. Кох встала. У меня возникло впечатление, будто передо мной медленно вздымается гора, выталкиваемая вверх сдвигом тектонических плит. Госпожа повернулась ко мне и поправила свою накидку. Ничего себе, подумал я. Какая она высокая! Гораздо выше майяских женщин, может, даже меня, то есть Чакала, парня довольно крупного. Я, нарушая все правила, наблюдал за ней. Под квечквемитлем⁶⁷⁷ Кох казалась тоньше. Большинство солнцескладывателей худощавы, но она, пожалуй, слишком худа. Госпожа сделала четыре шага и опустилась на колени посередине комнаты лицом к двери. Я отнюдь не балетоман, но давным-давно я видел Рудольфа Нуреева в «L'Après-Midi d'un Faune»⁶⁷⁸ – во всех его движениях, в малейшем жесте, сквозило высокомерие: я, мол, всё, а вы – ничто. В манерах госпожи Кох я заметил нечто похожее. Только это не так бросалось в глаза.

Я вывернул назад голову. В маленьком дверном проеме появились плечи и голова, плавно взмыли вверх, опустились и застыли – человек остановился. Я напряг зрение, и постепенно, словно туманность в большом телескопе, его фигура проявилась. Это был высокий мужчина в темной накидке, с копной волос, как у накома, и кожей, натертой серым пеплом. Его опознавательные знаки я не мог разглядеть, но от него исходил кошачий мускусный запах. Я узнал его: так пах искусственный мускус, приготовляемый из *Mimulus inoschalus*,⁶⁷⁹ им пользовались ишианские Оцелоты низшего сословия. Значит, вошедший принадлежал к противоположному лагерю, дому Пумы, возможно, к приемному клану, который прислуживал им в качестве священнослужителей. Он проговорил шепотом что-то неразборчивое, и Кох ответила ему на том же языке. Не понимаю, подумал я. Скажи это на бробдинггеском. Он медленно приблизился к Кох, сделав пять небольших шажков. Та не шелохнулась.

---

⁶⁷⁷ Квечквемитль – традиционная мексиканская накидка типа пончо.

⁶⁷⁸ «Полуденный отдых фавна» (*фр.*), балет на музыку Дебюсси.

⁶⁷⁹ Латинское название мускусного дерева, произрастающего в Южной Америке.

Мне не понравилась эта сцена. Более того, у меня от нее мурашки по коже поползли. Пума пошарил у пояса. Ну уж нет, подумал я. Он вытащил маленький мешочек, развязал узел – не иначе тайный рыболовный – и что-то извлек. Что именно, я не рассмотрел. Кох подалась вперед и открыла рот. Пума положил ей на язык какое-то зелье, она откинулась назад и начала жевать.

Меня словно слегка ударило током – воспоминание о тех днях, когда я еще не ходил к причастию. «Это что – ритуал конфирмации?» – спрашивал я себя. Лови кайф, это мой косячок. Меня просто распирало от желания говорить.

Смотреть, как госпожа делает нечто обыденное, человеческое – в данном случае жует, – было довольно мучительно. В ее движениях чувствовалось томление, словно ей давно приелся обряд, который приходилось исполнять в тысячный раз. Внезапно на ее лице мелькнуло озорное выражение, как у непоседливой девчонки.

Посланец Пумы наклонился вперед, прислушиваясь, как Кох глотает. Карлица протянула ему чашку (надеюсь, с горячей водой), и он подал ее Кох. Та набросила на руку накидку, взяла чашку, выпила содержимое и вернула ему. Он заглянул в нее, потом посмотрел на Кох. Она широко раскрыла рот, и Пума несколько мгновений внимательно изучал ее нёбо, потом распростер руки, показывая, что удовлетворен. Процедура показалась мне унижительной для Кох, словно ее досматривали в тюрьме. Патлаты достал маленькую вещицу из другого мешочка, висевшего у него на поясе, и положил на поднос, который держала Пингвиниха, – судя по раскраске лица, это была фигурка Кох. Может, госпожа передала ее Пуме раньше через свою служанку. Карлица пропела церемониальное «спасибо тебе, гость» на древнем языке.

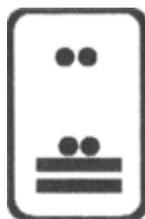
Пришлец прошептал в ответ «спасибо, хозяйка», присел на корточки и удалился тем же путем, которым пришел. Пингвиниха последовала за ним.

Значит, вот как это у них устроено, подумал я. У Кох и других Кругопрядов нет прямого доступа ко всем составляющим порошка. У системы два ключа. Полный эффект ты мог получить, только если принимал два разных компонента. Главные складыватели дома Утренней Славы знали, как приготовить один из них, а гадатели Ласточкиных Хвостов умели делать второй, и ни один из них за сотни лет, что прошли с тех пор, когда какой-то гений придумал эту систему, не проник в тайну чужого клана.

Да, Джед, мог бы и догадаться. Неудивительно, что этот город так долго не знал потрясений. Проклятье, ну почему я не додумался до этого? Похоже, предстоит нелегкая работенка.

Меня охватило разочарование. Я сжал кулаки, и ногти впились мне в ладони. Успокойся, подумал я. Соберись. Истинная сила – у того, кто в финишной черте видит очередной старт. Дыши глубже.

Кох оставалась неподвижной. Я тоже. Тут я моргнул. Мои глаза закатились, словно опустились сумерки, а потом, как после долгой ночи, наступил рассвет. Стояла тишина, если не считать шорохов в туннеле за дверью. Раздался низкий свист, словно подала голос плачущая горлица. Кох встала, подошла к ширме-экрану, проскользнула через него, нагнулась ко мне (у меня даже не было времени вернуться на мое прежнее место) и ухватила меня за волосы, но не за ложную косичку, а за чуб, и страстно поцеловала. Она обвила своим гладким языком мой, потерлась им изнутри о мои щеки, о десны, прошла между моими заточенными зубами, по свежим ссадинам и старым шрамам на моих губах, достала до гланд, побывала всюду...

Я в жизни не ощущал во рту такой томной вязкости – ни в одном б'ак'туне, – как будто бы съел уни – сырого морского ежа... Только этот вкус темнее, древнее, в нем сильнее металлическая составляющая. Ну и ну, крепко она меня облобызала. Вот уж чего я никак не ожидал в данном контексте; у коренных американцев не существует культуры поцелуя.

Неужели Кох ждет, что вот сейчас я сорву с нее одежонку и мы оттянемся по полной программе? Я уже принялся размышлять, с какого места начать ее оглаживать (вот только никак не мог сообразить, где у нее эрогенная зона), но тут она отпустила мои волосы, с влажным чмоканием оторвалась от моих губ и вернулась на свое место – с другой стороны жаровни. Карлица пришла, выставила из корзинки набор кружек и кувшинчиков и дала Кох чашку с какой-то жидкостью. Госпожа выпила ее, словно хотела прополоскать рот после меня. Я снова уселся на свою рогожку, стараясь смирить дыхание. Кох смотрела так, словно не произошло ничего необычного. Странно, я будто изменил Марене, хотя мы с ней на самом деле и не были парой. Остынь, придурок, у тебя бред. Этим девочкам нужен принц, а не какой-то замызганный маленький... а, да бог с ним...

Опа. У меня во рту появилось послевкусие – онемение, будто от рыбы фугу. Меня немного покачало, потом я снова сел прямо.

Так вот, значит, в чем дело. Она дала мне попробовать наркотик. Чисто профессиональный прием. Классно.

Вероятно, колония ос производила химическое вещество X (может, их кормили чем-то особенным), и это называлось порошком Старого Солильщика. И процесс этот курировали Кругопряды. А в сочетании с порошком Рулевого (тополитическим веществом, принесенным посланником дома Пумы) Старый Солильщик давал тебе необходимое состояние для работы с девятью камнями.

Эх, черт. Вот ведь разочарование. 2ДЧ думал, что у Кох есть запасец этого снадобья. А ей приходится выписывать рецепт и принимать порошок только под присмотром кошачьих. Судя по тому, что она говорила прежде, даже это являлось исключением из правил – Пумы не давали порошка просто по просьбе, госпожа могла получить лишь крохотную дозу в качестве услуги. Незадача какая!

«Готов?» – сделала знак Кох.

Я выпрямился. Жестом ответил утвердительно. Кох взяла сигару и глубоко затянулась. Затем произнесла:

Мое дыхание красное, мое дыхание белое...

Когда ты укореняешься перед игрой, то должен внушить себе, что находишься в центре Вселенной. Но на сей раз мне не пришлось долго медитировать. Я чувствовал необыкновенную уверенность в себе. Жало гравитации пронзало меня сильнее, чем когда-либо, но в то же время она подпитывала меня, заряжала громадной энергией. Я явственно ощущал каждый слой материи подо мной – хлопчатник, тростник, глину, землю, камень, расплавленную породу – вплоть до раскаленного кристаллического ядра. Вокруг нас вращались подводные миры, небесные миры. Я был дома.

Карлица просунула коготок в петлю из тесьмы на крышке жаровни, без особого труда подняла тяжелый деревянный квадрат, отодвинула в сторону. Внизу вместо костровой чаши находилась почти идеальной формы квадратная яма со стороной около сорока дюймов и глубиной дюймов в пятнадцать. На плоском днище я разглядел высеченные очертания игрового поля – тринадцать на тринадцать дюймов. Кох сидела на юго-западе, я – на

северо-востоке. Карлица положила тростниковые лучины с северо-западной и юго-восточной сторон каменного углубления, чтобы осветить его. Камень напоминал темный мелкозернистый гнейс с налетом патины, которая может образоваться только от прикосновения бесчисленных рук, которые в течение многих лет дотрагивались до него, терли, гладили. Когда Кох пять раз постучала палочкой мухобойки по стенке, по резонансу я догадался, что нишу вырубili в живой породе. Мы сидели на вершине захороненной горы, которая провалилась в аллювиальные отложения долины на фундаменте Сьерра-Мадре Восточной.⁶⁸⁰

– Йа'нал Вак Кими, – сказала Кох.

Сегодня 6 Умирания, 14 Оленя одиннадцатого туна, по счету лет,
Близко к концу одиннадцатого к'атуна в десятом б'ак'туне, по счету лет,
Сегодня я беру займы дыхание сегодняшнего солнца,
Сегодня я возьму займы дыхание завтрашнего дня,
Сегодня я возьму займы ветер солнц, которые наступят завтра.

Она взяла щепоть влажного табака из одной из маленьких корзинок и засунула руку под свою накидку, чтобы втереть его в бедро. Я не особо представлял, что там происходит под всеми этими складками материи, но движения Кох выглядели довольно сексуально.

Я чуть подался назад. Мне стало ужасно не по себе. Я был уверен, что меня вот-вот вырвет – не только содержимым моего желудка, но всей пищеварительной системой. Все, начиная от пищевода и заканчивая прямой кишкой, вывернется у меня изо рта и кучей уляжется на игровом поле. Я плотно стиснул зубы и сел прямо, отклоняясь от вертикали не больше чем на один-два градуса. Держись, Хоакинито. Ты хотел играть с большими ребятами – флаг тебе в руки.

Теперь мое дыхание – желтый ветер,
Теперь мое дыхание – красный ветер,
Теперь мое дыхание – белый ветер,
Черный ветер, изумрудно-зеленый ветер.
Ты, который из дома моего дядюшки,
Ты далекий, а теперь близкий мне,
Вот мы сидим вдвоем
Между четырех высот, четырех вулканов,
Здесь, на сине-зеленой вершине,
В пяти солнцах от северо-восточной белой горы,
В пяти солнцах от твоих юго-восточных высот,
От твоей семейной красной горы,
В пяти солнцах от желтого юго-западного вулкана
И в пяти солнцах
От темноты,
От струпно-черного северо-западного вулкана.

Карлица протянула Кох черный камушек, скругленный конус шириной у основания около двух дюймов и высотой около семи, отполированный до глянца. Она поставила его в ячейку на красном квадранте (хотя на поверхности игровой доски оставались лишь следы

---

⁶⁸⁰ Сьерра-Мадре Восточная – горная система на восточном краю Мексиканского нагорья.

красного пигмента, но Кох, конечно, знала, где какой цвет), хотя, если точнее, это было только маленькое углубление, соответствовавшее нынешнему дню. Выемка в доньшке точно отвечала форме камушка, и тот сел в нее надежно и устойчиво. Пингвиниха подавала госпоже камушки один за другим, пока на доске не появилось девять столбиков, образовавших звездную карту данного конкретного дня в данном месте, с Плеядами, Луной, Венерой, которая поднималась на восточной кромке. Потом госпожа добавила пять камней – они, как я догадался, обозначали пять гор Теотиуакана, то есть установили наше точное местоположение на земле.

Кох вытянула темную руку и медленно раскрыла ладонь. Это означало: «Ну, что ты хочешь узнать?»

Так. Нужно сформулировать ответ как можно лучше.

Я не до конца уверен, что могу рассчитывать на Кох. Надо, чтобы она проявила все свое искусство. Если госпожа не сумеет идентифицировать апокалипсника, то пусть хотя бы покажет, как играть с девятью камнями. А если для этого необходимы снадобья, то пусть объяснит, как их достать.

– Ты, которая равна мне, пожалуйста, скажи, – начал я, – как мне сохранить род моих современников после последнего солнца тринадцатого б'ак'туна и на тринадцать б'ак'тунов, которые придут после него.

Кох не прореагировала. Пауза затянулась настолько, что мне стало ясно: она недовольна моей просьбой. Ну, по крайней мере, она не выбрасывает меня на улицу, подумал я. Молчание.

Пингвиниха (наверное, она, словно гомункулус, телепатически воспринимала знаки Кох) появилась в поле зрения с новым набором плетеных шкатулок. Из одной она вытащила кувшинчик и кисточку и обмазала стенки утопленной доски жиром или маслом. Вещество пахло странновато. Потом карлица нанесла его на поверхность камушков...

Опа. Меня повело.

Истома разлилась по всему телу. Вкус во рту напоминал мясо краба и был кисловатый (но не муравьиный), а потом его усилил этакий кокаиновый гул, а затем потянулся длинный неестественный шлейф послевкусия – я припомнил аромат лимонада, который пил в детстве, поганенького изобретения химиков тех времен, когда еще не наступила эпоха натуральных продуктов питания, вот только название я забыл...

Да, о чем это я?

Карлица дала Кох корзинку, та вытащила какую-то маленькую вертлявую розовато-коричневую каракатицу и усадила в сине-зеленый кружок в центре игровой доски. Создание присело, повернуло голову и моргнуло на свету. Обезьянка, меньше лабораторной мыши (наверное, если бы она встала во весь рост, то была бы не выше двух дюймов), почти безволосая, с выкрашенным черной краской пахом – как в набедренной повязке – и с нарисованной на голове шапочкой, для пущего сходства с человеком, своими пропорциями и правда походила на взрослого гомо сапиенс. Ничего общего с ребенком, пусть в миниатюре, я не нашел. Я не мог точно сказать, к какому виду она принадлежит, но по ее худобе, удлинённому тельцу и закрученному хвосту предположил, что животное относится к паукообразным обезьянам Ateles, темношерстным существам, которые едят много фруктов и никогда не спускаются на лесную подстилку. Паукообразные обезьянки растут быстро, значит, эта была практически новорожденной, но шкурка ее уже потемнела. Пигалица дважды обежала доску по периметру с резвостью взрослой обезьяны. Она попыталась взобраться по уголку отполированной стены, потом втиснуться между двумя стоящими близко друг к другу камушками, но удержаться не смогла – скользила по смазанной жиром поверхности. Потом малютка попыталась выпрыгнуть, но успеха опять не достигла – ей не хватало силы мышц и координации взрослой обезьяны, а потому преодолеть высоту в два своих роста она не сумела. Наконец она успокоилась, присела и помочилась в центре красного квадранта. Разглядеть обезьянку получше мне не удалось (для этого потребовалась бы лупа часовщика), но, судя по всему, это был самец. Он поднял мордочку, но нас, конечно,

не увидел – его крохотные глазки не фокусировались. Обезьяний младенец забрался в красно-черный угол и, дрожа, съежился там. Кох накрыла его одной из сухих чашек для шоколада и передвинула в белый сегмент над неглубокими ячейками, соответствовавший нынешнему дню и находившийся в четырех линиях от дня затмения на границе черного квадранта.

Я заметил, что меня клонит влево. К этому моменту вещество, которым Кох начинила меня во время поцелуя, привело мой мозг в дремотное состояние. Я не мог сосредоточиться, сказать, кто я такой. А ведь я получил малую толику порции, доставшейся Кох. В ее организме, наверное, столько порошка, что можно убить синего кита. К тому же она так субтильна. Неудивительно, что девятикаменных складывателей приучали к порошку с пятилетнего возраста. Должно быть, моя физиономия расплылась в идиотской улыбке, какая появляется у накурившегося. Эта крутая дамочка еще решит, что я полный псих. Ну, в первый раз так всегда бывает.

Пингвиниха протянула Кох шкатулку в форме квадратного домика, увенчанного хохолком из бечевки. Она поставила ее в центр черного квадранта, развязала узел и потянула за одну из веревочек. Стенка коробочки поднялась, как дверка у китайской клетки для сверчков.

Кох положила руку ладонью вверх перед открытой дверкой.

Мы застыли в ожидании. Ну и что теперь?

Из тени появилась пара сегментированных рожек, они застыли, развернулись в разные стороны, а потом по руке госпожи Кох заструилась шипастая ленточка. Это была многоножка неизвестного мне вида, хотя явно пещерная – безглазый альбинос. Ее предки, должно быть, обитали в затхлых подземельях еще в те времена, когда самым продвинутым позвоночным на планете являлась латимерия. Бесцветное, почти прозрачное членистоногое с коричневатыми по краям хитиновыми пластинками напоминало выложенные в ряд, чуть подпаленные меренги. Длина его составляла около двенадцати дюймов – вполне себе прилично. Мне понадобилось немало времени, чтобы подсчитать: у многоножки двадцать одна пара ног. Вместо глаз – четыре бугорка. В стороны торчали шипы, а точнее, ядовитые коготки, длинные и слегка искривленные, как кавалерийские шашки. А ощупывающие впереди дорожку щетинки на рожах были чрезмерно большими, как иголки кактуса окотилло. Общее впечатление: будто Вселенную сжали в полоску и застегнули на молнию.

Левой семипалой рукой Кох стремительно (мой взгляд не успел за ее движением) ухватила многоножку за второе сочленение, за ее головой, положила на центр небольшой тарелки и прижала большим пальцем. Она (многоножка; и Кох называла ее именно местоимением женского рода) попыталась высвободиться, вздыбила заднюю часть, поскребла мотающимися ножками по запястью Кох.

– Ей исполнился один к’атун и много тунов, – сказала Кох и убрала свой палец. – Она очень умная.

Я поменял положение, скрестив ноги. Раньше я ничего подобного не видел и не слышал. Откровенно говоря, я ждал, что Кох достанет свои камни и семена и сразу начнет играть. Что ж, *uno punca sabe*.⁶⁸¹

Кох постучала ногтями рядом с многоножкой, явно общаясь с ней на языке вибраций. Та подняла свою сенсиллу, словно прислушиваясь. Потом уставилась на меня незрячим взором. У меня мурашки побежали по коже – она ощущала, что мы здесь. Членистоногое скользнуло в ладонь Кох и свернулось свободной спиралью. Кох заговорила новым, тихим голосом и на другом языке, насыщенном гласными и шипящими. Я склонился слишком близко, и это существо, почуяв тепло моего лица, издало своими лабиальными щупальцами пару двойных щелчков.

– Твой хребет должен сместиться к северо-западу, – произнесла Кох.

---

⁶⁸¹ Всего никогда не узнаешь (*исп.*). (Прим. ред.)

Она приказывала мне подвинуться назад, что я и сделал. Госпожа слегка улыбалась, видя, какое действие произвел на меня наркотик. Наверное, мои глаза стали шальными, как у двенадцатилетнего мальчишки после первого косячка.

Кох опустила руку в юго-восточной части игрового поля. Многоножка скатилась с ее ладони, словно ртутный ручеек, и устроилась в уголке. Потом переориентировалась. Казалось, ей знакома игровая доска.

– Прости меня, веди меня, сияющий гость, – сказала Кох.

Ловким движением наперсточника она накрыла многоножку второй чашкой для шоколада. Во мне шевельнулись неприятные воспоминания о развлечениях моих приемных братьев в Юте, о гладиаторских схватках американских варанов и лабораторных крыс в телевизионных ящиках. Кох положила светлую руку на чашку с многоножкой, а темную – на чашку с обезьянкой и проговорила:

Мое дыхание черное, мое дыхание желтое,
Мое дыхание красное, мое дыхание белое, мое дыхание
Теперь сине-зеленое...

Она подняла обе чашки.

Питомцы Кох не шелохнулись. Я смотрел на многоножку, смотрел на нее недели, месяцы и годы. Наконец ее рожки шевельнулись, поднялись и медленно описали дугу в сто пятьдесят градусов, изучая обстановку; они подергивались, словно молоточки маримбиста. «Она» замерла. Что-то почувствовала. Может, доска игрового поля была своего рода сейсмографом? Или многоножка реагировала на движение потоков лавы в двух милях под нами? Или она измеряла приливную силу Луны?

Двух существ разделяло поле, а стоящий посередине ряд камушков мешал им обнаружить друг друга. Многоножка медленно прошуршала, ориентируясь в пространстве, потом сделала три осторожных шажка на восток, под углом девяносто градусов в сторону от обезьянки, и прощупала поверхность красного квадранта. Она двигалась по неглубоким ячейкам – скорее всего, территория была ей знакома. Обезьянка напряглась. Сейчас что-то случится.

С точки зрения габаритов она проигрывала членистоногому. Но я видел, как обезьяны ревуны убивают змей, превосходящих их размерами. И если малютка не захочет драться, она сможет ускакать в другое место. А многоножка слепа. Мой прогноз почти не оставлял ей шансов.

Обезьянка чуть склонила голову налево, и в том же направлении повернула свою голову многоножка. Я не слышал, чтобы малявка произвела хоть малейший звук. Но предки многоножки долго жили под землей и научились воспринимать малейшие вибрации. Последовала еще одна долгая пауза, а потом обезьянка чуть подалась влево, проверяя возможность отхода на юг. Многоножка мгновенно дернулась. Ее противник замер и крадучись двинулся вперед. Я отсчитал четыре биения. Членистоногое огладило ножками игровую доску, не трогаясь с места, а потом поползло *au pas de loup*⁶⁸² на юг наперерез обезьянке; коготки волнообразно прикасались к поверхности. Я почти слышал ритмичное постукивание хитина по камню. Сколопендра подобралась к камушку, обозначающему нынешний день. Ее рожки высунулись за угол – для разведки. Я вспомнил Марену на фотографии – на той, где она карабкалась по отвесной скале, нащупывала трещинки в камне у себя над головой. Обезьянка подошла поближе. Многоножка заскользила вперед, и, глядя на ее движения, можно было подумать, что она прогрызает коридор в пространстве; потом остановилась, пробуя воздух антеннами-рожками. Она напоминала разверстый рот зубами наружу. Хищная улыбка чеширского ягуара. Хвостатая кроха сделала маленький прыжок

---

⁶⁸² Крадучись (*фр.*).

влево, выходя из-под прикрытия камушка.

Многоножка застыла.

Самец обезьянки увидел ее. И стал разглядывать.

Неужели он не знал, кто перед ним? Все млекопитающие инстинктивно побаиваются членистоногих. С другой стороны, обезьяны вроде этого паренька плотоядны и поедают всяких жуков. А он производил впечатление голодного. Его явно давно не кормили. Глаза его сузились, и по загоревшемуся в них предвкушению было понятно, что он готов атаковать кого угодно. Что он собирается сделать – схватить многоножку за хвост и размотать ей голову о камень? Или будет молотить по ней лапками, пока не расплющит, как лиса скорпиона?

Он изучал ее. Многоножка шевельнулась, осторожно переползла на желтый квадрант и направилась дальше по часовой стрелке к красному. Напряженное тельце обезьяньего малыша не шелохнулось, но глазами он следил за ней. Членистоногое достигло красной зоны. Самец дрогнул. Неожиданно со скоростью, неуловимой для глаз, многоножка метнулась вперед. Обезьянка отпрыгнула и притаилась за одним из камушков. Сколопендра притормозила и повернулась.

Пока ни одна из сторон не получила перевеса. Я отсчитал пять биений, потом десять. Малец стал понемногу отступать так, чтобы между ним и его врагом оставался камень. На четырнадцатом биении на поле боя началась сумятица. Бойцы заметались взад и вперед, как шарики в пинболе или субатомные частицы на видео в диффузионной камере. У меня возникло впечатление, что самец обезьянки преследует многоножку. «Запах женщины», – усмехнулся я про себя. Однако членистоногое, в свою очередь, погналось за противником, двигаясь против часовой стрелки, преодолевая камушки-ограждения, которые образовывали своеобразную полосу препятствий. С каждым кругом многоножка подбиралась все ближе и ближе к самцу обезьянки. Вот он на красном, а теперь на красном сколопендра, она переметнулась на белое, а обезьяна скакнула на черное, многоножка следом, но вот она взяла и развернулась – и поползла в обратном направлении, словно заранее рассчитав, где окажется враг, и, прежде чем я успел сообразить, что случилось, многоножка почти прижала обезьянку к одному из стоячих камушков. Но ловкий малец перепрыгнул через нее. Обошел ее на повороте, решил я. Многоножка застыла. Ее враг, казалось, набирался мужества. Он прыгнул, схватил многоножку сзади, поднял и собрался было хлестнуть удлинённым телом о камень, но не успел – она мгновенно изогнулась, и ее голова оказалась у спины малыша. У меня появилось неприятное ощущение, что многоножка спланировала все это заранее. Она обхватила туловище несчастного и вонзила лезвия ножек в его шею.

Самец обезьянки оторвал от себя многоножку, отпрыгнул назад и споткнулся. Было очевидно, что он поражен ядом. Бедняга с трудом двинулся на запад, ковыляя на всех четырех руках, но к 8 Тростнику стал оступаться. Он перебрался через Венеру, а потом побрел назад на север к 13 Ветра. Я не одно десятилетие играю в игру, и меня осенило: ужас жертвы очень важен для раскладки доски.

Я поднял глаза на Кох. Она со жгучей, я бы сказал, сосредоточенностью следила за происходящим, анализируя панику обезьянки.

Многоножка замерла в ожидании. Я обратил внимание, что она остановилась в самом центре поля, на зеленой нулевой дате, которая также символизировала Теотиуакан – ведь доска отображала и карту мира. Прошло тридцать секунд. Малютка тащился вперед, еле перебирая лапками, желая уйти подальше от своей убийцы. Ему не должно быть очень больно, подумал я, скорее – ужасно холодно. Две минуты спустя он добрался до дальней стороны черного квадранта, где упал навзничь, как опрокинутая маленькая статуэтка. Кроха все еще мог сжимать и разжимать кулачки, но вскоре яд парализует его полностью. Многоножка приблизилась к нему, на сей раз почти не таясь, неторопливо постукивая коготками, – так неспешно двигаются весла галеона. Она осторожно ошупала обезьянку своими щетинистыми рожками, протягивая их как можно дальше. Потом сколопендра обвилась вокруг жертвы. Окоченевшее тельце перевернулось, но пальчики сжали две

членистые ножки в попытке оттолкнуть противника. Сражались два маленьких существа, но сцена представлялась гигантской, словно мы наблюдали реальную схватку святого Георгия с драконом.

Самец обезьянки закричал. Писк такой высоты трудно уловить, как скрежет алмазного резца по стеклу. Это был негромкий звук, но такой пронзительный, что я подумал: его слышали Хун Шок со товарищи во дворе, а на другом конце города – 14 Раненый, казалось, вопль предсмертного ужаса разнесся далеко за всеми пустынями в Ише, на Северном полюсе и на Марсе. Прошло сто четыре биения, стекло треснуло, крик смолк. Тонкий скрип повторился, потом прервался навсегда. Рот обезьянки раскрывался беззвучно, губы натянулись, обнажив крошечные зубы. Три тысячи биений спустя ее тельце изнутри начали распирает пищеварительные соки, но она все еще подергивалась. Многоножка приступила к трапезе, ее маленькие челюсти и щупальца двигались вдоль трупики то в одну, то в другую сторону – так ребенок объедает кукурузный початок, членистоногое безъязычно облизывало его, напитывая студенистой слюной. Многоножки неаккуратные едоки, и вскоре тело обезьянки покрыла слизь и под ним собралась целая лужица. Шестидесят тысяч биений спустя энзимы многоножки в основном разложили мышцы и внутренние органы жертвы – теперь останки больше походили на шкурку, наполненную водой, чем на еще недавно живое существо. Многоножка вгрызлась в основание шеи, потом через мягкий череп пробралась в мозг, а оттуда назад в туловище. Мы наблюдали эту сцену в удушающей тишине. Зрачки Кох настолько расширились, что карие радужки напоминали венчик вокруг солнца во время затмения. Прожорливая сколопендра быстрыми, точными движениями перевернула добычу, повадки выдавали в ней опытного охотника и мясника, челюсти работали хватко. Она принялась обрабатывать обезьяний желудок. По моим оценкам, всего за час и сорок минут от обезьянки остались клочок шерсти и зубы.

Я мельком взглянул на Кох. Одним глазом она смотрела на меня, другой не сводила с многоножки. Опа, подумал я. Разговаривать с косым человеком – не самое приятное занятие. Но в отличие от людей, страдающих страбизмом, Кох могла поворачивать зрачки независимо друг от друга. Я снова уставился на доску. Целую вечность ничего не происходило. Мы словно окаменели на своих местах. Я решил, что наступил финал трагедии на игровом поле, но Кох вдруг вздрогнула. Я оглянулся. Вокруг ничего не изменилось. Но... С победительницей творилось что-то странное...

Многоножка напряглась, словно чувствуя приближение врагов. Она затрясла головогрудью, ринулась вправо, влево, дважды щелкнула челюстями. Потом, ударившись в панику, побежала по часовой стрелке, затем в обратном направлении, через красную землю, желтую землю, из восьмого б'ак'туна метнулась в черную землю, устремилась назад через белую и желтую, на сей раз далеко-далеко, в тринадцатый б'ак'тун, назад, вперед, туда-сюда, снова и снова пересекая зону настоящего времени, пока наконец не остановилась в центре северного квадранта, на 14 Ночи. Там она стала крутиться на месте против часовой стрелки. Мне на ум сразу пришло: спятила. На двадцать восьмом развороте многоножка будто приняла какое-то решение и замерла с поднятым хвостом. Ее рожки подрагивали, ножки молотили по доске со сверхъестественной быстротой. Согласно ишианской поговорке, человек двигается быстрее всего, когда его охватывает предсмертная дрожь.

Членистоногое сделало четыре осторожных шага на север, потом шесть медленных шажков на юго-восток и застыло в ячейке, которая вместе с цифровыми камнями указывала на 12 Движение, 5 Бирюзы в седьмом к'атуне двенадцатого б'ак'туна, 2 декабря 1773 года. Тогда произошло землетрясение, разрушившее Антигуа, в то время – столицу Никарагуа. Стоит ли говорить об этом госпоже? Или Кох уже знает? Я решил не предпринимать ничего по собственному почину. Многоножка снова двинулась вперед, прихрамывая на своих сорока двух ногах. Наконец она добралась до 2 Этц'наба, 1 К'анк'ина, 2 Бритвы, 1 Желтореберника – это в двух днях от даты конца.

Сегодняшний обед не пошел на пользу сколопендре. Она явно отравилась. Может, обезьянку специально чем-то покормили. Многоножка корчилась, извивалась, вытягивалась,

перекидывалась через спину, затем шлепнулась на живот. Она укусила себя в основание левой восемнадцатой ноги. Сквозь ее экзоскелет проступили клочья белого мяса. С шипов полетели брызги, когда страдальца выпустила в воздух нейротоксины. Она снова перевернулась через спину, принялась рвать себя когтями. В середине ее спины открылся шов, который становился все шире, кутикула раскрывалась сегмент за сегментом. Многоножка линяла.

Членистоногие меняют оболочку, совершая перистальтические движения. Линяющий паук похож на руку того, кто пытается освободиться от перчатки без помощи второй руки. Насекомые обычно срывают с себя по куску заразу. Многоножки вытягиваются, как нога человека, желающего сбросить тапочек. Обычно после линьки существо предстает во всей красе и в полном обмундировании, если можно так выразиться, и считается, что оно родилось заново. Помню, моя мать (или мать Чакала) говорила, что если бы мы могли менять кожу, то жили бы вечно.

Но эта многоножка линяла, не будучи готовой к этому. Под тем экзоскелетом, который она сбрасывала, не было нового, только голое мясо, испускающее пузырьки гемолимфы. Бедолага просто заживо сдирала с себя кожу. Она корчилась и ударялась о камень, агонизируя. Чешуйки ее хитиновой оболочки отделялись и падали на поле вместе с кусками белого мяса, прилипшего к ним. Брюшные части двух последних сегментов сперва сокращались, а потом отвалились, но их кусочки продолжали шевелиться – и я увидел, что это маленькие существа. Личинки? Нет, в стороны бросились сотни прозрачно-белых многоножек, похожих на стружки кокосового ореха, которыми в прежние дни посыпали мороженое. Я когда-то читал, что сколопендра откладывает яйца, но это относилось к иной разновидности. Детки злосчастной многоножки ползали, разбегались, корчились, собирались вокруг клочков мяса своей матери, засасывали сукровицу. Наконец та свернулась колечком и принялась глотать себя, пока не превратилась в осклизлый клубок, замерший на 9 Черепе 11 Ветра в белом квадранте доски. Двигались только ее рожки, выписывая в воздухе неторопливые восьмерки. Еще через тысячу биений успокоились и детки. С неба спустились пальцы Кох. Ее ногти сомкнулись на покалеченной многоножке, подняли ее – она была неподвижна, как подвяленный кусок бекона, – и Кох на ее место положила опаловый бегунок. Она счистила останки обезьянки и многоножки чистой тряпицей из хлопчатника. Карлица протянула глиняную шкатулку. Кох завернула ошметки в тряпицу, положила сверток в шкатулку и произнесла краткую фразу на двух языках. Пингвиниха унесла шкатулку, должно быть, для почетного захоронения. Прежде чем я понял, что она делает, Кох успела убрать крупные стоячие камни и начала раскладывать черепа, то есть камушки, по ячейкам, в которых побывали оба существа, вслух ведя счет на древнем языке. Ее манипуляции длились долго, и мне приходилось напоминать себе, что она двигается с обычной скоростью, просто я думаю быстрее.

А ведь схватка между маленькими противниками была столь короткой, что я не успевал следить за ее ходом. Но Кох запомнила весь сложный путь, проделанный обезьянкой и многоножкой, до последней детали. Она обозначила его вешками, используя камушки различных размеров в точках разных событий, положила плоский овальный череп в ячейку, где многоножка нанесла первый удар, и почти идеальную сферу в то место, где та испустила дух. Я за всю свою жизнь не сталкивался с таким умственным подвигом, хотя и повидал их немало. Для меня же на восемьдесят процентов случившееся было сплошным туманом. Уверен, Кох могла бы посмотреть десятиминутный ролик бильярдного матча, а потом воспроизвести все в мельчайших подробностях.

Наконец Кох пять раз постучала по доске и высыпала на нее маленькие камушки из мешочка. Все они отличались друг от друга. Каждый символизировал собой планету или крупную звезду. Некоторые были уплощенными, как леденцы. Она отобрала те, которые в настоящее время сияли в небесах, а остальные засунула обратно. Затем госпожа выложила на доске звездное небо, на сей раз немного иначе: Последний Владыка Ночи склонялся к западу, а Пожиратель Солнца, то есть Венера, находился на востоке. Луну представлял

ровный сфероид из гидрофана – водяного опала. В Европе в Средние века его называли «глаз мира».

Кох заговорила:

И вот я приветствую пещеру мертвых в черной стороне,
И вот я приветствую пещеру тех, кто дышит, в желтой
стороне,
И вот я приветствую пещеру нерожденных в красной стороне,
И вот я приветствую пещеру тех, кого не будет никогда, в
белой стороне,
Я разбрасываю желтые и черные семена,
Я разбрасываю белые и красные черепа,
А это твой собственный сине-зеленый череп, твой тезка.
И теперь мы пойдем вперед.

Она вытащила зеленый камень и бросила его на доску, прошла на запад, потом на восток и назад на перекресток, мимо Крокодилова Дерева, мимо Четырехсот Мальчиков, то есть Плеяд, и вдоль длинной белой дороги Змеиного желудка, мимо очагов, то есть пояса Ориона, потом на юг к Сириусу и Мирцаму, тому, что зовется Вторым Владыкой Ночи. Кох оставляла за собой след камней в складках времени. Двигалась она быстро, но я следовал за ней без труда. И хотя мозг Чакала не имел игровой практики, я прекрасно использовал опыт Джеда и легко находил решения тех проблем, с которыми не мог справиться в прошлом. И дело было не в том, что я мыслил более ясно. Тут помогало влияние тополитического порошка. Не то чтобы я отправился в полет в пространстве, а скорее пространство сжалось, уместившись на моей ладони, и если я его слегка поворачивал, то оказывался где угодно... Точнее, мир стал колодой карт, и ты мог соединить удаленные друг от друга места, перемешав эти карты, например – перенести Цейлон в центр Оклахомы или вылить Тройную туманность в эту пещеру.

Кох положила девять белых камней на доску и начала преследовать бегунок. Он вышел на солнце через девять дней, в день затмения. Она сказала, что там есть слабый серый запах, и еще я узнал: в этот день для меня есть к'ии. Это слово означало уловку или стратегию, способ развернуть события к моей выгоде. К'ии имело имя, состоящее из двух частей: чаат ха аначан.

Первое слово, «чаат», означало северо-западный ветер (иногда просто ветер), сухой и горячий, соотносившийся с черным цветом. Под вторым словом «аначан» понимали город усопших, небольшой город мертвых на мексиканский манер. Мы на нашем долгом пути от Сан-Мартина миновали сотни таких мест. Но все остальное, по словам Кох, покрывал густой туман и она больше ничего не видела ясно.

Ветер на кладбище, подумал я. Гм.

Пять солнц, четырнадцать солнц и тридцать солнц,
Пятьдесят пять солнц, девяносто одно солнце, сто солнц...

Сделав двадцать размещений, Кох вернулась к первому и продолжила – так альпинист-одиночка сначала закрепляет страховку, а потом ползет вверх, забивает новый костыль и спускается, чтобы вытащить предыдущий. Я думал, что госпожа будет передвигать фигуры на дальней половине поля с помощью щипцов, но она просто наклонилась вперед. В поле моего зрения попал вырез, частично обнажающий ее грудь. Ммм. Есть вещи, которые неизменны. Я бы не возражал против еще одного «Поцелуй женщины-паука». ⁶⁸³ Может быть, это сочетание темного и светлого действовало

---

⁶⁸³ «Поцелуй женщины-паука» – роман аргентинского писателя Мануэля Пуига (1932–1990).

возбуждающе. А что с ней было не так? Может, все дело в гиперпигментации? При гормональной несбалансированности вырабатывается избыточный меланин. Или это все же было витилиго. Меланодермия? Болезнь Аддисона? Синдром перегрузки железом? Стенокардия? Пигментная ксеродерма? Игра с нулевой суммой...⁶⁸⁴

– Нулевые солнца, – сказала Кох.

Она вышла на дату, которая соответствовала точке, где была убита обезьянка. Но госпожа не остановилась. Напротив, она без колебаний продолжала и дальше размещать камни, словно многоножка продолжала преследовать обезьянку в обрушившихся измерениях Калуцы – Клейна.⁶⁸⁵ Некоторые из ячеек быстро заполнились камушками. Если бы в игре участвовали один-два бегунка, то я смог бы следить за происходящим. Однако каждый дополнительный бегунок многократно увеличивал сложность. Девятичерепная игра труднее восьмичерепной не на один камень. И даже не в девять раз. А в 9 раз, то есть в $9 \times 8 \times 7 \times 6 \times 5 \times 4 \times 3 \times 2$, или в 362 880 раз.

– Четырнадцать, пятьдесят один, сто пятьдесят четыре, двести сорок пять, – прошептала Кох.

Она прочитала вперед, потом назад. Она считала по порядку, потом задом наперед вплоть до 5 Кабана 15 Чена, 8.14.17.7.17 – даты, когда, согласно Кодексу, погиб А'К'аакан, то есть Эль-Мирадор, – а потом развернулась и продолжила в направлении будущего, продвинувшись вперед на триста девяносто четыре дня к кромке красного квадранта и дате основания Иша. Необычной казалась извилистая конфигурация пути, по которому она прошла, – он петлял туда-сюда, от точки до точки, словно роза Маурера,⁶⁸⁶ повторялся в разных масштабах, расширялся, описывая все более и более тупые углы... но конфигурация его оставалась неизменной, он словно свободно разрезал на дольки грибообразное облако в том, что касалось следствий, а когда речь заходила о причинах, упирался, словно нож в персиковую косточку.

– Когда мы попадем в место и солнце, которые мне незнакомы, – произнесла Кох, – я сообщу тебе о том, что там прочту, а ты скажешь их названия.

Я согласно цокнул. В системе, о которой она говорила, не было ничего необычного. Более того, уже существовали прецеденты в протоколе игры. Например, клиент спрашивал складывателя о том, что может случиться в запланированной поездке. И если он уже бывал в том месте, а гадатель – нет, то последний интуитивно постигал все вероятности, если заказчик помогал уточнить детали путешествия.

– Триста девяносто пять, пятьсот шесть, – пробормотала Кох и передвинула одну связку на пятьдесят два солнечных года, потом еще одну, потом еще.

Тцам лик потрескивал у меня под кожей, как статическое напряжение вокруг сферы Ван де Граафа.⁶⁸⁷ Госпожа описала Драгоценные Города, зарастающие джунглями, и я представил их как прокручиваемую назад беззвучную съемку красного китайского фейерверка на фоне зеленого неба. Иш, Ашкаламак, Яшчилан, Бонампак, Паленке, Каминалхуйу, Ти ак'ал, Уашактун и Тонил – всех их накрыла волна небытия, хлынувшая

---

⁶⁸⁴ Игра с нулевой суммой – игровая ситуация, в которой соперники претендуют на получение заданной суммы вознаграждения, так что выигрыш одного игрока влечет проигрыш другого.

⁶⁸⁵ Теория Калуцы – Клейна – одна из теорий гравитации, объединяющая два фундаментальных физических взаимодействия – гравитацию и электромагнетизм; теория также предлагает модель пятимерного пространства.

⁶⁸⁶ Роза Маурера – геометрическая концепция, предложенная Питером Маурером; роза Маурера состоит из нескольких линий, которые соединяют некоторые точки геометрической розы.

⁶⁸⁷ Генератор Ван де Граафа – генератор высокого напряжения, принцип действия которого основан на электризации движущейся диэлектрической ленты.

из-за падения империи Теотиуакана. Пальцы Кох прыгали вперед, с каждым безмолвным биением устанавливая очередной зерновой череп на следующем квадратике, оставляя расширяющийся след, только он находился впереди линии семян, перьевые волоски игрового поля сплетались в кристаллы истории. На севере проросли новые города – Кан, Эк, Розовая Гора, Тула, Кремневое Озеро, Чичен, Кабах, Узкий-Всегда-Полный-Колодец, Ушмаль и Майяпан. Позднее с началом десятого б'ак'туна в озере опять кристаллизовались новые скопления пирамид – близко к центру доски, но к югу и западу от руин Теотиуакана: Тлашкала, Теночтитлан и сотни других городов Тройственного союза.⁶⁸⁸ Из столиц по всей Мезоамерике двигались, как армии муравьев, колонны солдат. Я бросил взгляд на Кох. Она сидела в напряжении, и я пронесся вместе с ней сквозь эпохи, словно госпожа катилась на серфе по потоку вулканической лавы со мной на спине. Если вы участвуете в соревнованиях по шахматам или го, играете в «Нео-Тео» или другую неглупую компьютерную игру, то вам знакомо это чувство: умственная агония, когда ты знаешь, что не сможешь удержать в воздухе так много шаров. То же самое ощущают спортсмены. Ты делаешь последнее усилие и думаешь, что оно тебе не удастся, но все же проходишь сквозь стену и поднимаешься вверх, а потом тебе не спуститься оттуда, ты паникуешь и взываешь о помощи. Кох удерживала в голове тысячи событий и смотрела, как они развиваются, с помощью камня, знаменующего ее альтер-эго, и с каждым ходом она выбирала одно из них. Каноэ размером с город выскальзывали из моря на красное днище доски. Она снова видела людей-рыб в чешуе, черные фурункулы, прорывающие квадратные мили загорелой кожи, легкие, испещренные гнойниками, умирающих людей, тела которых разлагались с такой быстротой, что их не успевали хоронить. Кох переместилась в 1518 год, когда Эрнан Кортес добрался до Мехико-Сити всего в нескольких милях от руин Теотиуакана. Белые города в центре озера корчились в языках пламени. Кох поежилась.

– 9 Ветра, 10 Мысли, шестнадцатого к'атуна, – сказала она, назвав дату 4 февраля 1525 года. Озеро высохло, его ил занесло песчаными бурями.

– Он уничтожает нас, – простонала Кох.

– Кто?

Она описала гиганта в рыбьей чешуе с оранжевой бородой.

Я сказал, что знаю, как его зовут.

– Как? – жестом спросила она.

– Педро де Альварадо.

(53)

Кох повторила это имя. Я услышал, как она произносит его здесь, сейчас, – и у меня мурашки побежали по коже.

– Теперь мы рабы, – проронила госпожа.

Я перевел взгляд на доску. Она достигла размеров всего Западного полушария, и население катилось по континенту, словно бусинки по тарелке. Кох описывала города, увеличивавшиеся в размерах каждые несколько мирных сезонов, словно подземные грибы, и темные сдвоенные корни, по которым ползали осклизлые гигантские черви. Я пояснил, что,

---

⁶⁸⁸ Тройственный ацтекский союз (или Ацтекская империя) представлял собой союз трех городов-государств – Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана. Союз главенствовал на территории современной Мексики до 1428 года, когда потерпел поражение от испанских конкистадоров.

на мой взгляд, она видит, и она повторила: «Железная дорога». Госпожа передвинулась с 24 декабря 1917-го в 1918-й на даты землетрясений, которые уничтожили Сьюидад. Она рассказывала о корнях, которые множились, заплетались, давали побеги и сочились битумом. По ним бегали темные быстрые клещи, высасывающие соки из Земной Жабы, и от их дыхания высыхали деревья. После девятого к'атуна последнего б'ак'туна вонючие клещи размножились, их глазурированные орды красного, синего и желтого цветов сновали туда-сюда, а у части из них отросли крылья. Я понял: она говорит о дорогах, машинах и самолетах. Она описывала пучки кварцевых кристаллов, которые «вырастали за ночь и выблеивали белых мух в треснутую сине-зеленую чашу». Тут я не сообразил, о чем Кох толкует. Она положила свой сапфир на 11 Ревуна, 4 Белизны в пятом уинале первого туна восемнадцатого к'атуна тринадцатого и последнего б'ак'туна.

– День твоего именованья, – сказала она.

– Верно, – цокнул я в ответ.

Кох переместила камень на 4 февраля 1976 года (день последнего сильного землетрясения в Гватемале), а потом дальше – в последний б'ак'тун.

– 11 Движения, – прокомментировал а Кох. – Духовая трубка-змея ухватила себя за хвост и выблеивает пыльную крошку в огонь Бога Нуля, и пески спекаются в кристаллические ножи. – Эта дата соответствовала второму июня две тысячи десятого года – дню взрыва коллайдера в Уахуапан-де-Леоне.

Я начал рассказывать ей об этом, но она передвинула свинцовый опал на 6 Бритву 6 Желтореберника.

– Они сражаются сами с собой, – произнесла она, – в городе игр северных коралловых равнин.

– Диснейурлд, – подтвердил я.

– А что именно случилось в это солнце?

Я описал этот день подробно, как только мог.

Она двинулась дальше к кромке мира на крайней западной части доски и к ячейке по имени 4 Владыки, 3 Желтореберника, 21 декабря 2012 года – к дате конца времен.

– Тайный ахау обращает своих людей против своего же рода, – нахмурилась Кох. – У него искривленный череп.

Я цокнул, сообщая, что понял, но пока эта информация ничего мне не давала.

– Нет, постой, – сказала она. – Он не ахау. Он только использует его голос. Его имя Камписис Укореняющийся.

Приехали, подумал я. Однако в некотором роде это уже конкретика. Проблема лишь в том, что я не знаю никого по имени Камписис Укореняющийся.

Гм.

Ишианское словосочетание, которым она воспользовалась, – т'аал чакониб – означало «колибри шоколадного цветка». И разумеется, относилось к *Campsis radicans*.⁶⁸⁹ Но дело в том, что эти слова чаще использовались в качестве определения, как идиома для обозначения нежно-розового цвета. Так что, вероятно, она имела в виду «светло-красный».

– Можешь ты, которая надо мной, сказать мне, где он находится? – спросил я, но Кох уже пошла дальше, переместила свой камень за черту последнего дня, в зону безымянного времени.

Черт побери. Я бросил на нее взгляд. Игроки умеют скрывать умственную усталость. Но не от таких профи, как я. И хотя Кох внешне никак не изменилась, если не считать сухости прищуренных глаз, которые приходилось долго напрягать, и одну-две чрезмерно набухшие жилы на виске, не окрашенном меланином, у меня возникло предчувствие, что она вот-вот рухнет без сознания. Из-под ее умасленных волос скатилась капелька пота. Мне

---

⁶⁸⁹ Многолетняя деревянистая лиана семейства бегониевых с воздушными корнями на стеблях и цветками розового цвета.

почудилось, что на доске и вокруг нас толкались, спотыкаясь и воя, многочисленные рудиментарные формы, они ревели подобно стае гигантских чудовищ, запертых в громадном каменном зале. Впереди маячила кромка обозримого пространства, а за ней – зона, не то чтобы погруженная в туман или темноту, а просто находящаяся за пределами видимости. Восемьдесят процентов сферы вокруг вашей головы вы не охватываете зрительно, более того, вы не можете даже представить, что там находится. Вы напрягаетесь, пытаетесь поднять взгляд выше, скажем, треугольника волос на лбу и погружаетесь в коричневатую мглу.

– А это склон утеса, – произнесла госпожа, что означало: дальше ничего нет.

Пауза.

Так, заминочка вышла, подумал я. Подавил отрыжку. Меня тошнило. Вошла карлица, собрала стоячие камни, убрала маленькие. Стояла тишина – Кох смотрела на пустую доску. Глаза у меня так устали, что все вокруг подернулось синеватой дымкой. Когда Кох отвернулась, карлица почистила доску солью, омыла б'алче' водой, постучала по ней пять раз, чтобы уаи знали: мы уходим, положила сверху крышку, а на нее набросала свежих лепестков герани. Затем она вытащила влажную тряпицу из кувшина и загасила факелы.

Я моргнул. В помещении горел слабый свет. Из-за его синего оттенка я решил, что у меня мутится зрение. А потом я разглядел, что мягкое покрытие на стенах, экране и потолке, которое в отблесках пламени казалось черным, не было бумагой, листьями или перьями. Светилась мозаика, выложенная из крыльев бабочек – голубых морфо. Маленькие круговые секции аккуратно вырезали из центра крылышек и пришили к полотну-основе; десятки тысяч переливающихся лазурно-синих дисков чуть колебались в неуловимых воздушных потоках. Здесь, на западе, морфо являлись уаями погибших воинов, и собирать их можно было только после естественной смерти. Иногда сборщики целыми днями ходили за умирающими бабочками. «Сколько ушло на это времени? – спрашивал я себя. – Сколько человеческих жизней потрачено на украшение этой пещеры?» Стало светлее. Лучи проникали через окно вверху, падали, как снег, так медленно, что мне чудилось: я различаю отдельные фотоны. Синева стусилась до немислимого прозрачного ультрамарина структурного, непигментного происхождения – эффект возникает благодаря взаимодействию миллиардов расположенных под разными углами чешуек и исчезает под каплей воды, – и тон становился все более насыщенным, словно мы погружались в океан на тропической широте. Никогда прежде я не видел такого цвета.

Карлица закончила свою работу и засемила прочь, словно получив очередной телепатический сигнал.

Значит, все, подумал я и набрал в грудь побольше воздуха, чтобы начать обычную благодарственную речь, но Кох оборвала меня знаком: «Жди на своем месте».

Госпожа закрыла глаза. Это показалось мне самым интимным из ее жестов.

Мы сидели тихо.

«И что в итоге, – задавал я себе вопрос, – поражение? Она довела нас туда... но все же не нашла того, кто нам нужен... Я не...»

– Мне нужно пройти весь путь еще раз, – процедила Кох, – с полной мерой порошков Солильщика и Рулевого.

Я не знал, что сказать, а это случается со мной довольно редко. Сидел, молчал.

Похоже, она считает, что из задумки ничего не вышло. Однако надеется на успех. Таро говорил: чтобы наверняка вычислить апокалипсника, понадобится увеличить мощность компьютера в 10^{20} раз. Сделать это мы, конечно, не могли, не хватило бы всех процессоров мира, но профессор, по крайней мере, не строил воздушных замков. Ну что ж, вдруг у нас получится. Попытка не пытка... Кох полагает...

Я услышал слабый звук и поднял глаза. Вернулась Пингвиниха и принялась нашептывать что-то в светлое ухо Кох.

Я ждал.

Карлица продолжала бормотать. Мое восприятие времени еще не вернулось к норме, но

я был уверен: это длилось не меньше десяти минут. Кох что-то спросила у нее жестами, которых я не понял, и посмотрела на меня таким взглядом, что у меня по телу прошел озноб. Наконец Пингвиниха ушла. Кох уселась поудобнее и в упор уставилась на меня. Я немедленно опустил глаза на доску.

Вы знаете (уверен, знаете), что в греческих трагедиях действие происходит за пределами сцены? А к зрителям выходит вестник и провозглашает: «Моя царица! Фессалоники пали!» Когда я впервые читал эти пьесы, мне казалось все это слишком театральным. Но чем больше я наблюдал древний мир Иша и Теотиуакана, тем яснее понимал: именно такая драматическая форма лучше всего отражала реальность. Ведь цари, герцоги, ахау и прочие правители и в самом деле большую часть времени проводили в своих кабинетах, получали послания из третьих рук, отправляли курьеров и редко ввязывались в конфликты самолично.

– Мне сообщили, что совершен налет на лагерь 14 Раненого, – сказала Кох.

Она не смотрела на меня, и в ее голосе слышалась отрешенность, причем не только из-за неудачной игры. Фу-ты ну-ты, да она в бешенстве!

– Б'аач? – удивился я. – Что?

Говорить с ней в таком тоне было непростительной грубостью. И когда я успел скатиться к моветону двадцать первого века?

– 14 Раненый во дворе с твоими людьми.

– А что случилось с остальными ишианскими кровными? – спросил я.

– Насколько известно, они на пути сюда, – ответила она.

Я начал подниматься.

– Я, который ниже тебя...

Она повернула руку ладонью вниз, что означало: «Молчи» – и не дала мне договорить: «...должен выйти к ним».

– В дом ворвался клан Ласточкиного Хвоста, – продолжала Кох.

Это те долбаные Ягуары из Ошуицы, подумал я. С лодок, которые преследовали нас в заливе. Вероятно, они добрались и сюда, заявили о своих целях приемным братьям в синоде Пумы и уговорили их прихлопнуть 14 Раненого. Можно со стопроцентной уверенностью сказать, что послали их ишианские Оцелоты.

– Сюда идут и другие, – сказала она.

Видимо, уцелевшие Гарпии пытались найти временное убежище здесь, в квартале Сотрясателя.

Она сердится. Понятно, Дети Сотрясателя не очень-то горят желанием принимать новых беженцев. Однако хотят они того или нет, правило всеобщего гостеприимства (а праздничное бдение являлось своего рода претенциозным развитием данной традиции) обязывает их к этому. Беда в том, что это происшествие сведет на нет шансы восстановить отношения между Сотрясателями и двумя синодами.

Ну что ж, подумал я. Планы меняются. Не стоит отчаиваться. Важно не то, что твоя цель далека, а то, что ты к ней движешься.

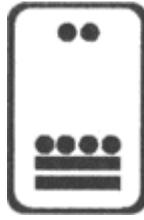
У нас еще есть немного времени. 14 и его люди – мелкие сошки. Верно? Синоды могут напуститься на торговца-чужестранца перед Высокой святой неделей, но не станут затевать свару с Сотрясателями перед бдением.

Думай. Думай!

Выбраться отсюда незаметно было невозможно. Придется оставаться в квартале Сотрясателя до затмения, а потом пробиваться через заставу силой.

Кох стоит ухватиться за предложение убежища. Она его примет, подумал я. У нее нет другого выхода.

– Я прошу тебя, ту, которая выше меня, отправиться в Иш, – сказал я. – Мой отец 2 Драгоценный Череп ждет тебя...

Восемь дней спустя в начале второй девятой дня (то есть в 10.32) все жители святой долины Теотиуакана вышли из домов. Они смотрели на небо в ожидании, когда Жеватель накинется на солнце. Единственными свободными поверхностями были taluds и tableros⁶⁹⁰ мулов. Кровные, рабы, торговцы, ремесленники, паломники, носильщики, пленники, дети, старухи, молодые женщины, младенцы (даже люди, которые не могли видеть или стоять, умирающие, да что там – недавно умершие) собрались, выстроились, сбились в толпы на площадях, в садах, на крышах домов. Старики сидели на плечах сыновей, молодые надели сандалии, похожие на ходули, или же забрались на высокие подставки. Каждый мужчина, прошедший инициацию, вышел с традиционной для своего клана и дозволенной в порядке иерархии погремушкой, будь то барабаны, труба, маракасы, окарины, глиняные и каменные колокольцы, кастаньеты, палочки, трещотки, гуделки, терки, свистки, дудки и сотни других приспособлений – последних фишек бренда, как выразился бы современный человек.

В долине не горели костры. Все плато погрузилось во мрак. Даже в самых дальних пределах были залиты очаги, а угли разбросаны по земле. В большей части Западного полушария и, вероятно, во всей Мезоамерике потухли факелы, лучины, угли, сигары и прочие источники пламени. Прошлой ночью небо затянуло тучами, луны не было видно. Делая последние приготовления во дворе Сотрясателя, мы, несмотря на то что находились в центре самого густонаселенного города земли, чувствовали, будто находимся глубоко под землей в громадной пещере. Между пустыней Сонора и Андами континент накрыла такая тьма, какой он не знал с тех пор, как его тридцать тысяч лет назад стали заселять гоминиды.

Почти все емкости, за исключением нескольких сосудов и горшков, были пробиты или расколоты. Одежда и одежды испачканы, расплосованы, расплетены или распущены до ниток. Пиктографические надписи замазаны полосками синей краски. Скот и рабы убиты. Тысячи старых, больных или предельно благочестивых людей покончили с собой. Все – по меньшей мере все, кроме меня и пары каких-нибудь скептиков, – пребывали в ужасе оттого, что последнее солнце может умереть. Я тоже мучился страхами, правда, по другому поводу.

До нашего наблюдательного пункта на площадке мула Сотрясателя, расположенной на полпути к его вершине и выходящей на восток, к рынку на южной оконечности главной оси, доносились запахи разгоряченных тел и смешанного дыхания толпы, сюда долетал прогорклый воздух из изъязвленных глоток пленников в их плетеных коробах, поднимался черный смрад из прокуренных, карциноматозных легких старейшин. Небеса прояснились, и, к счастью для нас, ветер почти отсутствовал. Для конца времен день стоял идеальный. Я переминался с ноги на ногу. Шнурок боевых сандалий впивался мне в голень, но я не хотел наклоняться, чтобы поправить его. Я поковылял вперед. Хун Шок поднял руку, вынуждая меня податься назад.

Я занял место в центре главной группы кровных Гарпии. Хун Шок был слева от меня, а Дерьмо Броненосца – сзади. Его задача в буквальном смысле состояла в том, чтобы смотреть мне в спину. Нас окружали одиннадцать бойцов Гарпии и двадцать два солдата низшего сословия. В авангарде находился 12 Кайман, готовый переместиться назад, если нас атакуют с тыла.

Мы облачились в синие верхние накидки кандидатов в члены общества Сотрясателя. Одежда скрывала боевые доспехи. Мы надеялись, что наш внешний облик не вызовет

---

⁶⁹⁰ Склоны, террасы (*исп.*).

подозрений, хотя вооружились до зубов. На нас были плетеные наголенники и широкие браслеты, жилеты из двух плотных стеганых слоев материи с проложенной между ними древесной стружкой – отличная защита от колющего оружия. К одной ноге каждый из нас привязал палицу или дубинку. Разборные копья висели на спине, прицепленные бечевками, которые при необходимости легко обрывались. Рядом помещались скатанные плетеные щиты – их сделали специально для задуманной операции. В комплект входили три складывающиеся крестовины и пара прочных кожаных ремней, в которые продевались обе руки. И тем не менее я бы не возражал, будь эти щиты побольше размером. Они могли оказаться нашим слабым местом.

На противоположном муле кровные Пумы выстроились в полном боевом облачении, выставив длинные парадные копья, которые, несмотря на всю декоративность их кремневых наконечников, были довольно опасны. Пумы ненавидели Детей Сотрясателя и по первому сигналу бросились бы на них. К тому же у местных кошачьих все еще гостили несколько ишианских Оцелотов. Вдруг они знают что-нибудь? Слухи разносились стремительно. Кто-нибудь в Ише мог заподозрить 2ДЧ в происках и предупредить Пум: пусть не спускают глаз с Гарпий. Помимо всего прочего, за наши кожи, вероятно, объявлено вознаграждение.

«Смотри», – дал знак Хун Шок, постучав по моей левой руке.

Я проследил за направлением его взгляда. Три двадцатки копыеносцев Ласточкиного Хвоста в красных стеганых доспехах протолкались сквозь толпу и остановились между площадью и рынком, преградив путь к главной оси.

Черт бы их драл, подумал я. Они могут нарушить наше расписание. Кох должна их увидеть. Непременно.

Я оглянулся. В прозрачное небо вклинивалась третья верхушка разукрашенного мула Сотрясателя Звезд. Его ступеньки заполняли обращенные и кандидаты. В шестидесяти руках над нами у кромки террасы неподвижно стояли в ряд пятьдесят два старших кормильца и складывателя в одинаковых мужских одеяниях, синих чаакских глазных масках, похожих на плотные очки без стекол – они помогали видеть сквозь дыхание Черного Жевателя, – в больших чешуйчатых шлемах и сандалиях на высоких подошвах. Над ними, на вершине мула, в очертании зева святилища мелькал высокий головной убор, который принадлежал госпоже Желтой, старшей из солнцескладывательниц Кругопрядов. Она была кем-то вроде настоятельницы. Говорили, что ей перевалило за сто восемь лет.

Я отсчитал пять фигур от северного угла и нашел госпожу Кох. Как ни глупо, но я почувствовал гордость, увидев ее в этом ряду. На лице ее застыло бесстрастное выражение.

Трудно было поверить, что мы и в самом деле продвигаемся вперед. Кох уверена, что это не ловушка? Ну, по крайней мере, подвергнув меня перекрестному допросу, она понимала, что я не лгу. И вообще, я готов поклясться: она считала, что контролирует меня. Тем не менее откуда ей известно, что случится, когда она доберется до Иша?

Не исключено: она знает про свое будущее гораздо больше, чем говорит. Или хочет возглавить операции по трафику порошка для игры и, таким образом, основать собственную империю.

Гм. Что ж, это было бы неплохо. А почему нет? Заглянем немного вперед? Нет, об этом беспокоиться рано. Не все сразу. А, б, в. Первый пункт – ребята из дома Ласточкиного Хвоста.

Как же показать их ей? Попытаться пройти сквозь их строй? Или изменить маршрут? А если изменим, то сможем подать сигнал Кох? Нет. Лучше следовать плану. Сперва надо добраться до первого места встречи у фармакопейной, а потом уже решать, что делать дальше.

Хун Шок снова прикоснулся к моей руке. Я повернул голову. Смотри вперед, солдат.

Я подумал, что самое сверхъестественное в этом бдении (или по меньшей мере удивительное) состоит в том, что, несмотря на искушение, никто в толпе не издал ни звука. Ну что ж, они практиковались пять дней. Я столько времени разговаривал шепотом, что теперь сомневался, работают ли у меня голосовые связки. В течение последних пяти дней

единственными живыми голосами были птички.

Дрожь в толпе усилилась. Предчувствие опасности ощущалось в остром запахе пота. Масса людей шуршала и потрескивала, как джунгли в тихую пору ночи до предрассветного хора. Теотиуакане прижимали к себе свои пищалки и дуделки. Никто не свистел, не стучал, не ронял погремушки. Я спрашивал себя: был ли в мире столь же громадный город, население которого так послушно подчинялось бы единому приказу? Даже животных, казалось, угнетала тишина, и раздававшиеся время от времени крики чаек, дроздов или лай собаки в клетки звучали вяло. В желобах журчали ручейки. Изредка слышался писк ребенка, но его тут же заглушали. Или душили, подумал я.

Гады. Вы надели нарядные одежды и собрались здесь по доброй воле (под влиянием коллективного разума). Но день не был праздничным, напротив – мрачным, ужасным. Даже если ты ничего не знал об этом месте (ну, скажем, только что вышел из телепортатора), то все равно понял бы: город переживает переломный момент. Ты словно попадал в приемную врача, где все ждали, когда тот вызовет очередного пациента и с нейтральной интонацией объявит результаты анализа.

Конечно, из далекого двадцать первого века происходящее представлялось довольно глупым. Ну подумаешь – очередное солнечное затмение. Но на другом уровне (даже когда я пытался установить некую эмоциональную дистанцию) я признавал за древними определенное здравомыслие. Современные люди несутся сломя голову, а когда случается нечто из ряда вон выходящее, не могут в это поверить. Здесь, по крайней мере, никто не делал вид, будто все всегда в полном порядке.

Я бросил взгляд вправо – в направлении центра города. Большая главная ось тянулась на север, чуть уклоняясь к востоку. Город пестрел недавно связанными флажками и длинными полосками из перьев розовой цапли, которые поднимались на сотнях тысяч бамбуковых палочек, – они все были оранжевыми, чтобы приманить солнце, и шевелились на ветерке, как полипы восьмилучевых кораллов. У каждого из тысяч кровных, стоящих под этими знаменами в элитном квартале теокалли, висел на левом плече маленький круглый щит, на котором сиял рисунок из перьев – яркий, простой, геометрический и чем-нибудь да отличающийся от других. Щиты были направлены в одну сторону – на запад, – как головки подсолнечников. Зрелище наводило на мысли о средневековой геральдике, о рыцарях, которые собрались на «Поле золотой парчи».⁶⁹¹ Я не заметил ни одного человека с обнаженной головой или неприкрытым лицом. Оставшиеся в живых рабы прятали рты под тряпками. Те, кто принадлежал к высшим сословиям, украсили себя нефритом, ракушками спондилуса, на головах у них покачивались уборы с длинными перьями, отчего возникало впечатление, будто у них есть экзоскелеты и антенны. Горожане замерли, пригвожденные к своим местам. Генеалогия великодомов определяла расположение рядов зависимого клана, подклана, обслуживающего клана, клана рабов и каждого отдельного человека в нем. Я бы сказал, что тут действовала военная регламентация, только вот в отличие от современной армии стоявшие здесь не были одеты в единую форму.

Дальше на север по главной улице находились две площади, в которых отражалась однообразная голубизна неба. Углубленные дворы вблизи мула Оцелота заполняла вода, и они походили на бассейны. В одном плавали аксолотли и водяные лилии. Рядом прохаживались аисты – священные птицы Нефритовой Карги. В воде другого двора ничего не было. Наверное, дно его поросло плетью утренней славы. Думаю, пленники, которые будут туда сброшены позднее, утонут без борьбы. Вдоль северного берега я увидел ряд невысоких мостков для принесения жертвоприношений, на одном из них вспыхивали бирюзовые точки – вероятно, там стояли пятеро ишианских Оцелотов, делегация, посланная на праздник 9 Клыкастым Колибри. По крайней мере, до сего дня нам удавалось их избегать.

---

⁶⁹¹ «Поле золотой парчи» – место мирных переговоров Генриха VIII Английского и Франциска I Французского.

В средней точке главной оси торчала разбухшая красноватая ягода – мул Урагана, рядом с которым все выглядело карликовым. Вершина мула была вдвое выше той площадки, где стояли мы, а она, в свою очередь, находилась довольно высоко над площадью. Оттуда в туманный день или сквозь дымок жертвенных костров могло показаться, что кормильцев на громадной пирамиде пожирают голодные облака. Острые глаза Чакала обозревали дальние дали и различали второстепенных членов синода на втором от вершины уровне. У них на плечах лежали гигантские мегафоны, своеобразные альпхорны длиной до двадцати рук. На самом верху поблескивали длинные красно-оранжевые головные уборы Пум, которые в этот самый момент появились из четырех зевов теокалли.

По толпе пронесся шелест. Искаженная перспектива превращала представителей синода в недостижимых гигантов, паривших под самой небесной скорлупой. В Теотиуакане не было царей, и управленческие функции переходили от членов одного совета к служителям другого. На публике они появлялись в полных масках, и никто из посторонних не должен был знать их в лицо. Но Кох из надежных источников стало известно, что нынешний правитель от Ласточкиных Хвостов – пожилой Пума по имени Навозный Локон. Еще она сообщила, что нужно остерегаться преемника Навозного Локона – кровного из дома Пумы. Его звали Оторванная Правая Рука. Ему исполнилось всего тринадцать лет, тем не менее он считался восходящей звездой синода. Говорили, что мальчик родился с шерстью и клыками, он умеет (хотя никто его этому не учил) превращаться в свое кошачье «я» и питается исключительно мясом молоденьких пленников. Но подобную брехню даже не назовешь пропагандой. Кох сказала, что цвета Оторванной Правой Руки – желтый и сиреневый.

Лестница пирамиды соединялась со свежесрубленным деревянным мулом. Пятьдесят две жертвы, каждая в возрасте девяти лет и двадцати девяти огней, сидели там вот уже пять дней. Когда строение подождут, они помогут передать подношения новорожденному солнцу. Приблизительно в двух сотнях рук к юго-востоку от пагоды располагался крохотный храм, раскрашенный в черно-оранжевую клетку, – фармакопейная Пумы, монастырский сад, где кошачьи выращивали и готовили свой компонент снадобья для игры. То, что нам было нужно.

Кох говорила, что кормильцы Ласточкиных Хвостов точно знают, сколько продлится затмение (около восемнадцати с половиной минут), и они попытаются усилить иллюзию своей мощи, как можно точнее рассчитав действия. Они дождутся, когда до появления солнца останется триста биений, после чего Навозный Локон подаст сигнал. Уровнем ниже пятьдесят два кормильца начнут греметь трещотками, изготовленными из бедерных костей предков. Еще ниже две сотни и шестьдесят прислужников затрубят в гигантские горны. Мужчины по всей древней Мезоамерике ударят в свои инструменты, а женщины и дети закричат и начнут распевать: «Мархоани, мархоани» – «Уходи, уходи», младенцам надуют в глаза порошок перца чили, чтобы они заплакали, даже собак будут пинать под ребра – чтобы произвести как можно больше шума и прогнать Жевателя. Потом главный кормилец зажжет пламя от лучей самого солнца, используя громадное (по слухам – волшебное), отполированное до блеска вогнутое зеркало из плиты гематита. Жрецы пошлют огонь вниз в палатку нового солнца, то есть в костер. Мимо него в течение дня и ночи промаршируют хранители четырех тысяч городов. Они зажгут свои факелы и унесут домой новый огонь и рассказы о величии столицы. Подавляющее большинство поверит, что солнце удалось спасти лишь благодаря мудрому руководству Пум.

Таков был план дома Ласточкиного Хвоста. Мы с Кох имели на этот счет другие соображения.

Два дня назад она сделала свой ход. После полудня, не поставив в известность коллег складывателей, госпожа созвала сорок восемь ближайших своих последовательниц и предупредила их о затмении. Дескать, Небесный Угорь сообщил ей: в этот раз не удастся убедить Черного Жевателя отдать солнце и он «похитит шар», проглотит светило навсегда. Сотрясатель Звезд родит новое солнце, не связанное больше с кошачьим кланом, поэтому в

течение следующего к'атуна верховодить будут Дети Небесного Угря. Но прежде чтобы очистить умирающий мир, Сотрясатель откроет тыквенную бутылку и выпустит дадканоб («длинные пчелы») – осы *Vespula squamosa*, которые в этих краях представляли серьезную проблему и имели репутацию маленьких убийц), чтобы они ужалили в глаза тех, кто не последовал за Сотрясателем, и обрекли их на скитания впотьмах. После этого Небесный Угорь скажет Кох, куда увести его сторонников, и распространит свое покровительство на новый город Сотрясателя в Красной Земле – на юго-востоке. Тем временем посыльные Кох посетили двадцать четыре дружественных дома и назвали место встречи: Освежеванная Гора. И приказали: как только послышится гудение ос, собрать свои семьи и самые ценные вещи и двинуться на восток.

Последнее вселяло в меня некоторое беспокойство. Мы избегали разговоров о родных Кох и ее апологетах, число которых составляло около пяти тысяч. Найдется ли для них еда в городах Гарпии? И будет ли достаточно пищи и воды в пути? Сколько людей не доберется до Иша?

Не думай об этом, говорил я себе. Помалкивай. Раздобудь снадобья, доставь их по месту назначения, а сам мотай отсюда, ко всем чертям.

Кох немедленно вызвали к госпоже Желтой, ее настоятельнице. Значит, как минимум одна из сорока восьми наперсниц оказалась шпионкой. Желтая заявила, что община собирается устроить голосование по поводу членства Кох. Если ее забаллотировать, ей придется утопиться. Позднее осведомитель из клана Утренней Славы сообщил ей, что синоды намереваются пригласить ее «на ознакомление» – за ним неминуемо следовали пытки и казнь.

К полудню простые люди шепотом повторяли слова Кох в колодезных дворах и на рынках Теотиуакана. Это был слух, приказ, призыв к сплочению: «Следующее солнце будет солнцем Сотрясателя Звезд». Об этом слышали все в городе и, возможно, во всей Мексиканской долине – от Навозного Локона до последнего сборщика ночных нечистот. Как обычно в таких случаях, мудрецы предрекали грядущие катастрофы: мир исчезнет, небо упадет, город провалится в дыру в нулевой земле. И все в этом роде.

Тем не менее никто не хотел затевать смуту до начала затмения. Отчасти потому, что это восприняли бы как слабость, но в основном по другой причине: теотиуакане всех сословий очень серьезно относились к периоду Тишины. По мнению правящего дома, когда солнце появится снова, Кох будет дискредитирована и станет легким объектом для нападков.

Синоды, конечно, знали: солнце никуда не денется – оно вернется. Им было известно почти все об этих явлениях, не только о циклах в восемнадцать лет и одиннадцать дней с одной третью, – тамошние астрономы могли рассчитать, будет ли затмение полным или частичным и сколько оно продлится. Но они старались скрыть свои знания от остальных. У правящего класса такая же тактика, как у психиатра, который всячески поддерживает в пациенте уверенность, что старается ради него изо всех сил, но чтобы тот не расслаблялся, припугивает: ситуация еще достаточно опасна и наверняка повторится.

Когда затмение закончится, Пумы собирались заняться нами – убить Кох и большинство из Гарпий. Прежде чем они доберутся до нас, я должен похитить их компонент снадобья для игры и собрать всех своих спутников в назначенном месте. Да, а потом (если мы, конечно, останемся в живых) я намеревался освоить девятикаменную игру и захоронить свои записки в Ише. Я все еще не знал, каким образом «камписис укореняющийся» уничтожил Диснейурлд, но это была проблема не сегодняшнего дня. Назовем это планами на будущее.

Что-то разладилось в пространстве. Оно сжалось, сморщилось до размеров душевной комнаты. Нет, подумал я, тут все дело в освещенности. Предметы вокруг выглядели более основательными, более плотными. Тени стали резче, очертания холмов, фигуры людей – четче. Прядь моих умасленных волос, лежащая на плече, казалась нарисованной. Шум и голоса звучали приглушенно, словно на тысячетрубном кафедральном органе одновременно включились все клапана. Два часа. Я бросил взгляд на солнечный диск. Жеватель уже отгрыз от него кусок.

Я за свою жизнь не обнаружил ни одного доказательства того, что экстрасенсорное восприятие действительно существует. И тем не менее не могу себе представить, что кто-нибудь в городе (пусть даже с повязкой на глазах, с заткнутыми ушами, запертый в звуконепроходимом подвале) не чувствовал в этот момент ужаса. Он просачивался сквозь каменные стены. Им дышала сама земля.

И тут отчетливый, как удар в сердце, голос Навозного Локона разорвал тишину.

Чархапити сини, ча хунча фумуари...

Ты, краснозубый, что ты будешь делать с нами –
Сдерешь с нас кожу и разбросаешь во мраке?
Вернешься ли ты когда-нибудь в глубины озера
Небесной скорлупы? Ты...

Долина Теотиуакана обладала уникальными акустическими свойствами, как Галерея шепотов. Когда на склонах холмов выросли оштукатуренные здания, эхо стало значительно сильнее. Не было сомнений, что все находящиеся в долине слышали речь Локона. Но ответа не последовало. Впрочем, его и не предполагалось. Правитель больше не собирался произносить ни слова – присутствующие должны были ожидать, когда он даст знак, чтобы поднять гвалт.

Я обратил внимание на головной убор Хун Шока, украшенный перьями орла-гарпии и покачивающийся в двенадцати дюймах от меня. Его рисунок трансформировался, обрел несвойственную ранее резкость. Черный Жеватель, превосходивший силой солнце, объел края всех предметов вокруг. Я посмотрел на толпу, застывшую на ступенях внизу. Все было поражено такой же болезнью – вихрилось, изгибалось, морщилось, каждое волокно, каждый выступ искривлялись, будто пальцы подагрика. Меня пробрала дрожь. Тишина. Смолкли птицы. Даже жужжания мух не было слышно. Ну, ребята, давайте.

Я прищурил левый глаз и снова бросил взгляд на солнце. Оно уже успело ужаться до тоненького серпа и напоминало вольфрамовую нить. По его правой кромке, между гор, обрамляющих кратер Гумбольдта⁶⁹² на горизонте невидимой Луны, торчали четки Бейли.⁶⁹³ Viel besser wäre, wenn die Sonne auf der Erde so wenig wie auf dem Monde hätte das Phänomen des Lebens hervorrufen können,⁶⁹⁴ как говорил Юпитер Громовержец. Самые

---

⁶⁹² Кратер Гумбольдта – большой лунный кратер, расположенный у восточного лимба Луны.

⁶⁹³ Четки Бейли – оптический эффект, сопровождающий начало и конец полного солнечного затмения, последовательность ярких пятен вдоль лунного лимба.

⁶⁹⁴ «...Было бы гораздо лучше, если бы оно, подобно тому, как на Луне, было бы не в состоянии и на Земле

здравомыслящие живут вечно, подумал я. Ладно, Джед, не заморачивайся. На площадях и холмах люди, притиснутые друг к другу, смотрели вверх с затравленным выражением. Теперь вокруг солнца светился узкий нимб – так называемое бриллиантовое кольцо. Переходы от света к тени на испуганном лице Хун Шока были такими резкими, словно тоненький лучик проходил через булавочное отверстие. Его кожа, умасленная красным маслом, выглядела коричневой, а синие головные повязки – серыми, словно на нас направили натриевые лампы какого-то будущего дистополиса.⁶⁹⁵ Корона расцветала вокруг черной дыры в небе, словно кардиотоксические⁶⁹⁶ щупальца какой-нибудь морской осы.⁶⁹⁷ А потом наступило полное затмение.

По толпе прокатилось волнение. Миллион легких задержали дыхание, в воздухе повисло истерическое ожидание, ужас перед пониманием того, что источник земного тепла может никогда не появиться из желудка Черного Жевателя. Мне (вернее, даже мне – потому что я, без всяких сомнений, был наименее суеверным среди присутствующих) приходилось напоминать себе, что это всего лишь астрономическое явление. Еще немного – и все будет так, как прежде. Правда?

В воздухе висела все та же густая, плотная тишина. Я посмотрел на ослепленного близнеца. Еще две минуты. Ладно, давайте, ребята, начинайте, уже пора.

Пора!

Черт.

Я закрыл правый глаз, чтобы зрение восстановилось, а левым уставился на линию западных холмов. Ничего.

Я прислушался. По нулям. Ну же, начинайте.

Над долиной с востока пролетел тонкий звук, словно произведенный длинной майларовой лентой. Он не имел названия на древнем языке. Я думаю, поначалу люди в долине не обратили на него внимания. Но он не утихал, становился громче, и, наверное, большинство из них решили, что это цикады, – в природе не найти ничего более близкого к этому звону, который теперь возникал и распространялся повсюду. Плотные толпы, заполонившие долину, приглушали его, но эхо гулко отдавалось от плоскостей мулов. По мере того как к хору присоединялись новые голоса, странная для уха древнего мезоамериканца оратория, исполняемая невидимыми певцами, становилась все громче, сильнее, чем я предполагал, и звучала более зычно благодаря повторному отражению эха от холмов, словно Господь забавлялся старыми фендеровскими⁶⁹⁸ сдвоенными усилителями.

Мои ученики в пыльном, усеянном крысиным пометом подвале со стенами, заваленными снаружи кукурузной шелухой для шумоизоляции, впервые услышав этот звук, сильно испугались. Но потом они поддались очарованию. А затем им пришлось научиться играть на новом инструменте. Представьте, что прежде вы не знали, что такое скрипка, и

вызывать явления жизни». Артур Шопенгауэр, «Parerga und Paralipomena». Вероятно, герой ссылается на комедию Генриха фон Клейста «Битва титанов», по которой снят фильм (Crash of the Titans, США, 1981). Существует одноименная компьютерная игра. (Прим. ред .)

⁶⁹⁵ В английском языке укоренились слова «distopia» и «distopolis» – антонимы к «utopia» и «utopolis» (то есть к словам «утопия» и «город-утопия»), что не вполне отвечает русскому «антиутопия», хотя и близко к нему.

⁶⁹⁶ Кардиотоксичностью в медицине называют болезнь сердечной мышцы, вызывающую ослабление сердечной деятельности.

⁶⁹⁷ Морская оса – очень ядовитая медуза класса кубомедуз, обитающая у берегов северной Австралии.

⁶⁹⁸ «Фендер мюзикал инструментс корпорейшн» – американский производитель музыкальных инструментов и аппаратуры.

никогда не видели струнных. Вас поразило бы даже дребезжание натянутой струны. С чем бы вы сравнили его? С треском цикады, скрежетом пилы, сделанной из вулканического камня, кошачьим мяуканьем, жужжанием роя пчел?

Мелодия, сыгранная на струнах, – это технологическое чудо. Ничто так не потрясает, не гипнотизирует, ничто не обладает такой цельностью и широтой. О эта форма звуковой волны, распиливающей вашу барабанную перепонку! Собаки пугаются пения струн, пока не привыкают к нему. Этот звук обескураживал.

Конечно же, мои ученики (пятнадцать скрипачей, как я называл их про себя) не блистали на уроках. Чистой воды какофония, разносившаяся по долине, имела мало общего с концертами Фрица Крейсlera⁶⁹⁹ в сопровождении оркестра Берлинской филармонии. Разумеется, скрипки, виолончели, эсраджи⁷⁰⁰ и виолы в руках опытных музыкантов звучали бы иначе. Тем не менее у нас были полноголосые, звонкие, хорошо поканифоленные струнные инструменты, которые прекрасно слушались смычка. И мои ребята освоили их настолько, что вас охватывала дрожь, как если бы вы впервые услышали:

(56)

Когда они в пятый раз повторили эту фразу, я почувствовал, что над толпой поднимается вонь мочи и фекалий и тот прогоркло-кислый запах пота, который издает человек, испытывающий ужас. Наверное, для кого-то давление на психику оказалось непосильным. Ах, этот чудный запах страха. Он пахнет как... апокалипсис. Испуг и смятение теотиуакан словно подцепили крючками и тащили наружу; это немного напоминало тянучку, которая растягивается все утончающейся нитью – все выше, выше и выше, пока они не вылились в обычную первобытную животную панику.

Я радовался успехам моей команды. Им пришлось потрудиться в поте лица последние шесть дней. Примерно столько же времени двадцать ремесленников вкалывали под моим началом во внутренних двориках большого дома, где жили плотники, в северном квартале Утренней Славы. Они находились под покровительством клана Ядозуба и потому были лояльны Кох. Славные ребята, в самом деле. Но работа продвигалась нелегко. Несмотря на судорожное мельтешение вокруг, пусть без шума и без огней (шла подготовка к празднику, который должен был начаться после затмения), нам приходилось проявлять осторожность. Двигаться мы начинали лишь с наступлением темноты, поскольку во время периода Тишины нельзя заниматься никакими делами. Чтобы пройти по городу в нужное место, мы каждый раз давали взятки патрулям Ласточкиных Хвостов. Они считали, что мы приторговываем копалом, потому что от наших рук шел его запах. Дел было невпроворот – мы опробовали

---

⁶⁹⁹ Фриц Крейслер (1875–1962) – американский скрипач австрийского происхождения.

⁷⁰⁰ Эсрадж – индийский двадцатиструнный смычковый инструмент.

различные типы высушенных бутылочных тыкв, потом дожидались, пока нам доставят кишки дикой кошки, выреза^a ли из кедра болванки, мастерили колки, выяснили, что человеческий волос обрывается после нескольких касаний, и сообразили, как можно его сплести в тоненькие жгуты и заставить звучать под смычком, испытали пятьдесят разных смол, чтобы найти подходящий заменитель для канифоли, а склеили и собрали все лишь за два дня до срока... Я много лет не сталкивался с такой сложной задачей – она оказалась еще труднее, чем изготовление моего аквариума для *Chromodoris marislae*.

Некоторых из учеников я назвал бы довольно умелыми флейтистами на пентатонический⁷⁰¹ манер. Трудяги, увлеченные новым делом, они горели желанием помочь Сотрясателю вернуть солнце и были счастливы услужить госпоже Кох. Ребята очень быстро учились, хотя, согласитесь, пикивать в темноте не очень-то удобно. И все же западную музыку сразу им освоить не удалось (вот и Хун Шоку я напевал всякие современные композиции, да он не вник). Ученики оставались глухи к мелодическим структурам с фразами, повторами и разрешениями. Вполне естественно, ведь они не знали европейской музыкальной культуры с ее диатонической системой. Но, почувствовав гармонию, они все играли и играли. А когда мы попытались исполнить требуемый пассаж из Первой сонаты для скрипки и фортепиано, который, согласно Прокофьеву, должен звучать как ветер на кладбище, это на всех произвело сильное впечатление. Боги игры определенно были правы.

Когда мои скрипачи выдали пассаж раз в десятый, дети заплакали, их высокие голоса смешались с пением струн. Люди на площадях дрогнули, но паника пока не началась. Они просто терлись друг о друга, как молекулы сжатого газа, пытающиеся найти выход. Теперь остались считанные секунды, подумал я.

Ну. Время для второй фазы.

Я услышал, как несколько человек на лестнице внизу хлопаят носами. Потом повернулся и посмотрел на площадь. Дети и старухи терли глаза. Мужчины поеживались. Хорошо.

Кровные вокруг меня сопели.

У меня тоже защипало глаза. Опа. Отлично.

Острое жжение в области миндалин заставило меня судорожно сглотнуть. Великолепно.

Я оглянулся. Вояки у меня за спиной морщились. Ясно: наша вторая команда сообщников разожгла костры.

Всего их было тридцать шесть, и расположились они приблизительно полукругом по восточной оконечности города в кухонных дворах и двориках четырнадцати различных общин. На спрятанных охапках дров лежали высушенные кипы тропического ядовитого плюща, осмола и сушеного ядовитого сумаха – сильного слезоточивого средства наподобие газов, которые используются в двадцать первом веке. Поначалу дым тек невидимыми струйками, на языке ощущался его привкус, но запах отсутствовал. Он стелился по земле – я видел, как люди корчились во дворах главной оси. Чудесно.

Кох знала все о местной погоде. Два дня назад она предсказала, что ветер будет слабым и, как всегда, восточным, поэтому дым повиснет в долине. Заговорщики натащили топлива с западных кострищ на восточные. И все получилось именно так, как она говорила. Они хорошо поработали, сделали запасы хвороста, низкосортной резины и, что могло вызвать подозрения, сумаха, плюща и кучи листьев цекропии; покупали и носили все это небольшими партиями через плотное кольцо паломников. Угли (с помощью которых подожгли костры) удалось спрятать от кровных Утренней Славы, местной религиозной полиции.

---

⁷⁰¹ Пентатонический звукоряд, в отличие от диатонического, состоит не из семи, а из пяти звуков. Пентатоника является традиционным музыкальным строем для татар, китайцев, корейцев, индейцев и других народов.

Солдат, стоявший передо мной, сбросил накидку. Ага, получен сигнал приготовиться. Я последовал его примеру и ухватил копьё, висевшее на спине. Насадил обсидиановый наконечник, соединил три части копьё. Даже без металлических оправок они вошли друг в друга так ладно, что я испытал чувство уверенности (в данном случае ложное): дескать, оружие в бою не подведет. Я ощущал себя морским пехотинцем, в два счета собравшим винтовку М-16. Стараясь не нагибаться, я снял плетеный щит, развернул его и привязал две крестовины к направляющим. Это было немного похоже на изготовление воздушного змея. Изделие получилось легким, но достаточно прочным. Я пристегнул ремни из оленьей кожи, прикрепил к правому запястью копьё, а к левому – щит, выпрямился, на поясе нащупал зеленую головную ленту и одной рукой повязал ее на лоб. Я никогда не смог бы сделать это, будучи Джедом. Сторонникам Сотрясателя велели надеть эту ленту в качестве ОЗСЧ – опознавательного знака «свой – чужой».

Глаза у меня слезились. Я закрыл левый.

«Ну что, привлекли ли мы к себе внимание?» – спрашивал я себя. Оглядел площадь. Народ бурлил в броуновском движении, пытаюсь найти выходы.

Ох. Глаз у меня задергался. Так, теперь уже со всей определенностью можно сказать, что над нами повис темный дым. Планировалось, что вторая партия костров будет дымить очень сильно, чтобы закрыть или по меньшей мере затемнить появляющееся солнце.

Я зажмурил правый глаз и снова открыл левый, просунул левую руку под пояс и набедренную повязку в маленький мешочек. Каждый участник заговора запасся мазью из копаловой смолы, пчелиного маточного молочка, змеиного горца и яиц колибри. Я зачерпнул немного снадобья мизинцем – он считался «чистым» пальцем – и нанес на правое веко. Врач Кох утверждал, что если по очереди давать глазам отдых и смазывать закрытый, то можно долгое время идти в дыму и что-то различать. Я когда-то слышал, что подобным способом пользовались в старину пожарные. На первый взгляд мазь казалась не слишком эффективной. Заметка на память: не забыть взять немного с собой и втюхать «Боди шоп».⁷⁰²

Я мельком взглянул на вершину мула Урагана.

Там что-то происходило.

Верховный маг Навозного Локона не мог зажечь костер – светило заволкло дымом, – но эти ловкачи изображали, что процесс идет по всем правилам. На маковке пирамиды кто-то запалил гигантский факел, и огненосец, тренированный атлет в пышном и нескладном костюме из перьев, напитанных жиром, практически в соответствии с планом сунул руку в огонь, потом повернулся и поскакал, как это предусматривал сценарий, вниз по ступеням. Когда пламя охватило его тело целиком, он покатился между рядами кровных Пумы. Те пинали его, направляя вниз к террасе – она находилась на одном уровне с нами, но ее отделяло от нас людское море, – а оттуда пылающий ком упал на площадь, возле деревянного мула-пагоды. Мистерия разворачивалась своим чередом, будто и дыма никакого не было.

Но пагода уже горела. Должно быть, один из людей Кох бросил туда спрятанный в какую-нибудь корзиночку уголек. Строение занялось еще до того, как огненосец вышел на террасу. К этому времени толпа уже не следила за ритуалом, который отправлялся на муле Урагана. Люди искали в небе Сотрясателя и пытались бежать, драться или прятаться. Я услышал певчих из синода Пум на святилище – они кричали через свои мегафоны: «Хак ма'ал, хак ма'ал» – «Новое солнце, новое солнце». Но их выдавала неискренняя интонация – она всегда появляется в голосе человека, понимающего, что его не слушают. Было слишком поздно.

Народ закопошился резвее, словно на оживленной городской улице перед грозой, когда каждый торопится в укрытие, хотя еще не упало ни одной капли дождя. Нас заволкло облаком желто-серого дыма. Мелодия над долиной окончательно выродилась – в ней было

---

⁷⁰² «Води шоп» – название сети косметических магазинов.

все меньше и меньше Прокофьева и все больше какофонии, но она стала громче, чем прежде. Струнные не считаются мощными инструментами, но теперь их пиликание превратилось во всемирный визг. На этом ужасном фоне раздавались вопли сторонников Кох – они выкрикивали отретпетированную фразу: «А'х дадаканоб, а'х дадаканоб!» – «Осы-убийцы прилетели, осы-убийцы прилетели!» Их причитания подхватил старушечий голос. Не думаю, что это был подсадной провокатор. Но вы же знаете, как люди подхватывают лозунги боссов. В хор вступили несколько из обращенных в сообщество Сотрясателя, потом еще и еще, даже те, кто не принадлежал к Детям Небесного Угря. Голоса звучали сипло – может, из-за нескольких дней молчания, – и выкрики перекачивались в толпе, как раскаты грома над кукурузным полем. Последователи Кох орали громче всех, будто болельщики-заводилы, они вставляли новые фразы, которые прорастали в общем гуле и разносились по площадкам и террасам. «Солнце мертво, мы умираем, мы умерли» и «Ак а'ан, ак а'ан» – «Это конец, это конец». К унылому рефрену добавился смех – истерический, я думаю. Некоторые музыканты начали бить в барабаны и дуть в свои жалейки, но эти вялые попытки заглохли, когда откуда-то из центра донесся вой. В нем чувствовался страх. Я ждал, что визжание струн и человеческие вопли достигнут крещендо, но так и не дождался. Люди во дворах и на крышах домов метались в поисках укрытия, забитая рыночная площадь под нами бурлила, как котел.

Большинство не сомневалось, что, согласно предсказанию Кох, прилетела целая армия ос-убийц (невидимых или видимых) и они зажалят всех до слепоты. Старухи, кровные, представители низших каст, маленькие дети устремляли взгляды в небо и кричали: «Ха к'ин, ха к'ин» – «Сотрясатель, Сотрясатель», и я невольно тоже поднял голову. Клубы дыма вились, плясали, и я готов был поклясться, что если буду смотреть вверх долго, то волна групповой галлюцинации накроет и меня и я увижу, как Сотрясатель Звезд во всей красе спускается с небес, пробуя воздух языком, как топорщатся его перья, а с клыков стекает священная сукровица.

– Ха к'ин, ха к'ин, ха к'ин, ак а'ан, ак а'ан, ак а'ан...

Ужас обуял толпу. В мозг и мышцы каждого человека проникал гормональный непреодолимый зов: беги – иначе ты умрешь!!!

Дрогнул камень под моими сандалиями. Я покачнулся, но удержался на ногах. Всеобщий и все умножающийся страх может захлестнуть любого. Если вы были на Манхэттене 11 сентября, или на берегу Индийского океана, затопленном цунами, или во Флориде во время диснейуорлдского ужаса, или в любом другом месте, где происходил катаклизм, то знаете: наступает момент, когда абсолютно все вокруг теряют самообладание. Вы смотрите друг на друга и понимаете: никто не знает, что делать, все думают об одном и том же, гибель близка, а остального мира, возможно, уже не существует. Общество генерирует некоторое притяжение, и вы его ощущаете, переживая всего лишь личный кризис. Но во время глобальной катастрофы оно исчезает. Возникает ощущение нелепости происходящего. Это, конечно, в наши времена вещь довольно распространенная, так что на нее обычно не обращают внимания. Но от нелепости мирового масштаба вам некуда деться.

Я повернул голову налево, чтобы в последний раз взглянуть на Кох. Она плыла к нам. Нет, погодите, ее несли. Она словно ехала на каком-то человеческом фуникулере. Я услышал гнусавый лающий голос. Госпожа Желтая, мать настоятельница, выкрикивала в адрес Кох смертельные оскорбления.

Хун Шок три раза стукнул меня по руке.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы собраться с мыслями и сообразить, что это значит: «Мы идем». Я протянул руку назад и передал сигнал Дерьму Броненосца.

Кровные, стоявшие ниже, двинулись вперед. Давайте скорее отсюда – с этой чертовой скалы.

Я спрыгнул с четырнадцатидюймовой ступеньки. Потом еще с одной. И еще.

Оставалось еще четырнадцать ступеней. Несколько женщин во дворе Громилы начали распевать песню Сотрясателя, ее подхватывали все новые и новые голоса, и это пение и смех в сочетании с визгом и скрипичным скрежетом создавали невыносимый галдеж, который мог

любого свести с ума, хотя в наши времена уже ничто никого не поражает.

Ступенька. Ступенька.

По синим оштукатуренным плиткам под ногами я понял, что мы спустились на площадь. Наш авангард постоял немного и пошел вперед. Я тащился следом.

Спереди передали приказ «стоять».

Я остановился. Стоим – ждем.

Удар в грудь. Это означало «Построиться». Я повернулся и стукнул Дерьмо Броненосца.

Поднял щит. Кровные плотнее собрались вокруг меня.

12 Кайман уже успел зарекомендовать себя человеком восприимчивым, что было особенно удивительно для профессионального солдата. Я ему сообщил о боевом построении «черепеха», изобретенном Александром Македонским и использовавшимся первыми цезарями против вражеских армий на территории Пакистана и Шотландии. Кайману идея понравилась. Ноу-хау обеспечивало возможность прорыва через толпу с минимальными потерями. Бойцы переформировывались в плотную группу и поднимали щиты, образуя прочный панцирь. Солдаты в крайнем ряду крепко держали свои плетенки обеими руками, а шедшие во втором просовывали в щели копья, отгоняя тех, кто осмеливался приблизиться. К сожалению, мы не успели сделать деревянные римские щиты во весь рост.

Я поднял свой щит над головой и построил его среди остальных.

Мне досталось самое безопасное место в «черепехе». Меня со всех сторон загоразивали товарищи – так другие шары окружают центральный в исходной позиции девятки в пуле.⁷⁰³ Поэтому я ничего особого не видел и не слышал, вокруг раздавались шарканье подошв, тяжелое дыхание и потрескивание доспехов.

Мы пробирались вперед, проталкиваясь сквозь толпу. Мостовую усыпали алые листья молочая, и мы, топая по ним, поднимали красную метель. Позади нас дым клубился над тем местом, где стоял дом Кох.

Черт. Если огонь распространится по городу, нам не поздоровится.

Мы направились к западному краю двора Громилы, а потом по северным ступеням – на главную ось.

Даже если кровные Пумы найдут своих начальников и построятся в боевые порядки, они все равно не будут готовы к целенаправленной атаке на их лагерь. Может быть, они даже оставят фармакопейную без охраны. Ну что ж, увидим, когда доберемся туда. Мы не теряли надежды на успех.

Опа. Опа.

Два удара по правому плечу. Отряд вот-вот повернет направо.

Я вывернул назад руку и постучал по плечу кровного, который шел за мной.

После поворота «черепеха» перестроилась, вытянулась вдоль главной оси север – юг и сомкнулась плотнее вдоль оси восток – запад. Теперь 12 Кайман, который прежде шагал в четырех рядах справа от меня, оказался в трех рядах передо мной, почти в авангарде. Команда двигаться вперед, казалось, распространилась по нашему подразделению так же быстро, как трещина по стеклу.

Меня несла человеческая масса, стиснув так, что я едва мог дышать. Если я решу отдохнуть, то подожду ноги – и все-таки не упаду. Товарищи не дадут. Я испытал прилив... смелости. Групповой, конечно. Наверное, то же самое чувствовали легионеры.

Черт. Нас не остановить.

Отряд пройдет четверть мили на север вдоль основной оси, а потом перед юго-западным углом мула Урагана резко повернет направо, на восток, и прорвется к фармакопейной Пумы. Мы спланировали маршрут на карте города и заставили кровных выучить этот путь.

---

⁷⁰³ Пул – разновидность бильярда.

Кроме построения я ввел еще одну инновацию: запрет брать пленных. Оказалось, что древним очень трудно это принять. Здесь окончательной целью военных действий являлась не территория, а пленные. На втором месте стояли трофеи. Пришлось пригрозить, что если во время рейда кто-нибудь из кровных оставит строй, чтобы взять пленников, то он и его семья будут лишены имущества и изгнаны. Наша задача состояла в одном: как можно скорее пробиться к месту назначения. Что ж, 12 Кайман был талантливый командир, и его солдаты, похоже, поняли его.

Мы получили сигнал «остановиться». Застыли в ожидании.

Пришел еще один знак на охотничьем языке Гарпии: «Здесь Ядозубы».

Я выбрался наружу и разглядел синие регалии этого дома. Мы столкнулись с шестью двадцатками, и сто двадцать воинов другого клана поглотили нас, как амеба инфузорию-туфельку, причем это увеличившееся в размерах существо продолжало двигаться вперед. Ведь в паникующей толпе организованная группа пройдет довольно легко, испуганные люди обязательно расступятся в стороны. Что ж, пока все хорошо.

Скоро мы оказались на улице Мертвых. Потоки горожан и паломников обтекали нас, нам приходилось проталкиваться сквозь узкие зазоры, вверх и вниз по лестничным пролетам. Каждый раз, когда мы перебирались через стены, отделявшие одну площадь от другой, я бросал быстрый взгляд вокруг. Когда мы одолевали очередной перевал, я чуть задержался, чтобы получше оценить обстановку.

Ай-ай. Плохо дело.

(57)

Народ стремился к подножию мула Урагана – к кострам, зажженным от горящих листьев, знамен и жертвенной бумаги. Вновь прибывшие ковыляли к огню с охапками соломы, материи и веток, проталкивались ближе и кидали свою ношу в пламя. Я увидел одного из кровных Утренней Славы в белой головной повязке, немного старше меня. Он держал на руках младенца, явно спасая его от огня, и пытался пробиться к ступенькам в стене, окружающей двор. Героический поступок, подумал я. Хоть кто-то хочет помочь ближнему. Люди не так уж плохи. Боец обошел древних старух, которые сидели кругом на опаленных телах, обгрызая цветы и перцы с праздничных гирлянд, а рядом копошились их внуки в поисках добычи и дрались из-за каждой представлявшей интерес находки.

Они смеялись.

Они не только смеялись – они помогали друг другу умереть. Например, один мальчишка вытянул руку, предлагая своему брату отрубить ее. Тот недолго думая размахнулся боевой пилой – тремя ударами он отделил предплечье от плечевой кости и разрезал связки. После этого он передал оружие искалеченному, и несчастный уцепился за рукоять, чтобы возместить долг, однако силы его оставили. Его жесты напоминали действия персонажа в какой-нибудь жалкой комедийной поделке, что-то вроде сцены с Черным рыцарем в «Монти Пайтоне и священном Граале».⁷⁰⁴ С одной лишь разницей – он, очевидно, испытывал жестокую боль, но продолжал смеяться. Я увидел компанию

---

⁷⁰⁴ «Монти Пайтон и священный Грааль» – кинокомедия, поставленная британской комик-труппой «Монти Пайтон» в 1975 году. Действие происходит в средневековой Англии в эпоху рыцарей Круглого стола, в частности, в юмористическом ключе обыгрываются поиски Чаши святого Грааля; в ходе этих поисков королю Артуру встречается Черный рыцарь, который даже после потери рук и ног не желает признавать поражение.

прислужников, которые один за другим ныряли со стены на лестницу. Вставать они уже не вставали. Сквозь группку музыкантов к костру протолкался мальчуган. Я решил, что он собирается перепрыгнуть через огонь, и подумал: куда ты лезешь, такой маленький? Но вдруг он сиганул в самую середину, где бушевало пламя, – оттуда брызнул сноп искр. Его друзья одобрительными возгласами приветствовали его поступок. Они будто забавлялись игрой.

С точки зрения человека двадцать первого века, происходящее не имело ничего общего с бунтом. Никто не собирался организовывать здесь народное государство. Да что говорить, я не думаю, чтобы кто-то из низших сословий помышлял или надеялся захватить власть. Их занимало совсем другое. По одеждам, по раскраске легко было узнать родственников, и мы видели, как братья, отцы, дядья и дети убивали и калечили друг друга, вставали попарно и бились головами, хватали, скажем, свою бабку и бросали ее со стены или вцеплялись соплеменнику зубами в горло. Девственницы отдавались первому встречному. Наложившие на себя обет безбрачия совокуплялись с уличными девками. Социальные барьеры рухнули. Женщины танцевали с мужчинами из соперничающих кланов. Носильщики в бумажных набедренных повязках дрались с копыеносцами Пумы, облаченными в свои аристократические одеяния. Двадцать обнаженных рабов, которые разорвали канат, привязывавший их к месту заточения, но все еще были связаны друг с другом поясными веревками, просочились цепочкой, как многоножка, между нами и костром, похватили остатки еды от жертвенных подношений и принялись заталкивать себе в рот. Час назад это сочли бы страшным преступлением. Прежде город держался за счет хрупкой иерархической пирамиды, а когда из нее вытащили несколько камней, она стала рушиться.

Это нельзя было назвать мятежом. Скорее – вышедшим из-под контроля Марди Гра,⁷⁰⁵ чумным бунтом, постепенным погружением в хаос. Я вспомнил последний день учебного года в школе, когда из окон вылетали корзинки с мусором, ребята переворачивали столы, разрывали учебники и бросали обрывки в лестничные проемы. Сходным образом вели себя после матча футбольные фанаты, которые тут же превращались в вандалов. Масштаб таких аналогов, конечно, гораздо меньше, но настроение – то же самое и неизменное. Ничто не вызывает такой разнузданности, как разрешение уничтожать, выпустить на свободу демона ненависти, предаться беспробудному буйству на манер Сарданапала.⁷⁰⁶ Неистовство теотиуакан вполне отвечало концу света.

La gran ruta, подумал я. Мы хотели всего лишь спровоцировать небольшие беспорядки, чтобы пройти по городу, взять то, что нам нужно, и ретироваться. Никто не предполагал, что обстановка настолько выйдет из-под контроля. Ведь не сожгут же горожане собственные дома? Или сожгут?

Может быть, подобный беспредел случается в любой ситуации под воздействием определенного набора стресс-факторов. Здесь возобладали убийственная комбинация экономического отчаяния и религиозного фанатизма. Вспомните, что творилось, допустим, в Палестине. Но как и в случае с шахидами, тут главной мотивацией являлось чувство оскорбленного достоинства. Местные жители если и не были готовы следовать за Кох, то так озлобились на клан кошачьих, что гнев ударил им в голову. Приверженцы Сотрясателя Звезд ждали дня затмения, призванного восстановить их баах – твердость, выдержку, мужественность, *soldatentum*,⁷⁰⁷ честь, храбрость, решительность, – переводите как угодно. Это был их шанс свести старые счета.

---

⁷⁰⁵ Марди Гра (*фр.* mardi gras, буквально – «жирный вторник») – вторник на Масленой неделе перед началом католического Великого поста. Мировой аналог славянского праздника Масленицы.

⁷⁰⁶ Сарданапал – царь Ассирии, прославившийся своими буйными роскошными пиршествами.

⁷⁰⁷ Военную сноровку (*нем.*).

Что ж, по крайней мере, Пумы еще не начали преследовать нас. Отвлекающий маневр сработал.

Я увидел, что кровный Утренней Славы, тот самый, с белой повязкой, повернулся к костру. Он держал младенца двумя руками – одной за волосы, другой сзади за пояс – и раскачивал туда-сюда, чтобы увеличить силу инерции, а потом, словно кидая мешок с удобрениями в кузов грузовика, швырнул своего сына в этот ад. Плачущий ребенок умолк, ударившись об угли, потом зашелся в пронзительном крике, который продолжался, пока его маленькие легкие не заполнились дымом.

Хун Шок ухватил меня двумя пальцами своей копейной руки и направил вперед. В этом месте нас могли закидать дротиками. Я поскакал вниз по ступенькам к площади. Мы снова построились и двинулись дальше.

Отряд прошел половину площади. Толпа перед нами стала гуще. Кровные авангарда расталкивали людей, я сослепу ковылял, опираясь на воина по имени 4 Грибной Дождь, врачавателя кожи. Хорошо. Всегда приятно, когда рядом с тобой доктор.

Вдруг я провалился в темноту. Повернулся, повел рукой, нащупал плечо Дерьма Броненосца. На нем был шрам от ожога, так что я узнал его. Я показал ему на мои глаза. Он наклонился вперед, чуть не сбив меня с ног, взял мою голову в ладони, раскрыл пальцами веки и облизал глазные яблоки.

Мы все тренировали этот метод как дополнение к мази. Сторонний наблюдатель мог подумать, что мы делаем передышку в пути, чтобы понежничать друг с другом. Так или иначе, даже через одежду я почувствовал могучую эрекцию у Дерьма Броненосца. Я хотел было сказать ему, что это от напряжения. Чтобы он не брал в голову всякую ерунду.

Я открыл глаза. Ага, уже лучше. В середину «черепахи» втокнули одного из Ядозубов. Его серьезно ранили в крайнем ряду строя. Безвольное тело протащили несколько метров и уронили на землю. Идущие сзади стали спотыкаться о него. Наш наком, палач, убил несчастного, перерезав вспомогательные артерии под мышками.

Проблема состояла в том, что Гарпии да и все прочие хотели тащить своих мертвецов вместе с группой. Никто не оставлял тела своих близких врагам. Но 12 Кайман и я решили, что не можем себе этого позволить. Правда, кровные никак не могли свыкнуться с мыслью, что убитые будут брошены на произвол и обречены после славной гибели на рабский труд в подземном царстве своих врагов. Поэтому мы нашли компромисс. Наком отрезал косичку и яйца кровного, чтобы вернуть семье, а тело изуродовал, исполосовав татуировки и выгнав душу, имя и уай маленькой теркой из акульей кожи. Но пока Кайман не отдал резким голосом приказ оставить труп и идти дальше, двое родственников стояли рядом, понурившись. Это было все равно что отогнать собак отдохлой рыбы на берегу.

Отряд тем не менее застрял на месте. Кровь убитого липкой лужей натекала под наши сандалии. Мы то делали рывок вперед, то отбегали назад, как маленькая собачонка, бросающаяся на дверь своей клетки.

Удастся ли продвинуться дальше? Что там происходит? 4 Грибной Дождь шагнул и остановился. Я переступил через ноги мертвеца. Тупик. Кто там так сопротивляется? Черт... А потом будто рухнули преграды, и мы устремились вперед, все скорее и скорее. Товарищей толкали, а они, в свою очередь, толкали меня. Толпа перед нами расступалась. Я вытягивал шею, стараясь разглядеть, где мы находимся, но различал только головной убор кровного передо мной и темно-желтый клин мула Урагана над нами. Я слышал выкрики, но это были не наши сигналы. Возможно, нас окружили Пумы. Проклятье. По всему сложному построению передали знак повернуть направо. Мы заложили вираж, и я врезался в кровного передо мной, чуть не оседлал его, практически уперся носом в его татуированное синее ухо. Отряд просочился в узкий проулок между двумя площадями. Авангард разбился на группы по несколько человек. Кто-то ухватил меня за запястье, и я не сразу сообразил, что мне сигналият: «Держись рядом». Это был Хун Шок. Я в ответ сжал его руку, давая понять, что со мной все в порядке. До нас донесся шум схватки – конечно, не лязганье клинков по стальным доспехам, – бойцы сражались кремневыми топорами и копьями с обсидиановыми

наконечниками, и в звуковой картине боя перемешались шарканье ног, треск стекла, оскорбительные словечки, вопли боли и ярости.

Прорыв. Мы чуточку ускорили шаг. Отряд проходил через арку, как фарш через мясорубку, меня стиснули, повернули и боком поволокли дальше – в утопленный двор. Там мои ноги коснулись земли, точнее, слоя дрожащих тел, на которые приходилось наступать. Мы поднялись на четыре ступеньки в другой двор, пересекли его, а затем спустились по шестнадцати ступенькам на очередную площадь. Хорошо. Значит, мы почти добрались.

Я споткнулся, три ступеньки проехал на коленях, потом меня подняли 2 Рука и Дерьмо Броненосца. Людская волна схлынула, а новая только набирала силу, гвалт поутих, и мы услышали приказ 12 Каймана построиться «черепашкой».

Нет, со всех сторон опять жмут неимоверно. Ого. Теперь заморгал мой левый глаз. Проклятье. Этот ядовитый плющ должен был прогореть через минуту-другую. Мы прижались друг к другу, пытаюсь сохранить решетчатую структуру построения, как кристалл под давлением; многие поднимались на цыпочки, чтобы глотнуть свежего воздуха. Еще три ступеньки. Под ногами шевелилась и прогибалась живая масса. Мы будто шли по лазанье. Чьи-то пальцы вцепились в мою правую лодыжку. Я лягнул чужака другой ногой и потерял равновесие. Кровный, идущий передо мной, довольно жестко оттолкнул меня назад. Я выровнялся и ткнул кончиком копья в запястье схватившего меня наглеца. Рука дернулась, но он меня не отпустил. Я нагнулся, нащупал в груди тел его плечо и голову. Он вывернул шею и укусил меня. Проклятье. Я ударил его острым наконечником по щеке – обсидиан прорвал кожу, скользнул по зубам. Мой противник разжал пальцы, глядя на меня с выражением бешенства, ненависти и равнодушия одновременно. Сейчас бросится и укусит опять. Я вонзил копье ему в глаз, вытащил и засадил глубоко в оскаленный рот. Извлек оружие, и мы двинулись дальше. Проклятье. Этот кретин окочурился. Это ты его прикончил, Джд.

Их слишком много, рассеянно думал я. Меня раздавят до смерти, и никто не узнает, что случилось. А Марена будет думать, будто я трусил. Никто не расскажет ей, как далеко я продвинулся, сколь немалую работу проделал. Я старался, старался изо всех сил. Так мне и надо – не нужно связываться с фанатиками. Все эти люди думают, что могут ходить по лаве. Идиот. *Todo por mí culpa*. Черт, как же я устал.

Да. Устал. Отдышусь секунду. Когда мы снова двинулись в путь, мне казалось, я вот-вот рухну.

Давай топай. Вперед. Половина лиги, треть лиги, четверть лиги. Хоп-хоп. Мы снова поднялись лестнице. Вверх, перевалить – и вниз. Я ухватился за Хун Шока и держался за него, словно за поперечину на каноэ, когда мы одолевали пороги, обливаясь потом и маслом.

Поперек. Толчок. Еще выше. Перевал. Молодцы бойцы. Покорили стену в два раза выше предыдущей. Когда мы добрались до верха, я рискнул оглянуться. Отсюда были видны площади, северные и западные окраины, усеянные хижинами склоны холмов. Перья дыма поднимались и расползались в клочья, в безветренном воздухе их очень медленно сносило на запад. Потоки паломников с горного хребта стекали в долину, соединялись и разъединялись, вливаясь в район теокалли.

Мне потребовалась минута, чтобы понять, что происходит. Народ, вместо того чтобы бежать от пожара, устремился в город, к главной оси, где бушевало пламя. За последнее время я повидал всяких ужасов, но тут меня действительно мороз подрал по коже. Все эти несчастные будут давиться, толкаться, напирать стена на стену, пока не удавят друг друга до смерти, как индейки в грозу. Холокост начинается. Я словно смотрел на поезд, несущийся к разрушенному мосту. Мы услышали первые крики задавленных. Массовой гибели людей не избежать. Черт. Черт.

Мы предполагали, что, как только загорятся костры, все бросятся прочь из Теотиуакана. Даже Кох так думала.

Дерьмо Броненосца ухватил меня и развернул в направлении лестницы, ведущей на площадь. Я выскользнул из его рук. Не суйся – я сам. Я перебрался через рухнувшее

ограждение, ошетилившееся кольями в сторону широкой площади. Отряд построился и двинулся дальше.

Мы протиснулись на площадь Пумы. В центре, почти в четырех сотнях рук впереди нас, ревел пламя. Справа возвышалась лестница мула Урагана. По ней спускались копьеносцы Пумы, их силуэты вырисовывались на фоне светящегося пара, который поднимался от затопленных площадей. Костер находился всего в пятидесяти руках от места, в котором Пумы выскакивали на площадь, рискуя сгореть заживо. Но другого пути у них не было. В пирамидах не строили внутренних лестниц, а решиться на слалом по задней или боковым сторонам мог не каждый. Расстояние между уровнями составляло до двадцати рук, а на гладких склонах удержаться нелегко. Костры в восточных пригородах за мулом разгорались все сильнее, и те, кто застрял наверху, наверное, испугались и подумали: лучше спуститься вниз по лестнице, а потом подняться по главной оси к мулу Нефритовой Карги – пламя еще не достигло того района, – а оттуда выйти на торговые дороги, ведущие в Серро-Гордо.

По нашему отряду передали сигнал: два удара ладонью по груди. Это означало, что мы можем оставить построение «черепahi» и двумя колоннами по одному двигаться вдоль стены. Что мы и сделали. Я прижался спиной к гладкой штукатурке. Она была теплой и липкой.

Мы медленно пробирались на север вдоль восточной стены, которая извивалась змеей, в направлении проулка, ведущего к фармакопейной. Где сейчас Кох? Она должна была двигаться за нами. Мы договорились об условных криках, но шум помешал бы их услышать. А договоренности надо соблюдать, Джед. Ого. Ничего себе жара. Жуткая. Щека просто раскалилась и уже начала шелушиться. Я пристроился в тыл 4 Грибному Дождю. Он намотал на лицо обрывок накидки и напоминал бандита из вестерна. Неплохая идея. Я выдернул широкую ленту из косы и повязал себе на рот.

Два удара по плечу. Поворот направо. Мы сомкнулись плечо к плечу и устремились в узкий проход, должно быть церемониальный проулок, между двумя высокими стенами. Их украшали пиластры в виде кошачьих голов – они скалились на нас с обеих сторон. Кровные Пумы нам не встретились. Может, они вообще не будут нам больше досажать. Мы войдем, выйдем и уберемся. Нет проблем. Теперь я шел всего в двух рядах от края нашей «черепahi» (все, что осталось от построения) и мог заглядывать в окна домов. Я мельком видел семейства, которые сбились в кучу и распевали искупительные молитвы.

Мы подошли к большой двери – не высокой трапециевидной майяской, а низенькому, крепкому на вид четырехугольнику, усеянному черными и красными клыкастыми кошачьими масками.

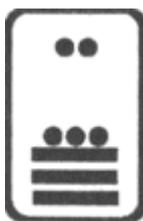
12 Кайман разделил отряд. Большинство кровных остались здесь охранять вход. Они расчищают путь для госпожи Кох и ее сопровождения, если те доберутся сюда. Тридцать человек положили на землю щиты и копья и прошли внутрь попарно. Я сорвал маленькую палицу с левого бедра и обмотал ее кожаные ремни вокруг руки. Палица – страшное оружие. Мы с Хун Шоком перешагнули через мертвых привратников и двинулись дальше по влажным ступеням в широкий темный коридор. *Lasciate ogni speranza.*⁷⁰⁸ У нас не было факелов, но дымный дневной свет просачивался сквозь наклонные световые колодцы в крыше. Ход на протяжении шестидесяти шагов шел строго на восток, а потом раздваивался. Мы держались прежнего, восточного, направления, как велела нам Кох. Вскоре мы оказались в трапециевидном туннеле, со стен которого капала сконденсированная влага – она образовалась от человеческого дыхания. В этом таинственном месте пахло грибами. Боже, полная тьма. Хун Шок остановился. Впереди слышались звуки битвы. Мы стояли за поворотом и не могли видеть, что там впереди. Проклятье. Предполагалось, что здесь никого не будет, потому как во время бдения абсолютно все покидали помещения. Но Пумы

---

⁷⁰⁸ «Оставь надежду всяк сюда входящий» (*um*). Цитата из «Божественной комедии» Данте.

отличались предусмотрительностью. Некоторые из них вернулись в свой лагерь, когда дела пошли наперекосяк. Они могли удерживать нас здесь долгие часы... Пстой-ка. Цепочка кровных впереди двинулась дальше. Мы победили! Не-а. Я поторопился. Все встали. Нет, тронулись. Шаг, еще шаг. Как давит крошечная темнота. Я уцепился за Хун Шока. Опять мы идем по телам. Один раненый хрипел, и я, склонившись над ним, нащупал рукоять палицы. Опустил руку ниже – палица торчала из его рта. Я вытащил ее. Впереди забрезжил свет. Мы вышли в закрытый двор, где стоял запах камфары, ровные высокие стены поднимались на высоту двух этажей, образуя наверху квадрат, в котором застыло солнце. Крики страха и отчаяния доносились издалека. Пол под ногами был мягким – земля. Плодородный чернозем. Во дворе росли деревья камеденосного вида – на островах такие называют *indio desnudo* – с красной, шелушащейся, возможно, токсичной корой. Я насчитал четыре ряда по пять стволов в каждом, высота их достигала десяти рук. Прямо на ветках, как хурма, висело множество маленьких плодов. Я подошел ближе. Оказалось, по веткам ползали оранжево-черные древесные улитки. Похоже, разновидность *liguus*, но я таких никогда не видел. Я не успел их как следует рассмотреть – Хун Шок потащил меня к низенькой двери. Я пригнулся и пополз следом за ним, костяшки моих пальцев погрузились в теплую жижу, потом в мелкую лужицу. Я чуть не оцарапался о черепки битой посуды. Но тут Хун Шок остановил меня. Он протянул мне руку и помог встать. Мы были в фармакопейной.

(58)

Я никогда не видел столь обширного помещения (я имею в виду – здесь, в Древнем мире). Потолок поддерживался двойным рядом старых деревянных колонн, вырезанных в виде стражников, наподобие фигур в Храме воинов Чичен-Ицы. Их недавно выкрасили в цвета Пумы. Сквозь щели высоко в стенах просачивался слабый свет. В каменных стенах были вырублены ниши. Безграничное пространство заполняли большие корзины, низкие столы, барабаны, сосуды в человеческий рост, чаши, ковши, сита, пробки, пестики, ступы, горшки, фиалы... Кроме снадобья для игры тут явно готовили много чего другого. Может, лекарства. Средства от всех болезней и на все случаи жизни. Я увидел несколько небольших водосточков в высоких стенах и большую каменную лохань (похожую на джакузи из порнофильма), в которой плескались утки. К запаху утиного помета и миазмам, поднимавшимся от лохани, примешивалась отвратительная вонь ароматических свечей из деревенской лавки. Складыватели и прислужники бродили туда-сюда, лихорадочно вытаскивая из ниш сосуды и разбивая их об пол.

Кровные Гарпии хватили этих людей, пытались их остановить, прежде чем те проглотят яд или перережут себе артерии. На полу валялись осколки, в воздухе висела пыль от порошков. Составители и составительницы смесей (одна из них, в мужской одежде, лежала, раскинув руки и уставившись мертвыми глазами в потолок) стаскивали с полок сосуды с наркотическим зельем и бросали на пол. Желтые облака поднимались по дымоходам над холодными жаровнями. Я слышал, как наши спутники кашляют, спотыкаются. Хун Шок крикнул, чтобы все укрылись. Едкие частицы летали в воздухе, и, хотя я закрыл лицо материей и дышал через нос, в дыхательные пути попало немного этой дряни. Ощущение такое, будто я втянул носом карри.

Я, чихая, присел на окровавленные плитки. Хлопки, треск, вспышки розового и белого света и жуткие септаккорды синтезатора заполонили мой мозг. Проклятое зелье явно не было одобрено Федеральным управлением по лекарственным средствам.

Шесть наших солдат захватили четырех составительниц и держали их, прижав к груде сломанной мебели в центре помещения. Две блевали кровью – вероятно, кровью тех существ, которых они проглотили. В другом конце помещения продолжалась схватка, но оттуда не доносилось ни звука. Движения противников казались замедленными. В дальней стене виднелась маленькая дверь – запасная. Несколько составительниц просачивались через нее.

– И окол пашебалоб’ ах йан тепалоб’ ах тен, – прокричал 12 Кайман. Приблизительно: «Кто-нибудь, перекройте эту дверь, или я оторву вам яйца».

Один из Гарпий ринулся к двери, схватил женщину, которая уже переступила порог, и затащил назад в помещение. Веки резанул оранжевый сполох, я подумал, что начался пожар. Но это глюки одолевали меня.

«Дьявольщина, – промелькнуло у меня в голове. – Я полная развалина».

Я просидел десять биений, потом еще двадцать. Почему-то представилось, что мы под открытым небом, в тихом лесу. Как утешали меня ночные певцы – кузнечики, жирная, сочная саранча, цикады, квакши, лягушачий хор... Черт. Тут было множество существ в множестве различных корзин. Что, если нам не удастся найти нужную? Будет ли у нас время заставить заговорить одну из составительниц? И что, если нам не удастся это сделать? Ведь здешний народ упрям – они предпочитают тонуть с кораблем...

– Хак’ ахау-на-Кох а’ан.

Голос Хун Шока прошептал мне в ухо, что по туннелю передали сообщение: госпожа Кох направляется к нам.

Он не успел договорить, как я ощутил аромат, тот самый, что стоял во внутреннем дворике Кох, – дуновение морского ветерка, которое я никак не мог идентифицировать, благовонное дыхание Сотрясателя Звезд. Теперь запах казался сильнее и резче. Злее.

Внутри на корточках вползли два прислужника Кох, одетые как воины, с длинными палицами, похожими на посохи. Они оглянулись, встали по сторонам двери и подали сигнал.

Кох неторопливо вошла. Ее походка была исполнена ленивой грации. Она посмотрела направо, налево. Как ей удалось так быстро добраться сюда? Она шла иным маршрутом, ей помогали союзники, о которых она мне не сообщила. Я это подозревал. На госпоже было облачение воина из дома Ласточкиного Хвоста – длинные стеганые доспехи и маска во все лицо, вырезанная из тонкого легкого дерева и покрытая бирюзовыми чешуйками. Я узнал ее по рукам и лодыжкам (одна темная, другая светлая) – а еще по блеску ищущих глаз.

Я снова поднялся на ноги. Лица мы прикрывали кусками материи, но Кох нас узнала по расцветке – Хун Шока, 12 Каймана, 1 Ядозуба и меня – и сделала приветственный жест. Мы ответили тем же. Особое внимание Кох уделила 1 Ядозубу. Я забыл сказать, что его семья происходила из независимого теотиуаканского дома, преданного Кох. Кроме того, я видел этого крепкого, коренастого парня во дворе Кругопрядов – с ним, кажется, был его сын, который звался... ну вот, забыл его имя. В голове туман. Правда, мне тогда показалось, что Кох заставила Ядозуба ждать, пока не закончит беседовать со мной. Несмотря на это, он был здесь нашим лучшим союзником. Либо его не разозлило долгое ожидание, либо он приходил в дом Кругопрядов с иными целями, либо они тут имели другие представления об этикете... Впрочем, хватит об этом, вернемся к нашему рассказу.

Следом за госпожой вошли еще двое в военных одеяниях. Один из них (я решил, что это женщина) вместо палицы держал карлицу Кох – Пингвиниху.

Госпожа проплыла по проходу между каменных столов с углублениями в столешницах и южным рядом колонн. Она миновала тройку кровных из дома Ядозуба – они связывали одного из складывателей Пумы. Тот выгибал шею, пытаясь удушить себя. Они уселись на пленного и приветствовали Кох как представительницу высшего сословия.

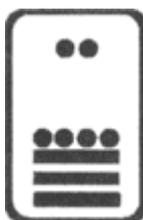
Она чуть склонила голову в ответ и прошествовала дальше. За ней ковыляла карлица. Я последовал за ними.

Госпожа подошла к дальней стене и показала на большой глиняный сосуд с отверстием, стоящий в третьей нише слева. Ее помощник достал его, снял крышку и

протянул ей. Кох засунула внутрь руку.

Я заглянул через плечо помощника. Кох вытащила руку. С нее капала влага. Что это? Госпожу неожиданно поразило гнойничковое заболевание? Однако, приглядевшись, я рассмотрел, что по ее черной ладони ползают крохотные жабы. Они напоминали суринамских – плоские, с треугольными головами и скошенными глазами. Нет, эти мельче, и кожа у них светлее, серо-синяя, почти лиловая. У них на спинках я заметил наполовину утопленные в кожу оранжевые икринки.

(59)

Когда мы вернулись на площадь, ситуация серьезно ухудшилась. Люди 12 Каймана расступились, чтобы пропустить нас в середину поредевшей «черепашки». Копья со свистом пролетали над нами. Одно из них попало в сторонника Кох. Враги бросали их свечой, над головами кровных первого ряда, чтобы убивать тех, кто находится в центре построения. Нас атаковали умелые воины, оснащенные серьезным оружием, а не церемониальными пиками, предназначенными для празднеств. Мы подняли наши щиты, но «черепашка» распалась. Новый залп. Хун Шок заставил меня пригнуться и сказал, чтобы я так и оставался. Я оглянулся, чтобы увидеть Кох, но ее окружали охранники. Они выделялись своим высоким ростом, а вместо щитов несли большие квадраты простеганной синей материи, которой прикрывали ее. Мне эти стеганки казались бесполезными, они напоминали стильные покрывала, которые заказывают в модном доме «Миссони». Но наверное, они могли защитить от удара острого наконечника...

У меня по-прежнему хрипело в легких. Это что – воздействие порошка или я просто запыхался? А что остальные? В порядке?

Небо посветлело, и сквозь дым стало пробиваться солнце. Но похоже, это никак не уменьшало панику. Когда люди впадают в неистовство, ничто не может их успокоить. Почти все скрипки перестали играть. Или их заставили замолчать. Но две-три еще звучали – совсем не в лад. Повсюду раздавался смех – одни хихикали, другие прыскали в кулак, а некоторые заливисто хохотали.

«Он здесь» – подал знак Хун Шок прикосновением к моей руке. 12 Кайман проталкивался ближе к нам.

Он был разъярен. И имел для этого все основания. Мы провели в фармакопейной не менее двадцати минут. На девятнадцать минут дольше, чем планировалось. По его крикам я понял, что четыре двадчатки Пум нашли и окружили наш отряд. И, судя по звукам битвы, мы терпели поражение.

Я не пытался найти оправдание. Я боялся, что Кайман сейчас откусит мой нос – он уже не раз поступал так с другими (если хотя бы половина историй, которые про него рассказывали, были правдой). Да и что я мог сказать? Мы потеряли трех товарищей, которые надышались порошка, сам я получил неслабую дозу и, вероятно, тоже долго не протяну. Нам понадобилось время, чтобы собрать жаб, улиток, уток. А еще деревяшки... Если я начну об этом докладывать, 12 Кайман с меня заживо кожу сдерет. Для него это раз плюнуть. Нужно, конечно, объяснить, что мы там чуть ли не решетом воду носили. Хотя аналогичного выражения подобрать я не сумел.

Суть в том, что (насколько я понял) улитки поедали дерево, потом жабы пожирали улиток, потом утки глотали жаб. Такая вот историйка, сочиненная Доктором Съюзом. А как составить порошок без ингредиентов? Пришлось задержаться. Кох сказала, что деревья

можно вырастить из веток. Это было хорошо, но ребята все равно вытащили одно небольшое деревце с корнями и упаковали. Еще я толком не знал состава почвы и настоял, чтобы взяли два мешка земли. Кроме этого, мы захватили пленников, которые отнюдь не облегчали нам жизни. И потому из фармакопейной вышел не сравнительно небольшой отряд военных, а настоящий цыганский табор – носильщики с корзинами, тюками, кувшинами, связками древесных стволов и всякой всячиной, без которой Кох не могла обойтись. К тому же мы сумели связать четырех составительниц Пумы и двух восьмикаменных складывателей, которые руководили производством порошка. Остальные либо покончили с собой, либо были настолько одурманены, что связываться с ними не имело смысла. Так что с шестью пленниками и приблизительно двадцатью основательно загруженными носильщиками мы отнюдь не представляли мобильную боевую единицу.

В своей цветистой речи 12 Кайман не раз намекнул: на помощь последователей Кох рассчитывать не стоит. С ней пришли около сотни стражников и прислужников – много больше, чем я предполагал. Неудивительно, что она не хотела путешествовать вместе с нами. Я бы попытался сократить ее свиту. Она заявила, что пошлет почти всех своих слуг к обусловленному месту встречи. Вполне вероятно, Кох являлась куда более важной персоной, чем я думал. И тем не менее большинство ее людей не были тренированными бойцами, и они скорее путались под ногами, чем помогали.

В свое время я работал на исследовательских судах, и мы поставляли животных в разные концы мира, обычно курьерской почтой DHL. Я отправлял и получал рыбу, тарантулов, брюхоногих, змей и всякую другую живность, уж не помню какую, и за все время в дороге погибли лишь несколько. В отличие от млекопитающих большинство этих тварей, если их завернуть в мягкую материю и держать в темноте, не будут сходить с ума они успокоятся и станут смирно ждать лучшей доли. Мы старались как могли, упаковывая четыре тюка – по одному для каждого из скороходов четырех огней. Есть шанс, что наши «питомцы» спокойно перенесут дорогу.

Главный скороход заверил нас, что они доберутся до Иша меньше чем за восемь дней. Это казалось невозможным, но 12 Кайман подтвердил: они, мол, надежные парни и знают, что делают. Они принадлежали к клану горцев, зависимому от Гарпий, а потому в их преданности он не сомневался. Скороходов выбирали из победителей состязаний, и они были лучшими из лучших. Мускулистые ребята изъявили готовность пуститься в путь. Пояснения, написанные на полосках кожи, вплели им в волосы, а ножи – чтобы заколоться, если схватят, – привязали к предплечьям. Бегуны собрались вокруг меня, и я объяснил им, как обращаться с ценным грузом: животных в пути не тревожить, каждые полдня менять влажные тряпицы, давать понемногу пищи в определенное время. В общем, преподал основы ухода за «домашней живностью». Если кто-то из маленьких путешественников умрет, скороходы должны были немедленно положить его в мешочек с солью. В худшем случае – мало ли ни одну тварь не удастся доставить живьем – 2ДЧ закопает останки вместе с моими записками об игре и выложит, как мы договорились, магнетитовый крест. А для Марены и ее команды этого будет достаточно. Надеюсь.

Бегунам в дороге придется остерегаться злобных Пум, в городках – избегать всевозможных отморозков, которые по системе оповещения узнают о том, что случилось сегодня. Еду и воду эти профи привыкли добывать воровством.

Умение превращаться в невидимок и способность набирать и удерживать скорость должны обеспечить им успех. Я смотрел в их глаза, стараясь вести себя по-командирски, как 12 Кайман. Скороходы смотрели преданно, понимающе кивали, желая мне угодить. Они и вправду верили, что я верховное существо, и были счастливы умереть за меня. Я чувствовал себя последним клоуном.

Это же не ради тебя, Джед. А ради будущего.

Помнишь?

Все это как-то неубедительно...

Скороходы четырех огней пустились бежать по заполненному людьми проулку на

восток – к дороге, ведущей к верховьям реки, в горы.

Ни пуха ни пера, подумал я.

12 Кайман приказал двигаться дальше. Мы направились на запад, к главной оси. Восемьдесят ступеней вверх, затем улочка, по которой мы добрались до юго-восточного угла площади Пумы. Согласно нашему плану А, мы свернем перед самым мулом Нефритовой Карги, достигнем северо-западной части Теотиуакана, где живут семейства дома Ауры – они питали более дружеские чувства к Кох и Ядозубам. Еще немного – и мы будем на широкой торговой дороге, которая приведет нас к озеру.

Через пятьдесят шагов стало ясно: дальше не пройти. Пламя впереди пылало слишком сильно. Три верхних этажа пагоды уже обрушились, и на плитках площади лежали угли и головешки. Огонь стремительно наступал, завоеывая все новые кварталы к западу от основной оси. Пожалуй, мы немного не рассчитали. Путь в этом направлении был для нас закрыт. И последовать за бегунами мы не могли – для этого пришлось бы оставить всю поклажу и часть людей. Скороходы четырех огней двигались как настоящие паркурлисты,⁷⁰⁹ забирались на груды тел и на стены, прыгали с ветвей, навесов, крыш, человеческих голов. Мы же представляли собой пусть маленькую, но все же армию, которой приличествовало маршировать по улицам и дорогам. Так что движение отряда застопорилось. Вернулись разведчики. Один ташил на плечах второго, раненного ядовитой стрелой из духовой трубки. Уложив на земле умирающего товарища, он рассказал, что во время вылазки они вскарабкались на большие мостки, построенные для принесения подношений, и оттуда им открылось жуткое зрелище. Улица, которая шла на восток, была забита задавившими друг друга людьми, живыми и мертвыми. Таким образом, наш план отхода Б провалился. Крыши в восточных кварталах охватил огонь, часть мостков обрушилась. Наши щитоносцы в «черепаше» продержались бы недолго. Мы практически оказались в ловушке. Сейчас из города не выбраться. Нужно переждать, когда утихнут пожары. Но в этом случае либо мы и сами сгорим, либо Пумы убьют нас.

Хун Шок, как акробат, запрыгнул на плечи 4 Грибного Дождя, чтобы оценить обстановку. Я хотел вскочить на Дерьмо Броненосца, но 12 Кайман протиснулся сквозь ряды и приказал мне оставаться внизу. 2 Драгоценный Череп явно не хотел терять меня и велел 12 Кайману сохранить мою жизнь во что бы то ни стало. Что ж, приятно, когда ты кому-то нужен. Хун Шок спрыгнул вниз, и я подхватил его. Он посмотрел на меня. В его взгляде я прочел: дело плохо.

1 Ядозуб и госпожа Кох протолкались ко мне, и мы, вместе с Хун Шоком и 12 Кайманом, взялись за руки. Каждый из пятерых отступил назад, отталкивая остальных. Мы образовали маленький кружок и стали держать совет.

Повисло неловкое молчание. Требовалось принять решение и действовать в соответствии с ним.

– Мы должны захватить мул Урагана, – сказала сквозь маску Кох.

Все уставились на нее.

– Огонь не достанет теокалли, – пояснила она, не добавив больше ни слова.

1 Ядозуб заявил, что выполнить это еще труднее, чем вырваться из горящего города. Пробиваться с боем вверх всегда тяжело. И еще: Пумы ринулись вниз с пирамиды – они не считали, что находятся там в безопасности. Так зачем же нам идти туда? К тому же облицовка начнет обгорать, когда достаточно разогреется. И, поднявшись на вершину святилища Пумы, мы добьемся одного: умрем там, наверху, а не на земле.

Никто не ответил.

Кох умна, подумал я. Она, вероятно, права. Верно? Верно. Поставь-ка на нее свои два цента, Джед.

Я сказал – вернее, прохрипел, – что мул Урагана не покрашен и не оштукатурен, как

---

⁷⁰⁹ Паркур – искусство передвижения по местности с преодолением препятствий.

другие храмы, а отделан ракушками. Они не загорятся, напротив, будут отражать жар (хотя сам я не очень был в этом уверен), а если мы останемся тут, то неминуемо погибнем. Пумы спускаются, поскольку они в панике, маловероятно, что они все хорошо продумали. Чем больше наших недругов покинет пирамиду, тем лучше для нас – по крайней мере, у нашего отряда будет надежда на спасение, если там окажется достаточно места. Внизу же все шансы равны нулю. Кох права.

Последовала еще одна пауза. Все прислушивались к командам, звучащим из крайних рядов построения. Вдруг схватка закончится в нашу пользу? Только, похоже, вряд ли. Раздавались крики тревоги, вороний грай солдат 1 Ядозуба, означавший: «Долго мы не продержимся». Еще один залп копий поразил нескольких кровных рядом с нами.

Мы не голосовали. Не произнесли ни слова. Но предложение Кох было принято единогласно, это читалось в глазах каждого из нас.

12 Кайман, 1 Ядозуб и Кох отдали приказ своим подразделениям: «Атакуем мул Урагана».

Мы развернулись и пошли на север. 12 Кайман занял командирское место в авангарде. Она приказал держаться плотнее – если наши ряды слишком растянутся и Пумы вклинятся между нами, нам придет конец.

Прошла еще одна тяжелая минута ожидания. Я попытался представить, как выглядит наше построение сверху. Вероятно, оно напоминает леденец на палочке – длинная колонна втиснута в проулок, а группа, занявшая круговую позицию, пытается пробиться на площадь. «Сладкий шарик», должно быть, окружают кровные дома Пумы, а сзади напирает плотная толпа паломников и граждан.

Марширующая змея замедлила движение, свиваясь кольцами. 12 Кайман дал команду атаковать, и мы устремились на площадь. Затем немедленно свернули направо и поползли вдоль высокой восточной стены. Она, по крайней мере, защищала нас с этой стороны. Левый мой бок уже чувствовал невыносимый жар.

Враги атаковали нас с фланга – всего в трех рядах слева от меня. Некоторые из наших были убиты, но никто не стал подбирать их тела – и теперь недруги проклянут их до энного колена... Мы находились в отчаянном положении. Проклятье. Ну и пекло! Кожа у меня на плече начала шелушиться. Жжет невыносимо. Нас подталкивали все ближе к костру. Как это люди около него терпят такой жар?

Надо сопротивляться. Ничего не вижу. Ух, как обжигает! Черт! Я слышал звуки кровавой схватки. Что там происходит? Я оглянулся. Куда делись стражники Кох? А как же живность? Скороходы должны быстрее покинуть город, иначе ценные экземпляры спекутся!

Я взял себя в руки, постарался собраться. Через пару минут мы врезались в поток людей, спешащих вниз по лестнице мула, – к счастью, не военных, а пожилых чинуш. Они расступились, удивленные нашей атакой, но возмущаться не посмели. На нижних ступенях лежали мертвые тела. Несколько Гарпий по команде 12 Каймана зашагали впереди, расталкивая копиями старейшин Пумы, а следом стали подниматься остальные подразделения отряда.

Однако наши вояки выражали крайнюю неуверенность. В особенности нерешительно вели себя Ядозубы – они отступали, что-то бормоча. Я приподнялся на цыпочках над плечом 4 Грибного Дождя и взглянул вверх.

Трехэтажный комплекс святилища грозно нависал над нами в коричневатой дымке. Он походил на морду разъяренного мифического чудовища. Два больших Т-образных верхних окна образовывали его глаза, а четыре входа в нижний храм напоминали оскалившийся в ухмылке зубастый рот. Сооружение казалось столь же далеким, как вершина Эйгера из Интерлакена.⁷¹⁰ «Вам никогда не покорить меня», – словно говорил злобный гигант, глумясь над нами.

---

⁷¹⁰ Эйгер – гора в Альпах, Интерлакен – городок у ее подножия.

По местным законам не принадлежащего клану Пумы простого смертного, который осмеливался поставить ногу на священную лестницу, ожидала немедленная смерть. Причем его убили бы с изощренной, сверхъестественной жестокостью, поскольку такой поступок расценивался как святотатство. Ну представьте, что средневековый крестьянин вошел в собор Святого Петра и испражнился на алтаре. Какое его могло ждать наказание? Неужели небесная молния? Мул представлял собой гигантский улей, где обитали сильные и злобные кошки, космические хищники из мира мертвых, которые могли убивать одной только мыслью, правители нулевого уровня с момента рождения времени. С Пумами – живыми и особенно мертвыми – шутки были плохи.

Но Кох каким-то образом удалось подбодрить сомневающихся. Вместе со своими стражниками, охранявшими ее с флангов, она перебралась через завал из трупов, поднялась на нулевую ступеньку, затем на ступеньку номер один, потом – на ступеньку номер два... Они были такими высокими и широкими, что ей приходилось делать два шага по горизонтали, прежде чем одолеть следующий подъем. Я отметил, что Кох двигалась очень грациозно. Вот она чуть покачнулась, но страж тут же поддержал ее. Внезапно у нас за спиной раздались крики Пум, полетело копьё, ударившееся в лестницу всего в пяти руках от госпожи. Но Кох даже не вздрогнула и продолжала свой путь как ни в чем не бывало.

Может быть, дней десять назад она ни за что не решилась бы на столь отчаянный поступок. Вероятно, знакомство со мной пробудило в ней бунтарский дух. Хотя, наверное, я слишком самонадеян... Так или иначе, порой достаточно всего одному человеку бросить вызов заведенному порядку, и все остальные идут за ним. Когда прислужники Сотрясателя, Ядозубы и Гарпии увидели, что Кох, гордо выпрямившись, шествует к святилищу на верхушке пирамиды, они наверняка решили, что ее защищает божественный покровитель, выигравший сражение в небесах, – и весь отряд бросился за ней с боевым кличем. В этот момент они, вероятно, не удивились бы, если бы Кох шла по воде или превратилась в сторукого гиганта, а то и в самого Сотрясателя, поглощающего город и звезды. Ядозубы рванулись вперед первыми, за ними – сторонники Небесного Угря и моя маленькая свита Гарпий. Я так воодушевился, что почти взлетел на первые ступени, но путь мне преградила гора мертвецов в роскошных одеяниях. Я стал карабкаться по этому каскаду. Студенистая масса колебалась под ногами, и к восьмой ступеньке я подрастерял первоначальный энтузиазм. Давай, Джед. Шевелись. Ну же, парень. Двигайся. Наконец я почувствовал под рукой клейкий гипс ступеньки. Забрался на следующую. Ага. Вперед, не обращай внимания на обгоревшие плечи.

Вверх. Давай. Шагай. Вверх. Шагай. Еще.

Вверх. Устал. Давай.

Еще ступенька. Осталось триста шестьдесят две. Нет проблем. Вверх. Я где-то обронил свой щит. Бог с ним. Хоп. Хоп. Давай на четвереньках. Не думай о том, где взять силы, работай на результат.

Кровные Гарпии расталкивали старейшин, освобождая путь для Кох, всего в двух ступеньках впереди, вокруг летали искры, внизу выли собаки, с грохотом проваливались крыши в горящем квартале, сверху скатилось тело жреца в накидке, украшенной нефритовыми чешуйками, и, перевернувшись последний раз, тяжело шлепнулось на широкую площадку. Было крайне неудобно карабкаться на четвереньках с привязанной к правой кисти палицей. Поташил оружие другой рукой, но мои пальцы словно прилипли к рукояти. Я развязал ремни зубами, однако избавиться от палицы не удалось. Ну и фиг с ней. Нас накрыло волной горячего воздуха – ветер подул со стороны горящих зданий. Я поднялся еще на восемь ступенек. Наверху прозвучал голос 12 Каймана, который просил Кох притормозить немного. Она остановилась посередине лестницы. Мы с Хун Шоком обошли госпожу справа. Я мог бы протянуть руку и коснуться ее, но подоспели стражники, которые загородили свою повелительницу со всех сторон синими стеганками. Я лез вверх не останавливаясь. Четырнадцать ступеней. Еще восемь.

Уф.

Я оперся руками о липкую поверхность гипса и подтянулся, стараясь не оцарапать колени об острую кромку.

Четыре ступеньки.

Давай.

Две ступеньки. Уф. Ты полная развалюха, братишка, подумал я. Будь здесь Чакал, он бы сильно разозлился. У него были лучшие бицепсы в лиге, но всего несколько дней мучений превратили тренированного атлета в девяностовосьмифунтового слабака.

Еще одна ступенька.

Получилось. Еще одна.

Вышло. Отлично.

О-го-го.

Если вы посещали Теотиуакан, то знаете: чтобы подняться на пирамиду, нужно немало времени. Трудно будет даже тому, кто не тащит груз доспехов и оружия, не ослабел в сражении и от потери крови и не отбивается от врагов, которые нападают с верхних уровней. К тому же ступени сейчас были выше, чем в двадцать первом веке, после реконструкции. А я стал ниже ростом и находился на последнем издыхании.

Хватит, Джед, поторопись.

Эту лестницу построили не для того, чтобы по ней подниматься или спускаться. А для устрашения.

Еще ступень.

Получилось.

Еще одна. Лезь. Отлично. Уф.

Ого. Ni modo.⁷¹¹

Давай.

Но вот моя грудь уперлась в острый угол. Я соскользнул назад, колени прижались к подъему ступеньки.

Все, больше не могу. Дайте мне повисеть тут минутку. И как там у нас вообще дела? Я бросил взгляд вверх.

На лестнице в ряд могли поместиться человек двадцать, поэтому мы рассеялись и наступали широким фронтом. Передняя линия с 12 Кайманом во главе находилась всего в трех ступеньках от меня. Спускавшиеся с пирамиды служители храма тыкали в наших кровных парадными пиками, пытаюсь скинуть их с лестницы. Но эти Пумы – в основном старики, облаченные в тяжелые праздничные одеяния с гигантскими головными уборами, которые они почему-то не сняли, – не представляли для нас серьезной угрозы. Их процессия растянулась на пять-шесть ступеней (то есть было их человек сто двадцать), а выше лестница оставалась практически пустой до самого теокалли.

12 Кайман пролаял приказ своим командирам, а те передали его кровным. Они медленно перестроились. Лучшие бойцы встали с левой стороны, те, кто послабее, – справа. Потом Кайман выдвинул левый фланг вперед ступеней на восемь, а воины на правой, южной, стороне чуть отступили, и в ходе этого маневра несколько человек заняли позицию посередине. Потом весь строй шагнул на две ступени вперед, прикрывая плечи щитами, врезаясь в расстроенные ряды старейшин Пумы. Кое-кто из них свалился вниз. Лишь мягкие шлепки известили нас о том, что тела долетели до устланной мертвецами площади.

Прозвучал другой приказ. Отряд поднялся еще на две ступени, еще с десятков недругов покатались вниз. Я понял, какой хитрый прием применил 12 Кайман: он построил авангард углом, и кровные в переднем ряду сметали щитами врагов – таким же образом рубанок врезается в дерево, снимая стружку с вершины.

Черт возьми, может, у нас и получится. Еще рывок вверх на две ступеньки.

А что происходит внизу?

---

⁷¹¹ Здесь : с грехом пополам (исп .).

Я знал, что оглядываться не следует, но все равно сделал это. И совершил ошибку.

Позади простиралась примерно треть лестницы. Я словно стоял над пропастью и внезапно поддался ее зову, потерял равновесие и начал соскальзывать со ступеней – оставалось отдаться на волю гравитации и... Все сразу станет легко и просто... Нет! Я вцепился своими искусственными ногтями в залитый кровью гипс.

Сверху доносились воинственные крики. Старейшины Пумы отступили к святилищу, они швыряли в нас камни, сталкивали мертвые тела. Запрыгала по ступеням крупная глыба, сбила с ног солдата в передней линии и остановилась рядом со мной. Дьявольщина. Если мы потеряем решимость и начнем откатываться назад, это конец. Тут один человек может определить ход событий. Кровные сомкнулись вокруг своего убитого товарища и опустили щиты. 12 Кайман приказал им развернуть их под углом к югу. Они подчинились, и падающие камни срикошетили. Наш отряд снова стал продвигаться вверх – по две ступеньки зараз, потом по четыре, потом по восемь. Меня, тяжело ступая, обходили воины Ядозуба. Они, наверное, думали, что я ранен. Кто-то наклонился ко мне, хотел помочь встать, но я отвел его руку. Все в порядке, братишка. Просто решил отдохнуть секундочку.

Я оперся лбом о край ступеньки. О-о-о. Только сейчас я заметил, что палица каким-то образом выпала из онемевшей руки. Я с трудом разжал сведенные пальцы и уперся ладонью в теплую поверхность ступеньки. А-а-а, благодать. Еще минутку. Приверженцы Сотрясателя обтекали меня с обеих сторон. Я смотрел на их ножные браслеты из конических ракушек, которые позвякивали, как колокольцы бубна. Куда девался Хун Шок? Где Дерьмо Броненосца? Сейчас я их найду...

Я закрыл глаза. Черт. От рассыпанного порошка у меня в глазах все еще прыгали идиотские пятна психоделического оранжевого цвета а-ля Тимоти Лири.⁷¹² Я несколько раз глубоко вздохнул. В воздухе носился запах горелого жира, этакий аромат с дьявольского барбекю. Я инстинктивно осознавал: здесь место смерти, которое нужно покинуть как можно скорее. Но все же тут можно было дышать – дым сюда не доходил. Тащите к нам живность, подумал я. Амфибии чувствительны. Они могут задохнуться внизу.

На моем запястье сомкнулись чьи-то пальцы. Я с трудом приоткрыл один глаз и поднял голову.

За мной спустились Дерьмо Броненосца и двое кровных Ядозуба. Они подхватили меня под руки и потащили к святилищу. Я пытался им помочь, но мои ноги отказывались служить и только ударялись о ступеньки. Один из Ядозубов держал щит, завернутый во влажную накидку, чтобы защитить меня от жара. А ну, расступись, подумал я. ВИП идет. Мы добрались до площадки клина – плоской пирамиды, которая выступала из мула.

Вдруг я увидел, что на нас, лениво подпрыгивая, словно валун, падающий в подводную расщелину, катится тело убитого Пумы. Дерьмо Броненосца встал в позицию хипболиста, готовящегося к отражению атаки, принял удар на себя и двумя пинками отбросил мертвеца вправо. Отлично сделано, подумал я. Нужно бы найти парню работенку. Но тут меня дернули вверх и вперед.

Должно быть, я даже уснул на несколько секунд. Вы полагаете, нельзя отключиться в разгар сражения? На самом деле это постоянно случается с солдатами. Весь запас адреналина израсходован, и они, истощенные, опираются на свои ружья и начинают храпеть.

Вдруг Дерьмо Броненосца и его спутники отпустили меня.

Какая прохлада! Я открыл глаза.

Стоял я на всех четырех, уставившись в пол, усыпанный серебряными ракушками. В серебре здесь и там мерцали золотые крупницы, а подняв голову, я увидел, что их здесь десятки тысяч – скопления, похожие на громадные волны. Ах вон оно что – это полированный пирит, куски гигантского вогнутого зеркала Пум. Вероятно, они разбили его,

---

⁷¹² Доктор Тимоти Фрэнсис Лири (1920–1996) – американский писатель и психолог, сторонник исследований в области психоделических наркотиков.

чтобы оно не досталось нам.

Я понял, что нам таки удалось задуманное.

Мы на вершине мира. Мамочка.

Если вы верите во все эти разговоры про империю, то поймете, о чем я говорю: сейчас мы находились непосредственно над сердцем, пупком и чревом Вселенной. Четырехдольная пещера под мулом считалась началом всех начал – здесь в конце последнего солнца курильщики держали совет, именно тогда Чесоточный Мальчик прыгнул в огонь и стал солнцем, которое погасло сегодня.

Наконец я поднял голову. Оглянулся.

Меня уложили около храмового крыльца, руках в двадцати к северу от вершины лестницы – это было наиболее безопасное место, защищенное от атак снизу, – и загордили щитами от жара пламени. Хотя день стоял тихий, на этой высоте гулял слабый ветерок. Может, и поживем еще, подумал я. По крайней мере, некоторое время.

Я подполз к краю площадки и посмотрел вниз. Опа. Голова кругом. Переместиться из тесного полуподземного мира на эту верхотуру – все равно что перейти из трехмерного пространства в четырехмерное. Внизу лежали внутренние площади и частные дворы, словно пациент на столе, накачанный эфиром, вскрытый, рассеченный, раскрашенный, пластинированный. Слева от меня громадная лестница уходила к площади. Там вокруг костра лежали обугленные тела, а за их черным кольцом, приблизительно в зоне, где температура наверняка составляла около ста сорока градусов, колебалось море голов – приблизительно двенадцать тысяч человек стояли, зажатые между горящей пагодой и высокими стенами. Они находились далеко, и мне понадобилась целая минута, чтобы сфокусировать непослушные глаза. Но когда картина обрела четкость, я увидел, что несчастные пританцовывают, будто на гигантской дискотеке, подпрыгивают и дергаются от страшного жара и боли.

Расскажу об одном случае. Cusanos, черви агавы, считаются деликатесом в Латинской Америке, и как-то раз, когда мне исполнилось года три-четыре, я был в *girió*⁷¹³ у моей бабушки; она что-то жарила. Я глянул в сковородку – в ней корчились в шипящем жиру какие-то безглазые малютки, они умирали, и я заплакал, закричал, а тиио⁷¹⁴ Дженеросо посмеялся надо мной. Конечно, потом я полюбил эту жрачку. Но теперь перед моим мысленным взором мелькнуло то первое воспоминание об этих червячках, когда я, еще не умея толком говорить, почувствовал их муки и проникся глубокой жалостью к ним. Теперь же все, что происходило со мной с того момента по нынешний день и час, казалось мелким и бессмысленным. Единственно важным оставалось то, что эти и другие существа в бесчисленных количествах были или будут подвергнуты тотальному уничтожению, а потому всю совокупность творения следует признать ошибкой.

Гибель одного-двух человек на твоих глазах вызывает неординарную реакцию, но когда становишься свидетелем массового убийства, у тебя в мозгу все переворачивается и ты твердишь дурацкие фразы: «Я этого не хотел. Я не хотел их убивать. Однако тому были свои причины, нет дыма без огня... У меня просто не было другого выхода, никакого другого выхода, вугого дрыхода...» Прекрати, подумал я. Ты давишь на жалость, чтобы думать о себе как о порядочном человеке. Никакой ты не порядочный. Ты дерьмо.

И все же мы победили. Мы решили захватить мул – и захватили. Как нам это удалось?

Благодаря мази и круговой взаимопомощи – мы время от времени вылизывали глаза друг у друга – большинство из нас могли видеть. А многие из теотиуакан ослепли. Кроме того, немалую роль сыграл фактор неожиданности. Небольшая организационная работа, планирование и готовность к испытаниям – это ох как немало.

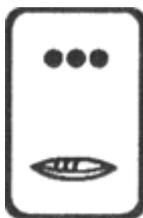
⁷¹³ *Здесь* : кухня (*исп.*). (*Прим. ред.*)

⁷¹⁴ Дядя, дядюшка (*исп.*).

Ко всему прочему, люди на площади испытывали такой трепет перед священным мулом, что и не помышляли о том, чтобы взобраться на него, даже при угрозе сгореть заживо. Но главным залогом нашего успеха я считал собственное пренебрежение к местным, если можно так выразиться, духовным ценностям. А Кох... если она и верила во всякие глупости до встречи со мной, то теперь ее мировоззрение пошатнулось. Суеверие – самое мощное оружие в мире, но сомнение вполне может составить ему конкуренцию. Цинизм Кортеса явно играл ему на руку. Если вспомнить историю, то когда его войско отрезали и окружили в Теотиуакане, Кортес и его люди сделали то же самое, что и мы. Они переждали опасность на вершине мула Вицлипуцли. Может быть, местные просто побоялись подняться за ними туда...

Упс. А вот и она.

(60)

Кох поднялась на храмовое крыльцо. Ее стражники опустили щиты-стеганки и отошли от нее. На ней все еще была ее зеленая маска. Руки обнажены – одна белая, другая иссиня-черная. Приготовитель надел на госпожу перьевой головной убор (на меня произвело впечатление, что она в разгар сражения нашла время подумать о своей прическе, хотя, конечно, все женщины одинаковы), и пламя пожаров освещало сзади золотисто-зеленый плюмаж, образуя нимб. Сейчас Кох напоминала мне ящерицу. Толпа Гарпий, Ядозубов, Детей Сотрясателя на площадке расступилась перед ней. Она прошла между ними без колебания, как Жанна д'Арк через северные ворота Реймса. Старейшины Пумы, не успевшие покинуть вершину мула, повернули к ней головы. Она сделала девять осторожных шагов. Выглядела госпожа совершенно бесстрашной. Два чрезмерно длинных пера кетцалья колыхались в воздухе над ее головой, неторопливо повторяя ее движения, словно антенна, которая прощупывает прошлое. Ее служанка Пингвиниха (кстати, ее уай, должно быть, чайка, и превращение карлицы из человеческого обличья в животное было приостановлено в середине из-за грозы) встала перед своей хозяйкой, подняла на мгновение свои коготки, потом опустила, посмотрела направо, налево и заговорила нараспев хрипловатым писклявым голосом:

– Слушайте теперь все, кто на юго-востоке, северо-западе, северо-востоке, юго-западе. Слушайте все, кто наверху, внизу и в середине. Слушайте, слушайте все, кто был до нас, кто будет после нас и кто есть сейчас.

На площадке наступила тишина, а потом что-то щелкнуло. Звук был почти неразличим на фоне шума, доносящегося снизу. Но кровные обладали профессиональным слухом. Уловили тихий щелчок и я, и Кох.

Старик, стоявший в дальнем левом углу, достал свой атлатль, копьеметатель (наверное, прятал его под накидкой), и вставил в него короткое отравленное копьё, явно собираясь запустить в госпожу. А может, он хотел, чтобы мы заметили его жест и завязалась схватка. Вот в чем состояла главная проблема с этими людьми. Они предпочитали смерть пленению. Наши воины по обе стороны от меня подняли копья и прицелились в него. Но Кох пожала плечами (с тем же успехом она могла бы поднять палец – это был приказ остановиться), и они замерли.

Застыл и Пума. Кох выдержала паузу, не глядя на него, будто провоцируя: ну, бросай.

Не знаю, испугалась ли она. Но ей было известно: проявишь страх – и тебе конец. Поэтому госпожа не шелохнулась.

Прошло пять биений, потом десять. Наконец служитель Пумы... нет, не то чтобы опустил свое орудие, но ослабил пальцы, и сразу стало ясно, что он не будет метать копье.

Кох заговорила. Голос ее звучал низко, холодно, торжественно. Его тембр отличался от прежнего. Она воспользовалась древней жреческой формой теотиуаканского, я понимал едва ли одно слово из трех. Но позднее, конечно, не поленился сделать перевод:

Вы, которые равны нам, но лишены
Палиц и копий,
Пумы, загнанные на вашу цитадель,
Теперь покоренные, окруженные,
Вы, стоящие под прицелом наших копий,
Вы, держащие бритвы, чтобы перерезать себе горло,
Теперь наш ахау, Угорь, поглощающий солнце,
Наш Сотрясатель Звезд с нефритовыми перьями
Вещает через ахау-на Кох Кругопрядов,
Кох Ауры,
Она как равная говорит с Пумой,
Владыкой Войны.

Воцарилось молчание. Пумы заволновались.

Один из старейшин мучительно медленно вышел вперед. Он двигался маленькими приставными шажками, подтаскивая левую ногу к правой, что значило: он не признает себя пленником, а потому не торопится. На нем были оранжевая маска во все лицо и кричаще-красная перьевая накидка во весь рост. Видимо, догадался я, это глава синода.

– Я равен ахау-на Кох. Я могу позвать Великого или не позвать, – процедил он.

Кох не ответила. Женщина-куколка, которая, пожалуй, проявляла чрезмерную активность, переминалась с ноги на ногу. Десять биений спустя он махнул рукой у себя за спиной, и старейшины Пумы отошли от дверей теокалли.

Четыре двери вели к четырем удлиненным целлам,⁷¹⁵ разделенной на три части небесной пещере – она в точности копировала подземную. Мне было не очень хорошо видно со своего места, но я разглядел, что левая камера, северная, выложена, словно мозаикой, перламутром, правая – облицована светло-зеленым нефритом, а средняя – сплошным полированным пиритом. Казалось, там полно народу, однако чуть позднее выяснилось, что в основном все это мумии. Четыре служителя вынесли из центрального помещения живого бога. Навозный Локон сидел в небольших укрытых носилках, скрестив ноги, прислонясь спиной к подушкам из кож пумы. Его наряд состоял из красно-оранжевых перьев, лицо закрывала оранжевая перьевая маска. На виду оставались только тонкие руки, раскрашенные киноварью, и правая высохшая нога чуть выше лодыжки. Навозный Локон выглядел... как умирающий бог, который в связи с близкой кончиной обрел еще больше могущества. Похоже, милосердием он не отличался. Если бы меня отправили к нему на разборки, я бы уже молотил лбом о плитки пола и умолял: «О Великий, сделай так, чтобы моя смерть была быстрой».

Служители остановились в десяти руках от Кох. Носилки они не опустили, хотя в этом случае глаза госпожи и Навозного Локона оказались бы на одном уровне, чего требовал протокол. Кох просто не заметила этого оскорбления.

– Ты, который равен мне, принимаешь ли желтую веревку? – спросила она.

– Я, который рядом с тобой, говорю от имени Урагана, – отвечал он. Его голос напоминал звук двигателя в шахте. – Когда он вскоре вернется с охоты, что скажешь ты?

– На этом солнце все вы, рядом со мной, воссядете заново на свои места, – произнесла

---

⁷¹⁵ Целла – внутренняя часть греческого и римского храмов.

Кох. – На этом солнце помет Сотрясателя Звезд угнездится далеко-далеко.

В переводе на обычный язык Навозный Локон говорил, что Ураган, Отец Грозы, решил немного передохнуть и поэтому Сотрясатель Звезд в этот день взял верх. Иными словами, он намекал, что его собственный бог все это запланировал сам. Кох же обещала, что в ближайшем будущем (о дате они сейчас должны договориться) она отпустит Навозного Локона и остальных пленников, а сама со своими сторонниками удалится в другое место.

Последовала очередная пауза. Как и обычно, та часть моего «я», что была из двадцать первого века, немного хмурилась. Сколько позолоченного пустобрехства! Все эти несчастные на площадях и улицах сражались, кричали, горели заживо, а мы тратили время на этот изощренный протокол. С другой стороны, моя вторая половина, прижившаяся в этой древней эпохе, соглашалась с тем, что люди не просто исполняют глупые церемонии. Если мы не будем совершать правильные ритуалы, то ничего хорошего не случится.

Должен сказать, что Кох в напряженной ситуации не потеряла голову. Противник все еще значительно превосходил нас числом, и мы находились в гуще людей, которые нас по-настоящему ненавидели. Если они будут действовать согласованно, то легко разорвут нас на части. Если только прежде огонь не поглотит нас всех.

Наконец старейшины Пумы договорились между собой, побросали свои ножи для самоубийства. Они звякали, ударившись о пол, как украшения, падающие с новогодней елки. Видимо, сыграл свою роль фатализм. Должно быть, большинство Пум верили, что все совершаемое главами великодомов неизбежно, поэтому у них теперь будет новый хозяин.

Двое главных кровных Ядозуба обвязали грудь Навозного Локона желтой веревкой – это был знак заложника, которого можно убить либо обменять. Они поднесли его к краю лестницы и показали Пумам вниз.

Двое из людей Кох подтащили брошенный мегафон к краю площадки, и Пингвиниха заговорила в мундштук. Ее тоненький, напевный голосок полился нечеловеческим ревом.

Вы, которые ниже нас, вы, Ласточкины Хвосты, Пумы,
Под прицелом наших копий...

Она приказала кровным клана кошачьих оставаться там, где они есть. Если они сделают хоть шаг к вершине мула, заложников убьют и выбросят кости их предков из святилища.

Побоище внизу стихло. Несколько раненых Детей Сотрясателя поднялись на площадку. Бойцы Пумы явно отнеслись к услышанному серьезно. Вокруг меня собралась кучка кровных – Ядозубов и сторонников Сотрясателя, получивших достаточно серьезные увечья. Хун Шок пробрался ближе ко мне.

Он присел рядом и спросил, как я себя чувствую. Я ответил, что в порядке, вот только боюсь рухнуть и уже не встать. Хун Шок сказал, что у меня кровь под носом, и помог мне вытереть ее. Я поинтересовался, сколько нас осталось, он сообщил о гибели восьми воинов Гарпии. Ядозубы потеряли сорок одного солдата, а Кох – шестьдесят стражников. Таким образом, наша численность сократилась почти на треть. Черт. С учетом того, что нам предстояло, мы вполне могли провалить нашу миссию. Я уже ничего не говорю о человеческой трагедии.

Всего мы взяли двести восемьдесят шесть заложников. Среди них находились сам Навозный Локон, две его жены, шесть членов верховной семьи, сорок восемь представителей синода Пумы и пятьдесят девять старейшин Ласточкиного Хвоста. Это было не так уж плохо. Оторванная Правая Рука, вероятный наследник, исчез.

Хун Шок рассказал, что 4 Грибной Дождь умирает. В пяти ступенях от вершины его поразило копьё одного из защитников мула. Я этого не видел.

С помощью Хун Шока я поднялся на ноги, с трудом прошел двадцать шагов на восток, туда, где положили 4 Грибного Дождя. Я опустился на пол подле него. Под красной раскраской кожа его побледнела и приобрела оттенок высохшей сырой печенки. Кремневое

острие попало ему в тонкий кишечник и наверняка там разломалось. В воздухе стоял кисловатый запах желудочного сока и пищи, которой оставалось пройти еще треть переработки до состояния фекалий. Тут подобные раны считались смертельными. Эх, подумал я. Он был хорошим парнем. Дыхание его стало еле слышным, поверхностным. Я склонил к нему голову и прошептал в ухо его имя, но от потери крови он потерял сознание.

Я хотел встать, но не смог.

Кох величественно приблизилась к перевернутому каменному алтарю центральной целлы. Старейшины Пумы один за другим подходили к ней и клали серьгу, губной гребешок, головной браслет или еще какой-нибудь предмет личного обихода на пол в знак своего смирения. Получая очередное подношение, Кох хлопала правой рукой по своему левому плечу, подтверждая, что дар принят. Она не сняла маску, но я уверен, что ее лицо выражало царственную безмятежность, словно она всегда, еще до своего рождения, знала: ей суждено повелевать.

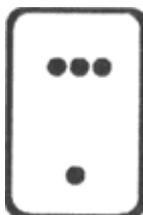
Класс, я создал монстра. Настоящая Эльза Ланчестер.⁷¹⁶ Осторожнее с этими катушками Теслы, детка.

Я никогда не придавал особого значения концепции «культы героев»,⁷¹⁷ но теперь, наблюдая историю вблизи, должен сказать: харизма – не пустое слово. Иногда тебе нужно только взять на себя ответственность. И я полагаю, иногда такое случалось.

Ну и ладно, пусть ее. Пускай она взойдет на пьедестал почета. Они все здесь заряжены на победу.

Забудь об этом, Джед. Это не только наша вина.

(61)

В лицо мне ударила пепельная волна, и целую минуту я ничего не видел, но потом направление ветра изменилось и горящий город снова предстал перед нами. Мы этого не хотели, подумал я. Но... Подобные вещи случались (случатся) не раз. С легковерным народом *ко са* в 1856-м, когда они сожгли свой урожай и забили скот и в результате сорок тысяч из них погибли от голода. С индейцами, которые танцевали с духами⁷¹⁸ в 1890-х. С индусами, бросавшимися под колесницы Джаяннатхи⁷¹⁹ на ежегодном празднике Ратха-ятра в городе Пури штата Орисса. С сектантами в Джонстауне.⁷²⁰ Потом с моими

---

⁷¹⁶ Эльза Ланчестер (1902–1986) – англо-американская актриса, сыгравшая жену монстра в фильме Джеймса Уэйла «Невеста Франкенштейна» (1935).

⁷¹⁷ Теорию «культы героев» создал английский писатель и историк Томас Карлейль (1795–1881). В ней подчеркивается роль личности в истории.

⁷¹⁸ «Пляска духов» инкорпорирована во многие системы верований коренных американцев. Именно это религиозное движение, как утверждают многие исследователи, спровоцировало последнее крупное столкновение между армией США и индейцами на ручье Вундед-Ни (1890), которое закончилось гибелью более чем 150 *сиу*.

⁷¹⁹ Джаяннатха – одно из имен бога Кришны.

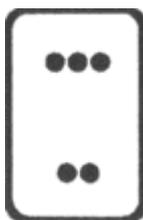
⁷²⁰ В 1978 году в Гайане в поселении Джонстаун, основанном религиозной сектой «Храм народов», 918 сектантов совершили массовое самоубийство.

несчастливыми соотечественниками в Орландо.

Но сейчас это была целиком наша вина. Моя вина. *Todo por mí culpa*. Моя вина, моя вина.

Я посмотрел на запад. Внизу на четырех сотнях площадей тепловые потоки скручивали дым и снопы искр в толстые жгуты, похожие на веревки с золотой нитью на старинных театральных занавесах, только длиной и шириной с товарный поезд. Один из этих гигантских круглых воздушных змеев проплыл под нами, вертясь, как перекасти-поле. Я посмотрел на юг. Далеко за руинами мула Сотрясателя Звезд видны были огневые вихри, мчащиеся по городу против часовой стрелки. Мы словно находились в оке солнечного урагана.

(62)

Я подошел, вернее, подковылял к Кох. Она сняла маску и держала ее своей темной рукой, а светлой – гладила голову Пингвинихи, ерошила редкие волосы, проводила ладонью по ее щеке, по телу, почесывая карлицу, словно кошку. Та прижималась к госпоже, потягивалась, но наконец выскользнула из ее рук и засеменяла к своему опекуну. Кох встала и сделала четыре шага к краю площадки. Она посмотрела вниз, на дым и тела, лежащие на площадях. Потом повернулась ко мне, поймала мой взгляд. Но мы условились, что она не будет выделять меня среди остальных в присутствии Пум, и она обратила взор на юг, в сторону квартала Сотрясателя. Там пожар уже перешел в свою последнюю стадию, в коричневатое небо поднимались черные столбы дыма. Мне показалось, что за внешним спокойствием Кох прячет сомнение. Я, глядя на нее в профиль, отметил горькую складку у рта. За ее спиной взметнулись вихри искр, словно охапки золотых листьев или брызги расплавленной стали. Бирюзовая маска висела на темной руке Кох, уставившись на меня пустыми прорезями. Сама же госпожа больше не удостаивала меня вниманием. Линия подбородка подсвечивалась пламенем, глаза были устремлены в сторону чертогов солнца. Она казалась столь же неподвижной и монументальной, как гигантская базальтовая голова в Озимандийской⁷²¹ пустыне, за тысячелетия отполированная песчаными бурями. Где-то у подножия храма огонь добрался до резервуара с водой, и вверх ударил шипящий вихрь пара. Кох бесстрастно наблюдала за ним, потом снова принялась изучать симметрию громадного чадающего города, который перестал быть центром мира. Кого она мне напоминала? Елену, которая стоит на палубе Менелаева корабля и прощается с горящей Троей? Гарбо в концовке «Королевы Христины»? А может, Марену на хайвее, с тревогой взирающую на затянутые нефтяной пленкой воды залива? Или паука-кругопряда нефила в центре своей паутины? Внезапно я заметил, как слеза блеснула на темной щеке Кох, но потом решил, что это, вероятно, от дыма. Она снова надела маску, повязала ее на затылке змейкой и отвернулась.

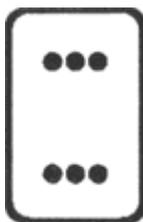
Часть четвертая ТЕ, КОТОРЫЕ БУДУТ ПОСЛЕ

---

⁷²¹ По имени фараона Рамсеса II Мериамона, Озимандия, сына Сети I.

(63)

– А кто говорил голосом Микки-Мауса? – спросила Марена.

– Подожди секунду, – сказал я.

Мне нужно было прочистить горло, и я откашлялся.

– Джек, дать тебе еще «сквирта»?

– Нет, спасибо, я в порядке, кхе. Первым Мауса озвучивал сам Уолт.

– Верно. Квадратный корень из пяти?

Я ответил.

– Как зовут твою последнюю... подожди. – Она помолчала. – Ана на линии. Она хочет, чтобы мы заканчивали.

– Пожалуй, достаточно, – раздался из соседней крошечной комнатенки у меня за спиной голос доктора Лизуарте. Она сделала паузу. – Один момент. Нет, сначала я должна узнать, что там у нас в лаборатории. – Лизуарте явно общалась с Анной по коммуникатору. – Хорошо, конец связи. ППС? Говорит Акаги, у нас три-девять-восемь от Килоренц.

Мне понадобилась чуть ли не целая вечность, чтобы вспомнить: ППС – это протокол передачи сознания в Стейке, Акаги – кодовое имя Лизуарте, а Килоренц – Аны Вергары. Я не знал, что такое три-девять-восемь.

– Да, проверка, – продолжила она. И через минуту-другую добавила: – Все, хватит.

Я понял, что последнее предложение было адресовано Марене и мне, и это означало, что лаборатория получила достаточно сканов моего мыслительного процесса и передачу можно прекратить.

– Ну что – отсоедините меня? – спросил я слабым голосом.

Они сказали «да». Лизуарте отключила питание от Туалета, большого белого кольца вокруг моей головы, – позитронно-эмиссионного томографа и магнитного резонансного сканера. Я слышал, как магниты замедляют бег по своим дорожкам. Свет зарождающейся зари проникал сквозь дверь. Марена принялась снимать с меня электроды – и в ее движениях не было ничего сексуального. Вот и все. Мой двойник, который проявился во время опроса, благополучно отправился в путь. Вероятно, он действительно прибыл на место, выполнил свое предназначение и давным-давно умер.

Меня вытащили из ниши ахау. Небо стало темно-серым, звезды исчезли. Майкл и оператор Хич все еще стояли на площадке. Марена повела меня по искрошенной лестнице, бережно поддерживая, помогая спускаться по двадцатishестидюймовым ступеням. На это ушла уйма времени.

– Я могу идти сам, – запротестовал я.

– Да, но тебя шатает, – сказала Марена.

У основания мула была расчищенная площадка. Отсюда тропинка, огибая дворец,

спускалась по склону холма к реке. Я на каждом шагу спотыкался. На берегу, где мы с Мареной немного оттянулись четырнадцать часов назад, ждали Ана и Гргур. Вергара что-то говорила в воздух, прижав руку к уху.

– Что происходит? – спросила Марена у Майкла, когда он догнал нас и перевел дыхание. В соответствии с брифингами, которые у нас проводились, здесь нас должен был подобрать рукотворный гиппогриф,⁷²² если бы нам пришлось экстренно покинуть это место.

– Ана считает, что нам лучше делать отсюда ноги, – ответил Майкл, который в отличие от Марены, Лизуарте и меня прослушивал все радиопереговоры.

– Почему? – удивилась она.

– В нашем направлении движется патруль. Предполагается, что он может пройти здесь.

– Черт! – воскликнула Марена. – Но если они обойдут нашу площадку стороной, немного погодя вернемся.

Мы помолчали. Ана продолжала с кем-то беседовать, ничего не объясняя.

– Где Отзынь? – поинтересовался я.

Майкл пожал плечами. Спецназовец тоже как сквозь землю провалился. Я нашел свой наушник, сунул его в ухо, включил.

– ...шестнадцать кликов, – прозвучал голос Аны. – Эй, ты куда? – спросила она громче.

– Мне нужно во дворец – забрать вещички, – улыбнулась Марена.

– Запрещается, Аска, – сказала Ана. – Никто никуда не уходит.

– Почему бы нам просто не спрятаться в лесу с другими ребятами из АР? – встрял я, воспользовавшись заминкой.

– Потому что патруль может напороться на наше снаряжение и тогда начнет искать нас, – отрезала Ана. – И нам придется тащиться к четырнадцатому шоссе. Если и доберемся туда, все равно рискуем попасться кому-нибудь по дороге. Мы уже прорабатывали этот сценарий.

– Я, наверное, прогулял то занятие, – сказал я.

– В любом случае гиппо приземляется незаметно. У него маскировка. И он вывезет нас отсюда без всяких проблем.

– А вдруг они... – начал было говорить я.

– Если они дадут крюк и пройдут мимо, то мы вернемся через два дня и сразу начнем копать, – прервала меня Вергара. – И пожалуйста, хватит вопросов.

Я замолчал. Она не отметила, что в случае обнаружения наших вещей мы долго не сможем сюда вернуться. А Джед-2 собирался похоронить себя именно в Ише, ни в каком другом месте. Если мы не раскопаем царскую усыпальницу, то никогда не узнаем, удалось ли ему выполнить задание...

И кроме того, как тогда загрузить в мой мозг воспоминания того Джеда? Все, что он там увидел, должно остаться при нем. И при мне, если вы понимаете, о чем я. Черт побери. С другой стороны, я чувствовал даже некоторое облегчение, потому что если бы его воспоминания стерли мои – те, что сформировались у меня с того момента в загрузке, когда наши сознания разделились, – это могло бы...

– Ну вот он и здесь, – сказала Ана. – Не прошло и двух минут.

Я кивнул. Ладно, подумаем об этом позднее.

Над нами мелькнула большая тень. Послышались резкий удар, вой мощного двигателя, потом чавкающий звук – и открытое водное пространство за зарослями лилий покрылось рябью. Эта штукавина словно выпала из складки в пространстве – белый клубок на втулке единственного длинного прямого рычага, который медленно поворачивался туда-сюда, подобно стрелке большого компаса. Так вот он какой, гиппогриф, подумал я, будто речь шла

---

⁷²² Гиппогриф – мифическое существо, полуконь-полугрифон (притом что сам грифон является помесью льва и орла).

о чем-то совершенно абстрактном. Наверное, у него есть система прямого зажигания. Спланировал аппарат без всяких двигателей. Ана, шагая по колено в воде, нырнула под его брюхо – мощно, а-ля солдат Джейн,⁷²³ ну точно как в учебнике для подготовки спецназа. Военная косточка относится к себе очень серьезно. Она подняла руку и выхватила откуда-то пластиковую клетку на двоих десантников. Мимо меня кто-то метнулся в облако выхлопа авиационного топлива. Марена взяла меня за руку, и мы по колено в воде двинулись в центр водяного смерча. Ана принялась упаковывать нас в пятистороннюю клетку. Она заставила меня подогнуть запачканные илом ноги, и через минуту я уже стоял на коленях в сетке из оранжевых ремней. Я поднял голову. Большой, необычного вида летательный аппарат, слегка подравниваясь, парил в пузыре обратного потока футов в пятидесяти над нами. Пилот не хотел спускаться ниже, чтобы не зацепить ротором за ветки деревьев. Из надфюзеляжных тепловых клапанов, похожих на акульки брызгальца, вырывались вихревые потоки.

– Пойдите. А где Отзынь? – спросил я.

– Первый готов, подъем, – произнесла Ана.

Мы рывками стали подниматься к большому, обитому мягким материалом отверстию в светлом брюхе. Я пытался найти взглядом дворец, посмотреть, нет ли там Отзынь или еще кого-нибудь, но нас слишком сильно крутило. Я порылся в карманах. Где мой телефон? Неужели оставил? Напрасно. Тут пара рук в оранжевых рукавицах заправила клетку в темную клоаку. Внутри стоял крутой запах моторного масла, винилхлорида и старой кожи. Человек в перчатках отстегнул ремни, вытащил меня и Марену и снова отправил клетку вниз. Я растянулся на мягком ковре. Нас принял на борт крупный парень в видеошлеме с поднятым щитком, и я узнал в нем второго пилота (судя по бейжке, ОСВ – офицера системы вооружений, хотя наш самолет такого не имел) – он летел с нами из Стейка в Пусилху. Тогда экипаж состоял всего из двух человек.

– Пожалуйста, займите те же места, что и в прошлом рейсе, – сказал он так, словно мы были в самолете «Вирджин эйр».

Тут царил темнота, но всюду сияли созвездия диодов, так что я сумел бы сориентироваться, если побывал бы здесь раньше. Я встал и, прежде чем Марена успела ухватить меня, ударился головой о пенопластовый косяк, отделанный винилом. Она провела меня в левый отсек и усадила там в сиденье, оборудованное системой безопасности. Я немедленно почувствовал себя таким большим ребенком, которого чрезмерно опекают. Сверху спустилась голубоватая панель с четкими оранжевыми буквами: «Проверьте крепление безопасности». Тут же обнаружилась маленькая клавиатура с обычной QWERT-раскладкой. Марена устроилась напротив. Мы сидели у переборки между грузовым отсеком и салоном. Я огляделся. Пассажирские иллюминаторы были закрыты, видимо, потому, что проводилась военная операция, но я видел часть лобового стекла за головой пилота и начинающийся практически у моей лодыжки клин левого каплевидного остекления в полу. Когда роторы немного разогнали туман, открылось русло реки, почерневшей от ряби. Через нижнюю дверь пробрались Майкл и доктор Лизуарте, прошли мимо нас. Майклу выделили кресло в хвосте для равномерного распределения веса. Потом появился Хич, а за ним Гргур. Он неожиданно ловко пролез в салон, склонился к Марене и шепнул ей что-то, после чего отправился назад и уселся напротив Майкла. ОСВ занял свое место справа от пилота. Последней поднялась Ана, которая затащила за собой клетку. Спецназовец, вероятно, остался. Вергара откинула приставное сиденье позади летчиков, начала было пристегиваться, но потом потянулась куда-то назад, словно собираясь обнять меня, и произвела некие пассы над моей головой.

Я ощутил умиротворяюще легкое давление на уши и как будто утонул в глубоком, спокойном, мягком жужжании, которое обычно издают большие колибри; в этом звуке,

---

⁷²³ Солдат Джейн – героиня одноименного кинобоевика (1997) режиссера Ридли Скотта, ее роль исполнила Деми Мур.

обволакивавшем меня, слышалось тонкое пронзительное шипение и пиканье разомкнутого контура, повторявшееся каждые две секунды и похожее на брачный зов кузнечика. Ана натянула мне на голову шлем с обычным щитком и очками – они соскальзывали на переносицу и давали увеличенное видеоизображение через две линзы шлема. Когда мы в первый раз, еще в Белизе, летели этим самолетом, нам рекомендовали «постоянно пользоваться очками увеличенного реального видеоизображения (УРВ)» – на тот случай, если кто-то попытается атаковать нас ослепляющими лазерами. Поначалу у меня перед глазами мелькали расплывчатые контуры, но потом эта фиговина настроилась, и я стал видеть в другом режиме. Изображение было резче, чем в жизни, – представьте для сравнения, что вы слушаете скрипку по телефону, а не на старой доброй виниловой пластинке. Кроме того, яркость и контрастность усиливались (система «приспосабливалась» к темноте), а расстояние между предметами благодаря широко расставленным камерам на шлеме выросло, как в старых 3D-фильмах, где действие происходит чуть ли у тебя не на лбу или далеко в задних рядах. Мало того: чтобы еще больше осложнить восприятие, вдоль верхней рамки двигалась бегущая строка с важнейшей бортовой информацией, включая сведения о безопасности и даже об экипаже и пассажирах. Внизу тоже появлялся текст, сообщавший всевозможные сведения, недоступные моему разуму. Зато в нижнем правом углу находилась маршрутная карта полета, с пониманием которой никаких проблем не возникало. Все ясно, подумал я. Мы направляемся на северо-северо-восток к Белизу и должны пересечь реку Сарстун у южной границы, то есть у самого устья.

«Неужели Отзынь все еще там? – спрашивал я себя. – Не попал ли он в какую переделку? Это я, черт меня дери, втянул его в эту историю». Моя правая рука чуть ли не инстинктивно нащупала клавиатуру и принялась перебирать клавиши, пока я не нашел активное аудио. Раздался приглушенный щелчок, и возник новый слой звука, словно я из моно переключился на квадратуру.

– Эй, подожди-ка секунду, – сказал я, но не услышал собственного голоса. Я нашел кнопку «микрофон» и нажал ее.

Переключился на персональный канал Марены.

– Марена?

– Джед, привет, как ты там? – отозвалась она.

– В норме, – ответил я, несмотря на туман в голове.

– Ты понимаешь, что происходит?

– Да, все отлично. Просто супер. Полный порядок. Отзынь – он что, остался на площадке?

В канале зазвучал голос Аны:

– Пассажирам выходить в эфир запрещается.

Сама пошла в жопу, подумал я.

– Джед, мы его не можем найти, – проявилась Марена. – Вероятно, он ушел.

– Это невозможно... – начал я.

Но тут Ана отключила мой микрофон. Я стащил шлем, сразу понял, как темно и шумно без него, передумал, снова натянул его на голову и принялся изучать маленькое меню в верхнем левом углу моего виртуального поля зрения. И перевел курсор на аудиоканал пилотов.

– ...верхушек деревьев, – проговорил кто-то.

– Мы все на борту, летим, летим, летим, – отвечала Ана.

Вдруг я почувствовал, что падаю, проваливаюсь сквозь трещину в сиденье, погружаюсь в Земную Жабу – гиппо взмыл вверх таким тошнотворным манером, когда хвост задирается выше носовой части, словно хвостовой плавник кита. Давление увеличилось, когда закрылся люк. Внизу сквозь остекление в полу я наблюдал, как стремительно уменьшаются кроны деревьев. Они исчезли, когда мы вошли в низкое дождевое облако. По стеклу побежали водяные капли.

– Джед, если тебе что нужно, используй канал четыре, – пробился издали голос

Марены.

Я немедленно воспользовался ее советом.

– Отзынь не мог уйти, – выпалил я.

– Джед, возможно, его отрезал от нас патруль, – предположила Марена.

– Не думаю.

– Ведь он нам никогда по-настоящему не доверял. Брось ты...

– Я хочу сказать...

– Мы его вызовем, когда вернемся, – произнесла она. – Но сейчас не время об этом спорить.

Гиппо попал в карман разреженного воздуха и завалился на бок. У меня к горлу подступила тошнота. Перед лобовым стеклом туман разошелся, и пространство, казалось, искривилось вокруг нас, словно мы попали в линзу рыбьего глаза. Тучи опустились совсем низко. Я приподнял ноги, когда верхушка пальмы чуть не коснулась остекления. Я посмотрел на Марену и тут же вспомнил о «The Fly». ⁷²⁴ Ради интереса я кликнул по иконке «виды» в меню, выбрал «мониторинг экипажа» ШИ-ДВСОСНЦ (шлем интегрированный – дисплей ветрового стекла и оружейная система наведения на цель) и нажал кнопку ОСВ. Мне словно приставили другую голову. Я будто переместился в кресло стрелка. Полагаю, что идея видефона состояла в том, чтобы дать человеку возможность видеть «чужими глазами», – это, несомненно, облегчало групповое обучение пилотированию. А штурман, в свою очередь, мог наблюдать, что творится в хвосте самолета. Над изображением парил океан информации – векторы, скорости, давления, температуры, скорость 248 км/ч, высота над уровнем моря 381 м, высота над уровнем земли 28,2 м, а еще бегущие строки предупреждений вроде «только внутренний радиообмен», «этот дисплей не является управляющим» и даже предостережения не смотреть, если у вас эпилепсия. Картинка поехала вниз, и я выгнул шею изо всех сил, но это, конечно, ничего не меняло. Все зависело от владельца шлема, а ОСВ в данный момент глядывался в ложный горизонт, обозначенный на тучах синей линией. Я нашел нужный канал и услышал его голос.

– ...no te preocupes amorcita, este es el caballo, ⁷²⁵ – говорил он.

Это была соль какого-то анекдота.

– Sí, pues, – ответил голос с гватемальским акцентом.

ОСВ болтал по радио с местным диспетчером, очевидно со старым дружкой. Может, это нам ничем и не грозило. Наверное, они обо всем договорились с гватемальцами. Но тогда кто же собирался прихлопнуть нас на площадке? Что за патрульные, с которыми нельзя найти общий язык? Может, аровцы не хотели платить слишком большому числу людей?

Мы летели почти точно на восток от высоких утесов над порогами, а потом, в том месте, где Чисей вливался в Кахабон, повернули на востоко-юго-восток. Перед нами возник серый меловой утес, и, вместо того чтобы перевалить через него, пилот начал его огибать на малой высоте над самой середкой реки, отчего казалось, что мы катим на сноуборде. Море листвы колыхалось вокруг, а потом мы вырвались на простор.

В главном коммуникационном канале раздался новый голос:

– ¿Es este el vuelo 465-BA del Poptún? – «Вы рейс 465-БА из Поптуна?» Текст идентификатора сообщал, что вопрос задан с базы Гузман в военном аэропорту Гуате-Сити.

– Correcto, ⁷²⁶ – произнес ОСВ.

– ¿Perdone la molestia, mas el OC dice qué pasa? ⁷²⁷

---

⁷²⁴ «The Fly» – известная песня группы «U2», в которой вокалист (Боно) появляется в больших солнцезащитных очках.

⁷²⁵ «Не волнуйся, дорогая, Эстес – это лошадь» (исп.). (Прим. ред.)

⁷²⁶ Верно (исп.).

– Тут к югу от Чисека была небольшая проблема, – сказал ОСВ по-испански. – Капрал Олаквияга с базы в Поптуне просил нас ее решить.

– Хорошо. Вы, кажется, немного опаздываете.

– Дело серьезное. Поэтому-то мы и возвращаемся назад.

О-го-го, подумал я. Он втирает воздушным диспетчерам очки, дескать, наш самолет принадлежит гватемальским ВВС. Тянет время. Значит, у нас нет своих людей в гватемальской армии.

Гиппо набрал тысячу футов, когда мы переваливали через истоки Ошека между Серро-Таболь слева и западной оконечностью громадной Сьерра-де-Санта-Крус справа.

– ...подтвердите еще раз свой номер, – потребовал голос.

– ГАК 465–БА, 20380–821809–234874211, – сказал ОСВ.

– Мы должны это проверить, – заявил диспетчер, – иначе у вас будут сложности с пограничными службами.

– Я их вызову, – сказал ОСВ.

– Вы бы лучше не спешили. Сбросьте скорость.

Я перешел на четвертый канал Марены и послал ей бип. Она включилась. Я ей сообщил, что гватемальцы, похоже, нервничают.

– Я думаю, это не проблема, – ответила она. – Их волнуют прилетающие самолеты, а не улетающие.

– ...а откуда такая категория? – К разговору присоединился второй диспетчер с базы Гуате-Сити.

– Есть вероятность, что кое-кто из террористов бежал на грузовике сегодня утром, – соврал ОСВ. – Капрал хочет, чтобы мы посмотрели, нет ли их на границе.

– Ясно. Но мне нужно отчитываться за все полеты перед демилитаризованной зоной, – заявил диспетчер.

– Соединитесь с Олаквиягой. – ОСВ начал диктовать ряд цифр позывного.

– Его нет на базе. Нужен дежурный офицер.

– Вы нас можете соединить? – спросил ОСВ.

– Вы должны вызвать его по своему каналу.

– Хорошо.

И вырубил радиоканал. Первый пилот (который, я думаю, говорил, только когда в этом возникла крайняя необходимость) вышел на общую связь с пассажирами.

– Внимание, – сообщил он, – мы увеличиваем скорость.

Он не успел произнести последнее слово, как моя голова врезалась в правое крыло подголовника и я почувствовал, как кожа на моих щеках провисает под воздействием четырех или пяти дополнительных ускорений g . Летчик убрал роторы и включил реактивный двигатель. Наверное, они сейчас засекут изменение наших параметров.

– Подождите-ка секунду, – сказал гватемальский диспетчер.

В канале раздался голос Аны:

– Ну и что вы думаете?

– Они ничего не поймут, – ответил пилот. – Мы останемся на этой скорости. – Его пальцы зависли над ручкой продольно-поперечного управления.

Снова закудахтал гватемалец:

– 465-БА, говорит диспетчерская базы Гузман, что вы делаете?

Мы не ответили.

– Вы должны получить новый приказ или изменить направление и приземлиться здесь, – возмутился диспетчер. – Извините.

– No me queiebres el culo, – буркнул ОСВ. «Не морочь мне яйца». – Мы не собираемся разворачиваться.

– Извини.
– Olaquiaga se va a cagar, – усмехнулся ОСВ. «Олаквияга обосрется от злости».
– Yo no te puedo asegurar que llegues salvo, – предупредил голос. «Я не гарантирую безопасности». – Te van a chingar por el culo. Agarra la onda. «Они тебя там оттрахают в задницу. Если тебя это устраивает».

ОСВ помолчал.

– Bueno, reconocido,⁷²⁸ Гузман.

– Bueno, – сказал голос, и связь оборвалась.

Мы продолжали свой путь. На моей маленькой карте план полета изменился. Теперь маршрут лежал на юг к озеру Исабаль, а потом – к Мар-де-лас-Антиллас, Карибскому морю. Видимо, пилоты решили запутать следы: пусть гватемальцы считают, что мы повернули назад, а наш гиппо тем временем выйдет на малой высоте к воде, где у них нет серьезных ПВО.

Снова заговорил гватемальский диспетчер.

– 465 Barcelona Antonio, aterriize en seco.⁷²⁹

– Somos responsables del seguridad del Corporal Olaquiaga,⁷³⁰ – покровил душой ОСВ.

– No contestes. Pararse en seco desde ahora.⁷³¹

ОСВ отключил рацию.

– Они не покупаются, – сказал он по интеркому.

– 465-BA, tomar tierra a Roptún? – взвизгнул диспетчер. – Esto es el último apelar.⁷³²

– No puedo,⁷³³ – ответил ОСВ. – Пожалуйста, свяжись со своим старшим офицером. –

Он выключил радио и переключился на интерком. – Так, с этим не прошло, – пробормотал он. – Что ж, получим директиву здесь.

Пилот сбросил скорость, выровнялся и развернул машину, словно собирался лететь прочь от моря.

Раздался голос Марены:

– Что вы делаете?

– Нас фактически отрезали, – пояснил ОСВ.

– Мы должны решить, – загремела Ана. – Либо они заставят нас совершить посадку, либо мы действуем по плану Б.

– Угу, – сказала Марена.

– Что «угу»? – спросила Вергара. Повисла пауза. – Решение за тобой. – Она говорила чуть четче, чем обычно, чтобы черный ящик записал все слова до последнего.

– План Б – активное уклонение, – произнесла Марена.

– Ясно, – сказала Ана. Еще пауза. – Значит, план Б, верно? Кто-нибудь против?

Похоже, ситуация выходит из-под контроля, подумал я. Может, стоит возразить?

Однако возражений не последовало.

– Значит, принято. Помните, команду я, – вынесла заключение Ана. – Ни Марена и никто другой приказы здесь не отдает.

---

728 Счастливо и спасибо (*исп.*).

729 465 Барселона Антонио, посадка на сушу (*исп.*). (*Прим. ред.*)

730 Мы несем ответственность за безопасность капрала Олаквияги (*исп.*). (*Прим. ред.*)

731 Нет ответа. Садитесь немедленно (*исп.*). (*Прим. ред.*)

732 465 БА, пойдете на снижение в Поптуне? Это последнее предупреждение (*исп.*). (*Прим. ред.*)

733 Не могу (*исп.*). (*Прим. ред.*)

– Выпывы, – прозвучал голос пилота.

– Вэпэвэ, – повторил ОСВ.

Это что еще значит? А, видимо, «вас понял, выполняю».

– Ладно, ждите, – сказал ОСВ. Он открыл другой радиоканал. – Зепп вызывает базу.

– Привет, Зепп. – Судя по произношению, ответил белый. Это был главный воздушный диспетчер в Стейке. – Говорит база, слушаю вас.

– Переходим на план Б, – сообщил пилот. – Запрашиваем МД-четыре.

– Принято. Ждите, – ответил главный. – Похоже, вы немного лажанулись.

– В самую точку.

Наша скорость еще упала – мы практически висели в воздухе. Через носовую камеру мне был виден квадрат горящего леса. Я набрал на клавиатуре «МД-4». На экране возник силуэт беспилотной крылатой ракеты. Обтекаемая штуковина, длиной всего шесть футов, с длинными носовыми крыльями. В сопровождающем тексте говорилось, что она оснащена боеголовкой «воздух – воздух». Проклятье, подумал я. Посылают беспилотники. Черт. Черт. Мы в жопе. Нас собьют. Что ж, по крайней мере, это быстрая смерть...

– Эй, Зепп, – сказал голос с базы, – мы видим твой маячок. Четыре МД-четыре уже на старте.

– Спасибо, база.

– Сообщите Гватемале, что мы садимся, – велела Ана.

– Гузман, говорит 465-БА. Мы поняли и возвращаемся в Пуэрто-Барриос, – солгал ОСВ.

Моя карта развернулась одновременно с самолетом.

– No Puerto, – запротестовал гватемалец. – Pop... – Щелчок.

– Лады, Зепп, – прозвучал голос из Стейка. – МД-четыре стартовали и направляются к тебе.

– Отлично, база, спасибо, – поблагодарил ОСВ. – Время их прибытия известно?

– Они будут рядом с тобой через две минуты сорок пять секунд. Возьми еще двадцать градусов на юг, и им не придется разворачиваться.

– ВПВ.

– Держитесь, ребята. Слышите меня?

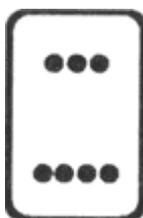
– И еще раз спасибо, – сказал ОСВ.

– Разворот сорок градусов, – объявил пилот.

Он сдвинулся влево и убрал левую ногу с рулевого двигателя, закладывая вираж, от которого воздух словно заскрежетал. Мы понеслись на юг вдоль речушки, зажатой между двумя высокими берегами, а потом вышли на ровное пространство над рекой Мошела.

– Вот и перехватчик, – сказал ОСВ.

(64)

Никакого самолета я не увидел. Наверное, он просто появился на карте. Я кликнул по ней, увеличивая ее. Похоже, я освоил этот интерфейс. Граница с Белизом перед нами была вся в активных пэвэошных установках, как рождественская елка в игрушках. Ага, вот они. Пара красных точек приближалась к нам под углом триста десять градусов. Я навел на них курсор и набрал ИСЧ – «идентификация “свой – чужой”». На экране появилось окошко и проехалось по радарным изображениям различных аппаратов, пока не обнаружилось соответствие: 2 вертолета «Команч» Эйч-18 (?) бортовое В+?. Вероятно, В+? означало, что

вертолеты вооружены, но система испытывала некоторое затруднение. Я нашел «вероятность перехвата» в меню, и на картинке возникло два кружочка: зеленый вокруг нас и красный вокруг них. Расстояние между ними было слишком мало, чтобы я мог чувствовать себя в полной безопасности.

– Они не собираются нас сбивать, – сказал ОСВ. – Они хотят заполучить Гиппо. Поэтому попытаются нас посадить.

– Я бы не слишком на это полагалась, – раздался голос Аны.

La gran puta. Опять я влип в историю! Всего час назад мы уютненько сидели в царской нише, никуда себе не торопились, а теперь нас вот-вот укокошат гватемальские ВВС. Почему Ана просто не позволила им арестовать нас? Через неделю Уоррен нас выкупил бы. Да что там – через два дня. Неужели наше расписание настолько важно? Нет, оно, конечно, очень важно, но все же... бля. Джед, ты так и не понял, что эти ребята готовы на все. Проклятье. Идиот. Знаешь, Джедо, дело в том, что тебе хотелось думать, будто ты работаешь с корпоративными гангстерами, а на самом деле ты связался с поджигателями войны. И если уж откровенно, до тебя это сразу дошло. Так что не...

Мы взяли курс на Сьерра-де-Санта-Крус, набирая высоту по две тысячи футов в минуту, пролетели мимо зеленого утеса с узкой меловой пропастью. В горной гряде есть расщелина, которая идет почти прямо на юг, и мы понеслись по ней со скоростью около трехсот сорока миль в час, облетая утесы. На карте два кружочка ползли навстречу друг другу – вот-вот соединятся.

Нет уж, хватит с меня царских гробниц, подумал я. Меня в ближайшее время на руины Иша ничем не заманишь. А может, и вообще никогда. Единственное, что надо сделать (если, конечно, мы доберемся до Стейка, что становилось все более и более проблематичным), – найти магнетитовый крест. То место, где Джед-2 закопал сосуд со второй копией своих записок об игре. Оставалось надеяться, что оно будет достаточно далеко от Иша, чтобы мы могли незаметно проскользнуть туда и гватемальцы нас не тронули. Конечно, мы отыщем рукопись... в том случае, если мой двойник дошел до этого этапа. Столько всяких «если». Ужас...

На карте с севера появился новый пучок меток.

– Ну вот, это МД-четыре, – сказал ОСВ.

Мы сбросили скорость. Метки беспилотников увеличили скорость и построились под нами, как рыбы-лоцманы. Я думаю, идея состояла в том, чтобы они слились с нами на показаниях радара.

– Эй, база, они добрались, – сообщил ОСВ.

– Понял тебя, Зепп, мы передаем управление вам.

– Спасибо, – ответил ОСВ. – Приняли. Слушай, Килоренц просит вас подтвердить, что уточки готовы. – Он имел в виду катера, которые должны были подобрать нас.

– Уточки в порядке.

– Отлично.

Я прокрутил маршрут полета и наконец увидел катера – два в Мар-де-лас-Антиллас и два в Мексиканском заливе. «Нам что, придется выбрасываться с парашютом?» – промелькнуло в голове. По спине пробежал озноб. Нет, ni modos. Они нас спустят. А потом эти двое ребят посадят свой гиппо где-нибудь на Флорида-кис, ответят на кучу вопросов, отсидят недолгий срок и получают порядочную компенсацию.

– Я их вижу, я их вижу, – доложил ОСВ.

Я перевел курсор на две вражеские точки. ИСЧ сообщил: (2) США-Б/КАМ № 220? Это означало: два гватемальских «команча» вооружены ракетами.

– Следует ожидать атаки, – предупредил пилот и изменил направление на сорок градусов к северо-западу в сторону Пунта-де-Манабикуэ.

– Дали бы мне разрешение на стрельбу – и дело с концом, – с досадой сказал ОСВ. – Нет, серьезно.

Мы вошли в матовый фронт тучи и на секунду словно оказались в вате, а потом опять

поднялись в голубизну.

Они нас вызывают, – произнес ОСВ и переключился на обычный канал связи между воздушными судами.

– ...no me friegues, – приказал командир «команча». «Не ищите приключений на свою жопу». – Садитесь и сдавайтесь.

– Diles que nos la mamen, – проворчала Ана. «Скажи им: пусть отсосут».

У них тут свои правила, подумал я. Обычно с противоположной стороной не переговариваются. Возможно, аровцы плюнули на правила, потому что занялись частным бизнесом.

– Слушайте, «команчи», не путайтесь под ногами, – сказал ОСВ по обычному каналу.

– Pela las nalgas,⁷³⁴ – отозвался один из гватемальских вертолетов.

– No les hables, – раздался голос гватемальского диспетчера. «Не разговаривайте с ними».

– Vete, – огрызнулся ОСВ. – Убирайтесь. Вы, ребята, из другой весовой категории.

– Mejor andate a la mierda!..⁷³⁵

– У нас тут есть для вас одна херовина, – пугнул их ОСВ. – Отвяжитесь. Даю вам последний шанс. – Он отключился и перешел на интерком: – Ладно, ребята, слушайте меня. На тот случай, если...

Раздался высокий писк – сигнал тревоги, означающий, что нас собираются атаковать.

Вот бя, подумал я.

– Вот бя, – сказал пилот.

– Аве Мария, пуск!!! – крикнул ОСВ. – Сучий потрох! Не волнуйтесь, это рабочая ситуация, мы к ней готовы...

– Попробуй пятьдесят пять, – произнес голос с базы. – Четыре на шесть сорок две сотых.

Розовая вспышка осветила кабину – вражеский прицельный лазер нашел нас. Я проглотил комок блевотины, подступившей к горлу.

– Мы в жопе, – неслышно пробормотал я в свой шлем, – не могу поверить, что меня уболтали на это, не могу поверить, не могу поверить, не могу поверить. – И нервно потер бедро.

– Понял тебя, – ответил пилот. – Делаем девяносто пять понизу.

– Минимальный радиус должен быть один восемьдесят.

– Делаю один девяносто. – Красная точка опасности появилась на моем экране, а потом застыла – видать, нам кранты. Mierdita!!!

– Понял. Отсчет от десяти.

– Внимание.

Пилот одновременно изменил положение кабины и поворотного ротора и резко взял обратный курс. Кошмар, подумал я, голова сейчас оторвется от шеи. Внезапно турбины сбросили мощность, несущий винт застопорило, и неожиданно в салоне воцарилась сверхъестественная тишина. Мы рухнули вниз, меня охватил липкий страх, внутри все взорвалось. О господи, я падаю, падаю! «Ничего, – вопил я, не открывая рта, – вокруг еще до черта воздуха, и он неплохо нас держит!» Мы опять оказались под тучей, и в одной миле к востоку мигнул красный свет маяка в Пунта-де-Аматикве. Мы летели над заливом в северо-восточном направлении.

– Отлично, сближение продолжается, – сообщил ОСВ. – Девяносто. Восемьдесят пять.

– Так, делаем Ю-сорок девять, – сказал пилот. – Внимание.

Наши двигатели снова замедлили ход и, показалось мне, почти остановились.

---

⁷³⁴ Здесь : «Надрать им задницы» (исп .). (Прим. ред .)

⁷³⁵ Нецензурное испанское выражение, аналогичное «Лучше шел бы ты подальше!». (Прим. ред .)

С левого борта на ракете МД-4 включился двигатель, подражая тепловому выбросу аппарата. Самолет стал падать. На высоте около двух тысяч футов пилот снова запустил роторы, но гиппо по-прежнему неудержимо неся к пенной стрелке полуострова – плотные нижние слои атмосферы должны были снизить вероятность поражения ракетами «воздух – воздух». Мы будто погружались в арахисовое масло без вяжущих добавок. На карте ракета висела рядом с неподвижной точкой – нашим самолетом – в середине экрана, то подкрадываясь потихоньку, то отступая назад. Когда до воды оставалось меньше двадцати футов, пилот вывел нас вверх по такой ровной параболе, что я чуть не вывернулся наизнанку. Мои яйца потащило куда-то в желудок, а потом по пищеварительному тракту в рот, но я успел проглотить их по отдельности, прежде чем они вывалились наружу. Клянусь, все так и было, и я явственно ощущал, что левое чуть больше правого. Внизу раздалось шипение, словно сработал клапан сброса на гигантской кофеварке, – красная точка пронеслась мимо нас, следуя к болоту. Я не видел удара, но ракета, вероятно, поразила цель всего в сотне футов перед нами – чуть ближе к заливу. По кабине прошла ударная волна, раздался треск – тук-тук-тук, – это композитный корпус гиппо расширился от жара. Стекло в брюхе самолета под воздействием давления подалось внутрь, а потом, покрывшись трещинами, вернулось в исходное положение. Галька застучала по нашему покрытому кевларом шасси, нас подбросило, а потом все вернулось в норму. Я переключился на хвостовую камеру. Увидел я только чаек в небе и каплевидный выброс пара размером с десятиэтажную порцию растворимого картофельного пюре. По какой-то причине у меня из головы не выходили мертвые рыбы-попугаи. Гиппо снова выровнялся и, набирая высоту, помчался точно на северо-запад, в сторону от Гондурасского залива.

– Ну, – сказал ОСВ, – у них еще осталось пять таких же херовин. Не будем тратить время.

Мы поднялись в тучи и полетели сквозь них. Что за хренота, подумал я. Если бы я хотел играть в солдатиков Джо,⁷³⁶ то завалил бы экзамены в университет, поступил в морскую пехоту, подделал бы свою историю болезни и вознесся на небеса в Ираке. Я вызвал четвертый канал по интеркому.

– Марена? – прошептал я. – У тебя все в порядке?

Я не мог ее толком видеть через камеры моего шлема, передо мной плавал значок.

– Все нормально, – раздался через несколько секунд ее голос. – У меня Макс на линии, я к тебе вернусь. – Щелчок.

Я почувствовал сильный запах рвоты с добавкой мочи и, возможно, фекалий. Кто-то испугался настолько, что выпустил все это из себя. Наверное, Майкл, подумал я. Слабак!

– Отвяжись, – сказал по радиоканалу ОСВ. – Башку снесу. Понял?

– Muercansen huescos, – огрызнулся гватемальский летчик. «Сейчас вы у меня сдохнете, суки».

Наша тревожная сигнализация «мы – цель» заработала. Бля. Новая волна паники нахлынула на меня, и я поглубже погрузился в обманчивую безопасность мягкого эргономичного кресла.

– Ана, давай, к чертям собачьим, разрешение на стрельбу! – крикнул пилот.

– Хорошо, – ответила она. – В жопу их. Целься, пли!

На моем мониторе появилась плашка с надписью, что ближайший к нам «команч» взят на прицел второй МД-4. В табличке характеристик указывалось: МД-4 – это многоцелевой БПЛА (беспилотный летательный аппарат). Они могли отвлекать на себя ракеты, как это случилось только что, но их можно было использовать и в качестве оружия. Они были медленнее, чем «Сайдуиндер»⁷³⁷ и ему подобные ракеты, но тем не менее могли зайти

---

⁷³⁶ «Джи Ай Джо» – игрушечные солдатики, выпускаемые американской компанией «Хасбро».

⁷³⁷ «Сайдуиндер» – управляемая ракета «воздух – воздух» с инфракрасной головкой самонаведения.

самолету в хвост и там взорваться. Я увидел, как вторая МД-4 отошла от нас и направилась к «команчам».

– Все, урод, помолись напоследок, – сказал ОСВ по радио.

Тем временем к нашему фюзеляжу приближалась вторая ракета.

– Эту я отвлеку сбросом фольги, – сообщил нам ОСВ по интеркому.

Я перевел обзор на хвостовую камеру, дал крупный план. Сзади повисли серебристые полосы, которые расцвели тысячами звездочек, словно гиппо рожал популяцию хромовых медуз. Каждая звездочка представляла собой небольшой самонадувающийся майларовый шарик с длинным хвостом ленточек и горячей сигнальной ракетой. На радарном слое карты между нами и вражеским аппаратом появилось большое пятно помех. На инфракрасном слое это напоминало тысячи тепловых точек. Примитивный бортовой компьютер был сбит с толку, и вся эта масса стала смещаться с нашего курса. В то же самое время пилот сделал свечу, совершая обманчивый маневр. Мы услышали высокий нарастающий звук, а потом понижающийся визг – вторая ракета прошла под нами. Вероятно, она где-то взорвалась, потому что мы больше не пытались уйти от нее. Гиппо взял курс на северо-восток. Наступило затишье, словно мы не бой вели, а так, совершали увеселительную прогулку. Но два «команча» медленно, но верно догоняли нас, двигаясь на восток и вклиниваясь между нами и низким солнцем. По всей видимости, они подойдут поближе, запустят одновременно две ракеты, и одна из них непременно достигнет цели.

Пауза тянулась и тянулась. «Мамочка тебя очень-очень любит, – говорила Марена Макс. – Ты лучший мальчик в мире». Я смотрел на две приближающиеся точки, на показания глубины водного потока под нами. Зеленая метка – наша ракета МД-4 – подбиралась к ближайшему «команчу». Тучи в окне носовой камеры напоминали поле складчатого пакового льда. Далеко на востоке из этой равнины над Кубинским рифом поднималась одна-единственная глыба кучевых облаков, похожая на купола из «Тысячи и одной ночи». Никаких летательных аппаратов там не наблюдалось. Наконец точка, обозначающая ближайшего к нам «команча», юркнула на юго-восток. Видимо, летчик понял, что происходит. Беспилотник подкрался к вертолету сзади. Он круто пошел вниз – с целью получить отражение своего теплового выброса от поверхности воды, – но было слишком поздно. В окошке видеозображения сверкнула небольшая желтоватая вспышка – взрыв МД-4, – а потом горизонтальной спиралью вытянулась оранжевая полоска горящего топлива.

– Dio reggo, – сказал пилот. «Неумехи долбаные».

«Слушай, догадайся, что случилось на матче по лакроссу», – говорил Макс.

Теперь мы были достаточно близко, чтобы видеть вертолет, который медленно плыл по воде в облаке пара. Вокруг разлетались маленькие сверкающие обломки. Из дыма и пара материализовался выталкиватель катапульты, словно тычинка, которая появляется на расцветающей лилии при замедленной съемке. Он поднялся довольно высоко, но парашют не раскрылся, и большое сиденье с пристегнутым к нему пилотом, словно помятый волан, упало в море по спиральной траектории, оставляя в воздухе розовые куски горящего пластика.

– Dios mio,⁷³⁸ – пробормотал ОСВ. По его голосу я понял, что он крестится.

– А второй катапультировался? – спросила Ана.

– Не думаю. И потом, эти хреновины такое фуфло, – сказал ОСВ. – Они никогда не срабатывают.

– Бля. Ответственность-то несую я, – вздохнула она.

Мы пролетели над местом крушения. Вода пузырилась. На видео возникло изображение второго «команча». Я думал, он будет стрелять, но он стал сдавать назад. Либо испугался, либо командование приказало ему не связываться.

Гиппо заложил вираж на север и под углом в двадцать пять градусов устремился к

---

⁷³⁸ Господи милостивый (*исп.*).

Гондурасскому заливу. Прошли ближайшую ко второму «команчу» точку. Ничего. Полет нормальный.

En todos modos. Может, еще и выкарабкаемся.

На главном канале царила тишина, и я кликнул по иконке «слушать всех». Там тоже все молчали. Никто не визжал, не радовался, не поздравлял друг друга – люди сидели тихо. Но не думаю, что они переживали из-за погибших гватемальцев. Дело было не в том, что инцидент перерос в серьезный международный конфликт. Просто мы в один миг стали кандидатами на скамью подсудимых, которым грозит серьезный срок. Вероятность не стопроцентная, конечно, но... К тому же мы еще не добрались до дома. Я обратил внимание, что мы опять летим со скоростью шестьсот километров в час, и переключился на шлем ОСВ. Он прослушивал коммуникационные полосы. Десятки голосов бешено вопили на испанском и на английском. Я уловил фразу «Собрать все имеющиеся...», и мне это очень не понравилось.

– Что происходит? – спросила его Ана.

– Дела наши плохи, – сказал он. – Кажется, Тиндалл⁷³⁹ высылает новых разведчиков. Вероятно, они уже связывались с базой в Белизе.

– Черт.

– Но они считают, что мы противная сторона.

– Отлично, – хмыкнула она. – Ну, что думаете?

– Скорее всего, нас сфотографируют, – ответил он.

– Блин.

Наивные аровцы все еще мечтали долететь до Стейка.

– Обожди секунду, – сказала Ана. – Как далеко до катера А?

– Около... полутора минут. Он в Нортист-Кей.

Я расширил окно на дисплее. Там появилось не менее двенадцати новых самолетов и вертолетов, включая два британских «Раптора F-22» из Белиза.

– У нас есть около четырех с половиной минут, – предупредил ОСВ. Он имел в виду – до следующей вражеской атаки.

Последовала короткая тяжелая пауза.

– Ясно, – кивнул а Ана и включила общий канал. – Внимание всем. Мы должны затопить самолет.

– Нет, постой, – спохватился пилот.

В его голосе слышалось разочарование. Конечно, жаль выкидывать на помойку хорошую вещь.

– Это никак не повлияет на жалованье, боевые выплаты или другие льготы, – сказала Вергара. – Данный вариант я считаю единственным приемлемым. Другой вариант – приземлиться в Майами и ждать, пока нас вытащат из тюрьмы. Не уверена, что они справятся к Рождеству.

– Но тогда весь проект – коту под хвост. Джед должен быть в Стейке, чтобы интерпретировать данные, – возмутилась Марена. – Свяжись с Уорреном – он скажет то же самое.

– Действуй, – приказала Ана, явно обращаясь к пилоту.

– Есть, – сказал пилот. – Выполняем.

– Давай.

– Мы получаем сигнал от уточки Альфа. Хочешь связаться?

– Передай всем: пусть ищут радиомаячки спасательных плотиков – не этот самолет. И это будет наша последняя передача. Они нас найдут. Верно?

– Верно.

– Еще одно. Все должно выглядеть так, будто нас сбили.

---

⁷³⁹ Тиндалл – база ВВС США во Флориде.

- Зачем? Для страховки? – удивился пилот.
- Ну да. А ты что – за свой язык не ручаешься?
- Нет-нет...
- Отлично, – подвела итог Вергара.

Мы направились на северо-восток через Лоренс-Рок и Рангуана-Кей – два звена в форме инфузории-туфельки в длинной цепочке живого прозрачного зеленоватого рифа.

- У нас нет механизма самоуничтожения, – сказал ОСВ.
- А детонаторы у вас есть? – спросила Ана.
- Да. Два.
- Ну вот и используй один из них, чтобы поджечь немного керосина.
- Тут нет выхода к топливным бакам, – пожал плечами ОСВ, – впрочем, я могу просверлить трубу.
- Прекрасная мысль, – сказала она. – Отлично. Какая высота волны?
- Пять футов, бурунов нет.
- Температура воздуха?
- Семьдесят четыре. Ветер пятнадцать на сорока.⁷⁴⁰
- Температура воды?
- Шестьдесят.
- Джендо, на связи?
- Да, слушаю.
- Ставь автоматику, чтобы нам опуститься пониже и замедлить ход над катером А.
- ВПВ, – произнес пилот, чье кодовое имя прозвучало впервые – Джендо.
- Только не попади в кубинское воздушное пространство.
- Да-да, конечно.
- И смотри не сядь кому-нибудь на голову, – встряла Марена.
- Как сможем, так и сделаем, – отрезал Джендо.

Он снизил скорость до двухсот километров. Мы пересекли Силк-Кейс и оказались над Мар-де-лас-Антиллас. Гиппо взял курс на темно-сиреневую линию Гольфстрима на коричневатом горизонте.

- Всем подготовиться, – сказала Ана. – Шлемы снять.

Я стянул шлем. В него был вделан вентилятор, однако у меня со лба капал пот. Моя бритая голова мгновенно заледенела от холода. Марена, Лизуарте, Майкл, Хич, Гргур и я, моргая, поглядывали друг на друга с интересом: мы так и не выяснили, кто же из нас траванул. Мы быстро снижались. Ана из хвостовой части протиснулась вперед. Она вытащила из шкафчика маленький лобзик, а затем уселась в кабине рядом с ОСВ.

– Сотри остальные диски, – напомнила она ему и принялась распиливать щель в инструментальной панели над головой, словно вскрывала консервную банку. Затем по громкой связи приказала: – Всем отстегнуться и надеть спасательные жилеты. Не забудьте про наушники.

- Давай, Джд, идем, – позвала Марена и протянула мне руку.

После нескольких попыток я кое-как выдернулся из кресла. Марена помогла мне надеть желтую жилетку. Я чувствовал себя так, будто она меняет мне памперс. Она подала мне обычные плавательные очки, потом нашла шлем наподобие велосипедного, с маленьким световым маячком на макушке, напялила его мне на голову. Тут я увидел, что остальные уже экипировались.

– Не вынимай наушники, хорошо? – посоветовала Марена. – И не выключай канал, чтобы можно было разговаривать с остальной командой. Понял?

- Угу, – кивнул я. – Понял.

Голова у меня оставалась ясной, как прежде, но движения стали неловкими. Должно

---

⁷⁴⁰ Скорость ветра измеряется в метрах (футах) в секунду на высоте около 10 м (40 футов).

быть, я сильно устал. Секс, стимуляторы, успокаивающие средства, ночь без сна, сильный стресс. Пожалуй, сосну немного на плотике. Нет проблем. Майкл (который вроде кое-что понимал в летательных аппаратах) протиснулся мимо меня с двумя большими желтыми тюками – сдутыми спасательными плотиками; к ним прилагались разборные весла и даже два навесных мотора с запасом топлива на милю. Ана вышла из кабины с мотком изоляционной ленты. Взглянув повнимательнее, я догадался: это жесткий диск из черного ящика. Она села на пол, наклонилась над этой штуковиной, вытащила небольшую пластмассовую коробочку из середины и принялась тыкать в нее отверткой. Майкл проволока тюки мимо сложенной погрузочной клетки и пристегнул их к рукояти у двери с левой стороны. Вероятно, оттуда мы будем десантироваться.

Ана встала.

– Все меня слышат? – спросила она.

Слышали все.

– Готовы к высадке? Приборы включены? Так, слушайте приказ. На первый плотик идет Джендо. Потом сразу же Аска и Пен-Пен. За ними Акаги и Козо. На второй плотик садится Зепп, затем Мардук и Широ. Потом я. Итого – пятеро на первом плотике и четверо на втором. Всем ясно?

Думаю, все поняли. Между нами, направляясь к хвостовой части, протиснулся ОСВ. Он присел, поднял крышку в полу и начал там копаться.

– Итак, – произнесла Вергара. – Помните: мы должны как можно скорее пересечь на катер С. Поэтому оставайтесь на связи. Вопросов нет?

Мы жестами выразили, что нам все понятно.

– Ваши жилетки автоматически раздуются, как только намокнут. Если нет – надуйте их через маленький ниппель. Все умеют падать спиной вперед?

Молчание.

– Как Жак Кусто, – пояснила она. – Кто не справится? Пен-Пен?

– Я дайвер, – ответил я.

– У него с этим проблем не будет, – пробормотала Марена.

– Никто не оставил на борту вещей, по которым нас могут опознать? Все отстегнулись? Пен-Пен?

Все были готовы.

– Помните, вам нужно всего лишь сидеть спокойно. Не дергаться. Мы всех подберем.

– Мы увидим катер секунд через восемьдесят, – сказал пилот. – Хочешь выйти с ними на связь?

– Больше никаких выходов в эфир, – строго произнесла Ана. – Они увидят маячки.

Она ударила кулаком по панельке в потолке, и большая дверь отъехала влево. Давление увеличилось, словно мы находились внутри шара, перекачанного воздухом. Черт, глаза слепит, подумал я. Мы были менее чем в десяти футах над гребешками волн, и даже на минимальной скорости казалось, словно мы несемся над водой на полном ходу. На горизонте висела полоса низких облаков. Над Нортист-Кей с цифровой ясностью светилась белая луна – рядом с Кровавой Зайчихой, уносящейся от Владык Ночи. Ана вышвырнула в дверь жесткий диск.

Сзади раздалось шипение, донесся запах WD40.⁷⁴¹ Я оглянулся. Рядом с ОСВ из пола хлестал фонтанчик. Он вскрыл один из смазочных трубопроводов и теперь возился с предметом, похожим на дешевые цифровые часы. Детонатор, подумал я. Черт. Пора сматываться. Самое время.

– Ладно, пошли, – скомандовала Ана.

Джендо (которому благодаря автопилоту теперь нечего было делать на борту) отцепил первый плотик, вытолкнул его из двери и исчез следом за ним, выкинувшись сидя.

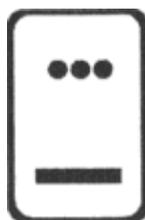
---

⁷⁴¹ WD40 – антикоррозийный спрей.

- Следующий, – прокричала Ана Вергара.
Марена схватила меня за плечи и заставила присесть.
– Давай. Три, два, один. Пошел.
– Постой, – хотел сказать я, но ветер залепил мне рот.

Взбаламученная вода под нами напоминала шлифовальный круг. Марена потащила меня за собой, и мы неторопливо вывалились из двери, словно чашка с блюдцем, соскользнувшие со стола на черепичный пол.

(65)

Мы летели в сиролоновом⁷⁴² шаре над Оахакой. Маленький открытый «Кайова СН-138» в противоположность гиппогрифу отличался неспешностью. До земли было футов пятьдесят. Крестьянские фермы сменились лесом, перешедшим в кустарник на подъеме к нагорью. Девять сорок утра, 29 февраля – день без имени, без святого, повторяющийся через каждые 1040 дней. В такие дни я всегда чувствовал себя везунчиком. Совсем нехарактерно для мая. Прошло пять суток после маленьких неприятностей в заливе, светило солнце, температура поднялась до шестидесяти восьми градусов. На высоте восемь тысяч четыреста футов над уровнем моря было свежо. Шестнадцать часов назад мы получили известие о том, что один из наших магниточувствительных спутников обнаружил магнетитовый крест.

Он находился в пределах одной из зон, обозначенных нами как безопасные, в том смысле, что тайник мог храниться там веками в неприкосновенности. Но почему Джед-2 закопал свои записи так далеко от Иша? Какого черта он, то есть я, туда забрел? Может быть, Джеду пришлось отправиться в Теотиуакан. И поэтому он решил спрятать сосуд здесь – боясь, что не вернется обратно в Иш.

Или он твердо знал, что так и будет.

Но главное – он сюда все-таки добрался. А это уже немало. Есть надежда, что мне в конечном счете удастся покончить с этим кошмаром.

Мы свернули на запад и направились к центру невысокого плоскогорья к северу от Коихтлауаки. Под нами проплывали сплошные заросли виргинской сосны и фукьерии. Прекрасное место для тарантулов. Наконец показался небольшой лагерь. С земли нам усиленно махали четыре крупных аровца из Мехико-Сити, одетые а-ля ковбои, но в чересчур новых и дорогих стетсонах.⁷⁴³ Подле аккуратной квадратной ямы со стороны в четыре фута стояли два навьюченных ослика, рядом были установлены параболическая тарелка геодезического радара, маленькие генератор и компрессор. «Кайова» плавно пошел вниз навстречу своей тени и сел, подняв тучи песка. Ана, Майкл, Марена и я выбрались из кабины. Вергара минуту-другую поговорила с аровцами. Остальные разглядывали яму. Бригада, действуя лопатами и отбойным молотком, успела углубиться на пять футов. Оставалось еще два, и теперь работники осторожно копали грунт пластмассовыми совками. Майкл сказал, чтобы они не слишком уж нежничали и заканчивали поскорее. Потребовалось еще сорок минут, чтобы добраться до какого-то предмета, похожего на ком окаменевшей

⁷⁴² Сиролон – пуленепробиваемый материал.

⁷⁴³ Американская фирма «Джон Б. Стетсон» с 1865 года выпускает широкополые шляпы. Слово «стетсон» нередко используется для обозначения ковбойской шляпы.

земли. Его достали и очистили щеткой. Мы увидели низенький широкий глиняный сосуд высотой приблизительно четыре дюйма и шириной около двадцати. Его крышка с бобышкой в виде лягушки треснула, под сколами виднелся коричневатый воск. Для хранения письма сосуд, пожалуй, был великоват. Мы поместили его в большой пластмассовый вакуумный ящик в хвостовой части «кайовы» и, взлетев, взяли курс на Ночихтлан (который, кстати, располагался не очень далеко от Зеленого озера, места взрыва в 2010 году), а оттуда направились в Сьюдад-Оахаку, где пересели на «сесну». Эшли-2 (помните любимую ассистентку Таро?) ждала на борту с картонным подносом, уставленным старомодными пенополистироловыми чашками с бустело. Я с удовольствием вдохнул фирменный запах жженой смолы (черт, как это здорово – пить свое родное пойло, а не это синтетическое фуфло от «Коны», что употребляют в Штатах) и взял сразу две. Мы повернули на востоко-северо-восток в направлении Стейка.

– Почему вы думаете, что это единственный из крестов? – спросила нас Эшли-2. – Джед должен был нам сообщить, искать его в этой гробнице или нет.

– Может, ему не удалось вернуться в Иш, – предположил Майкл. Он посмотрел на меня и добавил: – Прошу прощения.

– Ничего, – отмахнулся я.

Что же там за хрень произошла? У меня были причины проявлять интерес – помимо всего прочего, дело касалось меня лично.

– У нас вряд ли будет возможность вскрыть гробницу. Там, наверное, повсюду солдаты.

– Да, но тем не менее нужно как-то решать эту проблему, – вскинулась Марена. – Допустим, с гробницей Джед сумел все устроить, но тот тайник под вторым крестом откопали или повредили. Или у Джеда был резон не писать второго послания. А вдруг в этих записках разъясняется все полностью? Есть и другая версия: он кого-нибудь отправил сюда с заданием, поскольку сам не смог выбраться.

– Что ж, я постараюсь поскорее выяснить истину, – кивнул Майкл.

И он сдержал обещание. Шесть его аспирантов оборудовали подвал в Стейке под археологическую лабораторию, и через час после нашего возвращения мы уже смотрели рентгенографические и томографические изображения, а эти ребята, сменяя друг друга, попарно работали у большой герметичной, наполненной аргоном камеры из люсита, снимая восковую пленку. В сосуде оказалось семь предметов. Шесть из них – глиняные горшочки под крышками. С помощью томографа не удалось толком разглядеть содержимое, но в трех, похоже, лежали кости небольших животных. Седьмой была коробочка из необожженной глины размером с толстую книгу в твердом переплете. В ней хранились три майяские рукописи-гармошки, упакованные в грязноватую каменную соль. Вейнер сказал, что они с командой могут проявить текст, не вскрывая коробку, – так же, как Нюрнбергский кодекс, – но в аргоновой среде с древними книгами ничего не случится и будет быстрее вытащить их и прочесть обычным способом. На это уйдет около восьми часов.

Мы все, кроме Майкла, разошлись по спальням. Оставалось столько нерешенных вопросов, что праздновать победу никто не хотел. Я намеревался постучать в дверь Марены, но передумал. Я чувствовал себя слишком расстроенным, и в итоге разочарование охладило мой пыл – ведь, казалось, удача так близка... Шло международное полицейское расследование инцидента с гиппогрифом. Трудно было поверить, что в конечном счете копы на нас не выйдут. А патруль таки наткнулся на наше оборудование, брошенное на руинах Иша, так что наши надежды пробраться назад и попытаться оживить Джеда-2 представлялись несбыточными. Да и Отзынь так и не нашелся.

Ана Вергара в своем отчете написала, что, по ее мнению, Отзынь и навел на нас гватемальцев.

– Патруль вышел прямо на нас, – заявила она. – Не могли же они просто так прочесывать местность. А агенты в районе были вполне надежны.

Еще аровцы показали нам выписку с его никарагуанского счета – крупные переводы и

снятия денег. Но я им сказал, что это очень просто фальсифицировать. Даже видеозапись, на которой Отзынь снимает свои деньги, ничего бы не доказала. Он никогда бы нас не кинул. Не потому что не способен на это, а потому что ему от нас было обещано вознаграждение. Вероятно, выдал нас кто-то из так называемых надежных агентов АР из деревни. Уж слишком они тут раскидывались деньгами. Чем больше людей знают о деле, тем больше шансов его провалить. Да что там, с каждым новым посвященным вероятность предательства возрастает в десять раз. На самом деле, подумал я, хотя и не сказал об этом вслух, АР могли сами перевести деньги на счет Отзынь, чтобы было проще выдать его за предателя и таким образом прикрыть собственную некомпетентность.

Аровцы, пусть даже не они это подстроили, вину за случившееся возлагали на меня. Мол, я настоял на том, чтобы пригласить человека со стороны, – и вот смотрите, что получилось. Они предполагали, что Отзынь, кроме всего прочего, выболтал кое-что касательно проекта Чокулы. Но я все время повторял, что мне нужны реальные доказательства того, что Отзынь нас продал, иначе я в это ни за что не поверю. А уорреновские ребята не хотели слишком меня расстраивать, потому что я был им нужен, чтобы разобраться с игрой. Однако все косились на меня с подозрением. Даже Марена засомневалась. И я ее особо не осуждал.

Я проворочался в постели два часа, понял, что все равно не усну, прошлепал через двор в моих подарочных «кроках» в службу безопасности, проверил один из закодированных и постоянно отключенных от Интернета лэптопов и перелистал пэдэфку – 335-страничный отчет Департамента внутренней безопасности: результаты расследования банковских проводок в связи с диснейуорлдским ужасом. Отчет был плохо скроен, весь испещрен штампами «только для чтения» и «уровень секретности – серый», словно реквизит из шпионского фильма. В выводах говорилось: изотопы полония 209 и 210, рассеянные во время атаки, определенно изготовлены в Советском Союзе в 1980-е годы. Частицы измельчили до размеров бактерий сибирской язвы, а потому они вели себя как материал, который чуть ли не легче воздуха, а благодаря тончайшей углеводородной пленке они прикреплялись к водяным каплям стоявшего в тот день тумана – вполне вероятно, искусственно созданного. Все это наводило на мысли о профессиональной военной технологии. Вероятно, система управления процессом дисперсии была тщательно продумана, предположительно включала два водонапорных сосуда емкостью по сто галлонов и дистанционно управляемые клапаны с измерительным устройством. Но пока никто этих сосудов не обнаружил и даже не показал точного места выброса, хотя оно явно находилось где-то вблизи Лейк-Буэна-Виста.⁷⁴⁴

В докладе также сообщалось, что в настоящее время русские и казахские обогатительные предприятия производят около ста граммов полония 210 в год, в основном для использования в медицинских целях и в качестве антистатика. Над Орландо было распылено как минимум в тридцать раз больше, а такое количество на коммерческом рынке имеет стоимость более двух с половиной миллиардов долларов. И это не считая массы более дешевого изотопа 209, распространенного одновременно с 210. Кто-то, значит, гонит полоний втихую. Но даже если это обходится дешево и его не купили за наличные, а выменяли на что-либо, подарили или передали доктору Х – допустим, он прямой наследник или преемник изготовителя, – все равно где-то в этой цепочке фигурирует огромная сумма денег.

Конечно, ничего нового для себя я не выяснил, более того, некоторые подробности были мне известны даже лучше, чем спецам департамента. Безусловно, они вместе с американскими и союзными спецслужбами уже потянули за ниточку и начали распутывать этот клубок. Что вовсе не означало, что нам следует бросить работу. Мы просто должны

---

⁷⁴⁴ Город Лейк-Буэна-Виста в округе Оранж, штат Флорида, известен в первую очередь как штаб-квартира «Уолт Дисней уорлд ресорт».

были сделать ее лучше.

И сделаем, подумал я. Наше преимущество (кроме игры жертвоприношения) состояло в том, что мы пытались найти настоящего преступника, а следственные органы мало им интересовались. Единственное, к чему они относились серьезно, так это к увеличению собственного финансирования. Поэтому они наняли побольше новых людей, растянули сроки, чтобы с чистой совестью получить огромную кучу денег. Мы же были бережливы и работали эффективно. Возможно, доктор Икс провернул кое-какие операции с неотчуждаемым золотом. Нужно проверить золотодобывающие компании, подумал я. Африканские, например. Я закрыл лэптоп (потребовалось изображение моей радужной оболочки даже для того, чтобы его выключить) и посмотрел новости по Си-эн-эн.

Веселого было мало. Безработица в США достигла двадцати пяти процентов. Администрация сделала официальное заявление, в котором говорилось, что Господь наказывает нас за безнравственность и неверие. В таких штатах, как Техас и Кентукки, обязали всех соблюдать тишину утром и в полдень, когда на Южной лужайке Белого дома служили молебны, и сегодня к президенту по видео присоединились тридцать миллионов человек. В последнюю неделю армия, морпехи и ВМФ были преобразованы в единый род войск, который подчинялся гражданскому командованию; предполагалось, что ВВС и НАСА «вскоре объединятся в новую систему». Около двухсот тысяч военнослужащих уволили, а их вакансии заняли внештатные сотрудники. «Мудис» понизил рейтинг американских казначейских облигаций до простого А. Стоимость наличного золота перевалила за пять тысяч долларов за унцию. Вчера в Честере, штат Иллинойс, заключенные захватили исправительный центр Менард, а отряд полицейского спецназа, вместо того чтобы вести с ними переговоры, забросал их зажигательными гранатами, и здание сгорело вместе со всеми, кто в нем находился. На данный момент это решение полиции одобрили девяносто процентов посетителей сайта YouCount.gov. В Дирборне, штат Мичиган, ввели шариатский закон. За пределами Штатов тоже происходили всякие события. Более двух миллионов беженцев из Бангладеш пересекли границу Индии. Наши друзья из Гватемалы и Белиза снова взялись за старое. Впрочем, я об этом уже знал, поскольку теперь чуть ли не каждый день на границе стреляли. Биоинженеры из «СионТех» в Хайфе заявили, что им удалось вывести безукоризненно красную корову. И (понимаю, в данный момент это сообщение звучит смешно, по крайней мере для таких жестокосердных людей, как я) над Кубой набирал силу ураган «Твинки».

Конечно, в мощном объеме негативной информации была некоторая польза для нас – груда неприятных новостей могла запросто похоронить под собой инцидент с гиппогрифом. Лоуренс сказал, что у американских трехбуквенных агентств⁷⁴⁵ (а также разведслужб Белиза, Гватемалы, Мексики и британских властей в протекторате) сейчас на руках столько дел, что на расследование нашего случая они едва могут выделить двух-трех человек. В особенности когда дотумкают, что дело выеденного яйца не стоит – всего-навсего какой-нибудь миллиардер-наркобарон срочно вывез из Гватемалы партию наркотиков. В общем, шансы, что нам эта история сойдет с рук, весьма выросли. А страховые компании, возможно, даже возместят нам потерю гиппогрифа.

Перед рассветом я вернулся в лабораторию. Марена и Таро уже сидели там. Майкл, судя по всему, вовсе не выходил оттуда. Как и совершенно невыносимый Лоуренс Бойл. Теперь, когда мы, несомненно, добились некоторого успеха, он снова превратился в такого прижимистого корпоративного бухгалтера. В ярко-белом мире аргоновой камеры были разложены шесть последних страниц книги-гармошки. Странно было видеть непрерывные строчки зашифрованного текста, написанные моим собственным почерком. Эти страницы в обратном порядке снимали разными фотоаппаратами, установленными на кромке камеры, и последнее письмо моего двойника уже успели расшифровать. Тем временем с другой

---

⁷⁴⁵ Имеется в виду ЦРУ, ФБР, ДВБ.

стороны камеры открыли один из горшочков, и лаборанты в перчатках отделяли образцы от грязноватой массы смолы. Еще через час их отправят на анализ в лабораторию «Лотос» в Солт-Лейк.

– Хотите прочитать свои записки? – спросил Майкл.

Я хотел сказать в ответ что-нибудь саркастическое, но только кивнул. Он вывел текст на экран.

Странное чувство я испытывал. Будто слышал со стороны собственный голос. Но его-то я узнал бы, а вот представить то, что делал и видел мой двойник, воображения у меня не хватило бы. С одной стороны, меня одолевало смущение из-за того, что мне не удалось выполнить план до конца, с другой – я никак не мог поверить, что Джек (он или я) сделал так много. Я очень гордился собой, хотя даже пальца к этому не приложил (а может, именно по этой причине)...

[дешифровка]

Новое ключевое слово: jbnnuuidsxjwnnqobeooflcoptxsvqcdfehjmr

Джек де Ланда

По дороге на Освежеванные горы (Монте-Альбан, Оахака)

Команде Чокулы

Руины Иша, Альта-Верапас, РГ746

Вторник, 31 марта, 664 г. н. э., около 11.00

Дорогие Марена, Таро, Майкл, Джек и все все!

Сорок шесть бойцов – все, что осталось от нашего отряда, – прорвались через окраины Теотиуакана, и восемнадцать солнц назад мы в условленном месте присоединились к людям 14 Раненого. Он потерял почти половину своих соратников. Его разведчики говорят, что Пумы под предводительством Оторванной Правой Руки поубивали Гарпий и Детей Сотрясателя, не успевших покинуть Теотиуаканскую долину. Теперь они преследуют нас. Круг пожаров и разрушений (которые по большей части дело рук человеческих) ширится, как растущая карстовая воронка. Метрополия гибнет. Мы проходим через деревни, жители которых уморили себя голодом, потому что решили: раз наступил конец света, нет смысла принимать пищу.

Одни теотиуакане лишились жилья, другие боятся возвращаться в свои дома, поэтому они следуют за нашим караваном, который становится все длиннее.

Большинство этих людей – простые обыватели. Поэтому сегодня утром госпожа Кох послала около сотни герольдов (я использую это слово, чтобы передать сразу несколько смыслов: «сороходы», «вербовщики» и «миссионеры»), чтобы собрать двадцатки паломников боеспособного возраста. Их еще можно найти в землях озерной страны, не пострадавших от огня. Гонцы сообщат главам городов, которые скопом перешли в последователи Сотрясателя, что госпожа Кох просит встретиться ее в Акпактапеке, оахаканском городе Сотрясателя, – это в двух днях пути на запад. Мы призовем в свои ряды как можно больше обращенных семей – они послужат нам буфером, – а потом двинемся на восток к Освежеванным горам. Там Облачный Дом предложил нам убежище, поскольку у нас общий враг – Пумы. Оттуда, как только представится возможность, мы, избегая хожених троп, двинемся в глубь континента на восток и на юг – к Ишу.

Иными словами, мои шансы вернуться в Иш невелики. Поэтому я решил установить первый крест здесь, опережая расписание, пока не случилось

чего-нибудь. Я еще не освоил игру в необходимой степени. Но надеюсь, что в моих записках достаточно информации, чтобы реконструировать ее. А компоненты порошка дойдут до вас в сохранности, и вы сможете восстановить их химическим образом и даже клонировать. Напоследок скажу не без досады такую вот банальность: да, наверное, овчинка стоила выделки, но отсюда вещи представляются совсем в ином свете. Как бы там ни было, извините за мрачный тон... подробности позднее, если получится...

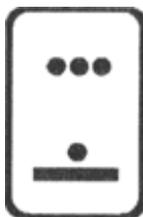
С наилучшими пожеланиями,

ДЖДЛ-2.

См. приложение.

P.S. Джд, не мог бы ты поднести еще немного сигар Махимону? Спасибо, ДЖ-2.

(66)

– Вот он, выжженный участок, вот она, поляна, – сказал я по-чолански. Взял немного табака, пережевал его и втер в пятно на внутренней стороне бедра. – И вот я заимствую дыхание сегодняшнего дня, Оша ла хун Ока, Оша ла уашака К’айяба, 13 Собаки, 18 Черепахи, десятого солнца, третьего туна девятнадцатого уинала, девятнадцатого к’атуна, двенадцатого б’ак’туна в полдень восьмого апреля Господа Бога нашего две тысячи двенадцатого года, в шестьдесят первый день рождения моей матери, за двести пятьдесят семь солнц до последнего солнца последнего б’ак’туна. И вот я прошу святого Константина, прошу святого Симона, которого мы, его друзья, зовем Махимон, защитить этот квадрат земли, взять под опеку это поле.

Я укоренился в сердце вращающихся миров.

– Квинчапо ва ’к’ани, плей саки пилей, – произнес я. «Вот я сею, вот сажаю, вот я разбрасываю красные черепа, белые черепа».

И кликнул по иконке «разбросать». Триста шестьдесят так называемых виртуальных семян разлетелись по экрану, работавшему на органических светодиодах. Он висел на стене темной звуконепропускаемой комнаты, которая с эргономической точки зрения была просто роскошной и находилась в сорока футах под игровым полем Гиперчаши Стейка. ОМОД задумался.

Я потянулся и поудобнее устроился в новом дорогушем и уродливом массажном кресле. Под манжетой тонометра у меня зудела левая рука. Я поскреб ее пальцами и сосредоточился на своих мыслях. Ну вот, приехали. В конечном счете все уперлось в онлайнный мир, я предполагал это. Потому что по большому счету я – только калькулятор. Все мы калькуляторы. Застряли в карьерах цифр. Забуксовали. И все-таки я сделал это. Именно я, Джд-2, должен был проникнуть в прошлое и увидеть Древний мир своими глазами. Города и мулы. Замороженных индеек и индейские заморочки. Птичьи ущелья повсюду...

ОМОД пикнул.

Я переместил красный череп на один тун к северу – на 28 апреля – и обозначил его как

к'ак'илиш. То есть День, Когда Может Случиться Все. Как в «Клубе Микки-Мауса». ⁷⁴⁷ В окошке появилась надпись: «Ваш ход».

Гм.

За последние три недели мы настроили ОМОД таким образом, что он мог работать как самообучающаяся поисковая система. Играя, вы одновременно открывали несколько окон и стимулировали поиск, давая определенные задания. Ребята Таро к тому же улучшили интерфейс, и теперь, когда я сражался с ОМОДом, мне порой казалось, что мой противник – человек. Но при этом максимум, что умела умная машина, – это делать правильные ходы. Далеко не лучшие, поскольку интуиция компьютеру ничего не подсказывала. Их можно было бы назвать «ходы по учебнику», если бы таковой существовал. Добавлю, что в интеллектуальных играх (шахматах, го, кути) ход по учебнику часто бывает неудачным. А иногда даже ведет к проигрышу.

Таро разочарованно вздыхал и сетовал, что не обнаружилось ни алгоритма, ни тайной формулы, ничего такого, чему можно было бы обучить компьютер, чтобы решить все проблемы. Таро хотел тем или иным способом покончить с этим делом. Он мечтал, чтобы ОМОД, его детище, смог справляться с любыми задачами, и желал этого так сильно, что почти уверился в победе. А вместо этого мы получили кучу новых правил и стратегий игры да к ним еще пять сосудов с порошками и частями животных. А это увеличивало возможности ОМОДа не более, чем чашка кофе, вылитая на жесткий диск. Я пытался объяснить Таро, что игра не сводится к схеме, это вообще образ жизни и нет тут никаких особых тайн, как нет тайн в игре на скрипке, но профессор был не в настроении слушать мои аргументы. Таро, ученый с головы до ног, считал: если решение проблемы нельзя вывести на доске, то она не имеет отношения к его *Welterklärungsmodell*. ⁷⁴⁸

И в самом деле, с чего мы взяли, что игру можно смоделировать на компьютере? Она была создана как некое подобие лупы, но не для глаза, а для мозга и, уж конечно, не для какого-то еще не изобретенного устройства. Компьютер, мыслящий как человек, – пока еще фантастика. И ОМОДу далеко от этого уровня. Пусть у машины громадный объем памяти, пусть она обрабатывает информацию с колоссальной скоростью, для нее это остается нулями и единицами.

Естественно, прежде чем отдать порошки в лабораторию, я попытался проглотить эту фигию прямо из сосуда, словно повидло. Но мне не позволили.

Я не думал, что сотоварищи проявят такое упрямство. Я твердил, что мы должны следовать указаниям Джеда-2, оценить принятую им дозу и повторить его опыт. Но хорошие ребята из лаборатории «Лотос» (психофармацевтическое отделение исследовательской группы Уоррена) хотели сначала сделать анализ полученных материалов. Они сообщили, что два активных компонента, вызывающих «явление тцам лик», представляют собой буфетонин – подобие триптамина – и бензамидное соединение, сходное с искусственными ампакинами типа СХ-717. В сочетании они колоссально повышали неврональную активность определенных участков коры головного мозга. Но еще более важным представлялся тот факт, что первые томографические испытания на морских улитках показали «беспрецедентный рост синаптической пластичности», то есть громадное увеличение числа новых нейронных цепочек, их типов и продолжительности существования в период действия порошков. Со временем эти вещества должны были вообще изменить форму человеческого мозга.

К седьмому числу лаборанты синтезировали достаточно вещества для проведения опыта над животными. Оказалось, что порошки действуют на организм поэтапно. В течение первой фазы наблюдалось значительное улучшение географической памяти и ориентации в

---

⁷⁴⁷ «Клуб Микки-Мауса» – американская детская телепрограмма, шла с 1955 по 1996 год.

⁷⁴⁸ Способ познания мира (нем.).

пространстве. Уорреновские ребята крутили морских улиток на гончарных кругах в темной комнате, а потом помещали их в новый неосвещенный аквариум, и те по прошествии минуты прекращали вертеться иплыли к восточному углу, где в их прежнем жилище подавался корм. Мы смотрели видео, на которых были сняты мыши, плывущие по водному лабиринту, – со второй попытки эти мелкие твари запоминали все ходы и разветвления, какие позволяли сделать размеры лаборатории. С обезьянами происходили еще более удивительные вещи. Макаки умеют бегать по канату, но когда их угостили порцией порошка, они стали гулять по раскачивающимся канатам в темноте, более того, по команде могли перепрыгнуть на тот канат, по которому прохаживались час назад. Лизуарте сказала, что эти средства повышают эквилибристические способности и по воздействию на мышцы напоминают пропранолол – бета-блокатор, который принимают многие исполнители классической музыки перед концертами. В течение данной фазы ай-кью увеличивался медленно до значений, несколько превышающих средние показатели. Это происходило даже с улитками (у которых, кстати, тоже есть интеллект, хотя ни одна из них не достигла уровня Гете). Макаки освоили десятки новых жестов. Они научились решать головоломки, которые поставили бы в тупик пятилетнего ребенка. И даже организовали массовый побег из клеток, когда одна из них в банный день нажала сигнал пожарной тревоги. Мы увидели настоящую сцену из «Секрета крыс». ⁷⁴⁹

По мере приближения интеллектуальной фазы к своему пику улучшались навыки, которые не имеют отношения к высшей деятельности мозга. Например, обезьяны обретали сверхчувствительность к цвету. Для сравнения: люди запоминают несколько тысяч цветов. Скажем, работники текстильной промышленности могут различать около десяти тысяч оттенков. Макаки же – всего несколько сотен. Но к третьему часу воздействия порошков это количество учетверилось. Еще одно наблюдение: улитки и (в меньшей, но значительной степени) млекопитающие стали гораздо более чувствительными к колебаниям дозвуковой частоты, к электрическому току в воде вокруг них или в полу клеток. Когда они вылизывали друг друга, одна искорка статического электричества могла вызвать у них крик. При увеличении дозы отмечались отрицательные эффекты, то есть помимо обычных тошноты, холодного пота и заложенности носа. «Онихофагия и трихофагия у *Mascas mulatta* переходили в хроническую фазу», – сообщалось в отчете. Иными словами, они начали обкусывать себе ногти и жевать шерстку. «А у *Aplysia californica* после многократного приема увеличенных доз возникала острая автосаркофагия». То есть улитки пожирали сами себя.

Доктор Лизуарте и люди из «Лотоса» оказались в затруднительной ситуации. Они, конечно, были знакомы с корыстным миром допинговых средств. Да что там, даже заходили разговоры о том, что мы могли бы – как бы по незнанию – заняться биопиратством. ⁷⁵⁰ Может, некая ослабленная разновидность порошка могла бы иметь блестящее медицинское будущее. Но как и многие большие компании, «Уоррен групп» вкладывала немалые деньги в борьбу с наркотиками – причем так активно, что, должно быть, эти ребята уверовали в ее действенность. К тому же вся их мормонская идеология не способствовала этой идее. Уорреновцы были законопослушны просто до тошноты. И это при том, что завязых наркоманов среди них хватало. Майкл Вейнер если не хлебал «банди» ⁷⁵¹ из фляжки, то поедал оксикодон, словно это были пастилки-печ. ⁷⁵² Тони Сик все еще принимал стероиды

---

⁷⁴⁹ «Секрет крыс» (англ. «The Secret of NIMH») – вышедший на экраны в 1982 году мультипликационный фильм Дона Блата по книге «Миссис Фрисби и крысы из NIMH» американского писателя Роберта О'Брайена.

⁷⁵⁰ Биопиратство – патентование средств и методов лечения, используемых в аборигенных культурах.

⁷⁵¹ «Банди» – разговорное название австралийского рома «Бундаберг».

⁷⁵² Печ – популярные конфеты австрийской фирмы «Эд Хаас Интернешнл».

и андростендион, хотя и бросил играть в полупрофессиональный футбол четыре года назад, а молодые специалисты из лаборатории курили коноплю и шесть раз в неделю устраивали сборища жирных белых уродов, на которых наедались экстази. Даже Таро принимал модафинил. Марена вернулась к пачке сигарет в день. Строительные рабочие до опупения нажирались амфетаминами, а их детишки хлебали толуол, и по меньшей мере половина мормонского персонала тайно глушила водку и «ред бул». Так что можно было бы предположить некоторые отклонения в генеральной линии. Ан нет.

Марена (она говорила со мной из Колорадо по новой зашифрованной сотовой линии, о которой, по ее словам, в фирме ничего не знали) сказала мне, что хочет немного расслабиться, и просила не торопить ход событий и не рисковать – меня могут выкинуть из проекта.

– Бойл и эти ребята всего лишь кучка бухгалтеров, – говорила она. – В сумме у них столько же любопытства, сколько у миски с протухшей кимчи.⁷⁵³

– Угу, – поддакнул я.

– Но каждый раз, просматривая отчеты, Линдси будет полагаться на них и выслушивать их мнения.

Еще она заявила, что ее беспокоит мое здоровье – не стоит принимать эту дрянь без врачебного наблюдения. Я ответил, что с ее стороны это очень мило, но она берет на себя сизифов труд.

– Ладно, ты там держись, – сказала она.

Так или иначе, 10 марта были получены результаты тестов на токсичность, проведенных на трансгенных юкатанских микросвиньях. Они сильно поумнели в ходе испытаний и пока не имели каких-либо серьезных проблем со здоровьем.

– Биохимический состав у них более чем на пятьдесят процентов совпадает с человеческим, – сообщила Лизуарте.

Это показалось мне вполне аргументированным, потому что поведенчески человек является свиньей больше чем наполовину. Я, конечно, предполагал, что «Лотос» проводит эксперименты уже и на людях, где-нибудь в Индии, к примеру, но эти деятели не хотят, чтобы об этом знал кто-либо посторонний. В особенности такой непредсказуемый хер, как я. В общем, они обещали, что через неделю дадут нам разрешение.

Однако не дали. Шестеренки календаря проворачивались в направлении 4 Ахау, а мы не подвинулись ни на шаг в своих поисках апокалипсика. Мир за пределами нашего маленького анклава катился к вырождению.

Восемнадцатого числа ребята из «Лотоса» наконец-то выдали почти по пол-литра каждого из порошков.

– Я же вам говорила, что у них получится, – сказала Лизуарте. – Они обеспокоены не меньше нас.

И в ее словах был резон. «Лотос» являлся частью корпорации, и его сотрудники не желали рисковать – эти беложопые республиканские расисты, мужланы и шваль, готовые перестрелять всех и каждого за свое право владеть оружием, скорее удавились бы, купив себе веревку за доллар, лишь бы не дать вам ни цента; они легко велись на всякую фигню вроде «просто скажи нет»,⁷⁵⁴ но в конечном счете все же оставались людьми. У них были семьи, банковские счета, амбиции, им требовались медицинские страховки... и они разбирались в математике.

Были составлены и подписаны необходимые документы. Из Солт-Лейк-Сити приехал

---

⁷⁵³ Кимчи – капуста по-корейски.

⁷⁵⁴ «Просто скажи нет» – лозунг, выдвинутый республиканской партией США с целью искоренения наркомании среди подростков.

доктор, чтобы обследовать меня и, как я догадался, прикрыть последствия и принять огонь на себя, если наши прожекты накроются медным тазом. Мне подсунили бумаги, и я их подписал. Может, не следовало это делать, но на всякие там тонкости не было времени. Девятнадцатого Лизуарте дала мне зеленый свет. Мне разрешили попробовать тридцать миллиграммов смеси хронолитического и тополитического порошков при условии, что за мной будут наблюдать по всем параметрам с воскресенья. Когда мне дали зелье в первый раз, я слишком забалдел, чтобы начать игру.

Симптомы включали головокружение, тошноту, светящуюся ауру (как при мигрени), временную потерю зрения, тахикардию и предсуицидальную депрессию. Меня поместили в звуконепроницаемую комнату. По словам доктора Лизуарте, когда ко мне пришла комиссия с проверкой, я соскользнул с кресла на пол, прокусил нижнюю губу и пытался раздолбить себе правую икру лоджитековской шариковой мышкой. Меня утащили в лазарет. Я убеждал их, что на меня накатывает по несколько раз в день и мне нужно всего лишь принять еще одну дозу, чтобы вернуться к работе. Но вместо этого мой организм очистили от порошка и перестали подпускать меня к лаборатории.

Я ужасно расстроился, хотя действия порошка уже не испытывал, ко мне вернулось мое обычное настроение. Чтобы заполучить это снадобье, я прошел огонь, воду, медные трубы и человеческие экскременты (все это по большей части досталось на долю Джеда-2, что сути дела не меняет), а мне теперь даже не дают им попользоваться. Лизуарте высказала предположение, что, возможно, высокоалкалоидный компонент плохо взаимодействует с моими лекарствами. А именно, он блокирует обратный захват глютаминовой кислоты, что приводит к избытку азота, эксайтотоксичности, идеации самокалечения и целой куче других неприятных эффектов. В течение следующей недели она заменила мои старые добрые модификаторы поведения на целый мафиозный коктейль а-ля «Дон Бичкомер»⁷⁵⁵ из более новых и агрессивных составляющих. Я посмотрел на дозировки, но список был таким накрученным, что у меня голова кругом пошла и я переправил его моему прежнему доктору в Майами. Он пришел к выводу, что это похоже на «стрельбу из пушки по воробьям», но я решил не отступать и все же попробовать. Как ни странно, новый набор оказался действенным. Прошло всего несколько дней, и мы получили нужный эффект: от прежнего Джеда практически ничего не осталось. Вместо беспокойного, мстительного троглодита появился этакий осторожный, вкрадчивый оптимист, которого тоже звали Джек. Новый «я» отличался редкой невозмутимостью. Вот, скажем (только для примера), Марена десятого числа улетела в Штаты к Макс, обещав вернуться через неделю, но прошел целый месяц, а она, похоже, не собиралась обратно. Марена объясняла это тем, что полеты стали небезопасными. Дела в мире и в самом деле шли наперекосяк. Люди покидали насиженные места. В очередях на таможенных пропускных пунктах приходилось стоять по десять часов. Авиакомпании припрятавали керосин. Большинство крупных аэропортов переоборудовали часть своих ангаров в принудительные карантинные пункты. И все же мне казалось, что миссис Парк просто придумала себе отговорку. Если бы Марена прибегла к помощи шайки Уоррена, они бы доставили ее сюда без всяких проблем. И вообще это было так не похоже на нее: оставаться в стороне, пока все мы тут бьемся над ее проектом. Может, она знала что-то такое, чего не знал я. Или видеть меня для нее стало невыносимо. Вероятно, она не хотела забирать Макса из школы. Мы с ней как бы съехались, вернее, просто спали вместе в сборном доме. Однако я считал, что наша близость крепнет... в чем начал сомневаться, когда она уехала. В обычной ситуации я бы бесился, дергался и тосковал по Марене, как трусливая собака. Но теперь, вспоминая о ней, я застывал на секунду, а потом мрачно возвращался к своим занятиям, как совершенно нормальный человек, смиренно принимающий свою дневную дозу отчаяния. Кроме того, Отзынь так и не нашелся. Поначалу я с ума сходил,

---

⁷⁵⁵ «Дон Бичкомер» – бар в Голливуде, открытый в 1930-х годах Доном Бичем, основателем сети ресторанов, баров и ночных клубов (*англ.* beachcomer – бездомный бродяга на побережье, перебивающийся случайными заработками).

думая о нем, и пытался искать его, а сейчас я спокойно ждал, что будет дальше. Может, моего друга, как и меня, засосало в черную дыру.

Еще я не был уверен в своих взаимоотношениях с законом. По меньшей мере шесть различных спецслужб продолжали расследование истории с гиппогрифом (хорошенькое название для нового посмертного романа Роберта Ладлэма⁷⁵⁶) и в итоге вышли на «Административные решения» – значит, и нас всех рано или поздно зацепят. Мало того, уорреновские дельцы позволили Сику и нескольким другим стажерам попробовать порошок, и выяснилось, что на них он оказывает нужное действие. Сик изучил записки Джеда, опробовал новую раскладку игры и, получив кровавую молнию, обставил меня в два счета. В обычной ситуации, с апокалипсником или без него, я бы от зависти с ума сходил. Но теперь я продолжал работать как ни в чем не бывало.

Второй прием снадобья дал утешительные результаты. Я сыграл две партии, и все было нормально. После пятой дозы я уже бросал четыре камня не хуже, чем два. Я спросил, нельзя ли увеличить дозировку. Лизуарте запретила. Девять дней назад я завершил игру с пятью камнями. Нынче я совершенствовался с шестью, а вчера даже заглянул в ошеломительный мир семи. Но повторюсь, игра жертвоприношения с семью камнями не вдвое сложнее игры с шестью, и не в семь раз, и даже не в сорок девять. Она сложнее в 7! раз, то есть в 5040 раз. Так что, глядя на вещи трезвым взглядом, я не мог представить, что с такими темпами доберусь до восьми камней, я уж не говорю о девяти – да ни в жизни. Тем более за два месяца. Иногда, читая в письмах моего двойника о том, что проделывала эта его госпожа Кох, которая не просто играла девятью камнями, но и использовала в качестве бегунков животных, а потом выкидывала трюки с паутиной, я склонялся к тому, что автор преувеличивает. Однако Джед-2, как и Джед-1, был не из таких.

Двадцать первого числа Лоуренс сказал, что он (а это означало – Линдси) хочет, чтобы я поработал над диснейуорлдовским ужасом. Я ответил, что собирался заняться апокалипсником, и воззвал к Таро и Марене. Мы решили потратить два дня на поиски доктора Х. По их мнению, если мы его вычислим, Департамент внутренней безопасности станет с нами считаться. После этого все связанное с 4 Ахау будет восприниматься со всей серьезностью, каким бы странным это ни казалось. Таро и Марена убедили меня, хотя я подозревал, что за их словами скрывается нечто большее. Я тем не менее уже перечитал записки Джеда об игре с госпожой Кох, в которых упоминался доктор Икс, и они явно вызвали кое-какие ассоциативные озарения. Хотя, возвращаясь к посланию снова и снова, я понял: что-то раздражает меня. Во-первых, в нем содержалось всего около сорока тысяч слов, что очень немного, когда вы пытаетесь вспомнить мельчайшие подробности, считая, что впоследствии они могут оказаться важными. Во-вторых, меня выводил из себя стиль. В нем сквозила этакая самодовольная ленивая напыщенность, от которой я просто скрежетал зубами. Понятно, он (я) работал в трудных условиях, но все же... бывает, что сам себя начинаешь бесить, даже если ты не разделился на две части. Я в очередной раз делал ставки на диснейуорлдовский ужас, пытаясь сообразить, по какой причине Джед проникся уверенностью, что доктор Икс – личность известная. Внутренний голос подсказывал, что имя этого злодея я хорошо знаю, хотя и не встречал его лично, он жив в настоящий момент и успел всюду побывать. Может быть, мы эту кандидатуру уже рассматривали, но отвергли или даже не брали в расчет, ибо деятельность его казалась совершенно прозрачной. Как писал Джед-2, это человек, «который когда-то отчасти вышел на свет, но теперь снова был в темноте».

Ха!

В тот день я пришел в свой бокс с опозданием и начал играть только в полдень. Я пытался соединить игру с поисковыми системами ОМОД я и задавал разные темы. Секретные контракты. Оффшорные банки на Кайманах. Чиновники, живущие не по

---

⁷⁵⁶ Роберт Ладлэм (1927–2001) – американский писатель, автор ряда бестселлеров, актер и продюсер.

средствам. Самолеты, яхты и «бугатти» во владении людей с мизерным жалованьем. Выигрыши в казино. Жены, наследующие в сто раз больше, чем кто-либо мог предположить. Антиквариат, предметы искусства, старые ювелирные изделия с новыми камнями. Что угодно. Думай. Quid bonum?⁷⁵⁷ Ищи большие доллары...

Черт. Не пробиться.

Я попробовал еще раз, просеивая один циклопический блок данных через другой, а потом выявляя точки пересечений. Надо выйти на денежный след, найти крупную сумму. Давай. Вперед. Маммона по правую руку от них. Думай, думай. Тут явно задает тон один человек. Уж слишком все связно для группового мышления. А что касается вопроса «кому выгодно», то это в некотором роде довольно просто. Любой военный подрядчик в мире оказывается в выигрыше. Скажем, это один из них. Кто именно? Чьи акции подскочили больше всего? Кто на втором месте после лидера? Соображай. Ну, скажем, это корпорация А. Вот только большей частью ее акций владеет корпорация Б. Но на самом деле лучшее положение у корпорации В, потому что ее купит корпорация Б. Или корпорация Г провернет сделку по приобретению всех прочих. В ту сторону. Или в эту. В эту. В ту. Прыг-скок. Цепочки причин. Цепочки следствий. Русские матрешки. Русские фабрики по производству матрешек, выпускающие сиамских матрешек. Внутри матрешек космического корабля многократного использования. Сторазового использования. Думай. В любой цепочке есть слабое звено...

Ммм.

Так. Тут явно фигурировали деньги, и передо мной начали вырисовываться размытые контуры... Чья-то голова... Я почти видел ее внутренним зрением, на эмоциональном уровне, чувствовал ауру ненависти, исходящую не столько от самого человека, сколько...

Да. Ненависть других людей.

Он изгой.

Давай. Думай.

Богатый, влиятельный, но его никто не любит. Его презирают даже те, кто на его стороне. Кто-то потерпевший поражение. С перекошенным лицом. Он отвечает моим худшим подозрениям. Его многие считают истинным воплощением зла. Какой-нибудь изгнанный имам? Этот тип из Мьянмы? Нет, не он. Черт побери, я глупею к среднему возрасту.

Истина слишком близка, ответ лежит на поверхности, поэтому я не могу его нащупать. Может, я уже отверг этот вариант раньше – так иногда человек ищет повсюду ключи от машины, не обнаружив их в карманах. Наконец, перевернув вверх дном весь дом, он находит-таки пропажу у себя в кармане, потому что с самого начала сунул туда руку и перепутал ключницу с кошельком или решил, что это ключи от дома, и этого было достаточно... ну, вы сами знаете, как оно бывает. Давай же. Вперед. ОМОД делает ход. Я делаю ход. Цепочка событий. Цепочка, цепочка, цепочка, пищевая цепочка. ОМОД делает ход. Я делаю ход. ОМОД делает ход...

Опа. Вот же оно.

Восемнадцать миллиардов евро. Да, была такая сделка. Подробности неохотно выплыли после клика, словно механизм древнего проржавевшего замка. Дверь со скрипом открылась.

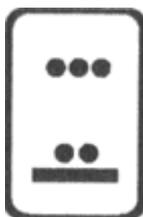
Не Ричард. Компания.

Попался.

(67)

---

⁷⁵⁷ Кому выгодно (лат.).

Я предполагал, что ДВБ и всем другим службам хорошо заплатили и, когда мы назовем преступника, ничего не произойдет, разве что они попытаются отделаться от нас. Но правительство явно не успело объединиться, потому что, как ни удивительно, утром двадцать восьмого ФБР провело одновременные налеты на офисы компании «Халлибертон» в Хьюстоне и Бейкерсфилде, на здание компании КБР⁷⁵⁸ в округе Гаррис, а также на двенадцать других офисов, а кроме того арестовала сто десять серверов, принадлежащих либо «ДинКорп»,⁷⁵⁹ либо ассоциированным фирмам, контролируемым группой «Карлайл». Было арестовано двести сорок три человека. И по словам Лоуренса, узнавшего об этом от Линдси, который явно получил информацию либо от какого-то инсайдера, либо от самого Господа Бога, фэбээровцы нашли файлы, имеющие отношение к способам распыления полония. А на одном из серверов был обнаружен меморандум, и в нем говорилось, что централизованное управление армией является «приоритетом номер один». Думаю, когда всплыли подробности, связанные с деньгами, доказательства стали неопровержимыми. Краткая версия сводилась к тому, что заговорщики воспользовались системой хавала,⁷⁶⁰ следовательно, все они – члены исламистского клана, которые доверяют друг другу и обходятся без финансовых отчетов. Физически средства никуда не перемещались. Несколькоми годами ранее (в 2006 году) двое владельцев отеля в Дубае наняли каких-то подрядчиков, зарегистрированных в Москве, для строительства частных шоссе и взлетно-посадочных полос и позволили им немного завысить цену. Те смогли вернуть долг другой фирме (возможно, одной из компаний, влившихся в «Лукойл»), которой «по наследству» достался незадокументированный полоний 210 от производителя. Потом люди из «Карлайла» показали заниженную цену на строительство отелей в Иордании и Ливане для этой сети. Десятки сделок заключались полюбовно, на основании устных договоренностей. Может, вы решили, что при такой системе все будет шито-крыто? Напрасно. Дело в том, что восемнадцать миллиардов – все же деньги немалые даже для нашего времени и бо льшая их часть засвечивалась на тех или иных депозитах. А с новым банковским законодательством и благодаря увеличению эффективности поисковых систем становится все легче и легче отыскивать депонированные суммы, совпадающие с оценочными украденными объемами. И когда ОМОДу и его «коллегам» из ДВБ корректно поставили задачу, они стали перемалывать информацию, пока не выявили две одинаковые схемы (это все равно что сличать отпечатки пальцев). Их идентичность послужила убедительным основанием для обращения в суд.

Но этого было недостаточно, чтобы выписать ордер на арест самого Чейни (он все еще оставался «подозреваемым»). Естественно, его предупредили – и теперь ищи ветра в поле.

Да, лови его теперь, думал я. У этого кота больше тайных местечек, чем у программы размещения ракет «Атлас». Если броситься за ним в погоню, его станут перевозить из одного укрытия в другое и мы каждый раз будем опаздывать на один шаг. Ну, свою работу я сделал. Удовлетворения особого я не получил, но где его найдешь в нашей жизни... Возможно,

---

⁷⁵⁸ КБР (бывшая «Келлог, Браун энд Рут») – дочерняя компания «Халлибертон».

⁷⁵⁹ «ДинКорп» – фирма, являющаяся подрядчиком Министерства обороны США, занимается обслуживанием самолетов.

⁷⁶⁰ Хавала – неформальная финансово-расчетная система, используемая преимущественно на Среднем Востоке, в Азии и Африке.

позднее появятся еще результаты. И потом, под колпак попадет немерено народу, кто-нибудь да заложит его. Пока что реакция прессы по поводу рейдов – сплошные предположения, но, вероятно, на этой неделе произойдет большая утечка информации.

Или я сам развоню. Как только будет окошко. Сперва разделаюсь с неотложными проблемами.

Дела в мире шли все хуже и хуже. Бангладеш практически полностью осталась без электричества, питания, воды и закона. Меч Аллаха обрушился на американские базы в Пакистане. Согласно пресс-релизу ФАУЧС, начальные оценки последствий катастрофы во Флориде были преуменьшены. По сегодняшним прогнозам количество жертв в течение ближайших нескольких лет составит около шестидесяти тысяч, таким образом, в общей сложности число погибших в ходе диснейуорлдского ужаса превысит сто тысяч. Приблизительно 124 030 человек, прикинул я. США не могли обеспечить уход за такой массой больных, а потому за океаном началось строительство лечебных комплексов, а в штате Флорида возводили крупнейший в мире хоспис-парк с самым современным оборудованием. К настоящему моменту было зарегистрировано четырнадцать ложных тревог в крупных городах по типу атаки в Орlando. Все они оказались «сухими», то есть в них отсутствовал полоний, однако население эвакуировали, что обошлось в миллиарды долларов. При этом спрос на старые взрывчатые вещества многократно вырос. Два дня назад в Декалбе, штат Иллинойс, смертник погубил восемьдесят человек. Как и многие из подобных инцидентов, декалбский состоял из двух этапов – сначала была взорвана большая бомба, уничтожившая жилой дом, а тот, кто это сделал, наблюдал за происходящим через бинокль, а затем бросил себе под ноги ручную гранату. Следователи почти единогласно пришли к выводу, что данный случай – по их терминологии, «самостоятельное» событие, которое не носило идеологического характера, а относилось к набирающему популярность тренду самоубийств – их совершали спятившие обыватели. Они были сыты по горло такой жизнью и хотели забрать с собой как можно больше местных чиновников, однокашников, коллег. Эти ненормальные несколько лет назад удовлетворились бы десятком людей – перестреляли бы их, и делу конец. Но хуже всего, что игра жертвоприношения свидетельствовала: апокалипсик не отказался от своих намерений.

К последнему дню марта, по вероятностным расчетам ОМОДа, мир (говоря очень общо) достиг перманентно критического состояния. Человеческая история подошла к черте, когда малейшее нарушение равновесия может вызвать лавину, которая погребет под собой всех. Люди поддавались апокалипсическим настроениям; даже если мы остановили первого (все еще гипотетического) апокалипсика-одиночку, очень скоро появится другой. А потом еще и еще, с нарастающей частотой, сперва по одному в два-три года, а потом каждый месяц, каждый день и так далее, до тех пор пока не свершится неизбежное. Пусть действия первого апокалипсика не увенчались полным успехом (всего лишь затронули один континент), однако, как писали в отчетах, «число жертв в столь крупном масштабе вполне может застопорить функционирование любого общества до такой степени, что оно будет весьма уязвимо в случае продолжения потрясений». Эшли-2 сформулировала иначе: «Иммунная система мира сильно сдала, и малейшая простуда того и гляди станет смертельной».

Я не уставал повторять, что мы должны серьезнее подходить к вопросу дозировки. Лизуарте же тянула время. С четвертого апреля меня мучило предчувствие, что мы опоздали. В лучшем случае у нас оставались день-два. Ничего конкретного сказать я не мог, но мне не нравилась дата, на которую указал ОМОД, – 20 апреля. Она всплывала не раз. В каком-то сером венчике, как мне мерещилось. Не потому, что это был день бойни в «Колумбине».⁷⁶¹ Просто он представлялся мне какой-то точкой невозврата. Может быть, апокалипсик использует еще одну бомбу-вирус замедленного действия, которая даст о себе знать 4 Ахау,

---

⁷⁶¹ События, относящиеся к 20 апреля 1999 года, когда в школе «Колумбина» (штат Колорадо) двое учащихся расстреляли из автоматического оружия своих соучеников и учителя и покончили с собой.

а сработает по-настоящему 28 числа, или он запрограммирует взрыв обычного заряда либо другую цепную реакцию. Моя тревога нарастала. Наступило время для слова с буквы С. Сильнодействующего.

Легко воровать у того, кто тебе доверяет. Конечно, провести доктора Лизуарте будет трудно, но Таро тоже имел доступ к холодильнику с препаратами, а его лаборатория вовсе не напоминала банковский сейф. К тому же теперь у меня с Эшли-2 было... ну, в общем, у нас с ней завязался маленький романец, потому как Марена отсутствовала, муж Эшли застрял в Пекине, а мир проваливался в тартарары. Ничего серьезного – некое подобие мастурбации в медицинских целях. Эй-2 была не из тех курочек, которые бросаются в глаза, но вообще-то, если снять с нее очки, лабораторный халат и отвести в темную комнату, она вполне могла сойти за полненькую сестренку Чжан Цзыи.⁷⁶² Эшли пыталась научиться играть (что выходило из рук вон плохо, она отставала от всех), и я давал ей специальные уроки за некоторое вознаграждение. Не ахти что, я вам доложу. Но ко всему прочему, она сэкономила для меня немного снадобья из собственных доз, и на данный момент у меня накопилось лишних четыреста восемьдесят миллиграммов. Тополитический компонент в жидкой форме хранился в сцинтилляционных флаконах емкостью по сорок миллиграммов, и я залил в гелиевую трубку с воздушной форсункой целых триста миллиграммов – десять моих стандартных доз. В звуконепроницаемой комнате не обнаружилось ни одной камеры, тут еще не ввели строгий режим, и все же я слегка опасался быть пойманным на месте преступления. Я отвязал от предплечья маленькую стальную трубочку, просунул ее под эластичные трусы и примотал лентой к бедру (которое не натирал табаком) изнутри, а потом надавил на кнопочку. Раздался шипящий звук, будто кто-то медленно отвинчивал крышку с бутылочки «шасты». Возникло ощущение, что в моей ножной вене появился и начал медленно таять осколок льда.

Если я все правильно рассчитал, то через двадцать минут в мою кровь поступит одна пятая того количества, которое принимала госпожа Кох во время последней игры с Джемом-2. Ну, она-то всю жизнь вырабатывала привычку к этому снадобью. Лотосовцы, эти перестраховщики, сказали, что такая доза может оказаться смертельной или разрушит мой гиппокамп. В любом случае, если у меня начнется приступ, ребята Лизуарте прибегут с успокоительным и вернут меня в норму. Медики в наши дни могут все. А сейчас предстоит решить гораздо более трудную проблему. Сосредоточься, Джек.

Я поместил первый из девяти черепов на 28 апреля и увеличил быстродействие ОМОДа. Давай напряги кремнивые мозги. «Думаю» – появилась иконка на экране. Я огляделся со своей новой позиции. Вернее сказать, слово «огляделся» может ввести в заблуждение – теперь, когда кровавая молния неслась по моим артериям, я ощущал малейшие всплески и вибрации в прошлом и будущем, казалось, каждый атом моего тела имеет соответствующую частицу на игровом поле. Вероятно, это аналогично тому, как слепые с имплантированными камерами и языкоглоточными электродами видят своими языками...

Бип.

ОМОД сделал два шага к центру.

Гм.

Я передвинул бегунок вперед. Меня охватило чувство, которое испытываешь, поднимаясь по лестнице, – одновременного расширения и сжатия. Описать его трудно. Попробую с точки зрения эмоций – представьте, что вы провели всю жизнь в маленьком городке, знаете его вдоль и поперек, но вам никогда не попадалась на глаза карта этого места. А теперь вы поднялись на высоченную радиомачту, только что воздвигнутую в центре, и впервые рассматриваете свой родной город сверху. За несколько секунд вы сделаете множество удивительных открытий. Вы поймете, что районы, которые казались

---

⁷⁶² Чжан Цзыи (р. 1979) – известная китайская актриса.

такими далекими друг от друга, на самом деле находятся в тесном соседстве, а перпендикулярные вроде бы улицы в действительности пересекаются под нелепым углом, квадратные парки имеют форму трапециевидов, громадные с виду здания меньше домов, которые снизу выглядят невысокими, и все это будет для вас новым, иным ракурсом восприятия. Он был бы вам недоступен, если бы не увидели город с высоты, – проживи вы тут хоть сто жизней.

Однако открывшаяся картина не веселила меня и не будоражила мое воображение – она пугала. Впрочем, так случалось всегда, когда я начинал игру. Это естественно, ведь все чувства обострены.

Читая про животных госпожи Кох, я удивлялся не так сильно, как мой двойник. На самом деле я сам себя все время использовал в качестве обезьяны. Чтобы хорошо играть, полезно испытывать некоторый мандраж. Даже если ты работаешь для клиента, который тебе безразличен. Ты должен оглядываться, как это делают дикие животные, которые в каждой тени видят хищника. Чем больше ты осознаешь истин, тем страшнее тебе становится. Твое могущество кажется тебе эфемерным. Ты начинаешь бояться не только за себя, но и за своих диких собратьев, которые окружают тебя в несметном количестве. Вместо того чтобы наметить пути бегства, ты застываешь в горестном озарении, наблюдая, как стадо сородичей мечется в этом далеко не безопасном месте. Неопределенность и ненадежность твоего сознания повергают тебя в отчаяние, и чем выше ты поднимаешься по лестнице, тем сильнее неуверенность. Перед твоим взором предстают настоящее, прошлое, будущее, перестановки и сочетания множества событий (триллионы вероятностных случаев – допустим, что могло бы произойти, если бы ты не родился), а потом даже противоречащее действительности настоящее, несуществующее будущее, невозможные миры, вселенные с медленным слабым светом и мощной гравитацией, где два плюс два равно единице или, скажем, грейпфруту. И это не вызывает у тебя любопытства. Только панику.

Но если тебе удастся преодолеть головокружение, ты заметишь новые закономерности. Я уменьшил окно игрового поля на видеостене и принялся разглядывать роящийся вал информации. В данный момент ОМОД просеивал сведения, касающиеся людей с одинаковыми именами, и проверял, насколько информация соответствует действительности. Говоря «сведения», я имею в виду все – занятия, генеалогию, онлайн-сети знакомств, кредиты, покупки, школьные отметки, дни рождения, фотографии, хобби имеющиеся и потенциальные, сведения о посещении сайтов, оценки гаплотипа,⁷⁶³ перекрестные ссылки, историю болезней, лавину фактов и фальсификаций на всех языках земли, человеческих и машинных. Я максимально приблизился к суммарному знанию, которое открыто лишь Богу, это значительно больше, чем может откопать Google, потому что он только отвечает на запросы людей, зачастую не хватающих звезд с неба. Целенаправленный отбор данных должен быть жестким. Я не хочу сказать, что следует сосредотачиваться на конкретной детали, как при поиске слова. Нет, ваши действия скорее напоминают разглядывание картинок из «Волшебного глаза»⁷⁶⁴ – вы пытаетесь смотреть сквозь бумагу, в точку, которая словно находится на глубине в несколько футов, и если не будете обращать внимание на всякие закорючки, то различите форму (точнее, пространство, хотя и это неверно, ведь перед вами плоскость и ничего более; причем если вы закроете один глаз, то вообще ничего не увидите). Сосредоточьтесь на изображении, возникшем из хаоса, и оно станет объемным и глубоким, а в следующий момент вы поймете, что именно там нарисовано. По мере того как порошок Рулевого впивался в мою нервную систему, я будто медленно открывал свой второй глаз; вот какие-то контуры проступили на востоке, и

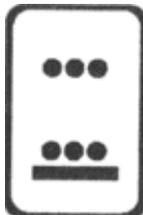
---

⁷⁶³ Гаплотип – комбинация аллелей (разных форм одного и того же гена) на одной хромосоме.

⁷⁶⁴ «Волшебный глаз» – название книг с изображениями, при разглядывании которых возникает иллюзия трехмерности.

теперь мои зрачки медленно фокусировались на предмете или явлении, скрытом за водопадом имен, дат, цифр, квинтильонов зернышек мусора, из которого складывается этот чудовищный мир, и я начинал прозревать нечто состоящее из всего названного, но им не являющееся. Оно зловеще маячило впереди.

(68)

ОМОД сделал ход. Я сделал ход. Он ответил. Я двинул череп в направлении этой формы. Судя по всему, это могла быть разрушенная пирамида или потухший вулкан, но ужасно траченный временем – весь в трещинах и камнепадах. И чуть ниже вершины виднелось что-то странное, выступ, похожий на гигантскую бородавку. ОМОД опять сделал ход.

М-да.

Я продирался сквозь информационную пургу. Столько шума и такой слабый сигнал. Это напоминало снег телепомех на экране телевизора. Компьютер сделал ход. Гм. Не то. Нашупывать путь становилось все труднее. Все меньше и меньше кочек в болоте.

ОМОД сделал ход. Возможные варианты вспыхивали и гасли передо мной. Я шагнул вперед. Появилось ощущение, будто я поднимаюсь по высоким, кривым, разбитым ступеням. Вокруг выступали крупные фигуры, но я не сумел их рассмотреть и даже вообразить – ты не видишь ландшафт игры, скорее, обретаешь внутреннее представление о нем. Я напоминал себе того слепого альпиниста, который продолжает устанавливать рекорды в Тибете.⁷⁶⁵ Поскольку он не может обозреть всю картину целиком, ему приходится собирать информацию по крупицам, нашупывая путь по траверсам между пиками, а потом составлять для себя модель маршрута, тщательно и последовательно, словно нанизывая бусы на нить. Ступеньки поднимались к 4 Ахау. ОМОД сделал ход. Я ответил. Вверх, вверх. Давай. Звук – нет, воспоминание о звуке слетело сверху, я слышал слабое неравномерное бормотание, голос из прошлого... Подобно тому, как забытое слово готово сорваться с языка, образ обретал законченность в моих мыслях. Но мне никак не удавалось вылепить его. Забудь об этом, Джед. Сосредоточься. Я понял, что на вершине есть полость, мы на чоланском называем это к'отб'ах, пещера в небесах. ОМОД старался скинуть меня со склона. Я ввел в игру еще один череп, установил его. Машина отреагировала. Гм. Еще несколько шагов... Так. Я двинулся вверх.

Выше и выше. Под ногами крошился ржаво-красный камень, словно я оказался в бэдленде. Я поднялся над кронами деревьев. Мы сделали по ходу. Теперь я был так высоко, что даже кондоры не залетали сюда. Я стоял на западном склоне горы, который еще хранил дневное тепло. Съездившееся солнце было другим, не тем, которое встает и садится каждый день. К закату клонилось светило б'ак'туна, 394-летнее солнце, которое достигнет зенита только 4 Ахау. А поскольку мы находились на другой стороне мира – можно сказать, на отраженной стороне, – оно восходило на западе.

Вверх, вверх. Я сделал ход.

Так.

Последовала пауза.

---

⁷⁶⁵ Подразумевается Эрик Вайхенмайер (р. 1968), всемирно известный слепой альпинист, покоривший Эверест.

Я словно очутился внизу, на плоскогорье или на *tablero*,⁷⁶⁶ раз этот курган представляет собой руины мула в теотиуаканском стиле. Недалеко впереди зиял широкий зев в ровном уступе, неровный, перекошенный овал, а за ним – длинный ход в глубь горы, а дальше начинался следующий подъем, пологий *talud*...⁷⁶⁷ а потом на краю следующей террасы я различил гигантский неровный тускло-оранжевый в сумерках булыжник. Я пробирался вперед, непрерывно сражаясь с неутомимым ОМОДом.

Звук усилился, лучше сказать, тень звука стала резче. То низкое бляение, то чувственный рев исходили из норы. По раскатам эха можно было определить, что пещера превышает размерами гору и при этом заполнена живыми существами. Они походили на летучих мышей и висели там такими семейными группками, неисчислимыми триллионами. Но звук они производили вовсе не мышинный и были крупнее. У меня сложилось впечатление, что эти твари безволосые. Кто они? Их булькающие вопли ассоциировались, как ни странно, с детскими воспоминаниями, но не с гватемальским периодом... Ага, прояснилось.

Речь пойдет о *Eumetopias jubatus*.⁷⁶⁸ Шел, пожалуй, третий год моей жизни у Одегардов, когда они взяли меня в паломническую поездку по церквям. Мы поехали в Сан-Франциско, потом в Сиэтл, и на обратном пути автобус остановился у Пещер морских львов⁷⁶⁹ – это такой частный придорожный аттракцион около городка под названием Флоренс на орегонском побережье. Весной туда приплывает сотни три морских львов, они там спариваются на камнях. Вы спускаетесь на лифте с утеса, потом идете по вырубленному в известняке коридору к каменному балкону, который выходит в грот. Волны внизу поднимаются на высоту трехэтажного дома, а потолок пещеры находится футах в десяти у вас над головой, и вы пытаетесь понять, что там в бурунах делают эти горы жира и костей. Самка визжит, стоит быку в две тысячи фунтов весом взгромоздиться на нее, а самцы-холостяки в стаде и вожаки часами режут, пугая друг друга, и этот рев гулким эхом отдается от влажных скал. Сегодня, если при вас произносят «ужасающе громко», вам приходят на ум искусственные звуки – грохот отбойных молотков, снимающих вершину горы, рокот громадных лайнеров, прогреваемых двигатели, гром артобстрела, взрывов. И хотя какофония в этих пещерах была стопроцентно естественного и весьма старинного происхождения (что и говорить, брачные крики морских львов, должно быть, не шибко отличались от свадебного ликования, скажем, диатримы, анкилозавра или пентацератопса), она была невыносимой для моего уха, и это впечатление забыть я не мог. Я слегка подался вперед. Что-то зашелестело. Наверное, эти существа двигаются, расправляют крылья, готовятся к тому, чтобы устремиться наружу, когда 4 Ахау солнце погаснет. Они хлынут оттуда бесконечным потоком, сдерживавшимся долгие туны и к'атуны, дюжины дюжин б'ак'тунов, они заполонят землю и освоят ее. Вы видели, как летучие мыши вылетают из большой пещеры? Если нет, то я все равно не сумею дать достойное описание, а в противном случае мне и стараться не нужно. Самое пугающее в этом зрелище – ощущение, что черной туче не будет конца. Кажется, что вся земля внутри начинена летучими мышами.

Я осторожно, на ощупь, вошел в пещеру. Ага, ясно, бляение и рев не однообразны в своей повторяемости и подчинены какой-то системе. Эти существа о чем-то говорят! Я постоял в квадрате около минуты, пытаюсь разобрать отдельные фразы.

Да, это язык, точно, подумал я. Только я его не слышал прежде и даже готов был

---

⁷⁶⁶ Здесь : терраса (*исп.*).

⁷⁶⁷ Склон (*исп.*).

⁷⁶⁸ Латинское название сивуча, или морского льва.

⁷⁶⁹ Пещеры морских львов – единая система морских пещер на Тихоокеанском побережье США.

спорить, что это не человеческая речь, некоторые слоги напомнили мне брань обезьян ревунов... Если побыть здесь подольше, я пойму... но ОМОД снова сделал ход, он не прекращал работать. Солнце понемногу склонялось на запад к 4 Ахау. Я передвинул вперед восьмой череп на два квадрата, стараясь играть не слишком робко. Нельзя позволить ОМОДу снова перехватить инициативу. Я уже миновал вход в пещеру и находился в точке, откуда мог посмотреть на камень, нависающий надо мной. Не верится, что он держится на чем-то. Если он соскользнет и покатится вниз, то раздавит меня, как кованный сапог соломинку. А что еще важнее, завалит вход в пещеру, и эти ребята никогда оттуда не выйдут. ОМОД отошел на один квадрат назад, я сделал шаг вперед и потянулся вверх, ощупывая основание камня.

Опа.

Громада шевельнулась. Ужас. Я откатился вместе с креслом, сжался в комок, словно камень уже стал падать на меня. Но спустя немного времени выяснилось, что я все еще жив. Тогда я снова осмелился приблизиться. Гигант уравновесился и медленно колебался под воздействием ветра на своей неустойчивой оси. Это был качающийся камень, как пагода Чайттийо – Золотой камень – в Мьянме, которая, кажется, вот-вот скатится с уступа.⁷⁷⁰ Вы, глядя на нее, просто понять не можете, почему она не упала раньше. Однако глыба эта, только по подтвержденным историческим данным, простояла там вот уже две тысячи лет. Я чувствовал, что центр тяжести огромного валуна несколько смещен и он чуть-чуть наклонен на запад, словно хочет одного: рухнуть и закрыть навсегда вход в пещеру. Шагнув еще ближе, я нащупал кусок булыжника между камнем и его основанием. А потом – привязанную к обломку нить, уходящую в пустоту слева от меня, натянутую, как фортепианная струна, которая настроена на верхнее до. И до меня дошло: это страшная ловушка в духе Уайла Е. Койота,⁷⁷¹ такие ставили пайюты⁷⁷² на сусликов и лис. А кто-то далеко-далеко отсюда в любую минуту готов выдернуть подставку и обрушить грозный валун. Единственная возможность предотвратить это и дать обитателям пещеры шанс покинуть ее – найти того типа, который держит нить, апокалипсика.

Я откинулся на спинку кресла и потянул за пучок отросших, слава богу, волос. Странно, почти ничего не чувствую. Попытался прикоснуться к носу, но не мог сказать, удалось ли мне это, пока не скосил глаза. Черт, онемение. Полная задница. Я наклонился вперед – вот-вот ухвачу эту нить. Она была слишком тонкой – невозможно разглядеть, вернее, вообразить, что видишь ее, однако вокруг нее клубилась сероватая мгла, поэтому я определил: нить тянется на северо-северо-восток в черный квадрант, близко к белому. Я потер лоб, отступил назад. Так. Понятно. Она уходит вверх и исчезает в дымке над Тихим океаном. Аляска? Пока не могу сказать точно. Я попробовал еще раз. Увы. Эту нить не наденешь на шкив, не скрутишь пальцами... и не только потому, что она воображаемая (впрочем, конечно, так и есть, но в тот момент эта линия казалась мне на удивление реальной). Просто у игры свои законы. Ну не может же в шахматах ваша ладья ходить по диагонали. Вот и мне нужно было двигаться по земле, так сказать. Я помчался вниз по лестнице и взял курс на север по равнине. ОМОД последовал за мной. Иногда я будто бы видел нить у себя над головой. А это означало, что последняя догадка верна и наш парень (кстати, мы уж решили исходить из того, что это мужчина, поскольку курочки в общем и целом не так склонны к геноциду) каким-то образом связан с северо-западным побережьем

---

⁷⁷⁰ Пагода Чайттийо – буддистская святыня и место паломничества в Мьянме. Сооружение высотой 5,5 м находится на вершине гранитного камня, балансирующего на уступе скалы. Камень покрыт сусальным золотом.

⁷⁷¹ Уайл Е. Койот – персонаж мультсериала «Луни тьонз», придуманный американским мультипликатором Чаком Джонсом.

⁷⁷² Пайюты – название группы индейских народностей на территории США.

Тихого океана. Конечно, поле для поиска все еще оставалось очень обширным. Представьте, что вы, не зная названия, хотите найти рецепт в разделе «азиатская кухня». Поисковые системы набрали еще несколько тысяч терабайт информации. Черт побери, мне нужна более крутая математика, чтобы работать с таким материалом. Более стохастическая. Более аппроксимирующая. Что-то вроде колмогоровской⁷⁷³ мозгокрутной функции. И все же тот тип находится где-то здесь. На этом этапе не остается никого, кто был бы полностью вне системы. Чтобы твое имя совершенно не упоминалось в онлайн-файлах, ты должен быть новорожденным младенцем в племени охотников-собирателей в горах Новой Гвинеи. Но в таком случае ты явно не апокалипсик. А наш парень наверняка обладает кое-какими техническими знаниями. Он, несомненно, учился в более или менее приличной школе. Не более сорока лет назад. Его имя было зарегистрировано в местном департаменте образования или в департаменте штата, даже если преподаватели ходили к нему на дом. А это уже сужает границы поиска до какого-то жалкого миллиарда душ из общего населения земли в шесть целых и восемь десятых миллиарда. Если ограничиться северо-западным побережьем, то придется перебрать всего-то тридцать миллионов. Какие проблемы?

Я передвинулся на три квадрата к востоку, дальше в будущее, на ноябрь. Закрутился вихрь информации – имена, адреса, номера социального страхования, данные о прохождении военной службы, профессии, вложения, доменные имена, почтовые коды, сведения по арестам, предположительно уничтоженные сведения по арестам среди подростков, списки корпоративных и государственных служащих, профессиональные ассоциации, союзы, гильдии, светские клубы, секретные общества, члены церквей, подписчики журналов, гугловские уведомления, регистрация автомобилей, телефонные звонки, покупки лекарств по рецептам, даже пейнтбольные команды, невероятный клубок перекрестных ссылок, похожих на космы спутанных в дреды волос. Я сделал ход. ОМОД просмотрел данные, оценил их, отсеял все, кроме 0,00001 процента, и тоже сделал ход.

Ничего. Отлично. Я сделал еще один бросок – в декабрь. Посыпались тонны битов. Я ждал. Интернет сегодня работал медленно. В серверы заползала какая-то новая разновидность троянского червя, но не в локальном масштабе, а на маршрутных станциях линий T1.⁷⁷⁴ Говорили, что акцию такого уровня могло повернуть только правительство Штатов. Либо наемные хакеры, либо один двенадцатилетний умник, вооруженный клавиатурой и мечтой. ОМОД обработал всю эту гору сведений, оценивая каждый бит на возможность пересечения с гипотетическим апокалипсиком. Он сделал ход. Я сделал ход. Еще 3×10^{12} бит. ОМОД, ни на что не жалуясь, выполнил и это задание. На этот раз он прочесал данные по миллениаристским и светопреставленческим культам. Их было немало (тема популярная, согласитесь), и Таро настоял, чтобы мы настроили систему на сверку со всякой такой чушью через каждые несколько ходов. Тем не менее я полагал, что наш подозреваемый не зависит от этих сообществ, в крайнем случае, только сочувствует подобным движениям. Он может оказаться бывшим мусульманином, «свидетелем Иеговы», выходцем из ордена Солнечного храма,⁷⁷⁵ но даже если и так, я готов поставить пять против одного, что он не из активных членов. Он, вероятно, волк-одиночка. Но и не лох типа Освальда.⁷⁷⁶

ОМОД сделал ход. Черт! Ничего.

Гм.

---

⁷⁷³ А. Н. Колмогоров (1903–1987) – выдающийся советский математик, академик.

⁷⁷⁴ Линии T1 – каналы, спроектированные специально для передачи цифровых сигналов.

⁷⁷⁵ Солнечный храм – якобы сохранившееся тайное общество, продолжающее традиции тамплиеров.

⁷⁷⁶ Имеется в виду Ли Харви Освальд, убийца президента Джона Кеннеди.

Хорошо. Не спеши. Переведи дыхание.

Надо сузить поле. Предположим, парень не прочь пофанфаронить. Ну хоть немного. Я подвинулся назад, в так называемое пространство хвостунов. Это была целая галактика аутсорсингового сервиса, сетевых сайтов и подобных онлайн-услуг, а вдобавок к ним более триллиона отображенных в кэш-памяти почтовых адресов, текстовых посланий, записанных компьютерами телефонных разговоров и еще бог знает чего. Это был гигантский объем информации, 2×10^{13} бит на данную миллисекунду. Ну-ка поработай, ОМОДчик.

И он принялся работать. Он соотнес все, что мы уже сделали, со всей этой кучей, с такими туманностями, как «Твиттер», «Фейсбук», «Бебо», «Оркулт», «Фликр», «МайСпейс», «Блоггер», «Технорати» и сотней других, активных, помещенных в кэш или заброшенных. Пес Господень, подумал я. Представить только, что когда-то это называлось Информационной супермагистралью. Уж лучше окрестили бы Информационным суперфондом. Самая большая и вонючая навозная куча в мире. Стэйтен-Айлендская свалка⁷⁷⁷ мозговых отходов. Но ОМОД с ней разобрался. *Esta bien*.

Теперь причеши-ка это еще раз. Я перешел в пространство, называемое «Шибболет». ⁷⁷⁸ В принципе, это был список слов-маячков («День упокоения», «Даджалъ»,⁷⁷⁹ «чиллизм»,⁷⁸⁰ «Аваддон»,⁷⁸¹ «Калиюга»⁷⁸²), фраз-маячков («У меня есть бомба», «Я ненавижу человечество», «Мир должен быть уничтожен») и прочего. Я велел ОМОДу проверять орфографию, но малознакомые языки пропускать. Передохни пару секунд. Ты это заслужил.

ОМОД задумался. И сделал ход.

Ага.

Десять тысяч четыреста сорок.

То есть на этот момент (три тысячи восемьдесят пятый ход в игре) мы с ОМОДОМ выявили десять тысяч четыреста сорок потенциальных апокалипсиков.

Конечно же, многих отсеяли. Возможно, выплеснули вместе с водой и ребенка. И все же я готов поставить три к одному, что наш парень среди этих десяти тысяч.

Неплохо. Удовольствуйся пока этим. Отлично.

Я сделал ход. ОМОД сделал. Нить по-прежнему уходила куда-то вдаль, но теперь она была ближе к земле. Восемь черепов. Я потерял череп. Семь черепов. Не на Аляске. Так. Уже теплее. Не в Калифорнии...

Опа!

Не в Штатах.

Он канадец.

---

⁷⁷⁷ Стэйтен-Айлендская свалка – знаменитая нью-йоркская свалка, действовавшая с 1947 по 2001 год, но вскоре снова открытая после атаки на Всемирный торговый центр.

⁷⁷⁸ Шибболет – библейское выражение, в переносном смысле обозначающее характерную речевую особенность, по которой можно опознать группу людей (в частности, этническую), своеобразный «речевой пароль».

⁷⁷⁹ Согласно исламскому учению, Ад-Даджалъ – ложный мессия, средоточие вселенского зла.

⁷⁸⁰ Чиллизм – интернет-сообщество, культивирующее невозмутимость, хладнокровие в любых обстоятельствах (от *англ.* chill – холод, холодный). (*Прим. ред.*)

⁷⁸¹ Аваддон (иначе «губитель») – в иудейской (а затем и в христианской) теологии ангел истребления, разрушения и смерти.

⁷⁸² Калиюга – в индуизме последняя эра, после которой начинается обновление времени. Характеризуется падением нравственности.

Опять игра наудачу. И я интуитивно ставлю на Британскую Колумбию или Альберту. Оставим пока северную часть. Так. Я тебя найду, сучий потрох, кленовый лист долбаный.

Я стоял рядом с Ванкувером, было 10 декабря, до 4 Ахау оставалось одиннадцать дней, а я плавал в тумане, почти ничего не видел, но все же ощущение было такое, что он рассеивается, ситуация проясняется. ОМОД сделал ход. Не туда, подумал я. Туда. Нет. Не это. Я просмотрел личные данные. Многие из них представляли собой просто имена с нечеткими связями в социальных сетях. А некоторые – только связи без имен. Часть – просто ники. Все равно нужно проверить, подумал я. Не будь разборчивым нищим. Туда. Нет. Не он. Не он. Кажется, я снова могу коснуться этой нити, вот только теперь она дергалась, выскальзывала из моих рук в метели. Вот она! Я ее все же ухватил. Иррелевантные биты отвалились, словно снежные хлопья, растаяли в воздухе. Промахнулся. Давай. Ходи. Я сделал ход. Действительно, что-то проявляется. Не в смысле форм. Скорее, проясняется...

Ага. Впереди вспыхнул ярко-красный свет, как лак на ногтях Махимона в Сан-Кристоваль-Верапасе. Странно, подумал я. Красный – юго-восточный цвет. Откуда он взялся в Серой стране? Может, я двигаюсь не в том направлении? Может...

Бип. ОМОД сделал ход.

Так.

Красный свет. Ладно.

Я сделал ход. Семь черепов. Ответный ход. Шесть черепов. Я задумался. Еще шаг. До пяти черепов. Теперь ОМОД. Четыре черепа. Я хотел бросить бегунок. Нет, погоди. Взял назад. Слишком прямолинейное мышление.

Передохни...

Я бросил взгляд на окно времени. Уже три пополудни. Значит, я просидел за игрой почти восемь часов реального времени – раньше я так долго играть не мог. С другой стороны, я чувствовал себя хуже, чем когда-либо прежде. Симптомы включали нарушение чувства равновесия, пониженный сердечный тонус и трудности с памятью – я не мог вспомнить собственное имя. Я цеплялся за клавиатуру, словно за спасательный круг. Но случай падения в воду сейчас маловероятен. Держись, дружище. Это всего лишь эндшпиль.

Последние крохи порошка Рулевого подбросили топлива в мою биологическую систему за несколько мгновений до того, как перестимулированные синапсы перестали функционировать. Я принялся соображать, не является ли красный цвет ключом к чему-то другому, знакомому мне и связанному с этим цветом, – форме, животному, цифре, фразе.

Я сделал ход. Компьютер сделал ход. Три черепа. Два черепа.

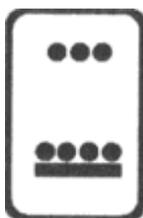
Может быть, слово? Нет, два слова. Два коротких слова. Я уже видел это словосочетание – довольно бессмысленное, что же это такое, что это...

Я сделал ход.

Один череп...

Адская Гниль.

(69)

В первом окне холодный фронт протяженностью в восемьсот миль – полоса желчной желтизны на чистой голубизне Аляскинского залива – катился на запад со скоростью двенадцать миль в час. Судя по сопроводительному тексту, он должен был достичь побережья Британской Колумбии около 5.30 утра по стандартному тихоокеанскому времени, через пятьдесят минут. Рассвет начинался в 5.22, через двадцать две минуты после

запланированного времени атаки. Во втором окне на крупном плане с разведывательного спутника КН-13⁷⁸³ «Айкон» слева были видны пролив Джорджия, оранжевые натриевые фонари Ванкувера и черная река, бегущая между ними, а справа – длинный хвост белых огней трансканадского хайвея, который шел на восток, делая широкую петлю у Фрейзера. В дальней правой части экрана мерцало пятно – городок Чиливак. В сопроводительном тексте приводились кое-какие важнейшие факты: Ванкувер является вторым крупнейшим биотехнологическим центром в Северной Америке и самым быстрорастущим в Канаде, по стандартам жизни он неизменно занимает место в первой четверке городов мира, средний ай-кью его жителей достигает твердых 98 и (это, возможно, звучало противоречиво, но для нас было важно) здесь самое большое число самоубийств на душу населения, чем в любом другом мегаполисе Западного полушария.

Третье окно занимала карта Чиливака – его площадь не превышала двух квадратных миль. Он вовсе не казался угрожающим. Там было две системы улиц; одни шли с севера на юг, а другие, в северо-западном квадранте, поворачивали на двадцать градусов по часовой стрелке. На южной стороне с длинными и извилистыми улицами располагались новые жилые кварталы. В восточной части преобладала старая застройка, здесь тоже стояли большие здания, маленькие тесные кварталы были вытянуты с востока на запад. Маргерит-авеню шла в том же направлении в центре, а дом восемьсот двадцать по этой улице находился посередине квартала. В тексте, сопровождавшем это окно, говорилось, что население Чиливака составляет семьдесят восемь тысяч, и, хотя экономика города имеет сельскохозяйственный уклон, многие жители работают в большом городе в шестидесяти милях к западу, долгие поездки на работу и с работы – это стиль их жизни, среднедушевой доход горожан составляет сорок восемь тысяч канадских долларов, а уровень рождаемости равен 9,8 на 1000 жителей при уровне смертности 7 на 1000 в год. Скоро эти цифры поменяются на 0 и 1000 соответственно, подумал я.

– Почему они его не взяли, когда он вышел из дома? – прошептала мне на ухо Эй-2. Она только что появилась.

– Он четыре дня не выходил, – сказал я.

– Вот как.

– В любом случае, они считают, что Козел где-то там у него. Вот почему они перенесли операцию на этот день.

– Вот как, – повторила она, после чего устроилась рядом и уставилась на видеостену.

Мы сидели в большом конференц-зале во временном сооружении рядом с Гиперчашей. Говоря «мы», я имею в виду себя, Таро и его аспирантов, доктора Лизуарте, Ларри Бойла, Тони Сика, Майкла Вейнера, который взгромоздился на стул слева от меня, и почти всех занятых в проекте «Пачиси», кроме Марены, которая по неизвестной мне причине смотрела съемку из своего дома в Колорадо. Царила такая развеселая атмосфера, что я представлял, будто мы – студенты-старшекурсники, которые вдруг ни с того ни с сего собрались посмотреть по телевизору президентские выборы или «Гринч – похититель Рождества». Но к тебе это не относится. К тебе – нет.

– А вот и вторая цистерна! – воскликнул Лоуренс Бойл.

Он лазерной указкой ткнул в четвертое окно. В нем светилась передаваемая со спутника в реальном времени ночная картинка приблизительно четырех кварталов с домом Цервика в центре. Я разглядел два фронтона, гараж с плоской крышей на две машины и довольно большой деревянный настил в длинном узком заднем дворе. К сожалению, металлическая кровля с медным покрытием мешала заглянуть внутрь с помощью инфракрасной аппаратуры. Цистерна, о которой говорил Бойл, напоминала банку «ред булла». Машина проскользнула внутрь с погашенными фарами и встала за своим уже припаркованным близнецом на Эмеральд-стрит, в двух кварталах к югу от Маргерит-авеню.

---

⁷⁸³ КН-13 – название серии американских спутников-шпионов.

Я встал, чтобы рассмотреть пятое окно, которое мне частично закрывала голова Тони Сика. Там был превосходный кадр с радиомачты – она возвышалась в центре города, и с нее сделали снимок квартала номер восемьсот под углом в сорок пять градусов. Я не увидел ничего необычного. Дом в колониальном стиле на четыре спальни. Перед входной дверью – крыльцо с четырьмя ступеньками и козырьком, который задержит штурмующую команду на секунду-другую. Участок невелик (застройка тут началась в 1988-м, перед началом эры Макстроя⁷⁸⁴), и командир спецназовского отряда сказал, что им понадобится не более восьми секунд. Соседние здания почти не отличались от этого. В переднем дворе росло несколько кленов. Они еще не покрылись листвой. Все казалось вполне обыденным. Просто воплощением обыденности. Все уже не один десяток лет знали, что пригороды – не лучшее место для жизни, но тем не менее продолжали их застраивать, и посмотрите, откуда вышел зверь о семи головах.

Мамочка и папочка (в свои тридцать шесть лет Мэдисон Цервик все еще жил с родителями) наверняка отдыхали в главной спальне на втором этаже, а в задней части дома был кто-то еще, возможно младший братишка. Мэдисон – а теперь мы все были с ним запанибрата, – скорее всего, сидел в своей комнате. Приборы показывали состояние, которое называлось «шаблон, соответствующий ночному сну». То есть ни на первом, ни на втором этажах не светились экраны телевизоров, не горели настольные лампы. Вот уже более часа ни на одном из компьютеров датчики не отмечали движения мышки. Телефоны, КПК и прочие имеющие выходы в сеть гаджеты были отключены. Незначительный расход энергии означал, что в подвале работает маломощный прибор. Вероятно, все уютно устроились в своих кроватях. И видения человеческой катастрофы вспыхивали в их головах.

– Они передвинут начало операции на пять минут, – прозвучал по громкой связи голос Аны на фоне чых-то переговоров. – Нужно проложить шланги.

– Спасибо, мисс Вергара, – ответил Бойл.

Мисс? Вот оно как? В любой другой день многие из нас ухмыльнулись бы. Сегодня все сохраняли серьезность. Ана (которая, оказывается, была в меньшей степени бойцом и в большей – игроком, чем я предполагал) в числе приблизительно тридцати гостей остановилась в трейлере, отделанном со всей мыслимой роскошью и установленном в десяти кварталах от дома восемьсот двадцать.

– Отлично, вот они, – сказала Ана.

Ее курсор показал на окно номер пять. Команда из четырех человек прикрепляла к задним стенкам двух хромированных цистерн длинные белые шланги. Повозившись немного, они проложили их двумя аккуратными дорожками – не дошли футов пятьдесят до дома Цервика, оставив смотанными несколько сотен футов запаса на каждом конце. Через некоторое время кто-то повернул клапан, и оба шланга надулись до свернутых колец, видимо тоже перекрытых клапанами. Вокруг постепенно конденсировался пар. Мы надеялись, что жидкий азот сдержит Козла.

В первый день расследования детективы обнаружили, что Мэдисону «остался один шаг» до получения самовоспроизводящейся популяции «искусственно созданного» штамма *Brucella abortus*. К концу второго дня работы они подтвердили, что его интересы в Интернете, в особенности карты гаплотипов человеческих геномов, которые он скачивал, свидетельствовали: он активно изменяет ДНК нового штамма. *Brucella* – очень почтенная и надежная бактерия, ее можно получить, принимая роды у буйволицы или выпив сырого козьего молочка с греком Зорбой.⁷⁸⁵ На протяжении многих лет болезнь эту называли и мальтийской лихорадкой, и лихорадкой Кипра, и волнообразной лихорадкой, и бруцеллезом,

---

⁷⁸⁴ Макстрой (*англ.* McMansion) – уничижительный термин для обозначения большого загородного дома, построенного с использованием типовых современных технологий.

⁷⁸⁵ В романе Никоса Казандакиса «Грек Зорба» есть такая фраза: «Ну, иди сюда, выпей козьего молочка».

и еще сотней разных наименований. Мы же окрестили ее Козлом. Симптомы не очень отличались от тех, что вызывал диснейуорлдовский вирус: внезапный пот с запахом сырого сена, мышечные боли, потеря сознания и в итоге смерть. Все это довольно жутко, в особенности потливость. Не забудьте прихватить с собой на пути в небытие органический дезодорант.

Больше всего дискредитировало Козла то, что это было первое бактериологическое оружие, созданное правительством Штатов. В 1953-м его испытали на животных, используя бомбочки размером с грейпфрут – позднее такие же применяли для бактерий сибирской язвы. ВВС выбрали их потому, что в отличие от большинства бактерий они могли долго выживать в воздушной среде и, что еще более важно, проникать через неповрежденную человеческую кожу. Противогазы, которые вы меняли в специальных изолированных кабинках, в данном случае не защищали – если у вас обнажился кусочек кожи, вы становились верным кандидатом в покойники.

Но при этом к 1970-м остатки этих штаммов сняли с вооружения и складировали в хранилище Пайн-Блафского арсенала в Арканзасе. И к 1980-м предположительно все запасы были уничтожены. Но с тех пор кто-то постоянно устраивал игры вокруг этого бактериологического оружия – либо пытался разработать средства против него, либо предпринимал попытки его продать, а возможно, и то и другое.

За шестнадцать месяцев, прошедших с того времени, как его уволили с ванкуверского предприятия «СеллКрафт», Мэдисон значительно усовершенствовал Козла. Штамм Цервика (по крайней мере, так утверждали спецы Центра по контролю и предотвращению заболеваний, изучив данные, которые дистанционно были сняты с жесткого диска Мэдисона) теперь обладал всеми необходимыми качествами – такими, как сверхбыстрое размножение, сопротивляемость антибактериальным средствам, отсутствие симптомов при заражении, выверенный до секунд инкубационный период. Но наиболее важным являлось то, что у профессионалов называется гибкостью распространения. Классические штаммы *Brucellis* переносятся с некоторых типов животных на человека, и, возможно, обратно. Но большинство братьев наших меньших либо вообще не подвержены воздействию этих бактерий, либо по причине продолжительности или образа жизни не могут передавать эти бактерии человеку.

Работа Мэдисона в колоссальной степени увеличила число потенциальных распространителей. Новый штамм, в сравнении с любыми природными бактериями, мутировал быстрее, причем в тех направлениях, где наиболее вероятна адаптация. Он словно настраивал собственный ДНК в зависимости от различных протеиновых характеристик сотен семей животных, не только приматов. В. *szergwicki* обладал способностью преодолевать через биосферу видовой барьер то в одну, то в другую сторону сколько угодно раз. Обычно эпидемии теряют силу по мере развития (поскольку в противном случае не осталось бы ни одного животного-распространителя), но поскольку Козел воздействовал на огромное число животных, подобная эпидемия закончилась бы далеко не скоро. Согласно одной из моделей Центра по контролю и предотвращению заболеваний, этот штамм мог, вероятно, убить все виды приматов и (или большинство) других млекопитающих. Можете себе представить, каким злобным выродком был Цервик. Ну ладно, бог с ними, с людьми, но если ты на братьев меньших замахнулся, то это лечению не поддается.

Как и его предшественники, Козел, видимо, угасал при внутримышечном введении стрептомицина. Но в случае одновременного проявления симптомов возникнет острая нехватка антибиотиков, даже если останутся люди, которые будут в состоянии делать инъекции. Конечно, Центр по контролю и предотвращению заболеваний уже разрабатывал вакцину, однако на ее изготовление требовалась еще неделя – и более года занял бы запуск в производство. Благодаря созданным моделям (по крайней мере, тем, о которых нас информировали) часть населения в полярных районах могла выжить. Но поскольку Козел обладал высокой сопротивляемостью к холоду, число спасенных было бы невелико. Геномодифицированные бактерии, легко преодолевающие видовые препятствия, сделают

Заполярье весьма горячей зоной по меньшей мере на несколько десятилетий...

– И сколько у него этого материала? – спросила Эй-2.

Я понял, что она стоит на цыпочках, чтобы быть поближе к моему уху. Думаю, вежливость или скованность мешали ей схватить меня за плечо или притянуть к себе за волосы. Я чуть нагнулся.

– Ана считает, около двух галлонов, – сказал я. – Он расходовал конглютинин,⁷⁸⁶ словно бобовый соус.

– И этого достаточно?

– Ты имеешь в виду – для того, чтобы уничтожить жизнь на планете?

– Да.

– Так, значит, в одном галлоне около трех целых и четырех десятых триллиона бактерий, – прикинул я. – Скорость размножения у них около десяти процентов в день. Даже при двадцатипроцентной ежедневной гибели прироста количество более чем достаточное – два раза по десять в восемнадцатой степени за неделю, а это больше, чем нужно для начала эпидемии.

– Ничего себе, – распахнула она глаза.

– Угу. И в зависимости от числа новых распространителей... через месяц или около того бактерия может стать такой же повсеместной, как, скажем, стафилококк.

– Ваше здоровье, – прогудел мне Майкл Вейнер в другое ухо.

– Спасибо, – сказал я. – Да, ни один юмор не может сравниться с юмором висельника.

Он кивнул.

– По крайней мере, похоже, что они там всё знают, – сказала Эшли.

– Будем надеяться, – ответил я.

Вообще-то говоря, для оптимизма оснований было больше, чем для скептицизма. Судя по тому, что я видел, американские и канадские детективы поработали удивительно хорошо. Я думал, им понадобятся недели, чтобы завести на Цервика дело, но они справились за два дня. Хотя, наверное, обвинительную базу юристы легко получили бы просто с веб-сайта. Он в своем блоге оставил столько намеков, что даже странно, как я его не обнаружил раньше. То, как Цервик рассуждал о диснейуорлдском ужасе, наводило на мысль, что его заботит вовсе не эта проблема – он побаивается, как бы его не обошли и какой-нибудь косоглазый тинейджер не украл бы его место в истории. Почему я не вычислил его тогда? Я в тысячный раз назвал себя идиотом. Если б не моя невнимательность, мы могли бы обойтись без больших заморочек. Правда, тут легче сказать, чем сделать. Что в особенности касается меня, человека, для которого эмпатия требует некоторых усилий. Ладно, дай себе некоторую поблажку. Ведь небольшую страничку Адской Гнили видели тысячи людей, включая психологов из ДВБ, и никто не насторожился, невзирая на такие перлы:

Люди делали фильмы, игры, писали истории про КОНЕЦ СВЕТА в течение ЧЕТЫРЕХ ТЫСЯЧ ЛЕТ. А почему? Да потому что знали: ВОТ ТО, ЧТО НУЖНО. И наконец, для этого есть средство [sic].

Может быть, это высказывание пропустили, потому что Мэдисон не назвал ничего конкретного. Не упомянул имен, мест, дат. Да, кстати, как ни странно, он выбрал 21 декабря произвольно. В блоге нет никаких упоминаний о календаре мая, доколумбовом периоде... Он словно взял число наугад. Хотя я был уверен в противном.

– Двести секунд, – сказала Ана.

Все в зале немного напряглись. Майкл Вейнер начал покашливать, а потом уже не следил за происходящим. Но хотя бы никого не стошнило. Кто-то включил канал обмена, и мы слушали, как старший офицер в последний раз проверяет посты.

---

⁷⁸⁶ Белок сыворотки крови, вызывающий гемагглютинацию (склеивание и последующее осаждение эритроцитов крови).

- Группа «Хазмат А».
- На месте, – ответил женский голос.
- Группа «Хазмат Б», – проговорил старший.

За следующие шестьдесят секунд готовность к рейду выразили группа химической защиты, специалист по ядам, группа снижения биоопасности, использовавшая антивирусные и антибактериальные спреи, два специалиста-пульмонолога, бригады двух грузовиков с газовыми компрессорами, кинологи с поисковыми собаками, команда саперов, специалист по обслуживанию робота для обезвреживания взрывных устройств. Потом командир вызвал три группы захвата. Они именовались подразделениями. В каждом по пять человек – старший, два бойца, приборист и замыкающий. Два подразделения должны были ворваться через переднюю дверь, обыскать комнаты нижнего этажа и подняться на второй. Третий отряд брал на себя кухню и подвал.

- Высокий А, – выкликнул командир.
- На месте.

Откликнулись еще шесть «высоких» – прибористов. Каждый занимал свой пост – на крыше или телефонном столбе. В других ситуациях часть из них выполняли бы снайперскую работу, но сегодня винтовки им не выдали. И вообще «операция “Козел”» отличалась тем, что вблизи зоны захвата не было оружия. Не потому, что не существовало реальной опасности ответного огня (кого это могло волновать, когда мир стоял на грани гибели?). Дело в другом: захват подозреваемого живым и в целости важнее жизни агента. Приехали автомобили с цветографической раскраской. На Маргерит-авеню неподалеку от дома остановились две «скорые помощи». Пожарная машина припарковалась на Эмеральд. Словно из воздуха, появились около двадцати полицейских машин и заблокировали четыре квартала, окружавшие дом восемьсот двадцать.

– Есть вопросы? – прозвучал голос старшего. – Остается семьдесят секунд. Я хочу проверить все спецзадания по восемьсот двадцатому.

- Все спецзадания контролируются, – произнес кто-то с британским акцентом.

Это означало: как только группа захвата проникнет внутрь, электричество вырубят, чтобы в приборах ночного видения не возникло помех; в охранной службе дверная сигнализация Цервиков отключена; у миссис Цервик по-прежнему два кота и нет собаки. Ана еще раньше сообщила, что шесть соседских собак, которых сочли слишком бдительными, получили дозу снотворного. Как это сделали, было неясно, но спецназовцы не хотели вызвать подозрение у соседей, так что, вероятно, подослали домушников с таблетками диазепама в мясной оболочке. Спецзадания включали также и перевод часов. То есть около двух ночи практически все приборы с таймером и часовые механизмы в доме начали отставать на шестьдесят секунд. Ловкачи перезагрузили линк с атомными часами на компьютерах Мэдисона, изменили показания Интернета и сотового телефона и даже посылали с замедлением телевизионный сигнал на спутниковую тарелку на крыше и на старомодные радиоприемники, если кому-нибудь придет в голову их включить. Конечно, все наручные и автономные настенные часы работали без задержки, но кто в наши дни на них смотрит? В общем, если какой-нибудь бдительный тип заметит неладное (мне лично происходящее представлялось достаточно крупной операцией – ее вполне можно было принять за иностранное вторжение) и начнет трепаться об этом по мобильному или в Сети, его успеют перехватить.

- Хорошо, – сказал старший. – Коричневая команда, я...

Звук прервался. Наступила тишина.

В нашем конференц-зале все настороженно заерзали. Все восприняли паузу как акустический эквивалент черных чернил, вымаравших строку текста в документе ЦРУ.

- Он наверняка проверяет БОВы, – раздался голос Аны.

Она имела в виду боеприпасы объемного взрыва. Если честно, эту информацию ни мы, ни люди в ВИП-прицепе, ни даже сам Линдси Уоррен (который, несомненно, смотрел передачу в своем оборудованном патогенной защитой бункере в Гиперчаше) не должны

были знать.

На раннем этапе обсуждения «операции “Козел”» некоторые говорили о том, что может возникнуть необходимость уничтожить весь город. В наше время такие вещи делались с помощью зарядных устройств, которые располагали кольцом вокруг обозначенной территории. Все живое на ней взрыв стирал с лица земли. Ана рассказала, что американцы дважды прибегали к этому методу в Афганистане и в обоих случаях биоматериалы в подпольных лабораториях превращались в ничто. Но что касается «операции “Козел”», то от этого варианта быстро отказались, и не из каких-либо моральных соображений, а совершенно по иным причинам. У Мэдисона (хотя по психологическому портрету это представлялось маловероятным) могли быть сообщники или, если помягче выразиться, единомышленники. Допустим, он взял да и переправил им по электронной почте часть своих исследований, а они ему взамен переслали материал. А в самом кошмарном случае он уже приступил к выполнению своего адского плана. Не совсем ясно, как именно Цервик собирался это сделать... Но разве сложно, к примеру, разослать бандерольки по разным адресам во всем мире?

Два дня назад Ана сказала нам: похоже, за чертой города все же разместили БОВы и кто-то в Виктории их взорвет, если окажется, что неконтролируемое распыление началось. Утечка информации отчасти объяснялась тем, что крупные шишки из Вашингтона и Оттавы (директора ЦРУ и КСБР,⁷⁸⁷ например) не пожелали быть на месте проведения операции. Если специалисты по биологическому оружию сообщат о неконтролируемом выбросе, городок вместе с окрестностями исчезнет и останется только надеяться, что вся эта микробная гадость сгорит в огне. Во время селекторного совещания Майкл спросил у Аны, почему она все еще находится там, в зоне возможного взрыва, но Вергара отмела этот вопрос. Она была слишком крутой, чтобы думать о таких мелочах, как собственная жизнь.

Голос старшего зазвучал снова.

– ...лось двадцать секунд, – сказал он. – Все готовы?

В конференц-зале все замерли. В трейлере Аны тоже воцарилась тишина. На видео дом восемьсот двадцать по Маргерит-авеню казался воплощением спокойствия. Там открыли звуковой канал на одном из параболических микрофонов, и до нас доносились предутреннее голубиное воркование и шелест ветерка, гуляющего в голых ветвях.

– Внимание, отмена, – раздался голос командира. – Мы приостанавливаем отчет.

Последовала пауза. Народ забеспокоился, потом волнение перешло в тревогу. Люди вокруг меня заерзали. В помещении появился запах пота. Рядом со мной раздался странный тихий звук, и я понял, что у Эй-2 стучат зубы. Обнять ее за плечи? Нет, не стоит. Прикоснешься к ней, а ее удар хватит.

– Шестое окно, – проговорила Ана. – Ничего страшного. Просто соседка.

Ее курсор указал на женщину с копной рыжих волос – хозяйку дома восемьсот восемнадцать. Она запахнула поплотнее серый халат и прошлепала к своей машине, стоявшей на подъездной дорожке, целеустремленно открыла дверь, принялась искать что-то на переднем сиденье, не нашла, просеменила вокруг к водительскому креслу. Я был готов скальп с себя содрать. Двенадцать секунд до самого критического момента в истории земли со времен Чиксулубского метеорита,⁷⁸⁸ а мы ждем, когда Эндора⁷⁸⁹ найдет свой бисакодил. Дама открыла дверцу, покопалась и, видно, обнаружила пропажу. Шлепая в

---

⁷⁸⁷ КСБР – Канадская служба безопасности и разведки.

⁷⁸⁸ Чиксулуб – название городка на полуострове Юкатан в Мексике, в приблизительном переводе с майяского означает «хвост дьявола». Вблизи расположен огромный кратер диаметром около 180 км, по версии ученых образовавшийся после падения огромного метеорита 65 миллионов лет назад.

⁷⁸⁹ Эндора – персонаж американского телесериала «Моя жена меня приворожила», мать главной героини, добрая ведьма, иногда делающая гадости.

мягких тапочках, она направилась назад к дому. Я ждал, что кто-нибудь из нас траванет, или утратит контроль над кишечником, или по меньшей мере упадет в обморок. Но все обошлось. Все были тверды как скала. Или наглотались успокоительных.

Дверь соседнего дома закрылась.

– Порядок, – раздался голос старшего. В нем слышалась некоторая дрожь. – Все на своих местах? Отлично. Снова отсчет минус двадцать секунд.

У меня со щеки упала капля – ну да, лоб взмок от пота. Я отер лицо рукавом пиджака – все того же серого «варватоса»,⁷⁹⁰ в котором я ехал в джипе с Мареной и Максом лет этак восемьдесят миллионов назад, – снял шапку, разгладил пальцами не успевшие как следует отрасти волосы, снова водрузил шапку себе на макушку. Уф. De todos modos.

– Семь, шесть, – говорил командир. – Приготовиться. Три, два, пошли.

В пятом окне видео десять человек подразделений А и Б пересекли лужайку, словно тени ворон, пролетевших над крышей. У них, похоже, были ключи от дверей, которые открылись совершенно беззвучно, – мы, по крайней мере, ничего не слышали. Спецназовцы оказались внутри. Им понадобилось четыре секунды, чтобы пройти через прихожую, в гостиную и столовую, а потом подняться по лестнице, устланной акриловой дорожкой. Камера на одном из шлемов скользнула по стене – мы увидели фотографии в позолоченных пластмассовых рамочках, старые выпускные, еще более старые свадебные. Вот на одном снимке Мэдисон получает награду на школьной олимпиаде... Обычно спецназовские захваты происходят шумно, но эту операцию разрабатывали с учетом того, что Цервик может держать палец на детонаторе. Поэтому, кроме скрипа половиц и гудения холодильника на кухне, мы не улавливали ни звука. Перед глазами мельтешили летящие тени, словно вороны в вольере разлетались по своим гнездышкам. Нападающие одновременно ворвались в три спальни. О господи. Лицо. Ужасное, клыкастое, хищное лицо оскалилось в камеру номер шесть. Вокруг раздалось ахи и охи, а доктор Лизуарте – та просто сжалась. Но это был один из бойцовских котов Цервиков. Он исчез из рамки. Когда мы оправались от испуга, две другие нашлемные камеры подразделения А передавали изображения папочки и мамочки, которых тихо удерживали в кровати. Промелькнул крупный план, зафиксировавший руку в кевларовой перчатке, – кто-то зажимал рот миссис Цервик. Нашлемная камера номер девять показала, что бойцы надели капюшон на голову младшего братишки Мэдисона (ему было двадцать восемь) и тот брыкается и извивается, но без толку. А штурмовик с шестой камерой, снявший кота, теперь находился в комнате Мэдисона и...

Гм. Его не было в спальне.

– О сойо, – выругался Тони Сик.

– Смотрите на шестнадцатом, – сказал Ларри Бойл. Голос его звучал неестественно высоко. – Номер шестнадцать.

Мы взглянули, куда он указал. Нашлемная камера спецназовца из подразделения В отобразила лестницу, ведущую в подвал, потом – мерцание каких-то форм в центре темного поля, а затем на полсекунды, не более, задержалась на диване. Пухлый обнаженный торс. Голова. Большой разверстый рот. Мэдисоново лицо. Раздался звук, словно в большом старом низкочастотном динамике крякнулась звуковая катушка, и окно подразделения погасло.

– Это СШОГ. – Голос Аны заглушали чьи-то вопли и визг.

– Что-что? – спросил Майкл Вейнер.

Видеопроцессор нашлемной камеры начал самонастраиваться, и в окне снова проступили нечеткие пока изображения.

– Светошумовая отвлекающая граната, – пояснила она.

Один из спецназовцев бросил в подвал так называемую двойную связку. Эта штукавина выглядела как пара желтых мячей для сквоша – обычная звукоцветовая граната с

---

⁷⁹⁰ «Варватос» – модельный ряд одежды, названный по имени американского модельера Джона Варватоса.

мощностью вспышки восемь миллионов свечей и громкостью около ста восьмидесяти децибел вкупе с зарядом, начиненным двумя сотнями крохотных резиновых шариков. Устройство обеспечивало должный эффект, если объект успевал закрыть глаза и заткнуть уши.

– Так его, – сказал Майкл.

– Ш-ш-ш, тихо, – одернул его Ларри Бойл.

Мы напрягали слух, но до нас доносился только козлиный рев. Он перешел в тяжелое пыхтение, а потом Мэдисон неожиданно опять обрел голос.

– В чем меня обвиняют?.. – спросил он.

Его высокий тенор был знаком по перехваченным телефонным разговорам, но когда я его услышал в реальном времени, мурашки по коже поползли, в особенности потому, что говорил Цервик совершенно спокойно. Спецназовцы впервые включили подсветку на своих нацеленных камерах, и мы получили еще один неприглядный крупный план Мэдисоновой челюсти. Мне показалось, он начал произносить слово «полицейский», но не сумел закончить – кевларовая перчатка легла ему на рот. Спецназовцы не позволили ему продолжать, опасаясь, что он встроил в систему включатель, активируемый голосом. Еще две секунды в окне двигались нечеткие тени, а потом камера тринадцать сфокусировалась на руках, открывших Мэдисону рот и шаривших под языком, словно он был агентом СМЕРША 1960-х годов⁷⁹¹ и носил там ампулу с цианистым калием. Наконец его потащили вверх по лестнице. Я посмотрел на окно номер пять. Лужайка перед домом Цервиков, которую заполнили агенты в черной форме, внезапно напомнила мне сцену из «Птиц». Звук переключили на уличные микрофоны, и теперь стали слышны вертолеты наверху, вой сирен. Меньше чем за тридцать секунд Мэдисона привязали к носилкам и погрузили в карету «скорой помощи». Другая машина с остальными членами семьи уже отъезжала. Мы уставились на картинку камеры тринадцать – она располагалась на шлеме спецназовца, севшего в машину с Мэдисоном, и все надеялись узреть новые уникальные кадры, но неожиданно изображение потускнело.

– У нас там что, нет камеры? – спросил Майкл.

– Нет, просто это закрытый для нас канал, – пояснила Ана. – Прошу прощения.

М-да, цензура постаралась.

«Не принимай это на свой счет», – предупредил я себя. Если в ходе допроса будут применяться пытки, то люди из ВИП-трейлера, директора в столицах и даже Линдси всегда смогут сказать: «А я ничего не знал». Может, мы получим отчет позднее, но кое-какие материалы вырежут, и никто за пределами известной конторы их не увидит.

Не стоит пока об этом волноваться. Спроси Марену, когда она вернется. Она ловко умеет выуживать всякую грязь из людей. Я возвратился к перспективе окна номер пять. Большие черные джипы пристроились сзади и спереди «скорой помощи» с Мэдисоном. По бокам встали полицейские на мотоциклах. Колонна медленно тронулась, направляясь на восток по Маргерит-авеню. Они свернули на юг по Янг-роуд и помчались в сторону шоссе номер один.

Неужели это все? Мы недоумевающее глядели друг на друга. В подвале установили пять камер с дистанционным управлением, на экране высветился ряд новых окон. Технари ходили взад-вперед, проверяя, нет ли мин-ловушек. По ящику все еще показывали сцену с Люцифером из серии «Джанин любит Дженну»,⁷⁹² под которую Мэдисон явно мастурбировал. К мышке, клавиатуре, сотовым, наладонникам, пультам никто не прикасался.

– Внимание, два главных объекта в секции «Дельта», – раздался голос старшего.

– Это что еще такое? – спросил кто-то.

---

⁷⁹¹ Ошибка автора: СМЕРШ официально прекратил существование в мае 1946 года.

⁷⁹² «Джанин любит Дженну» – порнографический фильм студии «Клуб Дженна» (2007).

– Он говорит о тех двух морозилках, – сказала Ана. – В гараже. Смотрите окно тридцать четыре.

На картинке два спеца в отражающих защитных костюмах стояли в кузове церкиковского пикапа и распыляли что-то из длинных аэрозольных баллончиков на две морозилки высотой в полчеловеческого роста. По сведениям, полученным от соседей, отец Мэдисона осенью набивал их олениной.

– Они их обливают, – прокомментировала Ана.

Она имела в виду жидкий азот из газовых емкостей. Даже если бы Козел вытекал из баллонов, сквозь лед он бы не смог прорваться.

– Здорово, – брякнул Ларри Бойл. – Хорошая работа, поздравляю всех.

Заткнись, подумал я и, наверное, все остальные. Иди лучше покайся Коболу.⁷⁹³ Группа «Хазмат Б» на крыше дома Церкиков разворачивала большие листы синего винила. Другие подразделения ввинчивали стальные шесты в землю по углам лужайки. Они собирались укрыть территорию, потом воздвигнуть шатер типа циркового над укутанными домом и гаражом. После чего спецназовцы собирались развернуть двойную систему шлангов и наполнить пространство между постройками и шатром газом СО₂. Весь воздух из дома откачают и увезут для анализа. Его собирались заместить аргоном. Наконец, когда давление газовой системы стабилизируется, специалисты по биологическому оружию смогут разобрать дом. Вилочный погрузчик подъехал к гаражу, чтобы поднять политые азотом блоки в автомашины с герметизированными контейнерами. Как и всех других подозреваемых – людей, животных и неодушевленные предметы, – их отправят в Ванкуверский изоляционный комплекс, где воздух только приточный, а вытяжка отсутствует. Электрическое освещение разбавил серенький рассвет. Начал накрапывать дождичек. Подошел холодный фронт. На «Великом белом севере»⁷⁹⁴ начался еще один день.

Мы так и сидели в конференц-зале. Картинки становились все менее интересными, и люди понемногу покидали командный центр. Майкл Вейнер, уходя, похлопал меня по спине, типа: «Хорошая работа, Коломбо». Некоторые из аспирантов вроде собирались устроить по этому поводу преждевременное празднество. Не верилось, что все кончилось, и мы ждали, когда кто-нибудь скажет: да, ребята, можете расслабиться. Наконец я вышел, сел в служебный лифт до восточной части Гиперчаши. Было серо и сыро, но утренний дождь прекратился. Лифтер спросил, хочу ли я, чтобы он доставил меня назад, в мою комнату. Я сказал «нет». Пойду обратно пешком – тут всего-то пара миль. В последнее время у меня не было других физических нагрузок – только эти прогулки.

– Привет, – сказала Эй-2 и прикоснулась к моему плечу.

Я ответил «привет». За спиной Эшли футах в пятидесяти маячила пара рабочих – возможно, из тех переодетых служаек, что шлялись за мной по всему лагерю. Да, я нашел Мэдисона, однако неприятности мои не закончились, поскольку от порошка Рулевого я чуть не отправился на тот свет и последствия остались. Не буду обращать на эскорт внимание. Они ходят за мной ради моего же блага. Так-то вот.

Эй-2 хотела пойти со мной, но я сказал, что падаю с ног. Она ушла. Вообще-то Эшли и вправду была очень милой девчонкой. Я заглотив две синенькие таблетки валиума и рухнул в кровать. Черт, я и в самом деле измотался. Я не отдыхал с... не знаю, с каких пор. С

---

⁷⁹³ Это английское выражение (Go hie thee...) восходит к словам одного из персонажей романа «Айвенго» Вальтера Скотта, который советует герою: «Иди лучше покайся грессмейстеру...» Кобол – планета из американского научно-фантастического сериала «Звездный крейсер “Галактика”». Кобол в этом сериале – планета, прародина землян, а также анаграмма из названия звезды Колоб, на которой, согласно книге мормонов, обитает Бог.

⁷⁹⁴ «Великий белый север» («Great White North») – популярное канадское комическое телешоу с участием Рика Мораниса и Дэйва Томаса; его название стало эвфемизмом для самой Канады.

восьмого класса, наверное. В течение следующих двадцати часов я то приходил в себя, то снова погружался в забытие. Время от времени справлялся о делах. Никаких новостей. Тони Сик отвечал, что все крутится вокруг кофейных и других автоматов, сидят как на иголках, а точнее, на ножах и ледорубах. В 2.08 двадцать второго числа я принял еще две синенькие. Я помню это точно, потому что четыре минуты спустя Эшли замолотила в дверь. Ана по селектору сообщила: Мэдисон на втором допросе заявил следователям, что он на прошлой неделе распылил около кварты Brucellis, подвергнутые испытаниям члены семьи и «несколько друзей» накопили контагиозные уровни бациллы и, по его собственной плоской шутке, все уже кончено – остается только умереть.

(70)

В «Мокрой ящерице» всегда толпился народ, но сегодня в час дня она была пуста на две трети. Может, мне позволят проторчать здесь весь день за двумя «май тай». ⁷⁹⁵ Интересно, почему Марена хотела встретиться со мной именно здесь? Из-за близости заведения к Белизскому аэропорту? Неужели она решила заманить меня в свой самолет и доставить назад в Стейк? Я сидел за крохотным шатким столиком на балконе второго этажа, смотрел на Форт-стрит и пытался вычислить, какая из припаркованных машин принадлежит аровцам, которые пасут меня. Я был готов поставить на «эконолайн» ⁷⁹⁶ этак 1980 года выпуска. Снаружи покоцанный, а стекла новые и подозрительно тонированные. Наверное, в баре внизу сидела пара хмырей – на тот случай, если я надумаю пуститься в бега на своих двоих. Нужно бы сделать их фотографии и разобраться, кто такие. С другой стороны, какое это имеет значение? Линдси потратил на меня кучу денег. Если он защищает свои вложения, то и бог с ним. Я посмотрел на большой экран моего нового телефона. Час тридцать девять. Фоновый рисунок на рабочем столе (вообще-то он слишком маленький, чтобы так его называть) аппарата представлял собой реконструкцию той потрескавшейся мозаики, что мы видели на руинах Иша, – с летучими мышами и моим двойником, поднимающимся на мул Земной Жабы. Майкл дал задание цифровому реставратору изображений, и картинка получилась почти как новенькая. Но просечь детали было трудновато. На экран уселась оса. Я прикоснулся к кнопке, включающей вибратор, и хищница взмыла во влажный воздух. Недавно шел дождь, и теперь, когда выглянуло солнце, над землей поднимался парок. Прекрасная среда для роста популяции новых бактерий, подумал я. Дизайнерская модель бациллы...

Только этого случиться не должно. Сегодня – наступило уже 28 марта – стало ясно, что Мэдисон на допросе просто пускал пыль в глаза. Козел остался в морозилках. Но Цервик все время менял показания. Сначала он заявил, что уже распылил материал. Потом – что у него есть сообщники, которые сделают это. Потом он сказал, будто разослал посылки с теплоустойчивыми взрывателями замедленного действия, установленными на ноябрь. Но (насколько мы могли судить по лаконичным отчетам ДВБ) чем сильнее на Мэдисона нажимали, тем он больше заворачивался. К тому же Козел не мог долго существовать без подпитки. Учитывая количество коллоидов и других закупленных им материалов, мы

---

⁷⁹⁵ «Май тай» – название коктейля.

⁷⁹⁶ «Форд эконолайн» – пассажирский автофургон производства «Форд мотор компани».

сделали вывод: в день захвата Цервик не имел иных запасов, кроме изъятых. И потом, игра жертвоприношения подтверждала гипотезу ДВБ. Два раза играл я, и еще несколько партий – Тони и другие аспиранты. Результаты говорили о том, что Козел не был распылен и, вероятно, никогда не будет.

Выбранная Мэдисоном дата 4 Ахау вызывала некоторое недоумение. Единственное объяснение, которое он дал, звучало так: «Люди ждут конца света в 2012 году. Я просто даю им то, чего они хотят». О календаре маяя он ничего не говорил. А если и говорил, то конторщики нам не сообщили.

Я пригубил эспрессо. Налил полглотка рома в чашку, достал кусочек мини-пастилки из поясной сумочки, бросил в кофе, перемешал и попробовал опять. Лучше.

Ох уж этот долбаный Мэдисон! Мало того что он лузер из лузеров всех времен и народов. Он проиграл большую игру и должен был выдать нам всех (я имею в виду те две-три сотни человек, которые знали о Козле), но он заставил нас несколько дней поволноваться, пока из него не выдоили все до последней капли. Сукин сын.

В любом случае, его таки взяли, подумал я в $n^{\text{н}}$ -й раз. Поскольку я – это я, меня все еще удивляло, что правительство, вернее, два правительства (вполне естественно предположить, что они, по обыкновению, все сделают не так) смогли все-таки согласовать свои действия. Хотя без нас они бы Цервика, конечно, не нашли. С другой стороны, теперь пошли разговоры, что его дело должно оставаться засекреченным (вероятно, навсегда), дабы его подвиги никого не вдохновили. И я готов был с этим согласиться, что совершенно на меня не похоже. По крайней мере, я бы задумался, прежде чем устроить скандал. Конечно, господа начальники не желают огласки, поэтому у меня возникает закономерный вопрос: не начнут ли мочить свидетелей одного за другим? Старый трюизм гласит: если ты параноик, это еще не значит, что весь мир объявил на тебя охоту... Так вот, трюизмом это выражение называется потому, что оно истинно. Понятное дело, я хотел улизнуть из Стейка. Может, я временно воспользуюсь документами Мартина Круса, а потом перейду на одну из джедовских легенд... Гм. Я оглянулся. Никого.

Как ни странно, тот факт, что Земля еще какое-то время будет вращаться по своей орбите, воспринимался как своего рода разочарование после всего...

– Привет, – сказала Марена.

На ней была бейсбольная шапочка, что-то снизу, что-то сверху. Она казалась не такой худой, как прежде, но чуточку бледнее, однако ее это красило.

– Привет, – ответил я.

Голос у меня задрожал – ну как тут не вспомнить Генри Олдрича.⁷⁹⁷ Хватит уже притворяться железным. Я встал. Она поцеловала меня, но поцелуй получился почти воздушным.

– Пожалуйста, nehmen Sie Platz,⁷⁹⁸ – сказала она. – Джентльмен Джед.

Я опустил на место. Она села напротив. У меня была коробочка сигар «Коиба» – она лежала на ее стороне стола (я еще не нашел тут Махимона, чтобы поднести ему), – и я подтянул еще один стул и положил коробку на него.

– Ты прекрасно выглядишь, – сказал я. – Хорошеешь.

– Спасибо.

– Не за что. – Пауза. – Слушай, как насчет «кон-тики зомби»? Кажется, их подают в полых джекфрутах с зонтиком и дымком от сухого льда со светящейся палочкой в виде великанов с острова Пасхи...

– Ты хочешь сказать, меня тут зомбируют? – спросила она.

– Что? Ах вот ты как.

---

⁷⁹⁷ Генри Олдрич (1647–1710) – английский философ, теолог, коллекционер и поэт, автор эпиграмм.

⁷⁹⁸ Сядь на место (*нем.*).

– Здравствуйте, добро пожаловать в «Мокрую ящерицу», – вмешалась официантка. – У нас сегодня особый «май тай» «атолл Бикини», который готовится из фирменного кокосового рома...

Марена подняла руку, останавливая ее.

– Принесите мне бутылочку «Фиджи» и рюмку «Глен Морей», – сказала она. – Спасибо.

Официантка исчезла.

– Как Макс поживает? – поинтересовался я.

– Он говорит, что его новая школа слишком уж художественная.

– Художественная?

– Ну, они заставляют детей делать всякие там отпечатки листьев, рисовать семена сосновых шишек и всякую ерунду.

– Черт знает что.

– Ну да. Но он молодец. Передает тебе привет.

– И тебе от меня, Максимум.

– Привет.

Официантка вернулась с виски и водой.

– Да, как ты насчет клонбургера?⁷⁹⁹ – спросил я.

– Извини, но я совсем не голодна, – сказала Марена.

– И я тоже, – вздохнул я. – Извини.

Официантка ушла. Марена посмотрела вниз на улицу. На правой полосе, неподалеку от «эконолайна» стоял темно-вишневый внедорожник «БМВ Х1».

– Это твой? – спросил я.

– Да, – ответила она и откинулась на спинку стула.

– Сигарету? – предложил я.

– После дня Мэдисона не курю, – сказала она.

– Молодец.

– Могу дать тебе никотиновую конфетку.

– Нет-нет, спасибо. Хочешь пастилку?

– Знаешь, мне не хочется тебя разочаровывать, но большинство людей не едят пастилок. По крайней мере, не едят их вот так – из пакетика.

– Правда? А их ведь продают тоннами.

– Продают для... а-а, ладно.

– Ты думаешь...

– Так ты все еще на... Извини, – сказала она. – Я тебя перебила?

– Что? Да нет, ерунда.

– Нет-нет, продолжай.

– Да я ничего не говорил. Что ты хотела спросить?

– Ты все еще на контракте?

– Да, – ответил я. – Просто взял небольшой отпуск.

– Я, конечно, понимаю, там не совсем «Плаза Атени»,⁸⁰⁰ но если бы ты вернулся туда, было бы здорово.

– Вернуться в Стейк?

– Да. На олимпийский комплекс. Конечно, там ничего особого не предвидится, просто Линдси хочет устроить открытие Гиперчаши.

---

⁷⁹⁹ Клонбургер – шутовское название гамбургера, имеющее, впрочем, под собой некоторые основания: американская администрация по пищевым продуктам и лекарствам в одном из своих отчетов резюмировало, что мясо клонированных животных годно к употреблению.

⁸⁰⁰ «Плаза Атени» – отель в Париже недалеко от Елисейских Полей.

– Уже? Работы закончились?

– Нет, но они снимают фильм для МОКа, а потому он хочет сделать это с помпой.

– Я туда очень скоро собираюсь, – сказал я.

Гм. Зовет в Стейк. Хочет ли она снова быть со мной или господа из АР желают, чтобы я был под присмотром? Как-то не складывался у нас разговор. Между нами словно выросла стена. Может, мне и правда лучше вернуться. Только если бы я и в самом деле был ей нужен, ну, для всяких таких дел, она бы меня под столом ножкой потрогала. Верно ведь? Черт, я словно все еще в начальной школе со своими комплексами. Вот почему я так ненавижу межличност...

– А еще, знаешь, Линдси работает над тем, чтобы убрать солдат с площадки в Ише, – сообщила Марена. – Так что мы очень скоро сможем туда вернуться. Даже вполне легально.

– Правда? – спросил я. – Даже несмотря на стычки с Белизом?

Си-эн-эн только сегодня утром сообщало, что артобстрелы через Рио-Сарстун продолжаются.

– Так мне Ларри сказал. Мы ведь теперь герои дня – не забывай.

– Да, я, конечно же, поеду.

– Отлично.

Я допил свою кофейную бурду, поерзал на стуле, оглянулся. Она тоже забеспокоилась и завертела головой. Где-то лаяла собака – такой знакомый лай. День становился липким и душным.

– И какие у тебя планы кроме этого? – спросила она. – Я имею в виду – долгосрочные.

– Не знаю. Сегодня прикупил еще несколько зерновых фьючерсов. Мне еще предстоит сделать полный круг и получить двести миллиардов долларов.⁸⁰¹

– А не хочешь заняться таким бизнесом, как путешествия во времени?

– Я хотел обождать немного, чтобы подготовиться заблаговременно.

– Вот как? Ну да.

– Ага. Вот только знаешь, если бы такое могло случиться, то мы бы об этом уже знали.

– Объясни-ка.

– Если бы путешествия во времени в сколь-нибудь крупных масштабах случались в будущем, мы бы встречали гостей оттуда.

– Может, это слишком дорого там, в будущем, – сказала она.

– Ну, знаешь, телевидение тоже стоило недешево. Проекция через «кротовую нору» сейчас зашкаливает по деньгам, но через двадцать лет, как говорится, выйдет в тираж, и все захотят попробовать. Технология не стоит на месте.

– А вдруг... эти люди среди нас, только они это не афишируют.

– Почему? Не лучше ли было бы, если бы они могли предупредить нас об опасностях?

– Да ведь Таро говорил, ты же помнишь, – такое невозможно из-за этой проблемы дядюшки.

– Это называется парадокс дедушки.

– Верно.

– Ну да, – сказал я. – Но знаешь, в далеком прошлом эта проблема представляется довольно мизерной. А поэтому люди из будущего вполне могли бы заявиться сюда и не столкнуться тут с особыми трудностями.

– А если внедрение в чужие головы объявят незаконным? Ведь, по существу, это убийство.

– Конечно, но... Допустим, закон приравнивает к убийству путешествия во времени и уничтожение чьих-то воспоминаний. Но разве запреты остановят всех? Тем более беглецы будут за пределами досягаемости властей. Так что люди все равно захотят возвращаться в

---

⁸⁰¹ Имеется в виду игра в «Монополию», в которой игрок получает возможность покупать собственность только по прохождении полного круга от начального поля.

прошлое.

– Пожалуй, – сказала она и отпила полпорции виски.

Я услышал автомобильные гудки, на которые минуту назад не обращал внимания, и подумал: а если бы они воспроизводили птичьи крики, как бы их воспринимали люди? Казались бы им эти звуки красивыми? Наверное, нет.

– Или пришельцы внедрялись бы в сознание тех, кто скоро должен умереть, а потом помогали бы их семьям, как-то компенсировали потерю... Проблема решаема, на самом деле.

– Значит, ты полагаешь, что наших потомков здесь нет, потому что нет будущего?

– Ну... не знаю, – пожал я плечами.

Она отпила глоток «Фиджи». Пауза.

– Извини, – пробормотал я. – Ты, должно быть, думаешь о Максе.

– Да.

– Может, есть другое убедительное объяснение. Да что там, наверняка есть. Извини.

– Нет, это ты меня извини, – вздохнула она. – Я такая сумасшедшая мать.

– Очень хорошо. Это делает тебе честь.

– Тут дело вот в чем, – протянула Марена, – когда у тебя есть ребенок, он для тебя бесценен. Вот кто-нибудь... инопланетянин, божество, кто угодно приходит к тебе и говорит: «Слушай, если ты отдашь своего ребенка, я дам вам средство от рака, сделаю всех бессмертными, покончу со страданиями во Вселенной», а ты ему все равно говоришь: «Нет, спасибо, не надо».

– Ну да, – сказал я.

– Происходят какие-то изменения на химическом уровне. Ты становишься системой жизнеобеспечения для другого существа.

– Прекрасно, – сказал я. – В любом случае, прости, что я затронул эту тему.

– Да нет, ничего, – пробурчала она и допила свой «Глен Морей».

– Может, наша старушка-игра даст нам какую-то подсказку, – проговорил я.

– Да, – оживилась она. – Кстати, игра еще ой как пригодится! Вряд ли Мэдисон последний апокалипсник в этом мире.

– Вряд ли.

– Ты должен продолжать работу. Как в истории Филипа Дика,⁸⁰² в которой действует Бюро по предотвращению преступлений.

– Должен?

– Понимаю, я больше тебе не начальник. Но хочу сказать: ты просто настоящий Джеймс Бонд. Только тебе не нужно выходить из офиса.

– Спасибо.

– Извини.

– Ничего. Я просто хотел сказать, что на мне свет клином не сошелся, – проговорил я. – Тони с ребятами неплохо продвинулись. Они вполне могут этим заняться.

– Угу.

– И ОМОД совершенствуется, – добавил я. – Через пару лет он будет работать сам по себе. Никто к нему не подкопается, я хочу сказать, человек с трудом сможет его контролировать.

– Мы должны будем довериться ОМОДу, да?

– Ну, это другой вопрос, – сказал я.

Солнце пекло невыносимо. Неподалеку в проулке кого-то рвало. Громко.

– Пожалуй, этот захудалый городишко не годится для такой шикарной дамы, как ты, – усмехнулся я.

---

⁸⁰² Филип Киндред Дик (1928–1982) – американский писатель, много работавший в жанре научной фантастики. В данном случае речь идет о фильме «Minority Report», известном в России как «Особое мнение», в котором три медиума предотвращают преступления.

– Да, он быстро начинает доставать, правда?

– Секунд через десять.

– Так чего же ты здесь торчишь? – спросила она.

– Я ведь не шикарный.

Пауза. Булькающие звуки стихли.

– Слушай, – произнесла Марена. – Я хотела увидеть тебя, потому что обнаружила кое-что не очень приятное, и ты, когда узнаешь, просто взбесишься.

– Да ничего, не беспокойся за меня.

– Но ты имеешь право возмутиться. Тебя сильно-сильно подставили.

– Каким образом? Наверное, меня собираются арестовать.

– Нет, это совсем другое... Ты знаешь про эти порошки для кровавой молнии, они из двух компонентов, один из них типа обостряет твою способность ориентироваться в пространстве. Ну, он еще называется как лосьон для бритья.

– «Старый рулевой». ⁸⁰³

– Точно. Так вот, я провела разыскания на этот счет.

– Ну и?

– И... эти ребята из «Лотоса» не... короче, кто-то тебе и мне сообщил нечто не имеющее отношения к действительности.

– Что это значит?

– Это зелье – не просто химическое вещество.

– А что же?

– Паразит.

Пауза.

– Не понял?

– Это существо, оно генерирует некую разновидность психоактивного... ну, как те улиточные черви. Улитки с червями в щупальцах ползут вверх, и их склевывают птицы.

– Лейкохлоридий. ⁸⁰⁴

– Ну да. Или что-то типа того вещества, которое убивает в мышах страх перед кошкой.

– Токсоплазма. ⁸⁰⁵

– Верно. Вот почему этот компонент имеет жидкий вид – в нем плавают эти самые паразиты.

– Так... так, – забормотал я. Голова у меня слегка кружилась, хотя Марена вряд ли заметила, как меня пошатывает.

– Поэтому так долго готовили этот состав – пришлось клонировать паразитов из каких-то животных.

– Угу... Что же это такое конкретно?

– Эти паразиты?

– Да. Трематоды, протозоа или...

– Не знаю. – Она посмотрела мне в глаза. И отвела взгляд.

– Почему эти деятели не могли просто выделить психоактивную часть из секретов и дать нам?

---

⁸⁰³ Английское «Old Steerman» («Старый рулевой») вызывает у героини ассоциации с известным брендом «Old Spice».

⁸⁰⁴ Лейкохлоридий – паразитический червь, яйца которого проглатывает улитка. В теле улитки из яиц вылупляются личинки, которые в процессе своего развития распространяются по телу улитки, проникают в щупальца, увеличиваются в диаметре и становятся ярко-зелеными. Вырост привлекает внимание птиц, проглатывающих «гусеницу».

⁸⁰⁵ Токсоплазма – один из видов паразитических простейших. Было доказано, что токсоплазма может влиять на поведение хозяина: зараженные крысы и мыши меньше боятся кошек.

– Без понятия, – ответила Марена. – Думаю, на это потребовалось бы слишком много времени. Может, они не знали, какой из порошков нужен. Или он должен был взаимодействовать с каким-то человеческим нейротрансмиттером... Ты в курсе всяких таких вещей...

– Ну хорошо, а симптомы заболевания, жизненный цикл паразитов, кратко- и долгосрочные эффекты, прогноз?..

– Они говорят, что работают над лекарством.

– Оно будет излечивать или облегчать протекание болезни? Ты ведь знаешь, что даже малярия не лечится.

– Наверное, пока только облегчать.

– Черт.

– Если ты можешь потерпеть и не нестись туда сразу... ну, я не знаю, что ты собираешься делать, но я боялась, что ты станешь допрашивать доктора Лизуарте или...

– Неплохая мысль.

– Если ты немного подождешь, то я, как только прилечу, – она имела в виду Стейк, – выясню все, что смогу, и отзвонюсь тебе...

– Они могут занервничать.

– Я буду осторожна. Верь мне.

– А как насчет Эшли и всех тех, кто принимал эту штуку?

– Я проработаю этот вопрос, мы все документально подтвердим, и я пойду с этим к Линдси, который наверняка ничего не знает, потому что его стараются информировать по минимуму. А потом мы с тобой будем разбираться. Мне очень, очень жаль, что все так получилось.

– Не извиняйся. Справимся.

«Софо, софо, софо», – изрыгал я про себя ругательства. Вот это подсунули мне подлянку. Просто взяли и подставили меня. Эти люди, эти люди... устроили мне такую...

– Прости.

– Ладно уж.

Пауза.

– Но выглядишь ты ничего. – В ее голосе послышалась завершающая нотка.

– Тебе пора?

– Там наверняка уже дозaprавились.

Молчи, подумал я. Забудь об этом. Не обманывай себя, не сходи с ума, не проси, не делай ничего такого. Она занята. Ей правда нужно работать. У нее ребенок. Ей надо руководить империей. А еще и рыбку съесть и на кий сесть. Она принадлежит корпорации. У нее нет ни минуты свободной. Она живет полной жизнью.

– У тебя все нормально? Ты уверен? – спросила Марена.

– Просто супер, – ответил я. – Могу окочуриться в любую секунду.

– Очень смешно.

Как и следовало ожидать, повисло мучительное молчание. Я чувствовал запах блевотины с улицы или это был мой внутренний ландшафт?

– В неловкое положение я, однако, попал.

– Извини. – Она уставилась на синюю пластиковую столешницу.

– Ничего.

Черт побери, Джед. Ты упал на спину, раздвинул ноги пошире и сказал: «Трахай меня чем хочешь». Идиот. Глупый, тупой, недоразвитый...

– Послушай-ка, – сказала она. – Есть еще кое-что. Я не хотела об этом сейчас говорить, но все же скажу: я собираюсь замуж.

Пауза.

– Ты имеешь в виду – не за меня, – сказал я.

– Гм, да. Ты его не знаешь, это мой сосед в Вуди-Крик.

– Вот как. Поздравляю.

– В общем, ну, ты понимаешь, наш с тобой роман – это высший класс. Но мне кажется, ты – вечный бродяга. Ведь так?

– Я... ммм... да, вечный... я вечный бродяга.

– А женщине нужно пустить корни, – принялась рассуждать она. – Я знаю, это смешно, но время слишком ограничено. У женщин очень короткий срок годности, а тут еще этот апокалипсис... в общем, я хочу сказать, что нам необходима эта дурацкая... понимаешь, женщине в принципе все равно, кто с ней, лишь бы носил штаны, тренировал команду Макса по лакроссу, не спал днем и ложился в постель по ночам, занудствовал бы... да ты сам все понимаешь.

– Занудство – это класс, – хмыкнул я.

– Для женщины в определенном возрасте – несомненно, да.

– Верно.

Я глупейшим образом чувствовал отвратительное безразличие. Может, даже в большей степени в связи с планами Марены, чем с известием о том, что мой организм стал прибежищем для паразита.

– В любом случае... давай возвращайся, и мы поговорим об этом, когда у нас будет время. Ладно?

– Ладно.

– Ну, я пошла. Клянусь, я сделаю все как надо. Позвони мне.

– Хорошо.

– Завтра, – кивнула она. – Непременно завтра. – И встала.

– Конечно, – сказал я и тоже поднялся.

Она снова поцеловала меня. Я почти не ответил. Она повернулась и пошла в зал ресторана. Я смотрел вниз с балкона.

Черт.

Дело в том, что когда я познакомился с Мареной, она казалась обительницей некой холодной планеты, расположенной близко к воображаемому яркому центру Вселенной. И я говорил себе: нет, Дждед, эта курочка не для тебя. Хоть через тысячу лет – все равно. А потом я вбил себе в голову, что, несмотря на внешний лоск, она немного похожа на меня. У нас возникло взаимопонимание, и вся ее сдержанность выглядела показной. Теперь, наоборот, наша прежняя близость смахивала на притворство. А может, ложь была изначально во всем и Марена проявляла ко мне участие только по команде сверху. Сука. Тебе знаешь что нужно... Ой, вот она.

Марена вышла из дверей в двадцати футах под моим балкончиком и двинулась по Форт-стрит. Даже не взглянула вверх. Опа – нет, все-таки посмотрела. Помахала мне. Я ей тоже махнул. Она отвернулась и села на заднее сиденье «БМВ». Машина тронулась. Я остался сидеть на маленьком неудобном стуле.

Да, подумал я, это было... невыносимо неловко.

Бабочка – это ничего.

Дьявольщина.

Глупо, несносно, неизбежно. Я стал вспоминать этот эпизод – он произошел вскоре после случая с гиппогрифом и до того, как мы обнаружили магнетитовый крест, – я читал, а Марена спала, и ей что-то снилось – глаза ее метались под веками. Окно было открыто, и в комнату залетела бабочка сфинкс средних размеров. Она покружила над экраном моего телефона, а потом уселась Марене на лоб.

– Паук, – пробормотала она, на девяносто процентов погруженная в сон. – Убери его.

– Это всего лишь безобидная бабочка, – прошептал я, наклонившись к уху Марены.

– А-а-а, – протянула она таким сонным девчоночьим голосом. – Бабочка – это ничего. Безобидная...

И повернулась ко мне. Я растаял, словно передо мной была моя маленькая дочка, которая абсолютно мне доверяет...

Бля.

У тебя случается мгновение-другое абсолютной близости, а потом, когда все возвращается к этой пакостной повседневности жизни, ты расстраиваешься, что этого больше нет, потом пытаешься обрести утраченное, снова и снова прокручиваешь перед мысленным взором произошедшее, но ничего не понимаешь. Есть близость, и есть отчуждение, а еще – древняя, вечная, непреодолимая и необъяснимая пропасть между ними, и ты... Скотство! Ты видишь этого человека насквозь, знаешь, как у нее наступает оргазм, как она спит, а потом, утром, вы снова чужие, потрахались – и все дела, и ты ненавидишь за это себя, и ее, и всех. Ты идиот. Чего ты ждал? Что ты уедешь с ней туда, где сияет рассвет, в вишневом «БМВ»? Да ведь и продолжалась-то идиллия всего девять дней. Или восемь?

Может, стоит вернуться, подумал я. И мы снова попадем в струю. Изоляция, безделье, непривлекательные коллеги. Вы оба через день окажетесь в той же постели. Нет вопросов. Теперь ведь сегодня одно, завтра другое, она через день пошлет этого типа из Вуди...

Нет. Не обманывай себя. Она просто играет тобой, чтобы заставить тебя работать усерднее. Согласись на это самоубийственное задание, и тебе отломится – проведешь последнюю ночь перед заброской в тыл врага с мисс Сеул. Несчастный изгой.

И худшее во всем этом – банальность. Дурацкая интрижка, дурацкие эмоции, неизбежный последний неудобный разговор, все это плоско и пошло. Нет, старина Джек, ты не просто побитый, психически неустойчивый дебил – ты хуже. Ты заурядность. И твои знания тут ни при чем. Твои деньги ни при чем. Твое умение играть в игру жертвоприношения ни при чем.

Ты не играешь в игру. Это она играет тобой. Как и Марена. Как и все остальные.

Лузер.

Я снял шапочку и стер влагу с внутренней манжетки. Над моим кумполом свистели холодные межзвездные плазменные ветра. Что ж, ты это заслужил, подумал я. Даже в игре ты не такой уж и мастак. На девять камней не тянешь. Даже когда тебе помогает компьютер, у которого мозги размером с туманность Ориона. Да ты и восьмикаменную не можешь толком закончить.

Я снова надел шапку.

Черт побери.

Отчего же все так?

Гм.

Одна простая партейка. На полчаса. Просто разыграть последнюю позицию. Ерунда. В любой момент могу бросить. Давай возьми линию прицела чуть выше.

Я вытащил щепоть табака из другого поясного кармана, сунул в рот и, как всегда, разжевал, чтобы получился комок. Отлично. Затем поднялся, прошел внутрь мимо шумного бара на втором этаже, спустился по лестнице в туалет (на двери было написано: «Плохие мальчишки»), укололся одной из четырех оставшихся у меня уворованных порций хатц'к'ик'а с воздушным впрыском. Выплюнул табачную жвачку. О господи, я отвратителен. Идиотская привычка. Жвачка – это жлобство. Я втер табачную кашицу в нужное место на ноге, натянул штаны, плеснул теплую воду себе в лицо и вернулся за свой мини-столик.

Я раскрыл телефон. Ишианская мозаика никуда не делась. Так, что там было? Улитка, многоножка и то и другое или ничего? Ну, посмотрим. Я кликнул «жертвоприношение». Появилось поле игры. Чтобы чувствовать независимость, я отключил Интернет. Все равно он мне сейчас был не нужен. Я прекрасно знал, что ищу. Факты были налицо. Слишком много фактов. И какой важнее, трудно понять. Например: «На моей рюмке с ромом сидит оса *Sphexius*» и «Во Вселенной около 4×10^{79} атомов» – и то и другое факты, но один гораздо весомее другого. Что выбрать?

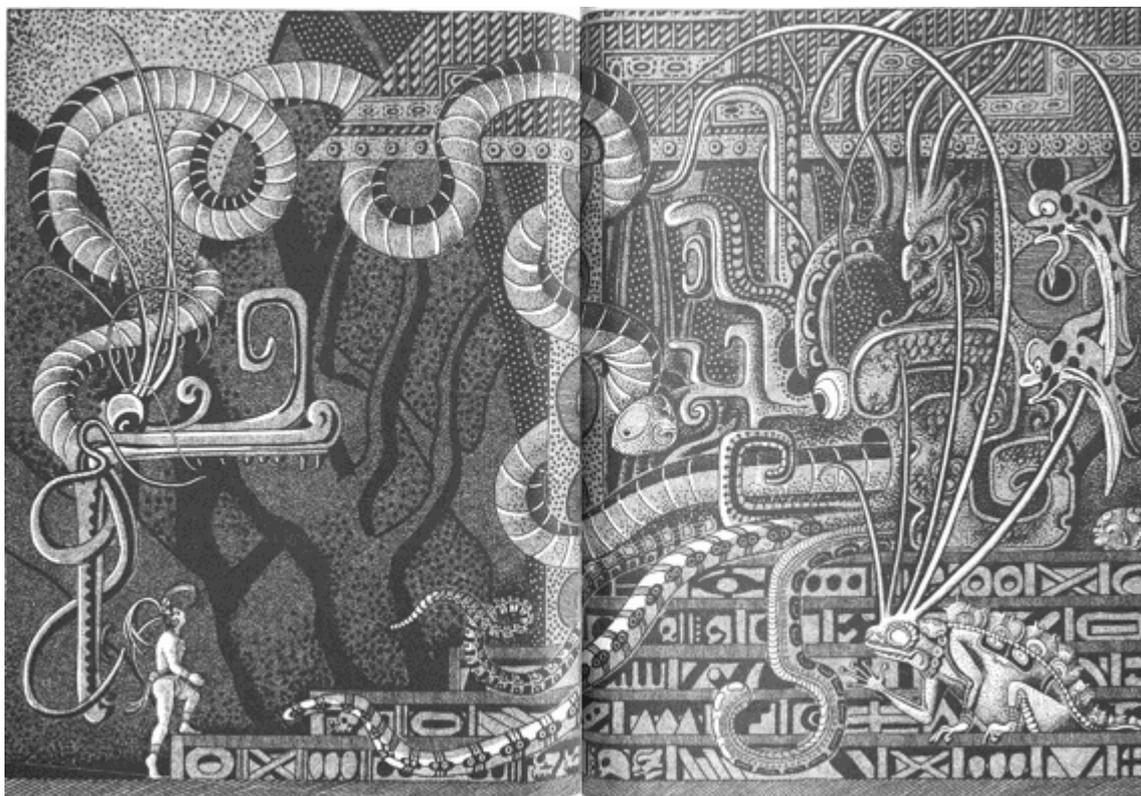
Я начал ощущать пульсации – они распространились от моего левого бедра к стопе и отдавали в пах.

– Вот он, выжженный участок, вот она, поляна, – пробормотал я и поставил последнюю позицию моей последней успешной игры – той, что помогла найти Мэдисона. Я даже не понимал толком, почему возвращаюсь к ней. Разве что иногда хочется проверить

альтернативный вариант и посмотреть, кто выиграл бы в нем. Тебе может совсем не нравиться представление, но если ты досидел до определенного момента, то уже останешься в театре до занавеса.

– Сейчас я беру взаймы сегодняшнее дыхание, – сказал я. – Ла хун Кавак, ка Во, 10 Урагана, 2 Жабы, девятнадцатого солнца, пятого уинала, девятнадцатого туна, девятнадцатого к’атуна, тринадцатого б’ак’туна.

Я передвинул вперед восьмой череп – к 4 Ахау по западному склону выветренной горы, покрытой красноватой пылью, в направлении пещеры в небесах, откуда доносился гулкий вой.

(71)

Один из заметных эффектов, оказываемых игровыми снадобьями, состоит в том, что они словно создают отдельную камеру в твоём мозгу. Можно устроить перерыв, неделями жить обычной жизнью и не вспоминать об игре, но стоит вкачать себе порцию зелья, и ты тут же оказываешься в том месте, где закончил партию, причем тебе не нужно заново входить во все детали. Я думаю, с тем же успехом люди смотрят сериал, который показывают по эпизоду в неделю, или по вечерам читают книгу с закладкой, или развлекаются «Варкрафтом»⁸⁰⁶ в телефоне, с той лишь разницей, что игра – штука более автономная и напряженность здесь нарастает очень быстро. В общем, на подсознательном уровне я понимал, что сижу за рахитичным столиком в ресторанчике Белиз-Сити, однако, сосредоточившись на игровом поле, мгновенно перенесся в то же место, где в прошлый раз

⁸⁰⁶ Вымышленная Вселенная, созданная для компьютерных игр из серии «WarCraft».

искал Мэдисона, – на западный склон крошащейся горы, – и почти без усилия представил тепло древнего солнца, греющего мне спину, услышал шорох кирпично-красной пыли, выющейся столбом... Когда я передвинул вперед восьмой череп, видимость улучшилась. Мои ноги упирались в твердый камень. Ветер принес неприятный запах дыма. Сюда, подумал я. Он делает ход. Я делаю. Туда. Я продолжал подниматься – сквозь пыль, облака пара, слой пепельных туч. Оступился. Ступеньки еще больше раскрошились с того времени, как я был здесь в последний раз. Они так растрескались и перекошились, что я едва удерживал равновесие и двигался дальше на воображаемом эквиваленте «всех четырех», преодолел полосу пепла, ледяной туман – и достиг выветренной террасы под панцирем неба. Рев и стоны раздавались громче, чем раньше. Камень исчез. Я выпрямился, пытаюсь рассмотреть грядущие миры на востоке, но их скрывала громада горы, и я снова опустился на четвереньки. Зев туннеля передо мной стал шире по сравнению с тем, каким он был 13 Собаки 18 Черепахи. Крошился камень вокруг, открывалась пропасть, слишком глубокая для восьмого черепа. Что ж, действуй, подумал я. В чем проблема?

Я сделал ход девятым черепом. Распахнувшаяся передо мной бездна превосходила размерами любую пещеру на земле. Возможно, погружение в нее будет напоминать спуск на веревке в метановый ледопад в глубь громадного пузыря на одной из лун Сатурна. Но все равно девятый камень был надежно связан с восьмым, и я сползал все ниже и ниже к центру сферы – в ревуший вихрь. Всюду мелькали существа, почти (но никогда не) касаясь меня – так мимо вас проносятся летучие мыши, когда вы на рассвете стоите перед входом в пещеру. Вы ощущаете кисловатый запах их экскрементов, чувствуете, как струи воздуха хлещут вас по лицу, слышите биение крыльев – так шуршал бы смерч плотных кожистых листьев, – но они никогда, никогда не задевают вас... Однако обитатели подземелья были крупнее, медлительнее... Они казались бескрылыми, мягкотелыми и в отличие от бесшумных летучих мышей издавали оглушительно громкие звуки. Может быть, именно их представлял Данте, когда описывал *luxuriosi* в их адском вихре.⁸⁰⁷ Когда мое внутреннее око приспособилось к мраку, мне удалось яснее увидеть этих существ, по отдельности я их не различал, но понял, как они двигаются, – так скользят в глубинах морские животные. Правда, я не замечал особого сходства между ними и сивучами, которых недавно вспоминал... скорее они напоминали белух – у них такие же высокие лбы и упругая белая кожа... Потом, глядя на изогнутые спины, я решил, что подземные демоны похожи на горбунов или карликов с коротенькими телами и громадными головами... У них обнаружили короткие жирные хвосты и рудиментарные ручки... словно у головастика, которые вот-вот превратятся в лягушат... У этих созданий были уши, сквозь прозрачную кожу просвечивали бьющиеся сердца, а под закрытыми веками металась выпуклые глаза, словно...

«Эмбрионы», – догадался я.

Это были а'ааны, духи нерожденных, тех, что будут после нас.

Неудивительно, что их так много – миллионы и квинтиллионы, бессчетные количества. Здесь находилось все население будущего, все мужчины и женщины, которые родятся после 4 Ахау и которые никогда бы не появились на свет, упади тот камень и загороди выход. Когда 4 Ахау солнце б'ак'туна достигнет своего зенита, его лучи проникнут в эту пещеру, освещая а'аанов. Эфир этого громадного пространства будет нагреваться и расширяться, и теплые волны неизбежно вынесут их вверх, чтобы они расселились по земле. Я вспомнил слова госпожи Кох в послании Джеда-2, она говорила, что у нулевого уровня есть три пещеры: Пещера мертвых на западе – тот свет, Пещера дыхания – то, что мы называем миром, и Пещера нерожденных.

Я смотрел. Слушал. И внезапно понял: а'ааны счастливы.

Здесь играли тени потенциального сознания. Они резвились, плавали группами,

---

⁸⁰⁷ Расточители (*lat.* *luxuriosi*) в «Божественной комедии» Данте мучаются в четвертом круге ада, где кружатся в вечном хороводе со скупцами.

гонялись друг за другом, как выдры. Толкались бедрами, как на дискотеках в 1970-е годы. Они крутились снова и снова, радуясь движению.

Мой внутренний слух медленно, как и внутреннее зрение, приспособился к какофонии этих звуков, и я начал понимать их. А'ааны вовсе не рычали друг на друга. Они обращались ко мне, именно ко мне, на языке, который понятен детям, и теперь до меня тоже стал доходить смысл сказанного.

Оставь нас здесь!
Ты, Смердик, пожалуйста, оставь нас здесь!
Мы не хотим покидать это место!
Мы не хотим жить под солнцем!
Закупори нас!
Сбрось на нас этот камень!
Защити нас!
Спрячь нас!
Сбрось этот камень!!!

Ни один из них не хотел появляться на свет.

Но я не мог тут больше оставаться. В определенный момент, даже если ты играешь в одиночку, нужно сделать ход, и девятый череп просто жаждал вырваться за границы этого квадрата. Я поднялся вверх на четыре сегмента по сине-зеленой оси, вверх через заштрихованные годы, из пещеры на прохладный воздух, на собачий манер стряхивая с себя капли околоплодной жидкости. Я еще слышал, как а'ааны кричат за моей спиной, умоляя меня помочь им не родиться, не приходиться в этот мир боли. Мой бегунок двигался выше и выше и наконец оказался у небольшой зеленой нефритовой площадки размером с бейсбольную базу. Меня объял прозрачный воздух. Безоблачное небо сияло над головой. Я встал и огляделся. Плоскости времени вращались подо мной белая, черная, желтая и красная. Я достиг вершины.

– Принести вам что-нибудь, любезный? – тихим голосом спросила официантка.

– Да, еще тройной эспрессо, – сказал я, – и порцию «Крузана».⁸⁰⁸

– Конечно.

Она исчезла. Я потянулся, устроился поудобнее. Собака все еще лаяла и завывала, как пес со свалки. Несколько раз перед моим мысленным взором прокрутилась сцена из прошлого. В последние минуты той ночи я украдкой выбрался из дома к его клетке, зная, что мои братья собираются утром замучить беднягу до смерти. Я дал ему воды и гладил его через проволоку, и когда наконец стало ясно, что восход не замедлит себя ждать, я вытащил из рюкзака ремень, накинул его на собачью шею и просунул под него хромированный металлический стержень, вывалившийся из какой-то машины, а потом стал закручивать петлю. Ремень глубоко ушел в роскошную шерсть, но пес вел себя до странности тихо, дрожал, но не сопротивлялся, и потому я был абсолютно уверен: он понимает, что я делаю. Он умер меньше чем через минуту, свернулся в комок с застывшим на морде выражением благодарности. Вернулась официантка. Я пригубил ром, отхлебнул кофе и, чтобы насолить Марене, кинул в рот пастилку.

Ага. Вот так лучше.

Я снова бросил взгляд на игровое поле. Я по-прежнему стоял на бирюзовом центральном квадрате на вершине перевернутой горы. Буря подо мной утихла, и на равнины оседала пыль. Четыре лестницы, или тропы, или артерии, или как уж они там называются, вели вниз с площадки. Северо-восточная тропа шла вдоль берегов с наростами полуразрушенных рабочих поселков, через белые шапки серебряных заливов, над

---

⁸⁰⁸ «Крузан» – марка рома.

подводными каньонами, под вереницами гигантских алюминиевых летательных аппаратов, мимо загаженных известняковых городов, пряталась в береговых и дрейфующих льдах и ныряла в ледяные поля. Принадлежащий недавнему прошлому запах горячего дегтя проплыл слева от меня, и я повернулся на девяносто градусов против часовой стрелки на северо-запад. Там были дюны золы и клубы радиоактивного пепла, а еще дальше – пустыни, усеянные нефтяными установками, суходолы, похожие на чаши кислотного газа над горящими угольями с асфальтовыми кочками; за ними тянулись цепочки угольных дымков из паровозных труб и очереди голодных семей, которые тащат салазки по прериям, а у кромки земли в вечных сумерках над темной водой, тундрой и ледяной шугой реяли стаи морских чаек, пожирателей отбросов. Я посмотрел на юго-запад, на мрачные соляные болота, наводненные раками, на равнины, над которыми летали орды хищных канареечно-желтых птиц, преследующих стада гиппарионов.⁸⁰⁹ Я заметил медно-красного броненосца размером с «чероки» Марены, роющего землю в глубоком ущелье, а потом строй quetzalcoatlus northropi⁸¹⁰ с поросшими золотым пушком крыльями размахом в сорок футов, они кружили над телами гигантских крокодилов на левом берегу внутреннего североамериканского моря,⁸¹¹ а в немыслимой дали были другие существа, пространства и эпохи, мгновения прошлого там уподоблялись клеткам живого организма, спрессованным в одну точку и брошенным, как зерна, в глубокие борозды вечности... Мне снова пришлось повернуть налево. На юго-востоке рассвет распростер свои окровавленные, лишенные ногтей пальцы над царством возможного будущего, которое тянулось все дальше и дальше, туда, где у сферической земли должен быть горизонт, словно я стоял на планете размером с Юпитер, нет – на совершенно плоской бесконечной равнине, а поскольку воздух был абсолютно прозрачен, а может, потому, что он отсутствовал вообще, я мог детально видеть события в бесконечном далеке с такой же четкостью, как если бы они происходили прямо передо мной. Слишком детально, если уж на то пошло. Даже чересчур.

Я снова медленно развернулся против часовой стрелки, как отражение ползущей секундной стрелки на «ролексе» Линдси Уоррена. Наступала последняя фаза действия Рулевого, когда начинаешь чувствовать то, что госпожа Кох назвала «другие ветра». Джед-2 пояснил, что она имела в виду нечто вроде стихий или персонифицированных невидимых сил. Что касается меня, то я обычно первым делом реагирую на тепло. Словно разглядываю фотографию в инфракрасном свете, вот только энергия, излучаемая телами, двигателями и землей, имеет оттенок флуоресцирующей коричневой краски и запах рома и красного перца. Потом на картинке проявляются другие изображения – алмазное мерцание солнечных лучей, огибающих землю и возвращающихся к светилу, траурно-темные радиоволны, разносящие терабайты бесполезной информации, микроволны того тона, какой получился бы при смешении оранжевого и пурпурного, хорошо разбавленных серым, а на одной из границ моего расширяющегося пузыря восприятия вращались синие циклоны гамма-лучей, проходящих через мое тело, как дробь из ружья пронзает рой мух. Я слышал, как астероиды со скрежетом несутся к земле и трутся друг о дружку тектонические плиты, ощущал, как накапливается энергия в гранитных часовых пружинах, видел гравитацию (у нее багряный цвет шелковичной ягоды), которая распространяется от земли, собирается пучками в темные звезды и проливается в пустоты мироздания, различал даже контуры черных дыр на фоне потоков межзвездной пыли. Мне стали ведомы и более скромные энергии живых существ, испарения растений, светящиеся зеленью и охрой, оранжевая безжалостность деревьев,

---

⁸⁰⁹ Гиппарионы – род ископаемых трехпалых лошадей.

⁸¹⁰ Кетцалькоатль нортропи – крупнейший из известных представителей отряда птерозавров.

⁸¹¹ Во время мелового периода Северная Америка была разделена на две части громадным внутренним морем.

удушающих своих соседей, следы феромонов, которые влекут животных, нанизывая их на себя, как бусины на нить. В этом хороводе плясали и волны, излучаемые людьми. Сексуальные желания горели вишневым сигнальным факелом, и его отблески падали на все обитаемые пустоши, словно рябь, расходящаяся по нефтяной луже. Мелькали вспышки оргазмов – мне казалось, я на расстоянии чувствую их вкус, вкус морского ежа. Бело-зеленые искры и дуги страха, пронзающие ландшафт, собирались в шаровые молнии в районе школ, больниц и в зонах боевых действий. Йах (боль или дым боли) поднимался над равниной, как утренний туман над кипящей кровавой росой. У него был лиловато-сине-серый цвет, почти сиреневый, но какой-то неприятный. Он стелился над землей клочьями, пеленами, облаками. У него был тот же привкус, которым, по словам Джеда-2, отличается мясо замученных до смерти животных, та неземная острота, что противоположна корице. Тот смак, который более всего привлекает курильщиков.

Я, кажется, уже говорил, что на чоланском «йах» означает «боль», в смысле «дым боли» или «боль как подношение», «священная боль». Антоним к этому слову – хе'еслах, что можно перевести как «удовольствие» или «счастье», но на самом деле оно носит более нейтральный оттенок – скажем, «отдых» или «покой». Но даже после того, как я простоял долгие часы, вглядываясь в восточный горизонт, йах оставался подобием облачной крыши над ландшафтом, а мгновения хе'еслаха напоминали поросшие травой светло-зеленые горные вершины, то здесь, то там пронзающие тучи. Это даже не поддается сравнению, подумал я. Если взять отдельного человека и просуммировать его мгновения горя, а затем сопоставить с выпавшим на его долю счастьем, то соотношение будет галлон к капле... Мне раньше думалось, что в будущем возможны изменения к лучшему – там не будет войн, люди научатся лечить болезни или хотя бы делать таблетки счастья, а потом усаживаться перед экраном с разрешением в два миллиона пикселей... Но вместо этого я видел, что страдания становятся вездесущими и на всех n-лионных путях возможного развития над пеленой мрака торчат лишь несколько пиков хе'еслаха. По той или иной причине дела шли все хуже и хуже.

Но я все равно старался как можно точнее рассчитать соотношение того и другого. И чем дольше я прикидывал и сравнивал, тем больше чувствовал себя кем-то вроде Марии Кюри, получившей в подарок девять тонн урановой слюдки. Вместо того чтобы извлечь из нее все радиоактивное вещество, я спустя три года после последней переработки раствора получил жалкие крохи – такую малость, что она не была бы и видна, если бы не светилась, как тысяча солнц.

Наконец я сдался.

Нет, это и в самом деле удивительно, подумал я. Если сравнивать, то боль в $n^{\text{бля}}$ раз сильнее. Любой человек готов отдать часы высочайшего наслаждения (по меньшей мере), лишь бы не корчиться минуту от жестокой боли. У меня из головы не выходила девчушка на видео с рекламы «Милк-дадз»⁸¹² – мордашка скривилась, из глаз текут слезы, а ведь всего несколько мгновений назад она ликовала и веселилась: должно быть, это был лучший день в ее жизни, и вдруг все кончилось. И стоит только представить, что дистанция между горем и радостью стала вечной, непреодолимой, как на ум приходит единственное разумное решение – немедленно уничтожить Вселенную, приклепнуть ее, потому что она устроена несправедливо и никакое счастье не может оправдать ее существование. Если бы через неделю кто-нибудь научился предотвращать старение и лечить все болезни и в тот же день другой гений изобрел бы холодную сварку, телепортацию и вкуснейшие пончики, которые можно есть, не боясь растолстеть, а после этого наступил бы триллион лет беспробудного счастья, то мир все равно не стоило бы сохранять так долго, потому что пока какой-нибудь малыш льет горькие слезы, ничто не сможет искупить эту горечь. Если вы умеете сопереживать другим, то согласитесь, что эти слезы обесценивают все то хорошее, что есть на свете. В противном случае вы сами должны испытать боль, чтобы понять, о чем речь. А

---

812 «Милк-дадз» – молочный шоколад американской фирмы «Херши».

те, кто считает иначе... что ж, может, они и милые люди, но явно не хотят видеть очевидное. Они похожи на группу дошкольников, которых везут мимо стада коров, ребятишки рассуждают о том, какие это замечательные животные, и поедают гамбургеры. Боль можно облегчить, но ее невозможно улучшить, невозможно искупить, невозможно забыть. А самое главное, нельзя допускать, чтобы она повторялась.

Конечно, «сила боли» – пустые слова. Это все равно что сказать «скорость света». Мы говорим о таких понятиях с привычной бравадой, но не очень-то задумываемся над ними. Вот только в отличие от физических теорий здесь для непонимания есть все причины, потому что как только вы начнете понимать, вы тут же сломаетесь. Человек бросается прочь из комнаты и прячется в ванной. И только с помощью грандиозного самообмана можно снова заставить себя вернуться к прежним занятиям.

Так вот, в этом самообольщении была необходимость лишь до определенного момента. Но теперь конец достигим. И мы знаем: вот то, что нужно...

Опа.

Меня пошатывало. Я оторвал взгляд от горизонта и твердо встал на ноги. Да, так лучше.

Черт, я все еще слышал, как вопят нерожденные.

И неудивительно, подумал я. Мы тащим их в этот мир, мы даем им девять тонн вонючего дерьма в одну руку и полграмма светящейся дряни в другую, а потом хотим, чтобы они вели себя так, будто с ними поступили справедливо. Женщины соглашаются делать аборт, если знают, что будущего ребенка ждет мучительная смерть, если у плода, скажем, врожденный гиперкератоз,⁸¹³ но оставляют тех, кто родится с другими болезнями, обрекая их на жизнь, полную ежедневных страданий.

Дело в том, что вы вовсе не обязаны делать кому-то приятное, в особенности тем, кто еще не родился. Но вы не должны причинять им вред. А наделяя их сознанием, вы определенно им вредите. Возможно, это является одним из множества грязных трюков, с помощью которых самовоспроизводится ДНК, но вовсе не означает, что мы должны вестись на это. Для нас сознание не что иное, как ошибка.

Я сделал глоток «Крузана».

4 Ахау, 8 Темноты, 0.0.0.0.0, 13 августа 3113 года до н. э. древние заключили договор с предками, обязуясь дать им потомство. Потомство, которое будет кормить их, чтить их, помнить их, но самое главное – давать им напиток боли. Хе'еслах – для нас, а йах для курильщиков. Они любят его так же, как знатоки вин любят «О-Брион» урожая сорок седьмого года, как бабочка любит сахарный сироп, как фанаты автомобильных гонок любят столкновения машин.

Но договор имел сроки действия. Ты обязан был дать курильщикам (или предкам, или богам, или еще кому) ровно столько, сколько был должен, но не больше.

А потому великие складыватели, мудрецы и высчитали, что 4 Ахау можно прекратить жуткие выплаты по старым долгам. Для тех, кто придет после, наступило время сделать то, что нужно.

Я откинулся к спинке, хрустнул пальцами, пошевелил челюстью. Огляделся. Собака, которая выла, как пес со свалки, замолчала. Через несколько минут лучи солнца коснутся моего стола. Я помахал официантке.

Самое главное в складывателе – не умение делать ставки в игре и не привыкание к Солильщику и Рулевому, которые не могут убить его. Гораздо важнее ответственность и объективность. Его долг – четко оценивать мир, не позволять чувствам сбивать себя с толку, не тратить всю свою энергию на поиски несуществующей панацеи, не выдавать желаемое за действительное, как поступают обычные люди. Хороший складыватель всегда отличает правильный путь от неправильного и выбирает правильный, а не тот, который больше

---

⁸¹³ Гиперкератоз, или плод арлекина, – форма врожденной кожной болезни, несовместимая с жизнью.

нравится. Помни об а'аанах, подумал я. Они знают, что говорят. К'а'оола'ел, к'а'олтик. Тот, кто знает, тот знает.

Мудрецы, написавшие Кодекс, рассказывали нам не о том, что произойдет, а о том, что должно произойти.

(0)

Официантка бочком подошла ко мне. Я впервые взглянул на нее более или менее внимательно. Темная кожа, панковская прическа, простодушное лицо. Я уже вышел из игры, но вдруг увидел вокруг ее талии этот ужасный цвет йаха, лилово-серый, как горячее олово. Какая-то брюшная боль, подумал я. Трудные роды? Нет, это я определил бы. Язва? Возможно, маточная киста. Не спрашивай у нее. Ты становишься пронизательным, Джедо, но ты не доктор.

Я заплатил. Она отчалила, вихляя бедрами.

En todos modos.

Одно мне не давало покоя. Как это Кох не знала, к чему понуждал меня Кодекс? Вернее, ей, конечно, было все известно, но почему она не сказала об этом моему двойнику?

Наверное, она хотела, чтобы мы (то есть я) сами разобрались. Поэтому она и морочила голову Джеду-2. Ничего нового. Но он-то почему тогда купился?

Правда, со мной подобные штуки частенько случались. Иногда я бываю довольно доверчивым. В особенности если в деле замешана хорошенькая молодая женщина.

Ну, так или иначе, он ничего никогда не узнает. Я имею в виду Джеда-2.

Я отхлебнул рома – остался еще глоток. Удачи ему. Сукину сыну.

Потом вытащил кошелек и оставил чаевых пятьсот процентов – какая в принципе разница? Допил кофе, сунул в рот еще одну таблетку.

Значит, паразиты? Mierditas. Ладно. Может, они не переносят алкоголь. Я прикончил ром. Откинулся на спинку стула.

Что же это так давит мне на плечи? Не иначе как... огромное чувство долга. Но оно не подавляло. Наоборот, придавало сил.

...В любом случае, как я уже говорил, решиться на столь масштабное деяние способен лишь тот, кто узнал мир и полностью отверг его. Верно? Человек, который осознает громадность того, что должно произойти, и принимает на себя всю ответственность за осуществление этого плана.

Esta bien. Нет проблем.

Средства у меня были. Воля тоже. Я испытывал отвращение и отчаяние. И самое главное, я не был от рождения стопроцентным лузером, как Мэдисон. Он бы, наверное, запорол предприятие. В Антарктиде остались бы зоны, свободные от вируса, и в конечном счете все началось бы по новой, а задумка обернулась бы пшиком. На сей раз такого не случится. Пока я на вахте – это исключено.

Да что там, я полагал, что мне все удастся без труда. Я получил послание с рекомендациями и, что еще важнее, – инструмент для реализации проекта.

Я закрыл игровое поле и встал. Наконец-то я совершенно определенно знал, что должен делать.

Глоссарий

Ахау – господин, властитель.

Ахау-на – госпожа, благородная дама.

Б'ак'тун – период в 144 000 дней, приблизительно 394,52 года.

Б'алче' – пиво из сиреневого дерева.
Б'ет-йах – пытатель, палач.
Бакаб – «мироносец», один из четырех местных ахау, подчиненный к'аломте'.
Ваах – черепаха.
Грандеза – мешочек с камушками для игры.
Йах – боль, дым боли.
К'атун – период из 7200 дней (без малого двадцать лет).
К'шик – кровный, мужчина, принадлежащий к военной общине.
К'ин – солнце, день.
Квечквемитль – треугольная мексиканская шаль.
Кох – зуб.
Кутц – американская пятнистая индейка.
Милпа – традиционное поле для выращивания кукурузы размером приблизительно 21×20 м, которое обычно выжигают.
Мул – холм; по аналогии также пирамида или вулкан.
Наком – жертвоприноситец, жрец.
Питцом – майяская игра в мяч.
Попол на – дом совета.
Сакбе – белая тропа, священная прямая дорога.
Синан – скорпион.
Таблеро – горизонтальный элемент в мексиканской пирамиде.
Талуд – наклонный элемент в мексиканской пирамиде.
Теокалли – слово на языке науатль, имеющее значение «дом бога» или «храм».
Ту'ник – жрец или дословно «кормитель».
Тун – период в 360 дней.
Тц'олк'ин – ритуальный год из 260 дней.
Тцам лик – кровавая молния, судорога под кожей.
Уай – животная сущность человека.
Уинал – период в двадцать дней.
Х'мен – календарный жрец; переводится и как «солнцескладыватель» или «хранитель дня».
Хун – один или неопределенный артикль.
Чолан – разновидность ишианского и других языков, на которой говорят в XXI веке.
Шиб'алб'а – Иной мир, в котором правят Девять Властелинов Ночи.
Шок – акула.
Юкатек – нынешний язык юкатанских майя, на разновидности которого говорили и в классический период.

Благодарности

Прежде всего мне хочется поблагодарить людей, которых я по праву могу назвать своими соавторами, – это Энтони и Барбара Д'Амато, Джули Доуги, Дженис Ким, Пруденс Райс и Дебора Шнайдер.

Среди тех, кто комментировал многочисленные черновики и помогал мне, как только возможно, упомяну Жаклин Кантор, Лизу Чау, Брайана ДеФиора, Майкла Деннени, Молли Фридрих, Мариссу Игнасио, Эрику Эмрани, Джеймса Мейера и Брайана Гарта.

Выражаю глубокую признательность Эйми Адлер, Джанин Сиринсионе, Шерил Д'Амато, Майклу Ферраро, Джонни Джеллера, Карин Гринфилд-Сэндерс, Шерри Хольман, Фрэнсис Жале-Миллер, Эллен Ким, Дайане Маккей, Биллу Мэсси, Джули Ода, Брюсу Прайсу, Дэвиду Риманелли, Ребекке Стоун-Миллер, Сюзан Шульман, Майклу Сигелу, Кэролайн Трефлер и Джоан Турчик. Они прочли как минимум один черновик и оказали мне неоценимую поддержку.

Многие люди внесли свой вклад в мою работу. Я от всей души благодарю Лори Андерсон, Стива Аронса, Джека Банковски, Эрика Бэнкса, Барбару и Кена Бауэр, Мэри Бун, Питера Ко, Анну-Марию Короминас, Пола, Эмили и Адама Д'Амато, Кристи Эннис, Стэнли Фиша, Патрика Гарлинджера, Шерри Гелден, Кэти Глисон, Джастина Гудинга, Стейси Гудмана, Венди Гудман, Тимоти Гринфилд-Сандерса, Джона Хабича, Питера Халли, Сильвию Хейзел, Брайана Хьюизенгу, Ника Джонса, Барбару и Джастина Керр, Малачи Ким-Прайс, Лили Кознер, Джона Байрона Кунера, «Сумасшедшего Пи», Джейми Макдоналда, Анету Масси, Мэри Эллен Миллер, Барбару Манди, Пабло и Шану Пастрана, Гельмута Пеша, Роберта Пинкуса-Уиттена, Марлона Квиноу, Алексиса Рокмана, Сару Роджерс, Эрика С. Розенталя, М. Д. Дитмара Шмидта, Деба Шидло, Памелу Сингх, Майкла Спертуса, Стефани Теодор, Джека Тилтона, Джейн Томпкинс, Эндрю Соломона, Брайана Ванденберга, Маршалла Вейра, «Тони Шока», «Флор Шул», Элис Янг, Эрика Циммермана и Сергея Зубка.

Уравнения в главе 20 взяты из работы «Теория относительности и “кротовые норы”» Джоакина П. Нойолы, Техасский университет в Арлингтоне, 2006, а также из работы «К обратимым “кротовым норам”» С. В. Красникова, 2008.

Также выражаю благодарность Фонду поддержки мезоамериканских исследований, rauahtun.org, Иллинойскому и Йельскому университетам. Иллюстрации воспроизведены с помощью программного обеспечения Adobe, Autodesk, Microsoft и Wacom.

И наконец, я говорю спасибо Брайану Д'Амато за все, в том числе за любые ошибки.

Избранные библиографические ссылки приводятся на сайте briandamoto.com.

www.megabook.do.am